UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 01006631 4

26

В. А. Келтуяла.

КУРСЪ
ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ПОСОБІЕ ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ.

Часть I.

Исторія древней русской литературы.

Книга вторая.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1911.

PG
2950
K4
Ch
Kn 3

LIBRARY
SEP 3 1968
UNIVERSITY OF TORONTO

Предисловіе.

„Народъ“ и подлинный творецъ древнерусской національной культуры и литературы. — Роль „народа“ въ исторіи культуры и литературы. — Происхожденіе „народнаго міровоззрѣнія“.—Культурно-идейная мощь древнерусскаго правящаго класса.

Общепринятая исходная точка зрѣнія на древнерусскую жизнь и литературу состоитъ въ томъ, что культурнымъ и идейно-литературнымъ творцомъ является нѣкоторое коллективное цѣлое, называемое „народомъ“, представляемое однороднымъ по своему составу и окрашиваемое въ демократическіе и въ то же время простонародные цвѣта, заимствованные по преимуществу изъ крестьянской среды. Этому „народу“, — учатъ насъ, — обязано своимъ происхожденіемъ устное творчество, начиная съ заговоровъ и кончая былинами и духовными стихами; даже письменныя произведенія,—доказываютъ намъ,—принадлежащія перу отдѣльныхъ лицъ, имена которыхъ извѣстны или, по крайней мѣрѣ, съ научной достовѣрностью предполагаются, — даже эти произведенія должны быть отнесены къ „народному“ творчеству: при однородности состава и единствѣ воззрѣній, которыя наблюдаются въ средѣ русскаго народа въ древнюю эпоху, отдѣльные авторы письменныхъ произведеній не могутъ быть разсматриваемы иначе, какъ органами творчества цѣлаго народа, выразителями народныхъ настроеній, стремленій, воззрѣній и идеаловъ.

Только что изложенный взглядъ царитъ въ учебныхъ пособіяхъ по исторіи литературы, гдѣ чуть не на каждой страницѣ на всѣ лады склоняется слово „народъ“. Мало того: онъ является исходнымъ пунктомъ для историковъ литературы и изслѣдователей.

Этотъ взглядъ, извѣстный подъ именемъ „народническаго“, не является результатомъ научнаго историческаго изслѣдованія: онъ сложился въ процессѣ развитія русской демократіи въ XVIII—XIX вв. Безсильная еще для того, чтобы овладѣть политической властью и преобразовать русскую общественно-политическую жизнь на буржуазныхъ началахъ, молодая русская демократія, еще не утратившая сознанія своей связи съ простымъ народомъ, создала образъ особаго „народа“, коллективнаго однороднаго цѣлаго, искони вѣковъ проникнутаго демократическими тенденціями крестьянскаго пошиба, активнаго творца государственнаго строя, культуры, литературы, поэзіи, міровоззрѣнія. Въ своей публицистикѣ и художественной литературѣ русская демократія окружала этотъ образъ цѣлымъ роемъ миѳовъ и легендъ, изображала его средоточіемъ особыхъ добродѣтелей, необыкновеннаго величія и таинственной грозной силы, ждущей толчка для своего проявленія. Въ своихъ „научныхъ“ изслѣдованіяхъ эта же демократія, соотвѣтственно созданнымъ ею миѳамъ и легендамъ, возсоздавала историческое прошлое русскаго народа и строила своеобразныя соціологическія теоріи, въ которыхъ своему образу „народа“ противопоставляла правящій классъ (нерѣдко подъ именемъ „интеллигенціи“), изображая послѣдній, какъ случайно выдѣлившуюся изъ „народа“ группу ловкихъ и хитрыхъ проныръ, сумѣвшихъ обойти „народъ“ и, до поры до времени, безнаказанно объегоривающихъ его. Въ борьбѣ съ дворянскимъ строемъ русская демократія оперировала образомъ созданнаго ею „народа“, стараясь имъ напугать правящій классъ и добиться отъ него практическихъ уступокъ...

Въ дѣйствительности, подобнаго „народа“ никогда нигдѣ

въ исторіи человѣчества не было, и русскій народъ, подобно всѣмъ другимъ народамъ земного шара, съ образомъ миѳическаго „народа“, созданнаго русской демократіей, ничего общаго не имѣетъ.

Всякій народъ, уже въ моментъ образованія государства, представляетъ изъ себя сложное цѣлое, состоящее изъ рѣзко отличающихся другъ отъ друга частей. Государственный строй въ томъ и заключается, что коллективное цѣлое, называемое народомъ, состоитъ изъ двухъ классовъ: правящаго и народной массы, называемой народомъ въ узкомъ смыслѣ слова. Эти два класса, въ свою очередь распадающіеся на отдѣльныя группы, во всѣхъ отношеніяхъ неравномѣрны другъ другу. По численности, правящій классъ ничтоженъ (онъ составляетъ около 1% всего населенія), а народная масса огромна (она образуетъ остальные 99% населенія) *). Иное отношеніе существуетъ въ распредѣленіи между обоими классами исторической силы и историческаго безсилія. Дѣйствительная историческая сила, выражающаяся въ экономическомъ и общественно-политическомъ преобладаніи, принадлежала не народной массѣ, а древнерусской аристократіи: „вячшимъ“ и „лучшимъ“ людямъ, княжеской дружинѣ, князьямъ, боярамъ и дворянамъ, митрополитамъ, епископамъ, игуменамъ, монахамъ (за немногими исключеніями, духовныя лица этихъ чиновъ, по своему происхожденію, принадлежали къ аристократіи). Древнерусская аристократія, ничтожная по количеству составлявшихъ ее лицъ, была средоточіемъ древняго общественнаго опыта, знаній, активности и иниціативы, власти и богатства. Наоборотъ, народная масса, огромная по своей численности, была средоточіемъ общественной неопытности, невѣжества, пассивности, неподвижности, безправія и бѣдности. При такомъ глубокомъ различіи между обоими классами, народной массѣ

*) Образъ могучаго и грознаго народа-творца возникъ у русской демократіи въ значительной степени благодаря этой количественной неравномѣрности.

мудрено было выступать на историческую арену въ качествѣ творца культуры, поэзіи, идей и т. д.

Кому на Руси принадлежала иниціатива принятія византійскаго христіанства, этого величайшаго въ древности культурнаго начала? Не „народу“, который никакой необходимости въ немъ не испытывалъ, а правящему классу съ княземъ во главѣ; „народъ“ же, ничтожная часть котораго была по приказанію Владимира Св. крещена въ городахъ, продолжалъ еще многіе вѣка пребывать въ томъ язычествѣ, которое создано было патріархально-родовымъ и выдѣлившимся изъ него семейнымъ бытомъ (кн. 1-ая, §§ 21—22; кн. 2-ая, § 180, примѣчаніе). Кто на почвѣ византійскаго христіанства создавалъ новыя формы жизни, монашество, отшельничество, кто создавалъ русское христіанское міровоззрѣніе, кто вырабатывалъ начало внутренняго совершенствованія, кто противопоставлялъ этому началу начало внѣшняго аскетизма, кто создавалъ обширную свѣтскую и духовную литературу? За ничтожными исключеніями, не представители „народа“, въ смыслѣ простонародія, а князья, бояре, дворяне, митрополиты, епископы, игумены, монахи.

Относительно письменныхъ произведеній не трудно убѣдиться въ томъ, что здѣсь народническія представленія о „народномъ“ творчествѣ черезчуръ противорѣчатъ исторической дѣйствительности. Въ самомъ дѣлѣ, нужна огромная доля фантазерства, чтобы, при теперешнемъ состояніи русской исторической науки, представлять митр. Иларіона, Владимира М., автора „Слова о полку Игоревѣ“, редакторовъ древнерусскихъ лѣтописей, Нила Сорскаго, Іосифа Волоцкаго, Ивана Пересвѣтова и т. д. и т. д. выразителями стремленій и идеаловъ „народа“, а не правящаго класса, и притомъ разнородныхъ группъ его.

Иное дѣло устное творчество: здѣсь точка зрѣнія „народнаго“ творчества царитъ, не вызывая никакого протеста даже и тамъ, гдѣ его можно было бы ожидать. Между тѣмъ и

относительно устнаго творчества необходимо имѣть въ виду, что опять, за нѣкоторыми исключеніями, оно большею частью обязано своимъ происхожденіемъ не „народу“.

Главный видъ устнаго творчества, былевой эпосъ, сложился не въ избахъ мужиковъ, какъ полагаютъ лица, находящіяся подъ властью народнической миѳологіи, а за княжескимъ пиршественнымъ столомъ, въ средѣ „бояновъ“, особаго класса профессіональныхъ пѣвцовъ-поэтовъ, выдѣлившихся изъ древнерусской аристократіи (кн. 1-ая, §§ 164—175) *). Другой важный видъ устнаго творчества, духовные стихи, былъ созданъ не убогими странниками-каликами, а образованными духовными и свѣтскими лицами изъ высшаго класса (кн. 2-ая, § 180). Заговоры? Праздничныя пѣсни? Эти произведенія сложились еще въ патріархально-родовую эпоху. Кто создавалъ ихъ? Патріархально-родовыя общества состояли изъ старѣйшинъ, которымъ принадлежала свѣтско-духовная власть, и изъ подчиненнаго имъ „народа“. Кто занимался организаціей отношеній къ богамъ и, слѣдовательно, устанавливалъ праздники, вырабатывалъ обряды, создавалъ словесныя формулы—заговоры, гимны, пѣсни? Странно было бы, если бы руководящая роль принадлежала руководимой неопытной массѣ. Для чего же въ такомъ случаѣ этой массѣ нужны были старѣйшины? Свадебныя пѣсни? Первоначально онѣ сложились въ кругу женъ старѣйшинъ,

---

*) „Нашъ былевой эпосъ представляется мнѣ грандіозной развалиной, обширнымъ многовѣковымъ сооруженіемъ, полнымъ таинственныхъ ходовъ и переходовъ, съ пристройками и надстройками отъ разныхъ временъ. Въ этомъ зданіи жили нѣкогда князья, пристраивая къ нему терема и вышки, украшая его византійской мусіей и восточными коврами. Въ свое время пограбили въ немъ половцы и татары; въ свое время проживали въ немъ московскіе бояре, ночевали казаки, и, наконецъ, въ кое-какихъ еще обитаемыхъ закутахъ устроился неприхотливый олонецкій крестьянинъ“. (*Вс. Миллеръ*. Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса. М. 1892. Стр. VI). Эти слова, сказанныя Вс. Миллеромъ лѣтъ 20 тому назадъ, могли бы послужить исходнымъ пунктомъ для установленія подлиннаго творца былевого эпоса. Но въ атмосферѣ народнической миѳологіи они погибли, и творцомъ былинъ упорно считается „народъ“, представляемый въ образѣ не то брынскихъ, не то олонецкихъ мужиковъ...

тѣхъ женъ, которыя добывались съ бою, или были похищаемы. Сказки? Уже дѣйствующія лица, изображаемыя въ сказкахъ — цари, царевичи, царевны, короли, королевичи, королевны — и роскошная обстановка, среди которой они дѣйствуютъ, показываютъ, что и этотъ родъ произведеній сложился въ аристократической средѣ, а не въ „народной". И т. д.: всѣ роды и виды устнаго творчества зародились не въ народной массѣ, а въ ея верхахъ. На этомъ основаніи я въ своемъ „Курсѣ" избѣгаю выраженій „народная словесность", „народная поэзія", „народное творчество": эти термины внушаютъ мысль о существованіи какого-то таинственнаго, чуть не сверхъестественнаго, коллективнаго творчества, создаютъ ложное убѣжденіе въ томъ, что устныя произведенія созданы „народомъ", въ смыслѣ простонародія, крестьянами, мужиками *). Вмѣсто этихъ выраженій я предпочитаю употреблять такія, какъ „устное творчество", „устная поэзія", „творчество профессіональныхъ пѣвцовъ-поэтовъ" и т. д.

Итакъ, подлиннымъ творцомъ древнерусской національной культуры, древнерусской литературы и древнерусскаго міровоззрѣнія былъ не „народъ", представляемый въ демократическихъ и простонародныхъ или крестьянскихъ очертаніяхъ, а небольшая часть народа, именно его высшій, правящій классъ.

Что же дѣлалъ въ допетровское время „народъ", въ смыслѣ низшихъ классовъ населенія? А вотъ что.

Во-первыхъ, онъ велъ подъ начальствомъ своей аристократіи тяжелую трудовую жизнь, содержалъ себя и аристократію. Продолжительный трудъ поглощалъ весь досугъ смерда, чернаго человѣка, холопа и т. д., и имъ было не до культур-

*) Насколько сильно это убѣжденіе, доказывается появленіемъ книгъ, имѣющихъ заглавіе „Народная словесность" и представляющихъ древнерусскія устныя произведенія аристократическаго происхожденія произведеніями мужицкаго творчества. Если такія книги сопровождаются иллюстраціями, то въ нихъ вы найдете большею частью изображенія крестьянъ и крестьянокъ, ихъ домовъ и т. д.—результатъ указаннаго убѣжденія.

наго или идейно-литературнаго творчества: смердъ, черный человѣкъ, холопъ и т. д. довольствовались тѣми культурными традиціями и формами устныхъ произведеній, которыя были усвоены ихъ предками въ патріархально-родовую эпоху, и въ эти традиціи и формы они медленно и съ великимъ трудомъ вливали новое содержаніе, простонародно-демократическаго характера. Къ XVIII в. это новое содержаніе пріобрѣтаетъ довольно рѣзкій оттѣнокъ: въ сказкахъ, пѣсняхъ, пословицахъ простой народъ разрабатываетъ, главнымъ образомъ, проблемы о богатствѣ и бѣдности, о долѣ и судьбинѣ.

Во-вторыхъ, небольшая часть простонародія, главнымъ образомъ, городская, наиболѣе тѣсно соприкасавшаяся съ аристократіей, образуетъ въ лицѣ по преимуществу нѣкоторыхъ діаконовъ и священниковъ свою интеллигенцію, которая воспринимаетъ міровоззрѣніе, созданное аристократіей, и подвергаетъ его переработкѣ на демократическихъ началахъ: создается рядъ міровоззрѣній, получившихъ названіе ересей стригольнической и жидовствующихъ. Наиболѣе послѣдовательно отношеніе простонародной интеллигенціи къ формамъ жизни и міровоззрѣнію, выработаннымъ древнерусской аристократіей, выразилось въ ученіи холопа Ѳеодосія Косого. Между простонародной интеллигенціей и народной массой, по существу, проникнутой еще язычествомъ, не было ни внѣшней ни внутренней связи, и потому жестокія репрессіи, обрушившіяся на стригольниковъ и жидовствующихъ, не вызвали въ массѣ никакого движенія въ ихъ пользу. Тѣмъ не менѣе, идеи, выработанныя простонародной интеллигенціей, попали въ народную массу и стали въ ней медленно распространяться.

Въ-третьихъ, древнерусское правительство нѣкоторыми своими мѣропріятіями дало сильный толчокъ къ распространенію продуктовъ аристократическаго идейно-литературнаго творчества въ народной массѣ.

1) *Первымъ* такимъ толчкомъ было гоненіе, предпринятое правительствомъ на профессіональныхъ пѣвцовъ-поэтовъ, из-

вѣстныхъ подъ именемъ скомороховъ. Это гоненіе, заставившее скомороховъ броситься на дальнія окраины Московскаго государства, въ крестьянскую среду, повело къ тому, что при дворахъ московскаго царя, московскихъ бояръ и купцовъ исчезаетъ пѣніе былинъ (историческихъ пѣсенъ); былины (историческія пѣсни) заносятся въ крестьянскую среду и здѣсь подвергаются вліянію простонародной крестьянской стихіи. На этой стадіи своей исторической жизни большинство былинъ записывается любителями и изслѣдователями, и эта стадія, простонародно-крестьянская, въ эпоху развитія у насъ демократическихъ стремленій, становится основаніемъ для объявленія устнаго творчества „народнымъ" и объясненія его въ народническомъ духѣ. Подлинный творецъ былинъ не подозрѣвается въ это время *).

2) *Вторымъ* толчкомъ было другое гоненіе, предпринятое правительствомъ противъ національнаго московскаго міровоззрѣнія, которое создавалось съ конца XV в. до 80-хъ гг. XVI в. правительственной дворянской партіей, іосифлянами. Это міровоззрѣніе въ Смутную эпоху потерпѣло крушеніе, и въ правящемъ классѣ зарождается грекофильство въ связи съ симпатіей къ южно-русскому просвѣщенію. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича нѣкоторыя стороны русской церкви реформируются при помощи южно-русскихъ ученыхъ и греческихъ іерарховъ на новогреческій ладъ. Іосифлянское міровоззрѣніе объявляется противоправительственнымъ. Его приверженцы, которыми къ половинѣ XVII в. стали нѣкоторые посадскіе и сельскіе священники, подвергаются преслѣдованіямъ и, подобно скоморохамъ, бѣгутъ въ глухія мѣста, въ простонародную среду, куда заносятъ іосифлянство и іосифлянскую литературу. Эта послѣдняя стадія въ исторіи іосифлянства, извѣстная подъ именемъ „раскола", была понята и

*) Тотъ же историческій процессъ, но въ значительно болѣе смягченномъ видѣ, происходитъ съ духовными стихами и другими видами устнаго творчества.

истолкована, какъ общее состояніе всего русскаго народа до реформы Никона. Подлинный творецъ іосифлянства былъ забытъ.

Такъ создался образъ русскаго „народа“, творца національной культуры, національной литературы, національной поэзіи, національнаго міровоззрѣнія. „Народъ“, въ смыслѣ простонародной массы, выступилъ передъ глазами изслѣдователей и публицистовъ съ культурными и идейными чертами далекаго прошлаго и былъ принятъ за творца всѣхъ тѣхъ культурныхъ явленій и продуктовъ идейно-литературнаго творчества, которые были найдены въ его средѣ...

Въ томъ, что значительная часть народной массы усвоила обломки древнерусской аристократической культуры и созданнаго ею міровоззрѣнія, нельзя не видѣть исторической силы послѣдней. Въ то же время современное общераспространенное признаніе этихъ обломковъ за продукты творчества „народа“ представляетъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ фактовъ въ исторіи русской литературы, публицистики и науки XVIII — XX вв.: въ немъ проявляется изумительная культурно-идейная мощь древнерусскаго правящаго класса, не прекратившаяся и къ началу XX в...

Точка зрѣнія, изложенная на предыдущихъ страницахъ, выработалась у меня постепенно. Когда я составлялъ 1-ую кн. „Курса“, она у меня только намѣчалась. Этимъ объясняются въ ней нѣкоторые слѣды народнической миѳологіи. Такъ, я признаю еще въ ней устную лирику, сказки, пословицы продуктами несуществовавшаго коллективнаго, общенароднаго творчества.

Сожалѣю, что мнѣ не пришлось воспользоваться блестящими обобщеніями изъ „Русской исторіи“ М. Н. Покровскаго, особенно освѣщеніемъ роли, которую играла московская

буржуазія: М. Н. Покровскому удалось показать, что эта роль была несравненно болѣе яркой, нежели предполагали предшествующіе историки и изслѣдователи. Между прочимъ, интересы московской буржуазіи едва ли не имѣли рѣшающаго значенія въ исторіи паденія Новгорода.

В. Келтуяла.

Neuvola.
26 іюля 1911 г.

PS. Лицъ, желающихъ сдѣлать по поводу „Курса“ какіе-либо запросы или замѣчанія, прошу обращаться письменно на имя Вас. Ѳ. Келтуялы по слѣд. адресу:

Спб. Книжный складъ М. М. Стасюлевича. В. О. 5 л., д. 28. Лѣтомъ, между 21 мая и 21 августа: Мустамяки, Финл. ж. д. Неувола.

Оглавленіе.

Книга вторая.

§§		СТРАН.
1—213.	ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ. Эпоха удѣльнаго литературнаго творчества	3—538
1.	Объ эпохѣ удѣльнаго литературнаго творчества	3— 3
2— 43.	**Удѣльная Русь**	3—103
2.	Объ Удѣльной Руси	3— 3
3— 20.	Глава первая. **Новгородско-Псковская Русь**	4— 59
3.	Новгородъ и его территорія	4— 6
4.	Населеніе	6— 7
5.	Общественный трудъ	7— 11
6.	Техника общественнаго труда	11— 13
7.	Историческія условія, содѣйствовавшія развитію особенностей Новгородско-Псковской Руси	13— 15
8.	Общественные классы-сословія въ Новгородско-Псковской Руси	15— 15
9.	Бояре	15— 17
10.	Житьи люди и купцы	18— 19
11.	Черные люди	19— 23
12.	Полусвободный и несвободный классы населенія	23— 24
13.	Духовенство	24— 33
14.	Положеніе женщины	33— 34
15.	Политическій строй Новгородско-Псковской Руси	34— 40
16	Борьба партій въ Новгородѣ	40— 47
17.	Промышленно-военные походы боярства	47— 51
18.	Псковъ	52— 54
19.	Просвѣщеніе въ Новгородско-Псковской Руси	54— 57
20.	Паденіе Новгородско-Псковской Руси	57— 59
	Библіографія	59— 59
21— 42.	Глава вторая. **Окско-Волжская Русь**	60—103
21.	Окско-Волжская Русь, ея территорія, природа и населеніе	60— 61
22.	Окско-Волжская Русь до половины XIII в.	61— 63
23.	Общественный трудъ въ Окско-Волжской Руси	63— 66
24.	Техника общественнаго труда	66— 67
25.	Окско-Волжская Русь отъ половины XIII в. до XVI в.	67— 68
26.	Земледѣліе, какъ новое творческое начало	68— 70
27.	Развитіе вотчино-феодальнаго государства	70— 74
28.	Общественные классы въ Окско-Волжской Руси	74— 74

§§ СТРАН.

29. Бояре и вольные слуги . . . . . 74— 78
30. Дворянство . . . . . 78— 79
31. Купцы-гости . . . . . 79— 79
32. Черные люди . . . . . 79— 81
33. Полусвободный и несвободный классы населенія . . 81— 82
34. Духовенство . . . . . 82— 86
35. Положеніе женщины . . . . . 86— 87
36. Политическій строй Окско-Волжской Руси . . . . 87— 91
37. Московская Русь и ея развитіе . . . . . 91— 98
38. Просвѣщеніе въ Окско-Волжской Руси . . . . . 98— 99
39. Просвѣщеніе въ Москвѣ и болгаро-сербское вліяніе . 100—101
40. Флорентійская унія. . . . . 101—103
41. Начало западно-европейскаго вліянія . . . . . 103—103
42. Новгородско-псковское вліяніе . . . . . 103—103
Библіографія . . . . . 103—103
43. Литература второго періода и ея дѣленіе. . . . . 103—104

44— 49. ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ. **Литературныя отраженія татарскаго нашествія** . . . . . 104—111
44. О литературныхъ отраженіяхъ татарскаго нашествія . 104—105
45. Сказаніе о битвѣ при Калкѣ . . . . . 105—106
46. Преданіе о рязанской княгинѣ Евпраксіи . . . . 106—106
47. Сказаніе о рязанскомъ дружинникѣ Евпатіи Коловратѣ 106—106
48. Сказаніе о св. Меркуріи Смоленскомъ . . . . . 106—111
49. Повѣсть объ убіеніи злочестиваго царя Батыя . . . 111—111

50—104. ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ. **Новгородско-псковская литература** . . . . . 111—221
50. Древнѣйшія преданія о Новгородѣ и ихъ смыслъ . . 111—114
51. Новгородско-псковская литература. . . . . 114—114

52— 94. Глава первая. **Новгородское литературное творчество** . . . . . 114—202
52. О новгородскомъ литературномъ творчествѣ. . . . 114—114

53— 71. **Новгородское устное творчество** . . . . . 114—164
53. Новгородское устное творчество . . . . . 114—114

54— 61. **Чисто новгородскія старины-былины** . . . . . 115—144
54. Чисто новгородскія старины-былины . . . . . 115—115

55— 58. **Василій Буслаевичъ** . . . . . 115—132
55. Старины-былины о Василіи Буслаевичѣ . . . . . 115—120
56. Комментаріи къ старинамъ-былинамъ о Василіи Буслаевичѣ . . . . . 120—128
57. Василій Буслаевичъ, какъ типъ новгородскаго боярина XIV в. . . . . 128—130
58. Василій Буслаевичъ и Робертъ Дьяволъ . . . . . 130—132

59— 60. **Садко богатый гость** . . . . . 132—141
59. Старины-былины о Садкѣ богатомъ гостѣ . . . . 132—137
60. Комментаріи къ старинамъ-былинамъ о Садкѣ . . . 137—141

61— 61. **Гость Терентьище**. . . . . 142—144
61. Старины-былины о гостѣ Терентьищѣ. . . . . 142—144

63— 71. **Новгородскія старины-былины кіевскаго цикла** . 144—164
62. Новгородскія старины-былины кіевскаго цикла . . . 144—144

63— 64. **Ставръ Годиновичъ** . . . . . 144—149
63. Старины-былины о Ставрѣ Годиновичѣ . . . . . 144—147
64. Комментаріи къ старинамъ о Ставрѣ Годиновичѣ . . 147—149

65— 66. **Соловей Будимировичъ** . . . . . 150—155
65. Старины о Соловьѣ Будимировичѣ. . . . . 150—152
66. Комментаріи къ старинамъ о Соловьѣ Будимировичѣ. 152—155

67— 68. **Хотѣнъ Блудовичъ**. . . . . 155—158
67. Старины о Хотѣнѣ Блудовичѣ . . . . . 155—157
68. Комментаріи къ старинамъ о Хотѣнѣ Блудовичѣ . . 157—158

§§ СТРАН.
67— 70. **Иванъ Гостиный сынъ** . . . . . 159—162
69. Старины объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ . . . . . 159—160
70. Комментаріи къ старинамъ объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ 160—162
71— 71. **Василій Окульевичъ** . . . . . 162—164
71. Старины о Василіи Окульевичѣ . . . . . 162—164
72— 93. **Новгородская письменность** . . . . . 164—201
72. Дѣленіе новгородской письменности . . . . . 164—164
73— 73. **Новгородскія лѣтописи** . . . . . 164—165
73. О новгородскихъ лѣтописяхъ . . . . . 164—165
74— 74. **„Бесѣда о святыняхъ Царьграда“** . . . . . 166—170
74. „Бесѣда о святыняхъ Царьграда“ . . . . . 166—170
75— 75. **„Посланіе арх. Василія“** . . . . . 170—173
75. Посланіе архіепископа Василія . . . . . 170—173
76— 76. **„Странникъ“ Стефана Новгородца** . . . . . 173—176
76. „Странникъ“ Стефана Новгородца . . . . . 173—176
77— 93. **Сказанія и житія** . . . . . 176—201
77. Новгородскія сказанія и житія . . . . . 176—177
78. Дѣятельность Евѳимія II . . . . . 177—178
79. Дѣятельность Іоны . . . . . 179—181
80. Дѣленіе новгородскихъ сказаній и житій . . . . . 181—181
81— 83. **Сказанія о прошломъ** . . . . . 181—189
81. Новгородскія сказанія о прошломъ . . . . . 181—181
82. Сказанія объ Ильѣ-Іоаннѣ . . . . . 182—188
83. Сказаніе объ архіепископѣ Моисеѣ . . . . . 188—189
84— 89. **Сказанія, предсказывающія судьбу Новгорода** . . . . . 189—196
84. Предсказанія о судьбѣ Новгорода . . . . . 189—190
85. Преданіе объ иконѣ Спасителя въ св. Софіи. . . . 190—190
86. Знаменія, предвѣщающія конецъ Новгорода . . . . 190—190
87. Сказаніе о Михаилѣ Клопскомъ . . . . . 190—192
88. Пророчество и видѣнія преп. Зосимы . . . . . 192—193
89. Сказанія о Варлаамѣ Хутынскомъ . . . . . 193—196
90— 93. **Новгородъ, какъ преемникъ Рима и Византіи** . . . . . 196—201
90. Сказанія о преемственной связи между Римомъ, Византіей и Новгородомъ. . . . . 196—196
91. Новгородское дополненіе къ „Сказанію о бѣломъ клобукѣ“ . . . . . 196—197
92. Сказаніе объ иконѣ Тихвинской Божіей матери . . 197—198
93. Житіе Антонія Римлянина . . . . . 199—201
94. Общій взглядъ на новгородское литературное творчество . . . . . 201—202
95—104. Глава вторая. **Псковское идейно-литературное творчество** . . . . . 202—221
95. Псковское идейно-литературное творчество . . . . 202—202
96— 99. **Псковскія сказанія** . . . . . 202—206
96. Псковскія сказанія. . . . . 202—202
97. Сказаніе о св. Троицѣ. . . . . 202—203
98. Сказаніе о князѣ Всеволодѣ. . . . . 203—205
99. Сказаніе о князѣ Довмонтѣ . . . . . 205—206
100—102. **Идейно-религіозныя движенія во Псковѣ** . . . . . 206—219
100. Идейно религіозныя движенія во Псковѣ . . . . . 206—206
101. Стригольничество . . . . . 206—211
102. Споры о пресвятой аллилуіи . . . . . 211—219
103—103. **Сказаніе о Псковскомъ взятіи** . . . . . 219—221
103. Сказаніе о Псковскомъ взятіи . . . . . 219—221
104. Общій взглядъ на псковское идейно-литературное творчество . . . . . 221—221
105—170. ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ. **Окско-волжская литература** . . 221—368
105. Окско-волжское литературное творчество. . . . . 221—222

§§ СТРАН.
106—111. Глава первая. **Владимирская литература** . . 222—241
106. Владимирская литература. . . . . 222—222
107. Житіе св. Александра Невскаго . . . . . 222—228
108. „Правило“ Кирилла III, митрополита русскаго . . . 228—230
109. Поученія св. Серапіона, епископа Владимирскаго . . 230—236
110. Комментаріи къ поученіямъ Серапіона . . . . . 236—240
111. Общій взглядъ на владимирскую литературу. . . . 240—241
112—118. Глава вторая. **Ростово-суздальское творчество**. 241—253
112. О ростово-суздальскомъ творчествѣ . . . . . 241—241
113. Сказанія о ростовскихъ святыхъ . . . . . 241—244
114. Сказаніе объ ордынскомъ царевичѣ Петрѣ . . . . 244—249
115. Путешествіе митрополита Исидора въ Италію . . . 249—252
116. „Исхожденіе“ Авраамія Суздальскаго . . . . . 252—252
117. „Лаврентьевскій сводъ“ . . . . . 252—252
118. Общій взглядъ на ростово-суздальское творчество . . 252—253
119—130. Глава третья. **Тверское творчество** . . . . 253—283
119. Тверское княжество . . . . . 253—254
120. Тверское литературное творчество . . . . . 254—254
121. „Наказаніе“ Симеона о бесѣдѣ съ княземъ Константиномъ. . . . . 254—255
122. „Посланіе“ монаха Акиндина . . . . . 255—258
123. „Повѣсть объ убіеніи князя Михаила“ . . . . . 258—265
124. Комментаріи къ „Повѣсти объ убіеніи кн. Михаила“ . 265—266
125. Старина о Щелканѣ Дудентьевичѣ. . . . . 266—267
126. Комментаріи къ старинѣ о Щелканѣ Дудентьевичѣ . 267—270
127. Инока Ѳомы „Слово похвальное“ . . . . . 270—272
128. „Хожденіе“ Аѳанасія Никитина. . . . . 272—281
129. Комментаріи къ „Хожденію“ Никитина . . . . . 281—282
130. Общій взглядъ на тверское идейно-литературное творчество . . . . . 282—283
131—142. Глава четвертая. **Муромо-рязанское творчество**. 283—305
131. Муромо-Рязанская область и ея литература. . . . 283—283
132. Старина объ Авдотьѣ-Рязаночкѣ . . . . . 284—285
133. Комментаріи къ старинѣ объ Авдотьѣ-Рязаночкѣ . . 285—287
134. Сказаніе о житіи и чудесахъ муромскаго князя Константина . . . . . 287—289
135. Повѣсть о Петрѣ и Февроніи . . . . . 289—295
136. Комментаріи къ повѣсти о Петрѣ и Февроніи . . . 295—296
137. Сказаніе объ обновленіи града Мурома . . . . 296—297
138. Сказаніе о явленіи Унженскаго креста . . . . . 297—300
139. Комментаріи къ сказанію о явленіи Унженскаго креста . . . . . 300—301
140. Повѣсть объ Юліаніи Лазаревской . . . . . 301—304
141. Комментаріи къ повѣсти объ Юліаніи Лазаревской . 304—305
142. Общій взглядъ на муромо-рязанское творчество. . . 305—305
143—144. Глава пятая. **Смоленское творчество** . . . . 305—307
143. О смоленскомъ творчествѣ . . . . . 305—305
144. „Хожденіе“ архимандрита Агреѳенія . . . . . 305—307
145—170. Глава шестая. **Московское творчество** . . . 307—368
145. О московскомъ творчествѣ . . . . . 307—307
146. Преданія о началѣ Москвы . . . . . 307—309
147. Митрополитъ Петръ . . . . . 309—311
148. Митрополитъ Алексѣй. . . . . 311—312
149—150. **Митрополитъ Кипріанъ**. . . . . 312—316
149. Митрополитъ Кипріанъ . . . . . 312—313
150. Дѣятельность и труды Кипріана . . . . . 314—316
151—152. **Епифаній Премудрый** . . . . . 317—331
151. Епифаній Премудрый . . . . . 317—317
152. Труды Епифанія Премудраго. . . . . 317—331

§§ СТРАН.

1) Житіе св. Стефана Пермскаго . . . . . 317—324
2) Житіе пр. Сергія Радонежскаго . . . . . 324—331
153—153. **Кириллъ Бѣлозерскій** . . . . . 331—333
153. Кириллъ Бѣлозерскій и его труды . . . . . 331—333
154. „Кесносъ“ Зосимы . . . . . 333—334
155—155. **Митрополитъ Фотій** . . . . . 337—337
155. Митрополитъ Фотій . . . . . 334—337
156—161. **Сказанія о борьбѣ Москвы съ татарами** . . . . . 337—335
156. Сказанія о борьбѣ Москвы съ татарами . . . . . 337—337
157. Лѣтописная повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ . . . . . 337—338
158. „Повѣданіе“ Софоніи . . . . . 338—341
159. Сказаніе о побоищѣ Дмитрія Донского . . . . . 341—343
160. Сказаніе о нашествіи на Москву Тохтамыша . . . . 343—344
161. Сказаніе о Темиръ-Аксакѣ . . . . . 344—345
162—162. **Іеромонахъ Симеонъ** . . . . . 345—352
162. Труды іеромонаха Симеона . . . . . 345—352
1) „Исидоровъ соборъ и хожденіе его“ . . . . 346—351
2) Путешествіе Симеона Суздальскаго въ Италію. 351—352
163. Повѣсть о созданіи и взятіи Царьграда . . . . . 352—354
164. Дополненіе къ „Сказанію о Вавилонскомъ царствѣ“ . 354—354
165—166. **Пахомій Логоѳетъ** . . . . . 354—364
165. Пахомій Логоѳетъ . . . . . 354—355
166. Труды Пахомія Логоѳета . . . . . 355—364
1) Житія святыхъ . . . . . 355—360
а) Житіе пр. Сергія Радонежскаго . . . . 355—356
б) Житіе св. Кирилла Бѣлозерскаго. . . . . 356—360
2) Хронографъ . . . . . 360—361
3) „Слово избрано отъ св. писаній, еже на латыню“ . . . . . 361—362
4) „Сказаніе о князехъ Владимирскихъ“ . . . 362—364
5) „Степенная книга“ . . . . . 364—364
167. Посланія Геронтія и Вассіана къ Ивану III. . . . 364—365
168. Сказаніе о мутьянскомъ воеводѣ Дракулѣ . . . . 365—367
169. Московскія лѣтописи . . . . . 367—367
170. Общій взглядъ на московское творчество. . . . . 367—368

171—212. ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ. **Церковное творчество.** . . 368—526
171. Церковное творчество. . . . . 368—368
172—178. Глава первая. **Письменное церковное творчество.** 368—445
172. О письменномъ церковномъ творчествѣ . . . . . 368—368
173. Развитіе окско-волжскаго монашества . . . . . 368—368
174. Внутренно-аскетическое направленіе . . . . . 368—393
1) Сергій Радонежскій. . . . . 371—372
2) Кириллъ Бѣлозерскій . . . . . 372—372
3) Нилъ Сорскій. . . . . 372—386
4) Иннокентій Комельскій. . . . . 387—393
175. Внѣшне-аскетическое направленіе . . . . . 393—412
1) Пафнутій Боровскій. . . . . 395—398
2) Іосифъ Саниинъ Волоцкій . . . . . 398—412
176. Житія святыхъ . . . . . 412—437
1) Житія, составленныя въ средѣ заволжскихъ старцевъ . . . . . 413—425
а) Житіе Дмитрія Прилуцкаго . . . . . 413—415
б) Житіе Діонисія Глушицкаго. . . . . 415—420
в) Житіе Григорія Пельшемскаго . . . . . 420—422
г) Житіе Павла Обнорскаго . . . . . 422—425
2) Житія, составленныя въ средѣ іосифлянъ . . 425—437
а) Записка Иннокентія о послѣднихъ дняхъ Пафнутія Боровскаго . . . . . 426—423

§§ СТРАН.
б) Житіе преп. Пафнутія Боровскаго . . . 432—437
177. Соловецкій патерикъ . . . . . 437—444
178. Митрополичьи лѣтописные своды . . . . . 444—445
179—212. Глава вторая. **Устное церковное творчество**. . 445—526
179. Объ устномъ церковномъ творчествѣ . . . . . 445—445
180. Духовные стихи, ихъ происхожденіе и судьба . . . 445—452
181. Дѣленіе духовныхъ стиховъ . . . . . 452—453
182—185. **Стихи о каличествѣ** . . . . . 453—457
182. Стихи о каличествѣ . . . . . 453—453
183. „Сорокъ каликъ съ каликою“ . . . . . 453—454
184. Комментаріи къ стиху „Сорокъ каликъ съ каликою“ . 454—456
185. „О Вознесеніи Христовѣ“. . . . . 456—547
186—190. **Стихи о ветхозавѣтныхъ лицахъ**. . . . . 457—473
186. Стихи о ветхозавѣтныхъ лицахъ . . . . . 457—457
187. „Плачъ Адама“ . . . . . 457—458
188. „Объ Іосифѣ Прекрасномъ“ . . . . . 458—459
189. Стихи „О Голубиной книгѣ“ . . . . . 459—461
190. Комментаріи къ стиху „О Голубиной книгѣ“. . . . 461—473
191—199. **Стихи на новозавѣтныя темы**. . . . . 473—495
191. Стихи на новозавѣтныя темы . . . . . 473—474
192. „Объ Аллилуевой женѣ“ . . . . . 474—476
193. Стихи о страстяхъ Христовыхъ . . . . . 476—476
194. „Сонъ Богородицы“ . . . . . 476—479
195. „О богатомъ и Лазарѣ“ . . . . . 479—480
196. Комментаріи къ стиху „О богатомъ и Лазарѣ . . . 480—486
197. Стихи о разставаніи и прощаніи души съ тѣломъ . . 486—490
198. „Объ Аникѣ-воинѣ“ . . . . . 490—492
199. Стихи о кончинѣ міра, страшномъ судѣ и загробной жизни . . . . . 492—495
200—202. **Стихи на праздники и особые дни** . . . . . 495—496
200. Стихи на праздники и особые дни. . . . . 495—495
201. „О Недѣлѣ-Воскресеньѣ“ . . . . . 495—496
202. „О пятницѣ“. . . . . 495—496
203—212. **Стихи о святыхъ** . . . . . 496—526
203. Стихи о святыхъ . . . . . 496—497
204. О Василіи Великомъ . . . . . 497—497
205. Объ Іоасафѣ-царевичѣ . . . . . 498—499
206. „Объ Алексѣѣ, человѣкѣ Божіемъ . . . . . 499—502
207. „О Дмитріи Солунскомъ. . . . . 502—505
208. „Объ Егоріи Храбромъ“ . . . . . 506—509
209. Комментаріи къ стиху объ Егоріи Храбромъ . . . 509—519
210. О Ѳеодорѣ Тиронѣ. . . . . 520—524
211. О святителѣ Николаѣ . . . . . 524—526
212. О Кирикѣ и Улитѣ. . . . . 526—526
213. Общій взглядъ на литературное творчество второго періода . . . . . 526—529
Библіографія . . . . . 529—538
214—275. ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ. **Эпоха Московской культуры**. . . . . 539—741
214. Эпоха Московской культуры . . . . . 539—539
215. Зарожденіе денежнаго хозяйства и послѣдствія этого. 539—541
216. Зарожденіе денежнаго хозяйства въ Московской Руси. 541—542
217. Общественный строй Московской Руси . . . . . 542—544
218. Общественно-политическое развитіе Московской Руси. 544—548
219. Войны Московской Руси и усиленіе западно-европейскаго вліянія . . . . . 549—550
220. Ночь съ 24-го на 25-ое марта 1492 г. . . . . 550—554
221—275. **Идейно-литературное творчество Московской Руси**. 554—741
221. Идейно-литературное творчество Московской Руси. . 554—554

§§ СТРАН.

222—265. ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ. **Выработка національнаго Московскаго міровоззрѣнія** . . . . . 554—728
222. Выработка національнаго московскаго міровоззрѣнія . 554—555
223—224. **Ересь жидовствующихъ и борьба съ нею** . . . . . 555—578
223. Ересь жидовствующихъ и борьба съ нею . . . . . 555—577
224. Дѣятельность св. Геннадія, арх. Новгородскаго. . . 577—578
225—228. **Заволжскіе старцы и іосифляне**. . . . . 579—604
225. Вассіанъ Патрикѣевъ . . . . . 579—582
226. Пр. Максимъ Грекъ. . . . . 582—594
227. Митр. Даніилъ . . . . . 594—601
228. „Письмо о нелюбкахъ“ . . . . . 601—604
229—229. **Теорія третьяго Рима**. . . . . 605—607
229. Старецъ Филоѳей и теорія третьяго Рима. . . . . 605—607
230—231. **Теорія самодержавно-бюрократическаго государства на военной основѣ** . . . . . 607—621
230. Иванъ Пересвѣтовъ и его сочиненія . . . . . 607—614
231. Комментаріи къ сочиненіямъ Пересвѣтова . . . . 614—621
232. „Повѣсть нѣкоего боголюбиваго мужа“. . . . . 621—624
233—243. **Консервативно-идейное теченіе** . . . . . 624—656
233. Консервативно-идейное теченіе . . . . . 624—624
234. Митр. Макарій . . . . . 624—625
235. „Стоглавъ“ . . . . . 625—633
236. Литературная дѣятельность Макарія . . . . . 633—634
237. Сильвестръ . . . . . 634—635
238. „Домострой“ . . . . . 634—638
239. Комментаріи къ „Домострою“ . . . . . 638—640
240. „Посланіе и наказаніе отъ отца къ сыну“ . . . . 640—640
241. „Азбуковникъ“ . . . . . 640—644
242. Ермолай Прегрѣшный . . . . . 644—649
243. „Сказаніе о кѣевскихъ богатырехъ“ . . . . . 649—656
244. Житія Макарьевскаго времени . . . . . 656—677
1) Житія, обработанныя въ средѣ заволжскихъ старцевъ . . . . . 656—661
а) Житіе Ѳерапонта. . . . . 656—657
б) Житіе Мартиніана . . . . . 657—659
в) Житіе Іоасафа . . . . . 659—661
2) Житія, обработанныя въ средѣ іосифлянъ . . 661—677
а) „Волоколамскій патерикъ“. . . . . 661—669
б) Житіе митр. Іоны . . . . . 669—670
в) Житія Іосифа Волоцкаго . . . . . 670—673
г) Житіе Кассіана Босого. . . . . 673—674
д) Житіе старца Фотія. . . . . 674—674
е) Житіе Даніила Переяславскаго . . . . 674—677
245—248. **Старецъ Артемій и ереси Башкина и Косого** . . . . . 677—695
245. Кружокъ заволжцевъ въ половинѣ XVI в. . . . . 677—677
246. Старецъ Артемій и ереси Башкина и Косого . . . 677—690
247. „Истины показаніе“ . . . . . 690—691
248. „Посланіе многословное“ . . . . . 691—695
249—255. **Борьба за самодержавіе и противъ него** . . . . . 695—706
249. Борьба за самодержавіе и противъ него“. . . . . 695—695
250. „Бесѣда валаамскихъ чудотворцевъ. . . . . 695—697
251. Сочиненія Ивана Грознаго и князя Андрея Курбскаго 697—697
252. Переписка Курбскаго съ Грознымъ . . . . . 697—700
253. Посланіе игумену Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря . 700—702
254. „Исторія князя великаго Московскаго“ . . . . . 702—704
255. „Комментаріи къ сочиненіямъ Курбскаго и Грознаго . 704—706
256—262. **Старины объ Иванѣ Грозномъ** . . . . . 707—712
256. Старины объ Иванѣ Грозномъ . . . . . 707—707
257. Взятіе Казани . . . . . 707—708

§§ СТРАН.
258. Покореніе Сибири . . . . . 708—709
259. Женитьба Грознаго на Марьѣ Темрюковнѣ . . . . 709—709
260. Набѣгъ крымскихъ татаръ . . . . . 709—710
261. Гнѣвъ Грознаго на сына . . . . . 710—711
262. Эпоха Грознаго и его личность въ старинахъ . . . 711—712
263. Житія послѣ Макарьевскаго времени . . . . . 712—722
1) Житія, въ которыхъ отразилось міровоззрѣніе заволжцевъ . . . . . 712—719
а) Житіе Антонія Сійскаго . . . . . 712—714
б) Житіе Сергія Нуромскаго . . . . . 714—714
в) Житіе Корнилія Комельскаго . . . . . 714—717
г) Житіе Иннокентія Комельскаго . . . . 717—718
д) Житіе Арсенія Комельскаго . . . . . 718—719
2) Житія, составленныя въ средѣ іосифлянъ . . 719—722
а) Житіе Герасима Болдинскаго . . . . . 720—722
264. О лѣтописяхъ въ XVI в. . . . . 722—725
265. О путешествіяхъ въ XVI в. . . . . 725—728

266—274. ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ. **Эпоха смуты** . . . . . 729—734
266. Эпоха смуты . . . . . 729—729
267—268. Глава первая. **Письменное творчество** . . . 729—730
267. Письменное творчество эпохи смуты . . . . . 729—729
268. Сказанія и повѣсти о смутномъ времени . . . . . 729—730
269—274. Глава вторая. **Устное творчество** . . . . . 730—734
269. Устное творчество . . . . . 730—731
270. Пѣсни о Гришкѣ Разстригѣ . . . . . 731—731
271. Пѣсни о Ксеніи. . . . . 731—732
272. Пѣсни о Михаилѣ Скопинѣ-Шуйскомъ . . . . . 732—733
273. Въѣздъ въ Москву патріарха Филарета . . . . . 733—733
274. Весновая служба . . . . . 733—734
275. Общій взглядъ на идейно-литературное творчество третьяго періода. . . . . 734—737
Библіографія . . . . . 737—741

276—301. ПЕРІОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ. **Южно-русское просвѣщеніе** . . . . . 742—832
276. Южно-русское просвѣщеніе . . . . . 742—742
277. Юго-западная Русь . . . . . 742—743
278. Развитіе Юго-западной Руси отъ половины XIII в. до конца XV в. . . . . 743—746
279. Юго-западная Русь въ XVI и XVII вв. . . . . 746—748
280. Общественно-политическая и религіозная борьба въ Юго-западной Руси . . . . . 748—753
281. Кіево-Могилянская коллегія . . . . . 753—756
282. Схоластика и ея значеніе въ исторіи русскаго просвѣщенія . . . . . 756—757
283—301. **Литература Юго-западной Руси** . . . . . 757—832
283. Литература Юго-западной Руси . . . . . 757—757
284—291. **Прозаическая литература** . . . . . 757—809
284. Прозаическая литература. . . . . 757—758
285. Подготовительной періодъ . . . . . 758—764
286. Греко-славянскій періодъ . . . . . 764—793
1) Учебники . . . . . 765—773
2) Полемика . . . . . 773—783
3) Проповѣдь. . . . . 783—786
4) Богословіе . . . . . 786—787
Іоаннъ Вишенскій . . . . . 787—793
287. Латино-славянскій періодъ . . . . . 793—793
288. Лазарь Барановичъ . . . . . 793—798
289. Іоанникій Галятовскій. . . . . 798—805

§§ СТРАН.
290. Антоній Радивиловскій . . . . . 805—808
291. Иннокентій Гизель . . . . . 808—809
292—300. **Поэтическая литература** . . . . . 809—829
292. Поэтическая литература Юго-западной Руси . . . . 809—809
293. Школьныя драмы . . . . . 809—811
294. Вирши, псальмы и канты . . . . . 811—814
295. Переводная беллетристика . . . . . 814—814
296. Авантюрныя романы и повѣсти . . . . . 814—821
1) Романъ о Бовѣ . . . . . 814—816
2) Повѣсть о Брунцвигѣ . . . . . 816—817
3) Повѣсть о Василіи Златовласомъ . . . . 817—819
4) Повѣсть о римскомъ кесарѣ Оттонѣ . . . 819—819
5) Повѣсть о семи мудрецахъ . . . . . 819—820
6) Повѣсти о Петрѣ Златыхъ Ключахъ, Мелюзинѣ, Тристанѣ и Ланжелотѣ . . . . . 820—821
297. Нравоучительныя повѣсти . . . . . 821—825
1) „Римскія Дѣянія“ . . . . . 821—823
2) „Великое Зерцало“ . . . . . 823—824
3) „Бесѣда отца съ сыномъ о женской злобѣ“ . 824—825
295. Фацеціи . . . . . 825—826
299. Апофеегматы . . . . . 826—826
300. Думы . . . . . 827—829
301. Общій взглядъ на литературу четвертаго періода . . 829—829
Библіографія . . . . . 829—832

302—322. ПЕРІОДЪ ПЯТЫЙ. **Эпоха южно-русскаго вліянія на Москву** . . . . . 833—932
302. Эпоха южно-русскаго вліянія на Москву . . . . . 833—833
303. Москва во второй половинѣ XVII в. . . . . 833—834
304. Стремленія сословій и классовъ, ихъ настроенія и міровоззрѣнія . . . . . 834—835
305. Расколъ . . . . . 835—854
306. Школьное дѣло . . . . . 854—856
307. Театръ . . . . . 856—857
308—322. **Московская литература второй половины XVII в.** . 857—932
308. Московская литература второй половины XVII в. . . 857—857
309—318. **Литература, отразившая борьбу общественныхъ партій** . . 857—903
309. Литература, отразившая борьбу общественныхъ партій 857—857
310. Литературная дѣятельность основателей раскола . . 857—868
311. Епифаній Славинецкій . . . . . 868—870
312. Симеонъ Полоцкій . . . . . 870—892
313. Сильвестръ Медвѣдевъ . . . . . 892—896
314. Св. Дмитрій Ростовскій . . . . . 896—897
315. Григорій Котошихинъ . . . . . 897—900
316. Юрій Крижаничъ . . . . . 900—903
317. Патріархъ Іоакимъ . . . . . 903—903
318. Ѳеодоръ Грибоѣдовъ . . . . . 903—903
319—319. **Повѣсти** . . . . . 904—915
319. Повѣсти . . . . . 904—915
1) Нравоучительныя повѣсти . . . . . 904—905
а) „Сказаніе о мерзкомъ зеліи, еже есть табацѣ“ . . . . . 904—905
б) „Повѣсть о высокоумномъ Хмелѣ“ . . . 905—905
2) Бытовыя повѣсти . . . . . 905—911
а) Повѣсть о Горѣ-Злосчастіи . . . . . 906—908
б) Повѣсть о бѣсноватой женѣ Соломоніи . . 908—909
в) Повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ . . . . . 909—910
г) „Гисторія о россійскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобѣевѣ“ . . . . . 910—911

§§ СТРАН.
3) Сатирическія повѣсти . . . . . 911—913
а) Повѣсть о Шемякиномъ судѣ. . . . . 911—912
б) Повѣсть о Ершѣ Щетинниковѣ . . . . 912—913
4) Шуточныя повѣсти. . . . . 913—914
5) Повѣсть о Басаргѣ и его сынѣ Борзомыслѣ . 914—915
6) Повѣсть объ Еруславѣ Лазаревичѣ . . . . 915—915
320. „Синодикъ“ . . . . . 916—916
321—321. **Устное творчество** . . . . . 916—927
321. Устное творчество второй половины XVII в. . . . 916—927
1) Устная лирика . . . . . 917—917
2) Сказки . . . . . 917—923
3) Пословицы. . . . . 923—923
4) Старины . . . . . 923—924
5) Духовные стихи о лицахъ и событіяхъ изъ русской исторіи. . . . . 924—926
6) Раскольничьи стихи . . . . . 927—927
322. Общій взглядъ на литературу пятаго періода . . . 927—928
Библіографія . . . . . 928—932
223. Общій взглядъ на исторію древней русской литературы 932—934
Родословныя таблицы . . . . . 935—935

КНИГА ВТОРАЯ

ИСТОРІЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

отъ половины XIII в. до конца XVII в.

Періодъ второй.

Эпоха удѣльнаго литературнаго творчества.

1. Объ эпохѣ удѣльнаго литературнаго творчества. Эпоха удѣльнаго литературнаго творчества охватываетъ промежутокъ времени отъ половины XIII в. до конца XV в.; въ нѣкоторыхъ областяхъ она продолжается въ XVI в. и даже занимаетъ начало XVII в. Она названа такъ потому, что совпадаетъ съ періодомъ, когда Русская земля подчинялась особому экономическому и общественно-политическому строю — удѣльному.

Удѣльная Русь.

2. Объ Удѣльной Руси. Съ половины XII в. государство, основавшееся на великомъ водномъ пути изъ варягъ въ греки, распадается на отдѣльныя области съ самостоятельными экономическими, общественно-политическими и культурными центрами. Къ половинѣ XIII в. образуются три главныхъ области: 1) Новгородско-Псковская Русь, 2) Окско-Волжская Русь и 3) Юго-западная Русь.

Строй Юго-западной Руси, ея судьба, литература и значеніе въ исторіи русской литературы будутъ разсмотрѣны при изложеніи четвертаго періода.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Новгородско-Псковская Русь.

3. Новгородъ и его территорія. Центромъ Новгородско-Псковской Руси былъ Новгородъ. Этотъ городъ былъ расположенъ по обѣимъ сторонамъ рѣки Волхова, недалеко отъ озера Ильменя, изъ котораго Волховъ вытекаетъ; онъ распадался на двѣ половины, или стороны: на правую, по восточному берегу Волхова, которая называлась Торговой, и на лѣвую, которая называлась Софійской. Торговая сторона получила свое названіе оттого, что здѣсь находился городской рынокъ, а Софійская оттого, что въ концѣ X в., послѣ введенія въ Новгородѣ христіанства, на этой сторонѣ былъ построенъ храмъ св. Софіи. Обѣ стороны Новгорода соединялись мостомъ, который назывался Волховскимъ и Великимъ.

Къ рынку на Торговой сторонѣ примыкала площадь, которая называлась Ярославовымъ или Княжьимъ дворомъ, потому что здѣсь находился нѣкогда дворецъ Ярослава М., когда этотъ послѣдній управлялъ Новгородомъ при жизни отца. На площади возвышалась вѣчевая башня съ вѣчевымъ колоколомъ. Около башни находилась степень, т.-е. помостъ, съ котораго ораторы говорили рѣчи собравшемуся на вѣче народу.

Обѣ стороны Новгорода дѣлились на концы. Торговая сторона имѣла два конца: сѣверный—Плотницкій (очевидно, она была населена плотниками) и южный—Славенскій (по имени древнѣйшаго поселка Славна, вошедшаго въ составъ города Новгорода). Въ Славенскомъ концѣ находились рынокъ и дворецъ Ярослава. Софійская сторона имѣла три конца: на сѣверѣ — Перевскій, на западѣ — Загородскій и на югѣ — Гончарскій, или Людинъ (населенный, очевидно, гончарами). Перечисленные концы, въ свою очередь, дѣлились на сотни, а сотни на улицы.

Съ пятью концами была тѣсно связана простиравшаяся вокругъ Новгорода обширная территорія, которая распадалась на пять частей, называвшихся съ конца XV в. „пятинами“: 1) къ сѣверо-западу отъ Новгорода, между рѣками Волховомъ и Лугой, тянулась до Финскаго залива Вотьская пятина (по имени финскаго племени водь, или вотъ); 2) направо отъ

Волхова къ сѣверо-востоку простиралась до Бѣлаго моря по обѣимъ сторонамъ Онежскаго озера Обонежская пятина; 3) къ юго-востоку, между рѣками Мстою и Ловатью, шла пятина Деревская; 4) къ юго-западу, между рѣками Ловатью и Лугой, по обѣимъ сторонамъ рѣки Шелони тянулась Шелонская пятина; 5) за пятинами Обонежской и Деревской, на востокъ и юго-востокъ шла пятина Бѣжецкая (по имени селенія Бѣжичи), занимавшая сѣверную часть Тверской губерніи, западную — Ярославской и юго-восточную — Новгородской. Всѣ эти пятины, кромѣ Бѣжецкой, начинались у самаго или почти у самаго Новгорода и были его древнѣйшими областями.

Области болѣе отдаленныя, колонизированныя новгородцами позднѣе и не входившія въ пятины, получили названіе волостей. Къ сѣверо-востоку отъ Обонежской и Бѣжецкой пятинъ шла Двинская земля, или Заволочье; послѣднее названіе дано было потому, что эта волость находилась за волокомъ, т.-е. за водораздѣломъ, которымъ отдѣляются бассейны Онеги и Сѣверной Двины отъ бассейна Волги. По бассейну рѣки Вычегды и ея притоковъ находилась Пермская земля (Біармія). Къ сѣверо-востоку отъ Двинской и Пермской земли по бассейну рѣки Печоры шла волость Печора. За сѣверной частью Уральскаго хребта, къ сѣверо-востоку отъ него, тянулась волость Югра. На крайнемъ сѣверо-западѣ находилась волость Тре или Терскій берегъ (южный берегъ Кольскаго полуострова) и Мурманскій берегъ (сѣверный берегъ Кольскаго полуострова), а на сѣверо-востокѣ — Поморскій берегъ (берегъ Бѣлаго моря отъ устья рѣки Онеги къ Ледовитому океану).

Изъ этого обзора видно, что территорія Новгородско-Псковской Руси охватывала слѣдующія нынѣшнія губерніи: Псковскую (кромѣ юго-восточнаго угла), Петербургскую, Новгородскую (кромѣ ея восточной части), половину Выборгской, Олонецкую (почти всю), Архангельскую, сѣверную и восточную части Вологодской и сѣверо-западную половину Вятской. Итакъ, Новгородъ занималъ почти весь сѣверъ Восточно-европейской равнины.

Подверженная свободному дѣйствію сѣверныхъ вѣтровъ, Новгородско-Псковская область отличалась въ древности, какъ и теперь, суровымъ и непостояннымъ климатомъ.

Крайній сѣверъ ея (Кольскій полуостровъ, Заволочье и Печорскій край) покрытъ тундрами, т.-е. вѣчно-мерзлыми боло-

тами; южная часть ея изобилуетъ болотами и озерами; главныя изъ озеръ — Ильмень, Ладожское и Онежское. Вся страна богата рѣками. Направленіе этихъ рѣкъ — на сѣверъ, западъ, югъ и востокъ — давало рядъ удобныхъ путей сообщенія во всѣ стороны.

Въ соотвѣтствіи съ вышеуказанными условіями почва въ Новгородско-Псковской области была скудна и мало плодородна (болотистая и подзолистая), за исключеніемъ ея юго-западной части, входившей въ составъ Шелонской пятины, района Великихъ Лукъ въ Псковской области и береговъ Сѣверной Двины.

Зато новгородскія владѣнія были чрезвычайно богаты лѣсами, въ которыхъ водилось множество звѣрей и птицъ. Изъ звѣрей встрѣчались слѣдующіе: бѣлки, веверицы (порода бѣлокъ), куницы, горностаи, лисицы, песцы, зайцы, дикія свиньи, волки, медвѣди; изъ птицъ — тетерева, гаги (гоголи), соколы и др. Особеннымъ богатствомъ въ этомъ отношеніи отличался крайній сѣверо-востокъ: Печора и Югра (Вотяцкая земля).

Рѣки, озера и морской берегъ Новгородско-Псковской области изобиловали рыбой; рыбы было такъ много, что нерѣдко ее ловили руками.

4. Населеніе. Новгородско-Псковская территорія, въ томъ числѣ и ея основа — бассейнъ озера Ильменя, первоначально была населена финскими племенами. Русскіе славяне, разселяясь по великому водному пути, достигли его сѣверной оконечности и здѣсь основались подъ именемъ кривичей и новгородскихъ славянъ. Поселившись среди финновъ, они отчасти ассимилировали ихъ, отчасти оттѣснили къ западу и къ сѣверу.

Послѣ возникновенія у новгородцевъ государственной власти колонизаціонное движеніе ихъ на сѣверъ и сѣверо-востокъ безпрерывно продолжалось. Благодаря этому населеніе отливало изъ территоріи, расположенной по бассейну озера Ильменя. Тѣмъ не менѣе плотность населенія на Ильменской территоріи, вслѣдствіе размноженія, постепенно росла съ XIII в. Доказательствомъ этого являются два обстоятельства: *во-первыхъ*, появленіе цѣлаго ряда монастырей внѣ городовъ, что означало разселеніе новгородцевъ на незанятыхъ еще мѣстахъ; *во-вторыхъ*, быстрое увеличеніе числа пригородовъ. Къ концу XV в. и къ началу XVI в. Ильменская территорія оказывается уже сравнительно очень плотно заселеннымъ краемъ: по писцовымъ книгамъ (статистическимъ сборникамъ) этого времени оказы-

вается, что въ разныхъ мѣстахъ Ильменской территоріи села и деревни составляютъ отъ 82 — 97 1/2% всѣхъ поселеній, пустоши, т.-е. покинутыя мѣста,—отъ 2—12%, а починки, т.-е. новыя поселенія—отъ 5 1/2—1/2%. Изъ этого видно, что къ концу XV в. плотность населенія достигла здѣсь той нормы, при которой съ трудомъ уже могли возникать новыя поселенія.

Увеличеніе плотности населенія, какъ одинъ изъ основныхъ факторовъ въ развитіи экономическихъ, общественно-политическихъ и культурныхъ отношеній, должно было повести въ Новгородско-Псковской Руси къ цѣлому ряду новыхъ явленій, отличныхъ отъ тѣхъ, которыя имѣли мѣсто въ предшествующемъ періодѣ.

5. Общественный трудъ. Новгородско-Псковская Русь имѣла своимъ центромъ сѣверную часть великаго воднаго пути. Со времени возникновенія у насъ государственной власти и до половины XII в. экономическія и общественно-политическія отношенія для Новгорода въ существенныхъ чертахъ были тѣ же, что и для всей Руси, занимавшей бассейнъ великаго воднаго пути. Эти отношенія продолжаютъ органически развиваться дальше и съ XIII в. пріобрѣтаютъ рядъ особенностей, отличающихъ новгородскій строй отъ кіевскаго.

Основнымъ хозяйственнымъ занятіемъ для Новгородско-Псковской Руси продолжаетъ оставаться то же самое, которое столь характерно для Руси Велиководной и для первобытнаго коммунизма, т.-е. *охота*, въ широкомъ смыслѣ слова: звѣроловство, рыболовство, птицеловство и бортничество. Постепенно сокращаясь на территоріи, непосредственно прилегавшей къ Новгороду, на пятинахъ, это занятіе пріобрѣтало усиленное развитіе въ отдаленныхъ новгородскихъ областяхъ, т.-е. тамъ, гдѣ естественныя богатства природы, служащія основаніемъ для охоты, еще не истощились. Во владѣніяхъ прилегавшихъ къ Бѣлому морю и къ Ледовитому океану, почти безраздѣльно царила охота. Инородцы платили дань новгородцамъ мѣхами звѣрей. Новгородскіе поселенцы также главнымъ образомъ занимались охотой. Господство охоты отразилось, между прочимъ, на принятой здѣсь мѣрѣ обложенія: она называлась „лукомъ“, по имени охотничьяго оружія, составлявшаго необходимую принадлежность тогдашней экономической единицы—семьи.

Вторымъ послѣ охоты занятіемъ въ Новгородско-Псковской Руси было, какъ и въ Днѣпровской Руси, *скотоводство*.

На третьемъ мѣстѣ надо поставить занятіе *земледѣліемъ*. Хотя эта отрасль трудовой дѣятельности имѣла, какъ и въ Велиководной Руси, второстепенное значеніе, однако здѣсь, несмотря на неблагопріятныя условія почвы, она развивается больше, чѣмъ тамъ—признакъ уплотненія населенія. По писцовымъ книгамъ конца XV в. въ четырехъ ближайшихъ къ Новгороду пятинахъ пашни оказываются однимъ изъ обычныхъ угодій. Единицей обложенія въ XV в. становится здѣсь „соха" и ея третья часть—„обжа".

Земледѣліемъ занимались не только въ ближайшихъ къ Новгороду пятинахъ, но и въ остальныхъ частяхъ Новгородско-Псковской земли, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ.

Несмотря на то, что земледѣліе въ Новгородско-Псковской Руси стало болѣе обычнымъ занятіемъ, чѣмъ въ Руси Велиководной, оно все-таки имѣло второстепенное значеніе. Это видно изъ того, что въ Новгородѣ своего хлѣба постоянно не хватало: новгородцы нуждались въ привозномъ хлѣбѣ, который доставлялся изъ Оксо-Волжской Руси. Сѣверо-восточные князья—сначала ростово-суздальскіе, а потомъ московскіе—часто пользовались тѣмъ, что Новгородъ зависѣлъ отъ Оксо-Волжской Руси въ хлѣбѣ, и во время столкновенія съ нимъ прекращали доставку туда хлѣба. Тогда Новгородъ подвергался всѣмъ ужасамъ голода, во время котораго цѣны на хлѣбъ достигали громадной высоты. Въ новгородскихъ лѣтописяхъ сообщаются извѣстія о голодѣ подъ слѣдующими годами: 1170, 1188, 1214, 1215, 1228, 1230, 1445 и т. д.

Обиліе городовъ на Новгородско-Псковской территоріи также служитъ доказательствомъ того, что земледѣліе не играло здѣсь первой роли: земледѣліе для горожанъ — второстепенное занятіе.

Обрабатывающая промышленность въ Новгородско-Псковской Руси все еще отличалась слабостью, хотя въ сравненіи съ предыдущей эпохой болѣе развилась. На первомъ мѣстѣ надо поставить производство деревянныхъ издѣлій: новгородцы уже въ предыдущую эпоху славились какъ плотники. Далѣе идетъ обработка продуктовъ скотоводства — кожи и шерсти. Выдѣлкой одежды занимались швецы, портные, колпачники. Встрѣчаются указанія на производство издѣлій изъ глины (гончары) и камня (жерновники). Приготовлялись издѣлія изъ металловъ.

Внѣшняя торговля — предметъ занятій высшихъ классовъ

въ Велиководной Руси—продолжала существовать и даже развиваться и въ Новгородско-Псковской Руси. Доказывается это многочисленными договорами новгородцевъ съ иностранцами, (съ нѣмцами, съ островомъ Готландомъ на Балтійскомъ морѣ и съ Ганзейскими городами), донесеніями и грамотами нѣмецкаго купечества, администрацій нѣмецкихъ городовъ и т. д. Въ этихъ грамотахъ излагается порядокъ торговыхъ сношеній, устанавливается судъ торговый и общій, между иностранцами и новгородцами, отмѣчаются юридическія нормы, по которымъ долженъ происходить судъ. Изъ нихъ видно, что новгородцы ѣздили въ Нарву, Ревель, Дерптъ, Ригу, Данцигъ, на островъ Готландъ, въ Любекъ, въ Выборгъ, Або, Стокгольмъ. Сюда изъ Новгорода привозились мѣха—собольи, бобровые, куньи, лисьи, хорьковые, горностаевые, медвѣжьи, волчьи, заячьи, бѣличьи, далѣе—воскъ, медъ, ворвань, свиное сало, ленъ, конопля; въ Новгородъ нѣмцы привозили соль, желѣзо, мѣдь, золото, серебро, олово, свинецъ, красныя сукна (англійскія, фландрскія, нѣмецкія), полотна, металлическія издѣлія, вина, фрукты, конфекты, иногда даже хлѣбъ. Торговля сопровождалась нерѣдко кредитными сдѣлками, что доказывается, между прочимъ, „Рижской долговой книгой“.

Кромѣ Западной Европы новгородцы вели торговыя сношенія съ Окско-Волжской Русью; эти сношенія особенно стали развиваться съ XIII в. Изъ договоровъ и лѣтописей видно, что новгородскіе купцы заѣзжали въ Суздаль, Переяславль-Залѣсскій, Тверь и другіе города. Изъ одного лѣтописнаго извѣстія, относящагося къ 1216 г., видно, что въ Переяславль-Залѣсскій пріѣхали смоленскіе и новгородскіе купцы, при чемъ смоленскихъ купцовъ было 15, а новгородскихъ около 150; по другому извѣстію, въ 1214 г. новгородскій князь, поссорившись съ вѣчемъ, рѣшилъ прервать торговыя сношенія новгородцевъ съ Окско-Волжской Русью, занялъ городъ Торжокъ и тамъ „гостей болѣ дву тысячъ изыма“. Наконецъ, новгородцы не прерывали своихъ торговыхъ сношеній съ южной Русью: князь Михаилъ Всеволодовичъ, отправляясь въ 1225 г. изъ Новгорода въ Черниговъ на княженіе, просилъ новгородцевъ: „гость ко мнѣ пускайте“; изъ договора новгородцевъ съ литовскимъ великимъ княземъ Казимиромъ видно, что новгородцы уже давно торговали съ кіевлянами, смольнянами, полочанами, витеблянами и даже съ литовцами.

Внутренняя торговля также нѣсколько развилась сравнительно съ предшествующей эпохой. Доказательствомъ этому является ростъ городовъ и рядковъ (мелкія поселенія городского типа). Новгородъ и Псковъ были для того времени крупными городами: даже послѣ своего паденія, въ 1545 г. Новгородъ имѣлъ около 25.000 населенія; Псковъ первоначально состоялъ изъ двухъ концовъ, а въ XV в. къ нимъ прибавилось еще четыре конца. Кромѣ того, оба эти города имѣли свои пригороды: такъ, у Новгорода были слѣдующіе пригороды: Ржева, Великія Луки, Порховъ, Руса, Торжокъ, Бѣжичи, Ладога, Корела, Копорье, Орѣшекъ, Яма, Демань, Курскъ, Холмъ, Высокій. У Пскова также былъ рядъ своихъ пригородовъ: Изборскъ, Островъ, Вороночъ, Велье, Коложе (съ 1414 г. — Опочка), Котельна, Вревъ, Гдовъ, Володимиръ, Кобылій, Красный, Вышгородъ.

Хотя внутренняя торговля въ Новгородско-Псковской Руси нѣсколько болѣе развилась, чѣмъ въ Велиководной, однако, общественное хозяйство не превратилось въ денежное, а продолжало оставаться натуральнымъ. Это видно, напр., изъ формъ оброка, который уплачивался новгородскими крестьянами землевладѣльцамъ въ концѣ XV в. и въ первой половинѣ XVI в.: въ Вятской пятинѣ 91% крестьянъ уплачивалъ оброкъ натурой и только 9% — деньгами; въ 1539 г. оброкъ деньгами уплатили 6½% крестьянъ; въ Шелонской пятинѣ въ то же время денежный оброкъ вносили 10 — 11% крестьянъ. Всѣ эти данныя свидѣтельствуютъ о продолжавшемся господствѣ натуральнаго хозяйства въ Новгородско-Псковской Руси.

Новгородско-Псковская Русь, какъ и всякое самостоятельно существующее общественно-политическое цѣлое, должна была удѣлять часть труда *охранѣ своего существованія и территоріи* отъ посягательствъ враждебныхъ сосѣдей. Въ этомъ отношеніи Новгородско-Псковская Русь поставлена была исторически въ совершенно иныя условія, нежели Русь Велиководная. Со времени возникновенія въ Новгородѣ государственной власти и до нашествія татаръ эта далекая сѣверная окраина не знала, что такое печенѣги и половцы. Слѣдовательно, въ теченіе болѣе трехъ вѣковъ новгородцы не должны были отвлекать свои силы для безпрерывной борьбы съ кочевниками. Даже татарское нашествіе едва только коснулось Новгородско-Псковской области, а самъ Новгородъ татаръ и не видѣлъ. Только въ XIII в.

Новгороду пришлось напрячь свои силы для борьбы съ шведами, ливонскими нѣмцами, литовцами и русскими князьями, которые соперничали за него. Самыми опасными врагами были шведы, ливонскіе нѣмцы и литовцы. Благодаря дарованіямъ своего князя Александра Невскаго новгородцы сразу остановили наступательное шествіе послѣднихъ: въ 1240 г. на Невѣ потерпѣли пораженіе шведы, въ 1242 г. на Чудскомъ озерѣ— ливонскіе нѣмцы, а въ 1245 г.—литовцы. Хотя послѣ этого Новгородъ еще не разъ сталкивался съ этими врагами, однако опасности для его существованія они уже не представляли. Главная тяжесть въ борьбѣ съ нѣмцами и литовцами падала на Псковъ, какъ на пограничную область. Съ половины XIV в. и до половины XV в. внѣшнія условія уже снова не требуютъ напряженія боевыхъ силъ Новгорода. Этому обстоятельству суждено было сыграть важную роль въ его исторіи.

6. Техника общественнаго труда. Техника общественнаго труда, измѣнившись кое въ чемъ къ лучшему, въ общемъ однако остается въ Новгородско-Псковской Руси на той же низкой ступени, на какой она была въ предшествующую эпоху.

Для звѣроловства существовали двоякаго рода приспособленія („путики"): пасныя и силовыя; пасныя были не что иное, какъ ямы или западни, а силовыя—силки. Для ловли птицъ употреблялись „перевѣсища", представлявшія изъ себя сѣти, которыя развѣшивались между деревьями.

Производство меду и воска попрежнему имѣло характеръ бортничества, т.-е. не требовало почти никакого ухода или предварительной затраты капитала; но здѣсь уже замѣчается нѣкоторый прогрессъ: писцовыя книги конца XV в. упоминаютъ ульи, т.-е. отмѣчаютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ переходъ къ лучшей техникѣ пчеловодства.

Технику скотоводства можно иллюстрировать слѣдующимъ примѣромъ: въ XIV в. перевозили скотъ на островъ Коневецъ (у западнаго берега Ладожскаго озера) и оставляли его тамъ пастись на все лѣто безъ всякаго присмотра. При такой техникѣ скотоводства скотъ не отличался хорошими качествами. Новгородскій владыка, монастыри и бояре занимались разведеніемъ лошадей, для чего имѣли конскіе дворы съ конюхами; но лошади эти были плохого сорта („шкабаты", т.-е. клячи); лошади же хорошей породы выписывались изъ-за границы („латинскіе" жеребцы; см. кн. 1-ая, § 229).

Въ земледѣліи первоначально царила подсѣчная система (кн. 1-ая, § 146). Главными земледѣльческими орудіями были деревянный большой плугъ и соха; въ сѣверныхъ частяхъ Новгородско-Псковской области земледѣльческія работы совершались еще болѣе первобытными орудіями: мотыкой, т.-е. палкой съ желѣзнымъ наконечникомъ, или лопатой. Къ концу XV в. подсѣчная система земледѣлія смѣняется болѣе совершенной—переложной. Эта система состоитъ въ томъ, что пахотная земля дѣлится на двѣ части—на собственно пашню, которая обрабатывается, и перелогъ (залежь), т.-е. часть поля, которая возстановляетъ свои производительныя силы безъ удобренія. Въ это же время появляется и третья, еще болѣе совершенная система—трехпольная (паровая-зерновая), которая въ развитой формѣ состоитъ въ томъ, что пахотная земля дѣлится на три части: одна часть (паровое поле) отдыхаетъ, при чемъ удобряется навозомъ; другія двѣ части засѣиваются—одна озимымъ хлѣбомъ (преимущественно рожью), а другая яровымъ (овсомъ, пшеницей, ячменемъ).

Техника обрабатывающей промышленности была слаба; новгородцы еще не могли искусно обрабатывать, напр., металлы: мѣдныя двери Софійскаго собора заказаны были въ Германіи; для отливки колокола новгородцы выписали въ XIV в. мастера изъ Москвы.

Больше техническаго развитія выпало на долю новгородской торговли. Въ отличіе отъ кіевской, она проявляетъ извѣстную долю предпріимчивости, требуетъ коммерческихъ навыковъ и капиталовъ. Это обусловливалось тѣмъ, что предметы новгородской торговли не состояли главнымъ образомъ изъ дани, какъ въ предыдущую эпоху: новгородцы покупали товары у ихъ производителей не только въ Новгородско-Псковской области, но и въ Окско-Волжской Руси, или добывали ихъ при помощи насилія. Въ общемъ, однако, новгородская торговля носила ярмарочно-караванный характеръ, при чемъ сопровождалась со стороны новгородцевъ обманами: по жалобамъ нѣмецкихъ купцовъ, новгородцы подмѣшивали къ воску сало, смолу, песокъ, камни, поддѣлывали и красили мѣха и т. д.

Наконецъ, техника военнаго дѣла, сравнительно съ предшествующей эпохой, быстро слабѣла. Военное искусство въ Велиководной Руси было достояніемъ небольшихъ, но хорошо дисциплинированныхъ дружинъ, съ князьями во главѣ. Эти

дружины проводили почти все свое время въ многочисленныхъ войнахъ и такимъ образомъ накопляли военный опытъ, который воспринимался каждымъ вновь поступавшимъ въ дружину членомъ. На ряду съ дружинами существовали народныя ополченія, значительно превосходившія по своей численности эти дружины; но ополченія плохо знали военное искусство: никакому военному обученію они не подвергались, собирались только на случай войны и были лишь придаткомъ къ дружинѣ. Участь сраженія обыкновенно зависѣла отъ дружины и искусства ея руководителей. Пока новгородцы имѣли своего отдѣльнаго князя, у нихъ имѣлась и дружина, которую приводилъ съ собою князь. Александру Невскому и его дружинѣ Новгородъ обязанъ былъ цѣлостью своей территоріи отъ посягательствъ внѣшнихъ враговъ. На ряду съ дружиной новгородцы имѣли и народное ополченіе, во главѣ котораго стоялъ тысяцкій. Такъ какъ внѣшнія отношенія Новгорода не требовали особеннаго напряженія военныхъ силъ, то Новгородъ не особенно дорожилъ военнымъ искусствомъ дружинъ и услугами князей, а народное ополченіе, набиравшееся только во время войны по „разрубу", т.-е. по разверсткѣ, изъ жителей города, пригорода и сельскихъ волостей и, слѣдовательно, не обладавшее никакимъ военнымъ искусствомъ, не представляло никакой силы. Когда съ половины XV в. Окско-Волжская Русь объединяется подъ властью московскаго князя, на Руси не осталось свободныхъ князей со своими дружинами, которые могли бы быть приглашаемы новгородцами. Новгородъ очутился между двумя крупными общественно-политическими силами — Москвой и Литвой. Тогда сказалось ничтожество народнаго новгородскаго ополченія: въ 1456 г. 200 москвичей нанесли пораженіе новгородской конницѣ, состоявшей изъ 5.000 человѣкъ; въ 1471 г. на р. Шелони московское войско, состоявшее изъ 4.500 человѣкъ, нанесло пораженіе новгородскому ополченію, состоявшему изъ 40.000 человѣкъ.

7. Историческія условія, содѣйствовавшія развитію особенностей Новгородско-Псковской Руси. На ряду съ увеличеніемъ плотности населенія (§ 4) развитію особенностей Новгородско-Псковской Руси содѣйствовалъ рядъ причинъ историческаго характера. Преданія связываютъ начало русской государственности съ Новгородомъ: здѣсь, въ Новгородѣ, основалась варяго-русская дружина, образовавшая вмѣстѣ съ мѣ-

стной аристократіей верхній военно-административный и торговый классъ населенія съ княземъ во главѣ. При Олегѣ въ концѣ IX и въ началѣ X вв. эта русско-новгородская дружина завладѣваетъ бассейномъ Днѣпра, и государственнымъ центромъ становится Кіевъ. Съ этого времени главныя силы военно-административнаго класса населенія сосредоточиваются въ Кіевѣ, а Новгородъ превращается въ провинціальный центръ сѣверной части великаго воднаго пути. Кіевскіе князья для управленія Новгородомъ посылаютъ сюда своихъ намѣстниковъ, сыновей. Это имѣло громадное значеніе въ исторіи Новгородско-Псковской Руси. Въ Кіевской Руси пришлый военно-административный классъ населенія, съ выдѣлившимся изъ него при Владимирѣ духовенствомъ, усиленно развивается за счетъ мѣстныхъ классовъ населенія, оттѣсняя ихъ на задній планъ и господствуя надъ всѣми экономическими и общественно-политическими отношеніями; въ Новгородско-Псковской Руси, съ отливомъ на югъ главной части военно-административнаго класса населенія, сильнѣе и свободнѣе развиваются мѣстные классы населенія, налагая особый отпечатокъ и на ту часть пришлаго военно-административнаго класса населенія (и духовенства), которая осталась въ Новгородѣ.

Этотъ основной фактъ въ исторіи Новгорода сопровождался нѣсколькими другими, весьма важными обстоятельствами.

Во-первыхъ, Новгородъ оказалъ важныя военныя услуги двумъ своимъ правителямъ - князьямъ, представителямъ Рюриковой династіи въ борьбѣ ихъ за Кіевъ—Владиміру св. и Ярославу М. Благодаря, въ значительной степени, помощи новгородцевъ Владиміръ св. и особенно Ярославъ М. могли сдѣлаться кіевскими великими князьями. Такая помощь обязываетъ, и упомянутые князья должны были относиться къ Новгороду съ особымъ благорасположеніемъ. Ярославъ М., по словамъ новгородцевъ, далъ имъ рядъ правъ и привилегій, „грамоту и уставъ“, обѣщавъ соблюденіе ихъ своими преемниками. „Грамота и уставъ“ Ярослава М. не дошли до насъ. Повидимому, права и привилегіи новгородцевъ по „грамотѣ и уставу“ носили прежде всего финансовый характеръ: со временъ Ярослава М., новгородская аристократія освобождается отъ дани князьямъ, и послѣдніе получаютъ дань только съ новгородскихъ смердовъ. Это обстоятельство пріобрѣло большое значеніе въ исторіи развитія мѣстныхъ новгородскихъ

отношеній: новгородская культура, создававшаяся аристократіей, пріобрѣтала хорошую матеріальную почву для безпрепятственнаго развитія. „Грамота“ и „уставъ“ Ярослава М., вѣроятно, не только освободили новгородскую аристократію отъ дани князю, но и уравняли юридически ея представителей съ дружинниками князя.

Во-вторыхъ, съ размноженіемъ кіевскаго княжескаго дома и развитіемъ такъ называемой системы очередного княженія съ ея раздорами и смутами, которые сосредоточивали на себя главное вниманіе князей, Новгородъ пріобрѣтаетъ особенно благопріятныя условія для внутренняго развитія.

8. Общественные классы - сословія въ Новгородско-Псковской Руси. Общество въ Новгородско-Псковской Руси распадалось на лицъ двухъ разрядовъ: свободныхъ и несвободныхъ. Къ свободнымъ относились слѣдующіе классы-сословія: 1) бояре, 2) житьи люди и купечество, 3) черные люди и 4) духовенство.

9. Бояре. Высшій классъ населенія въ Новгородско-Псковской Руси составляли *бояре* („боляре“, отъ слова „большій“). Въ положеніи этого класса надо различать два періода: до XIII в. и съ XIII в. до конца XV в.

1) Новгородско-Псковское боярство до XIII в. Словомъ „бояре“ въ предшествующую эпоху и позднѣе обозначали старшихъ дружинниковъ князя, княжихъ мужей (кн. 1-ая, § 149). Такое же значеніе это слово имѣло первоначально и въ Новгородско-Псковской области, обозначая старшую часть новгородской княжеской дружины. Новгородъ, какъ и Кіевъ, имѣлъ, на ряду съ пришлымъ боярствомъ, свой мѣстный высшій классъ, который обозначался слѣдующими словами: „нарочитые“, „лучшіе“, „вячшіе люди“, „огнищане“ (рабовладѣльцы). Это былъ высшій промышленно-торговый классъ населенія, который еще въ патріархально-родовую эпоху образовался изъ наиболѣе богатыхъ родоначальниковъ, главъ семействъ и т. д., руководившихъ семейнымъ трудомъ и накопившихъ въ своихъ рукахъ большіе капиталы. Обиліе наслѣдственно полученныхъ средствъ и опытъ въ дѣлѣ организаціи совмѣстнаго труда давали однимъ представителямъ этого класса возможность устраивать крупныя охотничьи предпріятія, совершать походы на инородцевъ за данью, вести торговлю (эта часть боярства — бояре-капиталисты — сосредоточивалась по преимуществу на Торговой сторонѣ), а другимъ представителямъ его

вести на широкихъ началахъ земледѣліе и скотоводство (представители этой части боярства—бояре-землевладѣльцы—сосредоточивались по преимуществу на Софійской сторонѣ, которая примыкала къ плодородной Шелонской пятинѣ). Въ Кіевѣ мѣстный высшій классъ былъ отчасти поглощенъ, отчасти оттѣсненъ пришлымъ военно-административнымъ боярствомъ, присвоившимъ себѣ и промышленно-торговую функцію. Въ Новгородѣ пришлое боярство было представлено несравненно слабѣе, чѣмъ въ Кіевѣ (§ 7). Къ тому же, благодаря системѣ очередного княженія, князья часто мѣнялись, а съ ними мѣнялся и составъ дружины. Нерѣдко Новгородъ оставался безъ князя, или князь посылалъ своего намѣстника. Все это вмѣстѣ приводило къ тому, что въ Новгородѣ князь и дружина не могли пустить глубокихъ корней и пріобрѣсти матеріальную силу; наоборотъ, новгородскіе „лучшіе люди“ окрѣпли экономически и превратились въ крупную общественную силу, съ которой русскимъ князьямъ пришлось серьезно считаться. Уступая развивавшимся въ Новгородѣ экономическимъ и общественнымъ отношеніямъ, князья должны были санкціонировать рядъ политическихъ правъ, которыя завоевали себѣ новгородскіе „лучшіе люди“.

Во-первыхъ, князья стали назначать на административныя должности въ Новгородѣ мѣстныхъ „лучшихъ людей“ вмѣсто своихъ дружинниковъ. Занимая такія должности, „лучшіе люди“ получали и доходы, шедшіе раньше дружинникамъ за службу, и названіе „бояръ“. Такимъ образомъ, слѣдствіемъ участія „лучшихъ людей“ въ управленіи Новгородомъ по назначенію князей было то, что „нарочитые“, „лучшіе“, „вячшіе“ люди и „огнищане“ пріобрѣтали новый источникъ доходовъ путемъ занятія государственныхъ должностей и постепенно превратились въ „бояръ“.

Во-вторыхъ, новгородскіе „лучшіе люди“ пріобрѣтали право преимущественнаго участія въ княжеской думѣ, тогда какъ въ Кіевѣ выборные „лучшіе люди“, также первоначально участвовавшіе въ ней, были совершенно вытѣснены оттуда старшими дружинниками князя.

2) Новгородское боярство съ XIII в. до конца XV в. Съ XIII в. до конца XV в. продолжается развитіе матеріальной силы и политической власти новгородскаго боярства, основы которыхъ были заложены раздѣленіемъ труда въ предшествующія эпохи.

Во-первыхъ, въ рукахъ бояръ быстро сосредоточивается

земельная собственность, главнымъ образомъ, въ Ильменскомъ районѣ. Благодаря уплотненію населенія, крестьянскому мелкому землевладѣнію становилось все труднѣе существовать при старыхъ способахъ труда: явилась потребность въ капиталѣ, котораго у крестьянъ не было. Бояре воспользовались этимъ и стали пріобрѣтать крестьянскую землю. Это дѣлалось двумя способами: бояре-землевладѣльцы принимали свободныхъ мелкихъ землевладѣльцевъ въ закладни (§ 12), а бояре-капиталисты скупали земли у разорившихся крестьянъ и такимъ образомъ становились крупными землевладѣльцами, на ряду съ боярами, которые издревле занимались организаціей земледѣлія и скотоводства. За предѣлами Ильменской территоріи боярское землевладѣніе развивалось не только указанными двумя способами, но и путемъ захвата. Развитіе боярскаго землевладѣнія было въ то же время развитіемъ власти бояръ надъ новгородскимъ крестьянствомъ.

Во-вторыхъ, бояре-капиталисты, занимавшіеся до XIII в. торговлей, съ этого времени покидаютъ эту отрасль труда; торговля становится спеціальною отраслью дѣятельности особаго класса населенія — „житьихъ людей“ и „купцовъ-гостей“, класса, образовавшагося изъ лицъ, которыя до XIII в. находились въ услуженіи боярству по торговымъ дѣламъ. Но бояре-капиталисты продолжаютъ играть важную роль въ новгородской торговлѣ: они ссужаютъ своими деньгами за опредѣленные проценты житьихъ людей и купцовъ. Такимъ образомъ, бояре-капиталисты, становившіеся землевладѣльцами, дѣлаются также и банкирами: послѣдняя функція развивала власть бояръ-капиталистовъ надъ новгородскимъ купечествомъ.

Ростъ экономической власти надъ крестьянствомъ и купечествомъ создалъ рядъ политическихъ правъ и преимуществъ новгородскаго боярства: оно было не только экономическимъ классомъ населенія, но и сословіемъ, рѣзко отдѣленнымъ отъ остальныхъ классовъ населенія юридически.

Во-первыхъ, только бояре имѣли право занимать въ Новгородѣ высшія государственныя должности — посадника, тысяцкаго, сотскихъ, старостъ и пр.

Во-вторыхъ, бояре окончательно вытѣснили изъ княжеской думы дружинниковъ, а затѣмъ и купеческихъ старостъ, которые до половины XIII в. принимали въ ней участіе.

10. Житьи люди и купцы. Ниже боярства и духовенства, по своему положенію и значенію, стояло новгородско-псковское купечество. Послѣднее, какъ особый классъ населенія, образовалось изъ тѣхъ лицъ, которыя до XIII в. находились на службѣ у боярства по торгово-промышленнымъ дѣламъ. Одна группа этихъ лицъ, рано разбогатѣвшая, еще до XIII в. стала заниматься самостоятельною торговлею на ряду съ боярствомъ. Она представляла болѣе богатую часть купечества и называлась „житьими людьми", „вячшими купцами". Менѣе богатые купцы назывались просто купцами или „гостями".

Съ XIII в. почти вся новгородско-псковская торговля переходитъ въ руки купцовъ, а бояре почти исключительно продолжаютъ заниматься организаціей охотничьихъ предпріятій, земледѣлія и скотоводства, а также отдачей денегъ подъ проценты и политическою дѣятельностью.

До XIII в. купечество имѣло своихъ представителей — старостъ—въ княжеской думѣ; съ половины XIII в., по мѣрѣ того, какъ купечество подпадаетъ подъ денежную власть бояръ, оно теряетъ это свое политическое право. Но зато купечество организуется въ классъ съ корпоративнымъ устройствомъ и съ особыми сословными правами.

Новгородскіе купцы образовывали торговыя товарищества, зародыши которыхъ можно отмѣтить и въ Кіевской Руси. Товарищества эти были двухъ родовъ. Одни изъ нихъ были „коммандитными", т.-е. основывались на вѣрѣ: члены товарищества отвѣчали другъ передъ другомъ только на ту сумму, которая внесена была каждымъ въ товарищескую кассу. Другія товарищества были полными, т.-е. члены товарищества отвѣчали всѣмъ своимъ имуществомъ. Купеческія товарищества носили названія по предмету торговли или по мѣстностямъ, съ которыми они вели торговлю, или по церкви, около которой они организовывались. Такъ, были товарищества купцовъ, торгующихъ воскомъ, торгующихъ скотомъ и продуктами скотоводства, товарищество заморскихъ купцовъ, Иванское купечество, торговавшее воскомъ и организовавшееся около церкви св. Ивана на Опокахъ и т. д.

Корпоративный строй новгородскаго купечества повелъ къ образованію особыхъ сословно-корпоративныхъ правъ купцовъ. Такъ, въ 1135 г. Иванское купечество получило право торговаго суда въ Новгородѣ; въ его вѣдѣніе попали орудія мѣры

и вѣса. Съ 1270 г. коллегія изъ новгородскихъ купеческихъ старостъ и нѣмецкихъ альдерменовъ, подъ предсѣдательствомъ тысяцкаго, получила право суда по уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ, возникавшимъ между новгородскими и нѣмецкими купцами.

11. Черные люди. Черные люди, въ своей массѣ, были потомками младшихъ членовъ патріархально-родовыхъ семействъ, которые изъ поколѣнія въ поколѣніе привыкли трудиться подъ руководствомъ старѣйшихъ и ихъ преемниковъ. Это—тотъ классъ населенія, который въ Велиководной Руси назывался смердами. Благодаря большему развитію общественнаго труда въ Новгородѣ этотъ классъ населенія распался на множество соціально-экономическихъ группъ. Къ чернымъ людямъ относились, во-1-хъ, горожане, занимавшіеся ремеслами, мелкой торговлей, обыкновенно, по заказу или по порученію бояръ или житьихъ людей, или нанимавшіеся у послѣднихъ на эти занятія; во-2-хъ, земцы, или своеземцы,—мелкіе уѣздные землевладѣльцы; въ-3-хъ, смерды въ тѣсномъ смыслѣ слова, т.-е. свободные сельчане, занимавшіе и обрабатывавшіе свободныя земли въ Новгородско-Псковской области; въ-4-хъ, половники, полуарендаторы, полубатраки, работавшіе на частныхъ земляхъ; въ-5-хъ, поземщики,—рыболовы и сельскіе ремесленники.

Среди этихъ соціальныхъ группъ въ классѣ черныхъ людей особенно любопытны земцы. Земцы по своему происхожденію были большею частью смерды-горожане, пажившіе въ Новгородѣ или въ пригородахъ небольшіе капиталы и употребившіе ихъ на покупку земельной собственности въ уѣздахъ. Они либо жили сами въ городахъ, а свою землю отдавали въ аренду сельчанамъ, либо жили въ своихъ имѣніяхъ и сами эксплоатировали ихъ, разводя ленъ, хмель, занимаясь бортничествомъ, охотой, рыбной ловлей и земледѣліемъ. Группа земцевъ была, вѣроятно, не малочисленна; къ концу XV в. въ уѣздахъ новгородскомъ, ладожскомъ, орѣховскомъ насчитывалось такихъ земцевъ около 400 ч.; въ ихъ рукахъ сосредоточивалось около 7.000 десятинъ, по 18 десятинъ на каждаго въ среднемъ.

Что касается мелкаго землевладѣнія смердовъ-крестьянъ, то первоначально своимъ происхожденіемъ оно обязано было захвату, какъ и землевладѣніе кіевскихъ смердовъ, и было временнымъ, вольнымъ, кочевымъ (кн. 1-ая, § 146); хозяйственной единицей при этомъ была, какъ и въ Кіевской Руси,

семья, т.-е. однодворный поселокъ (кн. 1-ая, § 19). По мѣрѣ увеличенія плотности населенія количество свободной земли въ Новгородско-Псковской Руси уменьшается, и соотвѣтственно этому захватное землевладѣніе исчезаетъ; крестьянскія семьи вынуждаются оставаться на захваченныхъ въ послѣдній разъ участкахъ земли; необходимость прилагать много труда для эксплоатаціи этого участка при скудости почвы и суровости климата укрѣпляли чувство привязанности къ нему. Такъ вольное землепользованіе смердовъ постепенно превращалось въ Новгородско-Псковской Руси въ частное крестьянское землевладѣніе.

Съ размноженіемъ крестьянской семьи это землевладѣніе претерпѣваетъ рядъ измѣненій. По смерти основателя однодворнаго поселка дѣти его продолжали вести совмѣстное хозяйство, при чемъ доходъ дѣлился между ними поровну. При внукахъ основателя дѣло усложнялось: если у одного изъ сыновей основателя былъ одинъ сынъ, а у другого двое сыновей, то доходъ внуковъ становился уже неравномѣрнымъ: внукъ отъ перваго сына получалъ долю дохода своего отца, а оба внука второго сына такой же величины долю дохода своего отца; слѣдовательно, каждый изъ послѣднихъ внуковъ получалъ вдвое меньше перваго внука. Въ слѣдующемъ поколѣніи доли дохода становились еще меньше и еще неравномѣрнѣе. Это уменьшеніе дохода отдѣльныхъ членовъ размножавшейся семьи и увеличеніе неравномѣрности долей дохода повело къ тому, что часть членовъ семьи перестала дорожить связью съ ней; она стала добиваться права выдѣленія своей доли дохода, продукта и т. д., права продать его, закладывать, дарить и завѣщать постороннимъ лицамъ, главнымъ образомъ, являвшимся изъ городовъ и обладавшимъ капиталами. Въ семью, связанную кровными узами, стали благодаря этому внѣдряться чужіе люди — горожане; мало-по-малу семейное крестьянское землевладѣніе превращается въ товарищеское, „сябриное“, „складническое“ (сябры — сосѣди). Съ образованіемъ сябринаго землевладѣнія, представляющаго сочетаніе крестьянскаго землевладѣнія съ городскимъ мелкимъ капиталомъ (см. выше о земцахъ), стремленіе къ выдѣленію идетъ дальше и касается уже не только права на долю дохода, но и на землю. Сначала происходитъ временный раздѣлъ земельной собственности на участки съ правомъ передѣла, а потомъ и полный раздѣлъ.

Изъ предыдущаго видно, что черные люди не представляли единаго экономическаго класса, а дробились на группы, которыя занимали различное экономическое положеніе, начиная съ болѣе состоятельныхъ и самостоятельныхъ земцевъ и кончая наемными рабочими, всецѣло зависѣвшими отъ высшихъ классовъ. Но всѣ эти группы имѣютъ одну черту: лица, принадлежавшія къ нимъ,—потомки младшихъ членовъ рода или семьи,—привыкшихъ въ теченіе многихъ вѣковъ исполнять работы подъ руководствомъ старшихъ и за свой трудъ получать ту долю общаго дохода, которая удѣлялась имъ старшими. Отсюда характерныя для черныхъ людей черты: большая или меньшая бѣдность въ средствахъ производства, невозможность и неумѣніе обходиться безъ боярской помощи и боярскаго руководительства не только въ общественно-политическомъ трудѣ, но и въ частномъ хозяйствѣ.

По мѣрѣ сосредоточенія поземельной собственности и денежныхъ капиталовъ въ рукахъ боярства, высшей части духовенства и житьихъ людей, экономическая зависимость съ наемныхъ рабочихъ распространяется въ большей или въ меньшей степени и на прочія соціальныя группы черныхъ людей. Соотвѣтственно этому, съ увеличеніемъ матеріальной обезпеченности высшихъ классовъ матеріальное благосостояніе низшаго класса быстро понижается.

Въ политическомъ отношеніи черные люди сохранили основное *право*—право участія въ вѣчѣ. Но при экономической приниженности черныхъ людей право участія въ вѣчѣ сводилось къ необходимости поддерживать на вѣчѣ ту или другую боярскую партію или фамилію, отъ благосклонности которой зависѣло ихъ матеріальное положеніе.

Болѣе многочисленны были политическія *обязанности* черныхъ людей, сводившіяся къ цѣлому ряду тяжелыхъ повинностей и налоговъ. Всѣ свободные граждане должны были принимать участіе въ уплатѣ татарской дани съ половины XIII в. Но размѣръ уплаты былъ обратно пропорціоналенъ экономическому положенію плательщика: представитель класса черныхъ людей долженъ былъ платить больше, чѣмъ бояринъ. Татарскій налогъ былъ единственнымъ, въ которомъ участвовали бояре. Купечество, сверхъ этого, обложено было торговыми и проѣздными пошлинами. Зато черные люди платили, во-1-хъ, „черный боръ“, т.-е. дань новгородскому князю, во-2-хъ, „поралье по-

садниче и тысяцкаго", т.-е. несли расходы по содержанію выборной новгородской администраціи, въ-3-хъ, исправляли „повозную повинность", т.-е. обязаны были доставлять кормъ и подводы новгородскимъ должностнымъ лицамъ, въ-4-хъ, они обязаны были исправлять „городовое дѣло", т.-е. строить и чинить крѣпости.

Шире были *гражданскія права* черныхъ людей, особенно въ первые вѣка самостоятельной жизни Новгорода. Въ это время личныя гражданскія права ихъ, какъ то—свобода, жизнь, здоровье, честь и права имущественныя защищались закономъ такъ же, какъ и гражданскія и имущественныя права высшихъ классовъ. Такъ, напр., оскорбленіе чести („наѣздъ"), кѣмъ бы оно ни было нанесено, „Новгородская судная грамота" подвергала опредѣленному штрафу, который, что особенно замѣчательно, взыскивался пропорціонально экономическому положенію оскорбителя: съ боярина—50 р., съ житьяго—20 р., съ „молодшаго"—10 р. Имущественныя права сравнительно съ предыдущимъ періодомъ, подвергаются значительному развитію, что отразилось на новгородскомъ законодательствѣ. Такъ, „Новгородская судная грамота" дѣлаетъ различіе между полной наслѣдственной собственностью и временнымъ пользованіемъ; по „Псковской судной грамотѣ" четырехлѣтняя или пятилѣтняя давность временнаго владѣнія ведетъ къ полной собственности; дѣлается различіе въ правѣ наслѣдниковъ по завѣщанію и въ правѣ ихъ по закону; впервые въ новгородскомъ законодательствѣ опредѣляются имущественныя права Новгорода, какъ государства, и имущественныя права отдѣльныхъ лицъ: владѣльцами въ Новгородѣ могли быть только новгородскіе граждане; лица же, оставлявшія новгородское подданство, тѣмъ самымъ лишались земли, принадлежавшей имъ; впервые возникаютъ понятія объ обязательствахъ по договору; понятія займа и найма точнѣе опредѣляются: наемъ на извѣстную одну работу и наемъ для нѣсколькихъ разнообразныхъ работъ; заемъ заключался устно—до рубля, а свыше рубля гарантировался запиской (векселемъ) или закладомъ; появляется письменное завѣщаніе.

Полное равенство черныхъ людей и высшихъ классовъ въ гражданскихъ правахъ существовало до XIV в. Съ этого времени подъ вліяніемъ развитія земледѣлія, требовавшаго приложенія денежныхъ капиталовъ, крестьяне начинаютъ дѣлать займы у капиталистовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ начинается огра-

ниченіе ихъ личной свободы: такъ, въ договорахъ съ Новгородомъ князья должны выдавать бѣжавшихъ изъ Новгородскаго государства крестьянъ, т.-е. послѣдніе уже приравниваются къ холопамъ (§ 12); по „Новгородской судной грамотѣ“ землевладѣлецъ доставляется къ суду на ряду съ холопами и крестьянами, что опять-таки свидѣтельствуетъ о зависимомъ положеніи крестьянъ.

Такимъ образомъ, относительно черныхъ людей можно сказать, что за исключеніемъ немногихъ соціальныхъ группъ, главнымъ образомъ, земцевъ, этотъ классъ населенія отличался экономическою слабостью, что было слѣдствіемъ раздѣленія труда, начавшагося еще до образованія государства; экономическая слабость въ свою очередь неизбѣжно вела за собою ограниченіе политическихъ и гражданскихъ правъ и усиленіе государственныхъ обязанностей.

12. Полусвободный и несвободный классы населенія. Къ полусвободнымъ классамъ населенія въ Новгородской Руси относились „закупни“ и „закладни“. Закупни это то же, что и закупы Кіевской Руси (кн 1-ая, § 152); экономическое и юридическое положеніе ихъ—то же, что и въ предшествующую эпоху. Что касается закладней, или „закладчиковъ“ (отъ глагола „заложиться“, т.-е. отдаться подъ покровительство), то этотъ классъ населенія созданъ былъ тою ступенью въ развитіи земледѣлія, которая стала требовать отъ мелкихъ землевладѣльцевъ капитала. Съ цѣлью пріобрѣсти постоянную матеріальную поддержку для эксплоатаціи своего клочка земли, для уплаты податей, а также юридическую помощь, закладни, подобно западно-европейскимъ коммендатамъ, отдавались вмѣстѣ со своею землею подъ покровительство богатыхъ капиталистовъ—бояръ, монастырей, владыки. Они освобождались отъ государственныхъ податей, которыя уплачивались за нихъ ихъ патрономъ, получали отъ него матеріальную помощь и подлежали его суду.

Несвободнымъ классомъ населенія были по прежнему холопы, получившіе въ Новгородско-Псковской Руси названіе одерноватыхъ (по обряду передачи дерна, сопровождавшему обращеніе свободнаго гражданина въ раба). Холопы не имѣли никакихъ политическихъ и имущественныхъ правъ. Они были лишены почти всѣхъ гражданскихъ правъ: холопы, подобно какой-нибудь движимости, могли быть продаваемы, закладываемы, даримы, передаваемы по завѣщанію. Только въ нѣко-

торыхъ отношеніяхъ можно видѣть признаніе личности въ холопѣ: онъ, подобно свободному крестьянину, подлежалъ государственному суду и при томъ въ присутствіи господина.

13. Духовенство. Новгородско-Псковская церковь представляла первоначально окраинную епархію, зависѣвшую отъ кіевскаго митрополита. Въ первые вѣка своего существованія новгородско-псковское духовенство ничѣмъ почти не отличалось отъ прочаго русскаго духовенства: оно было только менѣе образовано, чѣмъ въ самомъ Кіевѣ.

По своему соціальному происхожденію и положенію, новгородско-псковское духовенство, какъ и духовенство Кіевской Руси (кн. 1-ая, § 150), распадалось на два слоя: 1) низшее духовенство, состоявшее изъ бѣлаго и небольшой доли чернаго духовенства, и 2) высшее, состоявшее изъ огромнаго большинства чернаго духовенства. Низшее духовенство набиралось изъ низшихъ классовъ и находилось въ подчиненныхъ данническихъ отношеніяхъ къ главѣ всего духовенства — „владыкѣ", новгородскому архіепископу. Высшее духовенство, по своему соціальному составу, принадлежало къ высшимъ классамъ, главнымъ образомъ, къ боярству, и пользовалось цѣлымъ рядомъ правъ и привилегій.

Основныя задачи новгородско-псковскаго духовенства были попрежнему культурно-государственныя, т.-е. состояли въ служеніи интересамъ правящей части населенія: оно, во-1-хъ, проводило въ сознаніе новгородцевъ византійско-христіанское міровоззрѣніе, въ той формѣ, въ какой оно сдѣлалось ему самому доступнымъ благодаря непосредственному руководительству кіевскихъ митрополитовъ-грековъ и чтенію еврейско-византійской переводной литературы; во-2-хъ, сообразно съ этимъ міровоззрѣніемъ оно старалось перестроить тѣ жизненныя отношенія, на которыя простиралась его власть; въ-3-хъ, оно возносило къ Богу молитвы въ сопровожденіи опредѣленныхъ обрядовъ съ цѣлью исходатайствовать міряпамъ, преимущественно изъ высшихъ классовъ, Божью помощь въ ихъ практическихъ дѣлахъ, устранить дьявольскіе козни противъ нихъ, возблагодарить Бога за оказанную уже помощь, выхлопотать имъ спасеніе души и блаженство на томъ свѣтѣ и т. д.

Соотвѣтственно особенностямъ Новгородско-Псковской окраины и ея судьбамъ и духовенство новгородское съ теченіемъ времени принимаетъ своеобразныя черты.

1) **Бѣлое духовенство.** Въ новгородско-псковскомъ бѣломъ духовенствѣ съ теченіемъ времени вырабатываются три особенности.

Во-первыхъ, новгородское общество пріобрѣтаетъ вліяніе на назначеніе священниковъ путемъ представленія владыкѣ кандидатовъ, заключаетъ со священниками договоры о срокѣ службъ, объ ихъ количествѣ и т. д.

Во-вторыхъ, новгородское бѣлое духовенство образуетъ корпораціи. Эти корпораціи назывались „соборами". Соборовъ въ Новгородѣ насчитывалось семь, а во Псковѣ — шесть. Во главѣ собора стоялъ выборный „поповскій", или „соборный", староста. Цѣль этихъ корпорацій духовенства заключалась въ томъ, чтобы устанавливать въ своей средѣ раскладку сборовъ и налоговъ въ пользу владыки за посвященіе и церковный судъ, сборъ денегъ на дары и всякаго рода приношенія владыкѣ, организовать совмѣстное богослуженіе всѣхъ членовъ собора и пр.

Въ-третьихъ, тяжесть матеріальной и юридической зависимости отъ владыки порождаетъ въ средѣ бѣлаго духовенства настроеніе недовольства, которое идейно выразилось въ двухъ ученіяхъ: въ стригольничествѣ и въ ереси жидовствующихъ.

2) **Монашество.** Уже къ концу XII в. въ Новгородско-Псковской Руси насчитывалось около 20 монастырей. Позже число ихъ сильно увеличилось. По своему типу они были двоякаго рода: особножительные (келліотскіе) и общежительные. Своимъ появленіемъ новгородскіе монастыри обязаны были двумъ причинамъ.

Во-первыхъ, значительная часть монастырей возникла, подобно всѣмъ почти монастырямъ Кіевской Руси, по иниціативѣ или благодаря субсидіямъ князей, бояръ, купцовъ (кн. 1-ая, § 271). Назначеніе этихъ монастырей состояло въ томъ, чтобы ихъ монахи, какъ особая группа искусныхъ спеціалистовъ-богомольцевъ, непрестанно возносили къ Богу молитвы объ ихъ основателяхъ, а также о тѣхъ лицахъ, которыя оказывали имъ матеріальную поддержку.

Матеріальная поддержка монастырямъ сводилась къ нѣсколькимъ видамъ. Главный видъ состоялъ въ пожалованіи монастырю земельной собственности князьями, боярами и т. д. Другой видъ состоялъ изъ вкладовъ (земельныхъ или денежныхъ) „по душѣ"; эти вклады дѣлались съ тѣмъ, чтобы мо-

нахи даннаго монастыря вѣчно возносили молитвы о спасеніи жизни вкладчика послѣ его смерти. Монастыри, принимавшіе такіе вклады, вырабатывали особую таксу для заупокойныхъ богослуженій различныхъ видовъ—для большихъ и малыхъ панихидъ, литій, обѣденъ. Въ посланіи преп. Іосифа Волоцкаго къ вдовѣ княгинѣ Голениной изложена цѣлая теорія такихъ вкладовъ. Княгиня въ теченіе многихъ лѣтъ дѣлала вклады въ Волоколамскій монастырь для поминовенія ея отца, мужа и двухъ сыновей. Общая сумма этихъ вкладовъ „по душѣ“ достигла 70 р. (на наши деньги 4.000 р.). Покойниковъ княгини поминали въ Волоколамскомъ монастырѣ на общихъ панихидахъ вмѣстѣ съ другими вкладчиками. Княгиня стала требовать, чтобы ея покойниковъ внесли въ вѣчный синодикъ и поминали особо. Монастырская администрація отвѣтила, что для вѣчнаго особаго поминанія требуется большой вкладъ. Княгиня разсердилась и назвала такое требованіе „грабежомъ“. Монастырская администрація въ лицѣ Іосифа разъяснила княгинѣ ея неправоту: покойниковъ ея поминаютъ на общихъ панихидахъ, литіяхъ и обѣдняхъ не менѣе 6 разъ въ день, а иногда и 10 разъ; совершать особыя богослуженія за каждаго невозможно; священникъ не отслужитъ даромъ ни одной панихиды и обѣдни, а возьметъ за это рубль (по нашему счету); наконецъ, въ синодикъ нельзя никого записать безъ предварительнаго договора объ ежегодномъ вкладѣ деньгами или хлѣбомъ, или объ единовременномъ вкладѣ землею. Такимъ образомъ, лица, желавшія вѣчнаго поминовенія своихъ родныхъ или себя самихъ, должны были дѣлать громадныя вклады въ монастыри. Само собою разумѣется, что притокъ такихъ вкладовъ постоянно росъ, и монастыри быстро богатѣли.

Другой видъ вкладовъ дѣлался для постриженія. Лица, желавшія постричься въ монастырь, должны были дѣлать взносъ, которымъ обезпечивались затраты монастыря на его содержаніе. Размѣръ такого взноса былъ не малъ—отъ 600 р. до 12.000 р. (на наши деньги). Постригаться при такихъ условіяхъ могли только богатые люди — князья, бояре, купцы. Вклады для постриженія были также важнымъ источникомъ обогащенія монастырей.

Наконецъ, пользуясь своими капиталами, монастыри скупали продававшіяся земли, и это еще болѣе увеличивало ихъ матеріальную силу.

Такимъ образомъ, монастыри перваго типа и по своему происхожденію, и по назначенію, и по составу монашества были учрежденіями аристократическими—княжеско-боярскими.

Во-вторыхъ, рядъ монастырей возникъ подъ вліяніемъ колонизаціоннаго движенія новгородцевъ: энергичные монахи, происходившіе изъ боярскаго (дворянскаго) или купеческаго сословія, рѣдко изъ низшихъ классовъ, захваченные общимъ движеніемъ, уходили изъ своихъ монастырей въ глухія незанятыя мѣста и здѣсь „спасались", т.-е. среди необработанной суровой природы, вдали отъ населенныхъ мѣстъ, тяжкимъ трудомъ поддерживали свое существованіе. Слава о такихъ отшельникахъ, сумѣвшихъ устроиться въ глухихъ дебряхъ, распространялась, и къ нимъ стекались монахи изъ другихъ монастырей или міряне изъ городовъ, люди, недовольные окружавшей ихъ жизнью и жаждавшіе простой трудовой жизни вдали отъ свѣтской и духовной администраціи. Если отшельникъ, первый занявшій данное мѣсто, обладалъ организаторскими способностями, онъ строилъ монастырь, который дѣлался образцовымъ товарищескимъ хозяйствомъ: его члены монахи съ игуменомъ во главѣ совершали всѣ работы по хозяйству. Это—начальный фазисъ въ развитіи монастыря, когда планомѣрная работа по устройству и эксплоатаціи колоніи напрягала и дисциплинировала умственно-физическія силы монаховъ, когда монахи волей-неволей вели простой, преисполненный труда, образъ жизни, когда повсюду разносилась слава о святой богоугодной жизни въ этомъ монастырѣ.

Съ распространеніемъ славы монастыря начинался второй фазисъ въ его развитіи: князья, бояре, купцы, услышавъ про святую жизнь въ его стѣнахъ, устремлялись сюда за молитвами богоугодныхъ монаховъ, которыя скорѣе могли быть услышаны Богомъ, нежели молитвы монаховъ другихъ монастырей. Начинался притокъ вкладовъ „по душѣ" и для постриженія. Монастырь быстро богатѣлъ, а монашескій составъ аристократизировался. Монахи все болѣе и болѣе отрывались отъ хозяйственнаго труда для молитвъ, а отрасли хозяйственнаго труда передавались крестьянамъ и разнаго рода слугамъ. Проходило нѣсколько десятковъ лѣтъ, и монастырь, иногда еще при жизни своего организатора, превращался въ обычное аристократическое учрежденіе для молитвъ о знатныхъ и богатыхъ вкладчикахъ.

Къ концу Новгородско-Псковской Руси ея монастыри представляли крупные землевладѣльческо-капиталистическія предпріятія, сосредоточившія въ своихъ рукахъ значительную и наилучшую часть новгородской территоріи и дававшія своимъ членамъ спокойную обезпеченную жизнь вдали отъ треволненій міра.

3) Владыка. Во главѣ новгородскаго духовенства стоялъ новгородскій епископъ-владыка. Первоначально, до половины XII в., владыка ничѣмъ не отличался отъ другихъ русскихъ епископовъ; онъ находился въ зависимости отъ кіевскаго митрополита, который его назначалъ, поставлялъ, судилъ и смѣнялъ. Хотя владыка состоялъ членомъ новгородской княжеской думы, однако вліяніе его было ничтожно. Во второй половинѣ XII в. значеніе владыки, подъ вліяніемъ развитія новгородской самостоятельности, начинаетъ усиливаться. Подъ 1156 г. въ лѣтописи впервые встрѣчается указаніе на новый порядокъ въ назначеніи владыки: владыка выбирается на вѣчѣ во дворѣ св. Софіи всѣми новгородцами—свѣтскаго и духовнаго званія—изъ представителей мѣстнаго духовенства—бѣлаго или чернаго. Если на вѣчѣ раздавались голоса за разныхъ кандидатовъ, то прибѣгали къ жребію: записывали имена трехъ кандидатовъ на особые „жеребьи“, къ которымъ прилагалась печать новгородскаго посадника; эти жеребьи относили на главный престолъ св. Софіи; послѣ обѣдни поручали слѣпцу или княжескому ребенку взять съ престола одинъ жеребій; чье имя вынималось первымъ, тотъ и считался выбраннымъ. Съ XIV в. порядокъ былъ измѣненъ: избраннымъ считался тотъ, чей жеребій оставался на престолѣ послѣднимъ, при чемъ первые жеребьи вынималъ протопопъ Софійскаго собора. Кіевскій митрополитъ, затѣмъ Владимирскій и, наконецъ, Московскій фактически удержали за собою только право утверждать избраннаго новгородцами владыку. Главой новгородскаго духовенства сталъ такимъ образомъ свой человѣкъ, и притомъ выбираемый всѣмъ новгородскимъ обществомъ. Это, въ связи съ другими благопріятными условіями, повело къ тому, что новгородскій владыка превратился въ крупную экономическую и общественно-политическую силу въ Новгородѣ.

Во-первыхъ, новгородскій владыка, получавшій огромные доходы со всего новгородскаго духовенства, превратился въ самаго крупнаго новгородскаго капиталиста-землевладѣльца: въ

концѣ XV в. только въ трехъ пятинахъ—Вотской, Шелонской и Деревской—ему принадлежало около 2.000 десятинъ одной только пахотной земли въ каждомъ изъ трехъ полей; владыка помогалъ Новгороду при уплатѣ контрибуцій: въ 1386 г. онъ уплатилъ Дмитрію Донскому 3.000 р. изъ 8.000, которыя обязанъ былъ уплатить Новгородъ.

Во-вторыхъ, новгородскій владыка, бывшій первоначально вторымъ по власти лицомъ послѣ князя, съ уменьшеніемъ княжеской власти начинаетъ занимать первое мѣсто; къ его правамъ и обязанностямъ чисто церковнаго характера присоединяется рядъ общественно-политическихъ функцій свѣтскаго характера: 1) владыка — распорядитель и исполнитель общественныхъ работъ: въ 1230 г. онъ строитъ скудельницу для погребенія покойниковъ; въ 1338 г. онъ строитъ новый Волховскій мостъ; въ 1361 г. онъ помогъ средствами при постройкѣ каменнаго города; въ 1391 г. для построенія каменныхъ башенъ новгородцы взяли изъ казны св. Софіи 5.000 р. серебра; 2) владыка провѣрялъ мѣры и вѣсы, при чемъ въ случаѣ порчи ихъ штрафовалъ надсмотрщиковъ; 3) владыка обладалъ широкой судебной властью не только по церковнымъ дѣламъ, но и по чисто свѣтскимъ въ качествѣ третейскаго судьи; 4) владыка пользовался большимъ вліяніемъ на вѣчѣ: съ одной стороны, онъ благословлялъ вѣчевые акты и прилагалъ къ нимъ свою печать, а съ другой стороны, мирилъ враждующія вѣчевыя партіи, появляясь съ крестомъ среди нихъ на Волховскомъ мосту; 5) владыка былъ покровителемъ иностраннаго купечества и вообще иностранцевъ въ Новгородѣ: онъ открывалъ имъ доступъ къ мѣстнымъ властямъ при помощи своихъ приставовъ; иностранные купцы, уѣзжая изъ Новгорода, оставляли ему запечатанные ключи отъ варяжской церкви, служившей, между прочимъ, главнымъ складомъ для ихъ товаровъ; 6) владыка велъ дипломатическія сношенія съ иноземными государствами, при чемъ нерѣдко самъ отправлялся во главѣ посольства; 7) наконецъ, владыка имѣлъ свое собственное войско, „владыченъ стягъ“.

Обиліе обязанностей владыки требовало цѣлаго штата чиновниковъ-исполнителей. Главнѣйшіе изъ нихъ назывались „софіянами“. Къ нимъ относились, во-1-хъ, „нарочитые дворяне“, или „владычни бояре“, во-2-хъ, „владычни дѣти боярскія“. Эти чиновники исполняли разныя обязанности: упра-

вляли имѣніями владыки, софійской казной, собирали оброкъ съ крестьянъ, жившихъ на его земляхъ, судили ихъ, несли службу въ полку владыки, замѣняли владыку по дѣламъ церковнымъ, служили въ качествѣ намѣстниковъ владыки во Псковѣ, въ Двинской землѣ и т. д.

Изъ всего этого видно, что новгородскій владыка былъ высшей исполнительной властью въ Новгородѣ. Благодаря выборности этой должности владыка въ своихъ дѣйствіяхъ былъ выразителемъ воли всего Господина Великаго Новгорода; а такъ какъ руководящую роль въ Новгородѣ имѣло боярство (§§ 15, 16), то владыка былъ выразителемъ интересовъ боярства. Боярство въ Новгородѣ распадалось на двѣ главныя партіи, къ которымъ примыкало и прочее населеніе: аристократическую и демократическую (§ 16). Обѣ партіи боролись другъ съ другомъ за власть. Съ побѣдой одной партіи надъ другой мѣнялся составъ всей исполнительной власти; мѣнялся и владыка, такъ какъ такую важную должность могло занимать лишь лицо способное вести политику стоящей у власти партіи. Этимъ объясняется то, что рѣдкій владыка занималъ свою должность до конца жизни. Въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ владыки еще при жизни своей оставляли свой постъ. Бывало и такъ, что одно и то же лицо нѣсколько разъ занимало постъ владыки, въ зависимости отъ того, одержала ли партія, къ которой онъ примыкалъ, побѣду, или она потерпѣла пораженіе.

Примѣромъ того, какъ мѣнялись владыки, можетъ служить время отъ 1211 г. до 1229 г. Въ 1211 г. владыка Митрофанъ былъ низверженъ, и на его мѣсто возведенъ Антоній (въ мірѣ Добрыня Ядрѣйковичъ, кн. 1-ая, § 294), занимавшій каѳедру до 1219 г. Въ этомъ году Антонію предложено было „идти, куда знаетъ“, а на каѳедру снова возвели Митрофана. Въ 1223 г. Митрофанъ умеръ, и владыкой выбрали Арсенія, монаха Хутынскаго монастыря. Въ 1225 г. Арсенію дали отставку и владыкой снова провозгласили Антонія. Съ 1228 г. Антоній разболѣлся и онѣмѣлъ (очевидно, отъ нервнаго напряженія среди партійной борьбы) и оставилъ каѳедру. Лѣтописецъ отмѣчаетъ, что Антоній „бысть въ болѣзни той не глаголя лѣтъ 6 и мѣсяцъ 7 и 9 дній...“. Владыкой снова былъ избранъ Арсеній. Но не долго занималъ онъ каѳедру. Разразившееся надъ Новгородомъ стихійное бѣдствіе—продол-

жительные дожди, отъ которыхъ „ні сѣна людьемъ бяше лзѣ добыти, ні нивѣ дѣлати“—подало поводъ оппозиціи обвинить въ этомъ Арсенія: онъ далъ мзду князю, низвергъ Антонія и сѣлъ на его мѣсто. Взволнованный народъ двинулся на дворъ владыки и, „акы злодѣя“, стали выталкивать его вонъ („пьхающе за воротъ“); едва Богъ спасъ владыку отъ смерти. Владыкой снова объявяли Антонія, а такъ какъ послѣдній самъ не могъ уже управлять дѣлами, то къ нему прикомандировали двухъ мужей: Якуна Моисеевича и Микифора щитника. Въ 1229 г. на мѣсто Антонія выбранъ былъ владыкой Спиридонъ.

Владыка былъ главнымъ уполномоченнымъ правящаго новгородскаго боярства, первымъ духовно-свѣтскимъ правительственнымъ лицомъ въ Новгородѣ. Развитіе новгородской самостоятельности естественно приводило къ развитію независимости владыки отъ митрополита. Со второй половины XII в. и до начала XIV в. наступило наиболѣе благопріятное для этого стремленія время: *во-первыхъ*, въ это время до татарскаго нашествія сильно ослабѣлъ Кіевъ, и соотвѣтственно этому власть митрополита стала призрачной; *во-вторыхъ*, со времени нашествія татаръ положеніе митрополита сдѣлалось очень неустойчивымъ: онъ кочевалъ между Русью Галицкой и Русью Окско-Волжской. Въ это время богатому Новгороду не трудно было бы добиться полной церковной независимости отъ митрополита. Но такъ какъ власть митрополита и такъ не чувствовалась въ Новгородѣ и сводилась лишь къ формальному утвержденію избраннаго уже новгородцами владыки, то новгородцы не считали нужнымъ прилагать особыя усилія къ юридическому оформленію фактической независимости владыки. Выхлопотавъ владыкѣ у патріарха титулъ архіепископа въ 1165 г., что выдѣлило новгородскаго епископа изъ среды другихъ епископовъ, новгородцы удовлетворились фактической независимостью владыки.

Въ началѣ XIV в., съ переходомъ великокняжеской власти въ руки московскаго князя и съ перенесеніемъ митрополичьей каѳедры въ Москву, положеніе митрополита круто измѣнилось: въ лицѣ московскаго князя митрополитъ пріобрѣлъ сильную опору, съ каждымъ десятилѣтіемъ становившуюся все болѣе и болѣе могучей, а московскій князь въ лицѣ митрополита нашелъ могучее орудіе для своихъ политическихъ цѣлей и прежде всего для расширенія своей власти. Это повліяло на

взаимныя отношенія митрополита и владыки. Митрополиту формально принадлежало право верховнаго суда надъ новгородскимъ владыкой, хотя митрополитъ со второй половины XII в. и до начала XIV в. фактически не пользовался имъ. Съ начала XIV в. митрополитъ начинаетъ пользоваться этимъ правомъ при малѣйшемъ поводѣ: приглашаетъ новгородскаго владыку къ себѣ въ Москву, или посылаетъ въ Новгородъ своихъ довѣренныхъ лицъ, или самъ пріѣзжаетъ въ Новгородъ для разбирательства жалобъ на владыку. „Подъѣздъ" митрополита совершался обыкновенно разъ въ четыре года, при чемъ пребываніе митрополита или его довѣреннаго лица продолжалось не болѣе мѣсяца. За это время новгородское духовенство обязано было содержать матрополита съ его свитой и подносить всевозможные дары. И пріѣздъ митрополита въ Новгородъ, и поѣздка владыки въ Москву требовали большихъ расходовъ. Такимъ образомъ, древняя формальная зависимость отъ митрополита стала превращаться въ фактическую, сопряженную вдобавокъ съ крупными матеріальными расходами. Новгородцы встрепенулись: они поняли, что необходимо было добиться и формальной независимости отъ митрополита, т.-е. автокефальности новгородской церкви. Думая, что и теперь еще не поздно заняться этимъ, новгородцы дѣлаютъ одну попытку за другой, чтобы подготовить объявленіе своей церковной самостоятельности. *Во-первыхъ*, у нихъ подвергается переработкѣ преданіе о бѣломъ клобукѣ (кн. 1-ая, § 133) въ томъ смыслѣ, что онъ по волѣ Божьей былъ доставленъ въ Новгородъ для его владыки, какъ доказательство особой чистоты вѣры въ Новгородѣ, а слѣдовательно, и права на автокефальность. *Во-вторыхъ*, въ 1346 г. митрополитъ Ѳеогностъ пожаловалъ новгородскому владыкѣ Василію крестчатыя ризы, т.-е. далъ право носить фелонь съ четырьмя крестами, что служило признакомъ особаго отличія передъ прочими епископами. Этимъ пожалованіемъ новгородцы стали пользоваться въ томъ смыслѣ, что ихъ церковь становится независимой отъ Москвы. Увидя послѣдствія своего пожалованія, митрополитъ отказалъ слѣдующему владыкѣ Моисею въ правѣ ношенія крестчатыхъ ризъ. Тогда Моисей добивается этого права у самого патріарха. Его преемникъ Алексѣй тщательно сохраняетъ это право. Московскій митрополитъ жалуется на это патріарху, который въ 1370 г. запрещаетъ владыкѣ носить крестчатыя ризы.

Въ 1385 г. новгородцы постановили отказаться въ церковныхъ дѣлахъ своихъ отъ верховнаго суда митрополита, а судиться у своего владыки, т.-е. они объявили свою церковь независимой отъ Москвы. Константинопольскій патріархъ прислалъ новгородцамъ грамоту съ требованіемъ подчиниться московскому митрополиту, а послѣдній въ 1391 г. даже отлучилъ новгородцевъ отъ церкви. Это не подѣйствовало на новгородцевъ. Тогда на сцену выступаетъ московскій князь, который до этого времени скрывался за спиной митрополита: въ 1393 г. великій князь Василій Дмитріевичъ объявляетъ новгородцамъ войну. Новгородъ, военныя силы котораго были ничтожны (§ 6), терпитъ пораженіе и принимаетъ обязательство оставаться въ прежней церковной зависимости отъ Москвы. Такъ окончилась неудачей поздно предпринятая новгородцами попытка добиться церковной самостоятельности.

14. Положеніе женщины. Уже въ патріархально-родовую эпоху женщина попала въ экономическую и юридическую зависимость отъ мужчины: она сдѣлалась завѣдующей домашнимъ хозяйствомъ мужа. Хозяйственное положеніе женщины отразилось на ея правахъ и обязанностяхъ въ эпоху государственнаго строя: мужчина, принимавшій участіе въ широкомъ общественномъ трудѣ, имѣлъ и соотвѣтствующія права и обязанности политическаго характера; женщина свободныхъ классовъ, завѣдывавшая только домашнимъ частнымъ хозяйствомъ, сохранила за собою права гражданскія и, какъ и въ Кіевской Руси, никакого участія не имѣла въ правахъ и обязанностяхъ политическихъ.

Гражданскія права свободной женщины въ Новгородско-Псковской Руси были тѣ же, что и права мужчинъ: женщина, напр., могла вести судебный процессъ, участвовать въ судебномъ поединкѣ противъ женщины, а противъ мужчины выставлять наймита; она могла заключать займы; имущества мужа и жены признавались ихъ общимъ достояніемъ; если одинъ изъ супруговъ умиралъ и завѣщанія не оказывалось, оставшійся супругъ пользовался имъ до вторичнаго вступленія въ бракъ; жена имѣла даже право завѣщать при жизни мужа свое имущество постороннему лицу. При такихъ условіяхъ гражданскаго права вдова пріобрѣтала въ семьѣ большое значеніе. Въ высшемъ классѣ, боярскомъ, начинаютъ выдѣляться властныя матери-вдовы, пользующіяся большимъ авторитетомъ

въ семьѣ и даже въ обществѣ. Замѣчательнѣйшимъ примѣромъ такой матери-вдовы можетъ служить знаменитая Марѳа Борецкая, руководившая аристократической партіей въ борьбѣ съ Москвой при Иванѣ III.

Женщина изъ несвободнаго класса населенія, какъ и холопы, не пользовалась гражданскими правами.

15. Политическій строй Новгородско-Псковской Руси. Основной политической силой въ Новгородско-Псковской Руси было *вѣче*.

Новгородское вѣче собиралось въ двухъ мѣстахъ: или на Ярославовомъ дворѣ на Торговой сторонѣ, или у св. Софіи на Софійской сторонѣ. Населеніе сзывалось на вѣче посредствомъ вѣчевого колокола; иногда посылались на площади и по улицамъ бирючи и подвойскіе (полицейскіе) созывать населеніе.

По составу, способу рѣшенія вопросовъ вѣче въ Новгородѣ почти ничѣмъ не отличалось отъ вѣча Кіевской Руси. На новгородскомъ вѣчѣ имѣли право присутствовать всѣ свободные граждане страны (въ томъ числѣ и духовенство).

Какъ и въ предыдущую эпоху, при отсутствіи единогласнаго рѣшенія вѣча партіи вступали между собою въ схватку. Бывало такъ, что двѣ партіи образовывали два вѣча: одно на Ярославовомъ дворѣ, другое у св. Софіи; принявъ различныя рѣшенія, оба вѣча шли другъ на друга съ боемъ и сходились обыкновенно на Волховскомъ мосту.

Вѣдомство вѣча въ Новгородско-Псковской Руси опредѣленнѣе въ юридическомъ отношеніи и устойчивѣе, нежели въ Руси Велиководной.

Во-первыхъ, вѣче было единственнымъ источникомъ новгородскаго законодательства: „Новгородскую судную грамоту“ составили „бояре, и житьи люди, и купцы, и черные люди, весь государь Великій Новгородъ на вѣчѣ на Ярославлѣ дворѣ“. *Во-вторыхъ*, вѣчу принадлежало завѣдываніе государственными финансами: вѣче устанавливало налоги, назначало и раскладывало разнаго рода прямые сборы, опредѣляло и измѣняло монетную систему. *Въ-третьихъ*, ему принадлежало право объявлять войну и заключать миръ, заключать съ иностранными государствами договоры. *Въ-четвертыхъ*, вѣче избирало и назначало должностныхъ лицъ: владыку, князя, посадника, тысяцкаго, сотскихъ, старостъ и пр. *Въ-пятыхъ*, вѣче совер-

шало судъ надъ политическими и должностными преступленіями: въ 1209 г. оно судило посадника Дмитра Мирошкинича, въ 1218 г.—князя Святослава съ Твердиславомъ, въ 1228 г.—Судомира, въ 1230 г.—Степана Твердиславича, въ 1316 г.—Игната Бѣска, въ 1384 г.—князя Патрикія.

Таково было обширное вѣдомство вѣча. Юридически оно было выражаніемъ воли всѣхъ свободныхъ классовъ населенія и даже преимущественно воли наиболѣе многочисленнаго класса населенія — черныхъ людей; фактически, какъ это и можно было ожидать по экономическому строю новгородцевъ, вѣче, подъ видомъ общественной воли, выражало по преимуществу волю боярства и высшаго духовенства.

Второй политической силой въ Новгородѣ былъ *совѣтъ господъ*, развившійся изъ новгородской княжеской думы. Первоначально онъ, какъ и княжская дума въ Кіевѣ, былъ совѣщательнымъ органомъ при князѣ съ неопредѣленнымъ составомъ изъ выбранныхъ княземъ старшихъ дружинниковъ и съ случайнымъ вѣдомствомъ (кн. 1-ая, § 153).

Съ XIII в. это учрежденіе принимаетъ болѣе опредѣленныя формы. Прежде всего изъ совѣта господъ исчезаютъ княжескіе бояре и купеческіе старосты. Въ составъ его входятъ слѣдующія категоріи лицъ: 1) посадникъ, тысяцкій, сотскіе и старосты городскихъ концовъ, 2) бывшіе посадники и тысяцкіе, составлявшіе не малый по численности элементъ (въ 1476 г. такихъ посадниковъ было 20, а тысяцкихъ — 5), и 3) бирючи. Число членовъ совѣта къ половинѣ XV в. доходитъ до 50 ч.

Составъ совѣта показываетъ, что это былъ совѣщательный органъ высшаго класса Новгорода: это былъ органъ господъ; его цѣлью было охранять интересы господъ.

Совѣтъ собирался у князя на Городищѣ, въ его загородномъ дворцѣ. Князь былъ предсѣдателемъ совѣта. Вліяніе его на совѣтъ было ничтожно. Въ отсутствіи князя совѣтъ собирался у владыки, къ которому переходило предсѣдательство.

Совѣтъ юридически зависѣлъ отъ вѣча: *во-первыхъ*, членами совѣта могли быть только лица, избиравшіяся вѣчемъ въ посадники, тысяцкіе, сотники и пр.; *во-вторыхъ*, члены совѣта давали отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ вѣчу и подлежали его суду и наказанію.

Фактически вѣче находилось подъ вліяніемъ совѣта. Въ совѣтъ входилъ цвѣтъ новгородскаго боярства и глава духо-

венства. Въ ихъ рукахъ сосредоточивались денежные капиталы и земельная собственность, которые давали имъ власть надъ купечествомъ и черными людьми; послѣдніе, тѣсно связанные съ своими господами матеріальною зависимостью, не могли при рѣшеніи на вѣчѣ вопросовъ внѣшней и внутренней политики идти противъ своихъ господъ. Поэтому на вѣчѣ могли имѣть перевѣсъ только тѣ рѣшенія, которыя вырабатывались господами.

Компетенція совѣта давала ему возможность послѣдовательно и непрерывно направлять вѣче въ духѣ интересовъ господствующихъ классовъ. *Во-первыхъ*, совѣту принадлежало право предварительнаго обсужденія вопросовъ, подлежавшихъ окончательному рѣшенію вѣча; благодаря власти надъ купечествомъ и черными людьми аристократіи не трудно было проводить черезъ вѣче тѣ рѣшенія, къ которымъ приходилъ совѣтъ. *Во-вторыхъ*, совѣту принадлежало право руководить дѣятельностью администраціи, т.-е. посадника, тысяцкаго и пр.; ясно, что эти лица должны были слѣдовать указаніямъ совѣта.

Наконецъ, вліянію совѣта на вѣче содѣйствовало то, что въ немъ сосредоточивались такіе представители высшихъ классовъ, которые имѣли многовѣковой административный опытъ, недостававшій другимъ классамъ населенія.

Третьимъ элементомъ новгородскаго правительства былъ *князь*. Въ положеніи князя въ Новгородѣ надо различать три фазиса: 1) до второй четверти XII в., 2) отъ второй четверти XII в. до XV в. и 3) XV в.

До второй четверти XII в. новгородскій князь (или его намѣстникъ) имѣлъ то же значеніе, что и для всей Кіевской Руси: онъ былъ военоначальникомъ и верховнымъ судьей, т.-е. охранялъ новгородцевъ отъ внѣшнихъ опасностей и устранялъ внутреннія столкновенія; за эту дѣятельность князь получалъ дань, судебныя пошлины и содержаніе отъ всей области.

Подъ 1126 г. въ лѣтописи сообщается, что новгородцы выбрали себѣ посадника. До этого времени новгородскій посадникъ назначался княземъ. Избраніе посадника вѣчемъ вмѣсто назначенія его княземъ является первымъ признакомъ развитія новгородскаго самоуправленія и вмѣстѣ съ тѣмъ ограниченія княжеской власти. За этимъ первымъ ограниченіемъ послѣдовательно до конца XIV в. идетъ цѣлый рядъ другихъ: около 1135 г. право торговаго суда переходитъ отъ князя

Всеволода Мстиславича къ коллегіи новгородскихъ купцовъ, состоявшей изъ пяти старостъ Иванскаго купечества, съ предсѣдателемъ тысяцкимъ во главѣ. При только что упомянутомъ князѣ случилось крупное событіе, имѣвшее важное значеніе для развитія новгородскаго самоуправленія: князь былъ изгнанъ вѣчемъ, и съ этого времени вѣче пріобрѣтаетъ право избирать князей, заключая съ ними опредѣленный договоръ, и изгонять ихъ. Въ XIII в. князь новгородскій отдаетъ новгородцамъ на откупъ свое право суда и право собирать дани и пошлины. Подъ 1218 г. лѣтопись сообщаетъ, что князь даетъ присягу не смѣщать выборныхъ должностныхъ лицъ безъ суда и вины. Изъ договоровъ XIII — XIV вв. съ князьями видно, какія обязательства брали на себя приглашаемые князья: во-1-хъ, князь обязывался управлять новгородскими волостями при посредствѣ лицъ новгородскаго происхожденія, а не своихъ; во-2-хъ, не смѣщать должностное лицо безъ суда и вины; въ-3-хъ, на новгородскія должности князь не могъ назначить никого безъ предварительнаго соглашенія съ посадникомъ; въ-4-хъ, безъ предварительнаго рѣшенія вѣча не объявлять войны; въ-5-хъ, не судить никого иначе, какъ въ присутствіи посадника; въ-6-хъ, не пріобрѣтать въ Новгородско-Псковской области ни себѣ, ни своимъ „селъ, слободъ, холоповъ и закладней“, и т. д.

Благодаря этимъ ограниченіямъ новгородскій князь къ концу XIV в. сохраняетъ за собою только одно право или, вѣрнѣе, обязанность — военачальника: князь сталъ въ Новгородѣ наемнымъ организаторомъ внѣшней защиты. Но и въ этомъ отношеніи князь былъ ограниченъ: нерѣдко въ походѣ князя сопровождалъ посадникъ.

Со времени возвышенія московскихъ князей и особенно въ XV в. власть князя начинаетъ снова усиливаться. Произошло это такимъ образомъ. Вѣче, выбирая себѣ среди русскихъ князей своего князя, руководилось соображеніями о выгодахъ, которыя можно было бы при этомъ извлечь для новгородскихъ торгово-промышленныхъ предпріятій. Новгородцы были связаны въ торгово-промышленномъ отношеніи съ Окско-Волжской Русью: сюда они привозили иностранные товары и здѣсь покупали предметы мѣстнаго производства. Поэтому новгородцамъ нуженъ былъ такой князь, который сулилъ бы въ этомъ отношеніи наибольшія выгоды. Выгоднымъ княземъ считался у новгородцевъ

самый сильный: такой князь, *во-первыхъ*, могъ бы нанести новгородской торговлѣ большой ущербъ, если бы новгородцы не выбрали его своимъ княземъ; *во-вторыхъ*, онъ могъ бы, въ случаѣ нужды, защитить ихъ отъ татаръ и нанести врагамъ Новгорода большой ущербъ. На этихъ основаніяхъ новгородцы обыкновенно выбирали себѣ такого князя, который занималъ великокняжескій престолъ. Съ возвышеніемъ Москвы Новгородъ выбираетъ себѣ московскихъ князей. Послѣдніе, пользуясь своею все возроставшей силой, начинаютъ вносить въ договоры съ Новгородомъ новые пункты, усиливавшіе ихъ власть надъ Новгородомъ и ослаблявшіе его самоуправленіе и самостоятельность. *Во-первыхъ*, новгородцы обязуются признавать только власть московскаго князя и не отдаваться подъ власть польскаго короля; *во-вторыхъ*, владыка посвящается митрополитомъ въ Москвѣ и уплачиваетъ митрополиту и князю пошлины по старинному; *въ-третьихъ*, верховная судебная власть переходитъ отъ вѣча и низшихъ инстанцій къ князю и его намѣстнику.

Органами выборной администраціи въ Новгородѣ были посадникъ, тысяцкій, кончанскіе старосты, сотскіе, уличанскіе старосты, биричи и подвойскіе и т. д. На всѣ эти должности выбирались лица, принадлежавшіе къ боярскому классу населенія, и при томъ къ тремъ-четыремъ фамиліямъ, занимавшимъ эти посты какъ бы по праву наслѣдства. Такъ, въ теченіе XIII в. посадникъ выбирался 23 раза; этотъ постъ занимало 15 лицъ (нѣкоторыя изъ нихъ выбирались нѣсколько разъ); изъ нихъ 10 принадлежали къ двумъ фамиліямъ: одна имѣла своимъ родоначальникомъ Михайлу Степаныча, а другая Мирошку Нездинича: и тотъ и другой были посадниками въ концѣ XII в. и въ началѣ XIII в. Выборъ всѣхъ этихъ лицъ именно изъ боярскаго класса былъ освященъ многовѣковымъ обычаемъ, имѣвшимъ реальныя основы: „нарочитые люди“ были потомками разбогатѣвшихъ патріарховъ, главъ семействъ, руководителей и организаторовъ общиннаго и семейнаго труда; какъ лица, обладавшія многовѣковымъ административнымъ опытомъ, они продолжали быть естественными кандидатами на выборныя должности и тогда, когда „нарочитые люди“ превратились въ бояръ; наконецъ, какъ лица богатыя, они одни имѣли достаточно досуга отъ борьбы за существованіе для того, чтобы отдавать свое время на управленіе.

Главнымъ должностнымъ лицомъ въ Новгородѣ былъ *посадникъ*, выбиравшійся на неопредѣленное время. Права и обязанности посадника сводились къ слѣдующему: 1) посадникъ—предсѣдатель вѣча; такъ какъ посадникъ во время собранія сидѣлъ на степени, то онъ въ отличіе отъ отставныхъ посадниковъ, „старыхъ", назывался степеннымъ; 2) посадникъ—непремѣнный членъ совѣта господъ; 3) въ отсутствіи князя посадникъ вступаетъ въ отправленіе его военной функціи; 4) посадникъ контролируетъ дѣйствія князя, какъ представитель воли Новгорода.

Тысяцкій выбирался, какъ и посадникъ, на неопредѣленный срокъ. Участвуя, какъ и посадникъ, въ вѣчѣ и совѣтѣ господъ, тысяцкій имѣлъ свое вѣдомство: 1) тысяцкій былъ ближайшимъ начальникомъ новгородскаго ополченія; 2) тысяцкій былъ предсѣдателемъ коллегій купеческаго суда; 3) тысяцкій съ 1270 г. — предсѣдатель суда, разбиравшаго дѣла между новгородскимъ и иностраннымъ купечествомъ.

Кончанскій староста, выбиравшійся изъ бояръ даннаго конца города (§ 3), былъ для конца тѣмъ же, чѣмъ посадникъ для всего города, т.-е. исполнительною и отчасти судебною властью.

Сотскій стоялъ во главѣ болѣе мелкаго дѣленія, нежели конецъ,—сотенъ, которыхъ въ Новгородѣ было десять. Сотскіе въ отношеніи къ сотнѣ были исполнительной и судебной властью.

Уличанскій староста стоялъ во главѣ еще болѣе мелкой единицы—улицы.

Биричи и *подвойскіе* были чиновники, исполнявшіе обязанности полицейскаго характера.

Земли, находившіяся внѣ городской новгородской территоріи, управлялись на разныхъ началахъ.

Прилегавшая къ Новгороду территорія, дѣлившаяся на пятины, примыкала къ городскимъ концамъ (за исключеніемъ бѣжецкой) и въ управленіи сливалась съ ними, завися отъ кончанскаго старосты.

Пригороды съ тяготѣвшими къ нимъ областями имѣли свое самоуправленіе для мѣстныхъ дѣлъ. У нихъ были свои вѣча, которыя постановляли тѣ или другія рѣшенія. Въ дѣлахъ общихъ они подчинялись постановленіямъ новгородскаго вѣча. Администрація пригородовъ состояла изъ посадниковъ, которые

посылались сюда Новгородомъ изъ числа новгородскихъ бояръ, по соглашенію новгородскаго посадника и новгородскаго князя.

Въ волостяхъ, лежавшихъ за пятинами, управленіе было разнообразно, въ зависимости отъ степени колонизаціи края. Наиболѣе заселенная новгородцами область — Двинская земля (Заволочье)—управляется съ XIII в. двумя новгородскими посадниками, присылавшимися изъ Новгорода. Въ остальныхъ волостяхъ, мало населенныхъ, управленіе сводилось къ тому, что туда ежегодно отправлялись новгородцами вооруженные отряды для сбора дани (§ 17).

Итакъ, новгородскіе области и пригороды находились въ финансовой, судебной и административной зависимости отъ Новгорода. Не всѣ области и пригороды примирялись съ этимъ; нерѣдко они поднимали противъ Новгорода возстанія, которыя приходилось подавлять вооруженной силой. Особенно много хлопотъ причинялъ Новгороду Псковъ.

16. Борьба партій въ Новгородѣ. Новгородско-Псковская Русь, продолжая оставаться за все время своего существованія охотничье-мѣновымъ государствомъ, какимъ была Русь Велиководная, въ то же время находилась на пути превращенія въ государство земледѣльческо-скотоводческое. Торговая сторона Новгорода съ примыкавшими къ ней пятинами и волостями была по преимуществу охотничье-торговой, а Софійская сторона съ примыкавшей къ ней Шелонской пятиной была по преимуществу земледѣльческо-скотоводческой (§§ 3,5). Такимъ образомъ, въ Новгородско-Псковской Руси параллельно развивались двѣ экономическія организаціи, которыя рано или поздно должны были столкнуться въ борьбѣ за существованіе.

Во главѣ охотничье-торговой организаціи стояла группа бояръ-капиталистовъ (§ 9), предки которыхъ въ теченіе многихъ поколѣній занимались охотой и обмѣномъ и оставили своимъ потомкамъ крупные денежные капиталы. Во главѣ земледѣльческо-скотоводческой организаціи стояла группа бояръ-землевладѣльцевъ (§ 9), предки которыхъ нѣсколько столѣтій занимались земледѣліемъ и скотоводствомъ. Первая группа бояръ была очень древняго происхожденія: въ ея рукахъ исторически сосредоточилась экономическая сила и политическая власть. Вторая группа была моложе первой; не обладая крупными денежными капиталами, не занимая перваго мѣста въ государствѣ, она чувствуетъ, однако, ростъ своей силы и, побу-

ждаемая этимъ, вступаетъ съ древнимъ денежнымъ боярствомъ въ борьбу за политическую власть. Въ эту борьбу вовлекаются и низшіе классы: сосредоточеніе богатствъ, денежныхъ и земельныхъ, въ рукахъ боярства, соотвѣтственный этому ростъ бѣдности и приниженности въ низшихъ классахъ развиваетъ въ послѣднихъ чувство недовольства и порождаетъ стремленіе— участіемъ въ политической борьбѣ улучшить свое положеніе. Народная масса дѣлится на группы, примыкающія то къ одной боярской партіи, то къ другой, въ зависимости отъ обстоятельствъ и текущихъ интересовъ.

Одна изъ указанныхъ партій, во главѣ которой стояли бояре, обладавшіе крупными денежными капиталами, носила аристократическій характеръ и называется аристократической; ея задача состояла въ томъ, чтобы вести борьбу за интересы денежнаго капитала и сдѣлать все новгородско-псковское населеніе, его учрежденія и его законодательство слугами этого капитала. Въ своей борьбѣ эта партія пользовалась силами той части остальныхъ классовъ населенія, которая находилась въ непосредственной матеріальной зависимости отъ бояръ-капиталистовъ. Представители аристократической партіи жили на Торговой сторонѣ; ея наиболѣе выдающіеся руководители были слѣдующія лица, занимавшія должность посадника: Дмитръ Завидичъ, его сынъ Завидъ Дмитровичъ, Иванко Павловичъ, его сынъ Судило Иванковичъ, Захарія, его сынъ Иванко Захарьиничъ, Мирошка Нездиничъ, его сынъ Дмитръ Мирошкиничъ и др.

Другая партія, во главѣ которой стояли бояре-землевладѣльцы, не получившіе по наслѣдству крупныхъ денежныхъ капиталовъ, носила демократическій оттѣнокъ и потому называется демократической; ея задачей была борьба противъ крупнаго денежнаго капитализма, стремленіе подорвать его силу и возвысить классъ бояръ-землевладѣльцевъ. Въ борьбѣ съ противниками демократическая партія опиралась на сочувствіе и помощь отчасти тѣхъ частей прочихъ классовъ населенія, которыя находились въ тѣсной матеріальной связи съ боярами-землевладѣльцами, т.-е. крестьянъ, отчасти тѣхъ элементовъ населенія, которые особенно страдали отъ власти денежнаго боярства. Представители партіи жили по преимуществу на Софійской сторонѣ; ея наиболѣе выдающіеся руководители, выбиравшіеся въ посадники, были слѣдующія лица: Миро-

славъ Гюрятиничъ, его сынъ Якунъ Мирославичъ, Михалко Степаничъ, его сынъ Твердиславъ Михалковичъ и др.

Борясь другъ съ другомъ за власть, партіи нерѣдко прибѣгали къ тому виду борьбы, который лежитъ въ основѣ всякой политической борьбы, т.-е. къ вооруженной схваткѣ. Для веденія такой борьбы бояре содержали вооруженныя дружины. Партія, побѣдившая на вѣчѣ, для болѣе прочнаго закрѣпленія власти за собою часто направляла свои дружины на лидеровъ побѣжденной партіи, громила ихъ дома и разграбляла ихъ богатства. О такихъ погромахъ новгородскія лѣтописи систематически разсказываютъ подъ слѣдующими годами: 1209, 1215, 1218, 1220, 1230, 1232, 1255, 1257, 1259, 1270, 1316, 1340, 1342, 1350, 1418, 1421, 1446, 1447 и др. Типичнымъ разсказомъ для исторіи борьбы новгородскихъ партій можетъ послужить разсказъ подъ 1209 г.

Не находившаяся у власти демократическая партія подняла вѣче на посадника Дмитра Мирошкинича, представителя аристократической партіи. Посаднику и поддерживавшей его партіи былъ предъявленъ рядъ обвиненій въ томъ, что они завели новые поборы съ новгородцевъ: „яко ти повѣлѣша на новгородьцихъ сребро имати, а по волости куры брати, по купцемъ виру дикую (вира — денежная пеня за убійство; дикая вира—вира, которая уплачивалась цѣлой общиной, если убійца оставался необнаруженнымъ) и повозы возити (доставлять дань въ назначенное мѣсто) и все зло“. Демократическая партія взяла верхъ. Тогда побѣдители двинулись на посадника и его родныхъ и произвели разгромъ и грабежъ ихъ богатствъ: „Мирошкинъ дворъ и Дмитровъ зажьгоша, а житие ихъ поимаша, а села ихъ распродаша и челядь, а сокровища ихъ изискаша и поимаша бещисла (безъ числа), а избытъкъ роздѣлиша по зубу, по 3 гривнѣ по всему городу и на щитъ; аще кто потай похватилъ, а того единъ Богъ вѣдаеть, и отъ того мнози разбогатѣша; а что на дъщькахъ (доскахъ, такъ назывались домашнія расписки съ обозначеніемъ долговъ разныхъ лицъ владѣтелю „досокъ“), а то князю оставиша“. Послѣ этого вѣче выбрало посадникомъ Твердислава Михалковича, лидера демократической партіи.

Въ отношеніяхъ между аристократической и демократической партіей можно отмѣтить три періода: 1) до половины

XIII в., 2) съ половины XIII в. до половины XIV в. и 3) съ половины XIV в. до конца XV в.

1) Борьба новгородскихъ партій до половины XIII в. До половины XIII в. борьба между демократами и аристократами ведется вокругъ отношеній между княземъ и властью вѣча. Демократическая партія энергично борется за расширеніе власти вѣча и ограниченіе власти князя; ея агитаціи новгородцы обязаны были тѣмъ, что князь отказался отъ права купеческаго суда въ пользу Иванскаго купечества; ея поддержкой объясняется смѣлая защита вѣчемъ своего посадника Твердислава Михалковича противъ князя Святослава Мстиславича, который требовалъ его смѣны, защита, поведшая къ изгнанію князя: „тобѣ ся кланяемъ, — заявили новгородцы князю, — а се нашъ посадникъ, а въ то ся не вдадимъ!“ Аристократическая партія, напротивъ, старается поддерживать сильную княжескую власть, чтобы имѣть для себя въ ея лицѣ хорошую вооруженную защиту противъ демократической партіи. Демократическая партія, когда ей удавалось одерживать верхъ, приглашала на новгородскій престолъ ольговичей (потомковъ Олега Черниговскаго), а изъ мстиславичей (потомковъ Мстислава, сына Владимира М.) тѣхъ, которые соглашались съ ея политикой; аристократическая партія, въ свою очередь, приглашала юрьевичей (потомковъ Юрія Долгорукаго) и тѣхъ мстиславичей, которые сочувствовали ей. Демократическая партія, несмотря на нѣкоторые важные успѣхи, въ общемъ была слабѣе аристократической.

2) Борьба новгородской партіи съ половины XIII в. до половины XIV в. Съ половины XIII в. экономическое развитіе Новгорода послѣдовательно ведетъ къ сосредоточенію и увеличенію земельныхъ и денежныхъ капиталовъ въ рукахъ высшей части боярства и духовенства, съ одной стороны, и къ обнищанію народной массы, съ другой. Для руководителей демократической партіи начинаетъ становиться яснымъ, что расширеніе власти вѣча не ведетъ къ освобожденію отъ власти крупнаго капитала. Сдѣлавъ такое наблюденіе, руководители партіи приходятъ къ тому выводу, что власть крупнаго капитала можетъ быть ослаблена только сильнымъ княземъ. Первымъ пришелъ къ этому выводу тотъ самый Твердиславъ, который такъ энергично боролся противъ княжескаго самовластія. Сынъ Твердислава Степанъ уже старается руководить

партіей въ духѣ отцовскаго вывода: онъ поддерживаетъ такихъ сильныхъ князей, какъ Ярославъ Всеволодовичъ и его знаменитый сынъ Александръ Невскій. Но взгляды Твердислава и его сына не сразу были приняты другими руководителями демократической партіи: только къ половинѣ XIV в. они становятся общимъ достояніемъ всей партіи.

Тотъ же самый процессъ экономическаго развитія новгородскаго общества повліялъ и на руководителей аристократической партіи: аристократы увидѣли, что и при развитіи самостоятельности вѣча власть крупнаго капитала неудержимо растетъ, подчиняя себѣ все крѣпче народную массу и его органъ— вѣче; между тѣмъ, сильный князь, опираясь на низшій классъ въ Новгородѣ, могъ поставить этому развитію преграды и нанести аристократіи крупный ущербъ. Первый пришелъ къ этому выводу посадникъ Семенъ Михайловичъ, который въ 1282 г. воспротивился признанію княземъ Дмитрія Александровича, сына Александра Невскаго. Его воззрѣнія становятся общими для аристократической партіи къ половинѣ XIV в.

3) Борьба новгородскихъ партій съ половины XIV в. до конца XV в. Къ половинѣ XIV в. новгородскія партіи окончательно выясняютъ свои отношенія: демократическая партія стремится приглашать на новгородскій престолъ усиливающихся московскихъ князей, хотя бы при этомъ пришлось поступиться въ ихъ пользу извѣстной долей новгородской свободы; аристократическая партія, наоборотъ, ведетъ борьбу за дальнѣйшее расширеніе правъ вѣча, совѣта господъ и независимости владыки и противъ приглашенія въ Новгородъ московскихъ князей. Къ началу XV в. демократическая партія терпитъ окончательное пораженіе. Опьяненные своимъ могуществомъ и властью аристократы отъ времени до времени устраиваютъ погромы руководителей демократіи и ихъ приверженцевъ. Одинъ изъ такихъ погромовъ описанъ въ I-й Новгородской лѣтописи подъ 1418 г.

По наученію діавола, повѣствуетъ лѣтопись, нѣкій человѣкъ Степанко (очевидно, принадлежавшій къ аристократической партіи), встрѣтившись съ бояриномъ Даниломъ Ивановичемъ, внукомъ Божинымъ (демократомъ), схватилъ его и закричалъ: „Господа, помогите мнѣ расправиться съ этимъ злодѣемъ!“ Сбѣжалась толпа, которая потащила боярина „аки

злодѣя“, „казнила“ его ранами чуть не до смерти и сбросила съ моста въ Волховъ. Близъ мѣста катастрофы находился Личковъ сынъ, рыбакъ. Захотѣвъ потерпѣвшему боярину добра (т.-е. очевидно, принадлежа къ демократической партіи), онъ рѣшилъ спасти боярина, вытащилъ его изъ воды и спряталъ въ свой челнокъ. Аристократы, узнавъ о спасеніи Данилы, „взъярились на того рыбника“ и разграбили его домъ. Между тѣмъ, спасшійся бояринъ, чтобы отомстить за свое безчестіе, въ свою очередь захватилъ Степанка „и нача мучити“ его. Тогда аристократы ударили въ вѣчевой колоколъ, и на Ярославовомъ дворѣ стали во множествѣ собираться ихъ приверженцы. Раздался крикъ: „Пойдемъ на оного боярина и домъ его расхытимъ“. Вооружившись („въ досѣсехъ“), толпа со знаменемъ бросилась на Софійскую сторону на Кузьмодемьянскую улицу, гдѣ жилъ бояринъ Данила, разгромила его домъ и дома другихъ бояръ-демократовъ, а отсюда перешла на Яневу улицу. Видя, что дѣло плохо, „кузьмодемьянцы“ рѣшили выпустить Степанка и кромѣ того обратиться къ владыкѣ съ мольбой о заступничествѣ. Владыка послалъ своего представителя къ погромщикамъ, но изъ этого ничего не вышло. Погромщики двинулись дальше на Чудинцеву улицу, гдѣ также разгромили дома бояръ-демократовъ и даже монастырь св. Николая, гдѣ, какъ они говорили, находились житницы послѣднихъ, и на Людгощую улицу. Только на Прусской улицѣ, гдѣ сосредоточивалась наибольшая сила демократовъ, погромщики были отбиты. Аристократы бросились назадъ на Торговую сторону и стали кричать народу: „Софѣйская страна хощеть на насъ въоружатися и домы наша грабити“. Снова ударили въ колоколъ. Отовсюду сталъ стекаться народъ въ вооруженіи, „аки на рать“. Началась на мосту кровавая битва съ Софійской стороной. Много пало мертвыхъ съ обѣихъ сторонъ. Превосходство силъ склоняло побѣду на сторону аристократовъ. Когда битва приходила къ концу, надъ Новгородомъ разразилась страшная гроза. Въ то же время на Волховскомъ мосту появился владыка съ духовенствомъ. Лѣтопись такъ описываетъ сборы владыки и его появленіе: „Слышавъ же владыка Семеонъ особную рать промежи своими дѣтми, и испусти слезы изъ очию, и повелѣ предстоящимъ собрати зборъ свой; и вшедъ архиепископъ въ церковь святыя Софѣя нача молитися съ слезами, и облечеся въ священныя ризы со

своимъ зборомъ, и повелѣ крестъ Господень и пресвятыя Богородица образъ взяти, иде на мостъ; и по немъ вслѣдующе священници и причетъ церковный и христоименитое людьство по немь идоша, и мнози народи, испущающе слезы, глаголюще: „да укроти, Господи, молитвами господина нашего!“ и людіе богобоязнивіи припадающе къ святителевома ногама съ слезами: „иди, господине, да уставить Господь твоимъ благословениемъ усобную рать!“ ови же глаголаху: „да будетъ злоба си на зачинающихъ рать!“ И пришедъ святитель, ста посредѣ мосту, и вземъ животворящій крестъ, нача благословляти обѣ странѣ; ови, взирающе на честный крестъ, плакахуся. Услышавши она страна святителево пришествіе, и пріиде посадникъ Федоръ Тимофѣевичь съ иными посадникы и съ тысячкыми, поклонишяся владыцѣ; владыка послуша моленія ихъ, посла архимандрита Варлама и отца своего духовнаго и протодіакона на Ярославль дворъ, да подадуть благословеніе степенному посаднику Василью Есифовичю и тысячкому Кузмѣ Терентьевичю, да идуть в домы своя. И разидошяся молитвами святыя Богородица и благословениемъ архиепископа Семеона, и бысть тишина въ градѣ“. Такъ аристократы добивали побѣжденныхъ демократовъ, а церковь новгородская, въ лицѣ владыки, благословляла побѣдителей.

Иногда и аристократы, перессорившись, громили при помощи своихъ приверженцевъ другъ друга. Но это только на время нарушало гармонію аристократическихъ интересовъ. Въ XV в. политическая власть окончательно сосредсточивается въ рукахъ представителей аристократической партіи, которые занимаютъ главныя государственныя должности по очереди. Къ числу ихъ могутъ быть отнесены слѣдующіе посадники: Андрей Ивановичъ, Василій Есифовичъ, Тимоѳей Васильевичъ, Самсонъ Ивановичъ, Тимоѳей Остафьевичъ, Василій Онаньинъ, Ѳома Андреевичъ и др. Для низшихъ классовъ и ихъ друзей изъ высшихъ настало тяжкое время, которое лѣтописецъ новгородскій изображаетъ подъ 1446 г. такъ: „А въ то время не бѣ въ Новгородѣ правдѣ и праваго суда, и возсташа ябедницы, изнарядиша четы (отряды) и обѣты и цѣлованія на неправду и начаша грабити по селамъ и по волостямъ и по городу, и бѣяхомъ въ поруганіе сусѣдомъ нашимъ, сущимъ окрестъ насъ; и бѣ по волости изъѣжа (наѣзды) велика и боры (поборы) частыя, кричь и рыданія и вопль и клятва

всими людми на старѣйшины наша и на градъ нашъ, зане не бѣ въ насъ милости и суда права".

Съ этого времени всѣ надежды и помыслы побѣжденныхъ устремляются къ усиливавшемуся московскому князю, который представляется единственной силой, способной сокрушить аристократію и ея власть надъ ними. Съ другой стороны, среди представителей аристократіи — Борецкихъ, Селезневыхъ, Телятевыхъ, Ѳедоровыхъ, Аѳанасьевыхъ крѣпнетъ мысль о томъ, чтобы совершенно избавиться отъ власти московскаго князя и, въ крайнемъ случаѣ, отдать Новгородъ въ вассальную зависимость отъ литовскаго князя и польскаго короля.

17. Промышленно-военные походы боярства. Главнымъ источникомъ обогащенія новгородскихъ бояръ-капиталистовъ (§ 9) служили промышленно-военные походы на сосѣдей и особенно на подчиненныхъ Новгороду инородцевъ. Во главѣ такихъ экспедицій первоначально стояли князья, а затѣмъ новгородскіе воеводы. Лѣтописи сохранили множество свѣдѣній о такихъ походахъ, имѣвшихъ или правительственно-боярскій или частно-боярскій характеръ.

Изъ правительственно-боярскихъ промышленно-военныхъ походовъ отмѣчены слѣдующіе. Въ 1042 г. сынъ Ярослава М. Владиміръ совершилъ „съ новгородьци" промышленно-военный походъ на финское племя Емь. Въ 1111, 1113 и 1116 гг. подъ предводительствомъ Мстислава Владиміровича новгородскія дружины совершили походы на чудь. Въ 1169 г. „иде Даньславъ Лазутиниць за Волокъ даньникомъ (сборщикомъ дани) съ дружиною, и присла Андрѣй (Боголюбскій) пълкъ свой на нь, и бишася съ ними, и быше новгородьць 400, а суждальць 7.000; и пособи Богъ новгородцемъ, и паде ихъ 300 и 1.000, а новгородьць 15 мужъ; и отступиша новгородьци, и опять воротивъшеся, възяшя всю дань, а на суждальскыхъ смьрдѣхъ другую, а придоша здорови вси". Въ 1179 г. новгородскія дружины подъ предводительствомъ Мстислава Ростиславича ходили противъ чуди. Въ 1187 г. новгородскія дружины, ходившія на Печору, Югру и за Волокомъ, были разбиты, при чемъ погибло сто человѣкъ. Въ 1191 — 1192 гг. новгородцы ходили на емь и чудь, а въ 1193 г. подъ предводительствомъ воеводы Ядрея на югру. Въ 1214 г. подъ предводительствомъ князя Мстислава новгородскія дружины ходили на чудь, сквозь Чудскую землю, къ морю; князь

„села ихъ потрати (опустошилъ) и осѣкы (укрѣпленія) ихъ възьма, и ста съ новгородци подъ городомъ Воробииномь, и чюдь поклонишася ему, и Мьстиславъ же князь възя на нихъ дань, и да новгородьцемъ двѣ чясти дани, а третьюю чясть дворяномъ". Въ 1227 г. промышленно-военный походъ на емь далъ „полонъ бещисла" (безъ числа). Въ 1267 г. новгородцы съ Елефѣрьемъ Сбыславичемъ и псковичи съ Довмонтомъ отправились на Литву. Въ 1268 г. „сдумаша новгородци съ князем своимь Юрьемь, хотѣша ити на Литву, а инии на Полтескъ, а инии за Нарову; и яко быша на Дубровнѣ, бысть распря, и въспятишася (повернули назадъ) и поидоша за Нарову къ Раковору, и много въ земли ихъ потратиша (опустошили), а города не взяша". Въ 1278 г. подъ предводительствомъ князя Дмитрія новгородцы „казнили" корелу и взяли ихъ землю „на щитъ" (какъ добычу). Въ 1292 г. „молодци новгородстѣи" подъ предводительствомъ княжескихъ воеводъ ходили на емь. Въ 1338 г. новгородскіе молодцы съ воеводами ходили на шведскую корелу „много попустошиша земли ихъ и обилье (хлѣбъ) пожгоша, и скотъ иссѣкоша". Въ 1364 г. ходили на югру по рѣкѣ Оби до моря воеводы Александръ Абакумовичъ, Степанъ Ляпа съ дѣтьми боярскими и „молодыми людьми".

Сохранились въ лѣтописяхъ и извѣстія о частно-боярскихъ промышленно-военныхъ походахъ. Въ 1186 г. „ходиша на емь молодци о Вышатѣ о Васильевици и придоша опять здорови, добывъше полона". Въ 1219 г. „пойде Сьмьюнъ Еминъ въ 4-хъ стѣхъ на Тоймокары (вѣроятно, бассейнъ рѣкъ Нижней и Верхней Тоймы, впадающихъ въ Двину) и не пусти ихъ Гюрги, ни Ярославъ сквозѣ свою землю; и придоша Новугороду въ лодьяхъ и ста по полю шатры (расположился лагеремъ) на зло; и замыслиша (выдумали): Твердиславъ и Якунъ тысячьскый заслаша къ Гюргю не пустити ихъ туда: и възвадиша (возмутили) городъ". Изъ этой лѣтописной замѣтки видно, что правящее боярство относилось недоброжелательно къ частно-боярскимъ промышленно-военнымъ походамъ и даже, какъ предполагали руководители похода, предупреждало о такихъ походахъ окско-волжскихъ князей. Такое отношеніе правящей части новгородской аристократіи къ частно-боярскимъ походамъ вытекало изъ различныхъ причинъ: съ одной стороны, находившееся у власти боярство не хотѣло, чтобы изъ его рукъ

ускользала часть возможныхъ доходовъ: а съ другой стороны, если частно-боярскіе походы предпринимались оппозиціонной партіей, оно не желало допустить матеріальнаго усиленія своихъ противниковъ. Въ 1340 г. ходили изъ Новгорода молодцы, воевали Устижну и пожгли ее; они „отъимаша у лодейниковъ полонъ и товаръ; потомъ же и Бѣлозерскую волость воеваша". Въ 1342 г. Лука Вороломеевъ, принадлежавшій къ оппозиціонной (демократической) партіи, „не послушавъ Новгорода и митрополица благословенія и владычня", собралъ „холоповъ збоевъ" (бойцовъ), отправился въ Заволочье на Двину и построилъ себѣ городокъ Орлицъ; далѣе, Лука захватилъ все Заволочье по Двинѣ, а сынъ его Онцифоръ совершилъ походъ по Волгѣ. Судьба Луки была печальна: когда онъ находился въ походѣ съ дружиной въ 200 ч., на него напали мѣстные жители и убили его. Извѣстіе о гибели Луки вызвало въ Новгородѣ сильное волненіе; разнесся слухъ, что Луку погубила правящая партія. „И въсташа чорныи люди на Ондрѣшка, на Федора, на посадника, на Данилова, а ркуци, яко тѣ заслаша на Луку убити; и пограбиша ихъ домы и села". Обвиняемые спаслись бѣгствомъ въ городъ Копорье. Пріѣхавшій въ Новгородъ сынъ Луки Онцифоръ предъявилъ офиціально обвиненіе на Федора и Ондрѣшку: „тѣ заслаша моего отца убити". Владыка съ Новгородомъ вызвали изъ Копорья на судъ обвиняемыхъ. Послѣдніе явились и сказали: „не думалѣ есме на брата своего на Луку, что его убити, ни засылати его". Демократы съ Онцифоромъ не удовлетворились этимъ отвѣтомъ: они созвали вѣче на Софійской сторонѣ, а ихъ противники собрались на Торговой. Произошла кровавая схватка, которая окончилась лишь благодаря примирительному посредничеству владыки. „И возвеличанъ бысть крестъ, а діаволъ посрамленъ бысть".

Во второй половинѣ XIV в. излюбленнымъ путемъ для промышленно-военныхъ походовъ новгородскаго боярства становится вся Волга со своими притоками до Каспійскаго моря. По имени ихъ легкихъ судовъ „ушкуевъ" они получили названіе „ушкуйниковъ". Въ лѣтописяхъ, составленныхъ въ Окско-Волжской Руси, много страдавшей отъ ушкуйниковъ, ихъ называютъ „новгородскими разбойниками". Подъ 1360 г. въ новгородскихъ лѣтописяхъ сообщается, что „взяша новгородци Жюкотинъ и много бесерменъ посѣкоша, мужій и женъ". Это же самое извѣстіе въ Никоновской лѣтописи, составленной въ

Москвѣ, передается въ такой формѣ: „Изъ Великаго Новгорода разбойницы приидоша въ Жуконтинъ и множество татаръ побиша и богатство ихъ взяша, и за то разбойничество християне пограблени быша въ Болгарехъ отъ татаръ". Князья Жюкотина отправили въ Орду посольство съ просьбой оборонить ихъ отъ „разбойниковъ", „понеже многа убиства и грабления отъ нихъ сотворяшеся безпрестани". Ханъ потребовалъ отъ русскихъ князей выдачи „разбойниковъ". Князья исполнили это требованіе. Въ 1366 г., по новгородской лѣтописи, „ѣздиша изъ Новаграда люди молодыи на Волгу безъ новгородьчкого слова, а воеводою Есифъ Валъфромѣевичь, Василій Федоровичь, Олександръ Обакуновичь". Воскресенская лѣтопись, передавая это же извѣстіе, сообщаетъ еще слѣдующее: „Пріидоша изъ Новагорода Волгою изъ Великаго полтораста ушкуевъ съ разбойники съ новгородскими и избиша по Волзѣ множество татаръ и бесерменъ и арменъ, и Новгородъ Нижній пограбиша, а суды (видъ судна) ихъ и кербаты (видъ судна) и павоски (видъ судна), и ладіи, и учяны (лодки) и струги всѣ изсѣкоша; и поидоша въ Каму и проидоша до Болгаръ такоже творяще и въююще". Въ 1369 г. „шло Волгою десять ушкуевъ, а иніи шли Камою, и биша ихъ подъ Болгары". Въ 1371 г. ушкуйники захватили Ярославль и Кострому. Въ 1374 г. „идоша на низъ Вяткою ушкуйницы разбойникы, 90 ушкуевъ, и пограбиша Вятку, и шедше взяша Болгары, хотѣша и городъ зажещи, и даша имъ окупа 300 рублевъ; и оттуду раздѣлишаса на двое: 50 ушкуевъ поидоша на низъ по Волзѣ къ Сараю, а 40 ушкуевъ поидоша вверхъ по Волзѣ, и дошедше Обухова, пограбиша все Засуріе и Маръквашъ, и перешедъ за Волгу суды всѣ изсѣкоша, а сами поидоша къ Вяткѣ на конехъ, и много селъ по Ветлузѣ идуще пограбиша". Въ 1375 г. на Волгѣ явились „новгородцкия разбойницы въ 70 ушкуевъ, а воевода бѣ у нихъ Прокоѳей, а другии Смольянинъ; бѣ же ихъ всѣхъ 2.000"; они напали на Кострому. Костромичи въ количествѣ 5.000 вышли подъ предводительствомъ своего воеводы Плещеева на новгородцевъ; новгородцы, сдѣлавъ искусное обходное движеніе, напали на костромичей съ тылу и съ фронта и разбили ихъ. Кострома была взята; ушкуйники, „вшедше во градъ вся пограбиша и стояша недѣлю во градѣ цѣлую и всяко сокровище потаенное изобрѣтоша и, елико возмогоша, взяша, а елико не возмогоша, та

вся пожгоша, а иное въ рѣку въ Волгу вметаша и многихъ христіанъ въ полонъ поведоша з женами и з дѣтьми". Отсюда ушкуйники бросились на Нижній Новгородъ, взяли его, разграбили и сожгли. Отъ Нижняго они двинулись дальше по Волгѣ до устья Камы, вошли въ Каму „и много пограбиша на ней". Съ Камы они вернулись опять на Волгу и пошли „въ Болгары, еже есть въ Казань". Здѣсь они распродали плѣнниковъ и поѣхали далѣе внизъ по Волгѣ, „гости христианския грабяще и биюще". Пріѣхавъ въ Астрахань, они продали новыхъ плѣнниковъ. Здѣсь же ихъ постигла печальная участь: „Князь астароханскии Салчѣи начатъ ухищряти ихъ лестию, и многу честь и кормы даяше имъ; они же начаша упиватися и быша пияни, яко мертвы; астароханцы жь всѣхъ избиша, ни единаго ихъ жива оставиша и имѣние взяша. Такову кончину прияша воевода Прокоѳей и другии воевода Смольянинъ со всею дружиною ихъ: въ нюже мѣру мѣриша,—заключаетъ окско-волжскій лѣтописецъ,—возмѣрися имъ". Въ 1379 г. вятчане побили „разбойниковъ ушкуйниковъ" и убили ихъ воеводу Рязана. Въ 1391 г. Тохтамышъ взялъ Вятку—колонію новгородскую—часть жителей перебилъ, другую взялъ въ плѣнъ; въ 1392 г. за это отомстили татарамъ: „новгородцы и устюжане и прочіи, къ тому съвъкупившеся, выидоша въ насадехъ и въ ушкуехъ рѣкою Вяткою на нихъ и взяша Жукотинъ и Казань, и вышедше на Влъгу пограбивше гостей всѣхъ, възвратишася".

Такъ обогащалось новгородское боярство и та часть черныхъ людей, которая принимала участіе въ его промышленно-военныхъ походахъ. Съ конца XIV в. ушкуйничество по Волгѣ, какъ источникъ доходовъ, начинаетъ быстро сокращаться. Съ одной стороны татары, а съ другой особенно московскіе князья требуютъ отъ Новгорода прекращенія ушкуйничества. Въ 1386 г. Дмитрій Донской, собравши войска, двинулся на Новгородъ, „държа гнѣвъ и нелюбіе великое про волжанъ, что взяли разбоемъ Кострому и Новгородъ Нижній". Новгородцы должны были заплатить Дмитрію 8.000 р. Съ этого времени новгородское правительство принимаетъ рѣшительныя мѣры противъ ушкуйничества по Волгѣ. Послѣ 1392 г. въ лѣтописяхъ исчезаютъ извѣстія объ ушкуйникахъ. Ушкуйничество, вѣроятно, продолжалось до паденія Новгорода, но ушкуйники остерегались трогать владѣнія московскаго князя.

18. **Псковъ**. Западная окраина Новгородско-Псковской области тянулась узкой полосой съ юга на сѣверъ по бассейну рѣки Великой и съ запада примыкала къ восточнымъ берегамъ двухъ озеръ—Псковскаго и Чудскаго до рѣки Наровы, вытекающей изъ послѣдняго. Эта окраина, по своей природѣ, уже выходила за предѣлы Ильменскаго бассейна и образовывала самостоятельный районъ. Она была населена кривичами; центромъ ея въ древности былъ Изборскъ, а потомъ—Псковъ.

До XIII в. Псковъ былъ однимъ изъ новгородскихъ пригородовъ, управлявшихся на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и другіе пригороды Новгорода (§ 15). Съ XIII в. во Псковѣ обнаруживаются стремленія къ независимости отъ Новгорода. Причиной этихъ стремленій были слѣдующія обстоятельства. *Во-первыхъ*, Псковская окраина сама по себѣ представляла самостоятельный географическо-этнографическій районъ и рано или поздно должна была пойти по особому пути развитія. *Во-вторыхъ*, развитію самостоятельности Пскова содѣйствовали его отношенія къ сосѣдямъ съ запада и съ юга: на западѣ, у береговъ Балтійскаго моря, основывается и быстро усиливается государство Ливонскаго ордена, а на югѣ образуется Литовское государство; въ своемъ поступательномъ движеніи оба молодыхъ государства обрушиваются на псковскую окраину, требуя отъ нея огромнаго напряженія силъ. Потребность въ постоянномъ военачальникѣ, каторый каждую минуту былъ бы готовъ выступить со своею дружиною на поле брани, заставила Псковъ добиваться у Новгорода своего самостоятельнаго князя. Во второй половинѣ XIII в. Псковъ выбираетъ себѣ княземъ Довмонта, потомка литовскаго князя Гедимина и съ этихъ поръ продолжаетъ систематически выбирать себѣ князей. Къ этому времени Псковъ въ борьбѣ съ внѣшними врагами успѣлъ настолько развить свои военныя силы, что Новгородъ вынужденъ былъ примириться съ совершившимся фактомъ; онъ требовалъ одного только, чтобы псковскіе князья формально признавали верховную власть Новгорода.

Добившись права выбирать своего князя, Псковъ въ началѣ XIV в. получаетъ право выбирать себѣ своего посадника, который принимаетъ участіе въ управленіи на ряду съ посадникомъ, присылавшимся изъ Новгорода Въ 1347 г., по договору, заключенному въ Болотовѣ, Новгородъ призналъ полную

политическую независимость Пскова и назвалъ Псковъ своимъ „братомъ молодшимъ“.

Параллельно борьбѣ за политическую самостоятельность Псковъ велъ съ Новгородомъ также борьбу за церковную независимость. Сначала Псковъ добивался получить своего епископа. Въ 1331 г. псковичи намѣтили себѣ кандидатомъ въ епископы старца Арсенія и отправили его съ посольствомъ къ московскому митрополиту Ѳеогносту, находившемуся въ то время въ южной Руси. Просьба псковичей и кандидатура Арсенія были поддержаны литовскими князьями съ Гедиминомъ во главѣ. Но Ѳеогностъ не согласился на образованіе самостоятельной псковской епархіи. Эта неудача заставила псковичей прибѣгнуть къ другимъ средствамъ для достиженія намѣченной цѣли, именно къ возможно большему ограниченію власти новгородскаго владыки. Власть новгородскаго владыки надъ Псковомъ выражалась въ томъ, что, владыка, *во-первыхъ*, назначалъ въ Псковъ своего намѣстника изъ софіянъ, *во-вторыхъ*, призывалъ псковское духовенство на судъ къ себѣ въ Новгородъ, *въ-третьихъ*, отъ времени до времени предпринималъ поѣздки во Псковъ и тамъ совершалъ судъ и посвящалъ кандидатовъ въ духовный санъ („подъѣздъ“). За посвященіе и судъ владыка взималъ съ псковскаго духовенства опредѣленную плату, получалъ судебныя пошлины и подарки.

Въ 1347 г., по Болотовскому договору, псковичи добились того, что владыка сталъ назначать своимъ намѣстникомъ въ Псковѣ псковича, отказался требовать псковское духовенство на судъ въ Новгородъ и, наконецъ, обязался совершать свой „подъѣздъ“ во Псковъ черезъ каждые три года.

Условія Болотовскаго договора имѣли чрезвычайно важное значеніе въ исторіи церковныхъ отношеній Пскова. Съ одной стороны, они содѣйствовали общему возвышенію мѣстнаго псковскаго духовенства, главнымъ образомъ, городского, которое въ псковской общественно-политической жизни начинаетъ играть роль, аналогичную роли владыки въ Новгородѣ: какъ въ Новгородѣ дѣйствія правительства скрѣплялись благословеніемъ владыки, такъ и во Псковѣ дѣйствія правительства сопровождались благословеніемъ духовенства. Съ другой стороны, эти же условія окончательно подчинили псковское духовенство новгородскому владыкѣ въ матеріальномъ отношеніи. Интересы владыки сосредоточились исключительно на мате-

ріальной сторонѣ дѣла, на томъ, чтобы побольше извлекать доходовъ во время „подъѣздовъ“. „Подъѣзды“ владыки и до Болотовскаго договора и послѣ него служили нерѣдко поводомъ для столкновеній, иногда очень острыхъ, между владыкой и псковичами. Въ 1337 г. владыка Василій поѣхалъ во Псковъ на „подъѣздъ“; но псковичи не дали ему „суда“; владыка проклялъ псковичей и уѣхалъ Въ 1411 г. владыка Іоаннъ требовалъ у посковичей „подъѣзда“: псковичи отказали. Въ 1435 г. пріѣхалъ во Псковъ внѣ очереди, не въ свой „подъѣздъ“, владыка Евоимій II. Произошла ссора, приведшая къ побоищу между псковичами и „софіянами“.

Такъ шла, то обостряясь, то ослабѣвая, окончившаяся неудачей борьба Пскова за церковную независимость. Въ этой борьбѣ особенно много пришлось претерпѣть низшей части псковскаго духовенства, съ интересами которой владыка нисколько не считался. Это породило въ ея средѣ духъ недовольства, который выразился въ особомъ общественно-религіозномъ движеніи, получившемъ названіе ереси стригольниковъ.

Экономическій и общественно-политическій строй Пскова, сходный въ общемъ съ строемъ Новгорода, имѣлъ нѣкоторыя важныя отличительныя черты. *Во-первыхъ*, Псковъ былъ въ военномъ отношеніи болѣе развитъ, чѣмъ Новгородъ. *Во-вторыхъ*, съ одной стороны, незначительность Псковской территоріи препятствовала образованію крупнаго боярскаго землевладѣнія и капитала, и потому бояре, хотя и стояли во главѣ государства, не имѣли подавляющаго матеріальнаго превосходства надъ землевладѣльцами изъ класса черныхъ людей и надъ житьими людьми; съ другой стороны, необходимость вести борьбу съ внѣшними врагами требовала болѣе или менѣе равномѣрнаго участія въ расходахъ всѣхъ классовъ населенія, въ томъ числѣ и бояръ; поэтому и отношенія между классами не отличались такимъ неравенствомъ, какъ въ Новгородѣ. *Въ-третьихъ*, благодаря предыдущимъ условіямъ, во Псковѣ не было несвободныхъ классовъ населенія: необходимость выставить на поле брани побольше силы, въ связи съ незначительностью территоріи и небольшимъ количествомъ населенія, не допускало образованія несвободныхъ классовъ населенія.

19. Просвѣщеніе въ Новгородско-Псковской Руси. Просвѣщеніе въ Новгородско-Псковской Руси обязано было своимъ появленіемъ дѣятельности кіевскаго правительства. Въ лицѣ

Владиміра Св. оно ввело христіанство, а съ нимъ въ Новгородѣ появились переводныя книги, на чтеніи которыхъ русскіе главнымъ образомъ и развивались. Постоянныхъ школъ, организованныхъ обществомъ или государствомъ, и здѣсь не было. Единственное лѣтописное извѣстіе о школьномъ дѣлѣ относится къ 1030 г. По этому извѣстію Ярославъ М. распорядился собрать черезъ новгородскихъ старостъ 300 человѣкъ поповыхъ и черныхъ дѣтей и обучать ихъ книгамъ. Распоряженіе это, повидимому, имѣло цѣлью подготовить контингентъ лицъ, которыя могли бы занять должности священниковъ въ отдаленной отъ Кіева и бѣдной христіанскимъ просвѣщеніемъ окраинѣ

Въ періодъ самостоятельнаго существованія Новгорода, т.-е. со второй половины XII в. и особенно съ половины XIII в. въ Новгородѣ создаются такія экономическія и общественно-политическія отношенія, которыя неизбѣжно должны были содѣйствовать развитію просвѣщенія и, во всякомъ случаѣ, болѣе широкому распространенію грамотности во всѣхъ классахъ населенія. *Во-первыхъ*, грамотность была необходимостью, потребностью для новгородскаго боярства, пока главнымъ его занятіемъ была торговля: коммерческія сношенія требуютъ со стороны лицъ, ведущихъ ихъ, умѣнія считать, читать и писать; сдѣлавшись основнымъ правительственнымъ классомъ, боярство новгородское еще болѣе стало нуждаться въ грамотности: изъ него выбирались лица на главныя новгородскія должности — свѣтскія и духовныя. *Во-вторыхъ*, съ переходомъ торговли въ руки особаго класса—житьихъ людей и купцовъ,—грамотность, естественно, должна была стать достояніемъ и этого класса. *Въ-третьихъ*, грамотность проникаетъ въ среду черныхъ людей (городскихъ, конечно) въ большей степени, чѣмъ прежде: изъ этого класса по преимуществу набиралось низшее бѣлое духовенство, которое необходимо должно было быть грамотнымъ; этотъ классъ становится въ особенно тѣсную связь и даже зависимость отъ высшихъ классовъ; при тѣсномъ взаимномъ общеніи между ними, отдѣльныя способныя лица изъ низшихъ классовъ легко могли выучиваться грамотѣ.

На ряду съ распространеніемъ грамотности должны были расти въ Новгородѣ знанія и научные интересы вообще. Основнымъ благопріятнымъ условіемъ для этого являются торговыя сношенія съ разнообразными странами: природа

другихъ странъ, обычаи и нравы, опасности, сопряженныя съ коммерческимъ дѣломъ,—все это невольно должно было будить умъ новгородца-торговца, обогащать его разными знаніями и вообще опытомъ. Особенно важное вліяніе должны были имѣть торговыя сношенія по Балтійскому морю и черезъ Литву съ Западомъ, который между XIII и XVI вв. достигаетъ во всѣхъ отношеніяхъ высокаго развитія. Наконецъ, даже простое пребываніе въ Новгородѣ иностраннаго купечества не могло не оказывать вліянія на культуру новгородцевъ, не могло не давать толчковъ къ ихъ умственному развитію.

Главнымъ источникомъ идей въ Новгородѣ было еврейско-византійско-болгарское міропониманіе, которое, съ одной стороны, было упрощено, а съ другой, осложнено древнерусскимъ анимизмомъ. Это міропониманіе становится окончательнымъ достояніемъ высшихъ классовъ; но оно же въ большей степени, чѣмъ въ предыдущую эпоху, распространяется и среди низшихъ классовъ. Здѣсь, такъ же, какъ въ значительной степени и въ средѣ высшихъ классовъ, еврейско-византійско-болгаро-русское міропониманіе особенно цѣнится со стороны чисто религіозной, почти совпадающей съ богослужебной—обрядовой: представитель низшихъ классовъ (какъ, большею частью, и представитель высшихъ) особенно дорожилъ молитвеннымъ элементомъ и сопровождавшимъ его обрядомъ; молитва и обрядъ должны были служить ему во всѣхъ практическихъ дѣлахъ вѣрнымъ средствомъ для привлеченія помощи Бога и для уничтоженія козней діавола. Такимъ образомъ, собственно религіозный элементъ еврейско-византійскаго міропониманія сближался и даже сливался съ древнерусскими языческими молитвами и особенно съ заговорами. Относительно высшихъ классовъ, боярства и затѣмъ купечества, надо отмѣтить одну особенность: задавая тонъ въ экономической и общественно-политической жизни, они неизбѣжно налагали отпечатокъ своихъ воззрѣній и на религіозную область. Уже въ Кіевской Руси князья и богатые дружинники-торговцы строили монастыри, назначеніе которыхъ состояло въ томъ, чтобы имѣть свои собственныя учрежденія, въ которыхъ особые спеціалисты молитвословія—монахи—непрестанно возносили бы къ Богу молитвы объ успѣхѣ въ дѣлахъ на землѣ и о блаженствѣ на небѣ ихъ основателей. Въ подражаніе этимъ богатымъ лицамъ менѣе богатыя дѣлали вклады въ монастыри съ тою же цѣлью — имѣть для себя

особыхъ богомольцевъ-спеціалистовъ. Это явленіе, обязанное своимъ происхожденіемъ богатому классу населенія, создало убѣжденіе въ томъ, что наилучшимъ средствомъ для спасенія души является основаніе своего монастыря, или, во всякомъ случаѣ, внесеніе въ него вклада. Это убѣжденіе передается и низшему классу. Кіево-Печерскій монастырь, созданный смердомъ Антоніемъ, укрѣпленный сыномъ княжескаго тіуна-смерда Ѳеодосіемъ на началахъ аскетизма, которыя обыкновенно и въ мірской жизни являются обычнымъ невольнымъ достояніемъ низшихъ классовъ, послѣ Ѳеодосія теряетъ свой демократическій оттѣнокъ, заводитъ и у себя обычай вкладовъ (кн. 1-ая, § 273) и этимъ знаменуетъ побѣду надъ собой землевладѣльческо-денежной аристократіи. Этотъ же самый порядокъ съ порожденнымъ имъ убѣжденіемъ, скрѣпленный кіевской традиціей, долженъ былъ дальше развиваться и въ Новгородско-Псковской Руси. Но здѣсь мы замѣчаемъ уже и новыя явленія.

Строгое раздѣленіе на классы съ сословнымъ началомъ обыкновенно ведетъ ихъ представителей къ послѣдовательному умственному развитію въ противоположныхъ направленіяхъ. Обостреніе экономическихъ и общественно-политическихъ противорѣчій и борьба партій являются основнымъ источникомъ для напряженнаго мышленія, для развитія критики. Эта критика проявляется иногда, съ нашей точки зрѣнія, въ мелочахъ. Напр., лѣтопись отмѣчаетъ въ XV в. религіозный споръ о томъ, какъ нужно пѣть: „О Господи помилуй“, или „Осподи помилуй“; во Псковѣ возникаетъ споръ о сугубой и тройной аллилуіи. Но за этой мелкой формальной критикой скрывается и болѣе глубокое умственное движеніе, вынесенное изъ тяжкаго жизненнаго опыта и выразившееся въ двухъ ересяхъ — стригольнической (XIV в.) и жидовствующей (XV в.).

20. Паденіе Новгородско-Псковской Руси. Торговля Новгорода носила въ значительной степени транспортный, передаточный характеръ: Новгородъ сбывалъ за границу не только продукты своей промышленности, но и продукты, производившіеся въ другихъ частяхъ Руси, особенно въ Руси Окско-Волжской; съ другой стороны, заграничные товары Новгородъ привозилъ не только для себя, но и для Окско-Волжской Руси. Къ половинѣ XV в. такой характеръ торговли привелъ къ тому, что между Новгородомъ и Окско-Волжской Русью установилась крѣпкая экономическая связь. Очень выгодная для Новгорода,

эта связь въ то же время ставила его экономически въ зависимость отъ Окско-Волжской Руси: стоило окско-волжскимъ князьямъ закрыть свою границу для Новгорода, и Новгородъ несъ громадные убытки. Особенно сильна была эта зависимость въ хлѣбномъ дѣлѣ: Новгородъ, мало производившій своего хлѣба, получалъ его съ „Низу", какъ онъ называлъ Окско-Волжскую Русь: лишаясь привозпаго низового хлѣба, Новгородъ, особенно низшіе классы его, обрекался на голодъ; тогда низшіе классы поднимали противъ аристократіи возстаніе и заставляли ее мириться съ окско-волжскими князьями — суздальскими и потомъ московскими. Когда Окско-Волжская Русь объединилась подъ властью Москвы, экономическая зависимость Новгорода еще болѣе усилилась.

Результатомъ такой зависимости Новгорода отъ Окско-Волжской Руси было постепенное развитіе зависимости политической. Эта вторая зависимость первоначально устанавливалась на почвѣ церковной зависимости Новгорода отъ митрополита. Церковь, какъ органъ управленія, руководившійся въ своей дѣятельности еврейско-византійско-болгарскимъ міропониманіемъ, объединяла Новгородско-Псковскую и Окско-Волжскую Русь единой идейной системой. Этой связью воспользовались московскіе князья для политическаго подчиненія Новгорода: понимая, что нельзя сразу овладѣть Новгородомъ на чисто политической почвѣ, они первоначально крѣпко подчеркивали церковную зависимость Новгорода отъ Москвы, дѣйствуя то черезъ московскаго митрополита, то черезъ константинопольскаго патріарха, то, наконецъ, при помощи оружія.

Съ развитіемъ московскаго могущества московскій князь открыто добивается политическаго подчиненія Новгорода. Новгородская аристократія, спасая себя, заключаетъ съ литовскимъ княземъ (онъ же—польскій король) Казимиромъ договоръ, по которому Новгородъ, сохраняя свой строй, свою религію, отдается въ вассальную зависимость отъ Литвы-Польши. Это дѣяніе новгородской аристократіи заставляетъ Ивана III принять свои мѣры: онъ быстро ведетъ на Новгородъ свои войска. Рознь между аристократіей и демократіей, слабость военныхъ силъ Новгорода, отсутствіе помощи со стороны Польши привели къ тому, что Новгородъ подчинился Москвѣ. Въ 1478 году Новгородъ призналъ полную зависимость свою отъ Москвы. Иванъ III конфисковалъ значительную часть имѣній у вла-

дыки и монастырей, у главныхъ руководителей аристократической партіи, а ихъ самихъ съ Марѳой Борецкой во главѣ арестовалъ и отправилъ въ Москву. Вѣчевой образъ правленія былъ уничтоженъ. Въ Новгородѣ былъ посаженъ Иваномъ намѣстникъ.

Новгородская аристократія продолжала и послѣ этого мечтать о возвращеніи прежняго порядка. Но Иванъ III не останавливался ни передъ какими мѣрами для полнаго подчиненія Новгорода. Пользуясь малѣйшимъ поводомъ, онъ систематически арестуетъ виднѣйшихъ представителей новгородской аристократіи и ея приверженцевъ, высылаетъ ихъ въ предѣлы московскихъ областей, казнитъ ихъ, конфискуетъ ихъ имѣнія: въ 1479 г. было казнено 100 человѣкъ, а 100 семействъ аристократическихъ и купеческихъ было отправлено въ ссылку; въ 1480 г. былъ низведенъ владыка Ѳеофилъ, а въ 1483 г. былъ присланъ изъ Москвы владыка Сергій—первый не новгородецъ; въ 1484 г. человѣкъ 30 бояръ и купцовъ было арестовано и подвергнуто пыткамъ; въ 1487 г. было переведено во Владиміръ 50 купеческихъ семействъ; въ 1488 г. было арестовано свыше 7.000 купцовъ, причемъ нѣкоторые были казнены, а остальные были высланы въ разные московскіе города; въ томъ же году на мѣсто высланныхъ новгородцевъ Иванъ перевелъ въ Новгородъ дѣтей боярскихъ и купцовъ изъ московскихъ городовъ.

Послѣ паденія Новгорода наступила очередь и для Пскова. Псковъ былъ слишкомъ малъ и незначителенъ, чтобы выдержать борьбу съ могучей Москвой. Въ 1510 г. преемникъ Ивана III Василій III безъ всякаго труда покончилъ съ самостоятельностью Пскова.

Библіографія. *Н. Рожковъ*. Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія. Ч. II. В. 1-й. Спб. 1905. — *В. Ключевскій*. Курсъ русской исторіи. Ч. II. М. 1906. — *В. Ключевскій*. Боярская дума древней Руси (гл. VIII). М. 1909. — *А. И. Никитскій*. Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода. М. 1893. — *А. Лаппо-Данилевскій*. Критическія замѣтки по исторіи экономическаго быта Великаго Новгорода. Ж. М. Н. П. 1895, № 12. — *Н. А. Рожковъ*. Политическія партіи въ Великомъ Новгородѣ XII—XV вѣковъ. Ж. М. Н. П. 1901, № 4. — *А. Никитскій*. Очеркъ внутренней исторіи церкви въ Великомъ Новгородѣ. Спб. 1879.—*Ив. Ждановъ*. Русскій былевой эпосъ (о промышленно-военныхъ походахъ новгородской аристократіи, стр. 263—273). — *А. Никитскій*. Очеркъ внутренней исторіи Пскова. Спб. 1873. — *Митр. Евгеній*. Исторія княжества Псковскаго. Кіевъ. 1831.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Окско-Волжская Русь.

21. Окско-Волжская Русь, ея территорія, природа и населеніе. Къ востоку отъ Ильменскаго бассейна тянулась Окско-Волжская Русь, которая, какъ показываетъ ея названіе, охватывала бассейны Оки и верхней части Волги по обѣимъ сторонамъ устья Оки. Она занимала слѣдующія нынѣшнія губерніи: восточную и юго-восточную часть Тверской, почти всю Московскую, Ярославскую, восточную часть Новгородской, южныя окраины Олонецкой, юго-западную часть Вологодской, большую часть Костромской, Владимирскую, сѣверо-западную часть Тамбовской, почти всю Рязанскую.

Окско-Волжская область отличается умѣреннымъ континентальнымъ климатомъ, представляя такимъ образомъ переходную область отъ суроваго сѣвера къ теплому югу. Страна богата рѣками и озерами, хотя въ этомъ отношеніи значительно уступаетъ Новгородско-Псковской Руси. Главныя рѣки области — Волга въ ея верхней части, Ока, впадающая въ Волгу съ правой стороны, Москва, притокъ Оки съ лѣвой стороны и множество другихъ притоковъ, составляющихъ цѣлую рѣчную сѣть.

Почва области представляетъ постепенный переходъ отъ болотъ и подзола въ сѣверной части къ чернозему въ южной части.

Въ удѣльный періодъ Окско-Волжская Русь обильно была покрыта лѣсомъ, который особенной густоты достигалъ на водораздѣлахъ рѣкъ.

Рѣки и озера этой области были богаты рыбой. Въ лѣсахъ водились бобры, зубры, лоси, буйволы, серны, лисицы, волки и медвѣди, но въ значительно меньшемъ количествѣ, чѣмъ въ Кіевской и въ Новгородской Руси. Совсѣмъ бѣдна была страна пушными звѣрями — соболями, куницами, песцами, шкуры которыхъ представляли самый цѣнный товаръ Кіевской и Новгородско-Псковской Руси. Этой особенности фауны Окско-Волжской Руси суждено было пріобрѣсти громадное значеніе въ исторіи хозяйственнаго и общественно-политическаго развитія всей Руси.

Окско-Волжская Русь до появленія въ ней русскихъ славянъ населена была финскими племенами — мурома, меря и весь, находившимися на очень низкой ступени развитія. Съ появленіемъ русскихъ славянъ въ Ильменскомъ бассейнѣ начинается колонизація Окско-Волжской Руси новгородцами, продолжавшаяся до XII в. Результатомъ этой колонизаціи было возникновеніе слѣдующихъ городовъ: Ярославль, Ростовъ, Суздаль, Муромъ и др.

Съ XII в. начинается колонизаціонное движеніе въ Окско-Волжскую Русь изъ Днѣпровской Руси (кн. 1-ая, § 156). Это, движеніе, повидимому, носило мирный характеръ. Занимая свободные участки земли между финскими поселеніями, новые колонисты, образовывавшіе массу сельскаго населенія, стали сближаться и смѣшиваться съ финнами, причемъ финскій элементъ почти совершенно растворился въ русскомъ. Изъ смѣшенія колонистовъ изъ Днѣпровской Руси съ финнами образовалась особая вѣтвь русскаго народа, получившая впослѣдствіи названіе великорусской.

22. Окско-Волжская Русь до половины XIII в. Въ эпоху Кіевской Руси до XII в. Окско-Волжская Русь представляла далекую сѣверо-восточную окраину съ финскимъ населеніемъ и рѣдкими русскими поселеніями. Ея центрами были города Ростовъ и Суздаль. До XII в. въ эту окраину можно было попасть не иначе, какъ идя вверхъ по Днѣпру въ Новгородско-Псковскую область и уже оттуда сворачивая на востокъ въ окско-волжскій бассейнъ. Пока Окско-Волжская Русь была еще дикой страной, она не обладала самостоятельною цѣнностью въ глазахъ русскихъ князей и шла обыкновенно въ придачу къ княжеству Переяславскому (южному).

Въ первой половинѣ XII в. благодаря колонизаціонному движенію съ юга, установившему прямое сообщеніе между Кіевомъ и Окско-Волжской Русью (кн. 1-ая, § 156), этотъ дотолѣ пустынный край начинаетъ быстро заселяться. Ростъ населенія немедленно сказался на отношеніяхъ Окско-Волжской Руси къ Днѣпровской. Глава Окско-Волжской Руси Юрій Долгорукій, при которомъ началось быстрое заселеніе края, почувствовавъ ростъ силъ своего княжества, осмѣливается вступить въ 1146 г. въ борьбу за кіевскій престолъ со своимъ племянникомъ Изяславомъ II Мстиславичемъ. Борьба велась съ перемѣннымъ счастьемъ, показавшимъ, что Окско-

Волжская Русь уже къ половинѣ XII в. въ военныхъ силахъ мало уступаетъ Руси Днѣпровской. По смерти Изяслава II (1154 г.) кіевскій престолъ достается, наконецъ, Юрію, который княжитъ до своей смерти (1157 г.).

При сыновьяхъ Юрія, Андреѣ Боголюбскомъ (1157—1174) и Всеволодѣ III Большое Гнѣздо (1176—1212) Окско-Волжская Русь продолжаетъ быстро развиваться внутренно и внѣшне. Она превращается въ страну, рѣзко отличающуюся отъ Кіевской Руси новой системой хозяйства съ преобладаніемъ земледѣлія надъ другими отраслями хозяйственной дѣятельности. Это преобладаніе земледѣлія является началомъ для измѣненій въ общественныхъ и политическихъ отношеніяхъ.

По общественному строю своему Окско-Волжская Русь первоначально представляла сочетаніе началъ, выработанныхъ, съ одной стороны, въ Днѣпровской и Новгородско-Псковской Руси, и началъ, происхожденіе которыхъ обязано мѣстнымъ условіямъ жизни.

Высшій классъ Окско-Волжской Руси состоялъ изъ двухъ боярствъ: мѣстнаго, промышленно-торговаго, обязаннаго своимъ происхожденіемъ главнымъ образомъ древней новгородской колонизаціи, и пришлаго, военно-административнаго, явившагося сюда съ юга вмѣстѣ съ князьями. Мѣстное боярство группировалось по преимуществу въ старыхъ городахъ, Ростовѣ и Суздалѣ, гдѣ рядомъ съ нимъ находился и мѣстный низшій классъ, находившійся въ экономической зависимости отъ него. Мѣстное боярство имѣло большое вліяніе на окско-волжское общество, пользуясь, какъ и въ Новгородѣ, городскимъ вѣчемъ, какъ своимъ орудіемъ. Пришлое боярство первоначально кочевало изъ княжества въ княжество вмѣстѣ со своими князьями. Со времени Юрія Долгорукаго, укрѣпившаго за собою и за своими дѣтьми Окско-Волжскую Русь, пришлое боярство начинаетъ также болѣе прочно осѣдать въ этомъ краѣ и сближаться съ мѣстнымъ боярствомъ.

Южная колонизація привела въ Окско-Волжскую Русь не только княжескую дружину, но и, главнымъ образомъ, народную массу, представителей низшихъ классовъ — смердовъ, закуповъ и холоповъ, которые на югѣ находились въ тяжкой экономической зависимости отъ промышленно-торговаго капитала князей, бояръ и высшаго духовенства. Здѣсь, на сѣверо-

востокѣ, эта масса вынуждена была заняться по преимуществу земледѣліемъ; ея ближайшіе руководители и организаторы стали носителями новой хозяйственной системы, въ которой перевѣсъ получила земледѣльческая культура и которая постепенно должна была сдѣлаться общей для всей Руси. Колонисты-земледѣльцы имѣли свой главный городъ — Владиміръ на Клязьмѣ. Въ политическомъ отношеніи этотъ городъ, какъ и другіе города новыхъ колонистовъ, должны были подчиняться старымъ центрамъ — Ростову и Суздалю. Это означало, что убѣжавшіе съ юга отъ господъ смерды, закупы и холопы со своими руководителями становились подъ власть господъ, имѣвшихся въ Окско-Волжской Руси. Колонисты земледѣльцы со своими руководителями не могли допустить возобновленія надъ собой старой власти безъ борьбы. И эта борьба при первомъ же поводѣ разражается.

Ростово-Суздальскіе князья, Мономаховичи, замѣчаютъ происходящій переворотъ въ хозяйственномъ и общественномъ отношеніяхъ и пользуются имъ для усиленія своей власти: противъ обѣихъ аристократій — мѣстной и административно-военной — они выдвигаютъ смердовъ-земледѣльцевъ съ ихъ организаторами — новыми, „мизинными“ (младшими) людьми. Андрей Боголюбскій, первый русскій князь, рѣзко выступившій противъ обѣихъ аристократій, палъ въ борьбѣ съ ними. Его братъ Всеволодъ III, поддерживаемый нарождавшейся землевладѣльческо-земледѣльческой аристократіей — „мизинными“ людьми, одержалъ верхъ надъ своими соперниками, племянниками, которыхъ дѣятельно поддерживали обѣ старыя аристократіи, и разгромилъ послѣднія.

23. Общественный трудъ въ Окско-Волжской Руси. Колонисты, переселившіеся въ Окско-Волжскую Русь, продолжали тѣ же занятія, что и на территоріи Днѣпра, т.-е. главнымъ образомъ охоту (въ широкомъ смыслѣ слова), затѣмъ скотоводство и, наконецъ, земледѣліе. Но основы старой хозяйственной системы могли существовать лишь до тѣхъ поръ, пока территорія, которою владѣла данная группа колонистовъ, была достаточно обширна. Это продолжалось приблизительно до второй половины XII в., когда населеніе Окско-Волжской Руси значительно увеличилось. Передъ населеніемъ открылись два выхода: или снова начать свое колонизаціонное движеніе дальше, или измѣнить систему общественнаго хозяйства. Но

на этотъ разъ колонистамъ не удалось начать новаго колонизаціоннаго движенія. Окско-Волжская Русь со всѣхъ сторонъ окружена была другими государствами: на сѣверѣ, сѣверо-востокѣ и сѣверо-западѣ простирались владѣнія Новгорода, на юго-западѣ находилась Литва, на юго-востокѣ—татарская Орда. Ни въ одну изъ этихъ сторонъ нельзя было двинуться. Оставалось одно—сдѣлать измѣненія въ системѣ хозяйства и приняться за новую болѣе глубокую эксплоатацію занятой территоріи. Этимъ объясняется судьба отдѣльныхъ отраслей общественнаго труда въ Окско-Волжской Руси.

Благодаря обилію рѣкъ и озёръ рыболовство продолжаетъ быть однимъ изъ важныхъ занятій. Продолжаетъ существовать и даже развиваться въ южной части Окско-Волжской Руси бортничество, мало-по-малу переходившее въ искусственное пчеловодство, хотя этою отраслью дѣятельности занимается уже только часть населенія. Звѣроловство и птицеловство продолжаетъ имѣть важное значеніе въ сѣверной части Окско-Волжской Руси, въ южной же они сильно сокращаются, причемъ птицеловство становится достояніемъ небольшихъ группъ населенія („сокольники"). Другія отрасли добывающей промышленности, каковы—солевареніе, добываніе желѣза, мало были развиты. Изъ сельско-хозяйственныхъ отраслей продолжаетъ имѣть важное значеніе скотоводство.

Съ ослабленіемъ наиболѣе важныхъ отраслей охоты, первое мѣсто въ Окско-Волжской Руси начинаетъ занимать *земледѣліе*, преимущественно въ центральной и южной частяхъ Окско-Волжской Руси, т.-е. та отрасль дѣятельности, которая такъ слабо развита была въ Кіевскую эпоху и нѣсколько болѣе развилась въ Новгородско-Псковской Руси. Доказательствъ тому, что земледѣліе получило перевѣсъ надъ прочими занятіями, имѣется достаточно. Изъ житій мѣстныхъ святыхъ — монаховъ-колонистовъ — видно, что монахи занимались обработкой земли, а не охотой, ловлей рыбы или солевареніемъ, какъ монахи-колонисты въ новгородскихъ волостяхъ. Такими монахами являются слѣдующіе: Сергій Радонежскій, Стефанъ Махрищскій, Дмитрій Прилуцкій и др. Изъ многочисленныхъ частныхъ и государственныхъ актовъ видно, что повинности низшихъ классовъ населенія главнымъ образомъ сводились къ различнымъ видамъ земледѣльческихъ работъ. Писцовыя книги конца XV в., перечисляя угодья, отмѣчаютъ

чаще всего рыбныя ловли, рѣдко борти и бобровые гоны, почти никогда перевѣсы и всегда пашни, причемъ пашни представляются, какъ главная часть хозяйства, а прочія угодья, какъ второстепенныя.

Обрабатывающая промышленность все еще была ничтожной.

Внѣшняя торговля Окско-Волжской Руси была ничтожна, внутренняя также. Общественное хозяйство продолжаетъ быть натуральнымъ: каждое хозяйство само производитъ для себя всѣ предметы потребленія. Только къ концу XV в. начинаютъ развиваться внутреннія и внѣшнія торговыя сношенія. Такъ, сохранились извѣстія, что жители Переяславля-Залѣсскаго ѣздили торговать въ Нижній-Новгородъ; въ Суздальскомъ и Владимирскомъ уѣздахъ появились офени, занимавшіеся мелкой торговлей; появились мелкіе мѣстные торжки и ярмарки; въ городахъ появляются торговыя площади, а въ нѣкоторыхъ болѣе значительныхъ даже ряды съ торговыми помѣщеніями (въ Москвѣ — суконный и сурожскій ряды); Рязань и Тверь, заключая договоры съ Москвой, выставляютъ пункты, которыми регулируются ихъ торговыя сношенія съ Москвой. Внѣшняя торговля производится съ Суражемъ (Судакъ — въ Крыму) и Кафой (тоже въ Крыму); здѣсь венеціанскіе и генуэзскіе купцы пріобрѣтали у русскихъ рыбу и воскъ, а русскіе покупали итальянскія и восточныя бумажныя и шелковыя ткани, вина, соль; въ Москвѣ появляются армянскіе и нѣмецкіе купцы; татары привозили въ Московское княжество лошадей, а русскіе въ свою очередь черезъ посредство Сарая продавали мѣха и покупали оружіе и соль; новгородскіе купцы скупали въ предѣлахъ Окско-Волжской Руси хлѣбъ, воскъ, ленъ, хмель, продукты скотоводства, которые перевозились по Окѣ или по рѣкѣ Москвѣ, по волоку на Ламу и Шошу, по Волгѣ черезъ Тверь на Торжокъ; наконецъ, Окско-Волжская Русь черезъ Смоленскъ ведетъ торговыя сношенія съ Литвой.

Военное дѣло въ Окско-Волжской Руси поставлено было въ менѣе благопріятныя условія, нежели въ Кіевской: на югѣ благодаря, съ одной стороны, непрерывной борьбѣ съ кочевниками, а съ другой, благодаря частымъ княжескимъ усобицамъ дружины княжескія находились почти безпрерывно въ походахъ, увлекая довольно часто за собою и народныя ополченія. Эта военная школа поддерживала воинственность дру-

жинъ. Не то было въ Окско-Волжской Руси. Хотя и здѣсь было не мало внѣшнихъ войнъ и княжескихъ усобицъ (съ 1228—1462 г.—90 усобицъ и около 160 внѣшнихъ войнъ), хотя бояре часто вели между собою вооруженную борьбу, однако войны эти большею частью были совсѣмъ иного рода: *во-первыхъ*, князья и ихъ дружины окончательно становятся землевладѣльческими, причемъ, развитіе интересовъ хозяйственнаго порядка ведетъ къ послѣдовательному ослабленію воинственныхъ инстинктовъ и навыковъ, пріобрѣтенныхъ въ предъидущую эпоху; *во-вторыхъ*, этому ослабленію содѣйствовало также то, что Окско-Волжская Русь не знала борьбы со степью, слѣдовательно, она лишена была богатаго опыта южно-русскихъ дружинъ: *въ-третьихъ*, со времени татарскаго нашествія и до половины XIV в. Окско-Волжская Русь не вынуждается еще къ борьбѣ ни съ Литвой ни съ татарами. Со второй половины XIV в. дѣло начинаетъ измѣняться: завязывается борьба съ рядомъ сосѣдей, главнымъ образомъ, съ татарами и литовцами, борьба, которая мало-по-малу создаетъ новый военный опытъ.

24. Техника общественнаго труда. Побѣда земледѣлія надъ охотничье-торговой промышленностью сама по себѣ знаменуетъ уже побѣду высшей техники труда надъ низшей. Но и само земледѣліе въ Окско-Волжской Руси послѣдовательно переходитъ отъ менѣе совершенныхъ системъ къ болѣе совершеннымъ, отъ подсѣчной системы къ переложной и трехпольной. Это повліяло на технику другихъ отраслей труда въ Окско-Волжской Руси. Такъ, князья уже правильно организуютъ охоту, для чего образуютъ ловчій и сокольничій „пути“; на ряду съ первобытными бортями встрѣчаются ульи; на ряду съ оставленіемъ скота на подножномъ корму встрѣчаются въ имѣніяхъ капиталистовъ — князей, епископовъ и т. д. „конюшенные и коровьи дворы“; торговля вырабатываетъ ту же приблизительно технику, которая создалась въ Новгородско-Псковской Руси.

Съ объединеніемъ сѣверной Руси подъ властью Москвы, когда она начинаетъ соприкасаться непосредственно съ нѣкоторыми западно-европейскими государствами, явилась чисто государственная потребность въ болѣе высокой техникѣ нѣкоторыхъ отраслей труда. Иванъ III, отправляя въ Германію своего посла Юрія Траханіота, такъ формулируетъ эту потреб-

ность: „Добывать великому князю мастеровъ: рудника, который руду знаетъ золотую и серебряную, да другого мастера, который умѣетъ отъ земли отдѣлять золото и серебро; если Юрій сыщетъ такихъ мастеровъ, то ему ихъ выпросить, а рядить ихъ, чтобы ѣхали къ великому князю въ наемъ, по скольку имъ въ мѣсяцъ давать за все про все; добывать также мастера хитраго, который бы умѣлъ къ городамъ приступать, да другого мастера, который бы умѣлъ изъ пушекъ стрѣлять, да каменщика добыть хитраго, который бы умѣлъ палаты ставить, да серебрянаго мастера хитраго, который бы умѣлъ большіе сосуды дѣлать и кубки да чеканить бы умѣлъ и писать на сосудахъ“. Наконецъ, Иванъ III поручаетъ добыть лѣкаря добраго, который умѣлъ бы лѣчить раны и внутреннія болѣзни. Ивану III удалось привлечь въ Москву группу западно-европейскихъ техниковъ и между ними знаменитаго у насъ инженера итальянца Аристотеля Фіоравенти. Съ этого времени у насъ начинаетъ насаждаться въ цѣломъ рядѣ отраслей труда высокая западно-европейская техника.

Особенно могуча была потребность въ улучшеніи техники военнаго дѣла. До половины XIV в. она была у насъ въ жалкомъ положеніи. Къ концу періода правительство московское выписываетъ пушечныхъ литейщиковъ и ищетъ военныхъ инженеровъ, подъ руководствомъ которыхъ можно было бы научить наши войска брать приступомъ города.

Къ тому же времени старая дружинная система подвергается измѣненію. Борьба съ татарами, вступавшими въ сраженіе огромными массами, принудила придать и нашему войску характеръ народныхъ ополченій.

25. Окско-Волжская Русь отъ половины XIII в. до конца XV в. Къ половинѣ XIII в. на территоріи Окско-Волжской Руси совершился окончательный переходъ отъ охотничье-торговаго хозяйства къ земледѣльческому. Это было великимъ переворотомъ не только для Окско-Волжской Руси, но и для всей Руси.

Во-первыхъ, съ этого времени земледѣліе, какъ главное занятіе массы населенія, становится вмѣсто охоты, торговли и скотоводства основнымъ творческимъ началомъ во всѣхъ областяхъ жизни, сначала на территоріи Окско-Волжской Руси, а затѣмъ и на всемъ пространствѣ Восточно-европейской равнины.

Во-вторыхъ, переходъ отъ охотничье-торговаго хозяйства къ земледѣльческому сопровождается возникновеніемъ особаго экономическаго и общественно-политическаго строя, который у насъ получилъ названіе „удѣльнаго“, „вотчиннаго“, а на Западѣ называется „феодальнымъ“.

26. Земледѣліе, какъ новое творческое начало. Основное занятіе населенія имѣетъ первенствующее значеніе въ его жизни. Напрягая дѣятельную сторону человѣческаго существа изъ года въ годъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, основное занятіе является творческимъ, организующимъ началомъ для психики отдѣльныхъ людей и всего общества: оно налагаетъ отпечатокъ на стремленія, желанія, чувствованія, мышленіе, міровоззрѣніе и т. д. отдѣльнаго человѣка и всего общества.

До половины XIII в. преобладающимъ у насъ занятіемъ была охота и связанная съ нею торговля. Многія тысячелѣтія до этого царила она среди русскаго населенія, придавая русской психикѣ опредѣленный характеръ. Переходъ къ земледѣлію отдалъ русскую психику на выработку къ новому началу, не имѣвшему ничего общаго съ прежнимъ.

Охота — занятіе, которое нерѣдко сопровождается опасностями для жизни охотника. Этимъ охота развиваетъ въ человѣкѣ смѣлость, отвагу, ловкость, хитрость и т. д. Но въ общемъ охота—занятіе легкое, благодаря простотѣ ея средствъ, орудій и пріемовъ. Она не требуетъ особеннаго физическаго и умственнаго напряженія: выкопать нѣсколько ямъ и накрыть ихъ хворостомъ, устроить силки, сплести сѣти для ловли птицъ и рыбъ, сдѣлать „знамя“ на деревѣ съ пчелами, подстрѣлить звѣря изъ лука или заколоть его копьемъ — все это занятія нетрудныя. Въ то же время охота не требовала отъ охотника и особой планомѣрности въ напряженіи силъ, а случайностью своихъ результатовъ должна была воспитывать убѣжденіе въ томъ, что можно потерпѣть неудачу при большомъ напряженіи силъ и имѣть успѣхъ при отсутствіи особаго напряженія ихъ. Вслѣдствіе всего этого охота, какъ основа, организующая и дисциплинирующая физическія и умственныя силы отдѣльнаго человѣка и народной массы, должна была своими свойствами держать ихъ на низкой ступени развитія: она поддерживала въ нихъ малую работоспособность и въ физическомъ, и въ умственномъ отношеніи; она пріучала

ихъ возлагать въ жизненной борьбѣ надежды на случайности, на помощь боговъ, а не на цѣлесообразное напряженіе собственныхъ силъ.

Выше охоты скотоводство: оно требуетъ постояннаго наблюденія за скотомъ, его охраны, обладанія обширной степной территоріей для кормленія скота, сочетанія многихъ общественныхъ силъ для обороны территоріи отъ сосѣдей и пр. Поэтому общественно-политическія организаціи, въ основѣ которыхъ лежитъ скотоводство, обыкновенно, сильнѣе организацій, основанныхъ на охотѣ. Этимъ объясняется то, что охотничье-торговое государство, основавшееся на великомъ водномъ пути, потерпѣло окончательное пораженіе отъ скотоводовъ-кочевниковъ.

Земледѣліе, какъ основа общественнаго труда, стоитъ выше не только охоты, но и скотоводства.

Во-первыхъ, земледѣліе несравненно труднѣе и охоты, и скотоводства и требуетъ большаго напряженія физическихъ и умственныхъ силъ: необходимо расчистить землю отъ деревьевъ, распахать ее и засѣять; необходимо знать, какъ и когда ее засѣивать при данномъ состояніи почвы и климата, а это требуетъ многолѣтнихъ наблюденій въ данной мѣстности; при истощеніи почвы необходимо напрягать свои умственныя силы для изобрѣтенія средствъ увеличенія ея плодородія.

Во-вторыхъ, земледѣліе, какъ процессъ труда, распадается на нѣсколько послѣдовательныхъ актовъ въ теченіе года: паханіе, засѣиваніе, жатва, молотьба, удобреніе и т. д.; это вноситъ въ жизнь трудящейся массы извѣстную планомѣрность, систематичность, выдержку, предусмотрительность.

Въ-третьихъ, не устраняя окончательно случайностей, отъ которыхъ можетъ зависѣть урожай или неурожай (засуха, непрерывающіеся дожди, градъ и т. д.), земледѣліе въ большей степени избавлено отъ нихъ, нежели охота; это пріучаетъ полагаться въ большей степени на свой трудъ, нежели на случайности.

Всѣ эти преимущества земледѣлія, поднимая общій уровень умственно-физическихъ силъ массы, внося во всѣ области частной и общественно-политической жизни больше устойчивости, планомѣрности, обдуманности, выдержки и т. д., придаютъ и государству, окончательно перешедшему отъ охоты къ земледѣлію, больше силы и устойчивости. При столкновеніи

двухъ государствъ, изъ которыхъ у одного—охотничье-торговая или скотоводческо-кочевая культура, а у другого — земледѣльческая, первое, обыкновенно, въ концѣ концовъ терпитъ пораженіе, какъ стоящее на болѣе низкой экономической и общественно-политической ступени развитія.

27. Развитіе вотчинно-феодальнаго государства. Вотчинно-феодальное государство въ своемъ развитіи переживаетъ два процесса: 1) процессъ распаденія государства на множество владѣній, болѣе или менѣе самостоятельныхъ и 2) процессъ объединенія послѣднихъ.

1) Процессъ распаденія вотчинно-феодальнаго государства. Процессъ распаденія вотчинно-феодальнаго государства порождается переходомъ отъ охоты къ земледѣлію подъ вліяніемъ двухъ взаимно дѣйствующихъ другъ на друга причинъ: земледѣльческой колонизаціи и географическаго характера территоріи.

Пока на территоріи, гдѣ возникаетъ вотчинно-феодальное государство, господствуетъ охота и связанная съ нею торговля, территорія государства можетъ содержать небольшое количество населенія (кн. 1-я, § 7). Населеніе это разсѣяно по берегамъ крупныхъ рѣкъ и ихъ главныхъ притоковъ. Отсюда оно совершаетъ экскурсіи въ глубину страны для охоты.

Земледѣліе можетъ прокормить на данной территоріи несравненно большее количество населенія, нежели охота (кн. 1-я, § 8). Поэтому переходъ отъ охоты къ земледѣлію порождаетъ новую колонизацію данной территоріи: эта колонизація направляется отъ береговъ большихъ рѣкъ въ глубь страны, въ бассейны притоковъ и мелкихъ рѣкъ. Эти бассейны, не населенные и отдѣленные другъ отъ друга на водораздѣлахъ глухими непроходимыми лѣсами или возвышенностями, представляютъ изъ себя отдѣльныя изолированныя мѣстности. У колонистовъ, забравшихся сюда, на долгое время, иногда на цѣлые вѣка ослабляются или совершенно теряются связи съ крупными центрами страны, гдѣ находятся правительство и администрація. Между тѣмъ колонисты нуждаются въ охранѣ занятой территоріи отъ наплыва другихъ колонистовъ, имѣютъ потребность въ судѣ, въ управленіи и т. д. Это ведетъ къ тому, что у колонистовъ заводится своя администрація, во главѣ которой, обыкновенно, стоитъ какой-нибудь второстепенный князь, аристократъ, монастырь и вообще лицо или учрежденіе, счи-

тающія себя собственниками даннаго бассейна. Чѣмъ изолированнѣе географически данная мѣстность отъ центральныхъ, тѣмъ и управленіе ея самостоятельнѣе. Такія болѣе или менѣе самостоятельныя землевладѣльческо-земледѣльческія колоніи, съ большими или меньшими государственными, „суверенными", правами въ областяхъ военной, финансовой, судебной и вообще административной, называются „вотчинами" (на Западѣ „феодами").

Благодаря процессу раздробленія на территоріи вотчинно-феодальнаго государства образуется множество вотчинъ. Онѣ дѣлятся на слѣдующіе три разряда: 1) крупныя сеньеріи (у насъ — великія княжества и наиболѣе крупныя изъ удѣльныхъ), числомъ около 30—40; онѣ — суверенны, т.-е. пользуются всѣми государственными правами; 2) мелкія сеньеріи (у насъ—мелкія удѣльныя княжества) съ ограниченными государственными правами и 3) многочисленныя мелкія епископскія, монастырскія, аристократическія владѣнія безъ верховныхъ государственныхъ правъ, но съ правами судебными и податными („иммунитетъ").

Каждое изъ этихъ вотчинно-феодальныхъ государствъ развиваетъ свои военныя силы.

2) Процессъ объединенія вотчинно-феодальнаго государства. На опредѣленной ступени развитія удѣльно-феодальнаго строя начинается процессъ объединенія вотчинъ. Основной причиной, порождающей этотъ процессъ, служитъ размноженіе населенія въ изолированныхъ рѣчныхъ бассейнахъ. Разселяясь во всѣ стороны, населеніе достигаетъ границъ своей вотчины и соприкасается съ населеніемъ сосѣднихъ вотчинъ: старая географическая изолированность исчезаетъ; между населеніемъ вотчинъ и ихъ администраціями устанавливаются сношенія—враждебныя и дружескія. Установленіе непосредственныхъ сношеній между вотчинами подготовляетъ почву къ экономическому и общественно-политическому объединенію ихъ. Это объединеніе совершается въ двухъ направленіяхъ.

Во-первыхъ, владѣтели, находящіеся въ болѣе выгодныхъ географическихъ и экономическихъ условіяхъ, пріобрѣтаютъ естественный перевѣсъ надъ владѣтелями, вотчины которыхъ находятся въ менѣе выгодныхъ условіяхъ. Вслѣдствіе этого послѣдніе обрекаются въ той или другой формѣ на подчиненіе первымъ. Обыкновенно, слабые вотчинники добровольно

отдавались вмѣстѣ со своею собственностью подъ защиту сильнаго сосѣда-вотчинника („закладничество“, „патронатъ“).

Во-вторыхъ, владѣтель хотя бы и ничтожной вотчины, но такой, на которой скрещивались главные пути сообщенія всего удѣльно-феодальнаго государства, пріобрѣтаетъ, при установленіи географической и экономической связи между вотчинами, фактическій перевѣсъ надъ владѣтелями остальныхъ вотчинъ. Пользуясь выгодами своего положенія, такой вотчинникъ (король, князь) послѣдовательно наноситъ другимъ вотчинникамъ ударъ за ударомъ, лишая ихъ правъ и вотчинъ. У насъ задача объединенія Окско-Волжской Руси выпала на долю Москвы.

Вотчинно-феодальный строй имѣетъ слѣдующія черты.

Во-первыхъ, мелкіе вотчинники-феодалы отдаются со своею собственностью подъ власть и защиту сильнаго вотчинника. Это называлось у насъ „закладничествомъ“, на Западѣ „коммендаціей“, „патронатомъ“.

Во-вторыхъ, между вотчинниками устанавливается система служебныхъ отношеній, получившая на Западѣ названіе „вассалитета“ (отъ латинскаго слова vassus, слуга): слабые вотчинники, „вассалы“, обязываются по договору съ сильными вотчинниками, „сеньерами“, „сюзеренами“, являться по ихъ требованію на службу, главнымъ образомъ, военную. Вассалы — свободные слуги и имѣютъ право переходить отъ одного сюзерена къ другому.

Въ-третьихъ, сюзерены награждали своихъ вѣрныхъ слугъ-вассаловъ „жалованіемъ“ („бенефиціемъ“), т.-е. землей, которая давалась имъ во временное пользованіе, или доходной должностью.

Въ-четвертыхъ, слуги-вассалы пользовались „иммунитетомъ“, т.-е. правомъ суда и сбора податей въ своей вотчинѣ; должностнымъ лицамъ короля или князя воспрещался въѣздъ въ вотчины-феоды, пользовавшіяся иммунитетомъ.

Въ-пятыхъ, если фамилія суверена малочисленна и въ періодъ раздробленія удѣльно-феодальнаго государства угасаетъ, суверенная власть дѣлится между наиболѣе сильными вассалами. Такъ произошло въ Германіи и во Франціи. Въ Англіи суверенная власть осталась въ рукахъ королевской фамиліи. У насъ она сохранилась за многочисленнымъ потомствомъ Всеволода III.

Благодаря процессу объединенія вотчинно-феодальныхъ государствъ, объединяются и мѣстныя военныя силы. Вслѣдствіе этого къ концу періода военная сила вотчинно-феодальнаго государства достигаетъ небывалой еще степени развитія.

Таковы основныя черты всякаго вотчинно-феодальнаго государства. Въ частности историческія вотчинно-феодальныя государства имѣли свои отличительныя черты второстепеннаго характера. Такъ, русская удѣльная система имѣла въ сравненіи съ западно-европейскими феодальными государствами слѣдующія особенности.

Первою особенностью было то, что на Западѣ крупнѣйшіе землевладѣльцы не изъ королевскихъ фамилій пріобрѣли суверенныя права, тогда какъ у насъ представители землевладѣльческаго боярства дальше иммунитетныхъ правъ не пошли. Это объясняется различіемъ въ судьбѣ королевскихъ фамилій на Западѣ и княжеской фамиліи у насъ. На Западѣ эти фамиліи большею частью угасали; поэтому ихъ суверенныя права естественно переходили къ крупнѣйшимъ землевладѣльцамъ, изъ которыхъ выбирался король. У насъ княжеская фамилія, наоборотъ, быстро размножалась; совершенно естественно поэтому суверенныя права оставались въ ея кругу, сначала раздробляясь между ея главными членами, а потомъ снова сосредоточиваясь въ рукахъ одного изъ нихъ. *Вторая* особенность— большая слабость нашихъ феодаловъ сравнительно съ феодалами западно-европейскими. Эта особенность обусловлена была различіемъ въ положеніи крестьянства на Западѣ и у насъ. На Западѣ вслѣдствіе несравненно большей плотности населенія, нежели въ Окско-Волжской Руси, крестьянство попадаетъ въ большую экономическую и правовую зависимость отъ феодаловъ, т.-е. въ крѣпостную зависимость отъ нихъ; именно въ этомъ крѣпостномъ крестьянствѣ западно-европейскіе феодалы почерпали свою силу. У насъ въ теченіе всего удѣльнаго періода крестьяне продолжаютъ въ большей или меньшей степени сохранять свою личную свободу, свободу перехода отъ одного феодала къ другому; это мѣшало русскому феодалу пріобрѣсти твердую опору и развить силу, равную силѣ западно-европейскихъ феодаловъ. *Третьей* отличительной чертой была большая воинственность западно-европейскихъ феодаловъ въ сравненіи съ нашими. Это отличіе опять обусловлено было различіемъ въ плотности населенія на Западѣ и въ Окско-

Волжской Руси: при ограниченности территоріи на Западѣ столкновенія между феодалами должны были происходить несравненно чаще, чѣмъ у насъ; а это питало и развивало военный духъ западно-европейскаго феодала.

28. Общественные классы въ Окско-Волжской Руси. Общество въ Окско-Волжской Руси дѣлилось на свободныхъ и несвободныхъ. Свободное населеніе распадалось на слѣдующіе классы: на 1) бояръ и вольныхъ слугъ, 2) дворянство, 3) духовенство, 4) купцовъ-гостей и 5) черныхъ людей.

29. Бояре и вольные слуги. Переходъ къ земледѣлію оказалъ большое вліяніе на высшій классъ населенія въ Окско-Волжской Руси, его положеніе и составъ. Мѣстные „лѣпшіе" люди — бояре, потерявъ старую основу своей силы — охоту и выросшую на ея почвѣ торговлю и потерпѣвъ пораженіе въ борьбѣ съ новой землевладѣльческой аристократіей, вынуждены были и сами перейти къ новой системѣ эксплоатаціи на основѣ земледѣлія. Бояре-дружинники, военно-административный классъ населенія, уже съ половины XII в., т.-е. съ того времени, какъ князья начинаютъ прочно осѣдать на отдѣльныхъ территоріяхъ, обзаводятся поземельной собственностью. Съ XIII в. этотъ классъ населенія сливается въ Окско-Волжской Руси съ мѣстнымъ боярствомъ, образуя общественную группу, называемую „боярами и вѣрными слугами". „Боярами" называлась наиболѣе богатая и самостоятельная часть этой группы, „вѣрными слугами" — менѣе богатая и самостоятельная. Съ XIV в., съ усиленіемъ Москвы на счетъ другихъ княжествъ, въ среду бояръ и вѣрныхъ слугъ начинается приливъ князей, которые образуютъ новый высшій слой бояръ-феодаловъ — „служебныхъ князей", „княжатъ".

Бояре и вольные слуги были прежде всего крупными землевладѣльцами. Ихъ землевладѣніе было двухъ типовъ: вотчина и жалованье (помѣстье). Преобладающимъ типомъ была вотчина, т.-е. полная наслѣдственная собственность, которою владѣлецъ имѣетъ право распоряжаться по своему усмотрѣнію. По своему происхожденію и характеру вотчина соотвѣтствуетъ западно-европейскому аллоду, феоду, лену. Менѣе распространеннымъ типомъ была другая собственность, извѣстная подъ именемъ „жалованья", а съ конца XV в. — „помѣстья". Какъ показываетъ названіе, эта собственность „жаловалась" сеньеромъ — княземъ, епископомъ, монастыремъ, крупнымъ бояри-

номъ—слугѣ вольному за его службу, обыкновенно, на время его службы. Эта собственность, съ теченіемъ времени также обратившаяся въ наслѣдственную, соотвѣтствуетъ западно-европейскому бенефицію. Какъ землевладѣльцу, вотчинному или помѣстному—все равно, боярину и вольному слугѣ принадлежало два важныхъ права надъ населеніемъ вотчины и жалованья-помѣстья: право собирать съ него подати и производить надъ нимъ судъ. Въ такія земли княжескія должностныя лица—намѣстники, волостели, тіуны—не имѣютъ права входа, не въѣзжаютъ „ни по что", не собираютъ податей и не судятъ въ нихъ (иммунитетъ). „Служебные князья", „княжата" имѣли въ своихъ владѣніяхъ еще большія права: подобно великимъ князьямъ, они имѣли право давать несудимыя и льготныя (иммунитетныя) грамоты. Въ началѣ удѣльно-феодальнаго періода у насъ иммунитетныя права бояръ-вольныхъ слугъ, феодаловъ-вассаловъ отличались большей широтой; къ концу періода они подвергаются сокращенію: судъ по важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ, по убійству („душегубству"), разбою и кражѣ („татьбѣ") съ поличнымъ и связанныя съ судомъ пошлины переходятъ къ княжескимъ намѣстникамъ; для иммунитетныхъ льготъ устанавливается срочность въ 10, 5, 3, 2 года. Такому же сокращенію подвергаются и полусуверенныя права служебныхъ князей.

Являясь крупнымъ землевладѣльцемъ, бояринъ-феодалъ въ то же время былъ свободнымъ слугой-вассаломъ какого-нибудь сеньера. Бояринъ-вассалъ прежде всего—военный слуга своего князя-сеньера. Когда князь начинаетъ войну, „садится на конь", бояринъ-вассалъ обязанъ явиться къ своему сеньеру со своими слугами и вмѣстѣ съ княземъ идти на его врага. Великій князь Дмитрій Ивановичъ, заключая въ 1388 г. со своимъ двоюроднымъ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ вассальный договоръ, обязываетъ послѣдняго слѣдующими словами: „а коли ми будетъ всѣсти на конь, а тобѣ со мною, или же куды пошлю и твои бояре съ тобою". Бояринъ-вассалъ служитъ своему князю не только въ военное, но и въ мирное время: онъ исполняетъ придворныя должности, служа окольничимъ, казначеемъ, чашникомъ и т. д.; онъ занимаетъ должности намѣстника, волостеля, управителя-кормленщика.

Служба боярина-вассала сеньеру-князю не была обязанностью, вытекавшей изъ территоріальной связи между ними,

а обусловливалась свободнымъ договоромъ съ княземъ, была, слѣдовательно, личной. Владѣя поземельной собственностью въ предѣлахъ даннаго княжества, бояринъ-вассалъ могъ поступать на службу къ князю другого княжества. Считаясь съ силой стариннаго обычая — права дружинника нести свою службу какому угодно князю, князья удѣльно-феодальнаго періода во взаимныхъ договорахъ сами оговариваются уважать свободу бояръ-вассаловъ: „а боярамъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля“. Пользуясь обычаемъ-правомъ свободы, бояринъ-вассалъ могъ по своей волѣ порвать свой договоръ съ однимъ княземъ и перейти къ другому, т.-е. имѣлъ право отъѣзда со своей вотчиной, т.-е. право коммендаціи („челобитья“), но долженъ былъ возвращать князю „жалованье“ - помѣстье. Во взаимныхъ договорахъ князья обязывались „не держать нелюбья“ на отъѣхавшихъ бояръ-вассаловъ, „не посягати на нихъ безъ исправы“. Право отъѣзда съ вотчинами наши бояре-вассалы сохранили до конца періода, несмотря на противодѣйствіе князей, стремившихся установить вмѣсто личной связи съ вассалами—территоріальную. Именно съ половины XIV в. московскіе князья, не трогая права отъѣзда боярина-вассала, употребляютъ всѣ старанія, чтобы сохранить верховную власть надъ вотчиной боярина-вассала, т.-е. стараются отдѣлить личную службу отъ землевладѣнія: „судомъ и данью потянути по землѣ и по водѣ“, „по удѣламъ, гдѣ кто живетъ“.

За свою службу бояринъ-вассалъ пользовался защитой и покровительствомъ своего сеньера (патронатъ): бояринъ-вассалъ, пользовавшійся иммунитетомъ, освобождался отъ подсудности княжескимъ намѣстникамъ и подлежалъ непосредственному суду самого князя (западно-европейскій „мундебурдій“). Кромѣ того, бояринъ-вассалъ получалъ матеріальную помощь отъ своего князя: онъ получалъ „жалованье“, въ двухъ формахъ, въ формѣ земельной собственности, временной или наслѣдственной, или въ формѣ „кормленія“, т.-е. въ формѣ управленія волостью.

Бояре-вассалы находились на службѣ не только у великихъ и удѣльныхъ князей, но и вообще у всякаго крупнаго землевладѣльца: у своего же брата боярина, у монастыря, у епископа, у митрополита. Въ Кіевскую эпоху наиболѣе вліятельные дружинники имѣли свою,—независимую отъ княжеской,—дружину, называвшуюся отроками, какъ и низшая часть княже-

ской дружины. Примѣромъ такого могучаго дружинника, имѣвшаго свою дружину, можетъ служить знаменитый лѣтописный Свѣнельдъ. Превращеніе дружинниковъ въ землевладѣльцевъ повело къ тому, что и боярскія дружины осѣли на землю своего боярина-сеньера и превратились въ его подвассаловъ, „слугъ“, „служилыхъ людей“, „подслужильцевъ“, не подчиненныхъ великому князю. Съ образованіемъ монастырскихъ, епископскихъ и митрополичьихъ землевладѣній у послѣднихъ также заводятся штаты бояръ-вассаловъ, исполняющихъ военную или административную службу.

Право отъѣзда давало боярамъ-вассаламъ силу и независимость. Князья считались съ этимъ. Они пользовались услугами бояръ-вассаловъ не путемъ приказаній, а стараніемъ убѣдить ихъ въ цѣлесообразности того или другого предпріятія. Если князь въ отношеніи бояръ-вассаловъ проявлялъ самовластность, бояре-вассалы, не исполняли его требованія: „о себѣ, княже, еси замыслилъ, — говорили они, — мы того не вѣдали: не ѣдемъ по тебѣ“. Дмитрій Донской такъ характеризуетъ значеніе бояръ-вассаловъ въ предсмертной рѣчи къ нимъ: „Съ вами царствовахъ, землю русскую держахъ... и мужествовахъ съ вами на многы страны... подъ вами грады держахъ и великіи власти... вы же не нарекостеся у меня бояре, но князи земли моей“. Пользуясь своей силой и независимостью, бояре-вассалы часто переходили отъ одного князя къ другому, у котораго служить было выгоднѣе. Наиболѣе выгодно было служить усиливавшемуся богатому московскому князю; поэтому къ послѣднему стекалось много бояръ-вассаловъ.

Свобода и независимость бояръ и вѣрныхъ слугъ нерѣдко приводила ихъ къ насиліямъ и самоуправству. Подобно западноевропейскимъ феодаламъ, и наши бояре изъ своихъ укрѣпленныхъ городовъ, находившихся на холмѣ, окруженномъ лѣсами и болотами, или на возвышенномъ берегу рѣки, или на курганѣ, совершали набѣги на своихъ сосѣдей. Вотъ, напр., описаніе одного изъ такихъ боярскихъ набѣговъ въ началѣ XVI в. Князь Иванъ Лапинъ напалъ со своей дружиной на монастырскій дворъ, захватилъ добра на 50 р. съ полтиной, убилъ монастырскаго слугу Иванку и угналъ монастырскихъ коней. Монастырскіе люди подняли крикъ, на который сбѣжались сосѣдніе крестьяне. Прискакалъ великокняжескій псарь. Рѣшили погнаться за разбойниками. Имъ удалось захватить

одного изъ нападавшихъ, Карпика, притащили его въ деревню и привязали къ ногѣ убитаго Иванки. Монастырскія власти пригласили пристава, сотскаго, взяли понятыхъ и отправились съ убитымъ Иванкой и захваченнымъ Карпикомъ къ княжескому намѣстнику. Когда они находились въ дорогѣ, на нихъ напалъ князь Лапинъ со своими людьми, которые были на коняхъ и въ саадакахъ (вооруженные), и старался отбить Карпика. Монастырскіе люди такъ описали намѣстнику это новое нападеніе на нихъ: „и какъ, господине, будемъ проѣзжать противъ села Воскресенскаго... князь Иванъ ихъ угонилъ съ своими многими людьми... да насъ, господине, и пристава и его понятыхъ учали бити и стрѣляти и саблями сѣчи, а хотѣлъ, господине, того Карпика и насъ выбити, а мы, господине, у нихъ отбилися, да на томъ бою у понятого, у сотскаго, у Онлата саблею ногу отсѣкли“. Князь Лапинъ потерпѣлъ пораженіе и попалъ къ монастырскимъ людямъ въ плѣнъ вмѣстѣ со своимъ слугою Дулепкомъ, который былъ „на конѣ и въ саадакѣ“. Начался судъ самого великаго князя надъ Лапинымъ. Судъ оказался очень милостивымъ: князь Иванъ обязался вернуть награбленное добро и уплатить 4 рубля за убійство Иванки.

Во второй половинѣ XVI в. сынъ боярскій Романъ Волжинъ во время одного своего набѣга такого же рода убилъ 22 человѣка мужиковъ, женокъ и дѣвокъ.

Если возможны были подобные набѣги и снисходительное къ нимъ отношеніе въ XVI в., когда центральная власть достигла высокаго развитія, то можно себѣ представить, что происходило въ XIII—XV вв.!

Съ XIV в. князья, при удобномъ случаѣ, вступаютъ въ борьбу съ наиболѣе сильными и самостоятельными боярами-феодалами и отнимаютъ ихъ вотчины.

30. Дворянство. Подъ дворянствомъ разумѣется та часть младшей дружины, которая состояла при княжескомъ дворѣ въ качествѣ мелкихъ княжескихъ слугъ. Нерѣдко въ составъ дворянства входили и холопы.

Хотя общественное положеніе дворянина было значительно ниже положенія боярина, однако, быть дворяниномъ было очень выгодно: дворяне за свою службу получали хорошее матеріальное вознагражденіе и всякаго рода милости. Этимъ служба дворянская становится привлекательной и для нѣкоторой части

бояръ: дѣти бояръ нерѣдко начинаютъ свою службу въ качествѣ дворянъ. Благодаря постепенно увеличивавшемуся притоку боярскихъ дѣтей, дворянство начинаетъ возвышаться и по своему общественному положенію. Особенно сильно возвышается дворянство московскаго князя. Этому содѣйствовало слѣдующее обстоятельство.

Въ лицѣ бояръ и вѣрныхъ слугъ, которые матеріально были совершенно самостоятельны, московскій князь имѣлъ не столько слугъ, въ современномъ смыслѣ слова, сколько сотрудниковъ, совѣтниковъ, помощниковъ; бояре и вѣрные слуги, особенно княжата, смотрѣли на себя, почти какъ на равныхъ князю, и князь склоненъ былъ также смотрѣть на нихъ, какъ на почти равныхъ себѣ; самая служба бояръ и вѣрныхъ слугъ основывалась на свободномъ договорѣ и устойчивостью не отличалась: бояре и вѣрные слуги могли всегда покинуть своего господина и перейти къ другому.

Иного рода была служба дворянина. Дворянинъ, матеріально зависѣвшій отъ князя, смотрѣлъ на себя, какъ на слугу въ современномъ смыслѣ слова: онъ безпрекословно исполнялъ приказанія своего князя, въ чемъ бы эти приказанія ни состояли. Это дѣлало изъ дворянства очень удобное и гибкое орудіе для осуществленія княземъ разныхъ цѣлей, и прежде всего одной цѣли: сокрушенія наиболѣе сильныхъ представителей боярства. Князь, въ борьбѣ съ боярствомъ, все болѣе и болѣе пользуется услугами дисциплинированнаго дворянства, а дворянство, понимая, что борьба съ боярствомъ поднимаетъ его собственное общественное положеніе, дѣятельно помогаетъ въ этомъ московскому князю.

31. Купцы-гости. Вслѣдствіе ничтожнаго состоянія внѣшней и внутренней торговли въ Окско Волжской Руси классъ купцовъ-гостей былъ очень малочисленъ. Наиболѣе богатые изъ купцовъ-гостей, а такихъ было немного, свои капиталы употребляли на покупку земельной собственности и такимъ образомъ приближались по своему экономическому и общественно-политическому положенію къ боярству и слугамъ вольнымъ. Остальное большинство сливалось по своему положенію съ городскими черными людьми.

32. Черные люди. Черными людьми называлась народная масса, сохранившая свою личную свободу. Они дѣлились на посадскихъ, т.-е. черныхъ людей, жившихъ въ городахъ, и

сиротъ, или крестьянъ, жившихъ по селамъ. Основнымъ занятіемъ тѣхъ и другихъ было земледѣліе.

Переселяясь съ юга въ Окско-Волжскую Русь, смерды большею частью попадали на земли, имѣвшія фактически или номинально своихъ владѣльцевъ — князей, бояръ, епископовъ и пр. Такъ какъ Окско-Волжская Русь была бѣдна населеніемъ, то колонисты-смерды находили себѣ радушный пріемъ со стороны этихъ владѣльцевъ. Землевладѣльцамъ и колонистамъ совмѣстная жизнь первоначально была одинаково выгодна: за пользованіе землей колонисты давали небольшую плату своимъ господамъ, а на остальные продукты труда можно было безбѣдно прожить; въ свою очередь для землевладѣльцевъ умноженіе населенія на ихъ территоріяхъ означало умноженіе доходовъ. Такимъ образомъ, по своему экономическому положенію черные люди были безсрочными арендаторами княжескихъ, боярскихъ, епископскихъ, монастырскихъ и т. д. земель. Юридически черные люди были свободны и имѣли право перехода отъ одного землевладѣльца къ другому.

Но относительное матеріальное благополучіе черныхъ людей продолжалось только до тѣхъ поръ, пока населеніе Окско-Волжской Руси не достигало еще особой плотности. Увеличеніе класса черныхъ людей соотвѣтственнымъ образомъ увеличивало спросъ ихъ на аренду. Пользуясь этимъ, господа стали поднимать арендную плату, которая, впрочемъ, въ удѣльно-феодальную эпоху не превышала половины крестьянскаго дохода. Жить чернымъ людямъ становилось труднѣе. Основныя условія земледѣльческаго труда увеличивали эту трудность. Обработка земли требуетъ нѣкотораго предварительнаго капитала: земледѣльческихъ орудій, сѣмянъ, скота, хозяйственныхъ и жилыхъ построекъ и пр. Не имѣя своего капитала, крестьянинъ вынужденъ былъ дѣлать займы у землевладѣльцевъ, безпроцентные („заемное жито и серебро“) и процентные („ростовое серебро“, „деньги в селѣхъ в ростѣхъ“). Такіе займы обыкновенно на долгое время, если не навсегда, привязывали крестьянина къ данному землевладѣльцу, такъ какъ возвратить ихъ землевладѣльцу было трудно или невозможно, даже при нормальномъ ходѣ крестьянскаго хозяйства. Но если на крестьянское хозяйство обрушивались какія-нибудь стихійныя невзгоды, то задолженность крестьянина господину еще болѣе росла, фактически лишая его права перехода къ другому

землевладѣльцу. Ростъ задолженности крестьянъ создавалъ условія для ихъ закрѣпощенія въ будущемъ: долгъ, неуплаченный крестьяниномъ, числился за его дѣтьми, внуками и т. д.; надъ личностью крестьянина медленно росло особое право его господина-землевладѣльца.

Право переходить отъ одного землевладѣльца къ другому, первоначально ничѣмъ не ограниченное, мало-по-малу начинаетъ ограничиваться и юридически: условія земледѣльческаго хозяйства, требующія планомѣрной работы въ теченіе опредѣленной части года, начиная съ весны и кончая осенью, не мирились съ правомъ крестьянина покидать работу, когда угодно; поэтому землевладѣльцы стали заключать договоръ, по которому крестьянинъ можетъ уходить разъ въ годъ по окончаніи полевыхъ работъ, обыкновенно въ Юрьевъ день, 24-го ноября. Судебникъ Ивана III (1497 г.) закрѣпилъ закономъ выработанное практикой условіе.

Князья, заключая между собою договоры, соглашаются между собою не принимать къ себѣ крестьянъ изъ другого удѣла, очевидно, чтобы дать возможность другъ другу вернуть отъ крестьянъ займы.

Такимъ образомъ, колонисты-смерды, выселившіеся изъ Днѣпровской Руси и первоначально сносно устроившіеся экономически и юридически, ходомъ развитія земледѣльческаго хозяйства снова были ввергнуты въ бѣдственное состояніе: матеріальное обѣднѣніе и юридическое приниженіе снова стали обычнымъ ихъ достояніемъ.

Въ политическомъ отношеніи права черныхъ людей сильно сократились даже по сравненію съ Кіевской Русью: право рѣшать общегосударственныя дѣла на вѣчѣ исчезло съ его уничтоженіемъ и остались только такія права, какъ право устанавливать между собою раскладку податей черезъ посредство выборныхъ сотскихъ и цѣловальниковъ (присяжныхъ) и право участія выборныхъ старостъ въ судѣ княжескихъ намѣстниковъ.

Основными политическими обязанностями черныхъ людей были по прежнему: 1) уплата податей и отбываніе повинностей на князя и его должностныхъ лицъ (несеніе „тягла“) и 2) военная служба.

33. Полусвободный и несвободный классы населенія. Къ полусвободному классу населенія въ Окско-Волж-

ской Руси относится та же группа лицъ, что въ Кіевской и Новгородско-Псковской, т.-е. закладни (кн. 1-ая, § 152; кн. 2-ая, § 12).

Несвободный классъ состоялъ изъ холоповъ, которые въ Окско-Волжской Руси дѣлятся на нѣсколько группъ. Въ классъ холоповъ попадали свободные черные люди за долги, дѣти рабыни или раба, наконецъ, вообще дѣти рабовъ. Личность холопа по прежнему юридически почти не признавалась: убійство чужого холопа подлежало наказанію; за убійство собственнаго холопа господинъ не несъ никакой отвѣтственности.

34. Духовенство. Задачи церкви и духовенства продолжаютъ оставаться тѣми же, что въ Кіевской и въ Новгородско-Псковской Руси (кн. 1-ая, § 150; кн. 2-ая, § 13). Какъ въ Кіевской Руси, окско-волжское духовенство, особенно его высшая часть, является дѣятельнымъ помощникомъ князей въ ихъ политической дѣятельности и даже превращается въ простое орудіе для достиженія ихъ цѣлей.

Въ окско-волжскомъ духовенствѣ отдѣльные его элементы и слои занимали различное положеніе и имѣли различное значеніе. Таковы митрополитъ, епископы, монашество и бѣлое духовенство.

1) Митрополитъ и епископы. Первоначальная слабость Окско-Волжской Руси, какъ и слабость Кіевской, была главной причиной того, что власть Византіи надъ русскою церковью продолжается и въ удѣльно-феодальную эпоху до 1461 года. До этого года митрополитъ по прежнему назначается константинопольскимъ патріархомъ изъ грековъ или южныхъ славянъ, рѣже изъ русскихъ, предлагаемыхъ русскими князьями. Но такое положеніе русской церкви къ половинѣ XV в. измѣняется. Съ одной стороны Окско-Волжская Русь развиваетъ свою экономическую и общественно-политическую силу, и параллельно этому могущество Византіи подъ ударами турокъ быстро падаетъ. Византійская церковь быстро бѣднѣетъ и начинаетъ съ XIV в. пользоваться матеріальною помощью русскихъ. Это должно было измѣнить отношенія между византійской и русской церковью: съ XIV в. константинопольскій патріархъ фактически утрачиваетъ право суда надъ русскимъ митрополитомъ; съ половины XIV в. онъ не можетъ препятствовать тому, чтобы митрополиты все чаще и чаще назначались изъ русскихъ. Въ 1453 г. Византія пала, и на ея мѣстѣ

водворилась Турецкая имперія. Въ 1461 г. послѣ смерти митрополита Іоны былъ поставленъ въ митрополиты Ѳеодосій, русскій, по приказанію великаго князя и безъ сношеній съ Константинополемъ.

Въ началѣ удѣльно-феодальнаго періода митрополиты въ отношеніи къ князьямъ могли сохранять значительную часть своей самостоятельности. Послѣ разоренія Кіева митрополитъ до конца столѣтія не имѣетъ своей постоянной резиденціи, а кочуетъ изъ Галича на юго-западѣ во Владиміръ на Клязьмѣ. Съ 1300 г. митрополитъ дѣлаетъ своей резиденціей Владиміръ. Съ этого времени митрополиты втягиваются въ ту политическую борьбу, которая завязывается здѣсь между тверскимъ великимъ княземъ и удѣльнымъ московскимъ. Являясь въ удѣльно-феодальной Руси крупной матеріальной и духовной силой, способной склонить перевѣсъ въ борьбѣ на ту или другую сторону, митрополитъ становится предметомъ особеннаго вниманія борющихся князей. Въ 1305 г. по смерти митрополита Михаила великій тверской князь Михаилъ Ярославичъ, которому принадлежалъ тогда Владиміръ, желая имѣть въ борьбѣ съ Москвой на своей сторонѣ митрополита, просилъ константинопольскаго патріарха назначить митрополитомъ игумена Геронтія. Въ то же самое время сильный галицкій великій князь Юрій Львовичъ добивался въ Константинополѣ особаго митрополита для Галича и выставилъ кандидатуру Петра, природнаго галичанина. Патріархъ не захотѣлъ дробить митрополію. Поставленный между двумя кандидатами—великаго сѣверо-восточнаго князя и южно-русскаго галицкаго,—патріархъ остановился на кандидатѣ сильнѣйшаго въ то время князя галицкаго и назначилъ митрополитомъ русской церкви Петра. Положеніе Петра во Владимірѣ было не изъ пріятныхъ: тверской великій князь относился къ нему враждебно и даже пытался смѣстить его. Изъ своего положенія Петръ былъ выведенъ тогдашними политическими отношеніями. Не признаваемый тверскимъ великимъ княземъ, Петръ сталъ искать себѣ поддержки у врага его—удѣльнаго московскаго князя. Московскій книзь Юрій Даниловичъ, понимая хорошо выгоды, какія можно извлечь изъ поддержки митрополита, охотно пошелъ на встрѣчу Петру. Петръ сталъ часто ѣздить въ Москву и подолгу оставался въ ней. Преемникъ Юрія Иванъ Калита слѣдовалъ той же политикѣ. По просьбѣ Ивана Калиты Петръ завѣщалъ похоронить себя

въ Москвѣ. Преемникъ Петра Ѳеогностъ, назначенный патріархомъ изъ грековъ, рѣшилъ поселиться въ Москвѣ, князь которой, Иванъ Калита, сдѣлался къ этому времени великимъ княземъ. Онъ былъ однимъ изъ энергичнѣйшихъ помощниковъ князя московскаго въ дѣлѣ возвышенія Москвы. Съ этого времени резиденціей митрополита дѣлается Москва.

Митрополиту и епископамъ принадлежала по прежнему обширная судебная и административная власть (кн. 1-ая, § 150). У митрополитовъ и епископовъ, какъ у крупныхъ духовныхъ феодаловъ, были свои штаты служащихъ: бояре, отроки, стольники и пр. Бояре служили митрополиту и епископамъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и свѣтскимъ князьямъ-феодаламъ, т.-е. съ обязательствомъ нести военную и административную службу, за что они получали отъ митрополита и епископовъ, какъ отъ своихъ сеньеровъ, земли въ пользованіе. У митрополита былъ свой полкъ, во главѣ котораго стоялъ особый митрополичій воевода.

Трудясь для усиленія власти московскаго князя надъ другими князьями и извлекая отсюда матеріальныя выгоды для себя, митрополитъ съ епископами собственноручно ковали силу и противъ себя: князья, усиливаясь, постепенно старались ограничить ихъ судебныя и финансовыя права и привилегіи. Такъ, по уставной грамотѣ Василія Дмитріевича I-го, данной митрополиту Кипріану въ 1404 г., ограничиваются финансовыя льготы митрополита: люди, живущіе во владѣніяхъ митрополита, должны были платить татарскую дань, ставить лошадей для должностныхъ княжескихъ чиновниковъ, платить тамгу (пошлины) при веденіи торговли и пр. По мѣрѣ приближенія къ концу удѣльно-феодальнаго періода духовные феодалы все болѣе и болѣе подчиняются власти московскихъ князей. Не имѣя возможности отстоять свою самостоятельность въ борьбѣ, наше высшее духовенство пыталось найти себѣ опору въ идеологіи: оно составило особые церковные уставы съ обширными судебными и административными правами и приписало ихъ Владиміру св. и Ярославу М. Но въ борьбѣ реальныхъ силъ, изъ которыхъ одна слабѣетъ, тогда какъ другая неудержимо растетъ, идеологическая опора не можетъ оказать слабой силѣ никакой поддержки. Поэтому и уставы Владиміра св. и Ярослава М. не спасли наше высшее духовенство отъ потери многихъ правъ и привилегій.

Содержаніе митрополита и епископовъ складывалось изъ тѣхъ же доходовъ, что и въ Кіевской Руси, т.-е. изъ доходовъ съ ихъ владѣній, изъ сборовъ за поставленіе въ духовные чины (симонія), изъ податей съ низшаго духовенства, изъ даровъ, преподносимыхъ духовенствомъ во время объѣзда митрополіи или епархіи, изъ судебныхъ пошлинъ и пр.

2) **Монашество.** Количество монастырей въ удѣльно-феодальной Руси достигло цифры 300. По своему строю монастыри по-прежнему дѣлились на особножительные (келліотскіе) и общежительные. По происхожденію они, какъ и въ Новгородско-Псковской Руси, были двоякаго рода: 1) княжеско-боярскіе и 2) основанные энергичными монахами-колонистами изъ бояръ или дворянъ. Назначеніе, характеръ монастырей всѣхъ этихъ родовъ и типовъ указаны выше, при разсмотрѣніи новгородско-псковскаго духовенства (§ 13).

Монастырское землевладѣніе къ XVI в. достигло громадныхъ размѣровъ: монастырямъ принадлежало около трети земель, и притомъ наилучшихъ; они получали громадные доходы отъ 20 до 60 тысячъ руб. на наши деньги, а знаменитый Троицкій-Сергіевъ монастырь въ XVI в. получалъ, по словамъ Флетчера, до 4 мил. руб. доходу. Всѣ эти монастыри въ общемъ были ничѣмъ инымъ, какъ капиталистическими предпріятіями, члены которыхъ имѣли возможность вести спокойную, обезпеченную жизнь. Такъ называемые „монастырскіе кормы“ особенно ясно рисуютъ эту сторону въ жизни нашихъ монастырей.

Лица, дѣлавшія крупные земельные вклады въ монастыри, ставили монастырской администраціи условіе устраивать ежегодно братіи въ память души вкладчика кормъ, при чемъ точно опредѣлялась сумма, потребная для устройства этого корма. Въ эти дни монахи получали усиленный, хорошій столъ: вмѣсто чернаго хлѣба — бѣлый, вмѣсто двухъ-трехъ блюдъ — четыре; квасъ давался медвяный, сыченый, а не простой. Усиленные кормы, независимо отъ этого, полагались братіи въ праздники господскіе, богородичные, „великихъ святыхъ“, число которыхъ доходило до 40 въ годъ. Нерѣдко монастырскую братію „учреждали“, т.-е. усиленно кормили знатные богомольцы изъ князей и бояръ, наѣзжавшіе въ монастырь по обѣту. Монахи тщательно слѣдили за кормовыми днями, которымъ въ монастыряхъ велся счетъ: существовали особыя кормовыя книги, въ которыхъ заносились кормовые дни съ обо-

значеніемъ меню стола на данный день. Въ кормовой книгѣ Волоколамскаго монастыря первой половины XVI в. означено около 50 такихъ дней. Позднѣе число такихъ дней дошло до 190 (въ Соловецкомъ монастырѣ въ XVII в.). О своемъ столѣ монахи очень заботились: уставы Троицко-Сергіева и Тихвинскаго монастырей (конца XVI в.) заключаютъ въ себѣ подробное расписаніе блюдъ и напитковъ, обнаруживающее большое развитіе гастрономическаго вкуса у монаховъ: въ немъ перечисленно до 36 блюдъ — горячихъ и холодныхъ — и напитковъ.

Къ концу XV в. изъ среды русскаго монашества выдѣляется небольшая группа, дѣятельность которой направляется на духовное саморазвитіе: это — монахи, основавшіе въ пустынѣ скиты, маленькіе монастыри, состоявшіе изъ двухъ, трехъ келій, въ которыхъ жили два-три отшельника.

3) **Бѣлое духовенство.** Въ противоположность черному духовенству бѣлое находилось въ приниженномъ положеніи: оно по прежнему набиралось изъ низшихъ классовъ населенія и несло податныя повинности по отношенію къ епископамъ и митрополитамъ. На выборъ священниковъ большое вліяніе имѣли землевладѣльцы-капиталисты: послѣдніе нерѣдко добивались у епископовъ посвященія въ священники собственныхъ холоповъ съ цѣлью эксплоатировать въ свою пользу ихъ доходы. Доходы бѣлаго духовенства состояли изъ платы прихожанъ за требы и руги, особаго сбора среди прихожанъ въ пользу священниковъ.

Изъ среды бѣлаго духовенства къ концу періода выдѣляется небольшая группа болѣе обезпеченныхъ протопоповъ городскихъ соборовъ.

35. Положеніе женщины. Женщина-рабыня въ Окско-Волжской Руси раздѣляла положеніе отца-холопа или мужа-холопа. Свободная женщина продолжала пользоваться почти всѣми гражданскими правами, личными и имущественными; политическими правами она не пользовалась и политическихъ обязанностей не имѣла. Отношенія между мужчинами и женщинами въ низшихъ классахъ продолжаютъ въ значительной степени регулироваться древнимъ коммунистическимъ началомъ. Въ высшихъ классахъ этотъ элементъ исчезаетъ: мужчина-собственникъ, продолжая для себя пользоваться коммунистическимъ началомъ, принимаетъ всѣ мѣры къ тому, чтобы жена его этимъ началомъ не пользовалась: отсюда возникновеніе въ Окско-

Волжской Руси теремной жизни для женщинъ изъ высшаго класса населенія.

36. Политическій строй Окско-Волжской Руси. Политическій строй Окско-Волжской Руси въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сохраняетъ черты, выработанныя Кіевской Русью, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ вырабатываетъ новыя черты.

Во-первыхъ, въ Окско-Волжской Руси исчезаетъ вѣче. Основная причина его исчезновенія заключалась въ измѣненіи системы хозяйства. При охотничье-торговой государственной системѣ вѣче было однимъ изъ органовъ управленія, выработанныхъ крупнымъ городомъ. Въ Кіевской Руси вѣче было выразителемъ мѣстной аристократіи, отодвинутой на задній планъ княжеской дружиной и находившей себѣ опору въ городскомъ низшемъ классѣ населенія [1]). Въ Новгородско-Псковской Руси и ея колоніяхъ—Ростовѣ и Суздалѣ—вѣче проводило и осуществляло также интересы мѣстной аристократіи (§ 15). Это обстоятельство развивало въ низшемъ классѣ недовѣріе къ вѣчу, а затѣмъ и равнодушіе. Развитію равнодушія къ вѣчу содѣйствовало еще одно важное обстоятельство. На вѣчѣ присутствовали горожане; что касается сельскихъ смердовъ, то занятые борьбой за существованіе, вдали отъ политическихъ центровъ, они фактически лишены были возможности принимать участіе въ городскихъ вѣчевыхъ собраніяхъ; а это значитъ, что они, собственно говоря, и не знали, что такое вѣче, лишены были привычки сообща обсуждать государственныя дѣла. Пораженіе мѣстной окско-волжской аристократіи съ вѣчевыми навыками (§ 22) наноситъ вѣчевому строю рѣшительный ударъ.

Во-вторыхъ, измѣняется характеръ княжеской власти. Въ Кіевской Руси роль князя состояла въ томъ, что онъ былъ организаторомъ военной защиты территоріи русскаго государства и его торговыхъ путей отъ посягательствъ скотоводческо-кочевыхъ народовъ. Въ этомъ заключалось общественное значеніе князя; отсюда проистекала его сила и власть надъ населеніемъ территоріи. Въ Окско-Волжской Руси роль князя

---

[1]) Въ 1-ой кн. (стр. 335), подъ вліяніемъ народническаго освѣщенія древнерусской исторіи, я полагалъ, что вѣче было выразителемъ интересовъ смердовъ, простого народа. Между тѣмъ, уже Ключевскій указалъ, что кіевское вѣче, на самомъ дѣлѣ, выражало интересы мѣстной аристократіи. См. „Боярская Дума“, 4-ое изд., стр. 43.

въ соотвѣтствіи съ происшедшимъ здѣсь хозяйственнымъ переворотомъ существенно измѣняется: князь является организаторомъ земледѣльческаго хозяйства, давая свои земли крестьянамъ въ аренду или боярамъ на ленныхъ условіяхъ, или удѣляя тѣмъ и другимъ изъ своихъ капиталовъ средства для производства; князь — крупный вотчинникъ-капиталистъ, источникъ развитія общественнаго труда. Въ такой роли князя заключалось его общественное значеніе и сила. Отсюда совершенно новый отпечатокъ на формахъ правленія — отпечатокъ частноземлевладѣльческій.

Въ-третьихъ, новая роль князей привязывала ихъ къ ихъ княжествамъ, уничтожая старую кочевку изъ княжества въ княжество. Князь дорожилъ своимъ княжествомъ, какъ хозяйствомъ, на которое онъ затрачивалъ большіе капиталы и отъ котораго ожидалъ увеличенія доходовъ. Въ то же время географическая изолированность княжествъ, столь характерная для начальнаго фазиса въ развитіи удѣльно-феодальной Руси, дѣлала князей почти совершенно независимыми другъ отъ друга: каждое княжество жило своею независимою, изолированною жизнью; сосѣдніе князья вспоминали другъ о другѣ только тогда, когда одинъ угрожалъ другому и являлась возможность поживиться одному на счетъ другого. Столкновенія между князьями сопровождались борьбой; побѣдитель и побѣжденный регулировали свои дальнѣйшія отношенія договорами.

Въ-четвертыхъ, въ окско-волжскихъ княжествахъ съ XIII в. вырабатывается особый порядокъ наслѣдованія — вотчинный, состоящій въ томъ, что удѣлъ переходитъ по завѣщанію отъ отца къ сыновьямъ. Этотъ новый порядокъ наслѣдованія былъ созданъ указанными выше условіями новой системы хозяйства: затраты князей на эксплоатацію княжества, на ссуды крестьянамъ и пр. связывали съ даннымъ удѣломъ не только ихъ, но и ихъ потомство.

Въ-пятыхъ, удѣлъ по завѣщанію дѣлился между всѣми сыновьями, что не трудно было сдѣлать благодаря естественному распаденію удѣла на отдѣльныя земледѣльческія хозяйства. Отсюда—дробленіе удѣла на мелкія княжества. При сыновьяхъ Всеволода III Окско-Волжская Русь раздѣлилась на пять удѣловъ: Владимирскій, Ростовскій, Переяславль-Залѣсскій, Юрьево-Польскій и Стародубскій. При внукахъ его было 12 удѣловъ, причемъ Владимирскій раздѣлился на Владимир-

скій, Суздальскій, Костромской и Московскій, а Ростовскій на Ростовскій, Ярославскій и Углицкій. Въ XIV—XV вв. дробленіе достигло крайней степени: напр., Ростовскій удѣлъ распадается на новые удѣлы—Ростовскій и Бѣлозерскій, а Бѣлозерскій на слѣдующіе удѣлы: Кемскій, Судской, Сугорскій, Ухтомскій, Шелешпальскій, Андожскій, Вадбольскій и пр.; Ярославскій удѣлъ распался на удѣлы Моложскій, Сицкой, Заозерскій, Прозоровскій, Кубенскій, Курбскій, Новленскій, Юхотскій, Бохтюжскій, Пошехонскій. Названія этихъ удѣловъ показываютъ, что это были большею частью мелкіе рѣчные или озерные бассейны. Для характеристики такихъ удѣловъ можно взять „княжество" Заозерское, которое было расположено на сѣверо-восточномъ берегу Кубенскаго озера. Столица княжества продставляла изъ себя одинокій княжескій дворъ, недалеко отъ впаденія рѣки Кубины въ озеро. Около княжескаго двора возвышалась церковь, построенная княземъ, а еще дальше находилось село Чириково—приходъ этой церкви. Вотъ столица одного изъ русскихъ князей въ началѣ XV в.

Таковы основныя новыя черты въ политическомъ строѣ Окско-Волжской Руси. Но сохранились и нѣкоторыя черты, выработанныя Кіевской Русью. До начала XIV в. въ отношеніи къ великокняжескому престолу продолжаетъ царить система очередного княженія. Но и эта черта сохранилась съ тѣми измѣненіями, которыя вынуждались новой системой хозяйства: добившись великокняжескаго престола во Владимирѣ, удѣльный князь только изрѣдка наѣзжалъ въ этотъ стольный городъ и продолжалъ жить въ своей вотчинѣ. Такъ, Ярославъ Ярославичъ Тверской, получивъ великое владимирское княженіе, остался въ своемъ удѣлѣ, въ Твери; Василій Ярославичъ Костромской, когда ему досталось великое княженіе, тоже не поѣхалъ во Владимиръ, а остался въ Костромѣ.

Измѣненіе системы хозяйства оказало нѣкоторое вліяніе на характеръ центральнаго и областного управленія.

Во главѣ центральнаго управленія стоялъ князь, которому помогалъ въ управленіи цѣлый рядъ должностныхъ лицъ: дворецкій, казначей, печатникъ, стольникъ, ловчій, сокольничій, конюшій, чашникъ и пр. Это были лица, завѣдывавшія дворцомъ и княжескими имѣніями и въ то же время исполнявшія порученія государственнаго характера. Дѣятельность князя была двоякаго рода: внутренняя и внѣшняя. Основной отраслью

внутренней дѣятельности князя было собираніе доходовъ съ вотчины, налоговъ и пошлинъ съ населенія черезъ посредство особыхъ должностныхъ лицъ, причемъ новые налоги и пошлины устанавливались князьями при каждомъ удобномъ случаѣ. Такъ, напр., кромѣ судебныхъ пошлинъ были установлены свадебныя пошлины. Особенно многочисленны были пошлины таможенныя, дѣлившіяся на проѣзжія и торговыя. Пошлину брали за провозъ товаровъ сухимъ путемъ и водянымъ, затѣмъ съ лицъ, сопровождавшихъ товары, наконецъ, при возвращеніи обратно по тѣмъ же дорогамъ.

Второй отраслью дѣятельности князя были судъ и въ связи съ нимъ законодательная дѣятельность. Послѣдняя все еще слабо была развита и носила случайный характеръ. Только къ концу періода появляется законодательный сборникъ „Судебникъ“ 1497 г. Судебная власть князя была всеобъемлюща: по всякому дѣлу можно было обратиться непосредственно къ князю, или лицу, которому князь поручалъ за себя вести то или другое дѣло. Князя въ его судебной функціи интересовали по прежнему не столько выясненіе дѣла, сколько пошлины, связанныя съ судебнымъ дѣломъ.

Наконецъ, князь назначалъ и повышалъ должностныхъ лицъ.

Внѣшняя дѣятельность князя сводилась къ регулированію отношеній съ сосѣдями путемъ войнъ и договоровъ. Эта дѣятельность также направлялась и руководилась разсчетами личной выгоды князя.

При князѣ продолжала находиться дума (кн. 1-ая, § 153).

Во главѣ областного управленія стояли намѣстники и волостели.

Намѣстники управляли по назначенію князя уѣздомъ, т.-е. областью, тяготѣвшей къ данному городу. Основная цѣль въ назначеніи намѣстниковъ состояла въ томъ, чтобы сдѣлать эту должность источникомъ княжескихъ доходовъ: за управленіе („кормленіе“) удѣломъ намѣстникъ получалъ содержаніе („кормъ“) отъ населенія города и его уѣзда и половину этого содержанія намѣстникъ долженъ былъ уплачивать князю. Сфера дѣятельности намѣстника была менѣе обширна, чѣмъ сфера дѣятельности князя. Намѣстнику принадлежала въ уѣздѣ судебная власть по всѣмъ дѣламъ: она была для него источникомъ доходовъ, складывавшихся изъ судебныхъ пошлинъ. Кромѣ

того, намѣстникъ завѣдывалъ снаряженіемъ людей на военную службу и назначалъ себѣ помощниковъ. Наконецъ, по порученію князя намѣстникъ выполнялъ рядъ полицейскихъ обязанностей.

Волостель былъ тѣмъ же должностнымъ лицомъ, что и намѣстникъ, но для меньшей областной единицы, для части уѣзда, которая называлась волостью.

Намѣстникъ и волостель назначали себѣ, обыкновенно изъ своихъ холоповъ, помощниковъ, которые назывались тіунами. Тіуны, по порученію намѣстниковъ и волостелей, совершали судъ и получали съ населенія за это кормъ и часть судебныхъ пошлинъ.

Въ управленіи намѣстниковъ и волостелей принимали долю участія и нѣкоторыя выборныя отъ населенія лица: старосты (сотскіе), десятники и добрые люди: они раскладывали и собирали между собою кормы для намѣстниковъ, волостелей и ихъ помощниковъ, подати, присутствовали на судѣ, слѣдя за правильностью суда съ точки зрѣнія обычая.

37. Московская Русь и ея развитіе. Процессъ объединенія удѣльно-феодальной Окско-Волжской Руси тѣсно связанъ съ исторіей города Москвы и созданной имъ Московской Руси.

Городъ Москва возникъ на рѣкѣ Москвѣ, лѣвомъ притокѣ Оки. Это былъ замѣчательный въ географическомъ отношеніи пунктъ: въ немъ пересѣкались три большія дороги, шедшія изъ разныхъ частей русской территоріи. *Первый путь* шелъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ, изъ Новгородско-Псковской Руси черезъ верхнюю часть Волги къ средней части Оки; главною частью этого пути была рѣка Москва: ея верхній притокъ Истра отдѣляется небольшимъ волокомъ (водораздѣломъ) отъ Ламы, притока Шоши, впадающей въ верхнюю часть Волги; своимъ устьемъ Москва впадаетъ въ среднюю часть Оки. *Второй путь* былъ развѣтвленіемъ перваго. Онъ начинался тамъ, гдѣ рѣка Москва круто сворачиваетъ на юго-западъ, и шелъ на востокъ съ легкимъ отклоненіемъ къ сѣверу: притокъ Москвы Яуза отдѣляется небольшимъ водораздѣломъ отъ Клязьмы, притока Оки въ ея нижней части. Наконецъ, *третій путь* шелъ съ юго-запада на сѣверо-востокъ, изъ Днѣпровской Руси въ Окско-Волжскую: онъ шелъ черезъ притокъ Оки Лопасню къ рѣкѣ Москвѣ въ томъ ея пунктѣ, гдѣ развѣтвлялись первые два пути; отсюда путь шелъ къ

сѣверу съ легкимъ отклоненіемъ на востокъ къ Переяславлю Залѣсскому, а отсюда къ Ростову. Такое пересѣченіе трехъ главныхъ путей сообщенія, представляющее большія экономическія выгоды, должно было рано или поздно обратить на себя вниманіе.

Въ началѣ XII в., по преданію, по обоимъ берегамъ рѣки Москвы простирались обширныя владѣнія могучаго боярина, суздальскаго тысяцкаго, Степана Ивановича Кучки (Куцки); а на мѣстѣ пересѣченія трехъ дорогъ была его усадьба—Куцкова. Въ началѣ XII в. южной дороги еще не было: она только что стала намѣчаться колонизаціоннымъ движеніемъ съ юга. Тѣмъ не менѣе Куцкова должна была доставлять своему владѣтелю неисчислимые выгоды и доходы: черезъ Куцкову пролегалъ единственный транзитный торговый путь между Окско-Волжской и Новгородско-Псковской Русью, путь, развѣтвлявшійся на два пути. Съ проложеніемъ дороги съ юга выгоды владѣтеля Куцковы должны были возрости. Юрій Долгорукій, суздальскій князь, очевидно, понялъ это и рѣшилъ захватить Куцкову. Въ преданіяхъ сохранились отголоски кровавой борьбы между Юріемъ и „зѣло возгордившимся“ бояриномъ Степаномъ Ивановичемъ Кучкой. Бояринъ погибъ, и Куцкова превратилась въ усадьбу Юрія подъ именемъ Москвы; старое названіе Куцкова сохранилось въ названіи московскаго урочища Кучкова поля, гдѣ теперь находятся улицы Срѣтенка и Лубянка. По всей вѣроятности, именно со времени захвата Куцковы усилилось колонизаціонное движеніе съ юга, поощряемое Юріемъ. Подъ 1147 г. впервые упоминается въ лѣтописи имя Москвы: сюда, „въ Москву“, Юрій Долгорукій приглашалъ на свиданіе новгородъ-сѣверскаго князя. Въ 1156 г. Юрій окружаетъ свою усадьбу деревянной стѣной (на мѣстѣ нынѣшняго Кремля), и Москва изъ усадьбы превращается въ укрѣпленный городокъ—признакъ важнаго стратегическаго значенія, пріобрѣтеннаго ею недалеко отъ границы между Окско-Волжской и Днѣпровской Русью. Двигавшееся съ юга населеніе должно было оставлять колонистовъ прежде всего въ бассейнѣ рѣки Москвы, содѣйствуя этимъ его быстрому заселенію. Съ половины XIII в. скопленію населенія въ этомъ бассейнѣ содѣйствуетъ то обстоятельство, что географически бассейнъ рѣки Москвы находился въ срединѣ другихъ русскихъ княжествъ и благодаря этому естественно былъ защищенъ отъ

нападеній внѣшнихъ враговъ: нападенія черемисовъ и татаръ съ юго-востока и юга, шведовъ и ливонцевъ съ запада, литвы съ юго-запада—обрушивались всею своею тяжестью на окраинныя княжества: Нижегородское, Рязанское, Смоленское, Псковское, Новгородское, рѣдко касаясь бассейна рѣки Москвы: съ татарскаго нашествія и до нападенія литовскаго князя Ольгерда въ 1368 г. было одно только нападеніе на Москву — въ 1293 г. Даже походы новгородскихъ ушкуйниковъ по Волгѣ, столь безпокоившіе Тверское, Ярославское и Ростовское княжества, не касались этого бассейна. Благодаря этому, населеніе, искавшее спокойствія и возможности мирнаго труда, продолжало скопляться въ бассейнѣ рѣки Москвы.

Географическое положеніе, скрещиваніе торгово-промышленныхъ и колонизаціонныхъ путей, скопленіе населенія — все это должно было содѣйствовать быстрому экономическому, а затѣмъ и политическому развитію бассейна рѣки Москвы и его центра, города Москвы. Москва становится особымъ удѣломъ. Къ началу XIV в. онъ былъ еще не великъ: въ его составъ входили изъ 19 уѣздовъ нынѣшней Московской губерніи неполныхъ пять: Московскій, Звенигородскій, Рузскій, Богородскій и часть Дмитровскаго; пространство Московскаго удѣла не превышало 500 кв. миль; въ немъ было только два города—Москва и Звенигородъ.

Когда Москва стала особымъ удѣломъ, новое важное условіе для ея развитія возникло благодаря генеалогическому положенію ея князей. Городъ молодой и маленькій, находившійся далеко отъ центровъ Окско-Волжской Руси—Ростова, Суздаля, Владимира и др., на южной окраинѣ ея, онъ не представлялъ интереса для старшихъ членовъ княжеской фамиліи и доставался младшимъ линіямъ потомства Всеволода III. Принадлежность къ младшимъ линіямъ быстро размножавшейся фамиліи исключало надежду занять когда-нибудь престолъ по системѣ очередного княженія. Князья этихъ линій обрекались на бѣдное существованіе въ ихъ маленькихъ ничтожныхъ удѣлахъ. Это должно было порождать въ нихъ ненависть къ своимъ старшимъ братьямъ, дядьямъ и т. д., неуваженіе къ праву и традиціи, которыми было окружено положеніе послѣднихъ, стремленіе пользоваться малѣйшимъ случаемъ для своего усиленія и обогащенія мѣрами, ничего общаго не имѣвшими съ существовавшимъ правомъ и властью традиціи старшинства. Изъ

этихъ князей младшихъ линій въ особенно счастливыя условія для усиленія стоялъ тотъ, кому доставалась маленькая Москва. Московскій князь въ своемъ узловомъ пунктѣ получалъ со всѣхъ сторонъ свѣдѣнія обо всемъ происходившемъ въ Окско-Волжской Руси; отсюда онъ зорко слѣдилъ за своими родственниками и ихъ дѣйствіями, высматривалъ ихъ слабыя стороны и, какъ хищникъ, набрасывался на все то, что плохо лежало.

Одинъ изъ такихъ князей, Михаилъ Ярославичъ Хоробритъ (забіяка), напалъ въ 1248 г. врасплохъ на своего дядю великаго князя Святослава и завладѣлъ великокняжескимъ престоломъ. Другой московскій князь, Даніилъ, младшій сынъ Александра Невскаго, въ концѣ XIII в. также врасплохъ напалъ на рязанскаго князя Константина, побѣдилъ его „нѣкоей хитростью", взялъ въ плѣнъ и отнялъ принадлежавшій ему городъ Коломну, находившійся при впаденіи рѣки Москвы въ Оку. Съ этого момента начинается послѣдовательное усиленіе Москвы. Даніилъ ведетъ упорную борьбу съ великими князьями, своими братьями, Дмитріемъ Переяславскимъ и Андреемъ Городецкимъ. Для своего усиленія Даніилъ прибѣгалъ не только къ хитрости, хищническому внезапному нападенію, но и къ другимъ способамъ. По смерти Дмитрія Переяславскаго Даніилъ сближается съ его бездѣтнымъ, слабымъ сыномъ Иваномъ: результатомъ этого сближенія было то, что Иванъ завѣщалъ свой удѣлъ Переяславль-Залѣсскій, помимо старшихъ родственниковъ, Даніилу. Даніилъ становится родоначальникомъ московскихъ князей, которые примѣняютъ методъ своего предка для своего усиленія.

Сынъ Даніила Юрій нападаетъ въ 1303 г. на своего сосѣда князя Можайскаго, захватываетъ его въ плѣнъ и отнимаетъ его городъ Можайскъ. Затѣмъ онъ убиваетъ взятаго его отцомъ въ плѣнъ Константина и окончательно укрѣпляетъ за собою Коломну. Коломна находилась при впаденіи рѣки Москвы въ Оку, Можайскъ—на верховьи Москвы. Такимъ образомъ, два-три хищническихъ удара—и весь бассейнъ рѣки Москвы, столь доходный, какъ транзитный путь, попалъ въ руки московскаго князя. Это пріобрѣтеніе, послужившее источникомъ обогащенія московскаго князя, стало прочной основой для дальнѣйшаго его усиленія и расширенія московскаго удѣла. Юрій женится на сестрѣ хана и осмѣливается вступить въ борьбу со своимъ двоюроднымъ дядей Михаиломъ Тверскимъ

за великокняжескій престолъ. Юрію удалось погубить Михаила въ Ордѣ и получить великое княженіе, но спустя нѣкоторое время, самъ погибъ въ Ордѣ же отъ руки сына Михаила — Дмитрія Грозныя Очи. Первое столкновеніе Москвы съ Тверью закончилось въ пользу послѣдней: великокняжескій престолъ достался сыну погибшаго Михаила—Александру.

Этимъ борьба между Москвой и Тверью не могла закончиться: на сторонѣ Москвы слишкомъ много было реальныхъ преимуществъ передъ Тверью, чтобы отказаться отъ борьбы; количествомъ матеріальныхъ средствъ — денегъ — Москва превосходила Тверь, на сторонѣ которой были только юридическія права старшинства ея князей. Преемникъ Юрія, его братъ Иванъ, получившій прозвище Калиты (мѣшокъ съ деньгами), ловко воспользовался своими капиталами и оплошностями Александра Тверского. Иванъ часто ѣздилъ въ Орду на поклонъ къ хану, и щедро одарялъ хана, ханокъ и знатныхъ ордынскихъ мурзъ. Этимъ онъ пріобрѣлъ большое расположеніе Орды. При всякомъ удобномъ случаѣ Иванъ подчеркивалъ передъ ханомъ свою полную преданность ему и лойяльность. Рѣшающее значеніе имѣлъ случай, представившійся въ 1327 г. Тверичи со своимъ княземъ Александромъ, возмущенные насиліями татарскаго посла Чолхана (Щелкана), двоюроднаго брата хана Узбека, напали на него и его свиту. Домъ, куда скрылся Чолханъ, былъ подожженъ. Всѣ татары съ Чолханомъ погибли. Иванъ Калита, получивъ извѣстіе о случившемся, поскакалъ въ Орду съ докладомъ. Ханъ пришелъ въ ярость. Иванъ предложилъ свои услуги для наказанія тверичей и Александра. Ханъ далъ Ивану 50.000 татарскаго войска. Иванъ страшно опустошилъ Тверское княжество. Александръ бѣжалъ. Въ 1328 г. Иванъ получилъ великое княженіе, а съ нимъ Владимирскую область и право собирать со всей Русской земли дань для татаръ. Съ этихъ поръ великокняжескій престолъ остается за московскимъ княземъ; съ этихъ же поръ устанавливается на почвѣ собиранія татарской дани матеріальная зависимость отъ Москвы всѣхъ русскихъ князей, а затѣмъ и политическая.

Съ Ивана Калиты идетъ послѣдовательное расширеніе владѣній московскаго князя самыми разнообразными средствами: московскій князь покупаетъ земли у обѣднѣвшихъ мелкихъ и крупныхъ собственниковъ, свѣтскихъ и духовныхъ,

дипломатически захватываетъ земли при посредствѣ Орды, захватываетъ ихъ съ оружіемъ въ рукахъ или получаетъ по договору съ удѣльнымъ княземъ и пр. Иванъ Калита купилъ Бѣлозерскъ, Галичъ и Угличъ, оставивъ въ нихъ князей ихъ на условіяхъ вассальной службы; его сыновья Симеонъ и Иванъ II пріобрѣли Верею, Боровскъ, Серпуховъ, половину Волоколамска и Каширу; Дмитрій Донской захватилъ Стародубъ на Клязьмѣ и Галичъ съ Дмитровымъ, выгнавъ отсюда ихъ князей; Василій I купилъ у татаръ ярлыкъ на Муромъ, Тарусу и Нижегородское княжество, однихъ князей выгналъ отсюда, другихъ оставилъ на вассальныхъ условіяхъ; Иванъ III завладѣлъ огромной Новгородской областью и Тверью, а Василій III—Псковомъ и Рязанью. Къ началу XVI в. московскія владѣнія съ 500 кв. миль дошли до 15.000 кв. м., т.-е. за два столѣтія увеличились въ 30 разъ.

Быстротѣ роста московскихъ владѣній, помимо основныхъ причинъ, указанныхъ выше, содѣйствовалъ рядъ другихъ, хотя и второстепенныхъ, но тоже очень важныхъ.

Во-первыхъ, благодаря малочисленности потомства Ивана Калиты московскій престолъ переходилъ отъ отца къ старшему сыну, что устраняло поводы къ княжескимъ усобицамъ. Такой порядокъ, тянувшійся въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, пріучилъ къ новой системѣ наслѣдованія настолько, что, когда при Василіи II Темномъ (1425—1462) возникла первая усобица за московскій престолъ между нимъ и его дядей Юріемъ Дмитріевичемъ, т.-е. на основахъ полузабытой системы очередного княженія, побѣдителемъ вышелъ Василій, при сочувствіи всего правящаго класса. Московскіе князья со своей стороны принимали мѣры къ усиленію старшаго сына-наслѣдника: раздѣляя московскія земли между всѣми своими сыновьями, великіе князья давали старшему сыну, помимо великаго княженія, больше земель, городовъ, селъ и матеріальныхъ средствъ, нежели прочимъ. Такъ, Дмитрій Донской, раздѣливъ Московское княжество между своими пятью сыновьями, старшему далъ около трети земель; Василій II Темный далъ своему старшему сыну Ивану III 16 городовъ, а четверымъ остальнымъ тоже 16; Иванъ III далъ старшему своему сыну Василію III 90 городовъ, а четверымъ младшимъ только 26 городовъ. Такимъ образомъ, московскіе князья старались новый порядокъ наслѣдованія закрѣпить матеріальнымъ усиленіемъ старшаго сына-наслѣдника.

Во-вторыхъ, благодаря искусно установленнымъ отношеніямъ къ хану, его роднымъ и мурзамъ и частымъ щедрымъ подаркамъ, татарскія нашествія на московскія владѣнія почти прекратились.

Въ-третьихъ, спокойствіе и сохраненіе порядка въ связи съ отсутствіемъ княжескихъ усобицъ и татарскихъ нашествій („тишина велія и правый судъ", „исправленіе отъ татей", т.-е. разбойниковъ, воровъ, грабителей) должны были развивать въ населеніи особенное тяготѣніе къ московскому князю.

Въ-четвертыхъ, перенесеніе митрополичьей каѳедры въ Москву, дѣлавшее митрополита сильнымъ орудіемъ въ рукахъ московскаго князя, окружало Москву и ея политику ореоломъ церковности.

Ростъ московскихъ владѣній превратилъ московскаго князя въ самого крупнаго русскаго вотчинника. Это должно было внести измѣненія въ двоякаго рода отношенія московскаго князя: къ удѣльнымъ князьямъ и къ татарамъ.

Съ удѣльными князьями московскій князь заключаетъ договоры, по которымъ первые обязуются: 1) не вступать ни съ кѣмъ въ дипломатическія сношенія и не заключать договоровъ безъ вѣдома и согласія московскаго князя, 2) не сноситься съ Ордой помимо московскаго князя и 3) являться на войну по требованію московскаго князя.

Отношенія къ татарамъ постепенно становятся болѣе независимыми. Въ 1380 г. на Куликовомъ полѣ впервые мѣряются силами удѣльно-феодальная Окско-Волжская Русь и скотоводческо-кочевая общественно-политическая организація,— и послѣдняя, съ Мамаемъ во главѣ, терпитъ первое пораженіе. Двумъ представленіямъ—представленію о непобѣдимости татаръ и представленію о безсиліи противъ нихъ русскихъ былъ нанесенъ рѣшительный ударъ. Но Куликовская побѣда стоила Окско-Волжской Руси тяжкихъ потерь, а силы Орды были еще велики. Въ 1382 г. новый ханъ Золотой Орды Тохтамышъ совершаетъ нашествіе на Москву. Дмитрій Донской хотѣлъ дать и Тохтамышу крупное сраженіе; но вассалы его— князья и бояре — рѣшительно отказались „сѣсть на конь". Данническія отношенія къ Ордѣ возстановились; но татары стали относиться къ русскимъ съ большею осторожностью, чѣмъ прежде. Въ 1480 г. при Иванѣ III русскіе и татары подъ предводительствомъ Ахмата снова поднялись другъ на друга.

Встрѣча произошла при рѣкѣ Угрѣ. Ни одинъ изъ противниковъ не рѣшался первымъ вступить въ бой. Наступившая зима съ ея холодами заставила Ахмата отступить въ степи, гдѣ онъ и погибъ. Золотая Орда погибаетъ подъ ударами отдѣлившейся Крымской Орды. 1480-ый годъ считается годомъ паденія татарскаго ига.

38. Просвѣщеніе въ Окско-Волжской Руси. Основа просвѣщенія въ Окско-Волжской Руси остается та же, что и прежде, т.-е. еврейско-византійско-болгарская система міропониманія, съ одной стороны, упрощенная, а съ другой, усложненная древнерусскимъ анимизмомъ. Занесенное въ Окско-Волжскій край высшими классами населенія и твердо проводимое потомствомъ Владимира Мономаха, начиная съ Юрія Долгорукаго, оно, вслѣдствіе уплотненія населенія, проникаетъ съ большею быстротою въ народную массу. Къ концу удѣльно-феодальнаго періода еврейско-византійско-болгарская система міропониманія дѣлается достояніемъ и народной массы, но въ чрезмѣрно упрощенномъ видѣ, т.-е. ею усваивается по преимуществу молитвенный элементъ, а въ этомъ элементѣ по преимуществу обрядовая сторона. Въ то же время благодаря смѣшенію русскихъ съ финнами въ еврейско-византійско-болгарское міропониманіе вторгается новый элементъ — финскій. По своему культурному состоянію финны до появленія русскихъ стояли на рубежѣ между первобытнымъ коммунизмомъ и патріархально-родовою общественностью. Поэтому финское міропониманіе при появленіи русскихъ находилось на той начальной ступени анимизма, которая русской массой была уже пережита давно. Обиліе лѣсовъ и воды содѣйствовали у финновъ развитію культа лѣса и воды. У русскихъ было уже почитаніе лѣшаго и водяного. Смѣшеніе съ финнами повело къ тому, что почитаніе этихъ двухъ божествъ становится еще болѣе устойчивымъ. Въ то же время въ умѣ великоросса должны были слиться вмѣстѣ русскіе и финскіе образы обоихъ божествъ. Финскій анимизмъ легко сближался и сливался съ русскимъ анимизмомъ; а съ этимъ финско-русскимъ анимизмомъ легко сливался еврейско-византійско-болгарскій анимистическій элементъ.

Средства развитія просвѣщенія еще остаются старыя, т.-е. грамотность, усваиваемая при посредствѣ частнаго обученія у частныхъ лицъ, и самостоятельное чтеніе переводной и оригинальной литературы.

Въ удѣльно-феодальную эпоху грамотность должна была развиться болѣе, чѣмъ въ предшествующую эпоху: *во-первыхъ*. Окско-Волжская Русь раздробилась на множество самостоятельныхъ удѣловъ; правящій классъ каждаго удѣла долженъ былъ выдѣлять изъ себя часть грамотныхъ лицъ для правительственныхъ цѣлей; *во-вторыхъ*, развитіе монастырской жизни также должно было содѣйствовать распространенію грамотности среди той части высшаго класса, которая принимала монашество; часть низшаго класса, которой удавалось попасть въ монашество, также должна была въ лицѣ наиболѣе способныхъ членовъ своихъ достигать грамотности; *въ-третьихъ*, существованіе транзитнаго торговаго пути, по которому двигалось грамотное и просвѣщенное новгородское купечество, должно было имѣть вліяніе на населеніе этого района въ смыслѣ распространенія среди мѣстнаго купечества грамотности.

Общественныхъ или государственныхъ школъ все еще нѣтъ.

Грамотность, а въ связи съ ней просвѣщеніе вообще сосредоточивались въ удѣльныхъ центрахъ. Въ старинныхъ центрахъ, каковы Ростовъ, Суздаль и особенно Владиміръ, ставшій со второй половины XII в. центромъ Окско-Волжской Руси, просвѣщеніе стояло выше; здѣсь благодаря покровительству князей, стремившихся уравнять Владиміръ съ Кіевомъ, пробуждались литературные и научные интересы, возникало литературное творчество, устное и письменное. Въ молодыхъ центрахъ просвѣщеніе стояло низко. Разница между степенью просвѣщенія въ старыхъ центрахъ и въ Москвѣ хорошо сознавалась въ концѣ XV в. и въ началѣ XVI в. Составитель „Тверской лѣтописи“, бывшій родомъ изъ одного ростовскаго селенія, извиняется за недостатки своего труда (относящагося къ половинѣ XVI в.) тѣмъ, что онъ не „бѣхъ Кіянинъ родомъ, ни Новаграда, ни Владимера“: „не имамъ бо,—продолжаетъ онъ свои поясненія, — многыа памяти, ни научихся дохторскому наказанію, еже сочиняти повѣсти и украшати премудрыми словесы, якоже обычай имутъ ритори“. Изъ этого видно, что по убѣжденію автора первое мѣсто по просвѣщенію занималъ Кіевъ, второе — Новгородъ, третье — Владиміръ. Но въ силу соперничества со старинными центрами и здѣсь просвѣщеніе должно было развиваться, а по его слѣдамъ должно было возникать литературное творчество, устное и письменное, достигая въ однихъ центрахъ большей, въ другихъ меньшей степени развитія.

39. Просвѣщеніе въ Москвѣ и болгаро-сербское вліяніе. Москва, позднѣе другихъ центровъ ставшая удѣломъ, позднѣе другихъ пріобщается и къ просвѣщенію. Конечно, грамотность въ Москвѣ была, по всей вѣроятности, уже съ того момента, какъ въ ней усѣлся Даніилъ: управленіе хотя бы и небольшимъ удѣломъ нуждается въ грамотныхъ людяхъ, которые могли бы составлять государственные акты; движеніе купцовъ по Москвѣ-рѣкѣ также должно было порождать потребность въ грамотныхъ людяхъ. Но пробужденіе литературныхъ интересовъ произошло въ Москвѣ только во второй половинѣ XIV в. въ связи съ возникшимъ здѣсь сильнымъ болгаро-сербскимъ вліяніемъ. Исторія возникновенія этого вліянія такова.

Въ половинѣ XIV в. въ Болгаріи при царѣ Іоаннѣ-Александрѣ (1331—1365) происходитъ сильное умственное движеніе, принявшее формы ересей: продолжали свою пропаганду богомилы; появились новыя еретическія ученія; евреи распространяли свое ученіе. Это движеніе, носившее демократическій характеръ, вызвало отпоръ со стороны правящаго класса населенія и породило встрѣчное умственное движеніе. Царь Іоаннъ-Александръ сталъ строить новые монастыри, давать субсидіи монастырямъ старымъ; по его распоряженію переводился съ греческаго или переписывался рядъ книгъ. Изъ частныхъ лицъ въ защиту православія выступилъ Ѳеодосій Тѐрновскій, причисленный къ лику болгарскихъ святыхъ. Дѣятельность Ѳеодосія имѣла своимъ слѣдствіемъ возникновеніе цѣлой школы защитниковъ православія, трудившихся не только въ Болгаріи, но и въ сосѣдней Сербіи. Изъ этихъ защитниковъ наиболѣе замѣчательнымъ былъ послѣдній болгарскій патріархъ Евѳимій (1375—1393). Въ борьбѣ съ еретиками Евѳимій шелъ двумя путями: *во первыхъ*, онъ принималъ мѣры къ исправленію церковныхъ книгъ; *во-вторыхъ*, онъ составлялъ житія болгарскихъ святыхъ, похвальныя слова, посланія и пр.; *въ-третьихъ*, онъ заботился о возстановленіи древнеболгарскаго стиля изложенія.

Труды Евѳимія были прерваны катастрофой, разразившейся надъ Болгаріей: въ 1393 г. столица Болгаріи Тѐрново была взята турками, и Болгарія стала провинціей Турецкаго царства. Но труды Евѳимія не пропали даромъ: сотрудники и ученики его продолжали работать для Болгаріи и Сербіи.

Центрами ихъ церковно-литературной дѣятельности становятся Константинополь и Аѳонъ. Здѣсь образованные болгары и сербы энергично занимались переписываніемъ книгъ, переводами и составленіемъ самостоятельныхъ произведеній.

Культурное взаимодѣйствіе болгаръ и сербовъ породило особый болгаро-сербскій литературный стиль, ставшій общимъ для писателей Болгаріи и Сербіи. Этотъ стиль съ XIV в. становится достояніемъ и русской литературы. Этому содѣйствовали двѣ причины.

Во-первыхъ, русскіе монахи, жившіе въ Константинополѣ и на Аѳонѣ, вошли въ сношеніе съ образованными сербами и болгарами, жившими здѣсь; у нихъ они добывали книги, переписывали ихъ и посылали на родину.

Во-вторыхъ, къ намъ стали являться нѣкоторые выдающіеся представители болгаро-сербской литературной школы. Одинъ изъ нихъ, ученикъ Евѳимія, болгаринъ Григорій Цамблакъ прославился своею дѣятельностью въ Юго-западной Руси, гдѣ онъ былъ митрополитомъ. Другой болгаринъ, другъ Евѳимія, Кипріанъ попалъ въ Окско-Волжскую Русь, гдѣ сдѣлался московскимъ митрополитомъ; здѣсь онъ пріобрѣлъ большое вліяніе на развитіе просвѣщенія и литературы въ Москвѣ въ болгаро-сербскомъ духѣ. Наконецъ, болгаро-сербское вліяніе имѣло у насъ еще двухъ выдающихся представителей: Пахомія Логоѳета Серба и Льва Филолога, тоже серба. Эти образованные иностранцы много содѣйствовали развитію русскаго просвѣщенія. Особенно много потрудились они въ дѣлѣ замѣны нашихъ искаженныхъ богослужебныхъ текстовъ болѣе исправными болгаро-сербскими.

40. Флорентійская унія. На характеръ окско-волжскаго просвѣщенія вообще и московскаго въ частности оказала огромное вліяніе флорентійская унія.

Въ началѣ XV в. почти вся Византійская имперія, за исключеніемъ Константинополя и его окрестностей, находилась уже въ рукахъ турокъ. Для спасенія хоть остатковъ своей имперіи византійскій императоръ рѣшилъ обратиться за помощью къ Западной Европѣ, точнѣе, къ ея церковному представителю, папѣ, который по средневѣковой традиціи все еще считался способнымъ двинуть на магометанъ западно-европейскія массы. Но папа могъ дать обѣщаніе вступиться за Византію только подъ условіемъ уніи между византійской цер-

ковью и западной. По этому вопросу папа созвалъ въ 1439 г. соборъ, который первоначально засѣдалъ въ Феррарѣ, а потомъ былъ перенесенъ во Флоренцію. На соборѣ присутствовали византійскій императоръ, представители византійской церкви, а также только что передъ этимъ назначенный русскій митрополитъ Исидоръ, родомъ грекъ. Большинство представителей византійской церкви признало главенство папы въ церковныхъ дѣлахъ. Причиной этого было не одно только стремленіе спасти родину отъ гибели: фактъ неуклоннаго паденія Византіи подъ ударами магометанъ, съ одной стороны, ослаблялъ въ душѣ представителей Византіи преданность старому византійско-христіанскому міровоззрѣнію, а съ другой открывалъ доступъ туда западно-христіанскому міровоззрѣнію. Многіе искренно переходили на сторону міровоззрѣнія, выработаннаго сильнымъ Западомъ. Съ особенной энергіей ратовалъ за признаніе главенства папы умный и ловкій Исидоръ. Церковная унія была заключена. Византійское правительство и высшіе представители церкви приняли ее.

Заключеніе уніи поразило русскіе правящіе круги. Въ отличіе отъ Византіи, Окско-Волжская Русь и ея объединительница Москва съ XIV в. становятся все сильнѣе и сильнѣе. Куликовская побѣда въ концѣ XIV в. впервые фактически подчеркнула перевѣсъ силъ православной Руси надъ татарами-магометанами. Такой ходъ развитія Окско-Волжской Руси воспитывалъ въ представителяхъ русскихъ правящихъ круговъ преданность византійско-христіанскому міровоззрѣнію, преданность, которая крѣпла по мѣрѣ того какъ становилась могущественнѣе Окско-Волжская Русь. Это коренное различіе въ направленіи мыслей рѣшительно сказалось и въ отношеніи русскихъ правящихъ круговъ къ церковной уніи: Окско-Волжская Русь не нуждалась въ помощи противъ своего врага; не было, слѣдовательно, никакой надобности и въ уніи. Принятіе уніи византійскимъ правительствомъ казалось русскому обществу непостижимымъ событіемъ, измѣной древнему единственно-правильному міровоззрѣнію. Многовѣковому авторитету образованной, тонко мыслившей, истинно-православной Византіи былъ нанесенъ первый ударъ въ сознаніи высшаго русскаго общества.

Русскіе правящіе круги рѣшительно отказались принять унію. Когда Исидоръ явился въ Москву, онъ былъ арестованъ

и посаженъ подъ стражу. Изъ-подъ стражи Исидору удалось бѣжать.

41. Начало западно-европейскаго вліянія. Въ концѣ удѣльно-феодальнаго періода, наряду съ болгаро-сербскимъ вліяніемъ, начинается, хотя и въ слабой еще степени, вліяніе западно-европейское. Основная причина его появленія заключалась въ необходимости повысить до уровня западно-европейской низкую русскую технику нѣкоторыхъ отраслей труда, особенно тѣхъ, которыя имѣли государственное значеніе (§ 24). Для удовлетворенія этой потребности московскіе князья стали выписывать изъ Западной Европы мастеровъ, техниковъ, инженеровъ, архитекторовъ, врачей и т. д. У этихъ лицъ учились западно-европейской техникѣ русскіе, которые усваивали попутно много новыхъ знаній, главнымъ образомъ, естественно-научнаго и географическаго характера. Въ русскомъ обществѣ пробуждается интересъ къ этимъ двумъ наукамъ: въ XV в. переводится на русскій языкъ географія Помпонія Мелы и рядъ произведеній астрономическаго и астрологическаго содержанія.

42. Новгородско-псковское вліяніе. Промышленно-торговыя сношенія съ просвѣщенной Новгородско-Псковской Русью, присоединеніе Новгорода и Пскова къ Москвѣ, разселеніе по разнымъ городамъ Московской Руси значительнаго числа наиболѣе просвѣщенныхъ новгородцевъ—бояръ и купцовъ — содѣйствовали распространенію новгородско-псковскаго культурнаго вліянія на Москву.

Библіографія. *Н. Рожковъ*. Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія. Ч. II. В. 1-ый. Спб. 1905.—*В. Ключевскій*. Курсъ русской исторіи. Ч. I—II. М. 1904—1906. — *В. Ключевскій*. Боярская дума древней Руси. Изд. 4-ое. М. 1909. — *Н. П. Павловъ-Сильванскій*. Закладничество-патронатъ («Записки Имп. рус. археологическаго Общества». Т. IX, в. 1—2, 1897). — *Его-же*. Иммунитетъ въ Удѣльной Руси («Журналъ М. Н. П.» 1900, № 12). — *Его-же*. Феодальныя отношенія въ Удѣльной Руси («Ж. М. Н. П.» 1901, № 6. 1902, № 1). — *Его-же*. Феодализмъ въ древней Руси. Спб. 1907. — *Его-же*. Феодализмъ въ Удѣльной Руси. Спб. 1910.

43. Литература второго періода и ея дѣленіе. Второй періодъ начинается тѣмъ же событіемъ, которымъ кончается первый періодъ, т.-е. татарскимъ нашествіемъ, событіемъ, общимъ для всей Русской земли, и кончается объеди-

неніемъ Окско-Волжской и Новгородско-Псковской Руси подъ властью Москвы.

Новгородско-Псковская Русь и Окско-Волжская имѣли каждая свой строй, свою судьбу, свою исторію и свое литературное творчество. Съ другой стороны, эти части Русской земли объединялись между собою общимъ церковнымъ строемъ и системой еврейско-византійско-болгарскаго міропониманія, дѣлающагося къ концу періода окончательнымъ достояніемъ высшихъ классовъ и отчасти низшихъ.

На этихъ основаніяхъ литературу второго періода можно раздѣлить на слѣдующіе отдѣлы: 1) литературныя отраженія татарскаго нашествія, 2) новгородско-псковская литература, 3) окско-волжская литература и 4) церковное творчество.

За немногими исключеніями, которыя будутъ указаны въ своемъ мѣстѣ, литературныя произведенія всѣхъ этихъ отдѣловъ по прежнему отражали жизнь, дѣятельность, стремленія и интересы высшихъ классовъ населенія.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Литературныя отраженія татарскаго нашествія.

44. О литературныхъ отраженіяхъ татарскаго нашествія. Велиководное государство стало разлагаться уже съ половины XII в. Но остатки его продолжали долго еще бороться за свое существованіе. Центръ Велиководнаго государства Кіевъ, несмотря на тяжкіе удары, сыпавшіеся на него, продолжалъ еще держаться. Только татарское нашествіе окончательно подорвало всякое значеніе Кіева.

Татарское нашествіе произошло два раза: въ первый разъ оно завершилось битвой при Калкѣ (1223), послѣ которой татары вернулись въ Азію; во второй разъ они появились въ 1237 г. и въ теченіе трехъ лѣтъ завоевали всю Русь. Въ 1238 г. при Сити пала сѣверо-восточная Русь. Въ 1240 г. былъ взятъ Кіевъ.

Татарское нашествіе отразилось въ цѣломъ рядѣ произве-

деній. Изъ нихъ наиболѣе замѣчательны слѣдующія сказанія, преданія и повѣсти: 1) о битвѣ при Калкѣ, 2) о рязанской княгинѣ Евпраксіи, 3) объ Евпатіи Коловратѣ, 4) о св. Меркуріи Смоленскомъ и 5) о гибели Батыя въ Угріи.

45. Сказаніе о битвѣ при Калкѣ. Сказаніе о битвѣ при Калкѣ (нынѣ — Кальміусъ, около Маріуполя, впадаетъ въ Азовское море), въ 1223 г., находится въ различныхъ лѣтописныхъ сводахъ—въ Лаврентьевскомъ, Ипатьевскомъ, Новгородскомъ I, Воскресенскомъ и въ др. Повидимому, оно принадлежитъ перу дружинника-современника этой битвы и даже ея участника, судя по такимъ выраженіямъ: „вся намъ по суху же Днѣпръ перешедшимъ". Личность автора еще болѣе выясняется по одной особенности разсказа: въ немъ съ особенной симпатіей изображается юный еще 18-тилѣтній князь Даніилъ Романовичъ — знакъ того, что авторъ — дружинникъ изъ Галицко-Волынской земли. Характеризуя Даніила, авторъ говоритъ о немъ: „бѣ бо силенъ", „бѣ бо дерзъ и храборъ, отъ главы и до ногу его не бѣ въ немъ порока"; онъ крѣпко избивалъ татаръ; раненый въ битвѣ, онъ этого не замѣчалъ „младства ради и буести".

Сказаніе о битвѣ при Калкѣ представляетъ строго историческое изложеніе событія. Оно замѣчательно въ трехъ отношеніяхъ. *Во-первыхъ*, авторъ, не имѣя никакихъ свѣдѣній о политическихъ переворотахъ, совершавшихся въ средней Азіи среди тюрко-монгольскихъ племенъ, выражаетъ свое недоумѣніе по поводу внезапнаго появленія новаго народа, которому его современники даютъ различныя названія: татаръ, таурменъ, печенѣговъ. Авторъ приводитъ, между прочимъ, мнѣніе своихъ образованныхъ современниковъ объ этомъ народѣ: располагая въ области этнографіи еврейско-византійскими свѣдѣніями и особенно свѣдѣніями, данными въ философско-историческомъ трудѣ Меѳодія Патарскаго (кн. 1-я, § 123), образованная часть русскаго общества пыталась подвести татаръ подъ этнографическія рубрики, приведенныя тамъ; она думала, что татары — это тѣ племена, которыя были разбиты еврейскимъ богатыремъ-вождемъ Гедеономъ и загнаны въ Етривскую пустыню (кн. 1-я, § 157). *Во-вторыхъ*, Троицкая лѣтопись, излагая разсказъ о Калкской битвѣ, передаетъ любопытную подробность: перечисляя убитыхъ князей, она сообщаетъ, что тамъ убитъ былъ и Александръ Поповичъ съ 70 храборами. Эта по-

дробность дала основаніе для предположенія о томъ, что старины о гибели богатырей на Руси представляютъ воспоминанія о Калкскомъ пораженіи (кн. 1-я, § 226). *Въ-третьихъ*, авторъ разсказа, проникнутый византійско-болгарскимъ міропониманіемъ (§§ 13, 56, 139, 140), разсматриваетъ калкское пораженіе, какъ наказаніе свыше за грѣхи князей, черта, также отразившаяся въ старинахъ о томъ, какъ на Руси перевелись богатыри (кн. 1-я, § 226).

46. Преданіе о рязанской княгинѣ Евпраксіи. Это преданіе, по всей вѣроятности, имѣло форму княжеско-дружинной пѣсни прежде, чѣмъ оно было записано. Содержаніе его приведено въ первой книгѣ (§ 225). Оно интересно тѣмъ, что, *во-первыхъ*, по предположеніямъ изслѣдователей, эпическое имя супруги Владимира—Апраксія—взято изъ преданія о рязанской княгинѣ Евпраксіи. *Во-вторыхъ*, изъ этого же преданія, вѣроятно, заимствованъ былиной о Данилѣ Ловчанинѣ (кн. 1-я, § 225), типъ кончающей самоубійствомъ вѣрной жены.

47. Сказаніе о рязанскомъ дружинникѣ Евпатіи Коловратѣ. Это преданіе, изложенное въ первой книгѣ (§ 220), носитъ несомнѣнные слѣды того, что оно первоначально имѣло форму княжеско-дружинной пѣсни. Такъ, Евпатій рисуется богатыремъ-поленицей, котораго татары могли одолѣть только при помощи стѣнобитныхъ машинъ. Нѣкоторыя выраженія въ стилистическомъ отношеніи почти буквально напоминаютъ эпическіе обороты рѣчи въ устномъ княжеско-дружинномъ эпосѣ, какъ, напр., вопросъ, съ которымъ обращается Батый къ взятымъ въ плѣнъ дружинникамъ Евпатія: „Коея вѣры есте вы и коея земля?..“, или рѣчь Батыя надъ тѣломъ Евпатія: „О Коловрате Евпатіе! Гораздо (хорошо) еси меня поскепалъ (потрепалъ) малою своею дружиною, да многихъ богатырей сильной орды побилъ еси, и многіе полки падоша“.

48. Сказаніе о св. Меркуріи Смоленскомъ. Смоленскъ принадлежитъ къ числу тѣхъ городовъ русскихъ, которые не пострадали отъ татаръ во время ихъ нашествія. Подвигаясь съ сѣвера, изъ Новгородско-Псковской области на югъ, въ половецкія степи, татары оставили Смоленскъ въ сторонѣ на нѣсколько сотъ верстъ. Эта счастливая для Смоленска случайность послужила поводомъ для составленія сказанія о св. Меркуріи Смоленскомъ. Сказаніе это дошло до насъ въ нѣ-

сколькихъ редакціяхъ, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательны двѣ. Одна изъ нихъ ближе къ тѣмъ устнымъ преданіямъ, изъ которыхъ она сложилась; другая носитъ яркіе слѣды литературной переработки.

1) Первая редакція сказанія. Въ Смоленскѣ жилъ юноша Меркурій, отличавшійся благочестивой жизнью. Онъ часто приходилъ ко Кресту Господню (въ смоленскій Крестовоздвиженскій монастырь) и молился за міръ, „зовомый Петровскаго ста". Въ это время совершалъ нашествіе на Русскую землю злочестивый царь Батый, мучилъ христіанъ и проливалъ, какъ воду, безвинную кровь. Батый явился со своими полчищами и къ Смоленску, остановился за 30 поприщъ отъ него, много святыхъ церквей сжегъ и много христіанъ побилъ.

Въ это тяжелое для смольнянъ время, произошло „нѣкое смотрѣніе Божіе". Недалеко отъ Смоленска, за Днѣпромъ, находился Печерскій монастырь. Къ понамарю монастыря явилась однажды Богородица и сказала ему: „О человѣче Божій! Скоро изыди къ оному Кресту, гдѣ молится угодникъ мой Меркурій, и рцы ему: зоветъ тебя Божія Матерь!" Понамарь исполнилъ повелѣніе Богородицы. Богомудрый Меркурій пошелъ въ Печерскую церковь и здѣсь увидѣлъ Богородицу, сидящей на золотомъ престолѣ съ Христомъ въ нѣдрахъ своихъ и окруженной ангельскимъ воинствомъ. Меркурій съ великимъ умиленіемъ и ужасомъ палъ къ Ея ногамъ. Богородица возставила его отъ земли и сказала: „Чадо Меркуріе, избранниче мой! Посылаю тебя, иди скоро, сотвори отмщеніе крови христіанской; ступай, побѣди злочестиваго царя Батыя и все войско его! Потомъ придетъ къ тебѣ человѣкъ, прекрасный лицомъ: отдай ему въ руки все оружіе свое, и онъ отсѣчетъ тебѣ голову; ты же возьми ее въ руку свою и ступай въ свой городъ: тамъ примешь кончину, и положено будетъ твое тѣло въ моей церкви". Меркурій горько востужилъ объ этомъ, восплакалъ и сказалъ: „О пречистая Госпожа Богородица, мать Христа Бога нашего! Какъ же я, окаянный и худой, непотребный рабъ твой, могу быть силенъ на такое дѣло? Развѣ недостало тебѣ небесныхъ силъ, о Владычица, побѣдить злочестиваго Батыя?" Сказавъ это, Меркурій взялъ отъ Богородицы благословеніе, поклонился до земли и пошелъ изъ церкви.

Выйдя изъ церкви, Меркурій нашелъ прекраснаго коня,

сѣлъ на него и поѣхалъ за городъ къ татарскимъ войскамъ. Съ помощью Божіей и Пречистой Богородицы началъ Меркурій избивать враговъ и освобождать плѣнныхъ. Какъ орелъ носится по воздуху, такъ Меркурій скакалъ по татарскимъ полкамъ. Злочестивый Батый, видя побѣду надъ своими войсками, охваченный страхомъ и ужасомъ, бѣжалъ отъ Смоленска безъ успѣха и съ малою дружиною. Онъ отправился въ Угры, гдѣ былъ убитъ царемъ Стефаномъ.

Послѣ побѣды надъ татарами Меркурію предсталъ прекрасный воинъ. Меркурій поклонился ему, отдалъ ему свое оружіе, преклонилъ свою голову и былъ усѣченъ. Блаженный Меркурій взялъ въ одну руку свою голову, въ другую поводъ своего коня и такъ, безглавенъ, пришелъ въ городъ. Люди, смотря на него, дивились Божію устроенію. Такъ Меркурій дошелъ до Мологинскихъ воротъ. Здѣсь онъ легъ и честно предалъ свою душу Господу, конь же его сталъ невидимъ.

Сюда же явился епископъ съ крестами и множествомъ народа, чтобы взять честное тѣло святого. Но святой не вдался имъ. Въ народѣ поднялся плачъ и рыданіе; епископъ въ великомъ недоумѣніи сталъ молиться Богу и услышалъ съ неба голосъ, сказавшій, что кто послалъ Меркурія на побѣду, тотъ и погребетъ его. Три дня лежалъ святой непогребеннымъ. Епископъ всю ночь молился Богу, прося разъяснить эту тайну. Вдругъ епископъ увидѣлъ, какъ изъ соборной церкви въ великой свѣтлости, точно въ солнечной зарѣ, выходитъ Богородица съ архистратигами Господними, Михаиломъ и Гавріиломъ, и направляется къ тому мѣсту, гдѣ лежало тѣло святого. Богородица взяла въ полу тѣло, принесла его въ соборную церковь и положила его тамъ, гдѣ святой и нынѣ, видимый всѣми, творитъ чудеса во славу Христа.

2) Вторая редакція. Вторая редакція отличается отъ первой витіеватостью изложенія и любопытными подробностями.

Во-первыхъ, сказаніе сильнѣе пріурочено къ Смоленску: Богородица представлена покровительницей Смоленска; своею невидимою божественною силою и святымъ своимъ омофоромъ она осѣняетъ и покрываетъ городъ „нашъ“ отъ всякаго искушенія и язвы, отъ тайно находящихъ бѣдъ и золъ; наконецъ, Богородица помогла Смоленску черезъ св. Меркурія побѣдить татаръ.

Во-вторыхъ, рядъ подробностей о Меркуріи: Меркурій

былъ иностраннаго происхожденія, „отъ римскихъ пазухъ“ (т.-е. изъ нѣмецкихъ балтійскихъ владѣній), отъ славнаго рода княжескаго; онъ юнымъ пріѣхалъ въ Смоленскъ на службу его князю; Меркурій убиваетъ татарскаго исполина; Меркурію отсѣкаетъ голову сынъ татарскаго исполина; о чудесномъ конѣ ничего не говорится; Меркурій является послѣ смерти понамарю и велитъ повѣсить надъ своимъ гробомъ оружіе, копье и щитъ, которые будутъ доставлять гражданамъ Смоленска побѣду надъ врагами.

Въ-третьихъ, любопытенъ плачъ земли по случаю татарскаго нашествія: „И всплакалась тогда сама земля, какъ чадолюбивая мать, видя ту бѣду, бывшую на всѣхъ странахъ христіанскихъ. Общая наша мать-земля вопіяла своимъ голосомъ и стонала: „О сыны русскіе, какъ же мнѣ оставить васъ, о любимыя мои дѣти, прогнѣвавшія Господа своего и моего Творца, Христа Бога! Вижу васъ, отторгнутыхъ отъ моей груди и судомъ Божіимъ въ поганскія руки немилостиво впадшихъ и рабское иго имущихъ на своихъ плечахъ. И стала я бѣдная вдова: о комъ же прежде я буду сѣтовать, о мужѣ, или о любимыхъ чадахъ? Вдовство мое—запустѣніе монастырямъ и святымъ церквамъ и многимъ городамъ. Не терпя лютой бѣды, возопію къ Творцу Господу Богу: Боже, сотворивый вся и содѣтелю всѣхъ! Презри беззаконіе людей своихъ и милосердно помилуй и утоли праведный гнѣвъ свой!...“

Въ-четвертыхъ, вторая редакція кратко сопоставляетъ подвигъ смоленскаго Меркурія съ его тезкой Меркуріемъ Кесарійскимъ: „О дивнѣйшее заступленіе на насъ отъ славной заступницы тезоименитнымъ оному древнему Меркурію, бывшему въ Кесарійскомъ градѣ! Охраняя градъ Кесарійскій, и тогда сама Госпожа Богородица посылала своего угодника, того Меркурія, да убьетъ внезапно злаго мучителя, законопреступнаго царя Юліана — и избавленъ былъ городъ тотъ. Такъ и нынѣ другого мученика, новаго Меркурія она же посылаетъ избавить городъ нашъ отъ иноплеменниковъ“. Это сопоставленіе указываетъ на литературный источникъ сказанія, на житіе св. Меркурія Кесарійскаго. Сравненіе смоленскаго сказанія и византійскато житія показываетъ рядъ сходствъ между смоленскимъ и кесарійскимъ Меркуріями: Кесарія подвергается нападенію Юліана Отступника, Смоленскъ — нападенію злочестиваго Батыя; оба града находятся подъ особымъ

покровительствомъ Богородицы; Богородица черезъ посредство Василія В. въ Кесаріи и понамаря въ Смоленскѣ возлагаетъ на своего избранника порученіе защитить городъ; подвиги того и другого совершаются ночью, втайнѣ отъ жителей; обоимъ Меркуріямъ отсѣкаютъ головы.

Изъ этого видно, что сказаніе о св. Меркуріи Смоленскомъ представляетъ сліяніе и смѣшеніе устнаго преданія о смоленскомъ Меркуріи съ житіемъ Меркурія Кесарійскаго.

Устное преданіе сложилось подъ вліяніемъ того факта, что Смоленскъ во время татарскаго нашествія случайно уцѣлѣлъ отъ разгрома. Послѣ того, какъ вся Окско-Волжская Русь была разгромлена и татары уже вторглись въ Смоленскую область, жители Смоленска со дня на день должны были ожидать появленія татаръ, осады и взятія города. Всѣхъ смольнянъ должна была охватить смертельная тревога передъ ожидавшей ихъ гибелью. Одна только надежда поддерживала ихъ, надежда на покровительницу города—Богородицу. Смольняне подхватывали малѣйшія извѣстія о движеніи войскъ Батыя. По мѣрѣ движенія на югъ разстояніе между Смоленскомъ и татарами уменьшалось. И вдругъ, неожиданно для смольнянъ, Батый прямо двинулся дальше на югъ, не тронувъ Смоленска. Это должно было поразить смольнянъ и внушить имъ убѣжденіе, что Смоленскъ спасенъ вмѣшательствомъ въ ходъ событій высшихъ силъ—вмѣшательствомъ самой Богородицы. Если въ это самое время въ Смоленскѣ, въ самомъ дѣлѣ, жилъ юноша съ именемъ Меркурій и если допустить, что съ нимъ приключилась какая-то трагедія, приведшая его къ смерти, то этимъ самымъ давался готовый сюжетъ для сказанія. Сказаніе хорошо знаетъ, что городъ Смоленскъ не пострадалъ отъ татаръ и сообщаетъ, что татары остановились „за 30 поприщъ отъ него". Оно знаетъ, что и битвы между смольнянами и татарами не было. Но Смоленскъ уцѣлѣлъ. Слѣдовательно, спасеніе Смоленска произошло подъ вліяніемъ тайнаго вмѣшательства высшихъ силъ, дѣйствовавшихъ черезъ благочестиваго юношу Меркурія, неожиданно погибшаго: свидѣтелемъ этого дѣйствія удостоился быть понамарь, приглашавшій Меркурія къ Богородицѣ, да епископъ, видѣвшій, какъ сама Богородица взяла въ свою полу тѣло Меркурія. Меркурій ночью, тайно отъ всѣхъ, совершилъ свой подвигъ—поразилъ войско Батыя, которое обратилось въ бѣгство; онъ самъ погибъ, но спасъ Смоленскъ.

Сходство въ положеніи смоленскаго Меркурія и кесарійскаго было причиной сближенія сказаній объ обоихъ Меркуріяхъ и смѣшенія ихъ чертъ.

49. Повѣсть объ убіеніи злочестиваго царя Батыя. Содержаніе повѣсти изложено въ первой книгѣ (§ 224). Эта повѣсть—южно-славянскаго происхожденія. Она занесена была къ намъ и литературно обработана (въ приложеніи къ житію Михаила Черниговскаго) извѣстнымъ составителемъ житій Пахоміемъ Логоѳетомъ Сербомъ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Новгородско-псковская литература.

50. Древнѣйшія преданія о Новгородѣ и ихъ смыслъ. Древнѣйшими новгородскими преданіями являются преданія о призваніи варяговъ (кн. 1-ая, § 312) и о дѣятельности первыхъ князей новгородскихъ (Рюрика, Олега и, вѣроятно, Игоря). Въ нихъ сохранились болѣе или менѣе отчетливыя или смутныя воспоминанія о событіяхъ, которыми сопровождалось у сѣверорусскихъ и сосѣднихъ финскихъ племенъ возникновеніе государственной власти. Преданія помнятъ, что наканунѣ этого важнаго событія новгородскіе славяне, кривичи и меря находились подъ властью скандинавскихъ варяговъ, которымъ платили дань; но они забыли, когда и какъ возникла эта власть. Вѣроятно, она установилась не позже начала IX в., а можетъ быть и раньше, во второй половинѣ VIII в., когда въ связи съ абсолютнымъ перенаселеніемъ Скандинавіи начинается эмиграція излишковъ населенія, повлекшая рядъ промышленно-военныхъ походовъ на западныя и восточныя части Европы. Власть чужеземцевъ, сопровождавшаяся всякаго рода насиліями, была, по преданіямъ, тяжела для новгородцевъ, кривичей и мери. Они подняли возстаніе, и варяги были прогнаны. Когда это произошло и какъ, преданія не помнятъ. Вѣроятно, дѣло не ограничилось однимъ возстаніемъ: возстанія разражались не разъ, пока, наконецъ, власть варяговъ не была низвергнута. Но когда это случилось, оказалось, что власть варяжская не

прошла безслѣдно для новгородцевъ, кривичей и мери. Это вполнѣ понятно, если періодъ подчиненія варягамъ продолжался не менѣе полустолѣтія, что весьма вѣроятно. Варяги подчиняли новгородцевъ, кривичей и мерю прежде всего на почвѣ дани, т.-е. въ финансовомъ отношеніи, а затѣмъ финансовое подчиненіе неизбѣжно влекло подчиненіе военно-административное и судебное. Для различныхъ слоевъ населенія такое подчиненіе имѣло не одинаковое значеніе: младшіе члены патріархально-родовыхъ семействъ, образовавшіе классъ черныхъ людей, должны были чувствовать себя особенно плохо, такъ какъ удѣлять изъ своихъ скудныхъ продуктовъ часть въ пользу варяговъ, помимо той части, которая уже шла въ пользу собственной аристократіи, значило обрекать себя и свои семьи на жалкое прозябаніе. Въ иномъ положеніи былъ другой слой населенія, образовавшійся изъ организаторовъ, старшихъ членовъ патріархально-родовыхъ семействъ и успѣвшій уже накопить крупныя богатства. Часть этого слоя „лучшихъ людей", наиболѣе богатая, должна была близко сойтись съ варягами и, пользуясь ихъ вооруженной силой, поставить себя въ особенно благопріятныя условія для дальнѣйшаго еще болѣе энергичнаго скопленія капиталовъ. Этой части „лучшихъ людей" власть варяговъ была выгодна и необходима. Другая часть „лучшихъ людей", не сошедшаяся съ варягами и, слѣдовательно, поставленная въ менѣе благопріятныя условія для умноженія капиталовъ, должна была смотрѣть на первую группу „лучшихъ", а слѣдовательно, и на варяговъ, какъ на главное препятствіе для своего благополучія. Обѣ партіи лучшихъ людей должны были находить себѣ поддержку въ различныхъ группахъ черныхъ людей. По всей вѣроятности, варяги были изгнаны тою частью лучшихъ людей, которая впослѣдствіи стояла во главѣ новгородской демократіи. Но богатѣйшіе лучшіе, оставшись безъ вооруженной поддержки варяговъ, пустили въ ходъ свои капиталы и вооружили для своей самозащиты часть смердовъ. Началась междоусобная гражданская война, память о которой сохранилась въ преданіяхъ: „И въсташа сами на ся воеватъ, и бысть межи ими рать велика и усобица, и въсташа градъ на градъ и не бѣаше въ нихъ правды". Кто побѣдилъ въ этой борьбѣ? Побѣду могли одержать и капиталисты-лучшіе и менѣе богатые. Если одержали верхъ первые, они, должны были для закрѣпленія своей побѣды возстановить власть ва-

ряговъ; но и вторые, въ случаѣ побѣды, точно также должны были обратиться къ варягамъ: въ ихъ власти они могли разсчитывать найти опору для себя противъ капиталистовъ-лучшихъ. Какъ было на самомъ дѣлѣ, преданіе не помнитъ, да оно и не различаетъ экономическихъ классовъ въ борьбѣ. Преданіе помнитъ только, что новгородцы, кривичи и меря поняли, что безъ постоянной правительственной власти, которая регулировала бы классовыя отношенія и предотвращала бы междоусобную борьбу, нельзя уже обойтись. Рѣшено было добровольно пригласить для управленія варяговъ: „князя поищемъ, иже бы владѣлъ нами и рядилъ ны по праву". Послы, отправленные къ варягамъ, сказали имъ: „Земля наша велика и обильна, а наряда (организаціи правительственной) у насъ нѣтъ: да поидѣте къ намъ княжить и владѣть нами". Явились три брата Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ съ варяжскими дружинами. Рюрикъ сѣлъ въ Новгородѣ (по нѣкоторымъ извѣстіямъ, сначала въ Ладогѣ, а потомъ въ Новгородѣ).

Борьба партій продолжалась и при Рюрикѣ: по свидѣтельству Никоновской лѣтописи, побѣжденная партія пыталась произвести возстаніе противъ Рюрика подъ предводительствомъ Вадима: „Того же лѣта (863) оскорбишася новгородци, глаголюще, яко быти намъ рабомъ, и много зла всячески пострадати отъ Рюрика и отъ рода его". Но Рюрикъ одержалъ верхъ и жестоко расправился съ возставшими: „Того же лѣта уби Рюрикъ Вадима храбраго и иныхъ многихъ изби новгородцевъ съвѣтниковъ его". Та же лѣтопись сообщаетъ, что много новгородскихъ мужей бѣжало изъ Новгорода отъ Рюрика въ Кіевъ. Все это служитъ доказательствомъ, что государственная власть возникла въ Новгородѣ, какъ необходимое слѣдствіе раздѣленія новгородцевъ, кривичей и мери на классы съ противорѣчивыми интересами. Варяжская власть опиралась на пригласившую ея партію и вмѣстѣ съ нею преслѣдовала противоположную партію. Повидимому, правительственная партія состояла изъ наиболѣе крупныхъ новгородскихъ капиталистовъ, если судить по послѣдовавшимъ событіямъ и по исторіи новгородскихъ партій вообще. До половины XIII в. князь находилъ себѣ поддержку въ аристократической партіи; слѣдовательно, и призваніе князя состоялось въ интересахъ крупныхъ капиталистовъ и какъ результатъ побѣды надъ черными людьми и

ихъ руководителями. Дѣйствія первыхъ новгородскихъ князей находятся въ полномъ согласіи съ этимъ предположеніемъ.

Какъ только власть приглашеннаго варяжскаго князя окрѣпла, новгородскій правящій классъ въ лицѣ своего талантливаго вождя Олега захватываетъ весь великій водный путь изъ варягъ въ греки; въ его руки попадаетъ такой важный центръ великаго воднаго пути, какъ Кіевъ, быстрое развитіе котораго подъ руководствомъ варяговъ же организаторовъ, угрожало Новгороду; онъ наноситъ пораженіе Византіи и заключаетъ выгодный торговый договоръ съ нею. Захватъ великаго пути, взятіе Кіева, договоръ съ греками,—все это было сдѣлано въ интересахъ новгородскаго капитала, нуждавшагося въ заграничныхъ рынкахъ.

Перенесеніе военно-административнаго центра въ Кіевъ, имѣвшее своимъ слѣдствіемъ сосредоточеніе гражданской и военной силы въ Кіевѣ, содѣйствовало развитію самостоятельности Новгорода. Но новгородцы въ лицѣ своей высшей аристократіи долгое время боятся оставаться безъ князя и его дружины. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока положеніе аристократіи настолько окрѣпло, что она перестала бояться домогательствъ демократіи и ея руководителей.

51. Новгородско-псковская литература. Новгородско-псковская литература распадается на двѣ литературы: новгородскую и псковскую.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Новгородское литературное творчество.

52. О новгородскомъ литературномъ творчествѣ. Новгородское литературное творчество было въ общемъ отраженіемъ чувствъ, стремленій, идей и т. д. трехъ главныхъ классовъ населенія—боярства, купечества и духовенства. Оно было двухъ родовъ: устное и письменное.

Новгородское устное творчество.

53. Новгоодское устное творчество. Новгородское устное творчество состоитъ изъ старинъ-былинъ. Послѣднія распадаются на два разряда: 1) чисто-новгородскія старины-былины и 2) новгородскія старины-былины кіевскаго цикла.

Чисто-новгородскія старины-былины.

54. Чисто-новгородскія старины-былины. Чисто-новгородскими старинами-былинами называются такія, которыя пріурочены къ Новгороду и отражаютъ новгородскую жизнь. Къ нимъ относятся старины-былины: 1) о Василіи Буслаевичѣ, 2) о Садкѣ богатомъ гостѣ и 3) о гостѣ Терентьищѣ.

Василій Буслаевичъ.

55. Старины-былины о Василіи Буслаевичѣ. Старины-былины о Василіи Буслаевичѣ отражаютъ бытъ новгородскаго боярства въ эпоху высшаго развитія самостоятельности Новгорода.

Старины-былины о Василіи Буслаевичѣ распадаются на двѣ группы: 1) въ первой группѣ изображается дѣтство Василія и его бой съ новгородцами; 2) во второй группѣ изображается путешествіе Василія во Св. Землю.

1) Дѣтство Василія Буслаевича и его бой съ новгородцами. Въ славномъ великомъ Новгородѣ жилъ до девяноста лѣтъ Буслай: съ Новгородомъ не перечился, съ мужиками новгородскими поперекъ словечка не говаривалъ, съ Псковомъ не вздоривалъ, а съ матушкой Москвой не перечился. Буслай дожилъ до глубокой старости, не имѣя дѣтей, о чемъ онъ очень горевалъ. Какая-то Бабища матерая колдовствомъ пособила его горю: у него родился сынъ. Вскорѣ послѣ рожденія сына Буслай умираетъ. Послѣ него остались „его житье-бытье и все имѣніе дворянское“, матера вдова Амелфа Тимоѳеевна и чадо милое Василій Буслаевичъ. Когда Васенькѣ минуло семь лѣтъ, матушка отдала его учить „во грамотѣ“; грамота ему „въ наукъ“ пошла. Усадила Васеньку перомъ писать: письмо ему „въ наукъ“ пошло. Отдавала Васеньку матушка пѣтью церковному учить, и пѣтье пошло ему „въ наукъ“: нѣтъ въ славномъ Новгородѣ другого такого пѣвца супротивъ Василья.

Между тѣмъ Василій Буслаевичъ сталъ водиться съ пьяницами, безумницами, съ веселыми удалыми добрыми молодцами, сталъ до-пьяна напиваться и уродовать людей: котораго возьметъ за руку, выдернетъ руку изъ плечъ, кого за ногу задѣнетъ, тому ногу выломитъ, кого хватитъ поперекъ хребта. тотъ кричитъ, окарачь ползетъ.

Мужики новгородскіе, посадскіе, богатые принесли Амелфѣ Тимоѳеевнѣ великую жалобу на Василія. Стала мать бранить, журить Василья, на умъ учить. Не взлюбилась Васькѣ журьба. Пошелъ онъ въ свой высокій теремъ, сѣлъ на ременчатый стулъ и сталъ писать ярлыки скорописчаты: „Кто хощетъ питъ и ѣсть изъ готоваго, валися къ Васькѣ на широкій дворъ; тотъ пей и ѣшь готовое и носи платье разноцвѣтное“. Слуга Васьки разсыпалъ ярлыки по улицамъ широкимъ и частымъ переулочкамъ. Въ то же время Василій поставилъ среди своего двора чанъ зелена вина и опустилъ въ него чару въ полтора ведра.

Прочитали грамотные люди Васькины ярлыки, и пошелъ народъ на его широкій дворъ. Первымъ пришелъ Костя Новоторженинъ. Василій сначала „опробовалъ“ его червленымъ вязомъ, вѣсившимъ 12 пудъ: вязъ былъ налитъ тяжелымъ свинцомъ чебурацкимъ *); онъ бьетъ его вязомъ по буйной головѣ. Костя стоитъ, не шевельнется, на буйной головѣ кудри не тряхнутся. Василій принимаетъ его въ свою дружину и считаетъ названнымъ братомъ. Пришли затѣмъ Лука и Моисей, два брата боярченка, семь братьевъ Сбродовичей и многіе другіе. Выбралъ себѣ изъ нихъ Василій тридцать молодцовъ безъ единаго.

Услышалъ Васька, что у новгородскихъ мужиковъ „канунъ варенъ (канунъ варить — варить медъ и пиво къ празднику), пива ячныя“. Отправился онъ со своей дружиной въ братчину Никольщину, заплатилъ за своихъ молодцовъ по пяти рублей за каждаго, а за себя 50 р. Всѣ перепились тутъ, а перепившись, стали тѣшиться кулачной борьбой. Отъ этого боя кулачнаго началась драка великая. Василій Буслаевичъ побился объ закладъ съ новгородскими мужиками: „Гой еси вы, мужики новгородскіе! Бьюсь съ вами о великъ закладъ, напущаюсь я на весь Новгородъ битися, дратися со всею дружиною хороброю; тако вы меня съ дружиною побьете Новымъгородомъ, буду вамъ платить дани-выходы по смерть свою, на всякій годъ три тысячи; а буде же я васъ побью, и вы мнѣ покоритеся, то вамъ платить мнѣ такову же дань“. Договоръ былъ заключенъ и подписанъ.

Началась драка-бой великая. Напустились на Васютку

*) Чебуракъ—брусокъ, деревянный, металлическій и пр.

мужики новгородскіе, купцы богатые. Бились весь день до вечера. Много было побито новгородцевъ. Къ вечеру мужики новгородскіе „догадалися“, пошли къ Амелфѣ Тимоѳеевнѣ съ дорогими подарочками просить ее унять свое чадо милое. Амелфа послала по Василья дѣвушку-чернавушку, которая схватила Ваську во бѣлыя руки и потащила къ матушкѣ. Матушка посадила сына въ погреба глубокіе.

Дружина Василія продолжала бой съ новгородцами и на слѣдующій день. Къ вечеру стали одолѣвать новгородцы. Въ это время на рѣку Волховъ пошла по воду дѣвушка-чернавушка Амелфы Тимоѳеевны. Добрые молодцы Василія взмолились къ ней о помощи. Дѣвушка бросила ведро кленовое, схватила кипарисово коромысло и стала имъ помахивать по мужикамъ новгородскимъ. Прибивъ до смерти много новгородцевъ, она побѣжала къ Василью, сообщила ему о происходившемъ и выпустила изъ погреба. Василій, схвативъ попавшуюся ему подъ руку телѣжную ось, бросился къ мѣсту боя. Опять стали валиться кучами мужики новгородскіе. Снова новгородцы обратились къ Амелфѣ Тимоѳеевнѣ. Амелфа Тимоѳеевна направила ихъ къ крестному отцу Василія, къ Старчищу-Пилигримищу, жившему въ монастырѣ.

Старчище-Пилигримище „сокручается“, къ своему крестнику любимому снаряжается: одѣваетъ Старчище кафтанъ въ сорокъ пудъ, колпакъ (колоколъ) на голову полагаетъ въ двадцать пудъ, клюку въ руки беретъ въ десять пудъ, и пошелъ къ мостику Волховскому. Говоритъ Старчище-Пилигримище Василью: „Ай же ты, мое чадо крестное! Укроти свое сердце богатырское, оставь мужичковъ хоть на сѣмена!“ Разъярилось богатырское сердце Василья: „Ай же ты, крестный мой батюшка! Не далъ я ти яичко о Христовомъ дни, дамъ тебѣ яичко о Петровомъ дни!“ Щелкнулъ Василій крестнаго батюшку по колпаку (колоколу) осью телѣжною. Качается старецъ, не шевельнется. Заглянулъ Василій старцу подъ колпакъ, а во лбу уже глазъ нѣтъ.

Тогда снаряжается на мѣсто битвы сама Амелфа Тимоѳеевна. Не зашла старушка къ сыну спереди, а зашла позади его и пала ему на могучія плечи: „Ай же ты, чадо мое милое, укроти свое сердце богатырское, не сердись на государыню, на матушку, уброси свое смертное побоище, оставь мужичковъ хоть на сѣмена!“ Опустились руки Василья къ

сырой землѣ, выпала изъ рукъ ось телѣжная. „Ай ты, свѣтъ государыня-матушка! Умѣла унять мою силу великую, зайти догадалась позади меня. А ежели бъ ты зашла впереди меня, то не спустилъ бы тебѣ, государынѣ-матушкѣ: убилъ бы за мѣсто мужика новгородскаго“.

Возвращается Василій съ дружиной домой. Начался пиръ. А мужики новгородскіе покорились Василію и стали платить ему дань.

2) Поѣздка Василія Буслаевича въ Іерусалимъ. По славному озеру Ильменю плаваетъ червленъ корабль Василія Буслаевича и его дружины. Василій даетъ приказаніе пристать къ Новгороду. Притыкалися тычками къ берегу, бросили сходни на крутой бережокъ. Василій сошелъ на берегъ и отправился домой къ своему двору дворянскому. Подходитъ Василій къ своей матушкѣ и проситъ у нея благословенія великаго — идти ему со своею дружиною хороброю въ Іерусалимъ-градъ Господу помолиться, святой святынѣ приложиться, въ Іорданъ-рѣкѣ искупаться. Амелфа даетъ ему благословеніе, если онъ идетъ на добрыя дѣла; но если онъ на разбой идетъ, она ему благословенія не дастъ, и пусть сыра-земля не носитъ его. Сынъ прощается съ матерью и отправляется на корабль. Поднимаются тонкіе полотняные паруса, и корабль бѣжитъ по Ильменю.

Путешественники бѣгутъ недѣлю-другую и встрѣчаютъ по дорогѣ гостей-корабельщиковъ, которые спрашиваютъ Василія, куда онъ „поизволилъ погулять“. Отвѣчаетъ имъ Василій Буслаевичъ: „Гой еси вы, гости-корабельщики! А мое-то вѣдь гулянье неохотное: съ молоду бито много, граблено, подъ старость надо душа спасти“. Василій разспрашиваетъ у корабельщиковъ дорогу въ Іерусалимъ. Корабельщики сообщаютъ ему, что есть двѣ дороги: окольная и прямая. По окольной дорогѣ надо идти полтора года, а по прямой — семь недѣль. Но по прямой дорогѣ опасно ѣздить: „На славномъ морѣ Каспійскіимъ, на томъ острову на Куминскіимъ, стоитъ застава крѣпкая, стоятъ атаманы казачіе, не много не мало ихъ — три тысячи; грабятъ бусы (видъ судна), галеры, разбиваютъ червлены корабли“. Василій не пугается опасностей прямого пути: „А не вѣрую я, Васенька, ни въ сонъ, ни въ чохъ, а и вѣрую въ свой червленой вязъ; а бѣгите-ко, ребята, вы прямымъ путемъ“.

По дорогѣ завидѣлъ Василій высокую гору—Сорочинскую. Велѣлъ Василій пристать къ крутому берегу. Сошелъ Василій съ дружиной на берегъ и сталъ подниматься на гору. Былъ Василій въ полу-горѣ—видитъ—лежитъ „пустая голова, человѣчья кость“. Пнулъ ее Василій съ дороги прочь. Голова человѣчьимъ голосомъ упрекнула Василія и предсказала, что и его голова будетъ лежать на Сорочинской горѣ. Плюнулъ Василій и пошелъ дальше на гору. На самой вершинѣ стоялъ громадный камень, въ вышину три сажени, въ длину — три аршина съ четвертью; а на камнѣ была надпись: „А кто-де у камня станетъ тѣшиться, а и тѣшиться, забавлятися, вдоль скакать по каменю, сломить будетъ буйну голову“. Василій не вѣритъ надписи. Стали молодцы его скакать поперекъ камню, а вдоль его скакать не смѣютъ.

Сойдя съ горы, Василій ѣдетъ дальше. Вотъ Каспійское море, вотъ застава корабельная, гдѣ стоятъ казаки-разбойники и старые атаманы казачьи. Казачьи атаманы не удивились появленію Василія: „Стоимъ мы на острову тридцать лѣтъ, не видали страху великаго; это де идетъ Василій Буслаевичъ; знать де полетка соколиная, видѣть де поступка молодецкая“. Атаманы приглашаютъ Василія къ столу, даютъ ему на прощанье дорогіе подарки — мису чиста серебра, мису красва золота и мису скатнаго жемчуга; даютъ ему и провожатаго въ Іерусалимъ.

Ѣдетъ Василій дальше, попадаетъ въ Іордань-рѣку и бросаетъ якори у Іерусалима. Идетъ Василій въ соборную церковь, служитъ обѣдни за здравіе матушки и за себя, обѣдню и панихиду по родимомъ батюшкѣ и по всему роду своему. На другой день онъ служитъ обѣдни съ молебнами „про удалыхъ добрыхъ молодцевъ, что съ молоду бито много, граблено“. Приложился Василій ко святой святынѣ и искупался въ Іорданѣ-рѣкѣ. Но и тутъ Василій поступилъ по своему: былъ обычай купаться въ Іорданѣ въ рубашкѣ, такъ какъ нагимъ купался Христосъ; Василій выкупался нагимъ. Расплатился Василій, не считая золотой казны, съ попами, съ дьяконами и со старцами (монахами), живущими при церкви, и ѣдетъ назадъ домой.

Подъѣзжаетъ Василій съ дружиной къ Сорочинской горѣ. Захотѣлось Василію опять побывать на горѣ. Сталъ онъ тѣшиться съ молодцами, поперекъ камню поскакивать. Захотѣ-

лось Василію скакать вдоль камня: разбѣжался, скочилъ вдоль камня и не доскочилъ только четверти. Тутъ онъ убился подъ камнемъ.

Схоронили молодцы Василья тамъ, гдѣ лежала пустая голова, и вернулись въ Новгородъ. Заплакала Амелфа Тимоѳеевна, узнавъ о гибели сына, щедро одарила молодцевъ изъ своей несчетной казны, угостила ихъ и отпустила, кому куда захотѣлось.

56. Комментаріи къ старинамъ-былинамъ о Василіи Буслаевичѣ. Старины-былины о Василіи Буслаевичѣ сохранили множество отголосковъ новгородской старины.

1) **Имя Буслай.** Имя отца Василія Буслай есть сокращенное Богуславъ, часто встрѣчавшееся у новгородцевъ. Въ Новгородской первой лѣтописи подъ 1228 и 1229 гг. упоминается знатный новгородецъ Богуславъ Гориславичъ. Подъ 1228 г. Богуславъ Гориславичъ упоминается въ связи съ народными волненіями, вызванными низложеніемъ владыки Арсенія и возведеніемъ Антонія (§ 13): народъ разграбилъ дворъ тысяцкаго Вяцеслава и его брата Богуслава. Подъ 1229 г. сообщается, что князь Михаилъ, уѣзжая въ Черниговъ, взялъ съ собою нѣсколько новгородцевъ и въ ихъ числѣ—Богуслава Гориславича. Свойственная новгородскимъ лѣтописямъ краткость и сжатость не позволяетъ намъ узнать про Богуслава какія-либо подробности. Видно, что Богуславъ принадлежалъ къ правящей части боярства: его братъ—тысяцкій. Неизвѣстно, почему Богуславъ носилъ прозвище—Гориславичъ. Было ли у него какое-нибудь горе, въ родѣ горя эпическаго Буслая, скорбѣвшаго о томъ, что у него не было дѣтей?

2) **Дружина Василія.** Дружины у новгородскихъ бояръ были обычнымъ явленіемъ: при помощи дружины бояринъ велъ борьбу со своими политическими врагами; съ дружиной же онъ предпринималъ свои промышленно-военные походы (§ 17). О существованіи наемныхъ дружинъ и объ ихъ характерѣ свидѣтельствуетъ митрополитъ Іона (1448—1458). Въ посланіи къ новгородцамъ Іона пишетъ: „Слышахъ, сынове, яко по изначальнаго врага душъ нашихъ и губителя діаволимъ навѣтамъ, нѣкое богоненавистное и богомерзкое злое дѣло сътворяется въ вашемъ православномъ христіяньствѣ... не токмо отъ простыхъ людей, но и отъ честныхъ отъ великихъ людей, отъ нашихъ духовныхъ дѣтей: не за кую сію и великую и

малую вещь зачинается гнѣвъ и отъ того ярость и свары и прекословія и многонародное събираніе со обояхъ странъ (т.-е. съ обѣихъ сторонъ Новгорода) еще и наймовати на то злое и богоненавистное дѣло... сбродней, пьянчивыхъ и кровопролитныхъ человѣкъ, и бои замышляютъ и крови пролитія и души христіанскыя губятъ". Въ посланіи къ новгородскому владыкѣ Евѳимію Іона повторяетъ то же самое: „И о семъ, сыну и брате, прошю тебе, яко да не позазриши смѣренію нашему, и ихъже вещехъ слышахомъ творящихся отъ нѣкоторыхъ твоихъ дѣтей, православныхъ христіанъ, еще же паче рещи и отъ честныхъ человѣкъ въ твоей паствѣ въ Великомъ Новѣгородѣ: нѣкая междоусобная спираніа, и раздоры, и убійства, и кровопролитія и нѣколикія сътворившаася и творящаася душегубства православному христіяньству, и на то на злое и богомерзъское дѣло наимованія, съ обою страну, злорадныхъ и хотящихъ кровопролитству, піянчивыхъ и о своихъ душахъ нерадящихъ злотворныхъ человѣкъ". Изъ этого свидѣтельства современника видно, что старины-былины о Василіи, изображая его дружину, состоящей изъ всякаго сброда, изъ людей, жаждущихъ „пить и ѣсть изъ готоваго", обладающихъ крѣпкими головами, любящихъ выпить и всякую минуту готовыхъ на кровопролитіе, вполнѣ соотвѣтствуетъ исторической дѣйствительности.

3) Братчина-Никольщина. Братчины - братства — характерное явленіе въ древнерусской жизни. Это были собранія въ честь какого-нибудь праздника, сопровождавшіяся пиромъ. Пирамъ братчинъ предшествовали особые религіозные обряды. Датчанинъ Ульфельдъ, посѣтившій Россію въ 1575 и 1578 гг. описываетъ церковный обрядъ освященія воды, хмеля и ячменя передъ приготовленіемъ пива. Описавъ обрядъ, Ульфельдъ замѣчаетъ, что совершающіе его полагаютъ, что трудъ варенія пива считается пропащимъ, если опустить малѣйшую подробность обряда.

Сохранилась интересная „молитва надъ канономъ" новгородскаго происхожденія слѣдующаго содержанія: „Соблюди Господи, и помилуй намѣстьниковъ новъгороцькыхъ, и иныхъ князей и бояръ и всѣхъ приказьныхъ людей, царьскыхъ доброхотовъ; соблюди, Господи, и помилуй государя дому сего (имя рекъ), или старосту братчины сей (имя рекъ), съ его сынцы и сь ихъ женами и з дѣтьми, и з гостьми приходящими и со всѣми православными крестьяны..."

Упомянутая въ старинахъ-былинахъ о Василіи братчина была въ честь Николы и называлась потому „Никольщиной". Въ лѣтописи подъ 1159 г. упоминается братчина на Петровъ день. Въ Новгородѣ и Псковѣ, позднѣе въ Юго-западной Руси, братчины пріобрѣли особое устройство и самостоятельныя права. Такъ, братчина получила право считаться самостоятельной корпораціей: доступъ въ братчину постороннимъ лицамъ воспрещался. „А на пиры и на братчины,—говорится въ грамотахъ, данныхъ братчинамъ, — незванъ не ѣздитъ никто; кто пріѣдетъ къ нимъ на пиръ и на братчины незванъ, и они того вышлютъ вонъ безпенно; а кто у нихъ станетъ пить силою и случится у нихъ тутъ какая нибудь гибель, ино ему платить вдвое безъ суда и исправы". По нѣкоторымъ старинамъ Василій явился на пиръ незваннымъ, отъ чего и возникла драка. Далѣе, братчина имѣла право суда надъ своими членами, если во время пира между ними возникали какія-нибудь столкновенія. По Псковской судной грамотѣ (XV в.) „братьщина судить, какъ судия".

4) **Бой Василія съ новгородцами.** Бой Василія съ новгородцами начался по иниціативѣ Василія, хотѣвшаго отомстить новгородцамъ за ихъ жалобы матушкѣ. Кругъ новгородцевъ, которыхъ Василій вызвалъ на бой, ближайшимъ образомъ не опредѣленъ: старины-былины новгородскія, подобно новгородскимъ лѣтописямъ, не различаютъ новгородскихъ политическихъ партій и говорятъ вообще только о новгородцахъ. Возможно, что отдаленной причиной его боя была политическая. Но въ Новгородѣ бои происходили и просто для потѣхи, для того, чтобы помѣряться силами и ловкостью. Начатые съ цѣлью состязанія, такіе бои часто переходили въ кровавыя сраженія, въ которыхъ противники не помнили себя. О такихъ бояхъ, возникавшихъ за „малую вещь", свидѣтельствуетъ митрополитъ Іона (см. выше, пунктъ 2-ой). Иностранцы, заключая въ XIII в. договоры съ новгородцами, включали статью, по которой между дворами нѣмецкими воспрещалась „неистовая забава, въ коей люди бьются дрекольемъ". Такіе бои обязаны были своимъ возникновеніемъ общественно-политической атмосферѣ Новгорода, насыщенной классовымъ антагонизмомъ. Новгородскія преданія связываютъ происхожденіе этихъ боевъ съ низверженіемъ язычества. При введеніи въ Новгородѣ христіанства Перуна низвергли въ Волховъ. Когда Перунъ проплывалъ подъ

Волховскимъ мостомъ, бѣсъ, вселившійся въ него, бросилъ на мостъ свою палицу, „еюже безумніи убивающеся утѣху творятъ бѣсомъ“; „въ коеждо лѣто на томъ мосту люди собираются и раздѣлишася на двое играюще убиваются“. Герберштейнъ въ своихъ „Запискахъ о Московіи“ такъ передаетъ эти преданія: „Даже и нынѣ въ извѣстные дни года бываетъ слышенъ этотъ голосъ Перуна; услышавъ его, тамошніе граждане тотчасъ сбѣгаются и бьютъ другъ друга палками, и отъ того происходитъ такое смятеніе, что начальникъ съ великимъ трудомъ едва можетъ прекратить его“. Такимъ образомъ, по этимъ преданіямъ новгородскіе бои обязаны своимъ происхожденіемъ мести Перуна. Преданіе, очевидно, сохранило воспоминаніе о той борьбѣ, которой сопровождалось введеніе христіанства, и въ которой новгородцы выступали раздѣленными на партіи. О раздѣленіи на партіи и въ эпоху власти Перуна эти преданія не помнятъ.

5) Участіе въ бою дѣвушки-чернавушки. Участіе дѣвушки-чернавушки въ боѣ дружины Василія съ новгородцами не есть вымыселъ авторовъ старинъ. Во Второй новгородской лѣтописи при описаніи классовой борьбы 1418 г. (§ 16) сообщается слѣдующая подробность о раздраженіи толпы противъ боярина Данилы: „Бяше же и се дивно... жена нѣкая, отвергши женскую немоща, вземше мужскую крѣпость, выскочивъ же посреди сонмища, дасть ему (Данилѣ) раны, укоряющи его, яко неистова, глаголющи, яко обидима есми имъ“. Вѣроятно, участіе женщинъ въ бояхъ не было въ Новгородѣ рѣдкимъ явленіемъ, если новгородскіе пѣвцы-поэты могли запомнить его.

6) Старчище - Пилигримище. Въ образѣ Старчища - Пилигримища представленъ новгородскій владыка. „Старцами“ въ древности называли монаховъ; названіе „пилигримище“ указываетъ на то, что его обладатель совершилъ паломничество и носилъ костюмъ калики. Нѣкоторые владыки новгородскіе извѣстны также, какъ паломники. Владыка Антоній (Добрыня Ядрѣйковичъ, кн. 1-я, § 294; кн. 2-я, § 13) совершилъ путешествіе въ Царьградъ; владыка Василій, дѣятельность котораго относится къ половинѣ XIV в., также совершилъ путешествіе въ Царьградъ и въ мірѣ былъ извѣстенъ подъ именемъ Григорія Калѣки. Однихъ этихъ фактовъ достаточно для того, чтобы понять, почему въ воображеніи новгородскихъ пѣвцовъ образъ владыки сливался съ образомъ пилигрима. Упомянутый въ нѣ-

которыхъ былинахъ колоколъ, одѣтый Старцемъ-Пилигримомъ на голову (вмѣсто колпака другихъ былинъ), вѣроятно, былъ первоначально иностраннымъ названіемъ части каличьяго костюма (латинское cloca, англійское cloak, французское cloche, clocette, средненѣмецкое clocea, glocea, glocke, старочешское klakol, klakolca — названіе дорожнаго плаща) и соотвѣтствуетъ другому названію — колпакъ, шляпа земли греческой или сорочинской. Нѣкоторые предполагаютъ, что этотъ колоколъ надо понимать въ буквальномъ смыслѣ—колоколъ новгородскаго софійскаго собора: въ 1342 г. по повелѣнію владыки Василія былъ отлитъ новый громадный колоколъ для собора. Пѣвцы могли запомнить этотъ фактъ и соединить образъ владыки-калики съ образомъ громаднаго колокола.

Въ разныхъ былинахъ Старчище-Пилигримище носитъ разныя легко объяснимыя прозвища, очевидно, бывшія въ ходу въ новгородскомъ обществѣ: старчище-угрюмище, старецъ-преугрюмище, старецъ со монастыря преугрюмова (намекъ на монашескій аскетизмъ), старецъ сильный богатырь (намекъ на власть владыки). Въ нѣкоторыхъ былинахъ даже дается имя Старчищу-Пилигримищу: Андронище, Ондронище, Игнатьище, Елизарище. Изъ этихъ именъ первыя два, вѣроятно, являются отголоскомъ имени владыки Антонія (черезъ формы — Антонище, Онтонище), около котораго кипѣли общественно-политическія страсти въ Новгородѣ (§ 13).

Старчище-Пилигримище представленъ крестнымъ отцомъ Василія. Пермская сказка, излагающая былины о Василіи, прибавляетъ еще одну черту: Старчище былъ его учителемъ. Обѣ черты не противорѣчатъ исторіи. Въ Новгородской первой лѣтописи подъ 1341 г. сообщается, что къ владыкѣ Василію пріѣхалъ изъ Твери его крестный сынъ княжичъ Михаилъ Александровичъ учится грамотѣ. Дѣти новгородскихъ бояръ могли, конечно, быть крестными владыки и ихъ учениками.

Старчище-Пилигримище изображенъ въ нѣкоторыхъ былинахъ отправляющимся на Волховъ мостъ изъ Юрьева или Антоніева монастыря; позади Старчища двигается „силушка великая“ „чернымъ черно“. Лѣтописи передаютъ, что изъ монастыря выходилъ отказавшійся отъ каѳедры владыка Моисей, вмѣстѣ съ находившимся у власти владыкой Алексѣемъ, архимандритомъ и игуменами, когда въ 1359 г. явилась надобность усмирять партійную схватку. Шествіе старца во главѣ

духовенства въ этомъ году, какъ и другое шествіе, въ 1418 г., могло дѣйствительно дать реальныя краски для изображенія великой черной силы.

Убійство Старчища-Пилигримища, повидимому, есть художественное преувеличеніе для полноты изображенія типа новгородскаго боярина: новгородскія лѣтописи не знаютъ такого факта. Но судьба владыки Арсенія, котораго „намалѣ ублюде Богъ отъ смерти“ во время вооруженной борьбы партій, легко могла превратиться въ воображеніи пѣвцовъ въ гибель владыки. Странная подробность старинъ — „качается старецъ, не шевелится; заглянулъ онъ, Василій, старца подъ колоколомъ, а и во лбѣ глазъ—ужъ вѣку нѣтъ“—пріобрѣтаетъ нѣкоторый смыслъ, если вспомнить объ онѣмѣніи владыки Антонія (§ 13).

7) Поѣздка Василія въ Іерусалимъ. Старины-былины, изображающія поѣздку Василія въ Іерусалимъ, заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя черты, которыя могутъ быть объяснены предположеніемъ, что въ нихъ смѣшаны двѣ поѣздки его. *Во-первыхъ*, описаніе поѣздки начинается съ того, что Василій приказываетъ своимъ дружинникамъ повернуть корабль къ Новгороду; ясно, что Василій возвращается изъ какой-то своей поѣздки на кораблѣ. *Во-вторыхъ*, въ одной былинѣ разсказывается, что Василій, согласившійся подъ вліяніемъ матери прекратить бой съ новгородцами, тутъ же приказываетъ своимъ дружинникамъ сѣсть на насады, чтобы поѣхать по славному „веряжскому“ морю. *Въ-третьихъ*, появленіе Василія на островѣ Куминскомъ не удивило казачьихъ атамановъ, знавшихъ хорошо Василія. Очевидно, Василій совершилъ на кораблѣ поѣздку и, быть можетъ, не одну, до своего путешествія въ Іерусалимъ. *Въ-четвертыхъ*, описывая поѣздку въ Іерусалимъ, старины-былины два раза описываютъ эпизодъ съ головой, одинъ разъ на пути въ Іерусалимъ, а другой — на обратномъ пути; можно предположить, что этотъ эпизодъ входилъ первоначально въ описаніе первой поѣздки Василія; а въ описаніе второй поѣздки онъ былъ перенесенъ механически.

Куда же ѣздилъ Василій въ первый разъ? По нѣкоторымъ намекамъ, разсѣяннымъ въ старинахъ-былинахъ, можно думать, что Василій совершилъ одну изъ обычныхъ для Новгородскихъ бояръ промышленно-военныхъ поѣздокъ по Волгѣ (§ 17). Василій, отпрашиваясь въ Іерусалимъ, говоритъ матушкѣ: „Ай же ты, матушка родимая! Утрось я не завтра-

калъ, вечеръ я и не ужиналъ, дай хоть сегодня пообѣдати". Выраженія „завтракать", „ужинать", „пообѣдать" — метафоры, примѣненныя къ промышленно-военной борьбѣ: Василій хочетъ биться внѣ предѣловъ Новгорода. Замѣчательно, что матушка даетъ ему благословеніе на добрыя дѣла, но оговаривается, что, если онъ идетъ на разбой, нѣтъ ему благословенія, и пусть сыра-земля не носитъ его. Очевидно, матери его извѣстны какія то его разбойничьи поѣздки; она сомнѣвается, дѣйствительно ли онъ ѣдетъ въ Іерусалимъ съ богомольной цѣлью. И тѣмъ не менѣе матушка даетъ ему въ дорогу много свинцу, пороху, оружія долгомѣрнаго, точно она снаряжаетъ его не на поѣздку съ благочестивой цѣлью, а въ поѣздку промышленно-военнаго характера. Самъ Василій говоритъ, что его поѣздка въ Іерусалимъ предпринимается не по доброй волѣ: „А мое то вѣдь гулянье неохотное: съ молоду бито много, граблено, подъ старость надо душа спасти". Много бито было и граблено Василіемъ, очевидно, въ политической борьбѣ въ самомъ Новгородѣ и въ ушкуйническихъ набѣгахъ. Здѣсь, во время одного изъ такихъ набѣговъ, съ Василіемъ, очевидно, случилось какое-то происшествіе (мертвая голова въ былинахъ), пробудившее мысли о спасеніи души, и здѣсь же зародилась мысль о паломничествѣ во св. Землю, столь обычномъ у новгородцевъ, считавшихъ такое паломничество лучшимъ средствомъ для спасенія души.

8) Смерть Василія. По былинамъ нынѣшней редакціи Василій погибаетъ на возвратномъ пути изъ Іерусалима на Сорочинской горѣ (Сіонъ-горѣ, Савань-горѣ, Ѳаворъ-горѣ). Смерть Василія произошла отъ запрещеннаго надписью прыганья вдоль камня. Въ XVI в. старины-былины иначе представляли себѣ конецъ жизни Василія. Въ Никоновскомъ сводѣ (XVI в.) подъ 1171 г. есть такая замѣтка: „Того же лѣта преставился въ Новгородѣ посадникъ Васка Буславичъ". Эта замѣтка представляетъ одну изъ нерѣдкихъ въ этомъ сводѣ записей, отразившихъ современное составителю лѣтописи былевое творчество. Въ спискахъ новгородскихъ посадниковъ имени Васьки Буслаевича нѣтъ. Слѣдовательно, здѣсь возможны два предположенія: 1) Васька Буслаевичъ, дѣйствительно, былъ новгородскимъ посадникомъ, но его историческое имя было пѣвцами забыто; 2) Ваську сдѣлали посадникомъ пѣвцы, съ художественными цѣлями: Васька, принимая дѣятельное участіе въ общественно-

политической борьбѣ и въ промышленно-военныхъ походахъ новгородскаго боярства, умножилъ свои наслѣдственные капиталы и сталъ виднѣйшимъ кандидатомъ аристократической партіи на постъ посадника; пѣвцамъ не трудно было вообразить Василія уже посадникомъ. Оба предположенія одинаково возможны. Замѣтка Никоновскаго свода, представляющая Ваську Буслаевича умирающимъ въ званіи новгородскаго посадника, чрезвычайно драгоцѣнна для оцѣнки старинъ-былинъ объ этомъ лицѣ: древніе новгородскіе пѣвцы-поэты еще въ XVI в. изображали въ духѣ интересовъ боярства буйные подвиги одного изъ наиболѣе богатыхъ и способныхъ его представителей; „битье“ и „грабежъ“ Васьки были обычнымъ и естественнымъ явленіемъ для новгородскаго боярина, основой его силы и власти: бояринъ, ловко бившій своихъ противниковъ, совершившій много экспропріацій въ Новгородѣ и внѣ его, могъ разсчитывать и на хорошую политическую карьеру.

Смерть Василія на возвратномъ пути его изъ Іерусалима, очевидно, позднѣйшая выдумка пѣвцовъ, усвоившихъ уже новый взглядъ на „битье“ и „грабежъ“ Василія. Этотъ новый взглядъ, по которому „битье“ и „грабежъ“ изъ нравственно одобряемыхъ качествъ превратились въ нравственно-осуждаемыя, былъ развитъ въ XVI и XVII вв. Съ XIV в. „битье“ и „грабежъ“ становятся прерогативой крупнѣйшаго русскаго хищника—московскаго князя; московскій митрополитъ, укрѣпляя власть московскаго князя, нападалъ въ своихъ поученіяхъ вмѣстѣ съ остальнымъ духовенствомъ на мелкихъ хищниковъ-экспропріаторовъ, въ особенности на новгородскихъ, какъ это видно изъ посланій митрополита Іоны въ Новгородъ. Подобныя нападки находили себѣ сочувственный откликъ въ широкихъ демократическихъ кругахъ, страдавшихъ отъ хищничества бояръ. Это должно было содѣйствовать популяризаціи взгляда на „битье“ и „грабежъ“, какъ на явленія, осуждаемыя свыше и свыше наказываемыя. Особенно популярнымъ такой взглядъ долженъ былъ стать тогда, когда боярство новгородское было разгромлено московскимъ княземъ. Дальнѣйшія событія могли только содѣйствовать побѣдѣ новаго взгляда въ средѣ пѣвцовъ, когда послѣдніе сами подверглись гоненію и стали искать себѣ пріюта у крестьянъ: они въ угоду послѣднимъ выработали сюжетъ о смерти Василія на возвратномъ пути изъ Іерусалима, въ наказаніе за пренебреженіе къ святынямъ.

Матеріалы для изображенія „головы“ и камня на сорочинской горѣ пѣвцы почерпали изъ сказаній о святыняхъ въ Палестинѣ: мертвая голова—это Адамова голова, погребенная Соломономъ на Галгоѳѣ (кн. 1-я, § 64); камень, вдоль котораго прыгнулъ Васька, это, повидимому, камень-алатырь въ духовныхъ стихахъ, подъ которымъ разумѣется камень-алтарь-трапеза Мельхиседека, пріуроченный къ горѣ Ѳавору (кн. 1-я, § 281), или другой, подобный ему, камень. Нѣкоторые изслѣдователи видятъ въ этомъ камнѣ символическій сіонскій камень „претыканія“, о которомъ упоминается въ св. Писаніи и который въ устномъ творчествѣ превратился въ реальный камень: „Сказано въ писаніи: вотъ я полагаю въ Сіонѣ камень краеугольный, избранный, драгоцѣнный, и вѣрующій въ него не постыдится. Итакъ, онъ для васъ, вѣрующихъ, драгоцѣнность, а для невѣрующихъ камень, который сдѣлался главою угла, камень претыканія и камень соблазна“ (въ первомъ Посланіи Петра, II, 6, 7); „се полагаю въ Сіонѣ камень преткновенія и камень соблазна; но всякій вѣрующій въ него не будетъ постыжденъ“ (въ Посланіи къ Римлянамъ, IX, 33).

57. Василій Буслаевичъ, какъ типъ новгородскаго боярина XIV в. Несмотря на позднѣйшія наслоенія, Василій Буслаевичъ сохранилъ до сихъ поръ въ старинахъ-былинахъ типичныя черты новгородскаго боярина XIV в.

Василій — единственный сынъ знатнаго и богатаго новгородскаго боярина. Рожденный въ глубокой старости отца, онъ былъ любимцемъ и баловнемъ своихъ родителей. Уже въ дѣтствѣ онъ обнаружилъ замѣчательныя способности — быстро усвоилъ грамоту и научился церковному пѣнію. Въ дѣтствѣ же стали проявляться и тѣ инстинкты, которые вѣками складывались въ психо-физической организаціи его предковъ бояръ: потомокъ древнихъ руководителей-организаторовъ патріархально-родовой семьи, привыкшихъ получать съ ея младшихъ членовъ наибольшую долю продуктовъ, потомокъ вячшихъ людей, продолжавшихъ накоплять богатства въ формѣ общественно-политической борьбы и военно-промышленныхъ походовъ, Василій уже ребенкомъ пробуетъ свои боевыя способности, и притомъ на столько удачно, что потерпѣвшіе приносятъ на него жалобы матери. Это только подзадориваетъ Василія на дальнѣйшіе болѣе крупные эксперименты: пользуясь своими

богатствами, онъ нанимаетъ дружину головорѣзовъ, готовыхъ за пищу, кормъ и подарки бить и рѣзать, кого угодно. Василій устраиваетъ въ Новгородѣ грандіозныя побоища, въ которыхъ погибъ его крестный и учитель—владыка новгородскій, въ которыхъ едва не погибла его мать. Результатъ побоищъ былъ превосходенъ: побитые новгородцы обязались платить Василію ежегодную крупную дань.

Выдвинувшись въ Новгородѣ, Василій предпринимаетъ промышленно-военные походы, которые дѣлаютъ его имя знаменитымъ и страшнымъ по всему бассейну Волги до Каспійскаго моря. Съ богатой добычей возвращается Василій изъ этихъ походовъ.

Наслѣдственные инстинкты, продолженіе напряженной борьбы за свое боярское существованіе сдѣлали изъ Василія послѣдовательнаго реалиста: онъ не вѣритъ ни въ сонъ, ни въ чохъ; онъ вѣритъ только въ червленый вязъ, въ то орудіе борьбы, которое сохранило его родъ въ борьбѣ съ новгородскими „мужиками“ и инородцами, которое помогло ему увеличить богатство своего рода и которое возвело его на высшую ступень политической власти въ Новгородѣ.

Даже Василій Буслаевичъ позднѣйшихъ былинъ, изображающихъ попытку этого боярина спасти свою душу, остается вѣрнымъ себѣ. Неохотно подчиняется Василій требованію идейныхъ руководителей тогдашняго общества спасти свою душу. Онъ предпринимаетъ обычную для богатыхъ новгородцевъ поѣздку во св. Землю. По убѣжденію новгородскихъ бояръ посѣтить св. Землю, помолиться здѣсь, поклониться святой святынѣ, утереться нетлѣнной ризой, искупаться въ Іорданѣ-рѣкѣ—т. е. совершить по всѣмъ правиламъ рядъ обрядовъ — достаточно для спасенія души. Василій и здѣсь оказался реалистомъ, не поддающимся вѣрованіямъ въ сверхъестественное, таинственное и высшее: всѣ купаются въ Іорданѣ въ рубашкѣ, потому что нагимъ купался въ немъ только Христосъ; Василій отвергаетъ таинственную причинную связь между купаніемъ безъ рубашки и личностью Христа и купается безъ рубашки; онъ пинаетъ ногой Адамовъ черепъ, не вѣритъ надписи на камнѣ и скачетъ вдоль него. За такое пренебреженіе къ святынямъ Василій погибаетъ. Гибель Василія представляетъ, очевидно, позднѣйшую оцѣнку жизни и дѣятельности новгородскаго боярина.

58. Василій Буслаевичъ и Робертъ-Дьяволъ. Сходныя условія жизни порождаютъ въ западно-европейской аристократіи типъ, аналогичный Василію Буслаевичу, и нравственный судъ демократически настроенныхъ элементовъ, аналогичный суду позднѣйшихъ нашихъ пѣвцовъ-поэтовъ. Этотъ типъ—Робертъ-Дьяволъ.

Въ Робертѣ-Дьяволѣ изслѣдователи видятъ поэтическое отраженіе личности знаменитаго норманна Роберта Гюискара, который въ половинѣ XI в. былъ герцогомъ южной Италіи. Гиббонъ въ своей „Исторіи упадка и разрушенія Римской имперіи“ такъ характеризуетъ его: „Въ первыхъ подвигахъ, которые онъ совершилъ, воюя съ греками и съ мѣстнымъ населеніемъ, не легко различить героя отъ разбойника. Напасть врасплохъ на какой-нибудь замокъ или монастырь, поймать въ ловушку какого-нибудь зажиточнаго мѣстнаго жителя, награбить въ сосѣднихъ деревняхъ съѣстные припасы—таковы были безславные подвиги, на которые онъ тратилъ свои умственныя и физическія силы. Норманскіе волонтеры стали стекаться подъ его знамя, а служившіе подъ его начальствомъ калабрійскіе крестьяне усвоили названіе и характеръ норманновъ“. Своею личностью и дѣятельностью Робертъ Гюискаръ породилъ множество сказаній, которыя изъ южной Италіи попали во Францію, родину итальянскихъ норманновъ. Отсюда эти преданія перешли въ Испанію, Португалію, Англію, Голландію, Германію. Во всѣхъ этихъ преданіяхъ, подвергшихся мѣстнымъ переработкамъ съ точки зрѣнія демократически настроенныхъ слоевъ, Робертъ Гюискаръ фигурируетъ подъ именемъ Роберта-Дьявола.

Сходство между старинами-былинами о Василіи Буслаевичѣ и сказаніями о Робертѣ Дьяволѣ-проявляется въ слѣдующихъ пунктахъ:

1) Родители Василія принадлежатъ къ верхамъ новгородскаго боярства. Родители Роберта носятъ герцогскій или графскій титулъ.

2) Василій рождается подъ вліяніемъ чаръ „Бабищи матерой“. Мать Роберта, графиня Матильда, не имѣя долго дѣтей, молила Бога о дарованіи ей сына. Молитвы ея были тщетны. Тогда она обратилась за помощью къ дьяволу (демократическая окраска обѣихъ личностей).

3) Какъ Василій въ дѣтствѣ уже обнаруживалъ наклон-

ность давать полную волю своимъ силамъ надъ окружающими, такъ и Робертъ проявлялъ такого же рода наклонности: онъ кусалъ кормилицъ, бросалъ въ окружавшихъ его, чѣмъ попало, дрался со сверстниками.

4) Василій убиваетъ своего крестнаго и учителя. Робертъ, который съ семи лѣтъ имѣлъ уже наставника, не переносилъ наставленій его и убилъ его кинжаломъ, по однимъ разсказамъ, по другимъ,—сыгравши съ нимъ такую шутку. Однажды ночью его наставникъ, желая провѣдать, спитъ ли Робертъ, поднялся по лѣстницѣ наверхъ къ комнатѣ своего воспитанника и, оставивъ туфли на краю лѣстницы, пошелъ дальше. Робертъ ожидалъ этого посѣщенія. Пропустивъ наставника, онъ прибилъ къ полу его туфли. Наставникъ, возвратившись, вступилъ ногами въ туфли, двинулся впередъ, потерялъ равновѣсіе и жестоко расшибся. Вскорѣ послѣ этого онъ умеръ.

5) Какъ Василій вырывалъ у встрѣчныхъ руки и ноги, такъ то же самое продѣлывалъ и Робертъ.

6) Робертъ набираетъ себѣ дружину изъ удальцовъ; нѣкоторыя прозвища ихъ—Увалень (Lambin), Петля (Boute-en-Couroye), Раздави чарочку (Brise-Godet), Бражникъ (Rigolet)—аналогичны прозвищамъ молодцовъ изъ дружины Василія: Котельная Пригарина, Ѳома Благоуродливый, Потанюшка Хроменькій, Хомушка Горбатенькій.

7) Отецъ Роберта съ цѣлью образумить сына посвящаетъ его въ рыцари и по этому случаю устраиваетъ при своемъ дворѣ торжественный праздникъ, на который приглашаются извѣстнѣйшіе норманскіе рыцари. Праздникъ заканчивается турниромъ, въ которомъ принимаетъ участіе и Робертъ. Робертъ превратилъ турниръ въ кровавое побоище, напоминающее бой Василія съ новгородцами: всякаго рыцаря, съ которымъ онъ вступалъ въ состязаніе, онъ сбрасывалъ съ коня и убивалъ. Когда его копье и шпага сломались, Робертъ схватилъ желѣзную дубину и началъ поражать ею и рыцарей и лошадей. Въ борьбѣ принимала участіе и дружина Роберта. Много рыцарей и лошадей погибло. Напрасно отецъ Роберта пытался остановить это кровопролитіе. Возмутился противъ Роберта и простой народъ, который сталъ бросать въ него камнями. Только герцогинѣ удалось прекратить побоище: съ заплаканными глазами она бросилась среди сражающихся и сдѣлала видъ, что хочетъ броситься на колѣни передъ сыномъ; Робертъ,

пристыженный этимъ, отдалъ матери свое оружіе и далъ увести себя съ поля сраженія.

8) Василій совершаетъ путешествіе въ Іерусалимъ, чтобы спасти свою душу. Съ Робертомъ также происходитъ переворотъ. Пораженный однажды тѣмъ ужасомъ, который поселялся въ людяхъ при его появленіи, Робертъ задумался надъ своимъ прошлымъ. Узнавъ о тайнѣ своего рожденія, онъ рѣшается заняться спасеніемъ своей души (По другимъ разсказамъ, дружина Роберта однажды потерпѣла пораженіе. Самъ Робертъ былъ раненъ и попалъ къ какому-то отшельнику; послѣдній, ухаживая за раненымъ Робертомъ, произвелъ на него сильное впечатлѣніе своими рѣчами и подготовилъ въ душѣ его переворотъ). Робертъ поѣхалъ въ Римъ къ папѣ, который отправилъ его къ одному отшельнику, наложившему на него рядъ эпитимій. По истеченіи семи лѣтъ Робертъ отправился въ Іерусалимъ и жилъ тамъ отшельникомъ до смерти.

Изъ этого видно, что между старинами-былинами о Василіи Буслаевичѣ и сказаніями о Робертѣ-Дьяволѣ есть значительное сходство. Основная причина сходства—родственность двухъ типовъ: одного, создавшагося въ нѣдрахъ новгородской аристократіи, другого — въ нѣдрахъ аристократіи норманской. Другая, второстепенная причина сходства, можетъ заключаться въ томъ, что сказанія о Робертѣ-Дьяволѣ могли проникнуть въ Новгородъ, благодаря сношеніямъ послѣдняго съ Западомъ, и повліять на обработку старинъ о Василіи.

Садко богатый гость.

59. Старины-былины о Садкѣ богатомъ гостѣ. Старины-былины о Садкѣ богатомъ гостѣ отражаютъ бытъ новгородскихъ житьихъ людей, т.-е. самой богатой части купечества. Онѣ группируются около трехъ сюжетовъ: 1) Садко становится богатымъ гостемъ, 2) Садко состязается въ богатствѣ съ Новгородомъ и 3) поѣздка Садка за море.

1) Садко становится богатымъ гостемъ. Сюжетъ о томъ, какъ Садко сдѣлался богатымъ гостемъ, дошелъ до насъ въ двухъ редакціяхъ.

а) Первая редакція. По славной матушкѣ Волгѣ-рѣкѣ гулялъ молодецъ Садко двѣнадцать лѣтъ. За это время Садко познакомился съ Волгой отъ „вершины“ и до устья, до цар-

ства Астраханскаго, не видывалъ надъ собой никакой скорби, никакой „притки“ (несчастья) и пребывалъ во здоровьи. Захотѣлось Садку побывать въ Новгородѣ. Отрѣзалъ онъ ломоть хлѣба, посолилъ и опустилъ въ Волгу, въ благодарность за двѣнадцатилѣтнее счастливое гуляніе по ней. Волга-рѣка откликается на благодарность Садка и велитъ ему передать поклонъ ея братцу—озеру Ильменю.

Пріѣхавъ въ Новгородъ, Садко исполняетъ порученіе Волги. Является къ Садку добрый молодецъ отъ Ильменя-озера. Онъ наказываетъ Садку выпросить себѣ въ Новгородѣ „бошлыковъ“ (атамановъ) съ тремя неводами и съ работными людьми и заняться въ Ильмень-озерѣ рыболовствомъ, обѣщая ему „Божью милость“.

Послушался Садко, нанялъ бошлыковъ съ неводами и работными людьми и закинулъ въ Ильмень невода: первый неводъ пришелъ съ мелкой бѣлой рыбой, второй неводъ — съ красной рыбой, а третій неводъ—съ бѣлой рыбой въ три четверти. Перевезъ Садко эту рыбу въ гостиный дворъ и заперъ ее въ трехъ погребахъ, а молодцамъ бошлыкамъ за труды далъ сто рублей.

Три дня не ходилъ Садко въ гостиный дворъ. Придя туда на четвертый день, Садко заглянулъ въ первый погребъ—видитъ—вся мелкая рыба превратилась въ дробныя деньги; заглянулъ Садко во второй погребъ съ красной рыбой—видитъ—вмѣсто рыбы червонцы лежатъ; третій погребъ оказался весь наполненный монетами.

Ставши богачемъ, Садко отправился къ батюшкѣ Ильмень-озеру и проситъ его научить, какъ жить въ Новгородѣ. Ильмень-озеро даетъ Садку такой совѣтъ: „А и гой еси, удалой доброй молодецъ! Поводись ты со людьми со таможенными, а и только про ихъ ты обѣдъ доспѣй, позови молодцовъ, посадскихъ людей: а станутъ те знать и вѣдати“. Догадался Садко, сдѣлалъ обѣдъ для таможенныхъ людей и сталъ водиться съ посадскими людьми.

б) Вторая редакція. Жилъ въ славномъ Новгородѣ Садко. У него не было имущества, а были однѣ только гусельки яровчаты (изъ дерева явора), съ которыми ходилъ по пирамъ. Случилось, что Садка не зовутъ на почестенъ пиръ день, другой и третій. Соскучился Садко, пошелъ къ Ильмень озеру, сѣлъ на бѣлъ горючъ камень и началъ играть во гусельки

яровчаты. Вдругъ вода въ озерѣ всколебалась. Садко „перéпался“ и пошелъ прочь отъ озера въ Новгородъ. Опять не зовутъ Садка на пиръ. Садко идетъ къ озеру и играетъ на гусляхъ. Всколебалась вода въ озерѣ и показался морской царь. Говоритъ онъ Садку: „Ай же ты, Садко новгородскій! Не знаю, чѣмъ буде тебя пожаловать за твои за утѣхи за великія, за твою-то игру нѣжную: аль безсчестной золотой казной? А не то, ступай въ Новгородъ и ударь о великъ закладъ, заложи свою буйну голову, и выряжай съ прочихъ купцовъ лавки товара краснаго и спорь, что въ Ильмень-озерѣ есть рыба-золоты перья. Какъ ударишь о великъ закладъ, и поди свяжи шелковый неводъ, и пріѣзжай ловить въ Ильмень-озерѣ: дамъ три рыбы-золоты перья. Тогда ты, Садко, счастливъ будешь“.

Послушался Садко, ударился съ новгородскими купцами о великъ закладъ. Три купца повыкинулись и заложили по три лавки товара краснаго. Садко отправился на Ильмень-озеро и добылъ рыбку-золоты перья. Отдали Садку купцы три лавки товара краснаго. Сталъ Садко поторговывать и барыши великіе получать. Устроилъ онъ себѣ бѣлокаменныя палаты и разукрасилъ ихъ по небесному: на небѣ солнце—и въ палатахъ солнце, на небѣ мѣсяцъ — и въ палатахъ мѣсяцъ, на небѣ звѣзды—и въ палатахъ звѣзды.

2) Садко состязается въ богатствѣ съ Новгородомъ. Садко поступаетъ въ братчину Никольщину и пируетъ съ новгородскими „мужиками“ (или устраиваетъ пиръ у себя). На пиру наѣдалися и напивалися и стали всѣ похвальбами похваляться. Похвалился и Садко своими богатствами и сказалъ, что онъ раскупитъ въ Новгородѣ всѣ товары, не оставивъ ихъ и на денежку и на полушечку: „А то, коли я товары не выкуплю, заплачу казны вамъ сто тысячей“. „Мужики“ новгородскіе („настоятели“) заключили съ Садкомъ письменный договоръ. Началъ ходить Садко по Новгороду съ дружиной своей и скупать товары. Въ первый день Садко скупилъ всѣ товары и построилъ церковь во имя Стефана Архидьякона. На другой день стало въ Новгородѣ товару больше прежняго. Скупилъ Садко и новые товары и построилъ храмъ во имя Софіи Премудрыя. На третій день явилось въ Новгородъ еще болѣе товаровъ, заморскихъ. Скупилъ Садко и эти товары и соорудилъ церковь во имя Николы Можайскаго.

Конецъ этого сюжета передается въ двухъ редакціяхъ. По одной редакціи Садко ходитъ по Новгороду и на четвертый день; но въ Новгородѣ не оказалось уже товаровъ ни на денежку, ни на полушечку. Зашелъ Садко въ темный рядъ: стояли тутъ черепаны, гнилые и битые горшки. Скупилъ Садко и эти черепаны и горшки, говоря: „Пригодятся — ребятамъ черепками играть, поминать Садка, гостя богатаго! Что не я, Садко, богатъ, — богатъ Новгородъ всякими товарами заморскими и тѣми черепанами, гнилыми горшки". По другой редакціи, на третій день столько товаровъ привалило въ Новгородъ, что Садко пораздумался: „Не выкупить товара со всего бѣла свѣта: еще повыкуплю товары московскіе, — подоспѣютъ товары заморскіе. Не я, видно, купецъ богатъ новгородскій, — побогаче меня славный Новгородъ". Проигралъ Садко закладъ.

Конецъ по второй редакціи логичнѣе; это видно изъ того, что обѣ редакціи приходятъ къ выводу о превосходствѣ Новгорода надъ Садкомъ.

3) Поѣздка Садка за море. Снарядилъ Садко тридцать черленыхъ кораблей, нагрузилъ ихъ новгородскими товарами и отправился по Волхову въ Ладожское озеро, изъ Ладожскаго въ Неву, изъ Невы во синее море, а изъ синяго моря завернулъ въ Золотую Орду. Здѣсь онъ продалъ товары и получилъ за нихъ много денегъ: Садко насыпалъ бочки-сороковки краснаго золота, чистаго серебра и поѣхалъ назадъ къ Новгороду. На возвратномъ пути поднялась страшная буря: бьетъ волной въ корабли, рветъ паруса, ломаетъ корабли, и въ то же время корабли не идутъ съ мѣста. Догадался Садко, что это морской царь поднялъ бурю и задержалъ корабли въ наказаніе за то, что не платилъ дани морскому царю. Садко велитъ дружинѣ выкатить бочку чистаго серебра и бросить ее въ море. Буря не унимается, и корабли продолжаютъ стоять. Бросили въ море бочку краснаго золота, и это не помогло. Понялъ Садко, что морской царь требуетъ живой головы. Велѣлъ Садко своимъ дружинникамъ сдѣлать „волжаны" (изъ прутьевъ ивы) жребіи и надписать на нихъ свои имена, а самъ пишетъ имя на жребіи изъ краснаго золота; жребіи будутъ брошены въ море; чей жребій пойдетъ ко дну, тотъ и пойдетъ въ синее море. Такъ и сдѣлали. Бросили жребіи въ море: жребіи дружинниковъ гоголемъ плывутъ по водѣ, а жребій Садко ключемъ пошелъ на дно. Садко говоритъ дружинѣ, что эти жребіи неправильные:

дружинники должны написать свои имена на золотыхъ жребіяхъ, а онъ свое имя напишетъ на ивовомъ. Такъ и сдѣлали. Что же случилось? Жребіи дружинниковъ гоголемъ плывутъ по водѣ, а жребій Садка ключемъ пошелъ на дно. Понялъ Садко, что морской царь его самого и требуетъ къ себѣ. Взялъ Садко свои гусли, велѣлъ свалить на море дубовую доску и сошелъ на нее съ корабля. Только что онъ сдѣлалъ это, какъ корабли полетѣли по морю, какъ черные вороны.

Заснулъ Садко на доскѣ дубовой, а проснулся въ синемъ морѣ на самомъ днѣ его. Видитъ онъ палату бѣлокаменную, а въ ней сидитъ морской царь. Говоритъ Садку царь морской: „Ай же ты, Садко купецъ, богатый гость! Вѣдь ты, Садко, по морю ѣзживалъ, мнѣ, царю, дани не плачивалъ, а нонь весь пришелъ ко мнѣ во подарочкахъ“. Царь вспомнилъ, что Садко — мастеръ играть на гусляхъ, и велѣлъ ему показать свое искусство. Едва только заигралъ Садко, какъ морской царь сталъ плясать. Три дня игралъ Садко, и три дня плясалъ царь: вода въ синемъ морѣ всколебалась, съ желтымъ пескомъ смутилась; много разбило кораблей на морѣ, много погибло имѣній, много утонуло невинныхъ людей. Народъ сталъ молиться Миколѣ Можайскому. Вдругъ Садко почувствовалъ, что кто то коснулся его праваго плеча. Обернулся Садко и видитъ старика сѣдатаго, который велѣлъ ему прекратить свою игру. Садко отвѣчаетъ, что здѣсь въ синемъ морѣ не его воля. Старикъ совѣтуетъ Садку вырвать струночки и сломать шпенечки; если,—продолжалъ старикъ,—морской царь предложитъ Садку жениться, пусть онъ выберетъ себѣ невѣсту не изъ первыхъ трехсотъ дѣвицъ и не изъ вторыхъ, а изъ третьихъ, и притомъ дѣвушку-чернавушку; а когда Садко будетъ въ Новгородѣ, пусть построитъ церковь соборную Миколѣ Можайскому. Вырвалъ Садко струны и сломалъ шпенечки. Пляска царя прекратилась. Царь предложилъ Садку жениться. Садко отвѣтилъ, что здѣсь—воля царя надъ нимъ. На другой день царь показалъ Садку триста дѣвицъ. Садко ни одной не выбралъ. Прошли передъ нимъ вторыя триста дѣвицъ и третьи триста. Изъ послѣднихъ Садко выбралъ себѣ дѣвушку-чернавушку.

Проснувшись утромъ, Садко увидѣлъ себя въ Новгородѣ. Смотритъ—по Волхову ѣдутъ его кораблики. Садко встрѣчаетъ свою дружину. Дружина удивляется: „Остался Садко во синемъ морѣ, очутился впереди насъ во Новгородѣ, встрѣчаетъ

дружину съ Волхова!“ Выгрузилъ Садко съ кораблей безсчетную золотую казну и построилъ церковь соборную во имя Миколы Можайскаго. Не сталъ больше ѣздить Садко за синее море, а сталъ поживать въ Новгородѣ.

60. Комментаріи къ старинамъ-былинамъ о Садкѣ. Старины-былины о Садкѣ изображаютъ типъ новгородскаго „житьяго“, богатаго купца.

Садко въ началѣ не былъ купцомъ: онъ былъ „молодцемъ“, гулявшимъ по матушкѣ-Волгѣ, или, по другой редакціи, бѣднымъ пѣвцомъ-поэтомъ, гусляромъ. Благодаря чудесной помощи Ильменя (превращеніе пойманной рыбы въ серебро и золото, поимка рыбы-золотыя перья и выигрышъ заклада), Садко становится богачемъ. хотя и до этого у него имѣются средства для того, чтобы вознаградить бошлыковъ. Художественные образы, которыми изображается пріобрѣтеніе Садкомъ богатства, облекаютъ въ поэтическую форму процессъ обогащенія въ Новгородѣ отдѣльныхъ лицъ не изъ высшей аристократіи. Садко двѣнадцать лѣтъ гулялъ молодцемъ по Волгѣ, и никакой скорби, никакой „притки“ съ нимъ не приключилось: это значитъ, что Садко принималъ участіе въ промышленно-военныхъ походахъ боярства, какъ дружинникъ-наймитъ; это значитъ, что походы, въ которыхъ Садко принималъ участіе, благополучно оканчивались для него, и Садко успѣлъ сколотить себѣ нѣкоторый капиталецъ. Участіе въ походахъ, знакомство съ богатымъ боярствомъ, быть можетъ, услуги, оказанныя Садкомъ въ походахъ тому или другому боярину, организатору похода,— все это могло доставить Садку расположеніе какого-нибудь крупнаго капиталиста-боярина, а такое расположеніе могло повести къ ссудѣ Садку подъ проценты крупнаго капитала для торговыхъ предпріятій. Благодаря этому Садко изъ гулявшаго молодца (или бѣднаго гусляра) превратился въ „житьяго“, богатаго гостя, ведущаго обширную торговлю съ заграничными рынками и подвергающагося обычнымъ при такой дѣятельности приключеніямъ, связаннымъ съ поѣздками по морю. Такъ, Новгородская первая лѣтопись подъ 1130 г. отмѣчаетъ одно изъ такихъ приключеній слѣдующими словами: „Въ се же лѣто, идуце и-заморія (изъ-за моря) съ готъ (съ готскаго берега), потопи лодій 7; и сами потопоша, и товаръ; а друзии вылезоша, нъ (но) нази...“. Благополучно возвращавшіеся купцы, въ благодарность за свое спасеніе, строили въ Новгородѣ церкви. Въ

той же лѣтописи, подъ 1156 г., сообщается, что „поставиша заморьстіи [купцы] церковь святыя Пятницы на търговищи“.

Таковы общественныя и историческія основы старинъ-былинъ о Садкѣ.

Имя Садка упоминается въ новгородскихъ и псковскихъ лѣтописяхъ. Въ Новгородской первой лѣтописи подъ 1167 г. есть слѣдующая замѣтка: „На ту же весну заложи Съдко Сытиниць церковь камяну святую мученику Бориса и Глѣба при князи Святославе Ростиславици, при архиепископѣ Иліи“. Замѣтка эта дополняется другой, имѣющейся въ той же лѣтописи подъ 1049 г.: „Мѣсяца марта въ 4, въ день суботныи, сгорѣ святая Софѣя... А ту стояла святая Софѣя конець Пискуплѣ улицѣ, идеже нынѣ поставилъ Сотъке церковь камену святаго Бориса и Глѣба, надъ Волховомъ“. Очевидно, въ Новгородѣ существовало лицо съ именемъ, приведеннымъ въ лѣтописяхъ и сохранившимся въ устномъ творчествѣ. И по лѣтописи, и по старинамъ-былинамъ Садку приписывается построеніе церкви. По лѣтописи Садко построилъ каменную церковь; слѣдовательно, Садко обладалъ крупными богатствами, что вполнѣ подтверждается характеристикой его въ старинахъ-былинахъ.

Матеріалы для развитія подробностей въ сюжетахъ о Садкѣ пѣвцы-поэты могли заимствовать изъ разнообразныхъ источниковъ: 1) изъ финскихъ сказаній, 2) изъ еврейскихъ и русскихъ сказаній и 3) изъ сказокъ.

1) **Финскія сказанія**. Финскія сказанія отразились на той редакціи старинъ-былинъ о Садкѣ, въ которой герой представленъ бѣднымъ гусляромъ.

Бассейнъ озера Ильменя до славянорусской колонизаціи населенъ былъ финскими племенами. Самое названіе озера — финскаго происхожденія — Ilmjärvi (ilma — воздухъ, järvi озеро), что значитъ озеро, производящее погоду. Такое названіе озера объясняется существующимъ у финновъ и эстовъ убѣжденіемъ, что нѣкоторыя озера, рѣки и ручьи могутъ производить бурю и вызывать дождь. Озеро Ильмень считалось у финновъ священнымъ, вѣроятно, потому что въ немъ по ихъ мнѣнію, обиталъ какой-нибудь изъ ихъ боговъ; на это намекаетъ имя одного изъ героевъ финской поэмы Калевалы, древняго бога Ильмаринена: первая часть этого имени находится въ связи съ именемъ озера Ильменя. Озеро Ильмень, какъ мѣстопребываніе бога, должно было породить у эстовъ и фин-

новъ рядъ сказаній. Съ появленіемъ русскихъ славянъ эти сказанія должны были сдѣлаться достояніемъ и русскихъ, смѣшивавшихся съ мѣстнымъ населеніемъ. Существующія въ наше время финскія сказанія бросаютъ свѣтъ на этотъ процессъ усвоенія русскими мѣстныхъ сказаній.

Въ старинахъ-былинахъ второй редакціи обращаетъ на себя вниманіе образъ морского царя (царя-водяника, поддоннаго царя, заморскаго царя). Ему подвластно все водное царство. Онъ живетъ въ озерѣ Ильменѣ и на днѣ синяго моря. Онъ женатъ и имѣетъ множество морскихъ дѣвъ. Морской царь требуетъ отъ людей почитанія: проѣзжающіе должны платить ему дань; не приносящимъ дани онъ можетъ причинить большой вредъ и даже потребовать ихъ къ себѣ въ подводный дворецъ. Людямъ, которые ему нравятся, онъ загоняетъ въ ихъ невода рыбу. Морской царь любитъ музыку и награждаетъ музыканта хорошимъ уловомъ рыбы.

Этотъ образъ напоминаетъ черты финскаго морского бога Ахти (Ахто), старца съ травяной бородой, властителя водъ и рыбъ. Ахти женатъ. Его жена Велламо расположена къ людямъ. Это напоминаетъ морскую царицу нѣкоторыхъ старинъ о Садкѣ, играющей роль Николы Можайскаго въ другихъ старинахъ и научающаго Садка, какъ выбраться изъ морского царства. Ахти и Велламо окружены толпами водяныхъ дѣвицъ. Ахти любитъ музыку. Когда пѣвецъ Вейнемейненъ, сидя на берегу моря, сталъ играть на своей арфѣ, Ахти пришелъ въ восторгъ. Ахти загоняетъ въ сѣти Вейнемейнена рыбу, которая проглотила огонь, упавшій на землю, вмѣстѣ съ массой другой рыбы.

Нашему гусляру Садку соотвѣтствуетъ въ финскихъ сказаніяхъ образъ пѣвца Вейнемейнена, игра котораго очаровываетъ Ахти.

2) Еврейскія и русскія сказанія. Садко, по указанію свыше, былъ брошенъ съ корабля въ море. Это—одинъ изъ популярнѣйшихъ сюжетовъ въ еврейской и русской литературѣ.

Въ Библіи этотъ сюжетъ связанъ съ именемъ пророка Іоны. Іона, получивъ повелѣніе отъ Господа идти въ Ниневію на проповѣдь, не хотѣлъ повиноваться Господу, направился въ Іоппію и сѣлъ на корабль, отправлявшійся въ Ѳарсисъ. По дорогѣ поднялась сильная буря. Экипажъ судна бросилъ жребій, чтобы узнать, „за кого постигла ихъ бѣда“. Жребій палъ на Іону. Іону выбросили въ море, гдѣ его проглотилъ китъ.

Другое сказаніе, на такую же тему, о Маріи грѣшницѣ приведено въ 1-ой книгѣ (§ 90). Въ этомъ сказаніи корабль съ пассажирами останавливается среди моря несмотря на попутный вѣтеръ, а высаженная на лодку грѣшница идетъ ко дну.

У насъ также возникали аналогичные разсказы.

Новгородское сказаніе объ архіепископѣ Іоаннѣ повѣствуетъ, что новгородцы, заподозривъ своего владыку въ безнравственной жизни, посадили его на плотъ и пустили по Волхову: плотъ чудесно поплылъ противъ теченія (§ 82).

Въ сказаніи о чудѣ ростовскаго юродиваго Исидора разсказывается слѣдующее. Одинъ ростовскій купецъ ѣхалъ со своими товарами на кораблѣ. Вдругъ корабль остановился; волны стали разбивать его. Пассажиры испугались и рѣшились бросить жребій, чтобы узнать виновника несчастія. Жребій палъ на купца. Купца посадили на доску и пустили по морю. Корабль тотчасъ двинулся съ мѣста. Между тѣмъ, купецъ, сидѣвшій на доскѣ и ожидавшій смерти, внезапно увидѣлъ угодника Божія Исидора, шедшаго по морю, какъ по суху. Купецъ помолился Исидору о спасеніи. Исидоръ направилъ доску съ купцомъ за кораблемъ, догналъ корабль и посадилъ купца на корабль здоровымъ и невредимымъ.

Въ одной малорусской думѣ такой же сюжетъ сплелся съ именемъ Алексія Поповича. Алеша Поповичъ отправляется по Черному морю съ казаками въ походъ. Поднимаетси сильная буря. Казаки бросаютъ жребій, который падаетъ на Алешу. Алеша начинаетъ каяться передъ своими спутниками: уѣзжая, онъ не простился съ родителями, оттолкнулъ сестру, топталъ конемъ своихъ дѣтей, не снималъ шапки передъ церквами, не осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ. Когда исповѣдь Алеши кончилась, буря начала стихать и, наконецъ, совсѣмъ прекратилась.

Наконецъ, этотъ же сюжетъ встрѣчается въ старинномъ средневѣковомъ романѣ „Tristan le Léonois“, причемъ герой сюжета носитъ имя Садокъ (Sadoc). Садокъ, племянникъ Іосифа Аримаѳейскаго, убиваетъ своего шурина и отправляется съ женою на кораблѣ по морю. На морѣ поднимается буря, угрожающая кораблю потопленіемъ. Бросаютъ жребій, который падаетъ на Садока. Садока бросаютъ въ море. Садокъ не погибаетъ: достигнувъ одного скалистаго острова, онъ находитъ убѣжище у отшельника, у котораго три года проводитъ въ

постѣ и покаянія. Садокъ—еврейское имя (Цадокъ—справедливый). Очевидно, этотъ эпизодъ съ Садокомъ является еврейскимъ сказаніемъ, попавшимъ въ старо-французскій романъ съ востока. Это же сказаніе, независимо отъ французскаго романа, могло попасть въ Новгородъ. Сходство именъ—Садка, новгородскаго купца, и Садока еврейскаго сказанія повело къ сближенію и смѣшенію русскихъ и еврейскихъ сказаній.

3) **Сказки**. Пребываніе героя въ морскомъ царствѣ, женитьба на морской дѣвѣ и возвращеніе на родину представляетъ одинъ изъ распространенныхъ сюжетовъ въ литературѣ сказокъ. Вотъ, напр., содержаніе киргизской сказки о властелинѣ водъ Уббе.

Нѣкто Аманъ-Кулъ отправился за водой. Онъ вздумалъ нырнуть въ воду. Въ водѣ Аманъ-Кулъ былъ схваченъ властителемъ водъ Уббе и сдѣлался его визиремъ. Онъ влюбился въ дочь другого подводнаго визиря. Когда однажды Уббе обѣщалъ Аманъ-Кулу исполнить любое его желаніе, послѣдній высказалъ два пожеланія: жениться на дочери визиря и вернуться на землю. Оба желанія вмѣстѣ оказались неисполнимыми. Аманъ-Кулъ долженъ былъ выбрать женитьбу. У жены его былъ сундукъ, ключа котораго она ему не отдавала. Однажды жена Аманъ-Кула ушла, забывъ ключъ отъ сундука. Аманъ-Кулъ нашелъ его, открылъ сундукъ и увидѣлъ тамъ зеленую палку. Удовлетворивъ свое любопытство, Аманъ-Кулъ положилъ ключъ тамъ, гдѣ онъ его взялъ. Онъ вспомнилъ про свою родину и обратился къ Богу съ молитвой. Вдругъ ему явился человѣкъ въ бѣлой чалмѣ, который объяснилъ ему, что при помощи зеленой палки онъ можетъ вернуться на землю. Аманъ-Кулъ воспользовался палкой и очутился на томъ мѣстѣ, гдѣ бросился въ воду: на берегу находились его одежда и ведро, наполненное водой. Вернувшись домой, Аманъ-Кулъ разсказалъ женѣ о томъ, что онъ пережилъ. Жена съ трудомъ вѣрила своему мужу, такъ какъ со времени его ухода за водой прошло немного времени. Благодаря чудесной палкѣ Аманъ-Кулъ разбогатѣлъ и сдѣлался царемъ въ своемъ городѣ.

Таковы сказанія, которыя могли, въ той или иной формѣ, сдѣлаться извѣстными нашимъ пѣвцамъ-поэтамъ и послужить матеріаломъ для обработки старинъ-былинъ о дѣйствительно существовавшемъ лицѣ—Садкѣ Сытиницѣ.

Гость Терентьище.

61. Старины-былины о гостѣ Терентьищѣ. Въ старинѣ-былинѣ о гостѣ Терентьищѣ юмористически изображается оригинальная расправа богатаго новгородскаго купца съ измѣнницей женой и ея любовникомъ.

Въ стольномъ Новгородѣ, на Юрьевской улицѣ, въ слободѣ Терентьевской жилъ богатый гость, старый Терентій. „У него дворъ на цѣлой верстѣ, а кругомъ двора желѣзный тынъ, на тынинкѣ—по маковкѣ, а и есть по жемчужинкѣ; ворота были вальящатыя (рѣзныя), вереи хрустальныя, подворотина—рыбій зубъ. Середи двора гридня стоитъ: покрыша—сѣдыхъ бобровъ, потолокъ—черныхъ соболей, а и матица (поперечная балка, на которой настланъ потолокъ) валженая (вѣроятно, „волжаная“, сдѣланная изъ прутьевъ таволги; здѣсь—красиво выточенная), была печка муравленая (глазурованая), середа (полъ) была кирпичная; а на середи кроватка стоитъ, да кровать слоновыхъ костей: на кровати перина лежитъ, на перинѣ зголовье лежитъ, на зголовьѣ молодая жена Авдотья Ивановна“.

Авдотья съ вечера больна. Въ ея тѣлѣ разыгрался недугъ, подступившій къ самому сердцу. Авдотья проситъ своего мужа взять ея золотые ключи, отворить окованный сундукъ, достать сто рублей и пойти добывать докторовъ, лѣчащихъ заговорами. Терентій держалъ жену свою въ любви. Онъ послушался жены и отправился за докторами.

Вотъ Терентій уже у церкви Воздвиженья, у калиноваго моста. Навстрѣчу ему идутъ веселые скоморохи. Скоморохи знаютъ, какъ кого чтить. Они привѣтствуютъ богатаго гостя и выражаютъ удивленіе тому, что его—Терентія—обыкновенно и слыхомъ не слыхать и видомъ не видать, а теперь онъ бродитъ по чистому полю, „что корова заблудящая, что ворона залетящая“. Терентій не разсердился на слова скомороховъ и объяснилъ имъ, что ищетъ докторовъ, которые отогнали бы недугъ у его жены. Веселые молодцы, посвященные въ интимныя тайны богатыхъ горожанъ, догадались, какой недугъ у жены Терентія, другъ на друга оглянулись и сами усмѣхнулись. Они вызываются вылѣчить Авдотью Ивановну за сто рублей. Терентій согласился.

Повели скоморохи Терентія въ темный рядъ, гдѣ купили

шелковый мѣхъ. Пошли они затѣмъ въ червленый (галантерейный) рядъ, гдѣ купили червленый вязъ, дубину ременчатую, наполовину налитую свинцомъ. Скоморохи посадили Терентія въ шелковый мѣхъ; одинъ изъ скомороховъ („мѣхоноша") взвалилъ мѣхъ съ Терентіемъ за плечи, и всѣ направились къ Терентьеву двору.

„Опасливая" молодая жена, выглянувъ въ окошко, замѣтила приближеніе скомороховъ и стала гнать ихъ, говоря, что мужа ея нѣтъ дома. Скоморохи отвѣтили ей, что они только что видѣли Терентія: у Воздвиженья, у калиноваго моста лежитъ онъ безъ заднихъ ногъ. Обрадовалась Авдотья, пригласила въ домъ скомороховъ и попросила ихъ спѣть пѣсню про стараго Терентьища, чтобы его вѣкъ въ домѣ не видать!

Скоморохи сѣли на лавочки, заиграли во гусельки и запѣли пѣсню: „Слушай, шелковый мѣхъ, мѣхоноша за плечами (что у мѣхоноши за плечами), а слушай, Терентій гость, что про тебя говорятъ! Говоритъ молодая жена Авдотья Ивановна про стара мужа Терентьища: во дому бы тебя вѣкъ не видать. Шевелись, шелковый мѣхъ, мѣхоноша за плечами, вставай-ко, Терентьище, лѣчить молодую жену, бери червленой вязъ, ты дубину ременчатую! Походи-ко, Терентьище, по своей свѣтлой гридни и по середи кирпищатой ко занавѣсу бѣлому, ко кровати слоновыхъ костей, ко перинѣ ко пуховыя! А лѣчи-то ты, Терентьище, а лѣчи-ко ты молоду жену Авдотью Ивановну!" Выскочилъ Терентій изъ мѣха, схватилъ червленый вязъ, дубину ременчатую, подбѣжалъ къ кровати слоновыхъ костей и сталъ лѣчить свою молодую жену: сшибъ съ головы у нея шлыкъ (женскій головной уборъ). Посмотрѣлъ Терентій на кровать, на перину пуховую, видитъ — подъ соболинымъ одѣяломъ шевелится „недугъ". Сталъ Терентій гнать „недугъ" ременчатой дубиной; а „недугъ" не путемъ выскочилъ въ окошко, чуть головы своей не сломалъ, на корачкахъ ползетъ, едва отъ окна отползъ. Оставилъ „недугъ" въ спальнѣ Авдотьи кафтанъ хрущатой камки, камзолъ баберековый (изъ шелковой парчи) и 500 рублей денегъ.

Терентьище далъ веселымъ людямъ еще сотню рублей — за правду великую.

Старина „Гость Терентьище", разработавшая тотъ же сюжетъ, что и старина о смерти Чурилы (кн. 1-ая, § 228), замѣчательна чертами, рисующими семейную жизнь новгород-

скаго купечества и роль скомороховъ-веселыхъ людей, а также выдержанностью тона. Старый Терентій держалъ свою молодую жену въ любви, не подозрѣвая, что у нея есть любовникъ. Но объ этомъ знали скоморохи-веселые люди, случайно встрѣтившіеся съ Терентіемъ. Они помогли Терентію „вылѣчить недугъ“ и получили за „правду великую“ 200 р. Самъ Терентій тоже въ выигрышѣ: проучилъ жену и любовника и сталъ собственникомъ дорогихъ костюмовъ любовника и его 500 р., что ему, купцу, было очень пріятно.

Новгородскія старины-былины кіевскаго цикла.

62. Новгородскія старины-былины кіевскаго цикла. Кромѣ чисто новгородскихъ, есть рядъ старинъ-былинъ новгородскаго происхожденія, но вошедшихъ въ кіевскій циклъ. Эти старины вошли въ кіевскій циклъ по нѣсколькимъ причинамъ. *Во-первыхъ*, нѣкоторыя новгородскія старины-былины сложились въ ту эпоху, когда Новгородъ находился еще въ тѣсной связи съ Кіевомъ: эта связь должна была отразиться въ творчествѣ пѣвцовъ-поэтовъ. *Во-вторыхъ*, новгородскія старины, отразившія отношенія между новгородскимъ боярствомъ и княжескою властью, неизбѣжно должны были представлять новгородскаго князя—кіевскимъ, сначала потому, что кіевскій князь былъ дѣйствительно въ то же время и новгородскимъ, а потомъ по литературной традиціи. *Въ-третьихъ*, процессъ циклизаціи старинъ-былинъ долженъ былъ повести къ тому, что новгородскія былины, хотя бы и съ слабымъ отраженіемъ связи между Новгородомъ и Кіевомъ, были вовлечены въ кругъ кіевскихъ старинъ-былинъ.

Къ новгородскимъ старинамъ-былинамъ кіевскаго цикла относятся слѣдующія: 1) о Ставрѣ Годиновичѣ, 2) о Соловьѣ Будимировичѣ, 3) о Хотѣнѣ Блудовичѣ, 4) объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ и 5) о Василіи Окульевичѣ.

Ставръ Годиновичъ.

63. Старины-былины о Ставрѣ Годиновичѣ. У Владимира—пиръ. Князья, бояре пьютъ, ѣдятъ и великимъ княземъ похваляются. Одинъ только бояринъ Ставръ Годиновичъ не пьетъ, не ѣстъ и при своей братьи не хвастаетъ, а на-

единѣ съ товарищемъ такія рѣчи говоритъ: „Что это за крѣпость въ Кіевѣ у великаго князя Владимира? У меня де, Ставра боярина, широкій дворъ не хуже города Кіева; а дворъ у меня на семи верстахъ, а гридни, свѣтлицы бѣлодубовы, покрыты гридни сѣдымъ бобромъ, потолокъ во гридняхъ черныхъ соболей, полъ-середа одного серебра, крюки да пробои по булату злачены". У Владимира были слуги вѣрные, которые донесли ему о заглазныхъ рѣчахъ Ставра. Разсердился Владиміръ и приказалъ сковать Ставра и посадить его въ погреба глубокіе. А затѣмъ Владиміръ посылаетъ посла въ имѣніе Ставра, чтобы опечатать его дворъ и привезти его жену въ Кіевъ.

Вѣсть о происшедшемъ дошла до жены Ставра, Василисы Микулишны. Она быстро „наряжается и убирается": скидываетъ съ себя волосы женскіе, надѣваетъ кудри черные, одѣвается въ мужской костюмъ и, назвавшись грознымъ посломъ изъ Золотой Орды, ѣдетъ въ Кіевъ со свитою великой. На половинѣ дороги съ ней встрѣчается кіевскій посолъ, которому Владиміръ поручилъ опечатать дворъ Ставра и привезти его жену. Послы здороваются, знакомятся другъ съ другомъ и узнаютъ о томъ, кто куда ѣдетъ. Посолъ Золотой Орды сообщаетъ, что ѣдетъ въ Кіевъ къ Владиміру, брать съ него дани-невыплаты за двѣнадцать лѣтъ. Кіевскій посолъ былъ пораженъ и затѣмъ сообщилъ о своемъ порученіи. Посолъ изъ Золотой Орды сообщилъ ему, что онъ заѣзжалъ къ Ставру на дворъ, да домъ оказался пустымъ: молодая жена Ставра убралась въ Золотую Орду.

Кіевскій посолъ поспѣшно возвращается въ Кіевъ и докладываетъ князю о грозномъ послѣ изъ Золотой Орды. „А и тутъ больно князь запечалился. Кидалися, металися: то улицы метутъ, ельникъ ставили — передъ воротами ждутъ посла изъ дальней орды, Золотой Орды, отъ грозна короля Етмануйла Етмануйловича". Наконецъ, на княженецкомъ дворѣ показался посолъ со свитой. Они соскочили съ коней и вошли въ свѣтлыя гридни... А княгиня уводитъ князя въ подвалы и погреба и тихохонько говоритъ князю, что по всѣмъ примѣтамъ это не грозный посолъ изъ Золотой Орды, а молодая жена Ставра: „Она по двору идетъ, будто уточка плыветъ, а по горенкѣ идетъ, частенько ступаетъ, а на лавицу садится, колѣнца жметъ, а и ручки бѣленьки, пальчики тоненьки, дюжина изъ

перстовъ не вышли всѣ". Владимиръ принялъ къ свѣдѣнію подозрѣнія княгини и рѣшилъ испытать посла. На пиру онъ предлагаетъ послу побороться съ могучими кіевскими богатырями Притченками да Хапилонками. Посолъ того не пятится и вышелъ бороться на средину княженецкаго двора. Первому борцу посолъ изъ плеча руку выдернулъ, второму борцу ногу выломалъ, третьяго схватилъ поперекъ хребта да ушибъ среди двора. Плюнулъ князь, да и прочь пошелъ: „Глупая княгиня, неразумная! У тя волосы долги, умъ коротокъ; называешь ты богатыря женщиною: такого посла у насъ еще было и не видано!" Княгиня продолжаетъ настаивать на своемъ, и Владимиръ рѣшается еще разъ испытать полъ посла, заставляя его состязаться въ стрѣльбѣ изъ лука. Выводитъ Владимиръ двѣнадцать сильныхъ могучихъ богатырей. Стали богатыри стрѣлять по сырому дубу за цѣлую версту: они попадаютъ въ дубъ, который отъ стрѣлъ богатырскихъ шатается, будто отъ сильной погоды. Посолъ велитъ своимъ удалымъ молодцамъ принести его лукъ. Кинулись добрые молодцы исполнять порученіе: „Подъ первый рогъ несутъ пять человѣкъ, подъ другой несутъ столько же; колчанъ тащатъ каленыхъ стрѣлъ тридцать человѣкъ". Беретъ посолъ лукъ, накладываетъ стрѣлу и прицѣливается въ дубъ: спѣла тетива у тугого лука, взвыла стрѣла каленая и угодила прямо въ сырой кряковистый дубъ: дубъ изломанъ былъ въ черенья ножевыя. Князь, побуждаемый княгиней, приступаетъ къ третьему испытанію: предлагаетъ послу въ шахматы играть. Посолъ выигрываетъ игру и требуетъ дани-выходы за двѣнадцать лѣтъ. Владимиръ отдаетъ послу себя съ головой и жену.

Посолъ спрашиваетъ у Владимира, какъ потѣшаются при его дворѣ, и есть ли у него веселые молодцы (скоморохи). Владимиръ посылаетъ отыскивать веселыхъ молодцовъ, а самъ готовитъ для посла пиръ. Не веселъ сидитъ на пиру посолъ и спрашиваетъ князя, нѣтъ ли у него гусельщика хорошаго. Владимиръ вспоминаетъ, что Ставръ—мастеръ въ гусли играть и послалъ освободить Ставра и привести его во дворецъ. Посолъ вскочилъ на рѣзвыя ноги и посадилъ Ставра противъ себя на дубовую скамью. „И зачалъ тутъ Ставръ поигрывати: сыгрышъ сыгралъ Царя-града, тонцы навелъ Іерусалима, величалъ князя со княгинею, сверхъ того игралъ еврейскій стихъ". Посолъ задремалъ и сказалъ Владимиру, что онъ отъ

даней-выходовъ отказывается и проситъ пожаловать его веселымъ молодцомъ Ставромъ бояриномъ Годиновичемъ. Владиміръ обрадовался и отдалъ послу Ставра.

Взявъ съ собой Ставра, посолъ выѣхалъ изъ Кіева. Провожаютъ его князь съ княгиней. Посолъ останавливается у быстраго Днѣпра, разставляетъ палатки бѣлыя и предлагаетъ Владиміру подождать, пока онъ выспится. Въ палаткѣ посолъ переодѣвается въ женское платье: Ставръ узнаетъ свою жену. Переодѣвается Ставръ въ платье посольское, прощается съ княземъ и княгиней и отъѣзжаетъ въ свою землю дальнюю.

По другимъ старинамъ Ставръ хвастаетъ своей женой, говоря, что она проведетъ за носъ всѣхъ князей и бояръ, а самого Владиміра съ ума сведетъ. Нарядившаяся посломъ жена Ставра требуетъ не даней-выходовъ, а дочери Владиміра себѣ въ замужество. Въ этихъ старинахъ прибавляется еще два испытанія пола: баня и постель. Жена Ставра съ успѣхомъ выдерживаетъ оба испытанія, обморочиваетъ князей-бояръ и самого Владиміра, такъ что князья-бояре, прощаясь со Ставромъ и его женой, говорятъ: „Она всѣхъ князей-бояръ да насъ повыманила, тебя, солнышко Владиміръ, да съ ума свела. Благодарствуешь, Ставеръ да сынъ Годиновичъ! Зналъ похвастать молодой женой! Ты торгуй нунь, Ставеръ, да здѣ во Кіевѣ, ты отнынѣ же торгуй, да вѣкъ же по вѣку здѣ въ Кіевѣ безпошлинно!“

64. Комментаріи къ старинамъ о Ставрѣ Годиновичѣ. Сюжетъ о Ставрѣ Годиновичѣ впервые намѣтился не позже половины XII в., а старины о немъ окончательно сложились не позже конца XV в. Историческая основа ихъ уясняется слѣдующими краткими извѣстіями подъ 1118 г. въ Новгородской первой лѣтописи: „Прѣставися Дъмитръ Зявидиць, посадникъ Новъгородьскый, иуля въ 9, посадницявъ 7 мѣсяць одину. Томь же лѣтѣ приведе Володимеръ (Мономахъ) съ Мьстиславомь вся бояры новгородьскыя Кыеву, и заводи я (ихъ) къ честьному хресту и пусти я домовь, а иныя у себя остави; и разгнѣвася на ты, оже то грабили Даньслава и Ноздрьчю, и на сочьскаго на Ставра и затоци я вся“. Изъ сопоставленія этихъ извѣстій можно вывести слѣдующее. *Во-первыхъ*, въ 1118 г. умираетъ посадникъ Дмитрій Завидичъ, стоявшій во главѣ аристократической партіи, которая въ тѣ времена стояла за сильную княжескую власть. *Во-*

вторыхъ, послѣ его смерти, очевидно, разыгралась борьба между обѣими партіями, причемъ аристократической партіи досталось отъ демократической: бояре Даньславъ и Ноздрьчь были разграблены. Владиміръ привелъ къ присягѣ новгородскихъ бояръ (пригласивъ ихъ въ Кіевъ), а часть ихъ, именно тѣхъ, которые принимали участіе въ ограбленіи упомянутыхъ бояръ, заточилъ. *Въ-третьихъ*, вѣроятно, особенно дѣятельное участіе въ борьбѣ демократіи противъ аристократіи принималъ участіе сотскій бояринъ Ставръ. Если принять во вниманіе, что новгородская лѣтопись подъ 1126 г., т.-е. восемь лѣтъ спустя, упоминаетъ впервые избраніе посадника вѣчемъ и что съ этого времени идетъ быстрое развитіе самостоятельности Новгорода, то слѣдуетъ предположить, что въ первой четверти XII в. шла упорная борьба между обѣими партіями, причемъ демократія явно стала брать перевѣсъ надъ аристократіей, слѣдовательно, княжеская власть надъ Новгородомъ впервые сильно поколебалась.

Заточенный Владиміромъ Ставръ, повидимому, такъ или иначе, получилъ свободу, если не при жизни Владиміра, то сейчасъ же послѣ его смерти. Это можно заключить изъ того, что въ 1126 г. посадникомъ дѣлается представитель демократической партіи Мирославъ Гюрятиничъ. Побѣда демократіи надъ аристократіей была въ Новгородѣ въ ту эпоху побѣдой Новгорода надъ сильной княжеской властью. Эту первую побѣду демократіи новгородскіе пѣвцы-поэты изобразили въ былинахъ о Ставрѣ, причемъ въ дальнѣйшихъ переработкахъ пѣсенъ истинныя причины заточенія Ставра были забыты и замѣнились хвастовствомъ Ставра своими богатствами, а подробности его освобожденія были пріукрашены. Возможно, что дѣятельное участіе въ освобожденіи Ставра принимала его жена: участіе женщины въ общественно-политическихъ дѣлахъ Новгорода достаточно иллюстрируется историческою личностью знаменитой Марѳы Борецкой; тѣмъ болѣе могла принять участіе женщина въ дѣлѣ освобожденія своего мужа; навѣрное, жена Ставра, узнавъ объ арестѣ мужа, поспѣшила скрыться съ наиболѣе цѣнной частью движимости мужа, а затѣмъ, когда наступили благопріятныя для освобожденія мужа условія, она могла вернуться и добиться освобожденія его. Все это, вмѣстѣ съ фактомъ татарской власти, давало позднѣйшимъ пѣвцамъ эпохи XIII — XIV вв. достаточно матеріала для того, чтобы

выдвинуть впередъ личность жены Ставра. Достиженіе Новгородомъ къ XIV в. особенно высокой степени самостоятельности должно было породить въ новгородцахъ пренебрежительное отношеніе къ прочимъ русскимъ княжествамъ. Это невольно наталкивало пѣвцовъ на преувеличеніе роли жены Ставра.

Но при всѣхъ позднѣйшихъ измѣненіяхъ старины о Ставрѣ до сихъ поръ сохранили слѣды своей исторической основы — первой побѣды демократическаго Новгорода надъ великимъ княземъ; до сихъ поръ въ старинахъ живо звучатъ нотки торжества новгородскаго боярина надъ кіевскимъ княземъ.

Новгородское происхожденіе старинъ о Ставрѣ, помимо свидѣтельства лѣтописи о заточеніи Владимиромъ новгородскаго боярина Ставра, подтверждается цѣлымъ рядомъ другихъ соображеній.

Во-первыхъ, имя Ставра извѣстно только въ Новгородско-Псковской Руси и чуждо остальнымъ частямъ Русской земли.

Во-вторыхъ, старины о Ставрѣ сами рисуютъ своего героя не мѣстнымъ, кіевскимъ бояриномъ, а пріѣзжимъ изъ какой то другой области или земли, которая то называется Черниговомъ, Ляховецкой или Политовской землей, то оставляется безъ всякаго наименованія.

Въ-третьихъ, личность Ставра рисуется въ цѣломъ рядѣ былинъ съ чертами „житьяго", богатаго купца, что исторически вѣрно для XII в., когда бояре новгородскіе продолжали еще заниматься торговлей. Такъ, Ставръ говоритъ, что на хорошихъ жеребчикахъ онъ самъ ѣздитъ, а жеребчиковъ похуже сгоняетъ на рынокъ и продаетъ ихъ князьямъ-боярамъ; Ставру предоставляется безпошлинно торговать въ Кіевѣ.

Въ-четвертыхъ, въ старинахъ о Ставрѣ не видно кіевскаго богатырства, извѣстнаго по старинамъ южно-русскаго происхожденія: жена Ставра состязается съ дворянами Владимира, его боярами, удалыми молодцами; а когда приходится пѣвцамъ называть этихъ добрыхъ молодцевъ по имени, то они называютъ какихъ то Притченковъ и Хапилонковъ. Только въ старинахъ позднѣйшей обработки, подъ вліяніемъ процесса циклизаціи, начинаютъ фигурировать знаменитые богатыри южно-русскихъ былинъ; но уже одинъ тотъ фактъ, что въ этихъ старинахъ жена Ставра побѣждаетъ Добрыню, Алешу и Илью Муромца, показываетъ, что старины о Ставрѣ сложились не въ Кіевѣ.

Соловей Будимировичъ.

65. Старины о Соловьѣ Будимировичѣ. Изъ-за Вирянскаго моря, въ которое устьемъ впадаетъ Нева, отъ города Леденца, отъ заморскаго царя выбѣгали тридцать кораблей, одинъ корабль славнаго гостя, богатаго молодого Соловья, сына Будимировича. Всѣ корабли хорошо изукрашены, но одинъ изъ нихъ лучше всѣхъ: у него вмѣсто очей вставлено по дорогому камню, по яхонту, вмѣсто бровей прибито по черному соболю якутскому, вмѣсто уса воткнуто два острыхъ булатныхъ ножа, вмѣсто ушей два острыхъ мурзавецкихъ (отъ слова „мурза“ — восточныхъ) копья; повѣшены на немъ два зимнихъ горностая, вмѣсто гривы прибиты двѣ лисицы бурнастыя; вмѣсто хвоста повѣшено два медвѣдя заморскихъ; носъ, корма взведены по туриному, а бока по звѣриному.

Бѣгутъ корабли къ Кіеву. А на кораблѣ-соколѣ сдѣланъ чердакъ муравленъ, въ чердакѣ сдѣлана бесѣда изъ дорогого рыбьяго зуба, подернута бесѣда рыжымъ бархатомъ. На бесѣдѣ сидитъ купавъ (красавецъ) молодецъ, молодой Соловей Будимировичъ. Есть у Соловья, чѣмъ одарить ласковаго князя Владимира: есть золотая казна, сорокъ сороковъ черныхъ соболей, другія сорокъ бурнастыхъ (рыжебурыхъ) лисицъ, есть дорогая камка (шелковая ткань) съ хитрыми узорами Царяграда, мудростями Іерусалима, замыслами Соловья Будимировича. Говоритъ Соловей своимъ дружинникамъ: „Да слушайте-тко бо̀льшаго ата̀мана-то вы, да дѣлайте дѣло повелѐное: а взимайте-ко шестики мѣрныи вы, а миряйте-то (мѣряйте) лу̀дья (мѣста, усѣянныя подводными камнями) морски-то эты, а чтобы намъ молодцамъ туда проѣхати“.

Прибѣжали корабли подъ славный Кіевъ, метали якори, бросили сходни, уплатили въ таможнѣ со всѣхъ товаровъ пошлины семь тысячей. Пошелъ Соловей къ Владимиру во свѣтлую гридню, молится образу Спаса, кланяется Владимиру и на особицѣ княгинѣ Апраксѣевнѣ и подноситъ имъ дорогіе подарки. Понравились имъ подарки. Соловей проситъ у Владимира дать ему загонъ непаханной земли въ зеленомъ саду, въ вишеньѣ-орѣшеньѣ его племянницы Запавы Путятишны: на ней онъ построитъ нарядный дворъ. Владимиръ согласился.

Вернулся Соловей на свой корабль и велѣлъ своимъ лю-

дямъ работнымъ взять булатные топорики и построить въ зеленомъ саду Запавы нарядный дворъ. Съ вечера, позднимъ-поздно, будто дятлы въ дерево пощелкивали: работала храбрая дружина Соловья. Къ полуночи дворъ поспѣлъ: три терема златоверхихъ, трои сѣней косящатыхъ, да трои сѣней рѣшетчатыхъ. Хорошо изукрашены терема: на небѣ солнце — въ теремѣ солнце; на небѣ мѣсяцъ—въ теремѣ мѣсяцъ; на небѣ звѣзды—въ теремѣ звѣзды; на небѣ заря—въ теремѣ заря и вся красота поднебесная.

Зазвонили къ заутренѣ. Проснулась Запава, подошла къ окошку и посмотрѣла въ свой зеленый садъ—видитъ какое то чудо: стоятъ въ саду три терема. Одѣлась Запава и пошла въ садъ. Стала она у перваго терема и послушала: въ теремѣ молчаніе—лежитъ здѣсь золотая казна Соловья; послушала она во второмъ теремѣ—здѣсь молитву творятъ—молится матушка Соловья съ честными многоразумными вдовами; послушала она въ третьемъ теремѣ—здѣсь музыка гремитъ: „Въ томъ терему стучитъ и гремитъ, пѣсни поетъ и гусли играетъ младъ Соловей сынъ Будимировичъ: струнку къ стрункѣ натягиваетъ, тонци по голосу налаживаетъ, тонци онъ ведетъ отъ Новагорода, а другіе ведетъ отъ Еросолима, а всѣ малые припивки за синя моря, за синяго моря Волынскаго, изъ-за того Кодольскаго острова, изъ-за того лукоморья зеленаго“. Отворяетъ Запава двери и входитъ въ теремъ: красота терема поразила ее, и у нея ноги подогнулись. Соловей догадливъ былъ: бросилъ онъ свои гусли звончатыя и подхватилъ дѣвицу за бѣлыя ручки. Соловей дѣлаетъ ей предложеніе. Запава принимаетъ. Тутъ они помолвились и кольцами обмѣнялись. Потомъ Соловей сватаетъ Запаву у Владимира, вѣнчается и уѣзжаетъ на родину.

По другимъ старинамъ Запава, явившись въ теремъ, сама сватаетъ себя Соловью, что Соловью не понравилось. Но и въ этихъ старинахъ дѣло оканчивается бракомъ Соловья съ Запавой.

Конецъ въ нѣкоторыхъ старинахъ осложняется новымъ сюжетомъ, навѣяннымъ старинами о Добрынѣ и Алешѣ. Именно, въ нихъ разсказывается, что матушка Соловья отсрочила свадьбу, велѣвъ сыну съѣздить за море, расторговаться тамъ и затѣмъ уже жениться. Соловей подчинился и уѣхалъ. Его отсутствіемъ воспользовался голый щапъ (щеголь безъ состоянія)

Давидъ Поповъ (очевидно, искаженный Алеша Поповичъ) и сталъ сватать Запаву за себя, увѣряя Владимира, что Соловей за границей попался въ контрабандѣ („въ протаможье попалъ"), что корабли его были конфискованы и самъ онъ посаженъ въ тюрьму. Владимиръ повѣрилъ и далъ свое согласіе. Совершается вѣнчаніе, и затѣмъ во дворцѣ Владимира происходитъ пиршество, во время котораго появляется Соловей со своими дружинниками. Бракъ Давида съ Запавой разстраивается. Соловей женится на Запавѣ.

66. Комментаріи къ старинамъ о Соловьѣ Будимировичѣ. Старины о Соловьѣ Будимировичѣ изображаютъ поѣздку иностраннаго богача, боярина или купца, въ Русь за знатной невѣстой. Такія поѣздки къ намъ не были рѣдкостью, и очень можетъ быть, что подъ именемъ Соловья Будимировича пѣвцы изобразили лицо, дѣйствительно существовавшее и дѣйствительно пріѣзжавшее въ Русскую землю за невѣстой. Но установить въ настоящее время это лицо невозможно: подлинное имя богатаго жениха не сохранилось въ пѣсняхъ, и мы знаемъ его только по прозвищу, данному ему пѣвцами, очевидно, за его искусную игру на гусляхъ.

Что Соловей Будимировичъ—пріѣзжій иностранецъ, видно изъ самихъ старинъ. Соловей пріѣзжаетъ „изъ-за моря", „изъ лукоморья зеленаго", изъ за моря Вирянскаго, въ которое устьемъ впадаетъ Нева, отъ славнаго города Леденца, изъ Веденецкой земли. По этимъ даннымъ старинъ не трудно опредѣлить мѣстность, откуда пріѣхалъ Соловей. Названіе „Вирянское море" находится въ связи съ названіемъ Wirland, Wironia. Вироніей называлась часть Эстляндіи по лѣвому берегу рѣки Наровы, отъ озера Пейпуса до Финскаго залива. „Вирянскимъ моремъ", очевидно, назывался Финскій заливъ, а, быть можетъ, и все Балтійское море. Городъ „Леденецъ", откуда пріѣхалъ Соловей, — это древній эстскій замокъ Линданисса, на мѣстѣ котораго впослѣдствіи былъ построенъ Ревель. „Веденецкая земля", повидимому, есть искаженіе другого названія—Леденецкая земля.

По старинамъ Соловей пріѣзжаетъ въ Кіевъ къ князю Владиміру. Но попасть на корабляхъ изъ Вирянскаго моря въ Кіевъ фактически невозможно. Надо поэтому предполагать, что на самомъ дѣлѣ цѣлью поѣздки былъ не Кіевъ, а Новгородъ, знатная невѣста не племянница кіевскаго князя Владимира,

а какая-нибудь дѣвица изъ знатнаго боярскаго рода. Что это такъ, доказывается цѣлымъ рядомъ соображеній, вытекающихъ изъ сопоставленія старинъ о Соловьѣ Будимировичѣ со старинами чисто новгородскими — о Садкѣ и Василіи Буслаевичѣ.

Соловей—умѣетъ играть на гусляхъ и своею игрою очаровываетъ Запаву; искуснымъ гусляромъ изображается и Садко. Соловей, какъ и Садко, владѣлецъ кораблей съ дорогими товарами и даже имѣетъ прикосновеніе къ торговымъ дѣламъ, такъ какъ платитъ пошлины.

Въ старинахъ о Василіи Буслаевичѣ фигурируетъ типъ вліятельной матери-вдовы, которая одна только въ состояніи укротить буйнаго сына; такой же типъ властной матери, пользующейся большимъ уваженіемъ сына, является мать Соловья.

У Соловья тридцать кораблей съ товарами, причемъ наилучшимъ является корабль самого хозяина; тоже самое и у Садка. Описывая украшенія корабля, авторы перечисляютъ тѣ пушныя богатства, которыми славился Новгородъ.

Авторы старинъ о Соловьѣ обнаруживаютъ знакомство съ морскимъ дѣломъ и его терминологіей: щупанье лудъ, повитерь (попутный вѣтеръ), коржинья (пропуски для скрѣпы судна), мачты, паруса, кодолы (снасти), реи, сходни, якоря и пр.— всѣ эти подробности морского дѣла, оснастки корабля и прочее могли быть знакомы только пѣвцамъ, жившимъ въ странѣ, ведущей морскую торговлю.

Дружина Соловья вполнѣ напоминаетъ дружину Садка: какъ въ старинахъ о Садкѣ дружина безпрекословно исполняетъ всѣ приказанія хозяина, такъ и дружина Соловья исполняетъ даваемыя приказанія: поднимаетъ паруса, щупаетъ луды, бросаетъ якори, спускаетъ сходни, строитъ терема въ саду Запавы.

Описывая игру Соловья, пѣвцы упоминаютъ „тонци“ изъ Новагорода, что также служитъ лишнимъ доказательствомъ новгородскаго происхожденія старинъ о Соловьѣ.

Сложившись на новгородской почвѣ, старины о Соловьѣ имѣютъ связь съ иностранными повѣстями такого же содержанія. Такова, напр., „Повѣсть о Василіи королевичѣ Златовласомъ Чешскія земли“. Содержаніе повѣсти таково.

Сынъ чешскаго короля Мечислава, Василій Златовласый, ища себѣ невѣсты, „подобну себѣ красотою и мудростію“, разспрашиваетъ объ этомъ купцовъ, которые ѣздятъ по мно-

гимъ землямъ, царствамъ и королевствамъ. Купецъ Василій сообщаетъ, что такая невѣста есть: это — прекрасная Полиместра, дочь французскаго короля Карлуса. Василій посылаетъ къ ней „поклисарей“ (сватовъ) съ подарками. Предложеніе королевича изъ ничтожнаго королевства, привело Полиместру въ сильный гнѣвъ. Въ отвѣтъ она сказала: „не тертъ-де калачъ, не мятъ-де не ремень, не тотъ-де сапогъ, не въ ту-де ногу обутъ: садится лычко къ ремяшку лицомъ; понять де (взять) хочетъ смердовъ сынъ кралевскую дщерь: никогда-де того не будетъ, еже смердову сыну кралевскую дщерь понять“. Получивъ такой отвѣтъ, Василій рѣшилъ дѣйствовать иначе, такъ, чтобы отомстить Полиместрѣ за свое безчестіе и все-таки на ней жениться. Василій снарядилъ корабль и нагрузилъ его великими дарами и всякими драгоцѣнностями. На корабль онъ взялъ 30 „отроковъ доброродныхъ, сенаторскихъ и рыцарскихъ“, которые были переодѣты въ матросскіе костюмы. Во главѣ корабля королевичъ поставилъ своего тезку купца Василія, а себя „учини гостю Василію рабомъ“. Взявъ благословеніе у отца и матери, королевичъ поѣхалъ на кораблѣ во Францію. По пріѣздѣ въ столицу Франціи гость Василій преподнесъ королю Карлусу великіе подарки. Король оказалъ гостю Василію большіе знаки вниманія и посадилъ его съ собою за столъ. Въ это время королевичъ Василій, оставшійся на кораблѣ, „началъ въ гусли играти отъ премудрости своея зѣло дивно, яко никто отъ человѣкъ юныхъ тако не умѣетъ играти; и какъ заигра въ гусли, то вся во градѣ и на дворѣ кралевскомъ танцовать стали“. Король узнаетъ, что дивный музыкантъ — „рабъ“ гостя Василія, и выражаетъ желаніе, чтобы музыкантъ пришелъ во дворецъ. Музыкантъ является. При первой его игрѣ всѣ присутствовавшіе во дворѣ стали плясать; при второй игрѣ плясавшіе уснули. Является Полиместра, любовавшаяся на него изъ другого покоя. Королевичъ—въ восхищеніи отъ красоты ея. Полиместра проситъ его еще поиграть. Онъ исполняетъ просьбу, и уснувшіе пробуждаются. Король покупаетъ у гостя Василія чудеснаго музыканта. По прошествіи нѣкотораго времени королевичъ проситъ короля отвести ему мѣстечко близъ дворца, гдѣ бы онъ построилъ себѣ „дворенцо“, чтобы можно было скоро являться къ королю по его зову. Король соглашается. Королевичъ быстро построилъ каменныя палаты, оказавшіяся прекраснѣе палатъ

Карлуса. Особенно прекрасна была спальня, сдѣланная изъ зеркальныхъ стеколъ. Молва о красотѣ палатъ королевича возбудила любопытство въ Полиместрѣ. Однажды, когда королевичъ уходилъ изъ дворца Карлуса, Полиместра, переодѣвшись въ костюмъ служанки, понесла за нимъ гусли и вошла въ его палаты. Василій показалъ ей палаты и повелъ ее въ свою спальню. Заперевъ спальню, Василій раздѣлъ Полиместру донага и принялся бить ее нагайкой, приговаривая: „Вотъ тебѣ не тертъ калачъ, не мятъ не ремень..., а нынѣ-де кралевская дочь и сама къ смердову сыну пришла!“ Полиместра догадалась, что чудный музыкантъ это—Василій Златовласый. Испугавшись его мести, она стала умолять Василія о прощеніи, прося его пощадить ее. Василій остался непреклоннымъ и довелъ свою месть до конца. Отомстивъ Полиместрѣ, Василій вернулся на родину. Король Карлусъ, узнавъ о происшедшемъ, послалъ къ Василію сватовъ, прося его жениться на его дочери. Василій два раза отвергалъ сватовство. Только въ третій разъ онъ даетъ свое согласіе и женится на Полиместрѣ.

Между этой повѣстью и старинами о Соловьѣ Будимировичѣ есть нѣкоторое сходство: 1) Соловей пріѣзжаетъ къ Владимиру на кораблѣ съ дружиной и подарками; Василій пріѣзжаетъ къ Карлусу тоже на кораблѣ съ 30 своими подчиненными и съ подарками; 2) Василій, какъ и Соловей, мастеръ играть на гусляхъ; 3) Василій, какъ и Соловей, строитъ чудныя палаты возлѣ дворца короля; 4) Запава приходитъ въ теремъ къ Соловью и, по нѣкоторымъ старинамъ, сватается сама за него, что Соловью очень не нравится и что заставляетъ его уѣхать изъ Кіева; Полиместра также входитъ въ палаты Василія, который мститъ ей за свое униженіе и уѣзжаетъ на родину; 5) и повѣсть и старины заканчиваются свадьбой.

Сходство повѣсти въ нѣкоторыхъ пунктахъ съ старинами о Соловьѣ заставляетъ предполагать, что въ Новгородѣ извѣстенъ былъ по занесеннымъ сюда западно-европейскимъ повѣстямъ сюжетъ о сватовствѣ богатаго, красиваго, мудраго и искуснаго въ игрѣ на гусляхъ иностранца на княжеской или королевской дочери.

Хотѣнъ Блудовичъ.

67. Старины о Хотѣнѣ Блудовичѣ. На пиру у князя Владимира находились двѣ честныя вдовы: одна жена Часовая

(т.-е. вдова Часа), а другая — Блудова жена (вдова Блуда). Обѣ вдовы были изъ дворянскихъ фамилій. Блудова жена налила чару сладкаго меду, подошла къ вдовѣ Часовой, поднесла чару и стала сватать за своего сына, Хотѣна Блудовича, дочь Часовой — Чайну. Разсердилась Часовая на Блудову, плеснула ей въ очи медъ, облила ей шубу камчатную и стала ее позорить: „Какъ твой былъ мужище-то Блудище блудъ блудилъ (проказничалъ) по Новугороду; а сынище-то твой—уродище: ѣздитъ по городу, уродуетъ со своимъ паробкомъ любимымъ, ищетъ бобоваго зернышка, а гдѣ бы то Хотѣну обѣдъ снарядить". Часовая стала хвастать затворническою жизнью своей дочери и своими молодцами девятью сыновьями, которые ѣздятъ по чистому полю: „Полонятъ они Хотѣнку въ чистомъ полѣ и привяжутъ ко стремени сѣдяльному, и привезутъ Хотѣнку ко мнѣ на лицо: захочу — его кладу въ повары; захочу—кладу его въ конюхи, захочу—продамъ на боярскій дворъ".

Опозоренная вдова Блудова возвращается домой и разсказываетъ сыну о происшедшемъ. Хотѣнъ рѣшилъ отомстить за мать. Взявъ съ собой паробка любимаго, Хотѣнъ направился къ терему, гдѣ сидѣла Чайна Часовична, и такъ хватилъ палицей булатной по терему, что сломалъ ворота, обилъ верхушку, развалилъ печь и разбилъ окна. Сдѣлавъ это, Хотѣнъ самъ сталъ сватать Чайну, угрожая, въ случаѣ отказа, силой взять ее и выдать за своего паробка. Напугавъ Чайну, Хотѣнъ отъѣхалъ въ поле, разставилъ шатеръ и, велѣвъ паробку разбудить его, когда явятся братья Чайны, легъ спать. Когда явились въ поле братья Чайны, паробокъ рѣшилъ самъ справиться съ ними: первыхъ трехъ братьевъ онъ конемъ потопталъ, другихъ трехъ перекололъ копьемъ, а остальныхъ трехъ взялъ въ плѣнъ.

Часовая насыпаетъ чашу краснаго золота, другую чистаго серебра, третью скатнаго жемчуга, идетъ къ князю Владимиру и проситъ у него великую воинскую силу, чтобы идти на Хотѣна. Хотѣнъ справляется и съ этой силой. Часовая, видя, что Хотѣнъ можетъ въ самомъ дѣлѣ отдать Чайну за паробка, проситъ Владимира назвать Чайну своей племянницей и убѣдить Хотѣна жениться на ней. Хотѣнъ на убѣжденія Владимира не сдается; онъ втыкаетъ среди княжескаго двора свое копье и требуетъ, чтобы Владимиръ (или Часовая) обсыпалъ

копье золотомъ и серебромъ до верхушки и отписалъ ему семь городовъ: тогда только онъ возьметъ Чайну замужъ. Старины о Хотѣнѣ кончаются его бракомъ съ Чайной.

68. Комментаріи къ старинамъ о Хотѣнѣ Блудовичѣ. Старины о Хотѣнѣ Блудовичѣ носятъ явные слѣды новгородскаго происхожденія.

Во-первыхъ, въ нихъ выведены двѣ вдовы. Матера-вдова— образъ, характерный въ новгородскомъ поэтическомъ творчествѣ, что доказывается былинами о Василіи Буслаевичѣ. Часовая, одна изъ вдовъ, выведенныхъ въ старинахъ о Хотѣнѣ, гордится своею родовитостью, и сватовство Блудовой вдовы оскорбляетъ ее. Часовая — капиталистка-банкирша, и когда Хотѣнъ сталъ угрожать ей, она, по нѣкоторымъ старинамъ, „бросалась въ сундуки окованые, вымала вѣдь записи крѣпкія, по которымъ были денежки раздаваны, собрала мужиковъ своихъ должниковъ: а вы, мужики, мои должники, убейте Хотѣя во чистомъ поли, во всѣхъ-то васъ денежкахъ Господь проститъ!“ Сильная, вліятельная, знатная мать-вдова, банкирскій капиталъ, наемная дружина — это черты новгородской жизни XIII—XV вв. Другая вдова менѣе знатна и богата, но принадлежитъ тоже къ боярскому роду. Она пользуется глубокимъ уваженіемъ своего сына Хотѣна, мстящаго за ея оскорбленіе. По нѣкоторымъ старинамъ, Хотѣнъ, приведя къ матери Чайну, говоритъ ей: „Свѣтъ государыня, моя матушка! Эту насмѣшку ты ей отсмѣйся, и втрое ты, вдвое и впятеро, хоть въ портомойницы клади, хоть въ бѣломойницы“.

Во-вторыхъ, Хотѣнъ нѣкоторыми своими чертами напоминаетъ Василія Буслаевича: это — буйный бояринъ-молодецъ, также уродующій по городу людей, какъ и Василій. Онъ ѣздилъ со своимъ любимымъ паробкомъ, который въ нѣкоторыхъ старинахъ называется Панюточкой, что напоминаетъ одного изъ дружинниковъ Василія — Потанюшку. Онъ избиваетъ сыновей Часовой, прогоняетъ княжеское войско или мужиковъ-должниковъ Часовой.

Въ-третьихъ, князь Владиміръ играетъ въ этихъ старинахъ такую же ничтожную роль, какъ и въ старинахъ о Чурилѣ (кн. 1-ая, § 229): на пиру у Владимира одна вдова оскорбляетъ другую, и Владиміръ не заступается за оскорбленную; Хотѣнъ насильничаетъ надъ жителями города, и Владиміръ никакихъ мѣръ не принимаетъ противъ него; Хотѣнъ разби-

ваетъ теремъ Часовой, перебиваетъ однихъ ея сыновей, беретъ въ плѣнъ другихъ, разгоняетъ войско, посланное княземъ, заставляетъ князя обсыпать его копье золотомъ и т. д., — очевидно, это такія отношенія къ князю, которыя могли быть только въ Новгородѣ.

Въ-четвертыхъ, въ старинахъ о Хотѣнѣ сохранились указанія на Новгородъ, какъ на мѣсто дѣйствія сюжета. Такъ, Часовая, смѣясь надъ Блудовой, говоритъ, что Блудище блудъ блудилъ по Новгороду; поручая паробку наблюдать за появленіемъ сыновей Часовой, Хотѣнъ говоритъ ему: „стой-ко, паробокъ, ко Новугороду...“; въ нѣкоторыхъ старинахъ пиръ происходитъ не у Владимира, а у неизвѣстнаго лица: а въ одной старинѣ не упомянуты ни Владимиръ, ни Кіевъ.

Изъ всѣхъ этихъ соображеній видно, что старины о Хотѣнѣ, сложившись на новгородской почвѣ, сохранили живые слѣды своего происхожденія, несмотря на то, что были вовлечены въ циклъ кіевскихъ старинъ.

Въ старинахъ о Хотѣнѣ обращаютъ на себя вниманіе имена Хотѣнъ и Чайна. Хотѣнъ—одно изъ распространенныхъ въ древней Руси именъ — происходитъ отъ слова „хотѣть“. Пѣвцы, вѣроятно, съ намѣреніемъ дали своему герою такое имя, съ цѣлью отмѣтить, что герой былъ единственнымъ, желаннымъ сыномъ Блудовой, или что герой обладалъ сильной волей. Чайна происходитъ отъ слова чаять (Чаяна). Пѣвцы, вѣроятно, такимъ именемъ хотѣли обозначить, что Чайна была единственной „чаянной“ дочкой Часовой. Отчество Блудовичъ находится въ связи съ глаголомъ „блудить“. Оно дано Хотѣну пѣвцами, вѣроятно, тоже съ намѣреніемъ, съ цѣлью отмѣтить то, что герой бродилъ по городу и „уродовалъ“ людей.

Старины о Хотѣнѣ изображаютъ вполнѣ возможный въ Новгородѣ скандалъ, происшедшій на пиру въ княжескомъ или боярскомъ домѣ между двумя честными вдовами, и его послѣдствія. Сватанье дочери знатной и богатой вдовы вдовой „нищетнаго рода“, оскорбительный отказъ, расправа отвергнутаго жениха съ родными невѣсты, униженіе гордой и богатой вдовы, ея хлопоты о томъ, чтобы отвергнутый женихъ взялъ ея дочь,—все это ставитъ старины о Хотѣнѣ въ связь съ сюжетомъ, разработаннымъ въ повѣсти о Василіи Златовласомъ (§ 66).

Иванъ Гостиный сынъ.

69. Старины объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ. Съ именемъ Ивана Гостинаго сына связаны два сюжета: 1) продажа Ивана Гостинаго сына матерью и 2) состязаніе Ивана въ конской скачкѣ.

1) Продажа Ивана матерью. Отъ умнаго батюшки и разумной матушки зародилось чадо неразумное по имени Иванушка Гостиный сынъ. По смерти отца Иванушки его мать честная вдова отправляетъ сына за сине море торговать и наказываетъ ему не ходить по кабакамъ, не водиться съ женщинами и съ голями кабацкими. Поѣхалъ Иванъ съ товарами на корабляхъ за море и нарушилъ наставленіе матери: Иванушка „пропилъ, прогулялъ все отцовское имѣніе, и всѣ промоталъ товары заморскіе и отдалъ въ закладъ черны корабли“.

Узнавъ о поведеніи сына, мать поѣхала за-границу и нашла его въ кабакѣ, гдѣ онъ пилъ зелено вино. Мать со слезами бьетъ челомъ сыну, беретъ его за руки, ведетъ его къ корабельной пристани и обращается къ купцамъ-заморянамъ съ просьбой купить ея сына за 500 р. Иванушка повышаетъ цѣну и проситъ купцовъ не пожалѣть цѣлой тысячи рублей, чтобы не дать его матери скитаться до гробовой доски. Купцы покупаютъ Иванушку, и мать съ сыномъ прощаются.

2) Состязаніе Иванушки. На пиру князь Владимиръ предлагаетъ желающимъ состязаться въ скачкѣ съ его 300 жеребцами и особенно съ тремя изъ нихъ: сивымъ жеребцомъ, жеребцомъ-кологривомъ и воронкомъ изъ Золотой Орды, полоненнымъ Ильей Муромцемъ у Тугарина Змѣевича. Условіе такое: проскакать разстояніе отъ Кіева до Чернигова „промежъ обѣдней и заутренею“. Сначала никто не рѣшается принять предложеніе Владимира. Наконецъ, вызывается Иванушка Гостиный сынъ. Онъ бьется объ закладъ, „не о стѣ рубляхъ, не о тысячѣ, о своей буйной головѣ“. За Владимира держатъ поруки крѣпкія всѣ присутствовавшіе на пиру князья, бояре и гости-корабельщики, кладутъ закладъ на сто тысячей. За Ивана никто поруки не держитъ, кромѣ владыки Черниговскаго, который держитъ поруку на сто тысячъ рублей. Пари скрѣпили письменнымъ актомъ.

Вернувшись домой, Иванушка испугался заклада, побѣжалъ на конюшню, палъ своему бурушкѣ косматушкѣ-троелѣточкѣ въ правое копыточко и сталъ съ плачемъ разсказывать ему о закладѣ. Бурушка заговорилъ человѣческимъ голосомъ, увѣряя Иванушку, что не боится состязанія ни съ сивымъ жеребцомъ, ни съ кологривомъ, ни съ воронкомъ. „Только меня води по три зари, медвяною сытою пои и сорочинскимъ пшеномъ корми. И пройдутъ тѣ дни срочные и тѣ часы урочные, придетъ отъ князя грозенъ посолъ по тебя то Ивана Гостинаго, чтобы бѣгати-скакати на добрыхъ коняхъ,—не сѣдлай ты меня, Иванъ, добра коня, только берись за шелковъ поводокъ, поведешь по двору княженецкому, вздѣнь на себя шубу соболиную, да котора шуба въ три тысячи, пуговки въ пять тысячей. Поведешь по двору княженецкому, а стану де я, бурка, передомъ ходить, копытами за шубу посапывати и по черному соболю выхватывати, на всѣ стороны побрасывати, князи-бояра подивуются. И ты будешь живъ, шубу наживешь, а не будешь живъ,—будто нашивалъ“.

Такъ Иванушка и сдѣлалъ. Бурушка вырывалъ изъ шубы копытами по соболю, рявкалъ по туриному и шипѣлъ по змѣиному. Триста жеребцовъ испугались и разбѣжались; сивъ жеребецъ сломалъ себѣ двѣ ноги, кологривъ-жеребецъ сломилъ себѣ голову, воронко убѣжалъ въ Орду. Князи-бояре испугались, а купеческіе люди окарачь поползли. Опечалился Владимиръ и закричалъ Ивану, чтобы онъ увелъ своего урода домой, и что битье объ закладъ считаетъ онъ недѣйствительнымъ. Но за Ивана заступился владыка Черниговскій; онъ велѣлъ захватить на Днѣпрѣ три корабля съ заморскими товарами, говоря: „А князи де и бояра никуда отъ насъ не уйдутъ“. Такъ Иванушкѣ удалось и отъ состязанія уклониться и закладъ выиграть.

70. Комментаріи къ старинамъ объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ. Оба сюжета касаются лица, носящаго имя Ивана Гостинаго сына. Въ старинахъ съ обоими сюжетами отражается бытъ торговой страны. Но объ одномъ ли и томъ же лицѣ трактуютъ оба сюжета, или о разныхъ, трудно рѣшить. Поэтому удобнѣе оба сюжета и связанныя съ ними старины разсматривать отдѣльно.

1) Продажа Ивана матерью. Въ старинахъ съ этимъ сюжетомъ Иванушка выступаетъ, какъ типъ богатаго купеческаго

сынка, промотавшаго въ компаніи собутыльниковъ и женщинъ товары и материнскій капиталъ. Въ нихъ отражается бытъ новгородской жизни: сынъ купца, прокутившій за границей товары, его мать, напоминающая типъ властной честной вдовы новгородской, продажа сына заморскимъ купцамъ (факты такого рода отмѣчены въ новгородскихъ лѣтописяхъ), повышеніе сыномъ цѣны, запрошенной матерью, – все это черты торговой страны, каковой у насъ былъ Новгородъ.

2) **Состязаніе Иванушки**. Въ старинахъ, изображающихъ состязаніе Иванушки, послѣдній выступаетъ, какъ типъ купца-хвастуна, обманомъ выпутывающагося изъ затруднительнаго положенія. Рядъ подробностей въ этихъ старинахъ показываетъ, что онѣ сложились въ Новгородѣ. Коня своего Иванушка пріобрѣлъ за моремъ, заплатилъ за него 500 р., а съ пошлиной и провозомъ онъ сталъ въ тысячу рублей — черта новгородская: новгородскія лошади, какъ извѣстно (кн. 1-ая, § 229, кн. 2-ая, § 6), были плохой породы, а иностранныя лошади („латинскіе жеребцы") цѣнились дорого. Далѣе, Иванушка щеголяетъ своей шубой соболиной въ три тысячи съ дорогими пуговицами въ пять тысячъ, напоминая этимъ Чурилу. Изъ хвастовства Иванушка побился объ закладъ проѣхать между заутреней и обѣдней разстояніе отъ Кіева до Чернигова, напоминая этимъ отчасти неудачное состязаніе Чурилы съ Дюкомъ (кн. 1-ая, § 230), отчасти хвастовство Садка, державшаго пари о томъ, что скупитъ всѣ товары новгородскіе. Къ чертамъ новгородской жизни принадлежитъ заключеніе письменнаго договора между состязателями. Но особенно любопытна роль „Черниговскаго" владыки, подъ которымъ, очевидно, надо разумѣть владыку новгородскаго съ его обширной властью (§ 13): новгородскій владыка держитъ поруку за Иванушку, а когда князь Владиміръ, напуганный конемъ Иванушки, объявляетъ договоръ несостоявшимся, владыка конфискуетъ три корабля съ заморскими товарами, говоря, что князья и бояре никуда „отъ насъ" не уйдутъ; владыка принимаетъ сторону Иванушки не смотря на то, что Иванушка даже и не принимался за состязаніе. Очевидно, принять сторону Иванушки Гостинаго сына противъ князя и бояръ могъ только свой человѣкъ, владыка новгородскій.

Изъ всего этого можно заключить, что старины объ Иванѣ

Гостиномъ сынѣ сложились въ Новгородѣ и лишь впослѣдствіи попали въ репертуаръ старинъ кіевскаго цикла.

Василій Окульевичъ.

71. Старины о Василіи Окульевичѣ. У прекраснаго цареградскаго царя (царя Кудреянскаго царства) Василія Окульевича пиръ. Во время пиршества царь вспомнилъ, что у него нѣтъ жены, и началъ спрашивать пирующихъ, не знаетъ ли кто такой невѣсты, которая и лицомъ была бы красива и чтобы рѣчь ея была „умильной пословицей". Гость Ивашко Торокашко Заморянинъ указываетъ на Соломонію, жену Соломона, какъ на такую, которая понравилась бы царю, и берется доставить ее ему. Василій Окульевичъ снарядилъ Ивашкѣ Торокашкѣ три корабля черленые: у кораблей носы-кормы взведены по звѣриному, бока — по змѣиному. Опушилъ Василій корабли лисицами, куницами заморскими, нагрузилъ ихъ товарами и драгоцѣнными камнями. На каждомъ кораблѣ поставлено было по кипарисному дереву; на деревѣ были птицы райскія, которыя пѣли пѣсни райскія. Была на кораблѣ кровать слоновыхъ костей, а у изголовья чудесныя гусли, которыя сами гудѣли, сами вели тонцы Царяграда, утѣхи Іерусалима, „отпѣвали умъ-разумъ во буйной головы".

Пріѣхалъ Ивашко въ Іерусалимъ, принесъ Соломоніи богатые подарки и пригласилъ ее придти на корабли посмотрѣть на заморскіе товары. Соломонія пришла. Ивашка напоилъ ее сонными заморскими напитками и увезъ къ Василію Окульевичу. По прошествіи нѣкотораго времени Соломонія свыкается со своимъ новымъ мужемъ.

Между тѣмъ Соломонъ предпринялъ цѣлую экспедицію за женой. Явившись съ войсками во владѣнія Василія Окульевича, Соломонъ спряталъ войско, велѣвъ ему явиться по первому призыву, а самъ, переодѣвшись каликой, отправился во дворецъ Василія. Соломонія узнаетъ своего мужа и выдаетъ его Василію. Василій приказываетъ схватить его и повѣсить. Соломонъ примиряется со своею участью, но проситъ позволить ему передъ смертью потѣшить себя турьимъ рогомъ. Василій позволяетъ. Едва Соломонъ заигралъ, какъ явилось его войско. Соломонъ схватываетъ Василія, свою бывшую жену и Ивашку Торокашку и всѣхъ вѣшаетъ на висѣлицѣ, приготовленной для него.

Нѣкоторыми своими эпизодами эта старина напоминаетъ старины о Соловьѣ Будимировичѣ и повѣсть о Василіи Златовласомъ. Таковъ эпизодъ о снаряженіи кораблей и о поѣздкѣ Ивашки на корабляхъ къ Соломоніи. Это заставляетъ предполагать, что и старины о Василіи Окульевичѣ сложились въ Новгородѣ.

Въ основу этихъ старинъ легъ апокрифическій разсказъ о Соломонѣ и его женѣ. На пиру у царя Пора гость Паша сообщаетъ своему хозяину о красотѣ и добротѣ жены Соломона. Одинъ бояринъ, другъ царя Пора, рѣшается добыть жену Соломона для Пора. Онъ снарядилъ корабль „всякою красотою“: построилъ на кормѣ „зѣло красенъ чердакъ“, на которомъ изобразилъ портретъ своего царя, „сотвори небо надъ верхомъ корабля, и сотвори мѣсецъ и звѣзды и противу ихъ постави стекла хрустальныя, и бысть свѣтлость велія; и дивляхуся людіе красотѣ кораблю тому и хваляху зѣло“. Бояринъ съ Пашей отправились къ царству Соломона. Жена Соломона, услышавъ о красотѣ корабля, пошла на корабль. Соломона въ это время не было въ Іерусалимѣ. Бояринъ съ Пашей показали ей всѣ красоты корабля и портретъ Пора. Портретъ поразилъ жену Соломона, и она захотѣла увидѣть самого царя. Бояринъ съ Пашей взялись устроить это. Они дали ей соннаго зелія, отъ котораго она должна впасть въ каталепсію; ее примутъ за умершую и похоронятъ: тогда они возьмутъ ея тѣло и повезутъ къ Пору. Она такъ и сдѣлала. Бояринъ съ Пашей похитили ея тѣло и повезли къ Пору. Соломонъ, догадавшись, что жена перехитрила его, рѣшился отыскать ее и наказать. Онъ собралъ множество кораблей, войска и поѣхалъ къ царству Пора. Пріѣхавъ сюда, онъ спряталъ въ надежномъ мѣстѣ на берегу моря войска, приказавъ немедленно явиться послѣ троекратнаго сигнала черезъ рожокъ, а самъ, надѣвъ нищенскую одежду, направился во дворецъ царя. Царя Пора не было во дворцѣ. Царица сразу узнала своего прежняго мужа и велѣла сковать его. Когда Поръ явился, царица сообщила ему о происшедшемъ и посовѣтовала быстро покончить съ нимъ, иначе Соломонъ перехитритъ его. Поръ, однако, пустился съ Соломономъ въ разсужденія. Соломонъ посовѣтовалъ Пору построить висѣлицу на берегу моря и тамъ повѣсить его. Поръ послѣдовалъ этому совѣту и повезъ къ висѣлицѣ Соломона. Взбираясь на эша-

фотъ, Соломонъ попросилъ дать ему передъ смертью рогъ съ медомъ. Соломонъ выпилъ медъ и затрубилъ въ рогъ. Три раза дѣлалъ это Соломонъ. Неожиданно появилось войско Соломона, которое принялось избивать воиновъ Пора. Соломонъ схватилъ Пора, его совѣтниковъ и жену, Пора и совѣтниковъ повѣсилъ, а жену предалъ лютой казни.

Новгородская письменность.

72. Дѣленіе новгородской письменности. Къ новгородской письменности удѣльно-феодальной эпохи относятся слѣдующія произведенія: 1) новгородскія лѣтописи, 2) „Бесѣда о святыняхъ Царьграда", 3) Посланіе архіепископа Василія объ адѣ и раѣ, 4) „Странникъ" Стефана Новгородца и 5) сказанія и житія.

Новгородскія лѣтописи.

73. О новгородскихъ лѣтописяхъ. Лѣтописное дѣло въ Новгородско-Псковской Руси достигло высокой степени развитія. Но многочисленныя новгородскія и псковскія лѣтописи дошли до насъ въ позднѣйшихъ сборникахъ московскаго происхожденія, редакторы которыхъ допустили много измѣненій, передѣлокъ и дополненій. Эти сборники суть слѣдующіе: первая, вторая, третья и четвертая новгородскія лѣтописи, двѣ псковскія, двѣ софійскія, тверскія и др. Эти лѣтописи продолжаютъ сохранять въ изложеніи краткость и сжатость, столь характерныя для перваго лѣтописнаго новгородскаго свода (кн. 1-ая, § 318). Содержаніе ихъ состоитъ большею частью изъ извѣстій общественно-политическаго характера. Въ связи съ этимъ не трудно замѣтить проявленіе опредѣленныхъ политическихъ симпатій или антипатій авторовъ лѣтописей. Изученіе четырехъ новгородскихъ лѣтописей вскрываетъ чрезвычайную въ этомъ отношеніи пестроту. Извѣстія, помѣщенныя подъ 1201—1209 гг., проникнуты аристократической тенденціей: изгнаніе князя Ярослава Всеволодовича, который былъ избранъ аристократической партіей, вызываетъ у лѣтописца такое замѣчаніе: „и жяляху по немъ въ Новгородѣ добріи, а зліи радовахуся"; когда же

въ 1207 г. аристократамъ удалось снова пригласить Ярослава, лѣтописецъ замѣчаетъ: „добро все бысть“; разсказывая подъ 1209 г. о разграбленіи толпой имѣнія посадника Дмитра, представителя аристократической партіи, лѣтописецъ, видимо, не сочувствуетъ этому дѣлу. Съ 1210—1270 г. господствуетъ демократическая тенденція: авторъ выражаетъ сочувствіе князю Мстиславу Мстиславичу, избраннику демократической партіи въ разсказахъ о событіяхъ подъ 1210, 1214, 1215, 1218 гг.; разсказывая о столкновеніи между княземъ и руководителемъ демократической партіи Твердиславомъ, лѣтописецъ говоритъ: „Не хотя же дьяволъ добра роду крестьяньску и злии человѣчи, и вложи князю грѣхъ въ сердци, гнѣвъ до Твьрдислава, а безъ вины“; разсказывая подъ 1255 г. о борьбѣ аристократической партіи съ демократической, лѣтописецъ употребляетъ выраженія, живо рисующія его демократическія симпатіи: онъ говоритъ, что „бысть въ вятшихъ с(о)вѣтъ золъ, како побѣдити меншии, а князя въвести на своеі воли“; „и цѣловаша святую Богородицю меншиі, како стати всѣмъ, любо животъ, любо смерть, за правду новгородьскую, за свою отчину“; такимъ образомъ, совѣщаніе аристократіи о мѣрахъ противъ демократовъ представляется злымъ дѣломъ, а защита демократами своихъ интересовъ—стояніемъ за „правду новгородскую“; разсказъ объ изгнаніи Ярослава Ярославича въ 1270 г. проникнутъ сочувствіемъ автора обвиненіямъ, выставленнымъ противъ этого князя демократіей. Извѣстія XIV в. проникнуты аристократической тенденціей: подъ 1332 и 1337 гг. „меньшіи“ называются „крамольниками“; демократическая Софійская сторона дѣйствуетъ въ 1388 г. противъ посадника аристократической партіи Есипа Захарьинича „наважениемъ діаволимъ“. Въ XV в. опять видна демократическая тенденція: расправа аристократіи съ демократіей въ 1418 г. представляется лѣтописцу „научениемъ дияволимъ“; въ 1446 г. лѣтописецъ говоритъ, что „не бѣ въ Новѣгородѣ правдѣ и суда, и бѣ кричъ и рыдание и вопль, и клятва на старѣйшины наши“. Разсказъ о паденіи Новгорода проникнутъ въ Софійской 2-ой лѣтописи аристократическими симпатіями.

Такимъ же характеромъ отличаются и псковскія лѣтописи.

Бесѣда о святыняхъ Царьграда.

(1321 — 1323).

74. Бесѣда о святыняхъ Царьграда. „Бесѣда о святыняхъ Царьграда“ представляетъ діалогъ между царемъ неизвѣстной, повидимому, восточной страны и епископомъ Венединскимъ (?) или Ренедійскимъ (?). Царь обращается къ епископу съ просьбой описать ему святыни Царьграда. Епископъ обстоятельно описываетъ ему святыни, а также выдающіеся предметы византійскаго искусства и сообщаетъ сказанія, легенды и вѣрованія, связанныя съ ними, и кромѣ того полуисторическія, полулегендарныя преданія изъ временъ владычества латинянъ въ Византіи.

Въ началѣ своего описанія епископъ разсказываетъ царю о видѣніи, которое произошло съ нимъ, когда онъ жилъ въ монастырѣ св. Андрея Юродиваго. Епископъ отправился изъ монастыря на рынокъ „продаяти рукодѣлія“ своего. Это было въ томъ году, когда строили стѣну св. Софіи, рухнувшую отъ землетрясенія. Вдругъ епископъ увидѣлъ страшнаго юношу, который велѣлъ ему идти къ царю Роману и сказать ему, чтобы онъ распорядился поскорѣе „свершити церковъ сию святую Софѣю, да язъ буду стражъ ея и мѣсту сему“. Страшный юноша оказался архистратигомъ Михаиломъ. Епископъ повиновался. Разсказавъ о своемъ видѣніи съ цѣлью убѣдить царя въ томъ, что св. Софія и Царьградъ находятся подъ особымъ покровительствомъ высшихъ силъ „до второго пришествія Христова“, епископъ переходитъ къ описанію самой св. Софіи и находящихся въ ней святынь. Онъ упоминаетъ дверь „Ноева ковчега“, „чепь“ желѣзную, „юже ношаше Павелъ апостолъ“, Животворящій Крестъ, „на коемъ распяша жидове Господа нашего Исуса Христа“, „столбецъ, на коемъ сидѣлъ Христосъ, съ самарянынею бесѣдуя“, „трапезу Авраамлю, на ней же Авраамъ обѣдъ устрои передъ тою Троицею“, икону Богородицы, которая „посылала мастеры на Киевъ ставить церковь въ Печерѣ ко святому Антонию и Феодосию *); та же икона плакала, коли фрязи взяли Царьградъ и держали 62 лѣта **),

*) По „Кіевопечерскому Патерику“ (кн. 1-ая, § 299) эта икона находилась во Влахернскомъ храмѣ.

**) Неточно: латинское господство было отъ 1204—1261.

но вѣры ради не мучили никогоже, и пришедши предъ икону сию, имаша (взяли) слезы ея и запечаташа въ рачице златѣ па выделѣ стенномъ ту же предъ иконою, а самыхъ фрязъ много крестися; и пришедъ калимохъ изъ Аравия, изгна фрязы, а градъ предася Настасу царю *); и тые слезы сседошася, аки жемъчюгъ и до сего дни; тая же икона многіи целитъ больныхъ".

Отъ св. Софіи авторъ переходитъ къ памятнику Юстиніана, который онъ описываетъ такъ: „Исходя изъ церкви святыя Софѣи полуденными дверми, по правои руки есть столпъ каменъ высокъ; на столпѣ томъ стоитъ Пустиниянъ царь весь мѣдянъ на конѣ, и конь мѣдянъ; держитъ въ руцѣ яблоко мѣдяно велие, поднялъ бо бѣ на землю Срачинску (Сарацинскую), а въ правой руцѣ ему крестъ; а предъ нимъ 3 столпы камены, а на столпахъ 3 цари поганіи, всѣ слѣпи мѣдяны (сдѣланы изъ мѣди), аки живы стоятъ, преклониша колѣни свои Іустинияну царю и предающе грады своя въ руцѣ ему".

Въ церкви св. Спаса есть чудотворная икона, отъ которой „недужнымъ бываетъ ісцеление: не бываетъ бо безъ чудеси праздникъ". Объ этой иконѣ епископъ передаетъ слѣдующее. Одинъ нечестивый царь приказалъ сокрушить икону. „Нѣкто" приставилъ лѣстницу и полѣзъ къ иконѣ. Явилась св. Ѳеодосія, которая сбросила поганаго съ лѣстницы, и поганый убился. Святую схватили, подвергли мукамъ и закололи козьимъ рогомъ. Тогда ангелы стали невидимо мучить нечестиваго царя: они приволокли его къ иконѣ и здѣсь били его до тѣхъ поръ, пока онъ не покаялся. Отпущенный царь пришелъ къ патріарху, разсказалъ ему объ всемъ и крестился.

Въ другой церкви передъ алтаремъ есть великій окованный ларецъ съ серебряными замками, а вверху ларца изваяно серебряное распятіе; въ этомъ ларцѣ Страсти Господни лежатъ. „Аще кто пріидетъ на поклонъ Страстьмъ Господнимъ до Великаго Четьверга, іли по Четьвергу пришедъ, поклоняетъся распятию Господню и целуетъ въ распятие и въ ларецъ, і приемлетъ греховъ отпущение".

---

*) „Настасомъ" (Анастасіемъ, по-гречески значитъ—„воскресеніе") авторъ называетъ Михаила Палеолога, а „калимохомъ" (калимахомъ, по-гречески—„доброборецъ")—его полководца—Алексѣя Стратигопуло. Обычай—щеголять греческими словами былъ вообще свойственъ нашимъ древнимъ писателямъ.

Въ монастырѣ „Лахерна“ лежатъ риза и поясъ Богородицы въ каменномъ ларцѣ. Въ одной фряжской церкви есть „распятіе Христово изваяно въ древе велми чюдно, аки живо суще, і гвоздие серебряно въ ногу и въ руку приковано; ту же и целъбы сицевы бываютъ: у ково зубы болятъ, и онъ имется за ножныя гвоздия, зубу приметъ здравие“. Въ монастырѣ Пантократарь Юстиніана хранятся „корчагъ, въ немже Христосъ воду въ вино претворилъ“ и „слѣзы святѣй Богородицы на дскѣ“. Подъ Спасомъ „есть святая вода межъ стены городныи и моремъ заключена, и тою водою умываютъце людие і пиютъ ея, и исцелѣние отъ нея бываетъ; ту близъ святыя воды въскрай моря есть песокъ, идѣже больніи погребаютъ ноги и избираютъ черви изъ носъ и изо всего телеси и здрави бываютъ“.

Близъ стѣны Константинова двора высоко надъ моремъ есть „мовница Костянтинова“; тамъ же царь Левъ „і воду возвелъ и корыто учини камено велико хитро и мудро, у негожъ корыта нищіи приходящіи мыяхутся, а во угли мовни тоя положъ бочку древяну велику, збиту обручи желѣзними, у неяже 7-мь гвоздь, да какову хто хочетъ воду, такову же и точитъ; а мзды не имаетъ ни у кого же мьющихся; на то же постави стражъ въ другомъ угли болванъ, аки человѣкъ каменъ, и лукъ мѣдянъ въ руцѣ его и стрела мѣдяна жъ, да аще кто у кого захочетъ взяти мзда, то онъ устрелитъ бочку, и не будетъ воды отъ нея. А возлѣ бочки устрои фонарь ограженъ стекломъ латыньскимъ, иже горяше день и нощъ непрестанно. Рекоша же нѣцыи, яко после Льва царя 300 лѣтъ бысть мовница сіи, мьяхутся въ ней, и не престаяше вода текущи изъ бочки тоя, и фонарь горяше, и егда фрязи начаша взимати мзду, тогда тои болванъ испусти стрѣлу и удари въ бочку, и бочка расзѣдеся и фонарь погаше, они же отроша (сломали) главу болвану тому; тѣмъ же многа фрязи истеряли (погубили) узорочья“ (драгоцѣнныхъ предметовъ).

По Великой улицѣ можно дойти до „Правосудовъ“, „яже сотворилъ Левъ царь Премудрый гораздно и хитро; какие людие и порты на нихъ латыньстіи, оба камены красного мрамору; и одинъ право судилъ о поклепе, а другіи о заиму и о торговляхъ і обо нихъ вѣщехъ,—да аще кого кто чѣмъ поклеплетъ, и онъ пришедъ да всыплетъ ему въ руку, и колько будетъ правыхъ кунъ, только і приметъ, а лишнего никако же

не приметъ, по летятъ куны мимо; а о торговляхъ такоже: стояти обѣма исцема (спорящимъ сторонамъ), руки вложивъ въ ротъ болвану тому, и кто будетъ виненъ, и онъ ошибетъ руки ему прочь; но и то фрязи попортили: единъ перебитъ на полы, а другому руки и ноги перебиты и носа сражено".

Ознакомившись по описаніямъ епископа со всѣми такими святынями и чудесными предметами, царь проникся желаніемъ самому совершить путешествіе по св. мѣстамъ: онъ вмѣстѣ съ паломниками посѣтилъ Іерусалимъ, Синай и Александрію.

Цѣль автора, повидимому, заключалась въ томъ, чтобы описаніемъ святынь Константинополя возбудить въ читателяхъ ревность къ паломничеству.

Начало „Бесѣды" утрачено. Поэтому подлинное заглавіе ея, а также имя автора неизвѣстны. Неизвѣстенъ также и годъ совершенія путешествія, изложеннаго въ оригинальной для русской литературы формѣ діалога. Анализъ содержанія „Бесѣды" позволяетъ придти къ нѣкоторымъ выводамъ о времени путешествія, національности и личности автора.

Путешествіе неизвѣстнаго автора не могло быть совершено раньше второй половины 1296 г. Это вытекаетъ изъ слѣдующаго. Всѣ русскіе паломники въ своихъ описаніяхъ святынь Царьграда упоминали и описывали одинъ изъ знаменитѣйшихъ храмовъ этого города — храмъ Святыхъ Апостоловъ. Авторъ „Бесѣды" совсѣмъ не упоминаетъ его. Очевидно, онъ его не посѣтилъ, и притомъ не по недостатку собственнаго желанія, а въ силу какой-то невозможности посѣтить его. Обратившись къ исторіи храма Святыхъ Апостоловъ, изслѣдователи нашли, что благодаря землетрясеніямъ, разразившимся въ Константинополѣ въ іюнѣ и іюлѣ 1296 г., между прочимъ, обрушился центральный куполъ храма Святыхъ Апостоловъ. Такимъ образомъ, этотъ храмъ съ 1296 г. закрылся для паломниковъ, и этимъ объясняется умолчаніе о немъ автора „Бесѣды".

Путешествіе автора не могло произойти позже 1328 г.: въ этомъ году храмъ Святыхъ Апостоловъ былъ окончательно возстановленъ.

Продолжая анализъ содержанія „Бесѣды", изслѣдователи отмѣтили данныя, позволившія съ точностью опредѣлить годъ путешествія автора. Всѣ наши паломники-калики упоминаютъ въ своихъ описаніяхъ имя современнаго имъ константинопольскаго патріарха, которому дѣлали визитъ и у котораго испра-

шивали благословенія. Авторъ „Бесѣды“, вопреки этому обычаю, не упоминаетъ имени современнаго его путешествію патріарха. Очевидно, авторъ сдѣлалъ это опять-таки не по собственной волѣ. Обратившись къ исторіи византійской церкви въ промежутокъ времени отъ 1296—1328 г., изслѣдователи нашли, что между 1321—1323 гг. Константинополь не имѣлъ патріарха, такъ что авторъ „Бесѣды“ лишенъ былъ возможности слѣдовать обычаю другихъ паломниковъ.

Изъ этихъ данныхъ можно вывести, что путешествіе автора „Бесѣды“ было совершено между 1321—1323 гг.

По своему происхожденію авторъ былъ новгородцемъ. Это доказывается слѣдующими данными. *Во-первыхъ*, авторъ употребляетъ слово „куны“. Это слово для обозначенія денежной единицы употреблялось въ Новгородско-Псковской Руси. *Во-вторыхъ*, въ изложеніи „Бесѣды“ обнаруживаются особенности новгородскаго нарѣчія: вмѣсто „цѣпь“ употребляется форма „чепь“, вмѣсто „тогда“—„тогода“, вмѣсто „и“—„ѣ“ (страннѣчество, позадѣ).

Опредѣленіе національности автора позволило сдѣлать вѣроятное предположеніе и объ его личности. Въ началѣ XIV в. совершилъ путешествіе въ Константинополь новгородскій священникъ Григорій, получившій на этомъ основаніи прозвище „Калѣка“. Вѣроятно, этому Григорію Калѣкѣ, впослѣдствіи архіепископу новгородскому Василію (§ 75), и принадлежитъ „Бесѣда“.

Посланіе арх. Василія

(1329 — 1352).

75. Посланіе архіепископа Василія о земномъ раѣ. Въ Тверской епархіи среди духовенства шелъ въ половинѣ XIV в. споръ о томъ, находится ли еще на землѣ рай. Тверской епископъ Ѳеодоръ утверждалъ, что рай, въ которомъ жили Адамъ и Ева, больше не существуетъ, и что теперь существуетъ только рай мысленный, духовный. Въ этотъ споръ вмѣшался и архіепископъ новгородскій Василій (1329—1352), изложившій свои воззрѣнія въ посланіи къ епископу Ѳеодору.

По мнѣнію Василія, и рай и адъ существуютъ на землѣ реально. Для подтвержденія своего мнѣнія Василій приводитъ слѣдующія доказательства.

Во-первыхъ, онъ ссылается на цѣлый рядъ данныхъ и мнѣній, существующихъ по этому вопросу въ византійско-болгарской литературѣ". Въ Писаніи нигдѣ не сказано, что рай погибъ; напротивъ, въ немъ говорится, что Спасъ обѣщалъ Адаму послѣ его раскаянія „паки внити въ рай"; въ „Прологѣ" (кн. 1-ая, § 92) прямо говорится, что архангелъ Михаилъ посадилъ Еноха въ раю; въ раю сидитъ св. Илья; св. Агапій ходилъ въ рай и взялъ часть хлѣба; св. Макарій жилъ въ двадцати поприщахъ отъ рая; св. Евфросинъ ходилъ въ рай, взялъ тамъ три яблока и принесъ ихъ своему игумену Василію; Христосъ, бесѣдуя о второмъ пришествіи, говоритъ въ Евангеліи „сущимъ одесную", что они унаслѣдуютъ царствіе, уготованнное имъ прежде сложенія міра, а „сущимъ ошуюю", что они отойдутъ въ уготованный имъ огнь вѣчный; а Іоаннъ Златоустъ объ этихъ двухъ мѣстахъ говоритъ: „Насади Богъ рай на востоцѣ, а на западѣ муки уготова; яко же бо въ царевѣ дворѣ утѣха и веселіе, а внѣ двора темница".

Во-вторыхъ, мѣсто святого рая находили въ своихъ морскихъ путешествіяхъ новгородцы; но простымъ людямъ не опредѣлено Богомъ видѣть рая, что видно изъ слѣдующаго разсказа Василія. „А то мѣсто святаго рая находилъ Моиславъ новгородецъ и сынъ его Іаковъ, и всѣхъ ихъ было три юмы (лодки), и едина отъ нихъ погибла, много блудивъ, а двѣ потомъ долго носило море вѣтромъ и принесло ихъ къ высокимъ горамъ. И видѣша, на горѣ той написанъ Дѣисусъ (изображеніе Христа съ Богородицей и Іоанномъ Крестителемъ по сторопамъ) лазоремъ (лазоревой краской) чюднымъ и велми издивленъ паче мѣры, яко не человѣчьскима рукама сотворенъ, но Божіею милостію; и свѣтъ бысть въ мѣстѣ томъ самосіянепъ, яко не мощи человѣку исповѣдати, и пребыша ту долго время на мѣстѣ томъ, а солнца не видѣша ту, но свѣтъ бѣ многочастный, свѣтлуяся паче солнца; а на горахъ тѣхъ ликованія многая слышахуть и веселія гласы воспѣвающа. И повелѣша единому отъ нихъ взыти на гору ту видѣти свѣтъ и ликованіе и глаголы; и яко взыде на гору ту, и абіе, всплеснувъ руками, и возрадовася и побѣже отъ нихъ къ сущему гласу тамо. Они же велми удивишася и послаша другаго, да скажетъ имъ, яже тамо видитъ, что есть бывшее на горѣ; той такожде сотвори, съ великою радостію побѣже отъ нихъ. Они же, видѣвше сіе, страха наполнишася, и начаша раз-

мышляти къ себѣ, глаголюще: аще ли и смерть случится, но видѣли быхомъ свѣтлость мѣста сего—и послаша третіяго на гору ону, привязавъ ужищемъ (веревкой) за ногу его; такоже и той хотѣ створити, восплескавъ руками радостно, и побѣже, въ радости той забывъ ужища на нозѣ своей; они же протягнуша его ужищемъ, и въ томъ часѣ обрѣтеся мертвъ. Они же возвратишася вспять, понеже (потому что) не дано имъ есть видѣти тоя свѣтлости неизреченныя и ликованія тамо слышащаго; и нынѣ, брате, тѣхъ мужей дѣти и внучата добры здоровы".

Видѣли новгородцы и адъ: „А муки (адъ) и нынѣ суть на западѣ: много дѣтей моихъ новгородцевъ видоки (очевидцы) тому; на дышущемъ морѣ червь неусыпающій и скрежетъ зубовный и рѣка огненная (молненая)—Могръ (Моргъ), что вода входитъ въ преисподняя и паки исходитъ трижды днемъ".

Таковы основныя соображенія и данныя Василія. Его посланіе замѣчательно по искусству, съ которымъ доказывается реальное существованіе рая и ада ссылками на византійско-болгарскую литературу и свидѣтельствами новгородскихъ путешественниковъ. Адъ Василій, вслѣдъ за византійскими авторитетами, помѣщаетъ на западѣ, и притомъ на морѣ; онъ говоритъ о рѣкѣ огненной или молненной въ морѣ, приводитъ даже ея названіе Могръ (Моргъ), говоритъ, что вода этой рѣки трижды днемъ входитъ въ преисподнюю и исходитъ изъ нея; при этомъ слышенъ скрежетъ зубовный, червь неусыпающій. Если отвлечься отъ толкованія, даваемаго Василіемъ этимъ явленіямъ, совершающимся на западѣ отъ Новгорода на морѣ, то приходится заключить, что въ этомъ описаніи идетъ рѣчь о Гольфштремѣ („рѣка огненная", „молненая") и извѣстномъ водоворотѣ Мальштремѣ у береговъ Норвегіи. Теплое теченіе въ морѣ легко могло быть принимаемо новгородскими путешественниками, воспитанными на еврейско-византійской литературѣ, за огненную рѣку, а водоворотъ Мальштремъ за движеніе воды въ преисподнюю.

Что касается рая, который видѣля Мойславъ со спутниками, то, по всей вѣроятности, Василій имѣлъ въ виду сѣверо-западный скалистый берегъ Норвегіи, гдѣ норвежцы помѣщали чистилище. „Многочастный свѣтъ", „свѣтловавшійся паче солнца" при отсутствіи солнца, вѣроятно, былъ сѣвернымъ сіяніемъ.

О нахожденіи рая на землѣ существуютъ сказанія у раз-

ныхъ народовъ. Изъ нихъ наиболѣе близки къ разсказу Василія нѣмецкія сказанія. По одному разсказу рыцарь Юберлингерзее въ своихъ семилѣтнихъ странствованіяхъ дошелъ до конца міра у высокой стѣны. Онъ приказалъ одному изъ своихъ спутниковъ подняться на стѣну и посмотрѣть, что находится за нею. Тотъ поднялся и, посмотрѣвъ, быстро опустился за нею. Второй спутникъ сдѣлалъ то же самое. Попробовалъ подняться за ними на стѣну самъ рыцарь, но, оставшись безъ спутниковъ, не могъ.

Другой разсказъ повѣствуетъ, что трое странниковъ достигли во время своихъ путешествій одной очень высокой горы. Мѣстные жители не могли объяснить странникамъ, какая страна находится за горой. Странники пришли къ заключенію, что тамъ находится рай. Двое изъ нихъ помогли третьему взобраться на гору. Оставшіеся внизу спросили третьяго, что видно за горой. Послѣдній ничего не отвѣтилъ, улыбнулся и пошелъ за гору. То же самое сдѣлалъ другой странникъ. Третій странникъ рѣшился при помощи мѣстныхъ жителей во что бы то ни стало посмотрѣть, что тамъ за горой. Они помогли ему взобраться на гору, но привязали его за ногу, чтобы не дать ему уйти за гору. Взобравшись на гору, странникъ улыбнулся, какъ и предыдущіе. Онъ двинулся впередъ, но народъ стащилъ его обратно за веревку. Когда странника спросили, что онъ видѣлъ, оказалось, что онъ онѣмѣлъ.

Всѣ эти разсказы западно-европейскаго происхожденія сложились, очевидно, подъ вліяніемъ наблюденій западно-европейскихъ путешественниковъ и сказаній о раѣ. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что новгородцы, находившіеся въ оживленныхъ сношеніяхъ съ Западомъ, могли познакомиться съ такими разсказами и переработать ихъ въ примѣненіи къ своимъ собственнымъ путешествіямъ.

„Странникъ“ Стефана Новгородца.

(Ок. 1350).

76. „Странникъ“ Стефана Новгородца. „Странникъ“, второе сочиненіе на тему о святыняхъ Царьграда, принадлежитъ перу новгородскаго монаха Стефана. Неизвѣстно, какого происхожденія былъ Стефанъ, и изъ какого монастыря. Принимая во вниманіе обычный составъ новгородскаго монашества

(§ 13), слѣдуетъ предположить, что и Стефанъ по своему происхожденію былъ бояринъ или, въ крайнемъ случаѣ, житій. Данныя, которыя можно извлечь изъ сочиненія Стефана, не противорѣчатъ этому предположенію.

Во-первыхъ, Стефанъ, по обычаю нашихъ паломниковъ-каликъ, путешествовалъ не одинъ, а съ дружиною, состоявшей изъ восьми человѣкъ: дружина является обычнымъ спутникомъ знатнаго и богатаго древне-русскаго человѣка. *Во-вторыхъ*, Стефанъ отмѣчаетъ, что нельзя познакомиться съ константинопольскими святынями безъ „добра вожа“ (проводника), что „скупо и убого“ (т.-е. безъ денегъ) нельзя „видѣти ни цѣловати единаго святаго...“. Такъ какъ Стефану удалось осмотрѣть всѣ святыни города и послѣ этого отправиться съ дружиною даже въ Іерусалимъ, то надо заключить, что этотъ путешественникъ, подобно игумену Даніилу и Добрынѣ Ядрѣйковичу, располагалъ крупными средствами и, слѣдовательно, былъ изъ бояръ.

Путешествіе свое Стефанъ совершилъ около 1350 г. Это вытекаетъ изъ слѣдующаго соображенія: авторъ сообщаетъ, что во время его пребыванія въ Константинополѣ патріархомъ былъ Исидоръ I, занимавшій престолъ уже шестой годъ; шестой годъ патріаршества Исидора падаетъ на 1350 г.

Описаніе святынь Царьграда начинается съ момента пріѣзда Стефана и его дружины на страстную недѣлю. Паломники-калики отправились прежде всего къ св. Софіи. Около Софіи вниманіе каликъ остановлено было статуей Юстиніана (§ 74), которую Стефанъ такъ описываетъ: „И видѣхомъ — ту стоитъ столпъ чуденъ вельми, толстотою и высотою и красотою издалеча смотря видѣти его, и наверху его сидитъ Юстиніанъ Великій на конѣ, вельми чуденъ, аки живъ, въ доспѣсѣ одѣянъ срацинскомъ, грозно видѣти его, а въ руцѣ держитъ яблоко злато велико, а на яблоцѣ крестъ, а правую руку отъ себя прострѣ буйно наполдни, на Срацинскую землю къ Іерусалиму“. Осмотрѣвъ статую Юстиніана, поломники вошли въ первую дверь св. Софіи; пройдя семь дверей, они очутились, наконецъ, въ самомъ храмѣ. Много святынь отмѣтилъ Стефанъ въ своемъ описаніи и, между прочимъ, чудо съ „пахиремъ“, т.-е. дорожнымъ сосудомъ для питья: „Ту бо есть въ великомъ алтарѣ кладязь отъ святаго Іордана явися. Бысть во едино утро стражи царскіе выняша изъ кладезя пахирь, и

познаша калики русскія; греци же не яша вѣры. Русь же рѣша: нашъ пахирь есть; мы бо купахомся и изронихомъ на Іорданѣ. И не бысть отъ грековъ тако, яко же рѣша Русь, и не даша калигъ; зане бо не яша Руси вѣры на томъ. Оле (горе) намъ страннымъ!... Се бо сотворися кладязъ Божіемъ повелѣніемъ, что се нареченъ: Іорданъ". Итакъ, находка уроненнаго въ Іорданѣ русскаго пахиря въ колодцѣ св. Софіи, по мнѣнію русскихъ каликъ, должно было подтвердить названіе колодца Іорданомъ, чему противились скептически настроенные греки. Св. Софія своею грандіозностью поразила каликъ: „Святая Софія имѣетъ 365 дверей и столько же престоловъ: окованы хитро вельми, а иные отъ нихъ заграждены за оскудѣніе. А о святой Софіи премудрости Божіей умъ человѣчь не можетъ ни сказать, ни вычести".

Отъ св. Софіи Стефанъ переходитъ къ перечисленію и описанію другихъ святынь и предметовъ. На Константиновомъ столпѣ калики видѣли сѣкиру Ноя. Въ церкви св. Богородицы они видѣли икону „Госпожи Дѣвы Богородицы", написанную евангелистомъ Лукою. Икону эту выносятъ по вторникамъ: „Чудно вельми зрѣти, како сходится народъ и людіе отъ иныхъ городовъ! Икона же та велика вельми, окована гораздо, и пѣвцы передъ нею поютъ красно, а народы вси зовутъ — Киріе елейсонъ (Господи помилуй) съ плачемъ". Недалеко отъ Царева монастыря находятся Жидовскія ворота, названныя такъ, потому что тамъ живетъ „жидовъ много". Здѣсь было знаменіе, когда персидскій царь осаждалъ съ моря городъ и собирался уже взять его. Богъ внушилъ одному старцу взять поясъ св. Богородицы и омочить конецъ его въ морѣ. „И сотвориша тако съ пѣніемъ и плачемъ. И возмутися море и разби корабли ихъ о градную стѣну. Ту же нынѣ кости ихъ бѣлѣются аки снѣгъ, при градской стѣнѣ, близъ Жидовскихъ вратъ". Въ апостольской церкви они видѣли два „столпца", одинъ тотъ, къ которому былъ привязанъ Христосъ, а другой тотъ, у котораго горько плакалъ Петръ: „Тіи бо столпцы привезены отъ Іерусалима святою Еленою царицею. Единъ столпъ, иже бѣ Іисусовъ,—отъ зелена камени, съ прочернью, а другій, Петровъ, тонокъ, аки бревенце, вельми красенъ, есть прочернь и пробѣлъ, видомъ аки дятленъ". Въ монастырѣ Спаса Вседержителя калики видѣли доску Господню, привезенную Еленой, а въ алтарѣ чашу изъ бѣлаго камня, въ которой Хри-

стосъ превратилъ воду въ вино. Въ церкви св. Богородицы во Влахернѣ каликамъ показывали ризу, поясъ и скуфію Богородицы.

Много еще другихъ святынь видѣли калики, много исцѣленій и чудесъ; но всего описать Стефанъ не можетъ, потому что войти въ Царьградъ все равно, что войти въ дубраву *).

Сказанія и житія.

77. Новгородскія сказанія и житія. Предметомъ новгородскихъ сказаній и житій являются выдающіяся событія и лица изъ новгородской исторіи. Цѣль ихъ авторовъ — окружить Новгородъ ореоломъ славы, подчеркнуть его выдающееся положеніе и значеніе въ Русской землѣ. Эти сказанія и житія находятся въ косвенной или прямой связи съ фактомъ паденія Новгорода. Съ XIV в. въ бассейнѣ рѣки Москвы начинаетъ быстро обозначаться новая экономическая и общественно-политическая сила, угрожающая самостоятельному существованію всѣхъ русскихъ княжествъ и земель, въ томъ числѣ и Новгорода. Медленно, но неудержимо ростетъ эта сила; одна область за другою поглощается ею. Каждая изъ этихъ областей задолго до своей гибели ясно сознаетъ ея неизбѣжность и въ лицѣ своихъ правящихъ классовъ ищетъ нравственной поддержки въ своемъ прошломъ.

Москва уже съ XIV в. смотрѣла на богатый Новгородъ, какъ на свою законную добычу. Вѣрная своей тактикѣ медленнаго, но зато хорошо подготовленнаго и вѣрно направленнаго удара, Москва избѣгала въ отношеніи къ Новгороду рѣзкихъ дѣйствій. Но когда Новгородъ, ощутивъ надъ собою въ лицѣ московскаго митрополита вѣяніе московской власти, вздумалъ фактически доказать Москвѣ свою независимость отъ нея, Москва быстро заставила Новгородъ убѣдиться въ невозмож-

*) Въ „Странникѣ“ Стефана имѣется слѣдующее еще любопытное свѣдѣніе. Калики, совершая обозрѣніе святынь Царьграда, неожиданно встрѣтились по дорогѣ съ новгородцами Иваномъ и Добрилой, которые когда-то безъ вѣсти пропали. Оказалось, что они жили въ Царьградѣ, занимаясь въ Студійскомъ монастырѣ списываніемъ священныхъ книгъ. Это свѣдѣніе имѣется только въ печатномъ изданіи „Странника“ Стефана подъ редакціей Сахарова и отсутствуетъ въ существующихъ въ настоящее время рукописяхъ, изъ чего дѣлаютъ выводъ, что это свѣдѣніе—вставка Сахарова.

ности состязаться съ нею. XV-ый вѣкъ былъ для Новгорода эпохой медленнаго поглощенія его заживо Москвой. Новгородъ начинаетъ углубляться въ свое прошлое, припоминаетъ свои славныя дѣянія, ищетъ проявленія въ нихъ высшихъ сверхъестественныхъ силъ, собираетъ малѣйшія преданія о своихъ выдающихся дѣятеляхъ, малѣйшія указанія на величіе Новгорода и его будущія судьбы. Съ особенною силою это обращеніе къ прошлому проявляется въ XV в. въ эпоху двухъ владыкъ — Евѳимія II и Іоны.

78. Дѣятельность Евѳимія II. Дѣятельность архіепископа Евѳимія II-го обнимаетъ періодъ времени съ 1430—1458 гг. Объ этой дѣятельности, очень разнообразной, мы узнаемъ изъ его житія, составленнаго при преемникѣ Евѳимія, Іонѣ, знаменитымъ составителемъ житій Пахоміемъ Логоѳетомъ Сербомъ.

Евѳимій родился по молитвамъ своихъ престарѣлыхъ родителей и былъ посвященъ ими Богородицѣ. Пятнадцати лѣтъ Евѳимій „любовию божественною возгорѣвся, восхотѣ отрещися мирскаго пребыванія і быти інокомъ". Онъ постригся въ монастырѣ на Вяжищахъ. Обративъ на себя вниманіе своею жизнью, Евѳимій былъ приглашенъ игуменомъ въ монастырь Богородицы на Лисичьей горѣ. Наконецъ, Евѳимій былъ избранъ владыкой новгородскимъ. Свое посвященіе онъ принялъ въ Смоленскѣ, отъ кіевскаго митрополита Герасима.

Подобно цѣлому ряду своихъ предшественниковъ, Евѳимій строилъ много церквей и ремонтировалъ пришедшія въ ветхость. Такъ, онъ вмѣсто деревянной палаты въ храмѣ св. Софіи построилъ каменную; затѣмъ на высокомъ мѣстѣ онъ воздвигъ столпъ каменный, „зѣло высокъ, имуще часы верху вельми предивны, иже весь градъ оглашаютъ". Для своихъ построекъ Евѳимій имѣлъ „нѣкоего инока, казначея, хитра суща и художника къ умышленію". Для разукрашиванія храмовъ онъ имѣлъ искусныхъ изографовъ, живописцевъ.

Далѣе, Евѳимій съ особеннымъ вниманіемъ относился къ иностранцамъ. Это было время, когда во главѣ Новгорода стояла аристократическая партія, понявшая, что Москва—смертельный врагъ Новгорода, и искавшая сочувствія и поддержки у иностранцевъ. Біографъ Евѳимія такъ изображаетъ эту черту владыки: „Отъ странныхъ же или отъ чуждихъ странъ приходящихъ, всѣхъ любовию пріимаше, всѣхъ упокоеваше, всѣхъ по достоинству миловаше... І не токмо жъ сія едина въ Новѣ-

градѣ бываху, но паче рука его бяше простерта повсюду даяніемъ, не токмо до Констянтина града или Св. Горы, но и до самого Иерусалима и далѣе".

Третья черта, наиболѣе важная, въ дѣятельности Евѳимія состоитъ въ томъ, что онъ первый принялся за собираніе и освященіе новгородскихъ преданій о выдающихся событіяхъ и лицахъ. Приближался конецъ Новгороду. Правящая партія боярства съ владыкой во главѣ находилась въ тревожномъ настроеніи. Необходимо было принять всѣ мѣры для отвращенія готовившагося удара. Одной изъ этихъ мѣръ могло быть оживленіе во всемъ новгородскомъ обществѣ воспоминаній о славной старинѣ. Такое оживленіе новгородской старины въ формѣ открытія останковъ святыхъ, опредѣленныхъ торжествъ, литературныхъ переработокъ преданій, должно было, по мнѣнію руководителей новгородскаго общества, парализовать вражду между аристократіей и демократіей, вдохнуть въ новгородское общество мужество для отпора Москвѣ и въ то же время показать Москвѣ, бѣдной еще воспоминаніями старины, превосходство въ этомъ отношеніи Новгорода.

Преданіе такъ разсказываетъ о первомъ толчкѣ къ собиранію старины. Однажды Евѳимію во снѣ явился владыка Илья-Іоаннъ и сталъ упрекать его въ пренебреженіи къ памяти умершихъ новгородскихъ князей и владыкъ. Евѳимій былъ пораженъ. Онъ рѣшилъ установить обрядъ торжественнаго поминовенія новгородскихъ князей и святителей: „По глаголу святителя Божія Іоанна устрои память велію преставльшимся княземъ русскимъ: великому князю Владимиру, иже созда великую церковь, св. Премудрость Божію, и матери его благовѣрной княгинѣ Аннѣ, и княгинѣ его (супругѣ) и прочимъ княземъ, лежащимъ въ святѣй Премудрости Божіей, и ихъ сродникамъ, и архіепископамъ Великаго Новагорода и всѣмъ православнымъ христіанамъ, въ лѣто 6948" (т.-е. въ 1439 г. отъ Р. Х.).

При Евѳиміи открыты были мощи Ильи-Іоанна и преподобнаго Варлаама Хутынскаго.

Такая разносторонняя дѣятельность Евѳимія была вскорѣ послѣ его смерти хорошо оцѣнена: преемникъ Евѳимія поручилъ Пахомію Логоѳету написать житіе этого владыки въ назиданіе новгородскому обществу.

79. Дѣятельность Іоны. Архіепископъ Іона былъ преемникомъ Евѳимія II-го и руководилъ Новгородомъ съ 1458 — 1471 гг., т.-е. накапунѣ паденія его.

Іона (мірское имя его — Іоаннъ) рано осиротѣлъ. Одна вдова взяла его къ себѣ и отдала учиться грамотѣ діакону. Однажды по улицѣ шелъ знаменитый новгородскій юродивый Михаилъ Клопскій. Товарищи Іоанна-Іоны по ученію побѣжали за юродивымъ, смѣясь надъ нимъ и бросая въ него навозомъ и грязью, а Іоаннъ смирно стоялъ, забившись въ уголъ. Юродивый направился къ Іоанну, схватилъ его за волосы, поднялъ его выше себя и сказалъ: „Іоанне, учи книги прилежно! Имаши бо великому Новуграду сему архіепископъ быти“.

Іоаннъ рано постригся въ монахи въ Отенскомъ монастырѣ подъ именемъ Іоны. Выбранный владыкой, Іона шелъ по стопамъ своего предшественника въ дѣлѣ украшенія Новгорода церквами, а церквей живописью, причемъ, какъ и Евѳимій, онъ держалъ не только русскихъ, но и „нѣмецкихъ“ мастеровъ.

Іона руководилъ Новгородомъ въ концѣ княженія Василія Темнаго и въ началѣ княженія Ивана III, когда близость паденія великаго города ясно ощущалась новгородскимъ обществомъ. Этимъ опредѣляется отношеніе Іоны къ Москвѣ. Іона всѣ силы своего авторитета и ума употреблялъ на то, чтобы смягчать конфликты между Новгородомъ и Москвой мирными переговорами, не доводя дѣла до кровопролитія, какъ это бывало при его предшественникѣ. Житіе Іоны такъ повѣствуетъ объ этомъ. „Пріиде же московскій князь въ Великій Новъградъ, Василей сынъ Василіевъ и съ нимъ сынове его Георгій и Андрѣй — мирно, и архіепископа посѣщая и дани своя пріемле. Преже бо двократы при блаженнемъ Евѳиміи ратію приходивъ бѣяше, тогда же миромъ пріиде и часто съ архіепископомъ бесѣдоваше“. Объ отношеніи московскихъ князей къ Іонѣ житіе разсказываетъ такъ: „Московстіи князи много любяхуть его и со благоговѣніемъ почитаху и писанія множицею посылаху къ нему и отъ него воспсанія желанна пріимаху: бяше бо разуменъ и въ словесѣхъ благъ“. Когда Василій Васильевичъ пригласилъ Іону въ Москву, владыка, несмотря на свой преклонный возрастъ и тяжесть длиннаго пути, отправился туда: „жалость людей своихъ понуди его толикъ трудъ пути подъяти: видяше бо ковъ на люди своя и

на градъ зависти око поощряемо". Владыка захватилъ съ собою цѣнные дары для князя и былъ встрѣченъ послѣднимъ съ великимъ почетомъ. Здѣсь владыка былъ у князя нѣсколько разъ, и князь жаловался ему „на граждане его, аки не по лѣпотѣ отъ нихъ чтомъ". Однажды въ присутствіи своего сына Ивана князь по обыкновенію жаловался на Новгородъ „аки презираемъ отъ него, а ему великаго княженія власть надъ князьми русскими предержащу, и сего ради искаше подъяти руцѣ на Великій Новъградъ". Владыка защищалъ Новгородъ. Князь сталъ горячиться и „ярость пріимаше по-многу". Тогда владыка, „подвигнувшись духомъ", сказалъ князю, что, если онъ, отвергнувъ его мольбы, не отвратитъ своего завистливаго ока отъ Новгорода и подниметъ руку на послушныхъ ему новгородцевъ, то пусть онъ, „вонметъ и себѣ, егда како и въ чадехъ его зависти око узритъ кое, и раздѣленіа послѣди близь будутъ". „Нынѣ же,—говорилъ владыка,—молитву мою услыши... неправды... на правдивыя не подвигни, и тихима очама на своя повинныя смотряй и свободныя на работу (въ рабство) пріимати не начинай; тебѣ самому дніе приближаются, яко сынови же твоему Ивану хоругви русскія съдержати; о семъ молитвы со всѣми своими къ всесильному Богови прилѣжно възносити потщуся, наипаче же свободу сынови твоему отъ ординьскихъ царей пріяти отъ Бога испрошу за свободу града моего еже отъ тебе. Еще же молитвую Господеви, возвысити десницу сына твоего надъ всѣми и покорити ему вся супостаты его и больши прародителей прославитися властію и укрѣпитися княженію его въ руку его и простертися силы его на многи и страны великія пріати ему, точію аще (если только) благочестивѣ поживетъ и тихима очима владомыя смотрѣти будетъ". Великій князь возвеселился отъ такихъ пророчествъ владыки, обѣщалъ милость новгородцамъ и просилъ владыку и присутствовавшаго здѣсь же митрополита Іону помолиться объ освобожденіи „отъ мучительства ординьскихъ царей и татаръ и укрѣпитися въ руку его русскимъ хоругвямъ". Своимъ указаніемъ великому князю на возможность побѣдоносной борьбы съ татарской властью владыка сумѣлъ отвести грозную руку Москвы отъ Новгорода; но онъ прекрасно зналъ, что это только на время. Когда въ пріемной князя воцарилось молчаніе, владыка прослезился. На удивленные вопросы великаго князя и митрополита, владыка отвѣтилъ: „Кто озлобитъ

людій моихъ толикое множество, или кто смирить таковое величество града моего, аще не усобицы ихъ смятуть ихъ и раздѣленіе ихъ низложить ихъ и лесть неправды и лукавство зависти развѣеть ихъ? Обаче (по крайней мѣрѣ) во дни моя да дасть Господь миръ и тишину, и благословеніе людемъ моимъ". Зная, что Новгородъ въ концѣ концовъ падетъ, владыка, воспользовавшись своимъ пребываніемъ у великаго князя и его сына, рѣшился выхлопотать у нихъ своему любимому монастырю Отенскому великокняжескій иммунитетъ, свой судъ, чтобы избавить его и живущихъ на его земляхъ людей „отъ насилія многыхъ и отъ самѣхъ намѣстниковъ ихъ". Князья охотно дали ему грамоту и съ великою честью отпустили обратно.

Поддерживая добрыя отношенія съ Москвой въ политикѣ, Іона стремился сблизить Новгородъ съ Москвой и идейно. Онъ поручаетъ Пахомію составленіе не только житій новгородскихъ святыхъ—Евѳимія, Саввы Вишерскаго, Варлаама Хутынскаго, но и московскаго святого — Сергія Радонежскаго; онъ даже построилъ въ честь Сергія церковь при новгородской архіепископской палатѣ.

Когда умеръ митрополитъ Іона, новый владыка поручилъ Пахомію написать и его житіе.

Такъ работалъ владыка Іона, пытаясь мирными путями сблизить Новгородъ съ Москвою и предотвратить роковой ударъ.

80. Дѣленіе новгородскихъ сказаній. Новгородскія сказанія дѣлятся на три группы: 1) сказанія о прошломъ, 2) сказанія, предсказывающія судьбу Новгорода и 3) сказанія о Новгородѣ, какъ о преемникѣ Рима и Византіи.

Сказанія о прошломъ.

81. Новгородскія сказанія о прошломъ. Новгородскія сказанія о прошломъ собирались со временъ Евѳимія II и долгое еще время послѣ паденія Новгорода, до конца XVI в. Въ нихъ изображаются великія событія и замѣчательныя лица изъ прошлаго, и проводится мысль, что Новгородъ находится подъ особымъ покровительствомъ высшихъ силъ. Изъ этихъ сказаній наиболѣе замѣчательны слѣдующія: 1) о владыкѣ Ильѣ-Іоаннѣ и 2) о владыкѣ Моисеѣ.

82. **Сказанія объ Ильѣ-Іоаннѣ**. Новгородскій владыка Іоаннъ, въ мірѣ Илья (кн. 1-ая, § 293), сдѣлался предметомъ слѣдующихъ сказаній: 1) „Сказаніе о знаменіи отъ иконы Богородицы“, 2) сказаніе о Благовѣщенскомъ монастырѣ, 3) сказаніе о путешествіи Іоанна на бѣсѣ и 4) сказаніе объ Іоаннѣ и посадникѣ Щилѣ.

1) **„Сказаніе о знаменіи отъ иконы Богородицы“**. „Сказаніе о знаменіи отъ иконы Богородицы“ имѣетъ своимъ предметомъ чудо, происшедшее во время осады Новгорода войсками Андрея Боголюбскаго и союзныхъ съ нимъ князей русскихъ въ 1169 г. По словамъ Новгородской первой лѣтописи, Андрей Боголюбскій прислалъ въ 1169 г. войско, состоявшее изъ 7.000 человѣкъ, въ новгородскую область—Заволочье. Въ то время въ Заволочьѣ для сбора дани находился Даниславъ Лазутиничъ съ дружиной изъ 400 человѣкъ. Между суздальцами и новгородцами произошла битва, окончившаяся побѣдой новгородцевъ. Андрей Боголюбскій, чтобы отомстить за это пораженіе, отправился на Новгородъ и осадилъ его. Новгородцы со своимъ княземъ Романомъ Мстиславичемъ твердо оборонялись. Благодаря молитвамъ благовѣрнаго владыки Ильи и помощи Богородицы новгородцы побѣдили суздальцевъ. Таковъ сжатый лѣтописный разсказъ, послужившій зерномъ, изъ котораго возникло позднѣе, къ XV в., пространное сказаніе.

Сказаніе начинаетъ свое повѣствованіе введеніемъ, въ которомъ дается общій обзоръ предшествующей 1169 году исторіи Новгорода, обзоръ, проникнутый идеей объ исконной самостоятельности его. Отомстивъ Святополку Окаянному за убійство свв. Бориса и Глѣба, Ярославъ М. покинулъ Новгородъ и началъ княжить въ Кіевѣ. Новгородцы „за великое ихъ исправленіе къ нему и за премногую ихъ добродѣтель и помощь, юже показаша противъ враговъ его, почтени быша (Ярославомъ) самовластіемъ, еже и по немъ имѣти имъ у себя начальствующаго князя по волѣ ихъ, егоже возлюбятъ они отъ сыновъ Ярославлихъ и отъ внучатъ его и отъ всего корени ихъ въ роды и роды. И данемъ послушанію положиша урокъ, еже не преходити предѣлъ, прежде установленныхъ“. Такъ новгородцы въ теченіе многихъ лѣтъ были управляемы русскими князьями, которыхъ они сами себѣ выбирали. Они въ точности исполняли свои договоры съ князьями, такъ что многіе другіе города завидовали Новгороду. Но затѣмъ по навѣту человѣкоубійцы

діавола граждане новгородскіе „самовластіе на ся взяша и гордынею побѣдишася“, стали нарушать свои договоры съ князьями, а князья съ новгородцами; чаще же всего граждане „безлѣпотно волнующеся и крамоляху“. Въ наказаніе и исправленіе новгородцевъ Господь послалъ на нихъ суздальцевъ при Андреѣ Боголюбскомъ. Походу ихъ предшествовало дивное знаменіе: отъ трехъ иконъ Пречистой Богородицы текли слезы; этими слезами Владычица умоляла своего Сына и Бога нашего о родѣ человѣческомъ да не искоренятъ его до конца, но помиловали, такъ какъ новгородцы колебались своимъ нестроеніемъ и между собою много крови проливали. Отъ этого разразились бѣдствія не только надъ новгородцами, но и надъ ратовавшими противъ нихъ. Потерпѣвъ пораженіе отъ новгородцевъ въ Заволочьѣ, Андрей собралъ большое ополченіе на нихъ изъ различныхъ русскихъ областей. Богъ, желая остановить начинающееся кровопролитіе, навелъ на этого князя болѣзнь, „яко да престанетъ отъ начинанія своего и не ратуетъ Богомъ покрываемаго града онаго; но ума не наказаннаго ничто же возможетъ исцѣлити; якоже и лютый онъ фараонъ, многими ранами отъ Бога Моисеомъ наказуемъ, никакоже преста отъ прежняго злаго и звѣрскаго своего начинанія, дондеже (покамѣстъ) богоотступнымъ гнѣвомъ потопленъ бысть, такоже и сей князь Андрей никакоже преста, но гнѣвомъ дыша, посылаетъ сына своего со всѣмъ воинствомъ Суждальскія земли...“. Союзные князья „забыша единокровнаго племени и по духу сродства св. крещенія, понеже вси единъ родъ суть россійскій; и тако исполнися конникъ и пѣшецъ земля, якоже глаголютъ нѣцыи, собрашася тогда вящше седмидесяти князей, свои съ своими и до толика, яко мало не вся земля совокупися на разореніе единаго града онаго. Вси завистію взимающеся, понеже (потому что) тогда бѣша новгородцы словуще богатствомъ паче всѣхъ градовъ россійскихъ, зане (такъ какъ) самовластіемъ управляющеся и ни единому изъ прежде бывшихъ князей обладати собою попущающе, но уставленная и умѣренная дающе имъ“. Новгородцы не надѣялись на помощь со стороны, а всю надежду свою возлагали на Господа Бога и Пречистую Богородицу: „бѣша бо зѣло благочестиви отъ отецъ, и церквамъ Божіимъ прилежаще нелѣностно и къ нищимъ податливи и милостиви“. Надежда новгородцевъ оправдалась: новгородцы получили великое утѣ-

шеніе и помощь отъ своего чудотворца архіепископа Іоанна. Граждане уже изнемогали, отбивая суздальцевъ. Въ это время архіепископъ ночью молился однажды со слезами передъ образомъ Спасителя о спасеніи города. Вдругъ отъ иконы послышался голосъ: „Епископе! Услышана молитва твоя. Иди въ церковь Всемилостиваго Спаса на Ильинку улицу, и возьми икону Пресвятыя Богородицы и вознеси на забрала граду противу супостатъ, и узришь спасеніе отъ Господа". Господь хотѣлъ прославить образъ Пречистой своей матери, „да посрамяться проклятіи иконоборцы, утвердятся же большею вѣрою правовѣрніи иконопоклонницы и да имѣютъ града сего жители въ вѣчные роды сію, яко стѣну необориму и твердую надежду града; противнымъ же въ большій студъ (стыдъ) и посрамленіе, гражданамъ же въ похваленіе, яко таковое защищеніе имѣютъ". Икона перенесена была на городскую стѣну. Но видъ ея не испугалъ и не пристыдилъ осаждающихъ: они только пуще прежняго распалились; въ своей гордости они вообразили, что городъ скоро попадетъ въ ихъ руки; они уже дѣлили между собою городскія улицы и грозились разорить не только дома, но и Божьи церкви; въ своемъ неистовствѣ они дошли до того, что стали пускать стрѣлы даже въ чудотворный образъ Богородицы. Тогда образъ самъ собой отворотился отъ осаждающихъ лицомъ къ городу; изъ очей Богородицы пролились слезы, которыя Іоаннъ принялъ въ свою фелонь. Этимъ знаменіемъ икона отняла у осаждающихъ силу и навела на нихъ слѣпоту, а осажденнымъ придала дерзновеніе, потому что Богородица, поборая за свой градъ, показала имъ побѣду безъ крови. Осажденные, пораженные сверхъестественнымъ ужасомъ, слѣпли и поражали другъ друга. Въ страхѣ они обратились въ бѣгство. Тяжелъ былъ для нихъ обратный путь: многіе погибли отъ голода и мороза, а другіе въ Великій постъ должны были ѣсть конину.

Въ этомъ сказаніи замѣчательно отношеніе автора къ новгородцамъ и суздальцамъ. Признавая, что новгородцы часто преступали свои договоры съ князьями, осуждая ихъ „крамолы" и сознавая, что за это Господь навелъ на нихъ нашествіе суздальцевъ, авторъ однако рисуетъ новгородцевъ положительными, идеальными чертами, а суздальцевъ и ихъ князя отрицательными: новгородцы благочестивы, добродѣтельные правовѣрные иконопоклонники; суздальцы — завистливы, несправед-

ливы, проклятые иконоборцы; Андрей Боголюбскій—умъ ненаказанный, лютый фараонъ. На Новгородъ ополчилась чуть не вся Русская земля изъ зависти къ богатствамъ Новгорода; но Новгородъ не погибъ: Богородица помогла „своему городу“ и посрамила его враговъ.

Отношеніе автора сказанія къ новгородцамъ и суздальцамъ еще ярче характеризуется при сопоставленіи его съ отношеніемъ къ этому же событію суздальскаго лѣтописца, знакомаго съ новгородскимъ сказаніемъ.

Союзныя войска, — говоритъ суздальскій лѣтописецъ, — вторгшись въ Новгородскую область, сотворили много зла, брали и жгли села, людей убивали, забирали женъ, дѣтей, имѣнія и скотъ. Наконецъ, союзники подошли къ Новгороду и осадили его. Новгородцы съ княземъ своимъ Романомъ затворились въ городѣ, крѣпко оборонялись и избили многихъ „отъ нашихъ“. Осаждающіе ничего не могли сдѣлать и отправились назадъ. Многіе едва вернулись домой, другіе умерли съ голоду; никогда не было болѣе тяжкаго пути людямъ: нѣкоторые даже ѣли конину въ Великій постъ. „Се же бысть за наши грѣхы: слышахомъ бо преже трии лѣтъ бывшее знаменье Новѣгородѣ, всѣмъ людемъ видящимъ: въ трехъ бо церквахъ новгородскихъ плакала на трехъ иконахъ святая Богородица, провидѣвши бо Мати Божия пагубу, хотящюю быти надъ Новымъ городомъ и надъ его волостью, моляшеть Сына своего со слезами, дабы ихъ отинудь (отнюдь) не искоренилъ, якоже преже Содома и Гомора, но яко ниневгитяны помилуеть; якоже и бысть, очивѣсто (очевидно) бо Богъ и Мати Божія избави я милостью своею, зане крестьяне суть... Тако и сия люди новгородскыя наказа Богъ и смѣри я (ихъ) дозѣла (крѣпко) за преступленье крестное и за гордость ихъ наведе на ня и милостью своею избави градъ ихъ. Не глаголемъ же: прави суть новгородци, яко издавна суть свобожени новгородци прадѣды князь нашихъ; но аще бы тако было, то велѣли ли имъ преднии (прежніе) князи крестъ преступати или внукы или правнукы соромляти, а крестъ честный цѣловавше ко внукомъ ихъ и къ правнукамъ, то преступати? То доколѣ Богови терпѣти надъ нами? За грѣхы навелъ и наказалъ по достоянію, рукою благовѣрнаго князя Андрѣя“.

Авторъ-суздалецъ, признавая пораженіе суздальцевъ, соглашаясь, что сама Богородица оказала Новгороду помощь

свыше, не считаетъ новгородцевъ правыми и утверждаетъ, что за грѣхи новгородцевъ Богъ навелъ на нихъ суздальцевъ и наказалъ ихъ рукою „благовѣрнаго князя Андрѣя“. Такимъ образомъ, лютый фараонъ, съ новгородской точки зрѣнія, оказывается „благовѣрнымъ“ княземъ съ суздальской.

2) Сказаніе о Благовѣщенскомъ монастырѣ. Было два брата — Иванъ и Григорій, происходившіе изъ благородной и богатой семьи. Они рѣшили основать монастырь во имя Благовѣщенія Богородицы. Сначала они построили деревянную церковь. Потомъ имъ захотѣлось построить каменную церковь. Когда церковь построили „до раменъ“, „не доста сребра на свръшеніе“. Братья обратились съ мольбою къ Богородицѣ, и вотъ случилось чудо. Обоимъ во снѣ явилась Богородица и обѣщала послать имъ, „яже къ совръшенію, яко и на ину потребу преизбудетъ“. Братья въ тотъ же день вышли по обыкновенію за монастырскія ворота и увидѣли чуднаго коня, по бокамъ котораго висѣли два чемоданца. Братья сняли чемоданцы и, раскрывъ ихъ, увидѣли въ нихъ золото и серебро. Конь исчезъ. Братья догадались, что золото и серебро посланы по ихъ молитвѣ. На эти деньги братья окончили постройку церкви и сами постриглись въ монахи. Впослѣдствіи оба брата, одинъ за другимъ, были новгородскими архіепископами.

Таково сказаніе, основанное на дѣйствительномъ фактѣ. Въ Новгородской I-ой лѣтописи сообщается, что архіепископъ Илья со своимъ братомъ Гавріиломъ построили монастырь съ церковью во имя Благовѣщенія, въ 1170 г. Сказаніе, слѣдовательно, перенесло построеніе церкви и монастыря ко времени, которое предшествовало архіепископству Ильи-Іоанна.

3) Сказаніе о путешествіи Іоанна на бѣсѣ. Однажды Іоаннъ во время молитвы услышалъ въ умывальникѣ плескъ. Догадавшись, что въ умывальникѣ — бѣсъ, Іоаннъ подошелъ къ умывальнику, сотворилъ молитву и „оградилъ“ его. Запертый въ умывальникѣ, бѣсъ сталъ вопить, чтобы Іоаннъ выпустилъ его. Іоаннъ обѣщалъ бѣсу освободить его, если тотъ въ одну ночь свезетъ его въ Іерусалимъ и обратно. Бѣсъ согласился. Въ ту же ночь бѣсъ, обернувшись конемъ, свезъ святителя въ Іерусалимъ. Іоаннъ очутился „близъ церкви святаго, идѣже гробъ святаго и животворящаго древа“. Приказавъ бѣсу не двигаться съ мѣста, Іоаннъ пошелъ къ церкви „святаго вос-

кресенія“ и, ставъ передъ церковными дверьми, началъ молиться. „И отверзошася двери церковныя сами о себѣ, и свѣщи и паникадила въ церкви у гроба Господня возжьгьщася“. Помолившись, святой снова сѣлъ на бѣса и въ ту же ночь былъ привезенъ обратно въ Новгородъ. Разставаясь со святымъ, бѣсъ предупредилъ его, чтобы онъ не разглашалъ объ этой поѣздкѣ никому, угрожая въ противномъ случаѣ жестокой местью. Однажды „въ духовной бесѣдѣ со честными игумены и со искуснѣйшими иереи и з богобоязнивыми мужи“ Іоаннъ разсказалъ о происшествіи, не называя себя. Съ этого времени за владыкой стали замѣчать какія-то странныя явленія: то изъ дома владыки выходитъ какая-то „жена“, то „начальницы града“, посѣщавшіе владыку, находятъ у него части женскаго костюма — „монисто дѣвичье“, „сандалия женская“ и пр. Взволнованный народъ двинулся къ кельѣ святого; а въ это время бѣсъ „потече народомъ зрящимъ во образѣ отроковицы, яко изъ кельи святаго“. Напрасно Іоаннъ убѣждалъ народъ въ своей невинности. Новгородцы построили плотъ, посадили на него владыку и пустили по Волхову: плотъ чудесно поплылъ вверхъ по теченію. Поняли новгородцы, что зазорныя явленія, происходившія у владыки, были навожденіемъ дьявола; они упросили владыку простить ихъ и вернуться обратно.

4) Іоаннъ и посадникъ Щилъ. Щилъ былъ богатый капиталистъ-банкиръ и посадникъ. Онъ отдавалъ свои деньги за проценты. На свои деньги онъ рѣшилъ построить церковь во имя Покрова Божіей Матери и испросилъ для этого благословеніе Іоанна. Построивъ церковь, Щилъ пригласилъ Іоанна освятить ее. Іоаннъ явился въ церковь и предварительно спросилъ у Щила, на какія средства онъ построилъ церковь. Когда Щилъ чистосердечно разсказалъ, Іоаннъ приказалъ Щилу приготовиться къ смерти. Щилъ одѣлся въ погребальное одѣяніе, легъ въ приготовленный гробъ и умеръ. Едва надъ Щиломъ совершено было надгробное пѣніе, какъ гробъ съ его тѣломъ провалился подъ землю. Узнавъ о страшномъ происшествіи, Іоаннъ велѣлъ иконописцамъ „написати ваны (красками) на стѣнѣ видѣніе, повѣдающе о братѣ Щилѣ во адовѣ днѣ надъ всѣмъ гробомъ его, и священну церковь повелѣ запечатлѣти!“ Испуганному сыну Щила Іоаннъ посовѣтовалъ „на 40 дній у 40 церквей сорокоусты дати священникомъ съ причетники довольно, да поютъ въ ты дни по 40 панахидъ и литургіи неизмѣнно и

в ту 40 дній милостыню безпрестанно творити". Сынъ Щила въ точности исполнилъ предписаніе Іоанна. Когда объ этомъ было доложено Іоанну, послѣдній отправилъ въ запечатанную церковь архидіакона осмотрѣть провалъ, образованный гробомъ, и изображеніе надъ нимъ: оказалось, что на изображеніи Щилъ находится въ аду, во гробѣ, а голова его — внѣ ада. Было отслужено еще 40 обѣденъ и панихидъ: на изображеніи Щилъ высунулся изъ ада до пояса. Когда было отслужено еще 40 обѣденъ и панихидъ, Щилъ на изображеніи совсѣмъ высунулся изъ ада; гробъ поднялся на поверхность, и пропасть исчезла. Это было знакомъ того, что Щилъ прощенъ Господомъ. Послѣ этого церковь была освящена.

83. Сказаніе объ архіепископѣ Моисеѣ. Архіепископъ Моисей, подобно архіепископу Ильѣ-Іоанну, происходилъ изъ знатнаго боярскаго рода. Лѣтописи новгородскія отзываются о немъ съ большимъ сочувствіемъ. Онѣ говорятъ о Моисеѣ, какъ объ образованномъ владыкѣ, талантливо составлявшемъ поученія; владыка содержалъ много писцовъ, переписывавшихъ книги; къ нему приходили многіе учиться день и ночь; онъ построилъ много церквей и монастырей и скончался, оставивъ многія писанія. Моисей два раза занималъ постъ владыки — съ 1325—1329 и съ 1352—1359 гг. Въ первый разъ архіепископство Моисея совпало съ господствомъ партіи, стоявшей за Ивана Калиту. Самъ Моисей входилъ въ составъ этой партіи. Съ ея пораженіемъ Моисей оставилъ архіепископство. Преданія объ этомъ періодѣ изъ жизни Моисея рисуютъ владыку состоящимъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ московскимъ митрополитомъ Петромъ. Второй періодъ архіепископства Моисея носилъ уже иной характеръ: аристократическая партія отказалась отъ идеи сильной княжеской власти и вела борьбу съ московскими князьями за полную самостоятельность Новгорода, въ формѣ церковной независимости отъ московскаго митрополита; Моисей былъ однимъ изъ тѣхъ владыкъ, которые боролись за право ношенія крестчатыхъ ризъ. Образъ владыки Моисея, какъ противника Москвы, также сохранился въ новгородскихъ преданіяхъ.

Въ 1483 г. явился въ Новгородъ новый владыка, москвичъ Сергій, назначенный московскимъ митрополитомъ. Онъ былъ владыкой девять мѣсяцевъ, и затѣмъ его отозвали обратно въ Москву. Преданіе новгородское разсказываетъ, что Сергій

вошелъ въ обитель св. Архангела Михаила и помолился. Возвращаясь изъ церкви, онъ увидѣлъ гробъ. Ему сообщили, что это — гробъ основателя обители и церкви — великаго святителя Моисея Сергій велѣлъ сопровождавшему его іерею открыть гробъ, чтобы взглянуть на мощи святого. Іерей отвѣтилъ Сергію: „не смѣю, владыко, дерзнути открыти мощи святителя; твое бо есть святительское дѣло, еже святителя гробъ отверсти". Тогда Сергій „вознесеся умомъ высоты ради сана своего, яко отъ Москвы пріиде", и дерзновенно сказалъ: „Кого, сего смердія сына смотрѣти?" Съ этими словами онъ вышелъ изъ церкви и обители. Новгородское сказаніе такъ повѣствуетъ о дальнѣйшемъ: „Бысть же отъ того времени Сергию архиепископу изступленіе уму; и смыслу отступившу отъ него, исхождаше исъ келліи безвременно и нелѣпо, а не по сану святительства своего": выходилъ безъ одѣянія архіерейскаго, сидѣлъ при церкви св. Софіи, а иногда при церкви преподобнаго Евѳимія. „И такъ пребывъ мало время, яко девять мѣсяцевъ, возвращенъ былъ восвояси, въ томъ же болѣзно впавъ, иже убо Божія угодника дѣявъ равно ему саномъ не почте, но паче укори. Такова суть воздаянія горделивымъ здѣ видимо, въ будущемъ же вѣцѣ безконечно".

По другому новгородскому сказанію Сергій былъ наказанъ чудотворцемъ Іоанномъ, что на бѣсѣ ѣздилъ. По псковскому сказанію, новгородскіе владыки, покоившіеся въ св. Софіи, являлись Сергію во снѣ и наяву и поразили его недугомъ за то, что занялъ архіепископскій престолъ при жизни предшествовавшаго владыки Ѳеофила. Наконецъ, московское преданіе повѣствовало, что новгородцы лишили Сергія ума волшебствомъ за то, что онъ не ходилъ по ихъ волѣ.

Сказанія, предсказывающія судьбу Новгорода.

84. Предсказанія о судьбѣ Новгорода. Рядъ преданій и сказаній связанъ съ концомъ новгородской самостоятельности. Одни изъ нихъ сложились подъ вліяніемъ предвидѣнія, легко создававшагося на основаніи трезваго взвѣшиванія относительныхъ силъ Москвы и Новгорода; другія возникли уже на почвѣ паденія Новгорода, но пріурочивались къ лицамъ, жившимъ до его паденія. Къ этимъ преданіямъ и сказаніямъ относятся слѣдующія: 1) объ иконѣ Спасителя въ

св. Софіи, 2) о знаменіяхъ, предвѣщающихъ конецъ Новгорода, 3) о Михаилѣ Клопскомъ, 4) о пророчествѣ и видѣніяхъ Зосимы и 5) о Варлаамѣ Хутынскомъ.

85. Преданіе объ иконѣ Спасителя въ св. Софіи. Князь Владиміръ, сынъ Ярослава М., заложилъ въ 1045 г. въ Новгородѣ каменную церковь св. Софіи, при новгородскомъ епископѣ Лукѣ Жидятѣ. Строили церковь семь лѣтъ. Церковь оказалась огромной и прекрасной. Выписанные изъ Константинополя иконописцы украшали ее. Они написали образъ Спасителя съ благословляющею рукою. Когда, по окончаніи образа, Лука вошелъ утромъ въ св. Софію, онъ увидѣлъ, что на образѣ рука Спасителя изображена не благословляющей, а сжатой. Лука велѣлъ иконописцамъ передѣлать изображеніе руки изъ сжатой въ благословляющую. Иконописцы исполнили приказаніе, а на другой день рука опять оказалась сжатой. Такъ повторялось три раза. На третій день отъ образа послышался гласъ живописцамъ: „Писари, о писари! Не пишите меня съ благословляющею рукою, а пишите меня съ рукою сжатою, потому что въ этой рукѣ держу я Великій Новгородъ; а когда эта рука моя распростретъся, тогда Новугороду будетъ скончаніе“.

86. Знаменія, предвѣщающія конецъ Новгорода. Подъ 1471 г. въ лѣтописи перечислены слѣдующія знаменія о судьбѣ Новгорода: „Въ сіе же лѣто и въ мимошедшія преже сего многа знаменія начаша быти въ Новѣгородѣ Великомъ, яко же слышахомъ отъ тамо сущихъ житель; глаголютъ бо: пришедши нѣкогда буря велика и сломи крестъ со святыя Софіи и паки на двухъ гробѣхъ кровь явися; по семъ же паки и у св. Спаса на Хутыни Корсуньскія колоколы сами о себѣ звонъ испущаша; ино же знаменіе страшно и удивленія достойно въ монастырѣ св. Великомученицы Евѳиміи въ женстѣмъ отъ иконы пресвятыя Богородицы многащи слезы, яко струя, отъ очи исхожаху“.

87. Сказанія о Михаилѣ Клопскомъ. Имя Михаила Клопскаго († около 1456 г.) было очень популярно у новгородцевъ. Съ нимъ связанъ рядъ сказаній о судьбѣ Новгорода. Они дошли до насъ въ нѣсколькихъ редакціяхъ. Одна изъ нихъ, краткая, относится къ концу XV или къ началу XVI в.; другая, пространная, относится къ 1537 г. и составлена московскимъ бояриномъ Михаиломъ Тучковымъ во время его пребыванія въ Новгородѣ.

Въ 15 верстахъ отъ Новгорода находился Клопскій монастырь. Однажды, въ началѣ XV в., въ княженіе Василія Дмитріевича монахъ этого монастыря Макарій служилъ заутреню. Во время девятой пѣсни онъ покадилъ сначала братію, а потомъ пошелъ покадить въ своей кельѣ, которая находилась недалеко отъ церкви. Приблизившись къ кельѣ, Макарій съ удивленіемъ замѣтилъ, что дверь, которую онъ, отправляясь въ церковь, закрылъ, оказалась отпертой. Онъ вошелъ въ келью и видитъ — какой-то человѣкъ, одѣтый инокомъ, сидитъ и пишетъ дѣянія святыхъ апостолъ. Макарій ужаснулся и вернулся обратно въ церковь. Когда заутреня окончилась, Макарій вмѣстѣ съ игуменомъ и братіею пошелъ къ своей кельѣ: келья оказалась запертой. Постучали въ двери — никто не откликнулся. Тогда они сломали двери и вошли: въ кельѣ продолжалъ сидѣть незнакомый инокъ, занимаясь писаніемъ. Его спросили, кто онъ такой, человѣкъ, или духъ. Въ отвѣтъ инокъ повторилъ ихъ вопросъ: „кто ты, человѣкъ, или духъ?“ Игуменъ сталъ читать молитвы — инокъ сталъ повторять ихъ; игуменъ сталъ осѣнять его крестомъ, и кадить кадиломъ — инокъ также осѣнилъ себя крестомъ, а отъ кадила уклонялся. Въ тотъ же день во время обѣдни инокъ явился въ церковь, прекрасно пѣлъ молитвы и читалъ апостола. Съ этого времени странный инокъ постоянно пѣлъ въ церкви, а во время монастырской трапезы читалъ. По своему образу жизни инокъ былъ юродивымъ. Происхожденіе его долго оставалось неизвѣстнымъ. Однажды въ Новгородъ явился изгнанный изъ Москвы братъ московскаго князя Василія I Константинъ Дмитріевичъ. Посѣтивъ Клопскій монастырь, Константинъ увидѣлъ юродиваго инока и призналъ въ немъ своего родственника Михаила. Такимъ образомъ, въ лицѣ юродиваго Михаила Клопскаго мы имѣемъ образованнаго представителя княжеской фамиліи, надѣвшаго монашескую рясу и избравшаго юродство, какъ наиболѣе удобную форму монашескаго подвига.

Хорошо знакомый съ современными ему политическими отношеніями, зная хорошо, какъ отпрыскъ московской княжеской фамиліи, стремленія московскаго великаго князя, Михаилъ проницательно смотрѣлъ въ будущее и искусно предсказывалъ его. Такъ, Михаилъ предсказалъ Евѳимію, что онъ будетъ посвященъ въ архіепископы въ Смоленскѣ, а не въ Москвѣ; предсказалъ Іонѣ, что онъ будетъ архіепископомъ,

предсказалъ, что Дмитрій Юрьевичъ Шемяка будетъ побѣжденъ московскимъ княземъ. Предсказалъ Михаилъ также и паденіе Новгорода. Встрѣтивъ владыку Евѳимія, Михаилъ однажды сказалъ, что въ Москвѣ — великая радость: у великаго князя (Василія II-го) родился сынъ, который „царствію его наслѣдникъ будетъ и всѣмъ странамъ страшенъ явится, Великій же Новъградъ пріиметъ, и вся наша обычаи измѣнитъ, и злата многа отъ васъ пріиметъ и васъ въ свою землю приведетъ". Въ другой разъ на слова одного боярина, что у нихъ есть князь литовскій, Михаилъ замѣтилъ, что это у нихъ „не князь, а грязь"; новгородцы должны послать пословъ въ Москву бить великому князю челомъ; а если посламъ не удастся „унять" князя, то князь двинется со своими силами къ Новгороду и не будетъ новгородцамъ Божьей помощи; князь возьметъ въ плѣнъ множество новгородцевъ, другихъ уведетъ въ Москву, третьихъ казнитъ, съ четвертыхъ возьметъ выкупъ, литовскій же князь не поможетъ имъ; такъ, говоритъ преданіе, и случилось.

88. **Пророчество и видѣнія преп. Зосимы.** Преподобный Зосима († 1478 г.), игуменъ Соловецкаго монастыря, съ цѣлью оградить монастырь отъ притязаній своихъ сосѣдей — бояръ и житій Двинской земли, явился въ Новгородъ къ архіепископу Ѳеофилу. Владыка и новгородское боярство приняли участіе въ этомъ дѣлѣ и дали Зосимѣ грамоту съ печатями на владѣніе островомъ. Зосима сдѣлалъ визитъ и нѣкоторой боярынѣ Марѳѣ (Посадницѣ), чтобы заручиться и ея силой въ пользу монастыря. Но Марѳа не приняла его и даже велѣла гнать его отъ своего дома. Зосима, уходя, сказалъ своимъ спутникамъ-ученикамъ: „Се дніе грядутъ, иже дому сего жителіе не изслѣдятъ стопами своими двора сего, и затворятся двери дома сего и къ тому не отверзутся, и будетъ дворъ ихъ пустъ". Марѳа раскаялась въ своемъ поступкѣ и пригласила Зосиму на обѣдъ. Сидя за столомъ, Зосима взглянулъ на пировавшихъ бояръ и видитъ ужасное, исполненное страха и трепета, видѣніе: передъ нимъ сидятъ шестеро бояръ, а головъ на нихъ нѣтъ. Зосима взглянулъ второй разъ — видѣніе повторилось. И сколько Зосима ни взглядывалъ, онъ все видѣлъ шестерыхъ бояръ безъ головъ. Въ ужасѣ и удивленіи Зосима поникъ головой и уже ничего не могъ вкусить въ теченіе обѣда. Это вѣщее видѣніе скоро сбылось. „Пріиде

(въ 1478 г.) благовѣрный князь великій Иванъ Васильевичъ, всея Россіи самодержецъ со всею братьею своею, князьми русскими и со служащими ему царями и князьями татарскими, со всѣми силами воинскими, и совокупи безчисленное множество войска на Великій Новгородъ. И самъ великій князь сталъ въ Русѣ съ братіею своею; а дву воеводъ своихъ посла на Шелону. Новгородцы же собравшеся поидоша противъ ихъ и срѣтоша ихъ на Шелонѣ, и бысть имъ битва. Воеводы же великаго князя овыхъ избиша, а иныхъ емше въ плѣнъ поведоша, а иныхъ князь великій повелѣ главы отсѣщи. Яша (взяли) же и тѣхъ шесть боляриновъ, ихъ же видѣвъ преподобный Зосима на пиру сидящихъ, а главъ не имущихъ на рамѣхъ (плечахъ) своихъ... и тѣмъ главы отсѣкоша".

89. Сказанія о Варлаамѣ Хутынскомъ. Варлаамъ Хутынскій († 1192 г.), происходившій изъ новгородской боярской фамиліи (мірское имя его—Вячеславъ Прокшиничъ, бывшій тысяцкимъ, представитель аристократической партіи), былъ основателемъ Хутынскаго монастыря. Уже при жизни своей онъ творилъ чудеса. Но и послѣ смерти онъ не переставалъ творить ихъ. Въ началѣ XV в. онъ исцѣлилъ великокняжескаго намѣстника кн. Константина. Около половины XV в. былъ Варлаамомъ возвращенъ къ жизни постельникъ великаго князя Василія Григорій Тумгень; свидѣтелями этого чуда были новгородцы и москвичи; дьякъ митрополита Родіонъ Кожухъ составилъ оффиціальное описаніе чуда, занесенное въ лѣтопись; на этомъ основаніи съ 1461 г. въ Москвѣ стали праздновать св. Варлаама.

Новгородцы чрезвычайно дорожили своей святыней — Варлаамомъ и оберегали ее отъ притязаній москвичей. Подъ 1462 г. въ лѣтописи разсказывается слѣдующее чудо Варлаама. Пріѣхалъ въ Новгородъ великій князь Иванъ III. Войдя въ церковь Преображенія, гдѣ находились мощи св. Варлаама, Иванъ рѣшился открыть ихъ и посмотрѣть. Неожиданно изъ гроба вырвалось пламя, которое едва не пожгло князя. Въ ужасѣ князь выбѣжалъ изъ церкви. По мѣстному преданію, до сихъ поръ еще существуютъ деревянная дверь и трость великаго князя, обожженныя пламенемъ.

Самое поэтичное сказаніе о Варлаамѣ относится къ началу XVI в. Въ обители Преображенія и преподобнаго отца Варлаама произошло чудо, преславное видѣніе, исполненное

ужаса. Случилось понамарю Прохору быть въ церкви ради церковной потребы. И видитъ онъ, что на паникадилахъ и на подсвѣчникахъ зажжены всѣ свѣчи, а церковь наполнена благоуханіемъ отъ ѳиміама и ливана. Въ церковь вошли три мужа, сіявшіе свѣтомъ, подобно солнцу, и спросили у понамаря, гдѣ находится настоятель и праотецъ этой честной обители. Понамарь отвѣтилъ имъ, что игуменъ Варлаамъ болѣе трехсотъ лѣтъ тому назадъ преставился, и показалъ имъ его гробницу. Мужи подошли къ ней и воззвали: „Преподобный великій чудотворецъ Варлааме! Господь нашъ Іисусъ Христосъ послалъ насъ къ тебѣ. Востани, отче, отъ гроба своего, да повѣдаемъ тебѣ Божіе повелѣніе“. Немедленно изъ гроба возсталъ Варлаамъ, поклонился имъ до земли и спросилъ, что они ему прикажутъ. Мужи сказали ему: „Владыко Христосъ Богъ нашъ повелѣваетъ тебѣ изыти отъ мѣста сего, понеже за умноженіе беззаконія, грѣховъ ради, хощетъ Господь Богъ погубити и потопити великій Новгородъ озеромъ Ильменемъ“. Услышавъ это, Варлаамъ со слезами отвѣтилъ имъ: „Господіе мои! Скажите Владыкѣ Господу Богу и Спасу нашему Іисусу Христу: если, Владыко, великихъ ради прегрѣшеній, погубишь ты Великій Новгородъ со множествомъ народа, то и меня погуби; если же, Владыко человѣколюбче, множество народа спасешь Великаго Новгорода, мужей и женъ и дѣтей ихъ, то и меня съ ними спаси, Господи. Какъ же, Господи, повелѣваешь Ты мнѣ оставить людей отечества моего въ такой великой бѣдѣ и уйти изъ моего отечества! Да будетъ ми святая твоя воля, о Господи!“ Свѣтоносные мужи, предостерегши преподобнаго отъ нарушенія воли Господа, стали невидимы. Варлаамъ подошелъ къ понамарю и сказалъ ему: „Брате Прохоре! Взыди на самый верхъ церковный и увидишь пагубу Великому Новгороду; ибо хочетъ Господь Богъ погубить градъ сей за умноженіе грѣховъ“. Понамарь взобрался на церковный верхъ и увидѣлъ страшное чудо, исполненное грозы: надъ самымъ Новгородомъ воздвигнулось вверхъ озеро Ильмень, грозя затопить городъ. Понамарь въ ужасѣ бросился внизъ и сообщилъ Варлааму о чудѣ. Варлаамъ сталъ молиться со слезами и умиленіемъ. Окончивъ молитву, онъ снова послалъ понамаря наверхъ. Понамарь взглянулъ по направленію къ Ильменю и увидѣлъ, что озеро установилось на своемъ прежнемъ мѣстѣ. Въ радости понамарь спѣшитъ обратно и сообщаетъ объ этомъ

Варлааму. Варлаамъ вознесъ Богу благодарственную молитву за спасеніе Новгорода и опять посылаетъ понамаря наверхъ. Понамарь видитъ — множество ангеловъ съ неба стрѣляетъ огненными стрѣлами, которыя идутъ, какъ дождь изъ тучи, и эти стрѣлы направляются на множество народа — мужей и женъ, и дѣтей; передъ всякимъ изъ нихъ стоитъ его ангелъ-хранитель съ книгой въ рукѣ и смотритъ въ ней повелѣнія Божія. Если человѣкъ написанъ въ книгѣ въ живыхъ, ангелъ помазываетъ его изъ сосуда кистью; такой человѣкъ мгновенно приходитъ въ исцѣленіе и становится здоровымъ отъ смертоносныхъ и немилостивыхъ ранъ. Если же человѣкъ обреченъ на смерть, ангелъ не помазываетъ его миромъ и уныло отходитъ отъ него. Увидѣвъ это, понамарь спустился внизъ и разсказалъ объ этомъ Варлааму. Варлаамъ сказалъ ему: „Брате Прохоре! За молитву Пречистой Богородицы и всѣхъ святыхъ пощадилъ Господь людей своихъ и не потопилъ потопомъ Новагорода, но послалъ на нихъ моровую казнь, съ милостью и съ покаяніемъ, по сказанному имъ самимъ: въ чемъ тя застану, въ томъ и сужу. И будетъ, брате Прохоре, моръ три лѣта“. Сталъ преподобный еще молиться и снова посылаетъ понамаря наверхъ. Понамарь увидѣлъ надъ городомъ огненный столпъ. Въ ужасѣ сошелъ онъ внизъ и разсказалъ Варлааму. Варлаамъ объявилъ ему, что по истеченіи трехъ лѣтъ послѣ мора будетъ въ Новгородѣ великій пожаръ. Сотворивъ еще молитву, преподобный вошелъ въ свой гробъ; свѣчи и паникадила сами собою погасли. Понамарь разсказалъ это видѣніе игумену Закхею и братіи, игуменъ сообщилъ о немъ архіепископу Серапіону, а Серапіонъ—вельможамъ города и всѣмъ людямъ и заповѣдалъ всему городу, чтобы люди каялись своимъ духовнымъ отцамъ, чтобы смилостивился Богъ и пощадилъ своихъ людей.

Видѣніе понамаря исполнилось. Три года, отъ 1506 — 1508 гг. былъ моръ, а послѣ великій пожаръ. Сгорѣла вся Торговая сторона; погибло въ огнѣ 3.300 человѣкъ.

Это сказаніе въ религіозно-поэтической формѣ объясняетъ стихійныя бѣдствія, обрушившіяся на Новгородъ вскорѣ послѣ его паденія: за умноженіе беззаконія новгородцевъ и ихъ грѣхи сверхъестественныя силы отступились отъ нихъ. Онѣ собирались совершенно погубить его, потопивъ озеромъ Ильменемъ; но заступничество преп. Варлаама спасло Новгородъ

отъ окончательной гибели: онъ былъ наказанъ моромъ и пожаромъ.

Новгородъ, какъ преемникъ Рима и Византіи.

90. Сказанія о преемственной связи между Римомъ, Византіей и Новгородомъ. Нѣкоторыя сказанія и житія пытаются установить связь въ религіозномъ отношеніи между Римомъ, Византіей и Новгородомъ, причемъ Новгородъ представляется преемникомъ Рима и Византіи, послѣдовательно утратившихъ истинную вѣру, послѣднимъ и окончательнымъ сосредоточіемъ истинной христіанской вѣры. Къ этого рода сказаніямъ и житіямъ относятся слѣдующія: 1) дополненіе къ „Сказанію о бѣломъ клобукѣ", 2) „Сказаніе объ иконѣ Тихвинской Божіей Матери" и 3) „Житіе Антонія Римлянина".

91. Новгородское дополненіе къ „Сказанію о бѣломъ клобукѣ". Изъ русскихъ епископовъ новгородскій архіепископъ Василій, въ подражаніе константинопольскимъ патріархамъ, первый сталъ носить бѣлый клобукъ. Съ этого времени бѣлый клобукъ становится отличительнымъ признакомъ новгородскихъ архіепископовъ. Около этого факта создается новгородская легенда, примкнувшая къ греческой легендѣ о бѣломъ клобукѣ (кн. 1-ая, § 133).

Къ константинопольскому патріарху, получившему бѣлый клобукъ, является въ ночномъ видѣніи свѣтлый юноша, который велѣлъ ему, принявъ съ честью клобукъ св. Сильвестра и „написаніе съ благословеніемъ вдавъ", отправить его въ Русскую землю въ Великій Новгородъ, „да будетъ тамъ носимъ на главѣ Василія архіепископа, на почесть святѣй и апостольстѣй соборнѣй церкви Софѣи Премудрости Божіей"... Патріархъ помѣстилъ клобукъ въ большой церкви и задумалъ удержать его въ Константинополѣ. Въ сновидѣніи являются патріарху свв. Константинъ и Сильвестръ, которые подтверждаютъ повелѣніе свѣтлаго юноши. Патріархъ, положивъ клобукъ въ одинъ ковчежецъ и многіе чудные дары въ другой, передалъ ихъ епископу Эвменію. Въ то время въ Новгородѣ архіепископомъ былъ Василій. Получивъ во снѣ предупрежденіе о клобукѣ, Василій вышелъ на встрѣчу посланнымъ съ клобукомъ и „благочинно" принялъ его и дары. Съ этого времени „утвердился бѣлый клобукъ на главахъ святыхъ архіепископовъ Великаго Новгорода".

„Сказаніе о бѣломъ клобукѣ“, дополненное новгородскимъ правящимъ классомъ около середины XIV в., имѣло цѣлью послужить идейнымъ орудіемъ въ борьбѣ за независимость новгородской церкви. Къ концу XV в., оно получило новый смыслъ: возвеличивался новгородскій владыка. Высокое положеніе владыки основывалось на сверхъестественной силѣ: бѣлый клобукъ былъ отнятъ у папы и переданъ константинопольскому патріарху; но и послѣдній оказался недостойнымъ его (§ 40) и, по повелѣнію свыше, долженъ былъ отослать его въ Новгородъ: только въ Новгородѣ оказались достойные для бѣлаго клобука іерархи.

Любопытна исторія „Сказанія“ въ новгородской редакціи, носящей такое заглавіе: „Посланіе Дмитрія Грека Толмача новгородцамъ архіепископа Геннадія“. Дмитрій Толмачъ, редакторъ „Сказанія“, былъ отправленъ посломъ въ Римъ съ порученіемъ, между прочимъ, достать текстъ „Сказанія о бѣломъ клобукѣ“. Въ предисловіи къ „Посланію“ редакторъ разсказываетъ о томъ, съ какимъ трудомъ удалось ему сдѣлать это, потому что римляне, „срама ради таятъ велми“ это сказаніе. Дмитрій „плакался“ къ библіотекарю римской церкви Іакову, который сообщилъ ему, подъ великимъ секретомъ, такую исторію.

Нѣкогда существовалъ древній текстъ „Сказанія“; но „зависти ради православныхъ древнихъ началницы града сего о семъ писание истребиша“. Много лѣтъ спустя, когда турки завладѣли Царьградомъ, „нѣцыи благочестивиі мужие Царяграда взяша множество греческихъ книгъ, хотяще соблюсти греческия вѣры от безбожныхъ турокъ, і отплыша моремъ в Римъ“. „Латинстиі людие“ перевели греческія книги на римскій языкъ, въ томъ числѣ и „Сказаніе о бѣломъ клобукѣ“, а греческія книги сожгли.

Услышавши эту исторію, Дмитрій припалъ къ колѣнямъ Іакова и упросилъ его дать ему латинскій текстъ, съ котораго онъ сдѣлалъ переводъ.

92. Сказаніе объ иконѣ Тихвинской Божіей Матери. Сказаніе о Тихвинской иконѣ получило распространеніе при новгородскомъ архіепископѣ Серапіонѣ († 1516 г.).

Тихвинская икона Богоматери первоначально, какъ и бѣлый клобукъ, принадлежала Риму. За беззаконія Рима она перенеслась въ Византію. Когда и въ Византіи умножились

беззаконія, икона перенеслась въ предѣлы Руси, именно въ Новгородскую область.

Въ 1383 г. въ Новгородской области, недалеко отъ Варяжскаго моря на Ладожскомъ озерѣ, явилась въ воздухѣ честная икона Богоматери. Рыбаки видѣли, какъ икона шествовала по воздуху надъ пучиною многихъ водъ и унеслась дальше къ сушѣ. Икона останавливалась надъ разными мѣстностями, которыя потомъ были застроены часовнями. Наконецъ, она остановилась на Тихвинѣ, гдѣ ей духовенство и народъ устроили торжественную встрѣчу. Здѣсь положено было основаніе церкви во имя Успенія. Позже, въ началѣ XVI в., при Серапіонѣ построена была каменная церковь, и положено было начало Тихвинскому монастырю.

Въ связи съ этимъ явленіемъ иконы повѣствуется слѣдующій эпизодъ. Однажды благочестивымъ мужамъ Новгорода случилось быть въ Царьградѣ. Съ ними бесѣдовалъ патріархъ, сообщившій, что константинопольская икона Богородицы отошла отъ Царьграда. Патріархъ спросилъ ихъ, не слыхали ли они что либо о ней. Новгородцы повѣдали, что одна чудотворная икона Одигитрія явилась неизвѣстно откуда по воздуху въ предѣлы Руси, переходила съ мѣста на мѣсто въ Новгородской землѣ и остановилась на рѣкѣ Тихвинѣ, творя дивныя чудеса и подавая безчисленныя исцѣленія. Услышавъ это, патріархъ съ воздыханіемъ изъ глубины сердца разсказалъ новгородцамъ о томъ, какъ чудотворная икона Богоматери преславно отошла отъ царствующаго града Константина по морю, гордости ради и братоненавидѣнія и неправды, и оставила навсегда городъ этотъ, чтобы никогда уже болѣе въ него не возвращаться. Послѣ этого сообщенія патріархъ показалъ имъ мѣсто и кіотъ, гдѣ стояла чудотворная икона. На этомъ мѣстѣ теперь находилась другая икона Богоматери меньшихъ размѣровъ, и передъ нею стоялъ неугасимый свѣтильникъ. Новгородцы очень удивлялись великому чуду и долго вели бесѣду съ патріархомъ. Возвратившись въ Новгородъ, они разсказали о томъ, что слышали отъ патріарха.

„Сказаніе объ иконѣ Тихвинской Божіей Матери“, какъ и „Сказаніе о бѣломъ клобукѣ“ имѣло цѣлью возвысить Новгородъ надъ Москвой и изобразить его носителемъ истиннаго благочестія, не нашедшаго себѣ мѣста ни въ Римѣ, ни въ Византіи.

93. Житіе Антонія Римлянина. Житіе Антонія Римлянина († 1147) послужило предметомъ литературной обработки, которая приписывалась его ученику Андрею, бывшему игуменомъ Антоніева монастыря отъ 1147—1157 г. Въ дѣйствительности житіе это было составлено на основаніи старинныхъ документальныхъ данныхъ и устныхъ преданій не раньше конца XVI в. (около 1594 г.) постриженникомъ Антоніева монастыря Нифонтомъ, послѣ того какъ онъ перешелъ въ Троицкій Сергіевъ монастырь. Житіе было подготовлено къ торжеству открытія мощей Антонія въ 1597 г.

Житіе представляетъ Антонія Римляниномъ. Родители Антонія держались православной вѣры втайнѣ, потому что Римъ отпалъ отъ христіанской вѣры и „преложися къ латыни". Когда родители умерли, Антоній роздалъ ихъ имѣніе нищимъ, „прочая отъ имѣнія своего" вложилъ въ бочку и предалъ морю, а самъ ушелъ изъ города въ дальнія пустыни „взыскати мниховъ, живущихъ и тружающихся Бога ради, крыяся отъ еретикъ въ пещерахъ и въ разсилинахъ земныхъ". Въ пустынѣ Антоній принялъ монашество (ему было тогда 18 лѣтъ) и пробылъ тамъ 20 лѣтъ, „тружаяся и постяся и моляся Богу день и нощь". Въ это время „ненавидяй добра діаволъ воздвиже гоненіе конечное на християны". Князья и папа послали въ пустыни ловить монаховъ и предавать ихъ „на мученіе". Преподобные отцы, испугавшись, разбѣжались. Антоній удалился къ морю и сталъ подвизаться въ непроходимыхъ мѣстахъ, проводя время на одномъ камнѣ. Однажды поднялись великіе вѣтры; море всколебалось такъ, какъ никогда; волны восходили до камня. Преподобный стоялъ, творя молитвы. Внезапно одна волна надулась подняла камень и понесла его съ преподобнымъ, точно корабль. Во время этого путешествія преподобный объятъ былъ необыкновеннымъ свѣтомъ, такъ что онъ не зналъ, когда былъ день и когда ночь. Камень плылъ безъ кормила и кормчаго по морю, попалъ въ рѣку Неву, изъ Невы въ озеро Нево (Ладожское), изъ озера вверхъ по Волхову и остановился у Волховскаго сельца. Утромъ собравшійся народъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на невѣдомаго человѣка, сидѣвшаго на камнѣ. Стали спрашивать его, кто онъ и откуда. Онъ, не понимая русскаго языка, молчалъ и не смѣлъ сойти съ камня, на которомъ пробылъ три дня и три ночи. Тогда явился нѣкій гречинъ-готъ, который заговорилъ съ Антоніемъ на понятномъ

ему языкѣ. Изъ разговора съ гречиномъ готомъ Антоній узналъ, куда онъ попалъ.

Въ скоромъ времени Антоній выучился русскому языку. Онъ продолжалъ жить на камнѣ, молясь день и ночь. Слухъ о необыкновенномъ подвижникѣ дошелъ до владыки Никиты, который потребовалъ его къ себѣ. По настоянію владыки Антоній открылъ ему тайну своего прибытія, и владыка, узнавъ ее, „не мняше его, яко человѣка, но яко ангела Божія". Владыкѣ удалось убѣдить Антонія построить на томъ мѣстѣ, гдѣ остановился его камень, деревянную церковь во имя Рождества Богородицы.

Черезъ годъ послѣ пришествія преподобнаго случилось, что рыбаки ловили рыбу около Антоніева камня. Они трудились всю ночь и ничего не поймали. Подошелъ къ нимъ Антоній, далъ имъ гривенный слитокъ серебра и попросилъ ихъ закинуть неводъ и то, что̀ они поймаютъ, отдать дому Матери Божіей. Они закинули невода и вытащили ихъ наполненными рыбой и кромѣ того бочку, скрѣпленную желѣзными обручами. Антоній рыбу отдалъ рыбакамъ, а бочку хотѣлъ оставить себѣ. Но рыбаки на это не согласились, говоря, что они взялись наловить ему рыбы и потому бочка принадлежитъ имъ. Антоній перенесъ дѣло въ судъ. На судѣ Антоній попросилъ рыбаковъ указать, что̀ находится въ бочкѣ. Рыбаки, не зная этого, молчали. Тогда Антоній сказалъ: „Сия бочка нашей худости (производства, „художества"), вдана морстей водѣ въ Римѣ сущимъ отъ нашихъ бо грѣшныхъ рукъ, влажены же въ бочку сосуди церковніи, златы, сребряны и хрустальныи, потиры и блюда и иная многая отъ освященныихъ вещехъ церковныихъ и злато и сребро отъ имѣнія родителей моихъ; вверженое же въ море сокровище сия тоя ради вины, еже бы не осквернилися священныи сосуди отъ богомерьзскихъ еретикъ и отъ приспочныхъ бѣсовскихъ жертвъ; подписи же на сосудехъ римскимъ языкомъ написаныя". Бочка отдана была судьями Антонію.

Житіе Антонія Римлянина, подобно сказаніямъ о бѣломъ клобукѣ и Тихвинской иконѣ имѣетъ цѣлью возвеличеніе Новгорода: Новгородъ оказывается свыше избраннымъ городомъ для сохраненія истинной христіанской вѣры, попранной въ Римѣ, и одинъ изъ выдающихся представителей латинской вѣры переселяется въ Новгородскую землю. Легенда объ этомъ чудес-

номъ переселеніи сложилась около времени паденія Новгорода, что видно изъ слѣдующаго соображенія: прозвище „Римлянинъ“ присоединяется къ имени Антонія съ половины XVI в.; до этого времени оно не встрѣчается ни въ лѣтописяхъ, ни въ другихъ литературныхъ памятникахъ.

Имѣя идейное значеніе, житіе Антонія въ то же время цѣнно своими указаніями на культурныя связи Новгорода съ Западомъ: бочка Антонія была западно-европейскаго производства; утварь, находившаяся въ бочкѣ, была также западно-европейской работы, а надписи на нихъ—латинскія.

94. Общій взглядъ на новгородское литературное творчество. Новгородское литературное творчество распадается на произведенія двоякаго рода: устныя и письменныя.

1) **Устное новгородское творчество.** Новгородское устное творчество удѣльно-феодальной эпохи рѣзко отличается отъ древняго новгородско-кіевскаго, кіевскаго и вообще южнорусскаго устнаго творчества. Старины, принадлежащія къ этимъ разрядамъ творчества, проникнуты сильнымъ военнымъ духомъ, что̀ вполнѣ понятно: предметомъ ихъ являются по преимуществу событія изъ жизни княжеско-дружинной среды, основная задача которой заключалась въ охранѣ путей сообщенія и границъ государства отъ азіатскихъ кочевниковъ. Подъ вліяніемъ многочисленныхъ княжескихъ усобицъ военный духъ княжеско-дружинной среды еще болѣе усиливается: ея интересы сосредоточивались главнымъ образомъ на военныхъ подвигахъ и военной доблести. Пѣвцы-поэты Велиководной Руси вѣрно отразили характерную черту княжеско-дружиной среды и создали типы Добрыни Никитича, Алеши Поповича, Ильи Муромца и др.

Въ иной средѣ вращались новгородскіе пѣвцы-поэты удѣльнаго періода: антагонизмъ между княжеской властью и новгородской правящей средой, промышленно-военные походы боярства, внезапное обогащеніе отдѣльныхъ лицъ невѣдомыми для массы путями, торговыя предпріятія купечества и построеніе церквей, борьба политическихъ партій, часто переходившая въ вооруженную расправу съ противниками, роль владыки, пріѣзды богатыхъ иностранныхъ гостей, жениховъ, ссоры изъ-за знатности, измѣны, преобладаніе хитрости надъ военною доблестью,—таковы основныя явленія новгородской жизни, вѣрно отраженныя новгородскими пѣвцами-поэтами.

2) Письменное новгородское творчество. Письменное новгородское творчество представляетъ дальнѣйшее развитіе литературы, начатой Новгородомъ въ предшествующемъ періодѣ (кн. 1-ая, §§ 292, 293, 294, 318). Она чрезвычайно разнообразна по содержанію и жизненна: тутъ мы находимъ и лѣтописи, носящія отпечатокъ вліянія политическихъ партій, и богословскія сочиненія, и описанія путешествій, и, наконецъ, обширную литературу житій и сказаній, тѣсно связанныхъ съ борьбой Новгорода за самостоятельность.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Псковское идейно-литературное творчество.

95. Псковское идейно-литературное творчество. Псковское идейно-литературное творчество выразилось, помимо лѣтописей, во-1-хъ, въ сказаніяхъ о выдающихся событіяхъ и лицахъ изъ псковского прошлаго, во-2-хъ, въ общественно-религіозныхъ движеніяхъ и, въ-3-хъ, въ сказаніи о Псковскомъ взятіи.

Псковскія сказанія.

96. Псковскія сказанія. Псковскія сказанія связаны съ основаніемъ псковского храма св. Троицы и съ двумя псковскими дѣятелями: княземъ Всеволодомъ Мстиславичемъ и княземъ Довмонтомъ.

97. Сказаніе о св. Троицѣ. Св. Троица была для псковичей такою же святыней, какъ св. Софія для Новгородцевъ.

Княгиня Ольга, ставши христіанкою, посѣщала самыя отдаленныя части своего княжества и вездѣ распространяла христіанство. Однажды она осматривала мѣстность, гдѣ нынѣ находится Псковъ. Въ то время тамъ находился великій лѣсъ и многія дубравы. Княгиня находилась на лѣвомъ берегу рѣки Великой при впаденіи въ нее съ правой стороны рѣки Псковы. Вдругъ она замѣтила, что съ неба падаютъ три свѣтлыхъ луча; своимъ троичнымъ свѣтомъ они озарили крутое возвышеніе противоположнаго берега рѣки Великой. Ольга поняла это

знаменіе и сказала своимъ спутникамъ: „Разумно да будетъ вамъ, яко Волею Божіею на семъ мѣстѣ церковь имать быти во имя Пресвятыя Единосущныя и Животворящія и Нераздѣльныя Троицы, Отца и Сына и св. Духа, еще же и градъ здѣ великъ будетъ и славенъ и изобиленъ“. Такъ и случилось. Вернувшись въ Кіевъ, св. Ольга прислала сюда золота и серебра для сооруженія храма св. Троицы на берегу рѣки Великой. Храмъ соорудили, и около него возникъ славный городъ Псковъ.

98. Сказаніе о князѣ Всеволодѣ. Князь Всеволодъ Мстиславичъ († 1138 г.), внукъ Владимира Мономаха, былъ національнымъ псковскимъ героемъ. Житіе его на основаніи лѣтописныхъ данныхъ и устныхъ псковскихъ преданій, сохранявшихся среди „мужей псковскихъ старѣйшихъ“, составлено было въ половинѣ XVI в. пресвитеромъ Василіемъ, въ иночествѣ Варлаамомъ. Авторъ, вѣрнѣе, преданіе, нарушая хронологію, представляетъ Всеволода современникомъ Ливонскаго ордена.

Послѣ Мстислава, сына Владимира М., престолъ новгородскій занимаетъ Всеволодъ. Князь отличался благочестіемъ, строилъ храмы и снискалъ себѣ преданность во многихъ новгородцахъ. Затѣмъ Всеволодъ отошелъ изъ Новгорода въ Переяславль. Тогда діаволъ, искони ненавидящій человѣческій родъ, воздвигнулъ на блаженнаго князя Всеволода нѣкоего лютаго князя, не боящагося Бога, именемъ Юрія Владиміровича (т.-е. Долгорукаго), который пошелъ на Переяславль. Всеволодъ не устоялъ противъ Юрія и убѣжалъ въ Новгородъ. Изъ Новгорода онъ пошелъ на Суздаль и Ростовъ, но потерпѣлъ пораженіе на Ждановой горѣ. Раздраженные новгородцы сочли виновникомъ пораженія Всеволода, схватили его и засадили въ тюрьму на дворѣ архіепископа. Князь долженъ былъ покинуть Новгородъ и пошелъ въ Кіевъ. Дядя его Ярополкъ Владиміровичъ далъ ему въ управленіе Вышгородъ. Сюда явились псковичи и просили его стать ихъ княземъ. Онъ согласился.

Въ Псковѣ Всеволодъ, какъ и въ Новгородѣ, отдавался дѣламъ благочестіи, строя церкви и покровительствуя духовенству. Между прочимъ, онъ на мѣсто деревянной церкви св. Троицы, построенной еще Ольгой, соорудилъ каменную церковь. Всеволодъ прославился также и военными подвигами:

„языцы же латиньстіи (т.-е. ливонцы) вси бояхуся имени его святаго и не смѣяху приходити на градъ Псковъ“.

Когда Всеволодъ умеръ, въ Псковѣ поднялся великій плачъ и рыданіе: псковичи потеряли въ немъ „оборонителя и забрало граду Пскову отъ поганыхъ нѣмецъ“, а вдовы и сироты потеряли своего кормителя и утѣшителя.

Новгородцы, узнавъ о преставленіи князя, отправили въ Псковъ протопопа св. Софіи Полюда съ нѣсколькими благовѣрными мужами для того, чтобы они взяли святыя мощи блаженнаго князя на утвержденіе Великому Новгороду и на исцѣленіе недугамъ. Протопопъ Полюдъ и мужи новгородскіе приступили къ ракѣ князя, чтобы взять ее. Но рака не сдвинулась съ мѣста: Господь Богъ благоволилъ пребывать святому тамъ, гдѣ онъ преставился. Полюдъ и мужи новгородскіе стали плакать у раки, говоря: „О, царю святый, блаженный княже Всеволоде! Не прогнѣвайся на насъ, рабовъ своихъ, за то, что мы много тебѣ зла сотворили отъ своего неразумія въ жизни твоей. Но дай же намъ знаменіе, Великому Новгороду на утвержденіе и на исцѣленіе недуговъ, отъ мощей твоихъ святыхъ“. Тогда произошло чудо: блаженный „въ томъ часѣ невидимо спусти ноготь отъ честныя руки своея и дасться Полюдови протопопу; христолюбивіи же мужіе Великаго Новгорода, вземши честно съ великою радостію ноготь святыя руки его и прославиша Бога и Пречистую Богородицу и св. чудотворца великаго князя Всеволода и отъидоша въ путь свой къ Великому Новгороду и веселящеся духомъ“.

На гробъ князя возложено было его оружіе, мечъ и щитъ, „на похвалу и утвержденіе граду, яже суть и донынѣ“. Святой и по смерти продолжаетъ чудодѣйственно помогать своимъ псковичамъ, побѣждая поганыхъ нѣмцевъ и спасая городъ отъ латинства.

На сказаніи о Всеволодѣ отразилась борьба Пскова съ Новгородомъ за самостоятельность. Какъ новгородцы въ борьбѣ съ Москвой возрождали свою героическую и церковную старину, окружая ее легендами, такъ поступали и псковичи въ борьбѣ съ Новгородомъ: новгородцы не оцѣнили достоинствъ Всеволода и принудили его уйти отъ нихъ; псковичи пригласили отошедшаго князя къ себѣ и въ его лицѣ пріобрѣли не только военнаго предводителя, но и святого; когда новгородцы захотѣли присвоить себѣ мощи святого, высшая сила не допустила этого;

когда же новгородцы стали умолять дать имъ знаменіе, они получили отъ него ноготь, но и ноготь святого привелъ ихъ въ радостное настроеніе.

Сказаніе проникнуто сознаніемъ превосходства Пскова надъ Новгородомъ и мыслью о томъ, что Псковъ находится подъ особымъ покровительствомъ сверхъестественныхъ силъ.

99. Сказаніе о князѣ Довмонтѣ. Другимъ національнымъ героемъ псковичей былъ князь Довмонтъ († 1299 г.).

Князь Довмонтъ, сынъ литовскаго князя Миндовга, переселился въ 1266 г. со всѣмъ своимъ родомъ въ Псковъ и принялъ крещеніе. Христіанское его имя — Тимоѳей. Ради своего мужества и добронравія онъ выбранъ былъ псковитянами въ князья.

Однажды князь Довмонтъ съ небольшой дружиной предпринялъ походъ на Литву. Со множествомъ полона возвращался онъ обратно. Переправившись черезъ Двину, Довмонтъ послалъ впередъ двѣ трети своей дружины, а самъ съ остальной третью остался, ожидая погони за собою. Дѣйствительно, скоро показалась великая литовская рать съ нѣсколькими князьями во главѣ. Довмонтъ, собравъ свою маленькую дружину обратился къ ней съ такою рѣчью: „Братья, мужи псковичи! Кто старъ, то — отецъ, а кто младъ, той — братъ. Слышавъ есмь мужество ваше во всѣхъ странахъ. Се же, братья, намъ предлежитъ животъ и смерть. Братья, мужи псковичи! Потягнѣте за св. Троицу и за святыя церкви и за свое отечьство!“ Былъ день великаго и славнаго воеводы, мученика Христова Леонтія. Довмонтъ, вспомнивъ имя святого Леонтія и присоединивъ къ нему имена главныхъ святынь Пскова — св. Троицы и св. Всеволода, обратился къ нимъ съ воззваніемъ о помощи: „Святая Троица и святый великій воевода Леонтій и благовѣрный княже Всеволоде! Помозите намъ въ часъ сій на супротивныя враги!“ Псковичи одержали блестящую побѣду надъ литовцами и возвратились „съ радостію великою ко Пскову граду со многою користію (добычей), и бысть радость и веселіе веліе въ градѣ во Псковѣ о пособіи святыя Троица и славнаго великого Христова мученика Леонтія и благовѣрнаго князя Всеволода, ихъ молитвами на супостатыа побѣда“.

Довмонтъ одержалъ много побѣдъ надъ Литвой и нѣмцами, поплѣнилъ Чудь и Поморье. Въ благодарность Богу за дарованныя побѣды и на память будущимъ поколѣніямъ Довмонтъ

строилъ много церквей. Жилъ Довмонтъ свято и богоугодно, въ постѣ и молитвахъ. Честное тѣло его положено было въ соборной церкви св. Троицы. У гробницы псковичи повѣсили его мечъ: когда Довмонтъ при жизни своей собирался въ походъ, онъ полагалъ этотъ мечъ передъ алтаремъ въ церкви св. Троицы, и послѣ усердной молитвы игуменъ своею рукою опоясывалъ Довмонта этимъ мечемъ.

Идейно-религіозныя движенія во Псковѣ.

100. Идейно-религіозныя движенія во Псковѣ. Борьба за церковную независимость (§ 18) пробудила въ псковскомъ обществѣ продолжительное идейно-религіозное движеніе. Въ демократической части общества это движеніе носило радикально протестующій характеръ; въ аристократической части оно имѣло отвлеченно-богословскій характеръ. Демократическое идейно-религіозное движеніе выразилось въ ереси, получившей названіе „стригольничества"; аристократическое отвлеченно-богословское мышленіе выразилось въ полемикѣ по вопросу объ аллилуіи.

101. Стригольничество. Тяжелое матеріальное, юридическое и нравственное положеніе чернаго человѣка (§ 11) возбуждающимъ образомъ дѣйствовало на его мысль, особенно, если черный человѣкъ, такъ или иначе, усвоилъ новгородско-псковскую образованность. У него являлась потребность въ томъ, чтобы дать себѣ отчетъ въ собственномъ положеніи, объяснить его, найти себѣ опорные пункты въ своихъ жизненныхъ отношеніяхъ. Единственная система міропониманія тогда была еврейско-византійско-болгарская. Отсюда приходилось черпать матеріалъ и черному человѣку. Еврейско-византійско-болгарское міропониманіе, представляло изъ себя очень сложную систему: основа ея, первоначальное христіанское ученіе, была демократическаго происхожденія; она нашла себѣ выраженіе въ Евангеліи и въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ (кн. 1-ая, § 13). Съ того времени, какъ правящій классъ Римской имперіи призналъ христіанство государственной религіей, демократическая основа христіанскаго ученія стала истолковываться въ духѣ интересовъ правящаго класса. Христіанство съ момента его появленія у насъ было религіей правящаго класса; поэтому его демократическая основа не пользовалась у насъ

вліяніемъ до тѣхъ поръ, пока гнетущія условія жизни народной массы не пробудили въ нѣкоторыхъ ея представителяхъ самосознанія. Особенно благопріятная почва для такого пробужденія была въ Новгородско-Псковской Руси благодаря ея связямъ съ Западомъ, гдѣ съ XII в. шло религіозное броженіе.

Контрасты экономическаго и общественно-политическаго положенія новгородско-псковскихъ классовъ, демократическая основа христіанства, общеніе съ западно-европейцами—все это вмѣстѣ должно было рано или поздно породить въ Новгородско-Псковской Руси религіозное движеніе, которое дѣйствительно и явилось во второй половинѣ XIV в. подъ именемъ стригольничества.

Свѣдѣнія о стригольничествѣ, какъ объ ученіи, и объ его движеніи чрезвычайно скудны. Собственныхъ сочиненій стригольниковъ до насъ не дошло. Поэтому свѣдѣнія объ нихъ почерпаются главнымъ образомъ изъ обличительныхъ сочиненій ихъ противниковъ и изъ лѣтописей.

Стригольничество зародилось во Псковѣ и оттуда уже перешло въ Новгородъ. Церковная зависимость Пскова отъ Новгорода особенно тяжело отзывалась на положеніи низшей части духовенства, состоявшей большею частью изъ черныхъ людей: на нее падали главные расходы Пскова въ пользу владыки; на нее сыпались тяжкія дисциплинарныя взысканія, вплоть до тюрьмы. Это породило среди низшей части духовенства, т.-е. въ наиболѣе просвѣщенной части городской демократіи, глубокое недовольство, пробудившее критическую мысль.

Основателями стригольничества считаются три лица: Карпъ—„простецъ“ (по инымъ свѣдѣніямъ—діаконъ), Никита—діаконъ, и неизвѣстное по имени лицо, тоже изъ „простецовъ“, т.-е. изъ низшаго класса населенія. Названіе ереси толкуется различно: одни полагаютъ, что главный изъ еретиковъ, Карпъ, до діаконства (а можетъ быть, и во время діаконства) былъ по ремеслу своему „стригольникъ“, т.-е. парикмахеръ („цирюльникъ“); другіе полагаютъ, что это названіе дано потому, что Карпъ былъ разстриженъ изъ діаконовъ; третьи думаютъ, что принимаемые въ общину стригольниковъ подвергались особому обряду постриженія.

По своему общественному происхожденію еретики были

„простецы“, т.-е. принадлежали къ чернымъ людямъ; а по своему общественному положенію они принадлежали къ низшей части псковскаго духовенства. Этимъ опредѣляются характерныя черты ихъ ученія, весьма близкаго къ богомильству (кн. 1-ая, § 17) *). Стригольники 1) отрицали церковную іерархію и монашество, 2) отрицали обряды, таинства (покаяніе) и догматы (воскресеніе изъ мертвыхъ), 3) вѣрили въ непосредственное общеніе каждаго человѣка съ Богомъ (мистицизмъ). Изъ этихъ пунктовъ главный — отрицаніе духовной іерархіи.

Отрицаніе іерархіи проистекало у еретиковъ изъ экономическихъ основаній: всѣ духовные чины поставлены на мздѣ, т.-е. черезъ симонію (кн. 1-ая, § 150), черезъ продажу благодати **); всѣ они мздоимствуютъ — епископы собираютъ имѣнія, священники вымогаютъ съ мертвыхъ и живыхъ, — и всѣ они ведутъ недостойную жизнь. Изъ этого стригольники дѣлали слѣдующіе выводы: епископы не преподаютъ священникамъ истинной благодати священства; таинства и обряды, совершаемые духовными лицами, недѣйствительны, и обращеніе къ нимъ мірянъ безполезно; учителемъ вѣры можетъ быть всякій простой человѣкъ безъ всякаго посвященія; исповѣдь не нужна, достаточно покаянія къ землѣ; молиться за умершихъ не нужно: „не достоитъ де надъ мрътвыми пѣти, ни поминати, ни службы творити, ни приноса за умершаго приносити къ церкви, ни пировъ творити, ни милостыни давати за душю умершаго“; вклады въ церкви и въ монастыри для спасенія души — недѣйствительны.

Стригольники вели строгій образъ жизни.

Выступая противъ симоніи и вообще противъ „мздоимства“ духовенства, стригольники, въ сущности, приходили въ

*) Въ 1-ой книгѣ не было указано, что богомильство зародилось среди болгарской *демократіи*. Что это такъ, видно напр., изъ слѣдующей характеристики этого ученія: „учатъ же своя си: не повиноватися властелемъ своимъ, хуляще богатыхъ, отецъ (духовныхъ) ненавидятъ, ругаются старѣйшинамъ, укоряютъ бояры, мерзки Богу мнятъ работающихъ царю, и всякому рабу не велятъ работати господину своему“.

**) Протестъ противъ симоніи поднятъ былъ у насъ впервые не стригольниками, а митрополитомъ Кирилломъ III (§ 108) и тверскимъ монахомъ Акиндиномъ (§ 122). Вѣроятно, стригольники были знакомы съ сочиненіями этихъ лицъ противъ симоніи.

столкновеніе съ установившимся церковнымъ строемъ, т.-е. они выступали противъ матеріальнаго и идейнаго господства духовной аристократіи надъ народной массой; а такъ какъ этотъ строй былъ отраженіемъ экономическихъ и общественно политическихъ отношеній, существовавшихъ вообще между правящими классами и народной массой, то движеніе стригольниковъ вообще имѣло противогосударственный характеръ. Правящій классъ, въ лицѣ церковныхъ и свѣтскихъ властей — новгородскихъ, московскихъ, константинопольскихъ и даже псковскихъ, понялъ это и сталъ принимать противъ стригольниковъ мѣры.

Прежде всего основателей ученія арестовали и въ 1375 г. казнили (утопили). Затѣмъ, руководители церкви, не отказываясь отъ мѣръ государственнаго порядка, стали выступать на защиту церковнаго ученія и строя въ литературныхъ произведеніяхъ. Первымъ выступилъ противъ стригольниковъ глава восточной церкви константинопольскій патріархъ Нилъ.

Въ своей грамотѣ во Псковъ (ок. 1382) патріархъ опровергаетъ мнѣніе стригольниковъ о томъ, что духовенство стоитъ на мздѣ. Патріархъ признаетъ, что рукополагающіе за деньги нарушаютъ каноническія правила и должны быть приравнены къ Симону-волхву, Македонію и прочимъ духоборамъ, такъ какъ они продаютъ непродаваемую благодать всесвятого Духа. И тѣмъ не менѣе патріархъ считаетъ возможнымъ допустить особые „исторы“ (расходы) рукополагаемыхъ: если рукополагаемые сами отъ себя, никѣмъ не принуждаемые, дѣлаютъ расходы на свѣчи, вино (церковное), обѣды и т. д., то эти траты не могутъ быть поставляемы ни въ какую вину рукополагающимъ, потому что „поставленіе туне (даромъ) бываетъ... Ино бо еже взимати мзды поставленіа дѣля (ради), ино же о нужныхъ потрѣбахъ исторы“.

Вторымъ выступилъ противъ стригольниковъ св. Стефанъ Пермскій. Въ своемъ „Поученіи противъ стригольниковъ“ (ок. 1386) онъ подвергъ ученіе еретиковъ обстоятельному разбору.

Уступая въ тонкости мышленія патріарху Нилу, Стефанъ прямо признаетъ фактъ существованія мзды за поставленіе и беретъ его подъ свою защиту. Самъ Христосъ, — доказываетъ Стефанъ, — вошедъ въ домъ Закхея, обѣдалъ тамъ и принималъ подаваемое. „Аще бы не пріималъ Христосъ ни отъ кого же

имѣнія, чимъ бы ученицы шли купити хлѣбъ въ градъ самарѣйскъ, егда сѣдѣ Христосъ на кладязѣ, и кое бы сребро посилъ Іюда въ ковчежцѣ?“ Апостолы также „пріимаху отъ приносящихъ къ нимъ“ и сами „оттолѣ стяжаху себѣ пищу и одѣяніе: не камена имъ тѣлеса быша“. Стефанъ не только приводитъ примѣры изъ св. Писанія, но и защищаетъ „мзду“ слѣдующимъ логическимъ соображеніемъ: если, — говоритъ онъ, — стать на точку зрѣнія стригольниковъ, то слѣдуетъ признать, что на землѣ нѣтъ ни одного истиннаго священника; откуда же въ такомъ случаѣ взять истинныхъ священниковъ— вѣдь не воплотится же Христосъ вторично или не сойдетъ съ неба ангелъ, чтобы поставить новыхъ священниковъ?

Стригольники отрицаютъ церковную іерархію и утверждаютъ, что апостолъ Павелъ „и простому человѣку повелѣ учити“. Стефанъ указываетъ стригольникамъ, что слова Павла не къ нимъ относятся и не къ нашимъ временамъ: „тогда бо вси невѣрни быша“. Стригольники, подстрекаемые завистью, возстаютъ на святителей и на поповъ, „сами себѣ хотяще перехватити честь“; „ни священіа имущи, ни учительскаго сана, сами ся поставляють учители народа, отъ тщеславія и высокоумія и слушающая же ихъ сводять въ погибель“. Стефанъ протестуетъ противъ притязаній стригольниковъ на учительство: „Что ся твориши главою, нога сый, овца будя, пастухомъ твориишся? Не слушанте Григорья Богослова, рекшаго: овци, не пасите пастуховъ“.

Нѣкоторые „безумніи“, противополагая стригольниковъ духовнымъ лицамъ, такъ характеризуютъ первыхъ: „сіи не грабять и имѣнія ни збирають“. Стефанъ отвѣчаетъ на это: „Фарисѣи же таци же бѣша: постишася дважды въ недѣлю, весь день не ядуща... Таковыи же бѣша еретицы—постницы, молебницы, книжницы, лицемѣрницы, предъ людми чисти творящеся: аще бо бы не чисто житье ихъ видѣли люди, то кто бы вѣровалъ ереси ихъ. Или бы не отъ книжнаго писанія говорили, никто бы не послушалъ ихъ“.

Въ заключеніи своего „Поученія“ Стефанъ совѣтуетъ принимать энергичныя мѣры противъ послѣдователей стригольничьяго ученія: „А кто по стригольнической ереси начнетъ священниковъ осужати, не токмо неподобно ихъ послушати, но и отъ града згоже (слѣдуетъ) отгнати ихъ; рече бо Писаніе: изверзите злое отъ себе сами; малъ квасъ все вмѣшеніе квасить“.

Выступалъ противъ стригольниковъ и митрополитъ Фотій.

Въ 1416 г. Фотій отправилъ въ Псковъ посланіе, въ которомъ онъ пишетъ, что доходъ отъ поставленій является законнымъ содержаніемъ епископовъ, что этотъ доходъ узаконенъ новеллой императора Исаака Комнена и соборными приговорами патріарховъ Михаила и Николая. На этомъ основаніи онъ требуетъ, чтобы псковскія власти приняли по отношенію къ стригольникамъ мѣры, рекомендуемыя каноническими правилами и соборными постановленіями. Псковское правительство арестовало часть стригольниковъ и посадило въ тюрьму; другая часть разбѣжалась. Въ 1427 г. Фотій послалъ во Псковъ второе посланіе, въ которомъ повторяетъ свое требованіе принять серьезныя мѣры противъ еретиковъ. Псковское правительство произвело новые аресты, а затѣмъ доложило Фотію, что арестованные не раскаиваются, обнаруживаютъ упорство и, „на небо взирающе, тамо Отца себѣ нарицаютъ“, т.-е. продолжаютъ отвергать іерархію. Въ отвѣтъ на этотъ докладъ Фотій прислалъ третье посланіе, рекомендуя примѣнять къ еретикамъ во всей строгости „внѣшнія“ (т.-е. тѣлесныя) наказанія и заточеніе. Въ 1429 г. Фотій посылаетъ четвертое посланіе, послѣ котораго псковское правительство приняло, повидимому, еще болѣе энергичныя мѣры, какія, остается неизвѣстнымъ.

Послѣ этого стригольничество, какъ общественное движеніе простецовъ въ церковной области, замираетъ. Но стригольническія идеи продолжали бродить въ обществѣ. На ихъ почвѣ во второй половинѣ XV в. возникла новая ересь, ересь жидовствующихъ.

102. Споры о пресвятой аллилуіи. Отвлеченное идейно-религіозное движеніе проявилось въ спорахъ о „пресвятой аллилуіи“.

Въ Новгородско-Псковской Руси, какъ и въ Окско-Волжской, относительно „аллилуіи“ существовало въ церковномъ обиходѣ два обычая: одни при пѣніи двоили ее („сугубая аллилуія“), другіе — троили („трегубая аллилуія“). И тотъ и другой обычаи попали къ намъ изъ Византіи въ тѣ времена, когда и въ ней обряды не были еще единообразны.

Въ одномъ служебникѣ XII в. принята сугубая аллилуія. Въ спискѣ сочиненій Златоуста, относящемся къ XIV—XV вв., въ статьѣ „о пѣтьи меѳимона“ сообщается съ осужденіемъ,

что многіе двоятъ аллилуію: „Иже мнози поютъ подвоицю аллилугія, а не втрегубна, на грѣхъ себѣ поютъ“. Въ ветхомъ спискѣ Псалтири, составленномъ не позже XIV в., ясно можно читать написанную киноварью замѣтку: „аллилуіа сугуби“. Въ слѣдованной Псалтири митрополита Кипріана († 1406) предписывается держаться сугубой аллилуіи. Митрополитъ Фотій, на вопросъ псковичей, какъ пѣть аллилуію, велѣлъ въ своемъ отвѣтномъ посланіи (1419) троить ее. Дмитрій Грекъ Толмачъ (§ 91), по приказанію новгородскаго архіепископа Геннадія, справлялся въ книгахъ (вѣроятно, греческихъ) о томъ, какъ надо пѣть аллилуію, трегубно или сугубно, и не нашелъ никакихъ указаній. Сообщая объ этомъ Геннадію, Дмитрій прибавляетъ: „Но мнѣ ся помнитъ, что и у насъ (вѣроятно, въ Византіи) о томъ въспоръ (быть можетъ, вмѣсто—„въпросъ“) бывалъ межъ великихъ людей, и они обоя едино судили“, т. е. признавали одинаково допустимыми обѣ аллилуіи: трегубая аллилуія являетъ тріипостасное единосущное божество, а сугубая являетъ въ двухъ естествахъ единое божество. Въ лѣтописяхъ сохранилось извѣстіе, что Василій III передъ смертью пѣлъ сугубую аллилуію.

Въ началѣ XV в. среди псковскаго духовенства возникъ споръ о томъ, какая аллилуія истинна, сугубая, или трегубая. Къ срединѣ XV в. образовались двѣ партіи, изъ которыхъ каждая горячо защищала истинность своей аллилуіи. Подавляющее большинство стояло за трегубую аллилуію. Во главѣ большинства стоялъ священникъ Іовъ, человѣкъ образованный, умѣвшій искусно толковать Писаніе, ветхое и новое, и говорить отъ Писанія.

Сугубой аллилуіи придерживалось ничтожное меньшинство, во главѣ котораго стоялъ выдающійся псковскій подвижникъ преподобный Евфросинъ (въ мірѣ Елеазаръ, † 1481), основатель Елеазарова монастыря.

Жизнь и дѣятельность преп. Евфросина изображены въ его житіи, которое дошло до насъ въ двухъ редакціяхъ. Древнѣйшее житіе его, принадлежащее перу неизвѣстнаго автора, относится къ концу XV в. или къ началу XVI в., но не позже 1510 г. Это видно изъ слѣдующаго воззванія автора къ Пскову: „Слыши же убо, паче слыши и зѣло внемли, христолюбивый граде Пскове, земля свободная!“ Послѣ 1510 г., когда Псковъ палъ, онъ уже не могъ называться свободнымъ. Позднѣе, въ

1547 г., пресвитеръ Василій, въ иночествѣ Варлаамъ, написалъ новое житіе Евфросина, причемъ матеріалы черпалъ главнымъ образомъ изъ житія первой редакціи. Оба житія служатъ основнымъ источникомъ, откуда почерпаются свѣдѣнія о псковскихъ спорахъ по вопросу объ аллилуіи.

Евфросинъ, отличавшійся выдающимися способностями и обширной начитанностью, уже въ молодые годы заинтересовался вопросомъ объ аллилуіи, въ которой большинство видѣло не простой обрядъ, а догматъ, заключающій въ себѣ глубокую тайну. За разрѣшеніемъ этой тайны Евфросинъ обращался къ мѣстнымъ церковнымъ авторитетамъ. Но никто изъ нихъ не могъ открыть ему эту тайну. Тогда Евфросинъ, которому было уже около 37 лѣтъ, задумалъ обратиться за разъясненіемъ къ высшему церковному авторитету, къ константинопольскому патріарху. Съ этой цѣлью онъ отправился въ Константинополь (между 1422—1425 гг.).

Пріѣхавъ въ Константинополь, Евфросинъ, по словамъ его біографовъ, посѣтилъ соборную церковь, когда въ ней происходила служба. Послѣ службы патріархъ Іосифъ пригласилъ его къ себѣ въ келью, гдѣ много бесѣдовалъ съ нимъ о тайнѣ аллилуіи, и велѣлъ ему двоить ее. Евфросинъ еще разъ посѣтилъ соборную церковь, гдѣ внимательно прислушивался къ пѣнію, побывалъ въ святыхъ мѣстахъ и монастыряхъ Константинополя, заходилъ къ строгимъ подвижникамъ,—и онъ убѣдился, что вездѣ раздается сугубая аллилуія. На прощаніи патріархъ Іосифъ далъ Евфросину икону Богородицы и „писаніе о божественнѣй тайнѣ святаго аллилугія“.

Вернувшись изъ путешествія, Евфросинъ постригся въ Снѣтогорскомъ монастырѣ (ок. 1425). Немного времени спустя Евфросинъ удалился изъ этого монастыря въ пустынное мѣсто на рѣкѣ Толвѣ, гдѣ основалъ свой монастырь, получившій названіе Елеазарова, по его мірскому имени. Въ своемъ монастырѣ Евфросинъ установилъ сугубую аллилуію, „по преданію вселенскаго патріарха Іосифа, еже славословити единѣми усты божество же купно и человѣчество, единаго Бога славяще въ животворящей аллилугіи“.

Иноки Елеазарова монастыря съ Евфросиномъ во главѣ много лѣтъ держались сугубой аллилуіи, когда въ срединѣ 50-хъ годовъ XV в. упомянутый выше Іовъ поднялъ вопросъ о томъ, на какомъ основаніи Евфросинъ и его иноки двоятъ

аллилуію. Іовъ пользовался большимъ авторитетомъ среди псковичей, которые „прихождаху къ нему и вопрошаша отъ него о всякомъ писаніи неразрѣшенемъ и о церковномъ устроеніи, купно же и о законныхъ вещехъ“. За свои обширныя познанія въ Писаніи и умѣніе разрѣшать спорные вопросы Іовъ получилъ прозвище „Столпа церковнаго“. Житіе Евфросина сообщаетъ, что Іовъ, овдовѣвъ, рѣшилъ снять съ себя рясу, чтобы жениться второй разъ; снова овдовѣвъ, онъ женился въ третій разъ. Въ то время снятіе съ себя духовнаго сана не влекло за собою осужденія. Поэтому Іовъ, какъ человѣкъ рѣдкой въ то время образованности, продолжалъ пользоваться прежнимъ своимъ авторитетомъ. Онъ обратился къ священникамъ и всему причту четырехъ псковскихъ соборовъ съ слѣдующими словами: „Господіе священницы и христолюбивіи людіе! Есть нѣкій старецъ въ черноризцѣхъ, жилище имѣяше надъ Толвою рѣкою, именемъ Евфросинъ, егоже чаяхомъ вси человѣка Божія, но паче яко ангела помышляете за премногую его добродѣтель и воздержаніе и труды постныя и правила ради церковнаго, его же добрымъ чиномъ исправляетъ въ монастырѣ своемъ, по уставу скитскому, паче же и за вышемѣрное житье его человѣческаго естества; а онъ убо, яко единъ отъ безумныхъ, въ суету животъ живетъ; аще и безплотенъ въ тѣлеси чистоты ради всякія и воздержанія дѣля (ради) постнаго, аще и велія молитва его къ Богу и мнози труды его и болѣзненные подвизи тмами, но обаче (однако) всуе труды его, яко мерзость неугодна предъ Богомъ, понеже (потому что) отъ своего самочинія обыклъ бѣ въ монастырѣ своемъ двоити пресвятую аллилугію, тѣмъ же и вредилъ есть законное правило церковное, а истинныя уставы и обычаи церковныя преложилъ есть (измѣнилъ) нашего исправленія, и кромѣ (вопреки) преданныхъ уставы святыхъ отецъ на свой обычай прелагаетъ, самогласно мудрствующее... Нынѣ же паче лѣпо намъ во едино собратися на испытаніе и истязаніе (допросъ) черноризцу оному, и что намъ возглаголетъ и чимъ отвѣщаетъ: откуду взялъ сицеву вещь и како повѣдася ему двоити пресвятая аллилуія?“ Эта рѣчь первоначально не имѣла успѣха: Евфросинъ за свою строгую жизнь пользовался слишкомъ большимъ уваженіемъ. Только немногіе стали на сторону Іова: среди нихъ былъ снявшій съ себя санъ діакона Филиппъ, „мудръ зѣло, обоя вѣдый Писанія, древняя и новая, и воленъ въ языцѣ, и скоръ словомъ, и

многогорѣчивъ дохторъ, и пространенъ философъ умомъ, и быстръ помысломъ",—и одинъ священникъ, тоже мудрый философъ. Іовъ далъ обоимъ своимъ приверженцамъ инструкціи, снабдилъ ихъ обличительнымъ посланіемъ отъ имени Троицкаго собора и отправилъ къ Евфросину.

Явившись къ Евфросину, обличители отъ имени Іова и представителей псковской церкви предъявили ему обвиненіе въ томъ, что онъ двоитъ аллилуію, колебля этимъ церкви Божіи и мутя „благодатный законъ посредѣ ихъ; а мы, яко отъ лютыя бури, волнами погружаеми есмы отъ разногласія обычай твоихъ, понеже все церкви Божія по всей земли нашей троятъ въ законѣ пресвятая аллилугія". Посланные поставили Евфросину вопросъ о томъ, откуда онъ заимствовалъ сугубую аллилуію. Евфросинъ со смиреніемъ попросилъ посланныхъ показать ему „глубинную тайну пресвятыя аллилугія" и обѣщалъ принять ихъ свидѣтельство о Богѣ, если оно будетъ „добрымъ". Посланные объяснили Евфросину, что они и пославшіе ихъ не убавляютъ божества отъ единосущной Троицы и не умаляютъ Христа, но еще величіемъ исполняютъ божество. Они ставятъ передъ нимъ праведнаго свидѣтеля, который можетъ обличить его нечестіе: „Сама пречистая та аллилуія, сяже мы вси держаще въ себѣ трое воспѣваемъ, прославляюще Христа въ Троицѣ единаго Бога, утроичне Троицу почитаемъ, троящи пресвятую аллилугію, понеже бо аллилугія — Отцу, аллилугія—Сыну, аллилугія—Святому Духу, и паки единаго Бога воображающе, на утроичное кождо аллилуія вопія: Слава Тебѣ, Боже! Идѣже утроено аллилугія, ту есть купенъ Христосъ, Отецъ и Сынъ и Святый Духъ, единосущная Троица, Богъ совершенъ, купно же Слово Божіе плоть бысть, яко человѣкъ совершенъ, и сего ради совершенно славимъ его... А ты, отче, не тако, якоже мы держимъ, купно же съ нами и вси псковичи христоименитый народъ; но ты единъ не исполняешь божества неутроенія ради пресвятыя аллилуія; тѣмъ же и умаляешь Христа, отлагаешь славу его отъ божества и человѣчества. Сице (такъ) нынѣ вспоминаемъ, наказующе тебѣ, понеже не вѣмы, отъ коего искуса навыклъ еси неправедно двоити единаго свѣта троична пресвятыя аллилугія, и сего ради мы вси свѣмы, яко извѣстно (явно) нечествуешь Бога и всуе ту животъ живешь, безъ ума провождая лѣта своя, и вся труды твоя, яко мерзость, неугодны предъ Богомъ".

Евфросина поразило обвиненіе въ томъ, что онъ сугубой аллилуіей убавляетъ Бога, умаляетъ Христа и дѣлаетъ свои труды неугодными передъ Богомъ. Его сердце распалилось пламенемъ ревности по Богѣ, и онъ „простеръ, яко ангелъ, словесные крилѣ свои къ высотѣ боговидѣнія". Никто не можетъ сдѣлать волосъ бѣлымъ или чернымъ, или прибавить къ своему росту одинъ локоть; паутина не выдерживаетъ прикосновенія къ огню; свѣтъ не смѣшивается со тьмою: тѣмъ болѣе божество, живой и разумный пламень и огнь Вседержителя. Никто не можетъ ни прибавить чего либо къ величію и славѣ Бога, ни убавить троичной славы Христа. Напрасно они говорили ему „таковыя мерзости", будто они „прилагаютъ" славы къ божеству, а онъ „умаляетъ" славы отъ божества: „паче глаголю вамъ: ни мнѣ умалити, ни вамъ умножати". А сугубую аллилуію онъ усвоилъ еще до иночества и подтвержденіе ея нашелъ во вселенской церкви, „за долго время до взятія богохранимаго града царскаго отъ безбожнаго и поганаго царя турскаго бусурменина". На вопросъ Евфросина, откуда его противники взяли трегубую аллилуію, послѣдніе отвѣтили: „Издревле, другъ на друга смотряюще, тако вси навыкохомъ троити святая аллилугія, понеже бо тако и лѣпо есть"... Это объясненіе дало Евфросину право, въ свою очередь, обвинить своихъ противниковъ въ томъ, что именно они „самочинно" установили трегубую аллилуію.

Посланные отъ Іова, „недостатка ради словесъ своихъ", прибѣгли тогда къ послѣднему аргументу и, вынувъ обличительную „епистолію отъ философа Іева Столпа", преисполненную „хулами и укоризнами", вручили ее Евфросину. Прочитавъ ее, Евфросинъ отвѣтилъ посланнымъ, что они „не доброе благоуміе" принесли ему, которое открыло бы ему тайну пресвятой аллилуіи, а, скорѣе, „телчне (телячье) вѣщаніе", что этотъ трудъ будетъ Іову Столпу въ неправду и въ погибель отъ Бога, что Іовъ — не столпъ, „содержай благочестіе", но столпъ, исполненный „смрада и гноя студнаго" (постыднаго): онъ оставилъ „свѣтъ божественнаго служенія, отторгнулся отъ церкви Христовой и, возлюбивъ тьму больше свѣта, взялъ три жены. Іовъ „уже не наречется къ сему столпъ простъ, но столпъ мотыленъ (навозный), понеже бо много смущаше мя и зѣло чрезъ мѣру оскорбяше мя тягчайшими словесы, еретика быти нарицаше мя удвоенія ради пресвятыя аллилугія. Кое же

ми лучши па благочестіе изберу: вселенскія ли церкви слушаю, или егда васъ послушаю, безстудныхъ невѣгласовъ (невѣждъ), ничтоже благомыслящихъ, но паче свински божественная мудрствуета... А еже о пресвятѣй аллилугія..., нѣсть ваше, но мое любомудріе, понеже вещь сія не письменна есть достовѣрно отъ святыхъ отецъ, ниже (и не) явлена тайна ея отъ пророкъ; паче же (даже) ни въ царствующемъ градѣ достовѣрна сказателя не обрѣтохъ, но токмо (только)... рекоша ми двоити пресвятая аллилугія; вы же не начинайте мудрити вещи сія: выше мѣры вашея есть се; но иже хощетъ Богъ единъ своими судьбами можетъ открыти ю рабамъ своимъ, работавшимъ ему истиною".

Вернувшись къ Іову, посланные передали ему результатъ „пренія". Іовъ „болма (очень) разгнѣвася и возкрехта зубы, аки дивій (дикій) вепрь или тяжкій (лютый) волкъ, скомляти (выть, вопить) начатъ". Онъ сталъ ходить по городу и возбуждать населеніе противъ злого еретика, умаляющаго божество. На этотъ разъ агитація Іова имѣла успѣхъ: псковское общество повѣрило, что Евфросинъ—еретикъ; монахи Елеазарова монастыря, появлявшіеся въ городѣ, стали подвергаться оскорбленіямъ; проходя или проѣзжая мимо монастыря, псковичи говорили, что тутъ живетъ еретикъ, и не снимали шапокъ передъ монастырскимъ храмомъ.

Такое отношеніе псковичей побудило Евфросина взяться за перо. Онъ написалъ посланіе Троицкому псковскому собору, какъ бы въ отвѣтъ на епистолію, составленную Іовомъ. Въ немъ, на ряду съ разсужденіями богословскаго характера, Евфросинъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ отзывается объ Іовѣ, называя его „отщетникомъ Христовымъ", „законопреступникомъ", „тьмой омраченной", „свиньей окаянной".

Другое посланіе Евфросинъ отправилъ къ владыкѣ Евѳимію II. Обращая вниманіе владыки на то, что нѣкій Іовъ, прозываемый Столпомъ, обзываетъ его еретикомъ и врагомъ Божіимъ, Евфросинъ проситъ его вмѣшаться въ это дѣло, разсудить ихъ „прю межусобную" и рѣшить, съ кѣмъ ему, Евфросину, остаться, повиноваться ли вселенской церкви, или послушаться Іова Столпа, крамольника, имѣвшаго три жены. Владыка Евѳимій такъ отвѣтилъ Евфросину: „Увѣси (знай), отче, яко азъ немощенъ есмь таковому орудію (дѣлу) уставити мѣру и не дерзну открыти запечатлѣнное сокровище Богомъ,

понеже вся тайны Божія въ Бозѣ есть". Если онъ, Евфросинъ,—продолжаетъ владыка,—получилъ подтвержденіе сугубой аллилуіи отъ самого патріарха, то не слѣдуетъ вопрошать объ этомъ его, простого владыку: „Егда ли (развѣ) азъ вящше (выше) патріарха вселенныя?" Пусть Евфросинъ продолжаетъ держаться своего обычая до конца *).

Полемика по вопросу объ аллилуіи продолжалась и по смерти Евфросина и Іова, между ихъ послѣдователями.

Сохранилось посланіе неизвѣстнаго автора (нѣкоторые видятъ въ немъ упомянутаго выше бывшаго діакона Филиппа) къ нѣкоему иноку, ктитору общежительной лавры св. Николая, Аѳанасію, приверженцу Евфросинія. Авторъ — послѣдователь Іова. Ссылаясь на посланіе митрополита Фотія, авторъ упрекаетъ Аѳанасія въ томъ, что онъ не слушаетъ митрополита кіевскаго и московскаго. Указаніе Аѳанасія на авторитетное рѣшеніе вопроса объ аллилуіи вселенскимъ патріархомъ авторъ признаетъ не имѣющимъ значенія: нынѣшніе греки сошли съ пути истины и приняли антихристову печать на челѣ и на десницѣ. Кто говоритъ аллилуія Отцу, аллилуія—Сыну, Слава Тебѣ, Боже—св. Духу, тотъ видитъ девять боговъ. Соборная вселенская церковь держалась трегубой аллилуіи, и доказательство этому имѣется въ стихахъ, написанныхъ киръ-Ѳеофаномъ на день св. Георгія. Аѳанасій, по мнѣнію автора, развратился отъ Греческой земли, которая погибла отъ двоенія аллилуіи: на мѣстѣ святомъ, въ соборной и апостольской церкви Константина-града уже стоитъ мерзость и запустѣніе, предсказанное пророкомъ Даніиломъ. Подобная же участь готовится и намъ, если послѣдуемъ примѣру грековъ.

Споръ продолжался и въ XVI в., причемъ приверженцы сугубой аллилуіи, нападая на противниковъ, доказывали, что трегубую аллилуію они заимствовали у латинянъ. Въ сочиненіи

---

*) Тайна пресвятой аллилуіи, которую, по заявленію Евфросина, не могли объяснить ему даже въ Царьградѣ, была открыта по смерти Евфросина автору житія. Обуреваемый сомнѣніями, „въ маяніи печали", авторъ однажды уснулъ; и вотъ во снѣ явилась ему Богородица, которая открыла ему слѣдующее: „Дважды да глаголется правовѣрными божественная аллилуія, понеже въ той есть тайна воскресенія Христова, Сына Моего и Бога... Да двоится во истину православными божественная аллилуія; да глаголется: аллилуія, аллилуія, слава Тебѣ, Боже. Сія тайна: воскресе, воскресе въ божествѣ и человѣчествѣ и славу Ему..."

подъ заглавіемъ „Сказаніе Максима Грека, словцо къ смѣющимъ трищи глаголати аллилуія чрезъ преданія церковнаго, а четвертое Слава Тебѣ, Боже“, утверждается, что обычай двоить аллилуію — древняго происхожденія: такому обычаю научили блаженнаго Игнатія Богоноснаго безплотныя ангельскія силы, которыя, явившись ему, пѣли божественные псалмы. Если приверженцы трегубой аллилуіи сошлются на то, что тройная аллилуія возглашается въ ветхомъ Римѣ, то этимъ они признаютъ себя причастниками латинской части; а въ такомъ случаѣ пора имъ принять и всѣ прочіе церковные папины обычаи, въ томъ числѣ и совершеніе священной тайной службы на опрѣснокахъ.

Сказаніе о Псковскомъ взятіи.

103. Сказаніе о Псковскомъ взятіи. Паденіе Пскова послужило предметомъ особаго сказанія, составленнаго псковичемъ и помѣщеннаго въ Псковской лѣтописи. Сказаніе отличается историческою точностью.

Городъ Псковъ, — пишетъ авторъ, — отъ начала Русской земли „ни коимъ княземъ владомъ бѣ, но на своей волѣ живяху въ немъ сущіе людіе“. Великій князь московскій захватилъ прежнія удѣльныя княженія подъ свою власть, „не во едино время ратію, но поразну“. Псковъ былъ твердъ своими стѣнами, и людей было въ немъ множество. Московскій князь „того ради не иде на нихъ ратію и бояся, чтобъ не отступили въ Литву; и того ради льстя бѣ имъ лукавствомъ злымъ и миръ имѣ со псковичи; и крестъ ему цѣловаху псковичи, что отъ великаго князя не отступати никудѣ“. Великій князь посылалъ псковичамъ, по ихъ прошенію, кого изъ князей захотятъ; иногда же онъ посылалъ своихъ намѣстниковъ по своей, а не по ихъ волѣ. Эти намѣстники „насиловаху и грабяху, и продаяху ихъ поклепы (ложными доносами) и суды неправедными“. И много разъ было такъ.

„Въ лѣто 7018“ пріѣхалъ въ свою отчину Новгородъ великій князь Василій Ивановичъ. Услыхавъ объ этомъ, псковичи отправили князю пословъ съ дарами. Послы отъ имени псковичей принесли князю жалобу на его намѣстника князя Ивана Михайловича Рѣпню и его людей. Выслушавъ жалобу, великій князь обѣщалъ „жаловати и боронити“ свою отчину

Псковъ; а относительно намѣстника сказалъ, что онъ его „обвинитъ“ передъ псковичами, „аже только станутъ на него многи жалобы“.

Псковичи рѣшили отправить къ великому князю какъ можно больше жалобщиковъ. Жалобщики, состоявшіе изъ лучшихъ людей — бывшихъ посадниковъ, бояръ и купцовъ, и молодшихъ людей, попали въ Новгородъ къ празднику Крещенія Господня. Послѣ „водокрестія“, жалобщики, по приказанію князя, собрались на „государскомъ дворѣ“. Посадниковъ, бояръ и купцовъ ввели въ палату, а молодшихъ людей оставили стоять на дворѣ. Бояре московскаго князя вошли въ палату и объявили жалобщикамъ: „Поймани-де есте (вы арестованы) Богомъ и великимъ княземъ Васильемъ Ивановичемъ всея Руссіи“. Молодшихъ людей переписали и отдали подъ стражу новгородцамъ.

Въ это время ѣхалъ въ Новгородъ одинъ купецъ псковичъ. Узнавъ объ арестѣ всѣхъ жалобщиковъ, онъ бросилъ свой товаръ и „погонилъ ко Пскову“. Извѣстіе поразило псковичей. „И нападе на нихъ страхъ и трепетъ, и туга, и пересхоша гортани ихъ отъ скорби и печали, и уста ихъ пресмягли (запеклись). Якоже многажды приходили нѣмцы на нихъ, и таковы имъ скорби и печали не бывало тогда, якоже нынѣ“. Собрали вѣче, чтобы рѣшить вопросъ о томъ, что дѣлать, „ставить ли щитъ противу государя, запирати ли ся во градѣ?“ На вѣчѣ вспомнили крестное цѣлованіе, „что не мощно рука воздвигнути противъ государя“, а еще болѣе, что всѣ посадники, бояре и лучшіе люди захвачены великимъ княземъ,—и рѣшили отдаться на волю князя.

Князь послалъ во Псковъ своего дьяка Третьяка Долматова, который предъявилъ псковичамъ двѣ воли: чтобы не было вѣча и вѣчевой колоколъ былъ снятъ и чтобы во Псковѣ управляли два намѣстника. Если псковичи не исполнятъ этихъ двухъ воль, то будетъ кровопролитіе. „И псковичи удариша челомъ въ землю и не могли противу его отвѣта дати, аже исполнилися бяше очи слезъ, — что у сосцу матере своея...“ Они сказали княжескому послу, что завтра дадутъ ему отвѣтъ. „А псковичи туто горько заплакали. Како ли зѣницы не упали со слезами внизъ? Како ли не урвалося сердце отъ корени?“ На другой день, собравшись на вѣчѣ, псковичи постановили отдаться совершенно на волю князя, „чтобы насъ не погубилъ до конца“.

„О славнѣйшій граде Пскове великій! восклицаетъ авторъ. Почто бо сѣтуеши и плачеши? И отвѣща прекрасный градъ Псковъ: „Како ми не сѣтовати, како ми не плакати и не скорбѣти своего опустѣнія? Прилетѣлъ бо на мя многокрылый орелъ, исполнь крылѣ львовыхъ ногтей, и взятъ отъ мене... красоту мою и богатество, и чада моя восхити, Богу попустившу за грѣхи наши; и землю пусту сотвориша, и градъ нашъ разориша, и люди моя плѣниша, и торжища моя раскопаша, а иныя торжища коневымъ каломъ заметоша; а отецъ и братію нашу разведоша, гдѣ не бывали отцы и дѣды и прадѣды наши, и тамо отцы и братію нашу, други наши заведоша, и матери и сестры наши въ поруганіе даша. А иные во градѣ мнози постригахуся въ черицы, а жены въ черницы, и въ монастыри поидоша, не хотяще въ полонъ поити отъ своего града во иные грады“.

Въ заключеніе сказанія авторъ призываетъ своихъ соотечественниковъ припасть ко Господу и исповѣдаться въ грѣхахъ своихъ, „да не внидемъ въ большій гнѣвъ Господень, не наведемъ на ся казни горше первой“. Причиной потери Псковомъ самостоятельности авторъ считаетъ „самоволіе и непокореніе другъ другу“ въ эпоху вѣчевого правленія.

104. Общій взглядъ на псковское идейно-литературное творчество. Псковскихъ литературныхъ произведеній, если даже къ нимъ присоединить псковскія лѣтописи, сохранилось немного. Но во Псковѣ происходило сильное идейное движеніе, выразившееся въ стригольничествѣ и въ спорахъ объ аллилуіи. Это движеніе было столь велико, что оно дало толчокъ къ умственному движенію въ другихъ русскихъ областяхъ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Окско-волжская литература.

105. Окско-волжское литературное творчество. Къ окско-волжской литературѣ относятся произведенія, созданныя въ Окско-Волжской Руси и отразившія ея культуру и общественно-политическое развитіе. Эта культура была порожденіемъ удѣльно-феодальнаго строя. Она распадалась на рядъ

культуръ, зарождавшихся и развивавшихся въ отдѣльныхъ удѣльно-феодальныхъ центрахъ. Такими центрами были Владиміръ, Ростовъ и Суздаль, Тверь, Муромъ и Рязань, Москва. Такъ какъ въ нѣкоторой связи съ окско-волжской государственностью была Смоленская область, находившаяся по верхнему теченію Днѣпра, то къ культурнымъ центрамъ Окско-Волжской Руси необходимо присоединить и Смоленскъ. Соотвѣтственно этому окско-волжская литература распадается на слѣдующіе подотдѣлы: литература 1) владимирская, 2) ростово-суздальская, 3) тверская, 4) муромо-рязанская, 5) смоленская и 6) московская.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Владимирская литература.

106. Владимирская литература. Владиміръ, бывшій въ теченіе всего XIII в. центромъ Окско-Волжской Руси, продолжаетъ во второй половинѣ этого вѣка свое литературное творчество (кн. 1-ая, §§ 297—301). Къ произведеніямъ этого періода относятся слѣдующія: 1) „Житіе св. Александра Невскаго“, 2) „Правило“ митрополита Кирилла III и 3) „Поученія“ Серапіона.

107. Житіе св. Александра Невскаго. Жизнь и дѣятельность знаменитаго князя Александра Невскаго († 1263 г.) послужила предметомъ особаго житія, выдержавшаго нѣсколько редакцій. Самая ранняя редакція относится ко времени, непосредственно слѣдовавшему за смертью Александра, но не позже 1281 г., когда скончался митрополитъ Кириллъ III. Это можно заключить изъ слѣдующаго мѣста въ житіи: „се же слышано бысть всѣмъ отъ господина митрополита“; эпитетъ „господинъ“ примѣнялся только въ отношеніи къ живому еще митрополиту. Авторъ житія неизвѣстенъ. Но житіе даетъ нѣкоторые матеріалы для болѣе или менѣе вѣроятныхъ предположеній о немъ.

Во-первыхъ, авторъ—не новгородецъ. Это можно установить на основаніи цѣлаго ряда соображеній: въ житіи нѣтъ обычныхъ для автора новгородца выраженій о родномъ городѣ; въ житіи нѣтъ отдѣльныхъ эпизодовъ и подробностей, которые были бы интересны для новгородцевъ и которые имѣются въ

новгородской лѣтописи (напр., нѣтъ описанія нашествія шведовъ, нѣтъ перечня павшихъ въ невскомъ бою новгородцевъ, нѣтъ описанія нашествія нѣмцевъ); мало того, авторъ житія нѣкоторые факты излагаетъ не особенно лестно для новгородцевъ: по новгородской лѣтописи Александръ выступилъ противъ шведовъ съ новгородцами и ладожанами, причемъ о дружинѣ князя даже не упоминается, а по житію Александръ поспѣшно выступилъ „въ малѣ дружинѣ", причемъ много новгородцевъ не успѣло присоединиться къ нему.

Во-вторыхъ, авторъ—не псковичъ. Это видно изъ жесткаго выраженія, съ которымъ Александръ обратился къ псковичамъ послѣ ледового побоища: „О невѣгласіи (невѣжды) пьсковци! Аще се (т.-е. избавленіе отъ нѣмецкаго нашествія) забудете до правнучатъ Александровъ, уподобитеся жидомъ, ихже препита Господь въ пустыни крастели печены, и сии всѣхъ забыша Бога своего, изведшаго изъ работы египетскія".

Въ-третьихъ, авторъ—изъ Окско-Волжской Руси. Это видно изъ выраженій, которыя онъ употребляетъ, говоря о шведахъ и ливонскихъ нѣмцахъ: о шведахъ, которыхъ новгородцы называли свѣями, авторъ житія говоритъ: „король части Римское, отъ полунощныя страны"; о ливонскихъ нѣмцахъ онъ выражается такъ: „слугы Божья" (по другимъ спискамъ „Божии рыторѣ, ритори", т.-е. рыцари), а страну ихъ называетъ „Западною страною".

Въ-четвертыхъ, авторъ, повидимому,—житель Владимира: это доказывается обиліемъ подробностей о погребеніи Александра во Владимирѣ.

Въ-пятыхъ, авторъ — современникъ Александра и даже лицо, близкое къ нему: онъ самъ говоритъ, что былъ „самовидецъ возраста" Александра и многое слышалъ о немъ отъ отцовъ своихъ; о невскомъ побоищѣ онъ слышалъ отъ самого Александра и отъ его дружинниковъ, о ледовомъ—отъ „самовидца". Если авторъ былъ „самовидцемъ" развитія Александра и вращался постоянно въ княжеско-дружинной средѣ, то, очевидно, и самъ онъ принадлежалъ по происхожденію къ этой средѣ, хотя, быть можетъ, и носилъ монашескую рясу.

Въ-шестыхъ, стиль житія отличается отъ сухого, блѣднаго стиля окско-волжскихъ писателей: авторъ умѣетъ писать образно, картинно, прибѣгая, гдѣ нужно, къ діалогу; онъ искусно примѣняетъ примѣры изъ св. Писанія или дѣлаетъ

изъ него цитаты — знакъ вліянія на автора кіевской школы писателей.

Въ-седьмыхъ, стиль автора напоминаетъ стиль „Моленія“ Даніила и „Слова о погибели Русской земли“. Это, въ связи съ нѣкоторыми соображеніями, приведенными въ первой книгѣ (§ 258), наводитъ на мысль, что авторомъ житія могъ быть Даніилъ.

Житіе Александра не представляетъ цѣльной біографіи: оно состоитъ изъ отдѣльныхъ эпизодовъ, въ которыхъ историческій элементъ тѣсно переплетается съ эпическимъ. Послѣдній, вѣроятно, заимствованъ авторомъ изъ современныхъ ему пѣсенъ о подвигахъ Александра.

Содержаніе житія таково.

Святой князь Александръ былъ сыномъ милостилюбца кроткаго великаго князя Ярослава. Княженіе его не было безъ Божьяго повелѣнія: ростомъ онъ былъ выше другихъ людей; голосъ его звучалъ, какъ труба, среди народа; лицо его подобно было лицу Іосифа, котораго фараонъ сдѣлалъ въ Египтѣ вторымъ послѣ себя; сила его была частью силы Самсона; Богъ далъ ему премудрость Соломона; храбростью онъ былъ подобенъ царю римскому Веспасіану, о которомъ разсказываютъ, что, когда его полкъ потерпѣлъ пораженіе отъ жителей Атапата, онъ одинъ погналъ враговъ къ воротамъ города и, вернувшись къ дружинѣ своей, посмѣялся надъ ней, говоря: „остависте мя единаго!“ Александръ также только побѣждалъ и никогда не былъ побѣждаемъ. Нѣкій могучій мужъ, изъ тѣхъ, которые называются въ Западной странѣ „слугами Божіими“ (Божьи рыторѣ, ритори) явился для того, чтобы посмотрѣть на Александра. Какъ нѣкогда царица южская приходила къ Соломону, чтобы познакомиться съ его мудростью, такъ и этотъ мужъ, именемъ Андрѣяшь, увидѣвъ Александра, вернулся въ свою страну, говоря: „прошедъ страны языкъ, не видѣлъ таковаго ни въ царѣхъ царя, ни въ князѣхъ князя“!

Услышалъ о мужествѣ и славѣ Александра и римскій король изъ сѣверной страны и задумалъ плѣнить его землю. Онъ собралъ великую силу, наполнилъ корабли своими полками и, преисполнившись ратнаго духа, вошелъ въ рѣку Неву. „Шатаясь безуміемъ“, онъ послалъ къ Александру въ Новгородъ пословъ со словами: „аще можеши противиться мнѣ, то

се есмь уже здѣ, плѣняя землю твою". Услышавъ это, Александръ разгорѣлся сердцемъ, вошелъ въ св. Софію и со слезами помолился Богу. Взявъ благословеніе у архіепископа Спиридона, Александръ вышелъ изъ церкви и обратился къ дружинѣ съ такими словами: „Не въ силахъ Богъ, но въ правдѣ: помянемъ же пѣснотворца, который сказалъ: сіи въ оружіи, а си на конѣхъ, мы же во имя Господа Бога нашего призовемъ; тіи спяти (повергнуты) быша и падоша, мы же стахомъ и прости быхомъ". Не дождавшись своихъ большихъ силъ, Александръ пошелъ на римскаго короля съ малочисленной дружиной, уповая на св. Троицу. „Жалостно же и слышати, яко отецъ его, честный Ярославъ великий, не бѣ вѣдалъ такого встанья на сына своего милого Александра, ни оному бысть послати когда вѣсть къ отцю, еже бо ратнии приближишася: тѣмже многи новгородци не совокупилися бѣша, понеже ускори князь поити".

И былъ нѣкій мужъ старѣйшина въ Ижорской землѣ, по имени Пелугій (Пелгуй); онъ жилъ среди родного ему языческаго народа, самъ же былъ христіаниномъ, велъ богоугодную жизнь, проводилъ среду и пятницу въ постѣ. Пелугій завѣдывалъ ночнымъ морскимъ карауломъ, и вотъ Богъ сподобилъ его увидѣть страшное видѣніе. Стоя на берегу моря, Пелугій провелъ на стражѣ всю ночь, наблюдая за движеніемъ непріятельскихъ кораблей. Когда начало восходить солнце, на морѣ раздался страшный шумъ. Посмотрѣвъ туда, Пелугій вдругъ увидѣлъ судно, несшееся на веслахъ; посрединѣ судна стояли святые мученники Борисъ и Глѣбъ въ червленыхъ одеждахъ, положивъ руки другъ другу на плечи; гребцы же сидѣли, точно окутанные мглою. И сказалъ Борисъ: „Брате Глѣбе! Вели грести, да поможемъ сроднику своему князю Александру". Пелугій съ трепетомъ наблюдалъ это видѣніе, пока судно не скрылось. Въ скоромъ времени послѣ этого пріѣхалъ Александръ. Пелугій радостно сообщилъ ему о видѣніи; князь просилъ его никому не разсказывать о немъ.

На шестой день Александръ встрѣтился съ римлянами. Произошла великая сѣча. Александръ избилъ безчисленное множество римлянъ, а короля ихъ ранилъ своимъ острымъ копьемъ въ лицо. Изъ дружины Александра шесть мужей прославились своими подвигами. Одинъ изъ нихъ, Гаврила Олексичъ, наскочивъ на шнеку (судно), увидѣлъ бѣгущаго на корабль

королевича; онъ бросился за нимъ на конѣ по сходнямъ на корабль; воины королевича сбросили его съ конемъ въ воду; Гаврила благополучно вернулся обратно и вступилъ въ борьбу съ самимъ воеводою римлянъ. Другой мужъ, новгородецъ Сбыславъ Якуновичъ, много разъ наѣзжалъ на полки римскіе съ однимъ только топоромъ въ рукахъ, и много римлянъ пало подъ его ударами. Третій, полочанинъ Яковъ, ловчій князя, наѣзжалъ на враговъ съ мечомъ. Четвертый, новгородецъ Миша, пѣшій съ дружиной своей напалъ на корабли римлянъ и потопилъ три изъ нихъ. Пятый, молодой Сава, наѣхалъ на златоверхій королевскій шатеръ и подсѣкъ столбъ, на которомъ онъ держался. Шестой, слуга Александра Ратмиръ, бился пѣшкомъ; его окружило много враговъ, и онъ палъ, покрытый многочисленными ранами.

Во время этого сраженія случилось чудо, подобное тому, которое произошло нѣкогда при царѣ Езекіи, когда Сенахеримъ ассирійскій пошелъ на Іерусалимъ и ангелъ Господень истребилъ 185.000 ассирійцевъ: въ томъ мѣстѣ, куда нельзя было проникнуть полку Александру, найдено было множество римлянъ, избіенныхъ ангеломъ Господнимъ.

Остатокъ римлянъ обратился въ бѣгство. Трупами павшихъ римлянъ были наполнены три корабля, которые потопили въ морѣ. Александръ воротился съ побѣдою, хваля и славя имя своего Творца, Отца и Сына и Святого Духа.

Черезъ два года послѣ этого гордые нѣмцы изъ Западной страны задумали: „Пойдемъ и побѣдимъ Александра и имемъ его рукама“! Александръ собралъ свои полки и пошелъ къ нимъ навстрѣчу. Отецъ его Ярославъ прислалъ къ нему на помощь его младшаго брата Андрея съ большой дружиной. Враги сошлись на Чудскомъ озерѣ. Въ дружинѣ Александра было „множество храбрыхъ, якоже древлѣ у Давыда царя сильнии, крѣпции“. Они были исполнены ратнаго духа; сердца ихъ были, какъ сердца львовъ. Они говорили Александру: „О княже нашь честный! Нынѣ приспѣ время намъ положити главы своя за тя“. Александръ воздѣлъ руки къ небу и сказалъ: „Суди мя, Боже, и разсуди прю мою отъ языка непреподобна, и помози ми, Господи, якоже древлѣ Моисею на Амалика и прадѣду нашему Ярославу на окаяннаго Святополка“!

На восходѣ солнца въ субботу враги столкнулись. „И

бысть сѣча зла и трусъ отъ копій ломленія и звукъ отъ сѣченія мечнаго, якоже и езерю померзъшю движутися, и не бѣ видѣти леду, покры бо ся кровию". Авторъ слышалъ отъ самовидца, что во время битвы по воздуху носился Божій полкъ, пришедшій на помощь Александру. Съ Божьей помощью Александръ побѣдилъ нѣмцевъ. Такъ прославилъ Господь Александра, какъ Іисуса у Іерихона. Александръ вернулся со множествомъ плѣнныхъ „Божьихъ рыторей" подлѣ коней. Подъ Псковомъ на встрѣчу Александру вышли жители, игумены, попы въ ризахъ съ крестами и пѣли славу ему. „О, невѣжды псковичи,—восклицаетъ авторъ (или Александръ),—если вы забудете когда нибудь о своемъ спасеніи Александромъ, то уподобитесь евреямъ, которыхъ Господь накормилъ въ пустынѣ перепелами печеными и которые забыли своего Бога, освободившаго ихъ отъ египетскаго рабства".

Послѣ многихъ побѣдъ имя Александра сдѣлалось знаменитымъ во всѣхъ странахъ. Услышалъ объ Александрѣ и Батый, который потребовалъ его къ себѣ въ Орду. Царь Батый, увидѣвъ его, удивился и сказалъ своимъ вельможамъ: „истину ми сказасте, яко нѣсть подобна ему князя".

Въ концѣ своего княженія, возвращаясь со своего послѣдняго путешествія въ Орду, Александръ заболѣлъ и умеръ. „О, горе тебѣ, бѣдный человѣче, — восклицаетъ авторъ по этому случаю, — како можеши написати кончину господина своего? Како не упадета ти зеница вкупѣ съ слезами? Како не урвется сердце твое отъ коренія? Отца бо оставити человѣкъ можетъ, а добра господина не мощно оставити; аще бы лзѣ, и въ гробъ бы лѣзлъ съ нимъ"! Смерть Александра поразила всѣхъ. Митрополитъ Кириллъ говорилъ: „Чада моя! Разумѣйте, яко уже заиде солнце Суздальской земли". Іереи, діаконы, черноризцы, нищіе и богатые, — всѣ восклицали: „уже погыбаемъ"! Митрополитъ, князья, бояре, всѣ малые и и великіе встрѣтили со свѣчами и съ кадилами святое тѣло Александра въ Боголюбовѣ и перенесли его во Владиміръ. Народъ тѣснился около гроба Александра, желая прикоснуться къ его святому тѣлу: „Бысть же вопль и кричаніе, и туга, яко же нѣсть была, яко и земля потрястися".

Когда святое тѣло Александра было положено въ раку, случилось чудо: „икономъ" Савастіанъ и митрополитъ Кириллъ подошли къ тѣлу, чтобы вложить въ руку Александра ду-

шевную грамоту; вдругъ Александръ, точно живой, простеръ свою руку и взялъ грамоту изъ руки митрополита: „и пріять же я ужасть и едва отступиша отъ раки его. Се же бысть слышано всѣмъ отъ господина митрополита и иконома Савастіана. Кто не удивится о семъ, яко тѣлу бездушну сущу и везому отъ дальнихъ градъ въ зимнее время, и тако прослави Богъ угодника своего“?

108. Правило Кирилла III митрополита русскаго. Во время нашествія татаръ въ 1237—1240 гг. исчезъ только что назначенный изъ Константинополя новый митрополитъ Іосифъ. Нѣкоторое время каѳедра русскаго митрополита оставалась вакантной. Галицкій князь Даніилъ Романовичъ выбралъ въ 1242 г. на этотъ постъ нѣкоего Кирилла, вѣроятно, игумена какого-нибудь южнорусскаго монастыря. Около 1249 г. Кириллъ III ѣздилъ въ Константинополь и былъ утвержденъ патріархомъ въ митрополиты русскіе. Около 1250 г. Кириллъ III посѣтилъ Окско-Волжскую Русь. Съ этого времени Кириллъ очень часто пріѣзжалъ изъ Кіева во Владиміръ и оставался здѣсь продолжительное время; въ 1251 г. онъ ѣздитъ изъ Владимира въ Новгородъ; въ 1252 г. онъ находится во Владимірѣ; въ 1255 г. онъ опять во Владимірѣ, а въ 1256 г. ѣздитъ въ Новгородъ; въ 1262 г. онъ находится въ Ростовѣ, въ 1263 г.—во Владимірѣ; въ 1274 г. Кириллъ снова находится во Владимірѣ, причемъ организуетъ соборъ епископовъ для посвященія во владимирскіе епископы Серапіона, а также для обсужденія церковныхъ нестроеній. Въ 1281 г. Кириллъ III скончался, оставивъ послѣ себя памятникъ своей церковно-литературной дѣятельности, извѣстный подъ именемъ „Правила Кирилла III митрополита русскаго“.

„Правило“ выработано было въ 1274 г. соборомъ епископовъ во Владимірѣ подъ руководствомъ Кирилла. Это „Правило“ замѣчательно своимъ предисловіемъ, а также цѣлымъ рядомъ постановленій, изъ которыхъ одно или, точнѣе, сопровождавшія его разсужденія имѣли большія послѣдствія.

Въ предисловіи авторъ требуетъ точнаго исполненія церковныхъ каноновъ и христіанскихъ заповѣдей. Апостолы и преподобные отцы своими святыми правилами и пречистыми законоположеніями, „акы нѣкыми стѣнами чюдными, оградивше Божию церковь и камень твердости въ основу вложьше, иже клятъся Христосъ нераздрушенѣ ей быти отъ самого ада“. За

нарушеніе этихъ правилъ и законоположеній мы, русскіе, подверглись жестокому наказанію: „Кый убо прибытокъ наслѣдовахомъ, оставльше Божия правила? Не разсѣя ли ны Богъ по лицю всея земля? Не взяти ли быша гради наши? Не падоша ли сильнии наши князи остриемъ меча? Не поведени ли быша въ плѣнъ чада наша? Не запустѣша ли святыя Божия церкви? Не томими ли есмы на всякъ день отъ безбожьныхъ и нечистыхъ поганъ? Си вся бываютъ намъ, зане не хранимъ правилъ святыхъ нашихъ и преподобныхъ отецъ“.

„Правило“ отмѣтило цѣлый рядъ недостатковъ въ русской жизни, которые подлежали искорененію.

Во-первыхъ, отмѣчено было существованіе языческихъ празднествъ и обрядовъ: въ субботу вечеромъ, подъ свѣтлое воскресенье, собираются вмѣстѣ мужчины и женщины, которые „играютъ и пляшуть безстыдно и скверну дѣютъ“, какъ кони визжатъ, ржутъ; въ Новгородско-Псковской области невѣстъ водятъ къ водѣ.

Во-вторыхъ, соборъ осудилъ кулачные бои: въ божественные праздники творятъ нѣкакія бѣсовскія позориша, съ свистаніемъ и съ кличемъ и съ воплемъ сзываютъ нѣкіихъ скаредныхъ пьяницъ и бьются дреколіемъ до самой смерти и берутъ себѣ одежду убиваемыхъ.

Въ-третьихъ, осуждено было поведеніе священниковъ, упивающихся безъ мѣры въ святые пречистые постные дни, отъ свѣтлой вербной недѣли до всѣхъ святыхъ, такъ что за это время не поется литургія и не совершается таинство крещенія. Если священники не перестанутъ этого дѣлать, нужно лишать ихъ сана; а если прихожане будутъ составлять сходбища и противиться лишенію ихъ сана, пусть такіе священники будутъ преданы проклятію.

Въ-четвертыхъ, запрещается крестить посредствомъ обливанія, такъ какъ о такомъ способѣ крещенія нигдѣ не предписывается, но посредствомъ погруженія въ особомъ сосудѣ. Здѣсь имѣется въ виду крещеніе по латинскому обряду, существовавшее въ Новгородской области.

Въ-пятыхъ, епископы заставляли жившихъ въ церковныхъ усадьбахъ и имѣніяхъ крестьянъ, холоповъ, нищихъ совершать земледѣльческія работы на нихъ, перевозить хозяйственные припасы, вымогали съ нихъ приношенія и пр. Соборъ запрещаетъ это епископамъ.

Въ-шестыхъ, соборъ (точнѣе, самъ Кириллъ III) пытается ограничить симонію и всяческіе поборы со стороны епископовъ. Епископы, по своему происхожденію, были изъ высшаго класса населенія, боярскаго; священники, дьяконы—изъ низшаго. Данническія отношенія, существовавшія между княжеско-дружиннымъ классомъ населенія и смердами, сохраняли свою силу и въ церкви — между высшею частью духовенства и низшею: за поставленіе въ духовный санъ поставляемый давалъ опредѣленную плату, за поставленіе въ діаконы и священники—епископу, въ епископы—митрополиту; за предоставленіе духовному лицу мѣста—опять необходимо было платить. Наконецъ, низшее духовенство постоянно дѣлало подарки и приношенія высшему духовенству. Такія данническія отношенія низшаго духовенства къ высшему существовали не только у насъ, но и въ Византіи, не смотря на то, что они осуждались каноническими правилами (90-ое каноническое правило Василія В., окружное посланіе Геннадія, патріарха Константинопольскаго — около 459 г., посланіе патріарха Тарасія къ папѣ Адріану—около 787 г.). Поборы высшаго духовенства въ Византіи достигли такой высокой степени, что императоры византійскіе Исаакъ Комненъ (1057 — 1059) и Алексѣй Комненъ (1080 — 1118) должны были установить опредѣленную таксу. „Правило“ Кирилла III горячо вооружается противъ симоніи и поборовъ, доказывая ихъ несоотвѣтствіе каноническимъ правиламъ, и, слѣдуя вышеупомянутымъ императорамъ, устанавливаетъ таксу.

Въ-седьмыхъ, соборъ порицаетъ епископовъ, отлучающихъ отъ церкви невиныхъ людей съ цѣлью брать съ нихъ плату за снятіе отлученія или съ цѣлью угодить сильнымъ людямъ, желающимъ такимъ образомъ избавиться отъ неудобныхъ людей.

109. Поученія св. Серапіона, епископа Владимирскаго. Свѣдѣнія о жизни св. Серапіона, епископа Владимирскаго, крайне скудны. Въ лѣтописи о немъ имѣются слѣдующія два извѣстія: „Въ лѣто 6782 (1274) приде изъ Кіева митрополитъ Кириллъ и приведе съ собою архимандрита печерьскаго Серапіона и постави его епископомъ Володимирю и Суздалю и Новугороду Нижнему...“. „Въ лѣто 6783 (1275) преставися епископъ Володимерьскій Серапіонъ; бѣ же учителенъ зѣло въ божественномъ писаніи; положенъ бысть въ церкви святыа Богородица во Володимери“. Изъ этихъ свѣдѣній можно сдѣлать слѣдующіе выводы: Серапіонъ — южанинъ, вѣроятно,

изъ Кіевской земли и, слѣдовательно, былъ представителемъ кіевскаго просвѣщенія; онъ отличался большимъ умѣніемъ поучать въ духѣ христіанской религіи; постъ архимандрита Кіевопечерскаго монастыря, затѣмъ постъ владимирскаго епископа заставляютъ предполагать, что Серапіонъ принадлежалъ къ знатной фамиліи. Серапіону приписывается въ древней литературѣ нѣсколько поученій. Изъ нихъ пять дѣйствительно принадлежатъ ему.

По своему содержанію поученія Серапіона распадаются на двѣ группы: въ первыхъ трехъ Серапіонъ, изображая бѣдствія, созданныя татарщиной, объясняетъ ихъ причины, какъ и митрополитъ Кириллъ III (§ 108), съ еврейско-византійско-болгарской точки зрѣнія и даетъ соотвѣтствующія наставленія; въ двухъ послѣднихъ поученіяхъ Серапіонъ ополчается противъ языческихъ воззрѣній своей паствы и противъ ихъ практическаго примѣненія.

1) Первое слово. Въ Евангеліи сказано: въ послѣдніе передъ вторымъ пришествіемъ годы будутъ знаменія на солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ, землетрясенія и голодъ. Предсказаніе Господа сбывается: мы видѣли нѣсколько разъ, какъ погибало солнце, меркла луна и измѣнялись звѣзды; а теперь мы собственными глазами видѣли землетрясеніе *). Земля, неподвижно утвержденная съ начала вѣковъ, теперь, по Божьему повелѣнію, движется: она колеблется отъ тяжести нашихъ грѣховъ, она не въ силахъ выноситъ нашего беззаконія. Мы не слушались Евангелія, апостоловъ, пророковъ, великихъ отцовъ церкви, каковы Василій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ и другіе святые святители, которые утвердили вѣру, прогнали еретиковъ, научили всѣ народы познавать Бога и безпрестанно учатъ насъ и теперь. Мы продолжаемъ держаться беззаконія. И вотъ Богъ предостерегаетъ уже насъ знаменіями, землетрясеніемъ. Богъ уже не говоритъ устами, но поучаетъ дѣлами: онъ потрясаетъ землею, чтобы оттрясти съ нея беззаконія, какъ листья съ дерева. Скажутъ, что вѣдь были же землетрясенія и раньше. Да, были. А что бывало послѣ? Не голодъ ли? Не эпидеміи ли? Не войны ли? И мы всетаки не каялись, пока на насъ не

*) Серапіонъ имѣетъ въ виду рядъ явленій въ природѣ (солнечное и лунное затменіе, землетрясеніе), описанныхъ въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 1230 г.

обрушился „языкъ немилостивъ“, который опустошилъ нашу землю, взялъ наши города, разорилъ святыя церкви, избилъ отцовъ и братьевъ нашихъ, надругался надъ нашими матерями и сестрами. Пора намъ обратить вниманіе на эти признаки Божьей грозы, припасть къ своему Господу, чтобы не навлечь еще большаго гнѣва Его и еще большей казни. Господь еще ждетъ нашего покаянія. „Аще отступимъ скверныхъ и немилостивыхъ судовъ, аще премѣнимся кроваваго рѣзоимьства (взиманія процентовъ) и всякаго грабленія, татбы (воровства), разбоя, скверословья, лжѣ, клеветы, клятвы и поклепа, иныхъ дѣлъ сотониныхъ“, если отступимся отъ всего этого, то намъ благо будетъ не только въ этой жизни, но и въ будущей. Надо пощадить себя и своихъ дѣтей. Въ какое другое время мы были свидѣтелями неожиданной смерти того или другого лица? Одни, не успѣвъ сдѣлать никакихъ распоряженій по своему дому, были похищены смертью; другіе съ вечера легли спать здоровыми, а утромъ уже не встали. Надо бояться такого внезапнаго разставанія съ жизнью! Если мы будемъ слѣдовать волѣ Господа, Господь всѣмъ утѣшеніемъ утѣшитъ насъ: отниметъ отъ насъ земную печаль, дастъ намъ мирный исходъ въ другую жизнь, гдѣ будемъ вмѣстѣ съ людьми, хорошо угодившими Богу, наслаждаться радостью и безконечнымъ весельемъ. „Многа же глаголахъ вы (вамъ), братье и чада, но вижю, мало приемлють, премѣняються (измѣняются) наказаніемъ нашимъ; мнози же не внимаютъ себѣ, акы безсмертны, дрѣмлють; боюся, дабы не збылось о нихъ слово, реченое Господемь: аще не быхъ глаголалъ имъ, грѣха не быша имѣли, нынѣ же извѣта (извиненія) не имутъ о грѣсѣ своемь. Много бо глаголю вамъ: аще бо не премѣнимся, извѣта не имамъ предъ Богомь“.

2) **Второе поученіе.** Во второмъ поученіи авторъ выражаетъ своей паствѣ скорбь, испытываемую имъ отъ того, что она не перемѣнилась „отъ дѣлъ неподобныхъ“. „Не тако скорбить мати, видящи чада своя боляща, якоже азъ, грѣшный отець вашь, видя вы боляща беззакоными дѣлы. Многажды глаголахъ вы, хотя отставити отъ васъ злыя обычаи. Никако же премѣнившася вижю вы“. Разбойникъ, — говоритъ проповѣдникъ, — отъ разбоя не отсталъ; воръ отъ воровства не отказался; питающій къ своему другу ненависть, не подавилъ въ себѣ ея; обижающій и расхватывающій чужое, все еще не

пресытился грабежомъ; ростовщикъ не пересталъ брать проценты: не думаетъ этотъ окаянный, что нагимъ онъ родился и отойдетъ изъ этого міра, ничего не имѣя, кромѣ вѣчнаго проклятія; сквернословецъ и пьяница продолжаютъ держаться своихъ привычекъ. „Како утѣшуся, видя вы отъ Бога отлучашася? Како ли обрадуюсь?“ Проповѣдникъ повторяетъ свои призывы къ нравственному измѣненію во имя грядущаго страшнаго суда. „Кому грядемъ? Кому приближаемся, отходяще свѣта сего? Что речемъ? Что отвѣщаемъ?“ Страшно впасть въ гнѣвъ Божій. Какихъ только наказаній мы не навлекли на себя своею грѣховностью! Развѣ наша земля не плѣнена, не взяты города наши, не пали наши отцы и братья, не уведены въ плѣнъ наши жены и дѣти, не состоимъ ли мы, оставшіеся, въ рабствѣ у иноплеменниковъ? Вотъ уже приближается 40 лѣтъ нашему томленію и мукамъ подъ игомъ; не прекращаются тяжкая дань, голодъ, эпидеміи. „И въ сласть хлѣба своего изъѣсти не можемъ; и въздыхание наше и печаль сушать кости наша. Кто же ны сего доведеть? Наше безаконье и наша грѣси, наше неслушанье, наше непокаянье“.

3) **Третье поученіе.** Велико человѣколюбіе Бога нашего. Богъ вразумлялъ насъ словами, грозилъ намъ наказаніями. Мы не обращались на путь истинный. Богъ посылалъ намъ знаменія. Мы нисколько не стали лучше. Наконецъ, Богъ навелъ на насъ „языкъ немилостивъ, языкъ лютъ, языкъ не щадящъ красы уны (юной), немощи старець, младости дѣтни; двигнухомъ бо на ся ярость Бога нашего. Разрушены божественыя церкви; осквернени быша ссуди (сосуды) священии, потоптана быша святая; святители мечу во ядь быша (сдѣлались „ѣдой“, добычей меча); плоти преподобныхъ мнихъ птицамъ на снѣдь повержени быша; кровь и отець и братья нашея, аки вода многа, землю напои; князии (князей) нашихъ, воеводъ крѣпость (сила) ищезе (пропала); храбрии наши, страха наполъньшеся, бѣжаша, мьножайша же братья и чада наша въ плѣнъ ведени быша; села наша лядиною (молодымъ лѣсомъ) поростоша і величество наше смѣрися (усмирилось); красота наша погыбе, богатство наше онѣмъ (другимъ) въ користь бысть; трудъ нашь погании наслѣдоваша; земля наша иноплеменикомь въ достояние бысть; въ поношение быхомъ живущимъ въскрай земля нашея; въ посмѣхъ быхомь врагомъ нашимъ, ибо сведохомъ собѣ, акы дождь съ небеси, гнѣвъ

Господень...". Мы отвратили отъ себя великую милость Божію, мы не даемъ взглянуть на насъ милосердными очами. Мы безпрерывно подвергаемся наказаніямъ, и всетаки не каемся въ своихъ беззаконіяхъ, не отступаемся отъ злыхъ нашихъ обычаевъ.

4) **Четвертое слово.** „Малъ часъ порадовахся о васъ, чада,— говоритъ проповѣдникъ,—видя вашю любовь и послушаніе къ нашей худости (т.-е. къ Сераніону), и мняхъ, яко уже утвердистеся и съ радостію приемлете божественное Писаніе: на совѣтъ нечестивыхъ не ходите и на сѣдалищи губитель не сѣдите". И вотъ оказалось, что слушающіе придерживаются языческихъ обычаевъ: вѣрятъ въ волхвованіе, сжигаютъ на кострѣ невинныхъ людей (вѣдьмъ, причиняющихъ голодъ) и дѣлаютъ виновниками убійствъ весь городъ, все общество: если кто и не принималъ непосредственнаго участія въ убійствѣ, все же онъ—убійца, такъ какъ онъ—единомышленникъ убійцъ; кто могъ освободить сжигаемаго отъ казни и не освободилъ, тотъ не отличается отъ другого, который велѣлъ сжигать. Гдѣ это въ св. Писаніи они нашли, что голодъ на землѣ происходитъ отъ волхвованія, что урожай зависитъ также отъ волхвованія? Если это дѣйствительно такъ, то странно, что они сжигаютъ вѣдьмъ и волхвовъ. Лучше было бы имъ почитать ихъ, обращаться къ нимъ съ молитвами, приносить имъ дары: вѣдь они имѣютъ власть надъ природой—пускаютъ дождь, навѣваютъ тепло, распоряжаются плодородіемъ земли. Вотъ въ настоящее время уже три года нѣтъ хлѣбнаго урожая, и это не только у насъ, но и въ латинской землѣ. Что же, спрашиваетъ Сераніонъ, это волхвы сдѣлали? Полно! Не Богъ ли управляетъ природой, не наказываетъ ли насъ за наши грѣхи Богъ? Изъ св. Писанія извѣстно, что чародѣи и чародѣйки при помощи бѣсовъ пріобрѣтаютъ силу надъ людьми и надъ скотомъ; но бѣсы, съ Божьяго попущенія, могутъ дѣйствовать только на тѣхъ, кто въ нихъ вѣруетъ, кто ихъ боится; а надъ тѣмъ, кто имѣетъ твердую вѣру въ Бога, чародѣи не имѣютъ никакой власти.

„Печаленъ есмь о вашемъ безумьи. Молю вы, отступите дѣлъ поганьскихъ. Аще хощете градъ оцѣстити (очистить) отъ беззаконныхъ человѣкъ, радуюся тому. Оцѣщайте, яко Давидъ пророкъ и царь потребляше отъ града Ерусалима вся творящая безаконие; овѣхъ убитиемъ, инихъ заточениемъ, инихъ же

темницами...". Но надо судить беззаконниковъ такъ, какъ судилъ Давидъ:—со страхомъ Божіимъ; надо видѣть, какъ онъ—Духомъ святымъ, и давать отвѣтъ на вопросъ о виновности—по правдѣ. А какъ владимирское общество осуждаетъ на смерть? „Въ пылу страсти. Вы не судите по правдѣ: одни изъ васъ стоятъ за осужденіе изъ вражды къ обвиняемымъ, другой изъ желанія присвоить часть ихъ имущества, а иной по своей умственной темнотѣ — жаждетъ убійства и грабежа; а за что убиваютъ, онъ и не знаетъ. Правила божественныя требуютъ, чтобы осужденіе на смерть основывалось на показаніяхъ значительнаго числа свидѣтелей; а вы въ свидѣтели берете воду и разсуждаете: если брошенный въ воду (со связанными руками) начнетъ тонуть, онъ невиненъ; а если останется на поверхности воды — онъ волхвъ. Но развѣ дьяволъ, видя ваше маловѣріе, не можетъ нарочно держать брошеннаго въ воду на поверхность, чтобы васъ же ввергнуть въ душегубство? Вѣдь вы отвергли свидѣтельскія показанія сотвореннаго по образу и подобію Божьему человѣка и обратились къ бездушной стихіи, къ водѣ, приняли ея свидѣтельство и этимъ гнѣваете только Бога".

Господь во время потопа истребилъ гигантовъ огнемъ, при Содомѣ — наказывалъ людей „жюпеломъ" (сѣрою), при фараонѣ—десятью казнями, при хананеяхъ—оводами, огненнымъ камнемъ съ неба, при судьяхъ—войнами, при Давидѣ—моромъ, при Титѣ—плѣненьемъ, а потомъ землетрясеніемъ и паденіемъ города. А съ нашимъ народомъ чего только не было: войны, голодъ, моръ, землетрясенія, наконецъ, рабство иноплеменникамъ. Все это бываетъ отъ Бога и дѣлается для нашего спасенія.

Ораторъ умоляетъ своихъ слушателей покаяться въ своемъ безуміи и не быть, какъ трость, колеблемая вѣтромъ. Если они услышатъ какія-нибудь человѣческія басни, пусть обратятся къ св. Писанію, и нашъ врагъ дьяволъ, видя ихъ разумъ и крѣпкодушье, не сможетъ толкнуть ихъ на грѣхъ и отойдетъ посрамленный. „Вижю бо вы великою любовью текущая въ церковь и стояща з говѣньемъ; тѣмже аще бы ми мощно коегождо васъ наполнити сердце и утробу разума божественнаго! Но не утружюся, наказая вы и вразумляя, наставляя. Обида бо ми немала належить, аще вы такоя жизни не получите и Божія свѣта не узрите: не можетъ бо

пастухъ утѣшатися, видя овцы отъ волка расхыщены; то како язъ утѣшюся, аще коему васъ удѣеть злый волкъ дьяволъ?“

5) Пятое поученіе. „Печаль многу імамъ въ срьдци о васъ, чада. Никако же не премѣните отъ злобы обычая своего; вся злая творите въ ненависть Богу, на пагубу душу своеі. Правду есте оставили, любы не имате, завистъ и лесть жируеть (ростетъ) въ васъ, і вознесеся умъ вашъ“. Ораторъ заявляетъ, что его слушатели держатся языческихъ вѣрованій: вѣрятъ волхвамъ и сжигаютъ на кострѣ невинныхъ людей. Неразумные! Они никакъ не могутъ понять, что всякія бѣды, неурожаи посылаются намъ Богомъ въ наказаніе за грѣхи наши. Вмѣсто того, чтобы каяться, они выкапываютъ погребенныхъ утопленниковъ и удавленниковъ, воображая, что отъ этого прекратятся посланныя намъ бѣдствія. Лучше было бы имъ отказаться отъ такихъ злыхъ дѣлъ, какъ разбой, грабежъ, пьянство, воровство, лжесвидѣтельство, гнѣвъ, ярость, злопамятство, ложь, клевета, ростовщичество. Ораторъ рекомендуетъ смотрѣть на поганыхъ: несмотря на то, что они не знаютъ закона Божія, они не убиваютъ и не грабятъ своихъ единоплеменниковъ, не клевещутъ на нихъ, не крадутъ у нихъ; поганый не продастъ своего брата; а если кого изъ нихъ постигнетъ такая бѣда, то выкупятъ его и дадутъ ему еще на первое обзаведеніе; если они найдутъ потерянную вещь, они заявляютъ объ этомъ на торговой площади. Мы же называетъ себя вѣрными, крещены во имя Божіе, слышимъ заповѣди Божіи, и въ то же время преисполнены неправды, зависти и немилосердія: „Братью свою ограбляемъ, убиваемъ. въ погань продаемъ; обадами (клеветой), завистью, аще бы мощно, снѣли другъ друга, но вся Богъ боронить“ (мѣшаетъ). И вельможа, и простой человѣкъ одного только желаютъ—собственности, и ищутъ, кого бы обидѣть. „Окаянне, кого снѣдаеши? Не такой ли человѣкъ, яко же і ты? Не звѣрь есть, ни иновѣрецъ“... Если его слушатели не отстанутъ отъ своего безумія и неправды, то на нихъ обрушатся еще болѣе горькія бѣдствія.

110. Комментаріи къ поученіямъ Серапіона. Поученія Серапіона замѣчательны и по содержанію, и по стилю.

Серапіонъ обличаетъ нравственные недостатки, естественно возникающіе въ обществѣ, раздѣлившемся на классы и сословія. Высшіе классы ведутъ борьбу за дальнѣйшее развитіе своихъ матеріальныхъ средствъ и общественно-политической власти;

низшіе классы борются за улучшеніе своего положенія, или, по крайней мѣрѣ, за сохраненіе такого положенія, которое обезпечиваетъ его представителей отъ голодной смерти. Эта борьба принимаетъ самыя разнообразныя формы. Представители византійско-христіанскаго міровоззрѣнія выработали длинный списокъ отрицательныхъ формъ борьбы другъ съ другомъ, причемъ они отвлекли эти формы отъ ихъ общественной почвы и придали имъ узкій, субъективный характеръ. Эти формы общественнаго антагонизма въ ихъ субъективной окраскѣ суть слѣдующія: грабежъ, разбой, воровство, ростовщичество, ложь, лжесвидѣтельство, клевета, пьянство, ярость, гнѣвъ и т. п. грѣхи. Наиболѣе независимая и мужественная часть византійской церкви, проникнутая демократическимъ элементомъ христіанскаго ученія, краснорѣчиво бичевала эти грѣхи, обращаясь къ отдѣльнымъ лицамъ съ призывами отдѣлаться отъ этихъ грѣховъ путемъ напряженія своей личной воли. Въ зависимости отъ краснорѣчія проповѣдника, его живого отношенія къ человѣческимъ бѣдствіямъ, призывы его нерѣдко приводили къ положительнымъ результатамъ: отдѣльныя лица раскаивались въ своихъ грѣхахъ и измѣняли свою жизнь. Но такихъ лицъ всегда бывало не много: экономическое и общественное развитіе шло своимъ чередомъ, порождая соотвѣтственную нравственность; грѣховность, въ общемъ, продолжала упорно властвовать среди людей.

Окско-волжское общество, современное Серапіону, отличалось такою же грѣховностью, какъ и всякое другое общество. Мало того, къ обычнымъ общественнымъ грѣхамъ въ Окско-Волжской Руси присоединялись еще свои грѣхи, которые порождались низкимъ состояніемъ мѣстной культуры, проникнутой русско-финскимъ анимизмомъ (§ 38).

Христіанство, по своему происхожденію у насъ, было религіей нашей аристократіи, но не религіей массы (кн. 1-ая, § 21): народная масса, городская и особенно сельская, держалась своего традиціоннаго языческаго міропониманія. На сѣверѣ, гдѣ русская масса сливалась съ финской, языческое міропониманіе первоначально должно было въ народной массѣ даже нѣсколько усилиться. Въ то же время на сѣверѣ классовая борьба принимаетъ форму борьбы между двумя религіями: христіанской и языческой. Защитниками первой являются князья и боярство, а защитниками второй—волхвы и народная масса. Въ 1-ой книгѣ указанъ былъ отмѣченный лѣтописью типич-

ный примѣръ этой формы классовой борьбы (§ 21): когда въ Новгородѣ явился волхвъ, на его сторонѣ сталъ весь простой народъ, а на сторонѣ новгородскаго епископа одни только бояре и князь (во второй половинѣ XI в.). Другой примѣръ приводитъ лѣтопись въ томъ же разсказѣ о волхвахъ, подъ 1071 г. Этотъ примѣръ вмѣстѣ съ тѣмъ бросаетъ свѣтъ на тему четвертаго поученія Серапіона.

Во время голода въ Ростовской землѣ поднялись изъ Ярославля два волхва, говорившіе, что они знаютъ, „кто обилье держитъ“ (т.-е. въ чьей власти обилье продуктовъ въ природѣ и ихъ скудость). Они пошли по Волгѣ и, въ какое бы селеніе ни приходили, они называли „лучшихъ“ (т.-е. наиболѣе богатыхъ) женщинъ, говоря, что такая-то держитъ жито, другая медъ, третья рыбъ, а четвертая мѣха. Жители стали приводить къ нимъ — одинъ сестру, другой мать, третій жену; при помощи волшебства волхвы дѣлали у ней надрѣзъ за плечами и вынимали оттуда жито или рыбу. Изобличенныхъ женщинъ убивали, а ихъ имущество волхвы присваивали себѣ. Пришли они на Бѣлоозеро: съ ними было 300 человѣкъ. Въ это время Янъ, сынъ Вышаты, собиралъ здѣсь дань для князя Святослава. Бѣлоозерцы сообщили ему о томъ, что эти два кудесника избили много женщинъ по Волгѣ и Шекснѣ. Янъ разспросилъ у бѣлозерцевъ, чьи смерды эти кудесники. Узнавъ, что они — смерды его князя, Янъ послалъ къ приверженцамъ волхвовъ требованіе выдать послѣднихъ. Они отказались. Янъ взялъ свою небольшую дружину и пошелъ на волхвовъ и ихъ приверженцевъ. Послѣдніе убѣжали въ лѣсъ. Янъ, вернувшись въ Бѣлоозеро, погрозилъ жителямъ сидѣть у нихъ и кормиться на ихъ счетъ все лѣто, если они не поймаютъ волхвовъ и не выдадутъ ихъ ему. Бѣлозерцы испугались, поймали волхвовъ и выдали ихъ Яну. На вопросъ Яна, почему они погубили столько женщинъ, они отвѣтили: „яко ти держать обилье, да аще истребивѣ сихъ, будеть гобино (довольство, обилье); аще ли хощеши, то передъ тобою вынемѣве жито, ли рыбу, ли ино что“. Янъ имъ сказалъ: „По истинѣ лжа то; створилъ Богъ человѣка отъ землѣ, составленъ костьми и жылами отъ крове, пѣсть въ немь ничтоже, и не вѣсть никтоже, но токмо единъ Богъ вѣсть“. Волхвы замѣтили Яну, что они знаютъ, какъ созданъ человѣкъ, и изложили ему дуалистическое ученіе о сотвореніи человѣка: „Богъ мывся въ мовници (банѣ) и вспотивъся, отерся вѣхтемъ

(тряпьемъ, мочалкой) и верже съ небесе на землю; и распрѣся сотона с Богомъ, кому в немь створити человѣка; и створи дьяволъ человѣка, а Богъ душю во нь вложи; тѣмже аще умреть человѣкъ, въ землю идеть тѣло, а душа к Богу". Янъ спросилъ у волхва, въ какого Бога они вѣруютъ. Волхвы сказали, что въ антихриста, сидящаго въ безднѣ. Янъ объяснилъ имъ, что это не Богъ, а бѣсъ. Янъ предалъ волхвовъ пыткамъ, а затѣмъ казнилъ ихъ.

Дуалистическое міропониманіе представляетъ необходимую въ исторіи народовъ стадію развитія. У разныхъ народовъ это міропониманіе принимало разныя формы. Та форма, въ которой дуализмъ изложенъ ростовскими кудесниками, — финскаго происхожденія.

У мордовцевъ до сихъ поръ существуетъ преданіе о сотвореніи человѣка, напоминающее разсказъ волхвовъ. Мордовцы признаютъ двухъ боговъ: Чампаса, бога добра, и Шайтана, бога зла. Человѣка вздумалъ сотворить Шайтанъ. Взявъ глины, песку и земли, онъ сталъ дѣлать тѣло человѣческое: но вмѣсто человѣческаго тѣла выходило тѣло не то свиньи, не то собаки. Тогда Шайтанъ велѣлъ птичкѣ-мыши (мыши тогда летали) летѣть на небо, свить гнѣздо въ полотенцѣ Чампаса и вывести мышенятъ. Птичка-мышь такъ и сдѣлала. Однажды Чампасъ въ банѣ обтирался этимъ полотенцемъ. Отъ тяжести оно вывалилось изъ рукъ Чампаса и упало на землю. Шайтанъ подхватилъ упавшее полотенце и обтеръ имъ сдѣланную фигуру: фигура приняла видъ Божій. Послѣ этого Шайтанъ началъ вкладывать въ тѣло душу, но ничего не вышло. Шайтанъ хотѣлъ уже разбить фигуру; но тутъ подошелъ Чампасъ и сказалъ Шайтану: „Убирайся ты, проклятый Шайтанъ, въ пропасть огненную: я и безъ тебя сотворю человѣка". Шайтанъ отказался: „Нѣтъ, дай, я тутъ постою, погляжу, какъ ты будешь класть живую душу въ человѣка; вѣдь я его сдѣлалъ, и на мою долю изъ него что-нибудь надо дать, а то, братецъ Чампасъ, мнѣ будетъ обидно, а тебѣ нечестно". Долго спорили между собою Шайтанъ и Чампасъ. Наконецъ, они рѣшили раздѣлить человѣка между собою: Чампасъ взялъ себѣ душу человѣка, а Шайтанъ тѣло. Вотъ почему, когда человѣкъ умираетъ, душа идетъ къ Чампасу на небо, а тѣло гніетъ и идетъ въ землю къ Шайтану.

Воззрѣнія, существовавшія во второй половинѣ XI в. и

изложенныя волхвами Яну, продолжали, съ нѣкоторыми измѣненіями, господствовать надъ народными массами въ Окско-Волжской Руси и 200 лѣтъ спустя. Стихійныя явленія, каковы дождь, засуха, урожай, неурожай и т. д., приписывались дѣйствію волхвовъ, вѣдьмъ, утопленниковъ и т. д. Соотвѣтственно такому воззрѣнію окско-волжское общество и дѣйствовало: оно хватало волхвовъ и вѣдьмъ, казнило ихъ, а трупы утопленниковъ и удавленниковъ выбрасывало изъ могилъ.

Серапіону, воспитавшемуся въ стѣнахъ Кіевопечерскаго монастыря и хорошо усвоившему еврейско-византійскую точку зрѣнія, пришлось выступить противъ множества грѣховъ окско-волжскаго общества. Онъ мужественно борется съ его грѣхами, обличая съ одинаковой силой страсть вельможи и простого человѣка къ пріобрѣтенію собственности и языческій бытъ. Въ каждомъ словѣ своемъ онъ призываетъ своихъ слушателей къ исправленію и улучшенію. Чтобы достичь своей цѣли—уничтоженія грѣховъ, Серапіонъ прибѣгаетъ къ самымъ разнообразнымъ средствамъ: онъ напоминаетъ слова св. Писанія, указываетъ на ниспосылаемыя Богомъ страшныя „знаменія“—затменія, землетрясенія, голодъ, моръ, войны, объясняетъ татарское иго, какъ наказаніе Божіе, угрожаетъ страшнымъ судомъ, доказываетъ безсиліе діавола надъ человѣкомъ, твердо вѣрующимъ въ Бога, стыдитъ слушателей хорошими нравами татаръ и пр.

Но самъ Серапіонъ признаетъ въ поученіяхъ, что его призывы не оказывали никакого почти дѣйствія на слушателей. Правда, къ проповѣднику обильно стекались въ храмъ слушатели, что объясняется особенностями его поученій: живое отношеніе проповѣдника къ предмету поученія, искреннія страданія его отъ „грѣховъ“ паствы, умѣніе говорить просто, но образно и безъ особеннаго плана,—все это должно было привлекать много слушателей, независимо отъ ихъ желанія исправиться. Серапіону въ каждомъ поученіи приходилось признавать неисправимость своихъ слушателей. Оттого его поученія проникнуты грустнымъ тономъ, свидѣтельствующимъ о силѣ „дьявола“ надъ людьми.

111. Общій взглядъ на владимирскую литературу. Немного произведеній владимирскаго творчества второго періода дошло до насъ. Но и это немногое замѣчательно. Авторъ „Житія св. Александра Невскаго“ въ своемъ произведеніи обнаруживаетъ искусство, напоминающее эпоху кіевской лите-

ратуры. Два писателя, Кириллъ III и Серапіонъ, оба изъ южной Руси, обнаруживаютъ замѣчательную высоту воззрѣній: пользуясь своею независимостью отъ окско-волжскихъ князей (§ 34), Кириллъ III, а подъ его покровительствомъ и Серапіонъ смѣло выступаютъ на борьбу съ такими явленіями общественной жизни, на которыя не обращали вниманія писатели и проповѣдники предшествующаго періода.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Ростово-суздальское творчество.

112. О ростово-суздальскомъ творчествѣ. Въ Ростово-суздальскомъ удѣлѣ, постепенно дробившемся и уменьшавшемся въ размѣрахъ, литературное творчество продолжается и во второмъ періодѣ (кн. 1-ая, § 318). Сюда относятся слѣдующія произведенія: 1) сказанія о ростовскихъ святыхъ, 2) Сказаніе объ ордынскомъ царевичѣ Петрѣ, 3) „Путешествіе митрополита Исидора въ Италію", 4) „Исхожденіе" Авраамія Суздальскаго и 5) „Лаврентьевскій сводъ".

113. Сказанія о ростовскихъ святыхъ. Древнѣйшими ростовскими святыми были Леонтій, Исаія и Авраамій.

Св. *Леонтій* († ок. 1073) былъ ростовскимъ епископомъ, прославившимся своею борьбою съ мѣстнымъ финско-русскимъ язычествомъ. Жизнь и дѣятельность его послужили предметомъ особаго житія, пережившаго шесть редакцій, изъ которыхъ первая относится къ третьей четверти XII в.

По свидѣтельству владимирскаго епископа Симона (кн. 1-ая, § 297), Леонтій, до своего епископства, былъ инокомъ Кіево-печерскаго монастыря. Житіе представляетъ его грекомъ, родившимся и воспитавшимся въ Царьградѣ. Патріархъ Фотій, имѣя „многу печаль" о языческомъ Ростовѣ, долго ищетъ для него „твердаго пастуха" и, наконецъ, находитъ его въ лицѣ Леонтія. Леонтій отправляется изъ Царьграда прямо въ Ростовъ, не заѣзжая въ Кіевъ къ русскому митрополиту.

Тенденція житія представить Ростовъ находящимся въ непосредственныхъ сношеніяхъ, помимо Кіева, съ константинопольскимъ патріархомъ имѣетъ историческія основанія. Андрей Боголюбскій одно время хлопоталъ о томъ, чтобы отдѣлить

ростовскую епархію отъ кіевской митрополіи, перемѣстить ее во Владиміръ и превратить въ отдѣльную митрополію; были даже сдѣланы нѣкоторые шаги къ этому: племянникъ одного кіевскаго боярина и постриженникъ Кіевопечерскаго монастыря Ѳеодоръ былъ посвященъ въ ростовскіе епископы въ Константинополѣ, патріархомъ, и на возвратномъ пути не заѣхалъ къ кіевскому митрополиту за благословеніемъ. При этомъ Ѳеодорѣ было первое перенесеніе мощей св. Леонтія; при немъ же составлена была первая редакція житія св. Леонтія, на которой отразились церковныя стремленія Андрея Боголюбскаго.

О жизни и дѣятельности св. Леонтія житіе сохранило смутныя и противорѣчивыя преданія, среди которыхъ выдѣляется слѣдующій эпизодъ.

Леонтій, изгнанный ростовцами, поселился въ окрестностяхъ города, гдѣ поставилъ себѣ маленькую церковь. Онъ кутьей заманивалъ къ себѣ дѣтей ростовцевъ, наставлялъ ихъ въ духѣ христіанскаго ученія и крестилъ. Возмущенные ростовцы пошли на св. Леонтія и хотѣли убить его; но тутъ произошло чудо: при видѣ Леоотія въ полномъ облаченіи одни ростовцы пали мертвыми, а другіе ослѣпли. Леонтій поднялъ ихъ, сталъ учить христіанской вѣрѣ и крестить.

По житію, проповѣдь Леонтія имѣла полный успѣхъ, и святой мирно окончилъ свои дни. По сообщенію же епископа Симона дѣло обстояло иначе: ростовцы подвергли св. Леонтія мученіямъ и затѣмъ убили его.

Св. Леонтій творилъ чудеса не только при жизни, но и послѣ смерти. Слуга нѣкоего князя Захарій имѣлъ село на границѣ съ землями Богородицы и св. Леонтія. И задумалъ безумный лукавствомъ присвоить себѣ часть этихъ земель. Онъ выставилъ лжесвидѣтелей, которые заявили: „мы памятуемъ за многія лѣта, яко Захарьина села сія земля“. Былъ обычай у прежнихъ епископовъ: если заводился споръ о землѣ, то посылался на межеванье священникъ съ крестомъ св. Леонтія, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ затѣвались суды и тяжбы, и лилась кровь. Посланный епископомъ священникъ пришелъ и сталъ съ крестомъ на землѣ; явился и Захарій со своими лжесвидѣтелями. Стали межевать землю: лжесвидѣтели пошли такъ, какъ желательно было Захарію; за ними шелъ Захарій, не устыдившійся креста, а за Захаріемъ шелъ священникъ. Такъ Захарій получилъ въ собственность часть земли св. Бого-

родицы; между тѣмъ ему достаточно было бы трехъ локтей на гробъ, котораго никому не миновать, и одной горсти земли на его „безстуднѣи очи“. Священникъ удалился. Однажды Захарій отправился на полученную имъ и уже обработанную землю. Вдругъ Захарій почувствовалъ, что не можетъ двигаться. Онъ завопилъ „велиимъ гласомъ“: „Горе мнѣ окаянному! Яко земля сия надо мною стояше и хотя мя покрыти и погубити, и персть убо земли оноя окаяніи мои очи засыпаше“. Съ трудомъ удалось привести Захарія домой, а онъ все вопилъ: „Горе мнѣ! Яко земля она надо мною бѣ, яко облакъ, и перьсть земли очи мои засыпаше, и злѣ стражу (страдаю), окаяный“. Сердобольные люди свели Захарія къ архіепископу Трифону, въ присутствіи котораго Захарій пришелъ въ себя и покаялся: онъ палъ къ ногамъ архіепископа и, орошая ихъ слезами, просилъ прощенія, а землю вернулъ обратно. Архіепископъ отправился въ храмъ Богородицы, отслужилъ молебенъ и разрѣшилъ его грѣхъ у гроба св. Леонтія. Захарій исцѣлился.

Такимъ образомъ, церковная собственность находилась, по житію св. Леонтія, подъ особой защитой сверхъестественныхъ силъ.

Св. *Исаія* († 1090), епископъ ростовскій, былъ также постриженникомъ Кіевопечерскаго монастыря. Житіе сообщаетъ, что св. Исаія былъ на облакѣ перенесенъ изъ Ростова въ Кіевъ на освященіе кіевопечерской церкви Богородицы (кн. 1-ая, § 299) и на облакѣ вернулся обратно. Св. Исаія прославился своею борьбой за христіанство: онъ укрѣплялъ въ вѣрѣ вновь крещенныхъ, обращалъ язычниковъ, сжигалъ ихъ требища и строилъ храмы.

Преп. *Авраамій* Ростовскій подвизался, вѣроятно, въ XIV в. Житіе, дошедшее до насъ въ трехъ редакціяхъ, представляетъ Авраамія совершающимъ подвиги въ концѣ X в. или въ началѣ XI в. Родители Авраамія были язычники. Самъ Авраамій съ дѣтства страдалъ недугомъ: онъ лежалъ, не двигаясь съ мѣста. Однажды Авраамій, которому исполнилось уже 18 лѣтъ, услышалъ, какъ нѣкоторые благочестивые новгородцы, случившіеся въ домѣ его родителей, разговаривали о христіанствѣ и о чудесахъ, совершающихся въ христіанствѣ. Авраамій сталъ размышлять о томъ, что ни одинъ изъ боговъ его отца не помогаетъ ему выздоровѣть, а у новгородцевъ—одинъ Богъ и многихъ исцѣляетъ; если бы христіанскій Богъ исцѣлилъ его,

онъ сталъ бы служить ему вѣчно. Авраамій исцѣлился и исполнилъ свой обѣтъ: онъ крестился, постригся въ монахи въ Валаамской пустыни и оттуда отправился въ Ростовскую землю. Въ то время въ Ростовѣ цѣлый чудскій конецъ поклонялся идолу Велесу. Съ помощью жезла Іоанна Богослова, который явился ему въ видѣніи, Авраамій сокрушилъ идола, а на его мѣстѣ построилъ первый ростовскій монастырь въ честь Богоявленія. Много боролся Авраамій съ язычествомъ, поучая, какъ и Леонтій, по преимуществу дѣтей и подвергаясь не разъ опасности быть убитымъ.

114. Сказаніе объ ордынскомъ царевичѣ Петрѣ. Сказаніе объ ордынскомъ царевичѣ Петрѣ было составлено во второй четверти XIV в. Это можно заключить изъ того, что авторъ разсказываетъ о нашествіи сильнаго татарскаго посла Ахмыла въ выраженіяхъ современника этого событія: „страшно есть братіе, видѣти рать его (Ахмыла) и все войско вооружено“; а это событіе произошло въ 1322 г.

Поводомъ къ написанію сказанія послужила земельная тяжба, возникшая между внукомъ Петра, ордынскаго царевича, и ростовскими князьями Ѳеодоромъ и Константиномъ (не раньше 1316 г. и не позже 1322 г.). Содержаніе сказанія таково.

Ростовскій епископъ Кириллъ поѣхалъ въ 1253 г. въ Орду по церковнымъ дѣламъ. Здѣсь онъ исцѣлилъ ханскаго сына, за что былъ щедро одаренъ. Кромѣ того, онъ получилъ ярлыкъ, по которому ежегодно дань татарамъ отъ ростовскихъ и ярославскихъ князей переходила къ ростовской епархіи въ домъ Пречистой Богородицы. Пребываніе Кирилла въ Ордѣ ознаменовано было однимъ слѣдствіемъ. Ордынскій царевичъ, племянникъ хана (Берки, по сказанію, а по историческимъ соображеніямъ — его предшественника Батыя), наслушавшись разсказовъ Кирилла о томъ, какъ св. Леонтій крестилъ Ростовскую землю, проникся христіанскимъ духомъ и вмѣстѣ съ епископомъ ушелъ изъ Орды въ Ростовъ, гдѣ принялъ христіанство. Ростовскимъ княземъ былъ въ то время Борисъ, сынъ погибшаго во время татарскаго нашествія Василія Константиновича (кн. 1-ая, § 220).

Поселившись въ Ростовской землѣ, Петръ нерѣдко развлекалъ себя охотой. Однажды, утомившись на охотѣ, Петръ легъ на берегу Ростовскаго озера и уснулъ. Во снѣ ему явились два свѣтлыхъ мужа, апостолы Петръ и Павелъ. Петръ

въ ужасѣ палъ передъ ними. Они взяли его за руку и сказали: „Друже, Петре! Не бойся! Мы посланы къ тебѣ отъ Бога, въ котораго ты увѣровалъ и крестился, посланы для того, чтобы укрѣпить родъ твой и племя, и внуковъ твоихъ до скончанія міра“. Сказавъ это, они дали царевичу два мѣшка, одинъ съ золотомъ, другой съ серебромъ, и велѣли купить въ городѣ три иконы: одну — св. Богородицы съ младенцемъ, другую—св. Дмитрія, а третью — Николая Чудотворца. Съ этими иконами царевичъ долженъ идти къ епископу и сказать ему отъ имени апостоловъ Петра и Павла, чтобы онъ построилъ церковь ихъ имени на томъ мѣстѣ, гдѣ царевичъ спалъ.

Въ ту же ночь Петръ и Павелъ явились ростовскому епископу Игнатію и дали ему то же самое повелѣніе. Когда царевичъ съ купленными иконами явился къ епископу, послѣдній бесѣдовалъ съ ростовскимъ княземъ о ночномъ видѣніи. Выслушавъ разсказъ Петра о видѣніи, епископъ и князь поклонились иконамъ, которыя сіяли, какъ солнце. Епископъ велѣлъ пѣть иконамъ молебны, затѣмъ, отправившись на указанное Петромъ мѣсто у озера, заложилъ храмъ апостоламъ Петру и Павлу.

Когда храмъ былъ готовъ, царевичъ Петръ поставилъ въ немъ три иконы. Ростовскій князь, выйдя изъ церкви вмѣстѣ съ Петромъ, сказалъ послѣднему, что земля, на которой построенъ храмъ, принадлежитъ ему, князю, и что онъ не дастъ ему этой земли. Петръ отвѣтилъ князю, что онъ купитъ у него землю. Князь потребовалъ у Петра столько денегъ за землю, сколько онъ заплатилъ за иконы. Петръ посовѣтовался объ этомъ съ епископомъ, и епископъ сказалъ ему: „Господь изрекъ своими святыми устами: просящему у тебя дай, и ты, чадо, не пощади родителей имѣнія; дай князю, сколько онъ хочетъ“. Царевичъ поклонился владыкѣ до земли, пошелъ къ князю и сказалъ ему: „да будетъ, княже, воля святыхъ апостоловъ и твоя!“ Князь велѣлъ тогда протянуть вервь отъ воды и до воротъ, отъ воротъ до угла и отъ угла возлѣ озера — мѣсто было велико. Петръ попросилъ у князя приказать выкопать ровъ вокругъ этого мѣста, какъ въ Ордѣ бываетъ, чтобы это мѣсто не погибло. Князь сдѣлалъ это, а Петръ сталъ класть деньги изъ мѣшковъ поодиночкѣ вдоль выкопаннаго рва—девять литръ серебра и десятую золота. Этими день-

гами Петра наполнили возы и колесницы, такъ что кони едва могли сдвинуть ихъ съ мѣста. Между тѣмъ, несмотря на множество выложеннаго золота и серебра, мѣшки Петра продолжали оставаться полными. Князь и владыка дивились этому великому чуду.

Однажды князь и владыка вели между собою бесѣду о царевичѣ Петрѣ. Они говорили о томъ, что нехорошо будетъ Ростову, если этотъ мужъ изъ царскаго племени уйдетъ обратно въ Орду. Петръ былъ ростомъ великъ и лицомъ красивъ. Князь и епископъ рѣшили женить Петра, чтобы прикрѣпить его къ Ростову. Петръ, услышавъ предложеніе князя и епископа, прослезился и сказалъ: „Я возлюбилъ вашу вѣру и пришелъ къ вамъ: да будетъ воля Господня и ваша". Князь выбралъ для Петра невѣсту изъ знатныхъ ордынскихъ вельможъ, усѣвшихся въ Ростовѣ. Епископъ вѣнчалъ Петра.

Князь ростовскій часто бралъ съ собою Петра на охоту ястребами, кречетами и вообще развлекалъ царевича, чтобы крѣпче утвердить его въ нашей вѣрѣ. Однажды на охотѣ князь сказалъ Петру: „Велію благодать обрѣлъ ты передъ Богомъ и граду нашему. Писано есть: что воздамъ Господеви о всѣхъ, яже воздастъ намъ? Пріими же, господине Петре, малую эту землю отъ нашей отчины и воды отъ этого озера: я тебѣ напишу и грамоты". Царевичъ отвѣтилъ князю, что онъ отъ отца и матери не умѣетъ владѣть землею и не знаетъ, для чего нужны грамоты. Князь разъяснилъ царевичу: „Все это я тебѣ сдѣлаю, а грамоты для того, чтобы послѣ насъ мои дѣти, внуки и правнуки не отняли тѣхъ земель у твоихъ дѣтей и внуковъ". Петръ согласился. Князь велѣлъ въ присутствіи владыки написать грамоты, по которымъ множество земель, воды отъ озера и лѣса были отданы Петру.

Князь ростовскій очень любилъ Петра, такъ что даже въ присутствіи владыки въ церкви побратался съ нимъ. Прошло много времени. У Петра народились дѣти, умеръ владыка Игнатій, скончался и ростовскій князь, а дѣти его звали Петра своимъ дядей. Въ глубокой старости Петръ принялъ монашество и скончался (1290 г.). Онъ былъ погребенъ въ усыпальницѣ его при церкви св. апостоловъ Петра и Павла. Съ этого времени здѣсь открылся монастырь, который и „доселѣ" существуетъ около Ростова.

Между тѣмъ внуки ростовскаго князя забыли Петра и его

добродѣтель и стали отнимать у его дѣтей луга и окраины его владѣній. Тогда сынъ Петра Лазарь отправился въ Орду и назвался внукомъ царскаго брата. Дяди обрадовались царевичу, дали ему много подарковъ и выпросили у царя посла ему. Явившись въ Ростовъ съ сыномъ Петра, царскій посолъ разсмотрѣлъ грамоты Петра и покойнаго ростовскаго князя. По этимъ грамотамъ были сдѣланы рубежи землямъ, и сынъ Петра получилъ отъ посла грамоту съ золотою печатью.

Съ уходомъ царскаго посла ростовскіе князья стали разсуждать между собою и съ боярами: „Слышали мы, что родители наши звали Петра дядею, и что дѣдъ нашъ много у него серебра взялъ и братался съ нимъ въ церкви; а вѣдь это—родъ татарскій, а кость не наша; что это намъ за племя? Серебра же намъ не оставили ни дѣдъ, ни родители наши!“ Такъ разсуждали ростовскіе князья и много лѣтъ жили, зазирая дѣтямъ Петра за то, что они въ Ордѣ принимали честь выше ихъ.

У Лазаря родились сыновья и дочери. Одинъ изъ нихъ, Юрій, привыкъ отъ родителей своихъ воздавать честь св. Богородицѣ въ Ростовѣ: онъ возлагалъ на нее золотыя гривны, учреждалъ пированія владыкамъ, всему клиросу и собору въ праздникъ Петра и Павла. За это Богъ благословлялъ труды внуковъ Петра: ихъ рыболовы вытаскивали сѣтями въ Ростовскомъ озерѣ множество рыбы, тогда какъ горожане ростовскіе, сколько ни закидывали сѣти, ничего не могли наловить. Городскіе рыболовы обратились тогда къ князю съ просьбой запретить рыболовамъ внука Петра ловить рыбу, такъ какъ иначе все озеро опустѣетъ. Правнуки стараго ростовскаго князя запретили рыболовамъ внука Петра ловить рыбу въ озерѣ, такъ какъ на воды озера у нихъ нѣтъ грамоты. Юрій отправился тогда въ Орду, сказался правнукомъ царева брата, былъ съ честью принятъ и получилъ отъ царя посла для разбора дѣла. Явившись въ Ростовъ, посолъ сѣлъ при озерѣ у св. апостоловъ Петра и Павла. И былъ страхъ ростовскимъ князьямъ отъ царскаго посла. Юрій разложилъ передъ посломъ грамоты. Посолъ, посмотрѣвъ на грамоты, спросилъ у ростовскихъ князей: „Положены ли грамоты на эту куплю? Ваша ли вода? Есть ли подъ нею земля? И можете ли снять воду отъ земли той“? Князья отвѣтили: „Такъ, господине! Положены эти грамоты, а земля подъ водою есть, а вода, господине, — наша

отчина, а снять ее съ земли не можемъ". Услышавъ это, посолъ сказалъ: „Если не можете снять воду отъ земли, то почто своею называете? А сотвореніе есть вышняго Бога на службу и на пищу всѣмъ человѣкамъ и скотамъ". На этомъ основаніи посолъ присудилъ внукамъ Петра по землѣ—и воду: какъ есть купля землямъ, такъ и водамъ. Онъ далъ Юрію грамоту съ золотою печатью и ушелъ въ Орду. Князья ростовскіе перестали творить Юрію зло и утишились на многіе годы.

Возросъ правнукъ Петра, Игнатій, сынъ Юрія. При немъ совершилось нашествіе на Русскую землю Ахмыла „царя", который взялъ Ярославль и сжегъ. Отсюда онъ двинулся къ Ростову. Вся земля устрашилась, а ростовскіе князья убѣжали; за ними бросился и владыка Прохоръ. Игнатій погнался за владыкой съ обнаженнымъ мечемъ: „Если ты, — кричалъ ему Игнатій, — не пойдешь со мною навстрѣчу Ахмылу, то убью тебя: это—наше племя и сродники!" Владыка послушался: съ клиросомъ, въ ризахъ, съ крестами и хоругвями вышелъ владыка къ Ахмылу, а Игнатій, во главѣ согражданъ, передъ крестами. Игнатій взялъ царскую тѣшь, соколовъ и кречетовъ, шубы дорогія, цвѣтныя ткани, питья различныя. Онъ сталъ на колѣни передъ Ахмыломъ и сказался царскимъ племенемъ. „А это село,—говорилъ онъ Ахмылу,—царево и твое, господине, а купля—прадѣда нашего, гдѣ чудеса творились, господине". Страшно было видѣть вооруженную рать Ахмыла. Ахмылъ спросилъ, кто эти, стоящіе въ бѣлыхъ ризахъ, и что за хоругви у нихъ, не хотятъ ли они биться. Игнатій объяснилъ: „Это—богомольцы царевы и твои, да благословятъ тебя, а носятъ они божницу по закону нашему, господине". У Ахмыла былъ сынъ, страдавшій тяжелымъ недугомъ. Владыка со всѣмъ клиросомъ сталъ молиться Богу, пѣлъ чудотворцамъ молебны, освятилъ воду, далъ испить больному и благословилъ его. Царевичъ тотчасъ же выздоровѣлъ. Ахмылъ возрадовался. Воздѣвъ руки къ небу, онъ воскликнулъ: „Благословенъ вышній Богъ, вложившій мнѣ въ сердце придти сюда! Праведенъ ты еси, господине Прохоре, ибо молитва твоя воскресила моего сына. Благословенъ и ты, Игнатіе! Ты уберегъ людей своихъ и спасъ этотъ городъ; ты—наше племя, царева кость. И если будетъ тебѣ здѣсь обида, не лѣнись дойти до насъ". Ахмылъ далъ владыкѣ 40 литръ серебра и его клиросу 30 литръ. Взявъ отъ Игнатія царскую тѣшь, онъ поцѣловалъ его, покло-

нился владыкѣ и, сѣвъ на коня, отправился въ Орду. Игнатій съ честью провелъ Ахмыла и въ великой радости вернулся назадъ съ владыкой и согражданами.

Сказаніе оканчивается такимъ заключеніемъ: „Дай же, Господи, утѣху почитающимъ и пишущимъ древнихъ родителей дѣянія, здѣ и въ будущемъ вѣцѣ покой! А Петрову бы сему роду соблюденіе и умноженіе живота и неоскудѣніе до старости, и безпечаліе, и вѣчная ихъ память до скончанія міра,о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, ему же слава во вѣки, аминь“.

Таково содержаніе этого сказанія, представляющаго семейную хронику Петра и его потомства. Авторъ хроники, повидимому, монахъ Петровскаго монастыря, смѣло защищаетъ права внуковъ Петра и Петровскаго монастыря на купленныя нѣкогда земли противъ притязаній ростовскихъ князей. Замѣчательна хроника и тѣмъ, что она рисуетъ намъ исторію проникновенія въ окско-волжскую аристократію татарскихъ аристократовъ и поддержку, которую оказывала ихъ интересамъ Орда.

115. „Путешествіе митрополита Исидора въ Италію“. Митрополитъ Исидоръ отправился на флорентійскій соборъ (§ 40) въ сопровожденіи Авраамія, епископа суздальскаго, іеромонаха Симеона и цѣлаго штата духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. Во время путешествія (1437 — 1441), по приказанію Исидора, его дьякъ, неизвѣстный по имени, составлялъ записки, въ которыхъ разсказывалъ о событіяхъ, происшедшихъ на пути, и описывалъ достопримѣчательности западно-европейскихъ городовъ и особенности природы. Записки эти, извѣстныя подъ именемъ „Путешествія митрополита Исидора въ Италію“, отличаются сжатостью, точностью и полной объективностью.

Автора, какъ и прежнихъ путешественниковъ, прежде всего интересуютъ храмы, монастыри, священные предметы, мощи святыхъ и т. д. Но Западная Европа не могла не поразить автора и своею культурою: роскошными и крѣпкими каменными домами, богатствами промышленности, высотою техники и т. д.

Путешественники выѣхали изъ Москвы и отправились черезъ Новгородъ и Псковъ „въ нѣмцы“. Въ Юрьевѣ Исидора встрѣтилъ „бискупъ юрьевскій съ великою честію, по своему праву нѣмецкому, со всѣми строи нѣмецкими, съ трубами и со свирѣльми и далъ ему честь велику и дары многи“.

Городъ Юрьевъ — „великъ и каменнъ: нѣсть такихъ у насъ; палаты же въ немъ созданы вельми чудны, намъ же, не видящимъ таковыхъ, дивящеся“. Въ Юрьевѣ есть много церквей и великихъ монастырей латинскихъ, а христіанскихъ (т.-е. православныхъ) церквей только двѣ.

Въ Ригѣ путешественникамъ также была устроена торжественная встрѣча. Изъ Риги путешественники отправились по морю къ Любеку. На морѣ разыгралась сильная буря. „Мы же вси живота своего отчаяхомся, гляголюще: увы, погибаемъ“. Нѣмцы приступили къ Исидору, говоря, что эта бѣда разразилась „христіянъ ради“ и попросили его помолиться Богу. Исидоръ устроилъ на кораблѣ молебенъ: тьма разошлась и подулъ попутный вѣтеръ.

Очень поразилъ автора Любекъ. „И видѣхомъ градъ вельми чуденъ, и поля бяху, и горы велики, и садове красны, и палаты вельми чудны съ позлащенными верьхами; и монастыри въ немъ вельми чудны и сильны, и товара въ немъ много всякаго, и воды приведены въ него и текутъ по всѣмъ улицамъ, по трубамъ, а иныя изъ столповъ, и студены и сладки“. Въ одномъ монастырѣ путешественникамъ показали множество священныхъ сосудовъ и золотыхъ ризъ съ драгоцѣнными камнями. Тутъ же они увидѣли „мудрость недоумѣнну и несказанну“: „Яко жива, стоитъ Пречистая и Спаса держитъ на руцѣ младенечнымъ образомъ. Се бо яко зазвѣнитъ колокольчикъ, и слетаетъ ангелъ сверху и сноситъ вѣнецъ на рукахъ и положитъ на Пречистую. И пойдетъ звѣзда, яко по небу, и на звѣзду зряху, идутъ волсви три, а предъ ними человѣкъ съ мечемъ, а за ними человѣкъ съ дарами. И внесоша дары Христу — злато, ливанъ и смирну, и пріидоша къ Христу и Богородицѣ и поклонишась. И Христосъ, обратяся, благослови ихъ, хотяще руками взяти дары, яко дитя, играя у Богородицы на рукахъ; они же поклонишась и отдаша. И ангелъ же возлетитъ горѣ (вверхъ) и вѣнецъ взя“. Отсюда путешественниковъ повели въ библіотеку, гдѣ было болѣе тысячи книгъ.

Изъ Любека путешественники отправились далѣе, а Исидоръ остался еще въ этомъ городѣ.

Въ Люнебургѣ автора поразили водопроводы и фонтаны. „Среди града того суть столпы устроены, въ мѣди позлащены, вельми чудны, треть сажени вышины, и у тѣхъ столповъ, у

коегождо, люди приряжены около тою же мѣдію, и истекаютъ изъ тѣхъ людей изъ всѣхъ воды сладки и студены, у инаго изъ устъ, а у инаго изъ уха, а у инаго изъ ока, а у инаго изъ локтя, а у инаго изъ ноздрію... Тіи бо люди напояютъ весь градъ той и скоты. Приведенье водъ тѣхъ вельми хитро, и стеканіе несказанно".

Далѣе, авторъ описываетъ Брауншвейгъ, Амбергъ, Лейбисъ (Лейпцигъ), Эрфуртъ, Нюрнбергъ, Аугсбургъ и т. д. причемъ, каждый изъ этихъ городовъ все сильнѣе и сильнѣе поражалъ автора, что выразилось въ его замѣчаніяхъ: такой-то „градъ величествомъ выше всѣхъ тѣхъ градовъ прежнихъ", „таковаго товара и хитраго рукодѣлія ни въ коемъ градѣ прежденисанномъ не видѣхомъ", „а иныя воды во столпы приведены хитрѣе всѣхъ прежденисанныхъ градовъ" и т. д.

Тирольскія горы вызываютъ у автора такое замѣчаніе: „Дивны горы тѣ и толикой высотѣ суть, яко облаки въ полъ ихъ ходятъ и облаки отъ нихъ ся взимаютъ. Снѣзи же лежатъ на нихъ отъ сотворенія горъ тѣхъ. Въ лѣтѣ же варъ (жара) и зной великъ въ нихъ, но снѣгъ не бо таяше".

Наконецъ, путешественники достигли Феррары, гдѣ долженъ былъ собраться „знаменитый осьмый соборъ".

Въ Феррарѣ авторъ обратилъ вниманіе на башенные часы: „На папинѣ дворѣ возведенъ былъ столпъ каменнъ высокъ и великъ надъ торгомъ; и на томъ столпѣ устроены часы, колоколъ великъ; и коли ударитъ, на весь градъ слышати. И у того столпа отведено крыльцо и двое двери. И коли приспѣетъ часъ ударити въ колоколъ, и выдетъ изъ столпа на крыльцо ангелъ, простѣ видѣти, яко живъ, и потрубитъ въ трубу и входитъ другими дверцами въ столпъ; а людямъ всѣмъ видящимъ, слышати мочно гласъ его. И потомъ въ тотъ колоколъ восходяше, ангелъ на всякъ часъ ударяше".

Изъ Феррары засѣданія собора были перенесены во Флоренцію, которую авторъ называетъ „вельми" великимъ градомъ: „таковаго не обрѣтохомъ въ прежденисанныхъ градѣхъ". „Божницы" въ этомъ городѣ „вельми красны и велицы"; палаты, построенныя изъ бѣлаго камня, „вельми высоки и хитры"; есть въ городѣ великая лѣчебница на тысячу кроватей и богадѣльня для немощныхъ и странниковъ изъ другихъ земель.

Обратный путь шелъ черезъ Венецію, „градъ великъ

вельми", стоящій въ морѣ; по всѣмъ улицамъ этого города— вода, а ѣздятъ на баркахъ. Въ Венеціи авторъ обратилъ вниманіе на церковь св. Марка и ея чудные столпы.

116. „Исхожденіе" Авраамія Суздальскаго. Авраамій, епископъ суздальскій, сопровождавшій Исидора на флорентійскій соборъ (§ 115), оставилъ описаніе своего путешествія, изъ котораго сохранился только отрывокъ. Авраамій описываетъ въ немъ мистерію *), воспроизводившую Благовѣщеніе въ одномъ флорентійскомъ монастырѣ. Излагая свои впечатлѣнія отъ мистеріи, Авраамій замѣчаетъ, что иное въ ней было „чудно и радостно и отнюдь несказанно", другое было „дивное и страшное видѣніе". Общій выводъ Авраамія о мистеріи такой: „Се же чудное оно видѣніе и хитрое дѣланіе видѣхомъ во градѣ, зововомъ Флорензѣ; еже можахомъ своимъ малоуміемъ вмѣстити, написахомъ противо тому видѣнію, яко же видѣхомъ; иного же не мощно исписати, зане причудно есть отнюдь и несказанно".

117. „Лаврентьевскій сводъ". „Лаврентьевскій сводъ" составленъ монахомъ Лаврентіемъ въ Суздалѣ въ 1377 году. Онъ представляетъ соединеніе „Сильвестрова свода" первой редакціи („Второго кіевскаго свода" первой редакціи, по другой терминологіи) и „Суздальской лѣтописи" (кн. 1-я, §§ 309—314, 316, 318).

Въ концѣ свода Лаврентій сдѣлалъ интересную приписку. Въ началѣ ея авторъ выражаетъ свою радость по поводу того, что онъ окончилъ свой трудъ: „Радуется купецъ, прикупъ створивъ, и кормьчій въ отишье (гавань) приставъ, и странникъ въ отечество свое пришедъ; такоже радуется и книжный списатель, дошедъ конца книгамъ; такоже и азъ, худый, недостойный и многогрѣшный рабъ Божій Лаврентей мнихъ". Указавъ, гдѣ и когда онъ написалъ свой трудъ, Лаврентій проситъ у читателей извиненія, если онъ гдѣ-нибудь ошибся—„описалъ, или переписалъ, или не дописалъ": книги, съ которыхъ онъ списывалъ, были „ветшаны", а умъ его еще молодъ, „не дошелъ" (не достигъ зрѣлости).

118. Общій взглядъ на ростово-суздальское творчество. Ростово-суздальское творчество второго періода представлено цѣлымъ рядомъ произведеній, изъ которыхъ каждое

*) Средневѣковое драматическое произведеніе на тему, заимствованную изъ св. Писанія.

имѣетъ опредѣленное значеніе. Сказанія о ростовскихъ святыхъ пытаются оживить преданія о древнѣйшихъ просвѣтителяхъ Ростова; въ этихъ преданіяхъ отражаются культурныя связи Ростова съ Кіевомъ и Новгородомъ, а въ преданіяхъ о Леонтіи проглядываетъ тенденція установить культурную связь между Ростовомъ и Константинополемъ. Сказаніе объ ордынскомъ царевичѣ Петрѣ любопытно въ двухъ отношеніяхъ: 1) оно изображаетъ, какъ проникали въ среду окско-волжскаго правящаго класса знатные татары и какую поддержку они находили въ Ордѣ, когда ихъ интересамъ угрожали русскіе князья; 2) оно интересно, какъ образецъ литературной защиты (въ формѣ хроники) церковной собственности отъ посягательствъ свѣтской власти. Путешествія Исидора и Авраамія важны не только въ научномъ отношеніи свѣдѣніями о Западной Европѣ первой половины XV в., но и характеромъ впечатлѣній двухъ русскихъ людей того же времени, изумлявшихся культурѣ и богатству Запада. Наконецъ, составленіе „Лаврентьевскаго свода“ представляетъ неоцѣнимую для науки заслугу суздальскаго монаха Лаврентія.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Тверское творчество.

119. Тверское княжество. Самымъ сильнымъ княжествомъ въ началѣ XIV в. является Тверское, занимавшее верховье Волги.

Родословіе тверскихъ князей.

Всеволодъ III Большое Гнѣздо
(1176 — 1212)
|
Ярославъ
(1238 — 1246)
|
Ярославъ Тверской
(1263 — 1272)
|
Михаилъ
(1304 — 1319)
|
Дмитрій Грозныя Очи (1322 — 1326) | Александръ (1326 — 1328)

Михаилъ Ярославичъ Тверской (1304—1319) становится великимъ владимирскимъ княземъ, но остается въ Твери. Изъ событій княженія Михаила наиболѣе замѣчательны два: 1) неудачная попытка Михаила сдѣлать митрополитомъ своего кандидата и послѣдовавшая отсюда борьба съ митрополитомъ Петромъ и 2) начало борьбы Москвы съ Тверью, которая закончилась при сыновьяхъ Михаила—Дмитріи и Александрѣ—пораженіемъ Твери.

Одинъ изъ выдающихся преемниковъ Александра, его сынъ Михаилъ Александровичъ (1368—1399) пытается при Дмитріи Донскомъ (1363—1389) стать великимъ владимирскимъ княземъ, но неудачно.

Усобицы, наступившія въ Московскомъ княжествѣ при Василіи II Темномъ (1425—1462, § 37), возродили-было въ Твери при князѣ Борисѣ Александровичѣ (1425—1461) мечты о первенствующей роли. Но съ побѣдой Василія надъ противниками эти мечты должны были исчезнуть.

Въ 1485 г. при князѣ Михаилѣ Борисовичѣ (1461—1485) Тверь потеряла самостоятельность и была присоединена къ Москвѣ.

120. Тверское литературное творчество. Къ тверскому литературному творчеству относятся слѣдующія произведенія: 1) „Наказаніе“ Симеона о бесѣдѣ съ княземъ Константиномъ, 2) „Посланіе“ монаха Акиндина, 3) „Повѣсть объ убіеніи князя Михаила“, 4) старина о Щелканѣ Дудентьевичѣ, 5) „Слово похвальное“ инока Ѳомы и 6) „Хожденіе за три моря“ Аѳанасія Никитина.

121. „Наказаніе“ Симеона о бесѣдѣ съ княземъ Константиномъ. „Наказаніе о бесѣдѣ съ княземъ Константиномъ, гдѣ быти тивуну на ономъ свѣтѣ“ приписывается тверскому епископу Симеону († 1289), человѣку „учительному“ и „сильному въ книгахъ“.

Константинъ, князь Полоцкій, по прозванію Безрукій, желая пристыдить своего тіуна, обратился на пиру, въ присутствіи всѣхъ, къ епископу Симеону съ вопросомъ: „Гдѣ быти тивуну на ономъ свѣтѣ“? Симеонъ отвѣтилъ: „Гдѣ и князю“. Князю не понравился такой отвѣтъ. „Тіунъ,—возразилъ князь, — неправду судитъ, мзду емлетъ, люди продаетъ, мучитъ, лихое все дѣетъ, а азъ что дѣю?“ Симеонъ отвѣтилъ: „Аже будетъ князь добръ, богобоинъ, жалуетъ людей, правду

любитъ,—избираетъ тіуна или коего волостеля мужа добра и богобойна, страха Божія полна, разумна, праведна, по закону Божію все творяща и судъ вѣдуща: и князь въ раи, и тивунъ въ раи. Будетъ ли князь безъ Божія страха, христіанъ не жалуетъ, сиротъ не милуетъ и вдовицами не печалуется, поставляетъ тивуна или коего волостеля—человѣка зла, Бога не боящася и закона Божія не вѣдуще и суда не разумѣюще, толико того дѣля, абы князю товара добывалъ, а людіе не щадитъ, аки бѣшена человѣка пустилъ на люди, давъ ему мечь. Тако и князь, давъ волость лиху человѣку губити люди,—князь во адъ и тивунъ съ нимъ во адъ".

„Наказаніе" Симеона замѣчательно смѣлостью, съ какою авторъ дѣлаетъ отвѣтственнымъ за дѣянія княжеской администраціи самого князя.

122. „Посланіе" тверского монаха Акиндина. Желая низвергнуть митрополита Петра (§ 34), князь Михаилъ прибѣгъ къ услугамъ высшей части тверского духовенства. Епископъ тверской Андрей послалъ патріарху доносъ съ какими-то обвиненіями противъ Петра. Эти обвиненія были настолько тяжки, что патріархъ немедленно отправилъ на Русь своего чиновника для разслѣдованія дѣла. Патріаршій чиновникъ созвалъ около 1311 г. въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ соборъ, на которомъ присутствовали два епископа: Андрей Тверской и Симеонъ Ростовскій, лучшіе изъ монаховъ и игуменовъ, множество священниковъ, а также нѣсколько князей и множество бояръ. На соборѣ образовались двѣ партіи — одна противъ Петра, поддерживаемая тверскимъ правительствомъ, а другая за Петра, поддерживаемая московскимъ княземъ Юріемъ. Соборъ былъ бурный: между противниками и приверженцами Петра дѣло едва не дошло до вооруженной схватки. Но обвиненія противъ Петра не подтвердились, и Петръ вышелъ побѣдителемъ. Въ чемъ состояли обвиненія, неизвѣстно. Изъ того, что на соборѣ присутствовало, вопреки обычному составу церковныхъ соборовъ, множество священниковъ, дѣлаютъ выводъ, что это было не спроста, что священники были приглашены съ цѣлью при ихъ посредствѣ добиться обвиненія Петра на основаніи какихъ-то прегрѣшеній его въ отношеніи къ священникамъ. Какихъ же именно? Это объясняется посланіемъ тверского монаха Акиндина къ великому князю Михаилу Ярославичу, которое явилось послѣ переяславльскаго собора (1312—1315).

Въ своемъ посланіи Акиндинъ сообщаетъ, что епархіальное начальство отправило его въ Константинополь съ особымъ порученіемъ—разузнать у патріарха, законно ли взиманіе платы митрополитомъ и епископами за поставленіе въ духовный санъ. Патріархъ Нифонтъ (1312—1315) съ соборомъ, по словамъ Акиндина, отвѣтилъ, что какое бы то ни было взиманіе платы за поставленіе незаконно. Повидимому, отправленіе Акиндина въ Константинополь было слѣдствіемъ оправданія Петра патріаршимъ чиновникомъ. Петръ, очевидно, былъ обвиненъ кн. Михаиломъ въ томъ, что онъ бралъ плату за поставленіе. Чиновникъ, разслѣдовавъ дѣло, нашелъ, что Петръ, дѣйствительно, бралъ плату, но такую, которая считалась законной и въ Византіи, на основаніи императорскихъ постановленій (§ 101), и у насъ, на основаніи „Правила“ Кирилла III (§ 108). Но такъ какъ и такая плата, какъ извѣстно было образованнымъ духовнымъ лицамъ, противорѣчила каноническимъ правиламъ, то подъ вліяніемъ кн. Михаила, желавшаго во что бы то ни стало уничтожить Петра, тверской епископъ послалъ монаха Акиндина съ запросомъ. Патріархъ, подобно Нилу впослѣдствіи (§ 101), могъ дать только одинъ принципіальный отвѣтъ: взиманіе платы *за поставленіе* незаконно; взимающіе „со Іюдою равни суть и не имуть части съ Христомъ ни здѣ, ни въ будущемъ вѣцѣ“. Но принципіальное отрицаніе симоніи не мѣшало ея существованію на практикѣ, причемъ она или оправдывалась постановленіями императоровъ, или толковалась, какъ особые добровольные „исторы“ рукополагаемыхъ на свѣчи, вино, обѣды и пр. (§ 101). Князь Михаилъ, убѣдившись, что практика будетъ противорѣчить теоріи, рѣшилъ, очевидно, дѣйствовать литературнымъ путемъ. Результатомъ этого было посланіе монаха Акиндина къ великому князю тверскому, Михаилу Ярославичу.

Акиндинъ убѣждаетъ князя искоренить своею властью незаконный обычай взиманія святителями платы за поставленіе. Этотъ „жидовьскый“ обычай—ересь. Основываясь на апостольскомъ преданіи и на постановленіяхъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, Акиндинъ рѣзко нападаетъ на эту „ересь“. „И тѣхъ законными уставы,—пишетъ Акиндинъ,—и азъ понуженъ отъ нынѣшнихъ боящихся Бога и вслѣдникъ заповѣдей Его возвѣстити тобѣ писаніемъ, не яко ново что вводя, сже и ты, боголюбче, молчанія же ради осуженія бояся, видя

ересь растущу и множащюся, безстуднѣ (безстыдно) и непокровными усты износиму, наченшуся обычаемъ богоненавистнымъ отъ старѣйшихъ святитель нашихъ и до меньшихъ, непродаемую благодать Духа Святаго въ куплю въводити и взимати отъ поставленія митрополиту отъ епископа и отъ попа, и отъ дьякона, и отъ прочихъ причетникъ; такоже и епископу отъ сущаго подъ нимъ всего причта, отъ первыхъ и до послѣднихъ, и отъ всякого священія, апостольскому и богоносныхъ отець сборному преданію поставленаго на мъздѣ и съ поставльшимъ его обою отъ сана измещуть, и отинудь (отнюдь) ктому непричастнома быти своего степени и въ проклятіе сводить". Акиндинъ смотритъ на берущаго и дающаго мзду за поставленіе, какъ на погубившихъ себя, а поставленіе считаетъ недѣйствительнымъ: „Сему же (т.-е. Симону-волхву) послѣдьствующихъ святыхъ отець събори вселенстѣи съ инѣми помѣстными весьздѣ прокляша и отвергоша сій обычай жидовьскый". „Ставя бо и взимая ставленое, то уже изверженъ, а отъ изверженнаго и никоея же не имать пользы отъ поставленія, и пріобщаяся пречистыхъ таинъ отъ него, вѣдая, съ нимъ осудится". Акиндинъ отмѣчаетъ, что одни святители въ отвѣтъ на порицаніе симоніи пытаются принимать насильственныя мѣры противъ обличителей, а другіе оправдываются тѣмъ, что берутъ плату „поганьскаго ради насилія" (татаръ). Послѣднимъ Акиндинъ возражаетъ такъ: „Поганый бо ли тать, ли разбойникъ (подобно вору и разбойнику), гдѣ видить богатьство, то всяко тщаніе творить пограбити, ли покрасти, ли разбити; а идѣже нищата Христова смиренія, ту не надѣется ничтоже пріобрѣсти; то и не насилить и не томить". Сославшись на апостоловъ, которые были бѣдны и между тѣмъ прошли со своею проповѣдью по всему міру, Акиндинъ совѣтуетъ князю принять мѣры къ тому, чтобы святители наши приблизились въ своихъ дѣйствіяхъ и образѣ жизни къ апостоламъ: „Тако да будетъ тщаніе и тобѣ, державный боголюбче, еже святитель чистота и къ Богу дерьзновеніе, аще право и подобно имуть житіе и добръ имуще разумъ божественыхъ писаній, могуще еретикомъ заградить уста и священныя каноны видити и творити. Се бо удобреніе есть всецерковному исполненію, а не еже зватися именемъ точію святителю и чистительскими ризами украшатися и множествомъ предъстоящихъ кичитися, многонароднымъ въслѣдованіемъ чтити

собе и запрещати бесправды, мучительскы, а не святительскы, и злобою покрыватися отъ обличающихъ"... Величіе и сила правовѣрныхъ христіанъ зависитъ отъ твердаго соблюденія церковныхъ правилъ. Когда церковь пребываетъ безъ ереси и порока, Богъ даетъ намъ миръ, обиліе всякихъ плодовъ и „врагомъ одолѣніе". Если же правила церковныя нарушаются, Богъ подвергаетъ насъ наказаніямъ. Акиндинъ приглашаетъ князя задуматься надъ этимъ: „Разумѣй, боголюбче, державный княже, яко преслушанія ради божественныхъ номоканонъ святыхъ апостолъ и сборныхъ отечьскыхъ вся злая приходять на ны. Не падоша ли силніи наши и ерѣеви (іереи) наши острѣемъ меча? Не преданы ли быша въ полонъ чада наша въ скверньи руцѣ? Не осквернена ли быша святая наша въ опустѣніе? Быхомъ въ смѣхъ же и въ поруганіе живущимъ окрестъ насъ языкомъ".

Быть можетъ, князь, желая уклониться отъ возстановленія церковнаго правила, скажетъ: „Сами ся управять, како хотять, а язъ въ се не въступлюся". На это Акиндинъ замѣчаетъ, что князь—царь въ своей землѣ; если онъ „смолчитъ" митрополиту, то за это отвѣтитъ „на страшнѣмъ и нелицемѣрнемъ судищи Христовѣ"; епископъ, съ котораго митрополитъ возьметъ „хотя и мало что отъ поставленія", уже не епископъ, а пріобщающіеся отъ него съ нимъ осудятся. „А мы,— замѣчаетъ Акиндинъ князю, — съ своей души снимаемъ на твою душю".

Въ заключеніе Акиндинъ призываетъ на князя благословеніе св. отцовъ, если онъ уничтожитъ симонію и возстановитъ церковное правило во всей своей силѣ.

Энергичное по тону посланіе Акиндина должно было стать извѣстнымъ далеко за предѣлами Тверского княжества. Вѣроятно, оно было знакомо и стригольникамъ (§ 101).

123. „Повѣсть объ убіеніи князя Михаила". „Повѣсть объ убіеніи князя Михаила" была составлена, вѣроятно, въ скоромъ времени по убіеніи тверского князя Михаила (1319) и во всякомъ случаѣ не позже второй четверти XIV в. Она принадлежитъ перу неизвѣстнаго автора, но тверитянина — свидѣтеля смерти князя. Князя Михаила сопровождало въ Орду трое духовныхъ лицъ: игуменъ Даніилъ и два попа. Одно изъ этихъ лицъ и было, какъ предполагаютъ, авторомъ „Повѣсти".

Блаженный князь Михаилъ Ярославичъ, внукъ великаго князя Всеволода Юрьевича, родился отъ блаженной и преподобной матери великой княгини Аксиніи. Эта святая и мудрая мать воспитала сына въ страхѣ Божіемъ и научила святымъ книгамъ и всякой премудрости. Великій князь Андрей (Городецкій, сынъ Александра Невскаго, † 1304), умирая, благословилъ на великое княженіе христолюбиваго князя Михаила, имѣвшаго право старшинства на это. Михаилъ отправился къ царю въ Орду, такъ какъ по обычаю великое княженіе берется тамъ. Въ то же время отправился въ Орду и его племянникъ Юрій Даниловичъ. Проѣзжая черезъ Владиміръ, Юрій въ бесѣдѣ съ митрополитомъ Максимомъ (предшественникомъ Петра) заявилъ: „Хотя, отче, иду въ Орду, но не хощу великаго княженія". Когда Юрій находился въ Ордѣ, всепагубный врагъ дьяволъ, не желающій роду человѣческому добра, вложилъ въ сердце татарскихъ князей намѣреніе посѣять раздоръ между братьями. Они сказали Юрію: „Оже (если) ты даси выходъ (дань) болши князя Михаила Тфѣрьского, мы тебѣ великое княженіе дадимъ". Этими словами татарскіе князья „превратили" сердце Юрія, и онъ сталъ искать великаго княженія. „Обычай бо поганыхъ и до сихъ мѣстъ (поръ), вмещуще вражду межю братіи князей русьскыхъ и себѣ большая дары взимаху. И бывши прѣ (споръ) велицѣ межи ими, и бысть тягота велика въ Русьской земли за наша согрѣшенія". Милостью пресвятой Богородицы и всѣхъ святыхъ великимъ княземъ вернулся благовѣрный князь Михаилъ.

По прошествіи восьми лѣтъ въ Ордѣ сѣлъ новый царь Озбякъ (Узбекъ), который вошелъ въ богомерзкую вѣру сарацинскую (магометанскую) „и оттолѣ наипаче не пощадѣти нача роду христіяньского". Съ этихъ поръ началась между Юріемъ и Михаиломъ вражда: „аще (если) и творяста миръ межи себе, но врагъ нашъ всепагубный дьяволъ паки рать вздизааше". Беззаконные измаильтяне, „не сыти суще мьздоимьства, его же желааху", получили отъ Юрія много серебра, дали ему великое княженіе и отпустили его на Русь вмѣстѣ съ однимъ изъ князей своихъ, беззаконнымъ и проклятымъ Кавгадыемъ. Блаженный великій князь Михаилъ пошелъ настрѣчу Юрію и Кавгадыю съ полками. Онъ отправилъ къ Юрію посла со словами: „Брате! Аже (если) далъ царь тебѣ великое княженіе, то и азъ отступаюся тебѣ; княжи на великомъ княженіи, а

въ мою опришнину (удѣлъ) не вступайся". И отпустилъ Михаилъ свое войско и вернулся въ Тверь. Но дьяволъ непремѣнно желалъ кровопролитія. Юрій двинулся на Тверь ратью со всею Низовской землею, съ кровопійцей Кавгадыемъ, со множествомъ татаръ, бусурманъ и мордвой и началъ жечь многія села и города. „И бысть туга (горе) не мала, имающе (схватывали) мужи и мучащи различными муками, и смерти предаяху, а жены ихъ оскверниша поганіи". Непріятели опустошили всю Тверскую землю къ югу отъ Волги и перешли по ту сторону Волги, чтобы и ту опустошить. Блаженный князь Михаилъ пригласилъ своего епископа, князей и бояръ и сказалъ имъ: „Братіе! Видите ли, княженія великого отступился есмь брату моему и выходъ давалъ есми, и се надъ тѣмъ (и вотъ, несмотря на это) колико зла сътвориша въ вотчинѣ моей! Азъ же терпяхъ имъ и чаяхъ, уже престанеть злоба си, но и паче (очень хорошо) вижю, еже (что) головы моея ловять; нынѣ же не творюся, въ чемъ виноватъ (не признаю за собой вины); буду ли въ чемъ виноватъ, скажите ми". Они же со слезами, „яко единѣми усты", сказали ему: „Правъ еси, господине, во всемъ; передъ своимъ сыновцемъ (племянникомъ) таковое смиреніе сътворилъ еси, и се (вотъ) взяша всю власть (область) твою, а другую страну (сторону) такоже хотять пусту сътворити; а нынѣ, господине, поиди противу имъ, а мы, господине, за тебя хощемъ животомъ своимъ потягнути (послужить)". Утвердившись честнымъ крестомъ, отправился Михаилъ со своимъ войскомъ на враговъ. Произошла великая сѣча. Враги „вдаша плещи свои" (повернули плечи, обратились въ бѣгство). Милостью Великаго Спаса, пречистой его Матери, и помощью великаго архангела Михаила побѣдилъ благовѣрный князь Михаилъ, „и бысть видѣти безчисленное множество ратныхъ падающе подъ кони язвени (раненные), яко снопы въ жатву на нивѣ". Юрій убѣжалъ съ небольшимъ отрядомъ въ Торжокъ, а оттуда въ Новгородъ, его же супруга Кончака (сестра Узбека) и Кавгадый попали въ руки Михаила. Михаилъ съ радостью вернулся въ свой городъ съ окаяннымъ Кавгадыемъ, обошелся съ нимъ ласково, одарилъ и отпустилъ. Кавгадый же, разставаясь съ Михаиломъ, коварно клялся не жаловаться на него царю и говорилъ: „зане же (вѣдь) воевали есми власть твою безъ царева слова и повелѣнія". Юрій тѣмъ временемъ собралъ множество нов-

городцевъ и псковичей и снова пошелъ на Тверь. Михаилъ вышелъ къ нему навстрѣчу. Желая избѣжать кровопролитія, Михаилъ предложилъ Юрію поѣхать въ Орду на судъ къ царю. Юрій согласился.

Завязавъ снова сношенія съ Кавгадыемъ, Юрій отправился въ Орду первымъ, взявъ съ собою всѣхъ низовскихъ князей и бояръ отъ городовъ и Новгорода. Михаилъ отправилъ въ Орду сперва своего сына Константина, а затѣмъ, взявъ благословеніе у своего епископа Варсонофія, отъ игуменовъ, поповъ и отъ своего духовнаго игумена Ивана, отправился туда и самъ. Его провожали княгиня его Анна и сынъ Василій, которые съ трудомъ разстались съ нимъ и вернулись „со многимъ рыданіемъ". Михаилъ ѣхалъ со своими двумя сыновьями, Дмитріемъ и Александромъ. Когда онъ былъ во Владимирѣ, явился туда Ахмылъ, царскій посолъ, который сталъ торопить Михаила, сообщивъ ему, что Кавгадый наклеветалъ на него царю, и царь хочетъ идти войной на его область. Услышавъ это, сыновья стали просить отца вернуться назадъ и послать въ Орду кого-нибудь изъ нихъ. Михаилъ не согласился и отправился самъ.

Пріѣхавъ въ Орду, Михаилъ одарилъ всѣхъ ордынскихъ князей, царицъ и самого царя. По прошествіи полутора мѣсяца царь велѣлъ разобрать дѣло Михаила и Юрія и виновнаго предать казни. Въ одинъ день собрались всѣ ордынскіе князья въ одномъ шатрѣ за царскимъ дворцомъ и, разложивъ множество грамотъ съ обвиненіями противъ Михаила, спросили его, на какомъ основаніи онъ набралъ по городамъ много дани, а царю ничего не далъ. Михаилъ, любя правду, опровергъ это обвиненіе. Въ другой разъ привели князя Михаила на судъ связаннымъ, снова обвинили его въ томъ, что не давалъ царю дани, а кромѣ того въ томъ, что онъ сразился противъ царскаго посла и уморилъ княгиню Юрія. Благовѣрный князь Михаилъ съ документами доказывалъ, что онъ всю дань далъ и князьямъ и царю, что царскаго посла онъ щадилъ во время сраженія и отпустилъ со многою честью; о княгинѣ сказалъ, ссылаясь на свидѣтелей, что у него и въ помыслахъ не было губить ее. „Но беззаконніи, якоже въсхотѣша, то и сътвориша". Ночью къ князю приставили стражу, отняли его платье и связали его на всю ночь. Въ эту же ночь прогнали отъ него всѣхъ его бояръ и слугъ, которыхъ сильно избили, и удалили

даже его отца духовнаго Александра. Князь остался одинъ въ рукахъ поганыхъ. Утромъ въ воскресеніе на шею князя наложили большую колоду изъ тяжелаго дерева. Преподобный и благовѣрный князь Михаилъ съ радостью и слезами благодарности Богу принялъ посланную ему муку. Онъ не измѣнилъ правиламъ, усвоеннымъ съ дѣтства, не позволялъ себѣ по ночамъ спать и безпрестанно пѣлъ псалмы.

Между тѣмъ нечестивый Кавгадый, „имѣя ядъ аспиденъ подъ устнама своима и пакы досажая души терпѣливаго князя Михаила“, велѣлъ привести его на торговую площадь и, созвавъ всѣхъ заимодавцевъ, поставилъ Михаила передъ собой на колѣни: „Величавшеся безаконный, яко власть имый на праведнѣмъ, и много словеса изорче (сказалъ) досадна (обидныя) праведному“. Затѣмъ онъ сказалъ Михаилу: „Вѣдая буди, Михаиле, такъ царевъ обычай: аже (если) будеть ему на кого гнѣвъ, хотя и на своего племянника, ти такоже древо (колоду) въскладають на него; егда же гнѣвъ его минеть, и паки въ первую честь вводить его; утро бо или въ предъидущій день тягота си отидеть отъ тебе и въ большей чести будеши“. Затѣмъ Кавгадый сказалъ стражѣ: „Почто не облегчите ему сего“? Стража отвѣтила: „Завтра или на другой день створимъ по глаголу твоему“. И сказалъ окаянный: „Поддержите ему древа сего, да не отягчають ему плеща“.

Почти мѣсяцъ держали блаженнаго князя въ томленіи и тяготѣ. Предчувствуя приближеніе конца, Михаилъ велѣлъ отслужить себѣ заутреню и часы, а затѣмъ сталъ каяться своимъ духовнымъ: „бяше бо съ нимъ игуменъ да два попа“. Въ присутствіи своего сына Константина князь отдалъ свои послѣднія распоряженія по своему княжеству, а затѣмъ предался чтенію Псалтири. Въ это время Кавгадый уже выхлопоталъ согласіе царя на казнь Михаила. Когда князь кончилъ чтеніе, вбѣжалъ въ шатеръ Михаила отрокъ съ поблѣднѣвшимъ лицомъ, говоря: „Господине, княже! Ѣдутъ уже изъ Орды Кавгадый и великый князь Юрій Даниловичь со множествомъ народа прямо къ твоей вежѣ“. Князь всталъ и, вздохнувъ, сказалъ: „Вѣдаю, на что ѣдуть, на убіеніе мое“, и отправилъ своего сына Константина къ царицѣ. „И бѣ страшно въ той часъ, братіе, видѣти отъ многихъ странъ (сторонъ) множество женущихъ (устремившихся) къ вѣжѣ княжѣ Михаиловѣ“. Кавгадый и Юрій послали къ шатру убійцъ, а сами слѣзли съ

коней и остановились па недалекомъ разстояніи. „Убійци же, яко дивіи (дикіе) звѣри, немилостиви кровопивци, разгнавше отъ блаженнаго всѣ людіе его, въскочиша въ вежу, обрѣтоша его стоящa и тако похватиша его за древо, еже бѣ на выи его, и удариша имъ силно и възломиша и на стѣну, и проломися вежа: онъ же въскочи, и тако мнози емше (схватили) и повергоша его на земли и біяхуть пятами нещадно. И се единъ отъ безаконныхъ, именемъ Романець, извлекъ великый ножь и удари въ ребра святого въ десную (правую) страну, и обращая ножь сѣмо и овамо (туда и сюда), и отрѣза честное сердце его“. Такъ предалъ въ руки Господа свою святую и блаженную душу Михаилъ. Вежу князя разграбили русь и татары, а тѣло его было брошено нагимъ. Кавгадый и Юрій, получивъ донесеніе о совершеніи казни, приблизились къ мѣсту, гдѣ лежало тѣло. Кавгадый, видя нагое тѣло князя, съ яростью сказалъ Юрію: „Не братъ ли ти старѣйши, какъ отець? Да къ чему тако лежить тѣло его наго повержено“? Юрій велѣлъ своимъ подчиненнымъ покрыть тѣло князя.

Бояре и слуги Михаила были схвачены, раздѣты, избиты нещадно, „акы нѣкыя злодѣя“ и заключены въ оковы. Только небольшая часть ихъ, осмѣлившихся бѣжать къ царицѣ, спаслась отъ татарскихъ рукъ.

А русскіе князья и бояре пили вино въ одномъ шатрѣ, разсказывая другъ другу о томъ, кто какую вину возвелъ на святого.

Тѣло святого, положенное на доску, было перенесено на телѣгу; доску крѣпко привязали къ телѣгѣ веревками. Послѣ этого тѣло перевезли за рѣку Адежь. Юрій велѣлъ двумъ своимъ слугамъ стеречь тѣло. Когда наступила ночь, на слугъ напалъ страхъ. Въ великомъ ужасѣ они побѣжали въ свой станъ. Утромъ они явились къ телѣгѣ, и что же они увидѣли? Тѣло святого лежало на землѣ раной внизъ, причемъ подъ раной оказалось много крови; правая рука была подъ лицомъ, а лѣвая у раны; телѣга стояла на своемъ мѣстѣ, и доска оставалась привязанной къ ней. Преславно Господь прославилъ своего вѣрнаго раба князя Михаила: всю ночь лежало тѣло святого на землѣ, и ни одинъ изъ многочисленныхъ звѣрей не тронулъ его.

Многіе вѣрные и невѣрные въ ту же ночь видѣли преславное чудо: „два облака свѣтла всю нощь осѣпяста надъ

тѣломъ святаго, разступающеся и паки съступающеся вмѣсто и сіяюще, акы солнце". Утромъ говорили, что князь этотъ святъ и былъ убитъ невинно; облако же „являеть просвѣщеніе ангелское надъ нимъ".

Отъ рѣки Адежи тѣло святого отправили въ Мождьтчары въ сопровожденіи бояръ Юрія. Находившіеся тамъ купцы, знавшіе князя, хотѣли прикрыть тѣло многочисленными плащаницами и поставить его въ церкви съ честью и со свѣчами; но приставленные къ тѣлу немилостивые бояре не позволили имъ даже видѣть тѣло и „со многою укоризною" поставили его въ одной хлѣвушкѣ. Но и здѣсь Господь прославилъ святого: „Мнози бо отъ различныхъ языкъ, живуще на мѣстѣ томъ, по вся нощи видяху столпъ огненъ, сіяющъ отъ земля до небеси, иніи же яко дугу небесную, прикланяющюся надъ хлѣвину святаго, идѣже лежить тѣло".

Отсюда тѣло повезли дальше къ Бездѣжу. Когда тѣло приближалось къ городу, многіе горожане видѣли, что около телѣги шло множество народу со свѣчами, а другіе на коняхъ ѣздили по воздуху съ фонарями. Тѣло привезли въ городъ, но не поставили его въ церкви, а стали на дворѣ. Одинъ изъ стерегшихъ тѣло лежалъ ночью наверху телѣги съ тѣломъ; вдругъ невидимая сила бросила его далеко отъ телѣги. Онъ всталъ едва живой и разсказалъ объ этомъ чудѣ мѣстному іерею.

Изъ Бездѣжа тѣло святого повезли на Русь до Москвы и здѣсь положили его въ церкви монастыря святого Спаса. Супруга Михаила и ея сынъ, находясь далеко, въ Твери, не знали ничего о происшедшемъ. На другой годъ пріѣхалъ въ Москву Юрій, получивъ великое княженіе, и привелъ съ собою Константина, сына Михаила, и слугъ и бояръ его отца.

Когда въ Твери узнали о смерти Михаила, отправлено было въ Москву посольство съ просьбой отпустить въ Тверь тѣло его. Съ трудомъ удалось посольству добиться этого.

Тѣло святого было встрѣчено торжественно супругой, сыновьями, епископомъ, игуменами, попами и множествомъ народа: „Отъ многаго вопля не бяше слышати поющихъ и не можаху донести ракы (гроба) къ церкви, и поставиша предъ враты церковными, и тако на многы часы плакаху, и едва внесоша въ церковь". Тѣло святого положили въ церкви св. Спаса.

„И се чуднѣе сътвори Богъ своею неизреченною милостію:

изъ толь далечіе землю везено тѣло святаго на телѣзѣ и въ санѣхъ, и потомъ же тѣло святаго лежало на Москвѣ лѣто все, и обрѣтеся тѣло все цѣло, а не истлѣвше. Како удиви (прославилъ) Богъ святыя своя угодникы, пострадавшая за нь".

124. Комментаріи къ „Повѣсти объ убіеніи князя Михаила". Повѣсть объ убіеніи тверского князя Михаила представляетъ изъ себя подборъ такихъ фактовъ и событій изъ жизни и дѣятельности этого князя, которые соотвѣтствуютъ принятой авторомъ точкѣ зрѣнія: Михаилъ—святой.

Указавъ въ началѣ повѣсти на то, что князь былъ воспитанъ своею преподобной и святой матерью въ страхѣ Божіемъ, авторъ начинаетъ свое повѣствованіе съ 1304 г., когда умеръ великій князь Андрей, и Михаилъ, на основаніи правъ старшинства, поѣхалъ въ Орду, чтобы получить великое княженіе. Туда же поѣхалъ и Юрій съ той же цѣлью. Съ этого времени, по „Повѣсти", начинаются враждебныя отношенія между Юріемъ и Михаиломъ. Въ „Повѣсти" ни единымъ словомъ не упоминаются нѣкоторыя предшествовавшія обстоятельства: захватъ тверскими боярами брата Юрія Бориса, неудавшаяся попытка ихъ захватить самого Юрія на пути его въ Орду, осада тверскими войсками Переяславля, въ которомъ сидѣлъ другой братъ Юрія, Иванъ Калита.

Сообщивъ, что милостью Богородицы и всѣхъ святыхъ великое княженіе получилъ Михаилъ, авторъ „Повѣсти" переходитъ къ 1313 г. Съ этого момента авторъ слѣдитъ за борьбой между Михаиломъ и Юріемъ, опуская такіе факты, которые могли бы бросать тѣнь на его героя. Такъ, напр., говоря о томъ, что Юрій пошелъ на Михаила съ татарами, авторъ умалчиваетъ о томъ, что раньше и Михаилъ водилъ татаръ на Новгородъ, въ которомъ сидѣлъ братъ Юрія Аѳанасій.

Князь Михаилъ изображается въ „Повѣсти" воспитаннымъ въ строгихъ правилахъ христіанскаго ученія. Это — князь, руководящійся въ своихъ дѣйствіяхъ правомъ: онъ занимаетъ великокняжескій престолъ на основаніи старшинства и по благословенію преставлявшагося предшествующаго великаго князя. Во имя благополучія населенія, чтобы избѣжать кровопролитія, князь готовъ отказаться отъ своего законнаго права на великокняжескій престолъ въ пользу своего племянника Юрія. Онъ вступаетъ съ Юріемъ въ борьбу тогда, когда Юрій собирается опустошить его владѣнія по ту сторону Волги.

Когда разбитый Юрій, собравъ новыя войска, снова идетъ на Михаила, послѣдній, чтобы избѣгнуть кровопролитія, предлагаетъ своему противнику отправиться на судъ въ Орду: право—на его сторонѣ, и онъ вѣритъ, что въ Ордѣ восторжествуетъ справедливость.

Замѣчательно, что авторъ „Повѣсти“ виновникомъ вражды между Юріемъ и Михаиломъ считаетъ не столько Юрія, сколько Кавгадыя, причемъ даже высказываетъ общее положеніе, что татарскіе князья съ умысломъ ссорятъ русскихъ князей между собою, чтобы получать съ нихъ побольше денегъ. Видимо, тверское общество не представляло себѣ всей серьезности притязаній московскаго князя; оно не замѣчало въ этихъ притязаніяхъ отраженія быстро нароставшей крупной силы, и смотрѣло на Юрія, какъ на простое орудіе татарскихъ интригъ, главнымъ образомъ, интригъ треклятаго Кавгадыя, отравившаго сердце Юрія мыслью о великомъ княженіи. Кавгадыю удалось путемъ ложныхъ обвиненій погубить Михаила. Но когда онъ увидѣлъ мертвое тѣло Михаила непокрытымъ, онъ съ яростью обрушился и на Юрія, подчеркивая ему, что Михаилъ вѣдь былъ для него, какъ отецъ среди князей.

Судъ надъ Михаиломъ, его казнь, сопровождавшаяся избіеніемъ и ограбленіемъ его бояръ и слугъ, поведеніе низовскихъ русскихъ князей и бояръ во время казни—изображены очень ярко.

Трагическая кончина Михаила, увѣренность тверского общества въ его невинности породили сказанія о чудесахъ, совершавшихся около тѣла князя: авторъ отмѣчаетъ малѣйшій фактъ, подававшій поводъ людямъ, сочувственно относившимся къ князю, создавать легенды.

125. Старина о Щелканѣ Дудентьевичѣ. Въ Большой Ордѣ на золотомъ стулѣ, на рытомъ (съ разводами) бархатѣ, на червчатой камкѣ (красной шелковой ткани съ разводами) сидѣлъ царь Азвякъ Тавруловичъ. Онъ суды разсуживалъ и разряживалъ, размахивая своимъ костылемъ по бритымъ усамъ, по татарскимъ головамъ, по синимъ плѣшамъ. Азвякъ дарилъ своихъ шурьевъ стольными русскими городами: Василію—Плесу (въ Костромской губ.), Гордѣю—Вологду, Ахрамею—Кострому. Не пожаловалъ Азвякъ одного только любимаго шурина Щелкана Дудентьевича. Потому не пожаловалъ, что Щелкана не случилось въ Ордѣ: уѣзжалъ Щелканъ за синія моря, въ

дальнюю Литовскую землю; бралъ онъ тамъ дани-невыходы (неуплоченныя дани), царскія невыплаты; съ князей бралъ онъ по сту рублей, съ бояръ по пятьдесятъ, съ крестьянъ по пяти рублей; у кого денегъ нѣтъ, у того дитя бралъ, у кого дитя нѣтъ, у того жену бралъ; у кого жены нѣтъ, того самого головой бралъ. Вывезъ Щелканъ дани-выходы и богатые подарки: коня во сто рублей, сѣдло въ тысячу рублей и уздечку, которой и цѣны не было; не тѣмъ уздечка дорога, что вся она изъ золота, а тѣмъ, что она — подарокъ литовскаго короля: эту узду нельзя ни продать, ни промѣнять, ни лучшему другу подарить.

Явившись къ Азвяку, Щелканъ сталъ просить, чтобы царь пожаловалъ его старою богатою Тверью съ двумя родимыми братцами, удалыми Борисовичами. Сказалъ ему Азвякъ: „Гой еси шуринъ мой, Щелканъ Дудентьевичъ! Заколи-тко ты сына своего, сына любимаго, крови ты чашу нацѣди, выпей ты крови тоя, крови горячія; и тогда я тебя пожалую Тверью старою, Тверью богатою, двумя братцами родимыми, дву удалыми Борисовичи“. Щелканъ закололъ своего сына, нацѣдилъ чашу его горячей крови и выпилъ. За это пожаловалъ его царь Тверью.

Щелканъ сѣлъ судьею въ Твери: сталъ онъ надъ всѣми надругиваться, надъ домами насмѣхаться. Старые и богатые мужики посадскіе принесли жалобу на Щелкана двумъ удалымъ братцамъ родимымъ Борисовичамъ. Пошли Борисовичи къ Щелкану съ поклономъ отъ народа и съ честными подарками; поднесли ему злата, серебра и скатнаго жемчуга. Щелканъ подарки принялъ, а чести имъ не воздалъ: зачванился, загординился Щелканъ. Борисовичи повздорили съ нимъ: одинъ схватилъ Щелкана за волосы, другой за ноги и разорвали его. „Тутъ смерть ему случилася, ни на комъ не сыскалося“.

126. Комментаріи къ старинѣ о Щелканѣ Дудентьевичѣ. Въ основу старины о Щелканѣ Дудентьевичѣ легли разсказы о дѣйствительномъ событіи, случившемся въ 1327 г.

Послѣ того, какъ московскій князь Юрій былъ убитъ Дмитріемъ Грозныя Очи, ярлыкъ на великое княженіе получилъ братъ Дмитрія Александръ Михайловичъ (§ 37). Въ 1327 г. пріѣхалъ въ Тверь татарскій посолъ Чолханъ (въ старинѣ и въ лѣтописяхъ — Щелканъ, Шевкалъ), двоюродный братъ Узбека (въ старинѣ Азвякъ, въ „Повѣсти“ о Михаилѣ —

Озбякъ, § 124). Пребываніе Чолхана въ Твери сопровождалось обычными для татарскихъ пословъ поборами и вымогательствами, взволновавшими тверское общество. Стали распространяться чудовищные слухи: Чолханъ хочетъ сѣсть на тверскомъ престолѣ, раздать другіе тверскіе города своимъ друзьямъ и всѣхъ христіанъ привести въ татарскую вѣру. Слухи эти возникли, вѣроятно, потому, что Чолханъ занялъ для себя и для своей свиты дворецъ, въ которомъ жилъ Александръ. Одно событіе переполнило чашу терпѣнія тверичей. Дьяконъ Дюдко повелъ свою молодую и упитанную кобылу на водопой. Татарамъ кобыла очень понравилась, и они стали отнимать ее у него. Дьяконъ завопилъ о помощи. Сбѣжались тверичи и со своимъ княземъ во главѣ бросились на татаръ. Произошло страшное побоище, продолжавшееся съ утра до вечера. Татары, уступавшіе тверичамъ въ численности, были побѣждены и бросились съ Чолханомъ въ старый дворецъ покойнаго отца Александра,—Михаила, гдѣ и заперлись. Александръ велѣлъ зажечь дворецъ. Чолханъ и его свита погибли въ пламени. Покончивъ съ Чолханомъ и его свитой, тверичи истребили татарскихъ купцовъ, находившихся въ Твери: однихъ убили, другихъ утопили, третьихъ сожгли на кострахъ.

Узнавъ объ этихъ событіяхъ въ Твери, московскій князь Иванъ Калита немедленно отправился въ Орду. Онъ доложилъ царю о событіи и попросилъ поручить ему наказать тверичей. Узбекъ далъ ему 50.000 татарскаго войска, съ которымъ онъ страшно опустошилъ Тверское княжество. Александръ убѣжалъ во Псковъ.

Въ 1328 г. Иванъ Калита получилъ ярлыкъ на великое княженіе. Между тѣмъ псковичи готовы были стать за Александра съ оружіемъ въ рукахъ. Тогда Калита прибѣгъ къ особому способу воздѣйствія на псковичей: онъ уговорилъ митрополита Ѳеогноста предать Александра и псковичей проклятію и отлучить ихъ отъ церкви. Александръ, не желая, чтобы изъ за него страдалъ цѣлый городъ, покинулъ Псковъ и уѣхалъ въ Литву. Проклятіе и отлученіе были сняты съ псковичей.

Въ 1337 г. Александръ, стосковавшись по родинѣ, рѣшилъ отправиться въ Орду. Смиреніемъ Александру удалось прекратить гнѣвъ Узбека и получить право на тверской престолъ. Возвращеніе Александра въ Тверь было непріятно Ивану Калитѣ, такъ какъ оно предвѣщало возобновленіе борьбы между

Москвою и Тверью. Въ 1339 г. Иванъ отправился въ Орду. Спустя нѣкоторое время послѣ этого Александру было предъявлено требованіе явиться въ Орду. Александръ отправилъ впередъ своего сына Ѳеодора, а потомъ и самъ поѣхалъ. Въ Ордѣ Александръ узналъ, что онъ приговоренъ къ смерти. Александръ простился съ сыномъ и боярами, исповѣдался и причастился и сдѣлалъ послѣднія распоряженія по своему княжеству. Александръ и его сынъ были подвергнуты мучительной казни: они были розняты на части по суставамъ. Калита наканунѣ казни Александра вернулся изъ Орды въ Москву съ великою радостью и веселіемъ.

Тверской престолъ перешелъ къ брату Александра, Константину Михайловичу, который называется собирателемъ и возстановителемъ Тверского княжества отъ татарскихъ опустошеній.

Таковы были событія, послужившія основой для старины о Щелканѣ Дудентьевичѣ.

Если сравнить содержаніе старины съ историческими фактами, то окажется, что старина хорошо запомнила нѣкоторыя имена и самое событіе 1327 г., хотя отдѣльныя подробности забыты или подверглись искаженію. Старина запомнила имена Узбека въ формѣ Азвякъ, и Чолхана въ формѣ Щелкана; зато имя князя тверского Александра забыто и вытѣснено отчествомъ—Борисовичи: въ этомъ отчествѣ отразились воспоминанія о позднѣйшемъ времени въ исторіи Твери—о времени князя Бориса Александровича и его сына Михаила (§ 119). Отчество Азвяка Тавруловичъ навѣяно очевидно, преданіями о Хостоврулѣ (кн. 1-ая, § 220).

Притѣсненіе тверичей Щелканомъ изображено соотвѣтственно исторической истинѣ, хотя и въ слишкомъ общихъ чертахъ: Щелканъ надъ всѣми надругивался, надъ домами насмѣхался, чести князьямъ не воздавалъ. Смерть Щелкана изображена эпически, а не исторически: въ старинѣ Борисовичи разрываютъ Щелкана на части; въ дѣйствительности, Щелканъ со свитой погибли въ пламени.

Заключительный стихъ старины, утверждающій, что гибель Щелкана ни на комъ не сыскалась, совершенно противорѣчитъ исторіи, по свидѣтельству которой Тверь жестоко поплатилась. Очевидно, этотъ стихъ—позднѣйшаго происхожденія, какъ и отчество князей—Борисовичи: онъ былъ присоединенъ пѣв-

цами къ старинѣ, когда тверскіе князья, отказавшись отъ притязаній на гегемонію, занялись внутренними дѣлами своего княжества, когда слѣды татарскихъ опустошеній изгладились, а съ ними изгладились и воспоминанія о карательной экспедиціи, предпринятой на Тверь татарами подъ предводительствомъ Ивана Калиты.

Чисто поэтическимъ эпизодомъ является условіе, на которомъ Азвякъ соглашается отдать Щелкану Тверь: тверскіе пѣвцы-скоморохи, изображая убійство Щелканомъ сына, выпиваніе имъ чаши горячей крови его, хотѣли этими образами подчеркнуть крайнее корыстолюбіе татарскихъ князей, не останавливающихся даже передъ убійствомъ родныхъ дѣтей для удовлетворенія своей жадности.

127. Инока Ѳомы „Слово похвальное“. Около 1453 г. *) инокъ Ѳома, лицо, близкое къ тверскому князю Борису Александровичу, написалъ „Слово похвальное о благовѣрномъ великомъ князѣ Борисѣ Александровичѣ“.

„Слово“ распадается на четыре части.

Первая часть, по своему содержанію, соотвѣтствуетъ заглавію: въ ней авторъ въ пышныхъ выраженіяхъ восхваляетъ личность князя Бориса Александровича (§ 119). Борисъ—великое свѣтило; его хвалятъ и прославляютъ „отъ Востока да иже и до Запада“; онъ превосходитъ Августа, Льва Премудраго, созидавшаго столпы несказанные, книголюбца Птоломея; его величаютъ новымъ Моисеемъ, руководящимъ надъ новымъ Израилемъ, надъ спасеннымъ градомъ Тверью, — вторымъ Константиномъ—за великое человѣколюбіе. Многіе люди приходили изъ дальнихъ странъ, чтобы увидѣть Бориса. Лицо Бориса свѣтится „паче камени сапоира и тѣмпазія“, и всякій, кто только ни смотрѣлъ на Бориса, исполнялся всякаго веселія. Рѣчь Бориса была многосладкогласна и мудрственна.

Опасаясь, что такая характеристика личности Бориса можетъ показаться черезчуръ льстивой, что она написана „по дару“ или „по страсти“, авторъ обращается къ исторіи кня-

*) Эту дату можно установить на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) въ „Словѣ“, изобилующемъ лѣтописными извѣстіями, нѣтъ никакихъ отголосковъ событій послѣ 1453 г.; 2) Дмитрій Шемяка, о борьбѣ котораго съ Василіемъ II повѣствуетъ авторъ, скончался въ 1453 г.; авторъ „Слова“ разсказываетъ о Дмитріи Шемякѣ, какъ о живомъ еще дѣятелѣ, продолжающемъ свою борьбу съ Василіемъ.

женія Бориса до 1453 г. и отсюда почерпаетъ свидѣтельства въ пользу данной характеристики.

Цареградскій царь Іоаннъ отправилъ къ Борису пословъ съ приглашеніемъ принять участіе въ восьмомъ вселенскомъ соборѣ (ферраро-флорентійскомъ) для обсужденія вопроса о соединеніи церквей. Борисъ, обрадовавшись случаю стать поборникомъ отеческой вѣры, отправилъ на соборъ своего посла Ѳому съ отвѣтнымъ царю Іоанну посланіемъ, въ которомъ князь выражаетъ увѣренность, что восьмой соборъ состоится „по первому преданію святыхъ правилъ и по чину святыхъ седми соборовъ". Приказавъ прочитать посланіе, царь Іоаннъ вздохнулъ изъ глубины души и прославилъ великаго князя. Патріархъ Іосифъ и всѣ митрополиты говорили рѣчи, и всѣ они восхваляли князя за его участіе въ соборѣ. Митрополитъ никейскій Виссаріонъ говорилъ: „И аще бы сей здѣ былъ самъ великій князь Борисъ Александровичъ, и то быхъ вспросилъ его, какъ вниде въ него страхъ Божій и како разгорися въ немъ любовь Христова и како возлюби Христа выше земныхъ мудрецъ; и есть бо мнозіи и велиціи князи на Руси, но не доспѣша таковаго тщанія и труда, еже послати и видѣти святый сей соборъ, якоже сей великій князь Борисъ". Иверскій митрополитъ Іоаннъ говорилъ: „И азъ мню великаго князя Бориса—подобенъ есть великому царю Констянтину: онъ бо со святыми отци на седьмомъ соборѣ былъ; а великій князь Борисъ съ нынѣшними отци въ Ферарѣ присла своего боярина, а самому бо ему не бывше за то, долготы ради путныя". Эти и другія подобныя рѣчи были записаны и привезены на Русь посломъ Ѳомой.

Похвальныя въ честь Бориса рѣчи лицъ, съѣхавшихся изъ разныхъ странъ, даютъ право автору называть Тверскую землю „обѣтованной", а къ князю Борису примѣнять эпитеты, соотвѣтствующія царскому достоинству: „Распространилъ Богъ языци людійстіи на земли и вселишася въ села великого князя Бориса Александровича, и аще бы возможно, то весь міръ былъ въ Богомъ обѣтованной той земли. Но елико приходящихъ въ села великого князя Бориса Александровича... ничто же ихъ не вредитъ, и того ради и отъ князей и отъ вельможь и даже и до простыхъ людій желаютъ въ государствѣ томъ быти... Слышаша велиціи рустіи князи и вельможіи премудрость и крѣпость великаго князя Бориса Александровича въ Богомъ обѣтованной той земли царствующа и пріидоша отъ конець земли

не токмо премудрости слышати, но и видѣти славнаго того государя и питатися отъ царскыя тоя и сладкоядныя тоя трапезы". Уподобляя Бориса Тиверію, кесарю правосудному, авторъ говоритъ: „Но Тиверій не повели людемъ своимъ въ красныхъ ризахъ и въ златыхъ блистаніихъ предъ собою ходити, и сій же самодержавный государь великій князь Борисъ Александровичъ не такъ, но бесчисльно даа людемъ своимъ и повелевая въ своей полатѣ въ красныхъ блистаніяхъ предъ собою ходити, а самъ же царскымъ вѣнцемъ увязеся".

Во-второй части авторъ изображаетъ строительную дѣятельность Бориса: постройку имъ храмовъ, монастырей, тверского кремля.

Въ-третьей части авторъ снова разсыпается въ похвалахъ Борису, но вмѣстѣ съ тѣмъ описываетъ и бѣдствія, которыя Богъ, любя Бориса, послалъ на него, „дабы ся не превозносилъ", какъ, напр., великій пожаръ въ Твери. Борисъ со смиреніемъ переносилъ эти бѣдствія. Отличаясь смиреніемъ, Борисъ въ то же время былъ великимъ воеводой. Когда польскій король Казимиръ, собравъ великія силы, двинулся въ походъ на Бориса, послѣдній не испугался, а сталъ со своей стороны собирать войска. Казимиръ, узнавъ о приготовленіяхъ Бориса, вступилъ съ нимъ въ мирные переговоры. Борисъ охотно заключилъ съ Казимиромъ миръ.

Въ-четвертой части авторъ говоритъ о Борисѣ отъ лѣтописца вкратцѣ. Въ ней авторъ описываетъ борьбу Василія II съ Дмитріемъ Шемякою, роль Бориса въ этой борьбѣ и особенно помощь, которую оказалъ Борисъ Василію.

„Слово похвальное" Ѳомы замѣчательно въ двухъ отношеніяхъ.

Во-первыхъ, подъ вліяніемъ Флорентійской уніи и паденія Византіи авторъ пытается изобразить тверского князя Бориса православнымъ самодержцемъ, вторымъ Константиномъ, наслѣдникомъ византійскихъ императоровъ.

Во-вторыхъ, „Слово" въ высокой степени цѣнно своими лѣтописными извѣстіями, которыхъ нѣтъ въ другихъ лѣтописяхъ.

128. „Хожденіе" Аѳанасія Никитина за три моря. Тверской купецъ Аѳанасій Никитинъ совершилъ во второй половинѣ XV в. путешествіе въ Индію. Путешествіе это Никитинъ совершилъ случайно.

Въ 1466 г. пріѣхалъ въ Москву отъ владѣтеля Шемахи, ширваншаха Ферусъ-Есара, посолъ Асанбегъ съ подарками. Отъ Ивана III Асанбегъ получилъ для своего господина 90 охотничьихъ кречетовъ и отправился обратно. Иванъ III, со своей стороны, также отправилъ въ Шемаху посольство, во главѣ котораго стоялъ Василій Папинъ. Нѣкоторые тверскіе купцы, въ томъ числѣ Аѳанасій Никитинъ, рѣшили воспользоваться этимъ случаемъ для торговыхъ цѣлей, т.-е. отправиться въ Персію съ товарами. Запасшись у тверского князя Михаила Борисовича проѣзжей грамотой, они нагрузили два судна товарами и отправились въ Шемаху по Волгѣ вслѣдъ за Папинымъ, который уѣхалъ раньше ихъ. Купцы предполагали нагнать Папина въ Нижнемъ Новгородѣ: но они не нагнали его и должны были совершать путешествіе съ возвращавшимся Асанбегомъ. По дорогѣ на тверскихъ купцовъ обрушилось несчастіе: одно судно потерпѣло крушеніе, другое попало въ руки татаръ и было ограблено. Никитинъ пересѣлъ на судно Асанбега и доѣхалъ до Шемахи. Отсюда онъ черезъ Дербентъ и Баку отправился дальше — въ Персію и Индію. Путешествіе Никитина, начатое въ 1466 г., продолжалось до 1472 г. Зимой этого года онъ вернулся на Русь. По дорогѣ въ Тверь онъ умеръ въ Смоленскѣ, оставивъ послѣ себя записки о своемъ путешествіи. Его товарищи-купцы привезли эти записки въ Москву и вручили ихъ дьяку Василію Мамырову. Вѣроятно, этотъ дьякъ внесъ ихъ цѣликомъ въ лѣтопись подъ 1475 г.

„Хожденіе“ Никитина распадается на четыре части: 1) путешествіе отъ Твери до южныхъ береговъ Каспійскаго моря (отъ 1466 г. до зимы 1467 г.); 2) путешествіе по Персіи, отъ южныхъ береговъ Каспійскаго моря до Персидскаго залива (съ зимы 1467 до весны 1469 г.); 3) путешествіе по Индіи (отъ весны 1469 г. до января 1472 г.); 4) обратное путешествіе черезъ Персію и Турцію къ берегамъ Чернаго моря (лѣтомъ и осенью 1472 г.).

Свое описаніе хожденія Никитинъ начинаетъ съ указанія на то, что онъ совершилъ свое грѣшное хожденіе за три моря: первое море—Дербеньское (отъ города Дербента), дорія (дарья—по-персидски—море) Хвалитьская (отъ народа хвалиссы), второе море—Индѣйское, дорія Гундустанская, а третье море—Черное, дорія Стембольская (отъ слова Стамбулъ, названіе Константинополя). Никитинъ двинулся „отъ св. Спаса Златоверхаго (со-

боръ въ Твери) съ его милостью, отъ великаго князя Михаила Борисовича и отъ владыкы Генадія Тверьскыхъ". Ѣхалъ онъ Волгой. Передавъ о томъ, какъ ему не удалось догнать посла Папина и какъ пришлось ѣхать съ Асанбегомъ, Никитинъ обстоятельно разсказываетъ о своихъ приключеніяхъ по Волгѣ.

Когда путешественники вошли въ Бузанъ-рѣку (рукавъ Волги, начинающійся въ 50 верстахъ выше Астрахани), на ихъ наѣхало трое татаръ поганыхъ, которые сообщили имъ ложныя вѣсти: „Каисымъ-солтанъ стережетъ гостей въ Бузани, а съ нимъ три тысячи тотаръ". Асанбегъ далъ имъ подарки и просилъ провести ихъ мимо „Хазторохани (Астрахань). Татары подарки взяли, но вмѣстѣ съ тѣмъ дали знать астраханскому царю о движеніи путешественниковъ. Никитинъ для безопасности перешелъ со своего судна на судно Асанбега. Мимо Астрахани хотѣли проскользнуть ночью. Свѣтилъ мѣсяцъ. Изъ Астрахани увидѣли суда. Татары закричали путешественникамъ: „качьма (стойте), не бѣгите"! Царь послалъ въ погоню всю свою орду, „и по нашимъ грѣхамъ насъ настигли въ Бугунѣ (одна изъ мелей въ устьѣ Волги), застрѣлили у насъ человѣка, а мы у нихъ дву застрѣлили; и судно наше меньшее стало на езу (частоколъ поперекъ рѣки для ловли рыбы), и они его взяли часа того да розграбили, а моя рухлядь (пожитки) вся въ мепшемъ суднѣ; а большимъ есмя судномъ дошли до моря, ино (но) стало на усть Волгы на мѣли, и они насъ туто взяли да судно есмя взадъ тянули до езу, и тутъ судно наше болшее взяли и 4 головы взяли рускые, а насъ отпустили голими головами за море, а вверхъ насъ не пропустили вѣсти дѣля" (чтобы мы не могли дать знать о произведенномъ на насъ нападеніи).

Путешественники двинулись дальше на двухъ судахъ: на одномъ находился Асанбегъ, тезики (таджики, т.-е. бухарскіе купцы), да русскихъ человѣкъ десять; на другомъ было шесть москвичей и шесть тверичей. На морѣ поднялась „фуръстовина" (буря). Меньшее судно снесло на берегъ и разбило. Сбѣжались кайтаки (племя горцевъ) и схватили всѣхъ людей съ судна. Никитинъ съ другими купцами доѣхалъ на большомъ суднѣ Асанбега до Дербента. Здѣсь они застали русскаго посла Василія Папина, благополучно совершившаго свой переѣздъ. Никитинъ и его товарищи били челомъ Папину и Асанбегу, чтобы они ходатайствовали о людяхъ, схваченныхъ послѣ кру-

шенія судна кайтаками и ограбленныхъ. Асанбегъ принялся дѣятельно хлопотать объ этомъ. Ширваншахъ, получивъ свѣдѣнія отъ Асанбега, немедленно отправилъ посла къ кайтакскому князю, своему шурину Алильбегу. Алильбегъ немедленно освободилъ плѣнныхъ и отправилъ ихъ въ Дербентъ, а оттуда въ Коитулъ къ ширваншаху. Никитинъ и его товарищи тоже поѣхали въ Коитулъ и били челомъ ширваншаху, чтобы онъ далъ имъ хоть какія-нибудь средства вернуться на Русь. Ширваншахъ ничего не далъ имъ; а ихъ было не мало. Заплакали русскіе купцы и пошли, кто куда: у кого было что-нибудь на родинѣ, тѣ отправились на Русь, другіе остались въ Шемахѣ, третьи пошли наняться на работы въ Баку, „гдѣ горитъ огнь неугасаемый“.

Не желая вернуться домой ограбленнымъ, Никитинъ рѣшился двинуться дальше на югъ и юго-востокъ въ надеждѣ вывернуться изъ своего положенія. Онъ поѣхалъ въ Баку, оттуда къ южнымъ берегамъ Каспійскаго моря, къ Персидскому заливу. Говоря о городѣ Ормузѣ на Персидскомъ заливѣ, Никитинъ сообщаетъ, что климатъ его—жаркій: „а въ Гурмызѣ есть варное (знойное) солнце — человѣка съжжетъ“. Двигаясь вдоль Персидскаго залива къ востоку, Никитинъ добрался до Индіи, о которой онъ сообщаетъ подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія.

Никитина поразила прежде всего внѣшность индусовъ: „люди ходятъ нагы всѣ, а голова не покрыта, а груди голы, а волосы въ одну косу плетены..., а дѣтей у нихъ много, а мужи и жены всѣ черны; язъ (я) хожу куды, ино (а) за мною людей много: дивятся бѣлому человѣку. А князь ихъ — фота (фата, тюрбанъ), а другая на бедрахъ; а бояре у нихъ ходятъ—фота на плещѣ, а другыя на бедрахъ; а княгыни ходятъ—фота на плечѣ обогнута, а другаа на бедрахъ; а слугы княжія и боярьскыя — фота на бедрахъ обогнута да щитъ да мечь въ рукахъ, а иныя съ сулицами (копьями), а ины съ ножи, а иныя съ саблями, а иныи съ лукы и стрѣлами, а всѣ нагы да босы, а жонки ходятъ — голова не покрыта, а паропкы да дѣвочкы ходятъ нагы до 7 лѣтъ“.

О пищѣ индусовъ Никитинъ сообщаетъ слѣдующее. Индусы не ѣдятъ мяса, „ни яловичины (мясо яловой, не телившейся коровы), ни боранины, ни курятины, ни рыбы, ни свинины“, хотя свиней у нихъ много. Они ѣдятъ два раза въ день, а

ночью не ѣдятъ. Они не пьютъ ни вина ни „сыты“ (вода, насыщенная медомъ); съ бесерменами они не пьютъ и не ѣдятъ. Они не ѣдятъ и не пьютъ ни другъ съ другомъ, ни съ женой. Ѣда ихъ плохая: они ѣдятъ „брынецъ“ (пшено) да кючири (морковь) съ масломъ (нѣчто въ родѣ каши), да травы разныя ѣдятъ, а варятъ съ масломъ да съ молокомъ“. Во время ѣды они дѣйствуютъ правой рукой, а лѣвой не притрогиваются ни къ чему. У нихъ не употребляются ножи; ложекъ не знаютъ. Находясь въ дорогѣ, они варятъ себѣ кашу, для чего имѣютъ при себѣ котелокъ. Во время ѣды они заботятся о томъ, чтобы ни въ котелокъ, ни на пищу не взглянулъ бесерменъ; если бесерменъ посмотритъ, они не будутъ ѣсть; иные ѣдятъ, закрывшись платкомъ, чтобы никто не смотрѣлъ.

Городъ Чюнеръ (Джюниръ) онъ описываетъ такъ: „Чюнеръ же градъ есть на острову на каменомъ, не дѣланъ ничимъ, Богомъ сътворенъ; а ходять на гору по единому человѣку, дорога тѣсна, почти нелзя“. Съ Троицына дня въ Чюнери была „зима“: „ежедень и нощь 4 мѣсяца, а всюда вода да грязь“. Въ это время здѣсь пашутъ землю и сѣютъ пшеницу и другія хлѣбныя растенія. Въ Чюнерѣ съ Никитинымъ едва не приключилось новое несчастіе. Никитинъ привелъ съ собою въ Индію жеребца, стоившаго ему сто рублей. Жеребецъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе, такъ какъ въ Индіи „кони ся у нихъ не родятъ; въ ихъ земли родятся волы да буиволы, на тѣхъ же ѣздять и товаръ иное возять, все дѣлають“. Чюнерскій ханъ отобралъ у Никитина жеребца. Узнавъ, что Никитинъ — не магометанинъ, а русскій, ханъ сказалъ ему: „И жеребца дамъ, да тысячу золотыхъ дамъ, а стань въ вѣру нашу, въ Махметъ-дени (вѣру); а не станешь въ вѣру нашу, въ Махметъ-дени, и жеребца возму, и тысячю золотыхъ на главѣ твоей возму“. Никитину назначенъ былъ и срокъ—черезъ четыре дня, „въ Госпожино (Госпожи Богородицы) говѣйно (постъ) на Спасовъ день“. Но Господь смиловался надъ нимъ въ свой честной праздникъ и не далъ ему погибнуть съ нечестивыми въ Чюнерѣ. Наканунѣ Спасова дня пріѣхалъ сюда Хозяйочи Махметъ—хоросанецъ (повидимому, знакомый Никитину купецъ); къ нему Никитинъ и обратился съ просьбой походатайствовать за него передъ ханомъ. Хозяйочи Махметъ избавилъ Никитина отъ уплаты тысячи золотыхъ, отъ перехода въ магометанскую вѣру и вернулъ ему

жеребца. „Таково Господарево (Божіе) чюдо на Спасовъ день. Ино (итакъ), братья русьтіи христіяне, кто хочетъ поити въ Индѣйскую землю, и ты остави вѣру свою на Руси, да въскликнувъ Махмета, да поиди въ Густаньскую землю. Мене залгали псы бесермена; а сказывали всего много нашего товару, ано нѣтъ ничего на нашу землю: все товаръ бѣлой на Бесермьньскую землю, перець да краска, то дешево; ино возятъ аче (если) моремъ, иныи пошлины не даютъ, а люди иные намъ провезти пошлины не дадутъ, и пошлины много, а разбойниковъ на морѣ много. А розбиваютъ все кофары (кафиры, т.-е. язычники), ни крестіяне, ни бесерьмена; а молятся каменнымъ болванамъ, а Христа не знаютъ“.

Никитинъ сообщаетъ, что въ Индіи господствующій классъ, состоящій изъ султана, бояръ и слугъ, и войска, принадлежитъ къ племени хоросанъ магометанскаго исповѣданія. Столица хоросанъ—Бедеръ. Это—большой городъ, густо населенный. Его ночная стража состоитъ изъ 1.000 человѣкъ. По улицамъ города ходятъ змѣи въ двѣ сажени длиною (вѣроятно, педда-пода). „А салтанъ великъ 20 лѣтъ, а держать бояре, а княжатъ фарасанци (хоросанцы), а воюють все хоросанци. Есть хоросанець Меликтучаръ бояринъ, ино у него рати двѣстѣ тысячь, а у Меликхана 100 тысячь, а у Харатхана 20 тысячь; а много тѣхъ хановъ по 10 тысячь рати. А съ салтаномъ выходятъ 300 тысячь рати своей. А земля людна велми, а сельскыя люди голы вельми, а бояре сильны добрѣ и пышны велми; а все ихъ носятъ на кроватѣхъ своихъ на сребряныхъ, да предъ ними водятъ кони въ снастехъ золотыхъ до 20, а на конѣхъ за ними 300 человѣкъ, а пѣшихъ 500 человѣкъ, да трубниковъ 10, да нагарниковъ (барабанщиковъ) 10 человѣкъ, да свирѣльниковъ 10 человѣкъ. Султанъ же выѣзжаетъ на потѣху съ матерью да съ женою, ино съ нимъ человѣковъ на конѣхъ 10 тысящь, а пѣшихъ 50 тысящь, а слоновъ водятъ 200 наряженыхъ въ доспѣсѣхъ золоченыхъ, да предъ нимъ 100 человѣкъ трубниковъ, да плясцевъ 100 человѣкъ, да коней простыхъ 300 въ снастехъ золотыхъ, да обезьянъ за нимъ 100“. Дворецъ бедерскаго султана Никитинъ описываетъ такъ: „Въ султановъ же дворъ 7-ры ворота, а въ воротѣхъ сидятъ по 100 сторожевъ, да по 100 писцевъ кофаровъ (язычниковъ): кто поидеть, ини записывають; а кто выидеть, ини записываютъ; а гариповъ (чужестранцевъ) не

пускають въ градъ. А дворъ же его чюденъ велми, все на вырѣзѣ (отдѣлано рѣзными изображеніями), да на золотѣ, и послѣдній камень вырѣзанъ да золотомъ описанъ велми чюдно; да во дворѣ у него суды (правительственныя учрежденія) розныя".

Въ Бедерѣ Никитинъ былъ свидѣтелемъ выѣзда султана въ праздникъ байрама. „На баграмъ (байрамъ) на бесерменьской выѣхалъ султанъ на теферичь (прогулку), ино съ нимъ 20 възыревъ (визирей) великыхъ, да триста слоновъ, наряженыхъ въ булатныхъ въ доспѣсехъ да съ городкы (башнями), да и городкы окованы, да въ городкѣхъ по 6 человѣкъ въ доспѣсехъ, да съ пушками да съ пищалми; а на великомъ слонѣ 12 человѣкъ, на всякомъ слонѣ по два прапорца (знамя) великыхъ, да къ зубомъ (клыкамъ) подвязаны великыя мечи по кентарю (нѣсколько пудовъ вѣсу), да къ рыломъ (хоботамъ) привязаны великыя желѣзныя гири, да человѣкъ сѣдить въ доспѣсѣ промежу ушей, да крюкъ у него въ рукахъ желѣзной великы, да тѣмъ его править; да коней простыхъ тысяча въ снастехъ золотыхъ, да верблюдовъ сто съ нагарами (барабанами), да трубниковъ 300, да плясцевъ 300. Да на султанѣ ковтанъ (кафтанъ) весь саженъ яхонты, да на шапкѣ чичакъ олмазъ великы, да сагадакъ (лукъ) золотъ съ яхонты, да 3 сабли на немъ золотомъ окованы, да сѣдло золото; да передъ нимъ скачетъ кофаръ пѣшь да играетъ теремьцемъ (зонтикомъ), да за нимъ благой слонъ идеть, а весь въ камкѣ наряженъ, да обиваеть (отталкиваетъ) люди, да чепь (цѣпь) у него велика желѣзна во ртѣ, да обиваетъ кони и люди, чтобы кто на султана не наступилъ близко. А братъ султановъ тотъ сидить на кровати на золотой, да надъ нимъ теремъ оксамитенъ (бархатный балдахинъ), да маковица золота со яхонты, да несуть его 20 человѣкъ. А Махмутъ сидитъ на кровати на золотой, да надъ нимъ теремъ шидянъ (шелковый) съ маковицею золотою, да везутъ его на 4-хъ конѣхъ въ снастехъ золотыхъ; да около людей его много множество, да передъ нимъ пѣвци, да плясцевъ много, да всѣ съ голыми мечи, да съ саблями, да съ щиты, да сулицами, да съ копіи, да съ лукы съ прямыми съ великими, да кони всѣ въ доспѣсехъ, да сагадакы на нихъ, да иныа нагы всѣ".

Въ Бедерѣ Никитинъ завелъ знакомство „со многими индѣяны", которые сообщили ему всевозможныя свѣдѣнія объ

ихъ торговлѣ, обычаяхъ, религіи и пр. О религіи индусовъ Никитинъ узналъ слѣдующее. Индусы вѣруютъ въ Адама-Будду (Буты). Вѣръ въ Индіи 84; „а вѣра съ вѣрою ни піетъ, ни ѣстъ, ни женится“.

Первотъ — это индійскій Іерусалимъ. Здѣсь находится Буханъ, храмъ Будды, величиною съ полъ-Твери. На стѣнахъ храма вырѣзаны дѣянія божества. Идолъ Будды „вырѣзанъ изъ камени, велми великъ, да хвостъ у него черезъ него, да руку правую поднялъ высоко, да простеръ, акы Устьянъ (Юстиніанъ) царь Царяградскы (статуя Юстиніана на колоннѣ, §§ 74, 76), а въ лѣвой руцѣ у него копіе, а на немъ нѣтъ ничего, а видѣнье (лицо) обезьянино; а иныя буты (идолы) нагы, нѣтъ ничего, а жонкы Бутовы нагы вырѣзаны... А передъ Бутомъ же стоитъ волъ велми великъ, а вырѣзанъ изъ камени изъ чернаго, а весь позолоченъ, а цѣлують его въ копыто, а сыплють на него цвѣты, и на Бута сыплють цвѣты“. Храмы у индусовъ безъ дверей и обращены къ востоку, идолы также обращены къ востоку. Молятся индусы, обращаясь на востокъ, „порусскы, обѣ руки подымають высоко, да кладуть на темя, да ложатся ниць на землю, да весь ся истягнеть (распрострется) по земли — то ихъ поклоны“. Паломничество въ Первотъ Никитинъ описываетъ такъ: „Къ Первотѣ же ѣздять о великомъ заговѣйнѣ (постѣ), къ своему ихъ туто Іерусалимъ, а побесерменьскыи Мякъка (Мекка), а по-рускы Ерусалимъ, а по-индѣйскы Парватъ; а съѣждаются всѣ нагы, а иныя жонкы въ фотахъ, да на шіяхъ жемчюгъ много яхонтовъ, да на рукахъ обручи да перстьни златы... А внутрь къ Бухтану ѣздять на волѣхъ; да у вола рога окованы мѣдью, да на шіѣ колоколцевъ 300, да копыта подкованы; а тѣ волы „ачьче“ зовуть. Индѣяне же вола зовуть отцомъ, а корову матерью“.

Описывая городъ Аландъ, Никитинъ сообщаетъ свѣдѣнія и легенды объ обезьянахъ и птицѣ гукукѣ. „Есть въ томъ Альндѣ и птица гукукъ, летаетъ ночи, а кличеть „гукукъ“; а на которой хороминѣ сѣдить, то тутъ человѣкъ умреть, а кто ея хочетъ убити, ино у нея изо рта огнь выйдеть. А мамоны (обезьяны) ходять ночи, да имають (похищаютъ) куры, а живуть въ горѣ или въ каменьѣ. А обезьяны то тѣ живуть по лѣсу, да у нихъ есть князь обезьяньскый, да ходить ратію своею, да кто ихъ заимаеть (тронетъ), и они ся жалують князю

своему, и онъ посылаеть на того свою рать, и они пришедъ на градъ и дворы разволяють (разворачиваютъ все) и людей побьютъ; а рати ихъ сказывають велми много, и языкы ихъ есть свои, а дѣтей родять много; да который родится не въ отца, не въ матерь, ини тѣхъ мечють по дорогамъ, ины гондустанци (индусы) тѣхъ имають (ловятъ) да учать ихъ всякому рукодѣлью, а иныхъ продають ночи, чтобы въздъ не знали побѣжати, а иныхъ учатъ базы миканетъ (плясать)".

Говоря о Келекотѣ, пристани на Индійскомъ океанѣ, Никитинъ сообщаетъ, что „родится въ немъ перець да зеньзебиль (инбирь), да цвѣтъ (мускатный цвѣтъ), да мошкатъ, да калафуръ (растеніе), да корица, да гвозникы (сушеные цвѣты мирты), да пряное коренье, да всякого коренья родится въ немъ много, да все въ немъ дешево..." О Цейлонѣ сообщаетъ Никитинъ слѣдующее: „А Силянъ же есть пристанище Индѣйскаго моря немало, а въ немъ бабаадамъ (предокъ Адамъ) на горѣ на высоцѣ, да около его родится каменье драгое, да червьци (рубинъ или гранатъ), да бабогури (агатъ), да бинчаи (смола изъ особаго дерева), да хрусталь, да сумбада (мастика у восточныхъ парикмахеровъ), да слоны родятся, да продають въ локоть (по мѣрѣ, по величинѣ), да девякушки (страусъ) продають на вѣсъ".

Пробывъ въ Индіи нѣсколько лѣтъ, Никитинъ соскучился по родинѣ: „И ту оканный (окаянный) язъ рабище Аѳанасіе Бога вышняго, Творца небу и земли, възмыслихся по вѣрѣ по христіаньской, и по крещеніѣ Христовѣ и по говѣйнѣхъ (постахъ) святыхъ отець устроеныхъ, и по заповедехъ апостольскихъ и устремихся умомъ поити на Русь". Много приключеній и бѣдствій перенесъ Никитинъ на возвратномъ пути, пока добрался до Орды Асанбега. Тутъ оказалось, что по случаю войны нельзя старымъ путемъ вернуться назадъ. Никитинъ двинулся тогда къ Трапезунту на южномъ берегу Чернаго моря, сѣлъ на корабль и направился на сѣверъ. „Идохъ же по морю вѣтромъ пять дни, и доидохъ до Вонады (мысъ къ западу отъ Трапезунта), и ту насъ стрѣтилъ великый вѣтръ полунощь, и възврати насъ къ Трипизону; а стояли есмя въ Платанѣ (гавань близъ Трапезунта) 15 дни, вѣтру велику и злу бывшу. Изъ Платаны есмя пошли на море двожды, и вѣтръ насъ стрѣчаеть злы, не дасть намъ по морю ходити; олло акъ олло худо перводегерь (Боже, Боже, Творецъ!), развѣ бо

того иного Бога не знаемъ". Наконецъ, Никитину удалось переѣхать море, и онъ попалъ въ Кафу.

129. Комментаріи къ „Хожденію" Аѳанасія Никитина. „Хожденіе" Никитина изложено просто и безпритязательно, съ отступленіями въ сторону, съ возвращеніями назадъ, съ повтореніями. Несмотря на это записки Никитина чрезвычайно замѣчательны.

Во-первыхъ, „Хожденіе" Никитина драгоцѣнно, какъ точный отчетъ о путешествіи, совершенномъ въ Индію до открытія пути туда Васко-де-Гаммой въ 1498 г. Никитинъ точно отмѣчаетъ свой маршрутъ, сообщаетъ свѣдѣнія о климатѣ, природѣ, городахъ, людяхъ, обычаяхъ ихъ, общественномъ строѣ, бытѣ, о предметахъ торговли, разсказываетъ о приключеніяхъ во время путешествія, изливаетъ свои чувства. Сообщаемыя Никитинымъ свѣдѣнія по своему значенію не уступаютъ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ венеціанцемъ де-Конти (1444) и даже Васко-де-Гамой (1497—1499). Такимъ образомъ, „Хожденіе" Никитина является однимъ изъ немногихъ источниковъ, для ознакомленія съ Индіей въ XV в.

Во-вторыхъ, „Хожденіе" Никитина замѣчательно по личности автора. Тверской купецъ, отличающійся предпріимчивостью, совершившій, вѣроятно, не одно путешествіе за предѣлами родного княжества и даже Руси (изъ сравненія идола Будды со статуей Юстиніана въ Константинополѣ можно заключить, что Никитинъ былъ въ этомъ городѣ), имѣющій дружественныя отношенія съ иностранными купцами, пользуется случаемъ, чтобы завязать торговыя сношенія съ Шемахой. Потерпѣвъ неудачу, онъ не падаетъ духомъ и, увлеченный разсказами восточныхъ купцовъ о богатствахъ Индіи, пробирается туда, въ надеждѣ найти товары, полезные для его родины. Общительный, наблюдательный, быстро усваивающій языки, Никитинъ тщательно знакомится съ предметами торговли каждаго города, гдѣ онъ останавливался, а попутно съ природой и жителями страны. Знакомясь съ нравами, обычаями и религіями Индіи, Никитинъ невольно долженъ былъ обращаться мыслью къ своей родинѣ. Отправляясь въ путешествіе, онъ забралъ съ собой религіозныя книги, чтобы и въ чужихъ странахъ исполнять обряды христіанской религіи. Но когда его ограбили, пропали и книги, и Никитинъ вынужденъ былъ соблюдать посты и праздники приблизительно, по соображенію. Онъ жалуется въ своихъ

запискахъ, что не знаетъ, когда постъ, когда Рождество Христово, когда среда, когда пятница. Иногда Никитинъ впадалъ въ отчаяніе и даже задавался вопросомъ, какая же вѣра правая: „а правую вѣру Богъ вѣдаетъ, а правая вѣра Бога единаго знати и имя его призывати на всякомъ мѣстѣ чистѣ чисто...“ Но въ городѣ Дабылѣ воспоминанія о родинѣ проснулись съ особой силой и побудили Никитина вернуться домой. Послѣ всего, что онъ видѣлъ въ разныхъ странахъ, прекраснѣе всего представляется ему Русская земля: „Русская земля—да сохранитъ ее Богъ. Боже, сохрани ее! Въ этомъ мірѣ нѣтъ такой прекрасной страны. Да устроится Русская земля“!

Въ-третьихъ, „Хожденіе“ Никитина характерно для состоянія Тверского княжества во второй половинѣ XV в. Находясь на верхнемъ теченіи Волги, Тверь къ этому времени пріобрѣтаетъ большое торговое значеніе. Въ ней есть классъ купцовъ, имѣющихъ торговыя сношенія не только съ другими русскими княжествами, но и съ иностранными государствами. Это купечество, насколько можно судить по Никитину, грамотно и даже владѣетъ перомъ: видимо, просвѣщеніе изъ высшаго правящаго класса успѣло проникнуть и въ классъ купеческій.

Въ-четвертыхъ, „Хожденіе“ Никитина вмѣстѣ съ другими произведеніями тверского творчества характеризуетъ высокую степень культуры, достигнутую Тверскимъ княжествомъ.

130. Общій взглядъ на тверское идейно-литературное творчество. Отъ второго періода до насъ дошло, сравнительно, значительное количество тверскихъ произведеній. Если къ нимъ присоединить возникшую въ Твери полемику по вопросу о раѣ (§ 75) и не дошедшій до насъ „Лѣтописецъ Тверского княженія“, то необходимо признать, что въ Твери происходило усиленное литературное творчество. Тверское общество въ лицѣ своего правящаго класса усвоило культуру, выработанную предшествующимъ періодомъ, и даже успѣло передать ея начатки въ среду своего купечества. Въ высшемъ тверскомъ обществѣ вырабатывается вкусъ къ отвлеченному мышленію, возвышающемуся надъ наивнымъ грубымъ реализмомъ (взглядъ тверского епископа Ѳеодора на рай), и склонность къ выработкѣ общеобязательныхъ нравственныхъ нормъ („Наказаніе“ Симеона). Въ борьбѣ съ Москвой вырабатываются рѣзко-отрицательный взглядъ на симонію („Посланіе“ Акин-

дина) и образъ идеальнаго князя-мученика, руководящагося въ политикѣ правомъ и справедливостью („Повѣсть объ убіеніи князя Михаила"). Въ старинѣ о Щелканѣ рисуется героическій подвигъ тверичей въ борьбѣ съ татарской силой. „Слово похвальное" инока Ѳомы пытается установить преемственную связь между Византіей и Тверью въ эпоху, когда Москва раздиралась междоусобіемъ. Наконецъ, „Хожденіе" Никитина хорошо рисуетъ предпріимчивость и патріотизмъ тверского купца.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Муромо-рязанское творчество.

131. Муромо-Рязанская область и ея литература. Муромо-Рязанская область занимала среднее теченіе Оки и верховья Дона. Первоначально она была населена финскими племенами—муромой и мещерой. Послѣ смерти Ярослава М. она досталась Святославу Черниговскому. При сыновьяхъ Святослава она становится самостоятельнымъ княжествомъ.

Муромо-рязанскіе князья дѣятельно распространяютъ среди туземцевъ христіанство и начатки русской культуры. Съ теченіемъ времени Муромо-Рязанская земля распадается на два отдѣльныхъ княжества — Муромское и Рязанское. Къ началу XVI в. оба княжества уже входятъ въ составъ московскихъ земель.

Муромо-Рязанская область граничила со степью. Вслѣдствіе этого она съ появленіемъ кочевниковъ и особенно татаръ начинаетъ подвергаться ихъ опустошительнымъ набѣгамъ.

Въ Муромо-Рязанской области происходило усиленное литературное творчество, продолжавшееся до начала XVII в. Къ нему относятся слѣдующія произведенія: 1) Сказаніе о рязанской княгинѣ Евпраксіи, 2) Сказаніе о рязанскомъ дружинникѣ Евпатіи Коловратѣ, 3) Старина объ Авдотьѣ-Рязаночкѣ, 4) Сказаніе о житіи и чудесахъ муромскаго кн. Константина, 5) Повѣсть о Петрѣ и Февроніи, 6) Сказаніе объ обновленіи града Мурома, 7) Сказаніе о явленіи Упженскаго креста и 8) Повѣсть объ Юліаніи Лазаревской.

Изъ перечисленныхъ произведеній сказанія о княгинѣ Евпраксіи и Евпатіи Коловратѣ изложены и разсмотрѣны въ кн. 1-ой §§ 225, 220 и въ кн. 2-ой §§ 46—47.

132. Старина объ Авдотьѣ-Рязаночкѣ. Дѣйствующимъ лицомъ этой старины является Авдотья-Рязаночка, бывшая въ своемъ городѣ не „послѣдней женкой“, а первой, т.-е. изъ высшаго общества. Нѣкоторыя имена и названія въ старинѣ уже подверглись искаженію. Такъ, родной городъ Авдотьи старина называетъ Казанью, несмотря на то, что сама Авдотья именуется Рязаночкой; очевидно, названіе Казань—позднѣйшая замѣна другого названія — Рязани, которое съ исторической точки зрѣнія одно только и умѣстно въ старинѣ: Рязань, какъ пограничный со степью городъ, первая подвергалась ударамъ при нашествіи татаръ. Это соображеніе подтверждается и тѣмъ, что старина говоритъ о нашествіи на Казань турецкаго царя Бахмета: тутъ уже никакихъ сомнѣній нѣтъ, что турецкій царь Бахметъ замѣнилъ собою какого-нибудь татарскаго хана.

Старина объ Авдотьѣ-Рязаночкѣ изображаетъ самоотверженную сестру.

Подступилъ къ русской землѣ турецкій царь Бахметъ и разорилъ онъ старую Казань подлѣсную. Вырубилъ Бахметъ всѣхъ князей и бояръ, а княгинь, боярыней живыми взялъ въ полонъ. Полонилъ онъ много тысячъ народу и увелъ въ свою Турецкую землю. На возвратномъ пути онъ ставилъ три заставы: первую заставу великую—напустилъ рѣки, озера глубокія, другую заставу великую—чистыя поля широкія, становилъ воровъ-разбойниковъ, третью заставу—темные лѣса—напустилъ звѣрьевъ лютыхъ. Оставалась въ Казани одна молодая женка Авдотья-Рязаночка. Стосковалась Авдотья, огоревалась: полонилъ у ней Бахметъ три головушки—милаго братца родимаго, мужа вѣнчальнаго и свекра любезнаго. Рѣшила Авдотья отправиться въ Турецкую землю выкупить хоть одну головушку. Пошла Авдотья путемъ да дорогою: мелкіе ручейки бродомъ брела, глубокія рѣки плавомъ плыла, широкія озера кругомъ обошла, чистыя поля разбойниковъ—въ полдень прошла, когда разбойники опочивъ держатъ; темные лѣса она прошла о полночь, когда лютые звѣри опочивъ держатъ.

Пришла Авдотья въ Турецкую землю, низко поклонилась царю Бахмету и сказала ему: „Ты, батюшка, царь Бахметъ турецкій! Когда ты разорялъ старую Казань-городъ подлѣсную, полонилъ ты народа сорокъ тысячей, у меня полонилъ три головушки: милаго то братца родимаго и мужа вѣнчальнаго, свекра любезнаго. И пришла я къ тебѣ выкупати хоть единыя

головушки на дороги ли хоть на хорошіе на выкупы". Бахметъ спросилъ Авдотью, какъ она пробралась черезъ заставы. Авдотья разсказала. Тогда Бахметъ сказалъ ей: „Ты, Авдотья, женка Рязаночка! Когда ты умѣла пройти путемъ да дорогою, такъ умѣй же попросить и головушки изъ трехъ единыя; а не умѣешь ты попросить головушки, такъ я срублю тебѣ по плечъ буйну голову". Пораздумалась Авдотья да порасплакалась: „Ужъ ты, батюшка, царь Бахметъ турецкій! Я въ Казани то была женка не послѣдняя, не послѣдняя я была женка, первая. Я замужъ пойду, такъ у меня и мужъ будетъ, свекра стану звать батюшкомъ; приживу я себѣ сына любящаго, такъ у меня и сынъ будетъ; приживу я себѣ дочку любезную, вспою, вскормлю, замужъ отдамъ, такъ у меня и зять будетъ. Не видать мнѣ буде единыя головушки,—мнѣ милаго братца родимаго, да не видать вѣкъ да и по вѣку". Пораздумался царь Бахметъ, порасплакался: „Ты, Авдотья, женка Рязаночка! Когда я разорялъ вашу страну, Казань-городъ подлѣсную, тогда у меня убили милаго то братца родимаго: не видать буде вѣкъ да и по вѣку. За твои рѣчи разумныя, за твои то слова за хорошія, ты бери полону, сколько надобно: кто въ родствѣ, въ кумовствѣ, въ крестномъ братовствѣ". Стала Авдотья ходить по Турецкой землѣ, выбирать полонъ въ свою землю. Выбрала она весь полонъ, привела его въ Казань и разселила ее по старому да по прежнему.

133. Комментаріи къ старинѣ объ Авдотьѣ-Рязаночкѣ. Старина объ Авдотьѣ-Рязаночкѣ замѣчательна въ двухъ отношеніяхъ.

Во-первыхъ, въ ней художественно изображено татарское нашествіе со всѣми его послѣдствіями: гибелью населенія, уводомъ его въ плѣнъ, опустошеніемъ земель, черезъ которыя двигались татарскія полчища, и ихъ одичаніемъ (заселеніе разбойниками, умноженіе звѣрей).

Во-вторыхъ, она показываетъ, какъ складывались родственныя отношенія подъ вліяніемъ татарскихъ нашествій. Всѣ родные Авдотьи попали въ плѣнъ, и она осталась одинокой. Преодолѣвъ множество препятствій, она пробралась въ Орду, чтобы добиться освобожденія хотя бы одного изъ родныхъ. Раздумывая о томъ, кого выбрать изъ трехъ родныхъ, она остановилась на братѣ, и этимъ заставила расчувствоваться и самого хана, у котораго погибъ въ походѣ любимый братъ.

Выборъ брата — сюжетъ, знакомый и другимъ литературамъ, напр., греческой (Царь Дарій и жена Интаферка — у Геродота, Антигона — у Софокла).

Въ нѣкоторой связи съ сюжетомъ объ Авдотьѣ-Рязаночкѣ находятся и другія старины, среди которыхъ наиболѣе замѣчательна старина „Татарскій полонъ“.

За рѣчкой за Дарьей злые татары дуванъ дуванили (дѣлили добычу). При дѣлежѣ досталась теща зятю (т.-е. татарину, женатому на русской плѣнницѣ, досталась мать его жены). Повезъ татаринъ свою плѣнницу въ дикую степь, къ молодой женѣ: „Ну, и вотъ, жена, тебѣ работница съ Руси, русская полоняночка; ты заставь ее три дѣла дѣлати. Первое дѣло — куделю (ленъ) прясть, другое дѣло — лебедей стеречь, а и третье дѣло — дѣтю качать“. Полоняночка исполняетъ всѣ три дѣла: глазами лебедей стережетъ, руками кудель прядетъ, а ногами колыбель качаетъ, качаетъ и прибаюкиваетъ: „Ты баю, баю, боярскій сынъ! Ты по батюшкѣ—золъ татарченокъ, а по матушкѣ ты — русеночекъ, а по роду мнѣ ты — внученочекъ и моихъ черевъ ты—урывочекъ. Вѣдь твоя то мать мнѣ—родная дочь; семи лѣтъ она въ полонъ взята; на правой груди въ ней есть и родинка, а на лѣвой ногѣ нѣтъ мизинчика. Мнѣ бить тебя—такъ грѣхъ будетъ; мнѣ дитей назвать—мнѣ вѣра не та“. Дѣвки сѣнныя, услышавъ это, побѣжали къ своей барынѣ и разсказали, о чемъ пѣла полоняночка. Что стучитъ, гремитъ, по сѣнямъ бѣжитъ и дрожа дрожитъ? То дочка къ матери повалилась во рѣзвыя ноги: „Государыня, моя матушка! Не спознала тебя я, моя родная! Ты бери ключи, ключи золоты, отпирай ларцы, ларцы кованы, ты бери казны, сколько надобно; ты ступай ко, мать, во конюшенку, ты бери коня что ни лучшаго, ты бѣги, бѣги, мать, на святую Русь“. Мать отвѣчаетъ: „Не поѣду я на святую Русь: я съ тобой, дитя, не разстануся“.

Эта старина художественно изображаетъ трагизмъ семейныхъ отношеній, складывавшихся подъ вліяніемъ татарскихъ нашествій. Русская дѣвочка съ семи лѣтъ попала въ плѣнъ къ татарамъ и стала женой татарскаго мурзы. Этому мурзѣ случайно достается мать его жены, которая становится въ его домѣ рабой. Мать—рабыня у своей дочери и качаетъ своего внука—татарина. Мать по примѣтамъ узнаетъ въ своей госпожѣ дочь. Дочь, узнавъ въ полоняночкѣ мать, предлагаетъ ей убѣжать на Русь, но мать рѣшаетъ навсегда остаться при дочери.

Неизвѣстно, въ какой области составлена была старина „Татарскій полонъ“; вѣроятнѣе всего, въ той, которая чаще всего становилась жертвой татарскихъ нашествій, т.-е. въ Муромо-Рязанской: мать взята была въ плѣнъ, очевидно, въ той же мѣстности, гдѣ полонена была и дочь. Далѣе, ни одна другая область не дала столько произведеній, въ которыхъ изображается идеальная женщина, какъ Муромо-Рязанская. Старина „Татарскій полонъ“ изображаетъ идеальную мать и любящую дочь и такимъ образомъ входитъ въ кругъ произведеній, разработавшихъ различные типы идеальныхъ женщинъ, т.-е. въ разрядъ муромо-рязанскихъ произведеній.

134. Сказаніе о житіи и чудесахъ муромскаго князя Константина. Сказаніе о муромскомъ князѣ Константинѣ составлено было въ XVI в. Въ немъ разсказывается о томъ, какъ Муромъ въ концѣ XII в. и въ началѣ XIII в. сталъ христіанскимъ благодаря дѣятельности князя Константина Святославича. Хронологія, имена дѣйствующихъ лицъ и факты перепутаны и искажены. Такъ, одна редакція сказанія относитъ прибытіе въ Муромъ кн. Константина къ 6731 (1223) г., а другая къ 6700 (1192) г. Самое имя князя возбуждаетъ недоумѣнія. Нѣкоторые видятъ въ немъ Ярослава Святославича († 1129). Но это мнѣніе встрѣчаетъ вѣскія возраженія.

Муромъ — повѣствуетъ сказаніе, — былъ отданъ Владиміромъ св. „во одержаніе“ благовѣрному князю Глѣбу. Тогда жители Мурома были еще люди „невѣрни и жестоцы“. Они не приняли князя, не крестились и даже оказали ему сопротивленіе. Въ 6731 г. Богъ послалъ въ Муромъ для просвѣщенія поганыхъ блаженнаго князя Константина Святославича, „внука Ярослава Владимировича, крестившаго Русскую землю“. Произошло это при такихъ обстоятельствахъ.

„Слышавъ бо благовѣрный князь о градѣ Муромѣ велицемъ и преславнѣмъ, и множество людей, живущихъ въ немъ, и богатствомъ всякимъ кипящимъ, реками и рыбою, и медомъ, и хлѣбомъ, і овощіемъ, и начатъ прошатися у отца своего Святослава, чтобы во градѣ Муромѣ господьствовати“. Святославъ согласился отдать Муромъ сыну въ самодержавство. Константинъ, получивъ благословеніе отъ митрополита, взялъ съ собою княгиню свою Ирину, сыновей Михаила и Ѳеодора, бояръ, воеводъ, войско и людей съ женами и дѣтьми и отправился къ Мурому.

Константинъ отправилъ впередъ своего сына Михаила съ немногими людьми „увѣщати невѣрныя въ покореніе отцу своему князю Константину: обѣщеваетъ имъ дары и честь, и вотчины, и достояніе, і оброки легкія, и протчая словеса мирная глаголетъ имъ, хотя ихъ привлещи къ себѣ миромъ безъ кровопролитія“. Безбожные люди коварно пригласили Михаила въ городъ на совѣщаніе, убили его, а тѣло выбросили изъ города. Господь Богъ сохранилъ тѣло, и оно испускало благоуханіе.

Приблизился къ городу Константинъ съ войскомъ. Жители Мурома, испугавшись, заперлись въ городѣ, а потомъ отправили къ Константину пословъ „съ повиновеніемъ и клятвами себѣ утвердиша, оброки и дань даяти ему обѣщавахуся, точію не хотяще креститися“. Войдя въ городъ, Константинъ воздвигъ одну церковь Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, а другую въ память Бориса и Глѣба. Въ церкви Благовѣщенія было погребено тѣло князя Михаила, „и воспѣша память“. Невѣрные люди, слыша это пѣніе и видя христіанскіе обряды, „дивляхуся, еже не по ихъ обычаю творимо бѣ погребеніе, яко погребаему бѣ князю Михаилу во знакъ на востокъ лицемъ, а могилы верхъ холъмомъ не сыпаху, но ровно со землею, ни тризнища, ни дымы, ни битвы, ни кожи кроянія, ни лицедранія, ни плача безмѣрнаго не творяху“. Безумные ругались и смѣялись надъ этимъ. Они не внимали ученію христіанскому, о чемъ князь Константинъ очень скорбѣлъ. Князь пытался дѣйствовать на нихъ ласкою и любовью, обѣщая имъ дары и всякія льготы, чтобы привлечь ихъ къ крещенію, а иногда онъ прибѣгалъ къ „мукамъ и ранамъ“. Поганые тогда задумали погубить князя или изгнать его изъ города; но Господь разорялъ ихъ совѣтъ.

Однажды невѣрные, собравшись отъ мала до велика, отправились съ оружіемъ и дреколіями ко дворцу князя. Вѣрные испугались и заперлись въ своихъ домахъ. Князь Константинъ не испугался и обратился съ горячей молитвой о помощи передъ образомъ Богородицы. „І абіе бысть гласъ съ небеси, глаголя: Константине, вѣрный мой рабе! Въ малѣ бысть ми вѣренъ, надъ многими тя поставлю: вниди въ радость Господа своего! Услышана бысть молитва твоя. Дерзай, не бойся; азъ есмь съ тобою“. Князь взялъ образъ Богородицы и одинъ вышелъ къ невѣрному безчисленному народу муромскому. Увидя

икону, сіявшую, какъ солнце, и лицо князя, подобное ангелу, невѣрные, „убоявшеся велми и падше ницы, быша, яко мертвы“. Константинъ возгласилъ громкимъ голосомъ: „Отцы и братія моя драгая! Востаните, не бойтеся, о братія мои. Повѣдите ми, чесо ради сѣмо пріидосте ко мнѣ?“ Противъ своего хотѣнія, они воскликнули, что желаютъ креститься во имя Отца, Сына и Св. Духа. Константинъ возрадовался „радостію великою зѣло“, отправился съ семьей и освященнымъ соборомъ въ церковь Благовѣщенія, повелѣлъ звонить „въ тяжкая колокола“ и вознесъ благодарность за чудо. Назначивъ постъ, Константинъ велѣлъ народу собраться на рѣку Оку, и здѣсь всѣ были крещены. Во время крещенія загремѣлъ такой громъ съ неба, что поколебался весь городъ Муромъ. „І явишася лучи огненныя страшны надъ ними, пришествіе Параклитово (св. Духа) осѣни ихъ“.

Послѣ крещенія князь устраивалъ въ своемъ дворцѣ три трапезы на всякій день: „первую епископу и священникомъ, и черноризцемъ, а вторую нищимъ і убогимъ, и страннымъ, не имущимъ покоя, третію себѣ и боярамъ, и вельможамъ своимъ“. И уподобился Константинъ царю Давиду и пророку Іезекіилю.

Когда Константинъ скончался, весь городъ оплакивалъ его.

Авторъ оканчиваетъ свое сказаніе такими восторженными словами: „Тѣмъ же престаша отцы дѣтей закалати въ жертву бѣсомъ и сквернаго Моамефа (Магомета) пророкомъ называть, рѣкамъ і езеромъ требы класти, дупликамъ древянымъ вѣтви і убрусцомъ (полотенцемъ) обвѣшивати и имъ покланятися, все престаша. И кладезямъ и потокомъ поклоняющейся очны ради немощи умывающіися и серебренники въ ня поверзающіи все престаша. Гдѣ коня закалающіи и по мертвыхъ ременная плетенія древолазная съ нимъ въ землю погребающіи, и битвы, и кроенія, и лицъ натресканія творящіи? Гдѣ свирѣпія и бѣснованія и горшая согрѣшенія восклицающихъ? Вси посрамишася и ницъ лежатъ и быша мертвы!“

135. Повѣсть о Петрѣ и Февроніи. Повѣсть о Петрѣ и Февроніи составлена была въ XVI в. на основаніи древнихъ преданій монахомъ Еразмомъ. Подъ Петромъ разумѣютъ историческое лицо—муромскаго князя Давида Юрьевича († 1228 г.), одного изъ потомковъ Святополка Черниговскаго, а подъ Февроньей его супругу Евфросинію.

Муромомъ правилъ нѣкогда князь Павелъ. Во дворецъ

князя повадился летать къ женѣ его змѣй. Змѣй принималъ образъ Павла, и никто изъ окружавшихъ князя не могъ отличить его отъ самого князя. Только передъ женой Павла змѣй принималъ свой естественный видъ. Жена не скрыла отъ своего мужа происходившаго. Князь попросилъ жену разузнать у змѣя, какъ можно убить его. Когда послѣ этого къ ней прилетѣлъ змѣй, она, ласкаясь къ нему, сказала ему: „Ты знаешь многое; знаешь ли кончину свою?“ Дьявольскій прельститель былъ прельщенъ княгиней и открылъ ей тайну: „Смерть моя—отъ Петрова плеча, отъ Агрикова меча“. Княгиня сообщила это мужу, а тотъ своему брату Петру. Петръ, услышавъ это, понялъ, что убить змѣя предназначено свыше ему.

Однажды Петру внезапно явился чудесный юноша, который открылъ ему Агриковъ мечъ, находившійся въ церкви женскаго Воздвиженскаго монастыря, въ алтарной стѣнѣ, въ скважинѣ между камнями. Вооруженный этимъ мечомъ, Петръ явился во дворецъ къ брату. Поговоривъ съ нимъ, онъ пошелъ въ комнату своей невѣстки и, къ удивленію, видитъ брата уже тамъ. Пораженный, онъ возвращается назадъ и видитъ, что братъ оставался на своемъ мѣстѣ. Тогда Петръ, удостовѣрившись, что у невѣстки гоститъ подъ видомъ Павла змѣй, снова пошелъ туда и поразилъ змѣя мечомъ. Змѣй испустилъ духъ, забрызгавъ Петра своею кровью. Отъ этой крови съ Петромъ приключилась тяжкая болѣзнь: его тѣло покрылось струпьями и язвами. Напрасно лѣчился Петръ у мѣстныхъ врачей: никакого облегченія не было.

Узнавъ, что есть хорошіе врачи въ Рязанской землѣ, Петръ велѣлъ везти себя туда. Когда онъ былъ уже тамъ, одинъ изъ сопровождавшихъ его отроковъ отправился въ деревню Ласково. Отрокъ подошелъ къ воротамъ одного дома и вошелъ въ него. Никто не встрѣтился ему на пути. Войдя въ хоромину, онъ увидѣлъ чудное видѣніе: сидѣла какая-то дѣвица и ткала кросна (холстъ), а передъ нею прыгалъ заяцъ. Дѣвица сказала: „Не лѣпо есть быти дому безъ ушии и храму безъ очию“. Отрокъ не понялъ этихъ словъ дѣвицы и спросилъ у нея, гдѣ хозяинъ дома. Дѣвица отвѣтила: „Отецъ мой и мати моя поидоша въ заимъ (взаимно) плакати; братъ же мой поиде чрезъ ноги въ нави (могилу) зрѣти“. Отрокъ ничего не понималъ и стоялъ, дивясь подобному чуду. Наконецъ, онъ сказалъ ей, что ничего не понимаетъ въ ея странныхъ рѣчахъ. Дѣвица ска-

зала ему: „Сего ли не разумѣеши? Пріиде бо въ домъ сій и въ храмину мою вниде, и видѣвъ мя сидящу въ простотѣ; аще бы въ домѣ наю (нашемъ) песъ и, чювъ (почуявъ) тя къ дому приходяща, лаялъ бы на тя,—се бо есть дому уши; и аще бы было во храмѣ (домѣ) моемъ отроча и, видѣвъ тя къ храминѣ приходяща, сказало бы,—се бо есть храму очи. А еже сказахъ ти про отца и матерь, и брата, яко отецъ мой и мати моя идоша въ заимъ плакати,—шли убо суть на погребеніе мертвымъ и тамо плачютъ; а егда же по насъ смерть пріидетъ, и инии по насъ учнутъ плакати,—се есть заимованный (взаимный) плачъ; про брата же ти глаголахъ, яко отецъ мой и братъ древолазцы (бортники) суть, въ лѣсехъ медъ емлютъ отъ древия; братъ же мой и нынѣ на таковое дѣло иде; и яко же лѣсти на древо въ высоту, то приходится чрезъ ноги зрѣти къ земли, мыслитъ, аже бы (какъ бы) не урватися съ высоты; аще ли кто урветца, сей живота гонзнетъ (лишится); сего ради рѣхъ (сказала) ти — яко чрезъ ноги въ нави зрѣти“. Отрокъ узналъ у этой мудрой дѣвицы, что ея имя — Февронія. Онъ сообщилъ ей о болѣзни своего князя Петра и попросилъ указать ему какого-нибудь хорошаго врача. Дѣвица велѣла отроку привезти князя въ деревню и сказала, что князь выздоровѣетъ, если онъ окажется мягкосердечнымъ и смиреннымъ въ своихъ отвѣтахъ. Князя привезли въ деревню. Послу, явившемуся отъ князя, чтобы узнать адресъ врача, Февронія сказала, что она сама исцѣлитъ его, имѣнія отъ него не потребуетъ, а потребуетъ только жениться на ней. Услышавъ это, князь подумалъ, какъ это ему, князю, взять въ жены дочь бортника! Но такъ какъ ему хотѣлось исцѣлиться, онъ, рѣшивъ не исполнить поставленнаго Февроніей условія, велѣлъ передать ей, что онъ согласенъ. Февронья взяла ковшикъ, зачерпнула квасу, дунула на него и, передавъ посланному, велѣла сдѣлать князю баню и помазать снадобьемъ всѣ струпья на тѣлѣ князя кромѣ одного. Князь велѣлъ приготовить баню, а тѣмъ временемъ вздумалъ испытать дѣвицу, дѣйствительно ли она такъ мудра, какъ разсказывалъ ему отрокъ. Онъ послалъ Февроньѣ съ своимъ слугою одно повѣсмо (клочокъ) льну, велѣвъ сказать ей: „Дѣвица эта хочетъ быть моей супругою ради своей мудрости; если она дѣйствительно мудра, пусть сдѣлаетъ мнѣ изъ этого клочка льна сорочку, порты и полотенце въ теченіе того времени, пока я буду въ

банѣ". Февронья, выслушавъ слугу, дала ему кусокъ полѣна и велѣла ему снести князю со слѣдующими словами: „Пока я это повѣсмо очешу, пусть приготовитъ мнѣ князь изъ этого куска полѣна станокъ и весь инструментъ, чтобы мнѣ было, на чемъ соткать полотно". Князь отвѣтилъ, что изъ такого маленькаго полѣшка и въ такой короткій срокъ онъ не можетъ приготовить инструмента. Февронія отвѣтила, что и она въ такомъ случаѣ не можетъ выполнить его порученія. Удивился князь мудрости дѣвицы, пошелъ въ баню, исполнилъ все, какъ она велѣла, и исцѣлился. Все тѣло его стало гладкимъ; остался одинъ только струпъ, который не былъ помазанъ. Князь удивился своему скорому исцѣленію, но жениться на Февроніи онъ не пожелалъ изъ-за ея происхожденія. Онъ послалъ ей дары. Она не приняла ихъ. Князь уѣхалъ. Едва онъ тронулся въ путь, какъ отъ оставшагося струпа стали распространяться по тѣлу другіе. Старая болѣзнь возобновилась. Князь вынужденъ былъ вернуться назадъ къ Февроніи. Со стыдомъ онъ послалъ къ ней опять посла, прося исцѣленія. Февронія, нисколько не гнѣваясь на князя, сказала, что, если онъ женится на ней, то исцѣлитъ его. Князь обѣщалъ, рѣшивъ на этотъ разъ исполнить обѣщаніе. Онъ былъ исцѣленъ и женился на Февроніи. Новобрачные пріѣхали въ Муромъ, гдѣ стали жить во всякомъ благочестіи, „ничтоже отъ Божіихъ заповѣдей оставляюще".

По прошествіи нѣкотораго времени скончался князь Павелъ, и на муромскій престолъ вступилъ Петръ. Бояре муромскіе игнорировали Февронью „женъ ради своихъ", потому что она стала княгинею „не отечества (происхожденія) ея ради, Богу же прославляющу, добраго ради житія ея". Они употребляли всѣ свои старанія, чтобы удалить ее изъ княжескаго дворца. Одинъ бояринъ донесъ однажды Петру, что она безчинно выходитъ ежедневно изъ-за стола, взявъ въ руки крохи отъ стола, точно голодная. Князь, желая провѣрить это, велѣлъ однажды Февроньѣ обѣдать вмѣстѣ съ собою за однимъ столомъ. По окончаніи обѣда Февронья по своему обычаю взяла со стола крохъ. Петръ взялъ ее за руки, развелъ ихъ, и что же увидѣлъ въ нихъ? Ливанъ добровонный, ѳиміамъ! Съ этихъ поръ князь пересталъ искушать свою супругу. Нѣкоторое время спустя, пришли къ князю бояре и въ ярости стали говорить ему: „Мы хотимъ всѣ праведно служить тебѣ, но княгини

Февроніи не хотимъ, да государствуетъ женами нашими. И если хочешь самодержецъ быть, да будетъ тебѣ другая княгиня. Февронія же пусть возьметъ себѣ богатства довольно и идетъ куда хочетъ". Князь, не имѣвшій обычая предаваться ярости отъ чего бы то но было, со смиреніемъ сказалъ имъ, чтобы они обратились съ этимъ къ самой Февроніи, и какъ она рѣшитъ, такъ и будетъ". Тогда „неистовые" бояре, „наполнившись безстыдія", придумали слѣдующее. Они устроили пиръ, на который были приглашены Петръ и его супруга. Навеселѣ бояре начали простирать свои глаголы, „яко пси, лающе, отъемлюще у святыя Божій даръ, его же Богъ и по смерти неразлучно обѣщалъ". И сказали они Февроньѣ: „Госпожа княгиня Февронья! Весь городъ и бояре тебѣ говорятъ: дай намъ, чего мы у тебя попросимъ!" Она обѣщала. Тогда они всѣ единодушно воскликнули: „Всѣ мы князя Петра хотимъ, да самодержствуетъ надъ нами; тебя же жены наши не хотятъ, да господствуешь надъ ними. Возьми богатства довольно и иди, куда хочешь!" Февронья сказала имъ: „Что просите, будетъ вамъ, только и вы дайте мнѣ, чего у васъ попрошу". Бояре клятвенно обѣщали дать ей, чего она попроситъ. Февронія сказала имъ: „Ничего иного не прошу у васъ, только супруга своего, князя Петра". Бояре отвѣтили: „Какъ хочетъ самъ князь". Такъ они отвѣтили потому, что дьяволъ вложилъ имъ помыслъ поставить себѣ другого самодержца, если не будетъ Петра; каждый бояринъ думалъ про себя занять мѣсто Петра. Блаженный Петръ не возлюбилъ временнаго самодержавства, кромѣ заповѣдей Божіихъ, по заповѣдямъ шествовалъ и держался ихъ, „яко же богогласный Матѳей въ своемъ благовѣстии вѣщаетъ"; рече бо: аще пуститъ жену свою и оженится иною, прелюбы творитъ". Петръ поступилъ по заповѣдямъ: власть свою, „яко уметы" (пометъ, навозъ), вмѣнилъ и рѣшилъ отправиться изъ города вмѣстѣ со своею супругою. Бояре дали имъ суда, и супруги уѣхали по Окѣ.

На суднѣ Февроніи находился нѣкій человѣкъ съ женой. Человѣкъ этотъ, принявъ помыслъ отъ бѣса, воззрѣлъ на Февронію съ вожделѣніемъ. Февронія же, угадавъ его чувства, призвала его и сказала ему: „почерпни воды вотъ съ этой стороны судна". Онъ почерпнулъ. Она велѣла ему выпить воду. Когда онъ выпилъ, она велѣла ему почерпнуть воды съ

другой стороны судна и тоже выпить. Февронья спросила его, одинакова ли по вкусу та и другая вода, или которая нибудь изъ нихъ слаще. Онъ отвѣтилъ, что и та и другая одинакова. Тогда Февронья сказала ему: „Точно также одинаково и естество женское; для чего же ты, оставляя свою жену, на чужихъ мыслишь?“ Увидалъ человѣкъ тотъ, что у Февроніи есть даръ прозрѣнія и оставилъ свои помышленія.

Къ вечеру перваго дня путешествія причалили къ берегу. Грустно стало князю Петру, что лишился онъ своей власти. Февронія ободряла его и утѣшала. Поваръ сталъ готовить ужинъ. Онъ сломалъ два деревца, воткнулъ ихъ въ землю и повѣсилъ на нихъ котелъ. Послѣ ужина Февронія благословила оба деревца и сказала: „да будутъ эти деревца наутріе древіе великое съ вѣтвями и листьями“. Такъ и случилось.

На другой день утромъ, едва только слуги стали складывать на суда скарбъ, чтобы двинуться дальше, явились вдругъ изъ Мурома вельможи. Они сообщили князю, что въ городѣ происходитъ великое кровопролитіе изъ-за споровъ бояръ о томъ, кому изъ нихъ княжить; вельможи отъ имени всего города просили у князя прощенія и умоляли его вернуться назадъ и княжить надъ Муромомъ. Петръ, никогда не державшій гнѣва, вернулся обратно со своей супругой, и стали властвовать оба. Они ходили „во всѣхъ заповѣдехъ и оправданіихъ господнихъ безпорочно, въ молитвахъ непрестанныхъ и милостыняхъ, и ко всѣмъ людемъ, подъ ихъ властію сущимъ, аки чадолюбивый отецъ и мати; бѣста бо ко всѣмъ любовь равну имуща: не любляше гордости, ни грабленія, ни богатества тлѣннаго щадяще, но Богу богатѣюще; бѣста бо своему граду истинная пастыря, а не яко наемника, градъ свой истинною кротостию, а не яростию правяще, странныя приемлюще, алчныя насыщающе, нагия одѣвающе“.

Когда приблизилось время смерти Петра и Февроніи, оба стали молить Бога, чтобы преставленіе ихъ произошло въ одинъ и тотъ же часъ. Они сотворили между собою совѣтъ о томъ, чтобы тѣла ихъ положили вмѣстѣ въ одинъ гробъ, раздѣленный перегородкой. Они въ одно время облеклись въ монашескія ризы.

Однажды Февронья работала надъ воздухами для соборнаго храма Богородицы, вышивая на нихъ лики святыхъ. Въ это время Петръ присылаетъ къ ней сказать, что онъ отходитъ

отъ жизни. Февронія проситъ его подождать, пока она окончитъ шитье. Петръ посылаетъ за ней вторично. Февронья, не докончивъ шитья ризы одного святого, прекратила работу и послала сообщить ему „о преставленіи купнемъ“. Петръ и Февронья скончались въ одно время.

Какъ при жизни супруговъ неразумные люди возмущались ими, такъ дѣлали они это и по смерти ихъ. Бояре презрѣли завѣщаніе Петра и Февроніи и положили ихъ тѣла въ отдѣльные гробы, говоря, что не подобаетъ въ монашескомъ образѣ класть князя и княгиню въ одинъ гробъ. Они положили тѣло Петра въ особый гробъ, въ соборномъ храмѣ Богородицы, въ городѣ, а тѣло Февроньи въ другой гробъ, въ женскомъ монастырѣ Воздвиженія, за городомъ. Общій же гробъ, который былъ вытесанъ изъ камня при жизни Петра и Февроньи, бояре оставили пустымъ въ соборномъ храмѣ. На другой день оказалось, что отдѣльные гробы пусты, а оба тѣла лежатъ въ общемъ гробѣ. Бояре разлучили ихъ, а на слѣдующій день они опять очутились вмѣстѣ. Послѣ этого никто уже не осмѣлился прикоснуться къ святымъ тѣламъ Петра и Февроніи: они такъ и остались въ одномъ гробѣ.

136. Комментаріи къ повѣсти о Петрѣ и Февроніи. Повѣсть о Петрѣ и Февроніи замѣчательна какъ образами супруговъ, такъ и отраженіемъ общественныхъ отношеній въ удѣльно-феодальную эпоху.

Князь Петръ принадлежитъ къ людямъ среднимъ, не обладающимъ ни выдающимися умственными способностями, ни силой воли. Это—натура пассивная, не вмѣшивающаяся въ ходъ событій, а предоставляющая имъ складываться, какъ имъ угодно. Онъ большею частью покорно примиряется съ обстоятельствами въ той формѣ, въ какой они сложились для него, даже тогда, когда эти обстоятельства идутъ въ разрѣзъ съ его общественнымъ положеніемъ или совершаются противъ его желанія: онъ женился на Февроньѣ, несмотря на то, что этотъ бракъ съ дѣвушкой изъ простонародья шокируетъ его; когда бояре предлагаютъ Февроньѣ уйти изъ Мурома и даютъ ей отступного, Петръ не знаетъ, какъ поступить, и полагается на рѣшеніе Февроньи; когда Февронья соглашается покинуть Муромъ, но вмѣстѣ съ Петромъ, послѣдній покоряется, несмотря на то, что глубоко сожалѣетъ о разставаніи съ княжеской властью.

Иной характеръ у Февроньи. Эта дочь крестьянина-пче-

ловода обладаетъ большими умственными силами, которыя проявляются въ умѣніи говорить остроумными загадками, въ умѣніи находить исходъ изъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Кромѣ того, у ней замѣчательная выдержка характера. Она сумѣла выйти замужъ за случайно подвернувшагося князя, къ которому сильно привязалась, въ которомъ умѣло поддерживала доброе настроеніе въ тяжелыя минуты жизни, власть котораго она отвлекала отъ гордости, грабленія и другихъ подобныхъ чертъ и стремленій и направляла на поддержку бѣдныхъ. Но она не отличалась честолюбіемъ: она бодро уходитъ въ изгнаніе, лишь бы съ нею былъ избранный ею въ мужья князь.

Характерны общественныя отношенія, въ которыя попала Февронья: аристократическое общество города, особенно женская половина его, возненавидѣла ее за то, что она заняла мѣсто, на которое разсчитывали аристократки, за то, что она — низкаго происхожденія, и конечно, за ея духовное превосходство.

Яркій образъ этой умной и энергичной дочери народа остался въ памяти демократической части муромскаго общества, и въ XVI в., когда удѣльно-феодальному боярству наносился великими московскими князьями ударъ за ударомъ, былъ воспроизведенъ по преданіямъ монахомъ, который, быть можетъ, самъ происходилъ изъ народной среды.

137. Сказаніе объ обновленіи града Мурома. Послѣ смерти князя Константина и его дѣтей, много лѣтъ спустя послѣ запустѣнія Мурома отъ невѣрныхъ людей, долгое время послѣ Петра и Февроніи, явился изъ Кіева благовѣрный князь Георгій Ярославовичъ и поставилъ себѣ въ Муромѣ дворецъ. Онъ обновилъ церкви Благовѣщенія и Бориса и Глѣба и поставилъ епископомъ Василія, „мужа праведна и благочестива“.

„Искони же ненавидяй діяволъ человѣческихъ добродѣтелей“ началъ творить на святого епископа Василія „споны“ (вредъ). Принявъ образъ дѣвицы, онъ сталъ показываться народу „изъ храмины во оконце святительское“, а иногда „изъ храмины хождаше отъ епископа“. Все это видѣли простые люди, вельможи и бояре.

Однажды всѣ собрались и пошли вечеромъ къ Василію и увидѣли „дѣвицу, бѣжащу по степенямъ ко святителю въ келію, имуще сапоги въ рукахъ своихъ“. Народъ сталъ укорять Василія. Удивленный Василій сталъ опровергать возводимыя на

него обвиненія. Это не подѣйствовало на народъ. Стали кричать, что епископа надо убить. Василій попросилъ дать ему отсрочку „до третіяго часа дни“. Народъ согласился.

Тогда Василій сталъ усердно молиться сначала въ храмѣ Бориса и Глѣба, а потомъ въ храмѣ Благовѣщенія. Василій, взявъ икону пресвятой Богородицы, на которую возложилъ надежду о своемъ спасеніи, пошелъ въ сопровожденіи вельможъ и народа къ рѣкѣ Окѣ, снялъ съ себя мантію, бросилъ ее на воду и самъ вступилъ на нее. Внезапно поднялся бурный духъ, который понесъ Василія противъ рѣчныхъ быстринъ. Видя это чудо, муромскіе граждане отъ стара и до мала стали со слезами каяться передъ Василіемъ и умолять его о возвращеніи назадъ. „І абіе святый Василіе епископъ взятся отъ очію муромскаго народа по мгновенію ока вьверхъ по Окѣ рекѣ“. „Бысто же чюдо сіе въ третій часъ дне, и того же дни въ девятый часъ принесенъ бысть въ мѣсто, еже нынѣ зовомо Старая Рязань“. Великій князь рязанскій Олегъ вышелъ на встрѣчу Василію съ крестами и со всѣмъ священнымъ соборомъ. Съ этого времени муромская епископія находится въ Рязани; Муромъ благословляется отъ рязанскихъ епископовъ, которые въ Муромъ не возвращаются. А чудотворная икона Богородицы, принесшая своею благотворною силою Василія въ Рязань, и донынѣ находится въ Рязани.

„Сказаніе объ обновленіи Мурома“ представляетъ дополненіе къ „Сказанію о житіи и чудесахъ Константина“ (§134) и относится также къ XVI в. Въ немъ сохранились отголоски дѣйствительности, спутанные авторомъ сказанія. По лѣтописямъ, въ 1351 г. князь Юрій Ярославичъ Муромскій обновилъ свою отчину Муромъ, запустѣвшій отъ первыхъ князей. Въ 1355 г. князь Ѳеодоръ Глѣбовичъ отнялъ у Юрія Муромъ, а самого Юрія заточилъ въ тюрьму, гдѣ онъ и скончался. Василій былъ поставленъ епископомъ въ Рязань и въ Муромъ въ 1356 г., т.-е. черезъ годъ послѣ того, какъ Юрій лишился престола.

138. Сказаніе о явленіи Унженскаго креста. Сказаніе о явленіи Унженскаго креста составлено было въ XVII в. на основаніи письменнаго сказанія, обращавшагося въ широкой муромской публикѣ. Послѣднее было написано на простомъ разговорномъ языкѣ и въ свою очередь представляло изложеніе древняго устнаго сказанія.

Преданіе относитъ жизнь дѣйствующихъ въ сказаніи лицъ

къ дотатарскимъ временамъ. Во введеніи къ сказанію составитель объясняетъ, что заставило его составить сказаніе, и при этомъ сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о матеріалахъ и источникахъ, которыми онъ пользовался. Въ 25 поприщахъ отъ Мурома,—говоритъ составитель,—на берегу рѣки Унжи возвышается крестъ, который съ древнихъ временъ славился своими чудесами. Благочестивые люди, стекавшіеся къ этому кресту, желали узнать, откуда и какъ обрѣтенъ этотъ крестъ, и обращались съ разспросами къ церковнослужителямъ; но послѣдніе сами не могли сообщить ничего достовѣрнаго, „зане убо (такъ какъ) многимъ лѣтомъ протекшимъ, аще же (а также) и многаго ради иноплеменныхъ нашествія на страну ону, паки же и частью ради варварскаго расплѣненія, древняя изгибоша (погибли) списанія, въ кія лѣта и при коихъ содержателѣхъ (князьяхъ) быша сія; но токмо на малѣй харатійцѣ (рукописи) просторѣчіемъ, яко же поселяне, написано, держаху памяти ради“.

Сказаніе изображаетъ любовь другъ къ другу двухъ сестеръ.

Были двѣ сестры, дочери одного вельможи. Имя одной сестры было Марія, другой—Мароа. Марія вышла замужъ за нѣкоего Іоанна въ Муромской области, а Мароа—за нѣкоего Логина въ Рязанской области. Іоаннъ былъ знатнаго рода, но оскудѣвшій имѣніемъ, а Логинъ—менѣе знатный, но очень богатый.

Случилось Іоанну и Логину быть вмѣстѣ на пиру у тещи. Между ними возникла распря о томъ, кому изъ нихъ занять за столомъ болѣе почетное мѣсто. Іоаннъ хотѣлъ сѣсть выше и „по отчеству“ своему, и по старшинству, такъ какъ онъ былъ старшій зять; Логинъ не уступалъ ему, на томъ основаніи, что онъ богаче Іоанна. Отъ этого оба зятя другъ къ другу не ѣздили и женъ своихъ не пускали, и письмами не позволяли сноситься.

По прошествіи многихъ лѣтъ Іоаннъ и Логинъ умерли, оба въ одинъ день. Жены ихъ овдовѣли. Марія не знала о смерти Логина, а Мароа о смерти Іоанна. И подумала Марія: „Поѣду къ зятю своему Логину въ Рязань и увижу сестру свою, и если они полюбятъ меня, буду у нихъ жить; а если не возлюбятъ, и я прощусь съ сестрою и вернусь обратно“. Въ это самое время Мароа тоже подумала: „Поѣду къ зятю

своему Іоанну и къ сестрѣ своей, и увижу, если они меня призрятъ, и я имѣніемъ своимъ обогащу ихъ, и будутъ они богаты, какъ былъ богатъ мужъ мой, и славны по своему отчеству". Подумавъ это, онѣ рѣшили такъ и поступить.

Въ одинъ и тотъ же день онѣ выѣхали, одна изъ Мурома, другая изъ Рязани. На пути онѣ встрѣтились. У каждой изъ нихъ былъ свой станъ. Марія не знала, что въ сосѣднемъ станѣ—ея сестра Марѳа, и наоборотъ. Послала Марѳа въ сосѣдній станъ слугу, чтобы узнать: „Кто тамъ стоитъ? Если—женскій полъ, то вмѣстѣ сойдемся въ одинъ станъ: а если мужской, то поѣдемъ дальше". Слуга, исполнивъ порученіе, вернулся и сказалъ, что это ѣдетъ вдова изъ Мурома въ Рязань къ сестрѣ. Обѣ путешественницы сошлись въ одинъ станъ, поклонились другъ другу, но не догадались о томъ, что онѣ—родныя сестры до тѣхъ поръ, пока не освѣдомились другъ у друга объ имени и отчествѣ. Узнавъ, что онѣ—сестры, Марія и Марѳа со слезами и радостью начали лобызаться и скорбѣть о томъ, что мужья ихъ были между собою до самой смерти не въ любви; скорбѣли онѣ, впрочемъ, не столько о мужьяхъ, сколько о себѣ, о томъ, что много лѣтъ не видались, что нельзя было даже письмами извѣщаться другъ о другѣ. Поскорбѣвъ, онѣ почувствовали и радость: хоть къ кончинѣ ихъ вѣка далъ имъ Богъ свидѣться. Сестры устроили трапезу, ѣли, пили во славу Божію и веселились. Затѣмъ онѣ легли спать.

Онѣ плохо спали. И вотъ во снѣ явился обѣимъ ангелъ: онъ далъ Маріи серебро, а Марѳѣ золота и велѣлъ сотворить изъ золота животворящій крестъ, а изъ серебра – ковчегъ; золото и серебро онъ велѣлъ отдать первому человѣку, который утромъ пройдетъ по дорогѣ. Взявъ у ангела золото и серебро сестры завернули ихъ къ себѣ за рукава. Проснувшись, сестры разсказали другъ другу о видѣніи во снѣ. Онѣ заглянули къ себѣ за рукава и увидѣли—Марія—серебро, а Марѳа—золото.

Заплакали сестры слезами радости и обратились къ Богу съ молитвой о предивномъ чудѣ, о благодати, которою осѣнилъ ихъ Господь. Въ это время видятъ онѣ — по дорогѣ идутъ три монаха. Сестры позвали ихъ, разсказали о видѣніи, передали имъ золото и серебро и велѣли сдѣлать крестъ и ковчегъ. Монахи сказали, что для этого они и пришли къ нимъ, взяли золото и серебро и ушли.

Сестры, пріѣхавъ въ Муромъ къ родственникамъ, разска-

зали имъ о случившемся на пути. Родственники стали роптать на нихъ за то, что онѣ отдали золото и серебро какимъ то невѣдомымъ старцамъ: „Развѣ здѣсь въ городѣ нѣтъ такихъ мастеровъ, кому въ золотѣ честный крестъ сотворить, а въ серебрѣ ковчегъ?“ Сестры сослались на то, что имъ было велѣно такъ сдѣлать. Родственники устроили совѣщаніе и рѣшили отправиться на то мѣсто, гдѣ сестры встрѣтили старцевъ. Къ нимъ присоединилось множество народа, и стали они совѣщаться, кому куда ѣхать за старцами, гдѣ бы взять назадъ золото и серебро. И постановили: господамъ ѣхать съ чужими рабами, а рабамъ съ чужими господами, чтобы они, отнявши у монаховъ золото и серебро, не утаили его между собою. Они урядили, кому куда поѣхать—по большимъ дорогамъ и по малымъ тропинамъ. Вдругъ собравшіеся увидѣли, что идутъ трое старцевъ, которые несли животворящій крестъ изъ золота и ковчегъ изъ серебра. Молодые люди подступили было къ старцамъ, но старцы сказали имъ: „ступайте туда, куда совѣщались идти“! Старшіе запретили молодымъ оскорблять старцевъ, сошли съ коней и съ честью приняли ихъ. Старцы подошли къ сестрамъ и сказали: „Марѳа и Марія! Въ томъ золотѣ и серебрѣ, которое явилось вамъ во снѣ, сотворилъ Господь Богъ животворящій крестъ и ковчегъ, вамъ на долголѣтіе, а міру на исцѣленіе“. Старцевъ спросили, гдѣ они были. Они отвѣтили: „въ Царьградѣ“. И опять спросили, давно ли они оттуда. Старцы отвѣтили: „третій часъ“. Собравшіеся хотѣли угостить старцевъ трапезою, но они сказали: „Мы—не пьющіе и не ядущіе: это вамъ повелѣлъ Господь пить и ѣсть“. Сказавъ это, старцы исчезли.

Послѣ этого сестрамъ во снѣ явился животворящій крестъ, да поставятъ его въ церкви архангела Михаила. Сестры такъ и сдѣлали: поставили крестъ въ этой церкви, въ Унженскомъ станѣ, на рѣкѣ Унжѣ, въ 25-ти поприщахъ отъ города Мурома.

139. Комментаріи къ сказанію о явленіи Унженскаго креста. Сказаніе о явленіи Унженскаго креста замѣчательно во многихъ отношеніяхъ.

Во-первыхъ, въ немъ замѣтно стремленіе связать Муромъ съ Царьградомъ: крестъ и ковчегъ доставлены изъ Царьграда чудесными старцами и, слѣдовательно, освящены высшимъ церковнымъ авторитетомъ.

Во-вторыхъ, замѣчательна трагедія двухъ любящихъ другъ друга кроткихъ и наивныхъ сестеръ, разлученныхъ до старости ссорой ихъ мужей. Выйдя замужъ, сестры не могли забыть другъ друга; напротивъ, запрещеніе ѣздить другъ къ другу и даже сноситься письмами должно было еще болѣе усилить ихъ взаимное тяготѣніе: первая мысль ихъ по смерти мужей состояла въ томъ, чтобы немедленно увидѣться, и эту мысль онѣ немедленно приводятъ въ исполненіе.

Въ-третьихъ, интересенъ фактъ ссоры знатнаго, но бѣднаго, и менѣе знатнаго, но богатаго изъ-за почетнаго мѣста за столомъ, фактъ, находящійся въ связи съ практиковавшейся среди бояръ системой мѣстничества.

Въ-четвертыхъ, характерны нравы тогдашняго общества, точнѣе, верхней его части, въ лицѣ родственниковъ сестеръ и примкнувшихъ къ нимъ знакомыхъ: организація погони за старцами, чтобы отнять у нихъ золото и серебро, довѣрчиво отданное послѣднимъ сестрами, недовѣрчивое отношеніе родственниковъ и знакомыхъ другъ къ другу изъ страха, что каждый присвоитъ себѣ отнятое золото и серебро, съ трудомъ удержанный порывъ молодежи оскорбить старцевъ—все это живо рисуетъ интересы древнерусскаго высшаго общества. Не менѣе характерны и отношенія между господами и рабами: постановленіе совѣта родственниковъ сестеръ, чтобы господа ѣхали съ чужими рабами и наоборотъ, показываетъ, что между господами и рабами въ дѣлѣ самообогащенія господъ существовала извѣстная солидарность, основывавшаяся на подчиненіи раба господину.

Въ-пятыхъ, сказаніе интересно съ художественной стороны своимъ символизмомъ: въ одно и то же время сестры выходятъ замужъ, въ одинъ и тотъ же день умираютъ ихъ мужья, въ одинъ и тотъ же день мысли сестеръ обращаются другъ къ другу, и сестры отправляются въ путь: обѣ въ одно время видятъ одинъ и тотъ же сонъ и обѣ надѣляются отъ Бога высшей благодатью.

140. Повѣсть объ Юліаніи Лазаревской. Въ началѣ XVII в. нѣкій муромскій бояринъ Каллистратъ Осорьинъ написалъ біографію замѣчательной женщины XVI в., своей матери Юліаніи Лазаревской († 1604).

Во дни благовѣрнаго царя Іоанна Васильевича при его дворѣ жилъ благовѣрный и нищелюбивый бояринъ, именемъ Іустинъ, а

по сану—ключникъ; у него была жена, боголюбивая и нищелюбивая, именемъ Стефанида, уроженка Мурома. Много богатства и рабовъ было у нихъ. Были у нихъ сыновья и дочери и среди нихъ блаженная Юліанія. Когда Юліаніи исполнилось шесть лѣтъ, умерла ея мать, и она взята была въ муромскіе предѣлы ея бабушкой. Черезъ шесть лѣтъ, по смерти бабушки, Юліанія попала къ теткѣ, въ деревню. Съ дѣтства Юліанія „возлюбила Бога и Пречистую его Матерь", почитала тетку и сестеръ, была во всемъ имъ послушна, любила смиреніе и молчаніе, предавалась молитвѣ и посту. И тетка, и сестры много смѣялись надъ Юліаніей. Онѣ говорили ей: „О безумная! Что въ толицѣй младости плоть свою изнуряеши и красоту дѣвьственную погубиши?" И съ ранняго утра принуждали ее ѣсть и пить. Она принимала съ благодарностью то, что ей давали, но требованія ихъ—ѣсть и пить—не исполняла. Насмѣшки она переносила терпѣливо, такъ какъ была кротка, молчалива и невеличава. Она не любила ни игръ, ни смѣха. Много разъ сверстницы пробовали заставить ее участвовать въ играхъ и пѣсняхъ, но она упорно уклонялась отъ ихъ общества. Юліанія много занималась ручнымъ трудомъ: пряла, ткала, шила. Она обшивала сиротъ, вдовъ и немощныхъ деревни и заботилась о всѣхъ нуждающихся и больныхъ. До шестнадцати лѣтъ Юліанія ни разу не была въ церкви (церковь находилась въ двухъ верстахъ отъ деревни), не слышала чтенія божественнаго Писанія и не сталкивалась съ учителями душевнаго спасенія.

Шестнадцати лѣтъ Юліанія выдана была замужъ за знатнаго и богатаго боярина Георгія Осорьина. При выходѣ замужъ впервые Юліаніи пришлось услышать христіанскія наставленія отъ вѣнчавшаго ее священника. Наставленія священника глубоко запали въ душу Юліаніи.

Юліанія поселилась со своимъ мужемъ у его родителей, у которыхъ было много селъ, рабовъ и всякаго имѣнія въ изобиліи. Она старалась придерживаться всѣхъ заповѣдей Христовыхъ. Каждый вечеръ она усердно молилась Богу и мужа своего учила дѣлать то же самое. Когда ея мужъ пребывалъ на царской службѣ годъ, два, три, Юліанія всѣ ночи проводила безъ сна, въ молитвахъ Богу; днемъ она занималась рукодѣліями, работу свою продавала и деньги, тайно отъ свекра и свекрови, раздавала нищимъ.

Заботливо относилась Юліанія и къ своимъ слугамъ и рабамъ. Всѣ въ ея домѣ были одѣты и насыщены. Она не гордилась и не величалась. Никого не называла простымъ именемъ, не требовала, чтобы ей на руки воду давали, или снимали съ нея сапоги: все это она дѣлала сама себѣ. Только, когда въ домъ являлись гости, она допускала, чтобы рабыни служили ей; когда же гости уходили, она себя корила: „Кто же я сама, убогая, что служатъ мнѣ такіе же люди, созданіе Божіе?“ Нѣкоторые рабы ея отличались неразуміемъ, непокорностью, лѣностью, дерзостью. Юліанія терпѣливо все переносила и винила себя: „Сама я передъ Богомъ всегда согрѣшаю, а Богъ мнѣ терпитъ. Что же мнѣ на этихъ взыскивать? Такіе же люди, какъ и я. Хоть и въ рабство намъ Богъ поручилъ ихъ, но души ихъ больше нашихъ душъ цвѣтутъ“. За такое отношеніе къ слугамъ и рабамъ и свекръ, и свекровь, и мужъ много бранили Юліанію. Но она не смущалась и, какъ непоколебимый столбъ, непреклонно стояла.

Однажды ночью, когда она молилась, явился діаволъ со своими бѣсами, чтобы заставить ее сойти съ того пути, по которому она шла. Діаволъ навелъ на нее такой ужасъ, что она испугалась, легла на постель и крѣпко уснула. Она увидѣла во снѣ множество бѣсовъ, пришедшихъ къ ней и угрожавшихъ ей оружіемъ. Въ страхѣ возвела она очи къ Богу. Вдругъ явился св. Николай съ великой книгой въ рукахъ и началъ ею поражать бѣсовъ. Бѣсы исчезли. Св. Николай велѣлъ Юліаніи мужаться и не бояться бѣсовъ.

Въ Русской землѣ наступилъ великій голодъ. Юліанія, которая раньше только два раза въ день ѣла, стала брать себѣ у свекрови больше пищи и тайно раздавала ее бѣднымъ. Если бѣдный умиралъ, она давала деньги на погребеніе. Наступилъ моръ, и многіе изъ опасенія заразиться запирались отъ больныхъ. Юліанія, тайно отъ родныхъ, ухаживала за больными, обмывала ихъ въ банѣ, исцѣляла и молилась объ ихъ исцѣленіи.

По смерти свекра и свекрови она еще болѣе изъ имѣнія своего стала тратить на милостыню. Такъ жила она много лѣтъ „во мнози добродѣтели и чистотѣ по закону Божію и роди сыны и дщери“. Ненавидящій добро дьяволъ тщился творить ей „спону“: „часты брани воздвизалися“ „въ дѣтехъ и рабѣхъ“. Юліанія усмиряла эти „брани“, „смысленно и разумно раз-

суждая". Врагъ „наусти" (научилъ) одного изъ рабовъ, и онъ убилъ старшаго ея сына. Потомъ былъ убитъ на службѣ другой ея сынъ. Юліанія погоревала о сыновьяхъ, не столько о смерти ихъ, сколько объ ихъ душахъ, и почтила ихъ пѣніемъ, молитвою и милостынею. А потомъ стала просить мужа, чтобы онъ отпустилъ ее постричься въ монахини. Мужъ не согласился. Тогда она дома стала заводить для себя строгій образъ жизни: она много постилась и молилась; ложилась „безъ постели" — подъ голову клала себѣ полѣнья, а подъ ребра желѣзные ключи; она много молилась, ходила въ церковь къ заутренѣ и литургіи, занималась рукодѣліями, кормила и одѣвала рабовъ своихъ, задавала имъ работы и заботилась о вдовахъ, сиротахъ, и бѣдныхъ.

Когда умеръ мужъ, Юліанія еще съ большимъ усердіемъ стала совершать милостыню и угнетать свою плоть: деньги, которыя она получала отъ дѣтей на платье, она раздавала нищимъ, а сама ходила зимой безъ теплой одежды; сапоги она одѣвала на босую ногу; подъ подошвы, вмѣсто стелекъ, она клала орѣховые скорлупы и острые черепки.

Юліанія достигла старческаго возраста. Въ царствованіе Бориса Годунова наступилъ такой голодъ, что многіе ѣли даже человѣческое мясо. Стихійныя бѣдствія обрушились и на домъ Юліаніи: посѣянное жито не выросло, лошади и рогатый скотъ большею частью погибли. Она продала остатки скота, одежды, сосуды, купила хлѣба и имъ поддерживала свою челядь и удѣляла просящимъ. Наконецъ, и она дошла до нищеты. Она собрала своихъ рабовъ, указала на свое разореніе и предложила нежелающимъ переносить бѣдствія ради нея уйти на свободу. Часть рабовъ ушла, часть осталась. Она велѣла оставшимся собирать лебеду и древесную кору: изъ нихъ она готовила хлѣбъ, которымъ кормила себя, дѣтей и рабовъ. По молитвамъ Юліаніи, хлѣбъ этотъ былъ сладокъ. Въ домѣ голода не чувствовали и даже помогали бѣднымъ.

Такъ жила Юліанія до конца своей жизни. Она была погребена въ селѣ Лазаревѣ, за четыре версты отъ города.

141. Комментаріи къ повѣсти объ Юліаніи Лазаревской. Повѣсть объ Юліаніи Лазаревской замѣчательна въ двухъ отношеніяхъ.

Во-первыхъ, въ ней изображается типъ замѣчательной женщины-боярыни, въ которой соединены двѣ черты — строгій

аскетизмъ и самоотверженный альтруизмъ, направленный на бѣдныхъ, нищихъ, сиротъ, больныхъ и т. д. Зачатки альтруизма и аскетизма Юліанія, повидимому, унаслѣдовала отъ своихъ родителей, о которыхъ повѣсть сообщаетъ, что они были нищелюбивы и боголюбивы. Обстоятельства жизни Юліаніи содѣйствовали дальнѣйшему развитію этихъ зачатковъ: лишившись матери, она попала въ чужія руки — сначала къ бабушкѣ, а потомъ къ теткѣ, причемъ жизнь у тетки рѣзко противорѣчила склонностямъ Юліаніи; насмѣшки, сыпавшіяся на Юліанію, только содѣйствовали дальнѣйшему развитію этихъ склонностей, не прекращавшемуся до глубокой старости. Замѣчательно, что аскетическо-альтруистическія склонности Юліаніи развивались внѣ какихъ бы то ни было книжныхъ вліяній.

Во-вторыхъ, любопытно отношеніе автора къ Юліаніи: изображая личность ея, авторъ доказываетъ, что можно спасаться и на міру, внѣ стѣнъ монастыря.

142. Общій взглядъ на муромо-рязанское творчество. Произведенія муромо-рязанской литературы, за исключеніемъ сказаній объ Евпатіи Коловратѣ, о князѣ Константинѣ муромскомъ и объ обновленіи Мурома, замѣчательны тѣмъ, что изображаютъ цѣлую галлерею идеальныхъ женскихъ типовъ: вѣрную жену (княгиня Евпраксія), любящую сестру (Авдотья-Рязаночка), умную и любящую жену (Февронія), любящихъ другъ друга сестеръ (Марія и Мароа) и, наконецъ, удивительнѣйшій типъ древнерусской женщины, въ которомъ гармонически слиты два начала—аскетизмъ и альтруизмъ (Юліанія Лазаревская).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Смоленское творчество.

143. О смоленскомъ творчествѣ. Къ смоленскому творчеству второго періода относятся слѣдующія произведенія: 1) „Сказаніе о Меркуріи Смоленскомъ“ и 2) „Хожденіе архимандрита Агреоенія. Изъ этихъ произведеній „Сказаніе о Меркуріи Смоленскомъ“ было разсмотрѣно въ § 48.

144. Хожденіе архимандрита Агреоенія. Агреоеній (Агриппинъ), архимандритъ смоленскаго монастыря пресвятой

Богородицы, предпринялъ путешествіе въ Іерусалимъ, которое онъ описалъ. О личности Агреѳенія ничего неизвѣстно. Одно время даже имя его, которое въ рукописи „Хожденія“ имѣетъ форму „Греѳеній“, возбуждало сомнѣніе и приводило къ разнообразнымъ догадкамъ. Такъ, одинъ изслѣдователь предполагалъ, что Греѳеній стоитъ вмѣсто Григентій; другой думалъ, что „Хожденіе“ Греѳенія принадлежитъ Епифанію Премудрому, автору житія св. Сергія Радонежскаго (§§ 151—152). Хожденіе Агреѳенія совершенно было въ 70-хъ годахъ XIV в. Это можно вывести изъ слѣдующихъ соображеній. Описывая схожденіе святого огня въ день сошествія Св. Духа, Агреѳеній сообщаетъ, что богослуженіе совершалъ патріархъ съ митрополитомъ Германомъ изъ Египта, епископомъ Маркомъ изъ Дамаска, бывшимъ раньше игуменомъ въ лаврѣ св. Саввы, и съ игуменомъ Стефаномъ св. Саввы. Обратившись къ историческимъ свидѣтельствамъ, изслѣдователи нашли, что въ 1371 г. пріѣзжалъ изъ Іерусалима въ Москву митрополитъ Германъ, а въ 1376 г. сюда же пріѣзжалъ епископъ Маркъ собирать пожертвованія для Синайскаго монастыря. Далѣе, въ спискѣ антіохійскихъ патріарховъ упоминается Маркъ II, скончавшійся въ 1478 г. На этихъ основаніяхъ можно предположить, что свое путешествіе въ Іерусалимъ Агреѳеній совершилъ въ 70-хъ годахъ XIV ст.

„Хожденіе“ Агреѳенія начинается отъ „Русскія земли западные“. Авторъ отмѣчаетъ разстояніе отъ Москвы до Смоленска, который, повидимому, играетъ роль исходнаго пункта путешествія. Отсюда Агреѳеній шелъ по Западной Руси. Отъ Бѣлграда (Аккермана) онъ ѣхалъ по Черному морю до Константинополя, а отъ Константинополя опять моремъ до Палестины. Агреѳеній обозначаетъ разстоянія отъ одного пункта до другого количествомъ верстъ или числомъ дней пути и при этомъ изрѣдка останавливается на достопримѣчательностяхъ пути. Такъ, на островѣ Стихіи „ражается мастика“, въ Епретьѣ доспѣваетъ „темьянъ черный“, на Кипрѣ есть „крестъ благоразумнаго разбойника, и ту ражается много сахара“. Съ Іерусалима Агреѳеній даетъ болѣе подробное описаніе святынь, а также излагаетъ сказанія, связанныя съ ними. Въ отличіи отъ „Хожденія“ Даніила, „Хожденіе“ Агреѳенія отличается большею сжатостью, а также отсутствіемъ размышленій и изліяній личнаго чувства.

„Хожденіе“ Агреѳенія имѣетъ большое значеніе для науки, какъ источникъ, откуда почерпаются свѣдѣнія о Палестинѣ во второй половинѣ XIV в.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Московское творчество.

145. О московскомъ творчествѣ. Съ усиленіемъ Москвы начинается московское идейно-литературное творчество. Въ немъ принимали участіе по преимуществу иностранцы—сербы, болгары, греки—и лица русскаго происхожденія, которыя воспитывались и развивались въ наиболѣе просвѣщенныхъ русскихъ центрахъ, но идейно стали, вольно или невольно, служить Москвѣ.

Къ московскому творчеству относятся древнѣйшія преданія о Москвѣ, произведенія митрополитовъ — Петра, Алексѣя и Кипріана, труды Епифанія Премудраго, Кирилла Бѣлозерскаго, „Ксеносъ“ Зосимы, труды митрополита Фотія, сказанія о борьбѣ Москвы съ татарами, труды іеромонаха Симеона, „Повѣсть о взятіи Царьграда“, произведенія Пахомія Логоѳета, дополненіе къ сказанію о Вавилонскомъ царствѣ, посланія Геронтія и Вассіана, сказаніе о Дракулѣ и московскія лѣтописи.

146. Преданія о началѣ Москвы. Преданія о началѣ Москвы сохранили смутные отголоски борьбы между суздальскимъ княземъ Юріемъ Долгорукимъ и могучимъ суздальскимъ бояриномъ Степаномъ Кучкой (§ 37) и отголоски отношеній между ихъ ближайшими потомками.

Убивъ Степана Кучку и захвативъ его имѣніе, Юрій женилъ своего сына Андрея Боголюбскаго на прекрасной дочери Степана Улитѣ. Впослѣдствіи Андрей Боголюбскій казнилъ одного изъ братьевъ Улиты. Оставшіеся въ живыхъ братья, мстя Андрею за брата, напали на него ночью и убили.

Отношенія между Юріемъ и Степаномъ Кучкой, Андреемъ Боголюбскимъ, Улитой и Кучковичами въ позднѣйшихъ сказаніяхъ изложены подробнѣе, причемъ имя Андрея Боголюбскаго уже забыто и замѣнено именемъ Данилы Ивановича или Александровича, а имена другихъ дѣйствующихъ лицъ перепутаны.

„Почему было бы на Москвѣ царству быти,—говорится въ началѣ одного изъ этихъ сказаній,—и кто зналъ, что Москвѣ

царствомъ слыти? Были на семъ мѣстѣ по Москвѣ-рѣкѣ села красныя хорошаго боярина Кучки Степана Ивановича. Боярина же того были два сына, вельми красны". Узналъ про нихъ князь Даніилъ Александровичъ Невскій и началъ просить у боярина Кучки двухъ сыновей его къ себѣ во дворъ, угрожая, въ случаѣ отказа, войной. Испугавшись, Кучка отдалъ Даніилу двухъ сыновей: одинъ изъ нихъ былъ пожалованъ въ стольники, другой — въ чашники. Супругу Даніила, княгиню Улиту Юрьевну, „уязви врагъ": она влюбилась въ Кучковичей и вмѣстѣ съ ними составила заговоръ на жизнь князя. Однажды Кучковичи попросили князя отправиться въ поле на охоту, „утѣшенія ради смотрѣти звѣрскаго уловленія зайцевъ". Князь согласился. Во время охоты Кучковичи напали на князя и ранили его. Князь ускакалъ на конѣ въ лѣсъ. Бросивъ въ лѣсу коня, онъ пѣшкомъ добрался до рѣки Оки и вызвалъ къ себѣ перевозчика. Не узнавъ князя, перевозчикъ сталъ требовать впередъ плату за перевозъ. Князь предлагаетъ ему свой перстень. Коварный перевозчикъ взялъ перстень и, оставивъ князя на берегу, отплылъ обратно. Князь спрятался въ небольшой срубъ, гдѣ былъ кто-то погребенъ.

Кучковичи, ранившіе князя, тщетно искали его: они знали, что, если князь спасется, Даніилъ пойдетъ къ своему брату Андрею Александровичу, и тогда не миновать имъ казни. На помощь Кучковичамъ пришла княгиня Улита, которая открыла имъ всѣ тайны мужа. Она сообщила имъ, что у мужа есть песъ-выжлецъ: князь говорилъ ей, что, если онъ будетъ когда-либо убитъ въ войнѣ съ татарами и нельзя будетъ найти его трупъ, пусть она пошлетъ дворянъ съ этимъ псомъ, и песъ „неложно взыщетъ его" и будетъ радостно лизать его тѣло. Кучковичи взяли пса и пустили его по слѣдамъ князя. Песъ бросился впередъ и скоро нашелъ своего господина. Кучковичи убили князя и похоронили въ томъ срубѣ, гдѣ нашли его.

У князя Даніила былъ юный сынъ Иванъ. Вѣрный слуга Давидъ взялъ Ивана, убѣжалъ съ нимъ во Владиміръ и разсказалъ о происшедшемъ князю Андрею Александровичу. Андрей собралъ ратъ и пошелъ на Суздаль. На Кучковичей напалъ страхъ, и они убѣжали. Суздальцы не оказали никакого сопротивленія и выдали Андрею княгиню Улиту, которая была казнена. Послѣ этого Андрей отправился на Степана Кучку. Въ то время около красныхъ селъ Кучки не было ка-

менной ограды и деревяннаго острога. Князь безъ труда взялъ села и слободы красныя, захватилъ Кучку и его сыновей и предалъ ихъ казни. Селъ и слободъ Андрей не предалъ огню. Онъ остался въ нихъ на ночь, а утромъ осмотрѣлъ ихъ. Господь вложилъ князю мысль поставить здѣсь городъ, который онъ назвалъ Москвой, и построить церковь во имя Благовѣщенія.

Такъ, по преданіямъ, стала Москва на крови.

147. Митрополитъ Петръ. Митрополитъ Петръ (1308—1326, §§ 34, 119, 122), какъ свидѣтельствуетъ лѣтопись, часто совершалъ поѣздки въ разные города и поучалъ духовенство и паству. До нашего времени дошло нѣсколько поученій, въ которыхъ Петръ даетъ свои наставленія.

Въ „*Поученіи игуменомъ, попомъ и діакономъ*“ Петръ наставляетъ духовенство. Онъ убѣждаетъ своихъ слушателей ревностно исполнять обязанности, связанныя съ духовнымъ саномъ, къ которому они призваны Богомъ. „Вы, дѣти,—говоритъ Петръ, — нарекостеся стражи церковніи и пастуси словесныхъ овецъ, за няже Христосъ спасеную кровь свою пролья. Будите же, дѣти, истиньніи пастуси, а не яко наимници, млеко снѣдающе, и влну объемлюще, а о овцахъ не пекущеся. И не входяще дверми во дворъ овчій таковіи не суть пастуси, но татіе суть и разбойници“. Напомнивъ духовенству слова Спасителя, сказанныя апостоломъ: „Вы есте свѣтъ міру... Да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣкы“,— митрополитъ Петръ рекомендуетъ ему прежде всего просвѣщаться кротостью, смиреніемъ и воздержаніемъ „отъ всѣхъ неподобныхъ дѣлъ, ими же міръ соблажняется“, оградиться страхомъ Божіимъ, отрѣшиться отъ всякой „душегубной отрасли“: гнѣва, ярости, зависти, ненависти, пьянства, „еже есть корень всякому злу“, кощунственныхъ бесѣдъ. Затѣмъ Петръ велитъ духовнымъ лицамъ пребывать „въ почитаніи книжномъ и въ поученіи день и нощь“. Если они послушаютъ его и сами исправятся передъ Богомъ, то имъ не трудно будетъ научить и своихъ духовныхъ дѣтей и „избыти вѣчныя муки“.

Въ составленномъ передъ наступленіемъ Великаго поста „*Поученіи къ епископомъ, и попомъ, и архимандритомъ, и игуменомъ, и дьякономъ и ко всѣмъ православнымъ крестьяномъ*“, излагается рядъ правилъ христіанской нравственности, любопытныхъ указаніями на русскій бытъ начала XIV в. Петръ вос-

прещаетъ и свѣтскимъ лицамъ, и духовнымъ пьянство и „лишніе пиры“, особенно, когда бываетъ „говѣйно“ (постъ) „А который священникъ учнетъ пити до обѣда, ино быти ему безъ ризъ“. Духовныя лица должны учить мірянъ ходить въ церковь, „плакатися о своихъ грѣсѣхъ къ Богу, а постъ честно держащи, ни козлогласованіемъ (безчинными кликами на пирахъ), ни объяденіемъ, ни пьянствомъ, но святыя дары имати съ году на годъ“. Тѣхъ, которые не емлютъ святыхъ даровъ, попы не должны благословлять; если на пиру окажется или въ братщину явится „недароимецъ“, „и вы, попове, шлите ихъ вонъ, а съ ними ни пейте, ни яжьте, ни хлѣбца имъ Богородицына не давайте“, потому что „недароимецъ“ — не христіанинъ: лучше бы такому не родиться. „Горе недароимцу! На что ся надѣетъ? Творится человѣкъ Божій, и тѣла Христова не примаетъ. Но вы, попове, не благословляйте ихъ, а въ церковь ихъ не пущайте: то ходятъ пси“. Мужчинѣ, женившемуся въ третій разъ, и женщинѣ, вышедшей замужъ въ третій разъ,— не давать причастія. Надо отучать мірянъ отъ сквернословія, „неподобно что лаютъ отцемъ или матери“; если кто не будетъ слушаться этого, отлучать его отъ церкви и лишать святого причащенія. „И паки учите ихъ, чтобы басней не баяли (кн. 1-ая, § 45), ни лихихъ бабъ (знахарокъ) не примали, ни узовъ (чародѣйственныхъ навязей для предохраненія отъ болѣзни или несчастія), ни примолвленія (заклинанія), ни зелье, ни вороженье, занеже Божье того дѣля (ради) приходитъ разгнѣваніе“. Крещеніе надо творить по преданію святыхъ апостолъ: „не обливайте водою, но погружайте въ воду трижды...“ Запрещается игуменамъ, попамъ и чернецамъ заниматься торговлей или давать серебро „въ рѣзы“ (на проценты). Запрещается вѣнчать дѣвицъ моложе 13 лѣтъ. Не должны жить чернецы съ черницами въ одномъ монастырѣ: „Смотрите того, гдѣ чернцы, тутъ бы и игуменъ; гдѣ черницы, туто бы попы бѣльцы съ попадьями, а вдовца бы попа тутъ не было“. Человѣку, позвавшемуся на поле (собирающемуся идти на поединокъ), отказать въ причастіи, если онъ обратится за этимъ къ попу; если поединщикъ получитъ причастіе и будетъ убитъ, попъ, давшій ему причастія, долженъ быть лишенъ поповства. „А кто, лѣзши на поли, убьетъ, ино душегубецъ именуется“; такого не слѣдуетъ пускать въ церковь 20 лѣтъ.

Въ „*Поученіи духовенству и міряномъ*“ Петръ упрекаетъ

духовенство въ томъ, что оно ради „взятія“ (подношеній) не налагаетъ эпитимій на согрѣшающихъ: троеженцевъ, четвероженцевъ и имѣющихъ „невѣнчальныхъ“ женъ. Священникамъ, оставшимися вдовцами, Петръ повторяетъ то, что онъ писалъ имъ „многажды“: уйти въ монастырь, или снять съ себя санъ священника. „Вы же, акы аспиди замыкающе уши свои, тако не слышите, но мыслите въ тѣхъ грѣсѣхъ умрети“. Петръ убѣждаетъ священниковъ-вдовцовъ послушаться его, взять на себя крестъ Христовъ и этимъ пріобрѣсти животъ вѣчный. Мірянамъ Петръ рекомендуетъ, когда они приходятъ въ церковь, приносить Богу отъ своихъ имѣній дары „на оцищеніе грѣховъ своихъ“; священниковъ они должны любить, монаховъ любить и почитать, убогихъ миловать — вдовицъ и сиротъ, плѣненныхъ и въ темницѣ находящихся.

148. Митрополитъ Алексѣй. Митрополитъ Алексѣй (1354 — 1378), по своему происхожденію знатный русскій бояринъ, оставилъ послѣ себя списокъ Евангелія и нѣсколько поученій.

Евангеліе митрополита Алексѣя представляетъ переводъ греческой редакціи Евангелія, принятой въ Константинополѣ въ срединѣ XIV в. Текстъ перевода, отличающійся буквальной близостью къ подлиннику, изобилуетъ особенностями, отличающими его отъ текста древнихъ церковно-славянскихъ переводовъ. Позднѣе, въ эпоху Алексѣя Михайловича, при исправленіи Библіи Епифаніемъ Славинецкимъ, Евангеліе митрополита Алексѣя послужило авторитетнымъ источникомъ.

Въ *„Поученіи отъ апостольскихъ дѣяній къ христолюбивымъ христіанамъ“* излагаются въ началѣ притчи о сѣмени и сѣятелѣ и о виноградникѣ, а затѣмъ дается рядъ наставленій. Митрополитъ Алексѣй увѣщеваетъ „христолюбивыхъ христіанъ“ любить другъ друга, имѣть страхъ Божій, соблюдать заповѣди Божіи, ежедневно каяться въ своихъ грѣхахъ, творить милостыню, уклоняться отъ такихъ неподобныхъ дѣлъ, какъ пьянство, грабежъ, насиліе, чародѣйство, несытость богатства и всякаго злого имѣнія, помнить постоянно о смерти и воздаяніи каждому по дѣламъ его. Отъ князей, бояръ и вельможъ митрополитъ требуетъ, чтобы они судили справедливо и милостиво и мзды съ невинныхъ не брали. „Людскую чадь“ митрополитъ убѣждаетъ бояться Бога, чтить князя и священниковъ, ходить на исповѣдь, не полагаться на домашнюю молитву и усердно по-

сѣщать церковь: какъ дымъ безъ огня не можетъ согрѣть „храмину“, такъ и домашняя молитва безъ церковной не можетъ имѣть успѣхъ. Надо часто причащаться: причащеніе тѣлу и крови Христовой есть знаменіе“ овцамъ стада Божія, а „овца знаменая неудобь украдома есть“.

Въ „*Посланіи игуменамъ, священникамъ, діаконамъ и всѣмъ христіанамъ нижегородскимъ и городецкимъ*“ митрополитъ разъясняетъ духовенству обязанность его учить паству — страху Божію, исповѣданію грѣховъ, милостынѣ; сильные не должны обижать меньшихъ; всѣ должны жить другъ съ другомъ въ мирѣ, любви и правдѣ; необходимо отсѣкать отъ себя „корень злобы, мятежъ всякому беззаконію“ — пьянство. Міряне должны почитать своихъ духовныхъ отцовъ, покоряться имъ и слушаться ихъ.

Въ „*Грамотѣ на Червленый Яръ*“ митрополитъ извѣщаетъ жителей этой окраины, что они должны признавать своимъ законнымъ епископомъ епископа рязанскаго, а не сарайскаго. Въ „Грамотѣ“ попутно дается жителямъ рядъ наставленій: имѣть миръ другъ съ другомъ, соблюдать правду, совершать милостыню, исповѣдываться въ грѣхахъ, избѣгать темныхъ дѣлъ — злобы, вражды, ярости, гнѣва, зависти, обиды, убійства, пьянства и т. д., помнить о смерти, страшномъ судѣ и воздаяніи каждому, ходить въ церковь съ женами и дѣтьми и приносить „къ церквамъ и къ святымъ“ то, что они „имѣютъ въ рукахъ“, любить священниковъ и монаховъ и просить ихъ молитвъ, миловать и призирать вдовицъ, сиротъ, полонянниковъ и странныхъ, посѣщать находящихся въ темницѣ.

Митрополитъ Кипріанъ.

(1390—1406).

149. Митрополитъ Кипріанъ. Митрополитъ Кипріанъ былъ болгаринъ. Онъ происходилъ изъ аристократическаго рода Цамблаковъ. Одна линія этого дома жила въ Константинополѣ и состояла на службѣ у византійскаго императора. Благодаря связямъ съ константинопольскими Цамблаками, Кипріанъ попалъ въ клиръ константинопольскаго патріарха. Съ этого времени Кипріанъ пользуется всякимъ случаемъ для того, чтобы составить себѣ карьеру.

Великій князь литовскій Ольгердъ (1345—1377), не ла-

дившій съ московскимъ митрополитомъ Алексѣемъ (§ 148), обратился около 1372 г. къ константинопольскому патріарху съ просьбой назначить для Литвы особаго митрополита. Патріархъ послалъ для разсмотрѣнія отношеній между Ольгердомъ и Алексѣемъ своего чиновника, „апокрисіарія". Этимъ чиновникомъ былъ Кипріанъ.

Кипріанъ, исполнивъ порученіе патріарха, рѣшилъ воспользоваться дѣломъ Ольгерда и Алексѣя для своего возвышенія. Алексѣю онъ обѣщалъ дѣйствовать въ Константинополѣ въ его пользу, а Ольгерда онъ побуждалъ настаивать на своемъ требованіи.

Ольгердъ отправилъ патріарху съ Кипріаномъ грамоту (составленную Кипріаномъ), въ которой онъ требовалъ поставленія ему въ отдѣльные митрополиты Кипріана, угрожая въ противномъ случаѣ взять митрополита отъ латинской церкви. На Алексѣя Кипріанъ возвелъ передъ патріархомъ цѣлый рядъ обвиненій.

Патріархъ, поставленный въ затруднительное положеніе между Ольгердомъ и Алексѣемъ, нашелъ слѣдующій исходъ: онъ назначилъ въ литовскіе митрополиты Кипріана (1375), съ тѣмъ, чтобы Кипріанъ сталъ и митрополитомъ московскимъ, если обвиненія противъ Алексѣя будутъ доказаны.

Вернувшись изъ Константинополя, Кипріанъ немедленно предъявилъ права на московскую митрополію. Московскій князь Дмитрій Донской отвергъ его домогательства

Послѣ смерти митрополита Алексѣя московскій князь не принялъ Кипріана. Въ исторіи московской митрополіи наступила смутная эпоха: князь настойчиво добивался со стороны патріарха утвержденія своего кандидата, а патріархъ ставилъ ему другихъ. Кипріанъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы одолѣть своихъ соперниковъ. Въ 1380 г., за нѣсколько мѣсяцевъ до Куликовской битвы, Дмитрій Донской согласился признать Кипріана митрополитомъ. Въ 1382 г. произошло нашествіе на Москву Тохтамыша. Князь ушелъ изъ Москвы собирать войска. Въ Москвѣ остался Кипріанъ. Когда Тохтамышъ подступилъ къ Москвѣ, Кипріанъ покинулъ Москву и убѣжалъ въ Тверь. Князь разсердился на Кипріана и прогналъ его совсѣмъ. Въ 1390 г. преемникъ Дмитрія Донского, Василій I (1389—1425), снова пригласилъ Кипріана московскимъ митрополитомъ (1390—1406).

150. Дѣятельность и труды Кипріана. При митрополитѣ Кипріанѣ происходитъ любопытное столкновеніе между патріархомъ и московскимъ княземъ. Князь Василій I, какъ жалуется патріархъ Антоній, пересталъ оказывать патріарху и его людямъ ту честь, которую воздавали его предки, и кромѣ того отмѣнилъ церковное поминаніе именъ византійскихъ императоровъ. Патріархъ послалъ Василію I грамоту съ протестомъ (1393).

Жалуясь князю на неуважительное отношеніе къ нему, Антоній напоминаетъ, что патріархъ—намѣстникъ самого Христа и потому неуваженіе къ патріарху означаетъ униженіе самого Христа. Антоній догадывается, что причина появившагося неуваженія заключается въ ослабленіи Византіи подъ ударами магометанъ, и говоритъ князю: „Если мы, за общіе грѣхи, потеряли города и земли, то отсюда не слѣдуетъ, что мы должны терпѣть презрѣніе отъ христіанъ; пусть мы уничтожены въ мірской власти, но христіанство проповѣдуется повсюду, и мы имѣемъ ту же честь, какую имѣли апостолы и ихъ преемники“.

Доказавъ свое право на прежнее уваженіе, патріархъ переходитъ ко второму предмету жалобы. „Съ огорченіемъ слышу еще, что твоимъ благородіемъ сказаны нѣкоторыя слова и о высочайшемъ и святомъ самодержцѣ-царѣ. Говорятъ, ты не позволяешь митрополиту поминать божественное имя царя въ диптихахъ, т.-е. хочешь дѣла, совершенно невозможнаго, и говоришь: мы имѣемъ церковь, а царя не имѣемъ и знать не хотимъ!.. Невозможно христіанамъ имѣть церковь, а царя не имѣть. Царство и церковь имѣютъ между собою тѣсное единеніе и общеніе, и невозможно отдѣлять одно отъ другого. Христіане отвергаютъ только царей-еретиковъ, которые неистовствовали противъ церкви и вводили извращенные догматы, чуждые ученію апостольскому и отеческому. Но державнѣйшій и святой мой самодержецъ, по благодати Божіей, есть православнѣйшій, вѣрнѣйшій поборникъ церкви, защитникъ и блюститель, и невозможно, чтобы нашелся такой архіерей, который бы не поминалъ его. Послушай верховнаго апостола Петра, который въ первомъ своемъ соборномъ посланіи говоритъ: Бога бойтесь, царя чтите. Не сказалъ „царей“, дабы кто не подумалъ объ именующихся царями у разныхъ народовъ, но — „царя“, показывая тѣмъ, что одинъ есть царь во вселенной.

Если же нѣкоторые изъ христіанъ усвоили самимъ себѣ имя царя, то это неестественно, незаконно и допущено болѣе по произволу и насилію".

Столкновеніе между московскимъ княземъ и константинопольскимъ патріархомъ замѣчательно во многихъ отношеніяхъ.

Во-первыхъ, московскій князь, сынъ Дмитрія Донского, нанесшаго первое пораженіе татарамъ-магометанамъ на Куликовомъ полѣ, дѣлаетъ первую попытку проявленія своей силы въ отношеніи къ авторитету быстро слабѣвшей Византіи.

Во-вторыхъ, вѣроятно, свое рѣшеніе князь принялъ по внушенію Кипріана. Кипріанъ, знавшій хорошо исторію южнославянскихъ „царствъ" до ихъ паденія, наблюдавшій быстрый ростъ московскаго могущества, догадывался, что Москвѣ предстоитъ превращеніе изъ княжества въ царство. Въ своемъ „Житіи св. Петра" онъ влагаетъ въ уста митрополита Петра (§ 147) такое пророчество о Москвѣ: „Градъ сей славенъ будетъ во всѣхъ градѣхъ русскихъ, и святители поживутъ въ немъ, и взыдутъ руцѣ его на плеща врагъ его". Желая заслужить расположеніе московскаго князя, Кипріанъ, вѣроятно, разсказывалъ ему объ отношеніяхъ между болгарскими и сербскими царями къ византійскому и наводилъ его на мысль о полной независимости отъ византійскаго авторитета.

Въ-третьихъ, византійская теорія нераздѣльности церкви и царства пріобрѣтаетъ у насъ во второй половинѣ XV в. большое идейное значеніе (§ 165).

Кипріанъ извѣстенъ у насъ, какъ митрополитъ, учившій въ своей слѣдованной Псалтири сугубить аллилуію (§ 102). Въ другомъ трудѣ своемъ, въ молитвенникѣ, Кипріанъ даетъ списокъ ложныхъ, апокрифическихъ, книгъ, составленный въ Болгаріи; Кипріанъ дополнилъ этотъ списокъ книгами гадательными. Кипріанъ извѣстенъ, наконецъ, какъ писатель, первый внесшій къ намъ болгаро-сербскій литературный стиль. Ему принадлежатъ нѣсколько посланій и „Житіе св. Петра".

Въ посланіяхъ Кипріанъ, между прочимъ, отмѣчаетъ современное ему оскудѣніе нравственнаго духа. Это явленіе онъ объясняетъ усиленіемъ дѣятельности бѣса передъ концомъ міра (въ 1492 г.). Кромѣ того, Кипріанъ вооружается противъ монастырскаго землевладѣнія: „А еже села и люди держати инокомъ не предано есть святыми отци. Како мощно иже единою (разъ) мірьскимъ отрекшемуся пакы мірскими дѣлы и,

яже разори, пакы съзидоватися, по Апостолу и преступника собѣ составляти? И древніе Отци ниже селъ стежаша, ниже богатства и стяжаніа, якоже святый Пахомій и святый Феодосій общежитель...“

„Житіе св. Петра“ (§§ 34, 122, 147), составленное Кипріаномъ (между 1397—1404 гг.), представляетъ переработку житія, написаннаго ростовскимъ епископомъ Прохоромъ († 1327) и представляющаго сухой, сжатый разсказъ. Переработка Кипріана замѣчательна въ трехъ отношеніяхъ.

Во-первыхъ, Кипріанъ внесъ въ житіе Петра рядъ новыхъ фактовъ, которые были неизвѣстны Прохору. Такъ, напр., Кипріанъ сообщаетъ свѣдѣнія о происхожденіи Петра изъ Волыни, о состояніи Волыни при Петрѣ и при немъ, Кипріанѣ, о цѣляхъ, которыя преслѣдовалъ волынскій князь, отправляя Петра въ Царьградъ, разсказываетъ о нежеланіи нѣкоторыхъ принять Петра митрополитомъ, передаетъ подробности о засѣданіи переяславльскаго собора, и о партіи иноковъ, священниковъ, князей и бояръ, дѣйствовавшихъ противъ Петра, и приводитъ предсказаніе Петра о Москвѣ.

Во-вторыхъ, между положеніемъ Петра и положеніемъ Кипріана было внѣшнее сходство: Петра не хотѣлъ признавать великій тверской князь Михаилъ—Кипріана не хотѣлъ признавать великій московскій князь Дмитрій; у Михаила былъ свой кандидатъ—Геронтій,—у Дмитрія тоже былъ свой кандидатъ — Митяй, который былъ посланъ въ Константинополь (§ 122). Пользуясь этимъ сходствомъ, Кипріанъ въ формѣ біографіи Петра искусно защищаетъ себя и свои дѣйствія въ прошломъ: онъ вооружается противъ мірского избранія кандидатовъ въ митрополиты и называетъ такое избраніе посягательствомъ на права патріарха; онъ рѣзко отзывается о кандидатѣ Михаила Геронтіи; онъ излагаетъ не всѣ факты изъ жизни и дѣятельности Петра, а только такіе, которые наилучшимъ образомъ могли содѣйствовать основной цѣли Кипріана.

Въ-третьихъ, „Житіе св. Петра“ представляетъ у насъ первый образчикъ житія въ новомъ болгаро-сербскомъ стилѣ (§ 39), отличительная черта котораго состоитъ въ томъ, что панегирикъ (похвала) беретъ окончательный перевѣсъ надъ фактическимъ матеріаломъ (кн. 1-ая, § 277).

Епифаній Премудрый.

(† около 1419 г.).

151. Епифаній Премудрый. Епифаній Премудрый, какъ предполагаютъ, былъ родомъ изъ Ростова. Онъ жилъ во второй половинѣ XIV в. и въ началѣ XV в. и умеръ около 1419 г. О жизни Епифанія почти ничего неизвѣстно. Одно время, въ очень юные годы свои, онъ жилъ въ одномъ изъ ростовскихъ монастырей, гдѣ въ то время подвизался знаменитый Стефанъ Пермскій (§ 101). Изъ этого монастыря Епифаній еще въ юности перешелъ въ монастырь Сергія Радонежскаго, московскаго святого.

Епифаній былъ хорошо образованъ. Изъ его сочиненій видно, что онъ хорошо зналъ византійско-болгарскую литературу и современную ему русскую литературу и даже усвоилъ болгаро-сербскій литературный стиль. Послѣднее обстоятельство заставляетъ нѣкоторыхъ изслѣдователей предполагать, что Епифаній былъ на Аѳонѣ и въ Константинополѣ. За свою начитанность Епифаній получилъ названіе Премудраго.

152. Труды Епифанія Премудраго. Епифанію Премудрому принадлежатъ два труда: 1) „Житіе св. Стефана Пермскаго“ и 2) „Житіе пр. Сергія Радонежскаго“.

1) „Житіе св. Стефана Пермскаго“. Въ „Житіи св. Стефана Пермскаго“ (ок. 1397) Епифаній изображаетъ жизнь и дѣятельность знаменитаго просвѣтителя зырянъ Стефана Пермскаго († 1396).

Стефанъ, родомъ изъ Устюга (при сліяніи двухъ рѣкъ — Сухоны и Юга, образующихъ Сѣверную Двину), былъ сыномъ „нарочитаго“ причетника мѣстнаго собора. Обладая хорошими способностями, Стефанъ быстро выучился грамотѣ и прочиталъ всѣ тѣ книги, которыя можно было найти въ Устюгѣ. Для дальнѣйшаго своего образованія Стефанъ отправился въ Ростовъ, гдѣ постригся въ монахи въ одномъ изъ его монастырей. Здѣсь онъ предался усердному чтенію книгъ монастырской и вообще мѣстныхъ библіотекъ. По заявленію Епифанія, Стефанъ читалъ осмысленно, стараясь уразумѣть „о коемждо стисѣ словеса“. Свои умственные и религіозно-нравственные запросы Стефанъ удовлетворялъ не только чтеніемъ книгъ. Встрѣтившись съ мудрымъ и „книжнымъ“ мужемъ, или съ „разумничнымъ“ и „духовнымъ“ старцемъ, Стефанъ становился ему

„совопросникомъ и собесѣдникомъ“; онъ съ нимъ „соводворяшеся и обнощевашеся, и утреневаше, распытая ищемыхъ скоропытнѣ“ (тщательно). Не удовольствовавшись чтеніемъ книгъ на древнемъ церковнославянскомъ или русскомъ языкѣ, Стефанъ выучился греческому языку, чтобы читать и на этомъ языкѣ. Въ то же время Стефанъ совершенствовался и въ пермскомъ (зырянскомъ) языкѣ, знаніе котораго онъ пріобрѣлъ, вѣроятно, еще въ дѣтствѣ: поселенія финскихъ племенъ Пермской области доходили до Устюга. Въ зырянскомъ языкѣ Стефанъ совершенствовался по особымъ мотивамъ: у него зрѣлъ „помыслъ, еже ити въ Пермьскую землю и учити я“. „Слышалъ бяше преподобный сии о Пермской земли, яко идолослужители въ ней суть, яко дѣйство діавольское царюеть въ ней. Бяху бо въ Перми человѣци всегда жруще (приносящіе жертвы) глухимъ кумирамъ и бѣсамъ моляхуся, влъшвеніемъ (волшебствомъ) обдержими суще, вѣрующе въ бѣсованіе и въ чарованіе, и въ кудесы“. Стефанъ „и грамоту нову пермьскую сложи и азбуки незнаемы счини... и книги русскія на пермьскій языкъ преведе и преложи, и преписа“. Чтобы не дать пермякамъ погибнуть въ идольской прелести, Богъ, „въ послѣдняа дни, во скончанье лѣтъ, во остаточнаа времена, на исходѣ числа седмыя тысяща лѣтъ“ воздвигъ своего угодника Стефана па проповѣдь въ Пермской землѣ. Взявъ благословеніе у коломенскаго епископа Герасима, исполнявшаго въ то время обязанность московскаго митрополита, Стефанъ отправился на проповѣдь.

Главнымъ центромъ Пермской земли было поселеніе Усть-Вымь. Сюда прежде всего направился и Стефанъ. Первоначально проповѣдь христіанства имѣла мало успѣха, и самому проповѣднику пришлось испытать со стороны язычниковъ „озлобленіе, роптаніе, хухнаніе (ропотъ), хуленіе, укореніе, уничиженіе, досажденіе, поношеніе и пакость, овогда (иногда) же прещеніе“ (угрозы): окруживъ Стефана, толпа язычниковъ, вооруженная „ослопами“ (палками) и великими „уразами“ (дубинами), угрожала ему смертью; или толпа наваливала вокругъ Стефана сухія бревна, подкладывала солому и приносила огонь, чтобы „творити запаленіе рабу Божію“. Но Богъ сохранялъ Стефана, и язычники не доводили до конца своихъ угрозъ. Пользуясь стеченіемъ язычниковъ, Стефанъ толковалъ имъ христіанское ученіе и убѣждалъ ихъ креститься. Когда соста-

вилась небольшая паства изъ новообращенныхъ, Стефанъ построилъ во имя Благовѣщенія церковь, „высоку и хорошу“, „красну и добру“.

Видя малоуспѣшность своей проповѣди, Стефанъ рѣшился на смѣлый шагъ. Однажды, помолившись Богу, Стефанъ пошелъ къ наиболѣе почитаемой кумирницѣ пермяковъ и, сокрушивъ въ ней идоловъ и разоривъ требища, предалъ ее огню. Узнавъ о происшедшемъ, язычники стеклись огромными толпами, „съ многою яростію и великымъ гнѣвомъ и воплемъ, яко звѣріе дивіи, устремишася нань, единаче съ дреколіемъ, друзіи же отъ нихъ мнози похващаху топоры объ одну страну остры въ рукахъ ихъ, объступиша же его отвсюду, и напрасно остріемъ топоровъ своихъ хотяху ссѣщи его, кличюще вкупѣ и нелѣпая глаголюще и бесчинныя гласы испускающе нань“. Стефанъ, помолившись Богу, остался цѣлъ, и никто не „возложилъ“ на него руки. Съ этихъ поръ проповѣдь христіанства пошла успѣшнѣе: язычники, ожидавшіе, что оскорбленные боги поразятъ Стефана, и увидѣвшіе, что Стефанъ остался цѣлъ, поколебались въ своей вѣрѣ и стали внимательно слушать Стефана. Многіе изъ нихъ стали креститься. Нѣкоторыхъ изъ нихъ Стефанъ училъ пермской грамотѣ и чтенію богослужебныхъ книгъ на пермскомъ языкѣ. Успѣшно усвоившихъ грамоту Стефанъ выбиралъ кандидатами въ чтецы, псаломщики, дьяконы и попы *).

Между тѣмъ языческая часть пермскаго народа рѣшила дать Стефану серьезный отпоръ и выдвинула противъ него

*) Ободренный такимъ успѣхомъ, Стефанъ смѣло уничтожалъ въ Пермской землѣ кумирницы и священные для пермяковъ предметы. Сохранилось мѣстное преданіе объ одномъ изъ такихъ его подвиговъ. Стефанъ поселился около одной кумирницы. Недалеко отъ нея стояла огромная „прокудливая“ (волшебная, творящая бѣды) береза, которая почиталась пермяками, какъ божество. Березу украшали шкурами звѣрей, передъ ней совершали обряды. Пермяки собрались большою толпой, чтобы прогнать Стефана отъ кумирницы. Стефанъ не испугался и въ свою очередь рѣшилъ срубить березу. Подъ ударами топора Стефана въ воздухѣ стали слышаться жалобные стоны: „Стефане, Стефане! Зачѣмъ насъ гонишь? Здѣсь — наше древнее жилище!“ Изъ березы струились потоки крови. На третій день береза была срублена и съ воплемъ свалилась въ рѣку: земля потряслась, и рѣка взволновалась. Стефанъ сжегъ березу и кумирницу; прахъ ихъ былъ развѣянъ вихремъ и смытъ проливнымъ дождемъ. На мѣстѣ, гдѣ были кумирница и береза, Стефанъ построилъ церковь во имя архангела Михаила; пень срубленной березы послужилъ основаніемъ для престола церкви.

нѣкоего „лукаваго“ волхва Пама, который былъ у пермяковъ сотникомъ. Намъ сталъ развращать новообращенныхъ старымъ суетнымъ ученіемъ; тамъ, гдѣ слова и убѣжденія не дѣйствовали, онъ прибѣгалъ къ посуламъ. Въ Памѣ Стефанъ нашелъ „лютаго сопротивника“, „великаго злоратоборца“, неукротимаго супостата“. Много спорили между собою о религіи Стефанъ и Памъ, и ни одинъ не уступалъ другому. Развращая новокрещенныхъ, Памъ, между прочимъ, говорилъ имъ: „Братіа, мужи прьмстіи, отеческихъ боговъ не оставливайте, а жрѣтвъ и требъ ихъ не забывайте, а старые пошлины (исконные обычаи) не покидывайте, давныя вѣры не пометывайте. Еже твориша отци наши, тако творите. Мене слушайте, а не слушайте Стефана, иже новопришедшаго отъ Москвы. Отъ Москвы можетъ ли что добро быти намъ? Не оттуду ли намъ тяжести быша и дани тяжкія и насилства, и тивуні, и довотщици (судебно-полицейскіе чиновники), и приставніци (тоже)? Сего ради не слушайте его, но паче мене послушайте, добра вамъ хотящаго: азъ бо есмь родъ вашь и единоя земля съ вами, и единъ родъ и единоплемененъ, и едино колѣно, и единъ языкъ“.

Наконецъ, Памъ предложилъ Стефану испытать силу вѣры огнемъ и водою. Стефанъ согласился. Въ присутствіи массы населенія развели костеръ. Стефанъ помолился Богу и, взявъ за руку Пама, повлекъ его къ костру, чтобы вмѣстѣ войти въ огонь. Но Памъ испугался „шума огненнаго“ и отступилъ. Тогда прибѣгли ко второму испытанію. Въ рѣкѣ вырубили двѣ проруби: одну выше, другую ниже. Стефанъ и Памъ уговорились опуститься, взявши другъ друга за руки, въ одну прорубь и выйти наверхъ черезъ другую. Памъ опять испугался испытанія и отступилъ. Пораженіе Пама нанесло послѣдній ударъ языческой части пермскаго народа: по приговору всего народа Памъ присужденъ былъ къ смертной казни; но по ходатайству Стефана онъ былъ приговоренъ только къ изгнанію.

Съ умноженіемъ послѣдователей христіанскаго ученія явилась потребность въ мѣстномъ епископѣ, „понеже до митрополита и до Москвы далече сущи, елико далече отстоитъ Царьградъ отъ Москвы, тако удалѣна есть отъ Москвы дальняя Пермь“. Стефанъ поѣхалъ въ Москву, чтобы выхлопотать у митрополита и князя епископа для Пермской земли. Митрополитъ и князь нашли, что наилучшимъ епископомъ для Перм-

ской земли можетъ быть самъ Стефанъ. Рукоположенный въ епископы, Стефанъ вернулся обратно и дѣятельно продолжалъ трудиться для просвѣщенія пермяковъ.

Въ одну изъ поѣздокъ своихъ въ Москву Стефанъ разболѣлся и скончался.

„Житіе св. Стефана Пермскаго“ замѣчательно, какъ русскій образецъ произведенія въ новомъ болгаро-сербскомъ стилѣ. Это большое произведеніе бѣдно фактами изъ жизни Стефана, но зато изобилуетъ эпитетами, фигурами и тропами, повтореніями, тавтологіями, отступленіями, размышленіями, поученіями, молитвами и вообще всѣмъ тѣмъ, что самъ Епифаній мѣтко называетъ „плетеніемъ словесъ“.

Такъ, характеризуя Стефана, Епифаній въ одномъ мѣстѣ житія употребляетъ 20 эпитетовъ, а въ другомъ—25. „Что тя нареку?“ задается вопросомъ Епифаній и отвѣчаетъ: „Вожа заблужьшимъ, обрѣтателя погыбшимъ, наставніка прелщенымъ, руководителя умомъ ослѣпленымъ, чистителя оскверненымъ, взискателя расточенымъ, стража ратнымъ, утѣшителя печалнымъ, кормителя алчущимъ, подателя требующимъ, наказателя несмысленымъ, помощника обидимымъ, молитвеника тепла, ходатая вѣрна, поганымъ спасителя, бѣсомъ проклинателя, кумиромъ потребителя, идоломъ попирателя, Богу служителя, мудрости рачителя, философьи любителя, цѣломудрію дѣлателя, правдѣ творителя, книгамъ сказателя, грамотѣ пермстѣй списателя“.

Примѣромъ повтореній и тавтологій можетъ послужить слѣдующее мѣсто въ житіи: Стефанъ „пойде въ землю, идѣже не ходиша ногама сіи святии апостоли, ученицы Господни... поиде въ землю, идѣже не бывали обиходи апостольстии, идѣже не изыде вѣщание и проповѣданье святыхъ апостолъ, идѣже не бѣ ни слѣда благочестью и богоразумьа, идѣже имя Божье отинуду не именовася, идѣже покланяются идоломъ, идѣже жрутъ жертвища служаще глухимь кумиромъ, идѣже молятся издолбенымъ болваномъ, идѣже вѣрують въ кудесы и въ волхованьа, и въ чарованьа, и бѣсованьа, и въ прочаа прелести дьявольския, идѣже суть глаголемии иноязычьници невѣрнии, идѣже рекомии невѣгласи, прельщении человѣци“.

Особенно много мѣста занимаютъ отступленія.

Перейдя къ разсказу объ отправленіи Стефана въ Пермскую землю на проповѣдь, Епифаній припоминаетъ текстъ изъ св. Писанія: „Во всѣ землѣ изидоша вѣщаниа ихъ (апостоловъ)

и въ конца вселеныа глаголи ихъ“ и по этому поводу обстоятельно излагаетъ проповѣдническую дѣятельность апостоловъ.

Сообщивъ о построеніи Стефаномъ церкви Благовѣщенія, Епифаній подробно объясняетъ таинственное значеніе праздника Благовѣщенія и мѣсяца марта. „Сии праздникъ,—говоритъ Епифаній о днѣ Благовѣщенія,—се зачало всѣмъ праздникамъ великимъ Господнимъ... се есть начатокъ спасенію нашему“. Мартъ мѣсяцъ—„начало всѣмъ мѣсяцемъ, иже и первый наречется въ мѣсяцѣхъ, ему же свидѣтельствуеть Моисіи законодавець, глаголя: мѣсяць же вамъ первый въ мѣсяцѣхъ да будетъ мартъ, да якоже учимы есмы, ниже научаемся явѣ, начало бытию: марта бо мѣсяца начало бытиа, вся тварь Богомъ сотворена бысть отъ небытья въ бытье; марта бо начало зданью бысть, марта же мѣсяца въ 21 день и первосозданный человѣкъ, родоначальникъ Адамъ, рукою Божіею созданъ бысть; марта же мѣсяца нѣкогда и израильстии древле людие, якоже и Григории Богословъ вѣща, отъ земли Египетьскыа и отъ работы (рабства) фараонитскии збыша, и моря Чермнаго пучину немокрыми стопами, яко посуху, пѣши шествоваша; марта же мѣсяца паки израилтяне въ землю обѣтованную внидоша и Иерусалимъ составиша; марта же мѣсяца паки израилтомъ пасху праздновати по вся лѣта удержася бывати; марта же мѣсяца и благовѣщенье бысть святыа Богородица, еже архаггелъ Гаврилъ благовѣсти ей, егда сынъ Божии за наше спасеніе съ небеси сниде и вселися въ пречистую утробу всесвятыа владычица нашея Богородица и приснодѣвы Марьа и безъ сѣмени плоть отъ неа въспріимь; марта же мѣсяца и распятіе Христосъ волею претерпѣ и смерть за ны пострада, і въскресеніе боголѣпно намъ праздновати устави; марта же мѣсяца паки чаемъ въскресения мертвымъ и втораго пришествія Христова, и страшнаго, грознаго, трепетнаго, безпристрастнаго, необумѣннаго (непостижимаго) беспосулнаго, всемірнаго суда, егда приидеть съ славою, хотя судите живымъ и мертвымъ и воздати комуждо по дѣломъ“...

Излагая исторію борьбы Стефана съ Памомъ, Епифаній влагаетъ въ уста обоихъ противниковъ длинныя разсужденія на религіозно-нравственныя темы, разсужденія, въ которыхъ доказывается превосходство христіанства надъ язычествомъ и которыя, вѣроятно, сочинены самимъ авторомъ.

Говоря о составленіи Стефаномъ пермской азбуки, Епифаній пространно излагаетъ исторію азбукъ, а затѣмъ, подражая

черпоризцу Храбру (кн. 1-ая, § 17), доказываетъ, что пермская азбука выше греческой: греческая азбука создавалась многими эллинскими философами въ теченіе продолжительнаго періода; а пермскую грамоту „единъ чернець сложилъ, единъ составилъ, единъ счінилъ, единъ калогерь (инокъ), единъ мнихъ, единъ инокъ, Стефанъ глаголю присно (всегда), мнімии (считаемый) епископъ, единъ въ едино время, а не по многа времена и лѣта, якоже и оні, но единъ инокъ, единъ во единеньи уединися, единъ уединеныи, едінъ единого Бога на помощь прізываа, едінъ едіному Богу моляся“... Епифаній готовъ даже ставить подвигъ Стефана при составленіи азбуки выше подвига Кирилла: Кириллу помогалъ его братъ Меѳодій, а Стефану, кромѣ Бога, никто не помогалъ.

Въ концѣ житія помѣщена длинная похвала святому, распадающаяся на три „плача“: плачъ пермскихъ людей, плачъ пермской церкви и плачъ самого автора.

Несмотря на преобладаніе реторики надъ содержаніемъ, въ „Житіи св. Стефана“ встрѣчаются любопытные для послѣдней трети XIV в. факты.

Такъ, разсказывая о поставленіи Стефана въ епископы, Епифаній сообщаетъ о томъ, какъ въ то время пріобрѣталось епископство: Стефанъ „не бо вѣдалъ бывающаго, яко быти ему епископомь тѣмь, и не добивался владычьства, ні вертѣлся, ні тщалъся, ни наскакивалъ, ні накупался, ні насуливался посулы; не далъ бо нікомуже нічтоже и не взялъ у него отъ поставленіа никтоже ничтоже — ні дара, ни посула, ні мзды; нечего бо бяше было и дати ему, не стяжанію стяжавшу ему, но и самому сдаваша, елико потребнаа, елико милостиви и христолюбци и страннолюбци, видяще Бога ради бывающее творимо. И митрополитъ Бога ради поставль его и спасенія ради обращающихся новокрещенныхъ людей“.

Не менѣе любопытные факты можно извлечь изъ разсказа Епифанія о пермской азбукѣ.

Изобрѣтеніе пермской азбуки и переводъ богослужебныхъ книгъ на пермскій языкъ вызвали толки въ современномъ Стефану обществѣ: *во-первыхъ*, Стефана порицали за то, что онъ вздумалъ изобрѣсти азбуку наканунѣ кончины міра (которая должна была произойти по прошествіи 7.000 лѣтъ отъ сотворенія міра, т.-е., по нашей эрѣ, въ 1492 г., кн. 1-ая, §§ 123, 139); *во-вторыхъ*, указывали Стефану, что въ крайнемъ

случаѣ лучше было бы учить пермяковъ русской грамотѣ. Епифаній такъ передаетъ эти толки: „Нѣціи же, скудни суще умомъ, рѣша: почто ли сътворени суть кніги пермския, или что ради составлена бысть азбука пермския грамоты? И преже бо сего издавна въ Перми не было грамоты, пошлина (исконный обычай) сущи такова, не имущимъ имъ издавна у себѣ грамоты, и тако ижжившимъ имъ вѣкъ свой безъ нея; ныня же въ скончаніи лѣтъ, въ послѣдняя дни на исходъ числа седмыа тысящи, паче же мала ради времени, точію (только) за 120 лѣтъ до скончанія вѣку, грамота замышляти! Аще ли и се требѣ есть, достояше паче русскаа, готова сущи грамота, юже предати имъ и научити я; суть бо писмена кніжная, ихже издавна по пошлинѣ имуще языци у себе, якоже се жидовски, еллински, римски“.

2) **„Житіе пр. Сергія Радонежскаго“.** Второй трудъ Епифанія—„Житіе пр. Сергія Радонежскаго“, знаменитаго московскаго подвижника.

Сергій Радонежскій, въ мірѣ Варѳоломей (род. въ 1322 г., по мнѣнію однихъ изслѣдователей, въ 1314 г., по мнѣнію другихъ; умеръ въ 1392 г.), происходилъ изъ знатнаго и богатаго боярскаго рода въ Ростовѣ. Богъ еще до рожденія Сергія чудеснымъ образомъ отмѣтилъ, что Сергій будетъ великимъ ученикомъ Божіимъ и служителемъ св. Троицы. Мать Сергія уже беременная имъ, пришла въ одно воскресенье въ церковь, на литургію. Во время литургіи младенецъ, находившійся во чревѣ, три раза „верещалъ“ (громко кричалъ): передъ чтеніемъ Евангелія, передъ пѣніемъ херувимской пѣсни и при возглашеніи священникомъ „святая святымъ“.

Когда Сергій достигъ семи лѣтъ, его стали учить грамотѣ. Грамота плохо давалась Сергію, между тѣмъ какъ его братья, старшій—Стефанъ и младшій — Петръ, безъ труда усваивали ее. За это родители много бранили Сергія, учитель наказывалъ его, а сверстники насмѣхались надъ нимъ. Сергій часто со слезами обращался къ Богу съ молитвой, чтобы Богъ вразумилъ его и помогъ научиться грамотѣ. Однажды отецъ послалъ Сергія въ поле искать лошадей. Въ полѣ Сергій увидѣлъ, что подъ дубомъ стоитъ какой то старецъ-черноризецъ и со слезами творитъ молитву. Окончивъ молитву, старецъ увидѣлъ Сергія, призвалъ его къ себѣ, благословилъ и спросилъ, что ищетъ онъ. Сергій разсказалъ ему о своемъ горѣ, о

своей неспособности къ грамотѣ. Старецъ воздѣлъ руки къ небу и сталъ прилежно молиться; окончивъ молитву онъ вынулъ изъ своего „чпага“ (сумки) „нѣчто, образомъ аки анафору, видѣніемъ аки малъ кусъ хлѣба пшенична, еже отъ святыя просфоры“, и далъ ему съѣсть. Съ этого времени Сергій сталъ отлично учиться.

Подъ старость родители Сергія впали въ бѣдность. Авторъ указываетъ слѣдующія причины этого: частыя хожденія съ княземъ въ Орду, частыя нашествія татарскія, тяжкія дани и „выходы“, неурожаи, а напослѣдокъ — московское „насилованіе“, когда великое княженіе досталось Ивану Килитѣ. „Увы, увы тогда граду Ростову, — восклицаетъ авторъ, — паче же и княземъ ихъ, яко отъяся отъ нихъ власть и княженіе, и имѣніе, и честь, и слава; и вся прочая потягну къ Москвѣ“. Иванъ Калита послалъ въ Ростовъ намѣстникомъ воеводу Василія Кочева, который возложилъ на городъ и на всѣхъ живущихъ въ немъ „великую нужду“. Началось великое „гоненіе“: многіе ростовцы „москвичемъ имѣнія своя съ нуждою отдаваху; а сами противу того раны на тѣлеси своемъ со укоризною взимающе и тщима (пустыми) рукама отхождаху, иже послѣдняго бѣденства образъ, яко не токмо имѣнія обнажени быша, но и раны на плоти своей подъяша и язвы жалостно на себѣ носиша и претерпѣша“. „Дерзновеніе“ Кочева надъ Ростовымъ дошло до того, что самого „епарха“ (намѣстника) ростовскаго, старѣйшаго боярина Аверкія, „стремглавъ обѣсиша (повѣсили) и возложиша нань руцѣ свои и оставиша поругана“. „И бысть страхъ великъ на всѣхъ слышащихъ и видящихъ сія не токмо во градѣ Ростовѣ, но и во всѣхъ предѣлѣхъ его“ *).

Разоренные родители Сергія покинули Ростовъ и поселились (ок. 1331 г.) въ Радонежѣ, принадлежавшемъ младшему сыну Ивана Калиты Андрею и привлекавшемъ къ себѣ поселенцевъ разными льготами.

Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ этого родители Сергія скончались. Отдавъ брату Петру свою долю наслѣдства, Сергій рѣшилъ стать отшельникомъ. Онъ отправился къ своему старшему брату Стефану, который въ то время былъ монахомъ Хотькова монастыря близъ Радонежа, и предложилъ ему отправиться

---

*) Ср. описаніе аналогичнаго террора во Псковѣ въ „Сказаніи о Псковскомъ взятіи“ (§ 103).

вмѣстѣ въ какую нибудь пустыню. Стефанъ принялъ предложеніе. Обойдя много мѣстъ по лѣсамъ, Сергій и Стефанъ нашли въ чащѣ дремучаго лѣса пустыню, которая имъ понравилась. Они очистили ее отъ лѣса, поставили себѣ келью и небольшую церковь во имя св. Троицы.

Стефанъ не вынесъ одинокой жизни и въ скоромъ времени ушелъ. Сергій, оставшись одинъ, рѣшилъ прежде всего принять монашество, для чего постригся у одного игумена-старца Митрофана (ок. 1337 г.), а затѣмъ сталъ вести въ своей пустыни жизнь, преисполненную всякихъ лишеній и опасностей, особенно со стороны дикихъ звѣрей. „Мнози бо звѣріе въ той пустыни тогда обрѣтахуся: овіи стадомъ выюще, ревуще прохождаху; а друзіи же не по мнозѣ, но или два, или тріе, или единъ по единому мимо течаху; овіи же отдалеча, а друзіи близъ блаженнаго приближахуся и окружаху его, яко и нюхающе его“. Разсказывая объ этомъ, авторъ передаетъ слѣдующее „чудо о медвѣдѣ“. Къ Сергію повадился ходить одинъ медвѣдь. Замѣтивъ, что медвѣдь приходитъ „не злобы ради“, но чтобы получить „отъ брашна мало нѣчто въ пищу себѣ“, Сергій сталъ класть на пень или на колоду кусокъ своего хлѣба. Медвѣдь бралъ свою долю и уходилъ. Случалось нерѣдко, что у самого Сергія хлѣба не было. Медвѣдь, приходившій за своей долей, не находилъ ничего; но онъ долго не отходилъ отъ мѣста, смотрѣлъ во всѣ стороны и ждалъ, какъ злой займодавецъ ждетъ возвращенія долга. Такъ ходилъ медвѣдь ежедневно въ теченіе года.

Около двухъ лѣтъ Сергій пробылъ въ одиночествѣ. Между тѣмъ стали разноситься слухи объ его суровой жизни. Нашлись монахи, которые стали проситься у Сергія жить вмѣстѣ съ нимъ. Сергій указывалъ имъ на суровость жизни въ пустынѣ, но не отказывалъ селиться около него. Мало по малу составилась порядочная община изъ отшельниковъ. Тогда Сергій рѣшилъ устроить настоящій монастырь. Съ одобренія константинопольскаго патріарха Сергій ввелъ въ своемъ монастырѣ начала общежитія. Такъ образовался Троице-Сергіевскій монастырь.

По прошествіи 10 лѣтъ послѣ этого Сергіевская пустыня стала заселяться крестьянами. „И начаша сѣщи лѣсы оны, яко никомуже возбранящу имъ. И сотвориша себѣ различныя многія починцы (поселки). Преждереченную исказиша пустыню,

не пощадѣша. И сотвориша пустыню, яко поля чиста многа... И составиша села и дворы многи, и насѣяша села, и сотвориша плодъ житенъ, и умножишася зѣло. И начаша посѣщати и учащати въ монастырь, приносяще многообразная и многоразличная потребованія, имъ же нѣсть числа".

Старшій братъ Сергія, Стефанъ, узнавъ объ измѣненіяхъ, происшедшихъ въ Троицкой пустыни, тоже явился туда и даже сталъ претендовать на руководящую роль, роль игумена. Однажды Сергій служилъ въ монастырской церкви вечерню, а Стефанъ стоялъ на лѣвомъ клиросѣ. Канонархъ (монахъ, объявляющій передъ пѣніемъ канонов гласъ и произносящій слова канона), съ благословенія Сергія, взялъ книгу. Стефанъ гнѣвно спросилъ канонарха, кто ему далъ книгу. Канонархъ отвѣтилъ, что книгу онъ взялъ съ благословенія игумена. „Кто здѣсь игуменъ",—закричалъ Стефанъ: „не я ли первый сѣлъ на этомъ мѣстѣ?" „И иная нѣкая изрекъ,—замѣчаетъ авторъ житія,—ихъ же не лѣпо бѣ". Сергій слышалъ все это, но ничего не сказалъ. По окончаніи службы Сергій незамѣтно ушелъ изъ монастыря и направился къ своему другу Стефану Махрищскому, монастырь котораго находился въ 30 верстахъ отъ Троицкаго монастыря (§ 165). Взявъ въ монастырѣ монаха, онъ съ нимъ обошелъ окрестности и на берегу рѣки Киржачи, впадающей въ Клязьму, выбралъ мѣсто для основанія новаго монастыря. Часть монаховъ Троицкаго монастыря, узнавъ о мѣстопребываніи Сергія, отправилась къ нему. Сергій вмѣстѣ съ ними основалъ новый монастырь, Киржачскій.

Между тѣмъ большинство монаховъ, оставшихся въ Троицкомъ монастырѣ, рѣшило упросить Сергія вернуться обратно. При содѣйствіи митрополита Алексѣя, убѣждавшаго Сергія внять просьбамъ братіи, Сергій уступилъ, вернулся обратно и тамъ продолжалъ свои труды.

Когда ордынскій царь Мамай воздвигъ на русскихъ великую рать, великодержавный князь Дмитрій пришелъ къ Сергію справиться у него, повелитъ ли ему „противу безбожныхъ взыти". Святой Сергій благословилъ князя и сказалъ: „Подобаетъ ти, господине, пещися о врученномъ отъ Бога христоименитомъ ти стадѣ. Поиди противу безбожныхъ и, Богу помогающу ти, побѣдиши и здравъ во свое отечество съ великими похвалами возвратишися". Въ помощь великому князю святой далъ двухъ иноковъ—Пересвѣта и Ослябю. Когда рус-

скія войска сошлись съ огромными полчищами татаръ, многихъ воиновъ охватилъ страхъ. Вдругъ явился „борзоходецъ“ съ посланіемъ отъ святого: „Безъ всякаго сомнѣнія, господине, со дерзновеніемъ поиди противу свирѣпства ихъ; никако же ужасатися: всяко поможетъ ти Богъ“. Великій князь и его воинство, услышавъ слова посланія, воспріяли великую дерзость, вступили въ сраженіе съ погаными татарами и поразили ихъ. Въ память этой побѣды Сергій по порученію князя построилъ на рѣкѣ Дубенкѣ церковь во имя Успенья Богородицы и монастырь.

Свое „Житіе преп. Сергія Радонежскаго“ Епифаній началъ составлять въ скоромъ времени послѣ смерти святого, причемъ это составленіе сводилось первоначально къ собиранію и записыванію матеріаловъ. Черезъ 26 лѣтъ послѣ смерти Сергія (ок. 1418 г.) Епифаній приступилъ къ окончательной отдѣлкѣ собранныхъ матеріаловъ въ цѣльное житіе. Но, повидимому, ему не пришлось довести до конца начатый трудъ: отдѣльныя „главизны“ въ сохранившемся житіи расположены не въ томъ порядкѣ, въ какомъ слѣдовали другъ за другомъ излагаемыя событія. Вѣроятно, этимъ объясняется то, что въ „Житіи пр. Сергія „плетеніе словесъ“ не беретъ такого перевѣса надъ фактическимъ матеріаломъ, какъ въ „Житіи св. Стефана Пермскаго“. Этимъ же обстоятельствомъ объясняется и то, что „Житіе пр. Сергія“ не дошло до насъ въ подлинномъ видѣ, а съ нѣкоторыми позднѣйшими дополненіями, которыя принадлежали лицамъ, пытавшимся переработать трудъ Епифанія.

„Житіе пр. Сергія Радонежскаго“ любопытно изображеніемъ личности московскаго подвижника.

Авторъ представляетъ Сергія образцомъ смиренія, кротости, страннолюбія, нищелюбія и нестяжательности. „Преподобный игуменъ,—пишетъ авторъ, — отецъ нашъ Сергіе святый, старецъ чюдный, добродѣтельми всякими украшенъ бѣ, тихій, кроткій нравъ имѣя, и смиренный и добронравный, привѣтливый и благоувѣтливый, утѣшительный, сладкогласный и благоподатливый, милостивый и добросердый, смиренномудрый и цѣломудренный, благоговѣйный и нищелюбивый, страннолюбный и миролюбивый... стяжа паче всѣхъ смиреніе безмѣрное и любовь нелицемѣрную равно ко всѣмъ человѣкомъ и всѣхъ вкупѣ равно любляше и равно чтяше, не избирая, ни судя, ни зря на лица человѣкомъ и ни на кого же возносяся, ни

осужая, ни клевеща, ни гнѣвомъ, ни яростію, ни жестостію, ни лютостію, ниже злобы держа на кого"!..

Сергій принимаетъ игуменство только послѣ неотступныхъ просьбъ братіи, и рѣшительно отказывается, когда митр. Алексѣй проситъ его согласиться быть его преемникомъ. Послѣ ночного обхода монастыря Сергій приглашалъ къ себѣ провинившихся монаховъ „и не съ яростію обличаше я и наказаше я, но яко издалеча съ тихостию, аки притчами наводя, глаголаше имъ". Когда братія поднимала противъ Сергія ропотъ за оскудѣніе пищи и запрещеніе собирать милостыню, Сергій кротко и смиренно увѣщевалъ ихъ уповать на милость Божію. Разъ князь Владиміръ Андреевичъ отправилъ въ монастырь съ однимъ изъ своихъ слугъ различныхъ брашенъ и питій „въ потѣшеніе старцу съ братіями". Дорогой слуга соблазнился и попробовалъ и брашенъ, и питій. Сергій догадался о происшедшемъ, дара не принялъ и сталъ кротко обличать слугу. Слуга сталъ каяться, и Сергій простилъ его.

Строже относился Сергій, когда обижали бѣдныхъ, сиротъ.

Одинъ богатый человѣкъ отличался лихоимствомъ. Онъ взялъ у своего бѣднаго сосѣда „вепря" (свинью), закололъ ее и отказался заплатить за него. Бѣднякъ обратился съ жалобой къ Сергію. Сергій пригласилъ къ себѣ богача и сталъ увѣщевать его. Если мы вѣруемъ въ Бога,—говорилъ ему святой,—Судію праведнымъ и грѣшнымъ, отца сиротъ и вдовицъ, готоваго мстить за нихъ, то какъ это мы не боимся грабить, насильствовать и творить злое? Развѣ мы не видимъ, какъ совершающіе это „обнищеваютъ", дома ихъ пустѣютъ, память сильныхъ исчезаетъ? А на томъ свѣтѣ ихъ ждетъ безконечное мученіе. Богачъ подъ вліяніемъ этого увѣщанія умилился и обѣщалъ не только уплатить бѣдному за свинью, но и вообще исправиться. Когда богачъ вернулся домой, умиленіе его прошло, и обѣщанія Сергію были забыты. Тотчасъ послѣдовало наказаніе. Войдя въ клѣть, гдѣ висѣла свиная туша, богачъ увидѣлъ, что она кишитъ червями, несмотря на то, что было зимнее время. Пораженный богачъ немедленно отдалъ деньги бѣдняку, а къ Сергію отъ стыда не смѣлъ явиться. Свиная туша была выброшена, и къ ней не хотѣли прикасаться даже звѣри и птицы.

Одинъ только разъ Сергій сыгралъ роль карателя, но и тутъ обычная кротость его взяла верхъ.

Въ Москву явился одинъ греческій епископъ. Слушая разсказы о святой жизни Сергія, епископъ не вѣрилъ имъ и говорилъ: какъ можетъ въ этой странѣ явиться такой свѣтильникъ, особенно теперь, въ послѣднее передъ концомъ міра время? Онъ рѣшилъ посѣтить Сергія, чтобы убѣдиться въ справедливости своихъ сомнѣній. Когда епископъ встрѣтился съ Сергіемъ, внезапно его поразила слѣпота. Онъ вынужденъ былъ сообщить Сергію о своемъ прежнемъ сомнѣніи. Раскаиваясь въ этомъ, епископъ сталъ просить у Сергія прощенія. Сергій прикоснулся къ зѣницамъ епископа, и онъ снова прозрѣлъ.

„Страннолюбіе“ и „нищелюбіе“ Сергія Епифаній рисуетъ слѣдующими словами: „Елика (по мѣрѣ того, какъ) во обители приносимая умножахуся, толма паче страннолюбная возрастаху, и никто же бо отъ неимущихъ во обитель приходя тщама (тощими, пустыми) руками отхожаше; николи же блаженный оставляше благотворенія и служащимъ во обители заповѣда нищихъ и странныхъ довольно упокоевати и подавати требующимъ, глаголя: аще сію мою заповѣдь сохраните безъ роптанія, мзду отъ Бога пріимите и по отхожденіи моемъ отъ житія сего обитель моя сія зѣло распространится и во многи лѣта неразрушима постоитъ благодатію Христовою. И тако бѣ рука его простерта къ требующимъ, яко рѣка многоводна и тиха струями... Странніи же и нищіи и отъ нихъ въ болѣзни сущіи на многи дни препочиваху въ довольномъ успокоеніи и пищи, еяже кто требоваху, неоскудно по заповѣди святого старца“...

Нестяжательность Сергія выразилась въ томъ, что этотъ святой не принималъ „вкладовъ“, поземельной собственности.

Дѣятельность Сергія не ограничивалась подвигами отшельническаго и монашескаго характера. Слава Сергія обратила на него вниманіе всего правящаго класса Окско-Волжской Руси вообще и московскаго князя въ частности: князья и бояре присылали въ монастырь Сергія дары или пріѣзжали туда за молитвой и благословеніемъ. Московскій князь шелъ дальше: въ борьбѣ съ удѣльными князьями онъ нерѣдко прибѣгалъ къ помощи авторитетнаго святого, возлагая на него рядъ политическихъ миссій. Такъ, когда князь Борисъ Константиновичъ захватилъ (1365) удѣлъ своего старшаго брата Дмитрія—Нижній-Новгородъ, московскій князь Дмитрій Донской

поручилъ Сергію отправиться въ Нижній-Новгородъ и убѣдить Бориса отказаться отъ своихъ притязаній. Тотъ же Дмитрій Донской, потерпѣвъ пораженіе (1385) отъ своего противника Олега Рязанскаго, добился примиренія съ Олегомъ только благодаря Сергію, котораго князь отправилъ къ Олегу.

Замѣчательно, что Епифаній ни слова не говоритъ о политическихъ миссіяхъ Сергія. Видимо, ростовцу Епифанію, родина котораго пострадала отъ московскаго „насилованія", не нравилась московская политика, направленная къ уничтоженію самостоятельныхъ княженій, и исполненіе Сергіемъ подобныхъ политическихъ миссій не вызывало въ немъ сочувствія. Оттого Епифаній и замолчалъ подобные факты.

Кириллъ Бѣлозерскій.

(1337—1427).

153. Кириллъ Бѣлозерскій и его труды. Кириллъ Бѣлозерскій (въ мірѣ Кузьма) происходилъ изъ московскаго знатнаго боярскаго рода. Сорока трехъ лѣтъ отъ роду (1380) онъ постригся въ Симоновомъ монастырѣ, который былъ основанъ пр. Сергіемъ Радонежскимъ и во главѣ котораго стоялъ племянникъ Сергія, Ѳеодоръ, сынъ старшаго брата его Стефана. Своимъ суровымъ подвижничествомъ Кириллъ обратилъ на себя вниманіе Сергія, который часто бесѣдовалъ съ нимъ, когда приходилъ въ Симоновъ монастырь. Послѣ Ѳеодора игуменомъ монастыря сдѣлался Кириллъ. Тяготясь своею должностью, отрывавшею его отъ уединенной безмолвной жизни, Кириллъ отказался отъ игуменства. Но это не избавило Кирилла отъ многочисленныхъ посѣтителей, жаждавшихъ бесѣды съ нимъ. Тогда Кириллъ рѣшилъ воспользоваться первымъ случаемъ и уйти въ пустыню. Отъ своего товарища, монаха Ѳерапонта, побывавшаго въ Бѣлозерьѣ, Кириллъ узналъ, что тамъ есть пустынныя мѣста. Кириллъ вмѣстѣ съ Ѳерапонтомъ покинулъ Симоновъ монастырь, ушелъ въ Бѣлозерье и здѣсь, при трехъ озерахъ, основалъ свой монастырь, Кирилло-Бѣлозерскій (1397), ставшій однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ центровъ сѣвернаго монашества и просвѣщенія. Кириллъ ввелъ въ свой монастырь очень строгій уставъ аскетическаго общежительства, ставшій образцомъ для другихъ сѣверныхъ заволжскихъ монастырей. Въ то же время Кириллъ былъ большой любитель

просвѣщенія: онъ собиралъ въ монастырѣ книги, переписывалъ ихъ и давалъ переписывать своимъ ученикамъ.

Кириллъ извѣстенъ, какъ авторъ нѣсколькихъ посланій. Изъ нихъ наиболѣе замѣчательны два: 1) Посланіе великому князю Василію Дмитріевичу и 2) Посланіе Можайскому князю Андрею Дмитріевичу.

1) Посланіе великому князю Василію Дмитріевичу. Это посланіе, адресованное сыну Дмитрія Донского, Василію I, написано было между 1399 — 1402 гг. Въ немъ Кириллъ убѣждаетъ Василія, лишавшаго окско-волжскихъ князей удѣловъ, примириться съ ними, не давать имъ гибнуть въ Татарской землѣ. Дѣйствія князя, по мнѣнію Кирилла, влекутъ большія послѣдствія. Если на кораблѣ „соблазнится" простой гребецъ, вредъ, причиненный имъ плавающимъ, будетъ невеликъ: если же „соблазнится" кормчій, это приведетъ весь корабль къ гибели. Если согрѣшитъ кто-либо изъ бояръ, это причинитъ вредъ ему одному; если же согрѣшаетъ самъ князь, то это причиняетъ вредъ всѣмъ подвластнымъ ему людямъ. Князь обязанъ съ твердостью хранить себя въ добрыхъ дѣлахъ: князь долженъ возненавидѣть всякую власть, влекущую его на грѣхъ.

2) Посланіе Можайскому князю Андрею Дмитріевичу. Можайскій князь Андрей, которому адресовано это посланіе (1408—1413), былъ сынъ Дмитрія Донского. Кириллъ убѣждаетъ этого князя соблюдать въ своей вотчинѣ строгую справедливость, наблюдать за правильностью суда, не допускать взятокъ, не слушать поклеповъ, преслѣдовать разбой и татьбу. Особенно внимательнаго отношенія Кириллъ требуетъ отъ князя къ крестьянамъ, совѣтуя лично разбирать ихъ дѣла. Онъ требуетъ, чтобы въ вотчинѣ князя не было корчмы, „занеже, господине, то—велика пагуба душамъ; крестьяне ся, господине, пропиваютъ, а души гибнутъ". Надо также князю унимать подвластныхъ людей отъ скверныхъ словъ и „лаянія". Князь долженъ ходить въ церковь; въ церкви не слѣдуетъ разговаривать; князь, если замѣтитъ разговаривающимъ вельможу или простого человѣка, долженъ возбранять имъ это.

Если князь послѣдуетъ приведеннымъ совѣтамъ, это вмѣнится ему отъ Бога выше молитвы и поста, „понеже, господине, поститися не можете, а молитися лѣнитеся".

Эти два посланія замѣчательны высотою нравственныхъ требованій, предъявляемыхъ Кирилломъ лицамъ, принадле-

жавшимъ къ княжеской фамиліи: Епифаній Премудрый умалчиваетъ о щекотливыхъ, по его мнѣнію, политическихъ миссіяхъ преп. Сергія, направленныхъ къ усмиренію удѣльныхъ князей, а Кириллъ уже прямо заступается за удѣльныхъ князей передъ великимъ московскимъ княземъ Василіемъ I; другому князю, Андрею Дмитріевичу, онъ указываетъ на его нравственныя обязанности къ подчиненнымъ и особенно къ крестьянамъ, и исполненіе этихъ обязанностей княземъ ставитъ выше молитвы и поста.

154. „Ксеносъ“ Зосимы. Іеромонахъ Троицкаго монастыря Зосима между 1419—1422 гг. совершилъ путешествіе въ Константинополь, на Аѳонъ и въ Іерусалимъ. Свое путешествіе онъ описалъ въ сочиненіи подъ заглавіемъ „Ксеносъ, глаголемый странникъ, о хожденіи и бытіи моемъ“. Зосима не обладалъ талантомъ литературнаго изложенія; кромѣ того, онъ пользовался при составленіи своего сочиненія „Хожденіемъ“ Даніила. Несмотря на это, сочиненіе его представляетъ большой интересъ.

Описывая Константинополь, Зосима передаетъ, съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями, тѣ же свѣдѣнія о немъ, что и предшествующіе паломники: о св. Софіи, объ иконахъ, мощахъ, трапезѣ Авраама, о сѣкирѣ Ноя и т. д. Статую Юстиніана онъ описываетъ нѣсколько иначе, чѣмъ авторъ „Бесѣды о святыняхъ Царьграда“ (§ 74) и Стефанъ Новгородецъ (§ 76): „Передъ дверьми же св. Софіи столпъ стоитъ, на немъ царь Юстиніанъ стоитъ на конѣ; конь мѣдянъ, и самъ мѣдянъ вылитъ, правую же руку держитъ распростерту и зритъ на востокъ, а самъ хвалится на сарацинскіе цари; а сарацинскіе цари противъ ему стоятъ, всѣ болваны мѣдяны, держатъ въ рукахъ своихъ дань и глаголятъ ему: а не хвалися на насъ, господине; мы бо ся тебѣ ради, и потягнемъ ти не единожды, но многочастно. Въ друзѣй же руцѣ держитъ яко яблоко злато, а на яблоцѣ крестъ“. Передъ однимъ монастыремъ Зосима видѣлъ „чудо“, каменную жабу: при царѣ Львѣ Премудромъ эта жаба ходила по улицамъ и пожирала соръ, а метлы сами подметали—люди вставали поутру и видѣли, что улицы чисты.

Въ Палестинѣ Зосима видѣлъ врата адовы, мѣсто, гдѣ было усѣчено „древо крестное“, палату Діоклетіанову, гдѣ мучили святого Георгія, желѣзную цѣпь, которою мучили Георгія и которая теперь исцѣляетъ больныхъ. Относительно

святынь Палестины Зосима сообщаетъ рядъ преданій съ интересными дополненіями. Такъ, онъ называетъ церковь на Сіонѣ матерью всѣхъ церквей, такъ какъ эта церковь была первой въ Іерусалимѣ послѣ распятія Христа; здѣсь, въ этой церкви, жила Богородица послѣ Вознесенія Христа; тутъ же лежатъ два камня, называемые „Купиной неопалимой“: на этихъ камняхъ Христосъ бесѣдовалъ съ Моисеемъ на горѣ Синаѣ; по желанію Богородицы, ангелъ принесъ эти камни съ Синая въ Сіонскую церковь.

Зосима сообщаетъ, что Іерусалимъ находится во власти „окаянныхъ сарацинъ“; сарацины держатъ всѣ храмы христіанскіе запертыми и запечатанными; только за „дары“ храмы открываются.

Описывая св. мѣста, Зосима разсказываетъ и о своихъ приключеніяхъ. Такъ, онъ сообщаетъ о томъ, какъ онъ потерпѣлъ отъ „злыхъ араповъ“: около Мертваго моря на него напали „арапы“, „возложили“ на него „довольно“ ранъ и оставили его полумертвымъ; съ трудомъ онъ отсюда приплелся къ Саввину монастырю, гдѣ въ теченіе восьми дней его „успокаивали“ святые отцы.

На возвратномъ пути на морѣ онъ испыталъ нападеніе морскихъ разбойниковъ. На Родосѣ онъ видѣлъ рыцарей-крестоносцевъ.

Митрополитъ Фотій.

(1408—1431).

155. Митрополитъ Фотій. Митрополитъ Фотій былъ родомъ грекъ изъ Мореи. Въ юности еще онъ поступилъ въ монастырь, гдѣ подвизался подъ руководствомъ извѣстнаго въ Византіи старца Акакія. Когда Акакій сдѣлался монемвасійскимъ митрополитомъ, Фотій послѣдовалъ за нимъ (вѣроятно, въ качествѣ митрополичьяго чиновника). Однажды Акакій отправилъ Фотія съ какимъ то порученіемъ въ Константинополь къ императору и патріарху. Въ это время въ Константинополѣ находились послы великаго русскаго князя, просившіе новаго митрополита. Императоръ и патріархъ выбрали Фотія (1408—1431). Въ 1409 г. Фотій прибылъ въ Кіевъ, а въ 1410 г.— въ Москву.

Въ своемъ духовномъ завѣщаніи Фотій говоритъ, что время

его управленія русской митрополіей было для него временемъ скорби, слезъ и рыданій. Первая половина правленія Фотія была наполнена личными непріятностями; во второй половинѣ на Руси свирѣпствовали эпидеміи и голодъ.

Наканунѣ пріѣзда Фотія на Москву совершилъ нашествіе Едигей (1408). Онъ страшно опустошилъ Московское княжество и осадилъ Москву. Пользуясь этимъ, а также отсутствіемъ митрополита, митрополичьи бояре и слуги поспѣшили расхитить имущества, принадлежавшія митрополиту. Пріѣхавъ въ Москву и найдя свое имущество расхищеннымъ, Фотій рѣшилъ вернуть расхищенное и дѣятельно принялся за розыски.

Въ 1411 г. Фотій посѣтилъ Владиміръ. Въ это время одинъ изъ нижегородскихъ князей Даніилъ Борисовичъ, котораго Василій I лишилъ удѣла, тайно послалъ на Владиміръ русско-татарскій отрядъ, во главѣ котораго находились бояринъ Семенъ Карамышевъ и татарскій царевичъ Талычъ. Отрядъ имѣлъ цѣлью, между прочимъ, захватить въ плѣнъ митрополита. Фотій случайно оказался не во Владимірѣ, а въ своемъ имѣніи въ окрестностяхъ города. Извѣщенный о грозящей ему опасности, Фотій поспѣшилъ скрыться въ надежномъ мѣстѣ. Не найдя митрополита, отрядъ бросился на Владиміръ и разграбилъ его. Грабители захватили ключаря Успенскаго собора священника Патрикія, родомъ грека, пріѣхавшаго въ свитѣ Фотія, и подвергли его жестокимъ пыткамъ, чтобы добиться указанія, гдѣ спрятаны сокровища храма: его ставили на раскаленную сковороду, вбивали за ногти спицы, сдирали съ него кожу, наконецъ, привязали къ хвосту коня, котораго погнали въ поле. Мучительная гибель Патрикія должна была сильно потрясти Фотія.

Энергичными розысками расхищеннаго имущества Фотій нажилъ себѣ много враговъ среди бояръ, которые старались поссорить великаго князя съ митрополитомъ. Часть бояръ и слугъ Фотія, убѣжавшихъ отъ него въ Литву, вооружили противъ него литовскаго князя Витовта, и Витовтъ поставилъ (1415) для Литвы и Юго-западной Руси своего митрополита, болгарина Григорія Цамблака, племянника митрополита Кипріана. Напрасно Фотій протестовалъ противъ этого: Григорій занималъ каѳедру до 1419 г., когда онъ, по мнѣнію однихъ изслѣдователей, скончался, а по мнѣнію другихъ, болѣе вѣроятному, скрылся въ Румынію, гдѣ подъ именемъ инока Гавріила долго

еще жилъ и подвизался въ Нямецкомъ монастырѣ *). Послѣ этого Витовтъ примирился съ Фотіемъ, и единство русской митрополіи было возстановлено.

Наконецъ, не мало хлопотъ причинило Фотію стригольничество (§ 101).

Митрополитъ Фотій извѣстенъ не только, какъ руководитель русской церкви, но и какъ писатель. Въ своихъ посланіяхъ онъ касался разнообразныхъ церковныхъ вопросовъ и давалъ имъ то или другое рѣшеніе (напр., по вопросу объ аллилуіи, § 102), или дѣлалъ опредѣленныя распоряженія, какъ, напр., относительно стригольниковъ.

Кромѣ посланій Фотій оставилъ послѣ себя и поученія, которыя распадаются на три группы: 1) поученія на праздники Благовѣщенія, Срѣтенія и въ недѣлю Православія, 2) двѣ бесѣды на евангельскія чтенія въ недѣлю мясопустную и въ недѣлю блуднаго сына и 3) три поученія о казняхъ Божіихъ.

Всѣ эти поученія не самостоятельны: содержаніе ихъ большею частью заимствовано, чаще всего съ буквальной точностью, изъ поученій и бесѣдъ Іоанна Златоуста, Василія В., Ѳеофилакта Болгарскаго и др.

Поученія на праздники лишены живого содержанія, изобилуютъ общими мѣстами и написаны тяжелымъ слогомъ. Живѣе и лучше составлены бесѣды на евангельскія чтенія и поученія о казняхъ Божіихъ. Призывая своихъ слушателей къ покаянію, Фотій напоминалъ имъ о близости конца міра. Проходитъ этотъ вѣкъ маловременный,—говорилъ Фотій,—наступаетъ ночь „житія нашего“, кончается седьмая тысяча, приближается восьмая тысяча; блаженъ тотъ, кто подготовилъ себя къ восьмой тысячѣ, будущей и безконечной. Бѣдствія, обрушившіяся на Русь—нашествія татаръ, эпидеміи, голодъ,—еще болѣе убѣждали Фотія въ близости конца міра. „Се, любиміи, яко конець лѣтомъ приближаяйся бѣ живота чело-

*) До своего появленія на Руси Григорій Цамблакъ († ок. 1451) занималъ различныя должности въ государствахъ и областяхъ Балканскаго полуострова. Такъ, одно время онъ входилъ въ составъ клира константинопольскаго патріарха, былъ игуменомъ Дечанскаго монастыря въ Сербіи, пресвитеромъ великой молдовалахской церкви (въ Румыніи) и т. д. Григорій Цамблакъ оставилъ послѣ себя рядъ словъ и поученій на догматическія и библейскія темы. Стиль этихъ словъ и поученій—болгаро-сербскій со свойственнымъ ему „плетеніемъ словесъ“.

вѣческаго, яко сѣни преходящая и день послѣдній приспѣваяй, и аще яко конець покаяніемъ о всемъ чистымъ и цѣломудреннымъ не обратимся, и по семъ что отвѣщаемъ грозному и страшному и немздоимному судіи, иже во злѣ и небреженіи жизнь проводившеи, и Божіихъ наказаній всяческыхъ не внимающе?.. И по послѣднему сему времени зрите знаменія послѣднихъ дній: въстанетъ, рече, языкъ на языкъ и царство на царство, и домъ на домъ, и будуть труси на земли, и знаменія въ лунѣ и въ солнцѣ и въ звѣздахъ. И рече бо самая истина Христосъ, предрекъ о нынѣшнихъ сихъ послѣднихъ дній".

Сказанія о борьбѣ Москвы съ татарами.

156. Сказанія о борьбѣ Москвы съ татарами. Куликовская битва (1380), послѣдовавшее черезъ два года (1382) нашествіе Тохтамыша и, наконецъ, нашествіе Тамерлана (1395) послужили предметомъ слѣдующихъ сказаній: 1) Лѣтописная повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ, 2) „Повѣданіе" Софоніи, 3) Сказаніе о побоищѣ Дмитрія Донского, 4) Сказаніе о нашествіи Тохтамыша и 5) Сказаніе о нашествіи Темиръ-Аксака.

157. Лѣтописная повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ. Лѣтописная повѣсть о Мамаевомъ побоищѣ составлена была въ концѣ XIV в. Образцомъ для нея послужило житіе Александра Невскаго (§ 107).

Мамай въ союзѣ съ литовскимъ княземъ Ягайломъ и рязанскимъ княземъ Олегомъ Ивановичемъ идетъ на великаго князя московскаго Дмитрія. Узнавъ о выступленіи Мамая, Дмитрій посылаетъ за своимъ двоюроднымъ братомъ, княземъ Владимиромъ Андреевичемъ и за другими князьями и обращается къ нимъ съ рѣчью о необходимости дѣйствовать вмѣстѣ.

Собравшееся русское войско приходитъ въ Коломну, куда являются на помощь также сыновья Ольгерда — Андрей Полоцкій и Дмитрій Брянскій.

Мамай останавливается за Дономъ и поджидаетъ къ себѣ Ягайла. Къ Дмитрію приходитъ вѣсть о переходѣ Олега Рязанскаго на сторону Мамая. Дмитрій молится Богу о помощи и проситъ благословенія у еп. Герасима. Къ Дмитрію приходятъ Владимиръ Андреевичъ и его воевода Тимоѳей Васильевичъ. Въ Москвѣ и въ другихъ городахъ поднимается плачъ.

Войска направляются къ Дону. Когда они были у Дона отъ пр. Сергія приходитъ грамота (§ 152).

У Дона возникъ вопросъ, гдѣ сразиться, по эту сторону Дона, или по ту сторону. Дмитрій ободряетъ войска рѣчью и велитъ переправиться черезъ Донъ. 8-го сентября въ туманное утро Дмитрій выстраиваетъ войска и идетъ съ ними къ устью рѣки Непрядвы. Русскіе сталкиваются съ татарами. Въ девятомъ часу происходитъ видѣніе: небесное воинство поражаетъ татаръ. Русскіе побѣдили. Татары съ Мамаемъ обратились въ бѣгство. Князь Дмитрій раненъ. Дмитрій обращается съ благодарственной молитвой къ Богу и возвращается въ Москву съ богатой добычей. По дорогѣ онъ узнаетъ о насиліяхъ Олега и собирается послать на него войско. Рязанскіе бояре переходятъ на сторону Дмитрія, и Дмитрій сажаетъ въ Рязани своихъ намѣстниковъ.

На Мамая идетъ Тохтамышъ. Мамай терпитъ пораженіе и убѣгаетъ въ Каоу (въ Крыму), гдѣ погибаетъ отъ руки убійцъ.

158. „Повѣданіе“ Софоніи. Софонія именуется въ рукописяхъ „Повѣданія“ брянскимъ бояриномъ, рязанцемъ, іереемъ рязанскимъ. Вѣроятно, онъ былъ родомъ изъ города Брянска въ Новгородъ-Сѣверской землѣ. Отсюда онъ, повидимому, переселился въ Рязань, гдѣ принялъ духовный санъ. Между 1400—1425 гг. Софонія написалъ сочиненіе „Повѣданіе“, въ которомъ изобразилъ Куликовскую побѣду. Въ своемъ „Повѣданіи“ Софонія сильно подражаетъ и въ планѣ, и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ „Слову о полку Игоревѣ“ (кн. 1-ая § 246), содержаніе котораго ему, какъ южанину, было хорошо извѣстно. Матеріалъ для своего произведенія Софонія черпалъ главнымъ образомъ изъ устныхъ преданій о Куликовской битвѣ. Въ „Повѣданіи“ прославляются князья Дмитрій и Владиміръ.

„Повѣданіе“ распадается на шесть частей.

1) **Первая часть.** Первая часть состоитъ изъ вступленія.

Авторъ приглашаетъ братьевъ, друзей и сыновей русскихъ возвеселить Русскую землю и возвергнуть печаль на восточную сторону, „на Симовъ жребій“, воздать побѣду поганому царю Мамаю и похвалу князю Дмитрію и его брату Владиміру. Авторъ хочетъ „начати повѣдати по дѣломъ и по былинамъ. Не проразимся мыслію надъ землями, помянемъ первыхъ

лѣтъ времена, похвалимъ вѣщаго Бояна, въ Кіевѣ гораздна чудца. Тотъ бо вѣщій Боянъ, воскладая своя златыя персты на живыя струны, пояше русскимъ княземъ славу...“ Авторъ хочетъ „помянуть“ правнуковъ Владимира кіевскаго, Дмитрія и Владимира и похвалить ихъ „пѣсними и гуслеными буйными словесы“.

2) Вторая часть. Въ ней описывается походъ русскихъ.

Дмитрій и братъ его Владимиръ, „истягнувше умъ крѣпостію своею, поострися сердца своя мужествомъ и наполнишася ратнаго духа, уставиша себѣ храбрыя воеводы въ Русской землѣ, помянувше прадѣда своего великаго князя Владимира кіевскаго“.

Авторъ обращается къ жаворонку, утѣхѣ въ красные дни, чтобы онъ взошелъ подъ синія облака и воспѣлъ славу Дмитрію и Владимиру. „Ци не буря соколы занесе изъ земли Залѣсскія въ поле половецкое“.

Перейдя къ сбору войскъ, авторъ такъ изображаетъ его: „Копи ржуть на Москвѣ, бубны бьють на Коломнѣ, трубы трубять въ Серпуховѣ, звенитъ слава по всей землѣ Русской, чюдно стязи стоять у Дону великаго на березѣ“. Дмитрій обращается къ своей братіи, русскимъ князьямъ, съ такими словами: „Братьица моя милая, русскіе князи! Гнѣздо есми князя Владимира кіевскаго; не въ обиду есми были порождены ни соколу, ни ястребу, ни черну ворону, ни тому псу поганому Мамаю“.

3) Третья часть. Третья часть описываетъ начальный моментъ битвы, окончившійся пораженіемъ русскихъ.

Съ моря встали сильные вѣтры, которые прилелѣяли на Русскую землю великую тучу. „Изъ тучи выступиша кровавыя зори, а въ нихъ трепещуть синіи молніи. Быти стуку и грому велику межу Дономъ и Днѣпромъ, насти трупу человѣческому на полѣ Куликовѣ, пролитися крови на рѣчкѣ Непрядвѣ“. Заскрипѣли татарскія телѣги, прибѣжали сѣрые волки, поганые татары. Не гуси возгоготали, не лебеди всплеснули крыльями—то поганый Мамай привелъ своихъ воиновъ на Русь. „Земля, земля Русская! Теперь бо еси за соломянемь побывала“.

Князь Дмитрій вступилъ въ позлащенное стремя, взялъ въ правую руку мечъ и помолился Богу и пречистой Его Матери.

Наѣхали русскіе на великія татарскія силы и ударили въ нихъ своими копьями харалужными. Возгремѣли мечи булатные о шеломы хиновскіе.

Не туры взревѣли у Дона великаго на полѣ Куликовѣ— возревѣли воеводы сильные великаго князя Дмитрія, побитые и посѣченные погаными татарами.

Чернеца Пересвѣта привели на суженое мѣсто. Пересвѣтъ сказалъ князю Дмитрію: „Лудчи бы намъ потятымъ быть, нежели полоненнымъ отъ поганыхъ татаръ". Храбрый Пересвѣтъ поскакиваетъ на своемъ конѣ и свистомъ перегораживаетъ поля. Ослябя видитъ тяжкія раны на тѣлѣ Пересвѣта и предвидитъ его смерть и свою „за землю Русскую и за обиду великаго князя Дмитрія Ивановича".

Печально стало на Русской землѣ.

4) **Четвертая часть.** Въ четвертой части изображается плачъ женъ по убитымъ. Плачетъ „у Москвы града на заборолѣ" Марья, жена воеводы Микулы Васильевича, обращаясь къ Дону; плачутъ Ѳедосья, жена Тимоѳея Валуевича и Марья, жена Дмитрія Всеволожскаго; плачутъ другія жены у Коломны на заборолахъ.

5) **Пятая часть.** Въ пятой части описывается второй моментъ битвы, закончившійся пораженіемъ татаръ.

Владимиръ Андреевичъ и Дмитрій Волынецъ, его воевода, находятся въ засадѣ, наблюдая за ходомъ битвы. Когда наступила пора, Владимиръ и его воевода выскочили изъ засады и ударили на татаръ. Подъ копытами —черная земля; она была усѣяна костьми татарскими и ихъ кровью полита. Сильные полки притоптали холмы и луга; возмутились рѣки, потоки и озера. Кликнулъ Дивъ по всѣмъ землямъ. Поганые потерпѣли пораженіе. „Туто поганые разлучишася разно, бѣжатъ неготовыми дорогами въ Лукоморье, скрегчуще зубы своими, дерущи лица своя и ркущи тако: уже намъ, братія, въ земли своей не бывати и катунь (женъ) и дѣтей своихъ не видать, а на Русь ратью не ходить и выхода намъ у русскихъ князей не просить. Уже бо возстона земля Татарская, бѣдами и тугою покрыся. Уныша бо царей ихъ веселіе и похвала на Русскую землю ходити".

Русскіе разграбили татарское „узорочіе", повезли къ себѣ коней, верблюдовъ, серебро, злато. Русскія жены „восплескаша татарскимъ златомъ". По всей Русской землѣ простерлось ве-

селіе и буйство. Вознеслась русская слава. Дивъ былъ поверженъ на землю.

6) Шестая часть. Шестая часть представляетъ заключеніе.

Князь Дмитрій съ братомъ Владимиромъ и воеводами сталъ „на костѣхъ“, на Куликовомъ полѣ. „Грозно и жалостно, братія, въ то время посмотрѣти, лежатъ трупи христіанскіе у Дона великаго на березѣ, аки сѣнные стоги, и Донъ рѣка три дня кровію текла“.

Дмитрій обратился къ павшимъ съ рѣчью: „Братія, князи и бояра и дѣти боярскіе! То вамъ сужено мѣсто межъ Дономъ и Днѣпромъ на полѣ Куликовѣ, на рѣчкѣ Непрядвѣ, и положили есте головы своя за святыя церкви, за землю Русскую, за вѣру христіанскую. Простите мя, братіе, и благословите въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ.“ Обратившись къ брату, Дмитрій сказалъ: „А чти есми, брате, добыли и славнаго имяни! Богу нашему слава!“

Софонія, авторъ „Повѣданія“, подражаетъ въ своемъ произведеніи—и въ планѣ, и въ образахъ, и даже въ выраженіяхъ „Слову о полку Игоревѣ“.

Такъ, вступленіе „Повѣданія“ представляетъ нѣсколько видоизмѣненное вступленіе „Слова“; за вступленіемъ слѣдуютъ характеристики Дмитрія и Владимира, которыя соотвѣтствуютъ характеристикамъ Игоря и Всеволода; далѣе въ „Повѣданіи“ изображается битва въ двухъ ея моментахъ, какъ и въ „Словѣ“, съ тою лишь разницею, что въ „Повѣданіи“ оказывается для русскихъ неудачнымъ первый моментъ, а въ „Словѣ“ — второй; плачу Ярославны въ „Словѣ“ соотвѣтствуетъ въ „Повѣданіи“ плачъ женъ русскихъ; оба произведенія оканчиваются славой.

При сходствѣ между „Повѣданіемъ“ и „Словомъ“ есть и огромное различіе. *Во-первыхъ*, „Слово“ — произведеніе оригинальное, тогда какъ „Повѣданіе“—произведеніе подражательное и, слѣдовательно, стоящее далеко ниже перваго. *Во-вторыхъ*, въ „Повѣданіи“ нѣтъ древнерусскаго языческаго анимизма: его міровоззрѣніе—новое національное русское міровоззрѣніе, выработанное къ концу XI в. и къ началу XII в. на основахъ еврейско-византійско-болгарскаго міропониманія.

159. Сказаніе о побоищѣ Дмитрія Донского. Сказаніе о побоищѣ Дмитрія Донского представляетъ изъ себя подробное развитіе лѣтописной повѣсти о Мамаевомъ по-

бонщѣ (§ 157). Это сказаніе дошло до насъ не въ первоначальномъ своемъ видѣ, а въ цѣломъ рядѣ позднѣйшихъ переработокъ. Самая ранняя редакція „Сказанія“ составлена около 1426 г.

Въ „Сказаніи“ представляетъ интересъ рядъ эпизодовъ и вставокъ, отличающихъ его отъ лѣтописной повѣсти. Таковъ, напр., эпизодъ о примѣтахъ Дмитрія Боброка Волынца, руководившаго засаднымъ полкомъ.

Дмитрій Волынецъ изображается, какъ „воевода нарочитъ и полководецъ изященъ и удалъ зѣло“. Онъ сдерживаетъ князя Владимира Андреевича, рвавшагося на битву, совѣтуя выждать удобное время. Дмитрій повелъ князя въ поле, чтобы наблюдать примѣты объ исходѣ битвы. Примѣты оказались двоякаго рода,—на добро и на скорбь.

Съ непріятельской стороны шли примѣты, предвѣщавшія избіеніе татаръ: „Кличь и стукъ велій, аки торжища снимаются и аки грады зиждуще, и яко трубы гласятъ... волцы выюще страшно велми... во птицахъ трепетъ велій, кричаще и крылами біюще, и враны грающе, и орлы клегчюще“! На русской сторонѣ была „тишина... точію отъ множества огневъ снимахуся зари“.

Примѣты на скорбь предвѣщали, что побѣда достанется русскимъ тяжкой цѣной. Дмитрій такъ излагаетъ эти примѣты: „Припадахъ убо ухомъ на землю и слышахъ землю плачущу надвое, горко зѣло и страшно; едина убо страна, аки нѣкаа жена напрасно плачющи, дерзающи и кричящи татарскимъ гласомъ о чадѣхъ своихъ, бьющихся и слезы изливающи, аки рѣки; а другая страна земли, аки нѣкаа дѣвица плачющи и воплющи, аки свирѣлнымъ плачевнымъ гласомъ въ скорби и въ печали велицѣ“.

Другой эпизодъ, наложивший отпечатокъ на все „Сказаніе“ въ переработанномъ видѣ, изображаетъ отношенія между княземъ Дмитріемъ и митрополитомъ Кипріаномъ (§ 149). Дмитрій въ этомъ эпизодѣ изображается смиреннымъ „сыномъ“ митрополита, слѣдующимъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ совѣтамъ „отца своего“ митрополита: Дмитрій отправляетъ посла къ Мамаю съ дарами по совѣту Кипріана; Дмитрій рѣшается на сраженіе съ татарами по настоянію Кипріана; передъ битвой князь поручаетъ себя молитвамъ чудотворца Петра, пр. Сергія и „великаго святителя Кипріана“; о посѣщеніи

пр. Сергія и о предсказаніи его князь сообщаетъ одному только Кипріану; князь кается въ своихъ грѣхахъ передъ Кипріаномъ, и Кипріанъ его утѣшаетъ и поучаетъ. Такая характеристика отношеній между Дмитріемъ Донскимъ и Кипріаномъ, противорѣчащая историческимъ фактамъ и явно выдвигающая впередъ личность Кипріана, привела изслѣдователей къ тому выводу, что „Сказаніе“ было переработано однимъ изъ сторонниковъ Кипріана, желавшимъ прославить этого митрополита въ потомствѣ.

Третій и четвертый эпизоды касаются посѣщенія княземъ монастыря пр. Сергія и храбрости двухъ иноковъ, Пересвѣта и Осляби, которые были даны Дмитрію пр. Сергіемъ.

160. Сказаніе о нашествіи на Москву Тохтамыша. Потерпѣвъ пораженіе на Куликовомъ полѣ, Мамай сталъ собирать новыя войска, чтобы опять идти на Дмитрія, но не успѣлъ въ этомъ: на него напалъ зауральскій ханъ Тохтамышъ и разбилъ его. Мамай бѣжалъ въ Каѳу, гдѣ былъ убитъ. Тохтамышъ овладѣлъ Золотой Ордой. Куликовская битва подняла духъ русскихъ князей и, наоборотъ, принизила духъ татаръ. Тохтамышъ рѣшилъ поправить дѣло. Въ глубокой тайнѣ подготовилъ онъ походъ на Русь и въ 1382 г. явился подъ стѣнами Москвы, взялъ ее хитростью и опустошилъ многія мѣстности Окско-Волжской Руси.

Это событіе послужило предметомъ историческаго сказанія о нашествіи Тохтамыша, которое было составлено около 1383 г. Въ немъ преобладаютъ элементы чисто историческіе.

Въ лѣто 6890 (1382) явилось небесное знаменіе: на небѣ увидѣли нѣкую звѣзду хвостатую, имѣвшую видъ копья. Это знаменіе предвѣщало нашествіе на Русскую землю Тохтамыша.

Князь Дмитрій не могъ собрать большихъ войскъ: Куликовская побѣда страшно истощила русскія силы, и удѣльные князья отказались выставить новыя силы. Князь удалился изъ Москвы въ Кострому. Въ Москвѣ въ его отсутствіи возникла паника и поднялся мятежъ. Въ это время явился въ Москву литовскій князь Остѣй. Онъ подавилъ мятежъ и установилъ порядокъ. Когда татары подошли къ Москвѣ, городъ могъ противъ нихъ защищаться.

Во время осады добрые люди проводили время въ молитвахъ и постѣ, а недобрые ходили по богатымъ господскимъ домамъ, выносили изъ нихъ меды и сосуды, напивались до-

пьяна и со стѣнъ городскихъ ругались надъ татарами, крича, что за крѣпкими каменными стѣнами и желѣзными воротами они не боятся ихъ.

Одинъ московскій суконникъ, по имени Адамъ, пустилъ изъ своего самострѣла стрѣлу въ татарскій лагерь и убилъ сына одного изъ знатныхъ ордынскихъ князей (кн. 1, §§ 219—220). Смерть его причинила татарамъ и самому Тохтамышу большую печаль.

Татары, видя, что нельзя взять города, прибѣгли къ хитрости. Они отправили къ стѣнамъ Москвы своихъ союзниковъ русскихъ князей, которые сказали москвичамъ, что Тохтамышъ сердится на одного только Дмитрія; если москвичи дадутъ царю легкіе дары и отворятъ ворота, то у царя съ Москвой будетъ миръ. Москвичи повѣрили и впустили татаръ въ свой городъ. Тогда произошло страшное избіеніе жителей. Москва была разграблена и сожжена.

161. Сказаніе о Темиръ-Аксакѣ. Въ 1395 г. на Русь совершилъ нашествіе новый татарскій завоеватель Тамерланъ, нанесшій пораженіе Тохтамышу. Тамерланъ дошелъ до города Ельца и взялъ его. Отсюда онъ повернулъ назадъ. Это нашествіе дало поводъ къ составленію сказанія о Темиръ-Аксакѣ, т.-е. о Тамерланѣ (ок. 1396).

Темиръ-Аксакъ не былъ ни изъ царскаго, ни изъ княжескаго, ни изъ боярскаго рода, но изъ простыхъ бѣдныхъ заяцкихъ (зауральскихъ) татаръ. Ремесломъ его было кузнечество; нравомъ онъ былъ „немилостивъ и злодѣйственъ, и хищникъ, и ябедникъ, и татъ“. Господинъ, у котораго онъ работалъ, прогналъ его отъ себя изъ за его злого нрава. Для поддержанія себя Темиръ-Аксакъ занимался кражами и разбоемъ. Однажды онъ укралъ овцу, но былъ пойманъ. Его жестоко избили, такъ что переломили ему ногу, и бросили, какъ мертваго, на съѣденіе псамъ. Но онъ выздоровѣлъ, оковалъ себѣ ногу желѣзомъ и съ этого времени получилъ прозвище Темиръ-Аксакъ, что значитъ желѣзный хромецъ. Нравъ Темиръ-Аксака послѣ этого сталъ еще хуже. Онъ собралъ немилостивыхъ и жестокихъ мужей и юношей и сталъ люто разбойничать и кровь проливать. Когда количество его шайки дошло до ста, Темиръ-Аксакъ былъ провозглашенъ старѣйшиной; когда шайка дошла до 1000 человѣкъ, онъ былъ провозглашенъ княземъ.

Темиръ-Аксакъ началъ завоевывать многія земли и сталъ называться царемъ. Множество странъ завоевалъ Темиръ-Аксакъ, разбилъ Тохтамыша и пошелъ на Русь. Князь Василій Дмитріевичъ собралъ большое войско и сталъ на рѣкѣ Окѣ. По повелѣнію князя великій начальникъ и пастырь преосвященный Кипріанъ послалъ во Владимиръ за иконою Богородицы, написанною, какъ говорили, св. Лукою, евангелистомъ. Въ день, когда икона была привезена въ Москву, произошло великое чудо. Темиръ-Аксакъ уже вторгся въ Рязанскую землю. Здѣсь, отдыхая, увидѣлъ однажды Темиръ-Аксакъ страшный сонъ: онъ увидѣлъ огромную гору; съ горы шли къ нему святители съ золотыми жезлами и угрожали ему, а надъ святителями стояла въ воздухѣ „жена" въ багряныхъ ризахъ со множествомъ воинства, которая „лютѣ" останавливала его. Темиръ-Аксакъ въ ужасѣ проснулся, закричалъ и затрясся. Онъ едва могъ придти въ себя и разсказать о снѣ. Послѣ этого онъ приказалъ войску повернуть назадъ.

Іеромонахъ Симеонъ.

162. Труды іеромонаха Симеона. Іеромонахъ Симеонъ Суздальскій, былъ однимъ изъ спутниковъ митр. Исидора (§§ 40, 115). Возвращаясь обратно, Симеонъ въ чемъ то провинился передъ Исидоромъ, за что былъ посаженъ подъ стражу, когда митрополитъ прибылъ въ Венецію *). Симеону удалось спастись и убѣжать. Онъ явился въ Новгородъ къ архіепископу Евѳимію II, съ которымъ у него, повидимому, были дружескія отношенія. Въ то время въ Новгородѣ жилъ выходецъ изъ Литвы, князь Юрій Семеновичъ, сынъ Лугвенія-Симеона, Ольгердовича. Симеонъ познакомился съ Юріемъ и, между прочимъ, разсказалъ ему о томъ, какія „неправедныя поношенія и укоръ" перенесли православные христіане благодаря уніи. Въ 1441 г. князь Юрій вернулся въ Литву, гдѣ получилъ въ управленіе отъ великаго литовскаго князя Казиміра Смоленскъ. Немного времени спустя послѣ этого въ Смоленскъ прибылъ возвращавшійся въ Москву Исидоръ. Отъ

*) По увѣренію самого Симеона, вина его заключалась въ томъ, что онъ протестовалъ противъ латинства Исидора.

князя Юрія Исидоръ узналъ о томъ, что Симеонъ находится въ Новгородѣ и тамъ бранитъ унію и митрополита. Вѣроятно, по требованію митрополита, князь Юрій хитростью вызвалъ Симеона въ Смоленскъ, схватилъ его и предалъ въ руки митрополита. Симеонъ всю зиму сидѣлъ „во двоихъ желѣзѣхъ въ велицѣй нужи, во единой свитцѣ и на босу ногу", томимый „мразомъ и гладомъ, и жаждою". Затѣмъ Симеона привезли въ Москву. Послѣ бѣгства Исидора Симеонъ былъ освобожденъ отъ цѣпей и отправленъ подъ наблюденіе въ Троицко-Сергіевъ монастырь. Почему — неизвѣстно. Вѣроятно, Симеона, какъ спутника Исидора, подозрѣвали въ сочувствіи уніи. Въ монастырѣ Симеонъ разсказывалъ о своихъ злоключеніяхъ и самого себя представлялъ ученикомъ Марка Эфесскаго, боровшагося на ферраро-флорентійскомъ соборѣ за православіе. Повидимому, Симеону удалось оправдаться отъ подозрѣній, и онъ былъ освобожденъ. Освобожденный, Симеонъ отправился сперва, вѣроятно, на родину, въ Суздаль, а затѣмъ снова въ Новгородъ.

Симеону принадлежатъ два труда: 1) „Исидоровъ соборъ и хожденіи его" и 2) „Путешествіе Симеона Суздальскаго въ Италію".

1) **„Исидоровъ соборъ и хожденіе его"**. Въ то время, какъ неизвѣстный по имени дьякъ-суздалецъ велъ записки о путешествіи Исидора (§ 115), Симеонъ, по порученію митрополита, велъ записки о засѣданіяхъ ферраро-флорентійскаго собора. Записки были переработаны Симеономъ въ цѣлую повѣсть во время вторичнаго его пребыванія въ Новгородѣ (въ концѣ 40-хъ или 50-хъ гг. XV в., но не позже 1458 г., когда скончался Евѳимій II). Эта повѣсть подъ заглавіемъ „Исидоровъ соборъ и хожденіе его" имѣетъ оправдательно-тенденціозный характеръ: *во-первыхъ*, авторъ, излагаетъ событія такъ, чтобы на него самого не падало ни малѣйшихъ подозрѣній въ сочувствіи къ унія; съ этой цѣлью авторъ изображаетъ себя приверженцемъ Марка Эфесскаго, противникомъ уніи и Исидора, пострадавшимъ за несочувствіе къ уніи; *во-вторыхъ*, авторъ освѣщаетъ событія и пренія на соборѣ съ той точки зрѣнія, которая выработалась послѣ флорентійскаго собора въ московскихъ правящихъ кругахъ.

Содержаніе повѣсти таково.

Во вступленіи къ повѣсти Симеонъ сообщаетъ, что свой

трудъ онъ пишетъ по благословенію Марка Эфесскаго, въ богоспасаемомъ Великомъ Новгородѣ, у святого владыки Евѳимія. Въ трудѣ своемъ Симеонъ опишетъ все, что онъ видѣлъ и слышалъ, „како во Фрязской земли, во градѣ Ѳлорентіи, и како на Русской земли и на Москвѣ, тамо начало злу бывшу греческимъ царемъ Іванномъ и греки сребролюбцы и митрополиты, здѣ же на Москвѣ утвердися православіемъ Русская земля христолюбивымъ великимъ княземъ Васильемъ Васильевичемъ“.

„Въ лѣто 6946-ое“,—такъ начинается самая повѣсть,—явился во фрязскій городъ „Ферарь“ на соборъ митрополитъ Исидоръ, а съ митрополитомъ много людей, „и епископъ суздальскій Авраамій, а посолъ отъ великаго князя московскаго Василья Васильевича Ѳома *), и архимандритъ Васіянъ, и мнѣ Симеону тутъ же бывшу въ то время духовникомъ попомъ и тѣмъ всѣмъ людемъ“. Съ пріѣздомъ Исидора, котораго греки болѣе всѣхъ „мнѣли великимъ ѳилосоѳомъ“, начались засѣданія собора. На первыхъ трехъ засѣданіяхъ митрополитъ Маркъ Эфесскій ничего не говорилъ, а на четвертомъ онъ сталъ говорить тихимъ голосомъ къ папѣ, кардиналамъ, арцибискупамъ, бискупамъ и ко всему латинскому языку: „Слыши, честный папа римскій и учителю латынскаго языка, како ты глаголеши и осьмымъ соборомъ нарекаеши, и собе въ началѣ поминаеши, а царя не нарекаеши ни въ которомъ словѣ, и своимъ соборомъ зовеши осьмымъ, и седми святыхъ соборъ отрекаешися, а патріарховъ собѣ братьею не зовеши, а латыню въ началѣ поминаеши, а православіе послѣди поминаеши?“ Папа ничего не отвѣчалъ на это: „велика бо бѣ гордость и буйство латинское, и никакоже возмогоша смиренно гласу его смиренія отвѣщати“. Маркъ продолжалъ: „О латыни! Доколѣ буйствуете и неправду мудрьствуете, и на святыхъ седми соборовъ глаголюще и отрекающеся святыхъ седми папежовъ и святыхъ отецъ заповѣдей, якоже заповѣдавъши намъ православнымъ христіяномъ, блюсти и хранити седми зборы. Святымъ первымъ папою Селивестромъ первый сборъ бысть въ началѣ, а Ондріяномъ послѣдній свершися—ни приложити ни уложити ничесоже, и аще кто приложитъ или уложитъ,

*) Невѣрно: Ѳома, на самомъ дѣлѣ, былъ посломъ тверского князя Бориса Александровича (§ 127).

анаѳема да будетъ. А ты нынѣ, папа Евгеніосъ, не токмо приложилъ еси что добро, но и седми зборъ отрекаешися, а осмымъ зовеши, и собя въ началѣ поминаеши, а святыхъ отецъ не воименуеши, и своимъ зборомъ осьмымъ зовеши, анаѳемѣ предаешися". Услышавъ эти слова Марка, папа, кардиналы, арцибискупы и бискупы встали и быстро вышли, а за ними послѣдовали фрязы, „ѳренцузы", медилеаны, аламаны, нѣмцы, югры, чехи, ляхи, римляне и весь латинскій языкъ. Въ залѣ засѣданія остались только греки и православные. Симеонъ сидѣлъ близъ митрополита Дороѳеоса и видѣлъ, что онъ плачетъ и въ то же время смѣется. На вопросъ Симеона, что означаетъ это его странное настроеніе, Дороѳеосъ отвѣтилъ: „О Симеоне, духовниче русіосъ! Аще бы еси видалъ, что честный и святый Марко еѳесьскій митрополитъ глаголетъ къ папѣ и ко всей Латынѣ, и ты бы такоже, якоже и азъ, плакался и веселился. Яко же ты видѣши честнаго и святаго Марка еѳесскаго,—якоже преже его святый Іоаннъ Златоустый и Василій Кесарійскій, и Григорій Богословъ, такоже и нынѣ святый Марко подобенъ имъ. И ты самъ видиши, како нынѣ Латына глаголати съ нимъ не смѣютъ; папа избѣже и вси книжницы его, и книги своя изнесоша вси". Между тѣмъ всѣ оставшіеся собрались около Марка. Царь сталъ упрекать Марка за то, что онъ такъ „жестоко глаголалъ" папѣ, и заявилъ Марку, что онъ, императоръ, „не на то пришелъ".

Прошло немного дней. Папа сталъ посылать къ царю и патріарху своихъ „гардиналовъ" и арцибискуповъ, а съ ними много „злата и сребра". Маркъ совѣтовалъ царю и патріарху не брать ни золота, ни серебра: „Аще злато и сребро, царю, довольно возьмете, то безчестіе себѣ получите и отъ всѣхъ языкъ поношеніе и укореніе пріемлете; аще ли, царю и патріарше, злато презрите, а пойдете во свою землю, а святыхъ отецъ седми соборъ заповѣди не погрѣшивше, то отъ Бога милость получите и отъ святыхъ отецъ благословеніе пріимите, еще же и честь и славу получите". Но царь не послушалъ Марка, взялъ „довольно" злата, а по его примѣру многіе греки „взяли себе на злато". Потомъ начали „соборовати" на счетъ того, чѣмъ бы „усладить" и Марка. Но Марка, этого храбраго Христова воина божественной церкви, нельзя было ни „усладить" золотомъ и серебромъ, ни книгами „умолвить".

Засѣданія собора были перенесены въ Феррару. Маркъ продолжалъ бороться за православіе. Однажды Маркъ во время засѣданія поднялся и пошелъ изъ зала. Нѣкій философъ, именемъ Иванъ, началъ злословить Марку и „въпреки глаголати съ нимъ". Маркъ не вступилъ съ нимъ въ споръ, а только сказалъ ему, выходя изъ дверей: „Иди, буди готовъ, да отселѣ не злословиши на святыхъ седми соборовъ святыхъ отецъ". По окончаніи засѣданія Иванъ вернулся въ свой дворъ и тотчасъ умеръ. Царь началъ гнѣваться на Марка и немедленно послѣ этого впалъ въ великій недугъ.

Православные раздѣлились на двѣ партіи: одна держалась убѣжденій Марка, другая поддерживала царя и патріарха. Тогда папа сталъ требовать отъ царя, чтобы дѣло было окончено и чтобы онъ укротилъ Марка и его приверженцевъ. Царь указалъ папѣ на примѣръ Ивана философа. Папа испугался и послалъ къ Марку пословъ, не со зломъ, а съ великою почестью, „повелѣ насыпати велико блюдо злато золотыхъ и ковшъ златъ золотыхъ". Маркъ даже не впустилъ къ себѣ пословъ „папежскихъ". Тогда рѣшили обойтись безъ Марка. Въ „болшей божницѣ" собралось безчисленное множество людей, мужей и женъ, царь и митрополиты но не всѣ *). Явился самъ папа „съ великою буестію и гордостію". Когда папа сѣлъ на свое мѣсто, всѣ митрополиты встали, подошли къ папѣ и „приклянуша (преклонили колѣни) къ папѣ по ѳрязскому праву". Самъ царь припалъ на колѣни и всѣ греки. „Намъ же то видѣвше,—говоритъ Симеонъ,—плачющимся, но токмо глаголющимъ: Господи, согрѣшихомъ! И мнѣ вставшу съ мѣста своего, убоявшуся, аще и мнѣ повелятъ тако же приклякнути". Царь, митрополиты и греки подписали грамоты, и митрополитъ Исидоръ подписалъ за себя и за свою землю. Потребовали подписи отъ епископа Авраамія суздальскаго. Авраамій отказался. Тогда Исидоръ посадилъ его въ темницу. Авраамій посидѣлъ въ тюрьмѣ недѣлю, а потомъ далъ свою подпись, „не хотѣніемъ, но нужею".

Когда унія была подписана, „папа царю греческому вда честь велію, не прихода его ради, но подписанія его ради и прикляканья". Послѣ этого участники собора стали разъѣзжаться. Исидоръ также отправился въ обратный путь. Въ

*) Патріархъ къ этому времени скончался.

Венеціи Исидоръ сдѣлалъ остановку. Здѣсь онъ ходилъ по „божницамъ“, „приклякалъ“ по фрязскому обычаю и велѣлъ такъ дѣлать и своимъ подчиненнымъ. Симеонъ сталъ спорить съ нимъ объ этомъ и за это былъ арестованъ. Онъ бѣжалъ изъ Венеціи вмѣстѣ съ посломъ Ѳомой и прибылъ въ Новгородъ къ владыкѣ Евѳимію, а оттуда онъ былъ приглашенъ княземъ Юріемъ въ Смоленскъ, гдѣ снова былъ арестованъ, закованъ въ цѣпи и отправленъ въ Москву.

„Въ лѣто 6949-ое пришедшу митрополиту Исидору изо Ѳрязской земли изъ собора отъ папы римскаго Евгенія на Москву къ благовѣрному и христолюбивому, и благочестивому, истинному православному великому князю Василію Васильевичу бѣлому царю всея Руси, съ великою гордостью и неправдою и буйствомъ латынскимъ нося предъ собою крыжъ (латинскій крестъ) и палицу сребряну: крыжъ нося во креста мѣсто, являя латинъскую вѣру, а палицу нося — гордость и буйство латиньское. Аще кто не приклякнетъ ко крыжу, то палицею ударивше, приклякнути велитъ, якоже у папы тако творятъ“. Прощаясь съ папой, Исидоръ хвалился, что ему безъ труда удастся ввести на Руси унію: „Вси въ моей руцѣ,—говорилъ онъ,—вси князи и епископи; ниединъ со мною не можетъ глаголати; а самъ князь великій младъ есть и въ моей воли есть, а иные князи велицы боятся мене... А епископи ихъ не книжни суть и боятся мене; не смѣти имъ со мною о томъ впреки глаголати: азъ волю свою возму, а твою сотворю, латинъскую вѣру пріимутъ, тогда во церкви имя твое поминаю всегда, и князи къ тебѣ приведу вси, и христіанство все отъ греческія вѣры въ латинство приведу, и въ Римъ приведу ихъ къ тебѣ, и дары ти принесутъ, и въ Царьградъ не пойдутъ“...

Пріѣхавъ въ Москву, Исидоръ вошелъ въ соборную церковь Пречистой Богородицы и сталъ совершать литургію. На литургіи онъ помянулъ прежде всего папу Евгеніаса, а патріарховъ не помянулъ. Князь Василій Васильевичъ, хотя и молодой въ тѣ времена, былъ умомъ благоразуменъ, богобоязненъ, не книженъ, не грамотенъ, но твердый въ вѣрѣ и горящій духомъ теплоты. Этотъ князь уподобился Константину В. и Владиміру св. и оказался поборникомъ православной вѣры. Онъ урѣзалъ колосъ латинскаго буйства и не далъ ему возрасти въ православныхъ церквахъ; онъ изгналъ зловѣрнаго

хитреца, златолюбца, разорителя православной вѣры, ученика злонравнаго папы римскаго Евгеніаса, изгналъ изъ Москвы, гдѣ лежитъ животворное тѣло святого митрополита и чудотворца Петра. Петръ своими молитвами вразумилъ Василія и утвердилъ на главѣ его вѣнецъ истинной православной греческой вѣры. „И самому тому царю греческому отступившу киръ-Іоанну отъ свѣта благочестія, и омрачися тьмою латинскія ереси, а отечество твоего княженія просвѣтися свѣтомъ благочестія, недуги исцѣли и душа спасе церковными ученіи“.

Въ заключеніи авторъ приглашаетъ духовенство и православныхъ христіанъ радоваться и веселиться.

2) **„Путешествіе Симеона Суздальскаго въ Италію“.** Этотъ трудъ Симеона, составленный, вѣроятно, въ концѣ 50-хъ годовъ, представляетъ переработку „Путешествія митр. Исидора въ Италію“ (§ 115). Переработка состоитъ въ томъ, что авторъ, буквально переписывая труды своего соотечественника, вставляетъ тамъ и сямъ замѣчанія въ духѣ предыдущаго сочиненія, а иногда опускаетъ тѣ или другія мѣста.

Въ началѣ „Путешествія“ сдѣлана большая вставка, въ которой характеризуется Исидоръ, пріѣхавшій въ Москву, и приводится бесѣда великаго князя съ новымъ митрополитомъ. Исидоръ былъ принятъ княземъ „честнѣ“. Но Исидоръ „подстрѣкаемъ сатаною бысть“, и „по малѣ времени своего пришествія нача дерзновенно тщатись соборному путешествію и повѣдаше, яко быти нынѣ въ Римской земли собранію осьмаго собора, мятежа ради и раскола, еже Гречестѣй церкви съ Римскою, о растворенiи Святаго Тѣла и крове Божія на святѣмъ жертвенницѣ, еже въ кисломъ хлѣбѣ раствореніе и въ опресноцѣхъ, и прочее о Святѣмъ Дусѣ“. Великій князь возбранялъ Исидору ѣхать на соборъ. Исидоръ не послушался. Тогда князь взялъ съ него клятву крѣпко стоять за православіе.

Въ разсказѣ о торжественной встрѣчѣ, устроенной Исидору въ Юрьевѣ, сдѣлана такая вставка: „Латыны же и нѣмцы крыжъ изнесоша противу его, почести его ради; онъ же, преступивъ тяжкую клятву свою, ею же кляхся о благочестіи великому князю Василью Васильевичу всея Руси... Прежъ бо возрѣ и поклонися, и притече, любезно цѣлова и знаменася въ крыжъ латинскій, а по сихъ пріиде ко св. крестамъ православнымъ. Послѣдовавше-жъ, и провожаше и чтяше крыжъ

латинскій, и иде съ нимъ до костела, сирѣчь до церкви ихъ, а о святыхъ крестахъ православія небрежаше, ни провожаше. Видѣвъ же сія боголюбивый Авраамій, владыка Суздальскій, и вси на томъ пути бывшіе съ нимъ православные христіяне, еже таковая нечестія отъ него святымъ крестамъ бываема, въ томъ часѣ ужасомъ одержима быша, зане бо не дошедъ Рима, таковая богоотступная дѣяше".

Въ разсказѣ о пріѣздѣ въ Феррару Симеонъ прибавляетъ: „идѣ же тогда богоотмѣтный суемысленный осьмый соборъ папа римскій составляше". Въ перечисленіи состава собора Симеонъ вставляетъ слѣдующую рѣчь греческаго императора киръ-Ивана къ папѣ и ко всѣмъ бывшимъ тамъ: „Яко восточніи земли суть Рустіи, и больше есть православіе и высшее христіанство Бѣлыя Русіи, въ нихъ же есть государь великій и братъ мой, Василій Васильевичь, ему же восточніи цари прислухаютъ, и великіе князи со землями служатъ ему. Но смиренія ради благочестія, величества разума и благовѣрія не зовется царемъ, но княземъ великимъ русскимъ, своихъ земель православія". При перечисленіи засѣданій Симеонъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: „И тако бысть двадцать пять соборовъ и не могоша ничесо сотворити, зане сила православія бѣ велика, и ничесо же латини успѣша".

Дѣлая такого рода вставки, Симеонъ, какъ выше сказано, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сокращаетъ текстъ дьяка-суздальца. Такъ, онъ опустилъ дневникъ соборныхъ засѣданій и нѣсколько извѣстій о событіяхъ.

163. Повѣсть о созданіи и взятіи Царьграда. Взятіе Константинополя турками (1453) послужило поводомъ къ составленію „Повѣсти о созданіи и взятіи Царьграда". Авторъ этой повѣсти — грекъ, Несторъ-Искандеръ, принявшій послѣ взятія Константинополя магометанство. Повѣсть распадается на двѣ части: въ первой, краткой, разсказывается объ основаніи Царьграда, во второй, пространной—о взятіи Царьграда турками.

Константинъ В. задумалъ создать городъ во имя свое и послалъ мудрыхъ мужей въ Азію, Ливію и Европію избрать мѣсто для этого. Исполнивъ приказаніе и вернувшись къ царю, посланные стали хвалить ему Македопію и Византію. Константинъ же „болма прилежаше мыслію на Троаду, идѣже и всемірная побѣда бысть грекамъ на ряги". Помышляя объ

этомъ день и ночь, царь однажды услышалъ во снѣ гласъ: „въ Византіи подобаетъ Константинограду создатися“. Константинъ, проснувшись, послалъ въ Византію „магистровъ и градскихъ дѣлателей готовити мѣсто“, а затѣмъ отправился туда и самъ и увидѣлъ, что на избранномъ мѣстѣ находится семь горъ. Во время работъ произошло такое знаменіе. Изъ норы внезапно вышелъ змѣй. Вдругъ сверху на змѣя палъ орелъ, схватилъ его и взвился наверхъ. Долго не видно было орла. Вдругъ увидѣли, что орелъ, побѣжденный змѣемъ, падаетъ внизъ. Прибѣжали люди, убили змѣя и освободили орла. Книжники и мудрецы такъ объяснили царю это знаменіе: „Сіе мѣсто Седмохолмый наречется и прославится и възвеличится во всей вселеннѣй паче иныхъ градовъ... А орелъ есть знаменіе христіаньское, а змій—знаменіе бесерменьское; и понеже змій одолѣ орла, являетъ, яко бесерменство одолѣеть христіанства; а понеже храстіаня зміа убиша, а орла изымаша, являетъ, яко напослѣдокъ паки христіанство одолѣетъ бесерменства, и Седмохолмаго пріимутъ и въ немъ воцарятся“.

Царьградъ, дѣйствительно, прославился во вселенной болѣе всѣхъ другихъ городовъ. Но наше „естество“ тяжкосердо и нерадиво: насъ прельщаютъ злодѣянія и беззаконія. То же самое было и въ Царьградѣ, и за это его въ послѣднія времена постигали различныя напасти: нашествіе невѣрныхъ, междоусобныя брани, эпидеміи, голодъ и т. д. Оскудѣли сильные, обнищали люди; царствующій градъ смирился „до зѣла“.

Въ лѣто 6961 (1453) безбожный Магметъ, Амуратовъ сынъ, воздвигъ брань на православнаго царя Константина Ивановича. Началась осада Царьграда турками. Все это произошло за наши грѣхи „и яко да збудутся все преждереченная о градѣ семъ при Константинѣ Велицѣмъ цари и Лвѣ Премудромъ и Меѳодіемъ, епископомъ Патрьскимъ“ (кн. 1-ая, § 123). Греки мужественно оборонялись отъ турокъ; императоръ совершалъ богатырскіе подвиги.

Однажды произошло страшное знаменіе. Внезапно освѣтился весь городъ. Прибѣжали стражи, думая, что турки зажгли городъ. Оказалось, что изъ оконъ св. Софіи вырвалось великое пламя, охватило куполъ на долгое время, потомъ собралось вмѣстѣ и взвилось на небо; двери небесныя отверзлись, приняли пламя и снова закрылись. На слѣдующій день патріархъ Анастасій, собравъ бояръ и всѣхъ совѣтниковъ, отправился къ

царю и объяснилъ ему, что неизреченный свѣтъ, дѣйствовавшій въ св. Софіи, и ангелъ Божій, охранявшій градъ и церковь, отошли на небо, и городъ за грѣхи будетъ преданъ врагамъ.

Произошло и другое знаменіе. Надъ городомъ нависла страшная тьма. Въ сгущенномъ воздухѣ показались, на подобіе слезъ, красныя капли, величиною съ буйволовый глазъ и стали падать на землю. Это предвѣщало гибель города.

Городъ былъ взятъ. Грѣхъ ради нашихъ беззаконный Магметъ сѣлъ на царскомъ престолѣ, самомъ благородномъ подъ солнцемъ. Но пусть окаянный помнитъ, что, если предсказанія Меѳодія Патарскаго и Льва Премудраго и знаменія о Царьградѣ исполнились, то исполнится и другое предсказаніе: „русіи же родъ (родъ русоволосыхъ) съ преждесоздателными всего измаилта побѣдятъ и Седмохолмаго пріимутъ съ преждезаконми его и въ немъ въцарятся“.

„Повѣсть о созданіи и взятіи Царьграда“ пользовалась у насъ большою популярностью. Конецъ повѣсти особенно занималъ умы русскихъ читателей своимъ предсказаніемъ. Въ XVI в. „русій родъ“, т.-е. родъ русоволосый (переводъ греческаго выраженія — ξανθὸν γένος), по созвучію, былъ превращенъ въ „русійскій“, а потомъ въ „русскій“ родъ.

164. Дополненіе къ „Сказанію о Вавилонскомъ царствѣ“. Ко второй половинѣ XV в. относится дополненіе къ „Сказанію о Вавилонскомъ царствѣ“ (кн. 1-ая, § 132). Въ дополненіи сообщается, что византійскій царь Левъ послалъ князю Владиміру Кіевскому „сердоликову крабицу (шкатулку) со всѣмъ виссономъ царскимъ“ и шапку мономахову, „иже взято отъ Вавилона“.

Дополненіе къ „Сказанію“ имѣетъ цѣлью изобразить переходъ царской власти отъ византійскаго императора къ русскому великому князю.

Пахомій Логоѳетъ.

(† ок. 1485).

165. Пахомій Логоѳетъ. Пахомій Логоѳетъ былъ по своему происхожденію сербъ, постригшійся въ монахи на Аѳонѣ. Съ Аѳона онъ явился въ 1429 г. въ Новгородъ. Съ этого времени начинается широкая и разносторонняя литературная

дѣятельность Пахомія. Съ 1440 г. до 1459 г. Пахомій трудится для Москвы, въ Троицкомъ монастырѣ. Въ 1459 г. новгородскій владыка приглашаетъ Пахомія въ Новгородъ. Здѣсь Пахомій трудился до 1462 г. Неизвѣстно, гдѣ находился и что дѣлалъ Пахомій съ 1462 г. до 1472 г. Съ 1472 г. Пахомій опять находится въ Москвѣ, гдѣ, вѣроятно, трудился до конца жизни. Когда Пахомій скончался, неизвѣстно; слѣды его литературной дѣятельности можно отмѣтить до средины 80-хъ гг. XV в.

Пахомій Логоѳетъ представляетъ любопытный типъ правительственнаго литератора, исполняющаго по заказу тѣ или другія работы и приспособляющагося ко вкусамъ своихъ заказчиковъ. Такъ, въ произведеніяхъ, которыя Пахомій писалъ для новгородскаго правительства, проявляется патріотизмъ новгородскій, а въ произведеніяхъ, писанныхъ для Москвы, — патріотизмъ московскій.

166. Труды Пахомія Логоѳета. Пахомій писалъ каноны святымъ, житія святыхъ, составилъ сказаніе о смерти Батыя (кн. 1-ая, § 224). Ему приписываютъ также составленіе перваго русскаго хронографа, публицистическаго произведенія „Слово избрано отъ св. писаній, еже на латыню“, „Сказаніе о князехъ Владимирскихъ“ и „Степенную книгу“ въ первой ея редакціи.

Произведенія эти большею частью несамостоятельны: они представляютъ или переработку произведеній другихъ авторовъ, или компиляціи.

1) Житія святыхъ. Пахомій составилъ житія слѣдующихъ московскихъ и иныхъ святыхъ: Сергія Радонежскаго, митрополита Алексѣя, Михаила, князя Черниговскаго, Никона, игумена Троицкаго монастыря и Кирилла Бѣлозерскаго. Изъ нихъ наиболѣе замѣчательны житія Сергія Радонежскаго и Кирилла Бѣлозерскаго.

а) Житіе пр. Сергія Радонежскаго. Это произведеніе Пахомія, составленное, вѣроятно, въ 40-хъ годахъ, представляетъ переработку житія, написаннаго Епифаніемъ Премудрымъ (§ 152). Переработка Пахомія имѣла опредѣленную практическую цѣль. Братія Троицко-Сергіева монастыря нуждалась въ такомъ житіи Сергія, которое удобно было бы для чтенія въ церкви въ праздникъ, посвященный памяти основателя монастыря. Житіе, принадлежавшее перу Епифанія, было

слишкомъ обширно для этого. Пахомій сильно сократилъ его, опустивъ многочисленныя отступленія Епифанія, а то, что онъ заимствовалъ, подвергъ переработкѣ и дополнилъ посмертными чудесами Сергія. Какой характеръ носила переработка Пахомія, можно видѣть изъ сопоставленія его житія съ житіемъ Епифанія.

Разсказывая о переселеніи отца Сергія изъ Ростова, Епифаній указываетъ и причину его — московскія насилія; Пахомій счелъ неудобнымъ упомянуть такую причину, бросающую тѣнь на московскихъ князей, и предпочелъ оставить фактъ переселенія безъ всякаго объясненія. Епифаній сообщаетъ, что Сергій, собираясь уйти въ пустыню, отдалъ свою долю наслѣдства младшему брату; Пахомій, найдя, что это недостаточно для приданія Сергію святости, говоритъ, что Сергій роздалъ свое имущество бѣднымъ. Епифаній говоритъ, что въ лѣсу, гдѣ поселился Сергій, было много гадовъ и звѣрей; Пахомій говоритъ, что это были бѣсы, которые превращались въ гадовъ и звѣрей и нападали на Сергія. Епифаній, разсказывая объ уходѣ Сергія изъ собственнаго монастыря, объясняетъ это тѣмъ, что нѣкоторые изъ братіи, въ томъ числѣ родной братъ Сергія, Стефанъ, не желали имѣть Сергія игуменомъ; Пахомій умалчиваетъ объ этомъ неудобномъ фактѣ и представляетъ дѣло такъ, что Сергій ушелъ изъ монастыря добровольно, изъ любви къ уединенію. Епифаній даетъ болѣе или менѣе точный и послѣдовательный разсказъ о событіяхъ изъ жизни Сергія и хорошо изображаетъ постепенный ростъ Сергіева монастыря; Пахомій, разсказавъ объ уединенной жизни Сергія, переходитъ при помощи общихъ мѣстъ прямо къ тому времени, когда составилась уже многочисленная монашеская община.

Изъ этого сопоставленія видно, что Пахомій не считался съ дѣйствительными фактами, и съ цѣлью придать изображаемому лицу черты особенной святости безъ всякаго стѣсненія подвергалъ факты измѣненію.

б) Житіе св. Кирилла Бѣлозерскаго. Житіе св. Кирилла Бѣлозерскаго (§ 153), составленное между 1462 — 1470 гг., является самымъ обширнымъ и лучшимъ произведеніемъ Пахомія. Для его составленія Пахомій прежде всего отправился (1461) въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, гдѣ сталъ собирать матеріалы. Въ монастырѣ Пахомій засталъ еще учени-

ковъ Кирилла и очевидцевъ его дѣятельности. Отъ нихъ онъ собралъ много цѣнныхъ фактическихъ свѣдѣній о жизни и дѣятельности святого. Хотя Пахомій излагаетъ эти свѣдѣнія безъ надлежащей послѣдовательности, въ формѣ краткихъ повѣстей-анекдотовъ, однако и по нимъ образъ Кирилла рисуется отчетливо, и притомъ, что особенно важно, въ томъ освѣщеніи, которое придано было ему разсказчиками, иноками Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря.

Кириллъ (въ мірѣ—Козьма), —повѣствуетъ Пахомій, — родился въ Москвѣ отъ благочестивыхъ родителей. Умирая, родители поручили своего сына родственнику Тимоѳею, который превосходилъ многихъ бояръ честью и богатствомъ и служилъ окольничимъ у Дмитрія Донского. Богатства Тимоѳея не оказали вліянія на юношу: онъ вперилъ свою мысль къ Богу, прилежалъ непрестанно къ церкви, предавался посту и молитвѣ и одного только желалъ: принять иночество. Но Тимоѳей не давалъ на это своего согласія. Когда Козьма достигъ зрѣлаго возраста, Тимоѳей, видя его добродѣтель, проникся къ нему большимъ довѣріемъ и сдѣлалъ управляющимъ въ своемъ имѣніи.

Случилось, что въ Москву пріѣхалъ знаменитый подвижникъ Стефанъ Махрищскій *). Козьма со слезами открылъ Стефану свое желаніе. Прозрѣвъ въ Козьмѣ избранный сосудъ Св. Духа, Стефанъ сталъ утѣшать его и обѣщалъ исполнить его желаніе. Раздумывая о томъ, какъ исполнить свое обѣщаніе, Стефанъ рѣшилъ облечь Козьму въ рясофоръ, назвалъ его Кирилломъ, а остальное предоставилъ волѣ Божіей. Послѣ этого Стефанъ пошелъ къ Тимоѳею. Тимоѳей съ честью встрѣтилъ Стефана въ дверяхъ своего дома и попросилъ у него благословенія. Стефанъ сказалъ Тимоѳею, что его богомолецъ Кириллъ благословляетъ его. Удивленный бояринъ спросилъ, кто это Кириллъ. Узнавъ, что это—Козьма, бояринъ пришелъ въ гнѣвъ и сказалъ Стефану досадительную рѣчь. Стефанъ сказалъ боярину, что Іисусъ Христосъ велѣлъ своимъ ученикамъ пребывать тамъ, гдѣ ихъ слушаютъ и принимаютъ, а

*) Преп. Стефанъ Махрищскій († 1406), къ которому удалился Сергій Радонежскій послѣ столкновенія съ братомъ, происходилъ изъ Юго-Западной Руси и былъ постриженникомъ Кіевопечерскаго монастыря. Около 1355 г. онъ явился въ Москву, а затѣмъ основалъ собственный монастырь при впаденіи рѣчки Махры въ рѣку Молокшу (во Владимирской губерніи).

гдѣ этого нѣтъ, оттрясать прахъ отъ ногъ своихъ. Сказавъ это, Стефанъ удалился. Жена Тимоѳея, услышавъ слова Стефана, стала пенять своему мужу за то, что онъ оскорбилъ старца. Тимоѳей раскаялся и послалъ вернуть Стефана. Стефанъ и Тимоѳей попросили другъ у друга прощенія. Примирившись съ происшедшимъ фактомъ, Тимоѳей позволилъ Кириллу послѣдовать своему влеченію, и Кириллъ немедленно роздалъ свое имущество нищимъ. Стефанъ повелъ Кирилла въ Симоновскій монастырь, который только что былъ основанъ племянникомъ преп. Сергія Ѳеодоромъ, и здѣсь Кириллъ былъ совершенно облеченъ въ иноческій образъ.

Въ Симоновомъ монастырѣ Кириллъ предался чрезвычайнымъ трудамъ: постился, изнурялъ плоть, не вѣдалъ сна, раньше всѣхъ являлся въ церковь къ утреннему пѣнію.

Въ скоромъ времени архимандритъ назначилъ Кириллу послушаніе въ хлѣбнѣ. Здѣсь Кириллъ сталъ подвизаться еще болѣе неутомимо: носилъ воду самъ, рубилъ дрова, разносилъ теплые хлѣбы братіи. Иногда заходилъ въ Симоновскій монастырь къ своему племяннику пр. Сергій. И Сергій прежде всего отправлялся въ хлѣбню къ Кириллу и велъ съ нимъ долгія бесѣды. Братія изумлялась, какимъ образомъ такой подвижникъ, какъ Сергій, оставивъ архимандрита и братію, занимается однимъ только Кирилломъ.

Изъ хлѣбни Кириллъ былъ переведенъ въ поварню.

Своими подвигами Кириллъ обратилъ на себя вниманіе всей братіи. Это смутило Кирилла, и онъ, чтобы избѣжать суетныхъ почестей, сталъ юродствовать. Архимандритъ наложилъ за это на Кирилла сорокадневную эпитимію. Съ радостью Кириллъ переносилъ ее.

Когда архимандритъ Ѳеодоръ былъ назначенъ епископомъ въ Ростовъ, братія выбрала на его мѣсто Кирилла, хотя Кириллъ изо всѣхъ силъ отказывался. Руководя монастыремъ, Кириллъ предавался еще большимъ трудамъ, пребывая въ прежнемъ смиреніи и любви: старшихъ почиталъ, какъ свою братію, младшихъ ласкалъ, какъ дѣтей. Къ Кириллу стали стекаться князья и вельможи для бесѣдъ и отвлекали его отъ безмолвія. Тогда Кириллъ оставилъ игуменство, и на его мѣсто былъ избранъ Сергій, впослѣдствіи епископъ рязанскій.

Архимандритъ Сергій позавидовалъ славѣ Кирилла и возненавидовалъ на него. Кириллъ не оскорбился и ушелъ въ дру-

гой монастырь. Однажды, поздно вечеромъ, когда Кириллъ пѣлъ акаѳистъ передъ иконой Богородицы, раздался голосъ Богородицы, звавшій его на Бѣлоозеро, гдѣ ему уготовано мѣсто для спасенія. Въ то же время съ сѣверной стороны возсіялъ великій свѣтъ. Кириллъ открылъ оконце въ своей кельѣ и увидѣлъ мѣсто, какъ бы перстомъ указываемое ему.

Нѣкоторое время спустя послѣ этого къ Кириллу пришелъ изъ Бѣлозерья инокъ Ѳерапонтъ, бывшій его товарищъ по Симонову монастырю. Разговорившись съ Ѳерапонтомъ, Кириллъ узналъ, что на Бѣломъ-озерѣ есть много хорошихъ мѣстъ для отшельнической жизни. Согласившись другъ съ другомъ, Кириллъ и Ѳерапонтъ отправились въ Бѣлозерье. Послѣ долгихъ скитаній Кириллъ внезапно увидѣлъ мѣсто, указанное ему въ видѣніи. Онъ поставилъ на этомъ мѣстѣ крестъ, затѣмъ вмѣстѣ съ Ѳерапонтомъ сталъ копать въ землѣ келью. Въ скоромъ времени Ѳерапонтъ удалился за пятнадцать поприщъ отъ найденнаго Кирилломъ мѣста и тамъ, при другомъ озерѣ, основалъ свой монастырь.

Мѣсто, избранное Кирилломъ, было почти со всѣхъ сторонъ окружено водою, а внутри оно густо заросло деревьями. Въ своей пещерѣ Кириллъ сталъ подвизаться противъ козней діавола. Нерѣдко онъ обходилъ окружавшую его пустыню съ двумя крестьянами, которые приходили къ нему изъ окрестныхъ мѣстъ. Однажды во время такого обхода, по навѣту діавола, Кирилломъ овладѣлъ такой сонъ, что онъ прилегъ подъ однимъ высокимъ деревомъ. Едва Кириллъ уснулъ, какъ услышалъ голосъ, приказывающій ему бѣжать отсюда. Кириллъ вскочилъ и бросился бѣжать. Въ тотъ же мигъ дерево, подъ которымъ онъ спалъ, свалилось.

Одинъ разъ Кириллъ рубилъ лѣсъ, очищая мѣсто для огорода. Отъ жары и сухости загорѣлись сучья. Повалившій дымъ окружилъ со всѣхъ сторонъ Кирилла, и Кириллъ не зналъ, какъ спастись отъ огня и дыма. Вдругъ передъ Кирилломъ предсталъ мужъ во образѣ Тимоѳея, который взялъ его за руку и вывелъ изъ огня.

Недалеко отъ Кирилла жилъ крестьянинъ, которому непріятно было сосѣдство отшельника. По наущенію діавола онъ задумалъ сжечь келью Кирилла. Онъ приложилъ къ стѣнѣ огонь и, отойдя на нѣкоторое разстояніе, сталъ смотрѣть. Огонь погасъ самъ собою. Тогда крестьянинъ, охваченный ужасомъ,

палъ къ ногамъ преподобнаго и сознался въ своей винѣ. Кириллъ простилъ его. Немного времени спустя этотъ крестьянинъ пришелъ къ Кириллу и просилъ постричь его.

Скоро къ преподобному явилось нѣсколько иноковъ изъ Симонова монастыря, а потомъ отовсюду стали стекаться желающіе принять иночество. Явилась необходимость въ построеніи церкви. Никѣмъ не приглашенные явились древодѣли, которые построили церковь во имя Успенія Богородицы. Распространились слухи, что Кириллъ, какъ бывшій архимандритъ Симонова монастыря, принесъ съ собою много денегъ. Одинъ бояринъ, Ѳеодоръ, желая завладѣть этими деньгами, подослалъ ночью разбойниковъ, чтобы отнять ихъ у Кирилла. Когда разбойники подошли къ монастырю, они увидѣли множество людей, которые пускали изъ луковъ стрѣлы. Разбойники ушли назадъ. На слѣдующій день повторилось то же самое. Тогда разбойники съ ужасомъ бѣжали и разсказали о томъ, что они видѣли, Ѳеодору. Послѣдній изумился и послалъ узнать, кто изъ вельможъ посѣтилъ Кирилла. Ему донесли, что болѣе недѣли никто не посѣщалъ монастыря. Ѳеодоръ тогда уразумѣлъ, что это сама Богородица покрываетъ Кирилла. Онъ поспѣшилъ въ обитель и признался передъ Кирилломъ въ своемъ грѣхѣ. Кириллъ простилъ его.

Когда число иноковъ увеличилось, Кириллъ составилъ для нихъ строгій уставъ на началахъ общежитія.

Кириллъ обладалъ даромъ прозорливости и исцѣленія больныхъ, слѣпыхъ, бѣсноватыхъ и разслабленныхъ. Онъ чудесно умножилъ вино, когда его не достало для церковной службы; а во время голода, когда къ монастырю стекался отовсюду народъ, по молитвамъ Кирилла, чудесно умножались хлѣбы, имѣвшіеся въ монастырѣ, такъ что можно было пропитать всѣхъ голодныхъ.

Кириллъ отличался нестяжательностью. Когда одинъ бояринъ Романъ, снабжавшій ежегодно монастырь 50-ью мѣрами жита, рѣшилъ передать въ его владѣніе село и прислалъ Кириллу грамоту, святой вернулъ грамоту обратно, находя, что владѣніе селами не полезно для братіи.

Таково, въ главныхъ чертахъ, житіе Кирилла. Въ немъ онъ представленъ нестяжательнымъ, кроткимъ, милостивымъ и благожелательнымъ къ людямъ.

2) **„Хронографъ“**. Пахомію приписывается составленіе пер-

ваго русскаго „Хронографа“ (1442), т.-е. лѣтописи, излагающей событія изъ всеобщей и русской исторіи. Источниками этого „Хронографа“ послужили хронографъ Малалы, хроника Георгія Амартола (кн. 1-ая, § 121), произведенія южнославянской литературы, а изъ русскихъ лѣтописей—„Владимирскій полихронъ“ (§ 178).

„Хронографъ“ Пахомія сдѣлался однимъ изъ популярнѣйшихъ произведеній въ древней Руси. Изъ него русскіе въ теченіе долгаго времени почерпали свѣдѣнія по всеобщей исторіи *).

3) **„Слово избрано отъ св. писаній, еже на латыню“**. Это произведеніе написано было (между 1461—1462 гг.) по случаю избранія новаго митрополита Ѳеодосія (1461) безъ сношенія съ Константинополемъ. Оно распадается на двѣ части. Первая часть представляетъ изъ себя переработку сочиненія іеромонаха Симеона „Исидоровъ соборъ и хожденіе его“ съ дополненіями изъ „Путешествія Симеона Суздальскаго въ Италію“ (§ 162). Во второй части авторъ повѣствуетъ о поставленіи въ митрополиты Іоны и Ѳеодосія русскими епископами при участіи великаго князя и объ отпаденіи латинянъ отъ православія, причемъ матеріалы для разсказа объ отпаденіи латинянъ онъ заимствуетъ почти буквально изъ „Повѣсти о латынѣхъ“ и другихъ сочиненій на эту тему.

Въ своемъ трудѣ Пахомій пытается теоретически обосновать ростъ силы московскаго княжества.

Константинопольскій патріархъ доказывалъ Василію I (§ 150), что „невозможно христіанамъ имѣть церковь, а царя не имѣть“. По прошествіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ послѣ этого заявленія византійское правительство приняло унію съ западной церковью (§ 40), а черезъ нѣкоторое время византійское царство пало. Русское правительство не приняло уніи: оно сохранило въ чистотѣ православную вѣру; у русскихъ есть церковь, слѣдовательно, у нихъ долженъ быть и царь.

Пахомій доказываетъ, что царемъ долженъ стать русскій князь.

Онъ даетъ Василію I титулы „царя“, „боговѣнчаннаго

---

*) „Хронографъ“ Пахомія впослѣдствіи подвергся цѣлому ряду дополненій и переработокъ. Наиболѣе замѣчателенъ „Хронографъ“ 1512 г., составленный Филоѳеемъ, старцемъ Елеазарова монастыря (§ 102).

царя“ и вслѣдъ за Симеономъ повторяетъ, что на соборѣ въ Феррарѣ самъ киръ-Іоаннъ Палеологъ, греческій царь, призналъ за великимъ русскимъ княземъ право на этотъ титулъ. Іоаннъ говорилъ папѣ Евгенію и всѣмъ, бывшимъ тамъ, что „въсточніи земли суть русстіи и большее православіе и вышьшее христіанство Бѣлые Руси, въ нихъ же есть государь великій, братъ мой Василей Васильевичь, ему же въсточніи царіе прислухають, и велиціи князи съ землями служать ему. Но смиреніа ради благочестіа и величествомъ разума благовѣрія не зовется царемъ, но княземъ великимъ русскимъ своихъ земль православія“.

Въ заключеніе своего слова авторъ восторженно восклицаетъ: „Нынѣ убо въ послѣднихъ временахъ, богопросвѣщенная земля Русская, тебѣ подобаетъ въ вселеннѣй и подъ солнечнымъ сіяніемъ, съ народомъ истиннаго въ вѣрѣ православья, радоватися, одѣявся свѣтомъ благочестіа, имѣя покровъ Божій на собѣ—многосвѣтлую благодать Божію, исполньшися цвѣтовъ, богозрачнѣ цвѣтущихъ — Божіихъ храмовъ, яко небесныхъ звѣздъ, сіающихъ святыхъ церквей, яко же солнечныхъ лучь блещащихся, благолѣпіемъ украшаемы, и зборъ святаго пѣніа величаемы, дръжавою владѣющаго на тобѣ богоизбраннаго и боговъзлюбленнаго, богопочтеннаго и богопросвѣщеннаго, и богославимаго богошественика правому пути богоуставнаго закона, и богомудраго изыскателя святыхъ правилъ, благаго ревнителя о Бозѣ и споспѣшника благочестію истиннаго православіа, высочайшаго исходатая благовѣрію, богоукрашеннаго и великодержавнаго, благовѣрнаго и благочестиваго великаго князя, Василья Васильевичя, боговѣнчаннаго православью царя всея Руси“.

4) **„Сказаніе о князехъ Владимирскихъ“**. „Сказаніе о князехъ Владимирскихъ“ имѣло цѣлью обосновать ростъ московской силы исторически.

„Сказаніе“ состоитъ изъ своеобразной генеалогіи русскихъ князей, изъ разсказа о мономаховомъ вѣнцѣ и изъ разсказа о раздѣленіи церквей. Оно начинается съ исторіи раздѣленія земли между сыновьями Ноя. Далѣе слѣдуетъ перечень властителей и царей, среди которыхъ названы Сеостръ и Ѳиликсъ, египетскіе цари, Александръ Македонскій и Юлій Цезарь. У Юлія Цезаря былъ братъ Августъ. Когда Юлій Цезарь былъ убитъ, Августъ находился въ Египтѣ. Августъ былъ

провозглашенъ царемъ. Его облекли въ одежду Сеостра, на голову возложили митру Пора, индѣйскаго царя. Ставши царемъ вселенной, Августъ сталъ распредѣлять земли между своими братьями и родственниками. Одному изъ своихъ родственниковъ, Прусу, онъ далъ земли по рѣкѣ Вислѣ. По имени Пруса земля зовется Прусской „до сего времени“.

Нѣкій новгородскій воевода Гостомыслъ передъ своею смертью созвалъ новгородскихъ „владѣльцевъ“ и посовѣтовалъ имъ послать въ Прусскую землю пословъ и пригласить къ себѣ „владѣльца“ изъ мѣстныхъ родовъ. Послы нашли тамъ „нѣкоего князя, именемъ Рюрика, суща отъ рода римска Августа царя“. Рюрикъ пришелъ въ Новгородъ съ братьями Труворомъ и Синеусомъ и съ племянникомъ Олегомъ. Отъ Рюрика въ четвертомъ колѣнѣ произошелъ великій князь Владиміръ, просвѣтившій Русскую землю крещеніемъ, а отъ великаго Владиміра въ четвертомъ поколѣніи произошелъ Владиміръ Мономахъ.

Владиміръ М. собралъ своихъ князей и бояръ и сталъ съ ними совѣтоваться о томъ, чтобы возобновить дань съ грековъ, которая была установлена Олегомъ и Игоремъ. Князья и бояре отвѣтили, что „сердце царево въ руцѣ Божіи“, а они—его рабы и готовы ему повиноваться. Владиміръ отправилъ во Ѳракію войско, которое вернулось съ большою добычею. Въ то время въ Царьградѣ царствовалъ благочестивый Константинъ Мономахъ; у него была война съ персами и латинами. Константинъ отрядилъ къ Владиміру посольство, состоявшее изъ митрополита Эфесскаго Неофита, двухъ епископовъ Митулинскаго и Мелетинскаго и игемона іерусалимскаго Евстафія. Посольство принесло дорогіе подарки: крестъ „отъ самого животворящаго древа, на немъ же распятся владыка Христосъ“, царскій вѣнецъ, сердоликовую крабицу (шкатулку), „изъ нея же Августъ кесарь веселяшеся“, и ожерелье, „сирѣчь, святыя бармы, иже на плещу свою ношаше“, и многіе другіе дары. Принеся эти дары, послы отъ имени Константина просили у Владиміра мира и любви, „яко да церкви Божія безмятежна будетъ и все православіе въ покои пребудетъ подъ сущею властію нашего царства и твоего полнаго самодержавства великія Россія, да нарицаешися боговѣнчанный царь, вѣнчанъ симъ царьскимъ вѣнцемъ рукою святѣйшаго митрополита киръ-Неофита съ епископы“.

При томъ же царѣ Константинѣ отлучился отъ церкви и отъ правой вѣры римскій папа Ѳормосъ и впалъ въ латинство. Константинъ собралъ соборъ, на которомъ было постановлено извергнуть изъ церковныхъ поминаній папино имя.

„Сказаніе о князехъ Владимирскихъ“ любопытно и своими отдѣльными частями и основной идеей.

Родословная русскихъ князей отъ Пруса сочинена была Пахоміемъ, очевидно, подъ вліяніемъ созвучія трехъ словъ— руссъ, пруссъ и Друзъ. Друзъ былъ пасынокъ Августа, извѣстный своими походами на Германію.

Разсказъ о походѣ Владимира М. на Византію и мономаховомъ вѣнцѣ представляетъ устное преданіе о походахъ Владимира св. на Варду-Фоку и на Корсунь, пріуроченныхъ къ имени Владимира М.

Основная идея „Сказанія“ та, что русскій великій князь— законный наслѣдникъ царской власти, имѣющій права на нее на основаніи родства съ Августомъ и вслѣдствіе передачи знаковъ царскаго достоинства Владиміру М. самимъ византійскимъ царемъ Константиномъ.

5) **„Степенная книга“.** „Степенная книга“ представляетъ первый у насъ опытъ стройной исторіи русскаго государства. Она названа такъ потому, что матеріалъ изложенъ по родословнымъ степенямъ великихъ князей. Въ основу ея положено „Сказаніе о князехъ Владимирскихъ“. Ея цѣль состояла въ томъ, чтобы дать послѣдовательный обзоръ важнѣйшихъ моментовъ въ исторіи великаго московскаго князя съ древнѣйшихъ временъ,—со временъ Прусса.

167. Посланія Геронтія и Вассіана къ Ивану III. Въ 1480 г. ханъ Золотой Орды Ахматъ явился со своими войсками на берега Угры и Оки. Иванъ III выступилъ противъ него съ войскомъ. Предстоявшая битва смущала Ивана и многихъ бояръ. Нѣкоторые бояре совѣтовали Ивану спасаться бѣгствомъ или заключить съ ханомъ миръ. Эта нерѣшительность Ивана вызвала негодованіе въ духовенствѣ. Митрополитъ Геронтій отъ имени всего духовенства отправилъ Ивану посланіе. Другое посланіе по этому же поводу было отправлено Ивану ростовскимъ архіепископомъ Вассіаномъ, по прозванію Рыло.

1) **Посланіе Геронтія.** Въ своемъ посланіи Геронтій убѣждаетъ Ивана твердо стоять за Божьи церкви и за святую вѣру, обѣщая павшимъ въ битвѣ мученическій вѣнецъ.

2) Посланіе Вассіана. Сильнѣе по содержанію и выраженію посланіе Вассіана († 1481). Оно начинается такимъ обращеніемъ: „Благовѣрному и христолюбивому, благородному и Богомъ вѣнчанному, и Богомъ утвержденному, и во благочестіи всея вселенныа конци возсіавше, наипаче же во царехъ пресвѣтлѣйшу, преславному государю великому князю Ивану Васильевичу всеа Русіи богомолець твой, господине, архіепискупъ Васіанъ Ростовскій, благословляю и челомъ бью". Вассіанъ слышалъ, что приближается Ахматъ, чтобы погубить христіанство, „тебѣ же,—обращается онъ къ Ивану,—предъ нимъ смиряющуся и о мирѣ молящуся и къ нему пославшу, ему же единако гнѣвомъ дышущу и твоего моленія не послушающу, но хотя до конца разорити христьянство". Слышалъ Вассіанъ и о томъ, что прежніе „развратници" Ивана шепчутъ ему на ухо льстивыя слова и совѣтуютъ ему не противиться супостатамъ и отступить. „О, боголюбивый и вседержавный царю!" обращается Вассіанъ къ Ивану: „не послушай убо, государю, таковыхъ, хотящихъ твою честь въ безчестіе и твою славу въ безславіе преложити и бѣгуну явитися, и предателю христьянскому именоватися". Иванъ долженъ отложить свой страхъ, вспомнить о Богѣ, вспомнить слова Христа: „блаженъ человѣкъ, иже положитъ душу свою за други своя". Вассіанъ приводитъ Ивану въ примѣръ его прародителей, которые не только обороняли Русскую землю отъ поганыхъ, но и принимали подъ себя другія страны. Онъ напоминаетъ ему объ Игорѣ, Святославѣ, Владимирѣ св., которые брали дань съ грековъ, о Владимирѣ М., который бился съ окаянными половцами за Русскую землю, о Дмитріи Донскомъ, который показалъ свое мужество и храбрость надъ окаянными сыроядцами за Дономъ и бился впереди, не щадя своего живота ради избавленія христіанъ. Если Иванъ поревнуетъ своему прародителю и потщится избавить стадо Христово отъ мыслеснаго волка, Богъ поможетъ ему, и онъ вернется побѣдителемъ.

168. Сказаніе о мутьянскомъ воеводѣ Дракулѣ. Дракула былъ правителемъ Мутьянской земли (въ Румыніи) во второй половинѣ XV в. Онъ прославился своею жестокостью, за которую получилъ прозвище Дракула, что значитъ по-румынски „діаволъ". О Дракулѣ сложилось въ Румыніи и Венгріи много повѣствованій. Изслѣдователи предполагаютъ, что сказаніе о Дракулѣ было составлено для московскаго дьяка

(секретаря) Ѳеодора Курицына, который ѣздилъ въ качествѣ посла въ Венгрію (1482).

Дракула преслѣдовалъ всякаго рода проступки и пороки и жестоко наказывалъ виновниковъ. Единственнымъ наказаніемъ, которое примѣнялъ Дракула даже за легкіе проступки, была смертная казнь.

Къ Дракулѣ явились послы отъ турецкаго царя. Войдя къ Дракулѣ, они, по обычаю турокъ, поклонились ему, не снявъ шапокъ. Дракула спросилъ ихъ, почему они не сняли шапокъ. Послы сослались на обычай своей страны. Дракула сказалъ посламъ, что онъ хочетъ подтвердить ихъ обычай: онъ велѣлъ прибить желѣзными гвоздями колпаки пословъ къ ихъ головамъ.

Однажды Дракула приказалъ объявить по всему государству слѣдующее: „Да кто старъ или чимъ недуженъ, или вреденъ (искалѣченъ), слѣпъ или хромъ, всякимъ недугомъ одержимъ, да вси ти придутъ ко мнѣ, и да сотворю васъ всѣхъ безъ печали“. Къ Дракулѣ собралось безчисленное множество нищихъ и недужныхъ, „чающихъ отъ него великой милости“. Онъ возвелъ великій домъ, собралъ въ немъ всѣхъ пришедшихъ и велѣлъ дать имъ „ясти и пити довольно“. Они поѣли и возвеселились. Дракула пришелъ къ нимъ и спросилъ, не желаютъ ли они еще чего-нибудь. Они положились на волю Бога и государя. Дракула спросилъ ихъ: „Хощете ли, азъ васъ сотворю безъ печали на семъ свѣтѣ, и ничимъ же нужени будете?“ Убогіи пожелали. Дракула велѣлъ запереть домъ и сжечь ихъ. Своимъ боярамъ Дракула далъ такое объясненіе: „Да вѣсте, что сотворихъ: первое, да не стужаютъ (докучаютъ) людямъ, и никто же будетъ нищъ въ моей землѣ, но вси богати; второе, свободихъ ихъ, да никтоже отъ нихъ постражетъ на семъ свѣтѣ отъ нищеты или отъ недуга“.

Изъ Угорской земли пришли къ Дракулѣ за милостыней два латинскихъ монаха. Дракула пригласилъ одного ихъ нихъ къ себѣ, повелъ его вокругъ своего двора, показалъ ему множество людей, посаженныхъ на колья, и спросилъ его, хорошо ли онъ поступилъ съ ними. Монахъ отвѣтилъ, что нехорошо: „Подобаетъ государю милостиву быти, а тѣ, иже на колѣхъ, мученицы суть“. Дракула позвалъ другого монаха и предложилъ ему тотъ же вопросъ. Второй монахъ отвѣтилъ такъ:

„Ты, государю, отъ Бога поставленъ еси лихо творящихъ казнити, а добро творящихъ жаловати; а си лихо творили: они по своимъ дѣломъ воспріяли“. Дракула призвалъ перваго монаха и велѣлъ посадить его на колъ, чтобы и онъ былъ вмѣстѣ съ тѣми, кого онъ назвалъ мучениками, а второго монаха наградилъ.

Встрѣтивъ на улицѣ бѣднаго человѣка, одѣтаго въ изорванную рубашку, Дракула спросилъ его, есть ли у него жена. Узнавъ, что есть, Дракула отправился съ бѣднымъ въ его домъ. Дракула увидѣлъ жену бѣднаго, которая оказалась молодой и здоровой. Онъ спросилъ бѣднаго, сѣялъ ли онъ ленъ. Бѣдный сказалъ, что у него много льна, и показалъ его. Дракула сталъ укорять жену бѣднаго за лѣнь и невниманіе къ мужу; затѣмъ онъ велѣлъ отсѣчь ей руки и посадить на колъ.

Своимъ содержаніемъ сказаніе о Дракулѣ становилось все болѣе и болѣе популярнымъ по мѣрѣ того, какъ власть московскихъ князей росла и проявлялась въ жестокостяхъ. Особенный интересъ сказаніе пріобрѣло въ эпоху Ивана Грознаго.

169. Московскія лѣтописи. При дворѣ московскаго князя велись лѣтописи. Предполагаютъ, что первая московская лѣтопись начата была въ 1328 г., т. е. со времени великаго княженія Ивана Калиты. Въ основу ея были положены „Сильвестровъ сводъ“ (иначе—„Второй кіевскій сводъ“ первой редакціи) и „Суздальская лѣтопись“ (кн. 1-ая, §§ 309—313, 318). Событія отъ 1306 г. до 1328 г. были изложены по устнымъ московскимъ преданіямъ и по тѣмъ московскимъ записямъ, которыя имѣлись въ великокняжеской канцеляріи. Съ 1328 г. началось систематическое записываніе главнѣйшихъ событій. Въ 1390 г. московская лѣтопись подверглась переработкѣ, а затѣмъ въ 1409 г. съ нею была соединена Троицкая лѣтопись. Въ концѣ XV в. появляются новыя редакціи московской лѣтописи.

170. Общій взглядъ на московскую литературу. Московская удѣльная литература находится въ тѣсной связи съ развитіемъ московскаго могущества: она отразила и изобразила жизнь и дѣятельность выдающихся лицъ, трудившихся для Москвы, каковы митрополиты Петръ, Алексѣй, Кипріанъ, Фотій; въ лицѣ Кипріана, Епифанія Премудраго и Пахомія Логоѳета она ввела и развила болгаро-сербскій литературный

стиль; она изобразила дѣятельность энергичнаго миссіонера Стефана Пермскаго и сохранила замѣчательные образы Сергія Радонежскаго и Кирилла Бѣлозерскаго; она откликалась на главныя событія, создавшіяся въ процессѣ борьбы Москвы съ татарами; наконецъ, въ лицѣ митрополита Кипріана, іеромонаха Симеона и особенно Пахомія Логоѳета, она дѣятельно подыскивала теоретическія и историческія основанія для превращенія Москвы изъ княжества въ царство.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Церковное творчество.

171. Церковное творчество. Церковное творчество въ удѣльно-феодальную эпоху распадается на два разряда: 1) письменное творчество и 2) устное творчество.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Письменное творчество.

172. О письменномъ церковномъ творчествѣ. Письменное церковное творчество удѣльно-феодальнаго періода исходило изъ двухъ круговъ: 1) монашескаго и 2) митрополичьяго.

173. Развитіе окско-волжскаго монашества. Въ XIV и XV вв. среди окско-волжскаго монашества (§ 34) создаются два направленія: 1) внутренно-аскетическое и 2) внѣшне-аскетическое.

174. Внутренно-аскетическое направленіе. Внутренно-аскетическое направленіе состояло въ томъ, что его представители стремились къ нравственному совершенствованію, которому отдавали предпочтеніе передъ внѣшнимъ, обрядовымъ аскетизмомъ. Это направленіе создавалось и развивалось преимущественно въ той части окско-волжскаго монашества, которая происходила изъ высшаго боярства.

Возвышеніе Москвы и сопровождавшее его „насилованіе“ (§§ 37, 103, 152) вносило въ наиболѣе могучія и богатыя

боярско-княжескія семьи рядъ катастрофъ: прекращалось развивавшееся въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ могущество, терялись накопленныя предками богатства. Въ семьѣ, постигнутой такой катастрофой, воцарялось отчаяніе или, по крайней мѣрѣ, угнетенное настроеніе духа. „За что?“ — вотъ вопросъ, который неизбѣжно подымался, обсуждался и такъ или иначе разрѣшался. Низвергнутая съ высоты величія, лишенная богатствъ, такая семья чувствовала себя отрѣзанной отъ того общества, среди котораго развивались ея предки; часто ей казалось, что она выброшена вообще изъ среды людей. И она испытывала гнетущую необходимость—ликвидировать всѣ старыя отношенія, уйти изъ данной мѣстности, кореннымъ образомъ измѣнить весь строй своихъ желаній, стремленій, симпатій и антипатій, думъ и чувствъ и начать новую жизнь на новыхъ началахъ. На встрѣчу этой необходимости шло тогдашнее византійско-болгарское міровоззрѣніе: всякое бѣдствіе, постигавшее человѣка, разсматривалось, какъ наказаніе, ниспосланное свыше, напоминающее о смиреніи, требующее раскаянія и отреченія отъ міра. Отдѣльные члены низвергнутой семьи, тонко развитые, начитанные въ византійско-болгарской и русской литературѣ, находили въ византійско-болгарскомъ міровоззрѣніи точный отвѣтъ на вопросъ „за что?“ и ясное указаніе на надлежащій выходъ изъ создавшагося положенія: отшельничество, монашество. Начался систематическій уходъ такихъ бояръ въ монашество. Мало по малу образовалась особая группа отшельниковъ и монаховъ, внесшихъ въ русское монашество особыя черты, тѣсно связанныя съ судьбой высшаго удѣльно-феодальнаго боярства и составляющія въ своей совокупности новую ступень въ общемъ развитіи русскаго монашества.

Такъ какъ представители этой группы отшельниковъ и монаховъ удалялись для совершенія подвиговъ по преимуществу за Волгой, подальше отъ Москвы, то они получили въ исторіи названіе „заволжскихъ старцевъ“.

Основныя черты, присущія заволжскому монашеству, слѣдующія.

Во-первыхъ, въ средѣ заволжскихъ старцевъ впервые создается и развивается у насъ реальное стремленіе къ внутреннему совершенствованію, дается перевѣсъ религіозно-нравственному началу надъ началомъ религіозно-обрядовымъ, и вырабатывается строгая дисциплина духа—результатъ тяжкихъ ката-

строфъ, обрушившихся на гордое, могучее, богатое и властное окско-волжское боярство.

Во-вторыхъ, въ этой группѣ наблюдается высокое умственное развитіе — результатъ многовѣкового широкаго боярскаго опыта, критическое отношеніе къ произведеніямъ, носившимъ у насъ названіе „божественнаго писанія“ — результатъ перенесенія въ область религіи привычки критически относиться къ предложеніямъ князя, на службѣ котораго бояре состояли, болѣе или менѣе явное предпочтеніе Новаго Завѣта Ветхому и почти полное отсутствіе склонности къ легендѣ.

Въ-третьихъ, характерны для этой группы сочувственное отношеніе къ удѣльно-феодальному строю, смѣлость, съ которою многіе представители этой группы выступали на защиту правъ удѣльныхъ князей и бояръ, отрицательное отношеніе къ богатству („нестяжательность“), болѣе или менѣе выдерживаемое даже въ отношеніи къ собственнымъ монастырямъ, отсутствіе склонности къ властвованію и независимое, большею частью, полное достоинства отношеніе къ московскимъ князьямъ, черта, находящаяся въ связи съ независимостью и свободой, которыя вообще были присущи боярамъ и вольныхъ слугамъ (§ 29).

Въ-четвертыхъ, замѣчательно возникновеніе и развитіе въ этой группѣ сочувствія ко всѣмъ бѣдствующимъ, бѣднымъ и особенно къ крестьянамъ,—черта, находящаяся въ связи съ катастрофами, низвергавшимися на бояръ: лица, испытавшія тяжкіе удары судьбы, понимаютъ горе чужихъ людей и начинаютъ относиться къ нимъ съ сочувствіемъ.

Въ-пятыхъ, обращаетъ на себя вниманіе колонизаціонный и организаторскій талантъ представителей этой группы, выразившійся въ созданіи цѣлой сѣти монастырей, покрывшей весь сѣверъ удѣльно-феодальной Руси, талантъ, явившійся результатомъ многовѣкового боярскаго опыта.

Въ-шестыхъ, главныя формы монашества, царившія среди этой группы, были отшельничество и общежительное монашество.

Созданное и развитое высшимъ боярствомъ, внутренно-аскетическое направленіе привлекаетъ къ себѣ съ теченіемъ времени и лицъ изъ другихъ классовъ и сословій.

Основные моменты въ развитіи внутренно-аскетическаго монашества обозначаются слѣдующими знаменитыми дѣятелями:

Сергіемъ Радонежскимъ, Кирилломъ Бѣлозерскимъ, Ниломъ Сорскимъ и Иннокентіемъ Комельскимъ *).

1) Сергій Радонежскій. Жизнь и дѣятельность Сергія Радонежскаго изображены Епифаніемъ Премудрымъ (§ 152) и Пахоміемъ Логоѳетомъ (§ 166). Трудъ Епифанія знакомитъ насъ съ катастрофой, постигшей знатную боярскую семью, и ея причинами, изъ числа которыхъ авторъ особенно подчеркиваетъ московское „насилованіе". Епифаній описываетъ эмиграцію родителей Сергія въ Радонежъ, сообщаетъ о склонности Сергія къ отшельничеству, хотя причинъ ея не объясняетъ, и, наконецъ, обстоятельно изображаетъ строгую подвижническую дѣятельность Сергія, причемъ „старецъ чудный" Сергій въ изображеніи автора выступаетъ образцомъ смиренія, кротости, нестяжательности и доброжелательства къ людямъ, особенно бѣднымъ.

Хотя Сергій подвизался въ предѣлахъ Московскаго княжества, однако его можно считать отцомъ заволжскаго мона-

---

*) Возможно, что однимъ изъ наиболѣе раннихъ боярскихъ монастырей этого направленія былъ Спасо-Каменный, находящійся на Кубенскомъ озерѣ, на островѣ: изъ него вышелъ старецъ Паисій Ярославовъ, подъ руководствомъ котораго развивался Нилъ Сорскій. О началѣ этого монастыря сохранилось слѣдующее сказаніе, записанное Паисіемъ Ярославовымъ.

Во дни московскаго князя Ивана Калиты ѣхалъ на лодкѣ отъ Бѣлоозера къ городу Устюгу князь Глѣбъ Васильковичъ. Когда князь въѣхалъ въ Кубенское озеро, разыгралась буря, заставившая путешественника простоять у берега десять дней. Наконецъ, буря стихла, и князь снова двинулся въ путь. Неожиданно небо покрылось черной тучей. Разразилась гроза съ страшнымъ громомъ и молніей. Поднялось сильное волненіе, грозившее затопить княжескую лодку. Князь со своими людьми сталъ молиться Спасу о спасеніи и далъ обѣтъ соорудить на мѣстѣ, гдѣ прибьетъ ихъ волною, храмъ во имя празднуемаго въ тотъ день святого. 6-го августа, въ день Преображенія Господня, буря пригнала князя на средину озера къ острову Каменному. Высадившись на островъ, князь съ удивленіемъ увидѣлъ, что на островѣ живетъ около 20 отшельниковъ. У отшельниковъ не было церкви: на молитву они собирались въ часовенкѣ. Князь, рѣшивъ, что онъ былъ прибитъ къ этому острову Промысломъ Божіимъ, во исполненіе своего обѣта построилъ здѣсь церковь во имя Преображенія Господня. Съ этого времени открытый монастырь становится извѣстнымъ по имени Спасо-Каменнаго.

Кто были найденные княземъ Глѣбомъ отшельники,—неизвѣстно. Принимая во вниманіе, что изъ этого монастыря вышелъ рядъ монаховъ внутренно-аскетическаго направленія, можно допустить, что уже его основатели носили въ себѣ задатки этого направленія.

шества: изъ Троицко-Сергіева монастыря вышелъ цѣлый рядъ заволжскихъ старцевъ, а такой выдающійся представитель ихъ, какъ Кириллъ Бѣлозерскій, вышелъ изъ Симонова монастыря, основаннаго по благословенію Сергія племянникомъ послѣдняго, Ѳеодоромъ.

2) **Кириллъ Бѣлозерскій**. Жизнь и дѣятельность Кирилла Бѣлозерскаго (§ 153) намъ извѣстны изъ его житія, составленнаго Пахоміемъ Логоѳетомъ (§ 166), и изъ собственныхъ сочиненій (§ 153). Рано лишившись родителей, Кириллъ попалъ къ своему родственнику, знатному и богатому боярину московскому Тимоѳею. Намъ неизвѣстно, занимали ли родители Кирилла какую либо государственную должность, и каково было ихъ матеріальное положеніе. Судя по тому, что Кириллъ до своего постриженія находился на службѣ у своего родственника, надо полагать, что родители не оставили ему никакихъ матеріальныхъ средствъ: вѣроятно, съ родомъ, къ которому принадлежалъ Кириллъ, произошла какая то катастрофа, приведшая его къ разоренію и оскудѣнію. Осиротѣвшій Кириллъ рано почувствовалъ склонность къ отшельничеству; но вслѣдствіе упорнаго сопротивленія родственника онъ долго не могъ слѣдовать своему влеченію. Только въ зрѣломъ возрастѣ Кириллу удалось постричься въ Симоновѣ монастырѣ, изъ котораго онъ однако вынужденъ былъ уйти. Наконецъ, Кириллъ основалъ въ Бѣлозерьѣ ставшій впослѣдствіи знаменитымъ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, изъ котораго вышло много заволжскихъ старцевъ.

И въ житіи, и въ собственныхъ сочиненіяхъ Кириллъ выступаетъ передъ нами, какъ отшельникъ, соединяющій строгость личной жизни и нестяжательность съ любовью къ людямъ, особенно изъ низшихъ классовъ, какъ отшельникъ, который держитъ себя независимо въ отношеніи къ московскому князю и смѣло вступается за удѣльныхъ князей.

3) **Нилъ Сорскій**. Личность преп. Нила Сорскаго не сдѣлалась предметомъ особаго житія. Поэтому свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Нила скудны и отрывочны.

Нилъ Сорскій (1433—1508), котораго уже въ древности называли „великимъ старцемъ“, происходилъ изъ боярскаго рода Майковыхъ. Въ юности онъ жилъ въ Москвѣ и занимался переписываніемъ книгъ. Почувствовавъ стремленіе къ иночеству, Нилъ постригся въ монахи и мѣстомъ для своихъ подвиговъ

избралъ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, славившійся строгостью жизни иноковъ. Здѣсь Нилъ проходилъ школу аскетизма подъ руководствомъ старца Паисія Ярославова (см. выше примѣчаніе) и въ то же время развивалъ свой умъ на чтеніи книгъ обширной монастырской библіотеки. Не удовлетворившись строемъ жизни въ монастырѣ, Нилъ отправился вмѣстѣ со своимъ сподвижникомъ и ученикомъ Иннокентіемъ въ путешествіе ко св. мѣстамъ и посѣтилъ Константинополь и Аѳонъ. Здѣсь, на Аѳонѣ, Нилъ познакомился съ разнообразными формами монашескаго житія. Особенно Нилу понравилась отшельническая жизнь въ скитахъ *). Онъ занялся тщательнымъ изученіемъ сочиненій византійскихъ отшельниковъ — Нила Синайскаго, Кассіана Римлянина, Григорія Синаита, Исаака Сирина, Ефрема Сирина, Іоанна Лѣствичника и др. — и на основаніи ихъ создалъ себѣ свой идеалъ иноческой жизни. Вернувшись (между 1473—1489) въ Бѣлозерскій край, Нилъ сначала поселился у Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, а потомъ удалился отъ него. На разстояніи 15 верстъ отъ монастыря Нилъ наткнулся на глухую болотистую мѣстность, которая была для „мірской чади“ (мірянъ) „мало входна“. Эту мѣстность Нилъ нашелъ наиболѣе удобной для подвижничества. Онъ поселился на рѣчкѣ Сорѣ, по имени которой и самъ получилъ прозвище, а не вдалекѣ отъ него, такъ, чтобы можно было подавать другъ другу голосъ, поселился Иннокентій. Такъ образовалась знаменитая Нило-Сорская пустынь. По обыкновенію, къ Нилу стали проситься подвизаться вмѣстѣ и другіе иноки. Но Нилъ большею частью не принималъ ихъ; исключеніе онъ дѣлалъ только для тѣхъ, которые соглашались вести жизнь на выработанныхъ имъ началахъ суроваго скитскаго иночества. Иннокентій, сподвижникъ и ученикъ Нила, повидимому, не вынесъ такой жизни въ угрюмой мѣстности и ушелъ отсюда въ Вологодскій край, въ Комельскій лѣсъ. Что касается Нила, то онъ продолжалъ совершать на избранномъ мѣстѣ суровые подвиги, чѣмъ пріобрѣлъ большую извѣстность и славу. Къ нему стали обращаться за совѣтами представители духовной и

*) Скитская жизнь — особая форма иночества, занимающая средину между чистымъ отшельничествомъ, т.-е. одиночествомъ, и общежитіемъ: она состоитъ въ томъ, что иноки живутъ на началахъ общежитія небольшими группами въ два-три человѣка на недалекомъ разстояніи другъ отъ друга

свѣтской власти; послѣдніе даже приглашали его принять участіе въ обсужденіи жгучихъ вопросовъ современности, какими были въ концѣ XV в. и въ началѣ XVI в. вопросы объ еретикахъ (жидовствующихъ) и о монастырскомъ и церковномъ землевладѣніи.

Нилъ Сорскій представляетъ замѣчательнѣйшее явленіе во второй половинѣ XV в.: въ его высокодаровитой личности обобщились, достигли наивысшаго развитія и получили отчетливую теоретическую формулировку тѣ стремленія къ внутреннему, нравственному, совершенствованію, которыя намѣтились среди монашествующаго окско-волжскаго боярства. Въ этомъ заключается глубокое значеніе Нила Сорскаго въ исторіи русской культуры. Уже современники Нила ясно сознавали его величіе, на столько ясно, что все заволжское монашество, имѣвшее множество монастырей въ Бѣлозерскомъ и Вологодскомъ краѣ, признавало его своимъ наиболѣе авторитетнымъ представителемъ и нравственнымъ главою.

„Великій старецъ“, какъ именовали Нила уже младшіе современники его, былъ прежде всего образованнѣйшимъ русскимъ человѣкомъ второй половины XV в.: онъ отлично зналъ Св. Писаніе, сочиненія отцовъ церкви и вообще церковную литературу, т.-е. всѣ тѣ произведенія, которыя въ древности у насъ носили общее названіе „божественныхъ писаній“. Нѣкоторые современники Нила тоже хорошо знали эту литературу. Но въ отличіе отъ нихъ Нилъ не только зналъ „божественныя писанія“, но и понималъ ихъ, не только понималъ, но, что замѣчательнѣе всего, критически оцѣнивалъ ихъ и такое критическое отношеніе рекомендовалъ своимъ ученикамъ. „Писанія многа, — пишетъ онъ въ „Посланіи иному о пользѣ“, — но не вся божественна суть. Ты же, истинная извѣстнѣ (тщательно) испытавъ отъ чтенія, сихъ держися“...

Критически относясь къ „божественнымъ писаніямъ“, Нилъ самыми авторитетными для себя признаетъ книги, входящія въ составъ Новаго Завѣта, а затѣмъ творенія отцовъ церкви и ихъ житія. Но и содержаніе этихъ произведеній онъ усваивалъ не механически, не „безсловесно“, а самодѣятельно, съ разумною сознательностью, выдѣляя изъ нихъ тѣ мѣста, въ которыхъ съ особенною силою выражается духъ христіанства. „Наипаче, — пишетъ Нилъ въ „Посланіи къ брату, вопросившему еже о пользѣ“,—испытую божественныя

писанія: преже заповѣди Господни (Христа) и толкованія ихъ, и апостольская преданія, таже (потомъ) житія и ученія святыхъ отецъ, и тѣмъ внимаю и, яже согласно моему разуму, къ благоугожденію Божію и къ пользѣ души приписую себѣ и тѣми поучаюся; и въ томъ животъ и дыханіе мое имѣю".

Благодаря такому „разумному" отношенію къ „божественнымъ писаніямъ", Нилъ выработалъ себѣ цѣльное, опредѣленное міровоззрѣніе, основы котораго заимствованы изъ Евангелія. Съ точки зрѣнія этого міровоззрѣнія, носящаго въ значительной степени созерцательный характеръ, Нилъ оцѣнивалъ, *во-первыхъ*, достоинство тѣхъ или другихъ книгъ „божественнаго писанія": онъ съ недовѣріемъ относился къ разсказамъ о чудесахъ нѣкоторыхъ святыхъ, и нѣкоторыя житія были имъ провѣрены и исправлены; *во-вторыхъ* съ точки зрѣнія того же міровоззрѣнія Нилъ разсматривалъ людей, ихъ жизнь и жизнь свою и вообще всѣ явленія въ мірѣ.

Въ основѣ міровоззрѣнія Нила лежитъ ученіе о нравственномъ совершенствованіи человѣка. Душа человѣка — гнѣздо всякихъ стремленій и помысловъ, хорошихъ и порочныхъ, „грѣховныхъ". Задача человѣка, по ученію Нила, состоитъ въ томъ, чтобы слѣдить за своими стремленіями и помыслами, выдѣлять изъ нихъ грѣховныя и вести съ ними послѣдовательную, энергичную борьбу: это, по терминологіи Нила, — „мысленное дѣланіе", „умное дѣланіе", „сердечное дѣланіе", т.-е. сознательная переработка собственныхъ стремленій, желаній и т. д. Результатомъ „умнаго", „мысленнаго" и „сердечнаго дѣланія" является очищеніе души отъ грѣховныхъ стремленій и помысловъ. Въ этомъ систематическомъ очищеніи себя отъ грѣховныхъ помысловъ и заключается внутреннее, нравственное, совершенствованіе человѣка. На основаніи нравственно-психологическихъ изслѣдованій отцовъ церкви Нилъ составилъ списокъ основныхъ грѣховныхъ помысловъ и указалъ средства для борьбы съ ними. Эти помыслы слѣдующіе: помыслъ чревообъяденія, блудный, сребролюбія, гнѣва, печали, унынія, тщеславія и гордости. Каждый помыселъ въ своемъ возникновеніи и развитіи переживаетъ пять ступеней, носящихъ особыя названія. Если помыселъ незамѣтно пробрался въ душу, это называется „прилогомъ". Пробравшись въ душу, помыселъ обращаетъ на себя наше вниманіе, останавливаетъ на себѣ нашу мысль: это называется „сочетаніемъ".

Обративъ на себя наше вниманіе, сосредоточивъ на себѣ нашу мысль, помыселъ становится намъ пріятнымъ, и мы начинаемъ склоняться на его сторону: это называется „сложеніемъ“. Если мы уже отдаемся помыслу, это называется „плѣненіемъ“. Когда, наконецъ, помыселъ надолго завладѣваетъ нами и становится нашей привычкой, это называется „страстью“. Задача нашего нравственнаго совершенствованія состоитъ въ томъ, чтобы вести борьбу со всѣми грѣховными помыслами на всѣхъ ступеняхъ ихъ развитія. Лучше всего начать борьбу съ ними на первой ступени, когда помыселъ только что проникъ въ душу и находится на стадіи „прилога“, потому что тогда помыселъ пресѣкается въ зародышѣ. Если слѣдствіемъ борьбы съ помыслами является побѣда надъ ними, то такая побѣда приводитъ къ высоко-блаженному состоянію души.

Выработавъ такъ глубоко начало внутренняго совершенствованія, Нилъ логически вынужденъ былъ смотрѣть на внѣшнее совершенствованіе, какъ на второстепенное и, безъ внутренняго совершенства, недостаточное, даже безполезное. Ссылаясь на мнѣніе св. Варсонофія, Нилъ утверждаетъ: „Аще не внутреннее дѣланіе съ Богомъ поможетъ человѣку, всуе ко внѣшнему труждается“. Представители внѣшняго аскетизма предписываютъ продолжительное богослуженіе, усиленный постъ, изнуреніе плоти и думаютъ, что это — угодно Богу; по ихъ мнѣнію, тотъ, кто не дѣлаетъ этого, губитъ свою душу. Это не такъ. О богослуженіи апостолъ Павелъ говоритъ: „Хощу пять словесъ умомъ моимъ рещи, нежели тму словесъ языкомъ“. А святые отцы говорили: „Иже усты точію моляйся, о умѣ же небрегій, сей воздуху молится: Богъ бо уму внимаетъ“. Постъ имѣетъ значеніе только тогда, когда онъ является результатомъ „умнаго дѣланія“, а не внѣшняго правила. Безмѣрный постъ такъ же предосудителенъ, какъ и пресыщеніе. Тотъ, кто съ разумомъ принимаетъ пищу и съ разумомъ воздерживается отъ нея, не погрѣшаетъ. Если принимаемая пища ведетъ къ утучненію тѣла и этимъ возбуждаетъ дурныя страсти, нужно уменьшить количество пищи; если же тѣло слабѣетъ и требуетъ поддержки, необходимо усиленнѣе питать его. Мѣру и родъ пищи каждый долженъ установить для себя самъ, сообразно съ требованіемъ организма, потому что „разньство веліе имутъ тѣлеса въ крѣпости, яко мѣдь и желѣзо отъ воска“.

Наилучшей формой въ жизни для осуществленія своего міровоззрѣнія Нилъ считалъ скитъ. Живя группами въ два-три человѣка на недалекомъ разстояніи другъ отъ друга, иноки-скитники кормили и одѣвали себя трудами своихъ рукъ и оказывали другъ другу поддержку въ борьбѣ съ помыслами. Собираніе милостыни вообще не допускалось, а если допускалось, то только въ случаяхъ крайней нужды или болѣзни, и то въ незначительномъ количествѣ. Вслѣдствіе этого въ скитахъ не могли скопляться капиталы. Кельи иноковъ отличались простотой и отсутствіемъ предметовъ даже первой необходимости. Скитская церковь и ея священныя принадлежности поражали своимъ убожествомъ, отсутствіемъ всякихъ дорогихъ украшеній: Нилъ находилъ, что лучше помогать бѣднымъ, чѣмъ украшать церкви. Соовѣтственно этому и богослуженіе отличалось простотой и совершалось только по воскресеньямъ, въ праздничные дни и по средамъ. Вся эта обстановка была разсчитана на то, чтобы иноки могли всецѣло отдаться дѣлу нравственнаго самосовершенствованія. Никакой внѣшней дисциплины не примѣнялось. Инокъ самъ выбиралъ себѣ наставника и жилъ съ нимъ на братскихъ началахъ. Онъ могъ обходиться и безъ наставника, если умѣлъ уже руководиться началами Св. Писанія. Всѣ иноки-скитники выбирали изъ своей среды настоятеля. Но и настоятель не обладалъ властью начальника: это былъ только наиболѣе опытный и авторитетный руководитель - другъ, указанія котораго имѣли высокое нравственное значеніе.

Считая скитство наилучшимъ условіемъ для нравственнаго самосовершенствованія, Нилъ относился несочувственно и къ общежитію, и къ полному отшельничеству. Общежитіе, особенно на капиталистическихъ основахъ, онъ принципіально отрицалъ. На соборѣ 1503 г. онъ, поддерживаемый старцемъ Паисіемъ Ярославовымъ и бѣлозерскими иноками, внесъ предложеніе, чтобы монастыри отказались отъ „селъ“, а иноки разошлись бы по пустынямъ и стали кормиться рукодѣліемъ. Это предложеніе было отвергнуто Не сочувствовалъ Нилъ и отшельничеству. Полное уединеніе, по мнѣнію Нила, доступно только немногимъ, сильнымъ духомъ, людямъ. Людей же, не очистившихся еще отъ страстей, отшельничество, обыкновенно, ожесточаетъ и озлобляетъ: въ нихъ воспитываются новые по-

роки, которые рѣзко проявляются, когда такой отшельникъ встрѣчается съ другими людьми.

Главныя сочиненія Нила Сорскаго слѣдующія: а) посланія къ разнымъ лицамъ и поучительныя разсужденія, б) „Преданіе ученикомъ своимъ о жительствѣ скитскомъ“ и в) „Завѣщаніе“.

а) Посланія и поучительныя разсужденія. Въ своихъ посланіяхъ и поучительныхъ разсужденіяхъ Нилъ Сорскій, съ точки зрѣнія выработаннаго имъ міровоззрѣнія, освѣщаетъ тѣ или другіе моменты внутренняго совершенствованія.

Изъ посланій и поучительныхъ разсужденій наиболѣе замѣчательны слѣдующія:

α) *„Посланіе къ брату, вопросившему о помыслѣхъ“.* Это посланіе написано было князю-иноку Вассіану Патрикѣеву (постригся въ 1499 г.) въ отвѣтъ на просьбу послѣдняго научить его, чѣмъ отгонять помыслы и воспоминанія прежней мірской жизни, какъ побѣждать „страхованія“ (ужасы), находящія на подвижниковъ.

„И самъ отъ искуса разумѣеши, — пишетъ Нилъ Сорскій Вассіану, — колики скорби и развращенія имать міръ сей мимоходящій, и колика злолютства сотворяетъ любящимъ его, и како посмѣвается отходу работавшимъ ему, сладокъ являйся, егда ласкаетъ вещьми, горекъ бывая послѣди“. Что бываетъ, когда переживешь свою жизнь? Что прочнаго давалъ міръ тѣмъ, которые такъ держались его? „Аще кои славы и чести, и богатство имѣша, не вся ли сія ни во что же быша? И яко сѣнь (тѣнь), мимо идоша и, яко дымъ, исчезоша!“ Пребывая въ міру, заботясь о тѣлесномъ покоѣ, изобрѣтая „разумы прикладные въ прибытки міра сего“, занимаясь ученіями, „яже вѣнчаютъ тѣло въ вѣцѣ семъ преходящемъ“, и получивъ все это, — совсѣмъ не пекутся о достиженіи будущаго, нескончаемаго блаженства. Развѣ это не безумнѣйшіе люди? Нѣкоторые изъ пребывающихъ въ міру обращали свои помышленія къ спасенію души, пытались вести борьбу со своими страстями, но у нихъ не хватало силъ для того, чтобы отторгнуться отъ сѣтей міра сего. Въ иномъ положеніи, — пишетъ Нилъ, — находится Вассіанъ: Богъ исторгъ его изъ міра и взялъ его на служеніе Себѣ; онъ долженъ благодарить за это Бога и творить по силѣ все „ко благоугожденію Его и ко спасенію души своея, задняя (прежнее) забывая, яко

непотребна, къ преднимъ же добродѣтелемъ простираяся, яко животу вѣчному ходатайственна, радуяся гряди на почесть вышняго званія, яже о небеспомъ отечествіи подвизающимся щадимая“ (сберегаемая). Онъ не долженъ особенно скорбѣть и ужасаться надъ тѣмъ, что его посѣщаютъ нечистые помыслы: это бываетъ не только съ нами, людьми немощными и одержимыми страстями, но и съ лицами, ведущими достохвальное житіе и даже отчасти сподобившимися благодати. Пусть Вассіанъ утѣшится этимъ фактомъ, засвидѣтельствованнымъ самими отцами церкви.

Лукавые помыслы отсѣкаются слѣдующими средствами. *Во-первыхъ*, необходимо призывать въ молитвѣ Господа Іисуса: это—лучшее орудіе противъ помысловъ. *Во-вторыхъ*, необходимо творить какое-нибудь рукодѣліе: рукодѣліемъ, какъ открылъ ангелъ одному изъ великихъ святыхъ, лукавые помыслы отгоняются. *Въ-третьихъ*, хорошо учить наизустъ отрывки изъ св. Писанія: это, какъ утверждаютъ святые отцы, возбраняетъ нашествіе въ нашу душу всего бѣсовскаго. *Въ-четвертыхъ*, необходимо уклоняться отъ соблазнительныхъ бесѣдъ и избѣгать неподобныхъ зрѣлищъ, которые возбуждаютъ страсти и укрѣпляютъ нечистые помыслы.

Что касается „страхованія“, этого „младенчественнаго обычая немужественныхъ душъ“, то побѣждать его можно, пріучая сердце уповать на Бога. Нужно говорить себѣ: „Имамъ Бога хранящa мя: безъ воли Его не можетъ никто же ни въ чемъ повредити мя. Аще ли что попуститъ мя, еже пострадати ми, и азъ се не злолютнѣ пріемлю, и не хощу упразднити хотѣніе Его, понеже Господь множае мене вѣсть и хочетъ полезная мнѣ, и азъ о сихъ всѣхъ благодарю благость Его“. И благодатію Божіею,—пишетъ Нилъ,—„благодерзостенъ будеши“.

β) *„Посланіе иному о пользѣ“*. Это посланіе, адресованное Гурію Тушину, иноку Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря заключаетъ въ себѣ отвѣты на четыре вопроса: 1) какъ побѣждать помыслы о нарушеніи цѣломудрія, 2) какъ бороться съ хульнымъ помысломъ, 3) какъ отступить отъ міра и 4) какъ не сбиться съ истиннаго пути. Наиболѣе интересны отвѣты Нила на третій и четвертый вопросы.

Тотъ, кто хочетъ научиться „благоугожденію Божію“, долженъ совершенно отступиться отъ міра, такъ, чтобы въ душѣ

не возобновлялись образы видѣннаго и слышаннаго въ мірѣ. „Не восхощи же,—совѣтуетъ Нилъ своему корреспонденту,—пріятія обычныхъ друговъ бесѣды, иже мірская мудрствующихъ и упражняющихся въ безсловесная попеченія, яже въ прибытки монастырскаго братства и стяжанія имѣній“. Рекомендуя избѣгать бесѣдъ съ иноками, хлопочущими объ увеличеніи монастырскихъ капиталовъ, Нилъ въ то же время не совѣтуетъ „на таковыхъ рѣчми наскакивати, ни поношати, ни укорити, но Богови оставляти сія: силенъ бо есть Богъ исправити ихъ“. Не слѣдуетъ подсматривать за братьями-иноками, чтобы видѣть ихъ „вещи“, узнать ихъ „тайнества“ и открыть ихъ „дѣянія“: такое подсматриваніе пріучаетъ видѣть недостатки ближняго и губитъ способность сознавать свои грѣхи и оплакивать ихъ.

Особенно замѣчательны совѣты Нила относительно того, какъ устроить такъ, чтобы не сбиваться съ пути истины. „Свяжи себя,—учитъ Нилъ,—законы божественныхъ писаній и послѣдуй тѣмъ писаніямъ, истиннымъ, божественнымъ. Писанія бо многа, но не вся божественна суть. Ты же истинная извѣстнѣ (тщательно) испытавъ отъ чтенія, сихъ держися и бесѣдъ разумныхъ и духовныхъ мужей, понеже не вси, но разумніи разумѣваютъ сихъ, и безъ свидѣтельства писаній таковыхъ не твори ничто“. Рекомендуя такъ дѣлать, Нилъ ссылается на собственный примѣръ, причемъ изъ смиренія заявляетъ, что не слѣдовало бы ему говорить о самомъ себѣ, и если онъ позволяетъ себѣ это, то потому только, что „по Бозѣ любовь твоя безумна мя сотворяетъ“. „Азъ убо,—продолжаетъ Нилъ,—не творю безъ свидѣтельства божественныхъ писаній, но во святыхъ писаніяхъ послѣдуя, творю, елико по силѣ. Егда бо творити ми что, испытую прежде божественныя писанія, и аще не обрящу согласующа моему разуму въ начинаніе дѣла, отлагаю то, дондеже обрящу. Егда же обрящу благодатію Божіею, творю благодерзостно, яко извѣстно. О себѣ (самочинно) же не смѣю творити, понеже невѣжда и поселянинъ есмь“.

γ) *„Посланіе къ брату, вопросившему еже на пользу души“*. Это посланіе Нилъ написалъ бѣлозерскому старцу Герману († 1533), который одно время жилъ въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ вмѣстѣ съ Ниломъ, а затѣмъ, какъ и Нилъ, ушелъ въ пустыню. Нилъ и Германъ, повидимому, не-

рѣдко посѣщали другъ друга, вели бесѣды и обмѣнивались посланіями. Во время одной изъ такихъ бесѣдъ Нилъ сказалъ Герману слова, показавшіяся послѣднему „жестокими“. Въ пустынѣ своей Германъ вспомнилъ объ этой бесѣдѣ и съ цѣлью изгладить у Нила непріятное впечатлѣніе, которое могло остаться у него послѣ бесѣды, обратился къ Нилу съ просьбою послать ему поученіе „еже на пользу души“. Нилъ съ готовностью откликнулся на эту просьбу.

Нилъ прежде всего заявляетъ Герману, что никакого скорбнаго чувства въ отношеніи къ нему у него не сохранилось, и умоляетъ его не сердиться на него за то, что онъ ему тогда высказалъ: если слова, сказанныя ему, „по внѣшнему мнятся жестока, внутрь же—исполнь пользы: понеже не своя глаголахъ, а отъ святыхъ писаній. Жестоко убо поистиннѣ онѣмъ, иже не хотятъ истинно смиритися въ страсѣ Божіемъ и плотскихъ мудрствованій отступити, но по своихъ воляхъ страстныхъ жити, а не по святыхъ писаніихъ“. Подвизаясь въ мѣстности, мало привлекательной для мірскихъ людей („занеже мірской чади мало входно“), Нилъ много занимался „испытаніемъ“ божественнаго писанія — заповѣдей Господнихъ, апостольскихъ преданій, житій, ученій святыхъ отцовъ—и извлекъ отсюда начала, которыми онъ, по мѣрѣ своихъ силъ, руководится въ жизни. Начала эти онъ рекомендовалъ и ему, Герману, „яко присному своему любимому“, потому что „не просто или, яко прилучися, подобаетъ намъ творити дѣла кая, но по божественныхъ писаніяхъ и по преданію святыхъ отецъ“. Нилъ приглашаетъ Германа, если ему угодно, слѣдовать началамъ, которыя онъ извлекъ изъ писаній и которыми руководится самъ. Богу,—настаиваетъ Нилъ,—надо повиноваться по божественнымъ писаніямъ, „а не тако, безсловесно, яко же нѣцыи, и егда въ монастырѣ съ братіями мнящеся въ повиновеніи, самовольнѣ безсловесно пасутся и отшельствіе такожде творятъ неразумно, волею плотскою ведущеся и разумомъ неразсуднымъ, не вѣдяще ни еже творятъ, ни о нихъ же утверждаются“.

Коснувшись прежней бесѣды и трудовъ Германа по созданію новаго монастыря, Нилъ говоритъ: „А о вещѣхъ нашихъ и о нихъ же молихъ святыню твою, та добрѣ потщался еси устроити, о томъ челомъ бію. Богъ да подастъ ти мзду противно твоему труду!“

δ) *„Посланіе отъ божественныхъ писаній къ скорбящему брату“*. Это посланіе написано князю-иноку Кассіану *), который и въ иночествѣ былъ обуреваемъ скорбями, и имѣло цѣлью изгнать изъ души Кассіана скорбное настроеніе—результатъ жизненныхъ испытаній. Нилъ пишетъ Кассіану, что бѣдствія, которыя обрушиваются на насъ, радуютъ его: они доказываютъ, что Господь возлюбилъ насъ. Господь, „не хотя мучити на ономъ вѣцѣ будущемъ, но здѣ попусти поскорбѣти на очищеніе нашихъ грѣховъ“. Всѣ пророки, апостолы и мученики „скорбьми и бѣдами, и тѣснотами спасошася и спасаются“. Достаточно вспомнить праведнаго Іова, который проклиналъ день, въ который онъ родился, великаго Божьяго законодавца Моисея, молившаго Господа отнять у него душу, праведнаго Давида, гонимаго Сауломъ и т. д.; самъ Господь Христосъ былъ пригвожденъ ко кресту, а земному ангелу, Іоанну Крестителю, отсѣкли голову мечомъ. Такъ страдали святые, совершившіе несчетное количество чудесъ. Тѣмъ болѣе подобаетъ страдать намъ, обыкновеннымъ людямъ, за наши безчисленные грѣхи и не поддаваться отчаянію: „Его же любитъ Господь, наказуетъ“. На этомъ основаніи Нилъ совѣтуетъ Кассіану неослабно терпѣть всѣ скорби. Онъ напоминаетъ ему, что у дьявола есть обычай, „егда видитъ кого съ теплою вѣрою наченша благаго жительства, пріустрашати того различными и страшными искушеніи, отъ бѣсовъ же и отъ человѣкъ, да отсюду въ страхъ вложитъ и, пришедъ во ослабу помысломъ, пресякнетъ отъ добраго произволенія и никако же въ себѣ имать теплоту приближитися жестокому и скорбному жительству“. Но Господь, попускающій насъ впадать въ скорби и муки, самъ же „сотворитъ изводство“ и избавитъ насъ отъ нихъ.

ε) *„Объ инокахъ кружающихъ стяжанія ради“*. Это — краткая замѣтка, въ которой Нилъ рѣзко осуждаетъ „кружающихъ“ (т.-е. шатающихся по міру) иноковъ-„прошаковъ“, собирающихъ милостыню.

*) Князь Кассіанъ Мавнукскій (въ мірѣ—Константинъ), жизнь котораго преисполнена была всякихъ превратностей, приключеній и бѣдствій, прибылъ въ Москву въ свитѣ царевны Софіи, былъ бояриномъ при ростовскомъ архіепископѣ Іоасафѣ, жилъ въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ, познакомился съ Ниломъ Сорскимъ въ пустынѣ и далъ передъ нимъ обѣтъ принять иночество, принялъ иночество въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ и, наконецъ, скончался (1504) въ своей Угличской обители.

ζ) *„О смертномъ воспоминаніи“*. Нужно помнить объ ожидающей насъ смерти, и никогда не охватитъ насъ слабость въ борьбѣ съ грѣхами. Въ кельѣ не должно быть много предметовъ, и тогда скудость обстановки научитъ насъ воздержанію: если твоя душа пожелаетъ что-либо и не найдетъ этого въ кельѣ, она вздохнетъ и смирится, и тогда Богъ утѣшитъ ее и даруетъ ей многое умиленіе. Возненавидишь тогда и ризу, которую носишь, самое тѣло свое. А когда тебя въ кельѣ обступятъ помышленія и бѣсы, какъ пчелы, встань, помолись, пройдись, и они отлетятъ отъ тебя.

η) *„Объ угожденіи людямъ и истинѣ“*. Нехорошо, если кто стремится угодить всѣмъ людямъ. „Писано бо есть: горе, егда добрѣ вамъ рекутъ вси человѣцы. Пророцы убо о истинѣ умираху; а ложніи пророцы, яже на сласть глаголаху человѣкомъ, любимы бяху. Еже хощеши убо, избери: или о истинѣ пещися и умрети ея ради, да живъ будеши во вѣки, или яже суть на сласть человѣкомъ творити и любимъ быти ими, Богомъ же ненавидимъ быти“.

ϑ) *„Како побѣдити тщеславіе“*. Если хочешь побѣдить тщеславіе, „не люби хвалы отъ человѣкъ, ни почести, ни добрыя одежды, не буди властелинъ братіи своей, не являйся въ добродѣтеляхъ (т.-е. не надѣвай на себя личину добродѣтели), не творися предъ людскимъ сонмомъ смышленъ въ совѣтѣхъ и въ отвѣтѣхъ, да не предпочтенъ будеши, ниже на преднемъ мѣстѣ сядеши; и не помышляй высокоумія въ сердцѣ о себѣ, не мни себя свята и спасена; и не укори человѣка ни о каковѣ грѣхѣ, аще своими очима видиши кого грѣхъ творяща, и не помысли согрѣшившаго повинна суду или мукѣ, но на сатану грѣхъ возложи, понеже онъ въ студъ брата нашего порѣваетъ (толкаетъ), хотя насъ отъ благости Божія разлучити; но паче всѣхъ грѣшныхъ себя помышляй грѣшнѣйша и промышляй о спасеніи своемъ, доброе творя тайно“...

б) „Преданіе ученикомъ своимъ о жительствѣ скитскомъ“. Это обширное сочиненіе, представляетъ изъ себя уставъ скитской жизни, — главный трудъ Нила. Въ немъ подробно развитъ и обстоятельно обоснованъ принципъ внутренняго совершенствованія въ условіяхъ скитской жизни, а также указаны пути, ведущія къ нему. Сочиненіе изобилуетъ тонкими психологическими свѣдѣніями и глубокими мыслями; оно усѣяно

ссылками на св. Писаніе и сочиненія отцовъ церкви и испещрено цитатами изъ нихъ.

„Преданіе ученикомъ“ состоитъ изъ двухъ вступительныхъ статей, собственно содержанія и изъ заключенія.

α) *Первая вступительная статья.* Въ первой вступительной статьѣ („Преданіе хотящимъ жити въ пустыни“) Нилъ указываетъ причину, заставившую его взяться за перо: многіе благоговѣйные братья приходятъ къ нему, желая жительствовать съ нимъ, и „стужаютъ“ ему; съ цѣлью споспѣшествовать ихъ совершенствованію онъ рѣшается изложить основы скитской жизни. Онъ указываетъ на необходимость для инока жить „отъ праведныхъ трудовъ своего рукодѣлія и работы, высказывается противъ украшенія церквей, противъ роскошной обстановки въ кельяхъ, говоритъ о разумной мѣрѣ для пищи и питія и высказывается противъ допущенія въ скитъ женщинъ.

β) *Вторая вступительная статья.* Во второй вступительной статьѣ идетъ рѣчь „о мысленномъ дѣланіи, сердечномъ и умномъ храненіи“, какъ объ основномъ орудіи для нравственнаго самосовершенствованія, и о недостаточности внѣшняго дисциплинированія воли.

γ) *Содержаніе.* За вступительными статьями идетъ самое содержаніе „Преданія“, распадающееся на одиннадцать главъ и состоящее въ обстоятельномъ изложеніи ученія о „мысленномъ дѣланіи“ въ условіяхъ скитской жизни. Каждая глава имѣетъ свое заглавіе.

Первая глава: „О различіи, еже на насъ мысленныя брани, побѣды и побѣжденія и еже тщаливо противитися страстямъ“.

Вторая глава: „О бореніи нашемъ, еже къ симъ, и яко памятію Божіею и храненіемъ сердца, сирѣчь молитвою и безмолвіемъ умнымъ побѣждати сихъ, и еже како дѣйствовати сія; въ немъ же и о дарованіяхъ“.

Третья глава: „О еже како и чимъ укрѣплятися въ настояніи ратей мысленнаго подвига“.

Четвертая глава: „О обдержаніи всего дѣланія въ жительствѣ нашемъ“.

Пятая глава: „О различіи нашего боренія и побѣды на осмь начальнѣйшихъ помыслъ страстныхъ: помыслъ чревообъяденія, блудный, сребролюбія, гнѣвный, печальный, унынія, тщеславный, гордостный“.

Шестая глава: „Обще на вся помыслы“.

Седьмая глава: „О памяти смертнѣй и о страшномъ судѣ, како поучатися въ сихъ, да стяжемъ сія помыслы въ сердцахъ нашихъ“.

Восьмая глава: „О слезахъ, како подобаетъ творити хотящимъ обрѣсти сія“.

Девятая глава: „О храненіе еже по сихъ“.

Десятая глава: „О отсѣченіи и безпопеченіи истиннѣмъ, еже есть умертвіе отъ всѣхъ“.

Одиннадцатая глава: „О еже не прежде времене и подобными мѣрами сія дѣланія подобаетъ творити, о молитвѣ и о прочіихъ нуждныхъ“.

б) *Заключеніе.* Въ краткомъ заключеніи своего труда Нилъ пишетъ слѣдующее: „Сія убо, Божіею помощію возмогаемы, мы неразумніи, по мѣрѣ худости нашего разума, написахомъ на воспоминаніе себѣ и подобнымъ мнѣ, иже въ чинѣ учимыхъ суть, аще и произволяютъ. Не отъ себѣ же, яко и въ началѣ сихъ писаній рѣхъ, но отъ богодухновенныхъ писаній святыхъ отецъ, просвѣщенныхъ разумомъ. Вся бо, яже здѣ, не безъ свидѣтельства божественныхъ писаній суть. И аще что обрящется въ сихъ не угодно Богу и не полезно души, моего ради неразумія, да не будетъ то, но воля Божія, совершенная и благопріятная, да бываетъ; азъ же прощенія прошу. Аще ли кто о сихъ вящшее и полезнѣйшее разумѣваетъ, той тако и да творитъ; мы же о семъ радуемся. Аще же отъ сихъ кто пользу обрящетъ, и о мнѣ грѣшнѣмъ да помолится, да получу милость предъ Богомъ“.

в) *„Завѣщаніе“.* Передъ смертью Нилъ оставилъ ученикамъ своимъ слѣдующее завѣщаніе.

„Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Завѣщаваю, яже о себѣ, моимъ приснымъ господамъ и братіямъ, яже суть моего права. Молю васъ, повергните тѣло мое въ пустыни, да изъядятъ е звѣріе и птицы, понеже согрѣшило есть Богу много и недостойно есть погребенія. Аще ли сие не сотворите, то, ископавше ровъ на мѣстѣ, идѣже живемъ, со всякимъ безчестіемъ погребите мя. Бойтеся же слова, еже великій Арсеній завѣща ученикамъ своимъ, глаголя: на судѣ стану съ вами, аще кому дадите тѣло мое. Тщаніе бо и мнѣ было то, елико по силѣ моей, да не сподобленъ буду чести и славы вѣка сего никоторыя, якоже въ житіи семъ, тако и по смерти

моей. Молю же всѣхъ, да помолятся о души моей грѣшнѣй, и прощенія прошу отъ всѣхъ, и отъ мене прощеніе да будетъ. Богъ да проститъ всѣхъ насъ!“ *).

*) Исходя изъ словъ самого Нила, имѣющихся въ „Посланіи иному о пользѣ“ („о себѣ же не смѣю творити что, понеже невѣжда и поселянинъ есмь“), нѣкоторые изслѣдователи пришли къ неожиданному заключенію, что Нилъ былъ родомъ изъ крестьянъ. Итакъ, самая выдающаяся личность среди культурныхъ дѣятелей XV в. была выдвинута крестьянствомъ, черными людьми, тѣми самыми черными людьми, которые уже въ XV в. были наполовину крѣпостными. Какъ извѣстно, просвѣщеніе и въ частности грамотность въ то время не всегда были достояніемъ даже боярства и вообще высшихъ классовъ, и вдругъ полукрѣпостной мужикъ не только грамотенъ, но и глубоко просвѣщенъ, не только глубоко просвѣщенъ, но и тонко развитъ. Это, съ точки зрѣнія соціальнаго положенія крестьянина въ XV в., такое чудо изъ чудесъ, что возникаетъ вопросъ, какъ такое чудо могло произойти. Предоставляю объясненіе этого чуда поборникамъ новаго взгляда и возвращаюсь къ словамъ Нила.

Замѣчу прежде всего, что слова „поселянинъ“, „сельскій человѣкъ“ („сельскимъ человѣкомъ“ называетъ себя знаменитый творецъ теоріи третьяго Рима старецъ Филоѳей) означали не крестьянъ спеціально (крестьянъ называли „черными людьми“), а людей, жившихъ внѣ городовъ, особенно крупныхъ, въ „селахъ“, т.-е. среди обработанныхъ полей, въ деревняхъ. Кто же жилъ въ „селахъ“? Не одни крестьяне, но и ихъ господа: дворянинъ, бояринъ, князь и т. д. Такимъ образомъ, можно было называть себя „поселяниномъ“, „сельскимъ человѣкомъ“ и вмѣстѣ съ тѣмъ не быть ни чернымъ человѣкомъ, ни холопомъ.

Послѣ этого замѣчанія перехожу собственно къ словамъ Нила. Разберемъ ихъ въ связи съ контекстомъ всего посланія.

Указавъ своему корреспонденту на св. Писаніе, какъ на высшій источникъ, откуда онъ почерпаетъ руководящія начала для своей дѣятельности, Нилъ подчеркиваетъ, что онъ не „смѣетъ“ ни одного шагу въ жизни сдѣлать, если этотъ шагъ не освѣщается верховнымъ авторитетомъ св. Писанія. Нилъ объясняетъ и причину того, почему онъ не дѣйствуетъ самочинно: потому что онъ — „невѣжда и поселянинъ“. Оставимъ пока „невѣжество“ Нила въ покоѣ и обратимъ вниманіе на слово „поселянинъ“. Допустимъ, что этимъ словомъ Нилъ въ самомъ дѣлѣ указываетъ на то, что онъ— крестьянинъ, „черный человѣкъ“. Спросимъ себя, какой смыслъ въ такомъ случаѣ логически вытекаетъ изъ фразы Нила? Слѣдующій: Нилъ, спасающій свою душу монахъ, не смѣетъ самочинно, помимо авторитета св. Писанія, совершать свои нравственные подвиги, между прочимъ, потому, что онъ— мужикъ; будь онъ князь по происхожденію, или, по крайней мѣрѣ, бояринъ, какъ его ученикъ Иннокентій, тогда—другое дѣло: онъ обошелся бы и безъ св. Писанія, да и другимъ не рекомендовалъ бы его... Это ли хотѣлъ сказать Нилъ? Неужели Нилу измѣнилъ тонкій умъ, когда онъ писалъ эту фразу, и съ устъ его сорвалась глупость, поразительная не только для XX в., но и для XV в.? Очевидно, нѣтъ. Нилъ жилъ въ XV в., въ Москов-

4) **Иннокентій Комельскій**. Иннокентій Комельскій († 1491) происходилъ изъ рода бояръ Охлѣбининыхъ. Вмѣстѣ съ Ниломъ Сорскимъ онъ совершилъ путешествіе къ святымъ

ской Руси, и никогда не рѣшился бы обойтись безъ св. Писанія. Слѣдовательно, необходимо допустить, что Нилъ называетъ себя „поселяниномъ“ вовсе не въ смыслѣ того, что онъ — крестьянинъ *по происхожденію*, а въ смыслѣ *переносномъ*, въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ онъ въ этой же фразѣ называетъ себя „невѣждой“, себя, образованнѣйшаго человѣка того времени, въ томъ смыслѣ, въ какомъ въ этомъ и въ другихъ сочиненіяхъ онъ же называетъ себя „безумнымъ“, „лѣнивымъ“ и т. д. Въ монашеской средѣ гордость разсматривалась, какъ одинъ изъ главныхъ грѣховъ, и потому отъ монаховъ требовалась, и притомъ въ усиленной дозѣ, та изъ высшихъ христіанскихъ добродѣтелей, которая называется смиреніемъ. Это смиреніе привело къ выработкѣ среди монаховъ своеобразнаго этикета, состоявшаго въ томъ, что монахъ, говоря о себѣ, употреблялъ всякаго рода уничижительные эпитеты. Существованіе такого этикета въ достаточной степени объясняетъ, почему Нилъ могъ называть себя „поселяниномъ“ и въ томъ случаѣ, если бы онъ былъ на самомъ дѣлѣ даже княземъ.

Я могъ бы ограничиться вышеприведенными соображеніями, которыя слишкомъ вѣски, чтобы продолжать въ-серьезъ говорить о Нилѣ, какъ о крестьянинѣ. Но я пойду дальше и попробую объяснить, почему Нилъ прибѣгъ къ такому необычному уничижительному эпитету. Я приведу изъ пятой главы „Преданія“, гдѣ идетъ рѣчь о „гордостномъ“ помыслѣ, одно разсужденіе, въ которомъ особенное вниманіе поборниковъ новаго взгляда обращаю на подчеркнутыя мною слова: „Суть же и таковіи, иже и симъ кичатся, аще родителей явленныхъ въ мірѣ, или сродники имѣша отъ преимущихъ въ славѣ міра, или сами въ коемъ санѣ или чести въ мірѣ бѣша: и сіе—безуміе есть. *Сія бо паче сокрывати подобаетъ*. Аще ли же кто и въ жительствѣ отреченія своего славу и честь отъ человѣкъ пріималъ будетъ, сіе — стыдѣніе есть. Симъ подобаетъ срамлятися наче, нежели выситися: иже бо симъ славящіися, сихъ слава—студъ есть“. Итакъ, Нилъ находитъ, что кичиться знатностью своего рода, особенно, когда отрекся отъ міра,—безуміе, стыдъ и срамъ, и лучше свою знатность скрывать. Если таково было убѣжденіе Нила, то ясно, что и самъ онъ осуществлялъ его на практикѣ, замалчивая и скрывая свое происхожденіе. А когда онъ писалъ свои работы, и употреблялъ обычные въ то время уничижительные эпитеты, ему легко могла придти мысль, подъ вліяніемъ указаннаго убѣжденія, употребить въ отношеніи къ себѣ новый, необычный, эпитетъ...

Отъ своихъ современниковъ Нилъ фактически не могъ скрыть своего происхожденія. Да и какъ скрыть, когда братъ его Андрей находился на службѣ у великаго московскаго князя, былъ его казначеемъ и ѣздилъ въ Литву съ дипломатическими порученіями, а съ самимъ Ниломъ поддерживали связи князья и бояре, которые, видимо, смотрѣли на него, какъ на человѣка своего круга, и среди которыхъ у него было не мало послѣдователей? Нилу не удалось достичь своей цѣли въ XV в. Зато въ концѣ XIX в. употребленный имъ уничижительный эпитетъ понятъ былъ русскими изслѣ-

мѣстамъ. Вернувшись въ Бѣлозерскій край, Иннокентій нѣкоторое время жилъ на скитскихъ началахъ недалеко отъ своего сподвижника и учителя, а затѣмъ, покинувъ его, отправился въ Вологодскій край. Здѣсь онъ поселился въ глухомъ Комельскомъ лѣсу, гдѣ сначала велъ одинокую отшельническую жизнь, а потомъ, когда около него собралась братія, основалъ монастырь.

Иннокентій глубоко почиталъ Нила Сорскаго и въ своемъ монастырѣ руководился уставомъ своего учителя. Онъ собственноручно переписалъ этотъ уставъ и снабдилъ его двумя вступительными, превосходно написанными, статьями, въ кото-

---

дователями въ современномъ смыслѣ, и съ тѣхъ поръ до настоящаго времени. Нилъ слыветъ крестьяниномъ. Нилу, такимъ образомъ, удалось-таки скрыть свое происхожденіе, и это заставляетъ еще болѣе восхищаться умомъ „великаго старца“ XV в., этого далекаго прообраза боярина новаго времени, тоже „великаго старца“,—графа Л. Н. Толстого. Краткая и, конечно, неполная параллель между обоими „великими старцами“ покажетъ, что я не напрасно называю Нила прообразомъ Толстого.

Во-первыхъ, Нилъ—знатокъ византійско-болгарской литературы и особенно литературы отцовъ и учителей церкви; Толстой—знатокъ религіозно-нравственной литературы всѣхъ временъ и народовъ.

Во-вторыхъ, Нилъ скептически относился къ разсказамъ о чудесахъ нѣкоторыхъ святыхъ и соотвѣтственнымъ образомъ исправлялъ ихъ житія; Толстой скептически относится къ Евангеліямъ и соотвѣтственнымъ образомъ исправляетъ ихъ.

Въ-третьихъ, Нилъ — поборникъ и пропагандистъ принципа внутренняго совершенствованія; Толстой — послѣдовательный защитникъ и пропагандистъ „царства Божія внутри насъ“.

Въ-четвертыхъ, Нилъ—глубокій знатокъ человѣческой души; Толстой—міровой психологъ.

Въ-пятыхъ, Нилъ—противникъ боярско-дворянскаго землевладѣнія (въ формѣ монастырской, наиболѣе распространенной тогда крупной собственности); Толстой—противникъ крупнаго дворянскаго землевладѣнія.

Въ-шестыхъ, Нилъ требуетъ, чтобы иноки (а послѣдніе, за немногими исключеніями, состояли изъ князей, бояръ, дворянъ) собственноручными трудами содержали себя; Толстой то же самое предлагаетъ дворянамъ.

Въ-седьмыхъ, Нилъ скрываетъ свое происхожденіе и называетъ себя „поселяниномъ“; Толстой пренебрегаетъ своимъ происхожденіемъ, игнорируетъ свой графскій титулъ и замѣтно тянется къ крестьянской жизни.

Въ-восьмыхъ, Нилъ завѣщалъ, чтобы его хоронили со всякимъ „безчестіемъ“; Толстой выразилъ желаніе, чтобы его похоронили безъ всякой торжественности.

И т. д.

Это сходство, при различіи эпохъ, является новымъ, косвеннымъ, доказательствомъ, что Нилъ—такой же баринъ, какъ и Толстой.

рыхъ кратко и въ то же время образно излагается начало нравственнаго совершенствованія.

Статьи Иннокентія имѣютъ слѣдующія заглавія: а) „Надсловіе на книгу блаженнаго отца Нила Сорскаго“ и б) „Пристеженіе“ (прибавленіе).

а) „Надсловіе на книгу блаженнаго отца Нила Сорскаго“. Въ „Надсловіи“ Иннокентій доказываетъ преимущество „умнаго дѣланія передъ внѣшнимъ аскетизмомъ и скитской жизни передъ другими формами монашества.

Святые отцы, исходя изъ заповѣдей Христовыхъ, даютъ намъ крѣпкое „оружіе“ для подавленія страстей и очищенія сердца отъ злыхъ помысловъ: „си есть страхъ Божій и память Бога. ту суща“; къ этому они прибавляютъ еще „память смерти и геены“ и „чтеніе святыхъ писаній“. Это оружіе отлично для добрыхъ и благоговѣйныхъ мужей; „нечувственнымъ же и окамененнымъ, аще и самая та геена или самъ Богъ чувственно открыется, никаковаго же наведетъ имъ страха. Къ тому же и самый умъ въ новоначальныхъ монасѣхъ скоро притупляется къ таковымъ памяти и бѣжитъ отъ нихъ, аки пчела отъ воскуренія дымна“.

Духовнѣйшіе и искуснѣйшіе отцы явили еще одно „оружіе“, которое можетъ оказать помощь въ нравственной борьбѣ даже очень немощнымъ людямъ. Это особое оружіе состоитъ въ „умномъ храненіи“, „умномъ дѣланіи“.

Подобіе и образъ перваго „оружія“ — „мелющіи въ жерновахъ своими си руками и силою“. Образъ и подобіе второго „оружія“ — „мелющіи въ млинѣ (на мельницѣ) водою и художествомъ“ (искуснымъ механизмомъ).

Есть большая разница въ характерѣ того и другого „оружія“. Когда страсти и помыслы отгоняются изъ страха Божія и пр., тогда, даже и при успѣхѣ, совершенствованіе идетъ „зѣло косно и приболѣзненно“. А при посредствѣ „умнаго дѣланія“, „дѣлатель“ скоро и легко приближается къ Богу. Въ первомъ случаѣ бываетъ „едино внѣшнее моленіе и поученіе, и дѣланіе заповѣдей“; во второмъ случаѣ на лицо оба элемента: „внѣшнее и внутреннее храненіе“. „Разумъ“ внѣшняго моленія одинъ, а „разумъ“ внутренняго моленія иной: „Оный бо, исполняя числомъ пѣніе, уповаетъ къ Богу, оставляя же сіе, осуждаетъ себе; сей же, ударяемъ бывая своею совѣстію въ повсечасныхъ грѣсѣхъ, о нихъ же

речеся, и терпя нашествіе прилоговъ вражіихъ, присно вопіетъ ко Христу, нося въ умѣ реченіе сіе: аще и на всю лѣствицу совершенія наступиши, о оставленіи грѣховъ молися".

Святые отцы раздѣляютъ монашеское жительство на три „чина", или „житія": „Первое—общество. Второе—царскимъ путемъ, или среднимъ, нарицаютъ, еже въ двухъ или трехъ живуще, общее стяжаніе нуждныхъ, общую пищу и одѣяніе, общій трудъ и рукодѣліе и всякое промышленіе житію имѣти; надъ вся же сія, отсѣкающе свою волю, повиноватися другъ другу, въ страсѣ Божіи и любви. Третіе же — уединенное отшельство, еже есть совершенныхъ и святыхъ мужей дѣло". Нынѣ нѣкоторые, вопреки указанію св. отцовъ, изобрѣли новое, четвертое житіе: „Зиждуще бо келліи всякъ, идѣже аще хощетъ, или далече, или поблизу, живутъ уединенно, всякъ свою волю предпочитая и стяжаніе съ попеченіемъ гоня, и прочая. И по таковому ихъ чину и жительству уподобляются отшельникомъ, по отреченію же святыхъ отецъ и страшному запрещенію всѣмъ недугующимъ страстьми душевными и дерзающимъ единоборствовати отшельнически съ бѣсы подобни суть самочинникомъ и самопретыкателемъ: сами бо себѣ изобрѣтше житіе, сами на немъ и претыкаются, не могуще мирно и постоянно на немъ пожити, аки не по своей ихъ мѣрѣ и пряслу" (степени, т.-е. степени совершенства).

Мы, люди, подверженные страстямъ, должны держаться „царскаго", „средняго" пути, „безмолвствовать" группами въ два-три человѣка: „яко да и прелести, самолюбію же и пристрастію не поработимся и самочинія порока избудемъ; вмѣсто же таковыхъ всѣхъ обрящемъ удобную стезю и отверстую дверь на дѣланіе заповѣдей Христовыхъ и обученіе умнаго священнодѣйства".

Отправляться въ пустыню на уединенное отшельничество можетъ только совершенный, только тотъ, кто очистился отъ всякой страсти, который, живя „въ собраніи общеживущихъ", всѣ свои неправды „вывари и ошу́мова" (снялъ пѣну шумовкой). Такой отшельникъ, уйдя въ пустыню, пріобрѣтетъ божественное зрѣніе, которому станетъ доступно видѣніе свѣтлыхъ духовныхъ таинствъ. Если же инокъ занесетъ въ пустыню страсти „не уврачеваны", послѣднія въ немъ по прежнему будутъ гнѣздиться; въ пустынѣ онъ будетъ скрывать въ

своей душѣ злобу и даже еще пріумножитъ ее. Такой инокъ будетъ имѣть терпѣніе лишь до тѣхъ поръ, пока къ нему никто не приходитъ. А когда къ нему придутъ другіе, инокъ „на первый свой обычай возвращается“: „тогда бо произницаютъ страсти потаенныя и, яко кони необузданніи и долгимъ стояніемъ утолстѣвшіе, быстрѣйше въ бѣду всадника своего понесутъ“. Инокъ, удалившійся въ пустыню съ неочищенной отъ страстей душой, подобенъ аспиду: „Якоже всякій аспидъ ядовитый, или лютый звѣрь, егда въ пещерѣ и возгнѣжденіи (въ гнѣздѣ) пустыни утаитъ и покрыетъ, не бываетъ ли лютъ и вредливъ? Обаче (однако) бо ѻ́но время не вредитъ и не познаваетъ мѣры своея, незлобивъ ли есть, или золъ, яко не имать предстоящаго ко угрызенію. И сіе нѣсть отъ благаго растворенія аспидова, но мѣсто пустынное и безчеловѣчное не допускаетъ ему содѣяти злое; егда же обрѣтетъ время вреду, сокровенный ядъ и горькую лютость отъ себя изливаетъ“.

б) „*Пристеженіе*“. Въ „Пристеженіи“ Иннокентій комментируетъ ученіе Нила о постѣ.

Блаженный старецъ Нилъ, устанавливая среднюю мѣру пищи и питія, ссылается на слѣдующія слова св. Григорія Синаита: „Всякому хотящему Бога обрѣсти, подобаетъ причащитися отъ всѣхъ сладостныхъ съ воздержаніемъ“. Слово „сладостный“ во многихъ вызываетъ недоумѣніе. Означаетъ ли это слово сѣмена и овощи, или рыбу, елей и вино? Это недоумѣніе разрѣшается словами св. епископа Ираклида: „Съ разумомъ убо причащаяся брашенъ и съ разумомъ удаляяся сихъ, не погрѣшитъ всяко: праведному бо, рече, законъ не лежитъ“. „Легчайше бо еже съ разумомъ вино пить, нежели съ презорствомъ (высокомѣріемъ) воду. И виждь ми съ разумомъ благочестивымъ вина піющихъ мужей святыхъ бывшихъ, и иже бесловеснѣ (неразумно) съ гордостію піющихъ воду, человѣковъ скверныхъ и растлѣнныхъ“. Укорять и одобрять нужно не сортъ пищи и питія, а разумъ тѣхъ, которые хорошо или нехорошо пріемлютъ ихъ. Когда іудеи укоряли Христа за то, что ученики его не постятся, какъ ученики Іоанна, а Его самого за то, что Онъ ѣстъ и пьетъ съ мытарями и грѣшниками, Христосъ отвѣтилъ: „Пріиде Іоаннъ путемъ правды, не ядый ни пія (глаголю же мяса и вина; кромѣ [безъ] бо иныхъ жити не можно), и глаголютъ: бѣса имать! Пріиде же сынъ человѣческій, ядый и пія, и глаголютъ: се человѣкъ

ядца и винопійца, мытаремъ другъ и грѣшникомъ". Что же дѣлать? Ясно: не обращать вниманія ни на укоряющихъ, ни на хвалящихъ. Если мы съ Іоанномъ будемъ разумно поститься, они скажутъ, что въ насъ бѣсъ сидитъ; а если вмѣстѣ съ Іисусомъ будемъ въ мѣру пить вино, они скажутъ: эти люди— „ядцы и винопійцы". Нужно твердо помнить, что не въ ѣдѣ и не въ питіи дѣло, а въ вѣрѣ, сопровождаемой любовью и дѣлами. Пусть всякій развиваетъ въ себѣ любовь, миръ, кротость, воздержаніе, пусть отрѣшается отъ гнѣва, зависти, тщеславія: это — главная задача человѣка. Относительно же пищи и питія правило простое: когда тѣло здорово, нужно избѣгать „снѣдей", утучняющихъ его; а когда тѣло немощно или постигнуто болѣзнью, или, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, подвергается какимъ-либо страданіямъ, тогда необходимо подавать ему пищу и питіе, которыя тогда „суть яко напоенія цѣлебна во врачевство печальныхъ".

Хотя самъ Христосъ и до страданій, и послѣ воскресенія „незазорно причащался „сладостной" пищи и примѣру Христа слѣдовали святые отцы, однако нѣкоторые отвергаютъ ее и считаютъ препятствіемъ къ достиженію совершенства. Это невѣрно. Безмѣрное и неразсудное воздержаніе приноситъ большій вредъ, нежели „до сытости яденіе". Тѣ святые, которые проходили „вышеестественное житіе", побуждались къ этому разными мотивами: одни изъ нихъ удручали свою плоть изъ любви къ страданіямъ Христа („Христосъ мене ради распятся и вкуси желчи, то азъ ли хощу пріяти масло и вино во уста моя?"); другіе предавались посту и безмѣрнымъ трудамъ ради грѣховъ своихъ, третьи — для достиженія безстрастія и т. д. Всѣ они совершали эти сверхъестественныя пощенія въ разумѣ и „добромъ предложеніи" (въ добромъ предрасположеніи, въ силу естественной наклонности), „не познавающе себѣ, аще кую добродѣтель проходятъ, но единымъ разумомъ кождо ихъ чувство духовное нося, созади (позади) себѣ всякое дѣланіе доброе обѣси (повѣсили, возложили на себя): не постъ бо, ниже (и не) иные труды добродѣтель быти вмѣниша, но едино тое, еже по естеству поставити себе Христови, якоже и создахомся, предпочтоша".

И вотъ, нашлись такіе „подобострастные" (подверженные страстямъ) и „неразсудные" иноки, которые, не имѣя чувствъ и не обладая дарованіями вышеуказанныхъ святыхъ, даже не

понимая ихъ, „поревновали“ постъ и труды и стали вмѣнять ихъ и себѣ, и другимъ въ особую добродѣтель. Это діаволъ, подстерегающій ихъ, какъ песъ въ ловитвѣ, повергаетъ въ чрево ихъ сѣмя самомнѣнія, изъ котораго развивается внутренній фарисей: ничто такъ не побуждаетъ къ гордости, какъ „свѣдущая о своихъ многихъ заслугахъ совѣсть и душа, „живущая во упованіи на оныя“. „Всякъ, иже проходитъ постъ, метаніе же и бдѣніе, псалмопѣніе же и на земли леганіе и подобная симъ, аще мнитъ, яко исправляетъ добродѣтели, сего ради согрѣшаетъ въ предложеніи къ Богу“.

Самая трудная задача („трудный алфавитъ“) въ дѣлѣ самосовершенствованія состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить „прясло свое и мѣру, съ каковымъ разумомъ и предложеніемъ хощетъ проходити добродѣтели“. А это возможно, если инокъ шествуетъ по „царскому“, „среднему“ пути. И пусть инокъ не приходитъ въ отчаяніе, если онъ не въ силахъ жить во плоти своей „остро и подвижно“, какъ святые: „возможеши бо и ты навершати теплымъ вождѣленіемъ и тщаніемъ внутренняго дѣланія со смиреніемъ и симъ угодити Богу“.

175. Внѣшне-аскетическое направленіе. Внѣшне-аскетическому направленію было чуждо стремленіе къ внутреннему совершенствованію. Основная задача его представителей состояла въ томъ, чтобы суровыми мѣрами внѣшняго воздѣйствія дисциплинировать волю монаха и направить ее къ тщательному исполненію предписаній обрядоваго благочестія.

Съ половины XV в. обрядовое подвижничество становится достояніемъ по преимуществу монаховъ, происходившихъ изъ дворянства и той части боярства, которая по характеру службы сближается съ дворянствомъ.

Дворяне, ближайшіе слуги князя (§ 30), по своему положенію, занятіямъ, навыкамъ, стремленіямъ, строю чувствъ и характеру мышленія, рѣзко отличались отъ крупныхъ бояръ.

Во-первыхъ, дворяне находились въ полной матеріальной зависимости отъ князя: дворянинъ могъ разсчитывать на матеріальную обезпеченность только подъ условіемъ, если онъ угождаетъ князю точнымъ и тщательнымъ исполненіемъ его порученій и приказаній. Это повело къ тому, что у дворянъ развилась и окрѣпла склонность къ строгой внѣшней дисциплинѣ, передававшаяся изъ поколѣнія въ поколѣніе, привычка меха-

нически исполнять предписанія свыше, не пускаясь въ разсужденія о содержаніи ихъ.

Во-вторыхъ, завѣдуя дворцовымъ хозяйствомъ и княжескими вотчинами, дворяне пріобрѣтали обширный хозяйственный опытъ, которымъ они стали пользоваться и для организаціи своихъ частныхъ хозяйствъ.

Въ-третьихъ, отправленіе функцій полицейско-исполнительнаго характера создавало и воспитывало въ дворянахъ подозрительное и недовѣрчивое отношеніе къ людямъ, жестокость, отсутствіе стѣсненія въ выборѣ средствъ для воздѣйствія на людей.

Выработанныя исторіей характерныя черты дворянства удѣльно-феодальнаго періода были внесены и въ монашескую жизнь, когда въ монахи стали постригаться дворяне. Съ особенной энергіей черты эти вносились монахами, отцы и дѣды которыхъ были инородцами или выходцами изъ Юго-Западной Руси.

По имени одного изъ своихъ основателей—Іосифа Волоцкаго — внѣшне-аскетическое направленіе получило названіе „іосифлянства“, „осифлянства“.

Основныя черты іосифлянства слѣдующія: склонность къ строгой внѣшней организаціи монастырской жизни; хозяйственность и „стяжательность“, т.-е. стремленіе къ расширенію монастырскихъ владѣній и къ увеличенію монастырскихъ капиталовъ; тѣсная связь монаховъ-іосифлянъ съ свѣтской властью и стремленіе служить ей; сочувственное, почти благоговѣйное отношеніе къ усиленію власти московскаго князя; признаніе полнаго авторитета „божественнаго писанія“, подъ которымъ іосифляне разумѣли не только каноническія книги Ветхаго и Новаго Завѣта, но и вообще всѣ церковныя произведенія, въ томъ числѣ и апокрифическія; признаніе подобнаго же авторитета за „градскими законами“, т.-е. за свѣтскимъ текущимъ законодательствомъ; культъ внѣшняго подвижничества, обрядовое формальное благочестіе; духъ нетерпимости и суровости; любовь къ легендѣ, къ фантастическимъ сказаніямъ, по преимуществу мрачнаго содержанія.

Монастыри, въ которыхъ водворялось внѣшне-аскетическое направленіе, основывались не въ особенно дальнемъ разстояніи отъ Москвы: отъ Вязьмы и Дорогобужа на юго-западѣ, до Переяславля на сѣверо-востокѣ.

Созданное и развитое по преимуществу дворянствомъ, внѣшне-аскетическое направленіе привлекаетъ къ себѣ съ теченіемъ времени и лицъ изъ другихъ классовъ и сословій.

Основателями внѣшне-аскетическаго направленія были два лица: 1) Пафнутій Боровскій и 2) Іосифъ Санинъ Волоцкій.

1) Пафнутій Боровскій. Пафнутій Боровскій (1394—1477), въ мірѣ Парѳеній, былъ „дѣдомъ“ іосифлянъ. Предки Пафнутія, по происхожденію татары, занимали въ Ордѣ высокія должности. Дѣдъ его, баскакъ, принялъ крещеніе и вступилъ въ ряды удѣльно-феодальнаго правящаго класса. Родители его жили въ трехъ поприщахъ отъ г. Боровска (на границѣ Московской и Калужской губ.) въ своемъ имѣніи, въ селѣ Кудиновѣ.

Достигши двадцатилѣтняго возраста, Пафнутій покинулъ родительскій домъ и постригся въ Высоцкомъ монастырѣ въ г. Боровскѣ. Въ первые годы своего пребыванія въ этомъ монастырѣ Пафнутій совершалъ свои аскетическіе подвиги подъ руководствомъ жившаго тамъ на покоѣ старца Никиты, ученика Сергія Радонежскаго. Двадцать лѣтъ Пафнутій „прилежаше къ подвигомъ и труды къ трудомъ прилагаше и всею мѣрою украшаяся въ стезяхъ добродѣтели“. Въ концѣ этого періода времени скончался игуменъ Высоцкаго монастыря. Иноки монастыря намѣтили въ игумены Пафнутія. Пафнутій принялъ игуменство, тѣмъ болѣе, что князь Боровска „молилъ“ и „принуждалъ“ его согласиться на это.

Въ теченіе тринадцати лѣтъ Пафнутій руководилъ Высоцкимъ монастыремъ, причемъ во всемъ старался подавать инокамъ примѣръ ревностнаго аскетизма: „въ день убо въ службахъ монастырскихъ прежде всѣхъ обрѣташеся работая, въ нощи же въ молитвахъ пребдѣвая“. Подавая инокамъ личный примѣръ, Пафнутій вмѣстѣ съ тѣмъ прибѣгалъ, вѣроятно, и къ принудительнымъ мѣрамъ для поддержанія среди нихъ трудоспособности и дисциплины. Мѣры эти большинству иноковъ едва ли были по вкусу, и Пафнутію, по всѣмъ видимостямъ, приходилось испытывать пассивное, а затѣмъ и активное противодѣйствіе. Этимъ, очевидно, нужно объяснить то, что Пафнутій по прошествіи тринадцати лѣтъ покинулъ Высоцкій монастырь и удалился въ сосѣднее княжество Суходолъ, принадлежавшее Дмитрію Юрьевичу Шемякѣ. Здѣсь, на разстояніи двухъ поприщъ отъ Боровска, въ густомъ лѣсу, на мѣстѣ сліянія двухъ рѣчекъ—Протвы и Истервы—Пафнутій основалъ

свой монастырь и церковь во имя Рождества Богородицы (1444). Въ этотъ монастырь перешла часть братіи Высоцкаго монастыря, относившаяся съ сочувствіемъ къ идеаламъ Пафнутія.

Боровскій князь Василій Ярославичъ (шуринъ Василія Темнаго) разсердился на Пафнутія за его уходъ и пытался уничтожить новый монастырь, но неудачно. Впослѣдствіи, во время битвы съ татарами подъ Суздалемъ, Василій Ярославичъ вспомнилъ свою вражду съ Пафнутіемъ и далъ обѣтъ примириться съ нимъ, если благополучно уцѣлѣетъ. По словамъ житія, благодаря этому обѣту, Василій не попался въ плѣнъ къ татарамъ.

Когда Шемяка потерпѣлъ окончательное пораженіе въ борьбѣ съ Василіемъ II, Суходолъ съ монастыремъ Пафнутія перешелъ во владѣніе Василія Ярославича, а когда послѣдній подвергся изгнанію,—въ непосредственное владѣніе московскаго князя (1456).

Въ 1472 г. Иванъ III отдалъ Вышегородскую волость вмѣстѣ съ Суходоломъ своему брату Борису Волоцкому. Къ послѣднему долженъ былъ отойти и монастырь Пафнутія. Однако Пафнутій не пожелалъ вернуться подъ власть удѣльнаго князя и „почалъ говорити: ино хотя князь великій Вышегородъ да и монастырь нашъ далъ князю Борису, и язъ бію челомъ великому князю—ино монастырь возметъ въ свою державу“. Великій князь уважилъ челобитье Пафнутія и оставилъ монастырь за собою.

Въ своемъ монастырѣ Пафнутій подвизался въ теченіе тридцати трехъ лѣтъ, до конца жизни (1477). Онъ обнаружилъ выдающіяся хозяйственныя способности и необыкновенную работоспособность. Онъ не только самъ велъ все монастырское хозяйство, заботясь о всѣхъ сторонахъ его (ловля и соленіе рыбы, личный пріемъ вкладовъ и поминокъ, выдача денегъ на хозяйственныя нужды), но и принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ монастырскихъ работахъ: таскалъ на себѣ бревна, рубилъ дрова, копалъ землю, носилъ воду, плелъ сѣти. Особенные труды и заботы Пафнутій посвятилъ на созданіе большой каменной церкви. Своими богатыми украшеніями, роскошной утварью и книгами церковь вызывала удивленіе не только въ простыхъ людяхъ, но и въ боярахъ, даже въ князьяхъ.

Управляя монастырскимъ хозяйствомъ и принимая дѣя-

тельное участіе въ трудахъ братіи, Пафнутій въ то же время съ неменьшимъ рвеніемъ отдавался насажденію въ монастырѣ аскетизма. Въ монастырѣ строго соблюдались „божественное писаніе“, уставъ монастырскій, молитвенный чинъ, посты. До чего доходила вѣрность „писанію“, видно изъ слѣдующаго: если кто-либо говорилъ хоть немного „кромѣ божественнаго писанія“, Пафнутій не только не слушалъ его, но даже изгонялъ изъ монастыря. Наиболѣе тяжкими грѣхами Пафнутій считалъ убійство (князя, инока), близость къ женскому полу, долгое пребываніе инока въ міру, оставленіе инокомъ монастыря, нарушеніе поста. Мѣры, которыя принимались въ монастырѣ для дисциплинированія и наказанія монаховъ, отличались суровостью и носили чисто внѣшній, тѣлесный характеръ. Въ сознаніи монаховъ Пафнутіева монастыря руководитель его выступалъ чаще всего въ образѣ суроваго карателя, съ „ярымъ окомъ“. Даже міряне, и притомъ не робкаго десятка, въ присутствіи Пафнутія чувствовали себя неспокойно: князь Георгій Васильевичъ, сынъ Василія II, навѣщавшій монастырь и исповѣдывавшійся Пафнутію въ грѣхахъ, многимъ признавался, что при встрѣчѣ съ Пафнутіемъ онъ всегда испытывалъ трепетъ и ужасъ. Улыбка на устахъ Пафнутія отмѣчена была иноками въ двухъ случаяхъ: 1) узнавъ о несчастіи, поразившемъ сына одного воеводы, Пафнутій съ улыбкой удовольствія замѣтилъ инокамъ: „отмсти Богъ кровь гавранову“ (сынъ воеводы застрѣлилъ въ монастырскомъ лѣсу ворона); 2) когда иноки, узнавъ объ отставкѣ архимандрита Симонова монастыря, стали судить и рядить о вѣроятномъ кандидатѣ въ архимандриты, Пафнутій съ улыбкой указалъ на Вассіана (брата Іосифа Волоцкаго), какъ на будущаго Симоновскаго архимандрита. Самого Бога иноки Пафнутіева монастыря представляли Существомъ суровымъ, грознымъ, карающимъ. Въ полномъ соотвѣтствіи съ этими представленіями и вообще съ режимомъ монастыря были даже видѣнія иноковъ, видѣнія, въ которыхъ часто фигурируетъ „нѣкто, черный видѣніемъ“, или муринъ“ (эѳіопъ), захватывающій грѣшащаго инока желѣзнымъ крюкомъ.

Наставленія религіозно-нравственнаго характера въ Пафнутіевомъ монастырѣ почти отсутствовали или сводились къ увѣщаніямъ хранить монастырское строеніе и церковный чинъ. Вмѣсто религіозно-нравственныхъ увѣщаній Пафнутій предпо-

читалъ обращаться къ поучительнымъ повѣстямъ, носившимъ легендарный характеръ.

Монастырь Пафнутія и самъ Пафнутій пользовались большимъ расположеніемъ со стороны князей, особенно московскихъ, которые богатыми денежными и земельными вкладами содѣйствовали матеріальному развитію монастыря. Въ свою очередь и Пафнутій проявлялъ чувство преданности московскимъ великимъ князьямъ *). Когда Пафнутій лежалъ на смертномъ одрѣ, въ монастырь пріѣзжалъ посолъ за посломъ отъ Ивана III, его матери Маріи Васильевны и супруги Софіи. По смерти своей Пафнутій сталъ какъ бы семейнымъ святымъ московскаго великокняжескаго дома: внуки и правнуки Василія II глубоко чтили память Пафнутія; рожденіе Ивана IV приписывалось молитвамъ Пафнутія; Иванъ IV ставилъ имя Пафнутія на ряду съ именами Сергія Радонежскаго и Кирилла Бѣлозерскаго.

Пафнутіевъ монастырь воспиталъ рядъ строгихъ подвижниковъ, поборниковъ внѣшняго аскетизма. Таковы были Иннокентій, авторъ „Записки“ о смерти Пафнутія, Герасимъ Черный, Кассіанъ Босой, Іосифъ, знаменитый впослѣдствіи основатель и игуменъ Волоколамскаго монастыря, и др.

2) Пр. Іосифъ Санинъ Волоцкій. Пр. Іосифъ Волоцкій, въ мірѣ Іоаннъ Санинъ (1440—1516), происходилъ изъ дворянской семьи. Дѣдъ его Сань, выходецъ изъ Литвы, получилъ отъ московскаго князя вотчину въ предѣлахъ Волока Ламскаго (къ западу отъ Москвы). Родители Іосифа позаботились объ образованіи своего сына: семи лѣтъ онъ былъ отданъ на книжное образованіе въ Крестовоздвиженскій монастырь старцу Арсенію Леженкѣ. Іосифъ быстро научился читать и пѣть. Онъ полюбилъ церковную службу и старался раньше всѣхъ попасть въ церковь. Чтеніе книгъ рано пробудило въ Іосифѣ мысль: его особенно занималъ вопросъ о скоротечности жизни. Въ немъ стало созрѣвать желаніе отдаться дѣлу спасенія души.

Когда Іосифу исполнилось двадцать лѣтъ, онъ рѣшилъ стать инокомъ. Узнавъ, что въ Тверской землѣ есть монастырь св. Саввы, въ которомъ подвизается знаменитый старецъ Вар-

*) Въ послѣдніе дни своей жизни Пафнутій, какъ мы узнаемъ изъ „Записки“ Иннокентія (§ 176), круто измѣнилъ свои отношенія къ князьямъ; но практическаго значенія этотъ поворотъ не имѣлъ.

сонофій Неумой, Іосифъ покинулъ родительскій домъ и отправился туда. Войдя въ монастырь, Іосифъ, думавшій найти здѣсь образецъ святой жизни, прежде всего услышалъ, какъ монахи ругаются и говорятъ „неподобныя слова“. Пораженный Іосифъ бросился вонъ изъ монастыря. Старецъ Варсонофій, понявшій Іосифа, бросился за нимъ въ догонку и посовѣтовалъ ему идти въ Боровскъ къ Пафнутію.

Когда Іосифъ явился въ Пафнутіевъ монастырь, престарѣлый игуменъ его кололъ и складывалъ дрова. Іосифъ благоговѣйно выждалъ конца работы и бросился передъ Пафнутіемъ на колѣни съ просьбой принять его въ монастырь и постричь въ иноки. Своею привлекательною внѣшностью, за которой скрывалась большая физическая сила, юноша произвелъ на Пафнутія благопріятное впечатлѣніе, и Пафнутій согласился на его просьбу. Новопостриженный былъ опредѣленъ сначала въ поварню, а затѣмъ на болѣе трудное дѣло — въ пекарню. Тяжела была работа здѣсь: нужно было готовить и печь хлѣбы не только для иноковъ и наемныхъ рабочихъ, но и для всѣхъ, кто приходилъ въ монастырь „пользы ради душевной“, а также для нищихъ и странниковъ; въ голодное время приходилось прокармливать до тысячи человѣкъ въ день.

Не однѣ только трудныя физическія работы исполнялъ Іосифъ. Наблюдая за Іосифомъ, Пафнутій замѣтилъ, что онъ — ловкій, практичный и способный къ организаторству инокъ. Тогда Пафнутій сталъ поручать ему и нѣкоторыя отрасли управленія монастыремъ. Такъ, онъ поручилъ ему наблюдать за порядкомъ, смотрѣть за больными, а иногда совершать поѣздки по дѣламъ монастыря.

Исполняя всевозможныя работы для монастыря, Іосифъ находилъ еще время и для собственныхъ занятій, которыя состояли главнымъ образомъ въ чтеніи. Обладая сильной памятью, Іосифъ мало по малу усвоилъ все „божественное писаніе“, такъ что ему рѣдко приходилось справляться съ нимъ, когда онъ говорилъ отъ писанія“: онъ держалъ писаніе „памятью на край языка“.

Привлекательная внѣшность въ связи съ яснымъ, твердымъ умомъ и практичностью, начитанность, замѣчательное умѣніе пѣть псалмы и читать нараспѣвъ въ церкви, краснорѣчіе, — всѣ эти качества снискали Іосифу всеобщее уваженіе не только въ монастырѣ, но и за его предѣлами, въ Москвѣ, гдѣ онъ

произвелъ отличное впечатлѣніе на Ивана III и вообще на придворный кругъ.

Когда Пафнутій скончался, братія монастыря намѣтила ему въ преемники Іосифа. Иванъ III отнесся очень сочувственно къ кандидатурѣ Іосифа и, съ своей стороны, убѣждалъ Іосифа взять на себя игуменство. Іосифъ подчинился волѣ великаго князя (1477).

Взявъ на себя управленіе монастыремъ, Іосифъ прежде всего рѣшилъ реформировать жизнь иноковъ на началахъ общежитія и ввести болѣе строгую дисциплину. Это не понравилось большинству братіи, и Іосифъ сразу наткнулся на упорное противодѣйствіе. Только немногіе старцы, отличавшіеся суровымъ образомъ жизни, сочувствовали Іосифу. Среди нихъ наиболѣе выдавались Герасимъ Черный, Кассіанъ Босой и братья самого Іосифа — Акакій и Вассіанъ. Посовѣтовавшись съ этими старцами, Іосифъ рѣшилъ покинуть Пафнутіевъ монастырь и основать свой монастырь. Предварительно Іосифъ въ сопровожденіи Герасима Чернаго посѣтилъ монастыри тверскіе и заволжскіе, въ томъ числѣ и Кирилло-Бѣлозерскій, и тщательно ознакомился съ ихъ строемъ. Въ тверскомъ Саввиномъ монастырѣ старцы разсказывали Іосифу о строгости одного изъ прежнихъ игуменовъ монастыря — Саввы II-го, который пятьдесятъ лѣтъ руководилъ монастыремъ: за безчинство Савва наказывалъ жезломъ, непокорныхъ сажалъ въ затворъ, а свою обиду прощалъ. Образъ суроваго игумена глубоко запалъ въ душу Іосифа. Изъ всѣхъ монастырей болѣе другихъ своимъ строемъ понравился Іосифу Кирилло-Бѣлозерскій съ его строгимъ общежительствомъ.

Ознакомившись съ строемъ жизни въ различныхъ монастыряхъ, Іосифъ вернулся къ себѣ на родину, въ Волоколамскій край, входившій въ составъ Новгородской епархіи. Здѣсь, недалеко отъ селенія Язвищи, вотчины Сапиныхъ, Іосифъ облюбовалъ одно мѣсто, покрытое лѣсомъ, и выпросилъ его для основанія монастыря у Волоколамскаго князя Бориса Васильевича. Въ сопровожденіи „ловца“ (охотника), даннаго княземъ, Іосифъ тщательно изслѣдовалъ лѣсъ и, выбравъ въ немъ подходящее мѣсто, построилъ церковь во имя Успенія Богородицы и знаменитый въ исторіи русской культуры Волоколамскій монастырь (1479). Первыми иноками монастыря были старцы, ушедшіе вмѣстѣ съ Іосифомъ изъ Пафнутіева монастыря.

Съ перваго же года своего существованія, Волоколамскій монастырь сталъ получать отъ князя Бориса Васильевича и членовъ его семьи вклады селами и деньгами. А затѣмъ, когда стали постригаться въ немъ „добрые люди отъ князей и бояръ и отъ дѣтей боярскихъ и отъ торговыхъ людей“, начался настоящій потокъ вкладовъ. „Добрые люди“, постригаясь, платили, по словамъ самого Іосифа, по десяти, двадцати, тридцати, пятидесяти, по сту, по двѣсти и болѣе рублей; нѣкоторые изъ нихъ, кромѣ того, жертвовали хлѣбомъ и мукой, скотомъ, особенно лошадьми, дарили шубы, оружіе, сбруи, сѣдла, сосуды и т. д. Типичнымъ примѣромъ того, какъ постригались „добрые люди“, можетъ послужить постриженіе князя Андрея Голенина.

Князь Андрей Голенинъ, потомокъ ростовскихъ князей, часто приходилъ въ монастырь слушать поученія Іосифа. Въ этихъ поученіяхъ особенное вниманіе князя привлекали картина страшнаго суда и перспектива вѣчныхъ мукъ, одна мысль о которыхъ наводила на него ужасъ. Однажды князь выѣхалъ какъ бы на охоту въ сопровожденіи множества слугъ въ дорогихъ одеждахъ и на великолѣпныхъ коняхъ; онъ захватилъ съ собою множество серебряныхъ вещей. Поровнявшись съ монастыремъ, князь въѣхалъ туда. Игуменъ и братія находились въ это время въ церкви. Князь вошелъ туда и обратился къ игумену съ мольбой постричь его — замѣнить его богатую одежду тою, въ которую облечены игуменъ и братія, и принять въ даръ Богородицѣ все его имѣніе: серебро, золото, одежды, сосуды, скотъ и села. Іосифъ тутъ же, не выходя изъ церкви, постригъ князя и нарекъ его Арсеніемъ. Между тѣмъ отроки, сопровождавшіе князя Голенина на охоту, весело болтали, ожидая возвращенія своего господина. Вдругъ изъ монастырской церкви выходитъ инокъ и призываетъ къ себѣ отроковъ: отроки съ удивленіемъ узнали въ инокѣ своего князя. Князь сообщаетъ имъ о своемъ постриженіи и отпускаетъ ихъ на волю. Отроки поднимаютъ ропотъ, разражаются слезами и проклинаютъ день, въ который они потеряли своего господина. Отроки разошлись. Нѣкоторые изъ нихъ, особенно любившіе князя, послѣдовали его примѣру и тоже постриглись.

Скоро Волоколамскій монастырь сдѣлался однимъ изъ богатѣйшихъ русскихъ монастырей, а его игуменъ однимъ изъ наиболѣе выдающихся представителей русскаго монашества,

пользовавшимся уваженіемъ и авторитетомъ не только въ Новгородской епархіи, но и въ московскомъ придворномъ кругу. У Іосифа завязались тѣсныя сношенія съ этимъ кругомъ и особенно съ слѣдующими лицами: съ дворецкимъ Василіемъ Челяднинымъ, однимъ изъ первыхъ московскихъ бояръ, съ его братомъ Иваномъ, съ Иваномъ Головой-Хворинымъ, тоже однимъ изъ первыхъ бояръ, съ Борисомъ Кутузовымъ и др.

По смерти волоколамскаго князя Бориса Васильевича (1505) Волоколамское княжество было раздѣлено между двумя его сыновьями — Ѳеодоромъ и Иваномъ. Волоколамскій монастырь оказался въ удѣлѣ старшаго изъ сыновей, Ѳеодора. Ѳеодоръ, доходы котораго съ раздробленіемъ княжества уменьшились сравнительно съ доходами отца, сталъ отбирать казну и добро у монастырей, находившихся въ его удѣлѣ. Въ отношеніи къ монастырю Іосифа Ѳеодоръ вначалѣ не позволялъ себѣ прямого насилія: онъ бралъ у Іосифа деньги въ займы и не возвращалъ ихъ; требовалъ, чтобы Іосифъ устраивалъ для него въ монастырѣ пиры, да держалъ бы для него не квасы, а меды. Далѣе, онъ сталъ пользоваться всякимъ случаемъ для того, чтобы вытянуть у Іосифа денегъ или подарковъ. Когда Іосифъ сталъ отказывать князю, послѣдній перешелъ къ угрозамъ: онъ заявилъ Іосифу, что выгонитъ его изъ своихъ владѣній, а иноковъ подвергнетъ наказанію кнутомъ. Увидѣвъ, что дѣло принимаетъ серьезный оборотъ, Іосифъ сталъ „думать“ объ этомъ съ братіей и дипломатично (съ цѣлью „испытать“ братію) предложилъ ей, въ виду создавшихся обстоятельствъ, покинуть монастырь и разойтись во всѣ стороны. Иноки подняли ропотъ. „Мы,—говорили они,—и себя и свои животы отдали Пречистой да и тебѣ, а не князю. А надѣялись, что будешь насъ покоить до смерти, а по смерти поминать; и сколько было силы, и мы ту силу истощили, работая монастырю Пречистой да и тебѣ. Да какъ нынѣ нѣтъ у насъ ни имѣнія, ни силы, и ты хочешь насъ оставить. А прочь пойти намъ не съ чѣмъ... А намъ, господине, и тебѣ подъ старость волочитися по чужимъ монастыремъ, а церковь, господине, и монастырь Пречистыя запустѣетъ. Посылай, господине, бити челомъ государю великому князю Василію Ивановичу всея Руси да пресвященному Симону, митрополиту всея Руси“. Іосифъ послѣдовалъ совѣту братіи и, воспользовавшись удѣльно-феодальнымъ обычаемъ закладничества (§ 27),

отдался со своимъ монастыремъ подъ защиту московскаго князя.

Князь Ѳеодоръ, пораженный такимъ поступкомъ Іосифа, обратился съ жалобой на него къ новгородскому архіепископу Серапіону. Серапіонъ, поставленный этой жалобой въ щекотливое положеніе, сначала ждалъ, что Іосифъ самъ пришлетъ ему объясненіе своего поступка или, по крайней мѣрѣ, извѣщеніе объ этомъ, но не дождался. Тогда онъ послалъ Іосифу „неблагословенную“ грамоту, въ которой содержалось отлученіе Іосифа отъ священства и причащенія. Іосифъ, имѣвшій за собою могучую поддержку въ лицѣ великаго московскаго князя, не остался въ долгу передъ Серапіономъ и открылъ противъ него энергичный походъ.

Прежде всего Іосифъ обратился къ великому князю и митрополиту съ жалобой на Серапіона Въ посланіи къ нимъ онъ изложилъ ходъ дѣла, а въ особой тетрадкѣ, приложенной къ посланію, привелъ доказательства правоты своего поступка: ни въ „божественномъ писаніи“, ни въ лѣтописцахъ, ни въ обычаяхъ земскихъ не бывало, чтобы переходъ въ другое государство считался за безчиніе. Доказавъ свою правоту, Іосифъ отъ оборонительной тактики переходитъ къ нападенію на Серапіона Въ неблагословенной грамотѣ послѣдняго, которую Іосифъ также препроводилъ къ князю и митрополиту, были, между прочимъ, слѣдующія слова: „Что еси отдалъ монастырь свой въ великое государство? Ино еси отступилъ отъ небеснаго, а пришелъ къ земному!“ Этими словами Серапіонъ хотѣлъ сказать, что Іосифъ ради выгоды промѣнялъ небесное царство на земныя блага. Іосифъ ловко воспользовался ими и сталъ придавать имъ политическій смыслъ: Серапіонъ называетъ небеснымъ князя Ѳеодора, а земнымъ — великаго самодержца! Этого указанія достаточно было для того, чтобы въ словахъ Серапіона московскій князь нашелъ духъ новгородскаго сепаратизма. Въ Новгородъ немедленно были отправлены изъ Москвы чиновники, которые арестовали Серапіона и привезли его въ Москву на судъ. На соборѣ Серапіону предложенъ былъ вопросъ, на какомъ основаніи онъ отлучилъ и не благословилъ Іосифа. По словамъ Іосифа въ „Посланіи къ Третьякову-Хворину“, Серапіонъ „съ яростію и свирѣпствомъ отвѣщаваше и о томъ не положи свидѣтельства — ни одного слова отъ божественныхъ писаній“. Вмѣсто такихъ свидѣ-

тельствъ Серапіонъ, по словамъ Іосифа, заявилъ: „Воленъ я въ своемъ черньцѣ, а князь Ѳеодоръ воленъ въ своемъ монастырѣ: хочетъ—жалуетъ, хочетъ—грабитъ!“ Соборъ осудилъ Серапіона, снялъ съ него святительскій санъ и иноческую мантію и приговорилъ его къ заключенію въ Андрониковъ монастырь, откуда впослѣдствіи онъ былъ переведенъ въ монастырь Троицко-Сергіевскій. Съ Іосифа этотъ же соборъ снялъ неблагословеніе и отлученіе.

Участь Серапіона, смѣло вступившагося за свои права и за права удѣльнаго князя Ѳеодора, возбудили сожалѣніе не только въ Новгородѣ, но и въ Москвѣ, среди значительной части боярства. Даже многіе приверженцы Іосифа, на которыхъ личность такого стойкаго іерарха, какъ Серапіонъ, производила сильное впечатлѣніе, думали, что Іосифъ не совсѣмъ правъ, и желали, чтобы онъ просилъ у Серапіона прощенія и примирился съ нимъ. Но Іосифъ не соглашался на это и въ цѣломъ рядѣ посланій къ выдающимся лицамъ обстоятельно, цитатами изъ „божественнаго писанія“, доказывалъ свою правоту и виновность Серапіона. За свою виновность Серапіонъ отлученъ отъ сана. Просить у отлученнаго прощенія значитъ — обезчестить священныя правила, божественныя писанія, царскій и святительскій судъ.

Серапіонъ передъ своею смертью заочно простилъ Іосифа.

Съ княземъ Ѳеодоромъ Борисовичемъ Іосифъ примирился. Умирая (1513), князь завѣщалъ монастырю Іосифа рядъ вкладовъ.

Іосифъ принималъ дѣятельное участіе въ разрѣшеніи двухъ важнѣйшихъ вопросовъ, занимавшихъ русское общество въ концѣ XV в. и въ началѣ XVI в.: въ вопросѣ объ ереси жидовствующихъ и въ вопросѣ о монастырскомъ и церковномъ землевладѣніи. Скончался Іосифъ въ 1516 г.

Іосифъ Волоцкій представляетъ во второй половинѣ XV в. и въ началѣ XVI в. такое же замѣчательное явленіе въ исторіи русской культуры, какъ и Нилъ Сорскій: въ лицѣ Іосифа достигли высокой ступени развитія и получили первую теоретическую формулировку экономическія, общественно-политическія и религіозно-нравственныя стремленія дворянства, новой общественной силы, медленно создававшейся въ удѣльно-феодальномъ періодѣ.

Іосифъ былъ прежде всего практичнымъ хозяиномъ, а его

монастырь—образцовымъ хозяйствомъ, экономическимъ центромъ Волоколамскаго края. „Тяжарямъ“ (крестьянамъ) монастырскимъ при жизни Іосифа жилось сносно. По предписанію послѣдняго, судныя пошлины съ нихъ взимались въ половинномъ размѣрѣ противъ того, который былъ установленъ „въ великаго князя судебникахъ“. Когда хозяйство „тяжаря“ претерпѣвало тяжкій кризисъ, монастырь приходилъ къ нему на помощь и ставилъ его снова на ноги. Окрестнымъ землевладѣльцамъ изъ высшаго класса Іосифъ рекомендовалъ быть „добрыми“ къ крестьянамъ и не доводить ихъ до полной нищеты, потому что, въ противномъ случаѣ, какъ крестьянинъ-нищій будетъ вносить свою дань, какъ онъ будетъ кормить свою семью? Господа, слушавшіе Іосифа, обогащались, „и мнози тяжаріе стогы своя участиша и умножиша житъ себѣ“. „И бѣяше Іосифъ во всей странѣ той,—говоритъ одинъ изъ его біографовъ,—яко свѣтило сіяше“. Особенное значеніе Волоколамскій монастырь пріобрѣталъ во время голода. Тогда, по распоряженію Іосифа, монастырь открывалъ для голодающихъ свои житницы. Случалось, что число кормившихся въ монастырѣ доходило до 7.000, кромѣ малыхъ дѣтей. Кормленіе голодныхъ не разоряло монастыря: все, что монастырь тратилъ на нихъ, съ избыткомъ возвращалось обратно, благодаря крупнымъ пожертвованіямъ князей, бояръ и купцовъ.

Являясь практичнымъ хозяиномъ, Іосифъ былъ въ то же время типичнымъ представителемъ внѣшне-аскетическаго направленія, искуснымъ игуменомъ, поддерживавшимъ среди братіи монастыря строгую внѣшнюю дисциплину. Основной добродѣтелью инока считалось безпрекословное послушаніе. Жизнь иноковъ, во всѣхъ ея мелочахъ—„и въ хожденіяхъ, и въ словесѣхъ, и въ дѣлѣхъ“ была опредѣлена уставомъ съ послѣдовательною строгостью. Иноки входили въ церковь и выходили изъ нея черезъ указанныя двери; въ церкви они стояли на мѣстахъ, разъ навсегда имъ назначенныхъ. Въ церкви и на молитвѣ запрещалось инокамъ „ноги переставляти, преходити отъ мѣста и осланятися спиною“. За трапезой запрещалось съѣдать остатки отъ сосѣдей и говорить лишнія слова. Уставъ запрещалъ инокамъ „тайнояденіе“ въ кельяхъ, держаніе хмельныхъ напитковъ, запрещалъ имѣть при кельяхъ погребъ и заднія воротца, не дозволялъ около келій сажать вишневыя деревья и яблони или разводить овощи. Прогулки за мона-

стыремъ разрѣшались только разъ въ недѣлю, да и то иноки могли совершать ихъ не иначе, какъ въ сопровожденіи настоятеля или кого-либо изъ опытныхъ старцевъ. Большую часть своего времени иноки проводили въ церкви за богослуженіемъ, которое совершалось въ день по нѣсколько разъ и отличалось продолжительностью. Строго запрещался входъ въ монастырь женщинамъ и особенно „робятамъ голоусымъ“: „злѣйши бо суть женъ отрочата на иноки“, свидѣтельствуетъ Іосифъ.

Таковы, въ главныхъ чертахъ, правила, которыми должны были руководиться въ своей жизни иноки монастыря и которыя носятъ чисто внѣшній характеръ.

За неуклоннымъ исполненіемъ монастырскихъ правилъ Іосифъ слѣдилъ самъ, при помощи особыхъ надзирателей изъ опытныхъ старцевъ, отличавшихся суровостью своей жизни. Эти старцы въ церкви становились у дверей и слѣдили за тѣмъ, чтобы монахи не выходили, безъ крайней нужды, изъ церкви, и будили тѣхъ, которые отъ усталости начинали дремать. Эти же старцы за трапезой сидѣли у средней части стола и по концамъ его и зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы иноки не нарушили какой-либо статьи устава. Самъ Іосифъ поздно вечеромъ ходилъ тайно по кельямъ и около келій и наблюдалъ, какъ ведутъ себя иноки. Нарушители устава подвергались строгимъ взысканіямъ: Іосифъ заставлялъ ихъ класть по 100 поклоновъ, приговаривалъ ихъ на два-три дня въ недѣлю къ сухояденію, усмирялъ „жезломъ“; за большіе проступки иноки отлучались отъ причастія или заключались въ оковы („юзы желѣзныя“).

Замѣчательно, что строгій монастырскій режимъ примѣнялся не ко всѣмъ инокамъ одинаково. Иноки были раздѣлены на три группы: 1) иноки первой группы ѣли въ будни только хлѣбъ съ солью и пили воду, одѣвались въ ветхое рубище, причемъ полагалась только одна пара, и носили на ногахъ берестовые лапти; 2) иноки второй группы ѣли въ будни вариво, имѣли по одной мантіи, ряскѣ и шубѣ и обувались въ кожаныя сандаліи; 3) иноки третьей группы ѣли калачи, рыбное и имѣли по двѣ одежды всякаго рода.

Съ внѣшне-аскетическимъ направленіемъ Іосифа вполнѣ гармонировали его заботы объ украшеніи церкви богатою утварью, ризъ жемчугомъ, о благолѣпіи службы и т. д.

Іосифъ былъ убѣжденнымъ поборникомъ монастырскаго

землевладѣнія. Когда на соборѣ 1503 г. Нилъ Сорскій, Паисій Ярославовъ и бѣлозерскіе старцы подняли вопросъ о монастырскомъ землевладѣніи, Іосифъ энергично сталъ защищать ссылками на „божественное писаніе“ право монастырей на владѣніе „селами“. Интересны мотивы, которые онъ при этомъ выставлялъ: „Аще у монастырей,—говорилъ онъ,—селъ не будетъ, како честному (знатному) и благородному человѣку постричися, и аще не будетъ честныхъ старцевъ, отколѣ взяти на митрополію или архіепископа, или епископа и на всякія честныя власти? А коли не будетъ честныхъ старцевъ и благородныхъ, ино вѣрѣ будетъ поколебаніе“. Итакъ, по мнѣнію Іосифа, капиталистическіе монастыри оказываются особыми учрежденіями, имѣющими цѣлью не только спасеніе душъ, но и подготовку особыхъ лицъ для занятія высшихъ церковныхъ должностей; стоитъ только лишить монастыри права владѣть селами и обязать иноковъ кормиться трудами своихъ рукъ, и тогда,—Іосифъ глубоко убѣжденъ въ этомъ,—знатные и богатые люди перестанутъ постригаться въ монахи, не будетъ людей, достойныхъ занимать высшія церковныя должности, и самая вѣра пошатнется.

Практичный хозяинъ и строгій игуменъ, Іосифъ въ то же время и первый идеологъ дворянства, намѣтившій нѣкоторые пункты складывавшагося дворянскаго міровоззрѣнія. Матеріалы для построенія этого міровоззрѣнія Іосифъ почерпалъ изъ двухъ основныхъ источниковъ: изъ „божественнаго писанія“ и изъ „градскихъ законовъ“. Подъ „божественнымъ писаньемъ“ Іосифъ разумѣлъ всю церковную литературу, причемъ онъ не дѣлалъ различія между Ветхимъ Завѣтомъ и Новымъ, между Библіей и твореніями отцовъ и учителей церкви и житіями святыхъ, между каноническими книгами и апокрифическими. За „градскими (правительственными) законами“ Іосифъ признавалъ такой же авторитетъ, какъ за „божественнымъ писаніемъ: они,—говорилъ онъ,—„подобни суть пророческимъ и апостольскимъ и св. отецъ писаніямъ“. Іосифу было все равно, откуда приводить подтвержденія для той или другой мысли, лишь бы такія подтвержденія носили на себѣ авторитетную для общества печать „божественнаго писанія“ или „градскихъ законовъ“. Такое „некритическое“ отношеніе Іосифа объясняется стадіей развитія, которую русское дворянство переживало во второй половинѣ XV в. въ лицѣ своего перваго (если не счи-

тать Пафнутія) идеолога: молодая, еще не окрѣпшая, дворянская мысль ищетъ опорныхъ пунктовъ и матеріаловъ для своего воплощенія всюду и, найдя ихъ, усваиваетъ ихъ себѣ большею частью въ томъ сыромъ видѣ, въ какомъ они найдены. Этимъ объясняется свойственный Іосифу и его послѣдователямъ методъ мышленія и литературнаго изложенія, состоящій въ безпрерывномъ почти цитированіи „божественнаго писанія“ и „градскихъ законовъ“.

Несмотря на примитивность метода мышленія, Іосифъ, въ формѣ религіознаго догмата, ярко формулировалъ любопытнѣйшій пунктъ въ міровоззрѣніи молодого дворянства: это—ученіе о „прехыщреніи и коварствѣ Божіемъ“. Всесильный Богъ—доказываетъ Іосифъ,—могъ бы отдать евреямъ богатство египтское „явьствено“, но Онъ этого не сдѣлалъ, а велѣлъ Моисею „прехытрити“ фараона; Богъ имѣлъ силу „явьствено“ помазать на царство Давида, но Онъ предпочелъ „прехытрити“ Саула. Такое же „прехыщреніе“ и „коварство“ Божіе проявилось въ отношеніи къ Исаву, Лавану, Іеровоаму, Сисару, Олоферну и др. „И многа суть такова въ божественыхъ писаніихъ прехыщреніа же и коварьства, яжъ Самъ Богъ сътвори“. Даже въ воплощеніи и сошествіи на землю Сына Божія проявились „прехыщреніе“ и „коварство“ Божіе: Богъ могъ бы не допустить діавола къ Адаму и Евѣ; но Онъ допустилъ его и тутъ же перехитрилъ его. Этотъ догматъ о „прехыщреніи“ и „коварствѣ“ Божіемъ Іосифъ выработалъ, основываясь на одномъ изъ словъ Іоанна Златоуста; но конкретныя черты для него Іосифъ почерпнулъ изъ русской общественно-политической жизни: образъ Бога, дѣйствія котораго проникнуты „прехыщреніемъ“ и „коварствомъ“, есть копія московскихъ князей, политика которыхъ, дѣйствительно, основывалась именно на „прехыщреніи“ и „коварствѣ“. Создавъ новый догматъ о свойствахъ Божіихъ, Іосифъ придалъ божественное значеніе московскому князю, санкціонировалъ его политику „прехыщренія“ и „коварства“, да кстати благословилъ на такую политику и выступавшее на арену политической борьбы дворянство.

Іосифъ Волоцкій извѣстенъ и какъ писатель. Ему принадлежитъ рядъ сочиненій, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательны слѣдующія:

а) „Духовная грамота о монастырскомъ и иноческомъ устроеніи“. Это—монастырскій уставъ, состоящій, изъ предисловія и четырнадцати главъ.

Въ предисловіи Іосифъ указываетъ на причины, побудившія его приняться за составленіе грамоты: приближающаяся старость и уготовляющаяся смертная чаша. Сознавая свою отвѣтственность за души иноковъ, Іосифъ рѣшилъ изложить имъ основныя правила, которыми они должны руководиться для спасенія души. Указавъ на то, что иноки его монастыря имѣютъ все готовое—пищу и питье, одежду и обувь,—Іосифъ убѣждаетъ ихъ отдаться одному дѣлу—спасенію своей души: только въ такомъ случаѣ они избѣгнутъ тѣхъ страшныхъ истязаній, которыя грозятъ на страшномъ судѣ.

За предисловіемъ идутъ самыя наставленія, сопровождаемыя примѣрами изъ божественнаго писанія. Наставленія эти носятъ обрядовый или вообще внѣшній характеръ. Такъ, Іосифъ подробно говоритъ о церковномъ благочиніи и о поведеніи иноковъ во время соборной молитвы, причемъ для устрашенія иноковъ разсказываетъ, какъ св. Венедиктъ билъ жезломъ инока, ходившаго во время пѣнія: святой Венедиктъ видѣлъ, что съ этимъ инокомъ ходилъ муринъ. Далѣе Іосифъ говоритъ о „трапезномъ благоговѣйньствѣ“, „о еже како подобаетъ имѣти одежда и обуща“, „о еже како не подобаетъ бесѣдовати по павечерници и не входити ис кѣліи въ кѣлію, яко не подобаетъ инокомъ исходит внѣ монастыря безъ благословеніа“, „яко подобаетъ попеченіе имѣти о соборныхъ службахъ, в ней же кождо учиненъ бысть“, „яко не подобаетъ в обители быти питью, от него же піанство бывает“, „яко не подобаетъ в монастырѣ женскому входу быти“, „яко не подобаетъ въ монастыри жити отрочатомъ голоусомъ“, „яко подобаетъ настоятелю учити же и наказывати сущихъ подъ нимъ“, „о еже како подобаетъ съборнымъ и старѣйшимъ братіам, имъ же правленіе монастырское вручено есть, настоятелемъ, или несущу настоятелю, попеченіе имѣти о церковныхъ и о монастырскихъ винахъ нужныхъ, случающихся къ спасенію душамъ“, „о еже како подобаетъ съборным и старѣйшимъ братіамъ съ настоятелемъ, или не сущу настоятелю, давать запрещеніе не брегущимъ общежительныхъ преданій, иже здѣ написанныхъ отъ священныхъ правилъ и отъ посныхъ словъ великаго Василія и от типика (устава) Феодора Студійскаго“.

Среди главъ грамоты выдѣляется 10-ая, имѣющая такое заглавіе: „Отвѣщаніе любозазорнымъ (любящимъ расточать порицанія) и сказаніе вкратцѣ о святыхъ отцѣхъ въ мона-

стырѣхъ, иже въ Рустѣй землѣ сущихъ". Эта глава написана по слѣдующему поводу. Среди иноковъ вообще и волоколамскихъ въ частности были такіе, которые полагали, что для вѣрующихъ достаточны писанія св. отцовъ, что теперь нужно поучать не писаніями, а устнымъ словомъ и что отцы русскихъ монастырей учили словомъ, а не писаніемъ. „Отвѣщаніе" Іосифа направлено противъ иноковъ, отрицавшихъ новыя писанія. Оно состоитъ изъ трехъ частей: изъ собственно „отвѣщанія", изъ сказанія объ отцахъ русскихъ монастырей и изъ наставленія инокамъ.

Въ „отвѣщаніи" Іосифъ цитатами изъ сочиненій Іоанна Златоуста, Іоанна Лѣствичника, Никона Черногорца и др. доказываетъ тѣмъ, кто „презорливъ (высокомѣренъ), велехваленъ (тщеславенъ), высокошіявъ (надмененъ), величавъ, укоряя благое и любя зазоры (любитъ порицать другихъ)", что настоятель и пастырь долженъ поучать братію не только устно, но и писаніемъ.

За „отвѣщаніемъ" слѣдуетъ „сказаніе" объ отцахъ русскихъ монастырей: объ Антоніи и Ѳеодосіи, о Сергіи Радонежскомъ, о Кириллѣ Бѣлозерскомъ, о Симоновомъ монастырѣ, о монастырѣ Саввы Тверского, о подвигахъ Пафнутія Боровскаго и т. д. Своимъ „сказаніемъ" Іосифъ хотѣлъ опровергнуть мнѣніе указанныхъ иноковъ, что отцы русскихъ монастырей поучали словомъ, а не писаніемъ; но въ самомъ „сказаніи" нѣтъ никакихъ указаній на то, что основатели и подвижники русскихъ монастырей наставляли иноковъ писаніемъ.

б) „Посланія о епитиміяхъ къ нѣкоимъ вельможамъ". Этихъ посланій—четыре. Въ нихъ авторъ даетъ нѣкоторымъ боярамъ, своимъ духовнымъ дѣтямъ, подробныя наставленія объ обрядовомъ благочестіи: о постахъ, поклонахъ и т. д. и налагаетъ на нихъ эпитиміи. Онъ возлагаетъ на нихъ строгія эпитиміи такого рода: три дня въ недѣлю, въ понедѣльникъ, среду и пятницу, ѣсть сухо—хлѣбъ или калачъ, пить воду и квасъ, одно вариво безъ масла, класть по 300, по 200, по 100 поклоновъ въ день, не причащаться три года, въ великій четвертокъ причащаться св. воды богоявленской и иконы цѣловать. Если почему-либо нельзя будетъ поститься въ постный день, тогда нужно будетъ въ этотъ день дать милостыню „по силѣ". Одно изъ этихъ посланій замѣчательно тѣмъ, какъ Іосифъ склонялъ своихъ духовныхъ дѣтей къ принятію мона-

шества. Наложивъ эпитимію, Іосифъ говоритъ своему духовному сыну: „Если же восхощеши вскорѣ пріяти всѣмъ грѣхомъ прощеніе, и ты облецыся въ святый ангельскій образъ“... Іосифъ обѣщаетъ своему духовному сыну не только отпущеніе грѣховъ, но и освобожденіе отъ эпитиміи, если онъ облечется въ „ангельскій образъ“.

в) „Посланіе о разстригшемся чернцѣ“. Это посланіе адресовано было четыремъ главнымъ духовнымъ лицамъ г. Волоколамска. Іосифъ, сообщивъ этимъ лицамъ о бѣгствѣ изъ его монастыря новопостриженнаго инока Неровнаго, проситъ ихъ, не пускать въ церковь ни этого инока, ни его отца, который принялъ въ свой домъ бѣглеца, и запретить попамъ ходить къ Неровному въ домъ.

г) „Посланіе къ вельможѣ о чернецѣ, рабѣ его“. Одинъ холопъ покинулъ своего боярина и постригся въ Волоколамскомъ монастырѣ. Бояринъ потребовалъ его у Іосифа обратно. Іосифъ послалъ боярину краткое посланіе, въ которомъ смиренно молитъ его оставить своего холопа въ монастырѣ и этимъ принести жертву Богу. Бояринъ, прочтя грамоту, ничего не отвѣтилъ Іосифу и сталъ рѣзко отзываться объ Іосифѣ. Тогда Іосифъ написалъ новое посланіе, болѣе пространное, въ которомъ Іосифъ укоряетъ боярина за рѣзкіе отзывы о немъ и говоритъ объ обязанностяхъ господъ къ рабамъ и къ монастырямъ. Господа отвѣтственны за души своихъ рабовъ и потому они прежде всего должны заботиться объ ихъ душевной чистотѣ. Когда рабу исполняется 15 лѣтъ, господинъ долженъ испытать его, не хочетъ ли онъ постричься; если окажется, что рабъ хочетъ, господинъ долженъ отпустить его въ монастырь. Всякій боголюбивый человѣкъ долженъ давать Богу десятину и отъ имѣнія, и отъ чада, и отъ рабовъ. Если дающій Богу тлѣнное богатство получитъ за это награду, то тѣмъ большую награду получитъ тотъ, кто приноситъ Богу въ даръ безсмертную душу, „ея же недостоинъ весь міръ“. Нѣкоторые хулятъ монашество потому, что не всѣ монахи спасаются. Это—грѣховная мысль. Развѣ можно хулить крещеніе на томъ основаніи, что не всѣ крещеные спасаются? Монашество это—второе крещеніе, и чернецъ, оставившій иночество, подлежитъ проклятію, какъ еретикъ и отступникъ, а тотъ, кто отрываетъ человѣка отъ чернечества, — намекаетъ Іосифъ, — орудіе въ рукахъ діавола: „Яко же Господь нашъ Іисусъ Христосъ

хотя всякаго человѣка спасти, второе крещеніе подаетъ на очищеніе грѣховъ, такъ и врагъ нашъ діаволъ, хотя всякаго человѣка погубити, влагаетъ въ сердцѣ человѣкомъ злая и сопротивная, невѣдящимъ божественнаго писанія".

д) „Посланіе о милованіи рабовъ". Узнавъ о томъ, что одинъ бояринъ держитъ своихъ рабовъ и домашнихъ сиротъ въ тѣснотѣ и скудости, что „они гладомъ таютъ и наготою стражютъ", Іосифъ отправилъ боярину посланіе, въ которомъ убѣждаетъ его „жаловать" ихъ. Онъ указываетъ боярину на отвѣтственность его передъ Богомъ за рабовъ и молитъ его „поберечь" себя отъ того наказанія, которое можетъ разразиться надъ нимъ на страшномъ судѣ.

е) „Посланіе къ княгинѣ-вдовѣ". Княгиня Марья Ивановна Голенина, вдова постригшагося въ Волоколамскомъ монастырѣ Андрея Голенина (см. выше), присылала въ монастырь деньги, коней, шубы и другіе дары съ просьбой поминать ея покойниковъ—отца, двухъ сыновей и нѣкоего князя Аѳанасія. Въ монастырѣ покойниковъ княгини поминали въ особые поминальные дни вмѣстѣ съ другими покойниками. Это не понравилось княгинѣ, и она стала требовать, чтобы ея покойниковъ поминали особо. Въ отвѣтъ на это требованіе Іосифъ отправилъ княгинѣ особое посланіе. Содержаніе посланія приведено выше (§ 13).

ж) „Просвѣтитель". Это—огромное произведеніе, представляющее сборникъ посланій, направленныхъ, главнымъ образомъ, противъ ереси жидовствующихъ. Содержаніе „Просвѣтителя" будетъ разсмотрѣно въ параграфѣ объ ереси жидовствующихъ.

176. Житія святыхъ. Монашество удѣльно-феодальнаго періода выдвинуло изъ своей среды рядъ подвижниковъ, относительно которыхъ сложилось много сказаній. Передававшіяся сначала устно, эти сказанія впослѣдствіи послужили главнымъ матеріаломъ для составленія житій. Создавшіяся такимъ образомъ житія дѣлятся на двѣ группы: 1) одни изъ нихъ отражаютъ черты міровоззрѣнія, сложившагося въ средѣ заволжскихъ старцевъ,—знакъ того, что они въ этой именно средѣ и были составлены; 2) другія житія отражаютъ міровоззрѣніе, складывавшееся въ средѣ іосифлянъ, которыми они и были обработаны.

1) **Житія, составленныя въ средѣ заволжскихъ старцевъ**. Къ житіямъ, составленнымъ въ средѣ заволжскихъ старцевъ, отно-

сятся слѣдующія: а) Житіе Дмитрія Прилуцкаго, б) Житіе Діонисія Глушицкаго, в) Житіе Григорія Нельшемскаго и г) Житіе Павла Обнорскаго.

а) Житіе Дмитрія Прилуцкаго. Житіе Дмитрія Прилуцкаго († 1392) составлено было въ началѣ второй половины XV в. игуменомъ Спасо-Прилуцкаго монастыря Макаріемъ. Главнымъ источникомъ житія послужили разсказы Пахомія, ученика Дмитрія. Въ XVI в. древняя редакція житія подвергается двумъ переработкамъ.

Дмитрій, происходившій изъ богатой купеческой семьи, родился въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ. Чувствуя склонность къ иночеству, Дмитрій постригся въ Горицкомъ монастырѣ, въ Переяславлѣ. Обративъ на себя вниманіе своимъ благочестіемъ, Дмитрій былъ посвященъ въ санъ священника. Около этого времени уже существовалъ монастырь Сергія Радонежскаго. Дмитрій завелъ сношенія съ Сергіемъ и сталъ часто навѣщать его. Они бесѣдовали другъ съ другомъ о лучшей организаціи иноческаго общежитія. Результатомъ этихъ бесѣдъ было то, что Дмитрій основалъ у Переяславскаго озера свой монастырь во имя св. Николая. Строй монастыря былъ общежительный.

Вскорѣ по основаніи монастыря стала всюду распространяться слава объ его игуменѣ Дмитріи, объ его подвигахъ и объ его красотѣ: Дмитрій отличался необыкновенной тѣлесной красотой. Дмитрій зналъ самъ, что онъ красивъ, и огорчался этимъ. Съ цѣлью уничтожить свою красоту Дмитрій отдался самому суровому постничеству; но чѣмъ болѣе подвизался Дмитрій, тѣмъ болѣе свѣтлѣло его лицо. Тогда Дмитрій сталъ закрывать лицо свое куколемъ (монашескій головной покровъ), пересталъ вести бесѣды съ мірянами и особенно съ женщинами, посѣщавшими монастырское богослуженіе.

Жена одного переяславскаго боярина была заинтригована молвой о красотѣ Дмитрія и рѣшила увидѣть лицо его. Долго ей не удавалось это: „таяше бо образъ свой блаженный“. Наконецъ, ей удалось увидѣть Дмитрія въ кельѣ „опроста“, когда онъ одѣвался къ службѣ. Наблюдательницу поразила свѣтлость лица Дмитрія: на нее напалъ ужасъ, „и бысть разслаблена всѣмъ тѣломъ“. Дмитрія оскорбило „безстудство“ этой женщины. Но когда иноки привели женщину къ кельѣ Дмитрія и стали молить его исцѣлить ее, „незлобивый Божій человѣкъ“ смяг-

чился, кротко упрекнулъ ее и, преподавъ ей душеспасительное наставленіе, простилъ ее *).

Слава Дмитрія достигла до слуха Дмитрія Донского, который приглашалъ его въ Москву преподать ему благословеніе и воспріять отъ купели дѣтей его. Дмитрія смутила человѣческая похвала. Онъ взялъ своего ученика Пахомія, покинулъ монастырь и устремился на сѣверъ. Понравилось Дмитрію одно мѣсто на большой рѣкѣ въ Вологодскомъ краѣ, и онъ задумалъ основать здѣсь монастырь. Но сосѣдніе крестьяне, испугавшись, что ихъ могутъ отдать монастырю, поднялись на Дмитрія и принудили его удалиться отсюда. Тогда Дмитрій направился къ Вологдѣ и остановился въ трехъ верстахъ отъ нея на Прилукѣ, изгибѣ, образуемомъ рѣкою Вологдой. Благодаря сочувствію мѣстныхъ землевладѣльцевъ и жителей Вологды, Дмитрій получилъ возможность основать здѣсь новый монастырь, Спасо-Прилуцкій. Услышавъ объ этомъ, многіе иноки изъ переяславскаго монастыря Дмитрія перешли сюда. Возвращенію Дмитрія изъ странствованій обрадовался и великій князь Дмитрій Донской, который послалъ въ новый монастырь много милостыни.

Святой не заботился объ обильныхъ стяжаніяхъ. Монастырь имѣлъ „селище зѣло худо“, которое достаточно было только для прокормленія братіи. Однажды иноки жаловались Дмитрію, что въ монастырѣ мало книгъ. Дмитрій отвѣтилъ инокамъ, что достаточно будетъ и имѣющихся книгъ, если они безъ лѣности будутъ хвалить Бога отъ чистаго сердца.

Несмотря на скудость средствъ, Дмитрій творилъ милостыню, кормилъ нищихъ, принималъ странниковъ, выкупалъ должниковъ и самъ прощалъ долги; нерѣдко однимъ своимъ словомъ

---

*) Есть другая редакція этого эпизода, въ которой чувствуется рука іосифлянина. Жена переяславскаго вельможи очень хотѣла видѣть „святолѣпное“ лицо святого, „постомъ цвѣтущее“, но долго не могла добиться этого. Наконецъ, по совѣту одного жившаго въ монастырѣ старца, она черезъ заднія двери кельи увидѣла святого, когда послѣдній выходилъ изъ келіи въ церковь. Дмитрій замѣтилъ женщину: женщина тотчасъ была поражена разслабленностью. Напрасно, раскаявшись, умоляла она святого о прощеніи и исцѣленіи: святой упорно отклонялъ ея просьбы. Только когда женщину привезли къ кельѣ Дмитрія, святой смягчился, простилъ ее и исцѣлилъ.

Въ этой редакціи Дмитрій представленъ образцомъ суроваго инока, напоминающаго Пафнутія Боровскаго.

Дмитрій избавлялъ невинныхъ отъ насилія судей. Чтобы не возбуждать ропота братіи, Дмитрій часто творилъ свою милостыню тайно.

Однажды нѣкій христолюбецъ принесъ въ монастырь для братіи яствъ и питія. Преподобный не велѣлъ принимать ихъ и сталъ учить христолюбца, что онъ долженъ прежде всего позаботиться о напитаніи своихъ рабовъ и сиротъ, чтобы они не страдали отъ голода и наготы, и въ монастырь приносить только отъ избытковъ. Едва удалось жертвователю убѣдить Дмитрія взять для братіи хоть что-нибудь изъ принесеннаго.

У Дмитрія былъ братъ, который, занимаясь торговлей, обнищалъ. Этотъ братъ явился однажды къ святому и сталъ просить у него благословенія идти для торговли въ земли язычниковъ—югры и самоѣдовъ. Дмитрій благословилъ, и братъ, совершивъ поѣздку туда съ данниками великаго князя, вернулся съ прибыткомъ. Попросилъ онъ благословенія на вторую поѣздку туда и, получивъ его, вернулся изъ путешествія съ большимъ богатствомъ. Но когда онъ сталъ просить благословенія на третью поѣздку, Дмитрій отказалъ и сталъ умолять его не ходить болѣе къ звѣроподобнымъ людямъ, чтобы не погибнуть отъ нихъ. Братъ не послушался, снова поѣхалъ и былъ убитъ.

Почувствовавъ тѣлесное изнеможеніе, Дмитрій собралъ братію, сообщилъ ей о приближеніи кончины и благословилъ въ игумены своего ученика Пахомія.

Когда Дмитрій скончался, иноки вспомнили слова, которыми онъ отвѣтилъ имъ однажды на вопросъ, гдѣ положить его тѣло: Дмитрій велѣлъ имъ бросить его тѣло въ болото и тамъ затоптать его ногами. Но иноки не сдѣлали такъ: они со слезами и пѣніемъ псалмовъ погребли мощи святого въ той церкви, которую самъ соорудилъ.

Въ житіи Дмитрія проявляется стремленіе автора изобразить святого нестяжательнымъ, милостивымъ, кроткимъ и не любящимъ славы міра сего.

б) Житіе Діонисія Глушицкаго. Житіе Діонисія Глушицкаго († 1437) составлено было въ 1495 г. инокомъ Глушицкаго монастыря Иринархомъ. Матеріалы, которыми пользовался авторъ, были двоякаго рода: монастырскія записки, которыя онъ заимствовалъ почти буквально, и устные разсказы учениковъ Діонисія. Самому Иринарху принадлежитъ въ житіи про-

странное витіеватое предисловіе, написанное въ духѣ Пахомія Логоѳета, и похвальное слово святому. Житіе Діонисія отличается обиліемъ и точностью фактическаго матеріала и является однимъ изъ лучшихъ житій конца XV в.

Преподобный Діонисій, въ мірѣ Дмитрій, былъ родомъ изъ Вологды. Несмотря на самые тщательные розыски, автору житія ничего не удалось узнать о рожденіи Діонисія и о его родителяхъ. Одно только было извѣстно: Діонисій постригся въ Спасо-Каменномъ монастырѣ (§ 174) при игуменѣ Діонисіи Святогорцѣ, который впослѣдствіи сдѣлался ростовскимъ епископомъ. Здѣсь, въ этомъ монастырѣ, преподобный пробылъ девять лѣтъ. Одно время онъ жилъ въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ и былъ ученикомъ Кирилла. Почувствовавъ склонность къ отшельничеству, Діонисій вмѣстѣ съ ученикомъ своимъ Пахоміемъ обошелъ мѣстности, лежащія къ востоку отъ Кубенскаго озера, и выбралъ себѣ для подвиговъ мѣсто при устьѣ рѣки близъ селенія Святая Лука. Здѣсь Діонисій трудился много лѣтъ и въ этомъ именно періодѣ своей жизни получилъ санъ священника.

Замѣтивъ, что Пахомій сталъ тяготиться строгостью жизни своего учителя, Діонисій, поручивъ ему остаться на избранномъ мѣстѣ, удалился отсюда. Къ вечеру онъ прошелъ пятнадцать верстъ и остановился у рѣки Глушицы. Во время сна Діонисію послышался звукъ колокола надъ рѣкою. Проснувшись, Діонисій рѣшилъ основаться здѣсь и обозначилъ крестомъ мѣсто для будущаго монастыря. У одной черемухи онъ построилъ себѣ келью и здѣсь возобновилъ свои суровые подвиги. Къ Діонисію стали приходить иноки, желавшіе вмѣстѣ съ нимъ трудиться. Діонисій не отказывалъ имъ, и скоро возникъ общежительный монастырь съ церковью во имя Богородицы. Игуменъ новаго монастыря во всемъ подавалъ примѣръ братіи. Онъ отгонялъ сонную тягость рукодѣліемъ: писалъ для церкви иконы, шилъ одежды, ковалъ мѣдь и т. д.; онъ много читалъ и молился, просвѣщалъ всѣхъ кротостью и смиреніемъ, принималъ съ любовью странниковъ, творилъ милостыню нищимъ.

Нерѣдко Діонисій поучалъ братію словомъ. Онъ совѣтовалъ ученикамъ трудиться для осуществленія той задачи, ради которой они оставили міръ, бдѣть и молиться, не бояться пустыни, помнить, что ниспосылаемыя намъ скорби необходимы для нашего спасенія, соблюдать постъ, хранить въ сердцѣ смиреніе

и нелицемѣрную любовь, потому что, какъ сказалъ святой Іоаннъ Богословъ, Богъ есть любовь, а любящій Бога любитъ и своего брата.

Два года спустя послѣ основанія Глушицкаго монастыря въ его окрестности явился нѣкій пустынникъ Павелъ (предполагаютъ, что это былъ извѣстный впослѣдствіи Павелъ Обнорскій), который въ двухъ верстахъ отъ него поставилъ себѣ келью и хотѣлъ уже соорудить и церковь. Узнавъ объ этомъ, Діонисій послалъ къ Павлу одного изъ братіи съ просьбой не основывать своего монастыря такъ близко отъ существующаго уже, такъ какъ не подобаетъ этого дѣлать; пусть живетъ онъ на этомъ мѣстѣ одинъ, если только питаетъ духовную любовь къ Діонисію, потому что, по слову Богослова, „Богъ любы есть". Услышавъ это, Павелъ прослезился и смиренно отвѣтилъ Діонисію, чтобы онъ не безпокоился, что онъ сотворитъ по его волѣ и сохранитъ его любовь къ себѣ. Пославъ Діонисію миръ и благословеніе, Павелъ покинулъ эти мѣста. Авторъ житія, разсказавъ этотъ эпизодъ, съ восхищеніемъ приводитъ слова апостола, что любовь не раздражается, любовь ничѣмъ не соблазнится, любовь не ищетъ своего.

Князь Юрій Ивановичъ Бохтюжскій, владѣнія котораго находились недалеко отъ монастыря, пригласилъ къ себѣ Діонисія и сталъ просить его возносить о немъ молитвы; за это князь предложилъ Діонисію брать у него все нужное и обѣщалъ дать имѣніе. Діонисій отвѣтилъ ему, что инокамъ достоитъ молиться и такъ, а злата и серебра имъ не надо, потому что „благы нашь учитель Господь рече своимъ ученикомъ: не стяжите ни злата ни сребра". Только послѣ долгихъ упрашиваній князя Діонисій, ради вѣры князя, согласился, и князь „оттолѣ даяше потребная" монастырю.

Около 1418 г. пришелъ изъ Ростова въ Глушицкій монастырь архимандритъ Григорій Лопотовъ, изъ боярскаго рода, основавшій впослѣдствіи собственный монастырь на рѣкѣ Пельшмѣ. Между Діонисіемъ и Григоріемъ установилась тѣсная дружба, единая воля. По просьбѣ Григорія Діонисій преподалъ ему слѣдующее поученіе: „Въ своей души, ничтоже вѣзношенія имый, помышленія ис корене ископа и очищаа, съ страхомъ и трепетомъ и умиленіемъ служити Господеви... Сътвори умъ твой съ всѣмъ тщаніемъ единаго Бога искати и прилежати къ молитвѣ и паче подвигнися помогати нищимъ и си-

ротамъ и вдовицамъ; дондеже время имаши, дѣлай благая, буди воистину, славя Бога и волю его творя. И подастъ ти Богъ прощеніе и управить горняа помышляти, горнихъ искати, идѣже Христосъ есть, одесную Бога сѣдя на небесѣхъ".

Пришелъ къ Діонисію изъ Устюга инокъ Амфилохій, имѣвшій санъ пресвитера. Своимъ подвижничествомъ Амфилохій пріобрѣлъ любовь Діонисія. Оба жили въ любви и согласіи; оба достигли безстрастія и были подобны ангеламъ. Главной добродѣтелью Діонисій, ссылаясь на слова апостола, считалъ любовь. Характеризуя Діонисія, авторъ житія говоритъ: „Се бо дѣло истиннаго мнишескаго чина имѣ преподобный, отнелѣже вселися въ пустыню, еже николиже праздну духовнаго дѣланіа обрѣстися".

Діонисій отличался щедрою благотворительностью нищимъ. Это не нравилось братіи. Однажды братія рѣшила искусить преподобнаго. Иноки одѣли одного юношу странницей и послали его къ Діонисію. Мнимая странница со слезами стала молить преподобнаго, чтобы онъ выкупилъ ее съ дѣтьми изъ неволи. Діонисій выдалъ ей сто серебрениковъ. Когда преподобный явился на вечернее пѣніе, искусители принесли ему выданное серебро и, раскрывъ, кто была странница, стали осуждать его за безразсудную раздачу денегъ. Діонисій призвалъ юношу и снова отдалъ ему деньги, а иноковъ сталъ обличать въ нарушеніи двухъ заповѣдей: они нетерпѣливо переносятъ нищету и берутъ обратно то, что было дано; хорошо давать всякому просящему, а еще лучше давать и непросящему, потому что Богъ велѣлъ творить добро, сколько есть силъ. Обличивъ и поучивъ иноковъ, Діонисій запретилъ имъ искушать его и побуждать къ немилосердію. Братія пали къ ногамъ Діонисія, прося прощенія, и Діонисій простилъ ихъ.

Одинъ старецъ, по имени Антуфій, сталъ безъ благословенія преподобнаго ловить рыбу и наловилъ ея много. Діонисій, узнавъ объ этомъ, велѣлъ выбросить собакамъ всю пойманную рыбу, какъ смертную ядь, плодъ преслушанія, изъ-за котораго и Адамъ былъ изгнанъ изъ рая, а самого старца подвергъ эпитиміи, поучая его тому, что сѣющій отъ благословенія благословеніе и пожнетъ и что Богъ хочетъ послушанія, а не жертвы.

Два недобрыхъ человѣка украли изъ монастыря семь коней и бѣжали. Инокъ, имѣвшій наблюденіе за монастырскимъ иму-

ществомъ, пришелъ къ Діонисію и съ великимъ горемъ сообщилъ ему о происшедшемъ. Діонисій „осклабился“ и сказалъ: „Братіе, мы есмы страніи пришельцы въ земли сеи. Въ малѣ (въ скоромъ времени) хощевѣ изыти (изыдемъ туда), идѣже есть наше житіе въ вѣкы. Не пецемся, братіе, о земныхъ, но подобаетъ пещися токмо, како ны отвѣщати въ день онъ кождо, что съдѣяхъ“. Если бы воры нашлись,—продолжалъ Діонисій учить братію,—онъ еще далъ бы имъ изъ монастырскаго имѣнія и съ любовью позаботился бы о нихъ, потому что Господь велѣлъ благословлять клянущихъ насъ и молиться за обижающихъ насъ. Такъ училъ братію Діонисій. Между тѣмъ бѣжавшіе воры на пути остановились отдохнуть на одномъ гумнѣ. Въ полдень вдругъ разразился пожаръ. Воры едва успѣли спастись, а кони погибли.

Діонисій строго запретилъ инокамъ имѣть въ монастырѣ личную собственность. Одинъ инокъ, наученный дьяволомъ, утаилъ у себя десять ногатъ (мелкая монета). По смерти инока въ его кельѣ были найдены эти деньги. Діонисій велѣлъ выбросить тѣло ослушника вмѣстѣ съ утаенными имъ деньгами. Иноки пришли въ ужасъ, пали къ ногамъ Діонисія и стали умолять его о помилованіи согрѣшившаго. Послѣ усиленныхъ просьбъ братіи Діонисій, поучивъ ихъ о важности послушанія, простилъ грѣхъ покойнаго, но настоялъ на томъ, чтобы деньги были выброшены изъ монастыря.

Однажды случился голодъ. Окрестные жители приходили въ монастырь и здѣсь находили себѣ пропитаніе. Чѣмъ больше приходило голодныхъ, тѣмъ болѣе раздавалось имъ хлѣба. Но вотъ исчерпались монастырскіе запасы. Экономъ пришелъ сообщить объ этомъ Діонисію. Преподобный, воспользовавшись этимъ случаемъ, сталъ поучать о важности милостыни. Не нужно печься о завтрашнемъ днѣ, о томъ, что ѣсть и пить, потому что Господь знаетъ, въ чемъ мы нуждаемся; нужно быть милостивымъ и щедрымъ, потому что немилующіе нищихъ ненавидимы Богомъ.

Почувствовавъ приближеніе смерти, Діонисій собралъ братію и сталъ поучать ихъ. Иноки должны паче всего украшаться смиреніемъ, не забывать страннолюбія, стяжать нелицемѣрную любовь, душевную и тѣлесную чистоту, ни во что вмѣнять честь и славу сего житія и ожидать отъ Бога воздаянія небесныхъ и вѣчныхъ благъ.

Въ житіи Діонисія отразились слѣдующія черты, создававшіяся въ заволжскомъ монашествѣ: стремленіе къ внутреннему совершенствованію (терминъ „духовное дѣланіе“ у автора житія), признаніе любви, милосердія и кротости основными началами монашеской жизни, сочувственное отношеніе къ нестяжательности.

в) Житіе Григорія Пельшемскаго. Житіе Григорія Пельшемскаго († 1449) составлено неизвѣстнымъ авторомъ въ концѣ XV в. или въ началѣ XVI в. Въ основу житія легли преданія о Григоріи, сохранившіяся среди иноковъ Пельшемскаго монастыря. Кромѣ того, авторъ заимствовалъ у Иринарха Глушицкаго разсказъ о пребываніи Григорія у Діонисія Глушицкаго, а для составленія похвалы Григорію воспользовался похвалой изъ житія Дмитрія Прилуцкаго. Житіе Григорія изобилуетъ фактами и общими мѣстами.

Преподобный Григорій, происходившій изъ боярскаго рода Лопотовыхъ въ Галичѣ, рано почувствовалъ стремленіе къ иночеству. Когда ему исполнилось пятнадцать лѣтъ, родители рѣшили женить его, но не успѣли привести въ исполненіе свое рѣшеніе и преставились. Оставшись сиротою, Григорій роздалъ свое имѣніе нищимъ, отпустилъ на волю рабовъ и постригся въ Богородицкомъ монастырѣ близъ Галича. Вмѣстѣ съ волосами Григорій отсѣкъ всѣ вождѣленія міра сего. Съ великимъ смиреніемъ началъ онъ служить всей братіи, имѣя ко всѣмъ любовь и пребывая въ молитвѣ день и ночь. Скоро Григорій сподобился священническаго сана. Многіе, привлеченные молвой, стали приходить къ святому за назиданіемъ. Молва эта сокрушала Григорія, и онъ, покинувъ Богородицкій монастырь, отправился къ югу въ Ростовъ, гдѣ поступилъ въ обитель преподобнаго Авраамія. И здѣсь скоро распространилась молва о строгой жизни Григорія. Ростовскій епископъ Діонисій Святогорецъ предложилъ Григорію стать архимандритомъ ростовскаго Спасскаго монастыря, что на Пескахъ. Послѣ долгихъ отказовъ Григорій послушался и взялъ на себя руководительство монастыремъ. Пробывъ два года архимандритомъ, Григорій, котораго манила къ себѣ пустыня, покинулъ тайно ночью монастырь и удалился на сѣверъ, гдѣ попалъ къ Діонисію Глушицкому, съ которымъ дружески сошелся. Отсюда Григорій ушелъ на востокъ. На рѣчкѣ Пельшмѣ, впадающей въ Сухону, онъ обрѣлъ себѣ мѣсто, которое ему понравилось.

Здѣсь, въ тридцати верстахъ отъ Вологды, Григорій поставилъ себѣ келью. Спустя нѣкоторое время къ нему явился священникъ по имени Алексѣй и просилъ постричь его. Григорій постригъ его подъ именемъ Александра. Такъ возникъ новый монастырь — Лопотовъ. По разсказу автора житія, Григорій по преимуществу отдавался дѣлу внутренняго совершенствованія: Григорій „радуяся течаше безъ преткновения и въ вышнихъ умъ свой вперяя и сердце свое очищаа отъ всѣхъ страстныхъ мятежъ". Наставляя свою братію, Григорій выдвигалъ впередъ начало самосовершенствованія, какъ источникъ всякаго добра, и училъ ихъ очищать свою душу и сердце отъ дурныхъ помысловъ: „О братіе,—говорилъ Григорій,—брашно и питіе не поставить насъ предъ Богомъ, Павелъ глаголетъ. Пріимите заповѣди Господня добрыми дѣлы: послушаніе, кротость и смиреніе; добру закону поучитеся — имѣти сердце и душу чисту. Се бо души есть одежа: вѣра права, къ Богу молитва, слезы и въздыханіе, покаяніе, милованіе нищихъ и братолюбіе, воздержаніе отъ всякаго зла; о сихъ бо добрыхъ веселится душа".

Когда Юрій Дмитріевичъ отнялъ у Василія II престолъ, Григорій сталъ обличать князя, сотворившаго неправду: „О княже Юріе! — говорилъ онъ ему: подобаше ли ти власть приати, не управя своего житіа? Здѣ пріимеши укоръ и досаду, и неустроеніе, поношеніе и раны, и бесчестіе с чады своими, а онамо—судъ. Не по Божію строенію хощеши власть приятн, якоже глаголетъ писаніе: ни хотящему, но Богу, милющему". Въ концѣ поученія Григорій совѣтуетъ Юрію соблюдать заповѣдь любви къ ближнему.

Въ 1430 г. Дмитрій Шемяка *) пошелъ ратью на Вологду, опустошая и разоряя земли, по которымъ онъ проходилъ. Многіе люди лишились своего имущества, крова и пищи. Толпы народа стали стекаться къ монастырю Григорія за пропитаніемъ. Тогда Григорій, вооружившись христіанскимъ мужествомъ, взялъ свой посохъ и отправился къ князю, чтобы обличить его. Придя къ князю, онъ указалъ ему на то, что дѣла его—не христіанскія: онъ—князь православной вѣры, а воюетъ свою же Русь; его воинство подвергаетъ горькой смерти христіанъ, изъ которыхъ одни погибли отъ голода, другіе отъ

*) Думаютъ, что Дмитрій Шемяка ошибочно названъ въ житіи вмѣсто брата его Василія Косого, напавшаго на Вологду въ 1435 г.

холода; вопль вдовъ и сиротъ вопіетъ на него къ Богу, и Богъ отомститъ ихъ обиды, если онъ не прекратитъ такого кровопролитія, и лишитъ его и славы, и княженія. Разгнѣвался князь на рѣчь Григорія и велѣлъ своимъ воинамъ сбросить его съ моста внизъ. Григорій упалъ и разбился чуть не до смерти. Нѣсколько часовъ Григорій лежалъ, какъ мертвый. Поднявшись, онъ сказалъ окружающимъ, что у немилостиваго князя и слуги немилостивые; но они скоро впадутъ въ сѣти смертныя. Сказавъ это, Григорій вернулся въ свою обитель. Князь Дмитрій ночью на ложѣ своемъ вспомнилъ о своемъ поступкѣ съ Григоріемъ и сталъ размышлять о словахъ и предсказаніяхъ святого. Внезапно его охватилъ ужасъ. Тогда онъ отступилъ отъ Вологды и вернулся въ Галичъ, гдѣ войска его были избиты Божіимъ гнѣвомъ. Самъ князь, какъ и предсказалъ Григорій, лишился славы и княженія.

Передъ своею смертью Григорій заповѣдалъ братіи не воздавать почестей его грѣшному тѣлу по смерти, но извлечь его за ноги изъ ограды и затоптать въ болотѣ. Иноки не дерзнули исполнить это желаніе святого и съ честью похоронили его тѣло въ церкви, по правую сторону алтаря.

Въ житіи Григорія Пельшемскаго съ особенною любовью изображаются слѣдующія черты, которыя были свойственны заволжскому монашеству: стремленіе къ уединенію, къ жизни вдали отъ міра, перевѣсъ внутренняго совершенствованія надъ внѣшнимъ, любовь и участіе къ людямъ, не отступающія передъ самопожертвованіемъ, и отсутствіе страха передъ князьями.

г) Житіе Павла Обнорскаго. Житіе Павла Обнорскаго († 1429) составлено было въ первой трети XVI в., но не позже 1538 г. Авторъ житія, имя котораго не дошло до насъ, почерпалъ матеріалы для своего произведенія изъ разсказовъ многолѣтнихъ старцевъ и пользовался „списаніями, яже отъ древнихъ, видѣвшихъ святаго“.

Павелъ Обнорскій происходилъ изъ богатаго и знатнаго московскаго рода. Съ юныхъ лѣтъ онъ упражнялся въ молитвѣ, соблюдалъ строгій постъ и чистоту душевную и тѣлесную. Особенно любилъ Павелъ творить милостыню: ни одного нищаго не пропускалъ мимо себя безъ подаянія, а когда у него не было денегъ, онъ давалъ нищимъ свою одежду и возвращался домой въ одной рубашкѣ. Достигнувъ двадцати двухъ лѣтъ, Павелъ тайно покинулъ родительскій домъ и ушелъ въ мона-

стырь Рождества Христова на Волгѣ. Здѣсь онъ предался неимовѣрнымъ трудамъ, питаясь только хлѣбомъ и водою. Изъ этого монастыря Павелъ ушелъ къ Сергію Радонежскому, у котораго прошелъ всѣ монастырскія послушанія—отъ поварни до трапезы, и научился всѣмъ иноческимъ добродѣтелямъ. Усовершенствовавшись въ добродѣтеляхъ, Павелъ, съ разрѣшенія Сергія, удалился на безмолвіе въ пустыню. Пятнадцать лѣтъ подвизался Павелъ въ пустынѣ, созерцая божественное, преодолѣвая духовныя искушенія. Но и здѣсь докучали ему нерѣдко посѣтители. „Въ пустыняхъ млъва ничѣмъ же градскыхъ мятежъ разньствуетъ: сіи бо и совершеныхъ пакостити обыче и безстрастныхъ“. Поэтому Господь сказалъ нѣкогда великому пустынножителю Арсенію: „Арсеніе! Бѣжи, молчи, безмълвствуи: та бо суть кореніа несогрѣшенію, и паки бѣгай отъ человѣкъ, да спасешься“. Придя къ заключенію, что „млъва виновна есть помраченію умному“, Павелъ съ благословенія Сергія рѣшилъ удалиться для подвиговъ въ наиболѣе глухія пустыни. Сначала онъ поселился въ Комельскомъ лѣсу у рѣки Грязовицы. Келіей ему стало служить дупло старой липы. Въ этомъ безлюдномъ лѣсу, куда не проникалъ человѣческій голосъ, Павелъ прожилъ три года, молясь и воспѣвая Богу гимны, которымъ вторили однѣ только птицы. Здѣсь умъ Павла все болѣе и болѣе очищался для созерцанія божественнаго и не тревожился ничѣмъ земнымъ.

Милосердый Богъ, желая и другихъ людей спасти примѣромъ Павла, внушилъ ему оставить дупло липы, и пустынникъ снова началъ свои скитанія. На рѣкѣ Нурмѣ, въ Обнорскихъ предѣлахъ, Павелъ нашелъ мѣсто, которое ему понравилось. Онъ сдѣлалъ себѣ хижину изъ листьевъ и ископалъ колодецъ. Крестнымъ знаменіемъ ограждался Павелъ отъ бѣсовской рати, которая являлась надъ нимъ, какъ призракъ, а отъ непріязненныхъ людей, хотѣвшихъ изгнать его отъ избраннаго мѣста, оборонялся долготерпѣніемъ и молитвой. Пять дней въ недѣлю Павелъ не ѣлъ и не пилъ; только въ субботу и въ воскресенье вкушалъ онъ немного хлѣба и воды.

Когда по окрестностямъ распространилась молва о суровомъ подвижникѣ, къ Павлу стали приходить многіе, желавшіе пользоваться его наставленіями и руководствомъ. Долго Павелъ отказывался, но, наконецъ, побѣжденный братолюбіемъ, сталъ допускать къ себѣ приходившихъ и наставлять ихъ.

Однажды въ свѣтлую пасхальную ночь Павелъ проснулся отъ громкаго колокольнаго звона. Павелъ открылъ окно своей кельи и увидѣлъ на одномъ мѣстѣ яркій свѣтъ. Павелъ уразумѣлъ, что яркій свѣтъ указываетъ мѣсто, гдѣ должна быть воздвигнута новая обитель.

На той же рѣкѣ Нурмѣ, нѣсколько выше, подвизался еще до прихода Павла другой отшельникъ, Сергій Нуромскій, пришедшій отъ Аѳона. Около Сергія собралось уже до 40 иноковъ, желавшихъ подвизаться подъ его руководствомъ. Въ это время Сергій услышалъ о подвигахъ Павла и пошелъ искать его. Онъ обрѣлъ Павла около келіи: Павелъ изъ своихъ рукъ кормилъ множество птицъ, изъ которыхъ однѣ сидѣли на его головѣ, другія на плечахъ; тутъ же недалеко стоялъ медвѣдь; лисицы, зайцы и другіе звѣри, не враждуя между собою, бѣгали. Радостно познали другъ другъ оба подвижника. Съ этого времени они сдѣлались собесѣдниками, часто посѣщали другъ друга и взаимно утверждали себя на высокіе подвиги. Павелъ избралъ Сергія, имѣвшаго пресвитерскій санъ уже на Аѳонѣ, въ свои духовные отцы.

Когда приблизился день кончины Сергія, Павелъ, прощаясь со своимъ духовнымъ отцомъ, разсказалъ ему о своемъ видѣніи. Сергій, выслушавъ Павла, призналъ въ этомъ видѣніи указаніе Божіе и предсказалъ ему, что на этомъ мѣстѣ будетъ воздвигнута обитель во имя Пресвятой Троицы, и многіе спасутся въ ней.

По смерти Сергія (1413) Павелъ рѣшилъ заняться устройствомъ обители. Взявъ одного изъ братіи, онъ отправился въ Москву просить благословенія у митрополита Фотія. Митрополитъ отказалъ въ благословеніи и даже „жестока нѣкая глагола ему“. Павелъ не смутился и заявилъ митрополиту, что все исполнится не по его слову, а какъ угодно будетъ Пресвятой Троицѣ. Ночью митрополита постигло страшное видѣніе: послышался голосъ, укорявшій его за оскорбленіе человѣка Божія и приказывавшій найти старца и исполнить его волю. Митрополитъ испугался. Утромъ онъ велѣлъ сыскать старца. Митрополитъ встрѣтилъ Павла съ особенной честью и попросилъ у него прощенія. Разговорившись съ Павломъ, митрополитъ узналъ о прошлой жизни старца и возлюбилъ его за кротость. Онъ далъ Павлу не только благословеніе, но и милостыню. Вернувшись обратно, Павелъ построилъ церковь во

имя Пресвятой Троицы и общежительный монастырь, причемъ далъ братіи монастыря уставы Пахомія Великаго и Θеодосія Киновіарха. Павелъ строго наблюдалъ, чтобы у иноковъ не было частной собственности, чтобы въ церкви, за трапезой и на монастырскихъ работахъ иноки соблюдали полное безмолвіе: лучше пасть съ какой-нибудь высоты,—училъ Павелъ,—нежели отъ своего языка. Кромѣ того, инокамъ Павелъ „въ рукодѣліяхъ повелѣ комуждо тружатися, да не токмо отъ своихъ трудовъ свой хлѣбъ снѣдаютъ, но да и о нищихъ любовь показуютъ“.

Достигши глубокой старости, Павелъ поставилъ во главѣ монастыря своего ученика Алексѣя, а самъ поселился недалеко отъ монастыря въ своей прежней кельѣ и „безмолъствовати начатъ, всего человѣческаго сожительства опаяся (удалился), въ молитвѣ же и вниманіи къ Богу умъ свой присно имѣа, зрительное очищаа и свѣтъ божественнаго разума събираа въ сердци своемъ и чистотою его и созерцая славу Господню, тѣмъ сосудъ избранъ бысть св. Духу“. Въ монастырь Павелъ появлялся только къ церковнымъ службамъ.

Проживъ около 112 лѣтъ, Павелъ почувствовалъ приближеніе кончины. Онъ собралъ братію и преподалъ имъ свои послѣднія наставленія. Необходимо прежде всего,— училъ онъ,— приносить славословіе Богу, хранить въ сердцѣ страхъ Божій, всегда совершать подвиги, причемъ нужно заботиться не только о совершеніи добрыхъ дѣлъ, но и объ очищеніи своей души отъ вредныхъ помысловъ: съ послѣдними нужно вести безпрерывную борьбу, потому что въ противномъ случаѣ они одолѣютъ человѣка; наилучшія средства для успѣшности этой борьбы— молитва, постъ, бдѣніе, слезы и воздержаніе, особенно въ пищѣ: „приложеніемъ бо раждизаютъ (возжигаютъ) бѣси брань. всеоружіе имуще исполненіе чрева“.

Въ житіи Павла Обнорскаго выдвигаются впередъ начало внутренняго совершенствованія, выражающагося въ самоуглубленіи и очищеніи сердца и помысловъ, нестяжательность и безмолвіе, какъ средства очищенія души. Особенностью житія является также обиліе разсужденій и стремленіе мотивировать необходимость того или другого нравственнаго правила.

2) Житія, составленныя въ средѣ іосифлянъ. Къ житіямъ, вышедшимъ изъ среды іосифлянъ и относящимся къ концу XV в. и къ началу XVI в., принадлежатъ: а) „Записка о

послѣднихъ дняхъ Пафнутія Боровскаго“ и б) „Житіе преподобнаго Пафнутія Боровскаго“.

а) „Записка о послѣднихъ дняхъ Пафнутія Боровскаго“. Эта „Записка“ составлена была около 1478 г. Иннокентіемъ, однимъ изъ „древнихъ“ учениковъ Пафнутія Боровскаго и очевидцемъ его кончины. Въ „Запискѣ“ изображены послѣдніе восемь дней жизни Пафнутія. Иннокентій находился при умиравшемъ почти безотлучно, и потому онъ зналъ хорошо подробности послѣднихъ дней жизни своего учителя и запомнилъ его слова. „Записка“ отличается простотой изложенія, но въ то же время проникнута живой изобразительностью, благодаря которой характеръ Пафнутія и его общественныя отношенія рисуются очень хорошо. Помимо этого „Записка“ интересна еще тѣмъ, что изображаетъ любопытный поворотъ въ отношеніяхъ къ князьямъ, происшедшій въ душѣ Пафнутія въ послѣдніе дни его жизни.

„Въ лѣто 6985, индикта 10, по святомъ же и честнѣмъ праздницѣ Пасхы,—пишетъ Иннокентій,—въ четвергъ 3 недѣли, назавтрее Георгеева дни, въ 3 часъ дни позва мя старецъ (Пафнутій) походити за монастырь. Егда же изыдохомъ, тогда начатъ шествовати къ пруду, егоже созда многымъ трудомъ своимъ. Егда же пріидохомъ на заплотъ, узрѣ потокъ водный, явльшійся подъ мостъ, и начатъ мя учити, како заградити путь водѣ“. Иннокентій отвѣтилъ Пафнутію, что онъ сейчасъ же пойдетъ съ братіями чинить плотину подъ его руководствомъ. Старецъ замѣтилъ, что у него нѣтъ „на се упражненія“, „понеже ино дѣло имамъ неотложно“, и вернулся въ монастырь. Когда прошелъ шестой часъ, ученикъ Пафнутія разыскалъ Иннокентія и велѣлъ ему идти къ старцу. Необычное поведеніе старца смутило Иннокентія. Явившись къ старцу, Иннокентій нашелъ его сидящимъ у дверей на одрѣ. Старецъ ничего не сказалъ Иннокентію. Тогда послѣдній сталъ спрашивать его: „Что ради не изыдеши самъ? Нужи (надобности) не имаши“. Старецъ отвѣтилъ: „Нужу имамъ, ты не вѣси, понеже съузъ (узы) хощеть раздрѣшитися“. Иннокентій не понялъ смысла словъ Пафнутія. „Необычные глаголы“ старца вызвали въ немъ страхъ. Но онъ не посмѣлъ задавать старцу дальнѣйшихъ вопросовъ и вышелъ изъ его кельи. Взявъ нѣсколько иноковъ, Иннокентій отправился съ ними починить плотину, но работа шла безъ всякаго успѣха, потому что въ душѣ работавшихъ

царилъ „многъ мятежъ“. Когда Иннокентій снова вернулся въ келью старца, послѣдній велѣлъ ему послать сказать князю Михаилу, чтобы онъ самъ не пріѣзжалъ въ монастырь и никого не посылалъ, такъ какъ у игумена есть свое дѣло. Наступило время вечерни, и старецъ не смогъ идти съ братіей на вечернее правило. На павечернее правило старецъ также не могъ пойти и на неотступные вопросы Иннокентія о причинѣ опять загадочно отвѣтилъ: „Въ сій же день четвертокъ имамъ премѣнитися немощи моея“.

Въ пятницу, когда насталъ часъ литургіи, старецъ сталъ облачаться въ ризы, чтобы идти въ церковь. Братія помогали ему. Отстоявъ литургію, старецъ вышелъ изъ церкви въ сопровожденіи иноковъ, „шествуя съ посохомъ, опочивая мало, не дадяше себѣ свершенѣ прикоснутися братіи или водити весма, но со многымъ опасеніемъ приближахомся ему“. Придя въ келью, старецъ отпустилъ братію и самъ прилегъ. Иннокентій остался, ожидая какихъ-либо распоряженій старца, напр., о пищѣ; но старецъ попросилъ только дать ему воды, насыщенной медомъ, и пищи не вкусилъ. „По малѣ часѣ“ явился въ монастырь отъ кн. Михаила Андреевича діаконъ, чтобы узнать, „что ради не повелѣ ему старецъ у себя быти“ и „что прилучися старцу“. Когда Иннокентій доложилъ о приходѣ діакона, старецъ ничего не отвѣтилъ, а только велѣлъ отпустить діакона. Въ то же время привезли грамоту и золотыя деньги „отъ предѣла Тѳерьскаго“. Старецъ велѣлъ вернуть обратно и грамоту и деньги. „Они прислали,—объяснилъ старецъ Иннокентію,—не моея ради пользы, но отъ мене грѣшьнаго требуютъ молитвы и прощенія, а я, видите, самъ наипаче во время се требую молитвы и прощенія“. Вернувшись къ посланнымъ, Иннокентій сталъ „испытывать“ ихъ, „о ней же вещи пріидоша“, и убѣдился, что старецъ угадалъ. Посланные были отправлены обратно, съ грамотой и деньгами. Когда наступилъ часъ вечерни, старецъ опять сталъ облачаться въ ризы, взялъ посохъ, пошелъ въ сопровожденіи братіи въ церковь, сталъ на своемъ обычномъ мѣстѣ и пѣлъ вмѣстѣ съ братіей. По окончаніи „правила“ старецъ вернулся въ келью. На павечернее правило старецъ не могъ идти и велѣлъ Иннокентію проговорить павечерницу у него.

Въ субботу старецъ объявилъ, что въ воскресенье будетъ причащаться. Онъ заповѣдалъ братіи не „стужать“ ему ни о

чемъ, „дондеже сподобится божественнаго причащенія св. даровъ“. „Се же ему обычай бяше многолѣтный: егда хотяше причаститися св. тайнамъ, тогда всю недѣлю пребываше молчя не токмо отъ мірянъ, но и съ братьею не глаголаше и о нужныхъ вещехъ, ни живущему съ нимъ въ кѣльи что глаголаше“. Призвавъ къ себѣ священника Исаію, старецъ со смиреніемъ началъ „глаголати ему о духовныхъ дѣлехъ“. Никогда прежде не бывало, чтобы старецъ призывалъ священника Исаію къ себѣ въ келью. Страхъ и трепетъ напалъ на священника. Старецъ велѣлъ священнику „покаяніе прочести и прочая по ряду и благословеніе пріемлеть и прощенію сподобляется, преже отъ Бога прощенный“. Въ это время „присылаетъ князь Михайло Андрѣевичь духовника своего попа Ивана старца посѣтити, и самъ князь много желаше ѣхати къ старцу, но не смѣяше безъ повелѣнія; аще ли не повелитъ ему быти у себе старець, да благословить и простить его старець и сына его кн. Ивана“. Старецъ не велѣлъ пускать къ нему попа Ивана, а о просьбѣ князя выразился такъ: „Дивлюся князю, съ чѣмъ присылаеть: сына моего благослови князя Ивана! А князь Василей ему не сынъ ли? Самъ на ся раздѣлися. Богъ вѣсть, гдѣ имать обрѣсти миръ и благословеніе“. Попъ Иванъ, которому сообщили, что старецъ не допускаетъ его къ себѣ, не повѣрилъ этому и сталъ дожидаться вечерни, въ надеждѣ сподобиться бесѣды и благословенія у старца, когда онъ явится въ церковь. Когда насталъ часъ вечерни, старецъ съ братіей отправился въ церковь. Замѣтивъ въ церкви попа, старецъ быстро прошелъ въ алтарь и вышелъ оттуда только тогда, когда попъ по окончаніи службы ушелъ изъ церкви и покинулъ монастырь.

Въ воскресенье старецъ причастился въ церкви св. тайнъ. Въ этотъ же день явился въ монастырь посланный отъ великаго князя Ивана Васильевича съ грамотой къ старцу. Иннокентій сказалъ посланному, что старецъ не принимаетъ къ себѣ никого изъ мірянъ, даже если бы это былъ самъ великій князь. Посланный сталъ просить, чтобы Иннокентій взялъ хоть грамоту и передалъ старцу. Иннокентій отправился къ старцу съ грамотой. Узнавъ, въ чемъ дѣло, старецъ грамоты не взялъ и велѣлъ Иннокентію вернуть ее обратно: „Уже ктому ничтоже требую отъ міра сего,—сказалъ старецъ,—ниже чести желаю, ниже страха отъ міра сего боюся“. На замѣчаніе

Иннокентія, что великій князь можетъ разсердиться и это отзовется на монастырѣ, старецъ отвѣтилъ: „Истину вамъ глаголю: не разгнѣвайте Единого, ничтоже вамъ успѣетъ гнѣвъ человѣчьскый. Аще ли же Единаго разгнѣвите, еже есть Христосъ, никто же вамъ помощи можетъ; а человѣкъ, аще и разгнѣвается, пакы смирится“. Въ то же время приспѣлъ посланный отъ матери великаго князя, великой княгини Маріи, „понеже велику вѣру имѣше къ Пречистые монастырю и любовь къ своему богомольцу старцу Пафнотью, якоже инъ никтоже“. Также и отъ великой княгини Софьи, грекини, явился посланный, съ деньгами. Старецъ не велѣлъ ничего принять отъ посланныхъ и оскорбился „многаго ради стуженія“. Приходили не только отъ князей и княгинь, но и отъ прочаго народа—отъ бояръ и отъ простыхъ людей. Но Иннокентій, искушенный опытомъ, даже не докладывалъ объ нихъ старцу.

Въ понедѣльникъ старецъ, по обыкновенію, присутствовалъ на божественной службѣ и продолжалъ свой суровый постъ. Иннокентій, начинавшій уже подозрѣвать, что старецъ серьезно боленъ, обратился къ нему въ кельѣ съ слѣдующими словами: „Государь Пафнотей! Повели при своемъ животѣ написати завѣщаніе о монастырьскомъ строеніи, какъ братіи по тебѣ жити и кому игумену быти повелиши.“ Послѣ нѣкотораго молчанія старецъ, со слезами на глазахъ, отвѣтилъ: „Блюдите убо сами себе, братіе, какъ чинъ церковный и строеніе монастырю хощете имѣти: пѣсьнаго правила никогдаже преставляйте, свѣщамъ вжизанія (возжиганія) просвѣщайте; священници держите честно, яко же и азъ: оброка ихъ не лишайте; божественыя службы да не оскудѣваютъ: тѣми бо вся поспѣются; трапезы отъ любостранна (гостящаго) не затворите, о милостыни попецѣтеся, просяща потребная тща (съ пустыми руками) не отпустите; отъ міра приходящихъ бесѣдъ удаляйтеся, въ ручнѣмъ дѣлѣ тружающеся, сердце свое хранѣте всяцѣмъ трезвѣніемъ отъ помыслъ лукавыхъ; по павечернѣмъ правилѣ бесѣдъ не творите другъ съ другомъ: кождо во своей кельи да безмолвствуетъ; соборныя молитвы не отлучайтеся никакою нужею, развѣ немощи; весь уставъ и правило церьковное кротко и немятежно, и молчаливо, и, просто рещи, якоже мене видите творяща, и вы творите. Аще бо тѣхъ заповѣданнаа мною не презрите, вѣрую Богови Вседрьжителю и того всепепорочнѣй

Матере-свѣту, не лишитъ Господь всѣхъ благыхъ ему своихъ мѣста сего. Но вѣмъ, яко по отшествіи моемъ Пречистые монастыря будеть мятежникъ, много, мню, душю мою смути и въ братіи мятежь сотвори; но Пречистая Царица мятежникы утолить и бурю мимо ведеть и своему дому и въ немъ живущей братіи тишину подасть".

Во вторникъ старецъ, желая „паки причастникъ быти тѣлу и крове Христовѣ", возобновилъ безмолвіе и велѣлъ братіи не „стужать" ему ни о чемъ.

Въ среду старецъ причастился. Возвращаясь въ келью въ сопровожденіи братіи, старецъ остановился въ сѣняхъ, воззрѣлъ душевнымъ окомъ на братію. а чувственнымъ на образъ Владыки и Пресвятой Богородицы, вздохнулъ и со слезами сказалъ: „Господи Вседрьжителю! Ты вѣси вся испытаяй сердца и помыслы. Аще кто поскорбитъ мене ради грѣшнаго, въздаждь ему, Господи, сторицею въ се время и въ будущій вѣкъ животъ вѣчный; аще ли кто порадуется о моей смерти, грѣшна человѣка, не постави ему, Господи, грѣха". Сказавъ это, старецъ сталъ смотрѣть на братію. Братія ужаснулась: „Кождо свою съвѣсть въ себѣ судію имать, — пишетъ Иннокентій, — паче же азъ окаанный". Послѣ этого старецъ вошелъ въ келью и тамъ началъ говорить братіи утѣшительныя слова. Въ этотъ день явился посланный отъ митрополита Геронтія съ благословеніемъ старцу. Затѣмъ опять пришли посланные отъ великаго князя и княгинь съ наказомъ во что бы то ни стало получить доступъ къ старцу и сподобиться бесѣды отъ него. Иннокентій нехотя доложилъ старцу о пришедшихъ. Старецъ сильно оскорбился на Иннокентія и сказалъ ему: „Что тебѣ на мысли? Не даси же ми отъ міра сего ни единъ часъ отдохнути. Не вѣси, 60 лѣтъ угажено (угождено) міру и мірьскымъ человѣкомъ, княземъ и бояромъ, и въ срѣтенье (навстрѣчу) имъ сованося (совались), и въ бесѣдѣ съ ними маньячено (маячились), и вслѣдъ по нихъ такоже сованося, а того и не вѣмъ, чесего ради; нынѣ познахъ: никакая ми отъ всего того полза, но паче души испытаніе о всемъ. Господь пакы своимъ милосердіемъ, не хотя безъ покаяніа смерти грѣшнику навести, дасть мнѣ грѣшному 6 день покаяніа ради; ино пакъ ты мнѣ не даешь покоя ни на единъ часъ: наводиши на мене міряне. Уже къ тому и изъ кѣлія не имамъ изыти, да не стужають ми". Услышавъ это, Иннокентій сильно огорчился

тѣмъ, что смутилъ старца. Выйдя изъ кельи старца, онъ отправился къ посланнымъ, сообщилъ имъ слова старца и сталъ требовать, чтобы они покинули монастырь. Они отказались и прождали до вечера, послѣ чего отправились ночевать въ находившейся вблизи веси.

Въ четвергъ старецъ, собираясь на литургію, сказалъ про себя: „Се день приде". Услышала братія эти слова, но не поняла, о какомъ днѣ говоритъ старецъ. На вопросъ Иннокентія, старецъ сказалъ, что это — четвергъ, о которомъ онъ уже раньше говорилъ. Когда старецъ шествовалъ къ церкви, Іосифъ возвѣстилъ ему, что опять явились вчерашніе гости и съ ними много другихъ. Тогда старецъ отпустилъ братію въ церковь, а самъ, опечаленный, сѣлъ въ сѣняхъ, говоря, что все это подстроилъ Иннокентій. Иннокентій не смѣлъ разубѣждать въ этомъ старца. Литургія окончилась безъ старца, и посланные разошлись каждый своимъ путемъ. Въ этотъ день Иннокентій понялъ, наконецъ, что „отыти житія сего хощетъ старець", и спросилъ Пафнутія, пригласить ли, когда онъ преставится, къ его гробу протопопа и священниковъ изъ города. Старецъ отвѣтилъ: „Никакоже не мози звати, понеже великъ мятежъ хощеши сотворити мнѣ; да никтоже увѣсть, дондеже погребете мя въ землю своимъ священникомъ"... Затѣмъ старецъ указалъ мѣсто, гдѣ должны его похоронить.

Въ полдень, когда братія отдыхала, старецъ началъ молиться о спасеніи своей души и о благоденствіи монастыря Пречистой. Иннокентій удалился отдохнуть. Во время сна онъ услышалъ „гласы поющихъ". Вскочивъ, онъ побѣжалъ въ келью старца. Старецъ лежалъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, а у одра его стоялъ его ученикъ. Ученикъ сообщилъ Иннокентію, что послѣ его ухода старецъ пѣлъ стихи и тропари. Иннокентій сказалъ ученику, что старецъ отходитъ. Оба припали къ ногамъ старца и стали просить у него благословенія и конечнаго прощенія. Съ трудомъ удалось имъ получить и то и другое: старецъ уже съ трудомъ понималъ окружающее, и рѣчь его самого перестала быть ясной. Когда совершалось вечернее правило, старецъ простеръ ноги, сложилъ крестообразно руки на персяхъ, вздохнулъ три раза и предалъ свою святую душу въ руки Божіи.

Узнавъ о кончинѣ старца, братья собралась и сотворила надъ нимъ великій плачъ.

Рано утромъ въ пятницу братія ископали могилу и предали тѣло преподобнаго землѣ. „Никто же отъ мірскыхъ человѣкъ ту обрѣтеся въ то время, ни одру коснуся, ни въ гробъ полагаема узрѣ кто“.

Когда старецъ былъ погребенъ, слухъ о его смерти дошелъ до города. Собрались игумены, священники, иноки, намѣстники и прочіе люди и двинулись было къ монастырю Пречистой. Но ихъ встрѣтили „скорошественици“, которые сказали имъ: „Всуе трудитеся: желаемаго не получите, понеже, аще и мы уранихомъ (съ утра пришли), ничтоже возмогохомъ видѣти отъ надѣемыхъ трудъ нашихъ безъ успѣха“.

Многіе изъ вельможъ всетаки пришли въ монастырь и, хотя и не видѣли преподобнаго, но съ любовью поклонились его гробу. И „общій народъ“ весь день приходилъ на поклоненіе.

б) *„Житіе преп. Пафнутія Боровскаго“*. Это житіе составлено было между 1500—1515 гг. Вассіаномъ Санинымъ, братомъ Іосифа. Матеріалы для своего труда Вассіанъ почерпнулъ прежде всего изъ устныхъ разсказовъ, которые онъ слышалъ отъ своего брата Іосифа, Иннокентія и Исаіи Чернаго, „древнихъ“ учениковъ Пафнутія, а затѣмъ изъ собственныхъ воспоминаній. Кромѣ того, при описаніи послѣднихъ дней жизни Пафнутія Вассіанъ воспользовался „Запиской“ Иннокентія, которую онъ помѣстилъ въ своемъ сочиненіи въ сокращенномъ видѣ.

Житіе, составленное Вассіаномъ, не представляетъ цѣльной, систематически изложенной, біографіи Пафнутія: оно распадается на множество отдѣльныхъ эпизодовъ и повѣстей, не имѣющихъ внутренней связи между собою. Несмотря на это, житіе, отличающееся простотою изложенія, хорошо рисуетъ личность Пафнутія, его отношенія къ инокамъ и къ міру.

Вотъ наиболѣе характерные эпизоды.

а) *О происхожденіи преподобнаго*. Преподобный Пафнутій „влекіися родомъ“ отъ „колѣна огаряньска“. Съ Божьяго попущенія на „росіискіи островъ“ пущенъ былъ безбожный начальникъ агарянъ, царь Батый. Завоевавъ Русскую землю, этотъ злой царь поставилъ по городамъ „властелей“, „ихже баскаки нарицаетъ половецкимъ языкомъ“. Отъ колѣна и рода этихъ баскаковъ „корень имать блаженный сеи Пафнотіе“.

Много времени спустя послѣ завоеванія Руси Батыемъ

благочестивые самодержцы собрались съ силами, и „паки благочестія свѣтъ просія“. Тогда „православія держателе“ распорядились сообщить начальникамъ агарянскаго безбожія, что, если они не приступятъ къ благочестивой вѣрѣ, они будутъ преданы смерти. Одинъ изъ этихъ начальниковъ агарянскихъ, дѣдъ Пафнутія, „изволи благочестія сѣмена пріяти и банею божественаго крещенія породився отъ воды духа“.

Этотъ эпизодъ замѣчателенъ въ томъ отношеніи, что авторъ „Житія“ сочувственно относится къ насильственному крещенію татарскихъ баскаковъ.

β) *О враждѣ на святого отъ князя Василія Ярославича.* Пафнутій, покинувъ Высоцкій монастырь въ Боровскѣ, основалъ свой монастырь на территоріи, не принадлежавшей князю г. Боровска Василію Ярославичу. Въ новый монастырь перешли нѣкоторые иноки изъ Высоцкаго монастыря, и послѣдній сталъ оскудѣвать. Это вызвало сильное неудовольствіе князя Василія. „Искони ненавидяй добра“ врагъ, душамъ губитель, воздвигъ бурю великую на блаженнаго Пафнутія. Князь Василій сталъ подсылать къ новому монастырю своихъ слугъ, „еже запалити основаніе обители отца“; но слуги, видя отца Пафнутія и иноковъ трудящимися, ничего не могли сдѣлать и возвращались, не исполнивъ порученія, къ своему господину. Тогда князь послалъ съ этой же цѣлью одного новокрещеннаго агарянина, Ермолая. Ермолай явился къ монастырю „со всякою буестію“. Увидѣвъ его, Пафнутій пошелъ навстрѣчу къ нему съ радостнымъ привѣтствіемъ и назвалъ его по имени. Ермолай, „оставль звѣриный нравъ“, откровенно разсказалъ Пафнутію о томъ, съ какою цѣлью его послалъ князь, попросилъ у него прощенія и ушелъ обратно, „ничтоже зла сотворь“. Въ эти времена пришелъ на Русскую землю безбожный царь Момотякъ (Махмутекъ, въ 1445 г.). Великій князь Василій Васильевичъ съ другими русскими князьями, въ числѣ которыхъ находился и Василій Ярославичъ, столкнулся съ татарами у Суздаля и потерпѣлъ пораженіе. Самодержецъ попалъ въ плѣнъ. А Василій Ярославичъ, положившій передъ битвой обѣтъ прекратить свои враждебныя отношенія къ Пафнутію, невредимо избѣжалъ варварскихъ рукъ, достигъ обители, попросилъ у Пафнутія прощенія и „вѣру оттолѣ велію показоваше къ преподобному“.

γ) *Чудо святого о Діонисіи иконникѣ.* Когда въ

новомъ монастырѣ собралось уже много иноковъ, Пафнутій сталъ строить каменную церковь, причемъ самъ принималъ дѣятельное участіе въ работахъ: вмѣстѣ съ учениками влачилъ зимою камни, носилъ воду и всякаго рода матеріалы. Для украшенія храма онъ пригласилъ извѣстныхъ въ то время живописцевъ-иконниковъ, среди которыхъ былъ и нѣкто Діонисій. Діонисій не могъ работать, потому что у него болѣли ноги. Пафнутій обратился къ Діонисію со слѣдующими словами: „О Діонисіе! Богъ да благословитъ тя: начинай касатися благаго дѣла. Богъ да Пречистая Богородица можетъ твоимъ ногамъ здравіе даровати". Діонисій отнесся съ вѣрой къ словамъ блаженнаго, съ радостью принялся за работу, и болѣзнь прошла. Пафнутій далъ работавшимъ, въ томъ числѣ и Діонисію, заповѣдь—не вкушать мірскихъ яствъ въ обители, а уходить для этого къ ближайшей веси. Они такъ и дѣлали. Но однажды, забывъ заповѣдь блаженнаго, они принесли въ обитель на ужинъ жареное „ходило агнече" (баранью ногу) съ яйцами и стали ѣсть. Діонисій ѣлъ съ ними. Открывъ мѣсто, гдѣ были яйца, онъ вдругъ увидѣлъ, что оно полно червями. Испугавшись, Діонисій выбросилъ все псамъ. Скоро Діонисія поразилъ лютый недугъ: „во единъ часъ все тѣло его, яко единъ струпъ, сліяся, и не могій двигнутися". Діонисій немедленно попросилъ къ себѣ Пафнутія и покаялся во всемъ. Пафнутій, наказавъ Діонисію не творить этого впредь, велѣлъ ударить въ „било" (колоколъ) и повелъ его въ церковь. Былъ отслуженъ молебенъ съ водосвятіемъ. Пафнутій велѣлъ Діонисію омочить освященною водою все тѣло. Діонисій сдѣлалъ такъ и легъ спать. Проснувшись, Діонисій почувствовалъ, что онъ совершенно здоровъ. Струпъ упалъ съ тѣла, какъ чешуя. Діонисій прославилъ Бога за исцѣленіе.

б) *„О гаврань ѣхъ" (воронахъ).* Въ густомъ лѣсу, окружавшемъ обитель, было много птицъ, въ томъ числѣ и воронъ. Пафнутій очень любилъ птицъ и положилъ заповѣдь, чтобы никто не трогалъ ихъ и не убивалъ. Однажды мимо проѣзжалъ сынъ одного воеводы. Онъ натянулъ лукъ, пустилъ стрѣлу въ одного ворона и убилъ его. Мѣткій выстрѣлъ возбудилъ въ немъ удовольствіе. Вдругъ сынъ воеводы почувствовалъ, что не можетъ выпрямить голову, которую онъ наклонилъ для прицѣла: „обрѣте ю криво зѣло утвержену". Онъ содрогнулся отъ ужаса, побѣжалъ къ Пафнутію и покаялся.

Пафнутій велѣлъ ударить въ било и пошелъ въ церковь. Собралась братія. Увидѣвъ ее, Пафнутій „осклабился“ и сказалъ ей: „отомсти Богъ кровь гавранову!“ Былъ отслуженъ молебенъ. Пафнутій осѣнилъ страждущаго животворящимъ крестомъ, и „паки по естеству устроися глава“.—Другой юноша пустилъ ястреба на ворона. Воронъ погибъ; но и ястребъ не остался живъ. Такъ отомстилась юношѣ смерть ворона.

ε) *О двухъ инокахъ.* Нѣкіе два инока задумали тайно оставить обитель и стали собирать свое „рухло“ (пожитки). Пафнутій, легшій послѣ утренняго пѣнія отдохнуть въ кельѣ, вдругъ увидѣлъ со снѣ „нѣкоего черна видѣніемъ“, вытаскивавшаго изъ печки головни и швырявшаго ихъ по направленію къ кельѣ упомянутыхъ иноковъ. Проснувшись, Пафнутій понялъ смыслъ видѣнія, призвалъ къ себѣ иноковъ и разсказалъ имъ о видѣніи. Пораженные иноки повинились передъ Пафнутіемъ и стали просить у него прощенія.

ζ) *О похуленіи на блаженнаго.* Нѣкій инокъ всегда ропталъ на Пафнутія и хулилъ все, что ни творилось. Однажды во снѣ этотъ инокъ увидѣлъ себя стоящимъ посреди церкви вмѣстѣ съ другими иноками. Вдругъ внезапно явился Пафнутій и, „возрѣвъ нань ярымъ окомъ“, воскликнулъ: „сей хульникъ!“ Схвативъ инока, Пафнутій выбросилъ его изъ церкви. Немедленно „два мурина черна зѣло“ подхватили его и стали бить. Проснувшись, инокъ со страхомъ побѣжалъ къ Пафнутію и со слезами сталъ молить о прощеніи.

η) *Видѣніе старца Евѳимія о двухъ инокахъ.* Двое иноковъ, которыхъ Пафнутій порицалъ за дурное поведеніе, рѣшили покинуть вмѣстѣ обитель. Былъ въ обители нѣкій старецъ Евѳимій, получившій отъ Бога даръ источать слезы не только въ кельѣ, но и въ церкви. Однажды Евѳимій находился въ церкви вмѣстѣ съ другими иноками и по обыкновенію испускалъ въ умиленіи теплыя слезы. Посмотрѣвъ на поющихъ иноковъ, Евѳимій вдругъ увидѣлъ, что позади двухъ упомянутыхъ иноковъ высунулся нѣкій муринъ съ остроконечнымъ шлемомъ на головѣ, одѣтый въ пестрый костюмъ. Въ рукѣ муринъ имѣлъ желѣзный крюкъ. Зацѣпивъ крюкомъ ризы обоихъ иноковъ, онъ сталъ тащить ихъ къ себѣ. Дотащивъ до себя, муринъ простеръ руку, чтобы схватить ихъ, но крюкъ соскользнулъ, и иноки отскочили. Нѣсколько разъ крюкъ мурина захватывалъ ризы и соскальзывалъ. Вотъ, что это означало:

когда иноки склонялись на внушеніе мурина покинуть обитель, тогда мурину удавалось зацѣпить ихъ крюкомъ; а когда крюкъ соскакивалъ, тогда иноки боролись противъ внушенія оставить обитель. При чтеніи Евангелія муринъ исчезъ, а потомъ снова явился. Во время херувимской муринъ опять исчезъ, а по окончаніи ея снова явился. Когда священникъ возгласилъ: „Изрядно Пресвятеи Владычици нашеи Богородици“, этотъ страшный муринъ исчезъ, какъ дымъ, и уже больше не появлялся. По окончаніи литургіи Евѳимій повѣдалъ объ этомъ Пафнутію, а Пафнутій, пригласивъ къ себѣ обоихъ иноковъ, сталъ увѣщевать ихъ не поддаваться внушеніямъ врага.

ϑ) *Провидѣніе о нѣкоемъ человѣкоубійцѣ.* Однажды, когда Пафнутій читалъ божественныя писанія, къ окошку его кельи подошелъ нѣкій человѣкъ и, сотворивъ молитву, попросилъ разрѣшить ему увидѣться со своимъ „согражданиномъ“ Іосифомъ, ученикомъ Пафнутія. Пафнутій вызвалъ Іосифа и сказалъ ему: „Изыди, яко мужъ золъ взоромъ вопрошаетъ о тебѣ“. Іосифъ вышелъ къ своему знакомому. Послѣдній сообщилъ Іосифу, что онъ хочетъ быть мнихомъ. Іосифъ доложилъ объ этомъ Пафнутію. Пафнутій велѣлъ Іосифу накормить пришельца и отпустить его, такъ какъ онъ—недобрый мужъ. Удивленный Іосифъ безпрекословно исполнилъ приказаніе Пафнутія. Впослѣдствіи Пафнутій объяснилъ Іосифу, что этотъ мужъ въ юности убилъ одного инока, ударивъ его ножомъ въ животъ. Іосифъ удивился проницательности Пафнутія: Пафнутій никогда не видѣлъ этого мужа и не слыхалъ о немъ, и однако по внѣшности догадался о совершенномъ имъ преступленіи.

і) *Объ исцѣлившейся женѣ боярина.* Нѣкая жена боярина питала большую вѣру въ Пафнутія и часто посылала къ нему своихъ дѣтей съ дарами, прося у него молитвъ. Эта боярыня впала отъ дѣйствія дьявола въ болѣзнь: ей видѣлось, что къ ней приближаются демоны, которые наводятъ на нее страхъ и смущаютъ ея умъ. Иногда, когда съ ней происходилъ припадокъ такой болѣзни, она видѣла нѣкоего старца, низенькаго роста, сгорбленнаго и худо одѣтаго. Этотъ старецъ гналъ отъ боярыни демоновъ, какъ волковъ. Послѣ этого боярыня становилась здоровой. Иногда она слышала гласъ, говорившій, что ее избавитъ отъ демоновъ Пафнутій изъ Боровска. Много разъ это было съ боярыней и, наконецъ, она исцѣлилась. Тогда она пожелала увидѣть Пафнутія, чтобы провѣрить, онъ

ли отгонялъ отъ нея демоновъ. и отправилась въ монастырь со своими отроками. Женщинамъ не позволялось входить въ обитель Пафнутія. Поэтому боярыня остановилась у монастырскихъ воротъ и послала къ ученикамъ Пафнутія своихъ отроковъ съ просьбой устроить такъ, чтобы дать ей возможность увидѣть святого. Иноки велѣли отрокамъ вернуться назадъ и указать госпожѣ на святого, когда тотъ пройдетъ по двору. Едва святой вышелъ изъ церкви, какъ боярыня, безъ указанія отроковъ, узнала святого и со слезами возопила, что это—тотъ самый старецъ, который своимъ появленіемъ гналъ отъ нея демоновъ и исцѣлилъ ее. Боярыня послала инокамъ милостыню и, возблагодаривши Бога, Пречистую Матерь его и ихъ угодника, съ радостью отошла къ себѣ.

ϰ) *Объ исцѣленіи ока.* У одного инока заболѣлъ глазъ. Пафнутій далъ больному „вервицу“ (веревочныя четки), по которой онъ самъ творилъ молитвы, и велѣлъ ему „изглаголать“ тысячу разъ молитву: „Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго!“ Инокъ „изглаголалъ“ пятьсотъ разъ молитву и почувствовалъ, что онъ уже выздоровѣлъ. Онъ вскочилъ и повѣдалъ Пафнутію о своемъ исцѣленіи. Пафнутій велѣлъ иноку вернуться и „изглаголать“ оставшіеся пятьсотъ разъ молитву.

λ) *Пророчество Пафнутія о Симоновскомъ архимандритѣ.* Однажды братія и нѣкіе мірскіе мужи сидѣли у святого. Бесѣда шла о только что случившемся событіи, о томъ, что тогдашній архимандритъ Симонова монастыря оставилъ архимандритство. Стали говорить о возможныхъ кандидатахъ на этотъ постъ. „И начаша глаголати овъ сего, инъ же инаго“. Пафнутій, взглянувъ на новопостриженнаго и еще очень юнаго Вассіана, брата Іосифа, „осклабился“ и сказалъ, указывая на него: „Сей есть архимандритъ на Симоново“. По прошествіи многихъ лѣтъ это предсказаніе Пафнутія осуществилось.

μ) *О прокормленіи святымъ народа.* Нѣкогда по Божьему попущенію случился голодъ. Тогда Пафнутій сталъ кормить въ обители голодныхъ. Собиралось ежедневно до тысячи человѣкъ.

177. „Соловецкій патерикъ“. Нѣсколько въ сторонѣ отъ вышеизложенныхъ житій стоитъ „Соловецкій патерикъ“, извѣстный подъ именемъ „Житія пр. Зосимы и Савватія Соловецкихъ“. „Соловецкій патерикъ“ дошелъ до насъ въ третьей редакціи, но

въ немъ сохранились указанія на двѣ первыя редакціи. Одинъ изъ редакторовъ житія Досиѳей, ученикъ Зосимы, сообщаетъ въ своей статьѣ „О сотвореніи житія началниковъ Соловецкихъ“, что старецъ Германъ, пережившій своего сподвижника, рѣшилъ сохранить для будущихъ поколѣній образъ Зосимы. Германъ былъ изъ простыхъ людей и не зналъ грамоты; онъ „простою рѣчью сказоваше клирикомъ, и они, клирицы, тако писаша, не украшая писанія словесы“. Изъ болѣе пространной редакціи той же статьи мы узнаемъ слѣдующее. По смерти Зосимы Досиѳей жилъ въ кельѣ Германа. По просьбѣ Досиѳея Германъ разсказалъ ему главные эпизоды изъ исторіи Соловецкаго монастыря до прихода Досиѳея. „Азъ же неразумный,— сообщаетъ Досиѳей, — како слышахъ, тако и написахъ, не украшая писанія словесы“. Записки, составленныя подъ диктовку Германа клириками и Досиѳеемъ, въ скоромъ времени пропали. Пріѣхалъ въ Соловецкій монастырь съ Бѣлоозера инокъ, которому дали почитать ихъ. Уѣзжая обратно, инокъ захватилъ съ собою и записки. Такъ Соловецкій монастырь былъ оставленъ „безъ памяти о житіи началниковъ“, потому что въ это время Германа уже не было въ живыхъ. Однажды Досиѳей попалъ въ Новгородъ. Архіепископомъ новгородскимъ былъ въ то время Геннадій, ученикъ Савватія въ Валаамскомъ монастырѣ. Геннадій благословилъ Досиѳея написать житіе основателей Соловецкаго монастыря. Досиѳей написалъ все, что онъ видѣлъ самъ и что сохранилось въ его памяти изъ пропавшихъ записокъ. Но онъ не рѣшался представить Геннадію житіе, не украшенное словесами. Не обладая способностью къ „плетенію“ словесъ, Досиѳей искалъ такого „списателя“, который подвергъ бы его трудъ стилистической переработкѣ. Однажды Досиѳей на пути въ Москву заѣхалъ въ Ѳерапонтовъ монастырь. Въ то время здѣсь жилъ лишенный сана митрополитъ Спиридонъ, родомъ тверитянинъ. Къ нему то и обратился Досиѳей за помощью. Спиридонъ принялся за дѣло. Такъ произошла та редакція „Соловецкаго патерика“, которая дошла до насъ. Въ припискѣ къ житію Спиридонъ сообщаетъ, что житіе составлено было имъ въ 1503 г. въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ, „понужену ми сущу отъ нѣкоего мниха, ученика Зосимы блаженнаго, именемъ Досоѳія: тамо бо ему игуменомъ бывшу въ обители острова Соловецкаго, исповѣда ми подробно вся, ова и написана дасть на памятехъ; азъ же

сія собрахъ". Геннадій одобрилъ трудъ Спиридона. Но и этотъ трудъ казался написаннымъ „потопку и неухищеренно", кратко и просто, всѣмъ тѣмъ, которые воспитались на житіяхъ Кипріана, Епифанія Премудраго и Пахомія Логоѳета. По порученію нѣкоего „честнаго отца" знаменитый Максимъ Грекъ написалъ предисловіе къ житію. Далѣе, братія Соловецкаго монастыря отправила инока Богдана на Балканскій полуостровъ съ порученіемъ найти искуснаго составителя житій. Богданъ обратился къ сербскому иноку Льву Филологу, который составилъ два похвальныхъ слова къ житію. Эти два слова пріобрѣли у насъ большое литературное значеніе: написанныя въ духѣ болгаро-сербскаго „плетенія словесъ", они стали для русскихъ авторовъ житій такими же образцами, какими были труды Пахомія Логоѳета.

Содержаніе „Соловецкаго патерика", въ главныхъ чертахъ, слѣдующее.

Во дни благочестиваго великаго князя Василія Васильевича Владимирскаго и Московскаго и всея Руси, во дни великаго князя Бориса Александровича Тверского и великаго князя Ѳеодора Ольговича Рязанскаго, при митрополитѣ Фотіи, подвизался въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ нѣкій старецъ Савватій, любившій уединеніе. Узнавъ, что въ Новгородскихъ предѣлахъ есть озеро Нево (Ладожское), а на озерѣ островъ Валаамъ, а на островѣ монастырь, Савватій съ благословенія игумена отправился туда (около 1426). Но и здѣсь Савватій не нашелъ такого уединенія, которое удовлетворило бы его. Жившіе на Валаамѣ разсказывали Савватію, что на морѣ, окіянѣ зовомомъ, есть островъ Соловки, отстоящій отъ земли на два дня пути, островъ величиною во сто поприщъ кругомъ; посреди его есть озера, въ которыхъ водится много рыбы, а вокругъ острова водится множество морской рыбы; островъ изобилуетъ деревьями и кустарниками, дающими ягоды; сосны тамъ огромной величины и годны для построекъ. Савватій „уязвися безмолвія любовью" и, тайно покинувъ Валаамъ, двинулся на сѣверъ къ Поморью. Достигнувъ берега, Савватій навелъ справки объ островѣ у мѣстныхъ жителей. Оказалось, что островъ великъ и все къ устроенію человѣческаго житія имѣетъ; многіе отъ времени до времени старались водвориться на немъ, но не могли страха ради морского и нужды. Узнавъ, что Савватій собирается поселиться на островѣ, одни изъ жителей

стали отговаривать его, указывая на то, что нечѣмъ будетъ питаться и согрѣваться, а другіе просто надругивались надъ нимъ.

Въ то время жилъ въ одной часовнѣ на берегу рѣки Выги старецъ Германъ. Этотъ старецъ былъ родомъ изъ города Тотьмы. Онъ былъ изъ простого званія и неграмотенъ. Явившись на берегъ Бѣлаго моря, Германъ вмѣстѣ съ рыболовами посѣтилъ однажды Соловецкій островъ, но не рѣшился остаться тамъ одинъ. Вернувшись обратно, онъ поселился на р. Выгѣ. Здѣсь познакомился съ нимъ Савватій. Савватій уговорился съ Германомъ отправиться на островъ и тамъ поселиться. Они снарядили лодку, нагрузили ее припасами и орудіями и двинулись въ путь. Благополучно совершивъ переѣздъ, Савватій и Германъ прошли въ глубь острова и на разстояніи версты отъ берега поселились у озера (1429). Здѣсь оба старца стали воздѣлывать землю и кормиться отъ рукъ своихъ.

Убѣдившись, что Савватій и Германъ серьезно задумали основаться на островѣ, жители материка стали завидовать старцамъ. Они стали говорить между собою, что они—ближе всѣхъ къ острову, они—сродники и наслѣдники острова; имъ и чадамъ ихъ изъ рода въ родъ слѣдуетъ имѣть на островѣ участіе и наслѣдіе по отчеству. Слѣдствіемъ этихъ разговоровъ было то, что одна семья, состоявшая изъ мужа и жены, переѣхала на островъ и поселилась недалеко отъ кельи старцевъ. Однажды въ воскресенье рано утромъ Савватій вышелъ изъ кельи съ кадильницей, чтобы покадить крестъ, водруженный ими въ день пріѣзда на островъ. Вдругъ Савватій услышалъ чьи то вопли, какъ будто кого то подвергали избіенію. Вообразивъ, что это—дьявольское навожденіе, Савватій бросился въ келью и сообщилъ о происшедшемъ своему товарищу. Германъ вышелъ изъ кельи и тоже услышалъ крики. Онъ пошелъ по тому направленію, откуда раздавались крики, и наткнулся на женщину, которая съ плачемъ разсказала ему о томъ, что съ ней приключилось. Она шла на озеро къ мужу. Вдругъ ее встрѣтили двое свѣтлыхъ юношей, которые схватили ее и стали немилосердно бить палками, приговаривая: „Изыдите отъ мѣста сего! Вамъ бо не достойно быти здѣ; но сіе мѣсто устроилъ Богъ въ жилище иноческому чину, да соберутся здѣ множество черноризцевъ, и прославится ими имя Божіе. Вы же отъидите скоро отсюду, да не злѣ смертію умрете“. Узнавъ отъ жены о про-

исшедшемъ, новый поселенецъ испугался и бѣжалъ съ острова. Съ тѣхъ поръ никто больше не осмѣливался переселяться на островъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя Германъ отплылъ однажды на рѣку Онегу для пріобрѣтенія жизненныхъ припасовъ, а Савватій остался на островѣ одинъ. Какъ разъ въ это время Савватій почувствовалъ приближеніе смерти. Желая причаститься св. тайнъ, Савватій сѣлъ въ лодку и направился къ материку. Черезъ двѣ недѣли онъ высадился на берегъ и пошелъ къ часовнѣ на рѣкѣ Выгѣ. Въ то время здѣсь находился игуменъ Наѳанаилъ. Савватій исповѣдалъ ему свои грѣхи и причастился. На другой день Савватій скончался († 1435). Тѣло его было похоронено близъ часовни.

Черезъ годъ послѣ смерти Савватія (1436) въ Поморье явился инокъ Зосима. Зосима былъ новгородецъ, родомъ изъ села Толвуя, близъ Онежскаго озера. Выучившись грамотѣ, Зосима полюбилъ чтеніе божественныхъ книгъ и сталъ размышлять объ иночествѣ. Онъ покинулъ домъ, облекся въ черное одѣяніе и сталъ, какъ отшельникъ, подвизаться въ одномъ пустынномъ мѣстѣ. Отсюда Зосима попалъ въ Поморье и встрѣтился съ Германомъ, который по смерти Савватія не рѣшился вернуться на островъ. Отъ Германа Зосима узналъ объ его жизни съ Савватіемъ на островѣ и уговорилъ его поѣхать съ нимъ туда. Германъ согласился. Они благополучно совершили переѣздъ и поселились на берегу острова въ кущѣ изъ древесныхъ листьевъ.

На слѣдующій день утромъ Зосима, выйдя изъ кущи, увидѣлъ необыкновенный свѣтъ, осіявшій окрестность, а на востокѣ, въ воздухѣ, великую церковь. Испуганный Зосима вернулся въ кущу и сообщилъ о видѣніи. Германъ вспомнилъ о случаѣ съ женой поселенца и разсказалъ его Зосимѣ. Сопоставивъ оба случая, Германъ и Зосима пришли къ заключенію, что это мѣсто предназначено для созданія монастыря. Помолившись Богу, они стали рубить лѣсъ, сдѣлали ограду и поставили кельи.

Много пришлось потрудиться Зосимѣ и Герману прежде, чѣмъ новый монастырь заселился иноками. Однажды Германъ поѣхалъ осенью на материкъ. Когда онъ собрался въ обратный путь, вдругъ разыгралась страшная буря. Доступъ къ острову прекратился, „бяху бо на мори льдове снѣжніи, естество водное неукротимо преходитъ сѣмо и овамо (туда и сюда), со

устремленіемъ быстрясь зѣло". Германъ долженъ былъ зимовать на берегу, а Зосима на всю зиму остался одинъ. Зима была продолжительная и суровая. Припасы, заготовленные лѣтомъ, истощились, и Зосимѣ грозила смерть отъ голода. Но Богъ не оставлялъ своего подвижника. Къ Зосимѣ пришли два незнакомца и передали ему запасъ хлѣба, муки и масла. Незнакомцы ушли и болѣе не возвращались.

Когда зима кончилась, пріѣхалъ Германъ, но не одинъ, а съ богатымъ рыбакомъ Маркомъ, который пожелалъ жить вмѣстѣ со старцами и впослѣдствіи постригся. Они привезли съ собой много запасовъ и сѣти для рыбной ловли. Вскорѣ на островъ стали пріѣзжать и другіе, желавшіе спасаться съ Германомъ и Зосимой. Для нуждъ новой обители былъ построенъ храмъ во имя Преображенья. Оставалось освятить храмъ и получить игумена. Для этого отправили въ Новгородъ къ архіепископу Іонѣ одного старца. Іона далъ въ игумены Соловецкаго монастыря іеромонаха Павла, который, пріѣхавъ на островъ, освятилъ храмъ.

Съ этого времени началась трудовая жизнь иноковъ, отдававшихся не только молитвѣ и посту, но и всякому рукодѣлію: они копали землю заступами, рубили и обтесывали лѣсъ для построекъ, кололи дрова, черпали воду изъ моря и вываривали изъ нея соль, которую продавали купцамъ, ловили рыбу.

Игуменъ Павелъ не вынесъ суровыхъ условій жизни на островѣ и вернулся обратно въ Новгородъ. То же самое произошло съ его преемникомъ, тоже посланнымъ изъ Новгорода. Тогда братія монастыря постановила выбрать игумена изъ своей среды. Выборъ палъ на Зосиму. Зосима отправился въ Новгородъ, гдѣ былъ рукоположенъ во священники и утвержденъ игуменомъ. Зосима вернулся обратно съ богатыми пожертвованіями изъ денегъ, одежды, сосудовъ и съѣстныхъ припасовъ.

Подъ управленіемъ Зосимы монастырь сталъ процвѣтать. Одно обстоятельство особенно содѣйствовало этому процвѣтанію. Зосима получилъ отъ игумена Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря слѣдующее посланіе: „Возлюбленному о Христѣ брату нашему, преподобному игумену Зосимѣ благодать и милость отъ Бога Отца и Господа нашего Іисуса Христа и со всею еже о Христѣ братіею радоватися. Слышали мы нѣкогда отъ приходящихъ страны вашей до насъ о островѣ томъ Соловецкомъ, что не

приближно было тамъ человѣкамъ прежде того по причинѣ морской скорби и нужды, а нынѣ, слышимъ, на томъ островѣ Божіемъ изволеніемъ и трудами вашими монастырь составился. Только единаго дара лишены вы. Первые труды положилъ тамъ преподобный старецъ Савватій, и потомъ скончался въ Поморьѣ и былъ погребенъ нѣкоторымъ новгородскимъ купцомъ, какъ идетъ о томъ слухъ въ Новѣгородѣ. А пишемъ къ вамъ о томъ потому, что и сами мы были свидѣтелями добродѣтельнаго его житія, ибо преподобный Савватій пребывалъ прежде въ дому Пресвятой Богородицы, въ Кирилловѣ монастырѣ. Итакъ, даемъ вашей святынѣ совѣтъ, да не лишены будете такого великаго дара: принесите со тщаніемъ мощи святаго и положите ихъ тамъ, гдѣ потрудился онъ много лѣтъ. Здравствуйте о Христѣ Іисусѣ въ вѣчную жизнь, и о насъ молитеся". Зосима съ братіей послѣдовали совѣту посланія. Снарядивъ корабль, иноки соловецкіе поѣхали къ Поморью. Мощи Савватія, найденныя нетлѣнными, были привезены на островъ и положены были въ особой часовнѣ. Многіе больные, приходившіе съ вѣрою къ мощамъ, стали получать исцѣленіе.

Процвѣтаніе Соловецкаго монастыря возбудило недоброжелательство въ обитателяхъ Поморья. Корелы, поселенцы и слуги мѣстныхъ бояръ приставали къ острову, ловили въ озерахъ рыбу и чинили всякія препятствія инокамъ, утверждая, что островъ по отчеству—наслѣдіе поморянъ и бояръ поморскихъ. Въ подымавшихся спорахъ пріѣзжіе обижали преподобнаго Зосиму и иноковъ досадными словами и причиняли имъ всякія непріятности, даже грозили разорить монастырь и прогнать иноковъ. Зосима рѣшилъ отправиться въ Новгородъ просить защиты у архіепископа Ѳеофила. Ѳеофилъ благосклонно принялъ Зосиму и посовѣтовалъ ему обойти сначала главныхъ бояръ, правившихъ въ то время Новгородскою землею, и изложить имъ свое дѣло. Всѣ знатные бояре обѣщали ему помощь. Отправился Зосима и къ нѣкоей боярынѣ Марѳѣ, отличавшейся богатствомъ и властью; но боярыня велѣла прогнать его отъ своего дома съ безчестіемъ. Зосима съ кротостью перенесъ это безчестіе и своимъ ученикамъ предрекъ о судьбѣ этого дома (§ 88). Между тѣмъ архіепископъ, убѣдившись въ добромъ расположеніи бояръ къ Зосимѣ, собралъ ихъ у себя, изложилъ отъ своего имени дѣло Зосимы и убѣдилъ ихъ оказать ему помощь. Посыпались отъ богатыхъ людей пожертвованія Зосимѣ на

нужды монастыря церковными сосудами, одеждами, золотомъ, серебромъ, хлѣбомъ. Сама Мароа раскаялась въ своемъ поступкѣ и пригласила его къ себѣ на обѣдъ. Здѣсь, за столомъ, Зосима видѣлъ свои страшныя видѣнія (§ 88). Послѣ обѣда Мароа просила у Зосимы прощенія, дала монастырю во владѣніе островъ и рыбныя ловли и утвердила это грамотой.

Достигнувъ старости и почувствовавъ приближеніе смерти, Зосима сталъ подготовляться къ ней. Онъ сдѣлалъ себѣ гробъ и часто смотрѣлъ на него со слезами, вспоминая о предстоящей смерти. Заболѣвъ, Зосима пригласилъ къ себѣ братію, далъ ей свои предсмертныя наставленія и назначилъ въ свои преемники инока Арсенія. Простившись съ братіей, Зосима помолился въ послѣдній разъ и предалъ свою душу Богу (1478).

Германъ, переживший Савватія, пережилъ и Зосиму. При преемникѣ Зосимы Арсеніи, Германъ по дѣламъ монастыря ѣздилъ въ Новгородъ. Здѣсь, въ обители Антонія Римлянина, онъ скончался.

„Соловецкій патерикъ“ интересенъ, какъ произведеніе, живо изображающее предпріимчивость и колонизаторскія стремленія сѣвернаго монашества, отражающее перекрещивавшіяся вліянія Новгорода (Зосима) и Москвы (Савватій) и формулировавшее устами Зосимы нравственный судъ соловецкихъ иноковъ надъ павшимъ Новгородомъ.

178. Митрополичьи лѣтописные своды. Съ начала XIV в. и до второй четверти XV в. при дворѣ митрополита составляется рядъ лѣтописныхъ сводовъ, въ которыхъ сосредоточиваются извѣстія о событіяхъ въ самыхъ разнообразныхъ частяхъ Руси. По приказу митрополита изъ всѣхъ епархій доставлялись ему копіи съ мѣстныхъ лѣтописей; эти копіи сопоставлялись другъ съ другомъ, и на ихъ основаніи составлялись обширные своды съ общерусскимъ содержаніемъ. Къ нимъ относятся слѣдующіе своды: 1) общерусскій лѣтописный сводъ, составленный въ 1305 г. при митрополитѣ Петрѣ, 2) „Лѣтописецъ великій русскій“, составленный въ 1390 г. при митрополитѣ Кипріанѣ и представляющій продолженіе перваго, 3) „Владимирскій полихронъ“, составленный въ 1423 г. при митрополитѣ Фотіи и представляющій продолженіе предыдущаго. Изъ этихъ сводовъ наиболѣе обширнымъ и полнымъ является „Владимирскій полихронъ“.

Въ составъ „Владимирскаго полихрона“ вошло множество

лѣтописей—южныхъ и сѣверныхъ, какъ, напр., „Южнорусскій лѣтописный сводъ“, однимъ изъ списковъ котораго является Ипатьевскій (кн. 1-ая, § 318), „Суздальская лѣтопись“ (кн. 1-ая, § 318), „Новгородскій владычный сводъ“, легшій въ основу лѣтописи Германа Вояты (кн. 1-ая, § 318), „Московская лѣтопись“ (§ 169) и др. Кромѣ лѣтописныхъ сводовъ, въ составъ „Владимирскаго полихрона“ вошли многія произведенія церковной литературы, грамоты и посланія, сказанія, повѣсти, произведенія устнаго творчества, какъ, напр., разсказы о богатыряхъ: объ Александрѣ Поповичѣ, Добрынѣ Рязаничѣ, Демьянѣ Куденевичѣ и о другихъ.

Особенностью „Владимирскаго полихрона“ является то, что въ немъ его составныя части сохранили свой мѣстный характеръ, мѣстные интересы, мѣстное освѣщеніе. Такъ, напр., въ немъ титулъ великаго князя носитъ не только московскій князь, но и князья нижегородскій, рязанскій, тверской, смоленскій; излагая исторію захвата Нижняго Новгорода Василіемъ I, сводъ выражаетъ сочувствіе пострадавшему нижегородскому князю Борису Константиновичу: очевидно, выраженіе такого сочувствія принадлежало пору нижегородскаго лѣтописца.

„Владимирскій полихронъ“ послужилъ главнымъ источникомъ, откуда почерпали свѣдѣнія позднѣйшіе лѣтописные своды, какъ, напр., „Новгородская четвертая лѣтопись“, „Первая Софійская лѣтопись“, „Вторая Софійская лѣтопись“, „Никоновскій сводъ“.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Устное церковное творчество.

179. Объ устномъ церковномъ творчествѣ. Къ устному церковному творчеству относятся лиро-эпическія или эпическія пѣсни, содержаніе которыхъ почерпнуто изъ церковныхъ произведеній. Эти пѣсни называются *духовными стихами*.

180. Духовные стихи, ихъ происхожденіе и судьба. Духовные стихи сложились подъ вліяніемъ: 1) церковнаго богослуженія, 2) чтенія житій въ монастыряхъ за трапезой и 3) апокрифическихъ сказаній.

1) Вліяніе церковнаго богослуженія. Церковное богослуженіе оказало вліяніе на составленіе духовныхъ стиховъ слѣдующими тремя своими элементами: а) пѣснями, б) чтеніями нараспѣвъ и в) проповѣдями.

а) Церковныя пѣсни. Церковныя пѣсни, входящія въ составъ православнаго богослуженія, отличаются глубиной чувства, высотой религіознаго порыва и замѣчательной поэзіей. Онѣ были сложены въ Византіи и къ намъ попали въ болгарскихъ переводахъ. Наиболѣе выдающимися творцами церковныхъ пѣсенъ были слѣдующія лица: Романъ Сладкопѣвецъ, Андрей Критскій, Іоаннъ Дамаскинъ и нѣкоторые иноки Студійскаго монастыря.

α) *Романъ Сладкопѣвецъ.* Романъ Сладкопѣвецъ (жилъ во второй половинѣ VI в.) — величайшій византійскій пѣснотворецъ. Онъ составлялъ кондаки, т.-е. гимны, содержащіе въ себѣ тему всего чинопослѣдованія въ честь даннаго святого или праздника. Преданіе приписываетъ Роману Сладкопѣвцу, между прочимъ, составленіе извѣстнаго кондака „Дѣва днесь", который поется на Рождество Христово.

β) *Андрей Критскій.* Андрей Критскій († ок. 720), архіепископъ критскій, былъ творцомъ каноновъ, т. е. особыхъ группъ богослужебныхъ пѣсенъ, объединенныхъ между собою единствомъ воспѣваемаго предмета (напр., прославленіе такого-то святого, воспоминаніе о такомъ-то евангельскомъ событіи) и въ полномъ видѣ состоящихъ изъ девяти пѣсенъ. Андрею Критскому принадлежитъ рядъ каноновъ на исходъ души, покаянный, на воскресеніе Лазаря и др. Особенно замѣчателенъ его „великій канонъ", состоящій изъ 250 строфъ (тропарей) и читающійся въ Великомъ посту два раза: по частямъ — на великомъ повечеріи въ первые четыре дня поста и весь — на утрени въ четвергъ на пятой недѣлѣ. „Великій канонъ" представляетъ изъ себя обзоръ лицъ и событій изъ ветхозавѣтной и новозавѣтной исторіи, имѣющій цѣлью примѣрами высокой святой жизни возбудить въ сердцахъ слушателя жажду спасенія, а примѣрами паденія вызвать въ немъ скорбь о грѣхахъ и породить надежду на спасеніе.

γ) *Іоаннъ Дамаскинъ.* Іоаннъ Дамаскинъ († ок. 777, см. кн. 1-ая, § 105), знаменитый богословъ, былъ въ то же время замѣчательнѣйшимъ пѣснотворцемъ. Онъ составилъ рядъ каноновъ Богородицѣ, въ честь пророковъ и апостоловъ, на

Господни праздники: на Рождество, на Богоявленіе, на Пасху, на Вознесеніе и т. д. Іоанну Дамаскину приписывается также составленіе богослужебной книги пѣсенъ, извѣстной подъ именемъ „Октоиха“ (т.-е. „осмигласника“). Эта книга упорядочила церковное пѣніе и установленіемъ осьми гласовъ придала ему извѣстное однообразіе и простоту.

б) Иноки Студійскаго монастыря. Въ IX в. выдающимися пѣснотворцами были слѣдующіе иноки Студійскаго монастыря (осн. въ 463 г.) въ Константинополѣ: 1) *Ѳеодоръ Студитъ* († 826), авторъ многочисленныхъ каноновъ: на мясопустную субботу, на мясопустную недѣлю, на сырную субботу, на третью недѣлю Великаго поста и пр.; 2) *Іосифъ Студитъ* († ок. 825), братъ Ѳеодора Студита, авторъ каноновъ на дни Великаго поста и, среди нихъ, канона на недѣлю Блуднаго сына; 3) *Ѳеофанъ Начертанный* († 843), авторъ многочисленныхъ каноновъ: на недѣлю Православія на утрени, на среду четвертой недѣли Великаго поста, на Лазареву субботу и др.

б) Церковное пѣніе нараспѣвъ. Кромѣ пѣсенъ, одной изъ важнѣйшихъ составныхъ частей богослуженія являются чтенія нараспѣвъ. На духовные стихи оказали вліяніе чтенія Евангелія и житій святыхъ.

Особенно важную роль въ созданіи нѣкоторыхъ духовныхъ стиховъ сыграли пѣсни и чтенія нараспѣвъ, пріуроченныя къ Великому посту отъ недѣли Мытаря и Фарисея до Пасхи, и пѣсни и чтенія нараспѣвъ, пріуроченныя къ подвижнымъ праздникамъ, отъ Пасхи до недѣли Всѣхъ святыхъ. Эти пѣсни и чтенія входятъ въ составъ особой богослужебной книги, называемой „*Тріодью*“ (по-русски „Трипѣсницы“ — названіе, данное потому, что въ нѣкоторые дни поются не полные каноны, а такіе, которые состоятъ чаще всего изъ трехъ пѣсенъ).

„Тріодь“ состоитъ изъ двухъ книгъ: изъ „Тріоди постной“ и „Тріоди цвѣтной“. Обѣ книги отличаются другъ отъ друга и по содержанію, и по выражаемому настроенію.

α) „Тріодь постная“. Эта книга содержитъ въ себѣ измѣняемыя молитвословія для дней подготовительныхъ къ Великому посту и для дней самого Великаго поста, кончая днями Страстной недѣли. Воспоминанія „Тріоди постной“ касаются сотворенія міра и человѣка, блаженнаго состоянія первыхъ людей, ихъ грѣхопаденія, изгнанія изъ рая и пришествія на землю Сына Божія для спасенія человѣка. Этими

воспоминаніями „Тріодь постная“ имѣетъ цѣлью показать молящимся начало грѣха, возбудить въ нихъ покаянное настроеніе и расположить къ посту.

Составъ „Тріоди постной“ очень сложный. Въ нее входятъ: 1) пѣсни такихъ пѣснотворцевъ, какъ Андрей Критскій, Іоаннъ Дамаскинъ, Ѳеодоръ и Іосифъ Студиты и др.; 2) чтенія паремій, извлеченныхъ главнымъ образомъ изъ библейскихъ книгъ Бытіе, Притчи и Исаіи; 3) житіе Маріи Египетской, составленное Софроніемъ, патріархомъ іерусалимскимъ, 4) слово о житіи Маріи Египетской, 5) синаксари (житія святыхъ, кн. 1-я, § 92): въ недѣлю св. отецъ, въ недѣлю Блуднаго сына, въ субботу мясопустную, въ недѣлю мясопустную, въ субботу сыропустную, въ субботу первой недѣли Великаго поста, въ недѣлю Православія, въ Крестопоклонную недѣлю.

β) *„Тріодь цвѣтная“*. Эта книга содержитъ послѣдованіе для дней пятидесятницы, отъ Пасхи до недѣли Всѣхъ святыхъ. Воспоминанія „Тріоди цвѣтной“ касаются трехъ важнѣйшихъ событій: воскресенія Христова, вознесенія и сошествія св. Духа на апостоловъ. Цѣль этихъ воспоминаній — прославленіе Христа по случаю исполненія радостныхъ обѣтованій объ избавленіи людей отъ грѣха, проклятія и смерти.

Въ составъ „Тріоди цвѣтной“ входятъ: 1) пѣсни, принадлежащія многимъ авторамъ, изъ которыхъ знаменитѣйшимъ является Іоаннъ Дамаскинъ; 2) чтенія изъ библейскихъ книгъ: Бытіе, Притчи, Іезекіиля, Исходъ, Іова, Іереміи, Исаіи и др.; 3) синаксари въ Лазареву субботу, въ недѣлю цвѣтоносную, въ св. Пасху, въ недѣли — Ѳомину, Мироносицъ, Разслабленнаго, въ Вознесеніе, въ недѣлю богоносныхъ отецъ, иже въ Никеѣ, и въ Пятидесятницу и др.

в) *Проповѣди*. Большое вліяніе на духовные стихи оказали проповѣди, которыя читались (вѣроятно, также нараспѣвъ) по сборникамъ проповѣдей. Изъ такихъ сборниковъ наиболѣе популярными были слѣдующіе: 1) *„Паренесисъ“* Ефрема Сирина (кн. 1-ая, § 100); слова изъ этого сборника читались преимущественно въ Великомъ посту; 2) *„Учительное Евангеліе“* Константина Пресвитера (кн. 1-ая, § 101); 3) *„Златоустъ“* (кн. 1-ая, § 101), сборникъ словъ и поученій, извлеченныхъ преимущественно изъ сочиненій Іоанна Златоуста и расположенныхъ по недѣлямъ, начиная съ недѣли Мытаря и Фарисея и кончая недѣлей Всѣхъ святыхъ; 4) *„Златая Матица“*,

сборникъ словъ и поученій, заимствованныхъ преимущественно изъ произведеній Іоанна Златоуста; 5) „*Торжественникъ*“ (кн. 1-ая, § 92), древнерусскій сборникъ житій святыхъ (синаксарей), сказаній о церковныхъ праздникахъ („торжествахъ“) и проповѣдей, среди которыхъ встрѣчаются проповѣди Кирилла Туровскаго и Григорія Цамблака; подобно „Тріоди“ „Торжественникъ“ былъ двухъ родовъ: „постный“, въ которомъ житія, сказанія и проповѣди распредѣлены на дни, начиная съ недѣли Мытаря и Фарисея до Пасхи, и „пятидесятный“, въ которомъ матеріалъ распредѣленъ по днямъ, начиная съ Пасхи и кончая недѣлей Всѣхъ святыхъ.

Многія проповѣди, входящія въ эти сборники, отличаются картинностью содержанія и глубокимъ лирическимъ воодушевленіемъ.

2) Чтеніе житій въ монастыряхъ за трапезой. Въ монастыряхъ существовалъ обычай, состоявшій въ томъ, что за трапезой одинъ изъ братіи читалъ житіе какого-либо изъ святыхъ. Чѣмъ чаще такое житіе читалось, тѣмъ лучше оно запоминалось. Нѣкоторые духовные стихи должны были создаться подъ вліяніемъ такого чтенія.

3) Вліяніе апокрифическихъ сказаній. Многіе духовные стихи сложились подъ вліяніемъ апокрифическихъ сказаній. Съ этими сказаніями авторы духовныхъ стиховъ знакомились обыкновенно путемъ чтенія. Не мало апокрифическихъ сказаній перешло въ духовные стихи благодаря паломничеству, „каличеству“. Ознакомляясь съ достопримѣчательностями св. земель, калики слышали изъ устъ своихъ „вожей“ и апокрифическія сказанія, связанныя съ этими достопримѣчательностями.

Таковы главные источники, откуда духовные стихи почерпали свое содержаніе.

Въ своемъ развитіи духовные стихи прошли нѣсколько ступеней.

Первоначально духовный стихъ представлялъ изъ себя буквальное воспроизведеніе опредѣленной церковной пѣсни, опредѣленнаго церковнаго чтенія нараспѣвъ, опредѣленной церковной проповѣди, опредѣленнаго житія, и отличался отъ послѣднихъ только тѣмъ, что его пѣли не въ церкви и не за монастырской трапезой, а внѣ ихъ, для себя: въ свободное время, во время какой нибудь работы, во время путешествія, особенно во время путешествія въ св. земли.

Это — *первая* ступень въ исторіи духовнаго стиха.

Вторая ступень состоитъ въ томъ, что на пѣсенный мотивъ данной церковной пѣсни, даннаго чтенія и данной проповѣди начинаютъ пѣть для себя то или другое житіе или апокрифическое сказаніе, съ которыми ознакомлялись внѣ церкви и монастырской трапезы.

Третья ступень состоитъ въ томъ, что церковная пѣсня, церковное чтеніе нараспѣвъ и церковная проповѣдь, поющіяся внѣ церкви, подвергаются измѣненіямъ двоякаго рода: 1) измѣненію деталей содержанія подъ вліяніемъ другихъ церковныхъ произведеній и 2) измѣненію словеснаго выраженія, въ цѣляхъ музыкально-поэтическихъ. На этой ступени развитія церковное пѣніе, церковное чтеніе нараспѣвъ, церковная проповѣдь, житіе, читаемое въ монастырѣ за трапезой, апокрифическое сказаніе и т. д.—превращаются собственно въ духовный стихъ.

Авторами духовныхъ стиховъ были тѣ лица, которыя чаще всего пѣли церковныя пѣсни, чтенія и проповѣди, т.-е. лица духовныя, преимущественно монахи, которые ежедневно по нѣскольку разъ присутствовали на богослуженіи въ монастырской церкви, принимали дѣятельное участіе въ церковномъ пѣніи и естественно запоминали наиболѣе глубокія пѣсни и поэтичныя сказанія, особенно тѣ, которыя связаны были съ Великимъ постомъ и подвижными праздниками отъ Пасхи до недѣли Всѣхъ святыхъ. Кромѣ духовныхъ лицъ и монаховъ авторами духовныхъ стиховъ могли быть и свѣтскія лица, которыя, подобно Владиміру М., знали на память кругъ богослужебныхъ пѣсенъ и чтеній въ Великомъ посту, какъ это видно изъ его „Поученія“ (кн. 1-ая, §§ 238, 240), или, подобно Василію Буслаевичу, превосходно усваивали церковное „пѣтье“ (§ 55). Эти лица принадлежали къ княжеско-дружинной средѣ, къ той средѣ, для которой церковное богослуженіе было существеннымъ элементомъ житейскаго обихода. Древнерусскіе монахи по своему происхожденію также принадлежали большею частью къ княжеско-дружинному классу населенія. Изъ этого видно, что духовные стихи зародились и развились въ аристократической средѣ, въ той средѣ, которая была наиболѣе образована, которая хорошо знала церковное богослуженіе и вообще была знакома съ церковными произведеніями *).

*) Читателю, еще не успѣвшему отрѣшиться отъ народнической миѳологіи и все еще готовому вслѣдъ за Безсоновымъ утверждать, что ду-

Зародившись въ княжеско-дружинной средѣ, духовной и свѣтской, духовные стихи становятся постепенно достояніемъ *каликъ*.

Калики, какъ особый классъ населенія, пережили въ своей исторіи два періода.

Въ древнѣйшемъ періодѣ каликами были свѣтскія и духовныя лица изъ княжеско-дружиннаго класса населенія, предпринимавшія путешествія во св. земли вмѣстѣ со своими дружинами и слугами. Это были люди, подобные игумену Даніилу или Василію Буслаевичу, люди богатые, сильные тѣ-

---

ховный стихъ „сложенъ цѣлымъ народомъ подъ паптіемъ религіознаго творчества, творчества вѣры", — такому читателю предлагаю вспомнить исторію появленія и распространенія на Руси христіанства.

Христіанство прежде всего появилось въ русской княжеско-дружинной средѣ, какъ результатъ мирныхъ сношеній и военныхъ столкновеній между этой средой и Византіей. Объявивъ византійское христіанство государственной религіей, кіевское правительство заставило креститься простонародіе городовъ, причемъ пришлось кое-гдѣ прибѣгнуть къ силѣ оружія. Я подчеркиваю: *простонародіе городовъ*. Но городское простонародіе — лишь небольшой процентъ всего простонародія, жившаго и живущаго въ деревняхъ. Разбросанное на огромной территоріи по непроходимымъ лѣсамъ, затерянное среди болотъ, отрѣзанное отъ крупныхъ центровъ отсутствіемъ путей сообщенія, громадное большинство простонародія даже и насильственно не было крещено. Лишь небольшая часть сельскаго простонародія, нѣсколько вѣковъ спустя послѣ принятія христіанства правящей средой, впервые увидѣла христіанскаго священника и монаха, — увидѣла ихъ въ сосѣдней княжеско-боярской вотчинѣ или въ сосѣднемъ монастырѣ, и съ этого времени стала воспринимать кое-какіе обрывки христіанской религіи. Остальная масса долго еще пребывала въ язычествѣ, вѣроятно, не подозрѣвая о существованіи на Руси христіанства. Доказательствомъ того, что народная масса нѣсколько вѣковъ оставалась внѣ активнаго вліянія христіанства, можетъ служить, помимо исторіи появленія и распространенія христіанства на Руси, и тотъ фактъ, что языческія понятія и представленія сохранились въ этой массѣ до настоящаго времени. Не далѣе, какъ въ срединѣ XVIII в., правительству пришлось воспретить празднества въ честь Ярилы, и притомъ гдѣ? Не въ деревняхъ, а въ городѣ Воронежѣ (кн. 1-ая, § 22)!

Изъ этого ясно, что „цѣлый народъ", подъ которымъ народники и славянофилы разумѣютъ по преимуществу простонародіе, не могъ быть творцомъ духовныхъ стиховъ, какъ этотъ же „народъ" не былъ творцомъ и былинъ (кн. 1-ая, §§ 165—169, 174, 175).

О нелѣпости, заключающейся въ понятіи „народное творчество", см. нѣкоторыя основательныя и, къ сожалѣнію, забываемыя соображенія у Вс. Миллера, въ статьѣ „Русская былина, ея слагатели и исполнители" („Очерки народной словесности". М. 1897).

ломъ и духомъ, смѣлые и отважные, не боявшіеся опасностей далекаго пути.

Позднѣе образуется особая группа каликъ, принадлежавшихъ къ низшимъ классамъ населенія и выдѣлившихся первоначально изъ слугъ знатныхъ каликъ. Численность новыхъ каликъ быстро увеличивается и беретъ перевѣсъ надъ каликами-аристократами. Мало-по-малу соціальный составъ класса каликъ существенно измѣняется и становится демократическимъ. Соотвѣтственно этому существенно измѣняется и характеръ „каличества“: каличество уже состоитъ не въ паломничествѣ во св. мѣста, а въ простомъ странничествѣ изъ города въ городъ, изъ села въ село,—въ странничествѣ, сдѣлавшемся профессіей бѣдныхъ и особенно убогихъ людей, снискивающихъ себѣ пропитаніе у гостепріимныхъ хозяевъ; терминъ „калика“ теряетъ свое древнее значеніе и начинаетъ обозначать человѣка убогаго, искалѣченнаго, „калѣку“ въ нынѣшнемъ смыслѣ слова, живущаго подаяніемъ.

Благодаря тѣсной связи, существовавшей первоначально между каликами-аристократами и ихъ слугами, репертуаръ духовныхъ стиховъ отъ первыхъ перешелъ къ послѣднимъ, а отъ послѣднихъ вообще къ каликамъ изъ низшихъ классовъ. Здѣсь, въ этой новой средѣ, духовные стихи подвергаются крупнымъ измѣненіямъ: одни изъ этихъ измѣненій сводятся къ искаженіямъ книжной основы духовныхъ стиховъ; другія, болѣе важныя, заключаются въ переработкѣ отдѣльныхъ эпизодовъ въ духовныхъ стихахъ и даже цѣлыхъ стиховъ на демократическій ладъ.

Это—*четвертая* ступень въ развитіи духовнаго стиха.

Позднѣе (въ XVI в. и, во всякомъ случаѣ, не позже половины XVII в.) происходитъ сближеніе между каликами и скоморохами: калики заимствуютъ у скомороховъ былины, а скоморохи заимствуютъ у каликъ духовные стихи. Это ведетъ къ взаимодѣйствію между духовными стихами и былинами: нѣкоторые эпизоды изъ духовныхъ стиховъ переносятся въ былины и наоборотъ; духовные стихи начинаютъ пѣть на былинные мотивы и т. д.

Духовные стихи до настоящаго времени сохраняются и поются каликами-нищими.

181. Дѣленіе духовныхъ стиховъ. Духовные стихи дѣлятся на слѣдующіе разряды: 1) стихи о каличествѣ, 2)

стихи о ветхозавѣтныхъ лицахъ, 3) стихи на новозавѣтныя темы, 4) стихи на особые дни и праздники и 5) стихи о святыхъ

Стихи о каличествѣ.

182. **Стихи о каличествѣ.** Къ духовнымъ стихамъ о каличествѣ относятся: 1) стихъ подъ заглавіемъ „Сорокъ каликъ съ каликою“ и 2) стихъ „О Вознесеніи Христовѣ“.

183. **„Сорокъ каликъ съ каликою“.** Изъ Ефимьевой пустыни, изъ монастыря Боголюбова стали калики снаряжаться къ Іерусалиму,—„святой святыни помолитися, Господню гробу приложитися, во Ердань-рѣкѣ искупатися, нетлѣнной ризой утеретися“. Было ихъ сорокъ каликъ съ каликою. Лапотки на ногахъ у нихъ—шелковые, сумочки—изъ чернаго бархата; въ рукахъ у нихъ—клюки изъ рыбьей кости, а на головахъ—шляпы земли Греческой. Выбрали калики себѣ атаманомъ Касьяна Михайловича, а податаманомъ его брата Михаила Михайловича. Касьянъ кладетъ на всѣхъ дородныхъ молодцевъ великую заповѣдь: если кто изъ молодцевъ по дорогѣ украдетъ что-нибудь или солжетъ, или совершитъ какой-либо другой грѣхъ, того оставить въ чистомъ полѣ и окопать его по плечи въ землю. Въ соблюденіи заповѣди калики подписались и двинулись въ путь.

Приблизившись къ Кіеву, калики встрѣтили князя Владимира, который ѣхалъ на охоту. Калики становились „во единый кругъ“, уткнули въ землю свои посохи, повѣсили на нихъ свои сумочки и зычнымъ голосомъ привѣтствовали князя: дрогнула матушка сыра-земля, съ деревъ вершины попадали, подъ княземъ конь окарачился, богатыри съ коней попадали. Стали калики просить у Владимира святой милостыни. Владиміръ велѣлъ имъ идти въ Кіевъ къ княгинѣ Апраксѣевнѣ, которая ихъ напоитъ, накормитъ и надѣлитъ на дорогу золотомъ и серебромъ.

Явившись на княжескій дворъ, калики зычнымъ голосомъ привѣтствовали княгиню: съ теремовъ верхи повалились, съ горницъ охлопья попадали, въ погребахъ питья всколебались. Княгиня зоветъ каликъ въ гридню и угощаетъ ихъ. По окончаніи пира калики ждутъ, чтобы княгиня надѣлила ихъ на дорогу золотомъ и серебромъ. Но у княгини не то было въ

умѣ, не то было въ разумѣ: ей понравился Касьянъ (или, по другимъ стихамъ,—Михаилъ). Она посылаетъ Алешу Поповича, чтобы онъ уговорилъ каликъ остаться еще и пригласилъ Касьяна къ ней на долгіе вечера сидѣть, забавныя рѣчи говорить. Отказалъ Касьянъ княгинѣ, и княгиня разсердилась на это. Она велѣла Алешѣ потихонку сунуть въ сумку Касьяна серебряную чарочку, изъ которой пьетъ князь. Калики, не получивъ ничего отъ княгини на дорогу, двинулись въ путь.

По дорогѣ нагоняетъ каликъ Добрыня, который сообщаетъ, Касьяну, что какой-то изъ каликъ укралъ серебряную чарочку. Стали калики другъ друга обыскивать: чарочка нашлась въ сумкѣ Касьяна. Закопали калики Касьяна въ землю по плечъ и пошли дальше.

Побывавъ въ Іерусалимѣ и помолившись Богу, калики пустились въ обратный путь. Прошло уже полгода съ начала ихъ путешествія. Приближаясь къ Кіеву, они услышали голосъ Касьяна. Они подошли къ тому мѣсту, гдѣ закопали Касьяна: видятъ—Касьянъ живъ. Выскочилъ Касьянъ изъ земли, а молодцы его дивятся на него.

Явившись въ Кіевъ, калики просятся къ Владиміру на обѣдъ. Касьянъ спрашиваетъ у Владиміра о здоровьѣ княгини. Князь сообщаетъ, что княгиня уже полгода во гноищѣ лежитъ. Касьянъ съ княземъ входитъ къ княгинѣ, дуетъ на нее святымъ духомъ и ограждаетъ святою рукой. Княгиня исцѣлилась.

Угостившись, калики вернулись къ своему монастырю.

184. Комментаріи къ стиху „Сорокъ каликъ съ каликою“. Въ основу стиха „Сорокъ каликъ съ каликою“ легли, съ одной стороны, разсказы о дѣйствительно предпринятомъ путешествіи въ Іерусалимъ, а съ другой — библейско-апокрифическія сказанія.

Въ одномъ лѣтописномъ отрывкѣ, излагающемъ извѣстія о событіяхъ, происшедшихъ въ 1163, 1329 и нѣкоторыхъ другихъ годахъ въ Новгородѣ и Торжкѣ, и извлеченномъ, повидимому, изъ лѣтописи, которая велась въ Торжкѣ при Спасо-Преображенской церкви, разсказывается слѣдующее. При новгородскомъ арх. Іоаннѣ-Ильѣ (кн. 1-ая, § 293) и кіевскомъ князѣ Ростиславѣ Мстиславичѣ († 1168) изъ Новгорода отъ св. Софіи отправились въ Іерусалимъ 40 мужей-каликъ. Взявъ въ св. мѣстахъ мощи и благословеніе у патріарха, они вер-

нулись обратно. Мощи они роздали въ разныхъ городахъ храмамъ. Между прочимъ, въ Торжкѣ они, кромѣ мощей храму св. Спаса, подарили 12 мужамъ-притворянамъ (т.-е. стоящимъ въ притворѣ храма бѣднымъ)—„копкарь“, т.-е. ковшъ, чашу. Судьба этого „копкаря“ была такова. Въ 1329 г. Иванъ Калита, по дорогѣ къ Новгороду, остановился въ Торжкѣ и устроилъ пиръ. На пиръ явились съ чашей 12 мужей-притворянъ св. Спаса и воскликнули: „Богъ дай много лѣта великому князю Ивану Даниловичу всея Руси. Напой, накорми нищихъ своихъ!“ Узнавъ, что чаша была получена притворянами отъ 40 каликъ, ходившихъ въ Іерусалимъ, Иванъ взялъ у нихъ ее, далъ имъ „гривну новую вклада“ и сказалъ: „А ходите ко мнѣ во всякую недѣлю и емлите у мене двѣ чаши пива, третюю меду“.

Изъ этого полуисторическаго, полулегендарнаго разсказа видно, что сохранились воспоминанія о какомъ-то путешествіи изъ Новгорода 40 мужей-каликъ въ Іерусалимъ и о чашѣ, которую они подарили мужамъ-притворянамъ и которая попала къ князю Ивану Калитѣ, за что Иванъ, замѣнившій собою, повидимому, Владимира Красное Солнышко, щедро поилъ и кормилъ мужей-притворянъ.

Чаша, фигурирующая въ этихъ воспоминаніяхъ, напомнила авторамъ духовныхъ стиховъ исторію Іосифа, его братьевъ и жены Пентефрія, и они пріурочили эту исторію къ хожденію въ Іерусалимъ сорока каликъ.

Имя Михаилъ могло попасть въ стихъ изъ житія св. Михаила Черноризца (IX в.), о которомъ разсказывается слѣдующее. Михаилъ былъ родомъ изъ г. Эдессы. По смерти родителей онъ роздалъ имѣніе нищимъ, отправился паломникомъ въ Іерусалимъ и здѣсь постригся въ монастырѣ св. Саввы. Однажды Михаила отпустили въ Іерусалимъ продать изготовленные имъ красные сосуды. Съ нимъ встрѣтился евнухъ царицы Сѣиды, который привелъ его къ ней. Царица поразилась красотой Михаила и стала соблазнять его. Михаилъ не поддавался. Царица велѣла избить его палками и отослала къ царю, которому велѣла сказать, что Михаилъ нанесъ ей оскорбленіе. Царь, испытавъ Михаила, велѣлъ развязать его и сталъ уговаривать принять „вѣру Бахмичу“ (магометанскую). Михаилъ отказался. Разгнѣванный царь велѣлъ отрубить Михаилу голову.

Съ житіемъ Михаила Черноризца авторы стиха могли ознакомиться во время путешествій въ Іерусалимъ.

Имя другого дѣйствующаго лица, Касьяна, могло быть навѣяно преданіями объ игуменѣ Спасо-Каменнаго монастыря (§ 174) Касьянѣ, совершившемъ паломничество въ Царьградъ.

На стихъ о сорока каликахъ повліялъ также кіевскій богатырскій эпосъ. Этимъ объясняется то, что въ стихѣ выставлены князь Владиміръ, его супруга, Алеша и Добрыня.

Въ стихѣ „Сорокъ каликъ съ каликою“ отразилось по преимуществу древнее калічество: калики представлены такими молодцами, что отъ ихъ зычныхъ привѣтствій содрогается земля и всѣ предметы валятся; у нихъ — богатый каличій костюмъ, изобличающій принадлежность къ высшему классу населенія; они совершаютъ путешествіе дружиной, съ атаманомъ во главѣ; въ пути они руководятся строгими нравственными правилами, нарушеніе которыхъ влечетъ тяжкое наказаніе. Въ одномъ варіантѣ стиха калики прямо являются богатырями, съѣхавшимися на полѣ и рѣшившими отправиться въ Іерусалимъ по той же причинѣ, какъ и Василій Буслаевичъ (§ 55), потому что они „убили много буйныхъ головушекъ понапрасно вѣдь, а пролили крови да горючіей“.

Стихъ „Сорокъ каликъ съ каликою“ сложился въ Новгородско-Псковской Руси, какъ это можно думать на основаніи преданія о сорока новгородскихъ мужахъ-каликахъ.

185. „О Вознесеніи Христовѣ“. Наканунѣ Вознесенія Христова расплакалась нищая братія: „Гой еси, Христосъ, Царь Небесный! На кого-то ты насъ оставляешь? Кто насъ поить-кормить станетъ, одѣвати станетъ, обувати, отъ темныя ночи охраняти?“ Христосъ обѣщалъ дать нищимъ гору крутую, золотую. Іоаннъ Златоустій (по другимъ варіантамъ — Іоаннъ Богословъ) проситъ Христа не давать нищимъ золотой горы: „Зазнаютъ гору князи и бояра, зазнаютъ гору пастыри и власти, зазнаютъ гору торговые гости; отоймутъ у нихъ гору крутую, отоймутъ у нихъ гору золотую: по себѣ они гору раздѣлятъ, по князьямъ золотую разверстаютъ, да нищую братью не допустятъ; много будетъ у нихъ убійства, много у нихъ будетъ кроволитства, да нечѣмъ будетъ нищимъ питатися, да нечѣмъ имъ пріодѣтися и отъ темныя ночи пріукрытися“. Іоаннъ совѣтуетъ Христу дать нищимъ-убогимъ Свое имя святое: будутъ нищіе по міру ходить, величать Христа, каждый

часъ прославлять Его, и будутъ сыты и довольны. За такой совѣтъ Христосъ далъ Іоанну золотыя уста.

Сюжетъ этого стиха навѣянъ сказаніями о Вознесеніи Христа, въ родѣ того сказанія, которое было такъ поэтически переработано Кирилломъ Туровскимъ въ его „Словѣ на Вознесеніе“ (кн. 1-ая, § 289) и въ которомъ повѣствуется о томъ, какъ передъ Вознесеніемъ собрались всѣ „чины святыхъ“: „праотечестіи собори, патріаршеское множество, пророчестіи полци, апостольстіи ликове и вѣрныхъ толпы съ семьдесятными Христовы апостолы“; апостольскій ликъ, взирая на Христа, обратился къ нему съ „жалостною“ мольбою: „Владыко! Не остави насъ, сиръ (сиротъ), ихъ же волею возлюбилъ еси, яко милостивъ, по посли, яко же обѣщалъ еси намъ, Пресвятый Духъ“. Попавъ къ каликамъ изъ низшихъ классовъ, сюжетъ о Вознесеніи подвергся коренной передѣлкѣ, съ демократической точки зрѣнія. „Апостольскіе лики“ и „толпы вѣрныхъ“ въ стихѣ превратились въ нищую братію. Содержаніе рѣчей измѣнилось. Іоаннъ, устами котораго говоритъ нищая братія, выражаетъ въ своей рѣчи увѣренность въ томъ, что, если бы бѣдные получили золотую гору, ее немедленно отняли бы у нихъ представители властвующихъ классовъ: аристократія, духовная и свѣтская, и купечество. За свою рѣчь Іоаннъ получилъ „золотыя уста“.

Стихи о ветхозавѣтныхъ лицахъ.

186. Стихи о ветхозавѣтныхъ лицахъ. Къ стихамъ о ветхозавѣтныхъ лицахъ относятся слѣдующіе: 1) „Плачъ Адама“, 2) „Объ Іосифѣ Прекрасномъ“ и 3) „О Голубиной книгѣ“.

187. „Плачъ Адама“. „Плачъ Адама“ встрѣчается въ нѣсколькихъ редакціяхъ, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательны двѣ.

Въ *первой* редакціи стихъ отличается краткостью. Содержаніе его таково. Адамъ сидитъ передъ раемъ и плачетъ такъ: „Раю мой, раю, прекрасный мой раю! Мене бо ради, раю, сотворенъ бысть, Евы ради заключенъ бысть. Увы, увы и мнѣ грѣшну, увы, увы и беззаконну! Согрѣшихъ, Господи, согрѣшихъ и беззаконовахъ! Уже азъ не вижу райскія пищи, уже не слышу архангельска гласа! Согрѣшихъ, Господи, согрѣшихъ! Боже милостиве, помилуй мя, падшаго!“

Стихъ въ только что приведенной редакціи представляетъ воспроизведеніе плача Адама, который находится въ канонѣ, составленномъ Іосифомъ Студитомъ. Этотъ канонъ пѣлся въ понедѣльникъ на первой недѣлѣ Великаго поста, когда церковь вспоминаетъ о грѣхопаденіи Адама и Евы. Канонъ Іосифа былъ очень популяренъ. Изъ него плачъ Адама попалъ въ апокрифъ „О исповѣданіи Евинѣ“ (кн. 1-ая, § 62). Этотъ же плачъ цитируется арх. Василіемъ въ его „Посланіи о земномъ раѣ“ (§ 75).

Вторая редакція стиха—болѣе пространная. Въ началѣ ея воспроизводится въ переработанномъ видѣ плачъ Адама; далѣе слѣдуетъ рѣчь Евы къ Адаму, въ которой Ева говоритъ, что Богъ не велѣлъ имъ жить въ раю и послалъ ихъ на „трудную“ землю хлѣба снѣдати отъ потнаго лица „и правдою жити, а зла не творити“. Послѣ рѣчи Евы авторъ второй редакціи выражаетъ мысль о спасеніи человѣка: „Господь породился, Адамъ свободился, въ Іорданѣ крестился,—весь міръ обновился“. Авторъ приглашаетъ „друзей-братьевъ“ прибѣгнуть къ церкви, послушать „Божья писанія“: „Богъ насъ наказуетъ щедротъ своихъ ради, чтобы мы не впали въ превѣчную муку“. Воззримъ,—говоритъ авторъ,—на дубовые гробы, „превѣчные домы“: „Житіе—временное, слава—суетная, богатство—слава, убожество—слезы... Какъ будемъ мертвы, прижмемъ руцѣ къ сердцу: богатство наше кому ся останетъ?“ Въ концѣ стиха авторъ приглашаетъ друзей-братьевъ покаяться.

188. „Объ Іосифѣ Прекрасномъ“. Въ этомъ стихѣ воспроизводится исторія Іосифа, начиная съ его продажи братьями и кончая свиданіемъ съ братьями и отцомъ. Въ стихѣ замѣчательны два эпизода: плачъ Іосифа на могилѣ матери и сцена встрѣчи Іосифа съ отцомъ.

Купцы, которымъ былъ проданъ Іосифъ, проѣзжали мимо того мѣста, гдѣ находилась могила Рахили, матери Іосифа. Іосифъ проситъ купцовъ позволить ему помолиться надъ могилой матери. Надъ могилой матери Іосифъ изливаетъ свое горе въ пѣснѣ: „Кому повѣмъ печаль мою, — плакалъ Іосифъ, — кого призову къ рыданію?... Токмо тебѣ, Владыка мой, создателю, и всѣхъ благихъ подателю! И кто бы далъ мнѣ источникъ слезъ, плакалъ бы я и день и нощь, сталъ бы просить о милости отъ всей своей крѣпости. И кто бы далъ мнѣ голубицу, вѣщающу отцу моему Израилю? Отче, отче Іакове! Про-

лей слезы ко Господу о своемъ сынѣ Іосифѣ: твои дѣти, моя братія продала мя въ ину землю, въ ину землю Египетску чужимъ людямъ египетскимъ". Этого плача нѣтъ въ Библіи: онъ заимствованъ составителями духовныхъ стиховъ изъ поученія Ефрема Сирина (кн. 1-ая, § 100) „О прекрасномъ Іосифѣ" (въ „Паренесисѣ"), которое читалось на Страстной недѣлѣ въ понедѣльникъ, посвященный церковью памяти Іосифа.

Іосифъ передъ свиданіемъ со своимъ слѣпымъ уже отцомъ велѣлъ вбить въ землю толстый столбъ и обить его бархатомъ. Онъ велѣлъ привести Іакова къ столбу, а самъ сталъ за столбомъ и оттуда привѣтствовалъ отца. Іаковъ обнялъ столбъ съ такою силою, что изъ него съ обѣихъ сторонъ выступилъ сокъ. Іосифъ сказалъ отцу, что онъ обнялъ столбъ. Отецъ поблагодарилъ сына за предусмотрительность: „Спасибо, любезное мое чадо, что ты не шелъ теперь ко мнѣ въ руки: зажалъ бы съ тоски тебя до смерти". Эта сцена свиданія навѣяна сказками, въ которыхъ изображается, какъ слѣпому богатырю вмѣсто руки подаютъ кусокъ желѣза, или какъ сильное существо сжимаетъ камень съ такою силою, что изъ него выходитъ вода.

189. Стихъ „О Голубиной книгѣ". Стихъ „О Голубиной книгѣ" распадается на три части: 1) вступленіе, 2) бесѣда Волота съ Давидомъ и 3) сонъ Волота.

1) **Вступленіе.** Восходила туча грозная, выпадала книга Голубиная на Ѳаворъ-гору, къ чудному кресту животворящему, къ Латырю бѣлому камню, къ честной главѣ Адамовой. Книга—не малая и не великая: въ длину книга—сорока саженъ, въ ширину двадцать саженъ. Къ книгѣ сходились сорокъ царей, сорокъ князей, сорокъ поповъ, сорокъ діаконовъ и много мелкихъ людей. Никто къ книгѣ не можетъ приступиться. Подходитъ къ книгѣ мудрый царь Давидъ Евсеевичъ: передъ нимъ книга разгибается; ему все божественное писаніе разъясняется.

2) **Бесѣда Волота съ Давидомъ.** Къ Давиду подходитъ Волотъ Волотовичъ, который проситъ его прочесть выпавшую книгу и отвѣтить ему на цѣлый рядъ вопросовъ о происхожденіи міра и его явленій: „Отъ чего у насъ начался бѣлый вольный свѣтъ? Отъ чего у насъ солнце красное? Отъ чего у насъ младъ свѣтелъ мѣсяцъ? Отъ чего у насъ звѣзды частыя? Отъ чего у насъ ночи темныя? Отъ чего у насъ зори

утренни? Отъ чего у насъ вѣтры буйные? Отъ чего у насъ дробенъ дождикъ? Отъ чего у насъ умъ-разумъ? Отъ чего наши помыслы? Отъ чего у насъ міръ-народъ? Отъ чего у насъ кости крѣпкія? Отъ чего тѣлеса наши? Отъ чего кровь-руда наша?"

Давидъ отвѣтилъ Волоту, что не можетъ онъ прочесть книгу: „Эта книга—не малая, эта книга—великая. На рукахъ держать—не сдержать будетъ; на налой положить Божій—не уляжется". Давидъ берется отвѣчать на вопросы Волота по своей памяти.

„У насъ,—объясняетъ Давидъ,—вольный свѣтъ зачался отъ суда Божія, солнце красное отъ лица Божьяго, самого Христа Царя Небеснаго, младъ-свѣтелъ мѣсяцъ—отъ грудей Его, звѣзды частыя—отъ ризъ Божіихъ, ночи темныя—отъ думъ Господнихъ, зори утренни—отъ очей Господнихъ, вѣтры буйные—отъ Свята Духа; у насъ умъ-разумъ—самого Христа, самого Христа, Царя Небеснаго; наши помыслы—отъ облацъ небесныхъ; у насъ міръ-народъ—отъ Адамія, кости крѣпкія—отъ камени, тѣлеса наши—отъ сырой земли, кровь-руда наша—отъ черна моря".

Получивъ эти отвѣты, Волотъ ставитъ Давиду новые вопросы о томъ, какіе предметы на землѣ главные, какой предметъ всѣмъ предметамъ „отецъ", или „мать". Давидъ отвѣчаетъ и на эти вопросы. Царь надъ всѣми царями—Бѣлый царь, потому что онъ держитъ вѣру крещеную, богомольную, стоитъ за вѣру христіанскую; ему всѣ орды преклонилися, всѣ языцы покорилися. Іерусалимъ—всѣмъ городамъ отецъ, потому что въ немъ—пупъ земли. Соборъ-церковь—всѣмъ церквамъ мать, потому что стоитъ соборъ-церковь посреди Іерусалима, въ ней стоитъ престолъ божественный, на престолѣ стоитъ бѣлая каменная гробница, а въ гробницѣ почиваютъ ризы Христа. Іордань—всѣмъ рѣкамъ мать, потому что въ немъ крестился Христосъ съ силою небесною и съ Іоанномъ Крестителемъ. Ѳаворъ-гора—всѣмъ горамъ мать, потому что на ней преобразился Христосъ. Кипарисъ-дерево—всѣмъ деревамъ мать, потому что на этомъ деревѣ объявился животворящій крестъ, на которомъ былъ распятъ Христосъ. Плакунъ-трава—всѣмъ травамъ мать, потому что, когда „жидовья" распяли Христа, Пречистая Богородица роняла слезы на землю, и отъ этихъ слезъ зарождалась плакунъ-трава. Океанъ—всѣмъ

морямъ мать, потому что среди него выходила соборная церковь св. Климента, попа римскаго. Китъ-рыба—всѣмъ рыбамъ мать, потому что земля основана на трехъ рыбахъ: какъ китъ-рыба тронется, вся земля колеблется. Стратимъ-птица—всѣмъ птицамъ мать, потому что она живетъ на океанѣ и тамъ выводитъ дѣтей; когда стратимъ-птица встрепенется, океанъ всколыхнется и потопитъ корабли. Индрикъ-звѣрь—всѣмъ звѣрямъ отецъ, потому что онъ ходитъ по подземелью, пропускаетъ рѣки и колодцы студеные.

3) **Сонъ Волота.** Выслушавъ отвѣты Давида, Волотъ проситъ его объяснить сонъ, который онъ видѣлъ. Онъ видѣлъ, что со стороны восточной и со стороны полуденной сбѣгались два звѣря и промежду собою дрались: одинъ звѣрь хотѣлъ другого одолѣть. Давидъ объясняетъ Волоту, что это не два звѣря сбѣгались, а сходились и дрались между собою Кривда съ Правдою; Правда переспорила Кривду и пошла на небеса, а Кривда пошла по всей землѣ Русской; отъ Кривды земля всколебалась, весь народъ возмущается; отъ Кривды народъ сталъ неправильный, злопамятный: хотятъ другъ друга поѣсть. Кто будетъ Кривдой жить, тотъ—отчаянный отъ Господа, не наслѣдуетъ себѣ царства небеснаго; кто будетъ Правдой жить, тотъ—причаянный ко Господу и наслѣдуетъ себѣ царство небесное.

190. Комментаріи къ стиху „О Голубиной книгѣ“. Стихъ „О Голубиной книгѣ“ встрѣчается въ нѣсколькихъ редакціяхъ, отличающихся другъ отъ друга большею или меньшею полнотою въ обработкѣ отдѣльныхъ частей и эпизодовъ. Изслѣдователи устанавливаютъ три главныя редакціи.

Одна редакція является наиболѣе простой: излагая космогонію, эта редакція не говоритъ о созданіи человѣка; сна о Правдѣ и Кривдѣ нѣтъ; на сцену выводится одинъ только Давидъ; обстановки, при которой совершается дѣйствіе, нѣтъ, или она отличается простотой.

Другая редакція гораздо полнѣе: въ ней излагается полная космогонія съ созданіемъ человѣка, разсказывается сонъ о Правдѣ и Кривдѣ; обстановка дѣйствія сложнѣе: дѣйствующими лицами являются Давидъ и Волотъ или Владимиръ.

Третья редакція самая сложная: въ ней излагается космогонія безъ созданія человѣка, но зато говорится о созданіи сословій („оттого у насъ въ землѣ цари пошли — отъ святой

главы отъ Адамовой; оттого зачадились князья-бояры—отъ святыхъ мощей отъ Адамовыхъ; оттого крестьяны православные—отъ свята колѣна отъ Адамова"), излагается сонъ о Правдѣ и Кривдѣ, а иногда сонъ о древѣ.

Кромѣ того, стихъ „О Голубиной книгѣ", подъ заглавіемъ „Бесѣды Іерусалимской", или „Повѣсти града Іерусалима", сохранился въ старинной прозаической записи. Эта „Бесѣда" очень важна для объясненія нѣкоторыхъ элементовъ стиха. Содержаніе ея слѣдующее.

На горѣ Синайской, у дуба Мамврійскаго, у Лифанидова креста, у главы Адамовой съѣзжаются къ церкви 42 царя, среди которыхъ были Волотъ Волотовичъ, Моисей Моисеевичъ, Елисей и Давидъ. Волотъ разсказываетъ царямъ свой сонъ: съ восточной стороны взошелъ лучъ солнца краснаго, а на сторонѣ полуденной выросло дерево кипарисъ съ серебряными корнями и золотыми вѣтвями; на деревѣ сидѣлъ бѣлый кречетъ, на ногахъ у котораго былъ колокольчикъ. Давидъ объясняетъ этотъ сонъ такъ: у него, у Давида, родится сынъ Соломонъ, а у Волота родится дочь Соломонида Волотовна; Соломонъ женится на Соломонидѣ и будетъ владѣть царствомъ Волота; кромѣ того, Соломонъ построитъ храмъ. Объяснивъ сонъ, Давидъ задаетъ Волоту рядъ вопросовъ о мірѣ, почти буквально сходныхъ съ вопросами Волота въ стихѣ, и получаетъ на нихъ тѣ же отвѣты. Въ концѣ „Бесѣды" Давидъ спрашиваетъ Волота, кому не будетъ суда Божьяго на второмъ пришествіи. Волотъ отвѣчаетъ, что суда Божія не будетъ только еретикамъ и чародѣямъ: они безъ суда будутъ низвергнуты въ муку вѣчную.

Если сравнить стихъ „О Голубиной книгѣ" съ „Бесѣдой", то нетрудно замѣтить, что существенное различіе между ними заключается только въ содержаніи сна Волота. Въ нѣкоторыхъ редакціяхъ стиха, какъ выше указано, наряду со сномъ о Правдѣ и Кривдѣ, передается и сонъ, изложенный въ „Бесѣдѣ". Этотъ послѣдній сонъ можетъ служить исходнымъ пунктомъ для объясненія нѣкоторыхъ элементовъ въ стихѣ и имени Волотъ Волотовичъ.

Изъ сна Волота въ „Бесѣдѣ" можно установить, что его содержаніе заимствовано изъ библейско-апокрифическихъ сказаній о Давидѣ и Соломонѣ. По этимъ сказаніямъ Давидъ и Соломонъ находились въ сношеніяхъ съ тирскимъ царемъ

Хирамомъ. Хирамъ, по просьбѣ Соломона, прислалъ ему для построенія храма кедроваго лѣсу, рабочихъ и мудраго человѣка—Хирама Авію, который умѣлъ прекрасно дѣлать вещи изъ золота и серебра. Этого Хирама царь тирскій въ славянскихъ рукописяхъ называетъ своимъ рабомъ, а въ греческихъ и латинскихъ—своимъ отцомъ. Хирамъ фигурируетъ также въ сказаніяхъ о Соломонѣ, подъ именемъ Китовраса (кн. 1-ая, § 71), съ которымъ Соломонъ состязается въ мудрости. Имя „Хирамъ" превратилось въ имя „Китоврасъ" подъ вліяніемъ греческихъ миѳовъ. Учителемъ Ахиллеса былъ мудрый кентавръ Хиронъ, сынъ великана Хрона. Созвучіе именъ Хирамъ и Хиронъ привело къ смѣшенію ихъ: Хирамъ превратился въ мудраго великана Кентавра, Китовраса. Великаны у насъ въ древности назывались „волотами". Въ „Азбуковникѣ" есть слѣдующая замѣтка: „Кронъ (Хронъ) гигантъ бѣ, рекше (т.-е.) человѣкъ-Волотъ". Однимъ изъ сыновей Хрона былъ Хиронъ-философъ. Изъ сопоставленія всѣхъ этихъ данныхъ можно заключить, что Волотъ Волотовичъ о которомъ говорится въ „Бесѣдѣ Іерусалимской" и въ стихѣ „О Голубиной книгѣ", не кто иной, какъ Хирамъ, настоящее имя котораго было забыто и вытѣснено эпитетомъ отца Кентавра Хирона—Волота Хрона.

Въ стихѣ „О Голубиной книгѣ" имя Волотъ Волотовичъ подвергается цѣлому ряду новыхъ измѣненій: Волотоманъ Волотомановичъ, Волотомиръ, Володимеръ, Владимиръ. Такимъ образомъ, въ русскомъ стихѣ Хирамъ замѣнился русскимъ княземъ Владиміромъ.

Образъ великой книги, изображаемой въ стихѣ „О Голубиной книгѣ", повидимому, навѣянъ „Апокалипсисомъ" Іоанна и „Вопросами Іоанна Богослова" (кн. 1-ая, § 80). Эта книга, заключающая въ себѣ всѣ тайны міра, въ „Апокалипсисѣ" описывается такъ: „И видѣхъ въ десницѣ сѣдящаго на престолѣ книгу написану внутрьуду и внѣуду, запечатану седмію печатью. И видѣхъ ангела крѣпка, проповѣдающа гласомъ великимъ: кто есть достоинъ разгнути книгу и разрѣшити печати ея? И никтоже можаше ни на небеси, ни на земли, ниже подъ землею разгнути книгу, ниже зрѣти ю". Въ „Вопросахъ Іоанна Богослова" книга описывается ближе къ стиху: „И видѣхъ книги лежаща, яко мню, ровно 6 горъ толщина ихъ, долгота же ихъ умъ человѣчь не можетъ разумѣти,

имуще печатей семь. И рѣхъ: услыши, Господи, раба твоего гласъ и открый ми, что суть писано въ книгахъ сихъ. И слышахъ гласъ, глаголющь ми: Слыши, праведный Іоанне! Книги, еже видиши нынѣ, и то суть писано еже на небесѣхъ и въ безднѣхъ и во всякой вещи человѣческой".

Названіе упавшей съ неба книги „голубиная" находится въ связи съ терминомъ „глубинныя" (отъ слова „гълубина") книги, въ чтеніи которыхъ обвиняли нѣкогда Авраамія Смоленскаго (кн. 1-ая, § 296). Это—книги, толковавшія св. Писаніе, въ родѣ „Бесѣды трехъ святителей", „Шестодневовъ" и другихъ подобныхъ произведеній, и заключавшія въ себѣ глубины премудрости.

„Глубины" мудрости выразились, *во-первыхъ*, въ космогоническихъ вопросахъ и отвѣтахъ, т.-е. въ вопросахъ о происхожденіи міра и о созданіи человѣка; *во вторыхъ*, въ краткомъ перечнѣ первѣйшихъ и важнѣйшихъ для христіанина предметовъ міра и, *въ-третьихъ*, въ символической картинѣ борьбы Правды и Кривды.

1) Космогонія стиха. Матеріалы для своей космогоніи стихъ „О Голубиной книгѣ" заимствовалъ изъ такихъ апокрифическихъ произведеній, какъ сказанія „О зачатіи неба и земли", „Отъ сколькихъ частей созданъ былъ Адамъ" (кн. 1-ая, § 61) и „Бесѣда трехъ святителей" (кн. 1-ая, § 81), въ составъ которой вошли въ открывкахъ предыдущія сказанія. На вопросы о происхожденіи свѣта, солнца, луны, вѣтра, грома и молніи эти апокрифы даютъ отвѣты, болѣе или менѣе напоминающіе отвѣты въ стихѣ „О Голубиной книгѣ". Такъ, въ различныхъ редакціяхъ стиха „О Голубиной книгѣ" свѣтъ (бѣлый, вольный) взялся отъ Господа, отъ суда Божія, отъ лица Господня, отъ самого Христа, Царя небеснаго; по „Бесѣдѣ" Троица въ трехъ каморахъ—это Отецъ, Сынъ и Святой Духъ, „то ми свѣтъ есть". Солнце красное произошло по стиху отъ лица Божія, а по „Бесѣдѣ"—отъ выспренныя ризы Господни. Младъ свѣтелъ мѣсяцъ по стиху произошелъ отъ грудей Божіихъ, а по „Бесѣдѣ"—отъ аера, отъ воздуха и отъ престола Господня, и т. д. Нѣкоторые вопросы и отвѣты, напр., о звѣздахъ, о зарѣ и дробномъ дождикѣ, являются только въ стихѣ; но и они, вѣроятно, навѣяны „Бесѣдой".

Вопросы и отвѣты, касающіеся созданія человѣка, напоминаютъ вопросы и отвѣты въ апокрифѣ „Отъ сколькихъ частей

созданъ былъ Адамъ" и въ соотвѣтствующихъ ему частяхъ „Бесѣды". По стиху тѣлеса наши произошли отъ сырой земли, по указанному апокрифу и „Бесѣдѣ"—отъ земли; по стиху кости крѣпкія — отъ камени, по апокрифамъ — тоже отъ камени; по стиху кровь руда наша—отъ черна моря, по апокрифамъ—отъ моря; по стиху наши помыслы—отъ облацъ небесныхъ, по апокрифамъ—отъ облакъ, и т. д.

2) Перечень первѣйшихъ предметовъ міра. Второй разрядъ вопросовъ касается первѣйшихъ и важнѣйшихъ для христіанина предметовъ въ мірѣ. Отвѣты на эти вопросы представляютъ изъ себя перечень достопримѣчательностей св. мѣстъ, главнымъ образомъ, Палестины. Позднѣйшія вліянія внесли въ стихъ перечень подобныхъ предметовъ также изъ русскаго міра.

Матеріалы для вопросовъ и отвѣтовъ на эту тему стихъ заимствовалъ изъ той же „Бесѣды трехъ святителей", изъ „Физіолога", изъ „Шестодневовъ", изъ „Христіанской Топографіи" Козьмы Индикоплова, изъ „Палеи Толковой" (кн. 1-ая, §§ 116, 110—114, 115, 119) и вообще изъ апокрифовъ, связанныхъ съ христіанскими святынями.

Предметы, перечисляемые въ перечнѣ, распадаются на слѣдующія группы: въ *первой* группѣ идетъ рѣчь о царѣ, городѣ и церкви; во *второй*—о горѣ, морѣ, рѣкѣ и озерѣ; въ *третьей*—о рыбѣ, птицѣ и звѣрѣ; въ *четвертой*—о древѣ, травѣ и камнѣ, и въ *пятой*, встрѣчающейся только въ нѣкоторыхъ варіантахъ стиха,—о книгѣ и о головѣ.

а) Царь, городъ и церковь. Царемъ надъ царями стихъ называетъ Бѣлаго царя, подъ которымъ разумѣется русскій царь. Прозваніе „Бѣлаго царя" московскіе государи получили, по нѣкоторымъ даннымъ, съ Василія III. До Василія III московскіе государи назывались князьями. На этомъ основаніи надо думать, что въ стихѣ „О Голубиной книгѣ" царемъ надъ царями первоначально считался не Бѣлый царь, а, вѣроятно, какое-либо изъ библейскихъ лицъ, напр., Давидъ или Соломонъ: въ одномъ изъ списковъ „Бесѣды трехъ святителей" „царемъ надъ всѣми царями" называется Іисусъ Назарянинъ. Впослѣдствіи, мѣсто библейскаго царя занялъ византійскій царь, хранитель и защитникъ православной вѣры. Съ принятіемъ Иваномъ Грознымъ титула царя византійскій царь въ стихѣ былъ замѣненъ Бѣлымъ царемъ.

На вопросы, который городъ всѣмъ городамъ мать, или

отецъ и какая церковь всѣмъ церквамъ мать, стихъ отвѣчаетъ: Іерусалимъ, потому что въ немъ—пупъ земли; Соборъ-церковь, потому что эта церковь стоитъ посреди Іерусалима, а въ—ней престолъ божественный, а на престолѣ—каменная гробница, а въ гробницѣ почиваютъ ризы Христа: или, по другимъ варіантамъ, Святая Святыхъ Іерусалимская. Въ „Бесѣдѣ трехъ святителей“ на вопросъ, „который градъ преже всѣхъ сотворенъ и больше всѣхъ“,—дается отвѣтъ: „Ерусалимъ градъ прежде всѣхъ сотворенъ и больше всѣхъ, въ немже пупъ земли и церьковъ Святая Святыхъ и Господень гробъ“. Такимъ образомъ, и стихъ, и „Бесѣда“ одинаково разрѣшаютъ вопросы о городѣ и церкви. Подъ именемъ „Соборъ-церкви“ стиха разумѣются церковь Пресвятой Богородицы и Храмъ Воскресенія Христова, находившіеся въ Іерусалимѣ внутри ограды, которая включаетъ въ себя скалу Голгоѳы и пещеру обрѣтенія скалы. Игуменъ Даніилъ, описывая въ своемъ „Хожденіи“ храмъ Воскресенія, упоминаетъ и „пупъ земленый“ (кн. 1-ая, § 281).

б) Гора, море, рѣка и озеро. „Бесѣда трехъ святителей“ на вопросы о первой горѣ, первомъ морѣ и первой рѣкѣ отвѣчаетъ такъ: „А всѣмъ горамъ мати Ѳаворьская, а морямъ — Тивирьядьское море, а рѣкамъ—Іорданъ“. Согласно съ „Бесѣдой“, въ стихѣ матерью всѣмъ горамъ называется Ѳаворъ, рѣже „Соопъ“, матерью рѣкамъ Іорданъ. Зато матерью всѣмъ морямъ называется не Тиверіадское море, а Окіянъ-море, представленіе о которомъ заимствовано изъ апокрифовъ и такихъ сочиненій, какъ „Христіанская Топографія“ Козьмы Индикоплова, „Похвала Богу“ Георгія Писида и др. Въ одномъ апокрифѣ подъ заглавіемъ „О всей твари“ вселенная описывается такъ: „Небо же круговидно комарою, а земля на 4 углы. Елико же отъ конецъ земля до конецъ, толико же до небеси, толико же и до воды, на ней же земля плаваетъ; той же водѣ нѣтъ конца. За Акияномъ же есть земля, на ней же рай и муки“. Въ одной космографіи говорится слѣдующее: „Кругомъ же тѣхъ трехъ частей (удѣловъ сыновей Ноя) обходитъ великое море, зовомое Окіанъ; и тѣ убо три части всего свѣта земли на водѣ, яко же на блюдѣ, простерты силою преблагаго Творца“. Согласно съ такимъ представленіемъ объ океанѣ и нѣкоторые стихи „О Голубиной книгѣ“ на вопросъ о томъ, почему окіанъ-море надъ морями мать, отвѣчаютъ: „Обошло Кіянъ-море вокругъ земли, вокругъ земли всей подселенныя: потому Кіянъ-море

надъ морями мать". Но въ большинствѣ варіантовъ дается другой отвѣтъ: Окіанъ-море потому всѣмъ морямъ мать, что „выходила изъ моря церква соборная, соборная, богомольная; что во той во церкви во соборныя почиваютъ мощи пàпа римскаго, пàпа римскаго, славà — Клементьева". Здѣсь подъ „Окіяномъ-моремъ" разумѣется не океанъ, обтекающій всю землю, а Черное море, съ которымъ было связано преданіе о св. Климентѣ, папѣ римскомъ. Св. Климентъ жилъ и дѣйствовалъ во времена апостоловъ. Онъ былъ сосланъ въ нынѣшній Крымъ, гдѣ мученически окончилъ свою жизнь: онъ былъ утопленъ въ морѣ недалеко отъ города Херсонеса. Когда язычество было вытѣснено христіанствомъ, стало распространяться вѣрованіе, что ежегодно въ день смерти Климента море у Херсонеса отступаетъ отъ береговъ и въ его глубинѣ появляется церковь, въ которой представляются мощи святого Климента. Впослѣдствіи чудо это прекратилось. Когда Кириллъ, посѣтившій Крымъ для просвѣщенія хазаръ христіанскимъ ученіемъ, находился въ Херсонесѣ, чудо повторилось для него, и ему удалось даже взять изъ глубины моря мощи Климента.

Вопросъ объ озерѣ ставится и разрѣшается только въ немногихъ варіантахъ стиха „О Голубиной книгѣ". Матерью всѣхъ озеръ оказывается Ильмень-озеро, „да не тотъ Ильмень, кой подъ Новымъ градомъ, и не тотъ Ильмень, кой во Большой Орды, а есть тотъ Ильмень, кой въ Турецкой земли; изъ того Ильменя изъ озера протекаетъ матушка Іорданъ-рѣка". Іорданъ на своемъ пути протекаетъ черезъ два озера—Самохонитское и Геннисаретское. На этомъ основывается представленіе стиха о томъ, что Іорданъ вытекаетъ изъ озера. Начало свое Іорданъ беретъ на горѣ Ермонъ. Названіе горы черезъ форму „Ирмень" сблизилось съ названіемъ новгородскаго озера Ильмень и стало обозначать озеро, изъ котораго вытекаетъ Іорданъ. Сближеніе Ермона съ Ильменемъ наводитъ на мысль, что стихъ „О Голубиной книгѣ" подвергся переработкѣ въ Новгородѣ.

в) Рыба, птица и звѣрь. Всѣмъ рыбамъ мать—китъ-рыба, потому что „на трехъ китахъ на рыбинахъ, на тридцати было на малыхъ основана вся сыра-земля, и содержится вся подселенная". Такое представленіе стиха почерпнуто изъ „Бесѣды трехъ святителей": земля,— учитъ „Бесѣда", — „основана на трехъ китехъ великихъ, на тридцати китехъ на малыхъ". „Бесѣда", въ свою очередь, заимствовала это представленіе

изъ апокрифа „О зачатіи неба и земли“, въ которомъ говорится слѣдующее: „И рече Господь: будите тридцать три кита на мори Тиверіадскомъ. — На тѣхъ китахъ землю разсея Господь“.

Всѣмъ птицамъ мать, по стиху, — Страфиль-птица, или Стратимъ-птица; эта птица живетъ на океанѣ, выводитъ тамъ дѣтей и, когда встрепенется, океанъ всколыхнется и топитъ корабли. Названіе этой птицы находится въ связи съ греческими: στρουθός — маленькая птица и μεγάλη στρουθός — страусъ. Описаніе птицы въ стихѣ указываетъ на то, что подъ Страфилемъ разумѣются разныя птицы, образы которыхъ навѣяны „Физіологомъ“ и „Шестодневами“. Въ представленіи о Страфиль-птицѣ слились образы двухъ или трехъ птицъ: струѳокамила (страуса, кн. 1-я, § 116), алкіона, или алконоста (кн. 1-ая, §§ 119, 139) и гигантскаго „кура“. *Струѳокамилъ*, когда сноситъ яйца, не согрѣваетъ ихъ своимъ тѣломъ, а кладетъ ихъ передъ собою и смотритъ на нихъ въ теченіе сорока дней. *Алкіонъ* (*алконостъ*) вьетъ гнѣздо на берегу моря и здѣсь кладетъ яйца. Дѣтей эта птица выводитъ зимой. Когда приближается время для этого, алкіонъ вынимаетъ изъ гнѣзда яйца, опускаетъ ихъ въ глубину моря, а сама садится на его поверхность. Семь дней сидитъ алкіонъ, пока не выведутся птенцы, и на это время вѣтры прекращаются, а море остается неподвижнымъ. Въ апокрифѣ „О всей твари“ говорится слѣдующее: „Есть *куръ*, ему же голова до небеси, а море до колѣна. Егда же солнце омывается въ Окіанѣ, тогда Окіанъ всколебается, и начнутъ волны кура бити по перью; онъ же, очютивъ волны, и речетъ: кокореку! Протолкуется: свѣтодавче Господи, дай же свѣтъ мірови. Егда же то воспоетъ, и тогда вси куры воспоютъ въ одинъ годъ (въ одно время) по всей вселеннѣй“.

Всѣмъ звѣрямъ отецъ — Индрикъ-звѣрь (Единорогъ, Единрогъ, Единоръ), который изображается властителемъ подземныхъ водъ. Образъ Индрика-звѣря навѣянъ „Физіологомъ“ и „Шестодневами“, въ которыхъ описывается звѣрь „Еньдропь“, или „Индрія“, воевода водный. Въ апокрифѣ „Отъ сколькихъ частей созданъ былъ Адамъ“ есть вопросы и отвѣты, въ которыхъ фигурируетъ „царь водный“: Вопросъ. „Како бываетъ суша и како бываетъ дождевно? Отвѣтъ. Есть стухія (стихія): царь водный егда отидетъ въ глубину, и пойдутъ вся стихія водная по немъ, понеже царь есть; того ради сухо бываетъ. Воспросъ.

Егда буря бываетъ, како приходитъ вода? Отвѣтъ. Воздвигнется царь водный изъ глубины и пойдутъ вся вослѣдующая ему и пойдутъ впередъ; того ради возритъ изъ дерева вода, исъ камени—отвсюду". Азбуковники изображаютъ Индрію, или Индрика, маленькимъ звѣремъ, похожимъ на пса; этотъ звѣрь живетъ въ Нилѣ и убиваетъ крокодила.

Близость названій Еньдропь и Единорогъ (Инорогъ) повело къ смѣшенію ихъ. Въ „Бесѣдѣ Іерусалимской" функціи Еньдропа приписываются Единорогу: „А звѣрь звѣрямъ мать еднь рохъ. Коли на земли была засуха і въ тѣ поры дождя на землю не было, тогда въ рѣкахъ і въ озерахъ воды не было; толко въ единомъ озерѣ вода была, і лежалъ великой змиі и не давалъ людемъ воды пить, и никакому потекучему звѣрю, ни птицѣ полетучей; а коли побѣжитъ единорогъ воды пить, и змій люты заслышитъ и побѣжитъ от звѣря того за три дни, і въ ту пору запасаютца водою люди".

г) Дерево, трава и камень. Всѣмъ древамъ мать — кипарисъ; нѣкоторые варіанты прибавляютъ къ кипарису: певга (ель) и „кидръ". Образъ этого дерева заимствованъ изъ апокрифа „О крестномъ древѣ" (кн. 1-ая, § 67), въ которомъ излагается и символически толкуется судьба трехъ деревьевъ. По западно-европейскимъ сказаніямъ эти три дерева были слѣдующіе: кедръ, кипарисъ и сосна, или—ель, пальма и кипарисъ. „Бесѣда трехъ святителей" также знаетъ объ этихъ деревьяхъ; это видно изъ слѣдующаго вопроса и отвѣта: „В. Како имя тому человѣку, иже крестъ Господень дѣлалъ: О. Валсамонъ, а дѣлалъ изъ трехъ деревъ: изъ кипариса, изъ певга, изъ кедра".

Въ западно-европейскихъ сказаніяхъ о крестномъ древѣ есть важное указаніе, что Сиѳово дерево найдено было на Ливанѣ. Это указаніе соотвѣтствуетъ преданію о томъ, что деревья для построенія Соломонова храма привозились съ Ливана. На этомъ основаніи крестное дерево могло называться ливанскимъ „леванитовымъ" (λιβανῖτις). Такъ создался встрѣчающійся въ устныхъ произведеніяхъ „Леванитовъ", или „Леванидовъ крестъ", на которомъ былъ распятъ Христосъ.

Плакунъ-трава всѣмъ травамъ мать; плакунъ-трава зародилась изъ пречистыхъ слезъ, которыя Богородица роняла, когда „жидовья Христа распяли". Плачъ Богородицы по Христѣ—одно изъ древнѣйшихъ христіанскихъ преданій. Со-

хранилась память даже о мѣстѣ, гдѣ плакала Богородица. Игуменъ Даніилъ, упоминая въ своемъ „Хожденіи“ объ этомъ мѣстѣ, пишетъ слѣдующее: „Мѣсто, идѣже плакась Святая Богородица, то мѣсто есть на пригоріи томъ. На то мѣсто притече скоро Святая Богородица, тщаше бо ся текуще въ слѣдъ Хріста и глаголаше въ болѣзни сердца своего слезящи: Камо идеши, чадо мое? И чесо ради теченіе се скоро течеши? Егда другій бракъ въ Канѣ Галилѣй, да тамо ли тщишась, сыне мой и Боже мой? Не молча мене отъиди, сыне, рождая тя. Дай же ми слово рабѣ твоей. И приде на мѣсто то св. Богородица и узрѣ съ горы Сына своего распинаема на крестѣ, ужасеся вельми и согнувся сѣде, печалію и рыданіемъ одержима бяше“. Преданіе о плачѣ Богородицы породило легенды о превращеніи слезъ Богородицы въ разные вещественные предметы. Въ долинѣ Іордана до настоящаго времени собираютъ въ какой-то травѣ мелкіе бѣловатые камешки, или ракушки, изъ которыхъ дѣлаютъ четки, называемыя четками отъ слезъ Богородицы. Съ этими именно четками плакунъ-трава, повидимому, и имѣетъ связь. У простонародія плакунъ-травой называется папоротникъ, о которомъ въ одномъ „Травникѣ“ сообщается слѣдующее: „А сія трава самая наисильнѣйшая надъ кладами, царь надъ цвѣтами, трава папоротъ“. Плакунъ-травой называется также кровянка (Іоанновъ цвѣтъ), корень которой, по простонароднымъ вѣрованіямъ, имѣетъ свойство прогонять домовыхъ, вѣдьмъ и духовъ, охраняющихъ клады.

Бѣлый Латырь-камень (Алатырь) всѣмъ камнямъ мать: „На бѣломъ Латырѣ на камени бесѣдовалъ да опочивъ держалъ Самъ Исусъ Христосъ, царь небесный, съ двунадесяти со учителямъ; утвердилъ Онъ вѣру на камени; распустилъ онъ книги по всей земли“. Представленіе о Латырѣ-камнѣ сложилось подъ вліяніемъ преданій о камняхъ, служившихъ въ Палестинѣ жертвенниками и трапезами и превращенныхъ въ престолы для алтарей (отсюда—алатарь, алатырь и латырь) христіанскихъ храмовъ. Особенно важную роль въ выработкѣ такихъ представленій сыграли преданія, связанныя съ Сіономъ. Это были слѣдующія преданія: 1) о чудесномъ краеугольномъ камнѣ, положенномъ Христомъ въ основаніе Сіонской церкви, 2) о камнѣ, снесенномъ съ Синая и положенномъ на мѣстѣ алтаря той же церкви, и 3) о трапезѣ въ Сіонскомъ храмѣ, за которой Христосъ возлежалъ съ апостолами, за которой Онъ

установилъ таинство Евхаристіи и наставилъ учениковъ для будущей проповѣди.

О краеугольномъ камнѣ говорятъ въ своихъ посланіяхъ апостолы Петръ и Павелъ (§ 56).

Свѣдѣнія о другихъ камняхъ разсѣяны въ описаніяхъ хожденій нашихъ паломниковъ. Въ „Хожденіи“ игумена Даніила при описаніи Сіонской горы говорится слѣдующее: „Ту же былъ и домъ св. Іоанна Богослова на той горѣ Сіонстѣй, и на томъ мѣстѣ създана была церковь велика... У тоя церкви, за олтаремъ, есть храмина; въ той храминѣ умылъ Христосъ нозѣ ученикомъ своимъ... И ту же есть камень святый, ангеломъ принесенъ бысть отъ горы Синайскія“. Діаконъ Игнатій (1391) въ своемъ „Хожденіи“ говоритъ, что на Сіонѣ-горѣ въ армянской церкви сдѣланъ престоломъ великій камень, что лежалъ на гробѣ Господнемъ; на той же горѣ есть Ѳрязскій монастырь, чернецы котораго говорятъ, „яко тамо Христосъ самъ обѣдню служилъ и научилъ по плоти брата своего Іакова обѣдню служити и предалъ ему таинство священныхъ и божественныхъ служеній“; въ церкви этого монастыря находится камень, на которомъ Богородица поклоны клала, и еще два камня, на которыхъ „Христосъ сиживалъ часто“. Зосима, описывая въ своемъ „Ксеносѣ“ (§ 154) Сіонскую гору, тоже упоминаетъ два камня, „иже Пречистая восхотѣла видѣти тѣ камни, на чемъ Христосъ бесѣдовалъ съ Моисеемъ на горѣ Синайстѣй; и принесъ ангелъ два камени, еже ся зоветъ Купина Неопалимая“... Сопоставленіе показаній русскихъ и западно-европейскихъ паломниковъ о горѣ Сіонѣ приводитъ къ слѣдующему заключенію. На горѣ Сіонѣ съ древнѣйшихъ временъ образовались два цикла преданій: одинъ изъ нихъ былъ пріуроченъ къ дому, превратившемуся потомъ въ церковь св. Іоанна, а другой циклъ—къ дому, ставшему потомъ церковью св. Іакова, брата Господня. На основаніи этихъ преданій создались два представленія: 1) представленіе о камнѣ-алтарѣ-трапезѣ, созданное преданіемъ, пріурочивающимъ Тайную вечерю къ Сіонской церкви св. Іоанна, и 2) представленіе о камнѣ-алтарѣ-престолѣ, созданное преданіемъ, пріурочивающимъ краеугольный камень къ церкви св. Іакова. Стихъ „О Голубиной книгѣ“ воспроизводитъ первое представленіе—о камнѣ-алтарѣ-трапезѣ, называемомъ Латыремъ-камнемъ.

Впослѣдствія библейско-апокрифическій смыслъ Латыря

камня сталъ забываться, и подъ Латыремъ-камнемъ стали разумѣть, подъ вліяніемъ звукового сходства, „илектронъ“, или „илектръ“, т.-е. янтарь, которому приписывали чудесныя цѣлебныя свойства. Янтарь употребляется, какъ необходимый составной элементъ для благовонныхъ куреній. Отсюда въ заговорахъ—„бѣлъ-горючъ камень-алатырь“.

д) Книга и голова. Въ нѣкоторыхъ варіантахъ стиха „О Голубиной книгѣ“ встрѣчаются вопросы и отвѣты о матери всѣмъ книгамъ и головамъ.

Мать всѣмъ книгамъ—Псалтирь, потому что въ ней поминаются „праведныхъ родители“. Эта мотивировка основывается на томъ, что въ псалмахъ постоянно упоминаются „праведные“.

Мать всѣмъ головамъ—глава Адамова, „потому что, когда жиды Христа роспинали на лобномъ мѣстѣ, то крестъ поставили на святой главѣ Адамовой“. Такой отвѣтъ составленъ на основаніи апокрифа „О крестномъ древѣ“ (кн. 1-ая, § 64).

3) Борьба Правды и Кривды. Картина борьбы двухъ лютыхъ звѣрей, Кривды съ Правдой, навѣяна библейско-апокрифическими сказаніями о борьбѣ Сатаны со Христомъ. По апокрифическому Евангелію Никодима (кн. 1-ая, § 74) Христосъ послѣ распятія сошелъ въ адъ; ворота ада были сокрушены, а Сатана былъ схваченъ и связанъ. Послѣ своего воскресенія изъ мертвыхъ Христосъ вознесся на небо и тамъ будетъ пребывать до своего второго пришествія. На созданіе сна о Правдѣ и Кривдѣ повліяли именно эти основные эпизоды библейско-апокрифическихъ сказаній о борьбѣ Сатаны съ Христомъ въ связи съ картинами страшнаго суда.

Въ одномъ старинномъ руководствѣ для живописцевъ, изображающихъ страшный судъ, между прочимъ, даются такія указанія. На судъ собрались всѣ народы, въ томъ числѣ и Русь. Подъ ними „море и земля—кругло: отдаютъ тѣлеса мертвыхъ. Да тутъ же Правда Кривду стрѣляетъ, и Кривда пала со страхомъ. Да Христосъ въ кругу—въ образѣ оленя, объ одномъ рогѣ; а въ другомъ кругу—убилъ царство антихристово; въ третьемъ кругу антихристово подъ море шло“. Адъ изображается въ видѣ львиной пасти, изъ горла котораго вышелъ змѣй.

Въ „Бесѣдѣ трехъ святителей“ есть слѣдующій вопросъ и отвѣтъ на него: „В. Что есть: бѣлъ щитъ, а на бѣлѣ щитѣ бѣлъ заяцъ; и прилетѣлъ орелъ, и взялъ зайца и от-

несъ на небо, и ста на томъ мѣстѣ сова? О. Бѣлъ щитъ—свѣтъ, а заяцъ—правда на земли, и отъиде правда на небо, а сова—на земли остася кривда".

Въ „Апокалипсисѣ" Христосъ является въ видѣ льва, а Сатана въ видѣ древняго змія.

Такимъ образомъ, два лютые звѣря, символизирующіе въ стихахъ Правду и Кривду, изображаютъ собою Христа и Сатану.

Существуетъ предположеніе, что въ Новгородѣ дѣлались попытки вложить въ эпизодъ о Правдѣ и Кривдѣ частный историческій смыслъ. Это предположеніе находитъ себѣ основаніе въ томъ, что нѣкоторыя детали стиха „О Голубиной книгѣ" носятъ характеръ новгородскихъ пріурочиваній. Такъ, рѣка Іорданъ вытекаетъ изъ озера Ильменя; матерью всѣмъ церквамъ „Бесѣда Іерусалимская" называетъ Софію премудрости Божія, подъ которой надо разумѣть новгородскую Софію. Въ одномъ варіантѣ эпизодъ о борьбѣ Кривды съ Правдой такъ передается: „При послѣднемъ будетъ при времени, при восьмой будетъ при тысящи, Правда будетъ взята Богомъ съ земли на небо, а Кривда пойдетъ она по всей земли; отъ того пойдетъ велико беззаконіе". Послѣднее время, о которомъ здѣсь говорится, это—1492 г., въ которомъ оканчивались 7.000 лѣтъ отъ сотворенія міра. Около этого времени пали Новгородъ и Псковъ. Торжество Кривды, это—торжество Москвы, антихристова царства, надъ Новгородско-Псковской Русью. Псковскій лѣтописецъ пишетъ: „У намѣстниковъ, у ихъ тіуновъ и у дьяковъ великаго князя правда ихъ, крестное цѣлованіе, взлетѣла на небо, и кривда въ нихъ начала ходить, и много было отъ нихъ зла".

Съ переходомъ духовныхъ стиховъ къ каликамъ изъ низшихъ классовъ эпизодъ о борьбѣ Кривды съ Правдой пріобрѣтаетъ новый смыслъ: онъ изображаетъ общественное состояніе Русской земли подъ властью Кривды.

Стихи на новозавѣтныя темы.

191. Стихи на новозавѣтныя темы. Къ стихамъ на новозавѣтныя темы относятся слѣдующіе: 1) „Объ Аллилуевой женѣ", 2) стихи о страстяхъ Христовыхъ, 3) „О Вознесеніи Христовѣ", 4) „Сонъ Богородицы", 5) „О богатомъ и Лазарѣ", 6) стихи о разставаніи души съ тѣломъ, 7) стихи о

страшномъ судѣ и 8) „Объ Аникѣ-воинѣ“. Изъ нихъ стихъ „О Вознесеніи Христовѣ“ былъ разсмотрѣнъ въ § 185.

192. „Объ Аллилуевой женѣ“. Когда Христосъ родился въ Виолеемѣ и крестился въ Іорданѣ, антихристы-жиды замѣтили Его и захотѣли предать злой смерти. Кинулся Христосъ (или Богородица со Христомъ) въ келью къ Аллилуевой женѣ милосердой. Аллилуева жена топила печь, а на рукахъ держала своего младенца. Христосъ сказалъ ей: „Охъ ты гой еси, Аллилуева жена милосерда! Кидай ты свое дѣтище въ печь, во пламя, примай Меня, Царя Небеснаго, на бѣлыя руки“. Аллилуева жена кинула свое чадо въ печь, а на руки взяла Царя Небеснаго. Прибѣжали жидове-архіереи, антихристы, злые фарисеи и спросили Аллилуеву жену, куда она схоронила Христа. Аллилуева жена отвѣчаетъ, что она кинула Христа въ печь. Жидове заглянули въ печь, увидѣли младенца и заскакали, заплясали, печку заслопами затворили. Тутъ пѣтухи запѣли, и антихристы-жидове пропали.

Отворяла Аллилуева жена заслопъ, слезно плакала, громко причитала: „Ужъ какъ я, грѣшница, согрѣшила: чадо свое во огнѣ погубила!“ Христосъ велѣлъ Аллилуевой женѣ заглянуть въ печь. Заглянула жена въ печь и видитъ вертоградъ прекрасный; въ вертоградѣ—травенька муравая, во травенькѣ ея чадо гуляетъ, съ ангелами пѣсни воспѣваетъ, золотую книгу Евангельску читаетъ, за отца за мать Бога молитъ. Аллилуія, аллилуія, аллилуія, слава Тебѣ, Боже!

Источники стиха „Объ Аллилуевой женѣ“ точно до сихъ поръ еще не установлены. Но одно несомнѣнно: стихъ этотъ находится прежде всего въ связи съ евангельско-апокрифическими сказаніями о бѣгствѣ Богородицы со Христомъ въ Египетъ и объ избіеніи младенцевъ въ Виолеемѣ. Что касается основного эпизода стиха, чуда съ младенцемъ въ печи, то онъ можетъ быть приведенъ въ связь сь двумя сказаніями, изъ которыхъ одно находится въ арабскомъ „Евангеліи дѣтства“, а другое—въ церковной исторіи Эвагрія (IV в.) и въ „Хроникѣ“ Георгія Амартола.

Въ „Евангеліи дѣтства“ повѣствуется слѣдующее.

Въ одномъ городѣ (въ Виолеемѣ) жили двѣ женщины, жены одного и того же мужа. Каждая имѣла по одному сыну. Однажды дѣти обѣихъ женъ заболѣли. Одна изъ женъ, по имени Марія, взявъ своего сына Клеопу, отправилась къ госпожѣ влады-

чицѣ Маріи, матери Іисуса и, преподнеся ей дорогую ткань, попросила дать ей взамѣнъ одну изъ пеленъ Христа. Дѣва-Марія исполнила эту просьбу. Вернувшись домой, Марія сдѣлала изъ пелены сорочку и надѣла ее на Клеопу: Клеопа выздоровѣлъ; сынъ же другой жены въ тотъ же день скончался. Съ этого времени между обѣими женами возгорѣлась вражда. Однажды Марія растопила печь, чтобы готовить хлѣбы, и, оставивъ возлѣ печи Клеопу, пошла за тѣстомъ. Соперница Маріи, увидавъ Клеопу одного возлѣ пылавшей отъ жара печи, схватила его, бросила въ печь и скрылась. Когда Марія вернулась съ тѣстомъ, она увидѣла, что Клеопа сидитъ, смѣясь, въ печи: онъ остудилъ пламя, и оно не касалось его. Марія догадалась, что это ея соперница бросила Клеопу въ печку. Вытащивъ сына изъ печки, Марія отправилась къ владычицѣ Дѣвѣ-Маріи и разсказала ей о происшедшемъ. Дѣва-Марія велѣла ей никому не разсказывать объ этомъ.

Эвагрій и Амартолъ разсказываютъ о слѣдующемъ чудѣ, пріуроченномъ къ житію св. Мины, архіепископа константинопольскаго (536—552).

Въ Константинополѣ существовалъ обычай: если случался большой запасъ святыхъ частицъ непорочнаго тѣла Христа, то приглашали юношей-школьниковъ и причащали ихъ этими остатками. Однажды случилось такъ, что среди школьниковъ-причастниковъ оказался нѣкій сынъ стекольщика, жидовинъ по вѣрѣ. Онъ вернулся домой позднѣе обыкновеннаго. Спрошенный о причинѣ своего запозданія, школьникъ-жидовинъ откровенно признался, что онъ со своими товарищами христіанами ходилъ причащаться. Отецъ разсвирѣпѣлъ, схватилъ сына и бросилъ его въ очагъ съ раскаленными угольями, на которомъ онъ готовилъ стекло. Мать, не зная о происшедшемъ, три дня бродила по городу, разыскивая съ плачемъ своего сына. Послѣ этого она пришла къ мастерской своего мужа, остановилась у дверей и, обливаясь слезами, звала по имени своего сына. Вдругъ она слышитъ голосъ своего сына. Она сломала дверь и, войдя въ мастерскую, нашла своего сына невредимымъ среди угольевъ: по разсказу сына, къ нему приходила нѣкая жена, одѣтая въ порфиру, тушила водой пламя и кормила его. Объ этомъ чудѣ узналъ императоръ Юстиніанъ, который приказалъ причислить мать и сына къ клиру, а отца, какъ сыноубійцу, повѣсить.

Прозваніе милостивой жены стиха „Аллилуевой“ навѣяно припѣвомъ „аллилуія“, которымъ заканчивается стихъ.

193. Стихи о страстяхъ Христовыхъ. Стихи о страстяхъ Христовыхъ составлены подъ вліяніемъ церковныхъ пѣсенъ и чтеній въ великую пятницу и субботу. Въ нихъ сжато повѣствуется по Евангелію о крестныхъ страданіяхъ Христа.

Стихи о страстяхъ Христовыхъ распадаются на нѣсколько группъ. Наиболѣе интересна та группа стиховъ, въ которой передается плачъ Богородицы и отвѣтъ Христа. Эта группа стиховъ обработана подъ вліяніемъ церковной пѣсни „Не рыдай мене, Мати“.

Богородица, узнавъ о распятіи Христа, явилась ко кресту и стала своимъ сердцемъ рыдать: „Увы мнѣ, о Христе преслад кій! Да вижу у Тебе ребра Твои прободена, убитаго, окровавлена. Что терпиши муку безъ вины предъ книжники, фарисеи, предъ жидове, лицемѣры, предъ вся іереи со іюдеи, предъ Понтискомъ предъ Пилатомъ напрасную кровь проливаше“. Христосъ утѣшаетъ Богородицу, говоря: „Ой же ты, Мати моя Марія! Не плачь, не плачь своей красы, не плачь своихъ ясныхъ очей! Того еси, Мати не вѣдаешь: моя смерть— животъ вѣчный, вѣрнымъ даю на спасеніе“... „Я въ третій день, матушка, воскрешуся, я на небеса вознесуся, впишу я твой ликъ на икону, поставлю икону за престолъ Господень, Тебѣ будутъ молиться, Тебѣ будутъ свѣчки становити, а Меня, Христа Бога, величати“.

194. „Сонъ Богородицы“. Христосъ обращается къ Богородицѣ съ слѣдующими словами: „Ай, мати ты, мати Марія, Пречудная Дѣва, Пресвятая! Гдѣ ты ночесь ночевала, гдѣ ночь опочивала?“ Богородица отвѣчаетъ: „Ночевала я во градѣ Ерусалимѣ, на той горѣ на Ертепѣ, подъ святымъ подъ древомъ кипарисным. Мнѣ немножко спалось, много во снѣ видѣлось. Родила я да себѣ Сына, Сына себѣ да Христе Боже; я въ рѣкѣ Его да омывала, во святой Ерданѣ воспле скала; садилась я на крутой на бережокъ, во пелены Его да пеленала, въ поясы Его да увивала, въ пелены Его да камчатныя, въ поясы Его да шелковые. На той ли на святой на Ерданѣ чуденъ крестъ да соружали, на крестѣ главы да прибивали“. Христосъ говоритъ Богородицѣ, что сонъ этотъ „неложенъ“: „Буду Я на крестѣ распятъ“. Жиды Христа распинали, святую одежду Его раз-

дирали, святое тѣло Его копьемъ протыкали, святую кровь Господню проливали. Богородица спрашиваетъ Христа, на кого Онъ Ее оставляетъ. Христосъ отвѣчаетъ: „Оставляю я на Ивана да Богослова, на друга да на Христова: имѣй же Ты его да вмѣсто сына, сына себѣ да Христе Боже“. Въ концѣ стиха обѣщается царство небесное тому, кто будетъ вспоминать на молитвѣ вечеромъ и утромъ Христа.

Въ прозаической записи стиха „Сонъ Богородицы“ конецъ его развитъ очень подробно: читателямъ рекомендуется списывать и читать „Сонъ Богородицы“, потому что, кто этотъ „сонъ спишетъ и въ домѣ своемъ содержитъ въ чистотѣ и съ прилежностью, и домъ тотъ сохраненъ будетъ и помилованъ отъ лукаваго и отъ нечестиваго духа, діявольскія силы“; совѣтуется имѣть при себѣ списокъ „Сна“ во время путешествія, по сухому пути и по водѣ, при вступленіи въ бракъ, въ періодъ беременности и т. д., потому что исполняющій этотъ совѣтъ будетъ „помилованъ отъ діявольскія силы“ и къ нему „не приступится и не прикоснется лихой и злой человѣкъ“; во время болѣзни прочитать „Сонъ“ трижды и положить его на голову; при смерти прочитать „сію святую молитву“ трижды и положить ее на голову, „а какъ разлучится душа отъ тѣла, то сей сонъ, святую молитву, положить съ нимъ во гробъ и во погребеніе, въ землю, и ту душу адъ не пріиметъ, а встрѣтятъ ангелы, херувимы и серафимы и вся небесныя силы и понесутъ одесную престола Божія“.

Такимъ образомъ, „Сонъ Богородицы“ превратился въ молитву, пріобрѣлъ силу заговора и амулета, оберегающаго отъ злыхъ силъ.

Стихъ „Сонъ Богородицы“ сложился подъ вліяніемъ апокрифическихъ сказаній объ успеніи Богородицы, причемъ слово „успеніе“, употребляемое въ переносномъ смыслѣ и означающее „кончину“, авторами стиха было понято въ буквальномъ смыслѣ, въ смыслѣ сна.

Въ „Словѣ Іоанна Богослова на Успеніе Божіей Матери“ разсказывается слѣдующее.

Владычица Богородица и присно Дѣва Марія пришла однажды ко гробу Господа Іисуса Христа, чтобы по обычаю своему покадить и помолиться. Вдругъ отверзлись небеса и раздался гласъ архангела, возвѣщавшаго Богородицѣ о томъ, что скоро она оставитъ міръ сей и уйдетъ на небо къ сыну

своему. Вернувшись изъ Іерусалима въ Виѳлеемъ, Богородица обратилась къ Іисусу Христу съ молитвой, чтобы Онъ прислалъ къ Ней апостола Іоанна и прочихъ апостоловъ. Іоаннъ и остальные апостолы чудесно были перенесены со всѣхъ концовъ вселенной на облакахъ въ Виѳлеемъ къ Богородицѣ. Богородица и апостолы сотворили молитву. По окончаніи молитвы съ неба раздался громъ и появились ангельскія силы, которыя стали вокругъ „храма“, „идеже возлежаше Мати святая Христа Бога нашего“. „Видѣша же вси знаменіе и чудеса много бываемая, слѣпымъ прозрѣніе, глухимъ слышаніе, прокаженнымъ оцѣщеніе (очищеніе), бѣснымъ исцѣленіе и всякыя недужныя прикасахутся внѣуду (извнѣ) стѣнъ храма, съ вѣрою вопияху: Святая Маріа, Христа Бога рождьшая, помилуй ны грѣшныхъ! И абие исцѣлеваху“. Услышали о происходившемъ въ Виѳлеемѣ іудейскіе іереи и потребовали отъ игемона, чтобы онъ изгналъ Богородицу изъ Виѳлеема. Когда „тысящникъ“ явился въ Виѳлеемъ, чтобы исполнить приказаніе игемона, тамъ уже никого не оказалось: апостолы, извѣщенные Св. Духомъ, взяли одръ Богородицы и ушли въ Іерусалимъ. Въ домѣ Богородицы въ Іерусалимѣ опять стали совершаться знаменія и великія чудеса. Пришли къ дому іудеи, чтобы поджечь его. Внезапно изъ устъ апостоловъ изошла сила огненная, и пало множество іудейскихъ людей. Наконецъ, приблизился моментъ успенія. Явился Господь съ безчисленнымъ множествомъ ангеловъ. Богородица обратилась къ Господу съ слѣдующей мольбой: „Молю многохвально имя Твое, Господи Боже, Царю всѣхъ, въ вѣкы единочадный Сынъ Отечь: прими рабу свою, изволивый родитися изъ Мене смиреніемъ спасенія ради человѣча за неизреченное твое человѣколюбіе; всякомуже человѣку, призывающу или нарицающу имя рабы твоея, подай же имъ, Господи, свою помощь“. Господь отвѣтилъ Богородицѣ: „Веселися и да радуется сердце Твое! Всяка бо благодать и всякъ даръ данъ Ти бысть Отцемъ небеснымъ и Мною и Святымъ Духомъ. И всяка душа, яже имя твое призываетъ, не имать постыдитися, но обрящетъ милость и утѣху и заступленіе и дерзновеніе и въ нынѣшній вѣкъ и будущій предъ Отцемъ моимъ небеснымъ“. Послѣ этого Петръ, по приказанію Господа, началъ пѣніе, на которое силы небесныя отвѣтили: аллилуія! Тогда Господь простеръ руки и принялъ святую и непорочную душу Богородицы. Апостолы возложили честное и святое тѣло

Богородицы на одръ и понесли его. Нѣкій жидовинъ, именемъ Іохонія (Іофонія), „пача смѣтати одръ на землю“; но ангелъ Господень огненнымъ мечомъ отсѣкъ ему обѣ руки, которыя повисли въ воздухѣ. Іохонія сталъ вопить къ Богородицѣ о помилованіи. Апостолъ Петръ исцѣлилъ Іохонію, и послѣдній сталъ прославлять Бога, рождшагося отъ Маріи. Внезапно появились 12 облаковъ, которыя восхитили апостоловъ съ тѣломъ Богородицы и понесли ихъ въ рай. Здѣсь тѣло Богородицы было встрѣчено пѣніемъ аллилуіи.

Во вступленіи къ одной латинской редакціи апокрифа объ успеніи разсказывается слѣдующее.

Накапунѣ страданій Христа Богородица бесѣдовала со своимъ Сыномъ. Разспрашивая Его, между прочимъ, о своемъ успеніи, Богородица стала просить Христа, чтобы Онъ извѣстилъ Ее о кончинѣ за три дня и явился со своими ангелами принять Ея душу. Христосъ отвѣчаетъ Матери, что Его ангелы всегда охраняли Ее и будутъ охранять до успенія; согласно Писанію, Онъ претерпитъ за людей страданія, на третій день воскреснетъ, а черезъ 40 дней вознесется на небо; когда Она послѣ этого увидитъ, что Онъ явился къ Ней съ ангелами и апостолами, тогда пусть знаетъ, что Ея душа отдѣлится отъ тѣла, и Онъ отнесетъ ее на небо.

Другая латинская редакція этого же апокрифа начинается такой картиной.

Когда Спаситель, пригвожденный ко кресту, увидѣлъ свою Мать и евангелиста Іоанна, котораго Онъ любилъ больше другихъ апостоловъ, то Онъ поручилъ Ее заботамъ Іоанна, сказавъ ему: „вотъ мать твоя“, а Ей: „вотъ сынъ твой!“

Изъ сопоставленія апокрифическихъ сказаній различныхъ редакцій объ успеніи Богородицы можно вывести слѣдующее.

Содержаніе стиха „Сонъ Богородицы“ заимствовано изъ редакціи апокрифа, близкой къ латинскимъ редакціямъ. Стиху стали придавать силу заговора и амулета подъ вліяніемъ разсказа апокрифа о чудесныхъ исцѣленіяхъ, сопровождавшихъ успеніе, и изложеннаго въ немъ обѣщанія Христа, что всякая душа, призывающая имя Богородицы, обрящетъ милость, утѣху, заступленіе и дерзновеніе въ нынѣшній вѣкъ и будущій.

195. „О богатомъ и Лазарѣ“. На свѣтѣ жили два брата, два Лазаря. Большого Лазаря Богъ наградилъ тьмою богатствъ, а малаго только святымъ кошелемъ. Завелъ богатый

Лазарь пиръ; созвалъ онъ князей и бояръ и „пестрыхъ“ властей. Пришелъ къ богатому бѣдный Лазарь и проситъ своего родного братца подать ему святую милостыню. Разсердился богатый: „Какой ты мой братецъ, какой ты мой родной? Есть у меня брателко, каковъ я самъ!“ Богатый гонитъ бѣднаго Лазаря съ крыльца, пинаетъ его, толкаетъ и собаками травитъ. А собаки рады бѣдному, идутъ къ нему и зализываютъ его кровавыя раны. Выбросилъ богатый Лазаря на навозъ. Бѣдный Лазарь взмолился Богу, чтобы Богъ послалъ ему скорую и немилостивую смерть. Богъ услышалъ его молитву и послалъ скорыхъ и милостивыхъ ангеловъ, которые „честно и хвально“ вынули у Лазаря душу черезъ сахарныя уста, положили ее на пелены и унесли на небеса въ пресвѣтлый рай.

Малое время спустя пришла лютая хворь на богатаго. Сталъ богатый молиться Богу, чтобы Богъ послалъ ему скорую и милостивую смерть, чтобы душу его взяли на небеса въ пресвѣтлый рай: „Живучи здѣсь, на вольномъ свѣту, пилаѣла душенька, все тѣшилася. Мнѣ есть чѣмъ, богатому, въ рай превзойти; мнѣ есть чѣмъ, богатому, душу спасти: много у богатаго имѣнья-житья, хлѣба и соли, злата и серебра“. Услышалъ Богъ молитву богатаго, послалъ двухъ немилостивыхъ ангеловъ, которые вынули его душу копьемъ (или крюкомъ) сквозь лѣвое ребро (сквозь темя) положили ее на острое копье, подняли ее высоко вверхъ и бросили въ адъ. Въ аду душу богатаго положили на огненный костеръ.

Посмотрѣлъ богатый на небеса и увидѣлъ бѣднаго Лазаря въ раю съ Авраамiемъ. Богатый возопилъ къ Авраамiю „велiимъ гласомъ“, чтобы онъ послалъ къ нему съ бѣднымъ Лазаремъ единую каплю воды промочить его горячiя уста и облегчить его страданiя и муки. Авраамiй отвѣчаетъ богатому: „Нѣтъ, чадо, неможно отсель къ вамъ перейти! Ты, чадо, тамъ жилъ, наслаждался, а Лазарь убогiй терпѣлъ и страдалъ; теперь же ты будешь во адѣ вѣкъ мучиться, а Лазарь убогiй въ раю ликовать“.

196. Комментарiи къ стиху „О богатомъ и Лазарѣ“. Въ основу стиха „О богатомъ и Лазарѣ“ легла евангельская притча о Лазарѣ. Содержанiе этой притчи воспроизводится и смыслъ ея раскрывается въ канонѣ на богатаго и на Лазаря, который поется въ церкви въ пятое воскресенье Великаго поста.

Содержаніе притчи таково.

Нѣкій человѣкъ былъ богатъ, одѣвался въ порфиру и виссонъ и каждый день „свѣтло“ веселился. Былъ также нѣкоторый нищій, по имени Лазарь, который лежалъ „гноенъ“ у воротъ богача, чтобы питаться крошками, падающими со стола богатаго; приходившіе псы лизали гной на тѣлѣ нищаго. Умеръ нищій, и ангелы отнесли его на лоно Авраамово; умеръ богачъ, и похоронили его. Въ аду, терзаемый муками, богачъ возвелъ свои очи и увидѣлъ „издалеча“ Авраама и на лонѣ его—Лазаря. Возопивъ, богачъ сталъ умолять Авраама, чтобы онъ помиловалъ его и послалъ Лазаря омочить кончикъ перста своего въ водѣ и остудить языкъ его, такъ какъ онъ страждетъ въ этомъ пламени. Авраамъ сказалъ: „Чадо, помяни, яко воспріялъ еси благая твоя въ животѣ твоемъ, и Лазарь такожде злая; нынѣ же здѣ утѣшается, ты же страждеши. И надъ всѣми сими между нами и вами пропасть велика утвердися, яко да хотящій перейти отсюду къ вамъ не возмогутъ, ни иже оттуду къ намъ преходятъ“. Богатый проситъ Авраама послать къ его пяти братьямъ Лазаря, чтобы Лазарь предостерегъ ихъ отъ участи попасть въ адъ. Авраамъ указалъ богатому, что у братьевъ его есть Моисей и пророки. Богатый отвѣчаетъ: „Ни, отче Аврааме! Но аще кто отъ мертвыхъ идетъ къ нимъ, покаются“. Авраамъ говоритъ богатому: „Аще Моисея и пророковъ не послушаютъ, и аще кто отъ мертвыхъ воскреснетъ, не имутъ вѣры“.

Сходясь въ общемъ съ евангельской притчей, стихъ „О богатомъ и Лазарѣ“ отличается въ подробностяхъ: 1) стихъ изображаетъ милостивую и немилостивую смерть; 2) стихъ выражаетъ взглядъ богатаго и нищаго на средства достиженія рая и 3) стихъ представляетъ богатаго и бѣднаго родными братьями.

1) Смерть милостивая и немилостивая. Въ стихѣ „О богатомъ и Лазарѣ“ разсказывается, что Богъ послалъ скорыхъ и милостивыхъ ангеловъ, которые вынули у Лазаря черезъ уста душу, положили ее на пелены и унесли на небеса въ рай: это — смерть скорая и милостивая. Къ богатому Богъ послалъ двухъ немилостивыхъ ангеловъ, которые вынули душу копьемъ или крюкомъ сквозь ребро или темя, вознесли ее вверхъ и ввергли въ адъ на огненный костеръ: это смерть медленная и немилостивая.

Представленія о двухъ видахъ смерти, милостивой и не-

милостивой, сложились уже въ глубокой древности. Эти представленія подсказаны были наблюденіями надъ процессомъ смерти различныхъ людей: одни люди умираютъ быстро и легко, другіе—долго и мучительно. Въ христіанскомъ мірѣ скорая и легкая смерть была приведена въ связь съ добродѣтельной жизнью, а смерть долгая и мучительная или насильственная съ грѣховной жизнью: „смерть грѣшниковъ люта“,— говорится въ псалмѣ Давида (XXXIII, 22). Самый процессъ смерти представляли себѣ при этомъ наглядно, образно, въ видѣ разлученія души съ тѣломъ. Душа — это особаго рода живое существо, пребывающее въ тѣлѣ: на иконахъ она изображается въ видѣ маленькаго обнаженнаго существа, свѣтлаго у праведниковъ и темнаго у грѣшниковъ. Смерть состоитъ въ томъ, что это существо извлекается изъ тѣла человѣка ангелами или бѣсами. Опредѣлялось даже мѣсто на тѣлѣ, откуда исходитъ душа: естественнымъ путемъ для ея исхода считался ротъ. Когда душа исходила черезъ ротъ, смерть была легкой и милостивой. Такая смерть посылалась праведникамъ. Былъ другой способъ разлученія души съ тѣломъ,—способъ, состоявшій въ томъ, что душу извлекали какимъ нибудь орудіемъ — трезубцемъ, копьемъ, крюкомъ — черезъ ребро или черепъ. Это — немилостивая, мучительная смерть, предназначавшаяся грѣшнику.

Всѣ эти представленія о смерти милостивой и немилостивой и различныхъ способахъ разлученія души и тѣла отразились въ церковной литературѣ: въ сказаніяхъ, апокрифахъ, житіяхъ и словахъ.

Іоаннъ Златоустъ въ своихъ бесѣдахъ на Евангеліе отъ Матѳея говоритъ слѣдующее: „Много услышишь ты разсказовъ объ ужасахъ при концѣ и страшныхъ явленіяхъ, самый видъ которыхъ нестерпимъ для умирающихъ, такъ что лежащіе на одрѣ съ великою силою потрясаютъ оный и страшно взираютъ на предстоящихъ, тогда какъ душа силится удержаться въ тѣлѣ и не хочетъ разлучиться съ нимъ, ужасаясь видѣнія приближающихся ангеловъ“.

Нѣкій Александръ Отшельникъ передаетъ слѣдующее видѣніе Макарія Александрійскаго (IV в.). Макарій шествовалъ однажды по пустынѣ въ сопровожденіи двухъ ангеловъ. Ангелы разсказали о томъ, какъ душа разлучается съ тѣломъ. Подобно тому, какъ человѣкъ приходитъ въ трепетъ, когда появляются посланные отъ царя, чтобы арестовать его, такъ и

душа трепещетъ, когда являются ангелы отъ Бога, милостивые и грозные, чтобы разлучить ее съ тѣломъ: душа сознаетъ свое безсиліе, понимаетъ тщету богатствъ и видитъ безпомощность родныхъ и друзей. Послѣ разлученія съ тѣломъ душа первые два дня остается на землѣ, причемъ душа грѣшника блуждаетъ вокругъ своего тѣла, а душа праведника обходитъ мѣста, гдѣ она творила добро. На третій день души поклоняются Богу, а послѣ этого въ теченіе шести дней обозрѣваютъ селенія праведныхъ; душа, отягченная грѣхами, при видѣ блаженства праведныхъ горько сѣтуетъ и сокрушается о своей прежней жизни. На девятый день совершается новое поклоненіе, а затѣмъ въ теченіе тридцати дней душамъ показываютъ муки ада. На сороковой день душѣ указываютъ мѣсто сообразно ея дѣламъ. Особая судьба постигаетъ души некрещенныхъ: ихъ хватаютъ немилостивые ангелы, грубо вырываютъ изъ тѣлъ и осыпаютъ упреками.

Нѣкій старецъ, — повѣствуется въ одномъ сказаніи, — пожелалъ узнать, какъ происходитъ разлученіе души съ тѣломъ у праведника и у грѣшника. Старецъ былъ приведенъ въ одинъ монастырь, гдѣ предстояло умереть одному изъ монаховъ. Этотъ монахъ слылъ великимъ подвижникомъ, хотя на самомъ дѣлѣ вовсе не былъ такимъ. Наступилъ часъ смерти. Вдругъ старецъ видитъ, что къ одру умирающаго приблизился демонъ съ огненнымъ трезубцемъ въ рукахъ. Свыше раздался гласъ: „Какъ эта душа не давала Мнѣ покою, такъ и ты, когда станешь извлекать ее изъ тѣла, не давай ей пощады!“ Демонъ долго мучилъ душу своимъ трезубцемъ, пока не разлучилъ ее съ тѣломъ. Возвращаясь изъ монастыря въ городъ, старецъ увидѣлъ, что на улицѣ лежитъ больной, за которымъ никто не ухаживалъ. Старецъ остался при немъ и провелъ цѣлый день. И вотъ, видитъ онъ, что съ неба спускаются архангелы Михаилъ и Гавріилъ, садятся одесную и ошуюю больного и приглашаютъ его душу изъ тѣла. Но душа не послушалась приглашенія. Ангелы не знаютъ, что имъ дѣлать: употребить силу въ отношеніи къ этому больному было запрещено. Они обращаются къ Богу за наставленіемъ. Съ неба раздается голосъ: „Пошлю я къ этой душѣ Давида съ гуслями и всѣхъ псалмопѣвцевъ Іерусалима!“ Услышавъ райское пѣніе, душа вышла изъ тѣла, сѣла на руки къ архангелу Михаилу и съ радостью была вознесена на небо.

Въ апокрифическомъ житіи Іосифа-плотника разсказывается слѣдующее. Когда приблизилось время кончины Іосифа, къ нему явилась смерть съ полчищами своихъ слугъ. Іосифъ въ страхѣ отшатнулся отъ нея и обратился къ Богу съ мольбой. Богъ послалъ двухъ архангеловъ Михаила и Гавріила, которые приняли душу Іосифа, обернули ее въ сіяющую пелену и вознесли на небо.

Въ „Откровеніи“ св. Варѳоломея разсказывается, что душу праведника принимаютъ четыре ангела: двое изъ нихъ держатъ развернутую пелену, въ которую принимаютъ душу послѣ разлученія ея съ тѣломъ.

Въ апокрифѣ „Видѣніе“ апостола Павла (кн. 1-ая, § 79) смерть праведника и грѣшника описывается такъ. Павелъ увидѣлъ бѣднаго, но праведнаго человѣка, который умиралъ. Передъ умирающимъ предстали всѣ его дѣла, совершенныя во имя Божіе. Благой ангелъ бережно принимаетъ его душу и возноситъ ее къ Богу. Павелъ былъ свидѣтелемъ смерти и грѣшника. Грѣшникъ, почувствовавъ приближеніе смерти, начинаетъ горько сѣтовать. Появившіеся грозные ангелы съ силой вырываютъ душу грѣшника изъ тѣла и потрясаютъ ее.

„Житіе Василія Новаго“ (кн. 1-ая, § 97) въ „Видѣніи Ѳеодоры“ такъ описываетъ смерть Ѳеодоры. Когда приблизилась кончина Ѳеодоры, послѣдняя увидѣла около себя полчища эфіоповъ, которые своимъ видомъ и криками наводили на нее ужасъ. Къ ея одру приблизились два свѣтлыхъ ангела, которые вступили съ эфіопами въ споръ. Явилась смерть въ образѣ страшнаго чудовища съ орудіями мученія въ рукахъ: съ мечами, стрѣлами, копьями, серпами, пилами и т. д. Свыше раздался гласъ, повелѣвавшій разлучить эту душу „скоро и тихо: не имать бо много тяжести грѣховныя“. Ангелы приняли душу Ѳеодоры и вмѣстѣ съ нею проходятъ 21 мытарство. Пройдя мытарства, ангелы показали душѣ Ѳеодоры сначала селенія праведныхъ, а затѣмъ муки, уготованныя грѣшникамъ. На сороковой день душа Ѳеодоры была отведена въ обитель Василія, гдѣ она будетъ пребывать до страшнаго суда.

2) Взгляды богатаго и нищаго на средства достиженія рая. Лазарь молитъ Бога о скорой, хотя и немилостивой смерти: ангелы вынутъ его душу „не честно, не хвально сквозь правое ребро“, вознесутъ ее на копье и бросятъ въ адъ. Смиреніе Лазаря, не ждущаго себѣ пощады, объясняется въ одномъ ва-

ріантѣ стиха тѣмъ, что ему, бѣдному, „нечѣмъ въ рай превзойти, нечѣмъ въ убожествѣ душу спасти“. Богачъ проситъ Бога послать ему смерть скорую и милостивую: „Выняло бы душеньку въ сахарны уста, положило-бъ душеньку на пелены, подняло бы душеньку на небеса, положило-бъ душеньку въ пресвѣтлый рай“. Богачъ убѣжденъ, что душа его попадетъ въ рай: „Мнѣ есть чѣмъ, богатому, въ рай превзойти, мнѣ есть чѣмъ, богатому, душу спасти: много у богатаго имѣнья-житья, хлѣба и соли, злата и сребра“. И бѣдный, и богатый— оба увѣрены, что въ рай можно „превзойти“ только тому, у кого есть богатства. Эта увѣренность сложилась на почвѣ древнерусской церковной и особенно монастырской практики: представители высшихъ обезпеченныхъ классовъ имѣли возможность не только заказывать для себя всевозможныя богослуженія по церквамъ и монастырямъ за вознагражденіе и вклады, но и строить для себя монастыри, гдѣ остатокъ своей жизни проводили въ молитвахъ; представители низшихъ классовъ по бѣдности своей были лишены этой возможности (§§ 13, 34; кн. 1-ая, §§ 150, 271—273).

3) Богатый и Лазарь — родные братья. Въ отличіе отъ евангельской притчи стихъ представляетъ богатаго и Лазаря родными братьями, „двумя Лазарями“. Въ древней редакціи стиха, наиболѣе близкой къ притчѣ, этого не могло быть. Братьями стихъ сталъ представлять богатаго и Лазаря позднѣе и, вѣроятно, подъ вліяніемъ проповѣдей и поученій, въ которыхъ они назывались братьями въ переносномъ, христіанскомъ, смыслѣ. Послѣ этого не трудно было превратить богатаго и Лазаря въ родныхъ братьевъ, особенно, когда стихъ попалъ въ среду каликъ изъ низшихъ классовъ: здѣсь, въ низшихъ классахъ, усиленно разрабатывалась тема о богатствѣ и бѣдности, причемъ богатый и бѣдный представлялись, какъ это видно изъ сказокъ (кн. 1-ая, § 50), родными братьями. Такое представленіе—художественный пріемъ, ярко подчеркивающій общественное противорѣчіе между богатыми и бѣдными. Являясь пріемомъ художественнаго изображенія, это представленіе заключаетъ въ себѣ значительную долю исторической правды: богатые — потомки старшихъ, организаторовъ и руководителей патріархально-родовыхъ общинъ, а бѣдные—потомки ихъ младшихъ, руководимыхъ братьевъ.

Стихъ „О бѣдномъ и Лазарѣ“—любимѣйшій у современ-

ныхъ каликъ и нищихъ: послѣдніе видятъ въ Лазарѣ свой первообразъ.

197. Стихи о разставаніи и прощаніи души съ тѣломъ. Стихи о разставаніи и прощаніи души съ тѣломъ распадаются на три группы.

1) Первая группа. Къ первой группѣ относятся стихи, которые открываются картиной плаванія ангеловъ по морю.

По синему морю Хвалынскому пробѣгаютъ корабли. На корабляхъ сидятъ святые ангелы. Навстрѣчу ангеламъ идетъ Христосъ и спрашиваетъ ихъ, гдѣ они хаживали и гуляли и что они слышали. Ангелы отвѣчаютъ, что они хаживали по вольному свѣту и много разъ видѣли, какъ душа съ тѣломъ разставалась. Разставшись, душа шла прочь, возвращалась къ тѣлу прощаться съ нимъ: „Ты пойдешь, тѣло, во сыру землю червямъ, тѣло, на источеніе; вы, кости,—земли на преданіе, а я, душа,—къ Самому Христу на покаяніе“. Христосъ идетъ навстрѣчу душѣ, и душа кается во грѣхахъ: она не постилась по средамъ и пятницамъ, не говѣла, просыпала заутреню, вечерню, прогуливала обѣдню, не по праведному землю дѣлила, не по праведному покосы раздѣляла, „заломы“ въ соломахъ заламывала (особый видъ колдовства, состоящій въ томъ, что съ заклинаніями связываютъ узломъ рожь на корню у сосѣда, чтобы повредить урожаю), изъ коровушекъ „молоки“ выкликивала (тоже колдовство, чтобы корова сосѣда не давала молока), разводила мужа съ женой, на игрища ходила, много плясывала, напивалася зелена вина—и безъ покаянія умерла.

Первая группа стиховъ о разставаніи и прощаніи души съ тѣломъ сложилась подъ вліяніемъ „Видѣнія“ Павла и каноновъ Ефрема Сирина. По захожденіи солнца, — разсказывается въ „Видѣніи“,—„вси ангели людьстии, мужи и жены, идуть къ Богу покланятся ему и приносять дѣла человѣцьска, яже сдѣяша отъ заутра и до вечера люба злая, любо добрая“. Картина плаванія ангеловъ по морю навѣяна космографическими представленіями объ океанѣ, обтекающемъ землю по краямъ, гдѣ она сходится съ небомъ (§ 190). Указаніе на эти представленія находятся и въ „Видѣніи“ Павла: „И ту,—разсказываетъ Павелъ,—видихъ зацало (начало, край) небесное основано на велици рѣцѣ воды и въспросихъ глаголя: что есть рѣка си водиная? И рече ми: се есть окионъ, обходяи вселенную“.

Сцена прощанія души съ тѣломъ обработана подъ вліяніемъ каноновъ Ефрема Сирина въ его „Надгробныхъ пѣснопѣніяхъ“. Въ LIX канонѣ говорится, что душа, разлученная съ тѣломъ, удручается воспоминаніями о своихъ грѣхахъ и обращается къ тѣлу со слѣдующими словами: „Прощай, вѣрный товарищъ! Насъ разлучаетъ смерть: ты здѣсь останешься, а я ухожу.“ Тѣло выражаетъ пожеланіе, чтобы Богъ, создавшій ихъ обоихъ, избавилъ ихъ отъ ада. Въ LXXXI канонѣ душа въ своей рѣчи сравниваетъ тѣло съ гостиницей, въ которой она временно обитала и изъ которой она уходитъ въ свое первоначальное жилище; она трепещетъ предъ судомъ, на который ей придется предстать, и говоритъ: „Прощай же, тѣло, любезное мнѣ жилище, въ которомъ я пребывала, пока это угодно было Богу!“

Сцена покаянія души навѣяна „Видѣніемъ“ Павла, въ которомъ разсказывается о судѣ Бога надъ грѣшною душою, пытавшеюся сначала извернуться ложью. Поставленная лицомъ къ лицу съ тѣми душами, съ которыми имѣла дѣло при жизни, она созналась въ слѣдующихъ грѣхахъ: она пролила на землю кровь, нарушила супружескую вѣрность, отняла у убитаго имѣніе. Въ стихахъ обыкновенно душа кается въ подобныхъ же грѣхахъ, но къ нимъ прибавляется цѣлый рядъ другихъ, изъ которыхъ многіе заимствованы изъ крестьянской жизни,—знакъ того, что эта группа стиховъ подверглась переработкѣ среди каликъ изъ крестьянскаго класса населенія.

2) Вторая группа. Ко второй группѣ стиховъ относятся такіе, которые начинаются запѣвомъ: „Ты взыди, человѣче, на Сіонъ-гору“, или такимъ запѣвомъ: „Человѣкъ на свѣтѣ живетъ, какъ трава растетъ“.

„Ты взойди, человѣче, на Сіонъ-гору, ты послушай, человѣче, трубы богогласныя“. Человѣкъ на землѣ живетъ, какъ трава растетъ; всякая слава человѣческая, яко цвѣтъ цвѣтетъ. Вечеромъ человѣкъ сидѣлъ во бесѣдѣ, а по утру онъ уже во гробѣ лежитъ: ясныя очи его омрачились, и языкъ замолчалъ; бѣлыя руки приложены къ сердцу. Душа разсталась съ тѣломъ, какъ птенецъ съ гнѣздомъ, взлетѣла и пришла въ незнакомый міръ, оставивъ всѣ житейскія попеченія, честь, славу и богатство. Онъ забываетъ отца и матерь, жену и чадъ своихъ, переселяется въ другой вѣкъ, безконечный, и тамъ зритъ лица и вещи преужасныя: добрыхъ ангеловъ и воздушныхъ — тем-

ныхъ духовъ. Ангелы вопрошаютъ душу о ея дѣлахъ. Тутъ душа вострепеталась, жалостно кричала: „Вы помилуйте, добріи ангели, не отдайте мя въ руки злымъ духамъ, но ведите мя ко Господу милосердному... Вы же, мои друзи и сродницы, что обстояше гробъ и тѣло мое лобзаете? Вы на что свѣщи и масло возжигаете? Не возжегъ бо азъ свѣтильника душевнаго. Вы на что меня водою обмываете? Не умыхся азъ слезами предъ Богомъ. Вы почто въ ризы свѣтлы облекаете? Не облекохся азъ живущи въ ризы брачныя. Что же въ ракахъ съ преподобными полагаете? Ихъ же образу житія не послѣдовалъ. Вы почто псалмы и пѣсни совершаете? Не воспѣхъ бо азъ живущи пѣсни духовныя. Что же въ церковь со свѣщами провожаете не возжегшаго свѣтильника“? Душа обращается къ друзьямъ и сродникамъ съ просьбой о послѣднемъ одолженіи—раздѣлить ея имѣніе нищимъ и странникамъ, „ихъ же молитвъ и слезъ теплыхъ послушаетъ Богъ и подастъ для ихъ прощеніе грѣховъ моихъ“.

Запѣвъ этой группы стиховъ—„ты взойди, человѣче, на Сіонъ-гору; ты послушай, человѣче, трубы гласны“—сложился подъ вліяніемъ представленія о томъ, что трубный гласъ, возвѣщающій конецъ міра, раздастся съ Сіонской горы.

„Человѣкъ на свѣтѣ живетъ, какъ трава растетъ; всяка слава человѣческа, яко цвѣтъ цвѣтетъ,“—это сравненіе навѣяно слѣдующими словами изъ псалма (CII, 15) Давида: „Человѣкъ, яко трава, дніе его, яко цвѣтъ селный, тако отцвѣтаетъ“.

Картина разлученія души съ тѣломъ обработана отчасти по легендѣ о Макаріи Александрійскомъ, въ которой разсказывается, что душа, разлучившись съ тѣломъ, бродитъ около него, ищущи яко птица гнѣзда „своего“, отчасти по „Видѣнію“ Павла, въ которомъ „духъ лукавый, забытливый сотонинъ“ задаетъ душѣ такой вопросъ: „Камо течеши, душе, и дерзаеши. хотящи взыти на небеса? Постой, да видимъ, нѣсть ли ничтоже отъ нашихъ“... Прощаніе души съ родственниками представляетъ переработку разсказа объ исходѣ души въ поученіи Ефрема Сирина „О сценѣ жизни и покаяніи“ или въ словѣ того же Ефрема Сирина „О почившихъ во Христѣ“. Вотъ, какъ Ефремъ Сиринъ изображаетъ прощаніе души съ родственниками: „Прощайте, братія мои возлюбленные!... На что вамъ, братія, зажигать для меня свѣчи? Не возжегъ я свѣтильника души моей. На что облекать меня въ свѣтлыя одежды? Не

имѣю на себѣ свѣтлаго одѣянія. На что омывать тѣло мое водою? Не проливалъ я слезъ, какъ воды. Для чего положите меня въ гробахъ съ преподобными, которыхъ ни жизни, ни нравовъ не показалъ я въ себѣ? Какъ обманывалъ я самъ себя! Какъ издѣвался самъ надъ собою, говоря: молодъ еще я, наслажусь пока жизнью, вкушу удовольствій міра, а впослѣдствіи покаюсь... И вотъ, поемлюсь теперь неготовый"... По окончаніи этой рѣчи,—продолжаетъ Ефремъ Сиринъ,—у умирающаго „внезапно языкъ связывается, глаза измѣняются, умъ превращается, уста умолкаютъ".

3) **Третья группа**. Третья группа стиховъ о разставаніи и прощаніи души съ тѣломъ носитъ общее заглавіе „Стихъ Богородицѣ". „Стихъ Богородицѣ" распадается на двѣ части.

Первая часть—лирическая. Она начинается обращеніемъ къ Богородицѣ: „Чудная Царице Богородице! Услыши молитву рабъ твоихъ, пріими наши слезы горячія, не лиши насъ царства небеснаго, избави насъ муки вѣчныя". За этимъ обращеніемъ слѣдуютъ размышленія о тлѣнности земной жизни: „Земля еси, земля сырая, матерь! И всѣхъ еси, земля, отецъ и матерь. Гробы вы, гробы, колодцы дубовые! Всѣмъ намъ есте домы превѣчные. Черви есте, черви неусыпающи! Всякому человѣку—встрѣча первая. Мука еси, мука вѣчная! Не мене ради мука сотворена: сотворена еси сатаны ради и діавола".

Изобразивъ тлѣнность земной жизни и предстоящій человѣку конецъ, авторъ увѣщеваетъ его во-время покаяться, чтобы страшный судъ не засталъ его врасплохъ: „День къ вечеру приближается, солнце идетъ къ западу, сѣкира лежитъ близъ корени древа. Уже время торгу содѣвается, и купля минуется, а граду врата затворяются. Приходятъ времена послѣдняя, нашему житію конецъ идетъ".

Вторая часть—эпическая. Въ ней изображается наступленіе послѣднихъ дней и пришествіе Антихриста. Наступитъ,—поется въ этой части, — антихристово царство, будетъ Антихристъ царствовать тридцать лѣтъ, и эти тридцать лѣтъ Господь обратитъ „яко въ три года", три года „яко въ три мѣсяца", три мѣсяца „яко въ три часа", три часа „яко окомъ мигнуть". Тогда Господь „сожалуется" о грѣшныхъ и сошлетъ пророковъ нелживыхъ: сойдетъ Илья, Божій пророкъ, и Оновъ (Онохъ), Божій пророкъ, и начнутъ они пророчествовать и съ праведными „глаголы глаголовати". Злой Антихристъ повелитъ

побить пророковъ Божіихъ. Отступятъ отъ пророковъ святые ангелы, приступятъ къ нимъ бѣсы темные и побьютъ ихъ: разольется по землѣ кровь пророческая. Тогда пошлетъ Господь грозныхъ ангеловъ, которые снесутъ огня и зажгутъ землю съ четырехъ сторонъ. И выгоритъ земля на тридевять локоть за наше великое согрѣшеніе...

Лирическая часть „Стиха Богородицѣ“ составлена, повидимому, подъ вліяніемъ надгробныхъ пѣснопѣній и вообще словъ Ефрема Сирина. Въ поученіи „О суетѣ жизни и покаяніи“ Ефремъ приглашаетъ поспѣшить покаяться, „пока солнце не доствило запада... Послѣ того, какъ торжище жизни прекратится, никто уже не занимается куплею“. Когда душа проситъ ангеловъ смерти подождать и дать ей покаяться, ангелы,— разсказываетъ Ефремъ, — говорятъ ей: „Солнце зашло уже, душа; время твое кончилось, приспѣхъ часъ посѣченія“.

Эпическая часть стиха сложилась подъ вліяніемъ, главнымъ образомъ, апокрифическихъ сказаній о второмъ пришествіи. Въ „Вопросахъ Іоанна Богослова“ (кн. 1-ая, § 80) говорится слѣдующее: „Слыши, праведный Іоанне, 3 лѣта будутъ и времена та, и сотворю 3 лѣта, аки 3 мѣсяца, а 3 мѣсяца, аки 3 недѣли, а 3 недѣли, аки 3 дни, а 3 дни, аки 3 часы, а 3 часы, аки 3 черты“. Меѳодій Патарскій въ „Откровеніи“ (кн. 1-ая, § 123) пишетъ: „...Не стерпитъ Богъ зрѣти погибели рода человѣческаго, его же искупи своею кровію, но слетъ (посылаетъ) въскорѣ своа присныа угодники Еноха и Илію и Богослова на обличеніе супостату дрьзновеніемъ предъ всѣми языкы и обличатъ прелесть его и покажутъ его лжа предъ всѣми человѣкы“... Въ „Вопросахъ Іоанна Богослова“: „И тогда пошлю Еноха и Илію на обличеніе его, покажетъ лжа суща и преступника. И тогда убіетъ Илію на жертвеницѣ... И тогда пошлю ангелы моя святы и да зажгутъ землю и изгоритъ земля лакотъ 50 тысящъ и 500 въ глубину“.

198. „Объ Аникѣ-воинѣ“. Въ славномъ городѣ Евлесѣ жилъ 222 года Аника-воинъ. Много Аника совершилъ на землѣ походовъ, много разорилъ городовъ, много церквей разрушилъ, много христіанъ облатынилъ. Хочетъ Аника добраться до самого Іерусалима. Садится Аника на коня, беретъ палицу боевую и ѣдетъ къ Іерусалиму. На пути онъ натыкается на „чудо чудное“, „диво дивное“: у „чуда“ голова—человѣческая, волосы — до пояса, туловище — звѣриное, ноги — лошадиныя.

Аника испугался „чуда“ и спрашиваетъ его, кто онъ такой, царь ли какой, король, или богатырь. „Чудо“ отвѣчаетъ, что оно—гордая смерть и послано Христомъ умертвить его, Анику, и положить во сырую землю. Аника схватываетъ свою палицу и хочетъ сразиться со смертью. Смерть говоритъ Аникѣ, что жили на свѣтѣ Святогоръ-богатырь и Самсонъ-богатырь; и эти богатыри покорились ей, смерти, и поклонились. Вынимаетъ смерть „пилы невидимыя“, подпиливаетъ у Аники становыя жилы. Подвихнулись у Аники рѣзвыя ноги, опустились бѣлыя руки, помутились ясныя очи, буйная голова съ плечъ повалилась. Аника съ плачемъ и рыданіемъ проситъ смерть дать ему отсрочку на тридцать лѣтъ и обѣщаетъ ей золотую казну. Смерть отвѣчаетъ: „Рабъ и человѣкъ, Аника-воинъ! Есть на землѣ много изъ царей царевичевъ, изъ королей королевичевъ, изъ богатыхъ богатые: они бы со мною казной подѣлились, у меня бы казны было много, была бы казна золотая отъ востоку солнца до заката. Нѣтъ тебѣ строку (сроку) и вѣку!“... Аника проситъ отсрочку на двадцать лѣтъ: „Я поѣду, — говоритъ Аника,—въ свой домъ побываю. У меня въ дому казны много: я свою казну расточаю по тѣмъ церквамъ по соборнымъ, по тѣмъ тюрьмамъ, богадѣльнымъ и по тѣмъ по бѣднымъ по людямъ, и по всей по нищей по братьи, — не будетъ ли моей душѣ помощь?“ Смерть отвѣчаетъ: „У тебя казна нетрудовая, у тебя казна праховая, у тебя казна слезовая, у тебя ли съ кровопролитья нажитая, да не будетъ твоей душѣ помощь. Нѣтъ тебѣ строку и вѣку!“... Аника проситъ отсрочки на десять лѣтъ и обѣщаетъ: „Я поѣду въ свой домъ, побываю. Я опишу твой ликъ на икону, поставлю во церковь во соборну; будемъ мы тебѣ покланяться и будемъ тебѣ всѣ покоряться, будемъ тебѣ молебны исправляти и будемъ въ канонѣ тебѣ читати“. Смерть отвѣчаетъ: „Нельзя мнѣ въ церкви стояти, нельзя мнѣ молебны исправляти. Нѣтъ тебѣ строку и вѣку!“ Аника проситъ хоть пять лѣтъ: онъ съѣздитъ домой проститься съ отцомъ, матерью, родными и друзьями. Смерть отвѣчаетъ: „Рабъ-человѣкъ, Аника-воинъ! Нѣтъ у меня, смерти, ни отца—ни матери, ни роду—ни племени, ни друзи—ни братіи. Нѣтъ тебѣ строку и вѣку, на три часа тебѣ вѣку! Гдѣ я раба застигаю, тутъ я раба искошаю (косой умерщвляю), хотя я при церкви—при соборной, хотя при торгу—при базарѣ, хотя я при пиру—при бесѣдѣ, хотя при пути—при дорогѣ, хотя я

во чистомъ во полѣ, хотя во темномъ во лѣсу, хотя на синемъ на морѣ, тутъ я раба застигаю, тутъ я раба искошаю. Нѣтъ тебѣ строку и вѣку, на три минуты тебѣ вѣку!“ Слетѣли съ неба ангелы и вынули душу Аники.

Этотъ стихъ составился подъ тремя вліяніями: 1) подъ вліяніемъ произведенія „Преніе живота со смертью“, 2) подъ вліяніемъ сказаній о смерти Дигениса и 3) подъ вліяніемъ русскаго богатырскаго эпоса.

1) **„Преніе живота со смертью“**. Въ этомъ произведеніи, переведенномъ, повидимому, съ нѣмецкаго языка, изображается разговоръ („двоесловіе“) „живота“ представленнаго богачемъ и храбрецомъ, одержавшимъ многочисленныя побѣды, и смерти, которая представляется страшнымъ и отвратительнымъ существомъ, вооруженнымъ косой. „Животъ“ спрашиваетъ это существо, кто оно. Смерть отвѣчаетъ и говоритъ, что никто не избѣжалъ ея: „папъ, цесарей, кардиналовъ кошу я всѣхъ, воиновъ, женъ и пресвитеровъ, и все, еже нѣкогда есть рожено“. Въ нѣкоторыхъ спискахъ вмѣсто папъ, цесарей и т. д. названы Самсонъ сильный, Александръ Македонскій и Соломонъ. Смерть вызываетъ „животъ“ на бой, подставляетъ ему ногу, валитъ на землю и разбиваетъ сердце.

2) **Сказанія о смерти Дигениса**. Сказанія о смерти Дигениса (кн. 1-ая, § 131), до сихъ поръ воспроизводимыя въ новогреческихъ пѣсняхъ, повѣствуютъ, что Дигенисъ встрѣтился съ Хароном и спросилъ его, куда онъ такъ весело идетъ. Харонъ отвѣтилъ, что пришелъ къ нему, Дигенису. Дигенисъ съ гордостью говоритъ Харону: „Меня зовутъ Акритомъ, непобѣдимымъ Акритомъ“. Харонъ совѣтуетъ Дигенису не хвастать и вызываетъ его на бой. Дигенисъ погибаетъ.

Изъ этихъ сказаній, повидимому, авторъ стиха заимствовалъ эпитетъ Дигениса, „непобѣдимый“, по-гречески „Аникитъ“, передѣлавъ слово „Аникитъ“ въ Анику.

3) **Вліяніе богатырскаго эпоса**. Вліяніе нашего богатырскаго эпоса на стихъ объ Аникѣ-воинѣ сказалось въ томъ, что въ нѣкоторыхъ редакціяхъ стиха образъ Аники сближается съ образами Святогора и Самсона.

199. Стихи о кончинѣ міра, страшномъ судѣ и загробной жизни. Стихи о кончинѣ міра, страшномъ судѣ (къ нимъ отчасти примыкаетъ „Стихъ Богородицѣ“, см. § 197) и о загробной жизни сложились подъ вліяніемъ, *во-первыхъ*, цер-

ковныхъ произведеній эсхатологическаго содержанія. Сюда относятся прежде всего картина кончины міра и страшнаго суда, изображенная въ Евангеліи, затѣмъ такія произведенія, какъ „Хожденіе Богородицы по мукамъ“, „Слово о видѣніи апостола Павла“, „Вопросы Іоанна Богослова“, „Житіе Андрея Юродиваго“, „Житіе Василія Новаго“, „Откровеніе Меѳодія Патарскаго“ и т. д. (кн. 1-ая, §§ 78—81, 96, 97, 123), въ которыхъ также изображается конецъ міра и страшный судъ, и, наконецъ, произведенія нѣкоторыхъ учителей и отцовъ церкви на ту же тему, какъ, напр., слово св. Ипполита „О Христѣ и Антихристѣ“ и особенно слово Ефрема Сирина „Объ Антихристѣ“ (кн. 1-ая, § 100). *Во-вторыхъ*, на стихи о кончинѣ міра, страшномъ судѣ и загробной жизни имѣли вліяніе картины страшнаго суда, очень популярныя и распространенныя въ древней Руси.

Изъ указанныхъ группъ стиховъ мало такихъ, которые изображаютъ кончину міра и пришествіе Антихриста. Многочисленнѣе стихи о страшномъ судѣ и особенно о загробной жизни людей. Въ послѣднихъ особенное вниманіе удѣляется, какъ и въ церковной литературѣ, изображенію участи грѣшниковъ; что касается блаженства праведниковъ, то описаніе его сводится къ краткимъ бѣглымъ замѣчаніямъ.

По своему содержанію большинство стиховъ дѣлится на двѣ части.

Въ *первой* части изображается конецъ міра. По Божьему повелѣнію, снизойдутъ ангелы, ужасно возгласятъ и въ трубы вострубятъ. Небеса ужаснутся, концы земли содрогнутся, вся тварь устрашится, мертвые воскреснутъ. Прекрасное солнце сокроетъ свои лучи, пресвѣтлая луна престанетъ отъ теченія; звѣзды съ небесъ испадаютъ.

Вторая часть представляетъ картину суда надъ людьми. Праведныхъ Господь Богъ приглашаетъ въ рай, а грѣшныхъ гонитъ въ пропасти глубокія, гдѣ находятся бѣда, горе и мука, огни неугасимые, смола неутолимая и черви, грызущіе и неусыпающіе. Грѣшники вопіютъ ко Господу и спрашиваютъ, чего ради Онъ лишаетъ ихъ царства небеснаго. Судія праведный отвѣчаетъ имъ: „Какъ жили вы на вольномъ на свѣтѣ, вы воли Господней не творили, за крестъ, за молитву не стояли; вы нищую братію обиждали, вы другъ друга не любили, заповѣдь Божью переступали; Меня, Христа, не посѣтили, вы

нагого не одѣли, вы босого не обули, вы голоднаго не накормили, жаднаго (жаждущаго) не напоили".

Нѣкоторые стихи изображаютъ какой-либо эпизодъ изъ картины кончины міра, страшнаго суда и загробной жизни.

Стихъ, начинающійся словами: „Выди-ко, человѣче, на Сіонскую гору, погляди, человѣче, внизъ по матушки-земли", изображаетъ участь грѣшниковъ. По землѣ течетъ рѣчка огненная; пламя пылаетъ отъ рѣки до неба. На берегу рѣки грѣшныя души вопятъ и кричатъ: онѣ перевозу хотятъ. Батюшка небесный Царь отвѣчаетъ имъ, что для нихъ нѣтъ перевозу: „Ужъ вы жили, души, на вольномъ свѣту, — что же, души, уготовили себѣ? Вы въ Божью церкву не хаживали, вы духовному отцу не каявались, вы голоднаго не накармливали, вы жаждущаго не напаивали, отъ темной ночи не отбоpанивали, вы голаго не одѣвывали, вы босого не обувывали, у мертваго тѣла не сиживали и мертва тѣла не проваживали". Господь велитъ этимъ душамъ идти на муку вѣчную.

Стихъ, начинающійся словами „Матушка Владычица проситъ", изображаетъ эпизодъ изъ „Хожденія Богородицы по мукамъ", именно молитву Богородицы ко Христу за грѣшныя души, мучащіяся въ аду.

Стихъ „Плачъ земли" почерпнулъ свое содержаніе изъ „Видѣнія" апостола Павла. Въ „Видѣніи" жалуются на людей и ихъ беззаконія солнце, воды и земля. Послѣдняя такъ жалуется: „Осуждена есмь паче всей твари, ибо не хотящи подающи крѣпостью своею плоды сыномъ человѣческомъ; но повели ми и не подамъ крѣпостью моею плодовъ". Въ стихѣ „Плачъ земли" изображается, какъ растужилась, расплакалась матушка сыра земля предъ Господомъ Богомъ". Земля такъ изливаетъ Богу свою жалобу: „Тяжелъ то мнѣ, тяжелъ, Господи, вольный свѣтъ, тяжелѣ много грѣшниковъ, болѣ беззаконниковъ"! Господь отвѣчаетъ землѣ: „Потерпи же ты, матушка, сыра земля, потерпи же ты нѣсколько времечка, сыра земля, не придутъ ли рабы грѣшные къ самому Богу съ частымъ покаяніемъ? Ежели придутъ, прибавлю я имъ свѣту вольнаго, царство небесное; ежели не придутъ ко мнѣ, къ Богу, убавлю я имъ свѣту вольнаго, прибавлю я имъ муки вѣчныя, поморю я ихъ гладомъ голоднымъ". Послѣднія слова стиха составляютъ переработку слѣдующаго мѣста въ „Видѣніи": „Моя

благодать ожидаетъ ихъ, дондеже обратятся ко мнѣ; аще ли не придутъ ко мнѣ, азъ имъ сужю".

Стихи на праздники и особые дни.

200. Стихи на праздники и особые дни. Къ стихамъ на праздники и особые дни относятся слѣдующіе: 1) „О Недѣлѣ-Воскресеніи" и 2) „О Пятницѣ".

201. „О Недѣлѣ-Воскресеніи". Воскресный день („недѣля"), съ которымъ связывается воспоминаніе о воскресеніи Христа, сталъ праздноваться у христіанъ съ древнѣйшихъ временъ. Подражая евреямъ, праздновавшимъ субботу, христіане посвящали этотъ день молитвеннымъ собраніямъ и воздержанію отъ работъ. Однако, пока христіанство не было еще государственной религіей, далеко не всѣ христіане фактически имѣли возможность праздновать воскресеніе: многіе были отвлекаемы отъ этого необходимостью исполнять разнаго рода обязанности. Съ объявленіемъ христіанства государственной религіей правительство принимаетъ мѣры къ тому, чтобы сдѣлать воскресенье праздникомъ фактически. Такъ, при Константинѣ В. были запрещены въ городахъ въ этотъ день работы, засѣданія судовъ и зрѣлища. Позже запрещаютъ работы по воскресеньямъ и въ селахъ. Параллельно съ этимъ стремленіемъ христіанъ превратить воскресенье въ общеобязательный праздникъ возникали сказанія и легенды, мотивировавшія необходимость празднованія воскреснаго дня, грозившія тяжкими наказаніями ослушникамъ и ссылавшіяся на примѣры такихъ наказаній.

Одинъ купецъ,—повѣствовали эти легенды,—изъ жадности обходилъ свои поля даже по воскресеньямъ. Въ одно воскресенье, когда онъ совершалъ свой обычный обходъ, на него напали бѣсы, связали его и стали таскать по полю.

Одна дѣвушка пряла въ воскресенье. Когда сосѣди стали предостерегать ее отъ этого, она отвѣтила: „Говорите, что хотите! Зачѣмъ Господь не далъ мнѣ достатка? Я буду работать и докажу, что сама могу пріобрѣсти себѣ средства". Внезапно поднялся страшный вихрь, который подхватилъ дѣвушку и унесъ ее.

Подъ вліяніемъ такихъ сказаній и легендъ къ воскресному дню начинаетъ мало по малу создаваться въ христіанской средѣ благоговѣйное отношеніе, которое еще болѣе стало усиливаться

благодаря одному случайному обстоятельству. Воскресенье по-гречески — анастасія. Подъ вліяніемъ такого названія среди грековъ стали смѣшивать воскресенье со св. Анастасіей: воскресный день былъ понятъ, какъ день св. Анастасіи. Воскресный день стали представлять живымъ существомъ. Отъ грековъ такое представленіе перешло къ славянамъ и къ намъ, подъ именемъ св. Недѣли. Въ „Хожденіи Богородицы по мукамъ“ (кн. 1-ая, § 78) Богородица, скорбя о мученіяхъ грѣшныхъ душъ, восклицаетъ передъ престоломъ Господа: „Кде есть Моиси пророкъ, кде ли суть вси пророци и вы, отци, иже грѣха не творите николиже? Кде ли Павелъ, възлюбленникъ Божии? Кде ли есть Недѣля, похвала крестьяньская“? Существовали даже иконы съ изображеніемъ св. Недѣли.

Стихъ „О Недѣлѣ-Воскресеніи“ представляетъ переработку апокрифическаго произведенія „Эпистолія о Недѣлѣ“ (кн. 1-ая, § 83). Подобно „Эпистоліи“ стихъ даетъ такое наставленіе: „Чада вы мои! Поимѣйте вы три дни въ недѣлю: среду и пятницу, воскресенія Христова. Въ среду жидовья на Христа совѣтъ совѣтали, въ пятницу распятъ былъ самъ Исусъ Христосъ, въ третій день — воскресенья Христова воскресъ Христосъ изъ гроба и взошедъ на небеса“.

202. „О Пятницѣ“. Стихъ о Пятницѣ представляетъ переработку апокрифическаго сказанія „О двѣнадцати пятницахъ“ (кн. 1-ая, § 82).

Стихъ приглашаетъ послушать про двѣнадцать пятницъ. Первая великая пятница—на первой недѣлѣ Великаго поста: въ этотъ день Каинъ убилъ „каменіемъ“ Авеля; „кто эту пятницу станетъ поститься постомъ и молитвою, отъ напраснаго отъ убійства сохраненъ будетъ и помилованъ отъ Бога“. Вторая пятница—„супротивъ Благовѣщенья Бога нашего“: въ эту великую пятницу воплотился самъ Іисусъ Христосъ; кто станетъ въ эту пятницу поститься, тотъ сохраненъ будетъ „отъ нутренней скорби“. И т. д.

Стихи о святыхъ.

203. Стихи о святыхъ. Изъ стиховъ о святыхъ наиболѣе выдающимися являются слѣдующіе: 1) о Василіи Великомъ, 2) объ Іоасафѣ-царевичѣ, 3) объ Алексѣѣ, человѣкѣ Божіемъ,

4) о Дмитріи Солунскомъ, 5) объ Егоріи Храбромъ, 6) о Ѳеодорѣ Тиронѣ 7), о святителѣ Николаѣ и 8) о Кирикѣ и Улитѣ.

204. О Василіи Великомъ. Стихъ о Василіи Великомъ по своему содержанію сводится къ наставленію о пьянствѣ. Повидимому, тема стиха навѣяна была приписываемымъ Василію В. словомъ „о томъ, какъ подобаетъ воздержатися отъ пьянства“.

Свѣтъ Василій Великій идетъ въ церковь молиться Богу, „хочетъ другъ Христовъ пребывати“. Въ церкви Василій слышитъ гласъ Богородицы, говорящій, что Христовымъ другомъ онъ можетъ пребывать, если покинетъ хмельного испивать“. Василій отвѣчаетъ, что двадцать лѣтъ хмельного не бралъ, одинъ только разъ „испилъ, самъ не извѣдалъ“. Богородица говоритъ Василію, что „не велѣно хмельного питія испивати ни попамъ, ни архіереямъ“. Попамъ, архіереямъ, священнымъ іереямъ велѣно соблюдать церкви Божіи; „понамарю подобаетъ у притвора церковнаго съ жезломъ стояти, не велѣно пьяницъ въ церкви пущати“: пьяница въ церкви молитвы не сотворяетъ, лица не перекрещаетъ; пьяница Богу не страшится, священниковъ ругаетъ, пересмѣиваетъ. Не велѣно съ пьяницей на пути встрѣчаться, велѣно отъ него въ сторону сторониться. Если кто вздумаетъ съ пьяницей говорить и на умъ его наставлять, этимъ пьяницу добру не научитъ, а только раздразнитъ его; пьяница на него разсердится и либо древомъ убьетъ его, либо ножомъ зарѣжетъ. Какой человѣкъ заутреню проспалъ, обѣдню прогулялъ? Пьяница! Неумытыя руки, раннее яденіе? Пьяница! „Пьяница въ тинѣ валяется, пьяница діаволомъ похваляется, пьяница ножомъ поношается, пьяница — сребролюбецъ, пьяница—живопродавецъ, пьяница—смертоубивецъ. На бою на дракѣ? Пьяница! Ложно божится? Пьяница! Не видать пьяницѣ царства небеснаго!“ Василій въ отчаяніи отъ словъ Богородицы. Онъ ударяется о камень головой и говоритъ Господу, что расшибетъ себя на паперти до смерти, если Господь его не проститъ. Богородица отвѣчаетъ Василію, что Господь прощаетъ его.

Вліяніемъ стиха о Василіи В. изслѣдователи склонны объяснить прозвища былиннаго богатыря Василія — „Пьяница“, „Упьянсливый“ (кн. 1-ая, § 220).

205. Объ Іоасафѣ-царевичѣ. Стихи объ Іоасафѣ-царевичѣ распадаются на двѣ группы.

Къ стихамъ *первой* группы, изображающей обращеніе Іоасафа къ пустынѣ, относятся слѣдущіе:

Стихъ „*Прійми мя, пустыни*“, записанный въ первой половинѣ XVII в.: „Прійми мя, пустыни, яко мати чадо свое, въ тихое и безмолвное нѣдро свое отбѣгшаго оть лукавыя блудница—міра сего. О прекрасная пустыни! Возлюбихъ бо тя паче царскихъ чертогъ и позлащенныхъ палатъ“.

Другой стихъ, начинающійся словами „*О прекрасная пустыня*“, представляетъ легкую переработку предыдущаго: „О прекрасная пустыня! Прійми мя во свою пустыню, яко мати свое чадо, научи мя на все благо. Въ тихую свою безмолвную палату лѣсовольную, любимая моя мати, потщися мя воспріяти. Всѣмъ сердцемъ желаю тя и въ день и въ нощь возлюблю тя“.

Третій стихъ представляетъ „*Похвалу пустынѣ*“: „О, прекрасная пустыня! И самъ Господь пустыню восхваляетъ. О прекрасная пустыня! Отцы во пустыни ся скитали, и ангели отцамъ прославляли, и мученицы ублажали, апостоли святіи величали“.

Во второй группѣ стиховъ изображается бесѣда Іоасафа съ пустыней.

Въ далекой долинѣ стояла прекрасная пустыня. Приходитъ къ ней молодой царевичъ Іоасафъ и проситъ ее принять его къ себѣ „отъ юности прекрасныя, отъ своего вольнаго царства, отъ своей бѣлой каменной палаты, отъ своей казны золотыя“, научить его творить волю Божью, избавить отъ злой муки вѣчной и привести въ царство небесное. Пустыня отвѣчаетъ Іоасафу, что въ ней житье „смертельное“, въ ней придется ему всѣ нужды претерпѣть, трудомъ трудиться, постомъ поститься, Богу молиться; у нея, у пустыни, нѣтъ цвѣтныхъ платьевъ, сахарныхъ яствъ и медвяныхъ пойловъ: у нея—гнилая колода и холодная вода; ему не съ чѣмъ будетъ въ пустынѣ думу думать, не съ кѣмъ слова сказать. Іоасафъ отвѣчаетъ пустынѣ, что онъ готовъ всѣ нужды перенести: гнилая колода будетъ для него сахарнымъ яствомъ, райской пищей, болотная вода—медвянымъ пойломъ; онъ разгуляется въ зеленой дубравѣ; частыя деревья будутъ съ нимъ думу думать, а мелкіе листочки будутъ разговаривать; прие-

тятъ райскія птицы, будутъ распѣвать, потѣшать его и прославлять Христа Бога.

Стихи объ Іоасафѣ-царевичѣ навѣяны аскетическимъ романомъ „Варлаамъ и Іоасафъ“ (кн. 1-ая, § 137). Въ нихъ изображается добровольное отреченіе знатнаго и богатаго человѣка отъ мірской жизни и уходъ его въ пустыню.

206. Объ Алексѣѣ, человѣкѣ Божіемъ. Въ Римѣ при царѣ Ономіи жилъ благочестивый князь Ефимьянъ съ супругою своею Аглаидою. Много лѣтъ они жили, не имѣя дѣтей. Наконецъ, Аглаида вымолила себѣ у Бога сына, который получилъ имя Алексѣя. Алексѣй рано выучился грамотѣ и полюбилъ божественное писаніе. Ему не нравились роскошь и богатство, и онъ отдавался труду и молитвѣ. Чтобы отвлечь Алексѣя отъ такихъ наклонностей, родители выбрали ему невѣсту и женили.

Оставшись наединѣ со своей молодой женой, Алексѣй предложилъ ей покинуть вмѣстѣ съ нимъ міръ и идти странствовать нищими по святымъ мѣстамъ. Молодая жена не согласилась. Алексѣй, снявъ со своей руки золотое кольцо, передалъ ей и сказалъ: „Молися ты Господу, трудися за Алексѣя, Божья человѣка! А я пошелъ во иншую (иную) землю за батюшкинъ грѣхъ помолиться, за матушкинъ грѣхъ потрудиться“.

Алексѣй взялъ много злата, одѣлся въ дорогія одежды и вышелъ изъ Рима. Въ дорогѣ попался Алексѣю нищій. Онъ обмѣнялъ свою одежду на одежду нищаго. Сѣлъ Алексѣй на корабль и пріѣхалъ въ городъ Едесу, къ соборной церкви. Онъ роздалъ золото нищимъ и сталъ на паперти молиться Богу: „Создай ты мнѣ, Господи, власъ долгій, чтобы отецъ-мать меня не познали“. Услышалъ Богъ молитву Алексѣя: „красота въ лицѣ его потребишася, очи его погубишася, а зрѣніе помрачишася“, и сталъ Алексѣй, какъ убогій.

Однажды Богородица призвала черезъ понамаря Алексѣя и велѣла вернуться въ Римъ къ родителямъ и принять отъ нихъ благословеніе. Алексѣй повиновался. Явившись въ Римъ ко святой церкви, Алексѣй увидѣлъ, что изъ нея вышли его отецъ, мать и „обручная“ супруга со множествомъ князей, бояръ и народу. Алексѣй подошелъ къ своимъ родителямъ, поклонился имъ и сказалъ: „Ой еси, князь благородный! Призри мя, нищаго, страннаго! Не ради моего упрошенья, ради души своей на спасенье. Сострой ты мнѣ, убогому, ке-

лью возлѣ своей каменной палаты, возлѣ своей бѣлой ограды не ради меня, старца, калѣки—ради своего сына Алексѣя!“ Растроганный князь, не узнавъ сына, сталъ разспрашивать у старца про Алексѣя. Старецъ сообщилъ, что онъ вмѣстѣ съ Алексѣемъ въ одной пустынѣ трудились. Князь велѣлъ построить для старца келью и приставить къ нему рабовъ служить ему.

„Деймонъ врагъ возненавистовалъ, зубами злыми воскрежеташе, хотѣлъ погубить его терпѣніе“. Рабы не взлюбили Алексѣя: ругали его, обливали помоями, плевали на келью. Алексѣй съ благодарностью все переносилъ и молился за рабовъ.

Узнавъ о приближеніи своей кончины, Алексѣй написалъ разсказъ о своемъ происхожденіи, о жизни и скончался. По всему Риму распространилось благоуханіе отъ ладана и тимьяна. Архіерей римскій догадался, что преставился святой. Гласъ Божій указалъ, гдѣ находится скончавшійся святой. Собрались къ кельѣ старца царь, патріархъ и много народу. Патріархъ взялъ изъ рукъ святого рукописаніе, изъ котораго всѣ узнали, что старецъ—сынъ князя Ефимьяна, Алексѣй. Отецъ Алексѣя, узнавъ объ этомъ, плачетъ: „Увы мнѣ, сладчайшій мой чадо... До вѣку мнѣ далъ скорбей мученье. Горе мнѣ оскорбленному! Плачу я, вижу смерть твою“... Мать Алексѣя стала молиться у народа: „Дайте мнѣ мѣсто, человѣци! Дайте, православные христолюбцы, видѣти сладчайшаго своего чаду!“ Она дошла до святыхъ мощей, пала къ нимъ и стала плакать: „Увы мнѣ, сладчайшій мой чадо, Алексѣй, Божій свѣтъ-человѣче! Не люба пустынная твоя келья! Зачѣмъ пришелъ во градѣ—не сказался? Чаще бы я въ келью прихождала, сама бы я келью топила, призирала; поила бы, кормила тебя своимъ кусомъ!“ Прибѣжала въ келью и обручная княжна и плачетъ: „Свѣтъ ты мой, женихъ обрученный, святой ты мой князь возлюбленный Алексѣй, Божій человѣче! Для чего ты живъ былъ—не сказался? Потай (тайно) бы я въ келью прихождала; мы вмѣстѣ съ тобой Богу молились, промежду насъ былъ бы святой Духъ“.

Бѣжитъ народъ къ Алексѣю на прощанье. Богъ явилъ свое прощенье: слѣпымъ давалъ прозрѣніе, глухимъ—прослышанье, безумнымъ—разумъ, болящимъ, скорбящимъ—исцѣленіе, всему міру—поможеніе.

Стихъ „Объ Алексѣѣ, человѣкѣ Божіемъ“ представляетъ переложеніе популярнѣйшаго на Западѣ и у насъ житія св. Алексѣя (жилъ въ началѣ V в.). У насъ житіе этого святого существовало въ нѣсколькихъ переводахъ. Древнѣйшій изъ нихъ относится къ XII в. Къ XVII в. относится переводъ, сдѣланный Арсеніемъ Грекомъ и напечатанный въ сборникѣ „Анѳологіонъ“ 1660 г. Наконецъ, житіе Алексѣя, переработанное по нѣсколькимъ источникамъ, въ томъ числѣ по западнымъ, имѣется въ Четьихъ-Минеяхъ Дмитрія Ростовскаго. Вѣроятно, кромѣ этихъ, извѣстныхъ намъ переводовъ, были у насъ съ древнихъ временъ и другіе, не дошедшіе до насъ, но пользовавшіеся извѣстностью.

Сравненіе стиха „Объ Алексѣѣ“ съ различными редакціями житія его привело къ выводу, что стихъ въ однихъ случаяхъ близокъ къ тексту житія XII в., а въ другихъ—къ житію, помѣщенному въ „Анѳологіонѣ“, или къ житію Четій-Миней: очевидно, авторъ стиха имѣлъ подъ своею рукою такую редакцію житія, которая до насъ не дошла, но изъ которой черпали матеріалы и Арсеній Грекъ, и Дмитрій Ростовскій.

Вотъ нѣкоторыя мѣста, обнаруживающія особенное сходство между стихомъ и житіемъ „Анѳологіона“.

Въ стихѣ: „Красота въ лицѣ его потребишася, очи его погубишася, а зрѣніе помрачишася“; въ Анѳологіонѣ“: „Потребися красота лица его, зрѣніе помрачися, плоть исше (изсохла), очи воглубишася“. Въ стихѣ: „Деймонъ врагъ возненавистовалъ, зубами злыми воскрежеташе, хотѣлъ погубить его терпѣніе“; въ „Анѳологіонѣ“: „Видя же человѣконенавидецъ и завистный демонъ терпѣніе его дивное, скрежеташе зубы и сѣя ему ложныя и великія брани, да сотворитъ ему погубити терпѣніе“. Въ стихѣ: „Увы мнѣ, сладчайшій мой чадо... до вѣку мнѣ далъ скорбей мученье! Горе мнѣ оскорбленному! Плачу я, вижу смерть твою“...; въ Анѳологіонѣ“: „Увы мнѣ, сладчайшее чадо мое! Чесо ради далъ еси мнѣ толику скорбь и мученіе?... Горе мнѣ, оскорбленному! Что прежде сотворю злополучный? Да плачу смерть твою, или да торжествую обрѣтеніе?“ Въ стихѣ: „Дайте мнѣ мѣсто, человѣци! Дайте, православные христолюбцы, видѣти сладчайшаго своего чаду!—Дошла до святыхъ мощей, падоше: Увы мнѣ, сладчайшій мой чадо“...; въ „Анѳологіонѣ“: „Дадите мнѣ мѣсто видѣти возлюбленное мое чадо!—Достигши же до честныхъ

оныхъ и святыхъ мощей, вергши себе на нихъ и любезно ихъ облобызающи, вопіяше глаголющи: Увы мнѣ сладчайшій сыне мой!“...

Сходясь почти буквально съ житіемъ Алексѣя, стихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обнаруживаетъ вліяніе произведеній устнаго творчества, особенно былиннаго. Къ такимъ мѣстамъ относится, напр., изображеніе свадьбы Алексѣя: „Повели Алексѣя въ Божью церковь, златые вѣнцы на нихъ возлагали, златыми перстнями обручали, единую чару они распивали. Изъ Божьей изъ церкви—ихъ во палаты къ великому князю Ефимьяну. Сажали за столы дубовы, за тѣ ли за скатерти за браны, за тѣ ли за ѣствы за сахарны, за тѣ ли за питья медовыя“. Другимъ такимъ мѣстомъ является сцена встрѣчи Алексѣя съ нищимъ и обмѣнъ платьями: „Навстрѣчу ему идетъ нищій. Ты, нищій, ты нищій брате! Скинь свою нищенскую одежду, возьми ты мое цвѣтное платье, а мнѣ дай свою нищенску одежду“.

Стихи объ Алексѣѣ пользуется среди каликъ и нищихъ такою же популярностью, какъ и стихъ о Лазарѣ: въ немъ изображается идеалъ нищенства, достигнутый добровольнымъ отреченіемъ отъ богатства ради спасенія души.

207. О Дмитріи Солунскомъ. Съ неба спускаются къ чудотворцу Дмитрію Солунскому два ангела, которые сообщаютъ ему, что на его городъ нападутъ невѣрные, которые хотятъ городъ разорить, людей погубить и Божьи домы на дымъ пустить. Дмитрій отвѣчаетъ, что онъ не дастъ невѣрнымъ сдѣлать это. Появляется безбожный Мамай со множествомъ силы. Дмитрій „имаетъ себѣ добраго коня“, беретъ булатное копье и выѣзжаетъ на Мамая: онъ гуляетъ по силѣ, не столько колетъ ее копьемъ, сколько топчетъ конемъ. Перебилъ Дмитрій множество силы, а Мамай только и барышу получилъ, что въ полонъ двухъ русскихъ сестеръ залучилъ. Увезъ Мамай къ себѣ сестеръ и сталъ допытываться у нихъ о русскомъ могучемъ богатырѣ, погубившемъ у него столько силы. Онъ требуетъ у сестеръ, чтобы онѣ написали для него на шелковомъ коврѣ ликъ Дмитрія: „коню моему на прикрасу, мнѣ царю на потѣху, предайте лицо его святое на поруганіе“. Сестры отказались. Тогда „невѣрный царь Мамай на двухъ дѣвицъ опалился; вынимаетъ онъ саблю мурзавецкую, да и хочетъ онъ главы ихъ срубити по ихъ плечи могучіи“. Испуганныя дѣвицы выражаютъ согласіе. Онѣ пишутъ и рисуютъ ликъ св. Дмитрія

съ утра до вечера и до полуночи, съ полуночи горько плачутъ и молятся: „Ужъ ты гой еси, батюшко Димитрій Селунскій, свѣтъ чудотворецъ нашъ! И не прогнѣйвайся на насъ грѣшныхъ здѣсь, и не изъ волюшки пишемъ, изъ-подъ неволюшки“. Помолившись, сестры легли на коверъ и уснули. По Божьему повелѣнію, по моленію Дмитрія вѣтры поднимаютъ коверъ съ дѣвицами и переносятъ ихъ къ Дмитрію чудотворцу въ Божью церковь. Увидѣвъ дѣвицъ, понамарь испугался и позвалъ священника. Священникъ будитъ дѣвицъ. Пробужденныя дѣвицы въ испугѣ принимаютъ священника за Мамая и кричатъ: „О, злодѣй, собака, невѣрный Мамай царь! Не руби ты наши головы по наши плечи по могучія: мы вышили тебѣ на коврѣ ликъ святого Димитрія Солунскаго чудотворца, предали лицо его тебѣ на поруганіе“. Когда недоразумѣніе разсѣялось, священникъ ударилъ въ колокола. Собрался народъ и сталъ служить Дмитрію „молебны честные“.

Св. Дмитрій Солунскій, о которомъ поетъ стихъ, жилъ въ концѣ III в. и въ началѣ IV в. Онъ происходилъ изъ знатнаго рода, занималъ въ Өессалоникахъ высокую военную должность и за свои христіанскія убѣжденія пострадалъ (306) при Діоклетіанѣ отъ его намѣстника Максиміана. На мѣстѣ, гдѣ Дмитрія похоронили, въ V в. былъ возведенъ храмъ, ставшій главной мѣстной святыней. Самъ Дмитрій сталъ считаться первымъ покровителемъ и заступникомъ Солуня, игравшаго въ Византіи важную роль, особенно въ эпоху борьбы съ аварами, болгарами и вообще славянами.

Жизнь и дѣятельность св. Дмитрія рано стали предметомъ житій. Въ VII в. архіепископъ Іоаннъ Өессалоникійскій составилъ сборникъ чудесъ св. Дмитрія. Большинство чудесъ носитъ военный характеръ. Въ VIII или въ IX вв. составленъ былъ второй сборникъ чудесъ, носящихъ такой же характеръ. Въ этихъ произведеніяхъ св. Дмитрій изображается прекраснымъ юношей въ полномъ вооруженіи, выступающимъ противъ враговъ на защиту города, оберегающимъ его во время междоусобій и спасающимъ его во время голода.

Стихъ о Дмитріи Солунскомъ представляетъ пересказъ двухъ чудесъ святого, объединенныхъ въ одно цѣлое. Эти чудеса разсказаны въ Минеяхъ Макарія и Дмитрія Ростовскаго.

Первое чудо состоитъ въ слѣдующемъ. На Солунь напали авары (сарацины) и осадили его. На третій день осады одно

высокопоставленное лицо увидѣло себя во снѣ очутившимся во храмѣ Дмитрія передъ той внутренней постройкой, въ которой лежали мощи святого. Вдругъ являются двое красивыхъ юношей, подобныхъ царскимъ тѣлохранителямъ, вызываютъ черезъ служителя храма св. Дмитрія и сообщаютъ ему волю Господа: святой долженъ покинуть городъ, такъ какъ послѣдній обреченъ на гибель. Дмитрій заплакалъ и заявилъ посланнымъ, что не покинетъ города, такъ какъ самъ Богъ велѣлъ ему пребывать въ немъ. Юноши указали Дмитрію, что Богъ можетъ разгнѣваться на него за неповиновеніе. Дмитрій объявилъ, что не боится этого, такъ какъ знаетъ благость Господа. Юноши исчезли, а Дмитрій вернулся къ себѣ. Слухъ о чудѣ распространился по всему городу, пробуждая увѣренность въ заступничествѣ святого и поднимая мужество въ защитникахъ города. Нѣкоторое время спустя авары были отбиты.

Авторъ стиха подвергъ разсказъ объ этомъ чудѣ значительной переработкѣ: подъ вліяніемъ другихъ чудесъ Дмитрія, въ которыхъ изображается личное участіе Дмитрія въ побѣдахъ надъ врагами Солуня, авторъ стиха превратилъ видѣніе высокоставленнаго лица въ реальный фактъ борьбы Дмитрія съ врагами и побѣды надъ ними. Кромѣ того, разсказъ о чудѣ подвергнутъ сокращенію.

Второе чудо повѣствуетъ о двухъ дѣвицахъ. Однажды на городъ напали поганые. Благодаря заступничеству Дмитрія поганымъ не удалось взять городъ, но воевода ихъ захватилъ въ плѣнъ двухъ дѣвицъ, искусныхъ въ пялечномъ дѣлѣ. Привезя плѣнницъ къ себѣ, воевода предъявилъ имъ такое требованіе: онъ слышалъ, что у солунцевъ есть великій богъ и чудотворецъ Дмитрій; пусть онѣ вышьютъ ему на плащаницѣ образъ Дмитрія, чтобы онъ могъ поклоняться ему и, нося передъ полками, побѣждать враговъ. Дѣвицы, думая, что воевода хочетъ надругаться надъ образомъ, отказались. Воевода сталъ грозить имъ казнью. Дѣвицы испугались и со слезами принялись вышивать образъ. Когда образъ былъ готовъ, дѣвицы стали молиться Дмитрію, чтобы онъ простилъ имъ невольный грѣхъ, и заснули на пяльцахъ. Ночью Дмитрій перенесъ дѣвицъ вмѣстѣ съ образомъ въ свой храмъ.

Въ стихѣ разсказъ объ этомъ чудѣ подвергнутъ тоже измѣненіямъ. Первое измѣненіе состоитъ въ томъ, что по стиху Мамай желаетъ имѣть образъ св. Дмитрія не для поклоненія,

а для поруганія; второе—въ томъ, что авторъ стиха вставилъ картину нахожденія дѣвицъ въ церкви понамаремъ; третье—въ томъ, что дѣвицы, проснувшіяся въ церкви, принимаютъ священника за Мамая. Наиболѣе важное измѣненіе — первое. Оно возникло, вѣроятно, подъ вліяніемъ выраженнаго въ разсказѣ опасенія дѣвицъ, что поганый воевода хочетъ надругаться надъ образомъ св. Дмитрія. Можетъ быть, даже существовала особая редакція чуда съ дѣвицами, въ которой дѣло представлялось нѣсколько иначе, именно такъ, какъ это же чудо представлено въ одномъ Прологѣ XVI в.

Привезя дѣвицъ къ себѣ, воевода,—разсказывается въ Прологѣ,—обратился къ нимъ съ слѣдующею рѣчью: „Вы хитры еста рукама. Сшита ми на плащаницѣ образъ бога вашего Дмитрея подъ ногама моима и коня моего, и мене напишите на кони с копьем и аз ударилъ святаго Дмитрея копьем в горло, а он валяется под ногама коня моего. Нашита же тако. Аще же того не сътворите, то смертью умрете“. Дѣвицы согласились, но потребовали, чтобы воевода отвелъ имъ отдѣльную комнату, въ которую не входилъ бы никто, даже онъ самъ: „егда доспѣевѣ, — сказали дѣвицы, — тогда принесем к тебѣ“. Оставшись безъ свидѣтелей, дѣвицы рѣшили: „Не можеви бесчества сътворите святому Дмитрию, но луче нам умрети святаго дѣля Дмитрія. Нашиевѣ сего беззаконьнаго подъ конемъ, а святаго Дмитрия на кони с копьем, а сего беззаконьнаго мучителя под конем и ударена копьем!“ Какъ рѣшили, такъ и сдѣлали. Окончивъ образъ, дѣвицы стали плакать, говоря: „Святы Дмитре! Намъ заутра умрети тебѣ дѣля!“ Долго плакали дѣвицы. Наконецъ, утомившись, онѣ покрылись плащаницей, легли и уснули.

Въ стихѣ вмѣсто аваръ (сарацинъ) выведенъ безбожный Мамай. Это измѣненіе произошло подъ вліяніемъ нѣсколькихъ обстоятельствъ: первымъ обстоятельствомъ является такое событіе, какъ побѣда Дмитрія Донского надъ Мамаемъ; второе обстоятельство—пріуроченіе поминовенія убитыхъ на Куликовомъ полѣ къ Дмитровской субботѣ, между 18—26 октября; третье обстоятельство—празднованіе Дмитріемъ Донскимъ своихъ именинъ въ день, посвященный памяти Дмитрія Солунскаго. Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, привели къ сближенію Дмитрія Солунскаго съ Дмитріемъ Донскимъ и къ замѣнѣ аваръ (сарацинъ) съ ихъ воеводами—Мамаемъ.

208. Стихи объ Егоріи Храбромъ. Стихи объ Егоріи Храбромъ распадаются на двѣ группы: 1) стихи, изображающіе борьбу Егорія со Змѣемъ и 2) стихи, изображающіе муки Егорія и его подвиги.

1) **Егорій и Змѣй.** Прогнѣвался Господь на три города—Соборъ и Коморъ и провелъ ихъ сквозь землю, а на Рахлейское царство напустилъ лютаго Змѣя. Сталъ Змѣй брать дань—по одному человѣку на съѣденіе каждый день. Долго это продолжалось. Уже въ городѣ осталось мало людей. Собрались князья съ боярами и всѣ мужички рахлейскіе и стали жребіи бросать, кому теперь чередъ идти къ Змѣю. Жребій палъ на самого царя Агапія (Оганита). Закручинился царь, а царица говоритъ ему: „Не кручинься, царь, не печалуйся: еще есть вѣдь у тебя нелюбая дочь, Лизавета (Елисава, Олексафія, Александра) Оганитовна; отдадимъ ее лютой Змѣѣ на съѣденіе... Не въ нашу вѣру она вѣруетъ, не нашему богу она молится: она молится Господу распятому". Утромъ царь и царица будятъ дочь и говорятъ ей: „Умывайся ты, наряжайся во цвѣтное платье, подпояшь свой шелковъ поясъ сорока пядень: ужъ мы тебя замужъ просватали, ты въ которую вѣру вѣруешь" (т.-е. за человѣка одинаковой съ тобой вѣры). Догадалась царевна, что родители обманываютъ ее и отдаютъ не замужъ, а лютому Змѣю на съѣденіе. Царевну свезли къ Змѣю и оставили ее на берегу моря (озера). Царевна сидитъ на берегу, плачетъ, какъ рѣка течетъ, взираетъ очами на небо, призываетъ на помощь Бога, Матерь Божью Богородицу и святого свѣтъ Егорія Храбраго. Изъ чистаго поля пріѣзжаетъ къ царевнѣ на бѣломъ конѣ Егорій Храбрый. Узнавъ отъ царевны объ ожидающей ее участи, Егорій ложится спать, велѣвъ ей внимательно смотрѣть на море и разбудить его, когда море всколеблется и лютый Змѣй подымется. Спитъ Егорій, а царевна смотритъ на море. Вдругъ море всколебалось: поднялся Змѣй. Царевна будитъ Егорія, а Егорій не просыпается. Горько заплакала царевна; ея горючія слезы стали падать на лицо Егорія. Тутъ Егорій пробудился и говоритъ: „Что же ты, красна дѣвица! Будить не будишь, а огнемъ палишь". Сѣлъ Егорій на своего коня и пошелъ на Змѣя, приговаривая: „Усмирись-ка ты, Змѣя лютая! Будь тиха-смирна, какъ скотинушка, какъ скотинушка да крестьянская". Усмирился Змѣй. Егорій велѣлъ прекрасной царевнѣ продѣть черезъ ноздри Змѣя свой поясъ

и сказалъ ей: „Поведи-тка-сь, Олексафія, Змѣя лютаго во свое во царство Рахлинское, скажи батюшкѣ, царю Агапію: пущай повѣруетъ вѣру христіанскую, пусть состроитъ онъ три церкви соборныя; ежели не повѣруетъ онъ вѣры христіанскія, ты пусти Змѣю на свою волю: потребитъ Змѣя ихъ всѣхъ до единаго, не оставитъ имъ людей на сѣмена; буде повѣруетъ вѣру христіанскую, буде построятъ три церкви соборныя, ты веди Змѣю во чисто поле и ударь Змѣю о сыру землю". Царевна исполнила повелѣніе Егорія. Царь и царица испугались и обѣщали исполнить всѣ заповѣди. Царевна повела Змѣя въ чистое поле и ударила его о сырую землю; Змѣй разсыпался на мелкіе пески, на гадепыши и червепыши.

2) Муки Егорія и его подвиги. Въ Іерусалимѣ при царѣ Ѳеодорѣ жила благовѣрная царица святая Софія премудрая. У ней были три дочери и сынъ, Егорій Храбрый. У Егорія по колѣна ноги — въ чистомъ серебрѣ, по локоть руки — въ красномъ золотѣ, голова—вся жемчужная; на всемъ Егоріи — часты звѣзды.

Напустилъ Господь на Іерусалимъ царя Демьянища, безбожнаго пса бусурманища. Побѣдилъ Демьянище Іерусалимъ и взялъ въ плѣнъ Егорія, сестеръ и родителей. Демьянище вынулъ саблю острую и сталъ требовать отъ Егорія и его сестеръ, чтобы они покинули вѣру христіанскую и увѣровали въ вѣру латынскую, бусурманскую и поклонились идоламъ. Сестры убоялись острой сабли и покинули вѣру христіанскую. А Егорій сказалъ Демьянищу: „Злодѣй, царище Демьянище, безбожный песъ бусурманище! Я умру за вѣру христіанскую, не покину вѣру христіанскую, не буду вѣровать латынскую, бусурманскую; не буду молиться богамъ твоимъ кумирстіимъ, не поклонюсь твоимъ идоламъ!" Царь распалился на это и велѣлъ Егорія мучить муками разноличными. Стали Егорія „во пилы пилить". По Божьему повелѣнію пилы жидовскія не берутъ Егорія; встаетъ Егорій на рѣзвыя ноги, „поетъ стихи херувимскіе, превозноситъ гласы все архангельскіе". Стали Егорія „въ топоры рубить": не берутъ Егорія топоры нѣмецкіе. Велѣлъ Демьянище ковать Егорія въ сапоги, а въ сапоги ковать гвозди желѣзные: Егорію ничего не сдѣлалось. Демьянище велѣлъ сажать Егорія въ котелъ и варить въ смолѣ: смола кипитъ, „яко громъ гремитъ"; Егорій плаваетъ поверхъ смолы и поетъ стихи херувимскіе. Наконецъ, Демьянище

велѣлъ вырыть глубокій погребъ глубиною въ сорокъ саженъ и шириною въ двадцать саженъ, посадить туда Егорія и закрыть погребъ желѣзными досками, дубовыми щитами, засыпать песками рудожелтыми.

Тридцать лѣтъ сидѣлъ Егорій въ погребѣ. По прошествіи этого времени отъ Іерусалима поднялись буйные вѣтры, которые разнесли рудожелтые пески, разметали щиты дубовые и доски желѣзныя. Вышелъ Егорій изъ погреба и пошелъ по св. Руси къ Іерусалиму. Въ Іерусалимѣ—пусто: вырубили его и выжгли; только стоитъ одна церковь соборная, а въ церкви стоитъ его матушка святая Софія премудрая и молится. Егорій подходитъ къ матушкѣ и проситъ благословенія: онъ хочетъ поѣхать по Русской землѣ и утвердить вѣру христіанскую. Матушка велитъ Егорію выйти въ чистое поле, взять богатырскаго коня съ двѣнадцати цѣпей желѣзныхъ, со сбруей богатырской, съ острымъ копьемъ и съ книгой Евангельемъ.

Найдя коня, Егорій поѣхалъ, утверждая вѣру христіанскую и побѣждая бусурманскую. Наѣхалъ Егорій на дремучіе лѣса: „лѣса съ лѣсами совивалися, вѣтья по землѣ разстилалися“; ни пройти Егорію, ни проѣхать. Егорій глаголуетъ: „Вы, лѣсы, лѣсы дремучіе! Встаньте и расшатнитеся, расшатнитеся—раскачнитеся: порублю изъ васъ церкви соборныя, соборныя да богомольныя; въ васъ будетъ служба Господня! Заростите вы, лѣса, по всей землѣ свѣтло-Русской, по крутымъ горамъ по высокіимъ!“ По Божьему повелѣнію, по Егорьеву моленію, лѣса разрослись по всей Русской землѣ, по крутымъ высокимъ горамъ. Наѣхалъ Егорій на быстрыя текучія рѣки: нельзя Егорію проѣхать, нельзя святому подумать. По Божьему повелѣнію, по Егорьеву моленію, рѣки протекли по всей Русской землѣ, гдѣ имъ Господь повелѣлъ. Наѣхалъ Егорій на толкучія горы: гора съ горой столкнулась; ни пройти Егорію, ни проѣхать. Егорій велитъ горамъ стать по старому и обѣщаетъ поставить на нихъ церковь соборную. Наѣхалъ Егорій на стадо сѣрыхъ волковъ, а пасутъ ихъ три дѣвицы, сестры Егорія: на нихъ тѣла, „яко еловая кора“, а волосы на нихъ, какъ ковыль-трава. Егорій велѣлъ волкамъ разойтись, разбрестись по два, по три, по одному по глухимъ степямъ, по темнымъ лѣсамъ и пить и ѣсть повелѣнное отъ св. Егорія. Наѣхалъ Егорій на стадо змѣиное: велитъ имъ Егорій разсыпаться по сырой землѣ, пить и ѣсть отъ сырой земли. Наѣхалъ, наконецъ, Егорій на па-

латы царица Демьянища. Демьянище кричитъ по звѣриному, визжитъ по змѣиному, хочетъ побѣдить Егорія. Егорій вынимаетъ мечъ и отсѣкаетъ злодѣйскую голову Демьянища по его плечи. Беретъ Егорій своихъ сестеръ, ведетъ ихъ къ Іорданъ-рѣкѣ купаться. Выкупались сестры, и свалилась съ нихъ еловая кора. Егорій ведетъ сестеръ къ матери.

209. Комментаріи къ стихамъ объ Егоріи Храбромъ. Стихи объ Егоріи Храбромъ сложились подъ вліяніемъ цѣлаго ряда сказаній, преданій и житій, апокрифическихъ и каноническихъ, о св. Георгіи *) Побѣдоносцѣ (кн. 1-ая, § 85).

1) **Стихи объ Егоріи и Змѣѣ.** Стихи объ Егоріи и Змѣѣ представляютъ переработку сказанія, изображающаго Георгія змѣеборцемъ. Воспроизводя довольно близко къ тексту содержаніе сказанія въ различныхъ его редакціяхъ, стихи дѣлаютъ рядъ отступленій и измѣненій, большая часть которыхъ можетъ быть объяснена вліяніемъ деталей въ содержаніи сказанія.

Стихи начинаются небольшимъ вступленіемъ, въ которомъ говорится о гибели Собора (т.-е. Содома) и Комора (т.-е. Гоморы). Это вступленіе навѣяно слѣдующимъ замѣчаніемъ, которое дѣлаетъ авторъ первой редакціи сказанія по поводу языческаго города Лаодикіи: „Человѣколюбецъ же Богъ нашъ Іисусъ Христосъ, помянувъ и призрѣ толико душъ града того, погибнути хотящихъ въ путехъ погибелныхъ, яко древле Содому и Гомору, но яко египтеномъ устрои спасеніе Даниломъ богомудрымъ избавити отъ змія, такоже и сего града“.

Труднѣе объяснить, откуда стихъ заимствовалъ названіе царства — „Рахлейское“ (въ варіантахъ: Рахрынское, Рохлинское, Арахмельское, Арапинское): въ сказаніяхъ нѣтъ никакихъ намековъ на такое названіе. Предполагаютъ, что „Рахлейское царство“ произведено изъ Гераклеи, которая фигурируетъ въ сказаніяхъ о чудѣ Ѳеодора Стратилата (§ 210).

Имя царя Агапій (Агафинъ, Огапитъ, Агапитъ, Огафонъ), повидимому, образовано авторомъ стиха изъ эпитета ἀγαθή (прекрасная), которымъ въ греческомъ текстѣ сказанія сопровождалось имя города Лаосія. Слѣды употребленія указаннаго эпитета сохранились въ одной славяно-русской редакціи ска-

---

*) Имя Егорій образовалось изъ имени Георгій черезъ перестановку: Георгій, Георій, Егорій. Имя Юрій образовалось изъ имени Георгій черезъ форму Гюргій.

занія, гдѣ говорится слѣдующее: „Лаосія, еже глаголется Агавъ“.

Имя царевны въ стихахъ имѣетъ различныя формы, представляющія, повидимому, варіаціи одного и того же имени:— Елисафія, Алисафа, Алексафія, Лисафета, Олисавья, Олександра. Существуетъ икона XIII в. (Погодинская), на которой изображено все житіе Георгія; средина иконы изображаетъ „св. Георгія, Змія и Іелисаву“, ведущую Змѣя за рогъ. Имя „Іелисава“, которымъ живописецъ обозначилъ царевну, ведущую Змѣя, напоминаетъ Елисафію стиха. На этомъ основаніи изслѣдователи предполагали, что имя царевны—Елисавета, имя, заимствованное отъ св. Елисаветы, память которой празднуется 24-го апрѣля. Есть и другое мнѣніе, исходнымъ пунктомъ котораго является имя Олександра. Принимая во вниманіе, что въ сказаніяхъ о Георгіи жена царя носитъ имя Александры, думаютъ, что встрѣчающіяся въ стихахъ имена царевны представляютъ видоизмѣненія этого имени. Имя Александры было извѣстно автору стиха не только изъ сказанія о Георгіи, но и изъ церковнаго богослуженія: 23-го апрѣля, въ день св. Георгія, чтится также память св. мученицы Александры царицы. Что касается имени Іелисава на иконѣ, то оно, по этому мнѣнію, навѣяно стихомъ объ Егоріи и Змѣѣ.

По стиху жребій падаетъ на царя, а царь, по совѣту царицы, отправляетъ къ Змѣю за себя нелюбимую дочь, обманно увѣряя ее, что ей нашли жениха одной съ нею вѣры. Стихъ изображаетъ дочь царя нелюбимой, потому что она держится христіанской вѣры, а царя—отцомъ, охотно жертвующимъ своею дочерью. По сказанію, опустошенія, производимыя Змѣемъ, приняли такіе размѣры, что грозили государству гибелью. Собрались жители города и обратили на это вниманіе царя. Царь предложилъ всѣмъ, богатымъ и нищимъ, давать Змѣю своихъ дѣтей по жребію и обѣщалъ не пожалѣть родной дочери, когда очередь дойдетъ до него. „Метите,—говорилъ царь,— ждрѣбие вси и даваите дѣти свое Змиеви; азъ же имамь дьщерь единочедьну, и ту дамъ, яко и вы, по ждрѣбию своему“. Предложеніе было одобрено. Наступилъ день, когда жребій палъ на царскую дочь. Царю жалко стало дочери, и онъ сталъ предлагать людямъ злата и серебра, даже свое царство, лишь бы они оставили у него его дочь. Но люди не согласились, и дочь царя должна была отправиться къ Змѣю. Такимъ обра-

зомъ, сказаніе, въ отличіе отъ стиха, изображаетъ царя отцомъ, глубоко любящимъ дочь. Это различіе между стихомъ и сказаніемъ объясняется тѣмъ, что авторъ стиха по-своему понялъ и перетолковалъ нѣкоторыя подробности этого эпизода въ сказаніи.

Въ сказаніи говорится, что, когда пришла „очреда царева", царь сказалъ народу: „Азъ, братіе, зачахъ, а нынѣ за единородную свою дщерь не стою". Царь взялъ дочь, одѣлъ ее въ царскую багряницу, обвѣсилъ жемчугомъ и дорогимъ камнемъ и, украсивъ ее такимъ образомъ, „яко невѣсту жениху", сталъ горько плакать и говорить о томъ, какъ счастливъ былъ бы онъ, если бы онъ могъ устроить ея бракъ, собрать людей на веселье, возжечь свѣтильники и воспѣть пѣсню. Эти подробности эпизода—украшеніе дочери, какъ невѣсты, слова царя о бракѣ дочери—были авторомъ стиха истолкованы почти въ буквальномъ смыслѣ: царь одѣваетъ дочь въ брачный костюмъ и говоритъ ей о предстоящемъ ей бракѣ,—съ какою цѣлью?—чтобы обманомъ удалить дочь изъ дворца и отвезти ее къ Змѣю.

Дочь представлена въ стихѣ нелюбимой потому, что она—христіанка. Этотъ выводъ авторъ стиха сдѣлалъ изъ слѣдующей бесѣды Георгія съ царевной. Георгій спрашиваетъ царевну: „А ты нынѣ вѣруеши ли въ Господа нашего Іисуса Христа, Сына Божія? То избудеши бѣды сея?" Царевна, вздохнувъ, отвѣтила: „Господине, Распятаго ли чтеши Христа? Отецъ мой многихъ, вѣровавшихъ въ него, злой смерти предалъ. Азъ нынѣ вѣрую въ Него и поклоняюся Отцу и Сыну и Святому Духу отнынѣ и до вѣка". Слова царевны „нынѣ вѣрую" авторъ стиха понялъ не въ томъ смыслѣ, что царевна повѣрила во Христа въ данный моментъ, подъ вліяніемъ угрожающей ей гибели и поставленнаго ей Георгіемъ вопроса, цѣль котораго ей были понятна, а въ томъ, что она вообще съ нѣкотораго времени, въ отличіе отъ отца, вѣритъ во Христа. Такъ какъ царь, по словамъ царевны, предавалъ вѣровавшихъ во Христа злой смерти, то отсюда авторъ сдѣлалъ выводъ, что царь и царица должны были относиться къ своей дочери-христіанкѣ враждебно.

Труднѣе объяснить эпизодъ со сномъ Георгія и пробуждающей его слезой: въ сказаніи этого эпизода и какихъ либо намековъ на него нѣтъ. Но замѣчательно то обстоятельство, что этотъ эпизодъ имѣется въ болгарскихъ, сербскихъ и греческихъ пѣсняхъ, родственныхъ по темѣ русскому стиху.

Вотъ содержаніе одной изъ болгарскихъ пѣсенъ о Георгіи и Змѣѣ.

Король отъ Трояна *) собралъ всѣхъ троянскихъ христіанъ и велѣлъ имъ разорить единаго Бога и написать бога серебрянаго. Граждане исполнили повелѣніе, и всѣ тридцать три ключа, имѣвшіеся въ городѣ, потекли серебромъ и золотомъ **). Не стало въ городѣ воды. Подъ городомъ былъ глубокій колодецъ со студеной водой; но тамъ находилась змѣя, которую ежедневно нужно было снабжать живой пищей. Троянскіе христіане отправлялись туда покупать воду. Король отъ Трояна одѣлъ свою милую младшую дочь Марію, наполнилъ ея пазуху серебромъ и золотомъ, далъ ей въ руки кувшинъ и послалъ ее къ колодцу. По дорогѣ королевна встрѣчается съ св. Георгіемъ, который обѣщаетъ помочь ей. До появленія змѣя Георгій ложится отдыхать на колѣняхъ королевны. Появляется змѣя. Королева не смѣетъ будить Георгія и разражается слезами, которыя обжигаютъ лицо святому. Георгій просыпается и пугается. Господь сходитъ съ неба и ободряетъ Георгія. Георгій поражаетъ змѣю стрѣлой, обвязываетъ ее шелковымъ поясомъ и влечетъ за своимъ конемъ. Притащивъ змѣю въ городъ, Георгій вызываетъ черезъ Марію ея отца, короля Латина, и велитъ ему возстановить христіанство, угрожая въ противномъ случаѣ выпустить на городъ змѣю. Король исполняетъ приказаніе Георгія. Тридцать три ключа въ городѣ снова потекли студеной водой.

Итакъ, въ указанныхъ пѣсняхъ имѣется тотъ же эпизодъ со сномъ Георгія и пробуждающей его слезой, какъ и въ русскомъ духовномъ стихѣ, между тѣмъ какъ въ сказаніи о Георгіи и Змѣѣ его нѣтъ. Это заставляетъ думать, что данный эпизодъ заимствованъ русскими каликами у балканскихъ славянъ.

Въ стихѣ Георгій побѣждаетъ Змѣя въ битвѣ съ нимъ или укрощаетъ его словомъ. Въ начальной редакціи стиха битвы съ Змѣемъ не могло быть, такъ какъ битвы нѣтъ и въ сказаніи. По сказанію Георгій именемъ Христа запретилъ Змѣю ходить въ озеро и велѣлъ ему пасть къ его ногамъ; и Змѣй, „яко овца, нача лизати поги святаго“.

---

*) Отраженіе образа Траяна, римскаго императора.

**) Отголосокъ миѳа о царѣ Мидасѣ.

Въ стихѣ царевна, по повелѣнію Георгія, связываетъ Змѣя своимъ поясомъ и ведетъ его въ городъ. Этотъ эпизодъ заимствованъ изъ сказанія, съ тою разницей, что Змѣя связываетъ поясомъ царевны самъ Георгій *).

2) Муки Егорія и его подвиги. Стихъ, изображающій муки Егорія и его подвиги, распадается по своему содержанію на двѣ части.

а) Первая часть. Въ первой части изображаются нашествіе на Іерусалимъ царя Демьянища и муки Егорія. Матеріалы для этой части стиха почерпнуты изъ разнообразныхъ источниковъ, главнымъ образомъ, изъ сказаній, въ которыхъ изображаются мученія св. Георгія, а затѣмъ изъ преданій, изображающихъ завоеваніе христіанской земли иновѣрнымъ народомъ, напр., Палестины—турками, Руси—татарами.

Начало стиха въ нѣкоторыхъ варіантахъ состоитъ въ указаніи времени, когда произошло изображаемое событіе: въ 6-мъ году 7-й тысячи, въ 7-мъ году 8-й тысячи, въ 6-мъ году 8-й тысячи, въ 6-мъ году первой тысячи. Относительно этого указанія возможны два предположенія: оно могло быть въ начальномъ стихѣ, причемъ авторъ имѣлъ въ виду опредѣленное историческое событіе **), какое именно, неизвѣстно, потому что въ разныхъ варіантахъ это указаніе рѣзко варьируется; или оно внесено было каликами, подъ вліяніемъ толковъ о кончинѣ міра, которая должна была произойти по прошествіи 7000 лѣтъ отъ сотворенія міра.

---

*) Легенды о змѣеборствѣ сложились на почвѣ историческаго факта—факта борьбы древнихъ людей съ гигантскими змѣями или крокодилами, „драконами". Предметъ легендъ—побѣда, одержанная героемъ надъ такимъ чудовищемъ, побѣда при помощи оружія, или слова (точнѣе, гипноза, сопровождаемаго словесными заклинаніями). Впослѣдствіи, когда память о борьбѣ съ дѣйствительно существовавшими змѣями и крокодилами стала ослабѣвать, особенно въ странахъ, гдѣ такихъ чудовищъ не было, легенда о змѣеборствѣ начинаетъ пріобрѣтать особый смыслъ—религіозно-символическій: „драконъ"—это воплощеніе темной міровой силы, это—Сатана, адъ, это—символъ язычества, это—образъ враждебнаго народа, языческаго или магометанскаго.

Почему легенда о змѣеборствѣ была связана съ именемъ Георгія (и Ѳеодора Тирона),—неизвѣстно.

**) Напр., завоеваніе Іерусалима магометанами и освобожденіе его крестоносцами, или, позднѣе, завоеваніе Руси татарами и освобожденіе ея отъ татарскаго ига.

Отецъ Георгія большею частью носитъ имя Θеодора, иногда Θеодора Стратилата. Это имя заимствовано, вѣроятно, каликами изъ стиха о Θеодорѣ Тиронѣ (§ 210), который, какъ и Георгій, былъ змѣеборцемъ. Возможно также, что на выборъ именно этого имени повліяли также преданія о князѣ Θеодорѣ Смоленскомъ *) или о Θеодорѣ Рязанскомъ (кн. 1-я, § 225), судьба которыхъ обратила на себя вниманіе въ эпоху нашествія Батыя. Въ сказаніяхъ отецъ Георгія не названъ, или именуется Геронтіемъ.

Мать Георгія въ одномъ изъ сказаній именуется Полихроніей, а въ стихѣ—Софіей Премудрой. Послѣднее имя проникло въ стихъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ того обстоятельства, что и въ Византіи, и на Руси строились храмы въ честь Софіи Премудрости Божіей и св. Георгія, культъ которыхъ нерѣдко былъ совмѣстнымъ. Въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1037 г. сообщается, что Ярославъ „заложи въ Кіевѣ церковь святыя Софья, Премудрости Божія... по семь святого Георгія монастырь". Упоминаемая здѣсь церковь св. Софіи была соборной и имѣла важное значеніе въ Кіевскую эпоху: она считалась матерью всѣхъ русскихъ церквей; въ ней посвящались въ свой санъ почти всѣ русскіе епископы, до нашествія татаръ, причемъ „настолованіе" ихъ совершалось въ другомъ, находившемся поблизости, храмѣ — въ храмѣ св. Георгія. Въ самомъ храмѣ св. Софіи были три алтаря; изъ нихъ одинъ былъ Софіи, другой—св. Георгія. Въ этомъ же храмѣ находилось изображеніе жены Ярослава и его дѣтей, изображеніе, передѣланное впослѣдствіи въ изображеніе великомученицы св. Софіи и ея трехъ дочерей — Вѣры, Надежды и Любови. Связь между храмами въ честь Софіи Премудрости Божіей и св. Георгія привела къ установленію родственныхъ отношеній между Георгіемъ и Софіей, а превращеніе Софіи Премудрости въ великомученицу Софію съ ея дочерьми привело къ тому, что у Георгія явились три сестры.

Въ сказаніяхъ Георгій выводится изъ Каппадокіи. Въ стихахъ мѣстомъ рожденія Георгія называется большею частью Іерусалимъ, рѣже Черниговъ. Послѣдній городъ является позднѣйшимъ русскимъ пріуроченіемъ.

---

*) Этотъ князь послѣ нашествія Батыя ходилъ въ Орду и, по словамъ житія, былъ принятъ тамъ съ честью.

Наружность Егорія въ значительномъ количествѣ варіантовъ изображается такъ: „По колѣна ноги въ чистомъ серебрѣ, по локоть руки въ красномъ золотѣ, голова у Егорія вся жемчужная, по всемъ Егоріи часты звѣзды“. Въ этомъ описаніи авторъ стиха или калики передали особенности изображенія св. Георгія на его иконахъ.

Имя поганаго царя въ стихѣ—Демьянище, Диклитіянище, Кудріянище, Даймонище, Грубіянище, въ сказаніяхъ—римскій императоръ Діоклетіанъ, персидскій царь Дадіанъ. Въ начальномъ стихѣ, вѣроятно, было имя, близкое къ имени Дадіанъ, что-нибудь въ родѣ Дадьянища, и перешедшее потомъ въ Демьянище. Нѣкоторымъ основаніемъ для этого предположенія, помимо большей близости обоихъ именъ, можетъ служить и то обстоятельство, что описаніе мукъ Егорія въ стихѣ довольно сходно съ описаніемъ мукъ въ апокрифѣ, въ которомъ фигурируетъ царь Дадіанъ. Позднѣе, подъ вліяніемъ каноническаго житія Георгія, имя Демьянище было передѣлано въ Диклитіянище. Прочіе варіанты мени царя представляютъ искаженіе первоначальнаго.

Муки Егорія въ стихѣ большею частью соотвѣтствуютъ мукамъ, изображеннымъ въ апокрифѣ, въ которомъ мать Егорія носитъ имя Полихроніи. По стиху Егорія „во пилы пилятъ“—по апокрифу „повелѣ царь претрети и (его) пилою“; по стиху Егорія „въ топоры рубятъ“—по апокрифу царь „повелѣ въврещи и въ окринъ (сосудъ) мѣдянъ и рублемъ (полосою) мѣдянымъ бити по головѣ“; по стиху Егорія варятъ въ смолѣ—по апокрифу „повелѣ мучитель разварити лой (сало) и пеколъ (видъ смолы), жупелъ (сѣру) и смолу“. Нѣкоторые виды мукъ заимствованы стихомъ изъ каноническаго житія Георгія, какъ, напр., сапоги, утыканные гвоздями, и встрѣчающееся въ нѣкоторыхъ варіантахъ колесо, которымъ вертятъ Егорія.

По стиху, Демьянище, видя, что никакія муки Егорія не берутъ, велитъ посадить его въ глубокій погребъ, гдѣ онъ пребываетъ тридцать лѣтъ или тридцать три года. По сказаніямъ, царь, подвергнувъ Георгія всевозможнымъ мукамъ, наконецъ, казнитъ его. Отступленіе стиха отъ книжнаго источника объясняется тѣмъ, что авторъ имѣлъ цѣлью изобразить Егорія не только мученикомъ, но и героемъ-побѣдоносцемъ. Для осуществленія своей цѣли авторъ создалъ въ стихѣ картину пребыванія Егорія въ погребѣ, какъ моментъ, переходный отъ Егорія-мученика къ Егорію побѣди-

телю. Матеріалы для изображенія этой картины авторъ стиха нашелъ въ сказаніяхъ. Въ одномъ изъ нихъ разсказывается, что Георгій умираетъ и воскресаетъ; Георгія, по одной редакціи, бросаютъ „въ потокъ сухъ“, и царь радуется, что христіанинъ безсиленъ противъ смерти; затѣмъ тѣло Георгія погребаютъ съ конобомъ (котломъ), въ которомъ его разварили. По каноническому житію, царь „повелѣ Георгія святаго воврещи въ ровъ каменный нерастворенныя извести и въ той загребсти его до трехъ дней. Въ третій же день повелѣ царь кости мучениковы изъ рва известнаго взметнути: мняше бо того сгорѣвша въ извести“. Въ стихѣ „конобъ“ и известковый ровъ превратились въ глубокій погребъ, а три дня въ тридцать лѣтъ или тридцать три года.

б) Вторая часть. Во второй части стиха Егорій изображается героемъ-побѣдоносцемъ.

Происхожденіе этой части стиха до сихъ поръ еще удовлетворительно не объяснено. Книжнаго сказанія, близкаго къ ней по содержанію, не существуетъ, и едва ли когда-нибудь такое сказаніе существовало. Приходится думать, что вторую часть своего произведенія авторъ сложилъ самостоятельно, подъ вліяніемъ знакомаго ему образа Георгія не мученика, а побѣдоносца. Этотъ образъ былъ ему знакомъ, *во-первыхъ*, по тѣмъ сказаніямъ, въ которыхъ Георгій выступаетъ воиномъ, побѣдителемъ Змѣя; *во-вторыхъ*, по церковнымъ пѣснямъ, въ которыхъ Георгій именуется „хранителемъ церкви“, „плѣнныхъ свободителемъ“, въ которыхъ говорится, что „томителя врага доблій страдалецъ (Георгій) побѣдивъ низложи“, „вѣры бронями и щитомъ благодати и креста копіемъ вооружився“, „поемъ твоя подвиги, ими же разсыпалъ еси идольскія службы“, всю же упразднилъ еси „демонскую прелесть“, „возсіялъ еси, яко звѣзда свѣтоносна“; наконецъ, *въ-третьихъ*, по иконамъ, на которыхъ Георгій изображенъ всадникомъ-воиномъ, поражающимъ Змѣя. Переходъ отъ Георгія-мученика къ Георгію-побѣдоносцу подсказанъ былъ автору стиха однимъ изъ сказаній о мукахъ Георгія, въ которомъ царь Дадіанъ названъ „глубокимъ зміемъ“: „Видѣвъ же глубокы змій Дадіанъ, яко не прикоснушася ему мукы, повелѣ сотворити коло“ (колесо). Такое названіе должно было заставить автора стиха придти къ заключенію, что Дадіанъ это и есть тотъ Змѣй, надъ которымъ Георгій одержалъ побѣду. Придя къ этому заключенію,

авторъ соотвѣтственнымъ образомъ использовалъ сюжетъ сказаній о Георгіи и Змѣѣ, приспособивъ его ко второй части стиха: побѣду Георгія надъ Змѣемъ онъ превратилъ въ побѣду его надъ Демьянищемъ, а принятіе христіанства царемъ Агапіемъ и его народомъ превратилъ въ утвержденіе Георгіемъ христіанства.

Возможно также, что сюжетъ второй части стиха былъ обработанъ подъ вліяніемъ палестинскихъ преданій о Георгіи-завоевателѣ и побѣдоносцѣ. Существованіе такихъ преданій находитъ себѣ подтвержденіе въ западно-европейскихъ легендахъ о Георгіи. Въ одной изъ такихъ легендъ разсказывается, что Георгій, столкнувшись съ Дадіаномъ, заявилъ ему, что онъ завоевалъ Палестину (Palaestinam devicit). Въ нѣмецкой поэмѣ Рейнбота фонъ-Дорна (пол. XIII в.) изображаются св. Георгій съ его братьями Ѳеодоромъ (очевидно, Стратилатомъ) и Дмитріемъ (очевидно, Солунскимъ), походы и завоеванія Георгія и, между прочимъ, побѣда его подъ Каппадокіей надъ властителемъ Солуня при помощи знамени, которое принесъ ему съ неба ангелъ, и при содѣйствіи небесной дружины (см. § 207). Тудебодъ, разсказывая объ осадѣ крестоносцами Антіохіи въ 1098 г., сообщаетъ, что на помощь христіанамъ явилось небесное воинство со святыми Георгіемъ, Ѳеодоромъ и Дмитріемъ во главѣ. Эти преданія служатъ доказательствомъ того, что въ Палестинѣ существовалъ нѣкогда цѣлый кругъ сказаній, изображавшихъ Георгія завоевателемъ и побѣдителемъ, освободителемъ Палестины отъ владычества магометанъ и возстановителемъ въ ней христіанства. Автору стиха не трудно было ознакомиться съ подобными преданіями во время путешествія въ св. земли или по разсказамъ древнихъ каликъ и переработать ихъ въ стихъ, изображающій освобожденіе Егорія изъ погреба, поѣздку его по Палестинѣ (по св. Руси) для возстановленія христіанства и культуры въ одичавшей послѣ нашествія странѣ и, наконецъ, казнь Демьянища.

Вторая часть стиха могла подвергнуться также вліянію сказаній и преданій о культурной дѣятельности окско-волжскихъ князей, особенно Юрія Долгорукаго.

Наконецъ, идея второй части стиха могла до нѣкоторой степени подсказываться такими фактами изъ русской исторіи, какъ побѣда надъ татарами, освобожденіе отъ татарскаго ига

и происшедшее подъ вліяніемъ этихъ фактовъ укрѣпленіе на Руси христіанства.

Отдѣльные эпизоды во второй части стиха могли сложиться подъ самыми разнообразными вліяніями, среди которыхъ не малую роль сыграли былины.

Егорій проситъ у матушки благословенія и отправляется наказать Демьянище: это — черты, навѣянныя былинами. По пути Егорій встрѣчаетъ среди одичавшей страны рядъ препятствій, характерныхъ преимущественно для древней Руси: горы толкучія, лѣса дремучіе, стада змѣй и волковъ *).

„Толкучія горы" это—горы или скалы двигающіяся, образъ которыхъ встрѣчается въ миѳологіяхъ самыхъ разнообразныхъ народовъ: такія горы встрѣчаются на пути аргонавтамъ; Цирцея въ „Одиссеѣ" предостерегаетъ Одиссея относительно такихъ же горъ. Представленіе о толкучихъ горахъ сложилось подъ вліяніемъ оптической иллюзіи, испытываемой путешественниками въ горныхъ странахъ. Путешественнику, совершающему по такой странѣ путь, кажется, что горы находятся въ постоянномъ движеніи. Если путешественникъ впервые совершаетъ путь по горной странѣ, эта оптическая иллюзія затрудняетъ ему возможность оріентироваться, сбиваетъ его нерѣдко съ пути и даже иногда приводитъ его къ гибели. Древній путешественникъ, смотрѣвшій на явленія природы съ анимистической точки зрѣнія, видѣлъ не только движеніе горъ, но и столкновенія между ними. Увѣренность въ томъ, что горы двигаются и сталкиваются между собою, находила себѣ подтвержденіе во время землетрясеній, когда въ горныхъ странахъ происходила реальная передвижка слоевъ земной коры, сопровождаемая измѣненіемъ конфигураціи горнаго хребта. Отсюда—идея о толкучихъ горахъ, какъ объ одномъ изъ опасныхъ препятствій на пути **).

Попавъ среди толкучихъ горъ, не дававшихъ ни пройти, ни проѣхать, Егорій велитъ имъ „стать по старому" и обѣщаетъ построить на нихъ церковь соборную. Было время, до опустошенія и одичанія страны, когда горы не двигались:

---

*) Подобнаго же рода препятствія, или „заставы", преодолѣвалъ и Дюкъ Степановичъ (кн. 1-я, § 230): горы толкучія, птицы клевучія и Змѣище-Горынище.

**) Странно, что такое простое и естественное объясненіе „толкучихъ горъ" не приходило изслѣдователямъ въ голову.

благодаря оживленнымъ сношеніямъ людей другъ съ другомъ и существованію проторенныхъ дорогъ, оптическая иллюзія двигающихся горъ была столь слабой, что путешественниками не замѣчалась,—горы не двигались. Егорій, прокладывая вновь путь черезъ толкучія горы, желаетъ вернуть старое время и обѣщаетъ построить на горахъ храмъ—своего рода маякъ для путниковъ.

Лѣса дремучіе, стада звѣриныя, сѣрые волки, стада змѣиныя—характерныя черты для одичавшей страны вообще и для Окско-Волжской Руси въ частности, въ эпоху ея колонизаціи при Юріи Долгорукомъ и позднѣе.

Къ перечисленнымъ препятствіямъ въ нѣкоторыхъ варіантахъ прибавляется еще Нога-птица (Черногаръ, Черноганъ, Астрахтирь, Великанъ), которая сидитъ на воротахъ Херсонскихъ (Себрицкихъ, Симбирскихъ) и въ когтяхъ держитъ осетра-рыбу (севръ-рыбу, китру-рыбу), отъ поворотовъ которой синія моря колышутся. Егорій велитъ птицѣ полетѣть во сине море, водить дѣтей на камени, пить и ѣсть изъ синя моря. Образъ Ноги-птицы, очевидно, заимствованъ изъ стиха „О Голубиной книгѣ“ (§ 189) и соотвѣтствуетъ Страфиль-птицѣ, а осетръ-рыба, какъ видно изъ варіанта,—китра-рыба, представляетъ искаженный образъ кита рыбы изъ того же стиха.

При звѣриномъ или при змѣиномъ стадѣ Егорій находитъ своихъ сестеръ; на нихъ тѣла стали, какъ еловая кора, а волосы, какъ ковыль-трава: это—художественные образы, выражающіе одичаніе сестеръ Егорія, вынужденныхъ жить среди лѣсовъ и полей.

Вторая часть стиха оканчивается казнью басурманскаго царя. Въ большинствѣ варіантовъ царь передъ казнью умоляетъ Егорья дать ему пожить еще хоть на время; но Егорій отказываетъ ему и поражаетъ его палицей, стрѣлой или мечомъ *).

---

*) Георгій, мученикъ и герой книжныхъ сказаній, послужившихъ источникомъ духовныхъ стиховъ объ Егоріи,—историческое лицо, какое именно, до сихъ поръ не установлено. Неизвѣстно также, почему изъ группы христіанскихъ святыхъ и мучениковъ выдвинулся именно Георгій, почему именно Георгій сталъ центромъ широко распространеннаго культа, который изображаетъ этого святого борцомъ съ темными сверхъестественными силами, покровителемъ земледѣлія и скотоводства.

210. О Ѳеодорѣ Тиронѣ. Царь Константинъ Самойловичъ молится у заутрени. Въ это время къ городу подступилъ царь іудейскій съ жидовской силой и пустилъ въ городъ стрѣлу каленую съ надписью: „Царь Константинъ Самойловичъ! Отдай градъ ты охотою: не отдашь градъ охотою, мы возьмемъ градъ неволею". Царь вызываетъ своихъ князей-бояръ идти на царя іудейскаго. Никто не откликается, кромѣ его двѣнадцатилѣтняго сына Ѳеодора Тирянина. Ѳеодоръ беретъ Евангеліе, садится на коня и отправляется на враговъ. Три дня и три ночи бьется-рубится Ѳеодоръ и, наконецъ, побиваетъ царя іудейскаго и покоряетъ силу жидовскую. Разлилась жидовская кровь; топитъ она коня Ѳеодора по гриву, а самого добраго молодца по шелковъ поясъ. Воткнулъ Ѳеодоръ копье въ сырую землю, раскрылъ Евангеліе и обратился къ матери сырой землѣ съ мольбой: „Разступися, мать сыра земля, на четыре стороны и пожри кровь жидовскую". Разступилась земля и поглотила кровь жидовскую. Ѳеодоръ возвращается къ отцу, который ведетъ его за столы дубовые. Пока Ѳеодоръ пируетъ, матушка, его милуючи и коня жалѣючи, беретъ коня и ведетъ его на сине море—поить и обмыть отъ крови жидовской. Вдругъ, откуда ни возьмись, явился огненный Змѣй о двѣнадцати хоботахъ, пожралъ коня, полонилъ матушку и унесъ ее за синее море во змѣиныя пещеры. Къ Ѳеодору пришли слуги вѣрные и сообщили о происшедшемъ. Ѳеодоръ выходитъ изъ-за стола, беретъ Евангеліе и отправляется къ синему морю: ни пройти Ѳеодору, ни проѣхать. Раскрылъ Ѳеодоръ Евангеліе и сталъ молиться. По моленію Ѳеодора, откуда ни возьмись, явилась Титъ-рыба и легла поперекъ моря. Пройдя по Титъ-рыбѣ, „яко по сырой землѣ", Ѳеодоръ дошелъ до пещеръ змѣиныхъ и увидѣлъ, что двѣнадцать змѣенышей сосутъ его матушку за ея груди бѣлыя. Онъ побилъ-порубилъ змѣенышей, взялъ матушку, посадилъ ее на голову къ себѣ и понесъ обратно по Титъ-рыбѣ. Вдругъ налетаетъ на нихъ огненный Змѣй. Три дня и три ночи бьется съ нимъ Ѳеодоръ. Наконецъ, Ѳеодоръ размахнулся и убилъ Змѣя до смерти. Разлилась кровь змѣиная, топитъ Ѳеодора по колѣна, по поясъ и по грудь. Ѳеодоръ ударилъ копьемъ въ землю: земля разступилась и пожрала кровь змѣиную. Взялъ Ѳеодоръ свою матушку, понесъ ее опять домой и спрашиваетъ ее: „А родимая, моя матушка! Стоитъ ли мое хожденіе противъ твоего рожденія?"

Матушка отвѣчаетъ: „Стòитъ и перестоитъ!“ *) Замѣтивъ приближеніе сына съ матерью, царь Константинъ велѣлъ народу ударить въ колокола, поднять иконы и пойти имъ на встрѣчу. Θеодоръ, услышавъ объ этомъ распоряженіи, сказалъ отцу: „О, родимый ты мой батюшка, царь Константинъ Самойловичъ! Не звоните въ колокола благовѣстные, не подымайте иконы мѣстныя, не встрѣчайте меня во чистомъ полѣ, не служите вы молебны мѣстные: поимѣйте вы, православные, перву недѣлю великаго поста. Кто поимѣетъ первую недѣлю великаго поста, того имя будетъ написано у самого Господа во животныхъ книгахъ“.

Стихъ о Θеодорѣ Тиронѣ представляетъ переработку апокрифическихъ сказаній о Θеодорѣ Тиронѣ (кн. 1-ая, § 86), который сближается и смѣшивается съ другимъ Θеодоромъ—Θеодоромъ Стратилатомъ, пострадавшимъ при Ликиніи въ Гераклеѣ.

Подобно сказаніямъ стихъ распадается на двѣ части: въ первой части стиха изображается походъ и побѣда Θеодора надъ іудейскимъ царемъ, въ сказаніяхъ—поѣздка Θеодора противъ сарацинъ, или пещерныхъ людей; во второй части стиха изображается похищеніе матери Θеодора Змѣемъ и побѣда Θеодора надъ Змѣемъ, въ сказаніяхъ—то же самое.

Отступленія стиха объясняются подробностями сказаній или вліяніемъ былиннаго эпоса.

Θеодоръ, по стиху, совершаетъ свои подвиги при царѣ Константинѣ Самойловичѣ, по сказаніямъ—при Валентѣ, Василіи, по одному греческому сказанію—при благовѣрномъ царѣ Самуилѣ; на стихъ, очевидно, оказала вліяніе та редакція сказаній о Θеодорѣ, въ которой было имя Самуилъ, хотя неизвѣстно, почему авторъ стиха передѣлалъ имя Самуилъ въ Константина Самойловича.

Стихъ изображаетъ Θеодора сыномъ Константина и притомъ очень юнымъ—двѣнадцати лѣтъ. По сказаніямъ Θеодоръ—не сынъ Самуила (Валента, Василія) и не ребенокъ. Но нѣкоторыя подробности сказаній дали поводъ автору стиха придти къ заключенію, что Θеодоръ—сынъ царя и притомъ очень юный. Въ сказаніяхъ царь, обращаясь къ Θеодору, упо-

---

*) Смыслъ этого вопроса такой: чей подвигъ тяжелѣе, Θеодора ли, убившаго Змѣя или матери, родившей Θеодора?

требляетъ слово τέκνον (дитя), которое принято было, когда старшіе обращались къ младшимъ. Въ славяно-русскихъ переводахъ сказаній слово τέκνον переводится словомъ „чадо“. Авторъ стиха понялъ слово „чадо“ въ буквальномъ смыслѣ и сдѣлалъ выводъ, что Θеодоръ—сынъ царя. Мать Θеодора въ сказаніяхъ изображается красавицей; Θеодоръ по каноническому житію и на иконахъ—очень молодой человѣкъ. Отсюда у автора стиха—представленіе о Θеодорѣ, какъ объ юношѣ. Впослѣдствіи калики сблизили Θеодора съ Михаиломъ (Иваномъ) Даниловичемъ (кн. 1-ая, §§ 216, 220) и переработали всю первую часть въ стилѣ былинъ объ этомъ юномъ богатырѣ.

Въ сказаніяхъ поѣздка Θеодора изображается такъ. Царю приснился страшный сонъ: онъ увидѣлъ „человѣка-сановника (въ греческомъ текстѣ—ἀμαλήκ, т.-е. царь), копіе на люди имуща въ руцѣ своей на обѣ страны остро и другое за собою; опоясався и первое нападе на мя и абіе избоде мя и мышца не остави“. Царь сталъ разспрашивать своихъ князей, не видѣлъ ли кто такого человѣка. Князья отвѣтили, что они не видѣли. Царь очень опечалился. Замѣтивъ это, Θеодоръ рѣшилъ отправиться на поиски. Онъ ѣдетъ „сквозь языки незнаемы, иже закона не знаютъ“, и послѣ долгихъ поисковъ находитъ въ Сиріи, въ пещерѣ, прикрытой вѣтвями, нѣсколько сарацинъ—мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Связавъ найденныхъ людей, Θеодоръ привелъ ихъ къ царю. Въ числѣ плѣнныхъ оказался и тотъ сановникъ, который напугалъ царя во снѣ. Царь велѣлъ казнить сановника съ нѣсколькими другими плѣнниками. Калики этотъ неопредѣленный эпизодъ переработали въ былинномъ стилѣ: сонъ царя объ угрожающей ему опасности отъ царя сарацинъ былъ замѣненъ нашествіемъ іудейскаго царя; оружіе, которымъ сарацинскій царь угрожалъ во снѣ, было превращено въ стрѣлу, пущенную въ христіанскій городъ съ написанной на ней угрозой; поѣздка за сарацинскимъ царемъ превратилась въ избіеніе жидовской силы.

Эпизодъ съ потопомъ, происшедшимъ отъ жидовской крови, представляетъ повтореніе эпизода съ потопомъ отъ змѣиной крови.

Похищеніе матери Θеодора Змѣемъ, битва со змѣенышами и съ самимъ Змѣемъ и въ сказаніяхъ, и въ стихѣ описываются приблизительно одинаково, хотя въ иномъ порядкѣ и

съ особыми подробностями. По сказаніямъ, мать Θеодора ведетъ коня поить къ колодцу, который охранялся змѣями, получавшими отъ царя ежегодную дань. По случаю успѣшнаго возвращенія Θеодора, царь забылъ принести змѣямъ обычную дань, и это ихъ разсердило. Когда мать Θеодора явилась къ колодцу, Змѣй схватилъ ее и унесъ въ свое жилище. По стиху, Змѣй появился неожиданно и притомъ изъ-за моря. Чтобы добраться до Змѣя, Θеодору необходимо было перебраться черезъ море, и къ его услугамъ явился гигантскій китъ (Титъ-рыба, Китъ, Кетръ), который легъ поперекъ моря. Замѣна колодца моремъ и появленіе гигантскаго кита объясняются нѣкоторыми деталями сказаній о Θеодорѣ. Въ сказаніяхъ говорится, что Θеодоръ нашелъ колодецъ „кытою (вѣтвью) затченъ". Авторъ стиха не понялъ слова „кытою" и вообразилъ, что рѣчь идетъ о китѣ. Въ этомъ авторъ еще болѣе увѣрился благодаря другому мѣсту сказанія: въ своей молитвѣ къ Богу передъ битвой со Змѣемъ Θеодоръ, между прочимъ, упоминаетъ пророка Іону, проглоченнаго китомъ и изведеннаго изъ чрева кита Божьей помощью. Зная, что киты водятся въ моряхъ, авторъ стиха замѣнилъ заткнутый „кытою" колодецъ моремъ, поперекъ котораго лежитъ китъ,—образъ, который могъ быть ему знакомъ по нѣкоторымъ сказкамъ *).

Эпизодъ съ потопомъ отъ змѣиной крови навѣянъ былъ слѣдующимъ мѣстомъ изъ сказаній. Побѣдивъ Змѣя, Θеодоръ очутился взаперти: трупъ убитаго Змѣя завалилъ выходъ. По молитвѣ Θеодора, Господь послалъ архангела, который „пропусти воду тещи первымъ путемъ... и изыде вода, яко рѣка велика". Трупъ былъ унесенъ водою, и выходъ открылся. Вода, которая устремилась подобно великой рѣкѣ, вызвала въ воображеніи автора образъ потопа, а образъ воднаго потопа былъ превращенъ авторомъ въ образъ кроваваго потопа.

Вопросъ, предложенный Θеодоромъ матери послѣ побѣды надъ Змѣемъ, объясняется однимъ греческимъ текстомъ сказанія, въ которомъ Θеодоръ, вспоминая муки и печали, вынесенныя матерью за него при рожденіи, твердо рѣшается освободить мать отъ Змѣя.

Стихъ оканчивается пожеланіемъ Θеодора, чтобы право-

*) Въ сказкѣ „О Маркѣ Богатомъ" изображается гигантскій китъ, который лежитъ поперекъ моря и по которому переправляются, какъ по мосту, конные и пѣшіе.

славные чтили первую недѣлю Великаго поста. Въ сказаніяхъ Θеодоръ, рѣшивъ отправиться для освобожденія матери, проситъ царя, на случай неудачи, творить его память въ первую субботу Великаго поста. Авторъ стиха перенесъ эту просьбу Θеодора къ моменту его возвращенія послѣ побѣды. Память св. Θеодора Тирона празднуется церковью въ субботу на первой недѣлѣ Великаго поста.

Стихи о Θеодорѣ Тиронѣ и о Георгіи и Змѣѣ оказали вліяніе на былины о Добрынѣ и объ Алешѣ Поповичѣ: подъ вліяніемъ этихъ стиховъ Добрыня былъ сдѣланъ змѣеборцемъ, а Тугаринъ былъ превращенъ въ Змѣя (кн. 1-ая, §§ 193, 199).

211. О святителѣ Николаѣ. Въ славномъ градѣ Антіохіи жилъ-былъ славный мужъ Агрикъ, который вѣровалъ въ святителя Миколу чудотворца. За пять поприщъ отъ Антіохіи стояла соборная церковь во имя святителя Миколы. Однажды Агрикъ отправилъ своего сына Василія въ эту церковь помолиться. Въ то время, какъ Василій ставилъ передъ Миколой „мѣстную свѣщу“ и со слезами молился, вдругъ набѣжали сарачинскіе люди, обступили кругомъ церковь и полонили много народу. Взяли они и Василія, Агрикова сына, и увезли къ сарацинскому князю Амиру. Опечалился Агрикъ, не сталъ вѣровать въ святителя Миколу. Три года не ходилъ Агрикъ въ церквь Миколы и не молился святителю. Приходили къ Агрику сродники-знакомцы и говорили ему, чтобы онъ повѣрилъ въ святителя Миколу и помолился ему: „Микола святитель Богомъ силенъ: онъ выручитъ твоего сына Василья со великія неволи со полона, изъ тыя Срачинскія земли, отъ того ли отъ срачинскаго князя“. Послушался Агрикъ, составляетъ онъ съ женою много сладкаго канона (§ 55), кормитъ-поитъ много народу, много меньшой нищей братіи. Приходитъ Агрикъ въ церковь Миколы, ставитъ мѣстную свѣщу и молится святителю, чтобы онъ выручилъ изъ неволи его сына. Въ это время въ бѣлокаменныхъ палатахъ сорочинскаго князя стоялъ Агриковъ сынъ Василій въ сорочинской одеждѣ; въ одной рукѣ держалъ онъ скляницу, полную вина, а въ другой—чару золотую. Вдругъ Василій сталъ невидимъ: его вынесло изъ палатъ, перенесло къ граду Антіохіи и становило посреди двора отцова. На дворѣ Агрика залились злые псы. Вернувшійся Агрикъ вышелъ съ женою посмотрѣть, что тамъ такое, и видитъ своего сына въ сорочинской одеждѣ: въ одной рукѣ держитъ скля-

ницу, полную вина, а въ другой—чару золотую. Обрадовался Агрикъ: „Ай ты, мой любезный сынъ Василей! Не ложно ли ты ко мнѣ ты прельстился, не врагъ ли ко мнѣ ты показался?“ *) Василій успокоилъ отца и разсказалъ, какъ онъ чудесно былъ поднятъ и унесенъ. Тутъ Агрикъ съ женою сталъ вѣровать въ святителя Миколу. Подняли мѣстную икону, принесли въ домъ къ Агрику, отслужили честной молебенъ святителю Миколѣ.

Стихъ о святителѣ Миколѣ представляетъ изъ себя воспроизведеніе сказанія объ одномъ его чудѣ, встрѣчающемся въ прологахъ и сборникахъ житій.

Въ Антіохійской странѣ,—повѣствуетъ сказаніе,—жилъ нѣкій богатый человѣкъ Агрикъ, у котораго былъ одинъ сынъ по имени Василій. Агрикъ ежегодно торжественно праздновалъ память св. Николая, церковь котораго находилась въ пяти поприщахъ отъ его дома. Случилось такъ, что разъ Агрикъ послалъ за себя въ церковь своего сына Василія. Въ это время на страну совершали набѣгъ сарацины. Послѣдніе окружили церковь св. Николая и захватили въ плѣнъ молящихся, въ томъ числѣ и Василія. Амиру, сарацинскому князю, понравился Василій, и онъ взялъ его къ себѣ въ качествѣ прислуги. Пораженные горемъ Агрикъ и его жена перестали справлять день св. Николая. На третій годъ, по совѣту родственниковъ и друзей, Агрикъ и жена его отправились въ церковь св. Николая помолиться и, вернувшись домой, пригласили гостей на трапезу. Во время трапезы на дворѣ послышался лай собакъ. Агрикъ и гости вышли съ огнемъ и увидѣли, что на дворѣ стоитъ человѣкъ въ сарацинской одеждѣ и со склянкой вина въ рукѣ. Оказалось, что это—Василій, Агриковъ сынъ. Василій сказалъ удивленному отцу, что онъ сейчасъ только стоялъ передъ Амиромъ на островѣ Критѣ, собираясь налить ему вина, какъ вдругъ кто то съ необыкновенной силой восхитилъ его и перенесъ сюда. Услышавъ это, всѣ отправились въ церковь поблагодарить св. Николая.

Стихъ почти буквально воспроизводитъ сказаніе со всѣми его подробностями: именами, цифрами, выраженіями. Отличія между стихомъ и сказаніемъ незначительны. По сказанію, ро-

---

*) Т.-е. не призрачный ли ты образъ, не вражьимъ ли навожденіемъ ты показываешься?

дители Василія были въ такомъ горѣ, что забыли совершать обычное празднованіе дня св. Николая; по стиху, родители перестали вѣровать Миколѣ. Въ стихѣ не упомянутъ островъ Критъ.

212. О Кирикѣ и Улитѣ. Рѣдко встрѣчающійся стихъ о Кирикѣ и Улитѣ представляетъ воспроизведеніе апокрифическаго житія ихъ, близкаго къ существующей до настоящаго времени латинской редакціи. И въ стихѣ, и въ житіи изображаются муки, которымъ были подвергнуты Улита и ея малолѣтній сынъ (ему 2 года и 9 мѣсяцевъ) Кирикъ: на нихъ надѣваютъ раскаленные обручи желѣзные, вбиваютъ Кирику въ голову желѣзные гвозди, пригвождаютъ его къ превысокому древу, кипятятъ въ котлѣ со смолой. Кирикъ изображенъ ребенкомъ, одареннымъ необыкновенной мудростью и божественной силой: онъ удерживаетъ свою мать, испугавшуюся мученій, отъ измѣны христіанству.

213. Общій взглядъ на идейно-литературное творчество второго періода. Идейно-литературное творчество второго періода тѣсно примыкаетъ къ первому періоду и представляетъ прежде всего дальнѣйшее развитіе мѣстныхъ литературъ (кн. 1-ая, §§ 244—258, 286—302, 318). Эти литературы развиваются въ Новгородско-Псковской области и въ главныхъ центрахъ Окско-Волжской Руси. Идейно-литературное творчество каждаго мѣстнаго центра тѣсно переплетается съ мѣстными интересами.

Новгородъ въ эпоху своего самостоятельнаго существованія создаетъ свой кругъ старинъ, часть которыхъ была вовлечена въ циклъ кіевскихъ старинъ. Въ этихъ старинахъ отразились характерныя черты новгородской исторіи, начиная съ XII в. и кончая XV в. Новгородская письменность отличается глубокой жизненностью: отражая мѣстные интересы, она въ то же время проникнута сильнымъ мѣстнымъ патріотизмомъ—любовью къ прошлому величію Новгорода, глубокими опасеніями за судьбу Новгорода и, наконецъ, вѣрою въ связь Новгорода съ небесными силами, убѣжденіемъ въ томъ, что Новгородъ—преемникъ истинной вѣры Рима и Византіи.

Идейно-литературное творчество *Пскова* носитъ боевой характеръ: съ одной стороны, въ его литературѣ отражается борьба за независимость; съ другой стороны, Псковъ, въ лицѣ наиболѣе просвѣщенной части своей демократіи, подвергаетъ

основы оффиціальной церкви глубокой критикѣ, встревожившей и московскаго митрополита, и константинопольскаго патріарха, и свѣтскую власть (стригольничество); наконецъ, пробужденная стригольничествомъ псковская мысль выразилась въ страстныхъ спорахъ о сугубой и трегубой аллилуіи. Псковское идейно-религіозное движеніе дало толчекъ къ пробужденію критической мысли за предѣлами Пскова.

Окско-Волжская Русь выдвинула слѣдующіе идейно-литературные центры: Владиміръ, Ростовъ и Суздаль, Тверь, Муромъ и Рязань и Москву. Каждый изъ этихъ центровъ имѣлъ свои особенности и свои интересы. Это наложило отпечатокъ на ихъ идейно-литературное творчество.

Владиміръ, фактическій центръ Окско-Волжской Руси почти до конца XIII в. и номинальный съ конца XIII в., унаслѣдовалъ въ сильной степени традиціи кіевскаго идейно-литературнаго творчества и въ формахъ своихъ произведеній, и въ содержаніи, какъ это видно, напр., изъ „Житія св. Александра Невскаго“. Замѣчательны попытки Кирилла III ограничить симонію и яркая критика общественной нравственности Окско-Волжской Руси, проявившаяся въ поученіяхъ Серапіона.

Ростовъ и Суздаль въ этомъ періодѣ отходятъ на второй планъ. Наиболѣе замѣчательными произведеніями ихъ являются сказанія о ростовскихъ святыхъ, семейная хроника татарскаго царевича Петра, принявшаго православіе, путешествіе митрополита Исидора въ Италію, „Исхожденіе“ Авраамія Суздальскаго и особенно „Лаврентьевскій сводъ“.

Тверь проявляетъ напряженное идейно-литературное творчество, вызванное первоначально борьбой съ Москвою: „Наказаніе“ Симеона возлагаетъ отвѣтственность за дѣянія княжеской администраціи на самого князя; „Посланіе“ монаха Акиндина рѣзко порицаетъ симонію; „Повѣсть объ убіеніи кн. Михаила“ создаетъ образъ идеальнаго князя-мученика, руководствующагося въ политикѣ правомъ и справедливостью; старина о Щелканѣ рисуетъ героическій подвигъ тверичей въ борьбѣ съ татарской силой; инока Ѳомы „Слово похвальное“ пытается изобразить тверского князя Бориса православнымъ самодержцемъ, наслѣдникомъ византійскихъ императоровъ; въ концѣ самостоятельнаго существованія Твери является „Хожденіе“ Никитина, которое отражаетъ предпріимчивость и патріотизмъ тверского купца.

Муромъ и Рязань замѣчательны своимъ интересомъ къ женщинѣ. Они выработали цѣлый рядъ художественныхъ образовъ идеальной женщины въ самыхъ разнообразныхъ житейскихъ положеніяхъ. Эти образы суть слѣдующіе: вѣрная супруга, любящая сестра и патріотка, умная и преданная супруга, любящія другъ друга сестры, наконецъ, самый замѣчательный образъ—женщина, въ которой суровый аскетизмъ сплетается съ глубокимъ дѣятельнымъ альтруизмомъ. Въ частности Рязань создала образъ богатыря борца съ Батыемъ Евпатія Каловрата.

Москва позднѣе другихъ удѣловъ начинаетъ свое идейно-литературное творчество, и притомъ при посредствѣ иностранцевъ-славянъ или русскихъ изъ другихъ болѣе культурныхъ центровъ Окско-Волжской Руси. Москва вырабатываетъ себѣ идеальные образы дѣятелей прошлаго, вводитъ и развиваетъ балгаро-сербскій литературный стиль, изображаетъ дѣятельность Стефана Пермскаго и сохраняетъ для потомковъ замѣчательные образы Сергія Радонежскаго и Кирилла Бѣлозерскаго, окружаетъ свою борьбу съ Золотой Ордой и въ особенности Куликовскую битву рядомъ сказаній, наконецъ, пытается облечь свою непрерывно ростущую силу въ стройную теорію перехода царской власти отъ византійскаго царя къ московскому князю.

Параллельно развитію мѣстныхъ литературъ идетъ идейно-литературное творчество *церкви*.

Въ окско-волжскомъ *монашествѣ* происходитъ глубокая дифференціація.

Изъ массы монашества, жизнь котораго, въ общемъ, только по внѣшности отличалась отъ жизни свѣтскаго общества, постепенно выдѣляется особая группа монаховъ съ особыми задачами. Представители ея принадлежали по преимуществу къ той части высшаго удѣльно-феодальнаго боярства, для которой власть, богатство, почести, внѣшняя красота и т. д. были уже изжитою ступенью развитія, для которой, благодаря крушенію удѣльно-феодальной силы, открывался выходъ въ новую жизнь—идейную, созерцательно-аскетическую. Въ группѣ монаховъ, вышедшихъ изъ этой общественной среды, зарождается, развивается и теоретически обосновывается стремленіе къ внутреннему, нравственному, совершенствованію, а параллельно этому складывается отрицательное отношеніе къ монастырскому капитализму (*заволжскіе старцы*).

Въ противовѣсъ этой группѣ изъ окско-волжскаго монаше-

ства выдѣляется другая, съ иными, прямо противоположными, тенденціями. Ее составляли иноки, которыхъ выдвигала изъ своей среды зарождавшаяся новая общественная сила—московское дворянство. Въ этой группѣ зарождается, развивается и теоретически обосновывается стремленіе къ суровому внѣшнему аскетизму; въ то же время въ ней энергично защищается и оправдывается доводами изъ „божественнаго писанія“ и практическими соображеніями монастырскій капитализмъ (*іосифляне*).

Стремленія обѣихъ группъ выразились въ обширной литературѣ—теоретической, поучительной и житійной.

По распоряженію *митрополита* изъ мѣстныхъ центровъ ему доставлялись копіи съ наиболѣе важныхъ произведеній мѣстнаго идейно-литературнаго творчества, по преимуществу лѣтописнаго. Эти копіи перерабатывались въ обширные лѣтописные своды, изъ которыхъ самымъ грандіознымъ и важнымъ является „Владимирскій полихронъ“.

Въ *аристократической средѣ*, преимущественно монашеской, зарождаются и развиваются церковный эпосъ и церковная лирика—духовные стихи, которые постепенно становятся достояніемъ особаго класса лицъ—каликъ аристократическаго происхожденія, а затѣмъ каликъ низшаго происхожденія. Послѣдніе налагаютъ на нѣкоторыя стихи отпечатокъ простонароднаго демократизма.

Библіографія. I. Литературныя отраженія татарскаго нашествія. *Сказаніе о битвѣ при Калкѣ*, въ Лаврентьевской лѣтописи, подъ 1223 г., Спб. 1897.—*Сказаніе объ Евпатіи Коловратѣ*, у И. Срезневскаго, въ его «Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ», Спб., 1867.—*Всеволодъ Миллеръ.* Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса. М. 1892.—*Его-же.* Очерки русской народной словесности. Т. I. М. 1897. Т. II. М. 1910.—*Ѳ. И. Буслаевъ.* Смоленская легенда о св. Меркуріи и ростовская о Петрѣ, царевичѣ Ордынскомъ. «Историческіе очерки русской народной словесности и искусства». Т. II. Спб. 1861.—*Арс. П. Кадлубовскій.* Великомученикъ Меркурій Кесарійскій и мученикъ Меркурій Смоленскій. «Очерки по исторіи древнерусской литературы житій святыхъ». Варшава. 1902.

II. Новгородско-псковская литература. *Новгородскія былины*, въ сборникахъ былинъ и пѣсенъ Кирши Данилова, П. Кирѣевскаго, П. Рыбникова, А. Гильфердинга, А. Маркова, А. Григорьева, В. Ончукова.—*Всев. Миллеръ.* Очерки русской народной словесности. Т. I. М. 1897.—*Ив. Ждановъ.* Русскій былевой эпосъ. Спб. 1895.—*А. Веселовскій.* Южно-русскія былины. «Сборникъ» II Отд. Ак. Н., т. XXII, 1881 и т. XXXVI, 1884.—

С. К. Шамбинаго. Старины о Святогорѣ и поэма о Калеви-поэгѣ (о Соловьѣ Будимировичѣ). «Ж. М. Н. Пр.», 1902, № 1.—*Новгородскія и Псковскія лѣтописи*, въ «Полномъ собр. рус. лѣтоп.», том. III—V, Спб. 1841—51.—*И. И. Срезневскій.* Изслѣдованія о лѣтописяхъ новгородскихъ. «Извѣстія Ак. Н.» т. II.—*Н. Янишъ.* Новгородская лѣтопись и ея московскія передѣлки. «Чтенія», 1874, кн. II.—*І. Сениовъ.* Историко-критическія изслѣдованія о Новгородскихъ лѣтописяхъ и о Россійской исторіи В. Н. Татищева. «Чтенія», 1887, кн. IV.—*І. П. Сениовъ.* О древнѣйшемъ лѣтописномъ сводѣ Великаго Новгорода. «Лѣтопись занятій Археогр. Коммиссіи». Выпускъ осьмый. 1888.—*Ив. Тихомировъ.* Изслѣдованія о лѣтописяхъ Псковской и Лаврентьевской. «Ж. М. Н. Пр.», 1883, № 10, 1884, № 10.—*Л. Н. Майковъ.* Матеріалы и изслѣдованія по старинной русской литературѣ. I. Бесѣда о святыняхъ и другихъ достопамятностяхъ Цареграда. Спб. 1890.—*Д. Ѳ. Кобеко.* Опытъ исправленія текста Бесѣды о святыняхъ Царяграда. «Извѣстія II Отд. Ак. Н.», т. II, 1897, кн. 3.—*Арх. Василій.* Посланіе къ тверскому владыкѣ Ѳеодору о земномъ раѣ. Полное собраніе лѣтописей. Т. VI. Спб. 1853.—*А. Веселовскій.* Параллели къ сказанію о новгородскомъ раѣ. «Филологич. Зап». 1875, в. III.—*А. Веселовскій.* Эпизоды о раѣ и адѣ въ посланіи новгородскаго архіепископа Василія. «Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ», XIX. «Сборникъ» II Отд. Ак. Н., т. LIII. — *Стефанъ Новгородецъ.* Странникъ. «Сказанія русскаго народа» Сахарова. Т. II. Спб. 1849.—*Новгородскія и псковскія сказанія и житія* въ «Памятникахъ старинной рус. лит.», изд. гр. Кушелевымъ-Безбородко, подъ ред. Костомарова, вв. I, IV, Спб. 1861—1862, а также въ «Правосл. Собесѣдникѣ», въ изданіяхъ Общества любителей древней письменности, въ Великихъ Четіихъ Минеяхъ Макарія, издаваемыхъ Археографической Коммиссіей.—*Житіе преп. Евфросина Псковскаго* (первоначальная редакція). Къ изданію приготовилъ Н. Серебрянскій. «Памятники древней письменности и искусства». CLXXIII. Спб. 1909.—*Ѳ. И. Буслаевъ.* Мѣстныя сказанія владимирскія, московскія и новгородскія. «Лѣтоп. рус. лит. и древн.», изд. Н. Тихонравовымъ, т. IV, М. 1862.—*Ѳ. И. Буслаевъ.* Новгородъ и Москва. «Историческіе очерки русской народной словесности и искусства», т. II, Спб. 1861.—*В. Ключевскій.* Древнерусскія житія святыхъ. М. 1871.—*Арс. П. Кадлубовскій.* Очерки по исторіи древнерусской литературы житій святыхъ. Варшава. 1902.—*Сказаніе о князѣ Довмонтѣ*—въ «Полн. собраніи рус. лѣтоп.», т. IV и въ «Исторической хрестоматіи» Буслаева, М. 1861.—*Ник. Руднеевъ.* Разсужденіе о ересяхъ и расколахъ, бывшихъ въ русской церкви со временъ Владимира Великаго до Іоанна Грознаго. М. 1838.—*Н. Костомаровъ.* Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. В. II. (гл. XIV: Новгородскій архіепископъ Геннадій). Спб. 1879.—*Н. С. Тихонравовъ.* Сочиненія, т. I, М. 1898 (о стригольникахъ—въ статьѣ «Отреченныя книги древней Россіи», очеркъ шестой).—*А. Никитскій.* Очеркъ внутренней исторіи Пскова. Спб. 1873.—*Его-же.* Очерки внутренней исторіи церкви въ Великомъ Новгородѣ. Спб. 1879.—*В. Ѳ. Боцяновскій.* Русскіе вольнодумцы XIV—XV вѣковъ. «Новое Слово», 1896, № 12.—*Н. Серебрянскій.* Очерки по исторіи монастырской жизни въ Псковской землѣ, съ критико-библіографическимъ обзоромъ

литературы и источниковъ по исторіи псковскаго монашества. М. 1908.—*В. О. Ключевскій.* Псковскіе споры. «Правосл. Обозр.» 1872. №№ 9, 10, 12.—*Сказаніе о Псковскомъ взятіи*, въ Псковской лѣтописи» и въ «Исторической хрестоматіи» Буслаева.

III. Окско-волжская литература. 1) Владимирская литература. *Повѣсть о житіи и храбрости Александра Невскаго.* «Полн. собр. рус. лѣтописей», т. V.—*Сказаніе о св. Александрѣ Невскомъ*, въ «Памятн. Общ. любит. древн. письм.» XXXVI. Спб. 1882.—*В. Ключевскій.* Древнерусскія житія святыхъ. М. 1871. — «*Правило*» *Кирилла III*, въ «Памятникахъ древнерусскаго каноническаго права», ч. I, «Рус. Ист. Библ.», т. VI, Спб. 1908.—*Е. Пѣтуховъ.* Серапіонъ Владимирскій, русскій проповѣдникъ XIII в. Изслѣдованіе съ прибвленіемъ «Поученій Серапіона Владимирскаго» по древнѣйшимъ ихъ спискамъ. Спб. 1888.

2) Ростово-суздальское творчество. *Житіе св. Леонтія и Исаіи ростовскихъ*, въ «Правосл. Собес»., 1858, № 1, *Житіе Леонтія Ростовскаго*, въ Чтеніяхъ въ Общ. истор. и др. р.», 1893, № 4. *Житіе Авраамія Ростовскаго*, въ «Памятн. стар. рус. лит.», в. I, Спб. 1861 и въ Великихъ Минеяхъ Четьихъ Макарія, октябрь.—*В. Ключевскій.* Древнерусскія житія святыхъ. М. 1871.—*Арс. П. Кадлубовскій.* Очерки по исторіи древнерусской литературы житій святыхъ. Варшава. 1902.—*Сказаніе о Петрѣ царевичѣ Ордынскомъ*, въ «Правосл. Соб.», 1859, 1.—*Ѳ. И. Буслаевъ.* Смоленская легенда о св. Меркуріи и ростовская о Петрѣ царевичѣ Ордынскомъ. «Историческіе очерки», т. II, Спб. 1861.—*Путешествіе митрополита Исидора въ Италію*, у Н. И. Новикова въ его «Древней Россійской Вивліоѳикѣ», ч. IV перваго изд. и ч. VI второго изд.—и у В. Малинина въ его изслѣдованіи «Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія». Кіевъ. 1901.—«*Исхожденіе*» Авраамія Суздальскаго, у А. Попова въ его «Историко-литературномъ обзорѣ древнерусскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ», М., 1875.—*А. С. Павловъ.* Критическіе опыты по исторіи древней греко-русской полемики противъ латинянъ. Спб. 1878.—*Ѳ. И. Делекторскій.* Критико-библіографическій обзоръ древнерусскихъ сказаній о Флорентійской уніи. «Ж. М. Н. Пр.», 1895, № 7.—*Лаврентьевская лѣтопись*, въ т. I Полнаго собранія лѣтописей, Спб. 1841—46 гг., и отдѣльныя изданія.—*И. Д. Бѣляевъ.* Русская лѣтопись по Лаврентьевскому списку. «Временникъ Общ. ист. и др.» Кн. II.—*Ив. Тихомировъ.* Изслѣдованія о лѣтописяхъ Псковской и Лаврентьевской. «Ж. М. Н. Пр.» 1883, № 10, 1884, № 10.

3) Тверская литература. *Симеонъ.* Наказаніе о бесѣдѣ съ княземъ Константиномъ, въ «Памятн. стар. рус. лит.», Спб. 1862. — *Акиндинъ.* Посланіе, въ «Памятникахъ древнерус. канонич. права», ч. I, «Рус. Ист. Библ.», т. VI, Спб. 1908.—О «Посланіи» Акиндина см. у А. Е. Голубинскаго, Исторія русской церкви, т. II, первая половина, М. 1908.—«*Повѣсть объ убіеніи кн. Михаила*», въ «Полн. собр. рус. лѣт.», тт. V и VII.—О «Повѣсти» см. у В. Ключевскаго, «Древнерусскія житія святыхъ», М. 1871.—Старина «*О Щелканѣ Дудентьевичѣ*»—у Кирши Данилова, «Древнія россійскія стихотворенія», разныя изданія, у П. Кирѣевскаго, в. V и у А. Гильфердинга, «Онежскія былины», т. III.—*Н. П. Лихачевъ.* Инока Ѳомы «Слово похвальное о благовѣрномъ великомъ князѣ Борисѣ Александро-

вичѣ». Памятники древней письменности и искусства. Спб. 1908.—*И. Срезневскій.* Изслѣдованіе о «Хожденіи за три моря» Аѳанасія Никитина. 1466—1472 гг. Спб. 1857.—*И. Минаевъ.* Старая Индія. Замѣтки на «Хожденіе за три моря» Аѳанасія Никитина. «Ж. М. Н. Пр.» 1881, №№ 6, 7.—*Ив. Тихомировъ.* О сборникѣ, именуемомъ Тверскою лѣтописью. «Ж. М. Н. Пр.». 1876, № 11.

4) **Муромо-рязанская литература.** *Старина объ Авдотьѣ-Рязаночкѣ,* у Рыбникова, ч. III и у Гильфердинга, т. III.—*Муромо-рязанскія повѣсти и сказанія*—въ «Памятникахъ старин. р. лит.», в. I, Спб. 1861.—*Ѳ. И. Буслаевъ.* Пѣсни древней Эдды о Зигурдѣ и Муромская легенда. «Историческіе очерки». Т. I. Спб. 1861.—*Ѳ. И. Буслаевъ.* Идеальные женскіе характеры древней Руси. «Историческіе очерки», т. II, Спб. 1861.—*В. Ключевскій.* Древнерусскія житія святыхъ. М. 1871.

5) **Смоленская литература.** «*Хожденіе архимандрита Агревенья*», подъ ред. арх. Леонида, въ «Палестинскомъ Сборникѣ», т. XVI, в. 3, 1896.—«*Хожденіе архимадрита Грефенья во святую землю*». Изслѣдованіе памятника съ примѣчаніями къ тексту и текстъ. Изд. и объясненіе Я. И. Горожанскаго. «Рус. Фил. Вѣст.», 1884, IV и 1885, I.— *А. Н. Веселовскій.* Къ вопросу объ образованіи мѣстныхъ легендъ въ Палестинѣ. «Ж. М. Н. Пр.». 1885, № 5.

6) **Московское творчество.** *Митр. Петръ.* Поученія, въ «Памятн. стар. р. лит.», в. IV, Спб. 1862, въ «Памятн. древнер. канонич. права», ч. I, «Рус. Ист. Библ.», т. VI, Спб. 1909, у И. Срезневскаго, Древніе памятники русскаго языка и письма, «Извѣст. Ак. Н.», т. X., въ «Прав. Соб.», 1865, 3, и въ «Историч. хрест.» Буслаева, М., 1861.—*Митр. Алексѣй.* Сочиненія—въ прибавленіяхъ къ «Твореніямъ св. Отецъ», 1849, въ «Душепол. Чтеніи» 1861, ч. I, въ «Дух. Бес.» 1868, № 24.—*К. Невоструевъ.* Вновь открытое поучительное посланіе св. Алексѣя. М. 1861.—*И. Срезневскій.* Древніе памятники рус. яз. и письма. «Изв. Ак. Н.», т. X.—*Митр. Кипріанъ.* Сочиненія—въ «Актахъ историческихъ», т. I, въ «Памятникахъ древнер. канонич. права», т. I, въ «Прав. Соб.» 1860, ч. II, 1861, ч. III, 1865, въ «Истор. Хрест.» Буслаева, М., 1861, Житіе Петра—въ «Степенной книгѣ», ч. I, М. 1775, или Спб. 1908.—*А. В. Горскій.* Кипріанъ, митрополитъ Кіевскій и всея Россіи. «Приб. къ Творен св. Отецъ», 1848, VI.—*Кипріанъ,* всероссійскій митрополитъ и великій князь Дмитрій Донской. «Прав. Соб.», 1862, 1.—*І. Л. (Леонидъ).* Кипріанъ до восшествія на московскую митрополію. «Чтенія въ моск. Общ. ист. и др.» 1867, II.—*И. Мансветовъ.* Митрополитъ Кипріанъ въ его литургической дѣятельности. М. 1882. Объ этомъ трудѣ—*Е. Барсовъ* въ «Чтеніяхъ въ моск. Общ. истор. и др.», 1882, III.—*Епифаній Премудрый.* Житіе препод. и богоносн. отца нашего Сергія Чудотворца и похвальное слово ему, написанное ученикомъ его Епифаніемъ Премудрымъ въ XV в. Сообщ. архим. Леонидъ. «Памятники древн. письм. и искус.». Спб. 1885.—*Епифанія* слово о житіи и ученіи св. отца нашего Стефана, бывшаго въ Перми епископа. «Памятн. стар. р. лит.», т. IV, 1862.—*То-же,* изд. Арх. Комм. Спб. 1897.—*В. Ключевскій.* Образцовые писатели русскихъ житій въ XV в. «Правосл. Обозр.», 1870, №№ 8, 9, 10.—О Кипріанѣ и Епифаніи см. у В. Ключевскаго «Древнерусскія житія святыхъ» и у Кадлубовскаго «Очерки по исторіи древнерусской литера-

туры житій святыхъ».—*Кириллъ Бѣлозерскій.* Посланія, въ «Акт. истор.», т. I. и въ «Историч. Хрест.» Буслаева.—О Кириллѣ Бѣлозерскомъ въ «Древнерусскихъ житіяхъ» Ключевскаго и въ «Очеркахъ» Кадлубовскаго.—*Зосима,* іеродіаконъ. «Ксеносъ», во II т. «Сказаній рус. нар.» Сахарова, «Хожденіе инока Зосимы 1419—1422 гг.», съ рис., подъ ред. Хр. М. Лопарева, въ «Палест. Сборн.», в. 24, Спб. 1889.—*Митр. Фотій,* Поученія, посланія и духовное завѣщаніе, въ «Акт. Истор.», т. I, въ дополн. къ «Акт. Истор.», въ «Памятн. древнер. канон. права», ч. I, въ «Русской Истор. Библ.», т. VI, въ «Прав. Соб.», 1860, II и III, 1861, II, въ «Полн. собр. рус. лѣт.», т. VI.—*А. Горскій.* Фотій, митрополитъ Кіевскій и всея Россіи. «Приб. къ Твор. св. Отцовъ», 1852, XI.—О трудѣ святителя Фотія, митрополита Кіевскаго и всея Россіи, «Духовн. Бес.», 1870, №№ 18—20, 23—27. *Антоній, еп. Выборскій* (*А. В. Вадковскій*). Изслѣдованіе о поученіяхъ Фотія, митрополита Кіевскаго и всея Руси. «Изъ исторіи христіанской проповѣди». Спб. 1892.—*А. И. Яцимирскій.* Григорій Цамблакъ. Очеркъ его жизни, административной и книжной дѣятельности. Спб. 1904.—«Сказаніе о побоищѣ в. кн. Дмитрія Ивановича съ Мамаемъ» (первая редакція)—въ «Полн. собр. рус. лѣт.», тт. IV, VI, VIII, въ «Степенной Книгѣ», т. II.—«Повѣсть о побоищѣ в. кн. Дмитрія Ивановича» (вторая редакція), въ «Ник. Лѣт.», т. XI «Полнаго собр. рус. л.»—«Задонщина», или «Слово о великомъ князѣ Дмитріи Ивановичѣ и братѣ его князѣ Владимирѣ Андреевичѣ, яко побѣдили супостата своего царя Мамая», или «Повѣданіе» Софоніи-во «Временникѣ Общ. Ист. и древ. росс.», 1852, кн. 14, въ «Изв. Ак. Н.», 1858, тт. VI, VII, въ «Уч. Зап. Ак. Н.», т. V, в. 3., у Шамбинаго въ его «Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ», «Сборникъ» II Отд. Акад. Н., т. LXXXI, Спб. 1906.—Сказаніе о нашествіи на Москву Тохтамыша—въ «Полн. Собр. рус. л.», т. VI.—Сказаніе о Темиръ-Аксакѣ—въ «Полн. Собр. р. лѣт.», т. VI.—*I. Назаровъ.* Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ. «Ж. М. Н. Пр.», 1858, ч. XCIX.—*П. Розановъ.* Мѣстныя преданія о Куликовской битвѣ. «Кіевск. Унив. Изв.», 1875, № 9, 1876, № 12.—*И. Хрущовъ.* О памятникахъ, прославившихъ Куликовскую битву. Кіевъ. 1876.—*С. П. Тимофеевъ.* Сказанія о Куликовской битвѣ. Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія. «Ж. М. Н. Пр.», 1885, №№ 8, 9.—*С. Шамбинаго.* Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ. «Сборн.» втор. Отд. А. Н., т. LXXXI, Спб. 1906. Объ этомъ трудѣ *А. В. Марковъ* въ «Ж. М. Н. Пр.» 1908, № 4.—Сочиненія *Симеона*—«Исидоровъ соборъ и хожденіе его» и «Путешествіе»—у Павлова въ его «Критическихъ опытахъ по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики», Спб., 1878, у Малинина въ сочиненіи «Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія», Кіевъ, 1901, у Сахарова въ «Сказаніяхъ рус. народа», т. II.—*А. В. Горскій.* Исторія Флорентійскаго собора. М. 1847.—*А. С. Павловъ.* Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики. Спб. 1878.—*Ѳ. И. Делекторскій.* Критико-библіографическій обзоръ древнерусскихъ сказаній о флорентійской уніи. «Ж. М. Н. Пр.» 1895, № 7.—*Несторъ-Искандеръ.* Повѣсть о Царьградѣ. Сообщ. архим. Леонидъ. Изд. Общ. люб. древн. письм. Спб. 1886. Разборъ «Повѣсти» у Дестуниса въ «Ж. М. Н. Пр.», 1887, № 2.—«Повѣсть о созданіи и о взятіи Царяграда», изд. подъ ред. В. Яковлева въ «Памятн. древн. письм.», Спб., 1868, въ «Изборникѣ

статей, внесенныхъ въ хронографы русской редакціи» Попова, М., 1869, въ «Учен. Зап. Ак. Н.», т. I.—*Пахомій Логоѳетъ*. Житіе пр. Сергія Радонежскаго—въ Великихъ Минеяхъ-Четьихъ, сентябрь, Спб., 1883, Житіе Кирилла Бѣлозерскаго—въ Великихъ Минеяхъ-Четьихъ, іюнь, «Слово избрано, отъ св. писаній, еже на латыню»—у Попова въ «Обзорѣ полем. сочиненій противъ лат.», «Сказаніе о князехъ Владимирскихъ»—у Новикова въ «Древн. Росс. Вивліоѳ.», изд. 2-ое, VII и у Жданова въ его книгѣ «Русскій былевой эпосъ», Спб. 1895.—О Пахоміи и его житіяхъ—у В. Ключевскаго, «Древнерусскія житія» и у Кадлубовскаго въ «Очеркахъ».—*И. Некрасовъ*. Пахомій Сербъ, писатель XV вѣка. «Зап. Нов. Ун.», в. VI. Одесса. 1871.—*В. Яблонскій*. Пахомій Сербъ и его агіографическія писанія. Біографическій и библіографически-литературный очеркъ. Спб. 1908. Въ приложеніи—житія Кирилла Бѣлозерскаго, новгородскаго арх. Моисея, игумена Троицко-Сергіева монастыря Никона.—*А. А. Шахматовъ*. Къ вопросу о происхожденіи Хронографа. «Сборн. Отд. рус. яз. и слов. Ак. Н.», т. LVI, 1900.—*А. С. Павловъ*. Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики. Спб. 1878.—*Ѳ. И. Делекторскій*. Критико-библіографическій обзоръ древнерусскихъ сказаній о флорентійской уніи. «Ж. М. Н. Пр.» 1895, № 7.—*И. Н. Ждановъ*. Повѣсти о Вавилонѣ и сказаніе о князехъ владимирскихъ», «Русскій былевой эпосъ». Спб. 1895.—*И. Некрасовъ*. Вліяніе Сербіи и Аѳона на русскую литературу въ XIV и XV вѣкѣ. «Заря» 1871, 5.—*А. Соболевскій*. Южно-славянское вліяніе на русскую письменность въ XIV—XV вѣкахъ. Спб. 1894.—*Митр. Геронтій*. Посланіе къ вел. кн. Іоанну на Угру. «Акт. Археогр.», т. I.—*Вассіанъ Рыло*. Посланіе къ Ивану III на Угру, «Полн. Собр. рус. лѣт.», т. VI.—Сказаніе о *Дракулѣ*—у А. Пыпина въ его «Очеркѣ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ», Спб. 1857. Объ этомъ сказаніи—въ «Лѣтописяхъ рус. лит. и древн.» Н. Тихонравова, т. V, 1863 (смѣсь), въ сообщеніи о докладѣ П. А. Сырку въ Романо-германскомъ Обществѣ, «Пантеонъ Литературы», 1889, іюнь (современная лѣтопись) и въ «Ж. М. Н. Пр.» 1891, № 10.—*А. И. Яцимирскій*. Повѣсть о Мутьянскомъ воеводѣ Дракулѣ въ изслѣдованіи румынскаго ученаго. «Изв. II Отд. Ак. Н.» 1897, II, кн. 4.

IV. Церковное творчество. 1) Письменное творчество. *Е. Голубинскій*. Преподобный Сергій Радонежскій и созданная имъ Троицкая Лавра. Жизнеописаніе преподобнаго Сергія и путеводитель по Лаврѣ. Сергіевъ Посадъ. 1892.—*Д. Корсаковъ*. Св. Сергій Радонежскій и основанный имъ Троицкій монастырь (Троицкая Лавра). Казань. 1894.—*Кириллъ Бѣлозерскій*. О немъ—у Филарета, «Житія святыхъ», кн. 6, подъ 9 іюня (разныя изданія) и въ «Русской Ѳиваидѣ на сѣверѣ», Спб., 1894.—*Нилъ Сорскій*. Посланія, въ приложеніи къ книгѣ «Преподобный Нилъ Сорскій, первоосновательскитскаго житія въ Россіи и его уставъ о жительствѣ скитскомъ въ переводѣ на русскій языкъ, съ приложеніемъ всѣхъ другихъ писаній его, извлеченныхъ изъ рукописей», Спб., 1864, или 2-е изд. М., 1869; «Преподобнаго отца нашего Нила Сорскаго преданіе ученикомъ своимъ о жительствѣ скитскомъ», Изд. Оптиной пустыни, М., 1849 и Спб., 1859; «Преданіе» напечатано также въ ч. V «Исторіи рос. іерархіи», Амвросія, М., 1863; есть также нѣсколько синодальныхъ изданій «Преда-

нія».—*Н. Костомаровъ.* Русская исторія въ жизнеописаніяхъ. В. II, гл. XVI («Преподобный Нилъ Сорскій и Вассіанъ, князь Патрикѣевъ»).—*А. Архангельскій.* Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ, ихъ литературные труды и идеи въ древней Руси. Историко-литературный очеркъ. Ч. I. Преподобный Нилъ Сорскій. Изд. Общ. люб. древн. письмен. XVI. Спб. 1882.—*Правдинъ.* Нилъ Сорскій и его уставъ скитской жизни. «Христ. Чт.» 1877, 1.—*К. Ѳ. Радченко.* Религіозное и литературное движеніе въ Болгаріи въ эпоху передъ турецкимъ завоеваніемъ. Кіевъ. 1898.—*Павловъ.* Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи. Ч. I. Попытки къ обращенію въ государственную собственность поземельныхъ владѣній русской церкви въ XVI вѣкѣ. Одесса. 1871.—*Арс. П. Кадлубовскій.* Очерки по исторіи древнерусской литературы житій святыхъ. Варшава. 1902.—*Иннокентій Комельскій,* о немъ — у Филарета, «Житія святыхъ», кн. 3, подъ 19 марта, въ «Русской Ѳиваидѣ на сѣверѣ» и у Н. Коноплева, «Святые Вологодскаго края», въ «Чтеніяхъ» 1895, 4.—*Пафнутій Боровскій,* о немъ—у И. Хрущова, въ его «Изслѣдованіи о сочиненіяхъ Іосифа Санина, преп. игумена Волоцкаго. Спб. 1868.—*Іосифъ Волоцкій.* Посланія—у И. Хрущова, въ «Излѣдованіи». Объ Іосифѣ Волоцкомъ, кромѣ Хрущова,—*П. А. Булгаковъ.* Преп. Іосифъ Волоколамскій, Церковно-историческое изслѣдованіе, Спб., 1865, *Н. Костомаровъ.* Русская исторія въ жизнеописаніяхъ, в. 2, гл. XIV («Новогородскій архіепископъ Геннадій»).—*В. Ключевскій.* Древнерусскія житія святыхъ. М. 1871.—*Н. Коноплевъ.* Святые Вологодскаго края. «Чтенія» 1895, 4.—*Арс. П. Кадлубовскій.* Очерки по исторіи древнерусской литературы житій святыхъ.—«Русская Ѳиваида иа сѣверѣ». Спб. 1894.—*Иннокентій.* «Записка о послѣднихъ дняхъ Пафнутія Боровскаго», у В. Ключевскаго, въ приложеніи къ сочиненію «Древнерусскія житія святыхъ», М., 1871.—*Вассіанъ Санинъ.* Житіе Пафнутія Боровскаго, подъ ред. А. П. Кадлубовскаго, въ «Сборникѣ Историко-Филологическаго Общ. при Институтѣ», т. II, Нѣжинъ, 1898.—Житіе Савватія и Зосимы соловецкихъ — въ «Правосл. Соб.», 1859, ч, 2, 3.—*Ив. Яхонтовъ.* Житія св. сѣвернорусскихъ подвижниковъ Поморскаго края, какъ историческій источникъ. Составлено по рукописямъ Соловецкой библіотеки. Казань. 1882.—*А. А. Шахматовъ.* Общерусскіе лѣтописные своды XIV и XV вѣковъ. «Ж. М. Н. Пр.», 1900, №№ 9, 10, 1901, № 11.

2) Устное церковное творчество. *П. Кирѣевскій.* Духовные стихи. «Чтенія въ Общ. истор. и древн. росс.», 1848, 9.—*В. Варенцовъ.* Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ Спб. 1860.—*П. Безсоновъ.* Калѣки перехожіе. Сборникъ стиховъ и изслѣдованіе. В. 1—6. М. 1861—1864.—*Никольскій.* Стихи нищей братіи. «Изв. Общ. любит. естествозн., антропол. и этногр.» Т. XXX, в. 2.—*Арх. Филаретъ.* Историческій обзоръ пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣній греческой церкви. Спб. 1902.—*Его-же.* Обзоръ рус. духовн. литературы. Спб. 1884.—*К. Н. Никольскій.* Пособіе къ изученію устава богослуженія правосл. церкви. Спб. 1893.—*И. Срезневскій.* Русскіе калики древняго времени. «Зап. Ак. Н.» Т. I, кн. 2. Спб. 1862. «Изв. Ак. Н.», т. IX.—*А. Гиляревскій.* Древнерусское паломничество. «Др. и Нов. Россія», 1878, № 8.—*А. Веселовскій.* Калики перехожіе и богомильскіе странники. «В. Е.» 1872, 4.—*Прыжавъ.* Нищіе на святой Руси. Матеріалы для исторіи общественнаго

и народнаго быта въ Россіи. М. 1862. — *С. Максимовъ.* Бродячая Русь Христа-ради. Спб. 1877. — *А. Масловъ.* Калики перехожіе на Руси и ихъ напѣвы. Спб. 1905. — *Ѳ. Буслаевъ.* Русскіе духовные стихи. «Народная поэзія». Спб. 1887.—*Н. Тихонравовъ.* Калѣки перехожіе. «Собр. соч.», т. I. М. 1898. — *И. Я. Порфирьевъ.* Народные стихи и легенды. «Прав. Соб.» 1869, 3.—*И. Ю. Некрасовъ.* Замѣчанія по поводу русскаго народнаго сказанія о 12 пятницахъ (О происхожденіи духовныхъ стиховъ). «Филол. Зап.» 1870, в. 3. — *А. Кирпичниковъ.* Источники нѣкоторыхъ духовныхъ стиховъ. «Ж. М. Н. Пр.». 1877, № 10. — *Всеволодъ Миллеръ.* Очерки русской народной словесности. Былины («Къ былинѣ о сорока каликахъ съ каликою»). Т. II. М. 1910. — *Кириллъ Туровскій.* Слово на Вознесенье—въ «Памятникахъ россійской словесности XII вѣка», М., 1821, изд. Калайдовичемъ, или въ «Рукописяхъ графа Уварова», т. II, Спб., 1858, изд. М. И. Сухомлинова, или въ «Памятникахъ древнерусской церковно-учительской литературы», т. I. Спб., 1894, изд. журнала «Странникъ». — *И. Порфирьевъ.* Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ. Казань. 1872—1873.—*Е. О. Будде.* Мѣсто и значеніе духовныхъ стиховъ въ русской народной словесности (Плачъ Адама). «Филол. Зап.» 1883, III.—*Н. Лавровскій.* Обозрѣніе ветхозавѣтныхъ апокрифовъ (Объ Іосифѣ Прекрасномъ). «Духовн. Вѣстн.», т. IX, №№ 11—12.—*А. Кирпичниковъ.* Источники нѣкоторыхъ духовныхъ стиховъ (Объ Іосифѣ Прекрасномъ). «Ж. М. Н. Пр.». 1877, № 10. — *В. Мочульскій.* Историко-литературный анализъ стиха о Голубиной книгѣ. Варшава. 1887. Объ этой книгѣ—*Брайловскій*, «Ж. М. Н. Пр.», 1888, № 10, *Порфирьевъ*, «Зап. Ак. Н.», т. 63, 1, отчетъ о 31-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова.—*А. Карнѣевъ.* Матеріалы и замѣтки по литературной исторіи «Физіолога». Изд. Общ. люб. древн. письм. Спб. 1891.—*А. Кирпичниковъ.* Къ вопросу о птицѣ «Страфиль». «Ж. М. Н. Пр.» 1890, № 7.—*А. Веселовскій.* Разысканія въ области духовныхъ стиховъ. Спб. 1880—1891 (Гл. III. Алатырь въ мѣстныхъ преданіяхъ Палестины и легенды о Гралѣ. Гл. IV. Сонъ о древѣ въ повѣсти града Іерусалима и стихѣ о Голубиной книгѣ).—*А. Веселовскій.* Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ.—*А. Поповъ.* Вліяніе церковнаго ученія и древнерусской духовной письменности на міросозерцаніе русскаго народа и въ частности на народную словесность въ древній допетровскій періодъ (Объ Аллилуевой женѣ). Казань. 1883.—*А. Карнѣевъ.* Мелкія разысканія въ области духовнаго стиха (Объ Аллилуевой женѣ). «Ж. М. Н. Пр.» 1892, № 6.—*А. Веселовскій.* Опыты по исторіи развитія христіанской легенды (О «Снѣ Богородицы»). «Ж. М. Н. Пр.», 1875, №№ 4, 5, 1876, №№ 2—4, 6, 1877, №№ 2, 5.—*А. Кирпичниковъ.* Успеніе Богородицы въ легендѣ и искусствѣ. Одесса. 1886.—*А. И. Пономаревъ.* Славяно-русскій Прологъ въ его церковно-просвѣтительномъ значеніи и народно-литературномъ значеніи («О богатомъ и Лазарѣ») — *Ѳ. Батюшковъ.* Споръ души съ тѣломъ въ памятникахъ средневѣковой литературы. Опытъ историко-сравнительнаго изслѣдованія («Русскіе духовные стихи о разставаніи и прощаніи души съ тѣломъ»). Спб. 1891.—*В. Сахаровъ.* Эсхатологическія сочиненія и сказанія въ древнерусской письменности и вліяніе ихъ на духовные

стихи. Тула. 1879.—*А. Веселовскій.* Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ. Гл. XII. «Безразличные и обоюдные въ житіи Василія Новаго и народной эсхатологіи». Спб. 1883.—*И. Ждановъ.* Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи (Объ Аникѣ-воинѣ). Кіевъ. 1881.—*М. П. Петровскій.* Два памятника XVII и XVIII вѣка: 1) Преніе живота со смертію; 2) о воспоминаніи смерти и житіи человѣчестѣмъ. «Рус. Фил. Вѣстн.» 1887, № 3.—*А. Веселовскій.* Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ. «В. Е.» 1875, № 4.—*И. Срезневскій.* Сказаніе объ Антихристѣ въ славянскихъ переводахъ. Спб. 1874. — *Ѳ. И. Буслаевъ.* Историческіе очерки русской народной словесности и искусства («Изображеніе страшнаго суда по русскимъ подлинникамъ»). Т. II. Спб. 1861.—*Н. В. Покровскій.* Страшный судъ въ памятникахъ визант. и рус. искусства. Труды VI Археол. съѣзда.—*В. Сахаровъ.* Эсхатологическія сочиненія и сказанія въ дрвнерусской письменности и вліяніе ихъ на духовные стихи. Тула. 1879. — *Ѳ. Батюшковъ.* Споръ души съ тѣломъ въ памятникахъ средневѣковой литературы («Русскіе духовные стихи о разставаніи и прощаніи души съ тѣломъ»). Спб. 1891.—*А. Веселовскій.* Опыты по исторіи развитія христіанской легенды (О Недѣлѣ и Пятницѣ). «Ж. М. Н. Пр.» 1875, №№ 4, 5. 1876, №№ 2—4, 6, 1877, №№ 2, 5.—*М. И. Соколовъ.* Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ (О Недѣлѣ). М. 1888. — *Н. Сумцовъ.* Очерки исторіи южнорусскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ (О Недѣлѣ-воскресеньѣ). «Кіевск. Стар.» 1887, №№ 6, 7, 9, 11 Отдѣл. изд. Кіевъ. 1887.—*И. Порфирьевъ.* О почитаніи среды и пятницы въ древнемъ русскомъ народѣ. «Прав. Соб.» 1859, I. — *И. Ю. Некрасовъ.* Замѣчанія по поводу русскаго народнаго сказанія о 12 пятницахъ. «Филол. Зап.» 1870, в. 3.—*И. И. Срезневскій.* Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ (приписываемое Василію В. слово о томъ, какъ воздержатися отъ пьянства). Т. I—III. Спб. 1867—1881. — *А. Н. Пыпинъ,* Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ (Варлаамъ и Іоасафъ). Спб. 1857.—Житіе Варлаама и Іоасафа. Изд. Общ. люб. др. письм. LXXXVIII. Спб. 1885.—*А. Кирпичниковъ.* Греческіе романы въ новой литературѣ. Повѣсть о Варлаамѣ и Іоасафѣ. Харьковъ. 1876. Объ этой книгѣ—*А. Веселовскій,* въ «В. Е.», 1876, № 12 и въ «Ж. М. Н. Пр.», 1877, № 7.—*И. Срезневскій.* Древнее житіе св. Алексѣя, человѣка Божьяго, сравнительно съ духовнымъ стихомъ объ Алексѣѣ Божьемъ человѣкѣ. «Свѣдѣнія и замѣтки малоизвѣст. о неизвѣст. памятникахъ». № XXXI. Спб. 1867—1881.—*Д. Д. Дашковъ.* Стихи и сказанія про Алексѣя Божія человѣка. «Бес. въ Общ. любит. росс. слов.» В. 2. 1868. — *П. В. Владимировъ.* Житіе св. Алексѣя, человѣка Божія, въ западно-русскомъ переводѣ конца XV вѣка. Текстъ и изслѣдованіе. «Ж. М. Н. Пр.» 1887. № 10.—*А. Кирпичниковъ.* Особый видъ творчества въ древнерусской литературѣ. «Ж. М. Н. Пр.» 1890, № 4.—*А. Кирпичниковъ.* Св. Георгій и Егорій Храбрый. Изслѣдованіе литературной исторіи христіанской легенды. Спб. 1879.—*А. Веселовскій.* Св. Георгій въ легендѣ, пѣснѣ и обрядѣ. «Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ». Приложеніе къ XXXVII т. «Зап. имп. Ак. Н.» № 3. Спб. 1880.—*А. В. Рыстенко.* Легенда о св. Георгіи и Драконѣ въ византійской и славяно-русской литературѣ

«Зап. Новор. Унив.» Т. 112. Одесса. 1909.—*А. Кирпичниковъ.* Источники нѣкоторыхъ духовныхъ стиховъ (О Ѳедорѣ Тиронѣ). «Ж. М. Н. Пр.» 1877, № 10.—*А. Веселовскій.* Греческій апокрифъ о св. Ѳеодорѣ (О Ѳеодорѣ Тиронѣ). «Разысканія». Сборн. Отд. рус. яз. и сл. Ак. Н. Т. XX. Спб. 1879.—*И. И. Срезневскій.* Сказанія о святителѣ Николаѣ сравнительно съ духовными стихами. «Свѣдѣнія». № XXXII.

Періодъ третій.

Эпоха Московской культуры.

214. Эпоха Московской культуры. Эпоха Московской культуры охватываетъ XVI в. и первую половину XVII в. Она названа такъ потому, что въ это время руководящее значеніе въ идейно-литературномъ творчествѣ принадлежало Москвѣ.

215. Зарожденіе денежнаго хозяйства и послѣдствія этого. Вотчинно-феодальное государство, объединяясь, подготовляетъ условія для новаго великаго хозяйственнаго переворота, именно для перехода отъ натуральнаго хозяйства къ денежному.

Въ составъ объединеннаго вотчинно-феодальнаго государства входятъ области, отличающіяся разнообразіемъ естественныхъ богатствъ природы. Съ объединеніемъ этихъ областей каждая изъ нихъ по преимуществу развиваетъ тѣ отрасли труда, которыя находятъ себѣ опору въ мѣстныхъ естественныхъ богатствахъ, климатическихъ условіяхъ и т. д.: одна область производитъ одни продукты, другая—другіе. Въ то же время развивается раздѣленіе труда между деревней и городомъ: деревня производитъ сельско-хозяйственные продукты, по преимуществу хлѣбъ, а городъ производитъ предметы по преимуществу мануфактурные. Это порождаетъ между областями, а также между деревней и городомъ потребность въ обмѣнѣ продуктами; между ними развиваются торговыя сношенія, постепенно захватывающія всѣ предметы производства:

послѣдніе становятся товарами, т. е. произведенные предметы продаются, и на вырученныя деньги производитель покупаетъ себѣ предмеы, въ которыхъ онъ нуждается. Посредниками между производителями являются купцы, городской классъ населенія, пріобрѣтающій со времени зарожденія денежнаго хозяйства большое общественное и даже политическое значеніе. Въ посредничествѣ купцовъ особенно большую потребность испытываютъ средніе и мелкіе дворяне, производящіе въ своихъ помѣстьяхъ сельско-хозяйственные продукты и обмѣнивающіе ихъ на предметы, необходимые для сельско-хозяйственнаго производства и для отправленія военной службы.

На ряду съ развитіемъ внутренней торговли увеличиваются сношенія съ иностранными болѣе культурными государствами, откуда привозятся произведенія болѣе высокой мануфактурной техники.

Развитіе внутреннихъ торговыхъ сношеній приводитъ области въ болѣе тѣсную связь другъ съ другомъ и порождаетъ рядъ новыхъ потребностей: необходимо проложить большія удобныя для сношеній дороги; необходимо поддерживать эти дороги въ порядкѣ и охранять безопасность движенія по нимъ торговцевъ; необходимо на всей территоріи государства установить единообразіе монетной системы, мѣръ, вѣса; необходимо уничтожить внутреннія таможни, сохранившіяся въ областяхъ отъ удѣльно-феодальной эпохи и тормозящія торговлю, и т. д. Другими словами — возникаетъ потребность въ сильномъ централизованномъ государственномъ строѣ. Этою потребностью объясняются особенности государственнаго развитія въ эпоху зарожденія денежнаго хозяйства.

Во-первыхъ, правительство объединеннаго государства съ особенной энергіей ведетъ борьбу съ сильными вотчинниками-феодалами, сохранившими еще старыя политическія права и привилегіи, заводитъ постоянное войско и уничтожаетъ политическій феодализмъ.

Во-вторыхъ, въ борьбѣ съ политическимъ феодализмомъ правительство опирается на два сословія—на среднее и мелкое дворянство и на торгово-промышленное сословіе. Оба сословія въ союзѣ съ правительствомъ проводятъ въ жизнь свои интересы законодательнымъ путемъ черезъ собранія государственныхъ чиновъ.

Въ-третьихъ, съ уничтоженіемъ политическаго феодализма

остается феодализмъ общественный, который продолжаетъ развиваться: въ интересахъ средняго и мелкаго дворянства крестьянство юридически обращается въ крѣпостное сословіе.

Въ-четвертыхъ, возникаетъ вопросъ о конфискаціи монастырскихъ вотчинъ съ цѣлью образовать фондъ государственныхъ земель для раздачи дворянству.

Въ-пятыхъ, переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному сопровождается кризисами частныхъ хозяйствъ, нерѣдко порождающими кризисъ всего государства.

Въ-шестыхъ, къ концу періода зарожденія денежнаго хозяйства создается вліятельный придворно-аристократическій классъ, представители котораго занимаютъ главныя государственныя должности и даютъ направленіе внутренней и внѣшней политикѣ: управленіе постепенно становится бюрократическимъ; власть монарха становится самодержавной (абсолютной); въ постоянномъ войскѣ, все увеличивающемся въ численности, придворно-аристократическая бюрократія и самодержавная власть находятъ для себя прочную опору.

216. Зарожденіе денежнаго хозяйства въ Московской Руси. Основнымъ занятіемъ населенія въ Московской Руси было земледѣліе, т. е. то занятіе, которое стало господствующимъ въ удѣльную эпоху (§§ 22, 23, 25, 26). Хозяйство Московской Руси продолжало оставаться натуральнымъ. Но въ его нѣдрахъ въ теченіе XVI в. и первой половины XVII в. совершается процессъ зарожденія денежнаго хозяйства: въ эту эпоху замѣтно развивается и внѣшняя, и внутренняя торговля.

Древній торговый центръ Новгородъ продолжаетъ оставаться посредникомъ торговли Руси съ Западомъ. Въ половинѣ XVI в. Москва заводитъ непосредственныя торговыя сношенія съ Англіей черезъ Бѣлое море; возникаетъ рядъ новыхъ торговыхъ центровъ, какъ, напр., Холмогоры, Архангельскъ, которые оттѣсняютъ Новгородъ на второй планъ.

Для удовлетворенія потребности во внутреннемъ обмѣнѣ возникли рынки, торжки, ярмарки. Такими рынками, имѣвшими важное значеніе, стали Вологда, Тотьма, Устюгъ, торговавшіе хлѣбомъ; особенно большое торговое значеніе пріобрѣла Рязанская область, развозившая хлѣбъ по всему Поволжью и въ Москву.

Для облегченія внутреннихъ и внѣшнихъ торговыхъ сно-

шеній пролагается цѣлая сѣть большихъ дорогъ. Такихъ дорогъ, сходившихся съ разныхъ сторонъ въ Москвѣ, было не менѣе семи. По нимъ совершались оживленныя торговыя сношенія: по свидѣтельству англичанъ, по дорогѣ изъ Ярославля въ Москву ежедневно двигалось отъ 700 до 800 возовъ съ зерномъ для продажи.

Ростъ денежнаго хозяйства принялъ столь глубокіе размѣры, что имъ были захвачены и низшіе классы населенія: оброкъ крестьянъ изъ натуральнаго превращается въ денежный; натуральныя государственныя повинности также постепенно превращаются въ денежныя.

217. Общественный строй Московской Руси. Московское общество распадается по прежнему на 1) аристократію и 2) простой народъ.

1) **Аристократія.** Московская аристократія была двоякаго рода — свѣтская и духовная.

а) Свѣтская аристократія. Свѣтская аристократія состояла изъ боярства, средняго и мелкаго дворянства и дьяковъ.

Въ составъ *боярства* входили потомки удѣльныхъ и великихъ князей, перешедшихъ на службу къ московскимъ князьямъ (§ 29). Это былъ самый богатый и сильный классъ населенія, обладавшій въ удѣльную эпоху вотчинно-феодальными политическими правами. Въ то же время, состоя на службѣ у московскаго князя, впослѣдствіи царя, представители этого класса занимали главныя государственныя должности и состояли членами боярской думы. Эти должности распредѣлялись между ними „по отечеству“, т. е. по наслѣдственной знатности рода, къ которому принадлежалъ бояринъ. Система распредѣленія государственныхъ должностей „по отечеству“ называется „мѣстничествомъ“.

Среднее и мелкое *дворянство* состояло по преимуществу изъ потомковъ вольныхъ слугъ, получавшихъ за службу помѣстья отъ московскаго князя и царя, а также отъ бояръ и монастырей. Это сословіе пріобрѣло въ эпоху зарожденія денежнаго хозяйства большое экономическое значеніе тѣмъ, что производило въ своихъ помѣстьяхъ сельско-хозяйственные продукты и, нуждаясь въ обмѣнѣ, снабжало ими черезъ купцовъ внутренніе и внѣшніе рынки.

Помѣстья дворянства постепенно превратились большею частью въ наслѣдственныя вотчины.

Бояре и дворяне продолжаютъ пользоваться въ своихъ вотчинахъ и помѣстьяхъ сеньеральными правами, т. е. правомъ непосредственнаго управленія крестьянами, суда надъ ними и обложенія податями.

Бояре и дворяне были свободны отъ податей.

Основной обязанностью бояръ и дворянъ была военная служба.

Изъ княжескихъ слугъ, часто несвободныхъ, стала выдѣляться группа *дьяковъ* — княжескихъ казначеевъ и секретарей. Уже въ предыдущемъ періодѣ дьяки, по распоряженію князя, принимаютъ участіе въ различныхъ отрасляхъ управленія, судебнаго и финансоваго, и являются самыми надежными и стойкими защитниками интересовъ князя въ борьбѣ послѣдняго съ боярствомъ. Въ эпоху московскаго просвѣщенія дьякамъ передается въ завѣдываніе рядъ высшихъ отраслей управленія. Къ концу эпохи дьяки представляютъ наиболѣе сильный и вліятельный элементъ въ московской администраціи.

б) Духовная аристократія. Во внѣшнемъ строѣ церкви Московской Руси происходитъ перемѣна: учреждается патріаршество (1589).

Высшая часть духовенства, сначала съ митрополитомъ во главѣ, потомъ съ патріархомъ, по прежнему помогаетъ свѣтской власти во всѣхъ ея предпріятіяхъ и наряду съ боярствомъ и дворянствомъ продолжаетъ оставаться правящимъ классомъ съ обширными сословными правами: она вмѣстѣ съ низшею частью духовенства свободна отъ податей свѣтской власти и неподсудна свѣтскому суду. Эти права, а также обширность церковныхъ вотчинъ возбуждаютъ неудовольствіе въ свѣтской аристократіи, сначала въ боярствѣ, а впослѣдствіи и въ дворянствѣ. Подъ ея вліяніемъ предпринимается рядъ мѣръ къ ограниченію церковнаго и въ особенности монастырскаго землевладѣнія и права неподсудности свѣтскому суду. Но эти мѣры, вслѣдствіе экономической и политической силы церкви, рѣшающаго значенія не имѣли.

2) Простой народъ. Простой народъ дѣлился на посадскихъ, крестьянъ и холоповъ.

а) Посадскіе. Посадскими назывались горожане, обладавшіе правомъ занятія торговлей и промыслами. Основная обязанность посадскихъ сводилась къ платежу податей. Посадскіе образовывали самоуправлявшуюся городскую общину.

Посадскіе не представляли замкнутаго сословія, какъ свѣтская аристократія: доступъ въ посадскую общину съ ея правомъ на занятіе торговлей или промысломъ былъ открытъ и высшимъ сословіямъ, но подъ условіемъ принимать участіе въ платежѣ податей. Представители высшихъ сословій, пользуясь своимъ привилегированнымъ положеніемъ, обыкновенно, старались уклониться отъ обязанности, связанной съ правомъ торговли и промысла. Посадская община упорно боролась съ этимъ и, пользуясь тѣмъ значеніемъ, которое она пріобрѣла въ періодѣ зарожденія денежнаго хозяйства, добилась ограниченія притязаній аристократіи законодательнымъ путемъ.

б) Крестьянство. Уже въ предшествовавшую эпоху (§ 32) крестьяне въ большинствѣ своемъ стали должниками своихъ господъ. Развитіе денежнаго хозяйства порождало у крестьянъ еще большую нужду въ капиталѣ. Крестьяне мало по малу превратились въ должниковъ, неспособныхъ вернуть занятый капиталъ. Это окончательно прикрѣпляло ихъ къ личностямъ господъ, у которыхъ они въ свое время заняли капиталъ. За фактическимъ закрѣпощеніемъ крестьянъ послѣдовало юридическое, выраженное въ „Соборномъ Уложеніи“ 1649 г. Крестьяне по своему положенію стали сближаться съ холопами.

Наиболѣе энергичные крестьяне стали убѣгать отъ своихъ господъ на Донъ, въ степи, и тамъ, по сосѣдству съ татарами, образовали демократическое промышленно-военное общество, получившее названіе казачества.

в) Холопы. Холопы по прежнему продолжаютъ представлять особый несвободный классъ населенія.

Женщина продолжаетъ пользоваться почти всѣми тѣми гражданскими и имущественными правами, какими она пользовалась въ предшествующемъ періодѣ. Въ семьѣ подчиненность женщины мужчинѣ усиливается.

218. Общественно-политическое развитіе Московской Руси. Общественно-политическое развитіе Московской Руси завершилось къ концу періода созданіемъ бюрократіи и самодержавной власти. Этотъ результатъ былъ достигнутъ въ процессѣ борьбы сословій. Въ началѣ періода сила монарха опирается на высшую аристократію, свѣтскую и духовную; среднее и мелкое дворянство ведетъ борьбу противъ власти боярства, требуетъ „самодержавія“, т.-е. добивается, чтобы монархъ руководился въ политикѣ интересами средняго и

мелкаго дворянства. Монархъ, при благопріятныхъ условіяхъ, переходитъ на сторону дворянства и связаннаго съ нимъ общими интересами купечества. Побѣдивъ съ помощью дворянства и купечества высшую аристократію и подорвавъ ея вотчинно-феодальную силу, монархъ освобождается отъ вліянія дворянско-купеческой среды и становится самодержавнымъ.

Въ исторіи борьбы за самодержавіе и противъ него можно отмѣтить четыре періода.

Первый періодъ начинается въ концѣ XV в. и оканчивается къ 60-мъ годамъ XVI в. Это было время окончательнаго объединенія сѣверной Руси и сосредоточенія боярства въ Москвѣ. Москва освобождается отъ власти татарскаго „царя", и московскій князь становится „самодержцемъ", т.-е. независимымъ государемъ. Около этого же времени намѣчается новый смыслъ термина „самодержавіе": къ идеѣ о внѣшней независимости князя присоединяется идея объ его внутренней независимости. Новый смыслъ термина „самодержавіе" подсказывался экономическимъ развитіемъ Москвы. Въ первой половинѣ XVI в. денежное хозяйство только что стало зарождаться; потребность въ сильномъ централизованномъ государствѣ уже намѣтилась. Въ соотвѣтствіи съ этимъ между боярствомъ и дворянствомъ происходитъ первое столкновеніе по вопросу о самодержавіи. Дворянство ведетъ энергичную борьбу и пріобрѣтаетъ сильное вліяніе на монарха. Подъ его вліяніемъ московскій князь Иванъ Грозный принимаетъ титулъ царя и въ 1547 г. вѣнчается на царство. Но дворянству не удалось окончательно отстранить боярство: боярство не только сохранило свое вліяніе на монарха, но даже выработало на практикѣ и законодательнымъ путемъ нормы этого вліянія. Такъ, установился обычай, по которому въ законодательствѣ стала принимать дѣятельное участіе боярская дума; въ Судебникѣ Ивана Грознаго (1550) было установлено, что законы должны издаваться „съ государева указа и со всѣхъ бояръ приговора".

Второй періодъ начинается въ 60-хъ годахъ XVI в., во вторую половину царствованія Ивана Грознаго и оканчивается царствованіемъ Бориса Годунова (1605). Къ этому времени денежное хозяйство стало уже значительнымъ фактомъ. Для дальнѣйшаго его развитія необходимо было уничтожить политическій феодализмъ, вся сила котораго заключалась въ крупномъ землевладѣніи. Представители дворянства громко тре-

бовали самодержавія, т.-е. освобожденія царя отъ вліянія боярскаго сословія. Иванъ Грозный хорошо усвоилъ новую задачу и создалъ для борьбы съ политическимъ феодализмомъ опричину, особое дворцово-хозяйственное управленіе и политическую полицію. Въ составъ опричины вошли по преимуществу дворяне, рѣже — бояре. По распоряженію Ивана, у крупнѣйшихъ и наиболѣе опасныхъ бояръ были взяты въ опричину ихъ наслѣдственныя вотчины; одни изъ этихъ бояръ вмѣсто вотчинъ получили помѣстья на окраинахъ государства, гдѣ должны были нести тяжкую военную службу, другіе были схвачены и казнены, третьи сами бѣжали за предѣлы Московской Руси. Опричина нанесла политическому феодализму непоправимый ударъ: бояре были выброшены изъ своихъ наслѣдственныхъ вотчинъ, гдѣ они обладали почти государственною властью надъ населеніемъ. Въ то же время боярская дума теряетъ свое прежнее значеніе: для обсужденія государственныхъ вопросовъ правительство начинаетъ созывать земскіе соборы, на которыхъ присутствуютъ представители дворянства.

Политику Ивана Грознаго продолжалъ Борисъ въ царствованіе Ѳеодора и въ свое царствованіе: подобно своему предшественнику, онъ преслѣдовалъ бояръ и провелъ рядъ мѣропріятій въ интересахъ дворянства.

Третій періодъ совпадаетъ со смутной эпохой (1605 — 1613). Борьба между боярствомъ и дворянствомъ продолжается. Въ то же время на сцену выступаютъ и низшіе классы населенія. Боярство выдвинуло противъ Бориса Годунова Лжедимитрія. Сторону Лжедимитрія приняли также низшіе классы, среди которыхъ росло недовольство своимъ положеніемъ. Вступивъ на престолъ (1605—1606) благодаря поддержкѣ низшихъ классовъ, Лжедимитрій сталъ держать себя независимо отъ бояръ и даже продолжалъ въ отношеніи къ нимъ политику Ивана Грознаго и Бориса Годунова. Боярство составило противъ Лжедимитрія заговоръ, погубило его и возвело на престолъ одного изъ своихъ представителей, Василія Шуйскаго (1606—1610). Василій Шуйскій далъ боярамъ „запись“, состоящую изъ слѣдующихъ пунктовъ: 1) „всякаго человѣка, не осудя истиннымъ судомъ съ бояры своими, смерти не предати“, 2) не отнимать вотчинъ у родственниковъ тѣхъ бояръ, которые совершили какое-либо политическое преступленіе, 3) не слушать доносовъ. Въ соблюденіи этой записи

Василій Шуйскій далъ присягу. Такимъ образомъ, боярство снова вернуло свое прежнее вліяніе и даже получило отъ царя гарантію въ его сохраненіи. Это возбудило неудовольствіе въ остальныхъ классахъ населенія. Противъ Шуйскаго поднялись низшіе классы — крестьяне, холопы и казаки, — мечтавшіе о старомъ привольѣ и объ общественномъ равенствѣ. Во главѣ ихъ сталъ холопъ Болотниковъ. Къ возставшимъ массамъ присоединились дворяне съ Прокопіемъ Ляпуновымъ и Сумбуловымъ во главѣ. Возставшіе двинулись къ Москвѣ и осадили ее. Шуйскій и боярство были спасены рознью возставшихъ, интересы которыхъ рѣзко противорѣчили другъ другу.

Низшимъ классамъ снова удалось объединиться противъ Шуйскаго: во главѣ ихъ сталъ новый Лжедимитрій—Тушинскій воръ. Въ это время въ дѣла Московской Руси вмѣшалась Польша. Войска Шуйскаго были разбиты поляками. Среди боярства поднялись раздоры изъ-за власти. Дворянство и посадскіе высказались противъ Шуйскаго. Шуйскій былъ низведенъ съ престола.

Съ 1610 г. до 1613 г. происходитъ междуцарствіе. Наряду съ Польшей противъ Москвы выступаетъ Швеція. Тогда дворянство, посадскіе люди, зажиточная часть крестьянства и часть духовенства, интересы которыхъ особенно страдали отъ смуты, начинаютъ объединяться и организовываться для возстановленія порядка. Во главѣ движенія становятся князь Пожарскій и торговецъ Мининъ. Имъ оказываютъ дѣятельную поддержку патріархъ Гермогенъ и особенно Троицко-Сергіевская Лавра. Они одержали верхъ надъ поляками и выбрали на престолъ Михаила Ѳеодоровича Романова.

Четвертый періодъ охватываетъ царствованіе Михаила (1613—1645) и начало царствованія Алексѣя Михайловича до 50-хъ гг. XVII в.

Михаилъ былъ избранъ по соглашенію дворянства съ боярствомъ и посадскими. Поэтому Михаилъ въ своей политикѣ руководился стремленіемъ согласовать между собою интересы трехъ сословій. Это достигалось обсужденіемъ важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ въ боярской думѣ и на земскихъ соборахъ, которые выражали интересы по преимуществу дворянства и купечества.

Съ возстановленіемъ порядка при дворѣ царя постепенно

образуется придворно-аристократическій кружокъ лицъ, пріобрѣтающихъ главное вліяніе въ дѣлахъ управленія: представители этого кружка получаютъ важнѣйшія государственныя должности, даютъ направленіе политикѣ и, пользуясь своимъ вліяніемъ, составляютъ себѣ большіе капиталы. Это порождало неудовольствіе дворянства; въ низшихъ классахъ недовольство своимъ положеніемъ все время не прекращалось. Въ 1648 г., при Алексѣѣ, въ Москвѣ поднялся мятежъ, который отразился и въ провинціи. Для прекращенія мятежа былъ созванъ земскій соборъ, на которомъ перевѣсъ имѣли представители дворянства и посадскихъ. Въ 1649 г. соборъ выпустилъ „Соборное Уложеніе", сводъ законовъ, въ которомъ оформлены интересы среднихъ классовъ: духовенство было лишено своего суда; было запрещено духовенству пріобрѣтать служилыя вотчины, были прикрѣплены крестьяне, было запрещено боярамъ и духовенству селить на посадскихъ земляхъ своихъ людей и ставить для нихъ пригородныя слободы, были приняты мѣры противъ конкуренціи иностранныхъ купцовъ.

Выражая интересы средняго и мелкаго дворянства и купечества, „Соборное Уложеніе" было направлено противъ высшихъ классовъ населенія, боярства и духовенства, и противъ низшихъ. Ни тѣ, ни другіе не могли примириться съ этимъ. Низшіе классы выражали свое недовольство волненіями. Боярство и духовенство въ лицѣ придворно-аристократическаго кружка вело борьбу съ дворянствомъ и посадскими—иными путями: *во-первыхъ*, они старались ослабить или совсѣмъ уничтожить тѣ статьи „Соборнаго Уложенія", которыя были направлены противъ нихъ; *во вторыхъ*, они добились того, что послѣ 1653 г. земскіе соборы больше не созывались. Особенно вліятельную роль въ этомъ направленіи сыгралъ знаменитый Никонъ, назначенный съ 1652 г. патріархомъ и ставшій во главѣ придворно-аристократическаго кружка.

Съ этого времени управленіе государствомъ стало бюрократическимъ, а власть царя самодержавной. Органами центральнаго управленія стали „приказы", особыя бюрократическія учрежденія, завѣдывавшія различными отраслями государственнаго управленія, какъ, напр., военнымъ дѣломъ, финансовымъ и т. д. Въ областяхъ управленіе сосредоточилось въ рукахъ воеводъ (генералъ-губернаторовъ): они завѣдывали военнымъ дѣломъ, финансами, судомъ, полиціей.

219. Войны Московской Руси и усиленіе западно-европейскаго вліянія. Войны Московской Руси дѣлятся на два разряда. Однѣ изъ нихъ велись на юго-востокѣ и востокѣ съ татарами и имѣли цѣлью расширеніе территоріи для раздачи земель служилому дворянству. Другія, направленныя на западъ, имѣли цѣлью пробиться къ берегамъ Балтійскаго моря и, такимъ образомъ, приблизить западно-европейскіе рынки, съ которыми производились сношенія черезъ неудобное и далекое Бѣлое море. Борьба съ юго-востокомъ и востокомъ шла успѣшно, такъ какъ велась съ государствами, стоявшими на болѣе низкой экономической и культурной ступени развитія: были завоеваны царства Казанское (1553) и Астраханское (1556), благодаря чему бассейнъ всей Волги сталъ достояніемъ Москвы; въ 1582 г. была завоевана Сибирь. Борьба на западѣ была неудачна, такъ какъ здѣсь Московская Русь столкнулась съ государствами, стоявшими на болѣе высокой ступени развитія, нежели она: продолжительная война за прибалтійскую Ливонію (1558—1582), приведшая къ столкновенію съ Польшей и Швеціей, окончилась тѣмъ, что Швеціи досталось побережье Финскаго залива съ бассейномъ рѣки Невы. При Ѳеодорѣ Ивановичѣ (1584—1598) удалось вернуть обратно эту территорію, но не надолго: при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ она снова была завоевана Швеціей (1617), и Московская Русь была надолго отрѣзана отъ Балтійскаго моря.

Неудачи на западѣ, тягостно повліявъ на дальнѣйшее развитіе денежнаго хозяйства Московской Руси, усилили въ ея правительственныхъ кругахъ потребность въ усвоеніи западно-европейской культуры и въ особенности техники нѣкоторыхъ производствъ и военнаго дѣла. Для этой цѣли Московское правительство пользуется услугами пріѣзжихъ западныхъ европейцевъ, численность которыхъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ достигаетъ 1000 семействъ, или посылаетъ за границу русскихъ людей учиться западно-европейскимъ наукамъ. Въ то же время переводится съ латинскаго, польскаго, нѣмецкаго и другихъ языковъ рядъ произведеній по различнымъ отраслямъ знанія: произведенія календарно-астрологическія, историческія, политическія, географическія, космографическія, филологическія, по военнымъ наукамъ, медицинскія и др. Благодаря этому западно-европейская культура постепенно пріобрѣтаетъ въ Московской Руси большое вліяніе.

Въ 1563 г. въ Москвѣ началось книгопечатаніе: діаконъ Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Тимоѳеевъ Мстиславецъ, первые русскіе типографщики, напечатали „Дѣянія Апостольскія“ и „Часовникъ“.

220. Ночь съ 24-го на 25-ое марта 1492 г. На идейно-литературное творчество Московской Руси оказала огромное вліяніе ночь съ 24-го на 25-ое марта 1492 г. Въ эту ночь исходили 7000 лѣтъ отъ сотворенія міра, а съ ихъ истеченіемъ должна была произойти кончина міра. Такъ предсказывалось въ авторитетнѣйшихъ византійско-болгарскихъ произведеніяхъ, авторы которыхъ были окружены ореоломъ святости и боговдохновенности.

Въ „Небесахъ“ Іоанна Дамаскина (кн. 1-ая, § 106) русскіе образованные люди читали слѣдующее: „Глаголють же ся убо сего мира седмь вѣкъ, рекъше отъ небесьскаго и земьнаго сътворения даже и до обьщаго человѣкомъ съконьчания и въстания“. Въ „Житіи Андрея Юродиваго“ (кн. 1-ая, § 96) о кончинѣ міра черезъ 7000 лѣтъ говорилось еще яснѣе: „Еще бо в седмый вѣкъ мира сего и чтеныи лѣты не кончался есть: по кончаніи же его, тогда воздвигнеть Богъ духъ страшенъ на всю землю, и зберутся кости человѣчьски ко еже къ своему уду и составляются и прилѣпятся... И тогда... воскреснутъ мертвіи в мегновеніи ока, и снидетъ Судіа и воздасть комуждо по дѣломъ его. И потомъ къ тому начнется осмый вѣкъ: кончины же сей вѣкъ не имѣетъ“. Андрей Юродивый объясняетъ кончину міра такимъ образомъ. Ангеловъ, отпавшихъ отъ Бога, было 100 темъ; 12 темъ восполнено было праведниками изъ іудеевъ, оставшіяся 88 темъ должны быть восполнены праведными христіанами. Восполненіе отпавшихъ ангеловъ совершится въ теченіе 7000 лѣтъ, по истеченіи которыхъ земной міръ окончитъ свое существованіе. Внѣшнимъ признакомъ близости кончины міра будетъ, по словамъ Андрея, паденіе Константинополя: „Мимошедшю Царевуграду, сдѣ ся кончина уставляетъ“. Въ „Откровеніи“ Меѳодія Патарскаго (кн. 1-ая, § 123) всемірная исторія распредѣлена на семь вѣковъ, причемъ тутъ же объясняется, что вѣкъ означаетъ тысячелѣтіе: „Въ четыредесятое лѣто Паредово съвръшися прьвое тысяще, еже есть прьвый вѣкъ“. Почему міру назначено было существовать именно семь тысячъ лѣтъ, объясняется изъ одного мѣста въ „Палеѣ Толковой“ (кн 1-ая, § 119),

въ которомъ по поводу изгнанія Адама и Евы изъ рая говорится слѣдующее: „И постави Богъ противу седми дней седмь тысящъ лѣтъ, а осмой тысящи нѣсть конца, еже есть осмый день, сирѣчь вѣкъ немерцая бесконечный въ единъ день той есть“. Итакъ, семь дней недѣли были поняты византійскими мыслителями символически и мистически: семь дней недѣли—это образъ семи тысячъ лѣтъ, данныхъ міру для существованія и созданія 100 темъ праведниковъ; седьмой день, день покоя,—образъ кончины міра въ седьмую тысячу.

Убѣжденіе, теоретически обоснованное византійскими мыслителями, было усвоено и большинствомъ русскаго образованнаго общества и не одинъ разъ высказывалось его идейными руководителями и митрополитами.

Въ словѣ „О небесныхъ силахъ, чего ради созданъ бысть человѣкъ“, которое приписывается или Кириллу Туровскому, или Авраамію Смоленскому, или Кириллу III, говорится слѣдующее: „Устави Богъ рокъ на земли житія человѣческаго 7000 лѣтъ, и еже что изберетъ въ ту семь тысячъ лѣтъ, то тѣми исполненъ есть чинъ ангеловъ, отпадшій съ небеси“. Митрополитъ Кипріанъ (§ 149) объясняетъ упадокъ нравственности своего времени тѣмъ, что наканунѣ кончины міра усилилась дѣятельность бѣса. Митрополитъ Фотій (§ 155) напоминаетъ своимъ слушателямъ о приближающемся исходѣ 7000 лѣтъ и призываетъ ихъ подготовиться къ восьмой тысячѣ. Епифаній Премудрый (§ 152) въ житіи св. Стефана Пермскаго сообщаетъ, что „нѣціи, скудни суще умомъ“, порицали Стефана за то, что онъ вздумалъ изобрѣсти пермскую азбуку „нынѣ же, въ скончанія лѣтъ, въ послѣдняя дни на исходѣ числа седмыа тысящи, паче же мала ради времени, точію за 120 лѣтъ до скончаніа вѣку“. Митрополитъ Іона также былъ убѣжденъ въ томъ, что міру предназначено существовать только семь тысячъ лѣтъ. Съ особенною силою это убѣжденіе выражалось въ пасхальныхъ таблицахъ. Во-1-хъ, онѣ были доведены только до семитысячнаго года. Во-2-хъ, на одной изъ нихъ написано слѣдующее: „Въ лѣто 6966 (1458)... будеть рожество антихристово, и будеть в рожденіи его трусь: таковъ никакоже николиже не бывалъ прежде времени того окаяннаго и лютаго и страшнаго. И будетъ плачь великъ тогда по всей земли вселеньской. И въ ты дни зри кругъ солнцю и лунѣ, и начнуть быти знамения в них и гибости звѣздъ на небеси, а плачь на земли.

Увы, увы будеть намъ грѣшнымъ! Тогда горе-бѣда велика в ты дни и в лѣта сия. Зде—страхъ, здѣ—скорбь, здѣ—бѣда велика! Въ распятии Христовѣ сии круг бысть и се лѣто на конци явися, въ няже чаемъ всемирное твое пришествіе, о Владыко! Умножишася безакония на земли. Пощади нас, о Владыко, исполнь небо и земля славы Твоея, пощади нас! Благословенъ грядый во имя Господне! Пощади насъ! Блюдете убо извѣстно и разумнѣ, о братие: кто хощеть быти в то время, бѣгаяй бѣжи невѣрия!" Въ 1467 г. новгородцы рѣшили построить семь церквей въ честь семи вселенскихъ соборовъ и семи „вѣковъ". Іосифъ Волоцкій наканунѣ 1492 г. также былъ убѣжденъ, что наступили послѣднія времена. Въ своемъ посланіи къ Нифонту, епископу суздальскому, Іосифъ, говоря о жидовствующихъ, пишетъ: „Сего ради подобаетъ всѣмъ паче нынѣ даже до смерти подвизатися в послѣдняя сия лѣта и во времена лютѣйша паче всѣхъ временъ, о нихъ же рече великій апостолъ Павелъ: въ послѣдняя дни настанутъ времена люта; пріидетъ прежде отступленіе, и тогда явится сын погибельный. Се нынѣ уже пріиде отступленіе". Новгородскій архіепископъ Геннадій до 1492 г. также убѣжденъ былъ, что „времена и лѣта седмичнымъ числомъ исчитаеми суть", что „семериченъ настоящій сей вѣкъ" и что съ окончаніемъ семи тысячъ лѣтъ послѣдуетъ кончина міра.

Увѣренность въ кончинѣ міра въ 1492 г. подтверждалась въ глазахъ большинства русскаго общества двумя зловѣщими признаками. *Во-первыхъ*, византійское правительство измѣнило православію, заключивъ флорентійскую унію (1439); это подтверждало предсказаніе Меѳодія Патарскаго (В. 1-ый, § 103), что наканунѣ конца міра останется мало истинныхъ христіанъ. *Во-вторыхъ*, пала Византія (1453); это событіе произвело на русскихъ потрясающее впечатлѣніе и принято было, какъ наиболѣе рѣшительное доказательство приближенія конца міра.

Особенно увѣренно было въ близости кончины міра новгородское боярство, для котораго вышеуказанные признаки дополнялись новыми: паденіемъ Новгорода и конфискаціей новгородскихъ монастырскихъ и церковныхъ владѣній, произведенной Иваномъ III.

Когда наступила ночь съ 24-го на 25-ое марта 1492 г., русское общество, за исключеніемъ нѣкоторыхъ группъ, о которыхъ будетъ сказано ниже, съ ужасомъ приготовилось къ

катастрофѣ міра, представляя ее себѣ въ тѣхъ страшныхъ образахъ, которые были нарисованы въ „Вопросахъ Іоанна Богослова“, въ сочиненіяхъ Ефрема Сирина, въ „Житіи Василія Новаго“ и т. д. (кн. 1-ая, §§ 80, 97, 100). Наступила полночь, граница между 7000 лѣтъ и 7001 г.: никакого огненнаго столпа не пронеслось съ неба на землю; не раздалось никакого великаго гласа ангеловъ и трубнаго звука. Ночь, вызывавшая всевозможные ужасы въ воображеніи, прошла спокойно. Наступилъ первый день 7001 г., ничѣмъ не отличавшійся отъ предшествующаго дня, а затѣмъ второй день, третій и т. д. Кончина міра не произошла. Почувствовалось громадное душевное облегченіе; но тѣмъ съ большею силою стала работать мысль: что такое произошло, отчего предсказаніе не исполнилось, и какъ понимать тогда смыслъ флорентійской уніи и паденіе Константинополя?

Отношеніе русскихъ людей къ этимъ вопросамъ было различно, въ зависимости отъ того, къ какому общественному классу принадлежали авторы и какіе общественные интересы они выражали.

Простой народъ, особенно сельскій, занятый тяжкой борьбой за существованіе и незнакомый съ византійско-болгарской литературой, даже и не подозрѣвалъ о существованіи подобныхъ вопросовъ. Грамотная и образованная часть простого народа, главнымъ образомъ, новгородская, была настроена радикально: въ лицѣ группы священниковъ, діаконовъ и „простецовъ“, въ томъ числѣ и холоповъ, она была склонна къ отрицанію почти всего византійско-болгарскаго міровоззрѣнія и дала начало цѣлому ряду ересей. Образованная демократія указанными вопросами не интересовалась, а въ кончину міра въ 1442 г. она не вѣрила.

Высшая часть окско-волжскаго *боярства*, настроенная оппозиціонно, склонна была къ рѣзкой критикѣ того же міровоззрѣнія. „Заволжскіе старцы“, какъ назывались эти мыслители, вышедшіе изъ этого боярства, къ указаннымъ вопросамъ относились равнодушно.

Совершенно иное отношеніе къ этимъ вопросамъ было у *дворянства*. Оно стремилось занять въ общественно-политической жизни первенствующее мѣсто. Экономическое развитіе благопріятствовало этому стремленію. Дворянство использовало флорентійскую унію и паденіе Константинополя, въ связи съ

не происшедшей кончиной міра, для выработки своей идеологіи, которая потомъ превратилась въ національное московское міровоззрѣніе.

Идейно-литературное творчество Московской Руси.

221. Идейно-литературное творчество Московской Руси. Идейно-литературное творчество Московской Руси тѣсно примыкаетъ, съ одной стороны, къ удѣльному московскому творчеству (§§ 145—170), а съ другой,—къ предшествующимъ двумъ періодамъ вообще. Оно охватываетъ періодъ времени отъ конца XV в. и до половины XVII в. Въ этомъ творчествѣ принимаютъ дѣятельное участіе лица изъ разныхъ сословій и классовъ населенія и изъ различныхъ русскихъ областей.

Идейно-литературное творчество Московской Руси образуетъ двѣ эпохи: 1) эпоху выработки національнаго московскаго міровоззрѣнія и 2) эпоху смуты.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Выработка національнаго московскаго міровоззрѣнія.

222. Выработка національнаго московскаго міровоззрѣнія. Эпоха выработки національнаго московскаго міровоззрѣнія начинается въ концѣ XV в. и оканчивается къ 80 хъ годамъ XVI в. Она распадается на нѣсколько моментовъ.

Въ концѣ XV в. возобновляется идейное движеніе среди новгородско-псковской демократіи и подъ именемъ ереси жидовствующихъ перекидывается и въ Московскую Русь. На борьбу съ ересью устремляется въ лицѣ іосифлянъ дворянство. Протестъ, выраженный заволжскими старцами противъ пріемовъ борьбы съ еретиками, вынуждаетъ дворянство къ открытой борьбѣ и съ боярствомъ: въ лицѣ цѣлаго ряда писателей и государственныхъ дѣятелей, изъ которыхъ наиболѣе выдающимися являются арх. новгородскій Геннадій, Іосифъ Волоцкій, расправившіеся съ жидовствующими, старецъ Филоѳей, творецъ

теоріи третьяго Рима, митр. Даніилъ, расправившійся съ Вассіаномъ Патрикѣевымъ и Максимомъ Грекомъ, Иванъ Пересвѣтовъ, создатель теоріи самодержавно-бюрократическаго строя на военной основѣ, митр. Макарій, при которомъ происходитъ расправа съ старцемъ Артеміемъ и двумя еретиками—Матвѣемъ Башкинымъ и Ѳеодосіемъ Косымъ,—въ лицѣ всѣхъ этихъ писателей и дѣятелей московское дворянство послѣдовательно вырабатываетъ въ теченіе первой половины XVI в. свою идеологію и для ея закрѣпленія въ сознаніи русскаго общества собираетъ и издаетъ въ огромныхъ сборникахъ оригинальныя и переводныя произведенія древнерусской литературы.

Вторая половина XVI в. занята практической и теоретической борьбой за самодержавіе и противъ него. Личность Ивана Грознаго порождаетъ особый циклъ пѣсенъ. Наконецъ, въ теченіе XVI в. продолжается составленіе новыхъ лѣтописныхъ сводовъ, и появляются новыя „хожденія“.

Ересь жидовствующихъ и борьба съ ней.

223. Ересь жидовствующихъ и борьба съ ней. Ересь жидовствующихъ возникла въ Новгородѣ въ послѣдней четверти XV в. Она названа такъ потому, что современники вели ея происхожденіе отъ еврея Схаріи, который явился въ 1471 г. изъ Кіева въ Новгородъ. Въ дѣйствительности, ересь жидовствующихъ находилась въ связи съ стригольничествомъ (§§ 100, 101) и представляла новый фазисъ общественно-религіознаго движенія среди наиболѣе образованной и развитой части новгородской демократіи.

Основателями ереси жидовствующихъ были два новгородскихъ священника Алексѣй и Діонисій, совращенные, по мнѣнію современниковъ, Схаріей, а ихъ послѣдователями—священники, діаконы, дьяки и много простецовъ. Іосифъ Волоцкій (§ 175) называетъ ихъ по именамъ: Ивашка Максимовъ, зять священника Алексѣя, отецъ его попъ Максимъ, Гридя Клочъ, Григорій Тучинъ, „его же отецъ бяше въ Новгородѣ велику власть имѣя“, попъ Григорій, сынъ его Самсонка, дьякъ Борисоглѣбскій Гридя, Лаврешъ, Мишукъ Собака, зять Діонисія Васюкъ Сухой, попы Ѳеодоръ и Василій Покровскіе, попъ Яковъ Апостольскій, Юрька Семеновъ сынъ Долгаго, крилошане Авдей

да Степанъ, попъ Иванъ Воскресенскій, Овдокимъ Люлишъ, діаконъ Макаръ, дьякъ Самуха, попъ Наумъ. За исключеніемъ Григорія Тучина, который былъ бояриномъ (сынъ посадника-демократа, а, можетъ быть, и самъ посадникъ) всѣ перечисленные еретики принадлежали къ низшей части духовенства и вообще къ „простецамъ", къ новгородской демократіи.

Еретики, по свидѣтельству противниковъ, были образованны и начитаны. Въ ихъ средѣ обращались книги, которыя были неизвѣстны православнымъ, даже наиболѣе образованнымъ, какъ, напр., библейскія книги Бытія, Царствъ, Притчи, Іисуса сына Сирахова, особая псалтирь, извѣстная теперь подъ именемъ „Псалтири жидовствующихъ", „Логика" Моисея Маймонида, еврейскаго ученаго XII в., „Тайная Тайныхъ", или „Аристотелевы врата" (книга, излагающая наставленія, данныя будто бы Аристотелемъ Александру Македонскому, и раздѣленная на „врата", т. е. главы). Еретики любили астрономію (астрологію) и математическія науки; они предсказывали небесныя явленія, пользуясь для этого „Шестокрыломъ", таблицами, составленными еврейскимъ астрономомъ Иммануиломъ-бенъ-Іаковомъ.

Изъ Новгорода ересь попала въ Москву, когда основатели ея Алексѣй и Діонисій, поразившіе Ивана III своимъ умомъ и образованностью, были переведены въ Москву, Алексѣй — протопопомъ Успенскаго собора, а Діонисій — священникомъ Архангельскаго собора. Еретикамъ и отдѣльнымъ воззрѣніямъ ихъ стали сочувствовать многія лица, занимавшія въ Москвѣ высокое общественное или административное положеніе. Главнымъ изъ нихъ былъ образованный и даровитый Ѳедоръ Курицынъ, думный дьякъ, начальникъ Посольскаго приказа: въ немъ жидовствующіе имѣли сильнаго покровителя. Кромѣ Ѳедора Курицына къ еретикамъ примкнули его братъ Иванъ и архимандритъ Симонова монастыря Зосима, ставшій въ скоромъ времени московскимъ митрополитомъ.

Ученіе жидовствующихъ въ однихъ отношеніяхъ сходно съ ученіемъ стригольниковъ, въ другихъ отличается отъ него. Въ ученіи стригольниковъ главными элементами были экономическій — протестъ противъ матеріальной власти высшаго духовенства, и мистическій — увѣренность въ непосредственной связи между бѣднымъ, простымъ человѣкомъ и Богомъ. Изъ этихъ двухъ элементовъ исходила стригольничья критика. Съ пере-

ходомъ ереси отъ низшей части духовенства—діаконовъ и соотвѣтствующихъ имъ по положенію простецовъ къ болѣе обезпеченной и развитой части духовенства—къ священникамъ, нѣкоторымъ діаконамъ и соотвѣтствующимъ имъ по положенію простецамъ, элементъ мистическій уступаетъ мѣсто раціонализму: все, что въ христіанскомъ ученіи носитъ сверхъестественный характеръ, недоступный разуму, отвергается; экономическій элементъ не выдвигается впередъ, но онъ подразумѣвается: все ученіе жидовствующихъ, если сопоставить его съ оффиціальнымъ ученіемъ, представляетъ полное отрицаніе послѣдняго и, слѣдовательно, оказывается, въ цѣломъ, раціоналистическимъ выраженіемъ протеста низшей части духовенства противъ власти высшей.

Жидовствующіе не изложили своего ученія въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ. Съ этимъ ученіемъ современники знакомились изъ частныхъ бесѣдъ съ жидовствующими, а намъ приходится знакомиться по лѣтописямъ и по сочиненіямъ противниковъ жидовствующихъ, главнымъ образомъ, по „Просвѣтителю“ Іосифа Волоцкаго. Въ общемъ отличительными чертами ереси были слѣдующія.

Подобно стригольникамъ, жидовствующіе относились къ св. Писанію и къ сочиненіямъ отцовъ церкви критически. Они отрицали божественность Христа, рожденіе Христа Дѣвой, воскресеніе Христа, искупленіе, воскресеніе мертвыхъ; они не признавали пресуществленія, отвергали почитаніе святыхъ, посты, монашество, поклоненіе иконамъ и кресту; наконецъ, они не раздѣляли убѣжденія новгородской аристократіи, что въ 1492 г. наступитъ конецъ міра: по „Шестокрылу“, отъ сотворенія міра до Рождества Христова прошло не 5508 лѣтъ, какъ считали византійскіе ученые, а 3761 годъ, и, слѣдовательно,—разсуждали еретики,—въ годъ ожидаемой кончины міра будетъ не 7000 лѣтъ отъ совторенія міра, а только—5253.

Существованіе ереси въ теченіе долгаго времени оставалось неизвѣстнымъ для правящихъ классовъ въ Новгородѣ и въ Москвѣ, что объясняется, съ одной стороны, осторожностью еретиковъ вообще, а съ другой—тѣмъ, что воззрѣнія еретиковъ возражались частично, по отдѣльнымъ вопросамъ. Въ цѣломъ, міровоззрѣніе еретиковъ выяснялось лишь мало-помалу, и только впослѣдствіи понятъ былъ его радикальный

характеръ. А до тѣхъ поръ лица, державшіяся этого міровоззрѣнія, не считались еретиками и находили себѣ въ Москвѣ поддержку. Въ 1490 г. умеръ старшій сынъ и наслѣдникъ Ивана III Иванъ Младшій. Съ его смертью возникъ вопросъ о томъ, кому быть наслѣдникомъ, сыну ли Ивана Младшаго Дмитрію, или сыну Ивана III Василію отъ второй его жены Софьи. При дворѣ образовались двѣ партіи: во главѣ одной изъ нихъ стояли Софья и ея сынъ Василій, а во главѣ другой—внукъ Ивана Дмитрій и его мать Елена; около Софьи и Василія группировались по преимуществу люди „новые", съѣхавшіеся на службу изъ разныхъ мѣстъ и государствъ; около Дмитрія и Елены сосредоточилось старое русское боярство, наиболѣе видными представителями котораго были князь Иванъ Юрьевичъ Патрикѣевъ, его сынъ Василій Косой и князь Семенъ Ивановичъ Ряполовскій. Еретики находили себѣ поддержку именно въ послѣдней партіи, къ которой долгое время склонялся и самъ Иванъ III. Было нѣсколько причинъ сочувственнаго отношенія въ Москвѣ къ еретикамъ.

Во-первыхъ, еретики принадлежали по своему происхожденію и міровоззрѣнію къ новгородской демократіи, которая относилась враждебно къ новгородскому боярству и тянула къ Москвѣ. Иванъ III, ведя борьбу съ Новгородомъ, естественно долженъ былъ вмѣстѣ съ московскимъ боярствомъ оказывать поддержку новгородской демократіи, сочувствовавшей водворенію въ Новгородѣ московской власти. Такимъ образомъ, основная причина поддержки, которую еретики находили въ Москвѣ, крылась въ политическихъ отношеніяхъ, существовавшихъ между Москвой и Новгородомъ въ послѣдней четверти XV в.

Во-вторыхъ, въ міровоззрѣніи еретиковъ, былъ одинъ пунктъ, которымъ очень интересовались и боярство, и особенно Иванъ III: это—отрицаніе монашества. Высшее боярство, въ лицѣ заволжскихъ старцевъ, давно уже относилось критически къ русскому монашеству капиталистическаго типа и проповѣдывало „нестяжательность". Иванъ III сочувственно относился къ этой проповѣди; но особенно ему должно было нравиться рѣзкое отрицаніе монашества еретиками: упраздненіе монашества и закрытіе монастырей освободило бы огромное количество земель, которыя такъ нужны были Ивану III для раздачи лицамъ, искавшимъ въ Москвѣ службы.

Въ 1487 г. ересь случайно была открыта новгородскимъ

архіепископомъ Геннадіемъ, который немедленно донесъ объ открытіи Ивану III и принялся за формальное слѣдствіе. Начались аресты еретиковъ. Вначалѣ попались второстепенные еретики, скомпрометировавшіе себя рѣзкими выходками противъ православія. Геннадій, ссылаясь на энергичное преслѣдованіе еретиковъ въ Испаніи, требовалъ у правительства смертной казни еретиковъ черезъ сожженіе или повѣшеніе.

Въ 1490 г. въ Москвѣ былъ собранъ соборъ противъ еретиковъ. На соборѣ были выяснены основные пункты ученія жидовствующихъ. По лѣтописнымъ извѣстіямъ, еретики говорили „про Господа нашего Іисуса Христа, Сына Божія, како можетъ Богъ на землю снити и отъ Дѣвы родитися, яко человѣкъ? Но ни есть тако: яко пророкъ бѣ, подобенъ Моисею, а не равенъ Богу Отцу. И не вѣроваху, еже отъ Пречистыя Дѣвы Богородицы рождеству Ея, ни воскресенію Его, ни на иконахъ писанному образу по человѣчеству Господа Іисуса Христа Сына Божія не поклоняхуся, ни Пречистыя образу, ни святымъ Его угодникамъ, но хуляще и ругающеся глаголаху: то суть дѣла рукъ человѣческихъ, уста имутъ и не глаголютъ, и прочее; подобни будутъ творящіи и вси надѣющіеся на ня. И такоже и божественную службу совершающе ядше и пивши, и тѣло Христово ни во что же вмѣняюще, яко простъ хлѣбъ, и кровь Христову, яко просто вино. И иныя ереси многи творяще противно правиломъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, но больше Ветхаго Завѣта держахуся, поіудейски Пасху праздноваху, въ среду и въ пятокъ мясо и млеко ядяху и иныя дѣла неподобныя еретическая творяху, ихъ же не мощно и писанію предати“... Арестованные еретики были отлучены отъ церкви и преданы проклятію; затѣмъ одни изъ нихъ были заточены въ Москвѣ, а другіе были отправлены въ Новгородъ для болѣе легкихъ наказаній. Послѣднимъ Геннадій устроилъ торжественную встрѣчу. По его приказанію за 14 поприщъ отъ Новгорода еретиковъ посадили верхомъ на лошадей лицомъ къ хвосту, „яко да зрятъ на западъ въ уготованный имъ огнь“; на головы имъ были надѣты остроконечные берестяные шлемы съ мочальными гребнями; шлемы были увѣнчаны вѣнками изъ соломы и сѣна; къ шлемамъ были прикрѣплены ярлыки съ надписью: „се есть сатанино воинство“. Въ такомъ видѣ и нарядѣ еретиковъ водили по Новгороду, и населенію велѣно было плевать на еретиковъ

со словами: „се—врази Божіи и христіанстіи хульницы“; а потомъ на ихъ головахъ шлемы были сожжены. Участь еретиковъ была различна: одни изъ нихъ были подвергнуты тѣлесному наказанію, другіе были заточены, а третьи убѣжали въ Литву или въ „Нѣмцы“.

Ересь продолжала существовать: главные ея представители остались нетронутыми и даже пріобрѣли еще болѣе авторитета, чѣмъ прежде: наступилъ 1492-ой годъ, и кончина міра, какъ они и предсказывали, не произошла. Они говорили православнымъ, что „седмь тысящь лѣтъ скончася, и пасхалія прейде, а втораго пришествія Христова нѣсть, и писанія отеческа ложна суть... и апостольская писанія ложна суть“. Еретики въ особенности хулили писанія св. Ефрема: „Писалъ бо есть,—яко уже Господь нашъ Іисусъ Христосъ грядетъ судити живымъ и мертвымъ. Се конецъ приспѣ, и послѣ его писанія тысяща лѣтъ прейде, а втораго пришествія нѣсть“... Началось сильное умственное броженіе, о которомъ Іосифъ Волоцкій въ посланіи къ епископу суздальскому Нифонту (1493) говоритъ слѣдующее: „Се нынѣ уже пріиде отступленіе: отступиша бо мнози отъ православныя и непорочныя Христовы вѣры и жидовствуютъ втайнѣ. Иже преже ниже слухомъ слышася въ нашей земли ересь, отнели же (съ того времени, какъ) возсія православія солнце, нынѣ же и въ домѣхъ, и на путѣхъ, и на торжищихъ иноци и мірстіи и вси сомнятся (спорятъ), вси о вѣрѣ пытаютъ, и не отъ пророкъ, ни отъ апостолъ, ниже отъ святыхъ отецъ, но отъ еретиковъ и отступниковъ Христовыхъ“. Такое броженіе мысли грозило православію паденіемъ. Необходимо было принять рѣшительныя мѣры противъ ереси. Тогда Геннадій обратился за содѣйствіемъ къ Іосифу Санину, игумену Волоколамскаго монастыря. Послѣдній прибѣгъ къ перу. Онъ написалъ къ выдающимся представителямъ нашего духовенства и къ свѣтскимъ вліятельнымъ лицамъ рядъ посланій, въ которыхъ энергично изобличалъ еретиковъ и требовалъ для нихъ смертной казни; онъ писалъ для публики изобличительныя слова. Агитація Іосифа долгое время не имѣла значенія: еретики продолжали пользоваться покровительствомъ. Въ 1497 г. Софья съ сыномъ Василіемъ и приверженцами составили заговоръ на жизнь Дмитрія, котораго Иванъ хотѣлъ сдѣлать своимъ наслѣдникомъ. Заговоръ былъ открытъ. Софью и Василія постигла опала. Дмитрій былъ торжественно объявленъ

наслѣдникомъ. Старобоярская партія, покровительствовавшая еретикамъ, пріобрѣла особую силу. Въ слѣдующемъ году Софья добилась своего оправданія и даже особаго расположенія со стороны Ивана. Старобоярскую партію постигла страшная опала: Семену Ряполовскому отрубили голову, а Патрикѣевы, отецъ и сынъ, едва спасли свою жизнь тѣмъ, что постриглись, первый въ Троицкомъ монастырѣ, а второй, подъ именемъ Вассіана, въ Кирилло-Бѣлозерскомъ (1499). Дмитрія и его мать Елену постигла опала. Умеръ главный покровитель еретиковъ Ѳеодоръ Курицынъ. Съ торжествомъ Софьи и Василія положеніе еретиковъ сильно поколебалось. Обстоятельства стали складываться для нихъ неблагопріятно. *Во-первыхъ*, казни и ссылки представителей правящихъ классовъ въ Новгородѣ привели къ полному ихъ разгрому: власть московская упрочилась въ Новгородѣ и въ поддержкѣ со стороны демократіи уже не нуждалась. *Во-вторыхъ*, на соборѣ 1503 г. вопросъ о конфискаціи монастырскихъ и церковныхъ земель встрѣтилъ со стороны большей части духовенства энергичный отпоръ: отрицательное отношеніе еретиковъ къ монашеству не привело къ той цѣли, которую имѣлъ въ виду Иванъ, и оказывать дальнѣйшее покровительство еретикамъ уже не имѣло смысла. *Въ-третьихъ*, дальнѣйшее покровительство еретикамъ тѣмъ болѣе не имѣло смысла, что радикальный характеръ ихъ міровоззрѣнія успѣлъ уже выясниться, а въ русской жизни не выработалось никакихъ реальныхъ основаній для замѣны древняго православнаго ученія, новымъ, раціоналистическимъ.

Иванъ III далъ разрѣшеніе произвести самый тщательный розыскъ объ еретикахъ. Въ 1504 г. на церковномъ соборѣ еретики были осуждены и преданы проклятію; правительство примѣнило къ нимъ гражданскія казни: Ивана Волка (брата Ѳеодора Курицына) съ двумя другими еретиками сожгли въ клѣткѣ: одному еретику отрѣзали языкъ и затѣмъ сожгли его; остальные еретики были разосланы въ заточеніе.

Главная роль въ уясненіи ученія жидовствующихъ и въ ихъ осужденіи досталась на долю Іосифа, сочиненія котораго противъ еретиковъ, собранныя вмѣстѣ, образуютъ обширный трудъ подъ заглавіемъ „Просвѣтитель“.

„*Просвѣтитель, или обличеніе ереси жидовствующихъ*“ состоитъ изъ вступленія и 16 словъ. Во вступленіи излагается исторія ереси, въ связи съ воззрѣніями еретиковъ, до собора

1490 г. Въ первыхъ одиннадцати словахъ обстоятельно опровергаются многочисленными цитатами изъ „божественнаго писанія“ воззрѣнія еретиковъ и излагается православное ученіе. Въ послѣднихъ пяти словахъ авторъ трактуетъ о томъ, какъ православные относятся и какъ они должны относиться къ еретикамъ. Вступленіе и каждое слово имѣютъ обстоятельныя заглавія.

Вступленіе. Вступленіе имѣетъ такое заглавіе: „Сказаніе о новоявившейся ереси новгородскихъ еретиковъ, Алексѣя протопопа и Дениса попа і Ѳеодора Курицына і инѣхъ, иже такоже мудрьствующихъ“.

Въ началѣ „Сказанія“ Іосифъ вспоминаетъ о благословеніи апостоломъ Андреемъ кіевскихъ горъ и о принятіи Русской землею крещенія при блаженномъ Владимирѣ, сынѣ Святославовѣ, внукѣ Игоревѣ и блаженной Ольгѣ, правнукѣ Рюриковѣ. Съ этого времени,—говоритъ авторъ,—„солнце евангельское землю нашу осіа і апостольский громъ насъ огласи и божественныа церкви и монастири съставишася и быша мнози, святителіе же и преподобніи, чудотворци же и знаменоносци, и якоже златыма крилома на небеса възлетаху, и якоже древле нечестіемъ всѣхъ превзыде Рускаа земля, тако и нынѣ благочестіемъ всѣхъ одолѣ. Во всѣхъ бо странахъ, аще и мнози бяше благочестиви и преподобни, но мнози бѣаху нечестиви же и невѣрни, съ ними живуще и еретическаа мудрьствующе; въ Русстѣй же земли нетокмо веси і села мнози и несвѣдоміи, но и гради мнози суть, иже единаго пастыря Христа едина обчата суть, и вси единомудрьствующе, и вси славяще святую Троицу, еретика же или злочестива нигдѣ же никто видѣлъ есть“. Такъ было въ теченіе 470 лѣтъ. „Но оле“ (о)! „Зри, что творитъ, что казньствуетъ“ сатана, ненавидящій добро, возненавидѣвшій небо и землю. Въ тѣ времена былъ жидовинъ, именемъ Схарія, „и сей бяше діаволовъ сосудъ и изученъ всякому злодѣйства изобрѣтенію, чародѣйству же и чернокнижію, звѣздозаконію же и астрологы“. Этотъ жидовинъ, пріѣхавъ изъ Кіева въ Новгородъ, прельстилъ попа Дениса и „въ жидовство отведе“; Денисъ привелъ къ жидовину Алексѣя протопопа, и Алексѣй также сдѣлался отступникомъ непорочной и истинной христіанской вѣры. „Толикоже Алексѣй и Денисъ подщанія (тщанія) положиша о жидовской вѣрѣ, яко всегда съ ними пити же и ясти и учитися жидовству, и не токможе

сами, по и жены своа и дѣти научиша жидовству". Алексѣй и Денисъ хотѣли даже „обрѣзатися въ жидовскую вѣру", но Схарія не велѣлъ имъ, говоря, что они должны держаться жидовства тайно, а христіанства—явственно, чтобы не быть обличенными. Алексѣю перемѣнили имя и нарекли его Авраамомъ, а жену его—Саррой. Потомъ Алексѣй научилъ жидовству многихъ.

„О, кто достойно въсплачется тоя бѣды, кій языкъ изглаголетъ сдѣаннаа, кый слухъ кротцѣ пріиметъ такову повѣсть!" Жидовствующіе нарекли ложнымъ божественное Христово превѣчное рождество и поругались Его вочеловѣченію, говоря, „яко Богъ Отецъ Вседержитель не имать Сына ни Святаго Духа, единосущны и съпрестольны Себѣ, и яко нѣсть святыа Троица; а еже книги глаголютъ, яко Богъ Отецъ Вседержитель имать Слово і Духъ, то есть слово произносно, и духъ на въздусѣ разливается". Тотъ, кого писанія нарицаютъ Христомъ Сыномъ Божіимъ, еще не родился, а когда родится, наречется Сыномъ Божіимъ не по существу, а по благодати, какъ Моисей, Давидъ и прочіе пророки. Тотъ, кого христіане называютъ Христомъ Богомъ,—простой человѣкъ, а не Богъ, былъ распятъ іудеями и истлѣлъ во гробѣ. На этомъ основаніи,—говорятъ жидовствующіе,—подобаетъ нынѣ держать Моисеевъ законъ. Жидовствующіе говорятъ еще и слѣдующее. Развѣ Богъ не могъ спасти отъ ада Адама и сущихъ съ нимъ, развѣ у Него не было небесныхъ силъ, пророковъ и праведниковъ, чтобы послать ихъ исполнить Свое хотѣніе? Вмѣсто этого Онъ Самъ сошелъ, „яко нестяжатель и нищь и въ человѣчився и пострада и симъ прехитри діавола: не подобаетъ убо Богу тако творити". Еретики хулятъ божественную церковь и всечестныя иконы, говоря, что не подобаетъ поклоняться рукотворенію, не слѣдуетъ также изображать на иконахъ Святую Троицу, потому что Авраамъ видѣлъ не Троицу, а Бога съ двумя ангелами; они возбраняютъ поклоняться божественнымъ иконамъ и честному кресту и „овы въ нечистыа мѣста и скверпаа метаху, іныа же зубы кусающе, якоже бѣснiи пси; іныяже сокрушающе, іныа же въ огнь вмѣтающе і глаголаху: поругаемся иконамъ симъ, якоже жидове Христу поругашеся". Тогда же приспѣла къ концу и седьмая тысяча лѣтъ отъ сотворенія міра, и стали еретики говорить, „яко седмь тысячу лѣтъ скончася, и пасхаліа прейде, а втораго

Христова пришествіа нѣсть, і писанія отечьскаа суть ложна: подобаетъ сихъ огнемъ съжещи. И не токмо отечьскаа писаніа хуляще, но и апостольскаа. Глаголаху бо, что̀ ради нѣсть втораго пришествіа Христова? А уже время ему быти: апостоли убо написаша, яко Христосъ родися въ послѣдняя лѣта, и уже тысуща и пять сотъ лѣтъ прейде по Христовѣ рожествѣ, а втораго пришествіа нѣсть і апостольская писанія ложна суть". Хулятъ еретики и писанія св. Ефрема: „Писалъ бо есть, яко се уже Господь нашъ Іисусъ Христосъ грядетъ судити живымъ и мертвымъ. И се конецъ приспѣ, и после его писаніа тысуща лѣтъ прейде, а втораго пришествіа нѣсть". Еретики укоряютъ также иноческій образъ и иноческое жительство, говоря, „яко иноци убо отступиша отъ пророческыхъ и отъ евангельскыхъ и отъ апостольскыхъ ученій, и самосмышленіемъ и самоученіемъ изобрѣтоша себѣ житіе и, оставльше заповѣдь Божію, деръжатъ преданіа человѣческая". Другіе еретики указываютъ, что, „аще бы было иноческое жительство богоугодно, былъ бы убо самъ Христосъ и божественніи апостоли въ иноческомъ образѣ; нынѣ же видимъ Христа написана, тако же и святыхъ апостолъ, въ мирьскомъ образѣ, а не во иноческомъ". Третьи еретики доказываютъ, „яко не отъ ангела свята преданъ бысть Пахомію образъ иноческый, еже есть схима: аще бы ангелъ Божій, свѣтелъ бы явился; но понеже чернъ явися, се есть знаменіе бесовскаго дѣйства". Ссылаясь на слова апостола Павла, что въ послѣднія времена нѣкіи отступятъ отъ вѣры и будутъ возбранять жениться и требовать удаленія отъ брашенъ, еретики говорятъ, что Павелъ сказалъ это объ инокахъ: „тіи бо възбраняютъ женитися и брашенъ ошаятися". И потому еретики пьютъ и объѣдаются во всѣ святые посты, въ среду и въ пятокъ и оскверняются блудомъ. „Толика и такова сътвориша сатанинъ первенецъ, Алексѣй и Денисъ, въ Великомъ Новѣгородѣ!"

Въ 1480 г. пришелъ въ Новгородъ великій князь Иванъ Васильевичъ и взялъ попа Алексѣя съ собою въ Москву на протопопство къ церкви Успенія, а попа Дениса къ церкви Михаила. „Но кто безъ слезъ имать исповѣдати, елика и какова сътвориша сіи скверніи пси со своими поборники!" По пришествіи своемъ въ Москву Алексѣй и Денисъ не смѣли проявить ничто неподобное, но „таяхуся, яко же змиевѣ въ скважинѣ, человѣкомъ же являющееся святи и кротци, праведни

и въздержници, тайно же сѣюще сѣмя скверное, и многыя душа погубиша и въ жидовство отведоша“...

Въ 1485 г. былъ поставленъ великому Новгороду и Пскову архіепископъ Геннадій. „И яко левъ, пущенъ бысть на зло дѣйственныя еретикы, устремишася яко отъ чаща божественныхъ писаній и яко отъ высокихъ и красныхъ горъ пророческыхъ и апостольскыхъ ученій, иже ногты своими растерзая тѣхъ скверныя утробы, напившаася яда жидовскаго, зубы же своими съкрушаа и растерзаа, и о камень разбивая“. Еретики обратились въ бѣгство и устремились въ Москву, гдѣ нашли себѣ помощь въ лицѣ нѣкоего архимандрита окаяннаго Зосимы.

Все это происходило въ лѣта митрополита Геронтія, который не имѣлъ ни малѣйшаго попеченія о погибавшихъ овцахъ, „или грубостію съдержимь, или не радяше о сихъ, или бояшеся Деръжавнаго“.

По смерти Геронтія Алексѣй протопопъ „своимъ волхвованіемъ подойде Державнаго, да поставитъ на великомъ престолѣ святительскомъ сквернаго съсуда сатанина, егоже онъ напои яда жидовскаго, Зосиму глаголю сквернаго, иже по малѣ и бысть“... Немного времени спустя священный Геннадій прислалъ къ Державному и къ митрополиту Зосимѣ сообщеніе объ еретикахъ. По повелѣнію Державнаго собрался соборъ въ 1490 г. Зосима „творяшеся христіаньскаа мудръствуя“ и велѣлъ проклясть еретиковъ. Нѣкоторые еретики были отправлены Державнымъ въ Новгородъ, и имъ Геннадій устроилъ „торжественную“ встрѣчу (см. выше). „Сіа сътвори добрый онъ пастырь, хотя устрашити нечестивыя и безбожныя еретикы, и не токмо симъ, но и прочимъ ужаса и страха исполненъ позоръ, поне на сихъ зряще уцеломудрятся“. Другіе еретики были осуждены на изгнаніе и заточеніе.

Но остался еще „великъ сосудъ злобѣ и главня съдомьскаго огня“, „змій тмоглавный“, „огню геоньскому пища“, „Аріе новый“, „сатанинъ первенецъ“—Зосима прескверный, усѣвшійся на святомъ мѣстѣ. Этотъ скверный и „злобѣсный“ волкъ не могъ удержать жидовскаго яда въ своемъ сердцѣ и сталъ напоять имъ „простѣйшихъ“, „инѣхъ же скверняше содомьскими сквернами, змій пагубный, и объядаяся и упиваяся, и свиньскымъ житіемъ живый, и всяко нечестіе и претыканіе и съблазнъ на непорочную христіанскую вѣру полагая, и

Господа нашего Іисуса Христа истиннаго Бога похуливъ, и глаголаше, яко Христосъ самъ себе нарекъ Богомъ, такоже и на Пречистую Богородицу многые хулы глаголаше, и божественныя животворящія кресты въ скверныхъ мѣстѣхъ полагая, и святыя иконы огнемъ жьгы и болъваны нарицая, и евангельская преданія, и апостольскыя уставы и всѣхъ святыхъ писанія отмеща, и глаголя сице: а что то царство небесное, а что то второе пришествіе, а что то въскресеніе мертвымъ, ничего того нѣсть—умерлъ кто инъ, то умеръ, по та мѣста и былъ". И многіе другіе вмѣстѣ съ Зосимой втайнѣ держались ереси, „десятословіемъ на жидовство учаще и саддукейскую и месалияньскую ересь держаще". Если же кто и не отступилъ въ жидовство, то „мнози научишася отъ нихъ писанія божественная укаряти и на торжищахъ и въ домѣхъ о вѣре любопрѣніе творяху и съмнѣніе имяху".

И было смущеніе среди христіанъ. Иноческій чинъ, пребывающій въ монастыряхъ и въ пустыняхъ, мірскіе люди, благородные и христолюбивые, преисполнились скорби и печали. „И не могуще терпѣти пагубныя и богохульныя буря, съ слезами горькыми Бога моляху, да упразднитъ пагубную ону жидовскую зиму и съгрѣетъ сердца паметью единосущныя Троица и озаритъ истинну, и въсіаетъ солнце благочестіа". И стали подвизаться, кто какъ могъ, о томъ, чтобы искоренить „пагубныя плевелы жидовскыя съ сквернымъ плевелосѣятелемъ". „И ови убо обличиша того отступленіе и скверная дѣла содомская". Зосима же воздвигъ несмирную брань на нихъ и однихъ отлучилъ отъ божественнаго причащенія, другихъ же отъ священства. Онъ говорилъ, „яко не подобаетъ осужати ни еретика ни отступника; глаголаше же и сіе: яко аще и еретикъ будетъ святитель или священникъ, и аще кого отлучитъ или не благословитъ, послѣдуетъ божественный судъ его суду". Не знающіе божественнаго писанія боялись обличать отступниковъ; „прочитающеи же божественная писаніа вѣдяху, яко нетокмо осужати подобаетъ еретиковъ и отступниковъ, но и проклинати, и не точью проклинати, но и казнемъ лютымъ предаяти". Ревнители православія продолжали изобличать еретичество Зосимы. Зосима тогда сталъ приходить къ Державному и клеветать на нихъ. „И абіе (немедленно) неповинніи заточеніемъ осужаются отъ Державнаго, и скорби многы и юзы и темница и разграбленіе имѣніемъ пріемлютъ, ови же спостра-

дуютъ тѣмъ, аще и не изгнаніемъ, но писаніемъ утѣшительнымъ, и тѣлесныхъ потребъ скудость утѣшающе тѣмъ".

„И таковыя ради бѣды,—продолжаетъ Іосифъ,—и азъ мало нѣчто събрахъ отъ божественныхъ писаній, съпротивно и обличително еретическымъ рѣчемъ". Если кому либо,—заключаетъ авторъ свое вступленіе,—понадобится что нибудь противъ еретическихъ рѣчей, тотъ благодатіею Божьей все найдетъ въ нижеслѣдующихъ словахъ.

„*Слово 1-ое* на новоявившуюся ересь новогородскыхъ еретиковъ, глаголющихъ, яко Богъ Отецъ Вседержитель не имать Сына ни Святаго Духа единосущны и сопрестолны Себѣ, и яко нѣсть святыа Троица. Здѣже имать сказаніе отъ божественныхъ писаній, яко Богъ Отецъ Вседержитель имать Сына и святаго Духа единосущны и съпрестолны Себѣ, и яко святаа и животворящаа Троица еще въ началѣ отъ патріархъ и отъ пророкъ и отъ всѣхъ божественныхъ писаній свидѣтельство имать".

„*Слово 2-е* на ересь новогородскихъ еретиковъ, глаголющихъ, яко Христосъ еще не родился есть, но еще будетъ время, егда имать родитися, а егоже глаголютъ христіане Христа Бога, той простъ человѣкъ есть, а не Богъ. Здѣже имать сказаніе отъ божественныхъ писаній, яко той есть Христосъ Богъ, иже родися въ Вифлиомѣ Июдейстѣмъ отъ Дѣвы Маріа, въ дни Ирода царя Іюдейскаго, и яко нашего ради спасенія претерпѣ вълею распятіе и въскресе изъ мертвыхъ и вознесеся на небеса и пакы имать пріити судити живымъ и мертвымъ".

„*Слово 3-е* на ересь новогородскыхъ еретиковъ, глаголющихъ, яко подобаетъ законъ Моисеевъ держати и хранити и жертвы жрети и обрѣзоватися. Здѣже имать сказаніе отъ божественныхъ писаній, яко законъ Моисеевъ данъ бысть до Христова пришествіа, жертвы же исперва не хотяше Богъ, но аще и попусти по нужи, но не вездѣ, но въ единомъ Ерусалимѣ и иже въ немъ единыа церкви; пришедшу же Владыцѣ Христу, законъ Моисеевъ преста, и жертвы и обрѣзаніе упразднишася".

„*Слово 4-ое* на ересь новогородскыхъ еретиковъ, глаголющихъ, еда (развѣ) не можаше Богъ спасти Адама и сущихъ съ нимъ, еда не имѣаше небесныя силы и пророкы и праведникы, еже послати исполнити хотѣніе свое, но Самъ сниде яко нестяжатель и нищъ и въчеловѣчився и пострада и самъ

прехи́три діавола: не подобаетъ убо Богу тако творити. Здѣже имать свидѣтельство отъ божественныхъ писаній, яко вся възможно суть Богу, никтоже божественный Его власти противитися можетъ, но глубинами мудрости и человѣколюбія своего, нашего ради спасенія, тако благоизволи Самъ въчеловѣчитися и пострадати и въ адъ снити и въскреснути изъ мертвыхъ и извѣсти Адама отъ ада и сущихъ съ нимъ, и тако божественою мудростію прехи́три діавола и спасе весь миръ и донынѣ спасаетъ".

„*Слово 5-ое* на ересь новогородскыхъ еретиковъ, глаголющихъ, яко не подобаетъ писати на святыхъ иконахъ святую и единосущную Троицу: Авраамъ бо, рече, видѣлъ есть Бога съ двѣма ангелома, а не Троицу. Здѣже имать сказаніе отъ божественныхъ писаній, яко Авраамъ видѣ святую Троицу, и яко подобаетъ писати на всечестныхъ иконахъ святую и животворящую Троицу".

„*Слово 6-ое* на ересь новогородскыхъ еретиковъ, глаголющихъ, яко не подобаетъ покланятися, иже отъ рукъ человѣческыхъ сътвореннымъ вещемъ. Здѣже имать свидѣтельство отъ божественныхъ писаній, яко и въ ветхомъ завѣтѣ поклоняхуся иже отъ рукъ человѣческыхъ сътвореннымъ вещемъ, ихже Господь Богъ повелѣлъ есть въ славу свою сътворити, нынѣ же паче подобаетъ покланятися иже отъ рукъ человѣческыхъ сътвореннымъ вещемъ, сирѣчь, святымъ иконамъ и честному и животворящему кресту и прочимъ божественнымъ и освященнымъ вещемъ, ихже повелѣ Господь Богъ нашъ Іисусъ Христосъ въ славу свою творити".

„*Слово 7-ое.* Сказаніе отъ божественныхъ писаній, како и которыя ради вины подобаетъ христіанамъ покланятися и почитати божественныя иконы и честный и животворящій крестъ Христовъ и святое Евангелье и пречистыя Божіа Тайны и освященныя съсуды, въ нихже божественаа таинства съвершаются и честныя святыхъ мощи и божественыа церкви, еще же и како подобаетъ поклонятися другъ другу и како подобаетъ покланятися и служити царю или князю, и како подобаетъ Господу Богу нынѣ покланятися и Тому единому послужити".

„*Слово 8-ое* на ересь новогородскыхъ еретиковъ, глаголющихъ, яко седмь тысущь лѣтъ скончася и пасхаліа прейде, а втораго Христова пришествіа нѣсть, и писаніа отечьскаа суть ложна. Здѣже имать свидѣтельство отъ божественыхъ писаній,

яко святыхъ отецъ писаніа истинна суть, понеже съгласна суть пророческымъ и апостольскымъ писаніемъ". Въ этомъ словѣ Іосифъ учитъ, что не слѣдуетъ допытываться о томъ, что Богъ отъ насъ скрылъ, и доказываетъ на основаніи свидѣтельства изъ Евангелія и толкованія на него Іоанна Златоуста, что время всемірнаго конца и второго пришествія скрыто отъ насъ. Ни одинъ изъ отцовъ церкви,—говоритъ Іосифъ,—не говоритъ о семи тысячахъ, а говорятъ они о семи вѣкахъ. „Вѣкъ" въ божественномъ писаніи не означаетъ ни ста лѣтъ, ни тысячи. „Егда же слышиши вѣкъ,—объясняетъ Іосифъ,—не мни, яко извѣстно увѣдаеши число вѣку, ибо многа нареченіа вѣкъ имать: вѣкъ бо нарічется и коегождо человѣка животъ, и пакы пріидущіи животъ бесконечныи, иже по воскресеніи, вѣкъ глаголетъ". Нѣкоторые изъ ожидавшихъ кончину міра ссылались на то, что пасхалія доведена была только до 7000 лѣтъ. „Да будетъ намъ вѣдомо",—разъясняетъ Іосифъ,—что, „якоже пишутъ историческая словеса", отъ вознесенія Христова и до перваго собора святыхъ отецъ пасхаліи совсѣмъ не было; на первомъ соборѣ святые отцы установили, когда праздновать Пасху, и составили міротворный великій кругъ на 532 года. Затѣмъ другіе составили пасхалію до шеститысячнаго лѣта. На этомъ основаніи многіе стали ждать конца міра по прошествіи 6000 лѣтъ. Прошли 6000 лѣтъ, „и не бысть подмыслу ихъ". Тогда стали нѣкоторые „домышлять", что „седмориченъ есть вѣкъ сей настоящій", что кончина міра произойдетъ по истеченіи 7000 лѣтъ, и составили пасхалію до семитысячнаго года. „Сіа убо собою умысливше нѣціи, а не отъ святыхъ апостолъ, ниже отъ богоносныхъ отецъ нашихъ и учителей, ниже отъ святыхъ седми съборъ вселеньскихъ кто извѣстно сказа или изобрѣте: сего ради сіа слаба и не крѣпка".

„*Слово 9-ое* на ересь новогородскыхъ еретиковъ, глаголющихъ, что ради нѣсть второго пришествія Христова, а уже ему время быти: апостолы убо написаша, яко Христосъ родися въ послѣдняя время, и уже тысуща и пять сотъ лѣтъ прейде по Христовѣ Рожествѣ, а втораго его пришествіа нѣсть. и апостольскаа писаніа ложна суть. Здѣже имать свидѣтельство отъ божественыхъ писаній, яко святыхъ апостолъ писаніа истинна суть, понеже отъ святаго Духа речена быша".

„*Слово 10-ое* на ересь новогородскыхъ еретиковъ, хуля-

щихъ писанія святаго Ефрема и глаголющихъ, яко ложна суть писанія его. Здѣже имать сказаніе отъ божественныхъ писаній, яко святаго Ефрема писанія истинна и подобна суть пророчьскому и евангельскому и апостольскому писанію".

„*Слово 11-ое*, на ересь новогородскыхъ еретиковъ, хулящихъ иноческое жительство и глаголющихъ, яко иноци оставиша заповѣдь Божію и пророческое и евангельское и апостольское писаніе, и самосмышленіемъ и самоученіемъ изобрѣтоша себѣ житіе и держатъ преданія человѣческая". Это слово распадается на четыре главы.

„*Слово 12-ое* на ересь новогородскихъ еретиковъ, глаголющихъ, яко, аще и еретикъ будетъ святитель и аще не благословитъ или проклянетъ кого отъ православныхъ, послѣдуетъ его суду божественный судъ. Здѣже имать свидѣтельство отъ божественныхъ писаній, яко аще и святитель будетъ еретикъ, не благословитъ кого или проклянетъ отъ православныхъ, но не послѣдуетъ еретическому суду божественный судъ". Это слово имѣло въ виду митрополита Зосиму.

„*Слово 13-ое* на ересь новогородскыхъ еретиковъ, глаголющихъ, яко не подобаетъ осужати ни еретика, ниже отступника. Здѣже имать сказаніе отъ божественныхъ писаній, яко подобаетъ еретика и отступника нетокмо осужати, но и проклинати, царемъ же и княземъ и судіямъ подобаетъ сихъ и въ заточеніе посылати и казнемъ лютымъ предавати".

Правовѣрныхъ хотятъ устрашить такими глаголами: „не подобаетъ осужати ни еретика ниже отступника" и ссылаются на слова Господа и Іоанна Златоуста. Ссылку на слова Христа Іосифъ не разбираетъ; желающимъ же надлежащимъ образомъ понять эти слова Іосифъ предлагаетъ обратиться къ 39-му слову „добрѣйшаго и высочайшаго преподобнаго отца нашего Никона", который „въ своей велицѣй книгѣ собралъ о томъ свидѣтельства изъ писаній разныхъ св. отцевъ". Что касается ссылки на Іоанна Златоуста, то Іосифъ заявляетъ, что она неправильна: Іоаннъ Златоустъ дѣйствительно говоритъ, „яко недостоитъ злѣ творити, или ненавидѣти какова любо человѣка, или нечестива или еретика", но только при одномъ условіи: „егда не имамы отъ нихъ душевный вредъ". Такъ вѣдь творятъ и пастухи: „Дондеже убо ничтоже забавляетъ имъ звѣрь, подъ дубомъ или подъ смерчіемъ (родъ хвойнаго дерева) себѣ повергъше, тростію свиряютъ (играютъ

на свирѣли), оставльше на власти всяцѣй овца пастися; внегдаже волкомъ нахожденіе ощутятъ бывше, вскорѣ трость повергъше, пращу восхищаютъ и, свирѣль оставльше, дреколіемъ и каменіемъ себе вооружаютъ, предъ стадомъ ставше, и велми ужаснѣ воскликнувше, гласомъ множицею преже вреженія звѣря отгнавше. Тако убо и намъ подобаетъ творити, иже Христово стадо пасущимъ, пастыремъ же и учителемъ. Егда убо видятъ невѣрнаго или еретика никоего же вреда душевнаго не творяща вѣрнымъ, тогда і они въ травницѣ (на лугу) нѣкоемъ книжныхъ повѣстей поучающися, смиреніемъ же и кротостію да наказуютъ невѣрныя еретики; егда же видятъ иже отъ всѣхъ волковъ лютѣйшая окаянныя еретики, хотящихъ Христово стадо погубити и растлити еретическими іюдейскими ученіи, тогда подобаетъ всяко тщаніе и ревность показати, яко да ни едино овчя Христова стада звѣрми восхищено будетъ"... Тогда подобаетъ еретиковъ не только ненавидѣть или осуждать, но и „проклинати і язвити (ударомъ наносить раны) и симъ руку свою освятити". Апостолъ Павелъ не искалъ волхва Еллима и не осуждалъ его; но когда онъ увидѣлъ, что Еллимъ намѣревается развратить отъ вѣры Анфипата, тогда Павелъ осудилъ его, „еже слѣпу быти и не видѣти солнца". Епископъ Газскій св. Порфирій не осуждалъ живщихъ близъ Газы манихейцевъ; но когда еретики пришли къ нему, чтобы прельстить христіанъ, Порфирій осудилъ ихъ „преже онемленіемъ, потомже смертію". Св. Левъ, епископъ Катанскій, „Ліодора еретика преже не осуди на смерть, но егда видѣ его пришедша къ церкви, нѣкоторая мечтанія (наважденія) творяща, яко да благочествующая прельститъ, онъ же изыде изъ церкви и сотвори Ліодора огнемъ сожжена быти, и паки вниде въ церковь и соверши божественную службу". Еретики ссылаются на слѣдующія слова Іоанна Златоуста: „не достоитъ намъ убивати еретики: аще быхомъ убивали еретики, рать несмирима была бы во вселенной". Это,—разъясняетъ Іосифъ, — сказано Златоустомъ объ епископахъ, священникахъ, инокахъ и о всѣхъ церковныхъ причетникахъ, а не о царяхъ, князьяхъ и земскихъ судьяхъ; о послѣднихъ апостолы прямо говорятъ, что они пріяли власть отъ Бога „во отмщеніе злодѣемъ, въ похвалу же добро творящимъ". Если скажутъ, что подъ злодѣями тутъ разумѣются убійцы, тати, разбойники, а не еретики и отступники, то онъ на это отвѣ-

тить: „Множае паче о еретицѣхъ і о отступницѣхъ подобаетъ такоже быти“. Въ божественныхъ правилахъ, „еже отъ градскихъ законовъ“, говорится слѣдующее: „Иже сподобившеися святаго крещенія и отступльше православныя вѣры і еретицы бывше или творяще еллиньскія жертвы конечнѣй повинни суть муцѣ. Аще жидовинъ дерзнетъ развратити христіяньскую вѣру, главнѣй повиненъ есть казни. Манихѣи же, или иніи еретицы христіяне бывше и потомъ начнутъ еретическое творити или мудръствовати, мечемъ да посѣцаются“... Если кто возразитъ, что это — градскіе законы, а не апостольскія или отеческія писанія, пусть онъ послушаетъ отца нашего Никона, который въ 21-омъ словѣ своемъ указываетъ, что святые отцы, наставляемые святымъ и животворящимъ Духомъ, учинили на вселенскихъ и помѣстныхъ соборахъ божественныя правила и законы, сочетавъ съ ними и градскіе законы. Кто же осмѣлится отложить или похулить градскіе законы, „яко отъ святаго Духа и святыхъ отецъ пріята быша и сочетана со всѣмъ божественнымъ писаніемъ?“

Богъ поставилъ царей и князей пастырями и стражами людей; они должны быть „отмстители Христу на еретики“. Князья и судьи земскіе, если даютъ власть злочестивымъ людямъ, будутъ испытаны отъ Бога на Страшномъ судѣ.

Нужно съ еретиками и отступниками поступать такъ, какъ поступали пророки, праведники и благочестивые цари Ветхаго Завѣта: „Егда видяху кто отступившихъ отъ Господа Бога Вседержителя, овѣхъ убо мечемъ убивающе, овѣхже молитвою низлагающе. Молитвою убо Моисей отступившихъ Бога Вседержителя и телцу златому поклонившихся повелѣ мечемъ изсѣщи. Великій во пророцѣхъ Илія два пятьдесятника огнемъ божественнымъ соженнымъ быти сотвори, отступившихъ отъ Господа Вседержителя, и четыреста своею рукою мечемъ изсѣче. І Июда Маккавей, яко видѣ люди отступившая отъ Господа Бога і идоломъ поклонившихся, повелѣ вся мечѣмъ изсѣщи. И благочестивый царь Іосія толико возревнова о благочестіи, яко нетокмо живыя убиваше, прелщающихъ люди отступити отъ Господа Бога, но и умершихъ кости воскопа і огнемъ сожже и пепелъ на вѣтре развѣя“.

И въ Новомъ Завѣтѣ есть примѣры. „Святый апостолъ Петръ Симона-волхва, начальника ересемъ, молитвою смерти предастъ. Подобно же тому святый Іоаннъ Богословъ Кинопса-

волхва молитвою въ мори потопи. Такоже и святый апостолъ Филиппъ архіерея, глаголавшаго хулу на Господа нашего Іисуса Христа, повелѣ землѣ поглотити. И святый апостолъ Павелъ Еллиму-волхва словомъ ослѣпи, Именея же и Филата і Александра ковачѣ сатанѣ предастъ".

Послѣдующіе православные цари и святители держались этихъ божественныхъ преданій. Великій царь равноапостольный Константинъ предложилъ во всемъ своемъ царствѣ заповѣдь, „еже невѣрующихъ во святую и животворящую Троицу злымъ злѣ умрети и дому его вразграбленіи быти". И святые отцы перваго собора „не возбраниша сему быти". Благочестивый царь Маркіанъ осудилъ еретика Діоскора, патріарха александрійскаго, на смерть и отправилъ его на островъ Асъ, гдѣ люди умираютъ „отъ смертотворныхъ вѣтровъ". Здѣсь Діоскоръ со своими послѣдователями „злѣ душа своя извергоша". Святые отцы четвертаго собора „не возбраниша сему быти". Благочестивый царь Юстиніанъ отсѣкъ головы поборникамъ ереси Тиверію, епарху Аддусу и воеводѣ Елевферію; великій чудотворецъ Евтихій, патріархъ Царяграда, не возбранилъ ему. Святая царица Ѳеодора и сынъ ея Михаилъ отправили въ заточеніе еретика Аннія, патріарха цареградскаго, „и тамо повелѣ, растягше его, бити ременіемъ"; блаженный патріархъ Меѳодій и многіе преподобные отцы наши и исповѣдники „не возбраниша сему быти". Святый Левъ, епископъ Катанскій, „Іодора еретика огнемъ сотвори сожжена быти".

Въ Ветхомъ Завѣтѣ пророки и праведники предавали смерти отступниковъ отъ Бога или молитвою, или оружіемъ. Въ Новомъ Завѣтѣ апостолы, святители и отцы не оружіемъ убивали еретиковъ и отступниковъ, а „молитвами своими и силою, данною имъ отъ вселеннаго и животворящаго Духа сихъ смерти и казнемъ лютымъ предаваху". „Аще ли кто речетъ, яко ино убо, еже молитвою смерти предати, ино, еже оружіемъ убивати повинныхъ смерти? Къ немуже сице речется, яко едино убо и тоже есть, еже молитвою предати і еже оружіемъ погубити повинныхъ".

„*Слово 14-ое* на ересь новогородскыхъ еретиковъ, глаголющихъ, яко не подобаетъ много искати или истязати или испытовати о еретицѣхъ и отступницѣхъ, аще сами не исповѣдаютъ своея ереси и отступленія. Здѣже имать свидѣтельство отъ божественныхъ писаній, яко подобаетъ всѣмъ, иже Христа

любящимъ, всяко тщаніе и подвигъ и богомудростная коварства показати, еже крыющаяся еретики испытовати і искати і истязати (выспрашивать), увѣдавше же не утаити, аще ли же кто потщится утаити, сей—сообщникъ еретикомъ".

Православнымъ нужно поступать такъ, какъ поступилъ божественный Флавіанъ, патріархъ антіохійскій, который, „своимъ богопремудростнымъ художьствомъ, еретики, испытавъ і истязавъ, посрамп". „Егда увидѣ скверную ересь месаліяньскую, множащуся во своей паствѣ, и въ себѣ точію имущимъ ересь и никакоже никому же исповѣдающимъ и клятвами страшными себе заклинающимъ, яко суть православніи, тайно же прелщающе православныхъ,—тогда добрый пастырь, отъ животворящаго Духа подвигся, ухищряетъ нѣчто сицево. Единаго старца именемъ Аделфіа, началника ереси месаліаньстѣй, призываетъ къ себѣ наединѣ и тому близъ себѣ сѣсти повелѣ, начатъ глаголати къ нему: „О, старче, множайше поживше житіе, извѣстнѣйше увѣдѣхомъ человѣческое естество и противныхъ бѣсъ познахомъ козни, искусомъ же и благодатному научихомся поданію, а иже со мною церковніи причетницы юни суще, и сихъ ничто же вѣдяще извѣстно: духовное бо слово слышаще не терпятъ; что убо рцы ми, како глаголетъ и духу противному отходити, благодати святаго Духа приходити". Сими глаголы Аделфей усладися, мнѣвъ, яко и блаженный Флавіанъ хощетъ быти пріемникъ ереси ихъ; абіе изблева скверный ядъ свой и потопку (подробно) исповѣда вся ереси месаліаньскія, иже въ себѣ имяху. Блаженный же Флавіанъ, услыша сія, рече къ нему: „О, старче, обветшале злыми деньми, твоя уста обличиша сокровенный ядъ сатанинъ въ сердцы твоемъ!" И абіе повелѣваетъ сихъ отгнати отъ предѣлъ антіохійскихъ".

Также поступилъ и святой Амфилохій, епископъ иконійскій. Увидѣвъ вредъ, причиняемый его стаду месаліанской пагубой, Амфилохій „непрестанно испытоваше и благопремудростнѣ о семъ попеченіе имѣяше, еже како увѣдати еретическое злословіе, и увѣдѣвъ, отъ паствы отгна".

Православные должны показать вѣрою и многою любовію всякое тщаніе, всякій подвигъ и всякую ревность къ Сыну Божію, испытывать еретиковъ и отступниковъ и, узнавъ объ нихъ, не утаить, потому что утаивающій—сообщникъ еретиковъ. „Татіе же и разбойницы і убійцы же и гробокопатели,

аще яти (пойманы) будутъ і обличены, не вѣчную ли муку и злую смерть постражутъ? И неточію убо крадущеи или убивающіи, но и вѣдящеи сихъ и не предающе, или господіе сущіе и возбранити не хотяще, тую же со онѣми пріимутъ казнь,—колми паче (тѣмъ болѣе) аще кто слышитъ или видитъ кого еретическая глаголюща или дѣлающа и не исповѣсть о сихъ хулахъ і о уничиженіихъ. На земного царя услышиши аще кого совѣтъ творяща, еже сего убити, і аще не исповѣси, то со онѣми пріимеши казнь. Еретицы же отступницы Царя небеснаго, Владыку нашего Іисуса Христа, всегда убиваютъ хуленіемъ и уничиженіемъ. Ты же вѣси хулящаго і уничижающаго, ни коего же не показуеши тщанія и ревности, еже сія хулы утолити. Не явьствено ли есть, яко и ты сія любиши? Тѣмъ же и со онѣми, иже сія творящими, огню вѣчному преданъ будеши".

„*Слово 15-ое* на ересь новогородскихъ еретиковъ, глаголющихъ, яко аще еретикъ или отступникъ обратится на покаяніе, и абіе вскорѣ ему подобаетъ входити въ святую церковь и божественыхъ тайнъ причащатися. Здѣже имать свидѣтельство отъ божественыхъ писаній, како и которымъ еретикомъ и невѣрнымъ, егда покаются, вскорѣ входити во святую церковь и Христовыхъ Тайнъ причаститися, и которымъ еретикомъ и отступникамъ, аще и покаются, не подобаетъ во святую церковь входити, ни божественныхъ Тайнъ причащатися, дондеже вся совершатся о сихъ, якоже божественая правила повелѣваютъ о семъ, і яко нынѣ явльшіися новгородстіи еретицы и отступницы, злѣйшіи и сквернѣйшіи всѣхъ, иже подъ небесемъ, еретиковъ и отступниковъ".

Въ этомъ же словѣ излагается исторія ереси послѣ собора 1490 г:

„*Слово 16-ое* на ересь новогородскихъ еретиковъ, глаголющихъ, яко еретицы или отступницы, о своихъ ересѣхъ и о отверженіихъ егда обличени и осужени будутъ, и аще начнутъ каятися, подобаетъ пріимати ихъ покаянія и милости сподобити. Здѣже имать свидѣтельство отъ божественыхъ писаній, аще еретикъ или отступникъ не своею волею, но обличенъ бывъ и осуженъ начнетъ каятися, таковое покаяніе непріятно бываетъ (не должно быть принимаемо); татіе бо и разбойницы и убійцы и гробокопатели и иніи злодѣе, егда обличени будутъ и осужени, тогда каются, но непріятно бываетъ покаяніе ихъ".

Воры, разбойники, убійцы гробокопатели и прочіи злодѣи, когда ихъ схватили и осуждаютъ на лютыя муки и смерть, начинаютъ каяться, но ихъ раскаяніе не принимается. Тѣмъ болѣе не слѣдуетъ принимать раскаяніе еретиковъ и отступниковъ, когда послѣдніе обличены и должны подвергнуться наказанію, потому что „согрѣшенія еретическая паче отступническая, тяжчайши бываютъ разбойническихъ согрѣшеній и татей і убійцъ и блудниковъ и прелюбодѣевъ и гробокопателей и всѣхъ грѣховъ смертныхъ“... Если же кто изъ обличенныхъ и осужденныхъ еретиковъ пожелаетъ покаяться, „мощно есть и въ темницы каятися: въ скорбехъ бо и въ бѣдахъ паче (лучше) слышитъ Богъ кающихся. Манасію убо нетокмо въ темницы, но и въ мѣдянѣ волѣ (въ мѣдномъ быкѣ) затворену сущу, услыша Богъ на покаяніе“.

Никакой ослабы не слѣдуетъ давать еретикамъ и отступникамъ. Древніе еретики погубили многія страны и великія царства: Армянское, Еѳіопское и Римское. Римское царство 900 лѣтъ пребывало въ православіи и впало въ латинскую ересь послѣ того, какъ пришедшіе „отъ западныхъ странъ людіе“ прельстили православныхъ людей. Русская земля 500 лѣтъ пребывала въ православіи, пока діаволъ не привелъ въ Новгородъ сквернаго и помраченнаго еврея. Вслѣдствіе небреженія православныхъ царей и святителей погибли перечисленныя выше царства. Эти цари и святители будутъ осуждены на Страшномъ судѣ. Это должно предостеречь и другихъ царей.

Равноапостольный Константинъ такъ говоритъ: „Слышите убо и разумѣйте, царіе и князи и судія земскія, и бойтеся страха Вышняго, яко да не вашего ради небреженія смерть внидетъ въ міръ... Бози бо есте и сынове Вышняго. Блюдитеся же да не будете сынове гнѣву, да не изомрете, яко человѣцы, и во пса мѣсто сведени будете во адъ... Васъ бо Богъ въ себѣ мѣсто посади на престолѣ своемъ... Царь убо естествомъ подобенъ есть всѣмъ человѣкомъ, властію же подобенъ есть вышнему Богу“.

Таково, въ главныхъ чертахъ, содержаніе „Просвѣтителя“.

„Просвѣтитель“ состоитъ изъ отдѣльныхъ произведеній, написанныхъ Іосифомъ въ разное время, иногда въ значительные другъ отъ друга промежутки времени, при различныхъ обстоятельствахъ и по различнымъ мотивамъ. Въ одну книгу

эти произведенія были соединены впослѣдствіи, вѣроятно, при жизни еще автора и даже, можетъ быть, имъ самимъ.

Первые четыре слова были составлены Іосифомъ немного времени спустя послѣ открытія ереси. Въ нихъ Іосифъ, подъ вліяніемъ сообщеній архіепископа Геннадія, разсматриваетъ ересь жидовствующихъ, какъ смѣсь іудейства съ заблужденіями собственно христіанскаго происхожденія. Въ первыхъ трехъ словахъ Іосифа ересь выступаетъ, какъ чистое іудейство. Въ дѣйствительности ересь не была чистымъ іудействомъ: изъ четвертаго слова можно извлечь указанія, что еретики признавали авторитетъ Новаго Завѣта равнымъ авторитету Ветхаго и, отвергая божественность Христа, признавали Его божественное посланничество.

Слѣдующія слова „Просвѣтителя", отъ пятаго до одиннадцатаго включительно, являются результатомъ болѣе обстоятельнаго знакомства съ ересью. На основаніи этихъ словъ можно установить, что ересь была раціоналистическимъ христіанскимъ ученіемъ, напоминающимъ подобныя же ученія, появлявшіяся на Востокѣ и на Западѣ: ересь жидовствующихъ была міровоззрѣніемъ одного типа съ западно-европейскимъ протестантствомъ и однороднаго происхожденія.

„Просвѣтитель" Іосифа Волоцкаго представляетъ замѣчательное явленіе въ исторіи русскаго просвѣщенія и русской литературы. Это—первый обширный опытъ идейно-литературнаго и публицистическаго творчества молодого русскаго дворянства, этой новой общественной силы, наносившей смѣлые удары внизъ, въ демократію, и вверхъ, въ боярство, и впервые пріобрѣтавшей сильное вліяніе на высшую власть.

Суровыя мѣры, принятыя правительствомъ въ отношеніи къ жидовствующимъ, нанесли ереси, какъ общественно-религіозному движенію, рѣшительный ударъ; но еретическіе взгляды продолжали еще долго держаться въ умахъ отдѣльныхъ лицъ, уцѣлѣвшихъ отъ разгрома, и даже продолжали развиваться дальше.

224. Дѣятельность св. Геннадія, арх. новгородскаго. Св. Геннадій пріобрѣлъ извѣстность, когда онъ былъ архимандритомъ Чудова монастыря, своимъ участіемъ въ обсужденіи вопроса о томъ, какъ ходить съ крестнымъ ходомъ при освященіи церквей—посолонь (по солнцу), или противъ солнца. Митрополитъ Геронтій стоялъ за хожденіе противъ

солнца, а Геннадій—за хожденіе посолонь. Въ 1485 г. Геннадій былъ назначенъ новгородскимъ архіепископомъ. Въ 1504 г. Геннадій нарушилъ постановленіе собора 1503 г., запрещавшее симонію, и долженъ былъ покинуть постъ архіепископа.

Въ исторіи русскаго просвѣщенія Геннадій представляетъ выдающееся явленіе.

Столкновеніе съ образованными и развитыми еретиками привело его къ убѣжденію, что современное ему просвѣщеніе среди массы низшаго духовенства стоитъ очень низко. Въ своемъ посланіи къ митрополиту Симону онъ указываетъ на необходимость завести школы хотя бы для первоначальнаго образованія духовенства. Онъ жалуется на недостатокъ грамотныхъ людей, вслѣдствіе чего некого ставить на низшія церковныя должности. „Приведутъ ко мнѣ мужика,—разсказываетъ Геннадій,—и я ему велю Апостолъ дати чести, а онъ и ступить не умѣетъ; я ему велю Псалтирь дати, а онъ и по тому едва бредетъ“.

Столкновеніе съ еретиками указало Геннадію и на другой недостатокъ. Еретики въ спорахъ подтверждали свои мнѣнія ссылками на всевозможныя мѣста въ Библіи, которую они хорошо знали. Между тѣмъ, у насъ не было полнаго собранія библейскихъ книгъ (кн. 1-ая, § 58). Это ставило противниковъ ереси въ большое затрудненіе. Геннадій рѣшилъ устранить этотъ недостатокъ. Онъ велѣлъ составить списокъ тѣхъ библейскихъ книгъ, которыя у насъ имѣлись въ древнихъ переводахъ, а недостающія книги велѣлъ перевести. Послѣднія были въ большинствѣ переведены съ латинскаго языка по „Вульгатѣ“, а одна изъ нихъ, книга „Эсѳирь“,—съ еврейскаго языка.

Сотрудниками Геннадія въ этомъ крупномъ просвѣтительномъ дѣлѣ были Веніаминъ, доминиканецъ, и Дмитрій Герасимовъ († ок. 1530), переводчикъ Посольскаго приказа, хорошо знавшій латинскій и нѣмецкій языки *).

Въ 1499 г. у насъ впервые появился переводъ всей Библіи.

*) Дмитрію Герасимову приписывается переводъ цѣлаго ряда сочиненій: Николая Делиры „Противъ іудейскаго безвѣрія“, Самуила Евреина, „Обличеніе на іудейская блужденія, или на богоотметныя жидове“, вюрцбургскаго епископа Брунона „Толкованія на Псалтирь“, Іосифа „Объ іудеяхъ, крестившихся въ Африкѣ“, и др. Кромѣ того, Дмитрій извѣстенъ тѣмъ, что Геннадій обращался къ нему съ разнаго рода порученіями: ему онъ поручаетъ справиться въ Римѣ о пасхаліи, и Дмитрій присылаетъ ему „Миро-

Заволжскіе старцы и іосифляне.

225. Вассіанъ Патрикѣевъ. Князь Вассіанъ Патрикѣевъ (Косой), постригшись въ монахи (§ 223), познакомился съ Ниломъ Сорскимъ и сдѣлался его ревностнымъ ученикомъ. Онъ принялъ дѣятельное участіе въ обсужденіи главныхъ вопросовъ, волновавшихъ русское общество въ концѣ XV в. и въ началѣ XVI в., именно въ обсужденіи вопроса о монастырскомъ землевладѣніи и вопроса объ еретикахъ.

Защитники монастырскаго землевладѣнія ссылались, между прочимъ, на „Кормчую книгу", сборникъ церковныхъ правилъ, составленный въ Византіи. Въ этотъ сборникъ вошли нѣкоторыя постановленія вселенскихъ соборовъ, законы византійскихъ императоровъ и правила нѣкоторыхъ святителей. „Кормчая книга" имѣла нѣсколько редакцій, отличавшихся другъ отъ друга. Изучивъ „Кормчую книгу" въ той редакціи, которая была у насъ, Вассіанъ нашелъ въ ней противорѣчія и обратилъ на это вниманіе Варлаама, митрополита московскаго (1511—1521). Митрополитъ разрѣшилъ Вассіану внести въ нее исправленія. Вассіанъ взялъ краткую сербскую редакцію „Кормчей книги" и внесъ соотвѣтствующія поправки въ нашу, снабдивъ ее предисловіемъ. Въ предисловіи Вассіанъ далъ указаніе относительно того, какъ понимать слово „село": „село", при сопоставленіи съ соотвѣтствующими греческими словами ἀγρός и προάστειον, означаетъ не „вотчину", населенную крестьянами, какъ у насъ, а небольшой участокъ земли, обрабатываемый руками монаховъ.

Монастырскому землевладѣнію Вассіанъ посвятилъ особый полемическій трудъ подъ заглавіемъ „Слово отвѣтно противу кленущихъ истину евангельскую и о иноческомъ житіи и устроеніи церковнѣмъ". Авторъ сначала указываетъ на то, что постригающіеся въ монахи даютъ обѣты нищеты, милостыни, братолюбія, непрестанной молитвы и воздержанія. Владѣніе „селами" противорѣчитъ этимъ обѣтамъ. Господь сказалъ: „продаждь имѣніе твое", а постригшіеся, вступивъ въ

творный кругъ"; по его порученію Дмитрій справляется въ Римѣ о сугубой аллилуіи (§ 102); наконецъ, Дмитрій „привезъ" „Сказаніе о бѣломъ клобукѣ" (§ 91).

монастырь, пріобрѣтаютъ села и имѣнія, выпрашивая ихъ у вельможъ или покупая. Вмѣсто того, чтобы „безмолвствовать въ монастырѣ и питаться рукодѣліемъ своимъ и трудами, мы безпрестанно объѣзжаемъ города и въ руки богатыхъ взираемъ, разнымъ образомъ ласкающе ихъ и раболѣпно угождающе имъ, да возможемъ пріяти у нихъ ли село, или деревнишко, или нѣкое отъ животныхъ“. Монахи, которые должны быть свѣтомъ и солью земли, прибѣгаютъ къ судамъ, ведутъ тяжбы съ должниками и съ сосѣдями изъ-за границъ между селами. Въ монастырскихъ селахъ крестьяне страдаютъ отъ работъ, податей и бѣдности. Древніе подвижники не дѣлали этого. Вассіанъ предлагаетъ испытать и уразумѣть, кто отъ вѣка изъ возсіявшихъ въ святости и соорудившихъ монастыри заботился пріобрѣтать своему монастырю села? Кто молилъ царей и князей о льготѣ для себя и объ обидѣ для окрестныхъ поселянъ? Ни Пахомій, ни Евфимій, ни Савва, ни Герасимъ, ни Аѳанасій Аѳонскій. Вассіанъ рѣзко обрушивается на Іосифа Волоцкаго, называетъ его „законопреступникомъ“, „учителемъ беззаконія“ „человѣконенавистникомъ,“ и „антихристомъ“.

Вассіану приписываютъ также главное участіе въ составленіи „Посланія заволжскихъ старцевъ“, направленнаго противъ Іосифа Волоцкаго по вопросу о наказаніи еретиковъ. На слова Іосифа, что „грѣшника или еретика руками убити или молитвою едино есть“, заволжскіе старцы отвѣчаютъ, что не кающихся и не покоряющихся еретиковъ велѣно заточать, а кающихся церковь принимаетъ съ распростертыми руками: „грѣшныхъ ради Сынъ Божій воплотися, пріиде взыскати и спасти погибшихъ“. Относительно примѣра Моисея, пророка Ильи, апостола Петра, епископа катанскаго Льва старцы говорятъ, что Моисей дѣйствительно разбилъ скрижали руками; но когда Богъ хотѣлъ погубить Израиля, Моисей сталъ противъ Господа и сказалъ: „Господи, аще сихъ погубиши, то и мене преже сихъ“. И Богъ не погубилъ Израиля ради Моисея. Слѣдовательно, любовь къ согрѣшающимъ и злымъ была въ силахъ утолить гнѣвъ Божій. Но примѣры ветхозавѣтные не обязательны для христіанина, потому что мы теперь живемъ въ царствѣ благодати Новаго Завѣта; „намъ въ новѣй благодати яви Владыко Христосъ любовный соузъ, еже не осуждати брату о томъ, но единому Богу судити согрѣшенія человѣческая, рече: не судите, не осуждени будете“. Когда ко Христу

привели жену, обвиненную въ прелюбодѣяніи, Премилостивый судія сказалъ: „иже не имать грѣха, да вержетъ въ ню первіе камень“, и, преклонивъ главу, сталъ писать согрѣшенія каждаго изъ обвинителей. „Тако возрази убійственную руку жидовскую: кождо по своимъ дѣломъ пріиметъ отъ Бога въ день судный“. По поводу примѣра апостола Петра заволжскіе старцы отвѣчаютъ Іосифу такъ: „И ты, господине Іосифе, сотвори молитву, да иже недостоиніи еретицы то земля ихъ пожретъ. Аще ли пріемлетъ Богъ еретика на покаяніе, то не услышенъ будеши отъ Бога“. Павелъ ослѣпилъ молитвою Елима-волхва, потому что Елимъ хотѣлъ развратить отъ вѣры антината (проконсула). Это такъ. Но самъ Павелъ пишетъ: „Азъ быхъ былъ анафема отъ Христа моего, сирѣчь проклятъ, токмо братія моя спасайся израильтяне“. „Видиши ли, господине, душу свою полагаетъ за соблазнившуюся братію, дабы спастися, а не реклъ имъ, дабы ихъ огнь пожегъ или земля пожерла,—а могли отъ Бога сія вся пріяти“. По поводу примѣра епископа Катанскаго Льва, который „петрахилью“ (епитрахилью) связалъ и сжегъ еретика Ліодора и который молитвою сжегъ также волхва Исидора, старцы говорятъ Іосифу: „И ты, господине Іосифе, почто не испытаешь своей святости, не связа Касьяна архимандрита (одного изъ еретиковъ) своею мантіею, донели же бы онъ згорѣлъ, а ты бы въ пламени его держалъ связана,—и мы бы тя, яко единого отъ трехъ отрокъ, изъ пламени изшедша пріяли. Поразумѣй, господине Іосифе, яко много разньство промежъ Моисея, и Ильи, и Петра апостола и Павла, да и те (тебя) отъ нихъ“. „Кто бы, господине,—продолжаютъ старцы,—вѣдалъ многое Божіе милосердіе, аще не бы Самъ показалъ человѣкомъ, пріемля грѣшники кающася, яко же и блудницу и мытаря, якоже онаго Манасію сквернаго, иже пятдесятъ лѣтъ и два лѣта идоломъ служилъ и весь Израиль беззаконьствовати сотвори и, во единъ часъ покаяся, прощеніе получи. Видиши ли, господине, колико душъ израильтескихъ людей въ пятдесятъ лѣтъ и въ два лѣта погибе, имъ же повиненъ бысть Манасія царь. Но одолѣ человѣколюбіе Божіе злу Манассіину. Затворенъ бывъ въ мѣди въ Вавилонѣ, и тако покаяся Господеви. Ангелъ Господень разверглъ мѣдь и принесе его въ Іерусалимъ и поживѣ прочее лѣто въ покаяніи“. Когда Петръ спросилъ у Господа: „Господи! Аще братъ въ мя согрѣшитъ до седьмижды, ли прощу его днемъ?“—Господь от-

вѣтилъ ему: „Не глаголю ти до симижды, но и до седьмдесятъ седмерицею прости его“.

Въ борьбѣ съ іосифлянами Вассіанъ не щадилъ своихъ противниковъ и обрушивался на нихъ рѣзкими словами. Рѣзкость вообще была въ характерѣ Вассіана. Такъ, о правилахъ „Кормчей книги“ онъ говорилъ, что это—не „правила“ а „кривила“. Іосифляне въ свою очередь употребляли всѣ усилія, чтобы избавиться отъ опаснаго заволжскаго старца. По поводу исправленія „Кормчей книги“ Вассіанъ былъ обвиненъ при митр. Даніилѣ (§ 227) въ ереси. На церковномъ соборѣ 1531 г. Вассіанъ былъ осужденъ и сосланъ въ Волоколамскій монастырь. Князь Курбскій такъ разсказываетъ о судьбѣ Вассіана: „Блаженнаго Вассьяна, по плоти сродника своего, изымавъ (великій князь) заточити повелѣлъ и связанна святаго мужа, аки злодѣя, въ прегорчайшую темницу и подобнымъ себѣ въ злости презлымъ осифлянамъ въ монастырь ихъ отослалъ и скорою смертію уморити повелѣлъ. Они же, яко лютости его скорые послушницы и во всѣхъ злыхъ потаковницы, паче же еще и подражатели, умориша его вскорѣ“. Когда именно Вассіанъ скончался, неизвѣстно; но около 1545 г. его уже не было въ живыхъ.

226. Пр. Максимъ Грекъ. Къ заволжскимъ старцамъ многими своими взглядами примыкалъ пр. Максимъ Грекъ (1480—1556).

Максимъ былъ родомъ грекъ. Въ юности онъ отправился для полученія образованія въ Италію.

Въ это время, т.-е. въ концѣ XV в. и въ началѣ XVI в. Италія переживала періодъ возрожденія искусствъ и наукъ и была средоточіемъ европейской образованности. Представители свѣтской и духовной аристократіи и во главѣ ихъ папа собирали рукописи древне-греческихъ и древне-римскихъ писателей, основывали библіотеки и открывали для учащихся университеты, въ которыхъ по преимуществу изучали сочиненія древнихъ классиковъ. Увлеченіе древними писателями въ эту эпоху было велико. Догматы христіанской религіи, по свидѣтельству Максима Грека, не считались твердыми, если ихъ нельзя было основать на силлогизмахъ Аристотеля. Многіе настолько увлеклись древними писателями, что усвоили древнее міровоззрѣніе и въ своей жизни руководились имъ. Максимъ разсказываетъ объ одномъ итальянскомъ ученомъ,

что онъ, умирая, говорилъ своимъ друзьямъ и ученикамъ: „Радуйтесь со мной, возлюбленные! Завтра я найду себѣ покой въ поляхъ Елисейскихъ вмѣстѣ съ Сократомъ, Платономъ и со всѣми героями“.

На ряду съ древними классиками увлекались въ то время и астрологіей. Существовало убѣжденіе, что судьба и дѣла людей зависятъ отъ теченія звѣздъ и планетъ. Въ университетахъ была особая каѳедра для преподаванія астрологіи. При дворахъ государей находились астрологи, предсказаніями которыхъ государи руководились въ своей дѣятельности.

Увлеченіе древними классиками вызвало энергичный протестъ со стороны Іеронима Савонаролы (1452—1498), который былъ духовникомъ, проповѣдникомъ и впослѣдствіи настоятелемъ въ доминиканскомъ монастырѣ св. Марка во Флоренціи. Благодаря замѣчательному краснорѣчію Савонаролѣ удалось привлечь на свою сторону много гражданъ во Флоренціи. Они стали каяться въ своемъ увлеченіи. Веселыя пѣсни и свободные разговоры умолкли; вмѣсто нихъ стали пѣть духовные гимны, читать духовныя книги и молиться; книги классиковъ, произведенія искусствъ, музыкальные инструменты стали публично сжигать на кострахъ. Савонарола рѣзко обличалъ аристократію и даже самого папу, за что въ 1498 г. былъ сожженъ на кострѣ.

Максимъ Грекъ жилъ сначала во Флоренціи, гдѣ былъ свидѣтелемъ проповѣди Савонаролы, и въ Венеціи, гдѣ слушалъ лекціи знаменитаго ученаго Іоанна Ласкариса и находился въ дружескихъ сношеніяхъ съ переводчикомъ и издателемъ книгъ Альдой Мануччи.

Усвоивъ современное итальянское просвѣщеніе, Максимъ не сталъ гуманистомъ: на него слишкомъ сильное впечатлѣніе произвела личность Савонаролы съ его проповѣдью. Максимъ самъ почувствовалъ влеченіе къ монашеству. Около 1507 г. Максимъ отправился на Аѳонъ и постригся въ Ватопедской обители. Здѣсь находилась богатая библіотека, и Максимъ продолжалъ развивать свой умъ на чтеніи ея книгъ.

Въ 1515 г. Василій III обратился въ Аѳонъ съ просьбой прислать ему „книжнаго переводчика“. Игуменъ Ватопедской обители, по соглашенію съ патріархомъ, выбралъ и послалъ Максима Грека, несмотря на то, что Максимъ совершенно не былъ знакомъ съ русскимъ языкомъ. Этотъ выборъ объ-

ясняется тѣмъ, что Максимъ былъ горячій патріотъ, и греческая высшая іерархія ожидала, что онъ будетъ дѣйствовать въ Москвѣ въ интересахъ грековъ, будетъ противодѣйствовать стремленію папы подчинить себѣ русскую церковь и въ то же время будетъ пытаться возстановить прежнее значеніе патріарха въ Москвѣ.

Въ 1518 г. Максимъ появился въ Москвѣ. Василій III показалъ ему свою библіотеку, въ которой было много греческихъ и даже латинскихъ книгъ. Максиму предложено было перевести толковую Псалтирь. Такъ какъ Максимъ Грекъ тогда еще не зналъ церковно-славянскаго языка, то въ помощники ему дали Дмитрія Герасимова (§ 224) и Власія, а писцами—Силуана, монаха Сергіева монастыря, и Медоварцева. Максимъ переводилъ Псалтирь съ греческаго на латинскій, а Герасимъ съ Власіемъ — съ латинскаго на церковно-славянскій языкъ. Черезъ полтора года переводъ былъ готовъ. Разсмотрѣнный соборомъ съ митрополитомъ во главѣ, переводъ былъ одобренъ и осыпанъ похвалами. Послѣ этого Максиму было поручено разсмотрѣть богослужебныя книги и исправить вкравшіяся ошибки.

Максимъ не только занимался переводами, но и писалъ самостоятельныя сочиненія, въ которыхъ онъ касался общественныхъ и нравственныхъ явленій въ русскомъ обществѣ. Послѣдними сочиненіями Максимъ возбудилъ во многихъ лицахъ сильное неудовольствіе.

Своими знаніями, начитанностью и развитіемъ Максимъ стоялъ тогда выше всѣхъ русскихъ людей. Христіанство онъ понималъ не какъ совокупность внѣшнихъ обрядовъ, а какъ систему догматовъ и нравственныхъ правилъ. Это сближало его съ заволжскими старцами. Главный представитель ихъ, Вассіанъ Патрикѣевъ, сблизился съ Максимомъ и даже сталъ его ученикомъ. Такимъ образомъ, Максимъ Грекъ невольно сталъ центромъ и авторитетнымъ главой заволжскихъ старцевъ. Къ Максиму стекались побесѣдовать или обмѣняться взглядами, или посовѣтоваться многія лица, по преимуществу изъ опозиціонно настроеннаго боярства: князь Иванъ Токмаковъ, Василій Тучковъ, Иванъ Сабуровъ, князь Петръ Шуйскій, князь Андрей Холмскій, князь Андрей Курбскій, Иванъ Беклемишевъ-Берсень, дьякъ Жареный и др. Это возбудило тревогу среди дворянства и ихъ идейныхъ выразите-

лей—іосифлянъ. Максимъ становился опаснѣйшимъ для нихъ человѣкомъ. Они стали тщательно изучать переводы и исправленія Максима и нашли рядъ ошибокъ. Одно мѣсто о Христѣ, читавшееся раньше такъ: „взыде на небеса и сѣде одесную Отца... сѣдяй одесную Отца“, Максимъ поправилъ такъ: „сѣдѣлъ одесную Отца... сѣдѣвъ... сѣдѣвшій“, т.-е. вмѣсто аориста (прошедшаго совершеннаго) употребилъ прошедшее несовершенное, вмѣсто причастія настоящаго времени — причастіе прошедшаго несовершеннаго. Это поправка была ошибочной, чего Максимъ, по незнанію церковно-славянскаго спряженія, не подозрѣвалъ. Но она подала поводъ къ обвиненію его въ страшной ереси—въ отрицаніи равенства Христа Богу Отцу, такъ какъ, говорили обвинители, Максимъ признаетъ „Христово сѣдѣніе одесную Отца мимошедшимъ“. Близкія сношенія Максима съ боярами, изъ которыхъ нѣкоторые вскорѣ подверглись опалѣ и казни, дали поводъ къ другому обвиненію, къ обвиненію въ политической неблагонадежности. Максимъ сталъ проситься обратно на Аѳонъ. Его не пустили. „А не бывати тебѣ отъ насъ“, говорилъ Максиму Берсень. На вопросъ Максима, почему князь не отпуститъ его, Берсень сказалъ: князь „держитъ на тебя мнѣніе (сомнѣвается въ тебѣ): пришелъ еси сюда, а человѣкъ еси разумной, и ты здѣсь увѣдалъ наша добрая и лихая, и тебѣ, тамъ пришедъ, все сказывати“. Наконецъ, Максимъ Грекъ возбуждалъ неудовольствіе и тѣмъ, что былъ защитникомъ главенства константинопольскаго патріарха надъ русской церковью: поставленіе русскихъ митрополитовъ помимо константинопольскаго патріарха онъ считалъ „самочиннымъ“ и „безчиннымъ“.

Въ 1522 г. каѳедру митрополита занялъ Даніилъ, ученикъ Іосифа Волоцкаго и врагъ заволжскихъ старцевъ (§ 227). Въ 1524 г. Василій III рѣшилъ развестись со своей женой Соломоніей и вступить въ бракъ съ Еленой Глинской. Максимъ Грекъ отнесся неодобрительно къ намѣренію князя и вызвалъ этимъ его неудовольствіе. Въ 1525 г. Максимъ былъ обвиненъ въ ересяхъ и въ политической неблагонадежности. Онъ былъ сосланъ въ Волоколамскій монастырь, гдѣ отбывалъ заключеніе въ темницѣ. Ему было запрещено писать. Въ 1531 г. Максима снова судили вмѣстѣ съ Вассіаномъ Патрикѣевымъ. Максима сослали въ тверской Отрочь-монастырь и лишили причастія. Только въ 1551 г., по ходатайству старца Артемія

(§ 244), освободили Максима изъ заключенія и перевели въ Сергіевъ монастырь. Черезъ три года послѣ этого Максимъ скончался. Послѣ смерти Максимъ былъ причисленъ къ лику святыхъ.

Сочиненія Максима дѣлятся на три отдѣла: 1) труды по вопросу объ исправленіи книгъ, 2) полемическіе труды, 3) труды по общественнымъ и нравственнымъ вопросамъ.

1) Труды по вопросу объ исправленіи книгъ. Максимъ Грекъ написалъ нѣсколько сочиненій („Слово отвѣщательно о исправленіи книгъ русскихъ", „Слово отвѣщательно о книжномъ исправленіи" и др.), въ которыхъ онъ касается вопроса объ исправленіи богослужебныхъ книгъ и вмѣстѣ съ тѣмъ оправдываетъ себя отъ возведенныхъ на него обвиненій въ порчѣ книгъ и въ ереси.

Максимъ прежде всего устанавливаетъ фактъ, что въ русскихъ богослужебныхъ книгахъ есть ошибки. Онѣ произошли, по его мнѣнію, отъ неискусныхъ древнихъ переводчиковъ, отъ невѣжества переписчиковъ и отъ неразумія исправителей. Переводъ книгъ и ихъ исправленіе требуютъ знанія языковъ и пониманія словесныхъ наукъ — грамматики, реторики, поэтики и даже философіи. Русскіе книжные люди, незнакомые съ этими науками, не замѣчаютъ и не могутъ замѣтить ошибокъ: „по чернилу бо точію преходятъ, силы же написаннаго не разумѣютъ".

Враги Максима говорили ему, что, считая старыя книги ошибочными, онъ порицаетъ русскихъ святыхъ, которые по этимъ именно книгамъ спасались. Максимъ объяснялъ своимъ противникамъ, что не всѣ люди получаютъ одинаковыя дарованія: древніе святые мужи прославились своею святою жизнью и чудесами, но у нихъ не было дара знанія языковъ; съ другой стороны, и грѣшный человѣкъ можетъ обладать даромъ знанія языковъ и находить ошибки тамъ, гдѣ святые мужи не замѣчали ихъ.

2) Полемическіе труды. Полемическіе труды Максима были направлены противъ ереси жидовствующихъ, латинянъ, противъ астрологіи, апокрифовъ и т. д.

Полемизируя противъ жидовствующихъ („Слово о рождествѣ Господа и Бога Спаса нашего, Іисуса Христа, въ томъ же и на іудея", „Совѣтъ къ собору православному на Исаака жидовина", „Словеса противу главъ Самуила евреина"), Ма-

ксимъ Грекъ совершенно расходится съ заволжскими старцами по вопросу о мѣрахъ противъ еретиковъ и высказываетъ взгляды, напоминающіе взгляды Іосифа Волоцкаго. Максимъ совѣтуетъ обнаружить въ отношеніи къ еретикамъ, подобно древнимъ ревнителямъ, „божественную ревность“, предать еретиковъ свѣтской власти на казнь и очистить землю отъ „таковыхъ бѣшеныхъ псовъ“.

Николай Нѣмчинъ (§ 229) написалъ посланіе о соединеніи церквей. Въ немъ онъ доказывалъ, что нѣтъ никакихъ препятствій къ такому соединенію, потому что вѣра греческая и латинская—одна и та же. Максимъ Грекъ выступилъ противъ Николя Нѣмчина съ опроверженіемъ („Слово противу льстиваго списанія Николая Нѣмчина“, два „Слова на латиновъ“, два „Посланія“ и „Слово похвальное апостолу Петру и на три большія латинскія ереси“). Въ своихъ сочиненіяхъ противъ латинянъ Максимъ разсматриваетъ три большія латинскія ереси: употребленіе опрѣсноковъ, ученіе о чистилищѣ и ученіе объ исхожденіи св. Духа и отъ Сына.

Николай Нѣмчинъ, ратовавшій за соединеніе церквей, въ то же время распространялъ въ русскомъ обществѣ астрологію. Максимъ выступалъ и противъ астрологіи („Слово на Николая Нѣмчина, прелестника и звѣздочетца“, „Слово противу тщащихся звѣздозрѣніемъ предрицати о будущихъ“, „Слово, яко промысломъ Божіимъ, а не звѣздами и колесомъ счастія вся человѣческая устраняются“ и др.). Одинъ Богъ, — говоритъ Максимъ, — есть владыка, промыслитель и строитель всѣхъ нашихъ добрыхъ дѣлъ и помысловъ. Не отъ звѣздъ и планетъ, а отъ самого Бога сходитъ въ родъ человѣческій всякое даяніе благое и всякъ даръ совершенъ.

Максимъ Грекъ выступалъ также противъ апокрифовъ („Слово обличительно вкупѣ и развращательно лживаго писанія Афродитіана персянина зломудреннаго“, „Сказаніе о Іюдѣ предатели на Аполлинарія“, „Сказаніе къ глаголющимъ, яко во всю свѣтлую солнце не заходя стояло, и того ради глаголютъ одинъ день всю свѣтлую недѣлю“). Разбирая нѣкоторые апокрифы, онъ указывалъ признаки, по которымъ можно установить истинность сказанія: сказаніе должно быть составлено извѣстнымъ знаменитымъ писателемъ; оно во всемъ должно быть согласно съ евангельскимъ и апостольскимъ ученіемъ; оно не должно заключать въ себѣ никакихъ противорѣчій.

Особое произведеніе („Посланіе къ нѣкоему мужу поучительно на обѣты нѣкоего латынина мудреца“) посвятилъ Максимъ Грекъ разбору „Луцидаріуса“.

„Луцидаріусъ“ („Просвѣтитель“, „Драгій бисеръ“, „Златы бисеръ“)—западно-европейское произведеніе, переведенное на русскій языкъ съ нѣмецкаго въ началѣ XVI в. Это произведеніе представляетъ переработку богословскаго трактата „Elucidarium, sive dialogus de summa totius christianae theologiae“, приписываемаго Гонорію Отенскому, средневѣковому писателю XI—XII вв. Переработка состоитъ въ томъ, что богословская часть трактата подверглась сокращенію и замѣнѣ ея общими свѣдѣніями о мірѣ и различныхъ странахъ его, о людяхъ и животныхъ. Эти свѣдѣнія заимствованы изъ другого сочиненія Гоноріи Отенскаго—„Imago mundi“, содержаніе котораго въ свою очередь почерпнуто изъ апокрифовъ, повѣстей, гадательныхъ книгъ, бестіаріевъ, космографій. „Луцидаріусъ“ и по содержанію и по формѣ (діалогъ между ученикомъ, задающимъ вопросы, и учителемъ, дающимъ отвѣты) напоминаетъ „Бесѣду трехъ святителей“ (кн. 1 ая, § 81), но гораздо обширнѣе ея. Вотъ нѣкоторые вопросы, разсматриваемые въ „Луцидаріусѣ“, и отвѣты на нихъ. *Ученикъ вопроси*: Что имаши вѣрованіи? *Учитель рече*: Яже возри, три имени суть, яко Отець и Сынъ и Святый Духъ, яже тѣ три имени истинный Богъ нашъ. *Ученикъ вопроси*: Како можетъ едино божество на трое раздѣлитися? *Учитель рече*: Въ солнцы есть свѣтлость, лучя и теплота, і есть убо едино солнце за трехъ. Едіноже суть тѣ вси три имени: гдѣ Сынъ, тамо есть Отець и Сятый Духъ; и гдѣ Святый Духъ, тамо есть Отець и Сынъ. *Ученикъ вопроси:* Колико суть небесъ? *Учитель рече*: Небеса суть трои: едино есть отъ земли даже до луны, второе отъ луны даже до звѣздъ, третіе же надъ твердію и бѣ именуемо огненное небо—на томъ бо есть Богъ самъ со всѣми святыми своими. *Ученикъ вопроси*: Коль долго Адамъ былъ во раи? *Учитель рече*: нѣсть болѣе токмо два часа. И т. д.

Максимъ Грекъ опровергаетъ цѣлый рядъ сообщенныхъ въ „Луцидаріусѣ“ свѣдѣній и даетъ такую характеристику этому произведенію: это не лудицаріусъ, но тенебраріусъ, „еже есть темнитель, а не просвѣтитель“.

3) Труды по общественнымъ и нравственнымъ вопросамъ. Максимъ касался слѣдующихъ общественныхъ и нравственныхъ

явленій въ русскомъ обществѣ: а) неправосудія и лихоимства администраціи, б) обязанностей царя и правителей, в) обрядоваго благочестія и г) монашества.

а) Неправосудіе и лихоимство администраціи. Страсть къ деньгамъ и мздоимство, — пишетъ Максимъ („Слово о неизглаголанномъ Божіемъ промыслѣ, въ томъ же и на лихоимствующихъ"), — овладѣли судьями и властителями, посылаемыми благовѣрнымъ царемъ въ города. Они позволяютъ своимъ слугамъ подбрасывать ночью къ имущимъ людямъ какіе либо компрометирующіе ихъ предметы, чтобы возвести на нихъ обвиненія; они велятъ подбрасывать посреди улицы трупъ мертвеца, чтобы привлечь за убійство не только одну улицу, но и часть города. Благодаря такимъ „извѣтамъ", они собираютъ со вдовъ, сиротъ и невинныхъ людей много серебра.

Въ одномъ словѣ („Слово пространнѣ излагающе съ жалостію нестроенія и безчинія царей и властей послѣдняго житія"), написанномъ, какъ полагаютъ, въ малолѣтство Іоанна Грознаго, Максимъ аллегорически изображаетъ разстройство цѣлаго государства отъ хищеній. Онъ разсказываетъ, что одинъ путникъ встрѣтилъ однажды жену, одѣтую въ черную одежду, какую носятъ вдовы. Эта жена сидѣла на распутьи, стонала и безутѣшно плакала; со всѣхъ сторонъ ее окружали звѣри—львы, медвѣди, волки и лисицы. Путникъ разспрашиваетъ жену, кто она, почему она сидитъ тутъ. Жена отвѣчаетъ ему, что ея несчастія „не токмо неудобь сказаема, но и отнюдь неисцѣльно отъ человѣковъ". Она—Василія (т.-е. царство, по-гречески). Ее, дщерь царя и содѣтеля всѣхъ, стараются подчинить себѣ всѣ славолюбцы. Мало у нея истинныхъ рачителей, которые заботились бы о дѣлахъ людей. Большая часть этихъ славолюбцевъ одолѣваема сребролюбіемъ и лихоимствомъ и люто моритъ подвластныхъ людей всякими истязаніями; они „беззаконно и богопротивно нынѣ пируютъ, гусльми и сурнами и тимпаны и смѣхотвореніи всяческими, сквернословіе же и буесловіе себя обливающе". Нѣтъ у нея,— говоритъ жена,—поборающихъ по ней въ ревности Божіей: нѣтъ іерея Вышняго, великаго Самуила, съ дерзновеніемъ ополчившагося противъ преступника Саула; нѣтъ Наѳана, мудрою притчею исцѣлившаго царя Давида и спасшаго его отъ лютаго паденія, нѣтъ ревнителей, подобныхъ Иліи и Елисею.

б) Обязанности царя и правителей. Неправеднымъ и лихоимнымъ правителямъ Максимъ Грекъ противопоставляетъ образъ идеальнаго царя („Главы поучительны начальствующимъ правовѣрно"). Истинный царь это тотъ, который „правдою и благозаконіемъ" устраиваетъ дѣла своихъ подвластныхъ, умѣетъ властвовать надъ страстями и похотями своей души и избѣгать сластолюбія, сребролюбія и славолюбія. Истинный царь подобенъ солнцу, сіяющему на праведныхъ и неправедныхъ: какъ солнце перестаетъ посылать свѣтъ и теплоту, когда его закрываетъ облако, такъ и царь перестаетъ быть источникомъ блага для подвластныхъ, когда его душа покрывается „облакомъ скотскихъ страстей, глаголю же, яростію и гнѣвомъ безвременнымъ, пьянствомъ же и похотьми не преподобными". Истинный царь долженъ быть благъ и благочестивъ, но не лицемѣренъ: онъ не долженъ уподобляться тѣмъ, которые благочестіе видятъ „во единомъ лишеніи мясъ и рыбъ и елея во время священныхъ постъ, а еже обидѣти и лихоимствовати бѣдныя подручники и въ судилища влачити ихъ и враждебнѣ ихъ ратовати и озлобляти различнѣ не престаютъ". Истинный царь наблюдаетъ также „страннолюбное исправленіе", оказываетъ иностранцамъ дружелюбный пріемъ, не удерживаетъ ихъ насильно, когда они хотятъ вернуться на родину; а хорошо принятые иностранцы повсюду разносятъ славу о такомъ пріемѣ.

Въ другомъ своемъ сочиненіи („Посланіе къ начальствующимъ правовѣрно") Максимъ Грекъ требуетъ отъ воеводъ и бояръ „единомыслія" и „друголюбія".

в) Обрядовое благочестіе. Подобно заволжскимъ старцамъ, Максимъ Грекъ относился отрицательно къ внѣшнему, обрядовому, благочестію. Въ сочиненіи „Словеса, аки отъ лица пречистыя Богородицы къ лихоимцамъ и сквернымъ, всякія злобы исполненнымъ, а каноны всякими и различными пѣсньми угожати чающихъ" Богородица говоритъ лихоимцу, что воспѣваемое имъ „радуйся!" тогда только Ей будетъ пріятно, когда Она увидитъ, что онъ исполняетъ Христовы заповѣди, удаляется отъ всякой злобы, блуда, лжи, гордости, лести, хищенія чужихъ имѣній, которому онъ отдается, испивая мозги убогихъ, ничѣмъ не отличаясь отъ скиѳянина и отъ христоубійцъ; Она не внемлетъ ему, когда онъ поетъ Ей краснымъ гласомъ безчисленные каноны и стихиры: милости, а не жертвы хочетъ Господь и

разума Божія, а не всесожженія. „Ты же, аки свинія, всякаго студодѣянія несытнѣ насыщаяся, и аки хищникъ волкъ, хищая чужая стяжанія и бѣдныя вдовицы лихоимствуя и всяческими изобилуя и обливаемъ дѣлы беззаконными, аки христоненавистникъ татаринъ зерніо играя, и упиваяся, и гусльми всегда и пѣсньми скверными наслаждая себя блудно, Божіяго страха отринувъ отнюдь отъ мысли своя,—благоугодити ли мниши множествомъ каноновъ и стихѣръ, высокимъ воплемъ мнѣ воспѣвая?“

Воздержаніе въ пищѣ,—учитъ Максимъ („Сказаніе о разрѣшеніи обѣта постнаго“),—не приноситъ пользы, если оно не сопровождается воздержаніемъ отъ душевредныхъ страстей: воздерживающійся только въ пищѣ, какъ говорится въ стихирѣ, уподобляется злѣйшимъ бѣсамъ, никогда не ядущимъ. Достойно слезъ,—говоритъ Максимъ („Сказаніе, яко дѣломъ достоитъ исполнити наши обѣты“),—когда нѣкоторые безъ разсужденія даютъ обѣтъ не ѣсть мяса въ понедѣльникъ, ради большаго спасенія, а на винопитіи сидятъ весь день и ждутъ тѣхъ дней, на которые назначены братчины и пиры, упиваются допьяна и безчинствуютъ.

Въ „Словесахъ Божіихъ къ тверскому епископу Акакію“, написанныхъ по поводу сильнаго пожара, разразившагося въ Твери (1537), Максимъ изображаетъ недоумѣніе Акакія по поводу бѣдствія, постигшаго Тверь: вѣдь онъ всегда радѣлъ о благоговѣйной службѣ, о совершеніи духовныхъ праздниковъ, объ украшеніи иконъ золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными камнями, о доброгласныхъ и многошумныхъ колоколахъ. Господь кроткимъ гласомъ отвѣчаетъ: „Чесо ради, о человѣцы, неблагодарственно и всуе клевещете на праведный мой судъ“?.. „Доброгласныхъ пѣній и колоколовъ шумъ предлагающе мнѣ и многоцѣнное иконъ украшеніе и различныхъ мѵръ благоуханія, яже аще приносите ми отъ законныхъ списканій и праведныхъ трудовъ вашихъ и правою мыслію, якоже и Авель древле, и любезна ми та, и на нихъ призрю и божественными даровании воздарую васъ: праведенъ бо воздаватель Азъ, не оставлю безо мзды ниже чашю студеныя воды. Аще ли же отъ неправедныхъ и богомерскихъ лихвъ, лихоиманія же и хищенія чюжихъ имѣній сія приношаете ми, человѣцы, не точію возненавидитъ я (ихъ) душа моя, аки смѣшана слезами сиротъ и вдовицъ умиленыхъ и кровми убогихъ, но еще и воз-

негодуетъ на васъ, аки не достойна правдѣ и человѣколюбнѣй мысли моей приносящихъ, да или зѣльнымъ огнемъ вытреблю я (ихъ), или скиѳомъ въ расхищеніе издамъ, яко же и иныхъ, множае лучшихъ васъ людехъ, равнѣ же вамъ беззаконовавшихъ піянствы, гордостію, лихоимствы, студодѣяніи всякими, по моему праведному гнѣву, попустихъ содѣятися". Почему погибло всеславное и всесильное царство греческое? „Поминайте, каково благолѣпное пѣніе, вкупѣ со свѣтлошумными колоколы и благовонными мѵры, совершашеся тамо богато Мнѣ, по всѣ дни, еликаже пѣнія всенощная духовныхъ праздникъ совершахуся, и преподобная торжества, какія же красоты и высоты предивныхъ храмовъ тамо Мнѣ создавахуся, и въ нихъ елики сокрывахуся апостольскія и мученическія мощи обильно источаютъ источники исцѣленій, елицы же сокровища горнія премудрости и разума всяческаго тамо скрывахуся, но ничимъ же она ихъ пользоваша, понеже убога возненавидѣша и сира убиша, пришельца же и вдову, якоже есть писано". Богъ приглашаетъ людей утвердить въ своихъ сердцахъ слѣдующее. Не для доброшумныхъ колоколовъ, пѣснопѣній и многошумнаго мѵра сошелъ Богъ на землю и принялъ человѣческій образъ: прекраснымъ пѣніемъ и предивными хваленіями непрестанно прославляютъ Его вокругъ престола безчисленное множество безплотныхъ пѣвцовъ. А ради спасенія людей. Для этого Богъ повелѣлъ написать въ книгахъ Его спасительныя заповѣди, чтобы люди знали, какъ угождать Ему. А люди книгу Божіихъ словесъ обильно украшаютъ снаружи и внутри серебромъ и золотомъ, а силы заповѣдей, изложенныхъ въ ней, не принимаютъ и не только не исполняютъ ихъ, но и поступаютъ вопреки имъ.

г) Монашество. Вниманіе Максима Грека превлекало и русское монашество, которому онъ противопоставляетъ монашество католическое съ его воздержностью, благочестіемъ, нестяжательностью и смиреніемъ. „Гдѣ у нихъ особно нѣкое желаемо брашно,—пишетъ онъ („Повѣсть страшна и достопаметна и о совершенномъ иноческомъ жительствѣ"),—или житіе, или овощь нѣкій, или ино что, наслажающее гортань? Гдѣ у нихъ стяжанія злата и серебра? Гдѣ у нихъ празднословіе или сквернословіе, или смѣхъ безвремененъ и безчиненъ? Пьянство же и преизлишнее сладкихъ яденій ниже слышатся у нихъ; сребролюбіе же и лихоиманіе и росты и лукавый

нравъ мерзко у нихъ и проклято слышаніе; одѣянія же ихъ власяна и вся бѣла, чистоту житія ихъ и пребыванія образующа; лжа же и ослушаніе и прекословіе исчезоша вся у нихъ въ конецъ". Опасаясь, что такая характеристика иновѣрнаго монашества вызоетъ обвиненіе въ пристрастіи къ нему, Максимъ Грекъ дѣлаетъ такую оговорку: „Сея же пишу не яко да покажу латинскую вѣру чисту, совершенну и прямоходящу во всѣхъ—да не будетъ во мнѣ таково безуміе,—но да яко покажу православнымъ, яко и не у правомудренныхъ у латынехъ есть попеченіе и прилежаніе евангельскихъ спасительныхъ заповѣдей и ревность за вѣру Спаса Христа, аще и не по совершенному разуму".

Относясь отрицательно къ распущенности русскаго монашества, Максимъ Грекъ былъ въ то же время противникомъ монастырскаго землевладѣнія. Свое мнѣніе по этому вопросу онъ выразилъ въ „Стязаніи о извѣстномъ иноческомъ жительствѣ". „Стязаніе" представляетъ діалогъ Филоктимона (любостяжательнаго) и Актимона (нестяжательнаго).

Защищая монастырское землевладѣніе, Филоктимонъ указываетъ на то, что монахи должны имѣть свободное время для молитвы: если имъ предется собирать по городамъ и селамъ милостыню, они лишены будутъ возможности отдаваться молитвѣ. Въ Евангеліи сказано, что оставляющіе отца, мать, дѣтей будутъ вознаграждены сторицею не только въ будущей жизни, но и въ нынѣшней. Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ, Давидъ и Самуилъ угодили Богу и въ то же время устроили свое богатство и имѣніе.

Актимонъ обстоятельно опровергаетъ соображенія и указанія Филоктимона, а по поводу ссылки его на примѣры Исаака, Іакова и др. говоритъ, что современные иноки не могутъ быть сравниваемы съ перечисленными ветхозавѣтными лицами. „Гдѣ о нихъ написано,— спрашиваетъ Актимонъ,—что они отдавали серебра взаимъ съ ростомъ, или истязали росты на росты отъ убогихъ и немогущихъ отдать требуемое по причинѣ умноженія многолѣтнихъ ростовъ, расхищали оставшіяся у нихъ отъ послѣдней нищеты плохія стяжаньица, какъ это мы дѣлаемъ съ бѣдными селянами, которые не могутъ отдать занятое, которые безпрестанно трудятся и страждутъ въ селахъ нашихъ, во всѣхъ нашихъ потребахъ, внутри и внѣ монастыря"? Актимонъ напоминаетъ Филоктимону объ отреченіи постригающихся

въ монахи отъ міра и его красотъ, объ обѣтѣ нищеты и противопоставляетъ этому стремленіе монастырей къ владѣнію селами.

Своими многочисленными сочиненіями Максимъ Грекъ будилъ въ русскомъ обществѣ мысль и поднималъ уровень просвѣщенія и развитія.

227. Митрополитъ Даніилъ. Митрополитъ Даніилъ (1522—1539) былъ ученикомъ Іосифа Волоцкаго. Послѣ смерти своего учителя онъ былъ выбранъ игуменомъ Волоколамскаго монастыря. Василій III, часто посѣщавшій Волоколамскій монастырь, обратилъ вниманіе на Даніила, отличавшагося тонкимъ умомъ и обходительностью. Въ это время митрополитомъ былъ Варлаамъ, человѣкъ, отличавшійся твердымъ характеромъ и независимыми убѣжденіями. Раздѣляя міровоззрѣніе заволжскихъ старцевъ, Варлаамъ руководился ими и въ своей церковно-политической дѣятельности. Онъ оказывалъ покровительство Вассіану Косому и Максиму Греку и рѣшительно отказывался поддерживать своимъ духовнымъ авторитетомъ такія дѣйствія Василія III, которыя шли въ разрѣзъ съ его убѣжденіями. Это породило холодныя отношенія между княземъ и Варлаамомъ, закончившіяся отставкой послѣдняго и ссылкой въ одинъ изъ отдаленныхъ монастырей. Подыскивая болѣе покладистаго кандидата въ митрополиты, Василій III остановился на Даніилѣ, котораго, въ отступленіе отъ существовавшей тогда практики, назначилъ митрополитомъ своею единоличною властью, безъ санкціи собора. Въ лицѣ Даніила, послѣдовательнаго іосифлянина, съ его принципомъ „богопремудростнаго коварства“ Василій III пріобрѣлъ вѣрнаго помощника.

Василію III необходимо было избавиться отъ князя Василія Ивановича Шемячича. Послѣдній, опасаясь Василія III, не соглашался, по требованію послѣдняго, пріѣхать въ Москву безъ охранныхъ „крестоцѣловальныхъ“ грамотъ, подписанныхъ княземъ и митрополитомъ. Грамоты были высланы Шемячичу. По пріѣздѣ въ Москву, Шемячичъ былъ схваченъ и заключенъ въ тюрьму. Митрополитъ Даніилъ благодарилъ Бога за удачу. Поступокъ съ Шемячичемъ вызвалъ осужденіе въ кругахъ, симпатизировавшихъ воззрѣніямъ заволжскихъ старцевъ. Одинъ изъ представителей этой партіи, троицкій игуменъ Порфирій, „мужъ обычаевъ простыхъ и въ пустынѣ воспитанъ“,

воспользовавшись пріѣздомъ Василія III въ Троицко-Сергіевъ монастырь, сталъ торжественно и смѣло ходатайствовать за Шемячича передъ княземъ. Василій оскорбился. Порфирій замѣтилъ князю, что, если онъ явился въ храмъ Безначальной Троицы, чтобы испросить себѣ прощенія грѣховъ, ему самому слѣдуетъ сначала оказаться милосерднымъ къ „гонимымъ безъ правды". Въ скоромъ времени послѣ этого Порфирій покинулъ игуменство и ушелъ на Бѣлоозеро. Здѣсь онъ былъ арестованъ и посаженъ въ тюрьму.

Когда Василій III задумалъ развестись со своей женой Соломоніей, съ которой прожилъ 20 лѣтъ, Даніилъ далъ ему разрѣшеніе, хотя церковныя правила не разрѣшали этого, благословилъ князя на новый бракъ съ Еленой Глинской и даже самъ вѣнчалъ его. Этотъ поступокъ великаго князя и митрополита возбудилъ еще большее неудовольствіе въ указанныхъ кругахъ. Особенно рѣзко осуждали разводъ и новый бракъ Вассіанъ Косой и Максимъ Грекъ.

Въ исторіи русской церкви и русскаго просвѣщенія Даніилъ имѣетъ значеніе, какъ церковый администраторъ и какъ писатель.

Какъ церковный администраторъ, Даніилъ извѣстенъ съ двухъ сторонъ.

Во-первыхъ, новый митрополитъ систематически проводилъ на высшія церковныя должности лицъ, принадлежавшихъ къ іосифлянскому направленію. Такъ, черезъ мѣсяцъ по вступленіи на митрополичій престолъ Даніилъ назначилъ тверскимъ епископомъ Акакія, брата Іосифа Волоцкаго; въ 1525 г. коломенскимъ епископомъ былъ нареченъ племянникъ Іосифа Вассіанъ Топорковъ; въ 1526 г. Даніилъ назначилъ новгородскимъ архіепископомъ знаменитаго впослѣдствіи Макарія (§§ 234 — 236); въ 1536 г. смоленскимъ епископомъ былъ назначенъ Савва Слѣпушкинъ, іеромонахъ Волоколамскаго монастыря. Даже на болѣе низкія церковныя должности Даніилъ проводилъ лицъ своего направленія. Такъ, въ 1531 г. къ Макарію въ Новгородъ былъ посланъ инокъ Волоколамскаго монастыря Ѳеодосій, который былъ рукоположенъ въ игумены Хутынскаго монастыря, а впослѣдствіи былъ возведенъ въ новгородскіе архіепископы. Такими назначеніями Даніилу удалось придать русской церковной іерархіи общій духъ и характеръ: она, если можно такъ выразиться, „объіосифлянилась".

Во-вторыхъ, благодаря такому „объіосифлянепію" церков-

ной іерархіи, сопровождавшемуся отстраненіемъ отъ высшихъ должностей представителей партіи заволожскихъ старцевъ, Даніилъ получилъ возможность возобновить борьбу съ послѣдними на болѣе твердыхъ и рѣшительныхъ началахъ. При поддержкѣ іерарховъ-іосифлянъ Даніилу удалось сокрушить двухъ наиболѣе выдающихся представителей заволжской партіи — Вассіана Косого и Максима Грека. Этимъ онъ нанесъ партіи заволжскихъ старцевъ страшный ударъ: съ этого времени въ руководящихъ сферахъ на партію устанавливается взглядъ, какъ на склонную къ еретичеству и вредную.

Какъ писатель, Даніилъ извѣстенъ своими „словами“ и „посланіями“.

1) Слова Даніила. Слова Даніила, числомъ 16, дошли до насъ въ „Сборникѣ“, изданномъ, вѣроятно, самимъ авторомъ.

Начинается „Сборникъ“ предисловіемъ и введеніемъ.

Въ предисловіи Даніилъ заявляетъ, что онъ „вмалѣ потрудившеся отъ божественныхъ писаній избравше истинная разумѣнія и разсужденія отъ св. Евангелія и отъ апостолъ и пророкъ и отъ св. отецъ ученія и преданія, вкупе сочетавше совершилъ ко всѣхъ душевнѣй пользѣ“.

Во введеніи Даніилъ выражаетъ ту же мысль: онъ „не отъ себе сія написалъ, но отъ божественныхъ писаній собралъ“. Тѣмъ не менѣе, на всякій случай, авторъ дѣлаетъ такую оговорку: „Аще ли же что обрящется въ тѣхъ (словахъ) неугодно Богу и не полезно души ради моего неразумія и невѣжества, и азъ о сихъ всѣхъ молю и прощеніе прошу, да не послушаетъ, ни да творитъ кто тако по моему безумію сотворенныхъ, но лучшее да творитъ, яже есть угодно Богу и полезно души, и азъ о семъ благодарю Бога и вашу истинную любовь и радуюся купно съ вашимъ любомудріемъ“.

За предисловіемъ и введеніемъ идутъ самыя „слова“. Каждое „слово“ по своему построенію, распадается на три части: 1) *въ первой* части авторъ развиваетъ или, точнѣе, повторяетъ въ различныхъ выраженіяхъ главную мысль „слова“, формулированную уже въ его заглавіи; 2) *вторая* часть, самая обширная, представляетъ собраніе цитатъ (отъ 15 до 100) изъ „божественнаго писанія“, подтверждающихъ главную мысль „слова“; 3) *въ третьей* части („наказаніе“) авторъ даетъ нравственныя наставленія или обличаетъ.

По своему содержанію „слова“ распадаются на два отдѣла.

а) Первый отдѣлъ. Первый отдѣлъ состоитъ изъ „словъ“, направленныхъ противъ заволжскихъ старцевъ и жидовствующихъ. Эти „слова“ распредѣляются на три группы:

α) Первая группа. Къ первой группѣ относятся „слова“ — 5-ое, 7-ое, 6-ое и 11-ое, въ которыхъ преобладаетъ догматическое содержаніе.

Слово 5-ое. „О въплощеніи Господа нашего Іисуса Христа; въ истину проповѣдаемъ того съвершена Бога и съвершена человѣка, а не яко зліи еретици нечестивно глаголють по въплощеніи Господу нашему Іисусу Христу едино естество божества имѣти“.

Это слово направлено противъ Вассіана Косого, который училъ, что воспринятое Христомъ человѣческое тѣло было отлично отъ тѣла другихъ людей: оно было нетлѣнно и такимъ осталось до воскресенія Христа.

Слово 7-ое. „О премудрости смотрѣнія Господня въчеловѣченія, яко премудростію прехитри злаго хитреца діавола, да вся вѣрующая въ онь спасе и спасаеть“.

Это слово, составленное подъ вліяніемъ ученія Іосифа Волоцкаго о прехищреніи и коварствѣ Божіемъ, направлено противъ жидовствующихъ.

Слово 6-ое. „О неизреченной милости Владыкы Христа: ибо не познавшаго грѣха насъ ради грѣхъ сотвори“.

Въ этомъ словѣ авторъ доказываетъ возможность и нравственную необходимость для Бога искупленія падшаго человѣка черезъ воплощеніе Сына Божія. Оно направлено также противъ жидовствующихъ.

Слово 11-ое. „О Божіихъ судьбахъ и о младенцехъ умирающихъ и яко бѣдно есть не исповѣдати помыслы своя отцемъ духовнымъ“.

Неисполнившееся ожиданіе кончины міра въ связи съ ересью жидовствующихъ и распространявшаяся вѣра въ силу астрологическихъ знаній породили вопросъ о Промыслѣ Божіемъ. Въ одиннадцатомъ словѣ Даніилъ разбираетъ и опровергаетъ тѣ толкованія и нареканія, которыя стали распространяться и раздаваться въ русскомъ обществѣ по поводу этого вопроса, и излагаетъ православное ученіе о Промыслѣ.

β) Вторая группа. Ко второй группѣ принадлежатъ „слова“ 1-ое и 8-ое, въ которыхъ Даніилъ разсматриваетъ вопросъ объ отношеніи къ жидовствующимъ.

Слово 1-ое. „Отъ свидѣтельства божественныхъ писаній, яко внимати подобаетъ отъ ложныхъ пророкъ и отъ ложныхъ учителей и яко отъ сего познавается ложный учитель и ложный пророкъ, отъ еже не учити отъ божественныхъ писаній, но отъ злобы своего сердца, по лукавству діаволю, на пагубу многымъ, и яко пребываетъ кто въ евангельскомъ поученіи, иже по немъ мудрствуяй и дѣйствуяй, уклоняетъ же себе отъ него, иже съпротивныя мудрствуя и дѣйствуя; яко послѣдующая божественнымъ и законнымъ писаніемъ не достоитъ испытывати глаголющихъ или пишущихъ, аще кто благословнѣ богодухновеннаа писаніа сказуетъ и ничтоже тому можетъ возбранити, зане слово Божіе не вяжется“.

Несмотря на то, что ересь жидовствующихъ, какъ идейно-религіозное движеніе, была сломлена, воззрѣнія еретиковъ продолжали держаться и распространяться въ демократическихъ кругахъ, но тайно. Даніилъ въ своемъ словѣ указываетъ на то, что еретики, оставаясь по внѣшности православными, въ дѣйствительности держались еретическихъ воззрѣній и распространяли ихъ: „Ови убо житіемъ сквернымъ и растлѣннымъ, ови, яко отъ сатаны наученеи, льстивствомъ и пронырствомъ казньствуютъ, ови же другія нѣкія сатанинскія ловы сотворяютъ... и ово сице, ово же сице лукавствуютъ и прельщаютъ и въ ереси погибныя отводятъ живущихъ въ простотѣ“. Православные должны быть настороже противъ еретиковъ. Необходимо или совсѣмъ никакого общенія не имѣть съ еретиками, или, если общаться съ ними, то только ради одной цѣли — обращенія еретиковъ на путь истинный. Споръ съ еретиками долженъ вестись „благочинно и благоговѣйно и благочестно и немятежно“, и притомъ только на почвѣ божественнаго писанія. Если еретикъ обнаружитъ неуваженіе къ доводамъ изъ божественнаго писанія и будетъ въ защиту своихъ воззрѣній приводить соображенія и доказательства иного происхожденія, для православнаго должно стать яснымъ, что еретикъ неисправимъ, и всякій споръ съ нимъ долженъ быть прекращенъ. Православные должны тогда отложить всякую кротость и воздвигнуть на еретиковъ „брань“: еретиковъ необходимо „воспретити, возустити (заставить замолчать), устрашити“. Когда и эти мѣры окажутся недѣйствительными, необходимо создавать среди еретиковъ раздоры и вражду.

Слово 8-ое. „Яко подобаетъ къ властемъ послушаніе имѣти и честь имъ въздаяти; и еже на враги Божія“.

Въ этомъ словѣ авторъ говоритъ о необходимости принимать противъ неисправимыхъ еретиковъ, „враговъ Божіихъ и хулителей имени Божія“, суровыя мѣры, включая смертную казнь.

γ) *Третья группа.* Къ третьей группѣ принадлежатъ „слова“ 3-ье и 4-ое, въ которыхъ авторъ излагаетъ ученіе о сохраненіи священнаго преданія и церковныхъ обрядовъ.

Слово 3-ье. „Яко въсходя Господь на небеса, даде апостоламъ два завѣта — ветхій и новый; сіа же пріемше святіи апостоли. также по нихъ церковніи пастыріе и учители, иже вси духомъ божественнымъ наставляеми, ова убо оставиша, ова же узаконоположиша и предаша святѣй церкви; и сія вся церковнаа преданіа, писаннаа и неписанаа, узаконенаа намъ отъ святыхъ апостолъ и богоносныхъ отецъ нашихъ непреложно подобаетъ съблюдати“.

Это слово направлено противъ заволжскихъ старцевъ, признававшихъ за внѣшнимъ богопочитаніемъ второстепенное значеніе, и противъ жидовствующихъ, совершенно отрицавшихъ внѣшнее богопочитаніе.

Слово 4-ое. „Яко пріахомъ преданіа писаннаа и неписанная и да знаменуемъ лице свое крестообразно; и еже на въстокъ обращатися въ молитвахъ и зрѣти, сиеже и покланятися“.

Въ этомъ словѣ Даніилъ защищаетъ противъ жидовствующихъ важность и силу крестнаго знаменія вообще и въ то же время указываетъ правильный способъ употребленія крестнаго знаменія, именно двуперстіе. Въ доказательство правильности двуперстія Даніилъ ссылается на „Θеодоритово слово“ (кн. 1-ая, § 102), въ которомъ объ этомъ говорится слѣдующее: „Сице благословите рукою и креститися: три персты равно имѣти вкупѣ—большой да два послѣднихъ по образу Троическому“.

б) *Второй отдѣлъ.* Ко второму отдѣлу относятся прочія слова „Сборника“, въ которыхъ авторъ касается нравственности и быта современнаго ему общества, свѣтскаго и духовнаго. Въ нихъ авторъ доказываетъ возможность спасенія въ мірѣ (Слово 13-ое), утверждаетъ всеобщую обязательность исполненія всего христіанскаго закона (Слово 12-ое), вооружается противъ разводовъ (Слова — 14-ое, 15-ое и 16-ое), которыхъ многіе, по примѣру великаго князя, стали добиваться,

порицаетъ пересуды, ябедничество и доносы (Слова — 9-ое и 10-ое), высказывается противъ вражды (Слово 2-ое).

Особенно интересны тѣ слова Даніила, въ которыхъ изображаются слабость въ высшемъ обществѣ благочестія, страсть къ щегольству, пиршества.

Изобразивъ роскошную обстановку боярина, Даніилъ порицаетъ его за равнодушное отношеніе къ вѣрѣ: „Егда бо слышиши прочитаемо божественое писаніе, или кого глаголющаго отъ божественыхъ писаній, замыкаеши, яко аспидъ, уши своа, помраченъ сый прелестію сатаны. И егда услышиши събирающихся въ божественую церковь на молитвы и моленіа, отбѣгаеши, яко звѣрь, и пронырствуеши, яко змій, и лаеши на братію, яко песъ, и валяешися въ нечистотѣ, яко свиніа въ тимѣніи (тинѣ), и блаженую совѣтницу твою, глаголю же совѣсть, совѣщевающую и глаголющую ти благая, попралъ еси и отринулъ и испепелилъ: объядаешися и піанствуеши, яко скотъ, и злопамятствуеши на братію, яко сатана. И егда срама ради внидеши въ божественую церковь, и не вѣси, почто пришелъ еси, позевая и протязаяся и ногу на ногу поставляеши и бедру въставляеши и потрясаеши и кривляешися, яко похабный. О умѣ же твоемъ что и глаголати! Ничто же бо обрѣсти въ тебѣ: ни памяти грѣховъ, ни памяти смерти и еже по смерти, ни памяти страшнаго суда, ни памяти о нестерпимыхъ безконечныхъ мукахъ; и еже о царствіи небеснѣмъ и о раю не токмо желаеши, ни въспоминаеши, но и отъ глаголющихъ о сихъ отступаеши и стоиши, яко нечювственъ, не слушаа ни чтущихъ, ни поющихъ; считаеши лихвы, богатство, управляеши домы, глаголеши о женѣ, о дѣтехъ, о рабѣхъ и превъзношаешися, яко другый сатана; вся же человѣкы безумны и грѣшны глаголеши и мнишися вѣчно жити въ прелестнѣмъ семъ вѣцѣ, яко безсмертенъ, и зломыслиши и ненавидиши, завидиши и лукавнуеши на иже по образу Божію созданыа человѣкы и осужаеши и клевещеши и иная многаа злаа съдѣваеши, нарицаешися христіанинъ, и аще въ сихъ не исправишися, не вѣмъ, како истинный христіанинъ наречешися“.

Отмѣтивъ отсутствіе благочестія, Даніилъ обрушивается на страсть аристократа къ щегольству. Онъ спрашиваетъ его, для чего онъ носитъ „червленые“ и весьма малые сапоги, такъ что ему приходится терпѣть „великую нужду отъ тѣсноты“,

зачѣмъ онъ не только снимаетъ бритвою волосы, но еще исторгаетъ ихъ щипцами съ корнемъ; какая нужда ему сверхъ мѣры умываться и натираться, носить сапоги, шитые шелкомъ, носить золотые и серебряные перстни. „И сихъ ради всѣхъ— говоритъ Даніилъ, — многихъ доходовъ взыскуемъ, и аще ти не достанетъ что, якоже обыклъ еси отъ безумія твоего многа расхода имѣти, крадеши, насильствуеши, грабиши, ябедничествуеши, заимаваеши и, неимѣя чѣмъ отдати, бѣгаеши, запираешися, клятвопреступаеши и иная безчисленная злая содѣваеши“.

Наряду съ щегольствомъ Даніилъ изображаетъ роль поварни и пиршествъ въ жизни аристократа, „точію нынѣшнюю нашу жизнь содержатъ брашна и питія“, и громадные расходы на нихъ, лѣнь аристократа и его бѣгство отъ „рукодѣлія“. „Вчера и днесь,—говоритъ Даніилъ,—повари въ поварню стекаются и сію украшаютъ и свиты (одежды) измѣняютъ и руцѣ простираютъ и лысты (ноги) укрѣпляютъ и ножи острятъ и дрова накладаютъ и огонь вжигаютъ и котлы наставляютъ и сковрады и горньци (горшки) поставляютъ, къ насыщенію чрева пищу готовятъ, — и сими наслаждается и укрѣпляется тѣло и потомъ къ истлѣнію сводится, точію нынѣшнюю нашу жизнь содержатъ брашна и питія. И колико тщаніе и подвиги (труды) иматъ пища и питіе, коликоже сребра и злата на сіе исчезаетъ, и колики подвиги и потъ и труды и болѣзни пріемлютъ чреворабoтници...“ „Всякъ лѣнится учитися художеству,—говоритъ Даніилъ въ другомъ мѣстѣ,—вси бѣгаютъ рукодѣлія, вси щапятъ (щеголяютъ, предпочитаютъ) заниматься торгованіи, вси поношаютъ землядѣлателемъ“.

2) **Посланія Даніила.** Посланія Даніила, числомъ 18, написаны въ отвѣтъ на запросы отдѣльныхъ лицъ и касаются разныхъ нуждъ ихъ и нравственныхъ потребностей.

Сочиненія митр. Даніила имѣли большое значеніе въ исторіи русской литературы: нѣкоторыя мнѣнія Даніила (напр., о двуперстіи) оказали рѣшающее вліяніе на постановленія Стоглаваго собора (§ 235).

228. „Письмо о нелюбкахъ“. Враждебныя отношенія между іосифлянами и заволжскими старцами обратили на себя всеобщее вниманіе въ русскомъ обществѣ первой половины XVI в. Обѣ партіи иноковъ выдвинули изъ своей среды выдающихся подвижниковъ, дѣятелей и писателей, и это тѣмъ съ

большей силой возбуждало вопросъ объ истинныхъ причинахъ ихъ обоюдной вражды. Какъ бы въ отвѣтъ на этотъ вопросъ около половины XVI в. появилось „Письмо о нелюбкахъ“ (о враждебныхъ отношеніяхъ), принадлежащее перу неизвѣстнаго автора-іосифлянина. Въ немъ авторъ обстоятельно указываетъ основныя, съ іосифлянской точки зрѣнія, причины вражды между іосифлянами и заволжскими старцами.

Письмо начинается такъ: „Спросилъ мя еси, почему Кирилова монастыря старцы Іосифовыхъ старцовъ не любятъ? И азъ вкратцѣ реку ти, съ коихъ мѣстъ нелюбка межь ихъ“.

Въ лѣто 7012 (1503) при великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ и при Симонѣ митрополитѣ былъ соборъ о вдовьихъ попахъ и дьяконахъ. На соборѣ были, между прочимъ, старецъ Паисій Ярославовъ, „еже бысть пріемникъ великаго князя Василія отъ святыя купели“, и ученикъ его, старецъ Нилъ, „по реклу Майковъ“, бывшій на Святой горѣ. Великій князь держалъ обоихъ старцевъ „въ чести въ велицѣ“. Когда на соборѣ былъ рѣшенъ вопросъ о вдовыхъ попахъ и діаконахъ, „нача старецъ Нилъ глаголати, чтобы у монастырей селъ не было, а жили бы черньцы по пустынямъ, а кормили бы ся рукодѣліемъ“. Пустынники бѣлозерскіе поддержали предложеніе Нила. Услышавъ это, игуменъ Іосифъ „нача имъ вопреки глаголати“, приводя въ свидѣтельство преподобнаго Ѳеодосія, „общему житію начальника“, преподобнаго Аѳанасія Аѳонскаго, преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ и многихъ другихъ, монастыри которыхъ владѣли „селами“. Защищая монастырское землевладѣніе, Іосифъ говорилъ и слѣдующее: „Аще у монастырей селъ не будетъ, како честному и благородному человѣку постричися? И аще не будетъ честныхъ старцевъ, отколѣ взять на митрополію или архіепископа или епископа и на всякія честныя власти? А коли не будетъ честныхъ старцевъ и благородныхъ, ино вѣрѣ будетъ поколебаніе!“ Доводы Іосифа произвели впечатлѣніе на соборъ, и Божьими судьбами не стало по волѣ старца Нила и бѣлозерскихъ пустынниковъ. „То—первая нелюбка!“

По смерти Нила, ученикъ его, князь Вассіанъ Косой, началъ „вельми побораги по своемъ старцѣ Нилѣ, еже бы у монастырей не было селъ, и съ нимъ сташа иные старцы, съ

ними жъ святогорцы“ *). Это было при великомъ князѣ Васильѣ Ивановичѣ. „И не попусти сему быти“. „То—вторая нелюбка!“

Начали притворно каяться новгородскіе еретики. Старецъ князь Вассіанъ повѣрилъ имъ и „учалъ за нихъ печаловатися великому князю“, а съ нимъ стали печаловаться владыки и старцы **). Узнавъ объ этомъ, Іосифъ написалъ великому князю, чтобы онъ не вѣрилъ „лестному“ покаянію еретиковъ, а велѣлъ „ихъ держати неисходны отъ темницы, чтобы иныхъ людей не прельстили“. Князь послушался Іосифа, и бѣлозерскіе старцы стали за это укорять Іосифа великими укоризнами. „То—третья нелюбка!“

Въ тѣ же времена Іосифовы постриженники звенигородскій князь Діонисій ***) и Нилъ Полевъ ****) жили въ бѣлозерскихъ пустыняхъ недалеко отъ Кириллова монастыря. Однажды старецъ Діонисій посѣтилъ одного бѣлозерскаго пустынника и увидѣлъ „у него крестъ подъ постелью“. Свидѣтелемъ этого былъ и одинъ мірской священникъ, бывшій у пустынника вмѣстѣ съ Діонисіемъ. Въ другой разъ Діонисій съ тѣмъ же священникомъ посѣтилъ другого бѣлозерскаго пустынника: пустынникъ держалъ въ рукахъ книгу; въ кельѣ топилась печь; увидѣвъ Діонисія, пустынникъ швырнулъ книгу въ печь, и книга сгорѣла. „И ту великую ересь видѣлъ старецъ Діонисій да и священникъ“. Діонисій отправилъ къ Іосифу грамоту съ извѣщеніемъ, что онъ „у пустынниковъ видѣлъ ересь“. Іосифъ переслалъ грамоту своему брату, ростовскому архіепископу Вассіану (1506—1516) *****. Въ то время Вассіанъ находился въ Москвѣ. Получивъ грамоту, онъ показалъ ее князю Василію, а князь, ознакомившись съ ея содержаніемъ, показалъ ее старому князю Вассіану Косому и спросилъ его: „Добро ли чинятъ твои пустынники?“ Князь Вассіанъ отвѣтилъ князю, что грамота написана „лукавствомъ, а все сол-

*) Имѣется въ виду Максимъ Грекъ.

**) Авторъ намекаетъ на „Посланіе заволжскихъ старцевъ“ противъ Іосифа (§ 225).

***) Діонисій былъ потомокъ литовскаго выходца, звенигородскаго князя Александра.

****) Нилъ Полевъ—потомокъ смоленскихъ князей, которые, лишившись своего княжества при Василіи, эмигрировали въ Москву.

*****) Кирилло-Бѣлозерскій монастырь находился въ Ростовской епархіи.

гано". Пригласили священника-свидѣтеля и подвергли его допросу. Священникъ подтвердилъ все, что было сообщено въ въ грамотѣ. Князь Вассіанъ просилъ подвергнуть попа пыткѣ. Попа пытали, изломали ему ногу, и попъ умеръ подъ пыткой, а своего показанія не перемѣнилъ. Великій князь „ополѣлся" (положилъ опалу) на Діонисія и Нила Полева, говоря: „сами де межь собя бранятся, и меня грѣха доставили" (ввели въ грѣхъ), и велѣлъ взять Діонисія и Нила въ Кирилловъ монастырь, а пустыни ихъ сжечь. „То—послѣдняя вражда и до сѣхъ мѣстъ!"

Въ Кирилловскомъ монастырѣ Діонисій и Нилъ „въ велицѣй нужи многи скорби претерпѣша". Нилъ вспомнилъ, что онъ ушелъ въ пустынь безъ благословенія Іосифа и сталъ каяться, призывая въ молитвѣ Іосифа. Успокоившись, Нилъ уснулъ. Во снѣ Нилъ увидѣлъ себя въ монастырѣ Іосифа въ его кельѣ. Нилъ палъ на колѣни и сталъ просить у Іосифа прощенія. Іосифъ покрылъ его своею мантіей и сказалъ ему: „Богъ тя проститъ". Проснувшись, Нилъ испыталъ большую радость. „Въ малѣ времени" великій князь велѣлъ Діонисію и Нилу ѣхать въ Іосифовъ монастырь.

Старецъ князь Вассіанъ „враждовалъ много на Іосифа и монастырь его, хотя разорити". Божьими судьбами „по малѣ времени ополѣлся" на князя Вассіана великій князь и послалъ его въ Іосифовъ монастырь. Въ этомъ монастырѣ Вассіанъ „преставился" и былъ погребенъ.

„О искони злоначальный врагъ роду человѣческому!"— восклицаетъ въ заключеніи авторъ письма: „Іосифъ все благочиніе и благоговѣйнство снималъ съ Кириллова монастыря. И се нынѣ діаволъ мнѣніемъ не смирну вражду положи межъ такихъ свѣтилъ. Во истину сбыстся, якожь святіи отци рекоша, яко мнѣніе — второе паденіе. И паки рекоша: всѣмъ страстемъ мати—мнѣніе".

Такимъ образомъ, по мнѣнію іосифлянина, автора письма, основная причина вражды между заволжскими старцами и іосифлянами заключалась въ различіи отношеній къ монастырскому землевладѣнію.

Теорія третьяго Рима.

229. Старецъ Филоѳей и теорія третьяго Рима. Идея о московскомъ боговѣнчанномъ царѣ, которую вырабатывали у насъ такіе иностранные писатели, какъ Пахомій Логоѳетъ (§§ 165—166), мало-по-малу стала распространяться въ русскомъ обществѣ. Московскіе князья относились къ ней благосклонно, такъ какъ ея распространеніе содѣйствовало возвышенію ихъ власти. Женитьба Іоанна III на Софьѣ Палеологъ, племянницѣ послѣдняго византійскаго императора, придавала этой идеѣ большой вѣсъ въ глазахъ и московскихъ князей, и значительной части московскаго общества. Особенно живой откликъ идея о московскомъ царѣ нашла среди русскаго дворянства. Оно выдвигаетъ изъ своей среды цѣлый рядъ лицъ, которыя развиваютъ дальше идею Пахомія Логоѳета. Къ числу такихъ лицъ относится старецъ Елеазарова монастыря (§ 102) Филоѳей.

О личности старца Филоѳея мы имѣемъ очень скудныя данныя. Сопоставляя намеки и свѣдѣнія, разсѣянныя въ сочиненіяхъ самого Филоѳея и другихъ авторовъ, можно придти къ слѣдующимъ выводамъ. Филоѳей родился около половины XV в., жилъ и развивался въ провинціи, вѣроятно, гдѣ-нибудь около Пскова, гдѣ получилъ доступное для провинціи образованіе. „Я,—говоритъ Филоѳей въ одномъ посланіи къ Мунехину,—человѣкъ сельской и невѣжа въ премудрости, не во Аѳинехъ родился, ни у мудрыхъ ѳилосоѳ учился, ни с ѳилософы в бесѣде не бывал: учился есмь книгамъ благодатнаго закона, чимъ бы моя грѣшная душа спасти і избавитися вѣчнаго мучения“. Филоѳей былъ также, вѣроятно, игуменомъ Елеазарова монастыря, писалъ свои труды въ княженіе Василія III и въ началѣ царствованія Ивана Грознаго.

На выработку воззрѣній старца Филоѳея рѣшающее вліяніе оказала ночь съ 24-го на 25-ое марта 1492 г. Если,—разсуждали такіе писатели, какъ Филоѳей,—не произошло предсказанной кончины міра, то значитъ ни флорентійскую унію, ни паденіе Константинополя нельзя было толковать, какъ признаки приближавшейся кончины міра. Флорентійская унія показываетъ совсѣмъ другое, а именно: у грековъ испортилась истинная вѣра, и за это Господь предалъ ихъ царство въ руки

невѣрныхъ. Обращаясь къ исторіи Москвы, русскіе мыслители находили факты, прямо противоположные: русскіе не согласились на унію; въ 1480 г. Москва избавилась отъ татарскаго ига; это—награда отъ Бога за сохраненіе вѣрности религіи отцовъ. Слѣдовательно, истинное благочестіе, находившееся сначала въ Римѣ, потомъ перешедшее въ Константинополь—второй Римъ, водворилось, наконецъ, въ Москвѣ: Москва—третій Римъ. Таково было умозаключеніе Филоѳея, изложенное имъ въ посланіяхъ къ государеву псковскому дьяку Михаилу Мунехину, къ Василію III и къ Іоанну Грозному.

Посланіе къ Мунехину (въ 20-хъ гг. XVI в.) написано по слѣдующему поводу. Николай Нѣмчинъ (Булевъ), иностранецъ-врачъ Василія III, на основаніи астрологическихъ наблюденій, предсказалъ на 1524 г. великое „премѣненіе“ на землѣ, солнцѣ, лунѣ и во всемъ вообще мірѣ. Филоѳей опровергаетъ это предсказаніе. Всякая тварь,—говоритъ онъ,—обновляется и обращается не подъ вліяніемъ расположенія звѣздъ, а Духомъ Св. Звѣзды и планеты лишены чувства и жизни; онѣ не двигаются сами собою, а передвигаются съ мѣста на мѣсто невидимыми ангельскими силами. Толки о вліяніи звѣздъ и планетъ на жизнь людей—„кощуны“ и „басни“. Перемѣны въ странахъ и царствахъ также зависятъ не отъ звѣздъ, а отъ Бога: за благочестіе Богъ возвышаетъ страны и царства, а за грѣхи предаетъ ихъ на разореніе; такъ, 90 лѣтъ тому назадъ предалъ Богъ царство Греческое за отпаденіе въ латинство. Латиняне—еретики, своею волею отпавшіе отъ православія черезъ опрѣсночное служеніе; если стѣны Рима еще не плѣнены, то плѣнены души латинянъ діаволомъ. Во всей поднебесной теперь одно только православное царство—московское; московскій государь—единый царь христіанъ и „браздодержатель“ святыхъ Божіихъ престоловъ вселенской церкви. Всѣ христіанскія царства „преидоша въ конецъ и снидошася во едино царство нашего государя“: „два убо Рима (т.-е. Римъ и Константинополь) падоша, а третій (т.-е. Москва) стоитъ, а четвертому не быти“. Всѣ христіанскія царства „потопишася отъ невѣрныхъ“; только царство нашего государя, благодатію Христовою, стоитъ.

Въ посланіи къ Василію III Филоѳей излагаетъ ту же теорію о преемствѣ Москвы Риму и Византіи. Старый Римъ,—говоритъ онъ,—палъ отъ Аполлинаріевой ереси; второй Римъ,

градъ Константина, палъ отъ внуковъ Агари. Теперь же соборная апостольская церковь новаго третьяго Рима, московскаго царства, паче солнца свѣтится во всей поднебесной.

Такимъ образомъ, по теоріи старца Филоѳея, Москва является богоизбранной преемницей Рима и Византіи и послѣднимъ государствомъ на землѣ.

Теорія самодержавно-бюрократическаго государства на военной основѣ.

230. Иванъ Пересвѣтовъ и его сочиненія. Ивашка Семеновъ сынъ Пересвѣтовъ, замѣчательнѣйшій писатель средины XVI в., былъ дворянинъ, выходецъ изъ Юго-западной Руси. Онъ служилъ „дворянскую службу“ у трехъ королей— польскаго, венгерскаго и чешскаго. Нѣкоторое время онъ пробылъ, послѣ отъѣзда изъ Венгріи, у волошскаго (румынскаго) воеводы Петра. Около 1538 г. Пересвѣтовъ пріѣхалъ въ Москву, куда привезъ образецъ щита. Образецъ былъ одобренъ. Пересвѣтовъ былъ принятъ на службу и пожалованъ помѣстьемъ. Здѣсь Пересвѣтову пришлось на себѣ испытать силу московскаго боярства: его притѣсняли и помѣстье его „нарядили пусто“; капиталъ, который онъ скопилъ службой въ трехъ королевствахъ, ушелъ на судебныя тяжбы. Эти обстоятельства принудили Пересвѣтова прибѣгнуть къ перу. Пересвѣтовъ написалъ между 1546 — 1549 гг. нѣсколько сочиненій, въ которыхъ онъ рѣзко нападаетъ на боярство и ясно излагаетъ теорію самодержавно-бюрократическаго государства, опирающагося на преданномъ, храбромъ войскѣ. Свои сочиненія онъ передалъ Ивану Грозному. Изъ этихъ сочиненій главными являются слѣдующія: 1) „Челобитная первая“, 2) „Сказаніе о царѣ Константинѣ“, 3) „Сказаніе о Магметѣ-салтанѣ“, 4) „Челобитная вторая“ и 5) „Сказаніе о Петрѣ, Волосскомъ воеводѣ“.

1) „Челобитная первая“. „Челобитная первая“ Пересвѣтова носитъ чисто дѣловой характеръ: она важна тѣми біографическими свѣдѣніями, которыя авторъ сообщаетъ о себѣ.

„Государю благовѣрному великому царю і великому князю Івану Васильевичю всеа Русіи бьет челом холоп твой государевъ Івашко Семеновъ сынъ Пересвѣтова, чтобы еси, госу-

дарь, пожаловалъ холопа своего, велѣл службишка посмотрити". Такъ начинается челобитная. Далѣе авторъ излагаетъ свое дѣло. Выѣхавъ въ Москву, Пересвѣтовъ вывезъ „образецъ" своей службы — модель гусарскаго щита. Государь одобрилъ образецъ и, „приказавъ" Пересвѣтова боярину Михаилу Юрьевичу, сдѣлалъ ему заказъ на щиты: „Дѣлати было мнѣ, государь, щиты гусарскіе добраго мужа косые сажени с клеем і с кожею, с сырицею, с красками і рожны желѣзными; а тѣ щиты, государь, с македонскаго образца. А дѣлати ихъ в ветляномъ древѣ лехко добрѣ і крѣпко: один человѣкъ с щытомъ, гдѣ хочетъ, туды течетъ і на конѣ мчитъ; і в поли тѣ щиты за города мѣсто: стрѣлами з ближные примѣты нейметъ, а пищал и з далные примѣты нейметъ же ручная; із за тѣхъ щитов в поле с недругом добро битися огненою стрѣлбою ис пищалей і изъ затинныхъ („затинная пищаль"— длинное крѣпостное орудіе, устанавливаемое за „тыномъ", за крѣпостной стѣной), какъ з города". Михаилъ Юрьевичъ, покровитель Пересвѣтова, вскорѣ преставился, и служба его „задлялася" (замѣшкалась). „Какъ тебѣ, государю,—спрашиваетъ Пересвѣтовъ,—надобѣть ли службишко мое? А выѣзду моему, государь, одиннатцат лѣтъ. А яз тебя, государя благовѣрнаго царя, доступити не могу; а яз тебе государю, говорю не собя для, твоего для царьскаго мудраго воиньства, чтобы моя служба не замерла за мною; а тебѣ то, государь, въскорѣ надобѣ на недруги твои. А велѣлъ бы еси, государь, дѣлати щиты на триста человѣкъ, да велѣл бы еси, государь, на триста коней юнадцкихъ дѣлати щиты же, которые горазди играти смертною игрою противъ недруга за вѣру християнскую і за тебя, государя великаго царя". Пересвѣтовъ вспоминаетъ свою богатую службу въ иныхъ земляхъ: съ разрѣшенія польскаго короля, онъ въ отрядѣ изъ 300 королевскихъ дворянъ служилъ три года „у угорскаго короля у Януша, на Бузынѣ градѣ службу дворянскую на 6 коней" и на каждаго коня получалъ „по 7 золотыхъ на 12 недѣль"; три года подъ начальствомъ Андрея Точинскаго, старосты Бельзскаго, онъ служилъ въ отрядѣ изъ 500 дворянъ у чешскаго короля Ѳордынпала дворянскую службу на 7 коней и получалъ „на всякій конь по 7 золотыхъ на 12 недѣль". Скопивъ себѣ „собинки" (состоянія) „гораздно", Пересвѣтовъ покинулъ свою дворянскую службу тамъ и выѣхалъ въ Москву: „Слышалъ

отъ многихъ мудрецовъ, — говоритъ Пересвѣтовъ, — что быти тебѣ, государю, великому царю по небесному знаменію". Государь пожаловалъ его царскимъ жалованіемъ-помѣстьемъ. Но здѣсь плохо пришлось Пересвѣтову отъ сильныхъ людей. „И твое государево жалованіе-помѣстье,—говоритъ авторъ,—отъ великихъ людей отъ обидъ нарядили пусто, а язъ тебя, государя благовѣрнаго, доступити не могу пожаловатися на нихъ; да и собинку есми государь, істерял, что вывезъ с собою іс королевствъ, в моих, государь, обидахъ і в волокитѣ все пропало. А службы твои государевы всякіе служу, съ Москвы на службу, а с службы к Москвѣ, а в помѣстье, в твоем, государь, жалованіи, не дадут пожити ни часу недрузи: нас, государь, приѣзжихъ людей, не любят. А нынѣ, государь, от обидъ і от волокиты наг і босъ и пѣшъ". Тремъ королямъ служилъ, — жалуется Пересвѣтовъ, — а такой обиды ни въ одномъ королевствѣ не видалъ. „Умилосердися, — обращается Пересвѣтовъ къ царю,—обыщи своим царьскимъ обыскомъ і оборони от насилства силнихъ людей, чтобы холопъ твой государевъ до конца не загибъ і службы твоей царской не отстал".

2) **„Сказаніе о царѣ Константинѣ"**. Сказаніе о царѣ Константинѣ аллегорически изображаетъ правленіе московскаго боярства около 1546 г., когда Иванъ Грозный былъ еще юнъ.

При благовѣрномъ царѣ Константинѣ Ивановичѣ былъ взятъ Константинополь турецкимъ царемъ Магметомъ. Случилось это „гордости ради и неправды" вельможъ Константина.

О Константинѣ пишутъ, что онъ родился воиномъ, „от его же меча вся подсолнечная не могла сохранитися, а в нем, благовѣрном цари, была ангельская сила". Когда отецъ Константина умеръ, ему было три года. За него стали править государствомъ вельможи, которые „измытарили" царство. Они наполнили свои казны богатствами „от бѣдъ, от слезъ і от кровей роду христіянского, неправедными суды своими, емлючи посулы со обоихъ странъ (сторонъ), с праваго і с виноватаго". Царская казна оскудѣла.

Наполнивъ свои казны великимъ богатствомъ, вельможи вспомнили предсказаніе о томъ, что Константинъ будетъ великимъ воиномъ. Они стали разсуждать: „Аще царя не укротим от воиньства, ї наше богатство будетъ съ иными весе-

литися (т.-е. достанется другимъ), а нам с коня не бывати (т.-е. будемъ постоянно въ походахъ), дому своего не видати". Они рѣшили „книги написати от Бога с великою клятвою, что не достоит царю христіянскому на иноплеменники ходити воевати; достоит ему от находу (нападенія) боронитися". Ради своего „упокою" вельможи написали такъ: „Есть ли царь христіанскій отведетъ воя своя на иноплеменники і тамо кровь проліетъ, і та кровь на нем взыщется". Богатый, — замѣчаетъ авторъ,—„николи же воинствы не думаетъ, мыслит о смиреніи і о кротости. Царь кротокъ і смирен на царствѣ своемъ,—і царство его оскудѣетъ, і слава его низится. Царь на царствѣ грозенъ и мудръ, — царство его ширѣетъ, і имя его славно по всѣм землям".

Когда наступило время „на конь воиньскій всѣсти и мечь свой въ руки взяти", Константинъ созвалъ вельможъ и сообщилъ имъ о своемъ намѣреніи. А вельможи его, „лѣнивые богатины", и не думали о войнахъ. Они показали царю книги съ великою клятвою отъ Бога. Царь прочелъ и „укротѣлъ".

И „по малѣ времени Магмет-салтан, царь турецкій, с силою с великою по суху и по морю пріиде подъ Царьградъ".

3) **„Сказаніе о Магметъ-салтанѣ".** Въ образѣ Константина, послѣдняго греческаго царя, Пересвѣтовъ изобразилъ „укрощеннаго" вельможами царя, приведшаго свое царство къ гибели. Въ „Сказаніи о Магметъ-салтанѣ" авторъ въ образѣ Магомета II, завоевателя Константинополя, изображаетъ мудраго и грознаго самодержца.

Взявъ Константинополь, Магметъ-салтанъ велѣлъ собрать всѣ греческія христіанскія книги и перевести ихъ на турецкій языкъ, чтобы потомъ книги на греческомъ языкѣ сжечь. Константинопольскій патріархъ Анастасій, узнавъ о намѣреніи Магмета сжечь греческія книги, обратился къ Богу съ молитвой, въ которой жаловался на „поруганіе отъ агарянъ, отъ безбожныхъ турковъ" и спрашивалъ, неужели это поруганіе совершается по Его волѣ. Въ отвѣтъ на эту молитву Богъ сказалъ, что Онъ напустилъ на грековъ не вѣчный огонь, какъ на Содомъ и Гоморру, а турокъ. Если поруганіе турокъ причиняетъ великую кручину сердцу патріарха, то беззаконіе грековъ Богу—„грузчая того" (еще тяжелѣе).

Богъ явился Магмету во снѣ и велѣлъ ему вернуть гре-

ческія книги патріарху. Получивъ книги, патріархъ поблагодарилъ Бога и сталъ просить Его обратить турокъ къ вѣрѣ христіанской. На Магмета нашло „великое сумнѣніе“ и сталъ онъ жить по правиламъ христіанской вѣры.

Магметъ былъ очень мудръ по турецкимъ книгамъ. Ознакомившись съ христіанскими книгами, онъ сталъ еще мудрѣе. Исторія Константина и судьба его царства побудили Магмета предпринять рядъ преобразованій въ своемъ государствѣ, чтобы ввести въ немъ правду. Магметъ отмѣнилъ прежде всего „намѣстничество“ („кормленіе“ бояръ), велѣлъ доходы со всего царства собирать въ казну, а вельможамъ назначилъ опредѣленное жалованье. Затѣмъ Магметъ ввелъ правильный судъ. Онъ разослалъ по городамъ вѣрныхъ пашей-судей на жалованіи, а судебныя пошлины велѣлъ брать въ казну, чтобы судьи „не искушалися“. Нѣкоторое время спустя Магметъ „обыскалъ“ своихъ судей, какъ они судятъ. Судей, которые судили „по посуламъ“, онъ строго наказалъ: съ нихъ содрали кожу, кожи набили бумагой и прибили ихъ къ „судебнямъ“ съ такою надписью: „Без таковыя грозы правды въ царство не мочно ввести. Правда въвести царю въ царство свое, іно любимаго не пощадити, нашедши виноватаго. Какъ кôнь под царемъ без узды, так царство без грозы“. Магметъ ввелъ во всемъ своемъ царствѣ „полатный судъ“, „безъ противня“ (безъ судебной пошлины), а своимъ судьямъ выдалъ „книги судебныя, по чему имъ винити и правити“. Создавъ новое управленіе и новый судъ, Магметъ упразднилъ рабство. „Въ котором царствѣ люди порабощены, — говорилъ Магметъ,—і в том царствѣ люди не храбры і въ бою против недруга не смѣлы. Порабощеный бо человѣкъ срама не боится, а чести себѣ не добывает, хотя силенъ іли не силен, и речет такъ: однако, есми холоп, іного мнѣ имени не прибудетъ“. Наконецъ, Магметъ позаботился о созданіи хорошаго войска. Мудрый царь силенъ и славенъ войскомъ. Чтобы царство „не оскудѣло“, войско Магмета — всегда наготовѣ: воины съ коня „не ссѣдаютъ“, оружія изъ рукъ „не испущаютъ“. Около себя Магметъ держитъ 40.000 „янычанъ“, которымъ платитъ жалованіе на всякій день. Онъ держитъ ихъ около себя, „чтобы его недругъ въ его земли не явился і измѣны бы не учинил“. Магметъ приказываетъ вельможамъ и пашамъ служить въ войскѣ и идти на врага въ первыхъ рядахъ. Кто изъ

вельможъ не желаетъ „умрети на игрѣ смертной честно с недругом“, тотъ подвергается казни. Всего войска у Магмета 300.000.

Магметъ не обращалъ вниманія на знатность и незнатность. „Братіе,—говорилъ Магметъ,—всѣ есмя дѣти Адамовы; кто у меня вѣрно служитъ і против недруга люто стоит, тот у меня и лутчей будетъ“. Свои слова Магметъ осуществлялъ на дѣлѣ: „А кто у царя противъ недруга крѣпко стоит, играетъ смертною ігрою, полки недруга разрываетъ, вѣрно служитъ, хотя от меншаго колѣна, і онъ его на величество поднимаетъ, і имя ему велико даваетъ, и жалованія ему много прибавливаетъ, ростит сердце воинникомъ своимъ“.

Свою мудрость и правду Магметъ почерпнулъ изъ христіанскихъ книгъ. А греки потеряли правду во всемъ и ослабѣли и дали христіанскую вѣру на поруганіе невѣрнымъ. Нынѣ греки въ спорахъ съ латинянами хвалятся вольнымъ царствомъ благовѣрнаго русскаго царя, Ивана Васильевича, гдѣ проявляются великое Божіе милосердіе, знаменія Божія и святые новые чудотворцы (намекъ на канонизацію святыхъ). Латиняне, соглашаясь съ тѣмъ, что въ русскомъ царствѣ есть истинная вѣра, отвѣчаютъ грекамъ, что, если бы присоединилась „к той истинной вѣрѣ христіанской да правда турецкая, іно бы съ ними (русскими) ангели бесѣдовали; а к той бы правдѣ турецкой да вѣра христіянская, іно бы с ними (турками) ангели же бесѣдовали“.

4) **„Челобитная вторая“**. Въ предыдущихъ двухъ сочиненіяхъ Пересвѣтовъ разбираетъ боярское правленіе и излагаетъ свою общественно-политическую программу аллегорически, пользуясь для этого образами Константина и Магмета. Въ „Челобитной второй“ онъ уже прямо разсматриваетъ русскіе порядки, критикуетъ ихъ и даетъ Ивану Грозному совѣты устами Петра, волошскаго воеводы.

„Челобитная вторая“ начинается со вступленія, въ которомъ высказывается такая мысль: царь, у котораго отнята прирожденная воинская мудрость и на котораго нашла великая кротость, т.-е. „уловленіе отъ враговъ“, не будетъ заботиться о воинствѣ и объ управѣ въ своемъ царствѣ; онъ будетъ веселиться вмѣстѣ съ тѣми, которые ворожбой и „многими прелестными путьми“ разжигаютъ ему сердце.

Авторъ „бьетъ челомъ“ царю и сообщаетъ, что его „хо-

лопъ Ивашко Пересвѣтовъ“ былъ у Петра, волошскаго воеводы, ученаго философа и мудраго доктора и слышалъ отъ него мудрыя рѣчи. У Петра служилъ москвитинъ, Васька Мерцаловъ. Петръ спрашивалъ Ваську про московское царство, и Васька сказалъ: „Вѣра, государь, христіянская добра, всѣмъ сполна, і красота церковная велика, а правды нѣтъ“. Петръ заплакалъ и сказалъ: „Коли правды нѣтъ, то всего нѣтъ“.

Петръ говорилъ про русское царство, что „вельможи русскаго царя сами богатѣютъ и лѣнивѣютъ, а царство его оскужаютъ, і тѣм они слуги ему называются, что цвѣтно і конно, і людно выѣзжаютъ на службу его, а крѣпко за вѣру християнскую не стоятъ і люто противъ недруга смертной ігрою не играютъ, тѣм Богу лжутъ і государю“. Мудрые философы не одобряютъ, если къ царю приближаются вельможи „не отъ воинскія выслуги“: про такихъ они говорятъ, что это — „чародѣи“ и „ересники“: „у царя счастіе отнимают і мудрость царьскую и къ себѣ царьское сердце зажигаютъ ересію і чародѣйством и воиньство кротятъ“. Такихъ,—говоритъ Петръ,—„подобаетъ огнемъ женци і иные лютые смерти имъ давати, чтобы зла не множилос“. Петръ напоминаетъ печальную участь греческаго царства и указываетъ на то, какъ Магметъ-салтанъ, узнавъ, по какой причинѣ погибъ Константинъ, ввелъ въ своемъ царствѣ правду, какъ онъ отнялъ у бояръ намѣстничество, ввелъ строгій судъ, завелъ воинство, освободилъ рабовъ, опредѣлилъ жалованье и т. д. Петръ удивляется, какъ Иванъ Грозный можетъ терпѣть „великія досады“ отъ своего недруга, казанскаго царя. Онъ напоминаетъ, что когда-то турецкіе цари платили дань греческимъ царямъ, а Магметъ взялъ Царьградъ и „потребилъ“ Константина. Такому государю, какъ Иванъ, слѣдовало бы, по мнѣнію Петра, держать на южной границѣ противъ крымскаго царя 20.000 храбрыхъ „юнаковъ“ съ огненною стрѣльбою.

Петръ нашелъ въ своихъ мудрыхъ книгахъ знаменіе про Ивана, что будетъ въ его царствѣ великая мудрость, правда и гроза неправеднымъ судьямъ. Только бы, молился Петръ за Ивана, — Богъ спасъ Ивана отъ „ловленія“ его вельможъ, „іно таковаго царя под всею подсолнечною не будетъ, мудраго воина і счастливаго к воиньству і введетъ въ царство свое великую правду, і зато ему Господь Богъ многіе царства покоритъ“.

5) **„Сказаніе о Петрѣ, Волосскомъ воеводѣ“.** „Сказаніе о Петрѣ, Волосскомъ воеводѣ, какъ писалъ похвалу благовѣрному царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Русіи“, близко по содержанію къ „Челобитной второй“. Рѣчи Петра, въ общемъ, тѣ же, что и въ „Челобитной“, но есть между ними и различія. Такъ, въ „Челобитной“ Петръ опредѣленно и настойчиво совѣтуетъ Ивану завоевать Казань; въ „Сказаніи“ Петръ о Казанскомъ царствѣ говоритъ только одно, что это — „пущіе недруги“ московскому царю. Въ „Челобитной“ Петръ говоритъ, что, если въ Московскомъ царствѣ нѣтъ правды, то всего нѣтъ, „і въ которомъ царствѣ правда, в том і Богъ пребываетъ і помощь свою святую велику даваетъ, и гнѣвъ Божій не воздвигается на то царство. Правды силніе (сильнѣе) въ божественемъ писаніи нѣсть. Правда Богу—сердечная радость, а царю—великая мудрость і сила“; въ „Сказаніи“ эта рѣчь Петра не отличается такою рѣзкостью: „Аще въ Московскомъ государствѣ и правды нѣтъ, а ко Христу вѣра есть у царя и святителей и у православныхъ крестьянъ, и просятъ у Христа милости царства своего о устроеніи и о укрѣпленіи христолюбиваго воинства и на враги о побѣдѣ и о мирѣ и о тишинѣ, то такимъ великимъ царствомъ у Христа милость свою вѣрою упросятъ... И въ которомъ царствѣ вѣра и правда, ту есть Богъ пребываетъ вѣчно“. Въ „Челобитной“ Петръ говоритъ: „Не вѣру Богъ любитъ, но правду. Истинная правда—Христос Богъ нашъ...“ и т. д.; въ „Сказаніи“ эта часть въ рѣчи Петра опущена.

Всѣ эти различія сводятся къ одному: рѣчи „Челобитной“ опредѣленнѣе и рѣзче по тону, нежели тѣ же рѣчи въ „Сказаніи“. Повидимому, „Сказаніе“ было написано раньше „Челобитной“ и является какъ бы первой редакціей послѣдняго. Возможно также, что „Сказаніе“ подверглось впослѣдствіи измѣненіямъ со стороны переписчиковъ.

231. Комментаріи къ сочиненіямъ Пересвѣтова. Услышавъ „про мудрое и счастливое воинство“ Ивана Грознаго, Пересвѣтовъ оставилъ „королевския службы богатыя“ и пріѣхалъ въ Москву. Онъ надѣялся, что здѣсь ему удастся увеличить ту „собинку“, которую нажилъ дворянскою службою въ западныхъ королевствахъ. Пересвѣтовъ жестоко ошибся: „великіе люди“ ни часу спокойнаго не дали пожить Пересвѣтову въ его жалованьѣ-помѣстьѣ; они „отъ обидъ нарядили

пусто“ его помѣстье, а его самого довели до того, что онъ „въ обидахъ и въ волокитѣ“ потерялъ свою „собинку“, и теперь онъ—„босъ и пѣшъ“. Пересвѣтову на себѣ самомъ пришлось испытать великую общественно-политическую силу московскаго боярства,—и онъ сдѣлался ярымъ врагомъ боярства.

Въ сочиненіяхъ Пересвѣтова интересны характеристика бояръ и боярскаго управленія и общественно-политическій идеалъ автора.

1) **Характеристика бояръ.** Бояре, — доказываетъ Пересвѣтовъ, — виновники бѣдствій въ государствѣ. Изъ-за нихъ погибло греческое царство. Бояре греческіе ни во что ставили крестное цѣлованіе, измѣняли, „измытарили“ царство, богатѣли отъ неправеднаго суда, беря „посулы“ съ праваго и виноватаго; они облѣнились крѣпко стоять за христіанскую вѣру и укротили царя отъ воинства ворожбой и чародѣйствомъ. „Воинники“ оскудѣли и обнищали; зато „мытари“, слуги бояръ, разбогатѣли: собирая царскую казну, они давали въ казну десять рублей, а себѣ брали сто и дѣлились съ тѣми, кто ихъ посылалъ. Бояре думали только о собственномъ обогащеніи: они „другъ о друзѣ печаловалис царю Констянтину о кормленіяхъ і о городех і о намѣстничествѣ, яко гладныя псы, хистяся (собираясь) на кровь і на слезы рода христіянского“. Они дошли до того, что выкапывали новопогребенныхъ мертвецовъ и, исколовъ ихъ рогатиной или изсѣкши саблей и размазавъ кровью, подкидывали въ домъ богатаго человѣка, выставляли ябедника, обвиняли богача въ убійствѣ, осуждали его и овладѣвали его подворьемъ и богатствомъ. Все царство „заложилося за вельможъ“. Тогда Богъ разгнѣвался на неправды и злодѣянія греческихъ бояръ,—и царство греческое пало.

Таковы и русскіе бояре. Они крестъ цѣлуютъ, а потомъ измѣняютъ, сами богатѣютъ, а царство „оскужаютъ“. Русскіе бояре потому только называются слугами царю, что „цвѣтно і конно і людно выѣзжаютъ на службу его“. Въ дѣйствительности они — плохіе слуги: за вѣру христіанскую крѣпко не стоятъ „і люто противъ недруга смертною ігрою не играютъ“. Получая отъ царя города и волости для „кормленія“, бояре богатѣютъ, „лѣнивѣютъ“, отвыкаютъ отъ ратнаго дѣла, боятся смерти и потому стараются ворожбой и чародѣйствомъ „уловить“ царя и „укротить отъ воинства“. Русскіе бояре,—предостерегаетъ Пересвѣтовъ Ивана Грознаго,—идутъ по тому же

пути, по которому шли бояре греческіе. Мудрые философы говорятъ, что тѣ бояре, которые приближаются къ царю не по воинскимъ заслугамъ и не по иной какой либо подобной мудрости, — „чародѣи“ и „ересники“: они отнимаютъ у царя царскую мудрость и зажигаютъ его сердце ересью и чародѣйствомъ и „воиньство кротятъ“. „Таковыхъ подобаетъ огнемъ жещи і иныя лютыя смерти имъ давати, чтобы зла не множилос .

2) Общественно-политическій идеалъ Пересвѣтова. Боярскому управленію, приводящему царства къ гибели, Пересвѣтовъ противопоставляетъ самодержавно-бюрократическое, представителемъ котораго является Магметъ-салтанъ. Завоевавъ Константинополь, Магметъ-салтанъ предпринялъ рядъ реформъ, цѣль которыхъ состояла въ томъ, чтобы установить въ государствѣ „правду“. „Правда“, установленная Магметъ-салтаномъ, была двоякаго рода: административно-судебная и соціальная.

а) Административно-судебная правда. Въ области управленія Магметъ-салтанъ произвелъ слѣдующія реформы: онъ упразднилъ намѣстничества съ кормленіями, велѣлъ собирать доходы со всего государства въ казну, а вельможамъ назначилъ опредѣленное жалованье. Судъ также подвергся коренному преобразованію. Магметъ-салтанъ разослалъ по городамъ своихъ вѣрныхъ пашей въ качествѣ судей и назначилъ имъ опредѣленное жалованье, а чтобы судьи „не искушалися“, велѣлъ судебныя пошлины собирать въ казну. Черезъ нѣкоторое время Магметъ-салтанъ произвелъ ревизію суда и тѣхъ судей, которые брали посулы, сурово наказалъ: съ нихъ содрали кожу. Для устрашенія прочихъ судей Магметъ велѣлъ сдѣлать изъ кожи неправедныхъ судей чучела и выставить ихъ въ „судебняхъ“ съ слѣдующею надписью: „Без таковыя грозы правды въ царство немочно ввести. Правда въвести царю въ царство свое, іно любимаго не пощадити, нашедши виноватаго. Какъ конь под царемъ без узды, так царство без грозы“.

Преобразовавъ такимъ образомъ судъ, Магметъ ввелъ новый „судъ Божій“ и новое „поле“.

Для грековъ „судъ Божій“ состоялъ въ слѣдующемъ. Одинъ изъ тяжущихся, по жребію, долженъ былъ цѣловать крестъ въ то время, какъ противъ его сердца была направлена огненная стрѣла“, а противъ горла самострѣлъ; въ то время, какъ дающій клятву стоялъ въ такомъ положеніи, его духовный

отецъ прочитывалъ десять заповѣдей; если послѣ принесенія клятвы ни ружье, ни самострѣлъ не стрѣляли въ тяжущагося, послѣдній считался оправданнымъ передъ судомъ Божіимъ. Для турокъ судъ Божій устраивался такъ. Тяжущійся долженъ былъ, переклонившись горломъ черезъ острый мечъ, пить „шертъ", а въ это время „молны" (муллы) читали поученія по турецкой вѣрѣ; если „шертъ" не причинялъ вреда горлу тяжущагося, послѣдній признавался оправданнымъ.

Новое „поле" состояло въ слѣдующемъ. Въ темницѣ прятали бритву; сюда впускали нагими противниковъ, которые должны были искать бритву; нашедшій получалъ право зарѣзать своего противника или отпустить его живымъ изъ темницы.

Во всемъ своемъ царствѣ Магметъ ввелъ „полатный судъ" „безъ противня" (безъ судебныхъ пошлинъ) и судьямъ, состоявшимъ изъ его вѣрныхъ слугъ, выдалъ „книги судебныя, по чему имъ винити і правити". Судьи получали опредѣленное жалованье.

Реформа коснулась и военнаго суда. Военные судьи, паши, также были на жалованіи и судили „воинниковъ" „прямо", безпошлинно и безпосульно, „для великія грозы царевы".

б) Соціальная правда. Въ соціальномъ отношеніи Пересвѣтовъ является поборникомъ равенства классовъ и противникомъ рабства. Магометъ такъ формулируетъ начало равенства: „Братіе, всѣ есмя дѣти Адамовы; кто у меня вѣрно служитъ і против недруга люто стоитъ, тот у меня и лутчей будетъ". Петръ волосскій противъ рабства приводитъ три довода: религіозно-нравственный, политико-экономическій и историческій. Богъ,—разсуждаетъ Петръ,—искупилъ Адама отъ рабства дьяволу: „Единъ Богъ над вселенною, і то есть, которые записывают людей в работу вовѣки, прелщаютъ (обманываютъ), діяволу угожают". Таковъ религіозный доводъ. „Которая земля порабощена,—указываетъ Петръ,—в той землѣ все зло сотворяется: і татба и разбой і обида і всему царству оскуженіе". Это—политико-экономическій доводъ. Греки забыли, что Богъ не любитъ гордости и порабощенія: ихъ царство за это погибло. Это—историческій доводъ. Къ этимъ доводамъ Магметъ присоединяетъ еще одинъ, вытекающій изъ соображеній о военной мощи государства: „В котором царьствѣ люди порабощенны, і в том царствѣ люди не храбры і къ бою против

недруга не смѣлы: порабощеный бо человѣкъ срама не боится, а чести себѣ не добывает, хотя силенъ іли не силен, и речет такъ: однако есми холоп, іного мнѣ имени не прибудетъ". На этомъ основаніи Магметъ упразднилъ въ своемъ государствѣ рабство.

Уравнивая сословія и упраздняя рабство, Пересвѣтовъ выдвигаетъ впередъ одинъ классъ населенія — военный, опору самодержавно-бюрократическаго строя. Царь долженъ съ особымъ вниманіемъ относиться къ „воинникамъ", какъ бы бѣдны они ни были. „Ко Августу кѣсарю во убогомъ образѣ пришел воинникъ і принесъ к нему великія мудрости воинъския, і онъ его про то пожаловал, держалъ его блиско себя и родъ его". „Мудрый царь,— говоритъ Пересвѣтовъ,—сердца воинникомъ веселит: войском онъ силенъ и славенъ". Чтобы царство „не оскудѣло" войско царское должно быть всегда наготовѣ: воины съ коня „не ссѣдаютъ", оружія изъ рукъ „не испущаютъ"; за это царь „веселитъ" сердце воиновъ жалованьемъ, „алаѳою" (наградой) и „рѣчію своею царьскою". Даже паши и вельможи, по приказанію Магмета, служатъ въ войскѣ и идутъ на врага впереди всѣхъ въ первыхъ полкахъ. Кто пытается уклониться отъ того, чтобы „умрети на игрѣ смертной честно с недругомъ", того ждетъ смерть отъ „царевой опалы". Для своей охраны Магметъ держитъ при себѣ 40.000 „янычанъ", искусныхъ стрѣлковъ; а всѣхъ обученныхъ воиновъ, готовыхъ выступить на врага, около 300.000. Въ составъ этого войска вошло много бывшихъ при Константинѣ рабовъ. При Константинѣ рабы, взятые въ войска, не стояли крѣпко противъ недруга: „Конны и доспѣшны цвѣтно видѣти было велможи его, полки против недруга крѣпкаго бою не держали і з бою утѣкали і ужас полкомъ царевым інымъ давали, они же прелщалися". Освобожденные Магометомъ отъ рабства, бывшіе рабы совершенно преобразились: всякій изъ нихъ сталъ „противъ недруга стояти і полки недругов разрывати, смертною ігрою играти і чести себѣ добывати".

Заботясь о воинахъ и хорошо награждая ихъ, Магметъ въ то же время строго слѣдилъ за порядкомъ въ войскѣ и дисциплиной.

Когда войско отправляется въ походъ, его сопровождаютъ торговые люди съ товарами. На всѣ товары царскимъ указомъ назначены опредѣленныя цѣны. Злоупотребленія торговцевъ и

воиновъ строго преслѣдуются: воинъ, не заплатившій денегъ за взятый товаръ, торговецъ, отвѣсившій меньше, чѣмъ слѣдуетъ, или взявшій дороже установленной цѣны, подвергаются смертной казни.

Войска дѣлятся на десятки, сотни и тысячи, во главѣ которыхъ стоятъ десятники, сотники и тысяцкіе. Эти начальники слѣдятъ за тѣмъ, чтобы въ войскѣ не было татьбы, разбоя, игры въ кости, пьянства. Если кто-нибудь потеряетъ какую-либо вещь, нашедшій обязанъ снести ее къ шатру „большого паши", гдѣ потерявшій можетъ получить ее обратно. Если нашедшій вещь скрылъ ее, если въ войскѣ произошли татьба или разбой, то производится строгій „обыскъ царевъ" по десятникамъ, сотникамъ и тысяцкимъ. „Лихой человѣкъ" подвергается смертной казни. Татей и разбойниковъ не заключаютъ въ тюрьму, а казнятъ на третій день, „чтобы лиха не множилося".

Примѣняемыя въ войскахъ мѣры разысканія и наказанія преступниковъ были распространены и на все населеніе; десятники, сотники и тысяцкіе были поставлены и въ городахъ.

Такъ вводилъ въ своемъ государствѣ „правду" Магметъ-салтанъ.

Въ Русской землѣ есть истинная христіанская вѣра, великіе чудотворцы, подающіе благодать Божію; но ей не хватаетъ одной вещи: „правды турецкой". Если бы „к той истинной вѣрѣ христіянской да правда турецкая, іно бы с ними (съ русскими) ангели бесѣдовали".

Пересвѣтовъ совѣтуетъ Ивану Грозному насадить въ своемъ царствѣ „правду турецкую", собирать доходы со всего государства въ казну и большую часть ихъ употреблять на содержаніе убогихъ „воинниковъ", о которыхъ авторъ всегда говоритъ съ особымъ одушевленіемъ и краснорѣчіемъ. „Воина держати,—говоритъ Пересвѣтовъ устами Петра,—какъ сокола чередити... Который воинникъ лют будетъ противъ недруга государева играти смертною ігрою і крѣпко будетъ за вѣру христіянскую стояти, іно таковым воинникомъ имяна възвышати и сердца имъ веселити, і жалованія ис казны своей государевы прибавливати; і инымъ воинникомъ сердца возвращати і к себѣ ихъ припущати блиско і во всемъ имъ вѣрити і жалоба ихъ послушати во всемъ і любити ихъ, яко отцу дѣтей

своихъ і быти до них щедру: щедрая рука николи же не оскудѣваетъ и славу царю събираетъ".

Пересвѣтовъ совѣтуетъ Ивану держать противъ крымскаго хана на южной границѣ 20.000 „юнаковъ храбрыхъ со огненною стрѣльбою, гораздо учиненою".

Такимъ образомъ, Пересвѣтовъ является противникомъ боярскаго управленія, врагомъ неравенства сословій и пропагандистомъ самодержавно-бюрократическаго строя па военной основѣ.

Сочиненія Пересвѣтова и идеи его находятся въ тѣсной связи съ русской литературой второй половины XV и первой половины XVI в., особенно съ литературой, вышедшей изъ среды дворянства. Такъ, Пересвѣтовъ считаетъ весьма важнымъ и поучительнымъ событіемъ паденіе Константинополя и стоитъ на точкѣ зрѣнія теоріи третьяго Рима (§ 229); онъ — врагъ боярства и поклонникъ полнаго самодержавія. Этими сторонами своего міровоззрѣнія Пересвѣтовъ находится въ тѣсной связи съ литературой Іосифа Волоцкаго, митр. Даніила и старца Филоѳея. Но у Пересвѣтова есть нѣкоторая связь и съ заволжскими старцами: Пересвѣтовъ, подобно Башкину и Ѳеодосію Косому (§§ 246—248),—убѣжденный противникъ рабства.

Сходясь въ направленіи своего міровоззрѣнія по преимуществу съ направленіемъ дворянской литературы, Пересвѣтовъ рѣзко отличается отъ него по своему характеру: Іосифъ Волоцкій и его послѣдователи были монахи, и это наложило на дворянское міровоззрѣніе монашескій отпечатокъ. Пересвѣтовъ— свѣтскій человѣкъ, и притомъ—воинъ, и это наложило на его міровоззрѣніе военный оттѣнокъ. Есть еще одно отличіе: ни одинъ изъ предшествующихъ Пересвѣтову писателей не далъ такой стройной и ясной теоріи самодержавно-бюрократическаго государства на военной основѣ, какъ Пересвѣтовъ.

Пересвѣтовъ не только теоретикъ, но и публицистъ: онъ предъявляетъ рядъ требованій, онъ дѣлаетъ предсказанія. Многія его требованія осуществились и предсказанія сбылись. Такъ, послѣ земскаго собора 1550 г. началась отмѣна кормленій; по судебнику Ивана IV впервые установлены были наказанія за нарушеніе правосудія судьями; по приказанію Ивана было роздано „воинникамъ" 1000 помѣстій близъ Москвы; требованіе Пересвѣтова, чтобы Иванъ Грозный былъ воинственнымъ, и его предсказаніе, что ему достанутся многія царства, и прежде

всего Казанское, осуществились; требованіе безпощадной и грозной борьбы съ боярствомъ было Иваномъ приведено въ исполненіе. Нѣкоторыя требованія Пересвѣтова не осуществились или осуществились значительно позднѣе: таковы его требованія о водвореніи бюрократическаго управленія, объ освобожденіи рабовъ. Не исполнилось и его предсказаніе о томъ, что послѣ завоеванія Казанскаго царства столица будетъ перенесена изъ Москвы въ Нижній-Новгородъ; но зато случилось нѣчто другое въ этомъ родѣ: Иванъ Грозный для борьбы съ боярствомъ переѣхалъ изъ Москвы въ Александровскую слободу, гдѣ завелъ опричину.

Сочиненія Пересвѣтова отличаются ясностью и богатствомъ языка, образностью и обиліемъ мѣткихъ выраженій.

232. „Повѣсть нѣкоего боголюбиваго мужа“. Былъ нѣкій царь, правовѣрный, боголюбивый и милостивый, ходившій по заповѣдямъ Божіимъ, уповавшій на милость Божію, полагавшій и любившій судъ и правду. Царство его изобиловало всѣми благами, а самъ онъ по всей вселенной, „яко солнце преславно сіяюще и окрестнымъ и сопротивнымъ страшенъ являшеся“; воины его именемъ побѣждали врага: „яко огнь попалящъ лица противныхъ, никому же мощи зрѣти противъ его, понеже Богъ помогаше ему“. По дѣйствію діавола „прилучися“ у этого благочестиваго царя „синклитъ *), чародѣй золъ и губитель мужъ“, котораго царь очень любилъ. Этотъ „синклитъ-чародѣй“ началъ „влагати ложная“ въ уши царю. Онъ говорилъ царю: „Вижду, царю, яко ты царствуеши невѣдѣніемъ, елико лѣтъ будетъ царствія твоего. Аще ли кто быліемъ отравнымъ и чары дѣюще погубитъ тя, ты же сего не вѣси; азъ убо, царю, разумѣю философію, и ини мужіе мудри философи есть въ странѣ твоей, могутъ вѣдѣти, елико лѣтъ царствія твоего, и отъ всѣхъ злыхъ чародѣй и отъ былія травнаго избавятъ тя и безстрашна сотворятъ“. Царь возлюбилъ глаголы „синклита-чародѣя“ и велѣлъ ему собрать философовъ. „Синклитъ-чародѣй“ собралъ „четыредесятъ чародѣй“ и написалъ книгу, въ которой было сказано ложное о царствіи царя. Царь вмѣнилъ сказанное въ правду. Увидѣвъ въ скоромъ времени, что кое-что изъ сказаннаго сбылось, царь впалъ въ сѣти чародѣевъ и сталъ имъ вѣровать. Синклитъ со своими

*) Синклитъ—совѣтъ старѣйшинъ, бояръ, а также—бояринъ (§ 241).

единомышленниками сталъ клеветать на невинныхъ и смутилъ царя на людей, а людей на царя. Царь оскорбилъ невинныхъ людей различными печалями, и самъ отъ нихъ „печаль имяше и страхованіе“. Божіимъ попущеніемъ наступило время, когда этотъ царь за свое беззаконіе воспріялъ отъ Бога месть: возстали на него окрестные грады, поплѣнили его землю, поразили его людей и дошли до царствующаго града, гдѣ былъ царскій престолъ. По совѣту синклита и единомышленниковъ царь, собравъ въ городѣ „ужики (родственниковъ) своя и воины“, послалъ ихъ на супротивныхъ. Воины, выйдя изъ города, „ужасошеся зѣло“, перешли къ супротивнымъ и, „яко волцы нещадніи“, хотѣли взять городъ и перебить людей. „Бысть же во градѣ томъ вопль и плачь неутѣшимъ“. Увидѣвъ такую злую бѣду, царь заперся въ своей „ложницѣ“ и началъ вопить и рыдать, говоря: „О, кій грѣхъ сотворихъ предъ Тобою, Господи, не вѣмъ, яко тако граду и намъ погубленіе и смертное горькое посѣченіе бысть“. Въ отвѣтъ царю раздался страшный гласъ: „Царю, вспомяни: азъ избрахъ тя царя и преславна тя сотворихъ; ты же поругася мнѣ, отступи отъ мене и приложися къ бѣсомъ, остави всемогущую мою помощь и силу, совокупися со враги креста моего, на немъ же азъ распялся за весь міръ, и умножися злоба твоя предо мною и прогнѣва мя. Нынѣ же за отступленіе твое месть тебѣ воздаю: въ семъ вѣцѣ царствія твоего лишихъ тя и смерти горцей предаю, въ будущемъ же вѣцѣ за отступленіе твое и за сія погибшая отъ тебе даси отвѣтъ и золъ судъ и месть воспріимеши“. Услышавъ это, царь изъ глубины сердца своего воскликнулъ: „Владыко Господи, согрѣшихъ! Аще не помилуеши мя, сія ми земля гробъ бысть“. Сказавъ это, царь палъ на землю, какъ мертвый. День и ночь лежалъ царь на землѣ, „моляшеся умильными глаголы“ и землю орошалъ слезами. Утромъ снова раздался страшный гласъ: „Прощенъ еси грѣха того, и паки покайся, и востани, и собери люди во градѣ, и иди на супротивныхъ“. Царь отвѣтилъ: „Господи, како могу идти, понеже во градѣ люди сири и убози“. Голосъ вторично велѣлъ ему идти. Собравъ воиновъ, царь пошелъ на супротивныхъ. Супротивные, увидѣвъ появленіе множества „воинъ зѣло страшенъ“, убоялись „страхомъ веліимъ“ и начали бѣжать. Увидѣвъ это, царскіе „ужики“ отложились отъ супротивныхъ, перешли къ царю. Супротивные были избиты. Вернувшись въ городъ, царь

повѣдалъ епископу о прельщеніяхъ, бывшихъ отъ „синклита“ и его единомышленниковъ, осудилъ ихъ на смерть и велѣлъ ихъ всѣхъ „пожечи огнемъ“. Царь съ епископомъ велѣлъ написать книги, въ которыхъ велѣно проклинать чародѣевъ и сжигать ихъ огнемъ. „И потомъ царствова въ тишинѣ и въ покоѣ безмятежно“.

Изложенная повѣсть имѣетъ такое заглавіе: „Повесть нѣкоего боголюбива мужа, списана при Макарьѣ митрополитѣ царю и великому князю Ивану Васильевичу всей Руси, да сіе вѣдяще, не впадете во злыя сѣти и беззаконія отъялыхъ и прелщеныхъ человѣкъ и губительныхъ волковъ, пещадяще души, ей же весь миръ не достоинъ; прочетше же сие, человѣцы, убойтеся чары и волхованія, творяще скверная Богу и грубая и мерская и проклятая дѣла“. По своимъ идеямъ „Повѣсть“ близка къ произведеніямъ Пересвѣтова.

Пересвѣтовъ говоритъ, что бояре, приближающіеся къ царю не по воинскимъ заслугамъ,—„чародѣи“ и „ересники:“ ихъ подобаетъ „огнемъ жещи“; авторъ „Повѣсти“ изображаетъ Ивана Грознаго, впавшимъ въ сѣти „синклита-чародѣя“ и его единомышленниковъ *); раскаявшись, Иванъ велѣлъ „пожечи огнемъ“ ихъ. Пересвѣтовъ говоритъ о наказаніи, ниспосланномъ свыше на Константина за неправедныя дѣянія его вельможъ; авторъ „Повѣсти“ изображаетъ наказаніе, постигшее царя за то, что онъ, подъ вліяніемъ клеветы „синклита“ и его единомышленниковъ, „оскорблялъ“ различными печалями неповинныхъ людей. Пересвѣтовъ говоритъ, что бояре—„лѣнивые богатины“, неспособные крѣпко стоять за вѣру христіанскую и готовые измѣнить царю; авторъ „Повѣсти“ изображаетъ переходъ „ужиковъ“ царя и его воиновъ на сторону непріятеля. Пересвѣтовъ рекомендуетъ царю набирать воиновъ даже изъ бывшихъ рабовъ; авторъ „Повѣсти“ изображаетъ, какъ царь, набравъ войско изъ „сирыхъ“ и „убогихъ“ людей, одержалъ съ ними побѣду надъ врагами. Пересвѣтовъ требуетъ, чтобы царь былъ грознымъ; авторъ „Повѣсти“ изображаетъ царя столь „страшнымъ“, что „никому же мощи зрѣти противъ его“. И т. д.

---

*) Князь Андрей Курбскій, одинъ изъ идеологовъ удѣльно-феодальнаго боярства, объясняетъ бѣдствія, обрушившіяся на Москву во вторую половину царствованія Ивана Грознаго тѣмъ, что царь пересталъ слушаться „сивклитскаго совѣта“ (§ 255).

Такое сходство заставляетъ предполагать, что „Повѣсть“ вышла изъ той же общественной среды, которая дала произведенія Пересвѣтова, т. е. изъ дворянской.

Консервативно-идейное теченіе.

233. Консервативно-идейное теченіе. Одержавъ верхъ въ борьбѣ съ жидовствующими и заволжскими старцами, іосифляне стали стремиться къ закрѣпленію своего положенія. Для этого они прибѣгли къ мѣрамъ двоякаго рода: церковно-государственнымъ и литературнымъ. Главнымъ представителемъ іосифлянъ въ половинѣ XVI в. былъ митрополитъ Макарій, который, пользуясь своимъ положеніемъ и вліяніемъ, заложилъ прочныя основы для дальнѣйшаго усиленія консервативно-идейнаго теченія. Этому же теченію сослужило службу своими литературными произведеніями и другое замѣчательное лицо того времени—священникъ Сильвестръ.

234. Митрополитъ Макарій. Митрополитъ Макарій (1542—1563), какъ и Іосифъ Волоцкій, былъ монахомъ монастыря Пафнутія Боровскаго. Въ 1526 г. Макарій, по назначенію митр. Даніила (§ 227), сдѣлался новгородскимъ архіепископомъ. Въ 1542 г. Макарій былъ выбранъ въ московскіе митрополиты. Этотъ постъ Макарій сохранилъ до своей смерти.

По свидѣтельству лѣтописи, Макарій былъ одаренъ способностью въ бесѣдахъ ясно объяснять „божественное писаніе“. По своимъ воззрѣніямъ онъ примыкалъ къ іосифлянамъ, но чертами своего характера онъ рѣзко отличался отъ нихъ. Послѣдніе были люди боевые, рѣзко и грубо нападавшіе на противниковъ. Макарій былъ человѣкъ мягкій, обходительный, дипломатичный. Онъ не любилъ выдвигать себя впередъ. Благодаря этимъ качествамъ Макарію удалось занимать митрополичью каѳедру въ теченіе болѣе 20 лѣтъ. Въ то же время это былъ человѣкъ съ широкими планами, церковно-государственными и литературными. Пріобрѣтя вліяніе на молодого Ивана Грознаго, Макарій продолжалъ, во-1-хъ, трудиться для дальнѣйшаго „іосифляненія“ русской церкви. Благодаря этому большая часть архіерейскихъ каѳедръ къ половинѣ XVI в. перешла въ руки іосифлянъ: новгородскую каѳедру занималъ Ѳеодосій (§ 227), смоленскую—Савва Слѣпушкинъ и Гурій Заболоцкій,

полоцкую—Трифонъ, рязанскую—Леонидъ Протасовъ (родственникъ митр. Даніила), казанскую—Гурій, Германъ, Лаврентій, Тихонъ и Іеремія. Особенно замѣчательно, что крутицкая каѳедра, обладатели которой были ближайшими помощниками и совѣтниками митрополита и приближенными ко двору великаго князя и царя преемственно находилась въ рукахъ такихъ іосифлянъ, какъ Савва Черный, Нифонъ Кормилицынъ, Галактіонъ и Симеонъ.

Раздѣляя взгляды іосифлянъ, Макарій осуществилъ многіе пункты ихъ общественно-политической программы.

Прежде всего совѣту митрополита Иванъ обязанъ былъ тѣмъ, что принялъ титулъ царя и вѣнчался на царство. Завѣтная цѣль іосифлянъ, формулированная старцемъ Филоѳеемъ (§ 229), была осуществлена: Москва стала царствомъ, третьимъ Римомъ. Но если Москва — третій Римъ, то ея церковь должна проявить соотвѣтствующее величіе: она должна быть богатой святыми угодниками Божіими. По иниціативѣ Макарія на двухъ церковныхъ соборахъ, 1547 г. и 1549 г., совершена была канонизація 39 святыхъ, которые почитались въ мѣстныхъ центрахъ, но не были еще признаны Москвой. Такимъ образомъ, число русскихъ святыхъ съ 22 увеличилось до 61. По своему общественному положенію эти святые распредѣляются на слѣдующія группы: 16 князей и княгинь, 1 бояринъ, 3 литовскихъ мученика, находившихся при жизни на службѣ у литовскаго князя Ольгерда, 14 высшихъ іерарховъ, митрополитовъ и епископовъ, 4 юродивыхъ и 23 основателя монастырей и подвижника *).

Но особенно замѣчательна сдѣланная при Макаріи попытка всесторонне упорядочить русскую церковную и общественную жизнь при посредствѣ собора, извѣстнаго подъ именемъ „Стоглава“.

235. „Стоглавъ“. Въ 1547 г. въ Москвѣ разразился пожаръ, принявшій громадные размѣры: значительная часть Москвы превратилась въ груду обгорѣлыхъ развалинъ. На пятый день послѣ пожара произошло возмущеніе черныхъ людей, среди которыхъ недовольство копилось уже давно: „черные люди града Москвы отъ великіе скорби пожарные восколеба-

*) Напомню читателю, что большинство русскаго монашества по своему происхожденію принадлежало къ высшимъ классамъ (§§ 13, 34).

шася, яко юродіи". Дядя Ивана Грознаго, Юрій Василеевичъ Глинскій, стоявшій во главѣ московскаго правительства, былъ убитъ; „животъ княжій" былъ разграбленъ. Это возмущеніе вызвало панику въ правившемъ боярствѣ; самъ Иванъ испугался за свою жизнь. Въ правящей средѣ поняли, что назрѣла необходимость заняться удовлетвореніемъ главнѣйшихъ нуждъ и потребностей населенія. При дворѣ Ивана образовался кружокъ лицъ („избранная рада"), въ которомъ стали обсуждаться эти нужды и составляться проекты реформъ. Главными членами этой „рады" были, кромѣ митрополита Макарія, священникъ Благовѣщенскаго собора Сильвестръ, руководитель Ивана и глава кружка, Алексѣй Адашевъ, спальникъ Ивана, и князь Андрей Курбскій.

Сильвестръ, родомъ новгородецъ, былъ человѣкъ очень образованный, одаренный краснорѣчіемъ и твердымъ характеромъ. Онъ принадлежалъ къ богатой части торгово-промышленнаго класса, обладалъ большимъ состояніемъ, велъ обширное хозяйство, находился въ дѣятельныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ русскими и иностранными купцами. Какъ членъ „избранной рады", Сильвестръ былъ выразителемъ интересовъ торгово-промышленнаго класса населенія, посадскихъ. Алексѣй Адашевъ, мелкій дворянинъ, былъ въ радѣ представителемъ интересовъ средняго и мелкаго дворянства. Князь Андрей Курбскій былъ представителемъ интересовъ боярства. Митр. Макарій былъ представителемъ интересовъ духовенства. Такимъ образомъ, въ радѣ были представлены интересы четырехъ высшихъ классовъ населенія. Задача рады заключалась въ томъ, чтобы взаимными уступками примирить эти интересы.

Въ раду или непосредственно на имя царя поступали со стороны свѣдущихъ и заинтересованныхъ лицъ записки, проекты и посланія, въ которыхъ изображались тѣ или другія нестроенія въ Русской землѣ, требующія устраненія.

Такъ, заволжскій старецъ Артемій (§ 246) представилъ царю „на соборъ" не дошедшее до насъ посланіе, въ которомъ изображалъ образъ жизни въ монастыряхъ и доказывалъ, что необходимо отнять у монастырей села, что инокамъ слѣдуетъ жить „своимъ рукодѣліемъ и у мирьскихъ не просити". До нашего времени дошла одна статья, которая, по предположенію изслѣдователей, принадлежитъ рязанскому епископу Кассіану и заключаетъ въ себѣ перечень „многихъ неисправленій, неугод-

ныхъ Богу и неполезныхъ душѣ, какъ, напр., о неисправности книгъ, о брадобритіи, о скоморохахъ и т. д. Есть основаніе предполагать, что статья Кассіана также попала въ раду.

Записки, проекты и посланія разсматривались, обсуждались, и, наконецъ, на ихъ основаніи составленъ былъ перечень вопросовъ о главныхъ нестроеніяхъ въ русской церковной и земской жизни. Эти вопросы рѣшено было подвергнуть обсужденію на соборѣ, получившемъ въ исторіи названіе Стоглава.

Стоглавый церковно-земскій соборъ былъ созванъ въ 1551 г. На немъ присутствовали представители высшей церковной іерархіи, архимандриты, игумены, протопопы, попы, старцы и представители свѣтскихъ классовъ. Изъ девяти епископовъ, присутствовавшихъ на соборѣ, одинъ, именно Кассіанъ Рязанскій и Муромскій, принадлежалъ къ партіи заволжскихъ старцевъ; четверо, именно Акакій Тверской и Кашинскій, Савва Черный Сарскій и Подонскій (Крутицкій), Гурій Смоленскій и Брянскій и Ѳеодосій Новгородскій и Псковскій были іосифлянами; двое, именно Никандръ Ростовскій и Ярославскій и Ѳеодосій Коломенскій и Каширскій, тянули къ іосифлянамъ.

Свое названіе церковно-земскій соборъ 1551 г. получилъ отого, что записки о его дѣяніяхъ (точнѣе—извлеченіе изъ этихъ записокъ) раздѣлены на сто главъ. Записки имѣютъ такое заглавіе: „Царскіе вопросы и соборные отвѣты о многоразличныхъ церковныхъ чинехъ“ (порядкахъ).

Содержаніе „Стоглава“ въ краткихъ чертахъ слѣдующее.

Главы первая и вторая. Историческія свѣдѣнія о созывѣ собора, составъ собора, перечень главныхъ вопросовъ, обсужденныхъ на соборѣ.

Главы третья и четвертая. Рѣчи царя къ собору.

Глава пятая. 37 первыхъ вопросовъ царя о церковномъ строеніи.

Главы шестая—сороковая. Отвѣты собора на первые вопросы царя. Среди нихъ наиболѣе интересны отвѣты по вопросамъ о дьякахъ, желающихъ поставляться въ діаконы и въ попы, объ училищахъ, объ исправленіи книжномъ, о книжныхъ писцахъ, о крестномъ знаменіи, о тафьяхъ безбожнаго Бахмета, о стриженіи брадъ.

Главы сорокъ первая и сорокъ вторая. 32 вторыхъ вопроса.

Главы сорокъ третья — девяносто восьмая. Отвѣты на предыдущіе вопросы. Среди нихъ наиболѣе интересны отвѣты на

вопросы о трегубой аллилуіи, о монастырской жизни, о ростѣ на церковныя и монастырскія деньги, объ языческихъ обрядахъ и празднествахъ, о скоморохахъ, о гадательныхъ книгахъ.

Главы девяносто девятая и сотая. Въ нихъ сообщается объ отправленіи соборныхъ постановленій на просмотръ бывшему митрополиту Іоасафу и о замѣчаніяхъ, полученныхъ отъ него.

Въ составъ Стоглава не вошелъ рядъ вопросовъ, касающихся земскаго устроенія, но они дошли до насъ въ сохранившемся отдѣльно спискѣ царскихъ вопросовъ. Въ этихъ вопросахъ идетъ рѣчь объ устройствѣ служилаго сословія, о неравномѣрномъ и неправильномъ распредѣленіи вотчинъ, помѣстій и кормленій, а въ связи съ этимъ о монастырскихъ вотчинахъ, о пошлинахъ при проѣздѣ по дорогамъ, по мостамъ и по перевозамъ.

Открывъ соборъ, Иванъ Грозный произнесъ двѣ рѣчи. Въ нихъ онъ заявилъ, что „прежніе обычаи поисшатались, и въ самовластіи учинено по своимъ волямъ, и прежніе законы порушены“; онъ просилъ отцовъ собора „утвердить древнія преданія христіанской истинной нашей вѣры“.

Соборъ разсмотрѣлъ предложенные царемъ вопросы и далъ на нихъ отвѣты. Замѣчательно, что отвѣты собора расположены въ „Стоглавѣ“ далеко не всегда въ томъ порядкѣ, въ какомъ поставлены вопросы царя; нѣкоторые вопросы царя оставлены безъ отвѣта, но зато есть отвѣты на такіе вопросы, которые въ перечнѣ царскихъ вопросовъ отсутствуютъ. Объясняется ли это недостатками редакціи „Стоглава“, который является только извлеченіемъ изъ записокъ собора, или въ самомъ дѣлѣ соборъ въ обсужденіи вопросовъ царя позволялъ себѣ дѣлать тѣ или другія отступленія, сказать трудно. Вѣроятно, слѣдуетъ допустить и то и другое.

Изъ вопросовъ царя и отвѣтовъ собора наиболѣе любопытны слѣдующіе.

Въ гл. XXV разсматривается вопросъ, подымавшійся уже Геннадіемъ (§ 224), о дьякахъ, желающихъ ставиться въ діаконы и священники. Эти дьяки „грамотѣ мало умѣютъ и святителемъ ихъ поставити—ино сопротивно священнымъ правиломъ, а не поставити—ино святыя церкви безъ пѣнія будутъ, а православные хрестіяне учнутъ безъ покаянія умирати“. Соборъ постановилъ „святителемъ избирати по священнымъ

правиломъ въ попы ставити 30 лѣтъ и въ діаконы 25 лѣтъ, а грамотѣ бы умѣли, чтобы могли церковь Божію содержати и дѣтей своихъ духовныхъ православныхъ управити могли по священнымъ правиломъ. Да о томъ ихъ святители истязуютъ съ великимъ запрещеніемъ, почему мало умѣютъ грамотѣ, и они отвѣтъ чинятъ: мы де учимся у своихъ отцовъ или у своихъ мастеровъ, а индѣ намъ учитися негдѣ; сколько отцы наши и мастера умѣютъ, по тому и насъ учатъ. А отцы ихъ и мастеры ихъ и сами потому жъ мало умѣютъ и силы въ божественномъ писаніи не знаютъ, а учитися имъ негдѣ. А преже сего училища бывали въ Російскомъ царствіи на Москвѣ и въ великомъ Новѣградѣ и по инымъ градамъ, многіе грамотѣ писати и чести учили; потому тогда и грамотѣ гораздыхъ было много".

Въ гл. XXVI соборъ устанавливаетъ мѣры для поднятія грамотности. „Въ царствующемъ градѣ Москвѣ и по всѣмъ градамъ тѣмъ же протопопомъ и старѣйшимъ священникомъ и со всѣми священники и діяконы, коимждо въ своемъ градѣ, по благословенію своего святителя избрати добрыхъ духовныхъ священниковъ и дьяконовъ и дьяковъ женатыхъ и благочестивыхъ, имущихъ во сердцѣ страхъ Божій, могущихъ и иныхъ пользовати, и грамотѣ бы и чести и писати горазди. И у тѣхъ священниковъ и у дьяконовъ и у дьяковъ учинити въ домѣхъ училища, чтобы священници и дьяконы и всѣ православные хрестьяне въ коемждо градѣ предавали имъ своихъ дѣтей на ученіе грамотѣ и на ученіе книжнаго письма и церковнаго пѣнія псалтырнаго и чтенія налойнаго; и тѣ бы священники и дьяконы и дьяки избранные учили своихъ учениковъ страху Божію и грамотѣ и писати и пѣти и чести со всякимъ духовнымъ показаніемъ... А учили бы есте своихъ учениковъ грамотѣ довольно, сколько сами умѣете, и силу бы имъ въ писаніи сказывали по данному вамъ отъ Бога таланту, ничтоже скрывающе, но отъ Бога мзды ожидающе, а и здѣ отъ ихъ родителей дары и почести пріемлюще по ихъ достоинству".

Въ гл. XXVII говорится о неисправныхъ церковныхъ книгахъ. „А которыя будутъ святыя книги Евангеліе и Апостолъ и Псалтири и прочая книги въ коейждо церкви обрящете неправлены и описливы, и вы бы всѣ тѣ святыя книги съ добрыхъ переводовъ справливали соборне".

Въ гл. XXXVIII говорится о переписчикахъ книгъ. „Та-

коже которые писцы по городамъ книги пишутъ, и вы бы имъ велѣли писати съ добрыхъ переводовъ, да написавъ правила, потомъ же бы и продавали, а не правивъ бы книгъ, не продавали; а который писецъ, написавъ книгу, продаетъ не справивъ, и вы бы тѣмъ возбраняли съ великимъ запрещеніемъ, а кто у него неисправлену книгу купитъ, и вы бы тѣмъ потому же возбраняли съ великимъ запрещеніемъ, чтобы впредь тако не творили".

Въ гл. XXXI предписывается креститься двумя перстами, и доказывается ссылками на божественное писаніе правильность двуперстія.

Въ гл. XXXIX („О таѳьяхъ безбожнаго Махмета") отмѣчается и запрещается заимствованный русской аристократіей отъ татаръ обычай стоять въ храмахъ съ шапками на головѣ: „Также бы отнынѣ и впредь вси православные цари и князи и бояре и прочіе вельможи и всѣ православные хрестіяне приходили въ соборныя церкви и прочія святыя церкви ко всякому божественному пѣнію безъ тафей и безъ шапокъ... занеже чуже есть православнымъ таковое носити безбожнаго Махмета преданіе".

Въ гл. XL возбраняется православнымъ „христіяномъ во всемъ, чтобы не брити брадъ и усовъ не пристригати: таковая нѣсть православныхъ, но поганыхъ латынская и еретическая преданія". Оетечскія и апостольскія преданія,— говорится въ этой главѣ,—запрещаютъ и отрицаютъ брадобритіе: „Аще кто браду брѣетъ и умретъ тако, недостоитъ надъ нимъ служити, ни сорокоустія по немъ пѣти, ни просвиры, ни свѣщи по немъ въ церковь принести; съ невѣрными да причтется: отъ еретикъ бо се навыкоша".

Въ гл. XLII на основаніи житія преп. Евфросина запрещается трегубая аллилуія и предписывается сугубая.

Въ гл. XLI среди вопросовъ царя замѣчательны тѣ вопросы (16—27), въ которыхъ изображаются сохранившіеся на Руси языческіе обряды, праздники и бытовыя особенности и говорится о скоморохахъ и гадательныхъ книгахъ.

Вопросъ 16. „Въ мирскихъ сватьбахъ играютъ глумотворцы и органники и смѣхотворцы и гусельники и бѣсовскіе пѣсни поютъ. И какъ къ церкве вѣнчатися поѣдутъ, священникъ со крестомъ ѣдетъ, а предъ нимъ со всѣми тѣми играми бѣсов-

скими рищутъ, а священницы имъ о томъ не возбраняютъ и не запрещаютъ".

Вопросъ 17. „Да въ нашемъ царствіи христіяне тяжутся неправдою и, поклепавъ (давъ ложное показаніе), крестъ цѣлуютъ или образъ святыхъ, и на поле біются и кровь проливаютъ. И въ тѣ поры волхвы и чародѣи отъ бѣсовскихъ наученій пособіе творятъ кудесбою, и во „Аристотелевы Врата" и въ „Рафлеи" смотрятъ и по звѣздамъ и по планидамъ глядаютъ и смотрятъ дней и часовъ, и тѣми діявольскими дѣйствы миръ прельщаютъ и отъ Бога отлучаютъ. И на тѣ чарованія надѣяся, поклепца (клеветникъ) и ябедникъ не мирится и крестъ цѣлуетъ и на полѣ бьются и, поклепавъ, убиваютъ".

Вопросъ 18. „Да во Псковѣ градѣ моются въ банѣхъ мужи и жены и черицы въ одномъ мѣстѣ безъ зазора". По этому вопросу соборъ сдѣлалъ такое постановленіе: „По священнымъ правиломъ не подобаетъ въ баняхъ въ единомъ мѣстѣ мужемъ съ женами мытися: также и инокамъ и инокинямъ возбраниша въ баню ходити. Аще ли внидутъ, подъ запрещеніемъ будутъ священныхъ правилъ".

Вопросъ 19. „Да по дальнимъ странамъ ходятъ скомрахи ватагами многими по шестидесятъ и по семидесятъ человѣкъ и по сту и по деревнямъ у христіянъ сильно ядятъ и пьютъ и изъ клетей животы грабятъ, а по дорогамъ людей разбиваютъ".

Вопросъ 20. „Дѣти боярскіе и люди боярскіе и всякіе бражники зерпью играютъ и пропиваются, службы не служатъ, ни промышляютъ, и отъ нихъ всякое зло чинится: крадутъ и разбиваютъ и души губятъ".

Вопросъ 21. „Да по погостомъ и по селомъ ходятъ лживые пророки, мужики и женки и дѣвки и старые бабы, наги и босы и, волосы отростивъ и распустя, трясутся и убиваются (причитываютъ) и сказываютъ, что имъ являются святыя Пятница и Настасія и велятъ имъ заповѣдати христіяномъ каноны завѣчати (завѣщать, обѣщать). Они же заповѣдаютъ въ среду и въ пятокъ ручнаго дѣла не дѣлати: и женамъ не прясти и платія не мыти и каменія не разжигати; а иные заповѣдываютъ богомерзкія дѣла творити кромѣ (въ противность) божественныхъ писаній, что тѣмъ нагимъ и босымъ и лживымъ пророкомъ путь, чтобы миру не соблажняли".

Вопросъ 22. „О злыхъ ересѣхъ, кто знаетъ и держится: „Рафли“, „Шестокрылъ“, „Вороновъ грай“, „Остроломію“, „Зодій“, „Альманахъ“, „Звѣздочетъ“, „Аристотелевы Врата“ и иные составы и мудрости еретическія и коби (гаданія) бѣсовскія, которыя прелести отъ Бога отлучаютъ и въ тѣ прелести вѣрующи, многихъ людей отъ Бога отлучаютъ и погибаютъ“.

Вопросъ 23. „Въ Троицкую субботу по селомъ и по погостомъ сходятся мужи и жены на жальникахъ (кладбищахъ) и плачутся по гробамъ умершихъ съ великимъ воплемъ. И егда скомрахи учнутъ играти во всякіе бѣсовскіе игры, и они, отъ плача преставше, начнутъ скакати и плясати и въ долони бити и пѣсни сотонинскіе пѣти“.

Вопросъ 24. „Русальи о Ивановѣ дни и въ навечеріи Рождества Христова и въ навечеріи Богоявленія Господня сходятся народы, мужи и жены и дѣвицы на нощное плещеваніе и на безчинный говоръ и на бѣсовскіе пѣсни и плясаніе и на скаканіе и на богомерзкія дѣла. И бываетъ отрокомъ оскверненіе и дѣвкамъ растлѣніе. И егда нощь мимо идетъ, къ рѣцѣ тогда отходятъ крѣпцыи и съ великимъ кричаніемъ, аки бѣсніи омываются водою; и егда начнутъ заутреню, тогда отходятъ въ домы своя и падаютъ, аки мертви, отъ великаго клопотанія“ (рукоплесканія).

Вопросъ 25. „А о Велицѣ дни окличка, на Радуницѣ, Вьюнецъ и всякое въ нихъ бѣснованіе“.

Вопросъ 26. „А въ Великій четвертокъ порану (рано утромъ) солому палятъ и мертвыхъ кличутъ; нѣцыи же невѣгласи попы въ Великій четвертокъ соль подъ престолъ кладутъ и до седьмаго четвертка по Велицѣ дни тако держатъ, и ту соль даютъ на врачеваніе людемъ и скотомъ“.

Вопросъ 27. „Въ первый понедѣльникъ Петрова поста, въ рощи ходятъ и въ Наливки (урочище въ Москвѣ за Москвою-рѣкою) бѣсовскія потѣхи дѣяти“.

Многіе вопросы, поднятые на соборѣ, какъ, напр., вопросы о неравномѣрномъ и неправильномъ распредѣленіи вотчинъ, помѣстій и кормленій, или не были разсмотрѣны или остались безъ рѣшенія: ими слишкомъ затрагивались интересы богатыхъ землевладѣльцевъ. По той же причинѣ не затрагивался или остался безъ разрѣшенія вопросъ о монастырскихъ вотчинахъ. Обсужденію большею частью подверглись вопросы мелкіе, не задѣвавшіе интересовъ высшихъ классовъ.

Мѣропріятія собора сводились къ приказаніямъ и запрещеніямъ или даже просто къ пожеланіямъ. Вслѣдствіе этого многія пожеланія, какъ, напр., объ открытіи училищъ, не осуществились.

Какъ литературное произведеніе, „Стоглавъ“ своимъ содержаніемъ оказалъ на русское общество сильное вліяніе: ко второй половинѣ XVII в. многія изъ его постановленій твердо вошли въ русскую жизнь.

236. Литературная дѣятельность митрополита Макарія. Литературная дѣятельность митрополита Макарія носитъ столь же широкій характеръ, какъ и его церковно-государственная дѣятельность. По его иниціативѣ составлены и изданы два труда: 1) Четьи-Минеи и 2) „Степенная книга“ второй редакціи.

1) **Четьи-Минеи.** Четьи-Минеи (кн. 1-ая, § 88) Макарія представляютъ огромный сборникъ житій святыхъ и вообще произведеній церковной литературы, распредѣленныхъ въ календарномъ порядкѣ. Такъ, подъ 26 сентября, въ день Іоанна Богослова, помѣщены Евангеліе отъ Іоанна и Апокалипсисъ; подъ 28 января, въ день Ефрема Сирина—помѣщены сочиненія этого отца церкви. Сочиненія авторовъ, не причисленныхъ къ лику святыхъ, или анонимныя, которыя нельзя было пріурочить къ опредѣленному дню, Макарій помѣстилъ въ послѣднихъ числахъ нѣкоторыхъ мѣсяцевъ въ видѣ приложеній. Таковы, напр., „Хожденіе“ игумена Даніила, „Христіанская топографія“ Козьмы Индикоплова и пр.

При составленіи этого колоссальнаго труда Макарій имѣлъ въ виду собрать „всѣ святыя книги, которыя въ Русской землѣ обрѣтаются“ и дать русскимъ энциклопедію правильныхъ знаній, которыя остановили бы „шатаніе“ нравовъ и возстановили бы „прежніе законы“.

Была и другая цѣль: собрать документы, сохранившіеся о жизни русскихъ святыхъ и подтверждающіе ихъ право на канонизацію.

Свой трудъ Макарій началъ въ Новгородѣ. Въ теченіе двѣнадцати лѣтъ онъ собиралъ отовсюду матеріалы для него, „не щадя серебра и многихъ почестей“. Помощниками его были извѣстный уже Дмитрій Герасимовъ (§ 224), боярскій сынъ Василій Тучковъ и Илья, іеромонахъ домовой церкви Макарія.

Въ 1541 г. были окончены двѣнадцать книгъ Четьихъ-Миней и поставлены Макаріемъ у св. Софіи на поминъ родителей.

Въ Москвѣ онъ переработалъ и дополнилъ этотъ трудъ. Въ 1552 г. новая редакція Четьихъ-Миней была окончена. Одинъ списокъ ихъ былъ преподнесенъ Ивану Грозному, а другой былъ положенъ въ Успенскій соборъ.

2) „Степенная книга". Второй трудъ, изданный Макаріемъ,— „Степенная книга", представляющая переработку и продолженіе „Степенной книги" Пахомія Логоѳета (§ 166). Она составлена, по порученію Макарія, царскимъ духовникомъ Андреемъ-Аѳанасіемъ, который впослѣдствіи сдѣлался московскимъ митрополитомъ. Вторая редакція „Степенной книги" доведена до половины XVI в. и насчитываетъ 17 степеней.

237. Сильвестръ. Священникъ Сильвестръ (§ 235), знаменитый руководитель Ивана Грознаго, былъ переведенъ въ 1547 г. митрополитомъ Макаріемъ изъ Новгорода въ Москву. По происхожденію своему онъ былъ, вѣроятно, новгородецъ. Въ Москвѣ Сильвестръ пріобрѣлъ большое вліяніе на Іоанна: онъ сталъ во главѣ придворной „избранной рады", которая давала направленіе внѣшней и внутренней политикѣ Москвы.

Въ 1553 г. положеніе Сильвестра поколебалось, но онъ продолжалъ оставаться руководителемъ Ивана Грознаго еще нѣсколько лѣтъ. Въ 1560 г. Сильвестръ вынужденъ былъ удалиться въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, гдѣ постригся въ монахи. Въ томъ же году онъ былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь.

Сильвестру принадлежитъ трудъ подъ заглавіемъ: „Посланіе и наказаніе отъ отца къ сыну"; ему же приписываютъ составленіе другого произведенія, знаменитаго „Домостроя".

238. „Домострой". „Домострой" дошелъ до насъ въ двухъ редакціяхъ—пространной и краткой. Взаимныя отношенія обѣихъ редакцій твердо еще не установлены: раньше полагали, что пространная редакція—болѣе древняя, а краткая представляетъ переработку и сокращеніе пространной; теперь склонны думать наоборотъ: древнѣйшая редакція это—краткая, къ которой приложено „Посланіе и наказаніе отъ отца къ сыну, а другая редакція—позднѣйшаго происхожденія и представляетъ распространеніе и обезличеніе краткой. Сильвестру

принадлежитъ „Домострой“ въ краткой редакціи, составленной имъ въ 50-хъ годахъ XVI в.

„Домострой“ состоитъ изъ 63 главъ. Каждая глава имѣетъ свое заглавіе.

Во первой, вступительной, главѣ, представляющей „наказаніе отъ отца къ сыну“, авторъ учитъ сына своего и его семью „быти во всякомъ христіанскомъ законѣ“, утверждать себя „во всякомъ страсѣ Божіи“, поучать жену и „наказывать“ (т. е. учить) домочадцевъ—„ни нужею (принужденіемъ), ни ранами (битьемъ), ни работою тяжкою“. Авторъ заявляетъ, что онъ даетъ свое писаніе „на память и вразумленіе“. Если сынъ и его семья не будутъ слѣдовать этому писанію, то они сами дадутъ за это отвѣтъ въ день страшнаго суда; онъ же, отецъ, останется непричастнымъ къ ихъ винѣ и грѣху, такъ какъ самъ исполнилъ свою обязанность къ сыну.

Послѣ этого идутъ наставленія, которыя можно раздѣлить на три группы: 1) наставленія религіозныя и политическія (гл. I—XV), 2) наставленія о „мірскомъ строеніи“ (гл. XVI—XXIX) и 3) наставленія о „домовномъ строеніи“ (гл. XXX—LXIII).

1) Наставленія религіозныя и политическія. Религіозныя наставленія сводятся къ соблюденію внѣшнихъ обрядовъ и къ исполненію нѣкоторыхъ нравственныхъ правилъ.

Основная религіозная обязанность — молитва. Стѣны въ комнатахъ должны быть украшены иконами; предъ иконами должны стоять свѣтильники со свѣчами; иконы закрываются ради чистоты, „благочинія“ и „бреженія“ завѣсою, которая передъ молитвой открывается; иконы надо отъ пыли постоянно „чистымъ крылышкомъ ометати и мягкою губою вытирати“. Передъ молитвой зажигаются на свѣтильникахъ свѣчи, а послѣ молитвы погашаются. Во время молитвы надо кадить благовоннымъ ладаномъ и ѳиміамомъ. Молиться нужно часто. „Но вся дни въ вечерѣ мужъ съ женою и съ дѣтьми и съ домочадцы, кто умѣетъ грамотѣ, отпѣти вечерню, павечерницу, полунощницу, съ молчаніемъ и со вниманіемъ, съ молитвою и съ поклоны. А въ полунощи всегда тайно вставъ, со слезами прилежно всегда Богу молитися, елико вмѣстимо, о своемъ согрѣшеніи... А утрѣ вставъ, Богу молитися и отпѣти заутреню и часы, а въ недѣлю (въ воскресенье) и праздникъ — молебенъ“. Не только дома нужно молиться: надо какъ можно чаще ходить въ церковь.

Слѣдующей за молитвой обязанностью является постъ.

Изъ нравственныхъ правилъ „Домострой“ особенно рекомендуетъ милостыню. Глава дома всегда долженъ имѣть у себя лишніе припасы, чтобы можно было кормить странниковъ, пришельцевъ, нищихъ.

Политическія предписанія требуютъ страха къ царю и князьямъ, вѣрной службы имъ и запрещаютъ лгать имъ, клеветать и наушничать.

2) Наставленія о „мірскомъ строеніи“. Наставленія о „мірскомъ строеніи“ касаются семейныхъ отношеній.

Глава дома—мужъ и отецъ, „государь“. Онъ руководитъ всѣмъ семейнымъ трудомъ. Все въ домѣ совершается по его волѣ, съ его разрѣшенія и по совѣту съ нимъ. Онъ всѣхъ учитъ, что и какъ дѣлать. Если жена, дѣти и слуги не такъ исполняютъ его волю, „государь“ вразумляетъ ихъ „разсужденіемъ“; если же они нарушаютъ его волю, „государь“ долженъ на нихъ „раны возлагати“ (побить), или „плетью постегать“, смотря по винѣ. Въ случаѣ какой либо великой вины и страшнаго ослушанія, „государь“ долженъ „плеткою вѣжливенько (т. е. съ умѣніемъ) побить, за руку держа“. При наказаніи не слѣдуетъ бить ни по уху, ни по „видѣнію“ (лицу), ни подъ сердце кулакомъ или пинкомъ; нельзя колотить и бить „посохомъ“ или какимъ либо желѣзнымъ или деревяннымъ предметомъ, потому что „многи притчи отъ того бываютъ: слѣпота и глухота, и руку и ногу вывихнутъ, и перстъ, и главоболіе, и зубная болѣзнь“. Лучше плетка: „и разумно, и больно, и страшно, и здорово“. Поучать тѣлесно нужно не передъ людьми, а наединѣ, и притомъ безъ гнѣва, а послѣ наказанія—„примолвити да пожаловати“.

На обязанности отца лежитъ воспитаніе дѣтей. Ихъ надо учить страху Божію и вѣжеству, и всякому благочиненію. Когда дѣти придутъ въ возрастъ, ихъ надо учить рукодѣлію—сыновей учитъ отецъ, дѣвочекъ—мать. Чтобы изъ дѣтей вышли хорошіе люди, нужно обращаться съ ними строго. „Казни сына твоего отъ юности его, и покоитъ тя на старость твою, и дастъ красоту души твоей. И не ослабляй, бія младенца: аще бо жезломъ біеши его, не умретъ, но здравѣе будетъ; ты бо, бія его по тѣлу, а душу его избавляеши отъ смерти. Любя же сына своего, учащай ему раны, да послѣди (впослѣдствіи) о немъ возвеселишися“. Не слѣдуетъ смѣяться съ сыномъ, „игры

творя“: если проявишь снисходительность въ мелочахъ, то придется потомъ поскорбѣть въ крупномъ. „И не даждь ему власти во юности, по сокрушай ему ребра“, пока онъ еще юнъ; потомъ будетъ поздно: „и будетъ ти досажденіе, и болѣзнь душѣ, и тщета (отсутствіе пользы) домови, погибель имѣнію, и укоризна отъ сусѣдъ, и посмѣхъ предъ враги, предъ властели платежъ и досада зла“.

Воспитывая дочерей, необходимо копить для нихъ приданое. Разсудительные люди откладываютъ для нея полотно, монисто, „святость“ (образа), сосуды и „животинку растятъ“. Всего этого необходимо „прибавливати понемножку всегда, а не вдругъ: себѣ не въ досаду, а всего будетъ полно“. Если дочь умретъ до замужества, ея „надѣлокъ“ долженъ идти на поминъ ея души.

По окончаніи воспитанія, сыновей надо женить, а дочерей— выдать замужъ.

Вторымъ лицомъ въ домѣ является жена, „государыня“. Въ рукахъ жены находится хозяйство. Она встаетъ раньше всѣхъ въ домѣ, даетъ слугамъ работу и распредѣляетъ занятія на весь день. Жена должна сама умѣть исполнять всѣ занятія, чтобы могла руководить работою слугъ. Въ своей хозяйственной дѣятельности жена совѣтуется каждый день съ мужемъ. Въ гостяхъ она должна вести серьезныя бесѣды—о рукодѣльѣ, о домашнемъ хозяйствѣ, о христіанскомъ житіи и не напиваться пьяной: „Пьяный мужъ —дурно, а пьяная жена— міру не пригоже“.

„Домочадцы“, т. е. слуги, составляли часть семьи. Глава дома учитъ и слугъ страху Божію и всякой добродѣтели. Слуги не должны „переговаривать“ о людяхъ: „Гдѣ въ людяхъ были и что дурное видѣли, того дома не сказывать, а что дома дѣлается, того въ людяхъ не сказывать“. Если у слуги случится съ кѣмъ нибудь брань, хозяинъ долженъ выбранить слугу, а если дѣло „кручиновато“, то и ударить его, хотя бы слуга и былъ правъ: „тѣмъ брань утолиши, также убытокъ и вражда не будетъ“. Отъ слугъ надо все держать подъ замками. Когда посылаешь что нибудь со слугой, то нужно посылаемое свѣсить, смѣрить, пересчитать, а еще лучше — запечатать. Придя въ чужой домъ, слуга долженъ въ сѣняхъ передъ дверями творить вслухъ Іисусову молитву и не входитъ до тѣхъ поръ, пока „аминя не отдадутъ“ (обычай въ монастыряхъ).

Въ домѣ они не должны „копать носъ перстомъ“, кашлять, сморкаться, харкать и плевать; а если явилась потребность, надо отойти въ сторону и „устроиться“: вычистить носъ, выкашляться, „сморкнуть“ или плюнуть, заворотясь, да потереть ногою: „такъ всякому человѣку пригоже“.

3) Наставленія о „домовномъ строеніи“. Наставленія о „домовномъ строеніи“ касаются веденія хозяйства.

У домовитаго хозяина въ домѣ и на дворѣ все твердо и крѣпко. Если что испортилось и поломалось или вѣтромъ продрало, необходимо исправить и починить. Дворъ огороженъ заборомъ или обнесенъ тыномъ; ворота всегда закрыты, а на ночь заперты на замокъ, при чемъ съ цѣпей спускаются собаки. По утру хозяинъ съ хозяйкой пересматриваютъ всѣ замки, а гдѣ приложены печати, и ихъ. Если окажется, что замокъ испорченъ или печать сломана, надо немедленно въ ту „хоромину влѣзти“ и осмотрѣть, воры ли были, или свои украли, или худо было заперто.

Запасы надо покупать тогда, когда ихъ много привозятъ на рынокъ, и не по мелочамъ, а оптомъ: тогда они обойдутся дешевле. Выдавать запасы слѣдуетъ по счету и вести объ этомъ записи. За припасами слѣдуетъ тщательно наблюдать, чтобы ихъ не раскрадывали и чтобы они не испортились. Надо съѣдать раньше то, что скоро портится, пригласивъ гостей, а испортившееся отдать неимущимъ. Зелень отъ овощей и крошки со скатертей—не бросать, а собирать въ особые сосуды на кормъ животнымъ; остатки и обрѣзки отъ матерій—беречь.

При домѣ надо держать людей, знающихъ всякія ремесла: портняжничество, саножничество, кузнечество, плотничество и т. д.

Въ концѣ отдѣла указывается, какъ приготовлять обѣды и пиры для гостей.

239. Комментаріи къ „Домострою“. „Домострой“ принадлежитъ къ разряду произведеній, составленныхъ для того, чтобы пріостановить „шатаніе обычаевъ“ и „утвердить древнія преданія христіанской истинной вѣры“. Онъ изображаетъ „праведное житіе“ и излагаетъ правила, слѣдуя которымъ можно заслужить славу богобоязненныхъ людей. Образы „праведнаго житія“ „Домострой“ почерпнулъ изъ жизни двухъ классовъ населенія—монаховъ и бояръ, повидимому, повго-

родскихъ. Религіозныя наставленія носятъ отпечатокъ монашескаго происхожденія: комнаты въ домѣ имѣютъ видъ храма или монастыря; совершается безпрестанная молитва, причемъ совѣтуется имѣть на рукахъ четки. Наставленія о семейныхъ отношеніяхъ и о веденіи хозяйства носятъ отчасти боярскій, отчасти монашескій характеръ. „Домострой“ изображаетъ богатое боярское хозяйство, въ которомъ происходитъ размѣренный трудъ всѣхъ членовъ семьи, начиная съ главы семьи, которому принадлежитъ распорядительная власть въ домѣ и кончая многочисленными слугами, совершающими подъ непосредственнымъ руководствомъ хозяйки всевозможныя работы.

„Домострой“ по своему составу представляетъ сложное произведеніе: онъ—не что иное, какъ сводъ нѣсколькихъ самостоятельныхъ произведеній, написанныхъ въ разное время и, вѣроятно, въ разныхъ областяхъ Руси. Изслѣдователи установили три главныя сочиненія, изъ которыхъ онъ сложился.

Одно изъ нихъ, занимающее въ „Домостроѣ“ первыя 15 главъ, имѣло такое заглавіе: „Поученіе и наказаніе отцовъ духовныхъ ко всѣмъ православнымъ христіаномъ“. Какъ видно изъ заглавія, это сочиненіе излагало правила, составленныя „отцами духовными“, т. е. монахами. Этимъ объясняется монашескій характеръ наставленій первыхъ 15 главъ „Домостроя“.

Другое сочиненіе, занимающее въ „Домостроѣ“ слѣдующія 14 главъ, носило такое заглавіе: „Наказъ нѣкоего о мірскомъ строеніи“. Это сочиненіе, изображавшее семейныя отношенія богатой боярской семьи, носитъ явные слѣды новгородскаго происхожденія. Такъ, въ отличіе отъ перваго сочиненія, въ немъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на царскую или княжескую власть; въ немъ нѣтъ также наставленій о тѣлесномъ наказаніи жены; съ другой стороны, въ немъ встрѣчаются частыя указанія на торговый бытъ и на торговыя поѣздки по морю.

Третье сочиненіе, занимающее въ „Домостроѣ“ прочія главы, отъ 30 до 63, имѣло заглавіе „О домовномъ строеніи“. Это сочиненіе составилось, вѣроятно, отчасти изъ монастырскихъ „обиходниковъ“, излагавшихъ правила поведенія монаховъ и дававшихъ расписанія обѣдовъ, и изъ домашнихъ хозяйственныхъ записей. Въ этомъ именно сочиненіи излагались правила тѣлеснаго наказанія жены.

Каждое изъ этихъ сочиненій въ свою очередь дѣлало заимствованія изъ византійско-болгарской литературы. Такъ, на-

ставленія о молитвѣ, о хожденіи въ церковь, о поведеніи въ церкви заимствованы, иногда буквально, изъ сборниковъ поученій, извѣстныхъ подъ названіями „Златоустъ“, „Измарагдъ“ и „Златая цѣпь“, а также изъ „Стословца“ Геннадія (кн. 1-ая, § 107). Наставленія о воспитаніи дѣтей, о почитаніи родителей, образъ доброй и умной жены заимствованы изъ книгъ св. Писанія—изъ „Притчей“ и „Премудрости“ Соломона и изъ „Премудрости Іисуса сына Сирахова“.

Не смотря на сложность своего состава, „Домострой“ проникнутъ однимъ духомъ. Онъ изображаетъ идеалъ „праведнаго житія“, характерными чертами котораго являются строгая семейная дисциплина, непрерывный трудъ всѣхъ членовъ семьи подъ руководствомъ и наблюденіемъ главы семьи — мужа и отца, строгая экономія, стремленіе ладить съ людьми, практичность и обрядовая религіозность.

240. „Посланіе и наказаніе отъ отца къ сыну“. „Посланіе и наказаніе отъ отца къ сыну“ написано Сильвестромъ для его сына Анфима въ 50-хъ годахъ XVI в. и составляетъ приложеніе къ „Домострою“ Сильвестровой редакціи. Это посланіе въ краткихъ чертахъ излагаетъ основныя правила „Домостроя“ и потому называется „Малымъ Домостроемъ“. Оно очень характерно для личности Сильвестра, послѣдовательно примѣнявшаго въ жизни начала „Домостроя“.

Сильвестръ указываетъ сыну, что онъ всегда жилъ „во благословеніи и страхѣ Божіемъ, въ простотѣ сердца и церковномъ прилежаніи, всегда пользуясь божественнымъ писаніемъ“. Онъ старался всякому услужить въ потребныхъ случаяхъ „и рукодѣліемъ, и службою, и покорностью, а не гордынею, ни прекословіемъ“. Онъ никого не осуждалъ, не осмѣивалъ и не укорялъ и ни съ кѣмъ не бранился; не презрѣлъ ни нищаго, ни страннаго, ни печальнаго; посѣщалъ заключенныхъ въ темницы, навѣщалъ больныхъ, освобождалъ плѣнныхъ и должниковъ, кормилъ голодныхъ. Онъ освободилъ всѣхъ своихъ рабовъ и надѣлилъ ихъ средствами. Многихъ сиротъ, рабовъ и убогихъ онъ вспоилъ и вскормилъ, научилъ всему, къ чему они проявляли способность—„грамотѣ, пѣнію, иконному письму, книжному дѣлу, серебряному мастерству, торговлѣ“.

241. „Азбуковникъ“. Въ половинѣ XVI в. составляется „Азбуковникъ“ подъ заглавіемъ: „Сказаніе неудобь познаваемымъ

рѣчемъ, иже обрѣтаются во святыхъ книгахъ русскаго языка, ихъ же древніи праведницы неудоволишася (не потрудились) на русскій языкъ преложити". Это—полу-лексическій, полу-энциклопедическій словарь, цѣль котораго заключалась въ томъ, чтобы дать русскому читателю справочное пособіе для уясненія непонятныхъ словъ въ древнерусской переводной и оригинальной литературѣ и руководящія указанія для ознакомленія съ нею.

Въ основу „Азбуковника" легли прежде всего словари иностранныхъ словъ — еврейскихъ, греческихъ, болгарскихъ, сербскихъ, встрѣчавшихся въ переводныхъ произведеніяхъ и непонятныхъ для русскаго читателя. Древнѣйшимъ словаремъ такого рода является словарь, приложенный къ Новгородской Кормчей 1282 г. подъ заглавіемъ: „Рѣчь жидовскаго языка преложена на русскую, неразумно на разумъ, и въ Евангеліяхъ и въ Апостолахъ и въ Псалтыри и въ Паримнѣ и въ прочихъ книгахъ". Въ этомъ словарѣ, заключающемъ въ себѣ свыше 170 словъ, толкуются по преимуществу еврейскія собственныя и нарицательныя имена (Авесоломъ—отецъ миру, алѣллугія—хвала Богу, Фома — бездьна); въ немъ есть также нѣсколько словъ греческихъ и славянорусскихъ (адъ—тма, тина—грязь). Въ позднѣйшихъ спискахъ этого словаря число словъ доходитъ до 340.

Другой словарь, приложенный къ списку сочиненій Іоанна Лѣствичника 1431 г., имѣетъ такое заглавіе: „Тълкованіе неудобь познаваемыхъ въ писаныхъ речемъ, понеже положены суть рѣчи въ книгахъ отъ начальныхъ переводникъ ово словенскы и ино сръбски и другая блъгарски и гръчьскы, ихже неудоволишася преложити на рускый". Число словъ въ словарѣ доходитъ до 60, въ позднѣйшихъ спискахъ—до 200. Въ словарѣ толкуются по преимуществу нарицательныя имена (жупелъ—сѣра) и особенно отвлеченныя понятія (количьство—мѣра есть колика, свойство—кто имать что особно).

Авторъ „Азбуковника" почерпалъ свѣдѣнія для объясненія словъ не только изъ подобныхъ словарей, но и вообще изъ древнерусской переводной и оригинальной литературы: изъ сочиненій Дамаскина, Іоанна Экзарха, Козьмы Индикоплова, Георгія Писида, хронографовъ, житій святыхъ и т. д.

Пользуясь многочисленными источниками, авторъ „Азбуковника" даетъ множество толкованій личныхъ, собственныхъ,

нарицательныхъ именъ и отвлеченныхъ понятій и въ то же время даетъ множество свѣдѣній по различнымъ отраслямъ знаній: по богословію, философіи, исторіи, географіи, естествознанію, астрономіи, библіографіи и т. д.

Примѣры:

„*Амазонки*, есть въ Мурскихъ странахъ земля, наричемая Амазоницкая, въ ней же царствуютъ едины дѣвы чистыя, нарицаемыя амазонки, иже храбростію и умомъ всѣхъ одолѣваютъ“.

„*Аспидъ*, камень есть зеленъ, обрѣтается на устьи Фермодаты рѣки и на Аманійстей рѣцѣ, требѣ же есть въ Пилитіи“.

„*Аспидъ*, есть змія крылатая, носъ имѣетъ птичій и два хобота; а въ коей землѣ вчинится, ту землю пусту чинитъ; живетъ въ горахъ каменныхъ, не любитъ же трубнаго гласа; видомъ пестра всякими цвѣты; а на земли не садится, токмо на камени. Обояницы (заклинатели), пришедше обояти ю, копаютъ яму, садятся въ яму съ трубами и покрываются дномъ желѣзнымъ и замазываются сунклитомъ (особою мазью) и ставятъ у себя угліе горящее и разжегаютъ клещи. Еда бо заиграютъ въ трубы, тогда засвищетъ, яко потрястися горѣ, и прилетитъ къ ямѣ и ухо свое положитъ на землю и другое заткнетъ хвостомъ и начинаетъ битися. Человѣцы же, ухватившe ее клещами горящими, держатъ крѣпцѣ. Отъ ярости же сокрушатся клещи ни едины, но двои и трои. И такъ сожжена клещами умираетъ“.

„*Дельфинъ*, звѣрь морскій. Имутъ же дельфины обычай: егда обрящутъ человѣка въ море, далече отъ брега сѣмо и овамо волненіемъ помѣтаема, подшедше, трупъ его милостивно направляютъ до брега, дабы отъ вкупѣродныхъ (единокровныхъ) получилъ погребеніе. Отъ сего дельфина корабельщицы проразумѣютъ тишину быти въ море: предъ тишиною бо играютъ дельфины въ море. Его же корабельницы видя играюща въ море, возводятъ корабль отъ пристанища на морское плаваніе“.

„*Единорогъ*, звѣрь, подобенъ есть коню, страшенъ и непобѣдимъ, промежъ ушію имать рогъ великъ, тѣло его мѣдяно, въ розѣ (рогѣ) имать всю силу. И внегда (когда) гонимъ, возбѣгнетъ на высоту и ввержетъ себе долу, безъ пакости (безъ вреда для себя) пребываетъ. Подружія (самки) себѣ не имать, живетъ 532 лѣта. И егда скидаетъ свой рогъ вскрай

моря, и отъ него возрастаетъ червь, а отъ того бываетъ звѣрь единорогъ. А старой звѣрь безъ рога бываетъ не силенъ, сиротѣетъ и умираетъ".

„*Етимологія*, истиннословіе, а по грамматикіи наричется се: еже разумѣти четцу, гдѣ достоитъ во чтеніи стати или возглашати, и гдѣ кая рѣчь въ тайнѣ пораздвоити и соединити; а въ письмѣ етимологія разумѣніе, еже знати, гдѣ и како точку ставить достоитъ. Етимологія дѣлится трояко: во еже раздѣлити, во еже совершити, во еже соединити. Сія етимологія изъясняется точками: запятая, срока (точка), двоесрочіе, подстолія, соединительная точка".

„*Еѳіопи*, обычай есть писанію бѣсовъ и муриновъ еѳіопами нарицати, черности ради".

„*Илектръ*, камень зѣло честенъ (дорогой) отъ великихъ камней, именуемъ златовидѣнъ убо вкупѣ и сребровидѣнъ. Златомъ проявляетъ негнилостную, яко во златѣ, неизнуряющую, неумаляемую и чистую свѣтлость, и свѣтоносную, яко сребро, и свѣтовидную и небесную зарю".

„*Кронъ*, гигантъ бѣ, рекше человѣкъ-волотъ; а нариченъ бысть Кронъ во имя звѣзды проходныя. Царствова сей Кронъ гигантъ во Ассиріи. Сей Кронъ вопроси солнце, глаголя: „боже великій, солнце, яви мнѣ, кто по мнѣ царствовати имать?" И бысть ему отвѣтъ, яко „сынъ твой по тебѣ имать царствовати". Онъ же нача оттолѣ сыны своя пожирати, рожаемые ему отъ жены его Иры. Послѣди же отъ сына своего Зевеса убіенъ бысть. Сего Крона безумніи Еллини бога себѣ наричутъ".

„*Логоѳетъ*, словесемъ сложитель, ижъ складаетъ повѣсти и посланія".

„*Саламандръ*, живетъ во внутренней Еѳіопіи въ Провоанѣ градѣ, звѣрекъ величествомъ со пса, и таково имать: аще вельми разжещи печь и ввергши его въ огонь, то вся сила огненная отъ него погаснетъ, самъ же цѣлъ и невредимъ отъ огня отходитъ".

„*Синиклитъ*, боляринъ".

„*Синтаксисъ*, соединительная книжная сила, соединяющая рѣчи, прилучившіяся раздѣлены быти на двѣ строки: половина реченія на концѣ строки, а другая половина въ началѣ другія строки".

„*Сунклитъ*, мазь нѣкая есть, ею же аше помажеши ка-

кову либо стѣну, то ни огнь, ни желѣзо, ни иная хитрость человѣча возможетъ что сотворите стѣнѣ той".

Давая свои толкованія и объясненія, авторъ „Азбуковника" вмѣстѣ съ тѣмъ предостерегаетъ читателя противъ такихъ идейно-литературныхъ и культурныхъ явленій, сочувственное отношеніе къ которымъ могло бы повредить его душѣ. Авторъ словаря, подобно составителямъ „Стоглава" и „Домостроя", охваченъ стремленіемъ поддержать поисшатавшуюся старину. Онъ предостерегаетъ читателя противъ отреченныхъ книгъ и приводитъ ихъ названія, „да не како, отъ неразумія, кто прочитая ихъ или вѣруяй имъ прогнѣваетъ Господа Бога: зѣло бо мерзостенъ передъ Господомъ Богомъ всякъ вѣруяй волхованію и чародейству и звѣздочетцамъ и планитникамъ и „Шестокрылу" и любяй гномитрию и прочая таковая". „Маѳематійскія книги" авторъ причисляетъ къ отреченнымъ, „ихъ же есть четыре: ариѳметикія, мусикія, геометрія, астрономія. Яже по-славянски ричутся: ариѳметикія суть планиты, въ нихъ же пишутъ, яко планитнымъ движеніемъ вся, яжи на земли, строятся". Толкуя слово „зодій" (зодіакъ), авторъ говоритъ: „Сими звѣздами безумніи звѣздословцы мнятся угадывати добродѣйственное житіе человѣкамъ, и счастіе и безчастіе. Не смыслятъ же омраченіи, яко не звѣздословнымъ движеніемъ, но Промысломъ Божіимъ строится житіе человѣческое". „Мусикія,— объясняетъ авторъ,—книжка, въ ней пишетъ пѣсни и кощуны бѣсовскія, ихъ же латины припѣваютъ къ мусикійскимъ органомъ согласію, сирѣчь гудебныхъ сосудъ свирянію и играмъ".

242. Ермолай Прегрѣшный. Свѣдѣнія о личности и жизни Ермолая Прегрѣшнаго крайне скудны. Этотъ писатель, вѣроятно,—одно лицо съ упомянутымъ въ лѣтописяхъ Ермолаемъ, протопопомъ московской дворцовой церкви Спаса на Бору. Можно думать, что Ермолай входилъ въ составъ того кружка литературныхъ дѣятелей, который группировался около митрополита Макарія. Слѣдовательно, литературная дѣятельность Ермолая относится къ эпохѣ митр. Макарія (1542—1563). Въ то же время Ермолай былъ лицомъ, имѣвшимъ доступъ къ Ивану Грозному. Вызвавъ чѣмъ то преслѣдованіе со стороны одной изъ придворныхъ партій и испытывая матеріальную нужду, Ермолай, по совѣту Макарія, обратился къ Ивану Грозному съ „Моленіемъ", въ которомъ предлагаетъ царю свои литературныя услуги, и въ качествѣ обращика при-

ложилъ три произведенія („три вещи отъ древнихъ драги“, дорогія): „Поученіе ко своей душѣ“, „О градѣ Муромѣ и о епископьи его, како преиде на Рязань“, „Повѣсть о Василіи Рязанскомъ“ и „Повѣсть объ архимандритѣ Митяѣ“. Кромѣ этихъ произведеній Ермолаю приписываютъ „Посланіе о составленіи грамоты“.

1) **„Къ царю моленіе“**. Авторъ „прилѣжно“ приноситъ „превеликоименитому“ царю свое моленіе выслушать его „съ кротостію велицѣй“ и не обличать его своею „яростію“, потому что онъ находится въ состояніи скорби и „туги“. „И аще, господи превеликій царю,—говоритъ авторъ,—не приклониши высоты твоея услышати моего недостаточества, къ кому убо прибѣгну отъ ненавидящихъ мя супостатъ, ихъ же единъ ты могій взразити, а инъ никто же вѣси“. Авторъ напоминаетъ царю факты изъ отношеній къ нему придворныхъ. „В прежняя дни рекоша ти о мнѣ, яко тебѣ непотребенъ есмь рабъ твой и не достоинъ никоего жъ смысла, иногда же передъ тобою и позорна нарекоша мя и бѣсна своея ради зависти“. Авторъ дѣлалъ видъ, что не слышитъ этихъ нареканій, не раскрывалъ своихъ устъ, не хвасталъ и никого изъ ненавидѣвшихъ его не хулилъ. Теперь же Божіимъ Промысломъ и благословеніемъ „превеликаго всея Россіи архиерея Макарія митрополита“, — говоритъ авторъ, — „составихъ три вещи отъ древнихъ драги, яже тлѣніа в себѣ не требуютъ, иже убо ненавидящимъ и ругающимися многимъ, яко огненое оружіе явитца, смыслы ихъ пожигая, яко не вместити имъ сего ни въ умъ, иже и множества чести и богатства отъ твоея благоподатныя десницы пріемлющимъ“... Если же Иванъ повелитъ автору писать и „о мирьскихъ вещехъ“ „къ благоугодію земли и ко умаленію насильства, онъ согласенъ и на это, потому что можетъ явить его царской державѣ „сокровенъ глаголъ удобенъ“. Авторъ говоритъ, что, если бы онъ не былъ „сплетенъ житейскими юзами“, онъ не сказалъ бы ни слова, покинулъ бы городъ и водворился бы въ пустынѣ. Онъ обращается къ царю съ такой мольбой: „Яко же инѣмъ человѣкомъ, да повелиши и мнѣ въ прочаа дни въ устроеніи немятежне пожити и на кующдо годину твоего сребра благодарнаго да буду пріемля урокъ свой нужныхъ ради потребъ своихъ, славу възсылая Богови и тебѣ, превеликому цареви“.

„Къ царю моленіе“ Ермолая интересно тѣмъ, что въ немъ

находятся указанія на глубокій интересъ Ивана Грознаго и русскаго общества къ вопросамъ религіозно-нравственнаго и общественнаго порядка: Ермолай предлагаетъ вниманію царя нѣсколько произведеній на церковныя и нравственныя темы. Но онъ готовъ, если царь этого пожелаетъ, заняться и вопросами государственнаго устройства и общественнаго порядка („благоугодіе земли и умаленіе насильства") и увѣряетъ царя, что обладаетъ готовой программой („имамъ скровенъ глаголъ удобенъ явити твоей царской державѣ"). Отсюда можно сдѣлать выводъ, что „Къ царю моленіе" Ермолая написано въ эпоху Стоглаваго собора.

2) „Поученіе ко своей душѣ". Содержаніе этого произведенія находится въ тѣсной связи съ судьбой, постигшей Ермолая. Въ немъ авторъ „совѣщеваетъ нѣкаку притчю о душе", въ которой говоритъ о гордости богатыхъ и знатныхъ и о необходимости почитать священниковъ.

Всякій часъ необходимо помнить о своей смерти, о страшномъ судѣ, раѣ и адѣ. Изъ всѣхъ тварей земныхъ человѣкъ— „честнѣйшее" существо. „Всяка бо тварь земная, птицы ж и звѣріе и скоти и рыбы и гады безбоязні о будущіх и сотворені бо безсловесні; сего раді понеж о бесконечных и петлѣнных не поучаются, не грѣха имут, не спасенія требуютъ, сего ради ні суда будущаго ждут: егда убо плоть его, тогда и душа разставается и безъ вѣсти бывает". Иное происходитъ съ человѣкомъ. Человѣкъ—„словесенъ" и безконеченъ. „Аще и смерть пріемлетъ, но на воскрешеніе паки душа с тѣломъ совокупится"... И тогда наступитъ страшный судъ, и Господь отдѣлитъ козлищъ отъ овецъ. Угодившимъ Господу достанется „свѣтлость и пространство неизреченное, конца не имѣя", а преступившимъ Его заповѣди — „мука вѣчная, конца не имѣя".

Больше всего нужно избѣгать гордости, „зане всѣхъ грѣх лютѣйши". Гордость не знаетъ предѣловъ. Подобно тому, какъ собравшій богатство стремится собрать больше, а увеличивъ его, снова хочетъ собрать еще больше и до своей кончины не въ состояніи насытиться, такъ и гордый: „егда братію свою унічіжив, самъ честенъ бывает и пакі господы своеа честнѣіші быти хощет; и пакі и тѣхъ честію превозшедъ, еще пакі высится, безконечную мысля". А когда внезапно постигнетъ его смерть непокаявшимся, что онъ от-

вѣтитъ нелицепріятному Судіи? Поможетъ ли ему гордость? Вѣдь ради гордыни и ангелы „въ бѣсы прѣмены бышя“. „О, гордый, — восклицаетъ авторъ, — помяні, откуду бѣ: не ото облакъ бо сниде, но отъ персти берныя (бренной), и пакі въ персть возвратишися; и здѣ убо къ человѣком жестоку выю имѣя, отнаможе и черевем мягкосердъ явишися“. Не слѣдуетъ ублажать свой великій земной санъ: „преходно бо“. Если ты—сановникъ, придется тебѣ дать отвѣтъ не только за свои домовные грѣхи „но и за чюждіа, ихъ же судиши“. Тѣмъ же, кто не имѣетъ сана, отвѣтъ не труденъ, такъ какъ отвѣчать придется только за свои грѣхи. Помни, что какъ бы великъ ты ни былъ въ этомъ житіи, „смерть величества и сану не стыдится: на вся равно простираетъ всеядныя своя зубы; аще бо і всю землю въ житіи семъ кратцем повинеши подъ ся, умреши же—не множае трех лактеі наслѣдиши земля“.

Не полагайся на свои богатства. „Аще ли же мніши: соберу многа, и сам во всем житіи своем доволенъ буду, останок же раздаваа в милостыню, тѣмъ оцыщаюся отъ грѣх, — се есть подобно сему, яко нѣкій тать украде единъ велікіи златнікъ (золотой) и дастъ десят малых мѣдніцъ в милостыню, иже тма ихъ не сравняется единому златніку и речет: се единою грѣх сотворих, десятицею ж спасеніе“... Истинная милостыня такова, „еже и мало даати отъ своего труда и к вышнимъ себе завѣсти (зависти) не держати, к меншим же ненавѣсти (ненависти) и гордыні не имѣти, вся равно любити, воспоминаа, яко вси есмы созданіе Божіе, едина естества, и никогож не унічижити“.

Надо стыдиться священниковъ и почитать ихъ, какъ слугъ Божьихъ. Подобаетъ повиноваться священникамъ, „яко прѣвеликім учителем“, и ихъ власти бояться больше, нежели царской. „Их бо власть нетлѣнна есть, ибо не рече Господь ні ко единому цареви, яко — его же свяжеши на земли, будетъ связана на небесѣхъ и его же разрѣшиши на земли, будет разрѣшенъ на небесех, но сіе слово рече Господь къ священнымъ Своим апостолом“. Царская власть дѣйствительна только при жизни на землѣ. Если царь подвергнетъ кого либо казни, то эта казнь коснется только тѣла; „священник же мощенъ і в бесконечныя вѣкі и по смерти своеі душу съ тѣлом связати“...

Поученіе заканчивается молитвой.

3) **„О градѣ Муромѣ“**. Эта повѣсть, подъ заглавіемъ „Сказаніе объ обновленіи града Мурома“, изложена выше (§ 137). Въ образѣ Василія Ермолай изображаетъ себя самого. Василія несправедливо обвинили въ безнравственныхъ поступкахъ; его, Ермолая, оклеветали передъ царемъ. Василій чудесно былъ унесенъ изъ Мурома въ Рязань; онъ, Ермолай, убѣжалъ бы и водворился бы въ пустынѣ, если бы не былъ связанъ семьей. Василій получилъ оправданіе и помощь свыше; онъ, Ермолай, надѣется на то же самое. Повѣсть оканчивается такими словами: „Хотѣлъ бо распространити и не свѣмъ, како написати, понеже отъ чудеси многа лѣта преидоша, и азъ о семъ не добре свѣде и боюся, да не явлюся о семъ глаголай ложь. Якоже слышахъ, тако и написахъ; аще же нѣчто и не до конце свѣде написахъ, но имѣя въ помощь... Владычицу всѣхъ Богоматерь... да избавитъ ны отъ навѣтъ вражіихъ“.

4) **„Повѣсть о гордомъ Митяѣ и самовластномъ Пименѣ“**. Гордый Митяй, о которомъ говорится въ повѣсти, это—архимандритъ Митяй (Михаилъ), который былъ кандидатомъ Дмитрія Донского въ митрополиты послѣ смерти митрополита Алексѣя. Самовластный Пименъ это — архимандритъ Пименъ, который по смерти Митяя самъ себя объявилъ передъ константинопольскимъ патріархомъ кандитатомъ въ митрополиты и былъ поставленъ въ митрополиты. Митяй и Пименъ дѣйствовали въ то самое время, когда на митрополичью каѳедру въ Москвѣ изъявлялъ притязанія Кипіранъ (§ 149).

Изображая столкновеніе, происшедшее между Дмитріемъ Донскимъ и Кипріаномъ, Ермолай проводитъ мысль о томъ, что „гордымъ Богъ противится“. Такимъ образомъ, въ этой повѣсти, какъ и въ предыдущей, Ермолай пользуется образами прошлаго въ цѣляхъ самооборны отъ тѣхъ гордыхъ царедворцевъ, благодаря интригамъ которыхъ онъ былъ удаленъ отъ двора.

5) **Посланіе о составленіи грамоты**. Это посланіе адресовано „второму Ѳиладелѳу и книголюбцу“, т.-е. митрополиту Макарію, который предложилъ Ермолаю написать объ изобрѣтеніи азбуки. Матеріалы для своего посланія авторъ черпалъ изъ житія Стефана Пермскаго (§ 152) и изъ житій Кирилла и Меѳодія (кн. 1-ая, § 15). Посланіе отличается краткостью и до конца не доведено.

Ермолай Прегрѣшный, какъ священникъ, представляетъ

новое явленіе. Образованные священники появляются на Руси уже во вторую половину XV в., но образъ мыслей ихъ отличался радикализмомъ. Значительная часть этихъ священниковъ, изобличенная въ ереси, погибла. Но мысль, пробужденная въ кругу священниковъ, не была подавлена. Ермолай является типомъ новаго священника, образованнаго, хорошо владѣющаго перомъ, умѣло защищающаго себя отъ высокопоставленныхъ враговъ и въ то же время остающагося въ рамкахъ оффиціальнаго правовѣрія.

243. „Сказаніе о кѣевскихъ богатырехъ, какъ ходили во Царьградъ“. Въ Кіевѣ у великаго князя Владимира—пиръ. Владимиръ обращается къ богатырямъ съ слѣдующими словами: „Или то вамъ не свѣдомо богатырем, что отпущает на меня царь Константинъ изъ Царяграда 42 богатырей, а велитъ имь Кѣевь изгубити. И вы бы нынеча никуды не разежалися, берегли бы естя града Киева и всеѣ моее вотчины“. Богатыри бьютъ князю челомъ: „Государь князь Владимеръ кіевскій Всеславичъ! Отпусти насъ въ чистое поле: мы тебѣ, государю, прямыя вести отвѣдаемъ и приведемъ тебѣ, государю, языка добраго, тебѣ, государю, славу великую учинимъ и себя, государь, въ честь введемъ и всему твоему государству похвалу великую учинимъ и многія орды острастимъ“. Эти богатыри, числомъ семь, были слѣдующіе: 1) богатырь Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ, 2) богатырь Добрыня Никитичъ, 3) богатырь дворянинъ Залѣшанинъ, „сѣрая свита, злаченые пуговицы“, 4) богатырь Олеша Поповичъ, 5) бог... щата Елизыничъ (вмѣсто этого богатыря, имя котораго въ рукописи сохранилось только на половину, въ „Сказаніи о седми русскихъ богатыряхъ“ выведенъ богатырь Глапитъ), 6) богатырь Суханъ Доментьяновичъ и 7) богатырь Бѣлая палица, „краснымъ золотомъ украшена, четьимъ жемчугомъ унизана, посреде тоѣй палицы камень самоцвѣтный пламень“. На челобитье богатырей Владимиръ повторяетъ, что имъ не пригоже отъѣхать прочь и покинуть его одного въ Кіевѣ. „Въ тѣ поры“ богатыри закручинились, ударили князю челомъ и прочь пошли. Ѣдутъ богатыри по чистому полю и промежъ собой говорятъ такую пословицу: „Лутче бы мы тоѣ срамоты великія не слыхали, нежели мы отъ князя въ очи такое слово слышали, хотя бъ мы людей не дородились, да были бы мы богатыри не добрые и насъ бы въ Кѣевѣ сторожи стеречи не заставливали“. Илья

Муромецъ предлагаетъ товарищамъ поѣхать на встрѣчу цареградскимъ богатырямъ.

Богатыри ѣдутъ къ Царьграду. За 12 поприщъ отъ Царьграда богатыри перешли Смугру-рѣку и, встрѣтивъ 12 каликъ, обмѣнялись съ ними платьями. Узнавъ отъ каликъ, что цареградскіе богатыри похваляются взять Кіевъ, полонить великаго князя и великую княгиню и подъ мечъ приклонить удалыхъ богатырей, станныхъ людей, Илья Муромецъ заявляетъ, что хочетъ „голову сложить за государеву чашу и молитвы и за его хлѣбъ-соль великую". Оставивъ своихъ коней и всѣ „сряды богатырскія" на Смугрѣ, богатыри съ палицами, спрятанными подъ полами каличьихъ гунь (платьевъ), идутъ на Царьградъ. Дорогой богатыри уговариваютъ другъ друга быть „стерпивыми" къ татарскимъ рѣчамъ.

Придя въ Царьградъ, богатыри становятся на царскомъ дворѣ передъ краснымъ крыльцомъ и просятъ милостыню. Царь Константинъ въ это время пировалъ со своими богатырями, въ числѣ которыхъ были Идолъ Скоропѣевичъ (Скоропитъ), богатырь огромнаго роста и страшнаго вида, и Тугаринъ Зміевичъ. По приказанію царя Тугаринъ приглашаетъ каликъ въ палату, чтобы получить отъ нихъ вѣсти о Кіевѣ. По совѣту Идола Скоропѣевича царь выспрашиваетъ каликъ о кіевскихъ богатыряхъ, „каковы они ростомъ, прытостью". За каликъ отвѣчаетъ Илья. Тогда самъ Идолъ разспрашиваетъ о кіевскомъ богатырѣ Ильѣ: „Есть ли у васъ славной богатырь Илья Муромецъ? Каковъ онъ рожаемъ и каковъ великъ ростомъ?" Илья отвѣчаетъ: „Ростомъ только съ меня и рожею походитъ на меня". Идолъ замѣчаетъ „насмѣхаючись": „Аще ли правда, что онъ таковъ Илья Муромецъ, и я его посажу на ладонь и другою раздавлю". Идолъ проситъ царя отпустить поскорѣе своихъ богатырей на Кіевъ и учинить сѣчу великую. Алеша, не стерпѣвъ этихъ рѣчей, говоритъ Идолу, что, явившись къ Кіеву, цареградскіе богатыри не узнаютъ дороги, куда бы бѣжать, покатятся головы татарскія и прольется кровь богатырская. Идолъ разсердился на эти рѣчи, а дворянинъ Залѣшанинъ извиняетъ Алешу тѣмъ, что онъ государева меду опился. Идолъ спрашиваетъ у каликъ, каковы кони у кіевскихъ богатырей, и проситъ царя показать каликамъ коней цареградскихъ богатырей. По приказу царя „первую лошадь ведутъ Идола богатыря Скоропѣевича на

12 чепяхъ на золотыхъ; вторую ведутъ лошадь молода Тугарина Змієвича на 11 чепяхъ сребряныхъ; за тѣми ведутъ сорока дву богатырей". Понравились каликамъ лошади богатырскія, и они рѣшили завладѣть ими. „Не птички соловьи рано въ дубровѣ просвистали: свиснули, гаркнули богатыри богатырскимъ голосомъ, да свиснули палицы булатныя у Ильи Муромца съ товарищи: послетали головы татарскія, отняли себѣ по добру коню и, всѣдъ на кони, прочь изъ града поѣхали до Смугры-рѣки". Цареградскіе богатыри погнались за ними.

На Смугрѣ-рѣкѣ произошелъ бой между русскими и цареградскими богатырями. „И какъ съѣзжатся съ злыми полки татарскими и сорока дву богатыри цареградскими, свиснули, крикнули богатыри богатырскимъ голосомъ; отъ свисту и отъ крику лѣсъ разстилается, трава постилается, добрые кони на окарашки падаютъ, худые кони и живы не бывали. Не птички соловьи въ дубровѣ просвистали, свиснули: гаркнули русскіе богатыри, Илья Муромецъ съ товарищи". Страхъ охватилъ цареградскихъ богатырей. Идолъ Скоропѣевичъ сказалъ товарищамъ: „Государи мои товарищи! Сердце ся у меня ужаснуло, трепещется, и голова вкругъ обходитъ, и очима не мощно на свѣтъ глядѣть". Тугаринъ говоритъ: „Бо̀льшое намъ, товарищи, коли бъ смерти минути ли ся храбрость наша преложная на тихость". Илья сбилъ съ коня Идола Скоропѣевича, а Тугарина руками взялъ. Вся сила татарская и всѣ цареградскіе богатыри были избиты.

Ѣдутъ русскіе богатыри обратно въ Царьградъ. Илья докладываетъ царю Константину о побѣдѣ русскихъ богатырей и объясняетъ, что русскіе богатыри не тронутъ у царя ни золоса, потому что ѣздятъ безъ государева вѣдома. Идоломъ Скоропѣевичемъ Илья бьетъ челомъ царю Константину, чтобы царь не кручинился, а Тугарина отвезетъ въ Кіевъ, чтобы было „съ чѣмъ князю появитися". Услышавъ объ этомъ, мать Тугарина взмолилась „благовѣрной" царицѣ Еленѣ, чтобы она упросила русскихъ богатырей отпустить его. Елена проситъ ради слезъ ея не уводить младого Тугарина. Илья даетъ обѣщаніе свезти Тугарина въ Кіевъ для того только, чтобы похвалиться имъ передъ Владимиромъ и затѣмъ вернуть его въ Царьградъ живымъ и здоровымъ.

По дорогѣ къ Кіеву богатыри принимаютъ мѣры къ тому, чтобы подготовить князя къ своему возвращенію, и поручаютъ

это дѣло дворянину Залѣшанину: „Поѣдь ты, дворянинъ Залѣшанинъ, къ стольному граду Кѣеву: ты—жилецъ двора государева, много живешь во дворѣ государевѣ и всякій чинъ вѣдаешь. Обошли насъ государю князю Владиміру Всеславичу, велитъ ли намъ онъ свои государевы очи видѣти“. Дворянинъ Залѣшанинъ отправляется къ князю и извѣщаетъ его о возвращеніи богатырей съ „добрымъ языкомъ“ Тугариномъ Зміевичемъ.

Владиміръ допускаетъ къ себѣ богатырей и жалуетъ ихъ шубами, златыми „чепями“ и казной. Когда Владиміръ спрашиваетъ Тугарина о вѣстяхъ, послѣдній отвѣчаетъ: „Что меня, государь, о вѣстяхъ спрашиваешь? У тебя ли, государя, вотчины не во всѣхъ ли ордахъ, а богатырей твоихъ удалѣе нѣтъ и во всѣхъ земляхъ“. На пиру Илья бьетъ челомъ государю, чтобы государь „умилосердился“ и „пожаловалъ“ своихъ холопей: отпустилъ бы Тугарина въ Царьградъ ради обѣщанія, даннаго ими царицѣ Еленѣ. Владиміръ „пожаловалъ“ своихъ богатырей, отдалъ имъ Тугарина и похвалилъ ихъ за то, что они, семеро, побили сорокъ двухъ цареградскихъ богатырей. Богатыри поѣхали въ чистое поле и на рубежѣ отпустили Тугарина.

„Сказаніе о кѣевскихъ богатыряхъ, какъ ходили во Царьградъ и какъ побили цареградскихъ богатырей, учинили себѣ честь“, извѣстное также подъ неточнымъ заглавіемъ „Богатырское слово“, и варіантъ этого сказанія, подъ заглавіемъ „Сказаніе о седми русскихъ богатыряхъ“, представляетъ литературную переработку былиннаго сюжета объ Ильѣ Муромцѣ и Идолищѣ поганомъ (кн. 1-ая, § 208).

Между „Сказаніемъ“ и былинами объ Ильѣ и Идолищѣ есть нѣкоторое сходство.

Въ былинахъ дѣйствуетъ одинъ только богатырь — Илья, въ „Сказаніи“—семь русскихъ богатырей. Четверо изъ нихъ—извѣстные былинные богатыри: Илья Муромецъ, еще не представляемый крестьянскимъ сыномъ, Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичъ, сохранившій еще въ „Сказаніи“ черты древняго храбора Александра Поповича, и Сухманъ. Остальные трое изобрѣтены авторомъ „Сказанія“ или заимствованы изъ какихъ-нибудь сказокъ. Таковы, дворянинъ Залѣшанинъ, ...щата Елизыничъ (Глапитъ) и Бѣлая палица. Въ былинахъ Илья встрѣчается съ каликой и мѣняется съ нимъ платьемъ;

въ „Сказаніи“ богатыри тоже встрѣчаются съ каликами и мѣняются съ нимъ платьемъ. По былинамъ въ Кіевѣ (или въ Царьградѣ) сѣлъ Идолище, по „Сказанію“ — Идолъ Скоропѣевичъ, изображаемый такими же чертами, какъ и Идолище въ былинахъ: „А ростомъ, — говорится въ „Сказаніи,—добре не по обычею: межъ очима у него стрѣла ладится, межъ плечми у него большая сажень, очи у него, какъ чаши, а голова у него, какъ пивной котелъ, посмотрѣть на него—устрашиться“.

Между былинами и „Сказаніемъ“ есть и различія. Авторъ ввелъ въ свое „Сказаніе“ Тугарина Змѣевича, между тѣмъ какъ въ былинахъ объ Ильѣ и Идолищѣ Тугарина нѣтъ, да и вообще въ былинахъ никогда и нигдѣ Идолище и Тугаринъ не выступаютъ вмѣстѣ. По былинамъ и Идолище и Тугаринъ, погибаютъ первый отъ руки Ильи Муромца, второй отъ руки Алеши Поповича. По „Сказанію“ богатыри захватываютъ Идола и Тугарина живыми, причемъ Идола возвращаютъ невредимымъ Константину, а Тугарина везутъ въ Кіевъ, чтобы было съ чѣмъ явиться къ князю, и потомъ отпускаютъ обратно въ Царьградъ.

Замѣчательно въ „Сказаніи“ изображеніе Алеши Поповича. Не стерпѣвъ хвастовства Идолища, Алеша говоритъ, что цареградскіе богатыри, пріѣхавъ къ Кіеву, не узнаютъ дороги, куда бы бѣжать, что покатятся головы татарскія и прольется кровь горячая богатырская. Когда дворянинъ Залѣшанинъ извиняетъ слова Алеши тѣмъ, что онъ государева меду опился, и старается удержать его, Алеша отвѣчаетъ: „А онъ нашихъ богатырей ни во что ставитъ, великаго князя хулитъ и Ильѣ посмѣхается“. Завладѣвъ цареградскими богатырскими конями, богатыри ускакали къ Смугрѣ-рѣкѣ; одинъ Алеша остался на дворѣ, объявилъ царю, что товарищи его будутъ ждать цареградскихъ богатырей на Смугрѣ-рѣкѣ, и тогда только ускакалъ вслѣдъ за своими товарищами. Когда цареградскіе богатыри стали приближаться „съ великою силою поганою“, Алеша проситъ товарищей потерпѣть и дать ему одному „поправиться“ съ ними: „Хочю себѣ похвалу доспѣти, чтобъ увидялъ царь Константинъ и дошла бъ наша похвала до князя Владимира“.

„Сказаніе о кѣевскихъ богатыряхъ“ составлено въ началѣ второй половины XVI в., въ ту эпоху, когда Москва стала

уже царской. Это доказывается подробностями „Сказанія“ и основнымъ тономъ его.

Князь Владиміръ именуется великимъ княземъ, государемъ; у него—вотчины, которыя находятся во всѣхъ ордахъ; при государевомъ дворѣ находятся князья, „жильцы“ (дѣти боярскіе, составлявшіе дворцовую стражу и военную свиту государя) и богатыри, причемъ и князья, и жильцы, и богатыри изображаются въ положеніи холоповъ: обращаясь къ князю, они говорятъ придворнымъ московскимъ языкомъ, по всякому поводу бьютъ челомъ, просятъ пожаловать ихъ; для сношеній съ государемъ при богатыряхъ состоитъ „вѣдающій всякій чинъ“ жилецъ-дворянинъ, который справляется, „велитъ ли имъ государь свои государскіе очи видѣти“; Илья Муромецъ проситъ государя умилосердиться надъ своими холопами.

Авторъ „Сказанія“ изображаетъ походъ богатырей на Царьградъ. По „Сказанію“, Царьградъ находится не за моремъ, а въ степи, не особенно далеко отъ русской границы, по ту сторону Смугры-рѣки. Названіе этой рѣки напоминаетъ знаменитую Угру (§ 37), на которой встрѣтились Иванъ III и Ахматъ. Подъ Царьградомъ русскіе богатыри вступаютъ въ битву съ татарами. Сопоставляя эти данныя, можно придти къ заключенію, что Царьградъ, о которомъ идетъ рѣчь въ „Сказаніи“, на самомъ дѣлѣ, — столичный татарскій городъ, вѣроятнѣе всего, Казань, а походъ русскихъ богатырей на Царьградъ это одинъ изъ молодецкихъ русскихъ набѣговъ на Казанское царство, имѣвшій цѣлью добываніе „языка“.

Казань замѣнена Царьградомъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ той роли, которую Царьградъ игралъ въ дѣлѣ выработки національнаго московскаго міровоззрѣнія. Эта роль ярко изображается въ пѣсняхъ объ Иванѣ Грозномъ: „Есть чѣмъ царю мнѣ похвастати: я повынесъ царенье изъ Царяграда, царскую порфиру на себя одѣлъ, царскій костыль себѣ въ руки взялъ“... Въ нѣкоторыхъ варіантахъ этихъ пѣсенъ такую роль играетъ не Царьградъ, а Казань. Я,—хвастаетъ въ нихъ Иванъ,— „Казанское царство мимоходомъ взялъ, царя Симіона подъ миръ склонилъ, снялъ я съ царя порфиру царскую, привезъ порфиру въ каменну Москву, крестилъ я порфиру въ каменной Москвѣ, эту порфиру на себя наложилъ, послѣ этого сталъ Грозный царь“. Такимъ образомъ, по этимъ варіантамъ Грозный „повынесъ царенье“ не изъ Царьграда, а изъ Казани.

Такое представленіе роли Казани не было изобрѣтеніемъ пѣвцовъ: оно было распространено въ оффиціальныхъ московскихъ кругахъ, которые смотрѣли на Ивана Грознаго, какъ на преемника достоинства и титула покореннаго царя Казани. Защищая передъ польскимъ правительствомъ царскій титулъ Ивана, русскіе послы къ Сигизмунду-Августу говорили въ 1554 г.: „Опричь Русскіе земли нынѣ государю нашему Богъ далъ царьство Казанское, и что ему, государю нашему, Богъ далъ, и то хто у него оставитъ? И государь нашъ нынѣ зъ Божьею волею пишется царемъ русскимъ и казанскимъ; и то, панове, мѣсто Казанское, и сами знаете, извѣчное царьское потому жь, какъ и русское". Послѣ завоеванія Астрахани русскіе послы въ Польшѣ ссылаются въ 1556 г. не только на Казань, но и на Астрахань: „Нынѣ государю нашему,— говорили послы,—Богъ далъ къ его государству великіе два мѣста царскіе, на которыхъ государствахъ и вѣчно цари же были; и что государю нашему Богъ далъ, то у насъ кто возметъ?" На это польскій король такъ возражалъ: „Никоторый государь у кристьянствѣ тымъ именемъ не называетца, кромѣ басурманскихъ царей, а онъ, братъ нашь, есть государемъ кристьянскимъ". Возраженіе польскаго короля, вѣроятно, показалось въ московскихъ оффиціальныхъ кругахъ заслуживающимъ вниманія. Въ 1557 г. Иванъ Грозный отправляетъ въ Царьградъ къ патріарху пословъ съ грамотой, въ которой, между прочимъ, говорилось слѣдующее: „А котораго для дѣла приняли есмя вѣнчанье царства Русскаго изволеніемъ и рукоположеніемъ и соборными молитвами о Святѣмъ Дусѣ отца нашего и богомольца Макарія, митрополита всея Русіи, и всего священнаго собора рускіе митрополіи, и коликимъ милосердіемъ и неизреченною милостію преблагаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа взяли есмя царство Казанское и царство Астороханское со всѣми ихъ подлежащими, и какъ начальники тѣхъ царствъ богохульные цари со всѣми ихъ воинствы гнѣвомъ Божіимъ, яко огнемъ, нашею саблею потребишася, иніи жь въ нашихъ рукахъ просвѣтишася банею святаго крещенія и обще съ нами Богу хвалу воздаютъ, христіанскихъ же душъ премногое множество тѣхъ царствъ разореніи избавилъ Богъ отъ безбожныхъ томительства, — якожь восхотѣ Богъ, сіе и сотвори,—о томъ о всемъ, принеся Богу благодареніе, х тебѣ есмя приказали словомъ съ вашимъ посланникомъ митрополи-

томъ Евгрипскимъ Іасафомъ, и ты бъ его выпросилъ и хвалу воздалъ милосердому Богу, изліявшему на насъ премногую благодать свою и намъ бы еси о нашемъ вѣнчаньѣ благословенье свое соборне отписалъ своею грамотою съ нашимъ посланникомъ съ священноинокомъ Ѳеодоритомъ". Грамотѣ отъ цареградскаго патріарха Иванъ придавалъ большое значеніе. Въ наказѣ Ѳеодориту было сказано, что, если онъ получитъ отъ патріарха грамоту, то „съ тою грамотою ѣхати ко царю и великому князю не мотчая (не медля), а грамота вести одноконечно (непремѣнно) бережно". Такимъ образомъ, Иванъ Грозный рѣшилъ освятить унаслѣдованный отъ татарскихъ царей титулъ благословеніемъ цареградскаго патріарха: на грамоту съ такимъ благословеніемъ Иванъ могъ бы ссылаться, какъ на юридическое основаніе для титула, и утверждать, что свое царство онъ вынесъ изъ Царьграда.

Авторъ „Сказанія о кѣевскихъ богатыряхъ" замѣнилъ Казань, татарскій Царьградъ, греческимъ Царьградомъ, очевидно, по той же причинѣ, по которой Иванъ Грозный, вынесшій свое царство изъ басурманской Казани, предпочитаетъ утверждать, что свое царство онъ вынесъ изъ Царьграда, древней столицы православія.

244. Житія Макарьевскаго времени. Къ Макарьевскому времени относится рядъ житій, распадающихся на двѣ группы: 1) житія, обработанныя въ средѣ заволжскихъ старцевъ, и 2) житія, обработанныя въ средѣ іосифлянъ.

1) Житія, обработанныя въ средѣ заволжскихъ старцевъ. Къ житіямъ, обработаннымъ въ средѣ заволжскихъ старцевъ, относятся слѣдующія: а) Житіе Ѳерапонта, б) Житіе Мартиніана и в) Житіе Іоасафа.

а) Житіе Ѳерапонта. Житіе Ѳерапонта († 1426) составлено между 1547—1549 гг., вѣроятно, инокомъ Ѳерапонтова монастыря Матѳеемъ, перу котораго принадлежитъ и житіе Мартиніана. Матеріалы для обоихъ житій авторъ почерпалъ изъ житія Кирилла, составленнаго Пахоміемъ (§ 166), изъ грамотъ и устава Ѳерапонтова монастыря, изъ лѣтописей и, наконецъ, изъ устныхъ разсказовъ старыхъ иноковъ Ѳерапонтова монастыря.

Ѳерапонтъ, въ мірѣ Ѳеодоръ, былъ родомъ изъ боярскихъ дѣтей Поскотиныхъ города Волоколамска. Постригшись въ Симоновомъ монастырѣ, Ѳерапонтъ обратилъ на себя вниманіе

своею житейскою опытностью: игуменъ сталъ посылать его въ ближнія и дальнія мѣста для потребы монастырской, и Ѳерапонтъ всегда успѣшно выполнялъ всѣ порученія. Исполняя однажды одно изъ такихъ порученій, Ѳерапонтъ попалъ въ Бѣлозерскій край. Ѳерапонтъ заинтересовался этимъ пустыннымъ краемъ, обошелъ его и полюбилъ. Вернувшись въ монастырь, Ѳерапонтъ разсказалъ объ этомъ краѣ и его пустынности Кириллу (§ 166). Вмѣстѣ съ Кирилломъ Ѳерапонтъ покинулъ монастырь и ушелъ въ Бѣлозерье. Здѣсь нѣкоторое время онъ подвизался вмѣстѣ съ Кирилломъ, а потомъ удалился отъ него и на разстояніи 15 поприщъ, на прекрасномъ мѣстѣ между двумя озерами, основалъ свой монастырь, Ѳерапонтовъ, иноки котораго жили на началахъ общежитія, по уставу Кирилла. Никто не смѣлъ держать въ кельѣ особыхъ яствъ и какихъ-либо предметовъ, кромѣ иконъ, божественныхъ книгъ и рукодѣльныхъ орудій. Церковная служба совершалась съ глубокимъ благоговѣніемъ; за трапезой и въ кельяхъ соблюдалось строгое безмолвіе; въ свободное время иноки занимались переписываніемъ книгъ или плетеніемъ мрежей. Міряне не допускались къ участію въ монастырскихъ трудахъ.

Молва о строгой и богоугодной жизни дошла до князя Андея, сына Дмитрія Донского. Князь пригласилъ къ себѣ Ѳерапонта и попросилъ его взять на себя устройство монастыря близъ его города Можайска. Ѳерапонтъ исполнилъ просьбу князя и, по желанію его, взялъ на себя руководительство надъ новымъ монастыремъ, получившимъ названіе Лужецкаго.

Въ житіи Ѳерапонтъ изображается представителемъ монашескаго общежитія, поборникомъ личнаго труда монаховъ и приверженцемъ нестяжательности. Когда князь Дмитрій давалъ Ѳерапонту въ даръ земли, озера и рѣки, прося его молитвъ, преподобный „о многомъ его даяніи небрежааше и о духовномъ печашеся“.

б) Житіе Мартиніана. Житіе Мартиніана († 1483), составленное между 1547—1549 гг., тѣсно примыкаетъ къ житію Ѳерапонта.

Мартиніанъ, въ мірѣ Михаилъ, родился въ селеніи Сяма, находившемся за 50 поприщъ отъ Ѳерапонтова монастыря. Господь внушилъ родителямъ привести своего сына къ Кириллу Бѣлозерскому, который принялъ его и отдалъ его на обученіе грамотѣ опытному дьяку. Михаилъ обнаружилъ большіе успѣхи.

Испытавъ нравъ Михаила и увидя его чрезвычайное смиреніе и душевную чистоту, Кириллъ облекъ его въ иноческій образъ подъ именемъ Мартиніана. По прошествіи нѣкотораго времени Кириллъ отправилъ Мартиніана въ Ростовъ, гдѣ былъ поставленъ епископомъ въ діаконы и потомъ въ пресвитеры.

По смерти Кирилла Мартиніанъ удалился за 100 поприщъ отъ монастыря на островъ пустыннаго озера Воже, гдѣ основалъ свой монастырь. Устроивъ свой монастырь, Мартиніанъ ушелъ въ Ѳерапонтовъ монастырь. Когда Ѳерапонтъ былъ вызванъ княземъ Андреемъ для основанія новаго монастыря, иноки упросили Мартиніана сдѣлаться ихъ игуменомъ. Послѣ долгихъ отказовъ Мартиніанъ согласился.

Новый игуменъ особенныя заботы прилагалъ о томъ, чтобы въ монастырѣ все дѣлалось по чину Кирилла. Вновь постригавшимся Мартиніанъ прививалъ крѣпкое начало, наставляя ихъ духовному дѣланію.

Уже болѣе 20 лѣтъ руководилъ монастыремъ Мартиніанъ, когда разразилось междоусобіе державныхъ Русской земли: великій князь Василій II былъ схваченъ Дмитріемъ Шемякою, ослѣпленъ и сосланъ съ семействомъ въ Угличъ. Обличаемый въ своихъ дѣяніяхъ святителями, Шемяка освободилъ Василія отъ ссылки и далъ ему въ удѣлъ Вологду. Господь отвратилъ свое лицо отъ Шемяки и обратилъ сердца всѣхъ къ Василію: къ нему въ Вологду явились на помощь христіане и агаряне, чтобы снова возвести на престолъ. Прежде чѣмъ выступить въ походъ на Шемяку, князь отправился въ Ѳерапонтовъ монастырь и Кирилловъ, чтобы принять благословеніе. Съ великою честью принялъ Мартиніанъ князя, благословилъ его и велѣлъ идти на супостата, обѣщая побѣду. Князь, принявъ благословеніе, сказалъ Мартиніану, что, если онъ его молитвами сядетъ снова на своемъ престолѣ, то упокоитъ его монастырь, а его самого приблизитъ къ себѣ.

Предсказаніе Мартиніана исполнилось, и князь, исполняя свое обѣщаніе, сдѣлалъ Мартиніана игуменомъ Троицко-Сергіева монастыря.

Однажды отъ Василія съѣхалъ къ тверскому великому князю нѣкій именитый бояринъ, бывшій однимъ изъ близкихъ его совѣтниковъ. Василій обратился къ Мартиніану съ просьбой убѣдить этого боярина вернуться обратно, обѣщая боярину, если онъ вернется, еще больше почестей и богатства. Марти-

ніанъ исполнилъ просьбу князя. Едва бояринъ вернулся въ Москву, какъ онъ былъ схваченъ и заключенъ въ оковы. Мартиніанъ сильно оскорбился такимъ поступкомъ князя и немедленно отправился въ Москву. Явившись внезапно въ великокняжескую храмину, Мартиніанъ сталъ рѣзко обличать князя за совершенный поступокъ и затѣмъ, отказавшись благословить князя и его княженіе, гнѣвный, вернулся обратно. Князь созналъ свою неправду. Онъ велѣлъ освободить боярина, а самъ поѣхалъ въ Троицко-Сергіевскій монастырь, гдѣ получилъ отъ преподобнаго прощеніе и благословеніе.

Около восьми лѣтъ трудился Мартиніанъ въ Троицко-Сергіевомъ монастырѣ. Частыя посѣщенія монастыря княземъ и боярами, приближеніе старости и воспоминанія о Ѳерапонтовомъ монастырѣ были причиной того, что Мартиніанъ рѣшилъ покинуть Троицко-Сергіевъ монастырь и вернуться въ Ѳерапонтовъ.

Въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ Мартиніанъ былъ встрѣченъ съ великою радостью. Принявъ опять игуменство, Мартиніанъ продолжалъ трудиться и скончался въ глубокой старости.

Авторъ житія изображаетъ Мартиніана послѣдователемъ Кирилла и его устава, независимо держащимся въ отношеніи къ великому московскому князю, склоннымъ къ безмолвію и нестяжательности и поборникомъ внутренняго совершенствованія, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ житія: „Воспоминаше блаженный и сія часто на умѣ учителя своего наказаніе преподобнаго си отца Кирила чюдотворца слово, глаголющее, яко добро, рече, иноку молчаніе хранити и нестяжаніе и отбѣгати вредящихъ душевная чювьства“.

в) Житіе Іоасафа. Житіе Іоасафа († 1453) составлено неизвѣстнымъ авторомъ около половины XVI в., но не раньше 1547 г., по сказанію Паисія о Спасо-Каменномъ монастырѣ (§ 174) и по какому то „старому писанію“ о житіи и чудесахъ Іоасафа.

Іоасафъ, въ мірѣ — Андрей, былъ единственнымъ сыномъ Заозерскаго князя Дмитрія Васильевича и внукомъ Василія II. Тяжелыя времена переживала Русская земля въ дѣтствѣ Андрея: голодъ, моръ, нашествія казанскихъ татаръ. Во время одного изъ такихъ нашествій былъ убитъ отецъ Андрея, князь Дмитрій, а въ скоромъ времени послѣ этого скончалась и мать Андрея. Когда Андрей осиротѣлъ, ему было 12 лѣтъ. Онъ понялъ

суету сего міра, отправился въ Спасо-Каменный монастырь, чтобы постричься въ иноки. Игуменъ монастыря Кассіанъ облекъ Андрея въ иноческій образъ подъ именемъ Іоасафа, въ память индѣйскаго царевича, тоже отложившаго царскій санъ ради спасительнаго ига Христова.

Игуменъ поручилъ отрока руководству духовнаго старца Григорія, но и самъ часто училъ его „не имѣти своея воля, но держати послушаніе и смиренную мудрость и сердце свое блюсти отъ скверныхъ помышленій и братися съ тайными страстьми и ждати присно смертнаго часа и боятися страшнаго прещенія огненаго и пещися о семъ прилѣжно". „Подобаетъ чернецемъ, — продолжалъ свои поученія игуменъ, — паче же юнымъ со внутренымъ хранениемъ телеснѣ трудитися, а не празднымъ быти: оружіе бо чернеческое — разсужденіе и цѣломудріе и тщаніе на дѣло Божіе". Іоасафъ, слѣдуя наставленіямъ своего наставника, подвизался въ терпѣніи, послушаніи, смиреніи, „упражняяся отъ всякаго лукаваго дѣланія"; онъ преуспѣвалъ въ добродѣтеляхъ, „благою кротостію, разумною простынею (простотою сердца), смиреніемъ сердца отъ всякія печали безумныя свободися".

Однажды Іоасафъ сподобился благодатнаго видѣнія. Самъ Господь и Спасъ нашъ явился Іоасафу и обѣщалъ ради его вольнаго отреченія отъ отеческаго наслѣдія наполнить его отчину пустынниками. На вопросъ Іоасафа, что болѣе всего нужно для спасенія души, Спаситель отвѣтилъ: „Вѣру ми ими, яко истинну рекъ, яко аще любовь матере добродѣтелемъ тѣхъ обрящу имѣющихъ и моя заповѣди хранящихъ, ни о единомъ же нужнемъ попекутся, но азъ все промышленіе о нихъ имѣю". На вопросъ Іоасафа, какъ избѣжать козней и сѣтей вражіихъ, Спаситель отвѣтилъ: „кротостию и правдою и смиреннымъ сердцемъ"; тѣхъ людей, которые проникнутся этими глаголами, Спаситель сотворитъ „уготованнымъ бранемъ и лукавыхъ навѣтъ превыше" и пріобщитъ къ царствію небесному.

Діаволъ, видя Іоасафа внѣ своихъ сѣтей, вздумалъ низложить его „златнымъ имѣніемъ". По внушенію діавола, ржевскій князь Борисъ Васильевичъ, дядя Іоасафа, задумалъ придти въ Спасо-Каменный монастырь и дать Іоасафу золота для того, чтобы Іоасафъ, покинувъ обитель, устроилъ себѣ особое иноческое жительство. Іоасафъ отвергъ предложеніе дяди и посовѣтовалъ ему раздать деньги нищимъ.

Пять лѣтъ Іоасафъ жилъ „благодаря Бога, и всего сожитія человѣческаго ошаяся (воздерживаясь), въ молитвѣ и вниманіи къ Богу умъ свой присно имѣа, зрителное присно очищая и свѣтъ божественнаго разума собирая въ сердцы своемъ и чистотою сего созерцая славу Господню“.

Семнадцати лѣтъ Іоасафъ тѣлесно занемогъ. Передъ своей кончиной Іоасафъ обратился къ инокамъ съ поученіемъ, въ которомъ увѣщевалъ ихъ повиноваться игумену и помнить, что любовь другъ къ другу—основной Христовъ законъ.

Въ житіи Іоасафа изображается преобладаніе внутренняго аскетизма надъ внѣшнимъ, богомысліе, самоуглубленіе, борьба съ грѣховными помыслами, нестяжательность и почитаніе любви, какъ высшей христіанской добродѣтели.

2) **Житія, обработанныя въ средѣ іосифлянъ**. Въ средѣ іосифлянъ были обработаны слѣдующія житійныя произведенія: а) „Волоколамскій патерикъ“, б) Житіе митр. Іоны, в) житія Іосифа Волоцкаго, г) Житіе Кассіана Босого, д) Житіе старца Фотія и е) Житіе Даніила Переяславскаго.

а) „Волоколамскій патерикъ“. „Волоколамскій патерикъ“, составленный около 1548 г., принадлежитъ, какъ думаютъ, перу волоколамскаго инока Досиѳея Топоркова. Онъ представляетъ изъ себя сборникъ краткихъ поучительныхъ повѣстей и изреченій, содержаніе и происхожденіе которыхъ находится въ связи съ жизнью и личностями Пафнутія Боровскаго, Іосифа Волоцкаго (§§ 175 — 176), и ихъ учениковъ. Образцомъ для „Волоколамскаго патерика“ послужили переводные патерики (кн. 1-ая, §§ 89 — 91): отсюда авторъ заимствовалъ не только форму, но и мотивы нѣкоторыхъ повѣстей.

„Волоколамскій патерикъ“ состоитъ изъ вступленія, изреченій и повѣстей.

аа) Вступленіе. Во вступленіи авторъ прежде всего говоритъ о своемъ намѣреніи послѣдовать примѣру древнихъ, которые записывали замѣчательныя событія изъ жизни святыхъ мужей, и разсказать „бывшаа въ обители отца Паѳнутія и ученика его отца Иосиѳа“. Разсказавъ кратко объ основаніи Волоколамскаго монастыря, авторъ сообщаетъ свѣдѣнія о Волокѣ и Великомъ Новгородѣ, указываетъ на то, что ни Новгородъ, ни Волокъ не были взяты „агарянами“, и по этому поводу передаетъ слѣдующій разсказъ. Когда Батый подошелъ къ Кіеву, то увидѣлъ „у каменыя церкви надъ дверми напи-

санъ великый Михаилъ архангелъ и глагола княземъ своимъ, показуя перъстомъ: сей ми възбрани пойти на Великий Новъгородъ". Авторъ замѣчаетъ, что этотъ разсказъ повѣдалъ своимъ ученикамъ Пафнутій Боровскій, который самъ слышалъ его отъ своего дѣда и отъ другихъ татарскихъ баскаковъ. Предисловіе оканчивается указаніемъ автора на задачи, предметъ и характеръ его труда.

бб) Изреченія. Изреченія „Волоколамскаго патерика" вложены въ уста Іосифа. Ихъ всего пять.

Изреченіе первое. „Рече старецъ Иосиѳъ: Якоже инокъ пребываяй въ кѣліи своей и прилежа рукодѣлію и молитвѣ и чтенію и себѣ внимая, отъ облегченіа совѣсти, отъ слезъ имать утѣшеніе; начальствуяй же братми, едино имать утешеніе, аще видитъ своя чада по Бозѣ живуща, по божественому апостолу. Болше сеа радости не имать, да вижу моя чада во истинѣ ходяще".

Изреченіе второе. „Рече паки: Истинное сродство се есть, еже подобитися добродѣтелію сродному и Богови угодная творити, ему спострадати во всемъ".

Изреченіе третье. „Рече паки: Достоитъ иноку въ общемъ житіи живущу едино брашно оставляти и глаголати: сіе—часть Христа моего".

Изреченіе четвертое. „Рече паки: Аще который братъ совершитъ довлѣеся трапезною пищею (поѣстъ вдоволь), отъ сего не осуженъ будетъ, яко съ благословеніемъ предлагаема суть. Горе же тайно ядущему, по писанію Григорія Двоеслова, и вещи и сребреникы особно имущему".

Изреченіе пятое. „Рече паки: Се есть милостыня обще живущимъ, еже пострадати другъ другу и претерпѣти смутившемуся нань брату и не воздати зла за зло".

Изъ этихъ изреченій первыя два имѣютъ общій характеръ; вторыя два касаются внѣшняго благочестія и имѣютъ цѣлью укрѣпить начала общежитія, заимствованныя Іосифомъ изъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря; пятое изреченіе заключаетъ въ себѣ наставленіе общаго характера, примѣнительно къ общежитію.

вв) Повѣсти. Всѣхъ повѣстей, помѣщенныхъ въ „Волоколамскомъ патерикѣ", — 29. Изъ нихъ однѣ вложены въ уста Іосифа, другія—въ уста Пафнутія.

Наиболѣе интересны слѣдующія повѣсти.

α) *Повѣсть 1-ая.* Первая повѣсть ведется отъ лица Іосифа.

Жилъ нѣкій человѣкъ, который колебался между православіемъ и жидовскою ересью. Покаявшись, онъ былъ снова принятъ въ церковь; но сомнѣнія попрежнему находили на него. Однажды, когда этотъ человѣкъ сталъ во время богослуженія „еретическая мудрствовати", отъ алтаря внезапно снизошелъ огонь и опалилъ его. Онъ разсказалъ о происшедшемъ чудѣ, выразилъ подъ его вліяніемъ совершенное раскаяніе и былъ поставленъ въ попы. Однако выраженное раскаяніе не оказалось полнымъ. Однажды новопоставленный попъ послѣ литургіи явился въ свой домъ, „потырь (потиръ) имѣя въ руку своею, пещи тогда горящи, а подружіе (жена) его стоя брашно варяше. Онъ же, волліа (выливъ) ис потыря въ огнь пещный, отиде. Подружіе же его воззрѣ въ пещь и видѣ во огни отрочя мало, и гласъ отъ него изыде, глаголя: ты меня здѣ огню предаде, а азъ тебе тамо вѣчному огню предамъ. Абіе отверзеся покровъ у избы, и жена зрить — прилетѣли двѣ птицы велики и взяша отрочя ис пещи, полетѣша на небо. Ей ся видѣли птицы, ано то ангели. И покровъ изьбный по обычею сталъ".

Повѣсть первая сложилась подъ двумя вліяніями.

Во-первыхъ, подъ вліяніемъ переводныхъ повѣстей на подобную же тему. Одинъ еретикъ северіанинъ — повѣствуется въ „Лимонарѣ",—заставилъ свою жену извергнуть св. Причастіе, принятое ею въ православной церкви, въ грязь; тотчасъ она молніей была восхищена отъ земли.

Діаволъ,—разсказывается въ одной повѣсти изъ „Скитскаго патерика" — внушаетъ одному старцу сомнѣніе въ таинствѣ причащенія, и старецъ не идетъ въ церковь. Братія, узнавъ объ этомъ, берутъ старца въ церковь и молятся объ его вразумленіи. Во время богослуженія старецъ проливаетъ слезы, а потомъ разсказываетъ братіи о бывшемъ ему видѣніи. Во время чтенія Евангелія онъ видѣлъ, что кровля храма разверзлась и слова евангельскія восходили, какъ огонь, на небо. Когда переносили св. Дары, опять отверзлись небеса, сталъ исходить огонь, а съ огнемъ сошли множество ангеловъ, среди ангеловъ два чудныхъ лица, а среди этихъ лицъ—малый отрокъ. Ангелы стали вокругъ трапезы, два лица — надъ трапезою, а отрокъ посреди нихъ. Когда были окончены молитвы и приблизились клирики, чтобы раздробить хлѣбы причащенія, ста-

рецъ увидѣлъ, что два лица стали держать отрока за руки и ноги, затѣмъ взяли ножъ, закололи его, источили его кровь, разсѣкли его тѣло, положили куски тѣла на хлѣбы,—и хлѣбы стали тѣломъ. Подходя къ причастію, братія получали тѣло, которое у нихъ становилось хлѣбомъ. Старецъ тоже получилъ тѣло, но хлѣбомъ оно стало только послѣ того, какъ старецъ вознесъ особую молитву и сотворилъ исповѣданіе вѣры. По окончаніи службы снова отверзлась церковная кровля, и божественныя силы вознеслись на небеса.

Между этой повѣстью и повѣстью изъ „Волоколамскаго патерика" есть и сходство и различіе. Сходство заключается въ томъ, что и тамъ и здѣсь для вразумленія невѣрующаго совершается чудо: на мѣстѣ св. Даровъ появляется живой отрокъ. Различіе между обѣими повѣстями заключаются въ слѣдующемъ: въ русской повѣсти дѣйствіе происходитъ въ домѣ, а не въ храмѣ, отрокъ появляется въ печи и чудесно сохраняется отъ огня.

Во-вторыхъ, подъ вліяніемъ сказаній о чудесномъ сохраненіи мальчика, брошеннаго въ печь (см. § 192).

β) *Повѣсть 2-ая.* Вторая повѣсть ведется отъ лица Вассіана Санина.

Въ Москвѣ въ соборной церкви Успенія Вассіанъ видѣлъ однажды человѣка поселянина, который прилежно молился великому Христову мученику Никитѣ. Разспрошенный о „винѣ таковаго моленія", поселянинъ разсказалъ слѣдующее. Онъ былъ долгое время одержимъ болѣзнью и, лежа на постели близъ открытаго окна, призывалъ великомученика Никиту. Родные много разъ уговаривали его пригласить чародѣя, но онъ рѣшительно не соглашался на это. Однажды ночью больной услышалъ, что открылись ворота его дома. Поднявъ взоры, онъ увидѣлъ свѣтлаго мужа, приблизившагося къ открытому окну, и велѣлъ встать и выйти къ нему. Больной всталъ и почувствовалъ себя выздоровѣвшимъ. Онъ вышелъ изъ комнаты, и поклонился свѣтлому мужу до земли. Поднявшись, поселянинъ увидѣлъ, что прилетѣлъ на конѣ, какъ птица, какой-то черный человѣкъ съ огненнымъ мечомъ въ рукѣ; этотъ человѣкъ намѣревался поразить поселянина мечомъ, но свѣтлый мужъ возбранилъ ему это и велѣлъ ему сдѣлать это съ нѣкоторыми другими жителями этой веси, которые приглашали къ себѣ чародѣевъ. Черный мужъ улетѣлъ, какъ птица. Свѣтлый мужъ

оказался великомученикомъ Никитой. На другой день оказалось, что люди, указанные Никитой черному мужу, умерли ночью.

Сюжетъ этой повѣсти навѣянъ переводными патериками. Нѣкій старецъ,— разсказывается въ одномъ патерикѣ,—видѣлъ, какъ къ одному больному богачу явились на черныхъ лошадяхъ черные и страшные всадники съ огненными жезлами въ рукахъ; взявъ душу богача, они удалились.

γ) *Повѣсть 8-ая.* Старецъ Никандръ разсказываетъ о страданіяхъ, которыя онъ претерпѣлъ отъ татаръ, „въ прихожденіе еже ко Угрѣ безбожнаго царя агарянскаго Ахмата". Онъ попалъ въ плѣнъ къ татарамъ, и татары стали требовать отъ него, чтобы онъ бросилъ въ огонь кресты, снятые съ христіанъ. Никандръ отказался. Татары били его этими же самыми крестами и грозили предать его смерти. Вдругъ на татаръ напалъ страхъ. Они обратились въ бѣгство, а Никандра бросили полураздѣтаго и босого на „лединѣ", и онъ едва не замерзъ: „перьсти ногамъ его отпадоша". Спасенный вѣрными, Никандръ постригся у Іосифа и 43 года подвизался, исполняя всякую добродѣтель.

δ) *Повѣсть 9-ая.* Старецъ Никандръ разсказываетъ о чудѣ, совершившемся въ Литвѣ, гдѣ онъ жилъ въ молодости.

У одной вдовы умеръ сынъ. Мать горько оплакивала своего сына и взывала къ Богородицѣ. Внезапно сынъ ея воскресъ. Воскресшаго стали разспрашивать, „аще что видѣ отъ тамо сущихъ", но онъ ничего не могъ вспомнить,—какъ и другіе обмиравшіе и воскресавшіе. По поводу этого чуда авторъ „Волоколамскаго патерика" упоминаетъ другіе случаи обмиранія и говоритъ, что не слѣдуетъ погребать умершихъ сейчасъ же послѣ смерти и „на студени полагати".

ε) *Повѣсть 13-ая.* Іосифъ разсказываетъ слѣдующее.

Нѣкій игуменъ въ Тверской странѣ, весьма добродѣтельный, имѣлъ обычай стоять у церковныхъ дверей и бить жезломъ иноковъ, выходившихъ изъ церкви безъ крайней надобности. Передъ смертью игумена постигла особая болѣзнь, которая „яко огнемъ пожизаше руцѣ его". Братія ставила ему „делву" (боченокъ), полную снѣга. Игуменъ погружалъ руки въ снѣгъ, и ему становилось легче. Пафнутій Боровскій объяснилъ болѣзнь, постигшую игумена, какъ наказаніе, ниспосланное ему Богомъ на землѣ, чтобы избавить его отъ мукъ за гро-

бомъ, ради его добродѣтельнаго житія и благихъ намѣреній, съ которыми онъ, по невѣдѣнію, творилъ грѣхъ.

ζ) *Повѣсть 14-ая.* Повѣсть ведется отъ лица Іосифа. Когда Орда грѣхъ ради нашихъ слыла еще золотой, попали въ плѣнъ два брата. Въ плѣну оба брата въ первый день отказались отъ предложенной татарами пищи. Черезъ день одинъ изъ братьевъ не выдержалъ и сталъ принимать пищу; а другой, всегда соблюдавшій постъ по понедѣльникамъ, три дня терпѣлъ и за это подвергался тяжкимъ побоямъ, былъ связанъ и брошенъ подъ телѣгу. Въ полночь явился нѣкій свѣтлый мужъ, который провелъ его черезъ всю орду и подвелъ къ одному дереву, на которое велѣлъ ему взобраться и тихо сидѣть. На вопросъ освобожденнаго, кто онъ, свѣтлый мужъ отвѣтилъ: „свѣтлый азъ понедѣльникъ". Скрываясь въ вѣтвяхъ дерева, освобожденный видѣлъ, какъ агаряне, замѣтивъ его исчезновеніе, кинулись на его брата, стали бить его и жарить на огнѣ, „якоже свини палятъ", и „сожгоша его". Послѣ этого орда снялась съ мѣста и ушла, а спасшійся отъ плѣна сошелъ съ дерева, пошелъ на Русь, явился въ Пафнутіевъ монастырь и здѣсь постригся.

Въ этой повѣсти любопытно олицетвореніе понедѣльника, аналогичное болѣе распространеннымъ олицетвореніямъ недѣли и пятницы (§§ 201—202, кн. 1-ая, §§ 82, 83).

η) *Повѣсти 15-ая—21-ая.* Эти повѣсти имѣютъ особое заглавіе: „Повѣсти отца Пафнутія". Въ 15-ой повѣсти разсказывается о великомъ морѣ, постигшемъ Русь въ 1427 г. Остальныя повѣсти имѣютъ эсхатологическій характеръ.

„Мерли болячкою, глаголемою прыщемъ,—повѣствуетъ Пафнутій,—и кому умереть, и прыщь той на немъ синь бываше, и, три дни болѣвъ, умираше. И которыи себе берегли, и они с покаяніемъ и в черньцехъ животъ скончеваху: елицижe нечювъствены, питию прилежаху, занеже множество меду пометнуто и презираемо бѣ. Они же в толико нечювствіе пріидоша злаго ради піаньства—единъ от піющих, внезапу пад, умираше; они же, ногами под лавку впихавъ, паки прилежаху питію". А кому суждено было остаться въ живыхъ, у тѣхъ болячка была червленая; они долго лежали: мѣсто сгнивало, и они оставались въ живыхъ. Остававшіеся въ живыхъ собирали золото и серебро, „а о иномъ не брегуще ни о чем". И это было наказаніемъ Божіемъ: Богъ сотворилъ „вѣдомо",

кому умереть и кому остаться въ живыхъ, „занеже въ трі дни мочно покаятися и в черньци постричися“.

Во время этого мора умерла нѣкая инокиня и затѣмъ въ скоромъ времени возвратилась въ свое тѣло и разсказывала, что и кого видѣла въ раю и въ аду. Слышавшіе это, разсудили по житію тѣхъ, о которыхъ разсказывала инокиня, и рѣшили, что то была правда.

Инокиня видѣла въ раю великаго князя Ивана Даниловича, котораго называли Калитою потому, что былъ очень милостивъ, носилъ при себѣ „калиту“ (кошель), наполненную серебрениками, и давалъ нищимъ столько, „сколько вымется“. Одинъ нищій, получивъ отъ Ивана милостыню, пришелъ къ нему во второй разъ. Иванъ опять далъ ему. Нищій пришелъ и въ третій разъ. Иванъ опять далъ ему, говоря: „Възми, несытыи зѣницы!“ Нищій отвѣтилъ Ивану: „Ты — несытыи зѣницы: и здѣ царствуешь, и тамо хощеши царствовати“. Разсказчикъ дѣлаетъ отсюда такой выводъ: „И отъ сего явѣ есть, яко отъ Бога посланъ бяше, искушая его и извѣщая ему, яко по Бозѣ бяше дѣла его, еже творить“.

Князь Иванъ Даниловичъ видѣлъ сонъ. Передъ нимъ была великая гора, на вершинѣ которой лежалъ снѣгъ. Вдругъ снѣгъ сталъ таять и исчезъ. Спустя немного времени и гора „изгибе“. Разсказавъ о своемъ видѣніи митрополиту Петру, Иванъ получилъ такое объясненіе: „Чадо и сыну духовный! Гора ты еси, а снѣгъ — азъ. И преж тебѣ мнѣ есть отойти от жизни сеа, а тебѣ по мнѣ“. Такъ и случилось.

Вышеупомянутая инокиня, видѣвшая Ивана Даниловича въ раю, оттуда направилась къ мѣсту мукъ и на нѣкоторомъ разстояніи отъ него увидѣла „одръ, а на нем пса лежаща, одѣяна шубою соболіею“. На вопросъ инокини, что это, спутникъ отвѣтилъ ей, что это—шербетникъ агарянинъ, отличавшійся при жизни добродѣтельностью и совершавшій неизреченныя милостыни: „Толико же бѣ милостивъ, всѣхъ искупая ото всякия бѣды и отъ долгу и (ихъ) пускаше и по ордамъ посылая и плененыя христіаны искупуя пущаше. И не точію человеки, но и птица от уловивших искупуя пускаше“. Этотъ агарянинъ не удостоился попасть въ рай, потому что не потщился стяжать истинную вѣру, но за свою добродѣтельную жизнь былъ избавленъ отъ мукъ. „Показа же Господь по человѣческому обычаю: зловѣрія ради его в песіем образѣ, ми-

лостыни же честное многоцвѣтною шубою обьяви, еюже покрываемъ, избавленіе вѣчныя муки назнамена: тамо бо и невѣрных душа не въ песіем образѣ будуть, ниже шубами покрываются, но якоже рѣхъ, псом зловѣріе его объяви, шубою же честное милостыни. Вижь ми величество милостыни, — заключаетъ повѣствователь, — яко и невѣрным помогает".

Отсюда инокиня попала на мѣсто мученія и тамъ увидѣла въ огнѣ „человѣка велика суща в здѣшней славѣ, латинскія вѣры суща (Витовта литовскаго), и мурина страшьна стояща и емлюща клещами изо огня златица и в рот мечуща ему и глаголюща: сице насытися, окаанне".

Блаженный Пафнутій говорилъ, что человѣка, законно живущаго, можетъ спасти одна милостыня, и разсказалъ то, что онъ слышалъ про нѣкоего человѣка, творившаго милостыню до скончанія живота. Когда этотъ человѣкъ скончался, онъ былъ приведенъ, „яко же нѣкоему откровено бысть о немъ", къ огненной рѣкѣ, по ту сторону которой простиралось „мѣсто злачно и свѣтло зѣло и различнымъ садовиемъ украшено". Не было никакой возможности перейти черезъ эту рѣку. Внезапно появилось множество нищихъ и „пред ногами его начашася класти по ряду и сътвориша яко мостъ чрезъ страшную ону рѣку; онъ же прейде по них въ чудное то мѣсто".

ϑ) *Повѣсть 24-ая.* Іосифъ разсказываетъ о грозномъ знаменіи, которымъ Господь показалъ, что жертва, приносимая за убійцу, Ему не угодна. Нѣкій служащій, по наущенію княжескаго сына, убилъ одного княжескаго боярина въ городѣ Воротынскѣ. И княжичъ, и убійца въ скоромъ времени умерли. Мать убійцы попросила священника отслужить заупокойную литургію по своемъ сынѣ. Приступивъ къ литургіи, священникъ послалъ за просфорами. Что же случилось? Просфорникъ, открывъ печь, гдѣ пеклись просфоры, нашелъ, что она наполнена кровью.

ι) *Повѣсть 26-ая.* Разбойникъ Іаковъ, по прозванію Черепинъ, — разсказываетъ Іосифъ, — покаялся и постригся у Пафнутія, но потомъ покинулъ монастырь, вернулся къ разбоямъ и однажды чуть не убилъ самого Пафнутія. Наконецъ, разбойникъ снова раскаялся, ушелъ въ Саввину пустынь къ отцу Варсонофію и тамъ мирно скончался. Пафнутій говорилъ, что Богъ послалъ бывшему разбойнику добрый конецъ потому,

что послѣдній самъ не убивалъ людей и дружинѣ своей не позволялъ убивать.

г) Повѣсть 29-ая. Въ ней разсказывается о томъ, какъ мужъ отомстилъ измѣнившей женѣ. Содержаніе повѣсти разсказано въ книгѣ 1-ой, § 224.

б) Житіе митрополита Іоны. Житіе митрополита Іоны († 1461), составлено въ 1547 г. неизвѣстнымъ авторомъ-іосифляниномъ, по порученію митрополита Макарія. Въ житіи Іоны, изобилующемъ общими мѣстами и скудномъ фактическимъ содержаніемъ, любопытны слѣдующіе эпизоды.

Митр. Іона исцѣлилъ дочь великаго князя Василія II Анну. Нѣкій человѣкъ не повѣрилъ чуду исцѣленія и хулилъ святого. Іона сталъ упрекать его за невѣріе къ Богу, творящему черезъ него чудеса. Нѣкоторое время спустя этотъ человѣкъ онѣмѣлъ и потомъ умеръ.

Пименъ, „погребной ключникъ“ Іоны, отказался дать „меду испити“ одной вдовицѣ. Вдовица обратилась тогда къ самому митрополиту. Узнавъ, что она уже обращалась къ Пимену, Іона призвалъ его къ себѣ и сдѣлалъ строгій выговоръ. „Не вѣси ли, брате,—говорилъ митрополитъ,—какову еси вдовицу оскорбилъ, Божію угодницу? И за сіе посла на тебе Богъ смертное посѣченіе. Иди скоро, покайся: пріиде бо время отшествія твоего“. Іона повелѣлъ своему духовнику постричь Пимена „въ схиму“. Въ тотъ же день Пименъ, по слову святителя Божія, преставился.

Ключарь митрополита Іаковъ имѣлъ видѣніе, которое повелѣно было ему свыше передать митрополиту. Это же самое видѣніе имѣлъ и митрополитъ. По робости своей Іаковъ не рѣшился исполнить повелѣніе. Іона призвалъ его къ себѣ, сдѣлалъ ему строгое внушеніе и, сказавъ, что за неповиновеніе у него умретъ жена, велѣлъ ему идти скорѣе домой, чтобы „управить душу ея покаяніемъ“.

Пафнутій Боровскій однажды не исполнилъ въ своемъ монастырѣ нѣкоего распоряженія Іоны. Вызванный въ Москву для объясненія, Пафнутій отвѣчалъ митрополиту „негладостне и неподобательне, якоже подобаетъ гладостно и подобательно великовластнымъ глаголати“. Митрополитъ „би его жезломъ своимъ“ и велѣлъ посадить его въ темницу. Пафнутій раскаялся и попросилъ прощенія. Тогда онъ былъ выпущенъ на свободу.

Ключарь Максимъ видитъ слѣдующее видѣніе. Въ Успенскомъ соборѣ двери открыты, горятъ свѣчи, раздается пѣніе. Гласъ свыше возвѣщаетъ, что рабъ Божій Іона митрополитъ проситъ для спасенія души тѣлесныхъ страданій, и эти страданія будутъ ему посланы. Ключарю велѣно было передать это видѣніе митрополиту.

в) Житія Іосифа Волоцкаго. Жизнь Іосифа Волоцкаго (§ 175) послужила предметомъ трехъ житій.

α) Житіе первое. Первое житіе, составленное въ 1546 г. по благословенію митрополита Макарія, принадлежитъ перу ученика Іосифа Саввы Чернаго, впослѣдствіи епископа Крутицкаго. Это житіе принадлежитъ къ лучшимъ по обилію и точности фактическихъ данныхъ.

Вотъ наиболѣе интересныя мѣста этого житія.

Характеризуя благочестивую жизнь иноковъ Волокаламскаго монастыря, авторъ называетъ ихъ „чудными христовыми страдальцами“, которые „своимъ произволеніемъ сами себя мучатъ“, ночью на молитвѣ стоятъ, а днемъ спѣшатъ на дѣло, соревнуя другъ съ другомъ; они носятъ худыя изорванныя одежды, какъ и самъ Іосифъ; они съ усердіемъ кладутъ много поклоновъ; нѣкоторые изъ нихъ носятъ тяжкія вериги; въ холодной церкви они стоятъ въ худыхъ своихъ одеждахъ и терпятъ лютую стужу, „поминая кождо несогрѣемый“ тартаръ; они воздерживаются отъ празднословія, соблюдаютъ молчаніе и, памятуя о смертномъ часѣ, при всякомъ дѣлѣ непрестанно молятся; особенно ревностно они соблюдаютъ положенный чинъ въ церкви, въ которую спѣшатъ къ началу пѣнія; на трапезѣ они молча внимаютъ божественному чтенію; согласно правилу общаго житія иноки вкушаютъ одинаковую пищу и питье. Совершая свои подвиги, Іосифъ и братія поддерживаютъ свою энергію воспоминаніемъ о страшномъ судѣ. Они говорятъ себѣ: „Вѣкъ мой скончавается, и страшный престолъ готовится: судъ мене ждеть, претя ми огненою мукою и пламенемъ негасимымъ“.

Излагая исторію борьбы Іосифа съ жидовствующими, авторъ всецѣло становится на сторону своего учителя. Онъ называетъ еретиковъ „проклятыми“, „треклятыми“, „нечестивыми“, „богоборными“, „безбожными“, а наказанія, которымъ были подвергнуты еретики, считаетъ плодомъ внушенія Св. Духа: поддавшись увѣщаніямъ Іосифа и руководясь соборнымъ опре-

дѣленіемъ, Василій III,—говоритъ авторъ,—„великою радостью возрадовася и подвигся отъ Св. Духа и царскою властію, яко левъ, возгласи и повелѣ еретикомъ — овѣмъ языки рѣзати, инѣхъ огню предати, а инѣхъ повелѣ казнити в Новѣградѣ". Когда нѣкоторые епископы стали убѣждать Василія принять покаяніе еретиковъ, Василій, „исполнившись Духа Святаго", отвергъ ихъ просьбы и отвѣчалъ имъ съ яростью"; Іосифъ убѣждалъ князя не вѣрить „лестному" покаянію еретиковъ и требовалъ, чтобы князь держалъ ихъ „неисходными" изъ темницы. „Дрьжавный всея Русіи государь князь великій Василій Ивановичъ, — говоритъ авторъ, — повелѣ еретиковъ всѣхъ въ темницу вметати и быти неисходнымъ и до кончины живота ихъ. И слыша сіа отець игуменъ Іосифъ, воздаде славу Богу, Отцу и Сыну и Святому Духу".

Ярко изображена въ житіи близость Іосифа къ княжескому дому вообще и къ великому московскому князю въ частности. Свой монастырь Іосифъ основываетъ вмѣстѣ съ волоцкимъ княземъ; онъ является воспріемникомъ его сына; великій князь Иванъ Васильевичъ близокъ къ Іосифу еще до того, какъ послѣдній отдался подъ его власть „отъ насилія удѣльнаго"; въ монастырѣ великій князь пользуется большимъ авторитетомъ: великій князь запрещаетъ постригать смертельно заболѣвшаго князя Ивана Борисовича, и Іосифъ покоряется; передъ смертью Іосифъ поручаетъ свой монастырь великому князю и даже проситъ его избирать, какъ государю Богъ на сердце положитъ, „большихъ братій" для завѣдыванія монастыремъ.

Характерно изображается въ житіи почтительное отношеніе иноковъ къ великому князю. Когда князь по смерти Пафнутія спросилъ иноковъ о томъ, кого они желаютъ игуменомъ, послѣдніе отвѣтили: „Како повелитъ дрьжава твоя, православнаго государя всея Русіи, просити на игуменство старца Іосифа". Іосифъ, утвержденный великимъ княземъ, говоритъ ему: „Буди Божіа воля и твоя, царя православнаго всея Русіи". Въ житіи великій князь постоянно именуется „державнымъ", „помазанникомъ Божіимъ", „царемъ", „царемъ православнымъ" *).

---

*) Необходимо отмѣтить, что житіе написано въ 1546 г., до того, какъ московскій князь оффиціально принялъ титулъ царя (1547).

β) *Житіе второе.* Второе житіе составлено неизвѣстнымъ авторомъ, вѣроятно, въ концѣ 40-хъ годовъ XVI в.

Хотя изложеніе этого житія отличается изысканной вычурностью, однако несмотря на это въ житіи имѣются такія подробности изъ жизни Іосифа и исторіи его монастыря, которыхъ нѣтъ въ предыдущемъ житіи. Это придаетъ житію большую цѣнность. Замѣчательно также, что отношеніе автора къ противникамъ Іосифа отличается мягкостью, необычной для іосифлянина и заставляющей думать, что авторъ, прежде чѣмъ стать іосифляниномъ, прошелъ школу воспитанія у заволжскихъ старцевъ. Такъ, авторъ съ большимъ уваженіемъ отзывается о Нилѣ Сорскомъ и не позволяетъ себѣ рѣзкихъ выраженій о представителяхъ заволжской партіи; онъ съ сочувствіемъ излагаетъ взгляды заволжцевъ на монастырское землевладѣніе, хотя въ то же время признаетъ правильность соборнаго опредѣленія 1503 г. о монастырскомъ землевладѣніи; разсказывая о борьбѣ Іосифа съ еретиками, авторъ опять избѣгаетъ рѣзкихъ выраженій о нихъ; о наказаніяхъ и карахъ, постигшихъ еретиковъ, говоритъ глухо, но въ то же время воздаетъ похвалу Іосифу за его борьбу съ еретиками, за то, что онъ „излиха дыхаше на нечестіе“; излагая исторію столкновенія Іосифа съ Серапіономъ, авторъ изображаетъ Серапіона „мужемъ кроткимъ и добродѣтельнымъ“, а его отношенія къ Іосифу объясняетъ, какъ результатъ клеветы и навѣтовъ со стороны противниковъ Іосифа.

Хотя авторъ пытается примирить въ своемъ изложеніи оба направленія, однако, въ концѣ концовъ перевѣсъ остается у него за іосифлянствомъ. Это проявляется, напр., въ отношеніи автора къ благочестію. Хотя авторъ чаще чистокровныхъ іосифлянъ говоритъ о милосердіи и добротѣ иноковъ Волоколамскаго монастыря, хотя онъ приписываетъ Іосифу водвореніе духа любви и кротости въ Волоцкой странѣ, однако все-таки и внѣшнее благочестіе пользуется съ его стороны большимъ сочувствіемъ. Это съ особенною яркостью проявляется въ его характеристикахъ волоколамскихъ иноковъ. Герасимъ Черный,— говоритъ авторъ,—„внималъ молитвѣ своей“, „зѣло прилежалъ рукодѣлію“, постился „толико, яко и внутренняя исхожаше ему и повредити зѣло утробу“. Кассіанъ Босой зимой не обувался и не носилъ овчины, а лѣтомъ не избѣгалъ зноя, постился такъ, что „и очи ему потемнѣста“, проявлялъ хри-

стіанскую любовь, а именно приходящую братію „усрѣталъ и лобызалъ“. Діонисій (изъ звенигородскихъ князей, § 228) былъ „трудолюбенъ зѣло“, „въ хлѣботворищи двою братовъ работу единъ страдаше, къ симъ же 77 псалмовъ пояше и по три тысящи метаній (поклоновъ) на кыйждо день творяше“.

Іосифлянскимъ духомъ проникнута также мораль автора,— въ основѣ которой лежитъ мысль о воздаяніи въ будущей и даже въ этой жизни за добрыя и злыя дѣла. Господину потому надо „благу быти тяжарю своему“, что отъ этого онъ самъ получитъ выгоду; господа, слушавшіеся наставленій Іосифа и относившіеся хорошо къ крестьянамъ, „благословишася зѣло и обогатѣша паче по словеси сему“.

Характерныя особенности житія, а именно, сочувственное отношеніе къ обрядовому благочестію и утилитаризмъ морали въ связи съ мягкимъ отношеніемъ къ людямъ, даютъ возможность изслѣдователямъ предположить, что авторъ его не кто иной, какъ Зиновій Отенскій, ученикъ Максима Грека, разошедшійся со своимъ учителемъ по нѣкоторымъ вопросамъ, главнымъ образомъ, по вопросу о монастырскомъ землевладѣніи (§ 247).

γ) *Житіе третье.* Третье житіе составлено племянникомъ Іосифа Досиѳеемъ около 1547 г. и имѣетъ форму надгробнаго слова. Въ этомъ произведеніи характерныя черты іосифлянства отражаются въ чистомъ видѣ, а именно: культъ внѣшняго благочестія, милость въ смыслѣ милостыни, сочувствіе наказаніямъ еретиковъ и т. д.

г) Житіе Кассіана Босого. Житіе Кассіана Босого († 1542) составлено, вѣроятно, Вассіаномъ Возмицкимъ архимандритомъ около половины XVI в. Житіе носитъ по преимуществу фактическій характеръ и отличается простотой изложенія.

Кассіанъ, въ мірѣ Козьма, былъ родомъ изъ Переяславля. Достигнувъ зрѣлаго возраста, онъ „соводворяшеся съ живущими въ царской полате. И его ради мужества и крѣпости и силы позна его и самодержець князь великій Иванъ Васильевичь всея Русіи, иже научи его самодержьца праволучно стрѣлы пущати по знамени“ (въ цѣль). Кассіанъ позналъ тщету міра и постригся у Пафнутія. Впослѣдствіи онъ сблизился съ Іосифомъ и, когда былъ основанъ Волоколамскій монастырь, перешелъ сюда.

Авторъ житія описываетъ подвиги Кассіана въ духѣ іоси-

флянскаго благочестія. Кассіанъ,—говоритъ авторъ,—„возложи на собя пансырь подъ свитку на наго тѣло и пекій хлѣбы на братію. Правило же его всегда бысть въ кѣлѣе: 6000 молитвъ Исусовыхъ и тысяча поклоновъ. И егда же разсыпася пансырь, онъ же возложи на собя веригы тяшки зѣло и тако тружаяся и постяся. И пріиде ему помыслъ дабы четыредесять дней не ясти, ни пити, ни паки возлещи на ребрехъ". Отъ такого поста Кассіанъ вознемогъ, такъ что Іосифъ долженъ былъ вмѣшаться и воспретить „чрезъ силу тружатися". Однажды у Кассіана отнялись ноги. Старецъ далъ обѣтъ никогда не носить обуви—и онъ выздоровѣлъ. Этотъ обѣтъ Кассіанъ соблюдалъ до конца жизни, лѣтомъ и зимой. Въ лютую зиму, босой и въ легкой одеждѣ, Кассіанъ говорилъ себѣ: „Терпи, грѣшный Касіане, терпи! Горекъ мразъ, но сладокъ рай; и аще не нынѣ умремъ, умремъ же всяко".

Въ житіи изображается также близость Кассіана къ дому великаго князя: Василій III приглашаетъ Кассіана быть воспріемникомъ его сына и при появленіи старца кланяется ему „на великихъ его трудехъ", а самъ Кассіанъ выражаетъ радость по поводу того, что „государь желаемое получи".

д) Житіе старца Фотія. Житіе Фотія († 1554) составлено также Вассіаномъ Возмицкимъ, ученикомъ Фотія, вѣроятно, въ скоромъ времени послѣ смерти старца.

Старецъ Фотій, въ мірѣ Ѳеодоръ, былъ родомъ изъ Кіева и благороднаго происхожденія. Онъ находился на службѣ у путивльскаго князя Богдана, а потомъ перешелъ въ Москву. Онъ постригся въ Волоколамскомъ монастырѣ и сдѣлался ученикомъ Кассіана Босого.

Подвиги Фотія были таковы: онъ ежедневно прочитывалъ 600 молитвъ Іисусовыхъ, а „седьмое сто" — Богородицѣ, клалъ по 300 поклоновъ; онъ занимался также рукодѣліемъ, спалъ 3—4 часа, а то и совсѣмъ не ложился; переписывалъ книги.

е) Житіе Даніила Переяславскаго. Обширное житіе Даніила Переяславскаго († 1540) составлено въ 1553 г. по повелѣнію царя и митрополита неизвѣстнымъ по имени ученикомъ Даніила. Оно отличается обиліемъ фактовъ и простотой изложенія.

Родители Даніила переселились изъ Мценска въ московскіе предѣлы, въ Переяславль-Залѣсскій. Даніилъ уже въ дѣтствѣ

отличался тихимъ нравомъ, уклонялся отъ игръ и забавъ со сверстниками. Характерно для Даніила, что уже въ ту пору, „въ бани умытися никто же можаше его увѣщевати“ (одинъ изъ аскетическихъ подвиговъ, прославляемый въ патерикахъ). Пораженный разсказомъ о Симеонѣ Столпникѣ, который обвился однажды веревкой, Даніилъ похитилъ „власяное уже“ (канатъ) и обвился имъ. Канатъ впился въ его тѣло, и Даніилъ „дряхлъ являшеся“, пересталъ принимать пищу, лишился сна. Родители недоумѣвали, что съ ихъ сыномъ. Наконецъ, тайна открылась: родители однажды увидѣли „ужище власяно въ плоть вгрызущася и смрадъ исходящь и плоть гніющу и черви плазяща“. Едва удалось снять съ тѣла Даніила „ужище“.

Отданный на обученіе Никитскому игумену Іонѣ, Даніилъ сталъ уже обнаруживать стремленіе къ иночеству. Разсказы о Пафнутіи Боровскомъ и его аскетизмѣ особенно занимали Даніила, и онъ рѣшилъ увидѣть этого чуднаго мужа. Взявъ съ собою брата своего Герасима, Даніилъ отправился въ Пафнутіевъ монастырь и здѣсь постригся. Онъ былъ отданъ въ руководство старцу Левкію.

Пробывъ въ Пафнутіевомъ монастырѣ 12 лѣтъ, Даніилъ вернулся въ Переяславль и здѣсь подвизался нѣкоторое время въ монастыряхъ Никитскомъ и Горицкомъ и принялъ священство. Описывая подвиги Даніила въ этомъ періодѣ жизни, авторъ житія отмѣчаетъ его страннопріимство и заботливость объ умершихъ: Даніилъ разыскивалъ умершихъ неожиданною смертью, напр., замерзшихъ, и погребалъ ихъ. Впослѣдствіи Даніилъ рѣшилъ построить храмъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ погребалъ умершихъ. Намѣреніе Даніила встрѣтило сочувствіе и содѣйствіе со стороны представителей мѣстнаго населенія, которые пожелали воздвигнуть на томъ же мѣстѣ и монастырь, а также со стороны митрополита и „царя“, какъ авторъ житія послѣдовательно величаетъ великаго князя.

Сдѣлавшись впослѣдствіи игуменомъ вновь основаннаго монастыря, Даніилъ рѣшилъ ввести въ немъ болѣе строгій порядокъ: онъ завелъ общежитіе, запретилъ выходить изъ монастыря безъ его благословенія, велѣлъ замѣнить просторныя и удобныя келіи тѣсными, уничтожилъ бани. Непрестанная молитва и вечернее безмолвіе были главными добродѣтелями иноковъ Данилова монастыря.

Житіе изображаетъ также роль, которую игралъ въ дѣятельности Даніила великокняжескій домъ, и благоговѣйное отношеніе Даніила къ великому князю. Даніилъ желалъ строить храмъ непремѣнно съ особаго „царскаго“ повелѣнія: „Аще не въ царскомъ имени будетъ тоя церкви, ничтоже по насъ успѣется кромѣ оскудѣнія“, а съ царской грамотой церковь „во вѣки не оскудѣетъ“. По приказанію „царя“ Даніилъ переходитъ изъ Горицкаго монастыря въ новооснованный. Когда въ старости Даніилъ отказался отъ игуменства, „царь“ назначаетъ ему преемника. Царь приглашаетъ на крещеніе своего сына (будущаго Ивана Грознаго), кромѣ Кассіана Босого, и Даніила, причемъ новокрещеннаго князя несетъ къ причащенію именно Даніилъ. Впослѣдствіи Даніилъ воспринимаетъ отъ купели другого сына Василія III, именно Георгія. Отъ царя и князей монастырь получаетъ не разъ дары и села. Царь часто лично посѣщаетъ монастырь.

Изъ всего этого видно, что въ Даниловомъ монастырѣ царилъ, въ общемъ, тотъ же духъ, что и въ Пафнутіевомъ монастырѣ, гдѣ прошелъ школу иночества его игуменъ: внѣшній аскетизмъ, культъ власти московскаго государя—таковы отличительныя черты Даніила.

Житіе отмѣтило въ Даніилѣ и иныя вліянія, которыя, впрочемъ, были мимолетны.

Еще до построенія храма и основанія новаго монастыря Даніилъ встрѣтился съ тремя иноками, явившимся изъ-за Волги. Съ этими иноками, „иже глаголются пустынницы“, Даніилъ провелъ въ бесѣдѣ всю ночь. Пустынники произвели на Даніила впечатлѣніе „искусныхъ“ иноковъ, и онъ рѣшилъ открыть имъ свое намѣреніе построить храмъ. Иноки посовѣтовали ему подвергнуть свое желаніе испытанію, какъ этому учатъ „разсудительные отцы“, „иже искусни сущи приходящи инокомъ помыслы благоумнѣ разсужати“, а именно: они „повелѣваютъ, аще на кое дѣло мысль влечетъ насъ, аще и къ ползѣ намъ мнится, но обаче три лѣта не начинати дѣла хотѣния нашего, да не наше хотѣние дѣйствуетъ въ насъ нижé (и не) нашимъ волямъ повинемся, ниже паки своимъ мыслемъ вѣруемъ, и аще не отъ Бога сие будетъ помышленіе, и тако обычаемъ мыслемъ премѣнятися и по малу уступати начнемъ и отъ супротивныя мысли свободь будетъ искушения лукаваго не постражетъ и туне дѣла не начинаемъ“. Даніилъ

послѣдовалъ совѣту искусныхъ заволжскихъ пустынниковъ и три года испытывалъ себя.

Старецъ Артемій и ереси Башкина и Косого.

245. Кружокъ заволжцевъ въ половинѣ XVI в. Осужденіе Вассіана Косого и Максима Грека (§§ 225—227), нанесло сильный ударъ партіи заволжскихъ старцевъ, но еще не сокрушило ея. Отстраненные отъ высшихъ церковныхъ должностей, лишенные представительства въ придворныхъ кругахъ, заволжцы продолжали подвизаться въ своихъ монастыряхъ и пустыняхъ на началахъ, выработанныхъ въ XIV—XV вв. Они по прежнему отрицательно относились къ монастырскому землевладѣнію, давали преимущество внутреннему совершенствованію передъ обрядовымъ благочестіемъ и внѣшнимъ аскетизмомъ, утверждали, что „писанія многа, но не вся божественна суть". Къ половинѣ XVI в. среди заволжцевъ начинаетъ выдвигаться старецъ Артемій. Этотъ старецъ стоялъ во главѣ цѣлаго кружка единомышленниковъ, къ которымъ принадлежали ученикъ Артемія Порфирій, просвѣтитель лопарей Ѳеодоритъ Кольскій, Іоасафъ Бѣлобаевъ, Матвѣй Башкинъ и др. Съ этимъ кружкомъ имѣлъ связь также знаменитый впослѣдствіи заволжецъ Ѳеодосій Косой.

246. Старецъ Артемій и ереси Башкина и Косого. Къ половинѣ XVI в, благодаря дѣятельности митрополитовъ Даніила и Макарія (§§ 227—234), большинство высшихъ церковныхъ должностей сосредоточилось въ рукахъ лицъ, прошедшихъ иноческую школу въ Волоколамскомъ монастырѣ или въ родственномъ ему по духу Пафнутіе-Боровскомъ. Русская церковь сильно „объіосифлянилась". Но полнаго торжества іосифляне еще не достигли. Заволжцы, хотя и потерпѣвшіе пораженіе, не были сломлены, и іосифляне, опасаясь возрожденія силы и вліянія своихъ противниковъ, ревниво слѣдили за малѣйшимъ движеніемъ въ ихъ средѣ. Возвышеніе старца Артемія возбудило въ іосифлянскихъ кругахъ тревогу и послужило причиной къ возобновленію борьбы съ заволжцами.

1) Старецъ Артемій. Біографическія свѣдѣнія о старцѣ Артеміи крайне скудны. Онъ родился, вѣроятно, въ началѣ XVI в., гдѣ, неизвѣстно. Изъ того, что первоначально Артемій про-

живалъ въ псковскомъ Печерскомъ монастырѣ, можно думать, что родиной его была Псковская область. Живя въ Печерскомъ монастырѣ, находившемся въ 56 верстахъ отъ Пскова, на границѣ съ Лифляндіей, Артемій отправляется въ лифляндскій городъ Нейгаузъ для ознакомленія съ протестанствомъ.

Существуютъ данныя, которыя заставляютъ предполагать, что Артемій былъ постриженникомъ Корнилія Комельскаго (§ 263). Въ 1536 г. Артемій, по благословенію Корнилія, перешелъ въ Порфиріеву пустынь, основанную, вѣроятно, обличителемъ Василія III, Порфиріемъ (§ 227). Здѣсь онъ пріобрѣлъ славу инока строгой жизни, знатока божественнаго писанія и учителя.

Въ 1548 г. иноки Корниліева монастыря обратились къ Артемію съ просьбой занять у нихъ постъ игумена, но Артемій отказался.

Слава объ Артеміи достигла до Москвы. Иванъ Грозный, намѣревавшійся возбудить на Стоглавомъ соборѣ вопросъ о монастырскомъ землевладѣніи, заинтересовался личностью Артемія, вызывалъ его въ Москву и бесѣдовалъ съ нимъ на эту тему (§ 235). Немного времени спустя послѣ открытія засѣданій Стоглаваго собора Иванъ рѣшилъ назначить Артемія игуменомъ Троицко-Сергіева монастыря. Зная хорошо, что Артемій принадлежитъ къ партіи заволжцевъ, которая подозрѣвалась въ еретичествѣ, Иванъ предварительно произвелъ черезъ священника Сильвестра (§ 234) негласное разслѣдованіе образа мыслей заволжскаго старца. Иванъ велѣлъ,—сообщаетъ Сильвестръ, — „къ нему (къ Артемію) приходити и къ себѣ его велѣлъ призывати и смотрити въ немъ всякого нрава и духовныя ползы. И тогда изъ устъ Артемьевыхъ ученія книжнаго доволно ми показалося и добраго нрава и смотрѣнія бысть, и тако всѣми людьми видимъ бысть, и ближними и далними“... На основаніи отзыва Сильвестра Артемій былъ назначенъ игуменомъ Троицкаго монастыря.

Артемій неохотно подчинился волѣ царя: онъ зналъ, что его близость къ царю, въ связи съ его отрицательнымъ отношеніемъ къ монастырскому землевладѣнію, возбудили уже среди іосифлянъ толки; онъ понималъ, что занятіе такого важнаго поста, какъ игуменство въ Троицко-Сергіевомъ монастырѣ, въ этомъ „великомъ царскомъ богомольи“, еще болѣе возбудитъ

противъ него іосифлянъ, которые сами разсчитывали на такой вліятельный постъ. Вѣроятно, опасаясь этого и съ цѣлью найти себѣ нравственную поддержку, Артемій прежде, чѣмъ ѣхать къ мѣсту своего назначенія, выхлопоталъ у царя освобожденіе Максима Грека (§ 226) и переводъ его въ Троицкій монастырь.

Опасенія Артемія скоро оправдались. Иноки богатаго монастыря давно уже отвыкли отъ началъ общежитія, введенныхъ Сергіемъ, и не имѣли ни малѣйшей склонности вернуться къ нимъ: они довольствовались внѣшнимъ аскетизмомъ, который роднилъ ихъ съ іосифлянами.

Слѣдя внимательно за дѣйствіями и словами своего новаго игумена, иноки отмѣтили нѣкоторыя особенности въ его міровоззрѣніи и отступленія отъ обрядоваго благочестія. На Артемія посыпался рядъ доносовъ, среди которыхъ особенное значеніе имѣлъ одинъ, что онъ, Артемій, „не истиньствуетъ хрестьяньского закону“. Понимая хорошо, что его враги и клеветники многочисленны, сильны и потому ему съ ними не сладить, Артемій черезъ полгода (1552) „отошелъ въ (Порфирьевскую) пустыню, и царя не послушалъ, отъ того великаго монастыря многаго ради мятежу и любостяжательныхъ издавна законопреступныхъ мниховъ“. Враги Артемія торжествовали. Особенно радовало ихъ то, что Артемій покинулъ игуменство, не испросивъ разрѣшенія на это у царя: это, конечно, должно было возбудить въ царѣ неудовольствіе на Артемія.

Въ 1553 г. явилось обстоятельство, которое дало въ руки врагамъ Артемія новое оружіе: была открыта ересь Матвѣя Башкина, члена кружка, главой котораго былъ Артемій. Арестованный Башкинъ былъ отправленъ въ Волоколамскій монастырь и отданъ на вразумленіе двумъ старцамъ монастыря. Здѣсь онъ былъ подвергнутъ „премудрому испытанію“, т.-е. пыткѣ, подъ вліяніемъ которой этотъ „еретикъ и отступникъ богопустнымъ гнѣвомъ обличенъ бысть, бѣсу преданъ и, языкъ извѣся, непотребная и нестройная глаголаше на многи часы и потомъ въ разумъ пріиде“. Придя въ разумъ, Башкинъ указалъ на Артемія, какъ на своего единомышленника, и повѣдалъ Артемьевы „многія и богохульныя вины о иконномъ поклоненіи и о причастіи тѣла Христова, и чего деи (де) въ Евангельѣ и во Апостолѣ не писа, и того деи держати не

нужно и преданія святыхъ отецъ". Для суда надъ Башкинымъ собрался подъ предсѣдательствомъ митрополита Макарія соборъ, членами котораго были слѣдующія лица: архіепископъ Ростовскій и Ярославскій Никандръ, епископы — Аѳанасій Суздальскій и Порусскій, Кассіанъ Рязанскій и Муромскій (ученикъ заволжскаго старца Іоасафа Бѣлобаева), Акакій Тверской и Кашинскій, Ѳеодосій Коломенскій и Кашинскій, Савва Сарскій и Подонскій, далѣе—игумены, архимандриты и другіе представители русскаго духовенства. На соборѣ присутствовали царь и бояре.

Соборъ пригласилъ изъ пустыни и Артемія для того, чтобы „говорить книгами" съ Башкинымъ. Въ Москвѣ Артемій узналъ о томъ, что онъ оговоренъ Башкинымъ. Тогда Артемій понялъ, что противники выступаютъ противъ него во всеоружіи произведеннаго дознанія. Онъ испугался и убѣжалъ въ Порфирьеву пустынь. Тогда Артемія арестовали и привели на соборъ уже въ качествѣ подсудимаго.

Поставленный „съ очей на очи" Башкина, Артемій „въ тѣхъ богохульныхъ винахъ неповинна себя сказывалъ".

Не удовлетворившись такимъ результатомъ, іосифляне выдвинули противъ Артемія шесть лицъ, которыя должны были возвести на него рядъ новыхъ обвиненій.

Первымъ былъ выдвинутъ келейникъ и ученикъ Артемія Леонтій. Леонтій показалъ, что Артемій, приглашенный въ Москву, чтобы „говорить книгами" съ Башкинымъ, „собою скучалъ", говорилъ, что напрасно его вызвали, что это — не его дѣло, что ходитъ слухъ, будто Башкинъ оговорилъ его. Далѣе, Леонтій сообщилъ, что Артемій „безвѣстно съ Москвы сбѣжалъ", а когда онъ, отправившись на поиски, встрѣтилъ Артемія въ Кирилловомъ монастырѣ и спросилъ его, „которымъ обычаемъ" пришелъ онъ изъ Москвы, Артемій отвѣтилъ: „пришелъ деи есми того для мене хлопотовъ ино лутьчи". На вопросъ собора, почему онъ скрылся изъ Москвы, Артемій отвѣтилъ, что онъ бѣжалъ отъ „навѣтствующихъ", но назвать ихъ не могъ. Соборъ поставилъ Артемію въ вину, что онъ не назвалъ „навѣтствующихъ" и не очистилъ себя отъ клеветы: „Царю и намъ не билъ челомъ и того слова съ себя не свелъ, да самъ же съ Москвы бѣжалъ безвѣстно".

Вторымъ былъ выдвинутъ бывшій игуменъ Ѳерапонтова монастыря Нектарій, который возвелъ на Артемія слѣдующія обвиненія.

Во-первыхъ, Артемій говорилъ ему о Св. Троицѣ: „во Іосифовѣ деи книгѣ Волоцкаго (т.-е. въ „Просвѣтителѣ“, § 223) негораздо писано, что Богъ послалъ въ Содомъ дву ангеловъ, сирѣчь Сына и Святаго Духа“.

Во-вторыхъ, Артемій не проклинаетъ новгородскихъ еретиковъ и латынь хвалитъ.

Въ-третьихъ, Артемій не хранитъ поста: „во всю Четыредесятницу рыбу ѣлъ, да и на Воздвиженьевъ день у царя и великаго князя за столомъ рыбу ѣлъ же“.

Въ-четвертыхъ, Артемій ѣздилъ изъ псковскаго Печерскаго монастыря въ Новый городокъ нѣмецкій и тамъ вѣру нѣмецкую хвалилъ.

Въ-пятыхъ, Нектарій писалъ и говорилъ „съ очей на очи на того же Артемья многія богохульныя и иныя еретическіа вины“.

Неизвѣстно, что и какъ отвѣтилъ Артемій на первыя два обвиненія. По поводу третьяго обвиненія Артемій отвѣтилъ утвердительно: „Коли лучится ему изъ пустыни быти у христолюбцевъ, и онъ рыбу ѣлъ, да и у царя великаго князя на Воздвиженьевъ день, сказываетъ, рыбу ѣлъ же“. Соборъ нашелъ, что Артемій „то чинилъ негораздо: кромѣ (вопреки) божественнаго устава и священныхъ правилъ постъ разрѣшаетъ, и на то смотря, люди соблажняются“. По поводу четвертаго обвиненія Артемій отвѣтилъ, что дѣйствительно ѣздилъ „и говорилъ съ нѣмецкимъ княземъ, есть ли у нихъ таковъ человѣкъ, съ кѣмъ бы ему поговорити книгами. А то, сказываетъ Артемій, на умѣ у него было, что было ему говорити, какъ хрестьянской законъ съ римскимъ закономъ, по тому ли, какъ у насъ. И такого ему человѣка книжнаго не сказали, съ кѣмъ было ему книгами говорити“. Соборъ нашелъ, что и это Артемій „учинилъ негораздо: вѣдаетъ и самъ, что наша сущая православная вѣра греческаго закона, а латинская вѣра святыми отцы отъ православныя вѣры отречена и проклятью предана“. По пятому пункту Артемій отвѣтилъ, что „тѣми деи богохульными и еретическими вины Нектарей меня клепетъ: азъ деи того не говаривалъ и во всѣхъ тѣхъ дѣлехъ неповиненъ“. Нектарій въ подтвержденіе пятаго пункта своихъ обвиненій сослался на пустынниковъ Ниловой пустыни: Тихона, Дороѳея, Христофора Стараго и Іоасафа Бѣлобаева. Перечисленные пустынники на допросѣ отвергли всѣ обвиненія Нектарія по пятому пункту.

Третьимъ обвинителемъ былъ Іона, бывшій Троицкій игуменъ, не присутствовавшій на соборѣ, но приславшій обвиненіе свое письменно. Іона возвелъ на Артемія обвиненіе въ томъ, что послѣдній относился отрицательно къ крестному знаменію и говорилъ: „нѣтъ деи въ томъ ничего—прежде деи сего на челѣ своемъ знаменіе клали, а нынѣча своимъ произволеніемъ большіе на себѣ кресты кладутъ, да и на соборѣ (Стоглавомъ, § 235) деи о томъ крестномъ знаменіи слово было, да не доспѣли ничего". Артемій отвѣтилъ, что хулы на крестное знаменіе онъ не произносилъ, а Іонѣ говорилъ только о соборѣ. Соборъ не повѣрилъ заявленію Артемія и призналъ обвиненіе доказаннымъ.

Четвертымъ выступилъ келарь троицкаго монастыря Адріанъ Ангеловъ, который сообщилъ слѣдующее: „Говорилъ Артемей въ Корнильевѣ монастырѣ, у корнильевскаго игумена въ кельѣ у Лаврентья (игумена Корнильева монастыря), что деи нѣтъ панахиды и обѣдни за умершихъ, въ томъ деи пособи нѣтъ: тѣмъ деи они муки не избудутъ". Артемій отвѣтилъ, что онъ говорилъ о панихидахъ и обѣдняхъ не вообще за умершихъ, а за такихъ, которые жили „растлѣннымъ житіемъ" и грабили людей: „Богъ, — говорилъ онъ, — тѣхъ приношенья не пріемлетъ, нѣтъ деи тѣмъ ничего, тѣмъ деи муки не избыть". Соборъ нашелъ, что Артемій говорилъ „негораздо", постановилъ „вѣрить Адреяну" и признать обвиненіе доказаннымъ.

Пятый обвинитель, старецъ Троицкаго монастыря Игнатій Курачевъ, заявилъ слѣдующее: „Слышалъ у Артемья про кануны: таки Іисусе, таки Іисусе; а про акаѳистъ: радуйся да радуйся". Артемій объяснилъ: „Говорятъ въ канунѣ *Іисусе сладкій*, и услышитъ слово Іисусово о заповѣдехъ его, какъ велѣлъ быти, и они въ горесть прелагаются, что заповѣди сотворити. Говорятъ, *радуйся да радуйся Чистая*, а сами о чистѣ не радятъ и въ празднословіи пребываютъ. Ино то обычаемъ точію водими глаголютъ, а не истину". Соборъ нашелъ, что Артемій „про Іисусовъ канунъ и про акаѳистъ говорилъ развратно и хулно".

Шестой обвинитель, игуменъ Кириллова монастыря Симеонъ, письменно донесъ о слѣдующемъ: „Какъ велѣлъ царь и великій князь Артемью быти въ Москвѣ, и былъ у нихъ Артемій въ монастырѣ, и игуменъ Семіонъ сказалъ Артемью, что Матвѣя Башкина поимали въ ереси, и Артемій молвилъ:

не вѣдаю того, что ересь; сожгли Курицына и Рукавого и нынѣча того не вѣдаютъ, про что ихъ сожгли". Артемій, видя, что судьи „не отечески, ниже братски хотяще исправити въпрошаютъ, но яко волки, овчиною прикрившеся, ищутъ нѣчто уловити отъ устъ нашихъ", сначала заявилъ, что „игумену Симеону про наугородскихъ еретиковъ не говаривалъ". Но когда Симеонъ сталъ настаивать на своемъ и даже привелъ въ свидѣтели старца Никодима Бруткова, Артемій сказалъ слѣдующее: „Того деи язъ не упомню, такъ ли есми про наугородскихъ еретиковъ говорилъ; язъ деи наугородскихъ еретиковъ не упомню и самъ не вѣдаю, въ чемъ будетъ ихъ сожгли. Нѣчто будетъ язъ молвилъ, что язъ не вѣдаю, про что ихъ сожгли и того не вѣдаю, кто ихъ судилъ, а не то есми молвилъ, что они того не вѣдаютъ: то есми молвилъ про себя". Запирательство Артемія и его извороты по поводу этого обвиненія привели соборъ къ убѣжденію въ его виновности.

Въ 1554 г. Артемій былъ осужденъ и отправленъ въ ссылку въ Соловецкій монастырь, гдѣ долженъ былъ находиться подъ строгимъ и бдительнымъ надзоромъ. Судъ и приговоръ надъ Артеміемъ Курбскій объясняетъ такъ: „Гоняше бо на того епископы богатые и міролюбивые, такъ и оные вселукавые и любостяжательные мнихи, даже бы не точію не былъ на Русской землѣ онъ мужъ, но иже бы и имя его не именовалось. А то—сего ради Прежде бо царь зѣло любяше и многажды бесѣдоваше, поучаяся отъ него; они же боящеся, да не паки въ любовь къ царю придетъ и укажетъ цареви, иже яко епископи, такъ и мниси съ начальники своими законопреступно и любостяжательно, не по правиламъ апостольскимъ и святыхъ отецъ живутъ. Сего ради вся сія творяху, дерзающе и исполняюще такъ презлыя дѣла свои на святыхъ, да покроютъ злость свою и законопреступленіе".

Въ Соловецкомъ монастырѣ Артемій пробылъ не долго: въ 1555 г. ему удалось скрыться изъ монастыря и убѣжать въ Литву, гдѣ ревностно защищалъ православіе. Умеръ Артемій въ 70-хъ годахъ XVI в.

Отъ Артемія остался рядъ посланій, большинство которыхъ написано было имъ уже въ Литвѣ. Два посланія, адресованныя Ивану Грозному, были написаны, когда Артемій былъ еще въ Москвѣ.

а) „Посланіе къ царю Ивану Грозному". Это посланіе

написано было Артеміемъ, повидимому, въ 1551 г., въ послѣдніе мѣсяцы его игуменства, когда подъ вліяніемъ навѣтовъ враговъ Артемія царь сталъ уже подозрѣвать его въ томъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ „не истиньствуетъ хрестьянского закону“.

По своему содержанію посланіе распадается на двѣ части.

Въ *первой* части авторъ обстоятельно отвѣчаетъ на вопросъ царя о томъ, „како божественная писаніа прочитающе, прелщаютъ мнози, ови житіе растлѣнно проходяще, нѣціи же въ различные ереси уклонишася“.

Во *второй* части авторъ проситъ царя произвести разслѣдованіе по поводу возводимыхъ на него обвиненій.

„Любовь, — говоритъ Артемій, — весь законъ и пророки съдръжитъ“. На любви зиждется „жительство правое“. „О жительствѣ же правѣмъ всѣмъ божественное писаніе всюду въпіетъ и много наказуетъ, понеже хотящему съхранити заповѣди владычня много обученіа потреба, подвига есть трезвѣніа всегдашняго“. Тотъ, кто руководится въ своей жизни заповѣдями Божьими, чувствуетъ въ самомъ себѣ присутствіе Бога, и тогда онъ охватывается желаніемъ исполнять Его волю, „паче всего міра сокровищъ, дондеже уврачуется страстная часть души и станетъ въ здравіи прьвомъ естество и достигнетъ ему сердца, въ ней же открывается святымъ, яже око не видѣ и ухо не слыша и на сердце человѣку не взыйде, яже уготова Богъ любящимъ Его“. Чтобы испытать стойкость людей въ вѣрѣ, Богъ попускаетъ соблазны и искушенія въ видѣ ересей; но это — временное испытаніе, которое не выдерживается только людьми неправой или нетвердой вѣры. Прельщаются и впадаютъ въ ересь не отъ чтенія „книжнаго писаніа“: — писаніе возвѣщаетъ только истину, — а отъ непониманія его смысла. Нужно, „не словомъ убо, но паче дѣломъ божественная навыкнути: не въ словеси бо царство Божіе, но въ силѣ дѣлнѣи“. Среди зломудрствующихъ по вопросамъ вѣры необходимо отличать такихъ, которые дѣлаютъ это по невѣдѣнію: „Нѣсть убо се еретичество, аще кто отъ невидѣніа о чемъ усумнится или слово просто речетъ, хотя истину навыкнути, паче же о догматѣхъ и обычаехъ нѣкихъ. Никто же бо съ разумомъ родися когда, но учитися всякому словеси надлежитъ нужа“.

Перейдя къ своему личному дѣлу, авторъ пишетъ: „О нашихъ ложныхъ клеветахъ Господа ради обыщи праведно, по-

неже православный царь еси, правду любити обѣщался еси Богу, того ради и писалъ есми, изъявляя разумъ свой. И будетъ, господаръ, што погрѣшилъ я за невидѣніе мое, вели сіа изъявити мнѣ, испытавъ предъ собою божественнымъ писаніемъ: будетъ несогласенъ разумъ мой с разумомъ святыхъ отецъ, ино я радъ каятися и прощеніа просити. Враждуючи на мене, говорятъ не такъ, какъ азъ говорилъ, а всѣ нынѣ съгласно враждуютъ, будъто азъ говорилъ и писалъ тобѣ села отнимати у монастырей, другъ другу сказываютъ; а отъ того мню, государь, што азъ тобѣ писалъ на соборъ, извѣщая разумъ свой, а не говаривалъ есми имъ о томъ, ни тобѣ не совѣтую нуженію и властію творити что таково. Развѣ межи собя (въ своемъ кругу) говаривали есмо, какъ писано въ книгахъ быти инокомъ, и се—наше мудрованіе, якоже и святіи отци уставляютъ жити, яже по Великому Василью... А иніимъ есмы не говаривалъ, развѣ межи собою говоримъ, чтобы намъ жити своимъ рукодѣліемъ и у миръскихъ не просити, а и то есми, государь, писалъ азъ и говорилъ тобѣ о истиннѣмъ и непрелестнѣмъ пути Христовыхъ заповѣдей; и о томъ, Бога ради, не ускори съблазнитися: будетъ бо время, егда просвѣтитъ тебе Господь разумѣти сіа, аще взыщеши всѣмъ сердцемъ волю Его".

б) „Посланіе къ царю". Это посланіе было отправлено Артеміемъ Ивану Грозному въ 1552 г., по оставленіи игуменства. Въ немъ авторъ разъясняетъ царю, какъ нужно пользоваться божественными писаніями и какія изъ нихъ по преимуществу слѣдуетъ читать.

Основной источникъ истинной вѣры—божественныя писанія, „разумъ же истинный, иже (это—тотъ, который) свидѣтельство имѣетъ отъ божественныхъ писаній; аще ли разумъ обрящется съпротивенъ божественному писанію, таковый разумъ лжеименитъ есть"... Многіе вѣровали, но не такъ, какъ этого требуетъ писаніе, а „по своимъ волямъ и ересемъ послѣдоваша, никако же разумѣвше, еже вѣры слово".

Писанія надо читать, изучать и требованія ихъ осуществлять въ жизни. Не слѣдуетъ придавать значеніе словамъ тѣхъ, которые „глаголати дрьзаютъ сице: не требѣ нынѣ по Евангелію жити", и обращать вниманіе на слова, которыя „глаголются отъ нѣкихъ, мнящихся быти учителей: грѣхъ простымъ чести Апостолъ и Евангеліе, и паки: не чти много книгъ, да

не въ ересь впадеши! И аще кому прилучится недугъ, отъ него же человѣкъ естественнаго смысла испадетъ, тоже прелщающе глаголютъ: зашелся еси въ книгахъ! Неискусно также глаголютъ: многіа тя книги въ неистовство прелагаютъ!“ Эти люди не понимаютъ, что „всякая ересь и прелесть бѣсовскаа и житіе растлѣнно привнійде отъ еже не вѣдети извѣстно разумъ божественныхъ писаній“. Отъ такого непониманія происходятъ всякія „ложна списаніа и старческіа басни и уставы растлѣнныхъ человѣкъ“.

Авторъ совѣтуетъ царю заниматься чтеніемъ божественныхъ писаній по примѣру Давида, который, „упражняясь въ людскаа строеніа“, какъ царь, въ то же время „поучаася бяше въ законѣ Господни всегда“. „Прежде бо, — учитъ Артемій, — подобаетъ разумѣти и потомъ дѣйствовати заповѣди Господня“. Авторъ рекомендуетъ царю рядъ произведеній Іоанна Златоуста и Василія Великаго.

2) Матвѣй Башкинъ. Матвѣй Семеновъ Башкинъ былъ изъ боярскаго рода. Это былъ человѣкъ среднихъ способностей, не получившій особеннаго образованія, но съ серьезными религіозно-нравственными запросами. Попавъ подъ вліяніе двухъ „латиниковъ“, жившихъ въ Москвѣ, литвина Матвѣя, аптекаря, и Андрея Хотѣева, Башкинъ усвоилъ нѣкоторые пункты раціоналистическаго христіанства, а подъ вліяніемъ заволжскихъ старцевъ—нѣкоторыя идеи религіозно-общественнаго порядка. Усвоивъ новыя идеи, Башкинъ замѣтилъ, что между нравственнымъ ученіемъ христіанства и общественными отношеніями, отношеніемъ господъ къ рабамъ, существуетъ коренное противорѣчіе, котораго никто почти не замѣчаетъ. Это противорѣчіе должно быть устранено. Главное участіе въ этомъ дѣлѣ должно принять духовенство, хорошо знающее ученіе Христово: собственнымъ примѣромъ духовныя лица должны показать мірянамъ, какъ осуществлять на практикѣ христіанское ученіе. Сильно встревоженный, Башкинъ обратился со своими недоумѣнными вопросами къ своему духовнику, попу Симеону.

Явившись однажды (1553) въ Великомъ посту на исповѣдь къ своему духовнику, Башкинъ сказалъ ему: „Великое-де дѣло ваше. Написано деи: ничтожъ сея любви больши, еже положити душу свою за други своя. И вы де по насъ души свои полагаете и бдите о душахъ нашихъ, яко слово воздати вамъ

въ день судный". Въ другой разъ, читая Симеону евангельскія бесѣды, Башкинъ сталъ умолять его въ такихъ выраженіяхъ: „Бога ради пользуй меня душевне; подобаеть де, что написано въ бесѣдахъ тѣхъ, честь да на слово не надѣятись, быти бъ и дѣломъ совершитися. Да все де начало—отъ васъ: прежде вамъ, священникомъ, собою начало показати, да и насъ научити"... Еще одинъ разъ Башкинъ говорилъ Симеону: „Во Апостолѣ де написано: весь законъ въ словеси скончавается—возлюби искренняго своего, яко самъ себя; аще себе угрызаете и снѣдаете, блюдите да не другъ отъ друга снѣдени будете; а мы де Христовыхъ рабовъ у себя держимъ; Христосъ всѣхъ братіею нарицаетъ, а у насъ де на иныхъ и кабалы, на иныхъ — бѣглыя (т.-е. держимъ бѣглыхъ рабовъ), а на иныхъ—нарядныя (т.-е. держимъ холоповъ по договору), а на иныхъ—полныя (т.-е. держимъ наслѣдственныхъ холоповъ). А я де благодарю Бога моего: у меня де, что было кабалъ полныхъ, то де есми все изодралъ, да держу де, государь, своихъ добровольно: добро де ему—и онъ живетъ, а недобро—и онъ, куды хочетъ. А вамъ отцемъ, пригоже посѣщати насъ почасту и о всемъ наказывати: какъ намъ самимъ жити и людей у себя держати, не томити"...

Симеонъ не могъ разрѣшить вопросовъ своего духовнаго сына, а отпущеніе имъ на волю холоповъ показало ему, что Башкинъ способенъ отъ идеи перейти къ дѣлу. Симеонъ отправился къ руководителю Ивана Грознаго Сильвестру и доложилъ ему, что пришелъ къ нему духовный сынъ „необыченъ" и великими клятвами и молитвами упросилъ его принять его на исповѣдь „въ Великій постъ, и многіе вопросы простираетъ „недоумѣнные", отъ него поученія требуетъ, а иному и самъ его учитъ. Выслушавъ Симеона, Сильвестръ доложилъ о Башкинѣ Ивану Грозному и митрополиту Макарію. Иванъ велѣлъ арестовать Башкина и отдать его до суда инокамъ Волоколамскаго монастыря для вразумленія.

Разслѣдованіе установило слѣдующіе пункты ереси Башкина и его единомышленниковъ: 1) „Господа Бога и Спасителя нашего Іисусъ-Христа неравна Его Отцу повѣдаютъ; 2) честное и святое тѣло Господа нашего Іисусъ-Христа и честную и святую Его кровь ни во чтожъ полагаютъ, но токмо простъ хлѣбъ и просто вино вмѣняютъ; 3) святую и соборную апостольскую церковь отричютъ, глаголюще, яко вѣрныхъ соборъ — сіе есть токмо цер-

ковь, сіяже зданная ничтоже есть; 4) божественныя плоти Христовы воображеніе и пречистыя Богоматере и всѣхъ святыхъ Его честныхъ иконъ изображеніе идолы наричютъ; 5) покаяніе ни во что же полагаютъ, глаголюще: какъ престанетъ грѣхи творити, аще у священника и не покается, то нѣсть ему грѣха; 6) отеческая преданія и ихъ житія баснословіе вмѣняютъ и на седмь вселенскихъ соборъ святыхъ отецъ гордость возлагаютъ, яко все себя дѣля писали, чтобы имъ всѣмъ владѣти—и царскимъ и святительскимъ; 7) вся божественная писанія баснословіе наричютъ, Апостолъ же и Евангеліе не истино излагаютъ".

На соборѣ Башкинъ отрекся отъ ереси и указалъ, что его развратили двое латинянъ — Андрѣянъ Хотѣевъ и литовскій аптекарь Матвѣй. Оказалось также, что объ ереси Башкина знали заволжскіе старцы, между прочимъ, старецъ Артемій.

Не смотря на отреченіе отъ ереси, Башкинъ былъ присужденъ соборомъ (1553) къ пожизненному заключенію въ Волоколамскомъ монастырѣ.

2) Ѳеодосій Косой. Ѳеодосій Косой былъ холопомъ одного знатнаго московскаго боярина. Онъ бѣжалъ отъ своего господина, захвативъ у него коня и кое-какого „имѣнія", и постригся въ одномъ изъ заволжскихъ монастырей, гдѣ пребывалъ до 1554 г., когда онъ, въ связи съ ересью Башкина, былъ арестованъ и заключенъ подъ стражу въ одномъ изъ московскихъ монастырей. Расположивъ къ себѣ стражу, Косой убѣжалъ и скрылся въ Литвѣ, гдѣ жилъ еще долгое время.

Ученіе Косого представляетъ дальнѣйшее развитіе стригольничества (§ 101) и жидовства (§ 223).

Богъ—единъ,—училъ Косой,—а не троиченъ. Іисусъ Христосъ—не Богъ, а великій человѣкъ, созданный Богомъ и основавшій религіозное общество. Богу подобаетъ поклоняться духомъ, а не внѣшнимъ образомъ. Церковь, какъ учрежденіе, съ іерархіей, таинствами и богослуженіемъ представляетъ человѣческое измышленіе и должна быть отвергнута: епископы и священники—ложные учители, идольскіе жрецы, льстецы и угодники; въ храмы не подобаетъ ходить: они — кумирницы; не слѣдуетъ ходить къ священникамъ, пѣть молебновъ, брать у нихъ молитвы, каяться, причащаться, отпѣваться, поминаться: все это — человѣческое представленіе; кресты и иконы надо сокрушать: они — идолы; не подобаетъ призывать на помощь

святыхъ и поклоняться ихъ мощамъ; не слѣдуетъ соблюдать постовъ; не подобаетъ читать сочиненія св. отцовъ и учителей церкви; монастыри и ихъ уставы — человѣческое преданіе. Истинное христіанство состоитъ не въ соблюденіи обрядовъ, а въ исполненіи заповѣди Христа о любви къ ближнимъ. Не подобаетъ „въ христіанохъ властемъ быти и воевати; не хощемъ вѣдомы быти отъ господей, яко нѣсть требѣ быти начальствомъ въ христіанствѣ". „Вси людіе—едино суть у Бога: и татарове и нѣмцы и прочіи языцы".

Косой основывалъ свое ученіе на немногихъ „столповыхъ" книгахъ, къ которымъ онъ относилъ Пятикнижіе Моисеево и Новый Завѣтъ.

Ученіе Косого пользовалось большимъ вліяніемъ среди его учениковъ. Имъ нравилось, что это ученіе отличается ясностью и простотой, въ отличіе отъ оффиціальнаго церковнаго ученія, которое они называли „скрытымъ", и которое, по ихъ словамъ, ссылается на незнакомыя книги (намекъ на Іосифа Волоцкаго и его послѣдователей): Косой, — говорили они,— открываетъ книгу „Дѣяній" и показываетъ своимъ ученикамъ мѣста, на которыхъ основывается его ученіе.

Даже личность Косого нравилась его послѣдователямъ. Они съ восхищеніемъ говорили объ его двухъ бѣгствахъ и о томъ, что онъ увелъ отъ господина коня и забралъ „имѣнія": за работу надо платить, а если господинъ не платитъ, слѣдуетъ самому взять плату.

Соборъ 1553—1554 гг. имѣлъ большое значеніе въ исторіи русской культуры и русскаго просвѣщенія.

Во-первыхъ, вмѣстѣ съ Артеміемъ и Башкинымъ къ суду было привлечено множество ихъ единомышленниковъ. Такъ, въ связи съ дѣломъ Артемія привлечены были и арестованы его три ученика, затѣмъ монахъ Савва Шахъ, просвѣтитель лопарей Ѳеодоритъ, Іоасафъ Бѣлобаевъ. На соборѣ самъ себя обличилъ ученикъ Іоасафа Бѣлобаева рязанскій епископъ Кассіанъ: пораженный тѣмъ, что допросу подвергается его учитель, Кассіанъ сталъ защищать его и всѣхъ еретиковъ, затѣмъ началъ хулить книгу Іосифа Волоколамскаго. За это Кассіанъ былъ наказанъ свыше: у него внезапно отнялись рука, нога и языкъ. Кассіанъ долженъ былъ покинуть епархію и ушелъ въ монастырь. Въ связи съ дѣломъ Башкина были арестованы два его единомышленника—братья Григорій и Иванъ Борисовы. Та-

кимъ образомъ, на соборѣ подвергся осужденію почти весь кружокъ Артемія. Этимъ партіи заволжцевъ былъ нанесенъ окончательный ударъ: она сходитъ съ исторической сцены; выработанное ею міровоззрѣніе подвергается вліянію іосифлянства, а въ чистомъ видѣ является достояніемъ только отдѣльныхъ лицъ въ далекихъ отъ Москвы монастыряхъ.

Во-вторыхъ, воззрѣнія выработанныя стригольниками, жидовствующими и Ѳеодосіемъ Косымъ, въ связи съ нѣкоторыми элементами міровоззрѣнія заволжцевъ, переходятъ въ народную массу, порождая ряды сектъ: безпоповцевъ, субботниковъ, молоканъ, духоборцевъ и т. д.

247. „Истины показаніе“. Противъ ученія Косого выступилъ инокъ Отенскаго монастыря (въ Новгородской области) Зиновій († 1568) въ своемъ обширномъ сочиненіи „Истины показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи“ (1566). Зиновій разсказываетъ, по какому поводу онъ написалъ свое сочиненіе. Къ нему пришли однажды „крылошане“ Хутынскаго монастыря — два монаха и одинъ мірянинъ — и попросили его высказаться о новомъ ученіи. Зиновій разобралъ ученіе Косого и противопоставилъ ему православное ученіе въ формѣ десяти бесѣдъ съ крылошанами.

Крылошане сообщили Зиновію, что ученіе Косого—новое. Съ этого начинаетъ Зиновій свою критику. Если ученіе Косого новое, то оно есть „сопротивленіе Богу и нечестіе“. Апостолъ давно уже проклялъ такія ученія словами: „Аще и ангелъ съ небеси благовѣститъ вамъ паче, еже пріясте, анаѳема да будетъ“. Основатель новаго ученія — Косой. Зиновій говоритъ крылошанамъ: „Самимъ названіемъ учителя вы показали его ученіе: косое не можетъ быть прямымъ, а непрямое не можетъ быть истиннымъ. Развращеніе очей его знаменуетъ развращеніе его ума и такую же развращенную душу“. Косой—бывшій холопъ. Это обстоятельство, по мнѣнію Зиновія, рекомендуетъ ученіе Косого съ самой худой стороны. Премудрый Соломонъ говоритъ: „Треми трясется земля, четвертаго понести не можетъ, аще рабъ воцарится, аще... и пр. И гражданскіе законы отвергаютъ свидѣтельство рабовъ: законы запрещаютъ тяжущимся на судѣ представлять рабовъ въ свидѣтели. Какимъ же образомъ можетъ быть учителемъ рабъ, котораго Писаніе и законы отвергаютъ?“ Послѣ этого Зиновій подробно разсматриваетъ ученіе Косого. Своимъ отрицаніемъ

оно приводитъ Зиновія въ ужасъ, и онъ приходитъ къ выводу, что въ его основѣ лежитъ безбожіе, что Косой — предтеча антихриста и служитъ антихристу.

Зиновій представляетъ въ исторіи русскаго просвѣщенія новое явленіе. Онъ воспитывалъ свои взгляды и развивалъ свой умъ на предшествующей литературѣ, созданной умственнымъ движеніемъ съ конца XV в. Этимъ объясняются характерныя черты его міровоззрѣнія и особенности его сочиненія. По своему міровоззрѣнію, Зиновій приближается къ іосифлянамъ. Подобно имъ, онъ отстаиваетъ монастырское землевладѣніе и рѣзко нападаетъ на сочиненія Вассіана Патрикѣева и Максима Грека, въ которыхъ оно отвергается. Но методъ, при помощи котораго Зиновій опровергаетъ ересь, ничего общаго не имѣетъ съ методомъ Іосифа. Въ сочиненіяхъ Іосифа и его послѣдователей было такое изобиліе цитатъ изъ „божественнаго писанія", что среди нихъ мысль самого автора терялась. У Зиновія—цитатъ мало. Авторъ предпочитаетъ самостоятельное разслѣдованіе вопроса: онъ дѣлаетъ разныя сопоставленія, приводитъ свои соображенія, выводитъ заключенія и т. д. Это — методъ, заимствованный у заволжскихъ старцевъ; методъ, который особенную цѣнность пріобрѣталъ въ борьбѣ съ ученіемъ, отличавшимся въ глазахъ послѣдователей ясностью и простотой.

248. „Посланіе многословное". „Посланіе многословное къ вопросившимъ о извѣстіи благочестіа на зломудріе Косого и иже съ нимъ" направлено противъ Ѳеодосія Косого и его послѣдователей. Авторъ посланія неизвѣстенъ. По содержанію посланіе распадается на восемь отдѣловъ, въ которыхъ по пунктамъ излагается ученіе Косого.

Отдѣлъ 1-ый. Косой и его единомышленники говорятъ православнымъ: „Не правѣ быти вѣрѣ въ васъ, и Бога прогнѣваете мнимымъ благочестіемъ вашимъ: въ церкви каменыя приходите, а того въ Евангеліи и Апостолѣ не писано. Писано: апостоли на горницу въсходили, а не въ церковь; не бѣяху бо церкви при апостолѣхъ. Едина церкови въ Іерусалимѣ древняа, еаже о разрушеніи Христосъ рече: не останетъ камень на камени, и прочее. Не подобаетъ церквамъ нынѣ бывати, по разрушеніи древняа церкви. Нынѣ не церкви сія създаны, но кумирницы суть и златокузницы. Златоустъ бо въ словѣ „Еже предста царица" глаголетъ: церковь — не стѣны, но вѣрныхъ съборы".

Отдѣлъ 2-ой. „Не подобаетъ,—учатъ еретики,—почитати иконы Христовы и Матере Его и ангелъ и мучениковъ и отцевъ. Богъ заповѣда: Не сътвориши себѣ всякого подобія, елико на небеси горѣ и елика на земли долу, елико же въ водѣ и елика подъ землею, и не поклонишися имъ и да не послужиши имъ. И въ псалмѣхъ писано: Идоли—языкъ сребро, злато, дѣла рукъ человѣческъ. Уста имуть и не глаголють, очи имуть и не видять, уши имуть и не слышать, ноздри имуть и не обоняютъ, руцѣ имуть и не осяжуть, нозѣ имуть и не пойдуть и не възгласять гортанемъ своимъ. И въ Премудрости писано: Отъ лѣса древо право отсѣчеть, по уму его мастерства образуеть то и уподобитъ то образу человѣчу и червленыя цвѣты творяще, украсивъ его всяко, и сътворитъ ему по немъ обитаніе и, на стѣну възложивъ, желѣзомъ укрѣпить и (его), да не падеть, зря и вѣдя, яко не можеть помощи себѣ: образъ бо есть и требѣ тому помощь... И иконы—тожъ дѣлъ рукъ человѣческъ: очи имуть и не видять, и прочая, и вапы (красками) помазаны и позолочены такоже, якоже и идоли, и украшены такоже. И по писанію идоли суть иконы, и въ Евангеліи нѣсть писано о иконахъ“.

Отдѣлъ 3-ій. „Нѣсть потребы, молитвы творити,—учатъ еретики: молитва—оное едино, еже отъ неправды отступити, и яко Богъ сердца чиста токмо истязуеть (требуетъ), а не молитвы. И въ Евангеліи писано—духомъ и истинною кланятися, а не телеснѣ кланятися, или на землю падати и покланятися. И октениямъ насмѣваются, глаголюще: како на врагы молятся? Христосъ повелѣваеть любити врагы и молитися о нихъ. Яко вѣсть Богъ, что требуемъ, почто намъ Бога учити? Не подобаетъ просити у Бога, и ради сего да не будемъ учити Бога... Тако же глаголють: Кто дни раздѣлилъ на постныя и не на постныя? Дни изначала Богомъ единаки сътворены, и Господь въ Евангеліи глагола: Не могутъ сынове брачніи поститися, донелиже съ ними женихъ есть, Христосъ. И того ради не подобаетъ поститися, и заутра ясти достойно, ибо и ученицы Христовы заутра класы (колосья) стираху и ядяху... Что убо постъ? Что же ли среда и пятокъ? Нѣсть ничтоже. И еже ясти мяса по вся дни ничтоже есть“.

Отдѣлъ 4-ый. Еретики „глаголють про вся вѣры, иже суть во всѣхъ языкохъ, яко вси людіе едино суть у Бога: и татарове и нѣмцы и прочіи языцы. Глаголетъ бо апостолъ

Петръ: во всякомъ языцѣ боящся Бога, и дѣлаяй правду пріятъ ему есть. Тѣмже и крещеніе не нужно людемъ; глаголетъ бо апостолъ,—яко обрѣзаніе ничьто же есть, и необрѣзаніе ничьто же есть. Тако же и къ причащенію тѣла и крови Христови не подобаетъ поститися или очищатися, или омыватися. Нѣсть бо тѣло Христово или кровь: Христосъ глаголы предаде, а не тѣло свое, ни кровь свою. И то причастіе—простой общей хлѣбъ, и ясти его, яко же и общій хлѣбъ, не приуготовляяся. И вся же приносимая въ церковь, свѣщи и прочая, ненавидитъ Богъ, и то приношеніе на грѣхъ есть приносящимъ. Нынѣ приношеніа Богъ не взыскуетъ. Въ ветхомъ таковая быша, нынѣ жертва Богу—духъ съкрушенъ, по писаному. Чернечество же откуду пріаша? Въ Евангеліи и въ Апостолѣ не писано; паче же пишетъ апостолъ: Духъ же рѣчію глаголетъ, яко въ послѣдняя времена отступятъ нѣціи отъ вѣры, внимающе духомъ лестчемъ (обольщающимъ) и ученіемъ бѣсовскымъ, въ лицемѣріи лжесловесникомъ, изженыхъ своею совѣстью, возбраняющихъ женитися, удалятися брашенъ, яже Богъ сътвори въ снѣденіе съ благодареніемъ вѣрнымъ и познавшимъ истину... Тѣмъ же вся та человѣческая преданія, съпротивна Евангелію и Апостолу. Кляхся,—рече,—и поставихъ съхранити судьбы правды твоея, а не рече: человѣческая преданія. Въ церквахъ же попы учать по книгамъ и по уставамъ ихъ человѣческая преданіа и повелѣваютъ себе послушати и земскыхъ властей боятися и дани даяти имъ. Не подобаетъ же въ христіанохъ властемъ быти и воевати. Писано: Отъ взимающаго твоя не истязуй. Велятъ же попы имѣніа приносити и нищимъ подаяти; а нищіа—псы, не подабаетъ имъ подаяти. Пишетъ бо: нѣсть добро отяти хлѣба чадомъ и повръщи псомъ. И чада мы есмы, яко познахомъ истину, занеже у насъ—разумъ духовный. И аще кто нашь разумъ имѣетъ, то братъ духовный и чадо есть, и къ намъ подобаетъ приносити имѣніа, якоже пишетъ въ Дѣяніяхъ: Яко приношаху имѣніа и полагаху предъ ногама апостолъ. Тіи же вси, иже приходятъ къ церквамъ и внимаютъ человѣческемъ преданіемъ, пси суть и внѣшніи и заблудиша отъ истины и не въсіа имъ благовѣствованіа, погибшіи суть, и елико добродѣтели сътворяютъ, не могутъ спастися, аще не пріимутъ нашего духовнаго разума. Никому же такъ не открылася истина, яко же намъ открыся. Не подобаетъ же повиноватися вла-

стемъ и попомъ, понеже пишеть: Не нарицайтеся наставницы— единъ есть вашъ наставникъ Христосъ. Тако же не подобаеть рожьшихъ почитати, ни именовати отцевъ. Пишеть бо: Не нарицайте себѣ отца на земли—единъ отецъ вашь Богъ. И посему мы—сынове Божіи, яко истину никто же тако позна, яко же мы. Не имущіи же нашего разума внѣшніи суть и пси".

Отдѣлъ 5-ый. „Не подобаетъ прочитати мученій святыхъ мученикъ,—говорятъ далѣе Косой и его единомышленники,— понеже съблазнъ въ нихъ людемъ: писано въ мученіихъ, яко укоряху мучителей, еже не подобаетъ. Такоже не подобаеть почитати и отеческая житія, понеже, якоже и въ мученіихъ, съблазнъ есть людемъ: писано и пророчества и чюдеса въ нихъ. Христосъ бо глагола, яко вси пророцы до Іоанна и сего ради послѣ Предтечева пророчества нѣсть отъ Бога пророчества; такоже и послѣ апостоловъ нѣсть чудесъ. Нынѣ же пророчества и чудеса—ложныя: не подобаетъ бо послѣ Предтеча и апостоловъ пророчеству и чюдесѣмъ бывати. Такоже не подобаеть мощей почитати, апостольскыхъ и мученическыхъ и отеческыхъ, ни на молитву призывати ихъ, понеже то человѣкослуженіе есть, а человѣкослуженіе—подъ клятвою. Укоряеть же таковыхъ и пророкъ, глаголя: Живіи о мертвыхъ помощи взыскують. Апостоли бо живи чюдеса сътвориша и помогаша людемъ; умерше же они, и мученикы и отцы не могуть помогати ничесо же молящимся имъ: мертвецы бо суть, яко же и вси мертвецы. И чюдеса отъ мощей ихъ на съблазнъ и не святымъ Духомъ бывають. Гдѣ писано—телеса не тлѣнна? Тѣмъ же, кто почитаеть мертвыа телеса на молитву мертвыхъ призываеть, человѣкослужитель есть и заповѣдемъ преступникъ: презирая государя, рабу молится; оставя Бога, мертвецовъ призываеть на помощь".

Отдѣлъ 6-ой. „Не подобаеть много почитати рожшую Христа,—говорятъ еще они,—глагола бо Христосъ: Кто суть мати моя и братіа моя? Иже сътворить волю пославшаго Мя, сей—братъ Мой и сестра и мати Ми есть... И крестъ, емуже поклоняются, древо есть. Кую святость имѣеть? Якоже и всякое древо, и яко столпъ, не имать святости. Крестъ есть оно, еже Господь глагола: возми крестъ свой и въ слѣдъ мене гряди, а не сіе крестъ, еже руками сътворяють и поклоняются".

Отдѣлъ 7-ой. Еретики „именують церковныя попы ложными учители"...

Отдѣлъ 8-ой. Накопецъ, еретики говорятъ слѣдующее: „Яко же жидове и мучителіе древле апостоловъ гоняху, тако и насъ нынѣ гонять заблужшіи, понеже мы истину знаемъ паче всѣхъ, и того ради насъ гонять. Златаустъ писа, сказуя притчю въ Евангеліи о плевелохъ селныхъ, яко не подобаеть убивати еретикы; они же насъ, яко и апостоловъ, гонять, познавшихъ истину, и възбраняютъ намъ сказывати слово Божіе".

Авторъ посланія обстоятельно разбираетъ ученіе Косого, опровергаетъ его и многочисленными цитатами доказываетъ истинность православія.

Борьба за самодержавіе и противъ него.

249. Борьба за самодержавіе и противъ него. Вторая половина XVI в. наполнена борьбой за самодержавіе и противъ него. Эта борьба вызвала обширную литературу. Къ ней относятся такія произведенія, какъ „Бесѣда валаамскихъ чудотворцевъ" и сочиненія Іоанна Грознаго и Курбскаго.

250. „Бесѣда валаамскихъ чудотворцевъ". „Бесѣда преподобныхъ Сергія и Германа, валаамскихъ чудотворцевъ", написанная въ ближайшіе послѣ собора на еретиковъ (1553—1554) годы, принадлежитъ перу неизвѣстнаго боярина. Въ формѣ бесѣды преподобныхъ Сергія и Германа, изложенной нелитературно, „простою", неученою рѣчью, авторъ выражаетъ интересы современнаго ему боярства.

Авторъ „Бесѣды"—врагъ новой общественной силы, дворянства. Онъ вооружается противъ его передовыхъ представителей—иноковъ, пріобрѣтающихъ матеріальную основу въ формѣ монастырскаго землевладѣнія и политическую власть въ видѣ совѣтниковъ царя. Иноки,—говоритъ авторъ „Бесѣды,—должны слѣдовать Евангельскому писанію и святыхъ отецъ житію, т.-е. питаться отъ своихъ праведныхъ трудовъ и своею потною прямою силою; они живутъ во всякой скудости, ихъ ризы хуже всѣхъ людей. На сторонѣ такихъ иноковъ, выдвинутыхъ боярствомъ и составившихъ партію заволжскихъ старцевъ, находятся симпатіи автора. Авторъ ненавидитъ иноковъ другого типа, которые получаютъ „волости съ христіаны", собираютъ себѣ изъ міра доходы, кормятся мір-

скими слезами и считаютъ себя „разумнѣе всѣхъ человѣкъ“. „Былъ бы ихъ разумъ,—говоритъ авторъ,—тщалися бы на душевное спасеніе, а волостей со христіаны за монастыри не залучали и того бы бѣгали и поминка и посуловъ не пріимали и льстивыхъ рѣчей бы не внимали и мірскія суеты, постригшися, бы не возлюбили и имѣли бы въ себѣ образъ смиренномудрія съ молчаніемъ, а не свирѣпствомъ и яростію на христіанскія слезы,—и во царехъ такое свирѣпство мало будетъ“. Эти иноки даже пріобрѣтаютъ довѣріе царей: цари совѣтуются съ ними о дѣлахъ государственныхъ и даютъ имъ „княжее и боярское мірское жалованіе, аки воиномъ, волости съ христіаны“. Авторъ говоритъ, что это для иноковъ—„душевредство“ и „безконечная погибель“. Онъ укоряетъ царей за это и говоритъ, что лучше бы такіе цари сняли съ себя вѣнецъ, бросили скипетръ и отказались отъ царства.

Цари должны держать свое царство не съ иноками, этими „непогребенными мертвецами“, а со своими „пріятелями“ (доброжелателями)—князьями и боярами. Царь вмѣстѣ съ князьями и боярами, и прочими мірянами собираютъ изъ міра всякіе доходы „съ пощадою“ и милосердно рѣшаютъ всякія дѣла. Царь не долженъ увлекаться „ратями“, такъ какъ только невѣрные „тщатся въ ратяхъ на убійство и на грабленіе и на всякую нечистоту и злобу своими храбростьми и тѣмъ хвалятся. А вѣрнымъ воиномъ подобаетъ въ войнахъ быти съ царскаго повелѣнія и стояти противу враговъ креста Христова крѣпко и неподвижно; а къ своевѣрнымъ и въ домѣхъ ихъ быти кротко, щедро и милостиво, и ихъ не бити, ниже мучити и грабленія не творити, женъ и дѣвицъ не сквернити, черницъ и вдовицъ и прочихъ сиротъ и всѣхъ православныхъ христіанъ ничѣмъ не вредити, да отъ ихъ слезъ и воздыханія войскомъ всѣмъ злѣ не постражутъ“.

Авторъ „Бесѣды“ призываетъ молиться Богу и выражаетъ опасеніе, что за иноческіе грѣхи и царскую простоту Богъ напуститъ гнѣвъ и на праведныхъ людей: разразятся всевозможныя бѣды—„голоды и морове, и частые и многіе всякіе трусы, и потопы, и междоусобныя брани, и войны“.

Въ приложеніи къ „Бесѣдѣ“ иногда встрѣчается другое произведеніе, подъ заглавіемъ „Ино сказаніе“, принадлежащее другому автору. „Ино сказаніе“ разсматриваетъ вопросъ о царскихъ совѣтникахъ. Авторъ рекомендуетъ царямъ упра-

влять государствомъ съ „единомысленнымъ вселенскимъ соборомъ“.

251. Сочиненія Ивана Грознаго и князя Андрея Курбскаго. Въ полемикѣ по вопросу о самодержавіи приняли дѣятельное участіе Иванъ Грозный и князь Андрей Курбскій. Имъ принадлежатъ слѣдующія сочиненія: 1) Переписка Грознаго съ Курбскимъ, 2) Посланіе Грознаго въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь и 3) „Исторія князя великаго Московскаго“, написанная Курбскимъ.

252. Переписка Курбскаго съ Грознымъ. Князь Андрей Курбскій (1528—1583), потомокъ ярославскихъ князей, былъ замѣчательнѣйшимъ представителемъ московскаго боярства XVI в. Онъ былъ виднымъ государственнымъ дѣятелемъ эпохи Ивана Грознаго, членомъ „избранной рады“, во главѣ которой стояли Сильвестръ и Адашевъ, полководцемъ въ Казанской войнѣ и Ливонской. Въ то же время это былъ просвѣщенный человѣкъ: онъ былъ ученикомъ Максима Грека и по своему міровоззрѣнію стоялъ близко къ заволжскимъ старцамъ.

Въ началѣ 60-хъ гг. XVI в. Иванъ началъ преслѣдованіе бояръ. Въ 1562 г. Курбскій, находившійся въ Ливоніи, проигралъ сраженіе при Невелѣ. Чтобы обезопасить себя отъ возможной со стороны Грознаго мести, Курбскій вступилъ въ тайныя сношенія съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ-Августомъ, а въ 1564 г. убѣжалъ въ Литву. Изъ города Вольмара, въ которомъ онъ поселился, Курбскій послалъ Ивану со своимъ слугою Васькой Шибановымъ „эпистолію“. Ваську подвергли пыткамъ, чтобы узнать объ единомышленникахъ Курбскаго. Васька, никого не выдавъ, умеръ подъ пытками. Въ отвѣтъ на „эпистолію“ Курбскаго Иванъ написалъ „посланіе“. Завязалась переписка, продолжавшаяся до 1579 г. Она состоитъ изъ четырехъ писемъ Курбскаго и двухъ писемъ Грознаго.

„Эпистолія первая“ Курбскаго адресована „царю и великому князю московскому прелютаго ради гоненія его“. Она начинается такими словами: „Царю, отъ Бога препрославленному, паче же въ православіи пресвѣтлу явльшуся, нынѣ же, грѣхъ ради нашихъ, сопротивъ сихъ обрѣтшемуся“. Курбскій упрекаетъ Грознаго за преслѣдованіе бояръ. „Про что, царю, сильныхъ во Израили побилъ еси и воеводъ, отъ Бога данныхъ ти, различнымъ смертемъ предалъ еси, и побѣдо-

носную святую кровь ихъ во церквахъ Божіихъ, во владыческихъ торжествахъ проліялъ еси и мученическими ихъ кровьми праги (пороги) церковные обагрилъ еси и на доброхотныхъ твоихъ и душу за тя полагающихъ неслыханныя мученія и гоненія и смерти умыслилъ еси?"... Курбскій спрашиваетъ Грознаго, чѣмъ провинились они передъ нимъ. „Не прегордыя ли царства разорили и подручныхъ во всемъ тебѣ сотворили, мужествомъ храбрости ихъ, у нихъ же прежде въ работѣ (рабствѣ) быша праотцы наши? Не претвердые ли грады германскіе тщаніемъ разума ихъ отъ Бога тебѣ даны бысть?" Выразивъ свое недоумѣніе, Курбскій дѣлаетъ предположеніе, что Грозный впалъ въ „небытную" ересь, считаетъ себя повидимому, безсмертнымъ и не думаетъ о томъ, что ему придется предстать на судѣ и отвѣчать „неумытному судіи, богоначальному Іисусу, хотящему судити вселенной въ правду, паче же прегордымъ мучителямъ". Изобразивъ бѣдствія и преслѣдованія, перенесенныя имъ и другими боярами, и не находя за собою никакой вины передъ Грознымъ, Курбскій говоритъ, что кровь, пролитая имъ за Грознаго, вопіетъ на него къ Богу. Христосъ будетъ судьею между нимъ и Грознымъ. Грозный не увидитъ болѣе лица его до второго пришествія. Избіенные имъ, стоя у престола Господня, просятъ отмщенія; заточенные и прогнанные имъ безъ правды вопіютъ день и ночь къ Богу. А „писаніе сіе,—говоритъ Курбскій,—слезами измоченное, во гробъ съ собою повелю вложити, грядуще съ тобою на судъ Бога моего, Іисуса Христа".

„Эпистолія" Курбскаго страшно поразила Грознаго: никто никогда ему подобныхъ вещей не говорилъ и притомъ въ такой формѣ. Грозный написалъ Курбскому въ отвѣтъ посланіе. Онъ говоритъ, что хорошо понялъ его эпистолію: подъ устами Курбскаго—„ядъ змѣиный, а снаружи эпистолія полна меда и сота". Грозный разбираетъ обвиненія Курбскаго и опровергаетъ ихъ, обвиняетъ бояръ въ измѣнѣ и нападаетъ на самого Курбскаго. Если Курбскій благочестивъ, то какъ же это онъ, предавшись врагамъ, отвергъ спасеніе своей души, продалъ душу за тѣло. Вѣдь ему придется воевать со своей же родиной—разорять церкви, попирать иконы, губить христіанъ, попирать конскими копытами младенцевъ и уподобляться этимъ Ироду. Если Курбскій праведенъ и благочестивъ, почему онъ убоялся неповинной смерти, которая не есть смерть, а прі-

обрѣтеніе? Грозный напоминаетъ Курбскому слова апостола Павла, что всякая душа владыкамъ предвладующимъ да повинуется, что противящійся власти Богу противится. Это сказано, — разъясняетъ Грозный, — о всякой власти, которую и кровью, и войною получаютъ. Грозный указываетъ Курбскому въ примѣръ на Ваську Шибанова, который, „при смертныхъ вратѣхъ стоя, и ради крестнаго цѣлованія тебе не отвержеся, и похваляя и всячески за тя умерети тщашеся“. Грозный говоритъ, что бояре съ дѣтства поколебали въ немъ благочестіе и данную ему Богомъ державу отторгли въ свою власть. Своими соблазнами и измѣнами бояре толкали его на согрѣшенія. Цари должны быть строгими и сами управлять государствомъ, иначе царство разорится, какъ это было съ греческимъ царствомъ. Развѣ это хорошо, когда попъ (намекъ на Сильвестра) и прегордые и лукавые рабы (т. е. бояре) пользуются властью, а царь — только почетный предсѣдатель, по власти не выше раба? Какъ же онъ можетъ въ такомъ случаѣ называться самодержцемъ, если онъ не самъ все устраиваетъ? Грозный не понимаетъ, о какихъ это „сильныхъ во Израили“ говоритъ Курбскій. Земля управляется „Божьимъ милосердіемъ, милостью Пречистой Богородицы, молитвами всѣхъ святыхъ, благословеніемъ нашихъ родителей и послѣ нихъ нами, своими государями, а не судьями и воеводами... А что мы своихъ воеводъ казнили разными смертями, такъ мы, Божіею помощью, имѣемъ у себя множество воеводъ и кромѣ васъ, измѣнниковъ. Мы вольны жаловать своихъ холопей, вольны также и казнить“. Крови въ церквахъ,—продолжаетъ Грозный, — онъ никакой не проливалъ и не обагрялъ ею церковныхъ праговъ. Бояре дѣйствительно принимали участіе въ походѣ на Казанское царство, а около Астрахани ихъ не было. Да и въ походъ на Казанское царство какъ шли тѣ, которые „прегордыя царства разорили“, которые проявили „мужество храбрости“? Они ставили службу въ опалу, отправлялись только по принужденію и отвращали отъ войны; когда подъ Казанью истощились запасы, они хотѣли вернуться домой. На слова Курбскаго, что Грозный не увидитъ его лица до второго пришествія, Грозный отвѣчаетъ: „Кто жъ убо восхощетъ такова еѳіопскаго лица видѣти?“

Посланіе Грознаго вызвало „краткое отвѣщаніе“ Курбскаго на его „зѣло широкую эпистолію“. Курбскій называетъ его

посланіе „широковѣщательнымъ“ и „многошумящимъ“ и спрашиваетъ Грознаго, не стыдно ли ему такъ неискусно писать въ чужую образованную страну: въ посланіи „со многою яростію и лютостію“ хватано отъ многихъ священныхъ книгъ не строками и не стихами, какъ подобаетъ искуснымъ и образованнымъ людямъ, а цѣлыми книгами, пареміями и посланіями. Курбскій говоритъ, что онъ, оскорбленный и изгнанный, заслуживаетъ утѣшенія и спрашиваетъ Грознаго, хорошо ли „грызти такъ кусательно“ за глаза невиннаго человѣка.

Въ 1577 г. Иванъ взялъ Вольмаръ. Это побудило его написать Курбскому новое посланіе. Указавъ на одержанныя имъ побѣды надъ нѣмцами, литовцами и татарами, Грозный торжествующе смѣется надъ Курбскимъ. „Все говорили,—пишетъ Грозный,—нѣтъ людей на Руси, некому стоять; и нынѣ васъ нѣтъ. Кто же нынѣ беретъ претвердые германскіе грады?... Ты себѣ въ досаду написалъ, будто бы мы посылали тебя въ дальніе города, какъ въ опалу, а вотъ мы нынѣ Божіею помощью, прошли далѣе твоихъ дальныхъ городовъ... И гдѣ ты хотѣлъ успокоиться отъ всѣхъ трудовъ своихъ, въ Вольмарѣ, и туда Богъ принесъ насъ на покой твой; и гдѣ ты хотѣлъ спастись отъ насъ, мы и тутъ, по Божіей волѣ, тебя нагнали“. Грозный снова повторяетъ свои обвиненія бояръ въ измѣнѣ и прибавляетъ, что они погубили его супругу Анастасію.

Въ 1579 г. Грозный потерпѣлъ пораженіе и потерялъ городъ Полоцкъ. Курбскій воспользовался этимъ и послалъ Грозному два посланія, въ которыхъ доказываетъ, что своими прежними побѣдами Грозный обязанъ былъ доблести бояръ. Грозный сталъ изгонять бояръ. Тотчасъ посыпались на Русь бѣдствія: голодъ, пожаръ Москвы, бѣгство войска отъ крымскихъ татаръ и пр. Въ заключеніе перваго изъ этихъ посланій Курбскій пишетъ: „Уже пора твоему величеству укротиться и войти въ чувство: мы уже ближе стали ко гробу тѣломъ, а душою безсмертною и умомъ съ суду Божію, нежели къ суетному сему житію“.

253. „Посланіе игумену Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря“. „Посланіе игумену Кирилло-Бѣлозорскаго монастыря Козьмѣ съ братіею“ было написано Грознымъ около 1578 г. Поводомъ къ этому посланію послужили слѣдующія обстоятельства.

Въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ значительная часть

монаховъ состояла въ 70-хъ годахъ XVI в. изъ бояръ, насильно постриженныхъ по приказанію Ивана или постригшихся добровольно изъ страха передъ опалой. Эти монахи, не питавшіе никакой склонности къ монашеству, внесли въ монастырь, отличавшійся нѣкогда строгостью (§ 153), свѣтскіе нравы и дѣйствовали соблазняющимъ образомъ на прочихъ монаховъ. Игуменъ Козьма потерялъ всякую власть надъ монахами. Опасаясь навлечь на себя гнѣвъ Грознаго, если тотъ узнаетъ о духѣ, воцарившемся въ монастырѣ, Козьма рѣшилъ предупредить возможную грозу и обратился къ царю съ просьбой дать монахамъ наставленіе.

„Посланіе“ Грознаго начинается смиренными восклицаніями: „Увы мнѣ грѣшному! Горе мнѣ окаянному! Охъ мнѣ скверному!“ Грозный спрашиваетъ себя, кто онъ такой, чтобы осмѣлиться „на таковую высоту дерзати“, т. е. давать поученіе инокамъ. Написано: „Свѣтъ инокамъ—ангелы, свѣтъ же мірянамъ — иноки“. Инокамъ подобаетъ просвѣщать насъ, заблудившихся во тьмѣ гордости и въ смертной сѣни тщеславія и прочихъ пороковъ, „а мнѣ, псу смердящему, кому учити и чему наказати, и чѣмъ просвѣтити?“ Грозный указываетъ Козьмѣ съ братіей, что у нихъ есть учитель—Кириллъ: пусть они смотрятъ на гробъ его и просвѣщаются; у нихъ есть великіе подвижники, ученики Кирилла; есть у нихъ, наконецъ, святой уставъ. Вотъ, отъ кого и отъ чего слѣдуетъ имъ просвѣщаться.

Грозный вспоминаетъ, что нѣкогда онъ посѣтилъ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, далъ въ немъ обѣтъ постричься, и игуменъ благословилъ его тогда. „И мнѣ мнится, окаянному,—продолжаетъ Грозный,—яко исполу (наполовину) есмь чернецъ. Аще и не отложихъ всякаго мірскаго мятежа, но уже рукоположеніе благословенія ангельскаго образа на себѣ ношу“. Слѣдовательно, онъ имѣетъ нѣкоторое право дать инокамъ наставленіе. Увидѣвъ, что въ монастырѣ, этомъ пристанищѣ спасенія, многіе „корабли душевные“ люто обуреваются треволненіями, онъ не могъ вытерпѣть и допустить, чтобы это пристанище упразднилось.

Грозный рѣзко и ядовито изображаетъ жизнь постриженныхъ бояръ и подчеркиваетъ противорѣчіе между нею и монашескими обѣтами. Есть у васъ,—говоритъ онъ,—„Анна и Каіафа—Шереметевъ и Хабаровъ, и есть Пилатъ—Варламъ

Собакинъ, понеже отъ царскія власти посланъ; и есть Христосъ распинаемъ—чудотворцево преданіе распинаемо". Великіе подвижники установили крѣпкіе уставы иноческому житію, а бояре, пришедши въ монастырь, ввели свои „любострастные уставы". Значитъ, „не они у васъ постриглися, вы у нихъ постриглися; не вы имъ — учители и законоположители, они вамъ — учители и законоположители. Да, Шереметева уставъ добръ, держите его; а Кирилловъ уставъ не добръ, оставьте его". Шереметевъ сидитъ въ кельѣ, какъ царь, а Хабаровъ приходитъ къ нему съ другими чернецами, да ѣдятъ и пьютъ, что въ міру; Шереметевъ, точно со свадьбы или съ родинъ, разсылаетъ по кельямъ пастилы и коврижки и другія пряныя составныя овощи, а на монастырскомъ дворѣ—всякіе годовые запасы. Въ монастырѣ надъ могилою князя Воротынскаго построена церковь, а надъ основателемъ монастыря нѣтъ церкви; Воротынскій — въ церкви, а чудотворецъ — за церковью; на страшномъ судѣ Воротынскій и Шереметевъ станутъ выше Кирилла — Воротынскій церковью, а Шереметевъ — закономъ, потому что они сильнѣе Кирилла.

Въ концѣ посланія Грозный призываетъ въ свидѣтели Бога, Богородицу и Кирилла, что онъ написалъ посланіе „не на Шереметева гнѣваючись", а для исправленія монастырскаго „безчинія".

254. „Исторія князя великаго Московскаго". „Исторія князя великаго Московскаго о дѣлѣхъ, яже слышахомъ у достовѣрныхъ мужей и яже видѣхомъ очима нашима" написана была Курбскимъ въ Литвѣ. Въ предисловіи къ своему труду авторъ объясняетъ, что онъ предпринялъ его потому, что много разъ и настойчиво былъ вопрошаемъ „отъ свѣтлыхъ мужей", почему въ Иванѣ Грозномъ произошла рѣзкая перемѣна. Интересъ къ Ивану въ Польско-Литовскомъ государствѣ, вѣроятно, пробудился, подъ вліяніемъ политическихъ событій, происшедшихъ въ немъ. Въ 1572 г. скончался Сигизмундъ II Августъ, послѣдній Ягеллонъ. На польскій престолъ предъявили притязанія нѣсколько претендентовъ, въ томъ числѣ Иванъ Грозный. Если бы польскій престолъ достался Ивану, это заставило бы Курбскаго покинуть предѣлы Польши. Вѣроятно, такое опасеніе и было причиной того, что Курбскій написалъ свою исторію: ею онъ хотѣлъ предостеречь польско-литовскій руководящій классъ противъ Грознаго.

„Исторія“ Курбскаго состоитъ изъ девяти главъ. Въ ней онъ излагаетъ исторію Ивана Грознаго съ его дѣтства и до 1578 г. Основная мысль этой исторіи состоитъ въ томъ, что Иванъ, съ дѣтства наклонный къ жестокости, исправился подъ вліяніемъ хорошихъ совѣтниковъ, совершилъ много мудрыхъ дѣлъ и одержалъ много побѣдъ, а подъ вліяніемъ дурныхъ совѣтниковъ далъ волю своимъ дурнымъ наклонностямъ: „восскурилось гоненіе великое, и пожаръ лютости въ землѣ Русской возгорѣлся“.

Иванъ родился „въ законопреступленіи“ *): родилась „лютость“. Ребенкомъ уже Иванъ свою наклонность къ лютости проявилъ сначала на безсловесныхъ животныхъ, бросая ихъ съ крыльца или съ терема внизъ, а потомъ и надъ людьми: онъ сталъ разъѣзжать съ знатными юношами по площадямъ и бить народъ. Льстецы восхищались такими поступками Ивана и говорили: „О, храбръ будетъ сей царь и мужественъ!“ Наконецъ, по наущенію окружающихъ его, Иванъ убилъ князя Ивана Бѣльскаго, „мужа пресильнаго, храбраго стратига и великороднаго“.

Тогда Господь „посѣтилъ“ Москву превеликимъ огнемъ. Передъ этимъ Господь наводилъ на Русь татаръ, которые опустошали ее, учиняли кровопролитіе и плѣняли народъ. Пожаръ вызвалъ народное возмущеніе: былъ убитъ дядя Ивана Юрій Глинскій; другой его дядя, Михаилъ Глинскій, убѣжалъ. Иванъ со своимъ дворомъ поспѣшно покинулъ Москву.

Дивно случилось, какъ Господь подалъ землѣ Русской руку помощи. Къ Ивану явился одинъ мужъ, пресвитеръ чиномъ, Сильвестръ, пришелецъ изъ Новгорода, „претяще ему отъ Бога священными писаньми и строзѣ заклинающе его страшнымъ Божіимъ именемъ“. Подобно тому, какъ родители велятъ слугамъ ужасать дѣтей какими-нибудь „мечтательными страхами“, чтобы отвратить ихъ отъ излишнихъ игръ или отъ дурныхъ сверстниковъ, такъ и Сильвестръ къ своимъ наставленіямъ присовокупилъ „малую грозу благокозненія“. Этимъ онъ исправилъ развращенный умъ Ивана и наставилъ его на стезю правды. Съ Сильвестромъ соединился благородный юноша Алексѣй Адашевъ. Оба они наставили Ивана въ благочестіи

---

*) Курбскій имѣетъ въ виду бракъ Василія III съ Еленой Глинской при жизни первой жены Василія (§ 227).

и отогнали отъ него „прелютѣйшихъ звѣрей, сирѣчь, ласкателей и человѣкоугодниковъ“, и стали его мудрыми и мужественными совѣтниками, посреди которыхъ былъ Господь, потому что самъ Господь сказалъ: „идѣже два или три собрани о имени Моемъ, ту есмь Азъ посреди ихъ“. Съ этого времени начались славныя дѣянія Ивана — покореніе Казани и Астрахани.

Но не долго это продолжалось. Однажды Иванъ послѣ болѣзни отправился въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Здѣсь онъ обратился къ старцу Вассіану Топоркову (племяннику Іосифа Волоцкаго) съ такимъ вопросомъ: „Како бы моглъ добрѣ царствовати и великихъ и сильныхъ своихъ въ послушествѣ имѣти?“ Что же отвѣтилъ ему этотъ „прелукавый“ бывшій епископъ? Онъ сталъ шептать ему на ухо такой „сатанинскій силлогизмъ“: „Аще хощеши самодержцемъ быти, не держи себѣ совѣтника ни единаго мудрѣйшаго себя, понеже самъ еси всѣхъ лучше; тако будеши твердъ въ царствѣ и все имѣти будеши въ рукахъ своихъ. Аще будеши имѣть мудрѣйшихъ близу себя, по нуждѣ будеши послушенъ имъ“. „О, гласъ воистину діаволій,—восклицаетъ Курбскій,—всякія злости и презорства (высокомѣрія) и забвенія преполонъ!“ Царь поцѣловалъ руку старца и сказалъ: „О, аще и отецъ былъ бы живъ, таковаго глагола полезнаго не повѣдалъ бы ми“.

Что же послѣ этого начинаетъ царь? Онъ, „отворивши оба уха своимъ презлымъ ласкателямъ“, которые часто были родомъ „изъ простого всенародства“, сталъ слушать ихъ клеветы и нашептыванія на Сильвестра и Адашева. Умерла жена царя. Клеветники сказали царю, что Сильвестръ и Адашевъ ее „счаровали“. „Царь же убійства исполнився, абіе имъ вѣру ялъ“. Напрасно Сильвестръ и Адашевъ пытались оправдаться: ихъ не допускали къ царю. Презлые ласкатели говорили царю: „Аще припустишь ихъ себѣ на очи, очаруютъ тебя и дѣтей твоихъ“... Царь отогналъ отъ себя Сильвестра и Адашева: Сильвестра заточилъ въ Соловецкій монастырь, а Адашева отправилъ въ Ливонію. Начались казни.

Въ концѣ „Исторіи“ Курбскій сравниваетъ Грознаго съ другими мучителями, а казненныхъ съ древними мучениками.

255. Комментаріи къ сочиненіямъ Курбскаго и Грознаго. Курбскій и Грозный, какъ писатели, продолжаютъ борьбу противъ самодержавія и за него.

Курбскій—противникъ самодержавія. Царь успѣшно можетъ править государствомъ только тогда, когда онъ руководится совѣтомъ мудрыхъ бояръ. „Самому царю—говоритъ Курбскій,—достоитъ быти яко главѣ, и любити мудрыхъ совѣтниковъ своихъ, яко свои уды“. Защищая право бояръ на участіе въ управленіи государствомъ, Курбскій въ то же время признаетъ необходимымъ также и участіе народа. „Царь же,—говоритъ Курбскій,—аще и почтенъ царствомъ, а дарованій которыхъ отъ Бога не получилъ, долженъ искати добраго и полезнаго совѣта не токмо у совѣтниковъ, но и у всенародныхъ человѣкъ: понеже даръ духа дается не по богатству внѣшнему и по силѣ царства, но по правости душевной“. Свои идеи Курбскій проводитъ и въ перепискѣ, и въ „Исторіи“. Послѣднее произведеніе представляетъ первый у насъ опытъ изложенія историческихъ событій съ указаніемъ ихъ причинной связи другъ съ другомъ. Такъ, „лютость“ Грознаго, по мнѣнію Курбскаго, была предопредѣлена незаконнымъ, съ церковной точки зрѣнія, бракомъ Василія III; хорошія дѣянія Грознаго онъ объясняетъ благодѣтельнымъ вліяніемъ мудрыхъ совѣтниковъ; дурныя дѣянія произошли отъ „непослушанія синклитскаго совѣта“, оттого, что Иванъ поддался вліянію дурныхъ совѣтниковъ. Курбскій понимаетъ и то, что дурные совѣты, измѣнившіе политику Грознаго, шли изъ дворянско-демократической среды, что развитію самодержавія содѣйствовали іосифляне, которыхъ онъ называетъ „презлыми“, „лукавою четою“ и т. д. Наконецъ, Курбскій догадывается, что основная причина борьбы Ивана съ боярами заключалась въ боярскихъ вотчинахъ. Это видно изъ слѣдующихъ мѣстъ въ „Исторіи“ Курбскаго: Иванъ „началъ сродниковъ Селиверстовыхъ и Алексѣевыхъ писати имена... ихъ богатствъ ради и стяжанія; потомъ... княжатъ Прозоровскихъ... Ушатыхъ... погубилъ всенароднѣ, понеже имѣли отчины великія. Мню, негли изъ того (не потому ли) ихъ погубилъ?... Бо еще тѣ княжата (Воротынскіе) были на своихъ удѣлѣхъ и всегда отчины подъ собою имѣли, а колико тысящъ въ нихъ не чту воинства было слугъ ихъ, имъ же онъ зазрѣ, того ради губилъ ихъ“.

Курбскій обладалъ большимъ литературнымъ талантомъ, который воспитался на школѣ заволжскихъ старцевъ и Максима Грека. Попавши въ Литву, страну, болѣе просвѣщенную, нежели Московская Русь, Курбскій увидѣлъ пробѣлы своего

образованія, дѣятельно сталъ трудиться для его пополненія и, между прочимъ, изучилъ латинскій языкъ. Этимъ объясняются слѣды южно-русскаго вліянія на изложеніи „Исторіи“ Курбскаго.

Грозный воспитался на литературныхъ трудахъ іосифлянской школы съ ея методомъ обширныхъ выписокъ. Нѣкоторое вліяніе на него имѣлъ, повидимому, и Пересвѣтовъ.

Грозный—защитникъ самодержавія. На бояръ онъ смотритъ, какъ на своихъ холоповъ. Онъ страстно защищаетъ свое право быть самому строителемъ Русской земли. „Или убо сіе свѣтло,—говоритъ Грозный Курбскому,—попу (намекъ на Сильвестра) и прегордымъ рабомъ (т. е. боярамъ) владѣти, царю же токмо предсѣданіемъ и царствія честію почтену быти, властію же ничимъ же лучши быти раба?... Како же и самодержецъ наречется, аще не самъ строитъ?“ Царь ни передъ кѣмъ, кромѣ Бога, не отвѣтственъ и никому не обязанъ давать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ: „А жаловати есмя своихъ холопей вольны—говоритъ Иванъ,—а и казнити вольны жъ есмя“. По мнѣнію Ивана Грознаго, самодержавіе ведетъ свое начало изъ глубокой старины: „Самодержавство Божіимъ изволеніемъ починъ отъ великаго князя Владимира..., не восхитихомъ ни подъ кимъ же царства, но Божіимъ изволеніемъ и прародителей и родителей своихъ благословеніемъ, яко же родихомся во царствіи, тако и возрастахомъ и воцарихомся Божіимъ велѣніемъ и родителей своихъ благословеніемъ свое взяхомъ, а не чужое восхитихомъ“. Русскіе самодержцы „изначала сами владѣютъ всѣми царствы, а не бояре и вельможи“. И это потому, говоритъ Грозный, что самодержавіе установлено самимъ Богомъ: „Земля правится Божіимъ милосердіемъ и пречистыя Богородицы милостію и всѣхъ святыхъ молитвами и родителей нашихъ благословеніемъ и послѣди нами, государи своими, а не судьями и воеводы и еже ипаты и стратиги“.

Хотя въ сочиненіяхъ Ивана Грознаго нѣтъ послѣдовательности въ изложеніи мыслей, и они черезчуръ обременены выписками, однако авторъ обнаруживаетъ замѣчательное литературное дарованіе: его сочиненія проникнуты живымъ страстнымъ чувствомъ; онъ—тонкій діалектикъ и опытный полемистъ; его выраженія отличаются яркостью и силою; наконецъ, Грозный обладалъ одною важною способностью—умѣніемъ поражать противника насмѣшкой, ироніей.

Старины объ Иванѣ Грозномъ.

256. Старины объ Иванѣ Грозномъ. Эпоха Грознаго и его личность нашли себѣ отраженіе въ устномъ творчествѣ. Онѣ изображаются въ цѣломъ рядѣ старинъ, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательны слѣдующія: 1) Взятіе Казани, 2) Покореніе Сибири, 3) Женитьба Грознаго на Марьѣ Темрюковнѣ и 4) Гнѣвъ Грознаго на сына.

257. Взятіе Казани. Пробуждается отъ сна казанская царица и сообщаетъ царю Симеону, что она видѣла страшный сонъ: „Какъ отъ сильнаго Московскаго царства кабы сизый орлище встрепенулся, кабы грозная туча подымалась, что на наше вѣдь царство наплывала“. Сонъ царицы оказался вѣщимъ. Изъ сильнаго Московскаго царства подымался князь Иванъ Васильевичъ, который окружилъ Казань своими войсками. Семь лѣтъ простоялъ Иванъ подъ Казанью и не могъ ее взять. Велѣлъ Иванъ подкопы дѣлать подъ Казань, а въ подкопы подкатывать бочки съ чернымъ порохомъ. Становили одну свѣчу воску яраго въ подкопѣ, а другую на полѣ. Сгорѣла свѣча на полѣ, а Казань все стоитъ. Татарки-казанки на стѣнѣ стоятъ, издѣваются: „Еще вотъ тѣ, государь-царь, Казань городъ взять!“ Распалился Иванъ на пушкарей за ихъ измѣну и хочетъ казнить ихъ. Одинъ молодой пушкарь выставился и сказалъ Ивану, что свѣча на вѣтрѣ горитъ скорѣе, а въ землѣ—„тише“. Только что пушкарь окончилъ свое объясненіе, какъ „подымало высокую гору, разбросало бѣлокаменныя палаты“. Бѣжитъ Иванъ на гору, гдѣ стояли палаты бѣлокаменныя. Ему навстрѣчу бѣжитъ царица казанская. Иванъ пожаловалъ царицу, привелъ ее въ крещеную вѣру и въ монастырь постригъ, а у царя Симеона за гордость онъ вынулъ очи ясныя съ косицами. Взялъ князь у Симеона царскую корону и снялъ съ него царскую порфиру. Въ то время князь Иванъ воцарился и насѣлъ на Московское царство.

Старины о взятіи Казани сохранили много исторически вѣрныхъ фактовъ. Такъ, онѣ запомнили, что взятіе Казани досталось не легко: изъ исторіи извѣстно, что ему предшествовалъ рядъ трудныхъ и неудачныхъ походовъ. Онѣ запомнили также, что рѣшающее значеніе во взятіи Казани сыграли мины,

подведенныя подъ ея стѣны. Особенностью старинъ о взятіи Казани является то, что онѣ съ этимъ фактомъ связываютъ принятіе Иваномъ титула царя. Это исторически не вѣрно. Но вѣрно то, что завоеваніе Казанскаго царства придало еще болѣе значенія принятію Иваномъ этого титула (§ 243).

258. Покореніе Сибири. Ермакъ Тимоѳеевичъ со своими казаками ѣдетъ на легкихъ стругахъ по матушкѣ по Волгѣ, по протокѣ по Ахтубѣ. Посмотрѣли казаки на море—зачернѣлись двѣнадцать кораблей. На корабляхъ—гости турецкіе съ заморскими товарами. Казаки напустились на корабли. Турки испугались и бросились въ море, а товары и корабли достались казакамъ. Въ это время показалось на берегу царское войско подъ начальствомъ боярина Карамышева. Завязался бой между казаками и солдатами. Солдаты были перебиты, и Карамашевъ погибъ. Казаки поѣхали въ Астрахань, выдали себя за купцовъ заморскихъ и стали торговать турецкими товарами.

Въ Астрахани Ермака и казаковъ взяло раздумье: „Въ Астрахани жить нельзя, на Волгѣ жить—ворами слыть, на Яикъ идти—переходъ великъ, въ Казань идти—грозенъ царь стоитъ, грозенъ царь государь Иванъ Васильевичъ, въ Москву идти—перехватаннымъ быть, по разнымъ городамъ разосланнымъ и по темнымъ тюрьмамъ разсаженнымъ“. Рѣшилъ Ермакъ завоевать Сибирь и этимъ загладить передъ московскимъ царемъ вину. Онъ пошелъ къ Строгановымъ, взялъ отъ нихъ пороху и пуль и двинулся на Сибирь. Много казаки плыли по разнымъ рѣкамъ, много дракъ у нихъ было съ татарами. Дошелъ Ермакъ до Сибирки-рѣки и тутъ полонилъ Кучума, царя татарскаго.

Поѣхалъ Ермакъ съ товарищами въ Москву къ царю. Попросилъ Ермакъ боярина Никиту Романовича доложить объ его подвигѣ царю. Царь простилъ Ермака съ товарищами и послалъ его въ Сибирь собирать дани-выходы въ царскую казну. Въ Сибири татары взбунтовались и пустились на Ермака на рѣкѣ Енисеѣ. Ермакъ свалился въ Енисей. Тутъ ему и смерть приключилась.

Старины о завоеваніи Сибири въ 1582 г. запомнили историческіе факты довольно хорошо даже въ подробностяхъ. Такъ, онѣ помнятъ о разбойничаньѣ Ермака по Волгѣ, о Строгановыхъ, которые наняли Ермака и его шайку противъ Кучума,

самый фактъ завоеванія Сибири, прощеніе Ермака царемъ и его гибель. Запомнивъ эти факты, старины перепутали другіе: Ермакъ не бралъ въ плѣнъ Кучума; не Ермакъ пріѣзжалъ въ Москву, а его посольство съ Кольцомъ во главѣ; бояринъ Карамышевъ дѣйствовалъ не въ царствованіе Ивана Грознаго, а позднѣе, въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича.

259. Женитьба Грознаго на Марьѣ Темрюковнѣ. Послѣ смерти царицы Анастасіи Иванъ Грозный сдѣлалъ предложеніе красивой дочери Темгрюка, одного изъ владѣтелей пятигорскихъ черкесовъ. Красавица пріѣхала въ Москву, была крещена и получила имя Маріи. Въ 1561 г. царь женился на ней. Черезъ восемь лѣтъ она умерла. Иванъ приписалъ ея смерть тайной отравѣ. Послѣ ея смерти Иванъ женился въ третій разъ. Черезъ двѣ недѣли его молодая жена умерла. Начались розыски виновниковъ ея смерти между боярами. Многіе изъ нихъ поплатились жизнью, въ томъ числѣ братъ Маріи Темгрюковны—Михаилъ Темгрюковичъ. Эти историческіе факты дали матеріалъ для поэтическаго сюжета о женитьбѣ Грознаго на Марьѣ Темрюковнѣ.

Софья Романовна (т.-е. Анастасія) завѣщала царю жениться послѣ ея смерти снова, но только въ Москвѣ, а не на Марьѣ Темрюковнѣ. Царь выбираетъ себѣ въ жены именно купаву (красавицу) Марью Темрюковну и получаетъ богатое приданое. Съ новой царицей пріѣзжаетъ ея братъ богатырь Кастрюкъ-Мастрюкъ. Иванъ задаетъ большой пиръ. Кастрюкъ-Мастрюкъ вызываетъ противъ себя поединщиковъ. Въ борьбѣ съ русскимъ поединщикомъ Кастрюкъ-Мастрюкъ терпитъ пораженіе. Марья Темрюковна негодуетъ на это, а царь говоритъ ей: „Не то-то намъ дорого, что татаринъ похваляется, а то-то намъ дорого, что русакъ насмѣхается“.

Марья Темрюковна изображается злой чародѣйкой. Она приноситъ своимъ пасынкамъ подарки—рубашки чернаго золота. Когда эти рубашки надѣли на псовъ, послѣднихъ тотчасъ разорвало. По нѣкоторымъ старинамъ Марья Темрюковна послѣ пораженія брата обратилась въ сороку и улетѣла изъ Москвы.

Изъ сравненія содержанія этихъ старинъ съ историческими фактами видно, что въ нихъ надъ фктами преобладаетъ поэтическое творчество.

260. Набѣгъ крымскихъ татаръ. Въ 1572 г. крым-

скій ханъ Девлетъ-Гирей рѣшилъ совершить новый набѣгъ на Москву. Татары увѣрены были въ успѣхѣ и заранѣе распредѣлили между собой города московскіе и даже улицы въ самой Москвѣ. Въ 50-ти верстахъ отъ Москвы татары потерпѣли отъ русскихъ пораженіе. Попался въ плѣнъ Дивій Мурза, который былъ отвезенъ въ Новгородъ, гдѣ въ то время находился Грозный. Это событіе воспѣвается въ старинѣ о набѣгѣ крымскихъ татаръ (§ 269).

Не сильная туча затучилась, не сильные громы грянули: ѣдетъ къ сильному Московскому царству крымскій царь. На Окѣ-рѣкѣ татары разставили шатры и стали думу думать, кому изъ нихъ сидѣть въ Москвѣ, кому во Владимирѣ, Суздалѣ, Рязани, Звенигородѣ, Новгородѣ. Дивій Мурза сынъ Усановичъ просилъ крымскаго царя пожаловать его Новгородомъ. Вдругъ раздался съ неба Господень гласъ: „Ино еси, собака крымскій царь, то ли тебѣ царство не свѣдомо? А еще есть на Москвѣ семьдесятъ апостоловъ (храмъ въ кремлѣ), опрошенно (кромѣ) трехъ святителей (митрополиты—Петръ, Алексѣй и Іона); есть еще на Москвѣ православный царь“. Испугался крымскій царь, побѣжалъ обратно „не по знамени“ (извѣстнымъ дорогамъ), а какъ попало.

261. Гнѣвъ Грознаго на сына. Въ 1582 г. старшій сынъ Грознаго Иванъ Ивановичъ поспорилъ со своимъ отцомъ. Разъяренный отецъ ударилъ своего сына острымъ концомъ своего посоха въ високъ. Царевичъ упалъ. Грозный опомнился и сталъ молить сына о прощеніи. Дядя царевича Никита Романовичъ бросился за врачами; но они ничего не могли сдѣлать: черезъ четыре дня царевичъ Иванъ скончался.

Это событіе послужило основой для старинъ о гнѣвѣ Грознаго на сына.

Возсіяло когда то на ясномъ небѣ солнце красное, воцарился у насъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ. Завелъ онъ пиръ. Всѣ на пиру порасхвастались. Заговорилъ царь: „Есть и мнѣ, царю, теперь похвастати: я повынесъ то царенье изъ Царяграда, царскую порфиру на себя надѣлъ, царскій костыль я себѣ въ руки взялъ. Ужъ какъ я ли могу похвалитися, что и взялъ я Казанское царство, Рязань городъ, славну Астрахань; ужъ и я ли вывелъ измѣну изо Пскова, изо Пскова и изъ Новагорода“. Царевичъ Иванъ замѣтилъ царю, что онъ не вывелъ измѣны изъ Москвы; измѣнникъ—находится въ

государевыхъ палатахъ: „онъ ѣстъ съ тобою съ одного блюда, съ одного плеча носитъ платье цвѣтное“. Догадался царь, что измѣнникъ—царевичъ Ѳеодоръ. Распалился царь великимъ гнѣвомъ, закричалъ онъ слугамъ вѣрнымъ, чтобы они схватили царевича и повели его на казнь „за Москву-рѣку, ко тому ли болоту стоячему, ко той ли лужѣ кровавой, ко той ли плахѣ поганой“. Испугались князья-бояре, разбѣжались вѣрные слуги. Остался одинъ злодѣй Малюта Скурлатовичъ. Онъ взялъ царевича за руку и повелъ его на казнь.

Большой бояринъ Никита Романовичъ, узнавъ о происшедшемъ, сѣлъ на коня и поскакалъ за рѣку-Москву. Онъ вырвалъ царевича у Малюты и привелъ его на царскій дворъ. Обрадовался Грозный, что царевичъ не казненъ, и бросился ему на шею. Царь предлагаетъ Никитѣ выбрать себѣ награду. Никита проситъ выдать ему Малюту и повелѣть казнить его.

Если сравнить содержаніе старинъ о гнѣвѣ Грознаго на сына съ дѣйствительными фактами, то окажется, что пѣвцы-скоморохи подвергли ихъ коренному измѣненію: былъ убитъ Грознымъ Иванъ, а пѣвцы-скоморохи представляютъ дѣло такъ, что Грозный велѣлъ казнить Ѳедора по доносу Ивана; казнь была предотвращена Никитой Романовичемъ, который получилъ благодарность отъ царя и разрѣшеніе казнить Малюту Скуратова, одного изъ главныхъ опричниковъ. Отступивъ далеко отъ историческихъ фактовъ, пѣвцы-скоморохи вѣрно отразили характеръ Грознаго, вспыльчиваго, но и быстро приходящаго въ себя и раскаивающагося, подозрительнаго, вездѣ видящаго измѣну. Пѣвцы-скоморохи отмѣтили хорошо и ту ненависть, которую бояре питали къ опричникамъ и особенно къ Малютѣ Скуратову.

262. Эпоха Грознаго и его личность въ старинахъ. Не смотря на то, что пѣвцы-скоморохи въ старинахъ о Грозномъ забыли или перепутали нѣкоторые факты и имена, эпоха Грознаго и его личность, въ общемъ, отразились въ ихъ творчествѣ согласно съ исторіей. Пѣвцы-скоморохи, *во-первыхъ*, вѣрно отмѣтили, что Иванъ Грозный первый вѣнчался на царство, какъ преемникъ византійскихъ императоровъ; *во-вторыхъ*, они хорошо отразили главныя завоеванія Грознаго; *въ-третьихъ*, они отмѣтили борьбу Ивана съ „измѣной“, т.-е. борьбу съ боярствомъ при посредствѣ опричины; *въ-четвертыхъ*, особенно ярко они отразили личныя качества

Грознаго—суровость, подозрительность, вспыльчивость и быстро слѣдующее затѣмъ раскаяніе.

263. Житія послѣ Макарьевскаго времени. Житія послѣ Макарьевскаго времени распадаются на двѣ группы: 1) житія, въ которыхъ отразилось міровоззрѣніе заволжцевъ, и 2) житія, составленныя въ средѣ іосифлянъ.

1) Житія, въ которыхъ отразилось міровоззрѣніе заволжцевъ. Къ житіямъ, въ которыхъ болѣе или менѣе отразилось міровоззрѣніе заволжцевъ, относятся слѣдующія: а) Житіе Антонія Сійскаго, б) Житіе Сергія Нуромскаго, в) Житіе Корнилія Комельскаго, г) Житіе Иннокентія Комельскаго и д) Житіе Арсенія Комельскаго.

а) Житіе Антонія Сійскаго. Житіе Антонія Сійскаго († 1558) составлено въ 1578 г. постриженникомъ Сійскаго монастыря Іоной. Авторъ житія засталъ еще въ Сійскомъ монастырѣ свидѣтелей жизни и дѣятельности Антонія, и потому ему удалось собрать достаточно обстоятельныя свѣдѣнія объ этомъ святомъ.

Антоній Сійскій, основавшій въ Поморскомъ краѣ, не въ особенно дальнемъ разстояніи отъ „Студеного моря“, собственный монастырь (1520), изображается Іоной съ чертами, которыя были болѣе или менѣе присущи заволжцамъ.

Черты личности Антонія отражаются въ его поученіяхъ, въ отдѣльныхъ эпизодахъ изъ его жизни и дѣятельности и въ характеристикѣ, даваемой ему авторомъ житія.

Въ своемъ предсмертномъ поученіи Антоній замѣтно выдвигаетъ впередъ, среди прочихъ наставленій, начало любви. „Молю васъ, братіе,—поучалъ Антоній,—имѣйте страхъ Божій въ сердцахъ вашихъ и не ослабѣвайте въ молитвахъ своихъ; между собою любовь имѣйте о Господѣ и единомысліе другъ къ другу; гнѣва удаляйтеся; всяко слово между собою имѣйте истинно и право, лукавыхъ же словесъ отвращайтеся. Будите же другъ другу любовни и блази, словесы же лестными не льстите себе, да не противни будите Богу“. Въ другомъ поученіи Антоній повторяетъ свои наставленія о любви и, кромѣ того, рекомендуетъ соблюденіе чина общаго житія, учитъ о милости къ нуждающимся и строго запрещаетъ „пьянственное питье“. Въ концѣ поученія Антоній приглашаетъ своихъ слушателей хранить душевную и тѣлесную чистоту. Въ поученіи иноку Кириллу, избранному братіей, по просьбѣ Антонія, въ преем-

ники ему, Антоній увѣщеваетъ Кирилла не разорять монастырскаго чина, внушаетъ ему смиреніе и кротость, совѣтуетъ ему быть во всемъ образцомъ для братіи. „Имѣй же, брате,—говоритъ Антоній,—ко всей братіи по Бозѣ духовную любовь, равну и нелицемѣрну; подражай же Христово смиреніе глаголющаго, аще кто хощетъ старѣй быти, да будетъ всѣхъ меншій и всѣмъ слуга... Не яръ буди къ меньшимъ себе, но съ кротостью наказуй согрѣшающіа, блюдый себе, еда и ты въ нѣкоемъ прегрѣшеніи искушенъ будеши“. Въ поученіи, обращенномъ къ молодому иноку Филоѳею, намѣревавшемуся покинуть монастырь, Антоній совѣтуетъ избѣгать праздности и заниматься рукодѣліемъ, чтобы не впасть въ уныніе.

Самъ Антоній изображается образцомъ кротости и смиренія.

Когда крестьяне той мѣстности, гдѣ первоначально поселился Антоній, воздвигнутые діаволомъ, прогнали святого, послѣдній, „якоже обычай имать кротости и смиреномудрія, никакоже о семъ вопреки глагола къ нимъ или гнѣвашеся на нихъ“; онъ „показуетъ смиреніе, показуетъ и любовь, побѣждаетъ благимъ ихъ свирѣпство и злобу, молитву о нихъ приноситъ къ Богу глаголя: не вмѣни имъ, Господи, сего во грѣхъ, остави имъ согрѣшеніа ихъ. И тако блаженный уклоняется отъ зла ихъ и сотворяетъ имъ благое“. Однажды сынъ боярскій Василій, намѣстникъ новгородскаго архіепископа, подослалъ къ Антонію разбойниковъ. Монастырь чудесно былъ избавленъ отъ грозившей ему опасности. Василій раскаялся. Антоній, „наказавъ его съ кротостью и прощеніе ему дарова“.

Въ характеристикѣ, даваемой Антонію авторомъ житія, святой рисуется по преимуществу образцомъ кротости и смиренія, инокомъ, крѣпко прилежавшимъ къ „умному дѣланію“, любящему рукодѣліе и склонному къ нестяжательности.

Въ храмѣ Антоній держался, какъ обыкновенный инокъ, „ниже жезла своего пастырьскаго въ руки взимаше“. Говоря объ удаленіи Антонія въ пустыню, авторъ замѣчаетъ, что преподобный „къ вышнимъ теченіе радостно простираше, въ безмолвіи мнозѣ пребывая, умъ же свой отъ всѣхъ попеченій удаляя и чистѣ Богови бесѣдуя и моленіе свое, яко благовонное кадило, на небо воспущаа“. По основаніи монастыря,—разсказываетъ авторъ,—Антоній со своею братіей стали „мѣсто распространяти и очищати и землю копати своими руками и

насѣяша себѣ зелія мало на пропитаніе свое, и тако питашеся своими трудами со братіею своею".

Такимъ образомъ, въ житіи Антонія отразились слѣдующія характерныя для заволжцевъ черты: начала любви, кротости и смиренія, идея внутренняго совершенствованія, идея нестяжательности *).

б) Житіе Сергія Нуромскаго. Житіе Сергія Нуромскаго († 1413), сподвижника Павла Обнорскаго (§ 176), составлено Іоной, авторомъ предыдущаго житія, въ 1584 г. Матеріалы для житія Іона почерпнулъ изъ не дошедшихъ до насъ записокъ Протасія, который въ эпоху Іоны былъ игуменомъ въ монастырѣ Павла Обнорскаго. Самъ Протасій пользовался скудными устными преданіями, сохранившимися до него отъ начала XV в.

Немногіе факты изъ жизни Сергія сообщаетъ авторъ житія: Сергій первоначально подвизался на Аѳонѣ; отсюда онъ явился къ Сергію Радонежскому и сталъ съ нимъ въ близкія отношенія; затѣмъ Сергій удаляется въ Вологодскій край, гдѣ ведетъ отшельническую жизнь, борется съ бѣсами и злыми людьми, которые два раза нападали на него; около Сергія начинаетъ собираться братія, и Сергій устраиваетъ обитель; Сергій знакомится съ Павломъ Обнорскимъ и сближается съ нимъ; передъ кончиной Сергій обращается къ братіи съ поученіемъ.

Въ поученіи, очень краткомъ, Сергій увѣщеваетъ иноковъ имѣть страхъ Божій, питать любовь и хранить кротость.

в) Житіе Корнилія Комельскаго. Житіе Корнилія Комельскаго († 1537) составлено было инокомъ Корниліевой обители Наѳанаиломъ въ 1589 г. Оно отличается обстоятельностью разсказа, точностью сообщаемыхъ фактовъ и простотой изложенія.

Корнилій, сынъ богатыхъ и знатныхъ родителей, былъ родомъ изъ Ростова. Дядя Корнилія, удалившись въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, взялъ съ собою и своего племянника, которому въ то время было двѣнадцать лѣтъ. Съ этихъ поръ Корнилій отдался иноческой жизни. Впослѣдствіи Корнилій ушелъ въ Комельскій лѣсъ и здѣсь, въ наиболѣе дремучей части его, построилъ себѣ хижину. Много пришлось Корнилію

*) Трудъ Іоны былъ подвергнутъ легкой переработкѣ царевичемъ Иваномъ, сыномъ Ивана Грознаго: это—другая редакція житія Антонія Сійскаго.

испытать отъ бѣсовскихъ искушеній и отъ нападеній разбойниковъ. Атаманъ разбойниковъ грозилъ Корнилію смертью, если не уйдетъ изъ занятаго имъ мѣста, но вскорѣ самъ погибъ лютой смертью. Въ другой разъ у Корнилія унесли его книги. Похитители, проблуждавъ всю ночь по лѣсу, на разсвѣтѣ опять очутились у хижины Корнилія и вернули книги обратно. Девятнадцать лѣтъ Корнилій переносилъ всевозможныя испытанія. Наконецъ, стала около него собираться братія. Была построена церковь во имя Введенія Богородицы. Корнилію въ это время исполнилось шестьдесятъ лѣтъ. Онъ составилъ для братіи общежительный уставъ и, устроивъ все для иноческаго жительства, ушелъ за 70 верстъ отъ своего монастыря въ пустыню, чтобы безмолвствовать въ уединеніи. Напрасно братія посылала къ нему, чтобы просить его вернуться обратно. Узналъ объ этомъ великій князь Василій Ивановичъ и послалъ въ пустыню къ Корнилію нарочнаго съ повелѣніемъ ему вернуться обратно. Корнилій просилъ князя разрѣшить ему остаться въ пустынѣ. Наконецъ, послѣ долгихъ настояній со стороны князя Корнилій подчинился повелѣнію князя и вернулся въ свой монастырь. Князь предложилъ Корнилію просить все, что нужно для его обители, особенно селъ. Корнилій „не восхотѣ просити ничтоже, но токмо моли его дати близъ монастыря земли мало съ лѣсомъ, да отъ поту лица своего ямы, глаголю, хлѣбъ свой“. Князь исполнилъ просьбу Корнилія, присоединилъ отъ себя еще много угодій для обители и укрѣпилъ грамотами владѣніе ими за обителью. Корнилій опять принялся за прежніе труды, „лѣсъ сѣкій и нивы насѣвая, да не токмо сами свой хлѣбъ ядятъ, но да и неимущихъ питаютъ“. Достигнувъ глубокой старости, Корнилій велѣлъ братіи избрать себѣ новаго игумена, а самъ затворился въ кельѣ, не помышляя ни о чемъ земномъ.

Въ поученіяхъ къ братіи Корнилій рекомендуетъ послушаніе, воздержаніе, постоянный трудъ и воздержаніе отъ праздности, непрестанную молитву и память смертную, вооружается противъ особнаго стяжанія, говоритъ о храненіи безмолвія и указываетъ начала внутренняго совершенствованія: „сердце же хранити, елика сила, умною молитвою отъ скверныхъ помыслъ, яко же рече, отъ сердца исходятъ помышленія злая, и та суть скверняща человѣка; тѣмъ же, братіе, аще кій помыслъ нечистъ отъ общаго врага всѣхъ нанесется, не облѣнитися по-

молитися къ Богу прилежно и постомъ и молитвою, бдѣніемъ же и слезами же наединѣ вскорѣ изгоняти мощно (усердно) подвизающеся". Наконецъ, въ поученіяхъ Корнилія важное мѣсто занимаютъ наставленія о любви и милосердіи: когда однажды нѣкіи отъ братіи вопросили Корнилія о томъ, „что есть любовь и кая заповѣдь глаголеши хранити", преподобный въ отвѣтъ на вопросъ пересказалъ евангельскій эпизодъ о двухъ основныхъ заповѣдяхъ—о любви къ Богу и о любви къ ближнему.

Въ житіи Корнилій выступаетъ съ чертами кротости и смиренія.

Когда разбойники, похитившіе у Корнилія книги, заблудились и на утро очутились опять около кельи святого, Корнилій прощаетъ имъ грѣхъ и съ миромъ отпускаетъ ихъ

Два брата въ обители возненавидѣли Корнилія и задумали убить его. Они три раза подстерегали Корнилія подъ мостомъ черезъ рѣку Нурму, по которому Корнилій проходилъ, и трижды устрашало ихъ видѣніе множества людей, окружавшихъ святого на мосту. Это навело на братьевъ ужасъ, и они со слезами принесли Корнилію покаяніе; „блаженный же поучи ихъ отъ святыхъ писаній и прочее утѣши ихъ и прости имъ грѣхъ и отпусти съ любовію которогождо ихъ на свою службу". Впослѣдствіи „тіи два брата со всяцѣмъ тщаніемъ послушаніе имяху къ наставнику своему и молитвами его избавлени быша ненависти злыя".

Одинъ братъ, имѣвшій „большину надъ хлѣбники", не испросилъ однажды благословенія на печеніе хлѣбовъ. Корнилій „восхотѣ брата ползовати, да и прочіи страхъ имутъ" и, повелѣвъ „хлѣбы тыя въ сани вкласти и испровреци на пути мимоходящимъ, и бѣ ихъ два воза, сице рекъ,—да ниже пси снѣдятъ нашія ограды неблагословеннаго сего хлѣба. Братъ же позна грѣхъ свой, пріиде ко святому и покаяся и прощенія прося. Святый же поноси ему впредь не дерзати и поучи его сице не творити, и прости его".

Корнилій приставилъ одного изъ иноковъ, Ананію, ко кресту, воздвигнутому имъ на дорогѣ, на разстояніи одного поприща отъ монастыря. Проходившіе мимо благочестивые люди поклонялись кресту и полагали милостыню для иноковъ. Ананія „даемая пріемля и ова приношаше въ казну, иная же скрываше себѣ"... Однажды „во время божественныя литоргіи, егда хотящимъ братіямъ пріимати святый антидоръ, прежде

приходяще и поклоняющеся Пресвятѣй Богородицѣ, на иконѣ написаннѣй, на руку имущу Господа нашего Іисуса Христа, и цѣлующе святую икону, и пріимаху святый антидоръ отъ руку преподобнаго..., Ананія... пріиде съ прочею братіею цѣловати святую икону, и абіе икона въ верхъ возвысися отъ него, ему же мало отступльшу, прочая братія невозбранно цѣловаху; ему же зрящу сія, и начатъ покушатися второе на цѣлованіе иконы, и паки икона отъ него возвышашеся". Ананія, „отшедъ, начатъ плакати горко и, пришедъ къ святому Корнилію, покаяся... Святой же, наказавъ его къ тому таковая не творити, и прости его и повѣда инѣмъ ползы ради".

Отличительной чертой Корнилія была также забота о нищихъ. По праздникамъ Корнилій щедро надѣлялъ всѣхъ бѣдныхъ, приходившихъ въ монастырь, просфорами, деньгами, хлѣбомъ и колачами, при этомъ онъ не дѣлалъ различія между просившими, „но токмо руку простершему даяше". Однажды въ праздникъ Антонія Великаго иноки обратили вниманіе Корнилія на злоупотребленіе со стороны нѣкоторыхъ нищихъ, которые „не единою, но и вторицею взимаху, инъ же и до пяти кратъ взятъ". Корнилій велѣлъ не возбранять нищимъ дѣлать это: „того бо ради пришли". Вечеромъ Корнилій, совершивъ правило, сѣлъ на лавку ради отдыха и былъ сведенъ въ тонкій (легкій) сонъ. „И зритъ пришедша къ нему старца святолѣпна сѣдинами украшена, въ образѣ Антоніа Великаго, и емъ (взялъ) его за руку и рече: Корниліе, гряди по мнѣ! И изведе его на нѣкое поле равно и показа ему на единой странѣ поля просфиры, а на другой колачи и рече ему: се твои просфиры и колачи, ихъ же далъ еси нищимъ; простри одѣяніе свое! Ему же простершу, и нача класти въ приполъ просвиры и колачи, дондеже начаша пресыпатися отъ преисполненія. Онъ же, возбнувъ (проснувшись) и въ себѣ бывъ, и дивися чюдному видѣнію и повѣда намъ самъ... со слезами и заповѣда намъ не токмо при своемъ животѣ творити милостыню неоскудно нищимъ, но и по своемъ преставленіи".

Въ житіи Корнилія отразились слѣдующія черты, выработанныя среди заволжцевъ: кротость и смиреніе, милосердіе къ бѣднымъ, перевѣсъ внутренняго совершенствованія надъ внѣшнимъ богопочитаніемъ, нестяжательность въ связи съ личнымъ трудомъ иноковъ.

г) *Житіе Иннокентія Комельскаго.* Житіе Иннокентія Ко-

мельскаго (§ 174) составлено неизвѣстнымъ авторомъ въ концѣ XVI в. По словамъ автора, въ монастырѣ, основанномъ Иннокентіемъ, нѣкогда „много писанія о святомъ бысть“, но въ 1538 г. казанскіе татары напали на монастырь, и эти писанія погибли. Автору пришлось матеріалы для біографіи Иннокентія почерпать изъ полузабытаго преданія о немъ, а также изъ краткаго завѣщанія, приложеннаго Иннокентіемъ къ сдѣланному имъ самимъ списку устава Нила Сорскаго. Вслѣдствіе этого житіе Иннокентія отличается краткостью и скудостью фактовъ. Кромѣ того, авторъ допустилъ и неточности. Такъ, автору неизвѣстно, что Иннокентій явился къ Нилу до основанія послѣднимъ скита, странствовалъ съ нимъ по Востоку и скончался до его смерти; онъ разсказываетъ, что Иннокентій ушелъ изъ скита Нила по смерти послѣдняго.

Несмотря на краткость, житіе сохранило указанія на характерныя для заволжцевъ черты Иннокентія. Иннокентій,— говорится въ житіи,—проводилъ время въ молитвѣ, отличался послушаніемъ, былъ „нравомъ смиренъ и образомъ кротокъ и въ божественныхъ писаніяхъ трудолюбно поучавашеся и всѣмъ умомъ испытуяше“. Въ своихъ поученіяхъ Иннокентій рекомендовалъ блюсти заповѣди, хранить благоговѣніе въ церкви и на трапезѣ, „любить другъ друга духовною любовью“ и заниматься рукодѣліемъ.

д) Житіе Арсенія Комельскаго. Житіе Арсенія Комельскаго († 1550) составлено инокомъ Арсеніева монастыря въ началѣ XVII в. Въ основу этого краткаго житія легли „хартія“, найденная въ монастырѣ послѣ пожара, истребившаго въ 1596 г. прежде составленное житіе объ Арсеніи, и устные разсказы о святомъ.

Арсеній происходилъ изъ московскаго боярскаго рода Сухоруковыхъ. Онъ еще въ юности постригся въ Троицко-Сергіевомъ монастырѣ, гдѣ преуспѣвалъ въ иноческихъ подвигахъ и усердно занимался переписываніемъ книгъ. Снискавъ себѣ всеобщее уваженіе братіи, Арсеній былъ избранъ игуменомъ монастыря. Но Арсенія влекло въ пустыню, и онъ, тайно покинувъ Троицко-Сергіевъ монастырь, удалился въ Комельскій лѣсъ, гдѣ среди болотъ выбралъ себѣ мѣсто для подвиговъ не въ особенно далекомъ разстояніи отъ монастыря Иннокентія Комельскаго. Здѣсь Арсенію пришлось много претерпѣть отъ окрестныхъ жителей, которые даже убили его келейнаго старца.

Тогда Арсеній удалился за тридцать верстъ оттуда въ Шилегодскій лѣсъ, гдѣ возобновилъ свои подвиги. По прошествіи долгаго времени въ Вологодскіе предѣлы вторглись безбожные татары. Жители толпами бросились изъ селеній въ Шилегодскій лѣсъ. За ними бросились и татары, но они были удержаны молитвою Арсенія, и всѣ тѣ, которые нашли убѣжище подъ кровомъ Арсенія, спаслись отъ татарскаго меча. Между тѣмъ пустынное безмолвіе нарушилось, и Арсеній рѣшилъ покинуть Шилегодскій лѣсъ и вернуться опять въ Комельскій лѣсъ на старое мѣсто. Здѣсь, на старомъ мѣстѣ, люди уже не тревожили болѣе Арсенія. Зато пришлось имѣть дѣло со звѣрями; но святой молитвою усмирилъ медвѣдей, и они покинули свои берлоги. Арсеній сталъ расчищать лѣсъ и разводить огородъ. Когда къ нему собралась братія, онъ построилъ церковь и основалъ общежительный монастырь. Управляя своимъ монастыремъ, Арсеній не забывалъ и Шилегодской пустыни, гдѣ также собрались иноки. Отправляясь отъ времени до времени туда, Арсеній имѣлъ обычай по дорогѣ творить душеспасительныя бесѣды съ людьми, которые трудились на полѣ, заходить въ селенія, оставаться здѣсь по нѣскольку дней и поучать словомъ простыхъ людей. Если крестьяне работали въ праздники, Арсеній строго запрещалъ имъ это. Однажды нѣкая женщина, желая окончить свою работу, продолжала вопреки запрещенію трудиться въ полѣ и въ праздникъ. Вдругъ поднялся вихрь, подхватилъ сложенные ею снопы и разметалъ ихъ: женщинѣ пришлось вторично собирать разбросанные снопы. Останавливаясь въ избахъ крестьянъ, Арсеній не позволялъ готовить для себя особую пищу, а довольствовался тѣмъ, что они сами ѣли. Однажды ученикъ Арсенія тайно изготовилъ въ чужомъ домѣ пищу для своего учителя и выдалъ ее за пищу, приготовленную хозяевами. Арсеній догадался о происшедшемъ и обличилъ неправду своего ученика и его человѣческую лживость.

Почувствовавъ приближеніе кончины, Арсеній собралъ братію, заповѣдалъ ей взаимную любовь и храненіе монастырскаго и церковнаго устава.

Въ житіи Арсенія отразились слѣдующія черты: кроткое, снисходительное отношеніе къ людямъ, внимательное отношеніе къ крестьянамъ, проповѣдь любви, какъ основного нравственнаго начала.

2) Житія, составленныя въ средѣ іосифлянъ. Къ житіямъ, со-

ставленнымъ іосифлянами послѣ Макарьевскаго времени, относится житіе Герасима Болдинскаго († 1554), ученика Даніила Переяславскаго (§ 244). Оно было составлено въ концѣ XVI в., но не позднѣе 1586 г., игуменомъ Болдинскаго монастыря Антоніемъ. Въ основу своего труда Антоній положилъ, во-1-хъ, автобіографію Герасима, продиктованную послѣднимъ въ присутствіи иноковъ Болдинскаго монастыря, во-2-хъ, разсказы учениковъ Герасима. Вслѣдствіе этого житіе Герасима отличается обстоятельностью разсказа.

а) Житіе Герасима Болдинскаго. Герасимъ былъ родомъ изъ Переяславля-Залѣсскаго. Тринадцати лѣтъ онъ постригся въ монастырѣ Даніила Переяславскаго, на котораго смотрѣлъ, какъ на образецъ инока, и которому стремился подражать. Двадцать лѣтъ Герасимъ провелъ въ этомъ монастырѣ, предаваясь иноческимъ подвигамъ. Онъ „всякимъ томленіемъ томяше плоть свою: зимѣ убо студъ (стужу) терпяше, въ лѣтнее же время зноемъ и варомъ дневнымъ украшая юность свою. Толико же постъ его бяше: черезъ день и черезъ два вкушаше, но и то пооскуду (скудно). Сна же приимаше толико, елико умъ свой безсоніемъ не погубити. Молитва же его къ Богу благопротяжна бысть: многажды бо и чрезъ всю нощь даже и до клепанія (до звона въ клепало) заутреняго на молитве предстояще. Во дни же повседневными труды умерщвяше вся уды своя“.

По прошествіи 20 лѣтъ со дня постриженія Герасимъ удалился въ пустыню. Послѣ многихъ странствій Герасимъ водворился въ Дорогобужской области, въ Смоленскихъ предѣлахъ, среди лѣсовъ, на мѣстѣ, которое было пристанищемъ змѣй, бѣсовъ и разбойниковъ. Черезъ два года Герасимъ перешелъ на новое мѣсто, въ Болдино, гдѣ построилъ себѣ маленькую келью. Въ этомъ мѣстѣ Герасиму пришлось терпѣть гоненія отъ крестьянъ и отъ настроеннаго ими враждебно царскаго намѣстника. Герасимъ все это претерпѣлъ, и когда около него собралась братія, основалъ монастырь. По основаніи монастыря Герасимъ отправился къ царю (вѣроятно, къ Василію III) и при свиданіи съ нимъ поклонился ему до земли. Царь снабдилъ Герасима богатой милостынью для новаго монастыря. Вернувшись въ монастырь, Герасимъ сталъ трудиться для него.

Управляя своимъ монастыремъ, Герасимъ не забывалъ и Данилова монастыря. Однажды, отправившись въ Даниловъ монастырь,

Герасимъ въ сопровожденіи трехъ спутниковъ проходилъ черезъ одну деревню. Вдругъ на нихъ напали собаки; „невѣгласи же поселяне жители веси тоя стояще глумяхуся блаженному, ругающеся ему и понужающе песъ своихъ“. Герасимъ обратился къ поселянамъ съ слѣдующими словами: „Чада, узрите, яко пси ваши не отъ плотей нашихъ насытятся, но отъ скотъ вашихъ наполнятъ чревеса своя, да и пси ваши съ ними же погибнутъ: сии смѣхъ вашъ обратитца на плачь вашъ“. Сказавъ это, святой обратился къ Богу съ молитвой: „Не постави имъ, Господи, во грѣхъ сего“. А когда поселяне стали бросать въ Герасима камнями, онъ отвѣтилъ имъ на это благословеніемъ. Пророчество Герасима исполнилось: „Изморища вси скоти веси тоя, и пси ихъ отъ скотъ насытившеся, и тіи изомроша“. На возвратномъ пути Герасиму и его спутникамъ жители устроили иную встрѣчу: со слезами на глазахъ они стали каяться въ своемъ поступкѣ. Герасимъ простилъ ихъ и „въ кротости“ преподалъ имъ наставленіе, „да не ктому уничижаютъ иноческіи чинъ, паче же ангельскій, и нищелюбивому быти по силе, елико кому мощно, и никого же обидети, но отъ Бога дарованными урочными своими удовлятися въ потребственныхъ, да паки умножатся скоти ваши паче первого“.

Кромѣ Болдинскаго монастыря Герасимъ основалъ еще три: Предтечевъ въ городѣ Вязьмѣ, Жиздринскій на рѣкѣ Жиздрѣ, въ Брынскомъ лѣсу и, наконецъ, Сверковъ монастырь на Днѣпрѣ.

Царевъ посланникъ, недовольный тѣмъ, что крестьяне перешли въ вѣдѣніе Вяземскаго монастыря Герасима, приказалъ воеводѣ брать съ нихъ дань и, не смотря на просьбы Герасима, велѣлъ бить крестьянъ. Тогда, къ ужасу всѣхъ, посланника поразилъ нечистый духъ. Преподобный изгналъ изъ него бѣса, но болѣзнь продолжалась у него. Только послѣ усердной молитвы Герасима посланникъ выздоровѣлъ.

Предъ смертью Герасимъ обратился къ инокамъ съ поученіемъ, въ которомъ обѣщаетъ заботиться о своихъ монастыряхъ, если обрѣтетъ благодать передъ Богомъ, запрещаетъ хмельное питіе и пребываніе мірянъ въ кельяхъ, даетъ наставленія объ общей одеждѣ и о пищѣ и сообщаетъ о передачѣ имъ Болдинскаго монастыря Господу Богу, Богоматери, чудотворцу Сергію и государю съ митрополитомъ.

Посмертные чудеса Герасима сводятся къ исцѣленіямъ отъ

недуговъ, постигшихъ нѣкоторыхъ лицъ за какой либо грѣхъ въ отношеніи къ святому, къ его преданіямъ или къ его монастырю.

Такъ, были исцѣлены отъ тяжкаго недуга инокъ Александръ, совершившій въ монастырѣ кражу, священникъ Корнилій, хулившій монастырь и его порядки и впавшій въ разслабленіе, инокъ Антоній, не исполнившій своего обѣта постричься у Герасима и пораженный моровымъ повѣтріемъ, и т. д.

Въ житіи Герасима Болдинскаго отразились внѣшній аскетизмъ, карательный характеръ чудесъ, способность къ организаторству, связь съ княжескимъ домомъ и преклоненіе передъ царской властью.

264. О лѣтописяхъ въ XVI в. Къ XVI в. относится рядъ лѣтописныхъ сводовъ, изъ которыхъ наиболѣе выдающимися являются слѣдующіе: 1) „Софійская вторая лѣтопись“, 2) „Воскресенскій сводъ“, 3) Никоновскій сводъ, 4) „Лицевой сводъ“ и 5) „Царственная книга“.

1) **„Софійская вторая лѣтопись“.** Эта лѣтопись составлена была въ 1518 г. Въ основу ея легъ текстъ „Софійской первой лѣтописи“ *) до 1392 г., а отъ 1392—1518 гг.— текстъ изъ Московской лѣтописи.

Изъ отдѣльныхъ литературныхъ произведеній въ „Софійскую вторую лѣтопись“ вошли слѣдующія: отрывки изъ „Житія св. Сергія Радонежскаго“ и изъ „Житія пр. Никона“, ученика Сергія, составленныхъ Пахоміемъ Логоѳетомъ, „Духовная“ митр. Фотія, отрывки изъ „Житія пр. Варлаама Хутынскаго“, „Сказаніе объ обрѣтеніи мощей кн. Ѳеодора Ярославскаго съ сыновьями Константиномъ и Давидомъ“, „Сказаніе о походѣ на Новгородъ въ 1441 г.“ (составленное съ московской точки зрѣнія: въ немъ новгородцы называются „вѣчниками“, „крамольниками“, „отступниками“, „измѣнниками“; новгородцы обвиняются въ измѣнѣ православію; они,—говорится въ „Ска-

*) „Софійская первая лѣтопись“ составлена была около 1456 г. Въ основу ея легъ „Новгородскій сводъ 1448 г.“, который состоитъ изъ текста „Софійскаго Временника“, дополненнаго извлеченіями изъ „Владимірскаго полихрона“ (§ 178). „Софійскій Временникъ“ (1421), въ свою очередь, представляетъ текстъ „Начальнаго Кіевскаго свода“ (кн. 1-ая, § 308), дополненный и продолженный лѣтописью, которая велась при дворѣ новгородскаго владыки.

запіи",—хотѣли предаться „окаянному ляху и латынину кралю", а также митрополиту Григорію, „такому же латынину"), „Повѣсть о созданіи церкви во имя св. Богородицы" и др.

„Софійская вторая лѣтопись" отличается полнотою свѣдѣній. Въ то же время эта лѣтопись нерѣдко вводитъ въ интимныя отношенія между тѣми или другими историческими лицами и иногда указываетъ причинную связь между событіями. Наконецъ, она интересна тѣмъ, что сохранила записи событій, составленныя лицами, враждебно относившимися къ развитію московской государственности.

2) **„Воскресенская лѣтопись".** „Воскресенская лѣтопись" *), составленная въ 1534 г., представляетъ изъ себя соединеніе цѣлаго ряда лѣтописей: Троицкой (родственной „Лаврентьевскому своду" [§ 117] и погибшей въ 1812 г.), „Софійской первой лѣтописи" (или основывающагося на ней Московскаго свода) и „Владимирскаго полихрона" (§ 178).

Въ составъ „Воскресенской лѣтописи" вошелъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ произведеній исторической, житійной, легендарной, оффиціальной и т. п. литературы. Изъ нихъ наиболѣе замѣчательны слѣдующія произведенія: „Посланіе новгородскаго арх. Василія о земномъ раѣ", „Житіе митр Алексѣя", „Повѣсть о Митяѣ", „Сказаніе о Мамаевскомъ побоищѣ", „Сказаніе о нашествіи на Москву Тохтамыша", „Сказаніе о житіи и преставленіи великаго князя Дмитрія Ивановича", „Сказаніе о Темиръ-Аксакѣ", „Повѣсть о смерти князя Михаила Тверского", прощальная „Грамота митр. Кипріана", „Повѣсть о поѣздкѣ митр. Исидора" на Флорентійскій соборъ (представляющая сокращеніе „Слова еже на латыню"), „Повѣсть о созданіи и взятіи Царьграда", Посланіе арх. Вассіана къ великому князю на рѣку Угру", два сказанія о походѣ Ивана Васильевича на Новгородъ и др.

„Воскресенская лѣтопись" отличается богатствомъ матеріаловъ и обиліемъ свѣдѣній новгородскихъ, суздальскихъ, ростовскихъ, тверскихъ, смоленскихъ, псковскихъ, рязанскихъ и московскихъ.

---

*) Она названа такъ потому, что списокъ ея былъ пожертвованъ патр. Никономъ основанному имъ Воскресенскому новоіерусалимскому монастырю.

3) **„Никоновскій сводъ“.** „Никоновскій сводъ“ *), составленный въ 1553—1554 гг., очень сложенъ по своему составу. Главнымъ источникомъ его былъ „Владимирскій полихронъ“ (§ 178).

Изъ отдѣльныхъ произведеній, вошедшихъ въ составъ „Никоновскаго свода“, заслуживаютъ вниманія слѣдующія: отрывки изъ „Житія митр. Петра“, „Повѣсть объ убіеніи тверского кн. Михаила Александровича“, „Описаніе путешествія въ Царьградъ митр. Пимена“, „Житіе пр. Сергія“, составленное Епифаніемъ Премудрымъ, „Житіе митр. Фотія“, „Повѣсть о покореніи Казани“ и др.

„Никоновскій сводъ“—наиболѣе полный и обстоятельный московскій сводъ. Собственно лѣтописныя извѣстія имѣютъ оффиціальный характеръ и отличаются краткостью и однообразіемъ.

4) **„Лицевой сводъ“.** „Лицевой сводъ“ (т.-е. иллюстрированный), въ составъ котораго вошли, между прочимъ, двѣ предъидущія лѣтописи, относится къ 80-мъ гг. XVI в. Онъ представлялъ изъ себя огромную историческую экциклопедію, состоявшую приблизительно изъ 9.000 листовъ и снабженную 16.000 большихъ раскрашенныхъ рисунковъ. Отъ этого роскошно отдѣланнаго труда до нашего времени дошло только нѣсколько разрозненныхъ томовъ.

По своему составу „Лицевой сводъ“—очень сложное произведеніе. Въ него вошли библейскія книги, „Еллинскій лѣтописецъ“, „Никоновскій сводъ“ и множество другихъ произведеній цѣликомъ или въ отрывкахъ.

Первый томъ „Лицевого свода“, распадающійся на двѣ части, заключаетъ въ себѣ библейскія книги, начиная съ „Книги Бытія“ и кончая „Книгой Судей“, Троянскую исторію Гвидо де Колумны и византійско-болгарскую „Притчу“ о Троянской войнѣ.

Другой томъ содержитъ въ себѣ слѣдующія библейскія книги, начиная съ „Книги Руѳь“ до „Книги пророка Даніила“ включительно, дополненныя вставками изъ хроникъ Амартола и Малалы, далѣе тексты Хронографа, Александріи, римскую исторію до царствованія Веспасіана, новозавѣтную исторію,

*) Онъ названъ такъ потому, что списокъ этого свода принадлежалъ патр. Никону.

дополненную апокрифами, книгу Іосифа Флавія „О войнѣ іудейской“.

Продолженіе этого тома разбросано по другимъ рукописямъ. Такъ, продолженіе римской исторіи находится въ „Никоновской лѣтописи съ рисунками“; исторія Византіи по Амартолу, Малалѣ, Хронографу, „Еллинскому лѣтописцу“ и др. произведеніямъ находится въ „Лицевомъ хронографѣ“.

Указанные томы излагали всеобщую исторію и были вступленіемъ къ русской исторіи.

Лѣтописный текстъ, въ которомъ излагались событія первыхъ вѣковъ русской исторіи до 1114 г., не дошелъ до насъ. Лѣтописный текстъ, излагающій событія отъ 1114 г. до 1567 г., дошелъ до нашего времени и образуетъ шесть томовъ. Въ основѣ этихъ томовъ „Лицевого свода“ лежитъ „Никоновскій сводъ“, переработанный и дополненный на основаніи другихъ источниковъ, главнымъ образомъ, на основаніи „Воскресенской лѣтописи“.

5) **„Царственная книга“.** „Царственная книга“ представляетъ лѣтопись событій изъ времени княженія Ивана Грознаго. Первоначально текстъ „Царственной книги“ входилъ въ составъ „Лицевого свода“ и составлялъ послѣднюю часть его. Когда „Лицевой сводъ“ представленъ былъ для просмотра Ивану Грозному, послѣдній остался недоволенъ этой частью и сдѣлалъ редактору соотвѣтствующія указанія. Тогда текстъ, излагающій событія отъ смерти Василія III до средины 50-хъ годовъ былъ выдѣленъ и, подвергшись переработкѣ, повидимому, не доведенной до конца, образовалъ „Царственную книгу“.

265. О путешествіяхъ въ XVI в. Изъ произведеній XVI в., описывающихъ современныя путешествія, наиболѣе замѣчательны два. Одно изъ нихъ связано съ именемъ Василія Позднякова, а другое—съ именемъ Трифона Коробейникова.

1) **„Хожденіе“ Василія Позднякова.** Свое хожденіе Поздняковъ совершилъ въ 1558—1561 гг. Обстоятельства, которыми сопровождалось это хожденіе, были слѣдующія.

Въ 1558 г. въ Москву явилось посольство отъ александрійскаго патріарха Іоакима и отъ архіепископа Синайской горы Макарія съ просьбой выдать субсидію („милостыню“) для ремонта обители. Иванъ Грозный согласился, снарядилъ цѣлое посольство, во главѣ котораго стоялъ архидіаконъ Софійской церкви Геннадій, съ порученіемъ отвезти „милостыню“ не

только александрійскому патріарху, но и другимъ патріархамъ *). Въ составъ посольства входилъ и купецъ Василій Поздняковъ, родомъ изъ Смоленска, человѣкъ „чинный и благочестивый". По дорогѣ Геннадій скончался въ Константинополѣ; но посольство продолжало свой путь съ Василіемъ Поздняковымъ и посѣтило, между прочимъ, Синай и Іерусалимъ. Въ 1561 г. посольство вернулось обратно. Результатомъ этого путешествія было описаніе его, составленное или самимъ Поздняковымъ, или кѣмъ-либо изъ посольства.

Въ началѣ „хожденія" Позднякова помѣщена грамота Ивана Грознаго „во Александрею къ папѣ и патріарху Іоакиму". Описавъ пребываніе посольства въ Александріи и на Синаѣ, авторъ переходитъ къ Іерусалиму. Онъ описываетъ чертами, извѣстными уже изъ древнихъ „Хожденій", святыни Іерусалима, перечисляетъ христіанъ, къ которымъ относитъ „гречанъ, сиріанъ, сербовъ, иверовъ, русь, арнанитовъ и волоховъ", и еретиковъ, называющихъ себя христіанами („латыни, хабежи, кофти, армени, аріяне, несторіяне, яковити, тетрадити, маруни и прочая ихъ проклятая ересь"), и разсказываетъ о притѣсненіяхъ, причиняемыхъ турками. Въ великую субботу турки отпечатываютъ церковныя врата великой церкви. Со всякаго христіанина, желающаго попасть въ церковь,—разсказываетъ Поздняковъ,—турки берутъ по 4 золотыхъ угорскихъ; а христіанина, который ничего не можетъ дать, не пускаютъ въ церковь. Съ латыни, фрязовъ и еретиковъ турки берутъ по 10 золотыхъ. Въ концѣ своего „Хожденія" авторъ замѣчаетъ: „Много же въ Іерусалимѣ и иныхъ святыхъ мѣстъ поклонныхъ и въ предѣлехъ его, ихъ же и невозможно писанію предати множества ради и гоненія отъ безбожныхъ турковъ".

2) **„Хожденіе" Трифона Коробейникова.** Въ 1582 г. Иванъ Грозный отправилъ съ милостыней посольство въ Царьградъ и на Аѳонъ. Во главѣ посольства стоялъ купецъ Мишенинъ, а въ составъ его входили Трифонъ Коробейниковъ, купецъ, а по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, — подъячій) и Юрій Грекъ. Въ 1584 г. посольство вернулось обратно.

Въ 1593 г. отправлено было на Востокъ изъ Москвы новое

*) Отправленіе милостыни восточнымъ патріархамъ, вѣроятно, находилось въ связи съ принятіемъ титула царя и желаніемъ Грознаго заручиться признаніемъ этого титула съ ихъ стороны (§ 243).

посольство, которому велѣно было раздать милостыню въ Царьградѣ, Антіохіи, Іерусалимѣ, Александріи и на Синайской горѣ. Во главѣ посольства стоялъ подъячій Огарковъ, а въ составъ его входилъ и Трифонъ Коробейниковъ. Пріѣхавъ въ Константинополь, посольство вручило милостыню не только константинопольскому патріарху, но и александрійскому, который случайно оказался здѣсь: это избавило посольство отъ необходимости ѣхать въ Египетъ. Въ Іерусалимѣ посольство вручило милостыню іерусалимскому патріарху и синайскому архіепископу, который оказался здѣсь: это освободило посольство отъ необходимости ѣздить на Синай. Въ 1594 г. посольство пріѣхало въ Антіохію и, исполнивъ порученіе, вернулось обратно.

Результатомъ этого путешествія было „Хожденіе", приписанное Трифону Коробейникову.

„Хожденіе" Коробейникова распадается на три части: 1) первая часть состоитъ изъ вступленія, въ которомъ сообщаются нѣкоторыя данныя объ отправленіи Коробейникова на Востокъ; 2) вторая часть представляетъ описаніе пути отъ Константинополя до Іерусалима; 3) въ третьей части описываются іерусалимскія и синайскія святыни и достопримѣчательности. Наиболѣе интересна послѣдняя часть, изобилующая апокрифическими и легендарными сказаніями.

Вотъ нѣкоторые примѣры.

„Подъ горою святыя Голгоѳы стоитъ церковь каменная не велика, а въ ней гробъ Мелхиседековъ, и въ той же церкви видятъ разсѣлину каменную отъ святыя Голгоѳы".

„И на той же горѣ (на Голгоѳѣ) отъ Лобнаго мѣста къ полудню саженій съ пять, и ту то мѣсто, идѣ же Авраамъ Господеви въ жертву заклати сына своего Исаака хотя и указано бысть ягня ему, въ саду Савековѣ, за древо масличное привязано, и то древо стоитъ до сего дня зелено, а ломаютъ его странники на благословеніе".

„На томъ же Сіонѣ есть пещера, гдѣ царь Давидъ Псалтирь сложилъ. И отъ того мѣста верженіемъ камени на томъ же Сіонѣ отсѣкъ ангелъ Господень руцѣ жидовину, прикоснувшемуся гробу святыя Богородицы" (§ 194).

„А отъ Іерусалима идучи къ Виѳлеему на полдорогѣ стоитъ монастырь святаго пророка Иліи, идѣже закла 50 жрецовъ лживыхъ пророковъ. И близь того монастыря съ перестрѣлъ на

дорогѣ на камени мѣсто вообразилось, идѣже уснулъ Илья пророкъ, и то мѣсто, яко воскъ, и знать до сего дни. И пріиде къ нему ангелъ Господень и возбуди его и принесе ему опрѣснокъ и корчагу воды. И отъ того мѣста какъ бы верста, мѣсто на подромѣ, сирѣчь на подолѣ, гробъ Рахилинъ, матери Іосифа прекраснаго, гдѣ проданъ бысть отъ братіи своей и, егда веденъ бысть измаильтяны, плакася на гробѣ томъ" (§ 188).

„Река Иерданъ быстра и глубока добрѣ, а вода въ ней бѣла и мутна, а широта ея—дважды каменемъ вергнути поперегъ. А противу того мѣста, гдѣ Христосъ крестился во Иердани, стоитъ гора Ермонъ: съ тое горы Ермона Духъ Господень свидѣтельствоваше о Исусе во образе голубинѣ: сей есть сынъ мой возлюбленный, о немъ же благоизволихъ. Съ тое жъ горы Ермона взятъ бысть Илья пророкъ на огненной колесницѣ на небо".

„Изъ тое пещеры (гдѣ Христосъ родился) блиско дверей въ другую пещеру; и въ той пещерѣ, сказываютъ, Иродъ царь избивалъ младенцы съ матерьми за Христа, и отъ матерьнихъ сосецъ млеко течаше на землю, а земля въ той пещерѣ бѣла и мягка".

„Видѣхомъ Чермное море, то мѣсто, гдѣ Моисей провелъ израильскія люди 660 тысячъ сквозь Чермное море, а фараона погрузи въ морѣ со всѣмъ воинствомъ его. Вверхужъ воды по морю 12 путей знати; море бѣ сине, а дороги по морю бѣлы лежатъ, издалеча видѣти".

Анализируя „хожденіе" Коробейникова въ связи съ его путешествіями, изслѣдователи пришли къ заключенію, что оно не является самостоятельнымъ описаніемъ дѣйствительно совершенныхъ путешествій (посольство, въ составъ котораго входилъ Коробейниковъ, не ѣздило на Синай), а является переработкой другихъ хожденій, главнымъ образомъ, „Хожденія" Позднякова. Авторство Коробейникова также подвергается сомнѣнію.

„Хожденіе" Коробейникова пользовалось большою популярностью: до нашего времени дошло свыше 200 списковъ и болѣе 40 печатныхъ изданій. Популярность этого произведенія объясняется, помимо подбора содержанія, простотой и доступностью изложенія.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Эпоха смуты.

266. Эпоха смуты. Литературное творчество конца XVI в. и начала XVII в. совпадаетъ съ экономическимъ и общественно-политическимъ кризисомъ Московскаго государства, который начался во второй половинѣ XVI в. и окончился къ половинѣ XVII в. Въ наиболѣе рѣзкихъ проявленіяхъ своихъ этотъ кризисъ извѣстенъ подъ именемъ смуты. Въ эпоху смуты общественныя силы съ особенной энергіей выступили другъ противъ друга. Литературное творчество отошло на задній планъ.

Произведенія эпохи смуты дѣлятся на письменныя и устныя.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Письменное творчество.

267. Письменное творчество. Письменное творчество эпохи смуты сводится къ цѣлому ряду сказаній и повѣстей, отражающихъ по преимуществу смутную эпоху.

268. Сказанія и повѣсти о смутномъ времени. Изъ сказаній и повѣстей, такъ или иначе отразившихъ смутную эпоху, наиболѣе заслуживаютъ вниманія слѣдующія: „Иное сказаніе“, начатое въ 1606 г. и затѣмъ подвергавшееся переработкѣ и дополненіямъ до половины XVII в., „Новая повѣсть о преславномъ Россійскомъ царствѣ“, составленная около 1610 г., „Плачъ о плѣненіи и о конечномъ разореніи Московскаго государства“, относящійся къ 1612 г., „Временникъ дьяка Ивана Тимоѳеева“, составленный въ 1616—1617 гг., „Повѣсть князя Ивана Андреевича Хворостинина“, „Повѣсть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовскаго“ (обѣ повѣсти относятся къ 20-мъ гг. XVII в.), „Сказаніе о Гришкѣ Отрепьевѣ“ и др.

Авторы сказаній и повѣстей разсматриваютъ смутную эпоху, какъ ниспосланное свыше наказаніе за грѣхи. Счастливый исходъ смуты толкуется, какъ награда свыше за раскаяніе и обращеніе къ Богу. На вопросъ о томъ, „отъ кихъ разліяся

грѣхъ земля наша", или „кіихъ ради грѣхъ попусти Господь... свое наказаніе", авторы отвѣчаютъ различно: одни считаютъ смуту наказаніемъ за грѣхи Бориса Годунова, другіе—за грѣхи всего общества. По своимъ политическимъ симпатіямъ авторы дѣлятся на приверженцевъ самодержавія и его противниковъ. Такъ, авторъ „Иного сказанія"—противникъ самодержавія: онъ стоитъ за царя Шуйскаго и нападаетъ на Бориса и Лжедимитрія. Наоборотъ, авторъ „Новой повѣсти о преславномъ Россійскомъ царствѣ"—поборникъ самодержавія: онъ говоритъ, что бояре—не правители, а „кривители", не „земледжержцы", а „землесъѣдцы". На сторонѣ самодержавія стоитъ въ своемъ „Временникѣ" и дьякъ Иванъ Тимоѳеевъ, который говоритъ, что, „яко Бога вся купно тварь почитаетъ страхомъ и молчаніемъ", такъ подобно этому надо служить царю; „аще и человѣкъ царь по естеству, властію достоинства привлеченъ есть Богу, иже надо всѣми: не имать бо на земли высочайши себя".

Собственно историческій элементъ въ сказаніяхъ и повѣстяхъ слабъ и поверхностенъ. Авторы ихъ, особенно тѣ, которые сами были прикосновенны къ событіямъ, видимо, соблюдаютъ большую осторожность въ изложеніи событій и сообщаютъ гораздо меньше фактовъ, чѣмъ они знали. Изложеніе фактовъ часто замѣняется тѣмъ „плетеніемъ словесъ", которое было свойственно агіографіи XV—XVI вв.; нѣкоторыя событія и лица, чисто свѣтскія, изображаются въ стилѣ житій (напр., преданіе о подвигѣ Минина). Въ позднѣйшихъ сказаніяхъ и повѣстяхъ (напр., о князѣ Скопинѣ-Шуйскомъ) отражается вліяніе современнаго устнаго творчества.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Устное творчество.

269. Устное творчество. Устное творчество смутной эпохи состоитъ изъ старинъ, отражающихъ смутную эпоху и нѣкоторыя явленія въ началѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича. Большинство изъ нихъ было записано въ 1619—1620 гг. Произошло это такимъ образомъ. Въ 1619 г. пріѣхалъ въ Москву священникъ англійскаго посольства Ричардъ Джемсъ, а въ 1620 г. уѣхалъ обратно въ Англію. Джемсъ

былъ очень образованный и любознательный человѣкъ. Онъ заинтересовался современными русскими пѣснями, и для него записали шесть пѣсенъ. Рукопись съ этими пѣснями была найдена въ Оксфордской библіотекѣ и издана у насъ. Въ рукописи имѣются слѣдующія пѣсни: 1) о смерти Михаила Скопина-Шуйскаго, 2) двѣ пѣсни о царевнѣ Ксеніи, 3) о въѣздѣ въ Москву патріарха Филарета, 4) о весновой службѣ и 5) о набѣгѣ крымскихъ татаръ (§ 260). Къ пѣснямъ, записаннымъ Джемсомъ, по содержанію примыкаютъ старины о Гришкѣ Разстригѣ, записанныя въ новѣйшее время.

270. Пѣсни о Гришкѣ Разстригѣ. Въ старинахъ о Гришкѣ Разстригѣ пѣвцы-скоморохи изобразили Лжедимитрія (1605—1606) съ его пренебреженіемъ къ московскимъ обычаямъ и его гибель.

Богъ разгнѣвался на русскихъ и послалъ имъ прелестника, злого Разстригу, Гришку Отрепьева, который сѣлъ на царство. Задумалъ Разстрига жениться, но не въ Москвѣ: взялъ онъ себѣ въ жены у Юрья, папа Сендомирскаго, дочь его — Маринку, злую еретницу и безбожницу. Сыгралъ Разстрига свадьбу въ четвергъ, наканунѣ Николина дня. Вышелъ Разстрига на Красное крыльцо и заревѣлъ зычнымъ голосомъ слугамъ, чтобы они готовили разныя кушанья — и постныя, и скоромныя. Стрѣльцы бросились къ царицѣ Марѳѣ и стали ее разспрашивать, ея ли это сынъ — царевичъ Дмитрій Ивановичъ. Царица со слезами сказала имъ, что это — Разстрига Гришка, Отрепьевъ сынъ, а ея сынъ давно потерянъ отъ бояръ Годуновыхъ, и мощи его лежатъ въ Москвѣ. Собрались стрѣльцы къ Красному крылечку и взбунтовались. Разстрига убрался на верхніе чердаки, а жена его, Маринка, сорокой обернулась и изъ палатъ вонъ вылетѣла. Бросился Разстрига съ чердаковъ къ стрѣльцамъ на острыя копья. Тутъ ему и смерть приключилась.

271. Пѣсни о Ксеніи. Ксенія, дочь Бориса, по приказанію Лжедимитрія была пострижена въ монахини и сослана въ одинъ монастырь на Бѣлоозеро. Это была замѣчательно красивая дѣвушка и образованная. Въ обѣихъ пѣсняхъ Ксенія изображается оплакивающей свою судьбу и вспоминающей о хорошемъ прошломъ.

Мала птичка, бѣлая перепелка плачетъ: „Охти мнѣ, молодѣ, горевати! Хотятъ сырой дубъ зажигати, мое гнѣздышко

разорити, мои малыя дѣти побити, меня, перепелку, поймати". Плачетъ на Москвѣ царевна. Ѣдетъ къ Москвѣ измѣнникъ Гришка Отрепьевъ, хочетъ полонить царевну, постричь ее. Кто теперь будетъ сидѣть въ царскихъ теремахъ послѣ Бориса Годунова?

Плачетъ царевна: „Ино Боже, Спасъ милосердный! За что наше царство загибло—за батюшково ли согрѣшеніе, за матушкино ли немоленье?" Царевна вспоминаетъ о высокихъ хоромахъ, о вещахъ въ нихъ и размышляетъ о томъ, кому онѣ достанутся.

272. Пѣсни о Михаилѣ Скопинѣ-Шуйскомъ. Михаилъ Скопинъ-Шуйскій, молодой племянникъ московскаго царя Василія Шуйскаго, былъ талантливый русскій полководецъ. Своими побѣдами надъ Болотниковымъ и тушинцами (§ 218) онъ сильно укрѣпилъ престолъ своего дяди и сдѣлался популярнѣйшимъ лицомъ въ Московской Руси. Это возбудило въ боярахъ зависть, а въ дядьяхъ его, Василіи и Дмитріи, подозрительность. Скопинъ-Шуйскій готовился къ походу на поляковъ, осаждавшихъ Смоленскъ. Наканунѣ своего выступленія въ походъ онъ былъ приглашенъ на крестины у князя Воротынскаго крестнымъ отцомъ; кумой Скопина была жена его дяди Дмитрія, Екатерина, дочь знаменитаго Малюты Скуратова. На пиру Скопинъ почувствовалъ себя нездоровымъ, а черезъ двѣ недѣли онъ скончался. Молва приписала его смерть отравѣ. О Скопинѣ-Шуйскомъ дошло до насъ нѣсколько старинъ; одна изъ нихъ, краткая, записана была для Джемса.

Сильное Московское царство было обложено Литвой, сорочиной долгополой, пятигорскими черкесами и другими народами. Скопинъ очистилъ царство отъ враговъ. Находясь въ Москвѣ, Скопинъ былъ приглашенъ на крестины къ князю Воротынскому. Много на пиру было князей, бояръ и званыхъ гостей. На пиру всѣ порасхвастались. Похвастался и Скопинъ тѣмъ, что очистилъ Московское царство отъ враговъ и прославился въ народѣ: „Еще ли мнѣ славу поютъ до вѣку, отъ стараго до малаго, отъ малаго до вѣку моего". Тутъ боярамъ „за бѣду стало". Они подсыпали въ стаканъ съ сладкимъ медомъ „зелья лютаго" и дали стаканъ кумѣ его крестовой, Малютиной дочери Скуратовой, а она поднесла его Скопину. Скопинъ „не отпирается", выпиваетъ стаканъ меду.

Вдругъ онъ „услышалъ во утробѣ неловко добрѣ“ и догадался, что кума его, „змѣя подколодная“, дала ему стаканъ со зельемъ. Зашаталась голова на плечахъ у Скопина. Ушелъ Скопинъ съ пира, сѣлъ на коня и побѣжалъ къ матушкѣ. Къ вечеру Скопинъ преставился.

Съ полуночи въ Москвѣ въ колоколъ звонили. Расплакались гости-москвичи: „А теперь наши головы загибли, что не стало у насъ воеводы, Васильевича князя Михаила“. Стали съѣзжаться князья и бояре. Они говорили между собою: „Высоко соколъ поднялся и о сыру матеру землю ушибся“. Расплакались шведскіе нѣмцы: „что не стало у насъ воеводы, Васильевича князя Михаила *). Побѣжали нѣмцы въ Новгородъ и заперлись тамъ; много народу они погубили и въ латинскую землю превратили“.

273. Въѣздъ въ Москву патріарха Филарета. Въ 1619 г. вернулся послѣ долгаго плѣна у поляковъ отецъ Михаила Ѳеодоровича Филаретъ. Это событіе послужило предметомъ пѣсни, которая черезъ мѣсяцъ послѣ событія уже была записана. Этимъ объясняется ея отрывочность, нѣкоторая несвязность въ подробностяхъ и сухость.

Обрадовались Московское царство и вся Русская земля: выѣхалъ изъ невѣрной земли Литовской батюшка государь Филаретъ Никитичъ и вывезъ съ собою много князей и бояръ. Изъ славнаго города Москвы не красное солнце катилося: пошелъ государь православный царь встрѣчать своего батюшку. Они вернулись вмѣстѣ въ Москву и пошли къ Пречистой соборной пѣть честные молебны.

274. Весновая служба. Пѣсня о весновой службѣ носитъ лирическій характеръ: служилые военные люди радуются наступленію весны и выражаютъ желаніе, чтобы служба на ихъ долю выпадала не зимою, а весною.

Зыблется бережокъ, сыплется песочекъ, ломится ледочекъ, добрые кони тонутъ, молодцы томятся. „Ино, Боже, Боже! Сотворилъ ты, Боже, да и небо, землю; сотвори же, Боже,

---

*) По порученію своего дяди Скопинъ-Шуйскій просилъ у шведскаго короля Карла IX военной помощи противъ тушинцевъ. Карлъ прислалъ пятитысячный отрядъ подъ предводительствомъ Делагарди. Скопинъ принялъ начальство надъ шведско-русскими войсками и двинулся изъ Новгорода въ Москву.

весновую службу. Не давай ты, Боже, зимовыя службы: зимовая служба—молодцамъ кручинно да сердцу досадно. Ино дай же, Боже, весновую службу: весновая служба—молодцамъ веселье, сердцу утѣха. И емлите, братцы, яровы весельца; а садимся, братцы, въ ветляны стружечки, да грянемте, братцы, въ яровы весельца ино внизъ по Волгѣ. Сотворилъ намъ, Боже, весновую службу!"

275. Общій взглядъ на идейно-литературное творчество третьяго періода. Объединеніе удѣльно-феодальной Окско-Волжской Руси создало условія для могучаго идейно-литературнаго движенія въ Московской Руси, продолжавшагося до конца царствованія Ивана Грознаго. Въ этомъ развитіи приняли участіе всѣ сословія, начиная съ высшихъ и кончая низшими.

Къ концу XV в. въ предѣлахъ Московскаго княжества оказались на лицо двѣ идеологіи.

Одна изъ нихъ зародилась въ XIV в. и обязана была своимъ происхожденіемъ процессу объединенія Окско-Волжской Руси. Подъ давленіемъ этого процесса наиболѣе могучіе окско-волжскіе бояре, не успѣвшіе или не пожелавшіе по какимъ-либо причинамъ заблаговременно перейти на службу къ московскому великому князю, были силою выбиваемы изъ исторически занятыхъ позицій и терпѣли жестокое житейское крушеніе. Представители этой части боярства нашли себѣ исходъ въ отшельничествѣ, иночествѣ. Отдаваясь дѣлу спасенія своей души, они, въ лицѣ своей интеллигенціи, получившей названіе заволжскихъ старцевъ, выработали замѣчательную идеологію, основными началами которой были перевѣсъ внутренняго совершенствованія надъ внѣшнимъ, обрядовымъ, аскетизмомъ, отрицаніе монастырскаго капитализма, заступничество за гонимыхъ (напр., за удѣльныхъ князей) и сочувственное отношеніе къ низшимъ классамъ.

Другая идеологія зародилась тоже въ XIV в., въ Новгородско-Псковской Руси, и обязана была своимъ происхожденіемъ рѣзкому общественному различію, создавшемуся между высшими и низшими классами. Низшіе классы въ лицѣ своей интеллигенціи, извѣстной подъ именемъ стригольниковъ и жидовствующихъ, выработали радикальную идеологію, представлявшую послѣдовательное отрицаніе господствовавшаго міровоззрѣнія и связанныхъ съ нимъ формъ общественно-политической жизни:

они отвергали догматы, таинства, церковную іерархію, монашество, внѣшнее богопочитаніе и т. д.

Между этими двумя идеологіями было и сходство, и различіе. Представители обѣихъ идеологій признавали необходимость критическаго отношенія къ „божественному писанію". Но при этомъ боярская интеллигенція отвергала лишь нѣкоторыя группы книгъ „божественнаго писанія", признавая за прочими относительный или абсолютный авторитетъ, тогда какъ демократическая интеллигенція отвергала большинство этихъ книгъ и признавала авторитетъ, и то лишь относительный, только за нѣкоторыми изъ нихъ. Боярская интеллигенція отвергала капиталистическое монашество—демократическая интеллигенція отвергала монашество вообще. Боярская интеллигенція признавала второстепенное значеніе за внѣшнимъ богопочитаніемъ—демократическая отвергала его совершенно. И т. д. Различіе между боярской идеологіей и демократической состояло такимъ образомъ въ томъ, что вторая проводила начала критики и отрицанія рѣзче и послѣдовательнѣе, чѣмъ первая. Это различіе не было существеннымъ, и рано или поздно должно было произойти сближеніе между обѣими идеологіями, а затѣмъ между боярствомъ и низшими классами.

Боярская интеллигенція строгостью своей отшельнической и иноческой жизни, образованностью и высотой развитія пріобрѣла огромный авторитетъ въ русскомъ обществѣ и сильное вліяніе на правительство. Съ особеннымъ вниманіемъ правительство относилось къ проповѣди „нестяжательности", имѣя въ виду, въ случаѣ успѣха этой проповѣди, конфисковать монастырскія земли и образовать фондъ для раздачи лицамъ, поступавшимъ на военную службу.

Демократическая новгородско-псковская интеллигенція также обратила на себя вниманіе русскаго общества и правительства, не только своею образованностью, скромностью своего образа жизни, но и отдѣльными пунктами своего міровоззрѣнія. Московское правительство и тутъ заинтересовалось отношеніемъ этой интеллигенціи къ монашеству, точнѣе, къ монастырскому землевладѣнію, выражало ей сочувствіе и оказывало поддержку. Міровоззрѣніе демократической интеллигенціи стало быстро распространяться въ русскомъ обществѣ. Этотъ успѣхъ вызвалъ тревогу въ одномъ сословіи, которое до этого времени оставалось въ тѣни,—въ русскомъ дворянствѣ.

Выдвигаемое впередъ процессомъ объединенія Окско-Волжской Руси, русское дворянство давно уже работало втиши надъ своимъ усиленіемъ. Въ лицѣ своего монашества оно развивало свою матеріальную силу, получая отъ князей, бояръ и купцовъ вклады въ монастыри селами, деньгами и всякаго рода цѣнными предметами; суровымъ образомъ жизни это монашество обращало на себя вниманіе общества и правительства и пріобрѣтало вліяніе на то и на другое.

Дворянская интеллигенція, извѣстная подъ именемъ іосифлянъ, обратила вниманіе на демократическое міровоззрѣніе, испугалась его радикализма, особенно отрицанія монастырскаго землевладѣнія, и выдвинула изъ своей среды рядъ лицъ, которыя начинаютъ борьбу съ демократической идеологіей и ея представителями. Заступничество заволжцевъ за еретиковъ заставило дворянскую интеллигенцію выступить также противъ боярской идеологіи и ея представителей. Завязалась ожесточенная борьба въ два фронта, и въ процессѣ этой борьбы дворянство, мобилизовавъ всѣ свои силы, стала, съ одной стороны, послѣдовательно вырабатывать свою идеологію, съ другой—послѣдовательно выбивать изъ занятыхъ позицій еретиковъ и ихъ защитниковъ—заволжцевъ. Суровый внѣшній аскетизмъ, внѣшнее богопочитаніе, авторитетность всего „божественнаго писанія“ и градскихъ законовъ, святость монастырскаго землевладѣнія, самодержавіе московскаго государя, богоизбранность Москвы послѣ Рима и Византіи—таковы основные пункты дворянской идеологіи, выработанные Іосифомъ Волоцкимъ, старцемъ Филоѳеемъ, митр. Даніиломъ. Главные представители боярской интеллигенціи—Вассіанъ Патрикѣевъ и Максимъ Грекъ, обвиненные въ ереси, подверглись осужденію и заточенію. Тѣнь еретичества легла на всю боярскую интеллигенцію. Въ то же время главныя церковныя должности постепенно стали сосредоточиваться въ рукахъ дворянской интеллигенціи: церковь мало по малу объіосифлянилась; дворянская идеологія стала вытѣснять изъ предѣловъ общества и демократическую и боярскую идеологію.

Въ концѣ первой половины XVI в. дворянская идеологія дѣлаетъ новый шагъ впередъ: талантливѣйшій представитель дворянства Иванъ Пересвѣтовъ освобождаетъ ее отъ монашескаго оттѣнка и впервые формулируетъ основныя начала самодержавно-бюрократическаго строя, основывающагося на военной силѣ.

Въ концѣ первой половины XVI в. и въ началѣ второй осуществляются на практикѣ нѣкоторые пункты дворянскихъ требованій (напр., превращеніе Московскаго княжества въ царство), и отдѣльные пункты дворянскаго міровоззрѣнія дѣлаются обязательными. Въ это же время происходитъ сближеніе между демократической идеологіей и боярской. Съ представителями этого сближенія—старцемъ Артеміемъ, Башкинымъ и Ѳеодосіемъ Косымъ, дворянство, ставшее уже силой, быстро расправляется. Въ лицѣ митр. Макарія, Сильвестра и др. лицъ молодая дворянско-буржуазная Русь энциклопедически обосновываетъ новую идеологію, подводя подъ нее такіе внушительные фундаменты, какъ „Четьи-Минеи", „Степенную книгу" второй редакціи, „Домострой", „Азбуковникъ" и т. д.

Съ 60-хъ годовъ XVI в. дворянско-буржуазная Русь дѣлаетъ еще шагъ впередъ: она заводитъ опричину для борьбы съ боярствомъ и конфискаціей земель наиболѣе сильныхъ и опасныхъ бояръ наноситъ ему страшный ударъ. Дворянская идеологія, развившаяся и окрѣпшая въ борьбѣ съ демократіей и боярствомъ, получаетъ окончательный перевѣсъ. Зиновій Отенскій и авторъ „Многословнаго посланія" расправляются съ демократическимъ міровоззрѣніемъ, а Иванъ Грозный, по поводу посланій Курбскаго, насмѣшливо торжествуетъ свою побѣду надъ древнимъ русскимъ боярствомъ.

Къ концу царствованія Ивана Грознаго дворянская идеологія становится достояніемъ всего русскаго общества и превращается въ національное московское міровоззрѣніе: Москва—міровая держава, третій Римъ, наслѣдница Византіи, сосредоточіе истинной вѣры, а ея царь—единый во вселенной православный царь. Это міровоззрѣніе уже отражается въ устномъ творчествѣ профессіональныхъ пѣвцовъ-поэтовъ.

Послѣ Ивана Грознаго наступаетъ эпоха смуты. Идейно-литературное творчество слабѣетъ и выражается въ сказаніяхъ и повѣстяхъ о смутномъ времени и въ устномъ творчествѣ.

Библіографія. *Н. Рожковъ*. Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія. Ч. II. В. 1-ый. Спб. 1905.—*В. Ключевскій*. Боярская дума древней Руси. Изд. 4-ое. М. 1909.—*Его-же*. Курсъ русской исторіи. Ч. III. М. 1908.—*Н. Рожковъ*. Происхожденіе самодержавія въ Россіи. М. 1906.—*Н. Рожковъ*. Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI в. М. 1899.—*С. Ѳ. Платоновъ*. Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ Государствѣ XVI—XVII вв. Опытъ изученія общественнаго строя и сословныхъ отно-

шеній въ Смутное время. Изд. 2-ое. Спб. 1901.—*Н. П. Павловъ-Сильванскій*. Феодализмъ въ древней Руси. Спб. 1907.—Древнія русскія пасхаліи на осьмую тысячу лѣтъ отъ сотворенія міра. «Прав. Соб.» 1860, ч. 3.—*Ник. Рудневъ*. Разсужденіе о ересяхъ и расколахъ, бывшихъ въ русской церкви со времени Владимира Великаго до Іоанна Грознаго М. 1838.—*А. Сервицкій*. Опытъ изслѣдованія о ереси новгородскихъ еретиковъ, или жидовствующихъ. «Прав. Обозр.» 1862, №№ 6—8.—*Пановъ*. Ересь жидовствующихъ. «Ж. М. Н. Пр.» 1877, №№ 1—3.—*В. Ѳ. Боцяновскій*. Русскіе вольнодумцы XIV—XV вѣковъ. «Новое Слово», 1896, № 12.—*Ѳ. Ильинскій*. Русскіе богомилы XV вѣка. «Богосл. Вѣстн.» 1905, №№ 6—7.—*В. Н. Перетцъ*. Новые труды о «жидовствующихъ» XV в. и ихъ литературѣ. Кіевъ 1908.—*Іосифъ Волоцкій*. Просвѣтитель, или обличеніе ереси жидовствующихъ. Казань. 1857. 4-ое изд. Казань. 1904.—*П. А. Булгаковъ*. Преп. Іосифъ Волоколамскій. Спб. 1865.—*И. Хрущовъ*. Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина, преп. игумена Волоцкаго. Спб. 1868.—*Грандицкій*. Геннадій, архіепископъ Новгородскій. «Прав. Обозр.», 1878, № 9, 1880, № 8.—*А. Никитскій*. Очерки внутренней исторіи церкви въ Великомъ Новгородѣ. Спб. 1879.—*Н. Костомаровъ*. Новгородскій архіепископъ Геннадій. «Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей», в. II, гл. XIV.—*Вассіанъ Косой*. Сочиненія, въ «Прав. Соб.» 1863, ч. 3, въ «Вивліоѳикѣ» Новикова, ч. XVI.—*И. Хрущовъ*. Князь инокъ Вассіанъ Патрикѣевъ. «Др. и Нов. Россія», 1875, № 3.—*Н. Костомаровъ*. Преподобный Нилъ Сорскій и Вассіанъ, князь Патрикѣевъ. «Русская исторія въ жизнеописаніяхъ». В. II, гл. XVI.—*Максимъ Грекъ*. Сочиненія преподобнаго Максима Грека, изданныя при Казанской духовной академіи. Ч. I—III. Казань. 1859—1862.—«Луцидаріусъ» изданъ Тихонравовымъ въ «Лѣт. рус. лит. и древн.», т. I, М. 1859, Порфирьевымъ въ «Апокриф. сказ. о новоз. лицахъ и событіяхъ», «Сборн. рус. яз. и сл. Ак. Н.», т. LII, Спб. 1890.—*Н. С. Тихонравовъ*. Луцидаріусъ. «Сочиненія», т. I. М. 1898. — *А. Архангельскій*. Къ исторіи древнерусскаго Луцидаріуса. Казань. 1890.—*А. В. Горскій*. Максимъ Грекъ, святогорецъ. «Прибавл. къ твор. св. отецъ». М. 1859, ч. XVIII.—*Владиміръ Иконниковъ*. Максимъ Грекъ. В. 1—2. Кіевъ. 1865—1866.—*Ив. Преображенскій*. Нравственное состояніе русскаго общества въ XVI в. по сочиненіямъ Максима Грека и современнымъ ему памятникамъ. М. 1882.—*Н. Костомаровъ*. Русская исторія въ жизнеописаніяхъ. В. II (Максимъ Грекъ, гл. XVII).—*В. Иконниковъ*. Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи. Кіевъ. 1869.—*А. С. Павловъ*. Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи. Одесса. 1871.—*В. Жмакинъ*. Митрополитъ Даніилъ и его сочиненія. М. 1881.—*А. В. Горскій*. Отношенія иноковъ Кириллова-Бѣлозерскаго и Іосифова-Волоколамскаго монастыря въ XVI в. «Прибавл. къ творен. св. отецъ», 1851, т. X («Письмо о нелюбкахъ»).—*В. Малининъ*. Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія. Кіевъ. 1901.—*В. Ѳ. Ржига*. И. С. Пересвѣтовъ, публицистъ XVI вѣка. Съ приложеніемъ сборника его сочиненій. М. 1908. Объ ней—рецензія С. Вилинскаго въ «Ж. М. Н. Пр.» 1908, № 9.—*Ю. А. Яворскій*. Къ вопросу объ Ивашкѣ Пресвѣтовѣ, публицистѣ XVI вѣка. Кіевъ. 1908.—«Повѣсть нѣкоего боголюбиваго мужа», въ «Истор. Хрест.» Буслаева, М. 1861.—*Н. Лебедевъ*. Макарій, митрополитъ всерос-

сійскій. «Чтенія Общ. люб. духовн. просв.» 1877, ч. II, 1878, ч. I.—*К. Заусцинскій*. Макарій, митрополитъ всея Россіи. «Ж. М. Н. Пр.» 1881, №№ 10—11.—*В. Васильевъ*. Исторія канонизаціи русскихъ святыхъ. М. 1893.—*Е. Голубинскій*. Исторія канонизаціи святыхъ въ русской церкви. Сергіевъ Посадъ. 1894.—*И. Н. Ждановъ*. Матеріалы для исторіи Стоглаваго собора. «Сочиненія», т. I, 1904.—*Его-же*. Церковно-земскій соборъ 1551 года. Тамъ-же.—*В. Бочкаревъ*. Стоглавъ и исторія собора 1551 года. Юхновъ. 1906. —*Митр. Макарій*. Великія Минеи-Четьи, изд. Археогр. Ком. съ 1868 г., вышли за мѣсяцы сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь, январь и апрѣль (съ ноября—не за всѣ дни).—*Его-же*. Степенная книга, изд. акад. Г. Миллера. Ч. I—II. М. 1775 г., изд. Арх. Ком. въ «Полн. Собр. рус. лѣтоп.», т. XXI, ч. I, печатается ч. II.—*Архим. Іосифъ*. Подробное оглавленіе великихъ Четіихъ-Миней всероссійскаго митрополита Макарія, хранящихся въ московской патріаршей библіотекѣ. М. 1892.—*П. Г. Васенко*. Книга Степенная царскаго родословія и ея значеніе въ древнерусской исторической письменности. Ч. I. Спб. 1904.—*Д. П. Голохвастовъ и архим. Леонидъ*. Благовѣщенскій іерей Сильвестръ и его посланія. «Чт. Имп. Общ. ист. и древн. росс.» 1874, I.—*Сильвестръ*. Домострой, по Коншинскому списку и подобнымъ. Къ изданію приготовилъ А. Орловъ. М. 1908.—*И. Порфирьевъ*. Домострой Сильвестра. «Прав. Собес.» 1860, ч. 3.—*И. С. Некрасовъ*. Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія о происхожденіи древнерусскаго Домостроя. М. 1873.—*А. В. Михайловъ*. Къ вопросу о редакціяхъ Домостроя, его составѣ и происхожденіи. «Ж. М. Н. Пр.» 1889, №№ 2—3.—*И. С. Некрасовъ*. Къ вопросу о Домостроѣ. «Ж. М. Н. Пр.» 1889, № 6.—*А. В. Михайловъ*. Еще къ вопросу о Домостроѣ. «Ж. М. Н. Пр.» 1890, № 8.—*К. Заусцинскій*. Бытъ русскаго общества XVI ст. по Домострою. «Варш. Ун. Изв.» 1879.—*В. Ключевскій*. Два воспитанія. «Р. М.» 1893, № 3.—*Кизеветтеръ*. Основныя тенденціи древнерусскаго Домостроя. «Р. Б.» 1896, № 1.—«Азбуковникъ» и его изслѣдованія—у Сахарова, въ «Сказаніяхъ русскаго народа», т. II, у А. Карпова: «Азбуковники по спискамъ Соловецкой библіотеки». Казань. 1878. —*Ширскій*. Очеркъ древнихъ славяно-русскихъ словарей. «Фил. Зап.» 1869, в. I—II.—*Баталинъ*. Древнерусскіе Азбуковники. «Фил. Зап.» 1873, в. III—V.—*Н. Тихонравовъ*. Отчетъ о XIX присужденіи Уваровскихъ премій, или въ «Задачахъ исторіи литературы», Соч., т. I, М. 1898, стр. 37—40.—*Проф. И. Шляпкинъ*. Ермолай Прегрѣшный, новый писатель эпохи Грознаго. «Сергѣю Ѳедоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели». Спб. 1911.—«Сказаніе о кѣевскихъ богатырехъ» («Богатырское слово»), въ «Сборн. Отд. р. яз. и сл.», т. XXVIII, въ «Памятн. стар. рус. литер.», т. I, въ «Русскихъ былинахъ старой и новой записи», подъ ред. Н. С. Тихонравова и Вс. Ѳ. Миллера, М. 1894.—*Вс. Миллеръ*. Илья Муромецъ и Алеша Поповичъ (разборъ «Сказанія о кѣевскихъ богатырехъ»). «Очерки русской народной словесности. Т. II. М. 1910.—О житіяхъ Макарьевскаго времени — въ «Древнерусскихъ житіяхъ» Ключевскаго, въ «Очеркахъ» Кадлубовскаго, въ изслѣдованіи Коноплева «Святые Вологодскаго края.»—«Повѣсти о. Пафнутія»—у Веселовскаго въ «Разысканіяхъ», гл. XII, въ «Житіи Пафнутія», изд. подъ ред. Кадлубовскаго въ «Сборн. Истор.-фил. Общества при Инст.», т. II.—Житія Іосифа Волоцкаго, принадлежащія

Саввѣ Черному, неизвѣстному автору и Досиѳею Топоркову, напечатаны Невоструевымъ въ «Чтен. общ. люб. дух. просв.», 1865.—*Старецъ Артемій*. Посланія, въ «Русской истор. библіот.», т. IV, Спб. 1878.—*П. М. Занковъ*. Старецъ Артемій, писатель XVI в. «Ж. М. Н. Пр.» 1887, № 11.—*Свящ. Серій Садковскій*. Артемій, игуменъ Троицкій. М. 1892.—*С. Г. Вилинскій*. Посланія старца Артемія (XVI вѣка). Одесса. 1906. Рецензія *Н. К. Грунскаго*, въ «Ж. М. Н. Пр.», 1908, № 1.—*Проф. В. Н. Мочульскій*. Отзывъ о диссертаціи С. Г. Вилинскаго «Посланія старца Артемія XVI вѣка. Одесса. 1907.—*Емельяновъ*. Ересь Башкина и Ѳеодосія Косого. «Труды Кіевской Дух. Акад.» 1862, т. II.—*Н. Костомаровъ*. Матвѣй Семеновичъ Башкинъ и его соучастники. «Русская исторія въ жизнеописаніяхъ», в. II, гл. XIX.—*Его-же*. Великорусскіе религіозные вольнодумцы въ XVI в. «Историческія монографіи», т. I, Спб. 1863 и позднѣйшія изданія.—*Зиновій, инокъ Отенскій*. Истины показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи. Казань. 1863.—«Многословное посланіе», изд. Андреемъ Поповымъ въ «Чтеніяхъ моск. общ. ист. и древн.», 1880, кн. II.—*Ѳ. Калушнъ*. Зиновій, инокъ Отенскій и его богословско-полемическія и церковно-учительныя произведенія. Спб. 1894. Рецензія *В. Боцяновскаго* на этотъ трудъ—въ «Ж. М. Н. Пр.», 1894, № 11.—*С. Г. Вилинскій*. Вопросъ объ авторѣ «Многословнаго посланія». «Изв. II Отд.» 1905, кн. 2.—*В. Дружининъ и М. Дьяконовъ*. Бесѣда преподобныхъ Сергія и Германа, Валаамскихъ чудотворцевъ. Апокрифическій памятникъ XVI вѣка. Спб. 1889.—*А. С. Павловъ*. Земское направленіе русской духовной письменности. «Прав. Соб.» 1863, кн. I (о «Бесѣдѣ»).—*К. Невоструевъ*. Отчетъ о двѣнадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова. 1869 (разборъ мнѣнія Павлова).—*А. С. Павловъ*. Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель. Одесса. 1871 (возраженіе Невоструеву).—*Князь Андрей М. Курбскій*. Сказанія. Изд. Устряловымъ. 1-ое изд. въ 1833, 2-ое—въ 1842 и 3-ье въ 1868 гг.—*С. Горскій*. Жизнь и историческое значеніе князя А. М. Курбскаго. Казань. 1858.—*А. Попова*. О біографическомъ и уголовномъ элементѣ въ исторіи. «Атеней», 1858, ч. 7.—*З. Опоковъ*. Князь А. М. Курбскій. «Кіевск. Унив. Изв.», 1872, 6—8.—*М. П—скій*. Князь А. М. Курбскій. Историко-библіографическія замѣтки по поводу послѣдняго изданія его «Сказаній». «Учен. Зап. Каз. Унив.». Казань, 1873.—*А. Н. Ясинскій*. Сочиненія кн. Курбскаго, какъ исторической матеріалъ. Кіевъ. 1889.—*Н. Иванишевъ*. Жизнь князя Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни. Т. I—II. Кіевъ. 1849.—*Ю. Бартошевичъ*. Кн. Курбскій на Волыни. «И. В.», 1880, № 6.—*А. Мацѣевичъ*. Разысканія о жизни кн. Курбскаго на Волыни. «Др. и Нов. Россія», 1880, № 1.—*В. Ключевскій*. Боярская дума древней Руси. Изд. 4-ое. М. 1909 (Гл. XIV, о Курбскомъ).—*Иванъ Грозный*. Посланіе въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, въ «Акт. ист.», т. I и въ «Истор. Хрест.» Буслаева. Переписка съ Курбскимъ—въ «Сказаніяхъ» Курбскаго.—*И. Н. Ждановъ*. Сочиненія царя Ивана Васильевича. «Сочиненія», т. I, Спб. 1904.—*Н. Костомаровъ*. Личность царя Ивана Васильевича Грознаго. «В. Е.» 1871, № 10, «Монографіи», т. XIII.—*П. Ковалевскій*. Іоаннъ Грозный и его душевное состояніе. Харьковъ. 1893.—*Кизеветтеръ*. Иванъ Грозный и его противники. «Р. М.» 1895, №№ 10—12.—*Н. Михайловскій*. Иванъ Грозный въ русской литературѣ. «Критическіе опыты». Спб. 1895.—Пѣсни объ

Иванѣ Грозномъ—у Кирѣевскаго, въ VI—VII вв. «Пѣсенъ».—*П. Вейнбергъ.* Русскія народныя пѣсни объ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ. Варшава. 1872. Объ этой книгѣ—критическая статья *А. Веселовскаго* въ «В. Е.» 1872, № 10.—О житіяхъ послѣ Макарьевскаго времени—у Ключевскаго, Кадлубовскаго, Коноплева, Яхонтова—«Житія святыхъ поморскаго края, какъ историческій источникъ», Казань, 1881.—«Софійская 2-ая лѣтопись»—въ VI т. «Полн. собр. рус. лѣт.», «Воскресенская лѣтопись»—въ VII—VIII тт., «Никоновскій сводъ»—въ IX—XIII тт.—*И. А. Тихомировъ.* Обозрѣніе состава московскихъ лѣтописныхъ сводовъ. «Лѣтопись занятій Археогр. Ком.». В. X. Спб. 1895.—*И. Тихомировъ.* Обозрѣніе состава московскихъ лѣтописныхъ сводовъ. «Ж. М. Н. Пр.» 1895, № 8.—*А. А. Шахматовъ.* Обозрѣніе лѣтописныхъ сводовъ Руси сѣверо-восточной. И. А. Тихомирова. Критическій отзывъ. Спб. 1899.—*А. А. Шахматовъ.* Общерусскіе лѣтописные своды XIV—XVI вѣковъ. «Ж. М. Н. Пр.» 1900, №№ 9, 11, 1901, № 11.—*А. А. Шахматовъ.* Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ.—*В. Н. Щепкинъ.* Два лицевыхъ сборника Историческаго Музея. «Археол. Изв. и Замѣтки моск. Археол. Общ.», 1897, № 4.—*Его-же.* Лицевой сборникъ Имп. Росс. Истор. Музея. «Изв. II Отд. Ак. Н.» 1899, т. IV, кн. 4.—*Н. П. Лихачевъ.* Палеографическое значеніе бумажныхъ водяныхъ знаковъ. Спб. 1899.—*А. Е. Прѣсняковъ.* Царственная книга, ея составъ и происхожденіе. Спб. 1893.—*Его-же.* Московская историческая энциклопедія XVI вѣка. «Извѣстія II Отд. Ак. Н.» 1900, т. V, кн. 3.—*А. А. Шахматовъ.* Древнеболгарская энциклопедія X вѣка. «Византійскій Временникъ», 1900, т. VII, № 1.—*Василій Поздняковъ.* Хожденіе по святымъ мѣстамъ Востока, подъ ред. X. М. Лопарева. «Палест. Сборн.», в. 18. Спб. 1887.—*И. Е. Забѣлинъ.* Посланіе царя Ивана Васильевича къ александрійскому патріарху Іоакиму съ купцомъ Васильемъ Позняковымъ и хожденіе купца Познякова въ Іерусалимъ и по инымъ святымъ мѣстамъ 1558 года. «Чтен. моск. Общ. истор. и древн.», 1884, кн. I.—*Трифонъ Коробейниковъ.* Хожденіе, подъ ред. Хр. М. Лопарева. «Палест. Сборн.», в. 27. Спб. 1888.—*М. В. Рубцовъ.* Къ вопросу о хожденіи Трифона Коробейникова въ Св. Землю въ 1582 году. «Ж. М. Н. Пр.» 1901, № 4.—Сказанія и повѣсти о смутномъ времени—въ «Рус. Ист. Библ.», т. XIII. Спб. 1891.—*С. Ѳ. Платоновъ.* Древнерусскія сказанія и повѣсти о Смутномъ времени. Спб. 1888.—Пѣсни, собранныя Ричардомъ Джемсомъ—въ «Истор. Хрест.» Буслаева. Пѣсни о смутномъ времени—у Рыбникова, ч. I, у Кирѣевскаго, в. VII.—*Ѳ. И. Буслаевъ.* Русская поэзія XVII в. (разборъ пѣсенъ Джемса). «Историческіе очерки», т. I, Спб. 1861.—*А. С. Архангельскій.* Образованіе и литература въ Московскомъ государствѣ кон. XV—XVII вв. В. I—III. Казань. 1898—1901.

Періодъ четвертый.

Южно-русское просвѣщеніе.

276. Южно-русское просвѣщеніе. Южно-русское просвѣщеніе возникло въ Юго-западной Руси въ XVI в. и продолжалось до конца XVII в.

277. Юго-западная Русь. Юго-западная Русь состояла изъ областей западной Руси и южной. Въ составъ западной Руси входили слѣдующія области: Полоцкая, Смоленская и Витебская, населенныя бѣлоруссами и великоруссами, и Черниговская и Сѣверская, населенныя великоруссами, бѣлоруссами и малороссами. Въ составъ южной Руси входили слѣдующія области: Галиція, Подолія, Волынь, Кіевъ и земли, прилегающія къ сѣверному берегу Чернаго моря. Кіевская область и земли, прилегающія къ Черному морю, представляли пустынную степную окраину до 70-хъ годовъ XVI в. Населеніе областей южной Руси къ XV в. образовало малорусскую народность.

Съ половины XIII в. Юго-западная Русь переживаетъ особую отъ сѣверной Руси исторію. За исключеніемъ Галиціи, она ко второй половинѣ XIV в. постепенно становится достояніемъ молодого Литовскаго государства, въ составъ котораго входили побережье Балтійскаго моря между устьями Вислы и Западной Двины, нынѣшнія губерніи Виленская, Ковенская и сѣверная половина Гродненской. Литовское государство образовалось въ половинѣ XIV в. изъ разрозненныхъ

до этого времени литовскихъ патріархально-родовыхъ общинъ. Религія населенія и великаго князя литовскаго была языческая. Галиція съ 1340 г. входитъ въ составъ Польскаго королевства.

Въ 1386 г. литовскій великій князь Ягайло принимаетъ католичество, обращаетъ въ католичество литовцевъ, вступаетъ въ бракъ съ польской королевой Ядвигой и объединяетъ Литву съ Польшей въ одно государство. Это объединеніе вначалѣ было чисто внѣшнимъ: Литва вмѣстѣ съ принадлежавшими ей русскими областями продолжала сохранять свою внутреннюю самостоятельность и даже имѣла своихъ князей.

Въ 1569 г. по Люблинской уніи Польша и Литва окончательно объединились подъ властью польскаго короля, причемъ южно-русскія области перешли отъ Литвы въ непосредственное управленіе Польши. Въ это время Польша въ общественномъ отношеніи представляла строго сословное монархическое государство, въ которомъ экономическая сила и политическая власть принадлежали аристократіи. Польская культура переживала высокую ступень своего развитія. Она носила отпечатокъ утонченнаго аристократизма.

Во внутреннемъ своемъ развитіи Юго-западная Русь пережила два періода: 1) отъ половины XIII в. до конца XV в. и 2) XVI—XVII вѣка.

278. Развитіе Юго-западной Руси отъ половины XIII в. до конца XV в. Отъ половины XIII в. до конца XV в. Юго-западная Русь вмѣстѣ съ Литвой переживаетъ удѣльно-феодальный періодъ своего существованія, съ тѣми же почти основными чертами, которыя были характерны для Окско-Волжской Руси того же періода (§§ 21—37). Нѣкоторыя отличія въ ея развитіи объясняются болѣе быстрымъ уплотненіемъ населенія, нежели въ Окско-Волжской Руси, и сосѣдствомъ болѣе развитыхъ западно-европейскихъ государствъ вообще и Польши въ частности.

Основнымъ занятіемъ на всемъ пространствѣ Литовско-Русскаго государства становится земледѣліе. Къ концу періода начинаетъ зарождаться денежное хозяйство.

Въ общественномъ отношеніи литовско-русское населеніе распадалось на три главныхъ сословія: аристократію, крестьянство и мѣщанство.

1) Аристократія. Аристократія дѣлилась на свѣтскую и духовную.

Свѣтская аристократія состояла изъ верхняго слоя, самаго знатнаго и богатаго—изъ потомковъ удѣльныхъ князей и старшихъ дружинниковъ, которые, по примѣру Польши, назывались панами, и изъ низшаго слоя—средняго и мелкаго дворянства, которое называлось, также по примѣру Польши, шляхтой. Паны были крупными землевладѣльцами, а шляхтичи — средними и мелкими. Аристократія обладала обширными правами, отчасти наслѣдственными, отчасти пріобрѣтенными въ борьбѣ съ великокняжескою властью: высшая часть ея обладала правомъ выбирать князей, получать главныя государственныя должности и вліять на важнѣйшія правительственныя распоряженія, участвуя въ радѣ (боярской думѣ) и въ сеймахъ (земскихъ соборахъ); и высшая, и низшая часть аристократіи обладали правомъ неприкосновенности личности: ея представители подвергались наказанію и лишались имущества не иначе, какъ по суду и на основаніи закона; въ своихъ вотчинахъ аристократія имѣла право суда и сбора податей съ крестьянъ и жителей вообще. Аристократія была свободна отъ государственныхъ податей. Къ концу періода, подъ вліяніемъ зарождавшагося денежнаго хозяйства, права шляхты расширяются и приближаются къ правамъ панства. Основной обязанностью аристократіи была военная служба. Аристократія ведетъ дальнѣйшую борьбу за расширеніе своихъ правъ и стремится къ ограниченію власти великаго князя.

Духовная аристократія была двоякаго рода: православная и католическая. Православная духовная аристократія состояла изъ епископовъ и митрополита, когда Литовско-Русское государство окончательно добилось права имѣть своего, отдѣльнаго отъ Окско-Волжской Руси, митрополита (съ половины XV в.). Православная духовная аристократія почти не имѣла вліянія на политику Литовско-Русскаго государства: ея представители не участвовали въ радѣ. Объясняется это тѣмъ, что до 1386 г. литовскій князь придерживался языческой религіи, а съ 1386 г. становится католикомъ. Православное духовенство, начиная съ высшаго и кончая низшимъ, находилось подъ сильнымъ вліяніемъ и контролемъ свѣтской аристократіи и даже городского сословія—мѣщанства, которымъ принадлежало право патроната надъ церквами, монастырями, ихъ имуществомъ и т. д. Кандидатъ въ митрополиты выбирался верхнимъ слоемъ свѣтской аристократіи.

Католическая духовная аристократія въ лицѣ епископовъ имѣла вліяніе на политику: ея представители участвовали въ радѣ.

2) Крестьянство. Крестьянство въ Литовско-Русскомъ государствѣ испытало ту же участь, что и крестьянство Окско-Волжской Руси (§ 32): оно становится неоплатнымъ должникомъ аристократіи и фактически прикрѣпляется къ ней. Небольшая часть крестьянства, наиболѣе энергичная, убѣгаетъ отъ своихъ господъ на юго-восточную пустынную окраину Литовско-Русскаго государства, селится по сосѣдству со степью и татарами и здѣсь образуетъ свободный промышленно-военный классъ населенія, давшій начало малорусскому казачеству. Къ концу XV в. на Днѣпровскихъ островахъ, къ югу отъ пороговъ, основывается Запорожская Сѣчь, военный центръ казачества.

3) Мѣщанство. Мѣщанство было городскимъ сословіемъ. Въ началѣ періода оно еще сливается съ крестьянствомъ. Къ концу періода, благодаря зарожденію денежнаго хозяйства, мѣщанство выдѣляется изъ крестьянства, какъ особое сословіе, и селу, деревнѣ противополагается городъ. Мѣщане занимались ремеслами и торговлей. Они обладали правомъ самоуправленія на основахъ проникшаго къ нимъ изъ Польши „магдебургскаго права". Основной обязанностью мѣщанъ было уплачиваніе податей.

Среди литовско-русскаго мѣщанства особое мѣсто занимали *евреи*, которые пользовались полными личными и имущественными правами. Они занимались ремеслами, торговлей и даже земледѣліемъ. Самая богатая часть еврейства брала на откупъ таможенные сборы и занималась кредитными операціями. Къ концу періода, подъ вліяніемъ зарожденія денежнаго хозяйства, евреи по преимуществу стали заниматься торговлей и кредитными операціями. Богатая часть еврейства образовала группу банкировъ, откупщиковъ и купцовъ. Къ концу XV в. литовско-русская свѣтская аристократія съ великимъ княземъ Александромъ во главѣ попала въ сильную денежную зависимость отъ этой группы еврейства. Чтобы избавиться отъ этого, Александръ въ 1495 г. распорядился изгнать изъ княжества всѣхъ евреевъ; дома и земли евреевъ были отобраны въ казну; долги, сдѣланные отдѣльными лицами евреямъ, велѣно было уплачивать въ казну.

Во главѣ Литовско-Русскаго государства стоялъ великій князь, которому, благодаря раннему зарожденію денежнаго хозяйства, удалось быстро справиться съ удѣльно-феодальными порядками. Власть великаго князя постепенно ограничивается аристократіей. Князь управляетъ при посредствѣ рады и сейма. *Рада* соотвѣтствуетъ боярской думѣ (кн. 1-ая, § 153). Въ ея составъ входили лица изъ свѣтской высшей аристократіи, а также католическіе епископы. Въ началѣ періода составъ рады и ея вѣдомство отличались неопредѣленностью. Къ концу періода рада становится юридически опредѣленной политической силой: безъ совѣта съ радой князь не можетъ посылать пословъ, отнимать должностей, производить государственные расходы и судить.

Другой политической силой съ XV в. становится *сеймъ*. Сеймъ выработался изъ областныхъ вѣчевыхъ собраній. Первоначально на сеймъ собирались по преимуществу представители высшей аристократіи, рѣже—представители шляхты. Къ концу XV в. въ сеймахъ участвуютъ наиболѣе крупные землевладѣльцы изъ шляхты. Главные вопросы, которые разсматривались на сеймахъ, были избраніе великихъ князей, заключеніе договоровъ съ иностранными державами и объявленіе войны. Въ 1468 г. сеймъ вмѣстѣ съ великимъ княземъ Казимиромъ выработалъ „Судебникъ". Въ 1492 г. сеймъ ограничилъ власть великаго князя.

До 1386 г. господствующей культурой въ Литовско-Русскомъ государствѣ была русская, болѣе высокая, нежели литовская; государственнымъ языкомъ былъ русскій. Къ XVI в., подъ вліяніемъ развитія денежнаго хозяйства, въ сосѣдней Польшѣ складывается экономическій и общественно-политическій строй съ преобладаніемъ дворянства. Это придаетъ Польшѣ культурный перевѣсъ надъ Литовско-Русскимъ государствомъ. Съ 1386 г. начинается вліяніе на Литовско-Русское государство аристократической польской культуры. По мѣрѣ приближенія къ концу періода вліяніе ея беретъ перевѣсъ надъ вліяніемъ русской культуры.

279. Юго-западная Русь въ XVI и XVII вѣкахъ. XVI-ый и XVII вѣка представляютъ въ исторіи Юго-западной Руси эпоху первоначальнаго развитія денежнаго хозяйства. На ходъ этого развитія особенное вліяніе пріобрѣла Польша. Въ 1466 г. Польша пріобрѣла на Балтійскомъ морѣ портъ Данцигъ

(Гданскъ). Это содѣйствовало развитію ея вывозной торговли продуктами сельско-хозяйственнаго производства. Съ 1569 г. польская шляхта устремляется въ Юго-западную Русь, колонизируетъ удобныя для сельско-хозяйственнаго производства земли и сбываетъ за границу продукты своего производства. Такимъ образомъ, Польша дала Юго-западной Руси толчекъ къ усиленному развитію сельско-хозяйственнаго производства и торговли.

Общественно-политическій строй Юго-западной Руси продолжаетъ развиваться въ прежнемъ духѣ.

1) Аристократія. Шляхта, которой придавало важное хозяйственное значеніе развитіе денежнаго хозяйства, ведетъ борьбу за уравненіе въ правахъ съ высшей аристократіей, панствомъ, и достигаетъ этого. Шляхта и панство объединяются въ строго опредѣленное высшее властвующее сословіе. Изъ двухъ духовныхъ аристократій, православной и католической, послѣдняя пріобрѣтаетъ первенствующее правительственное значеніе, а первая теряетъ свои права и едва не погибаетъ. Въ 1596 г. по Брестской церковой уніи православная церковь соединяется съ католической, и возникаетъ новая духовная аристократія, полу-католическая, полу-православная, признающая главенство папы, Filioque и сохраняющая православные обряды.

2) Крестьянство. Въ 1588 г. крестьянство окончательно прикрѣпляется къ господамъ. Это повело къ усиленному бѣгству крестьянъ въ казачество.

Казачество становится многочисленнымъ промышленно-военнымъ обществомъ, занимающимъ территорію по нижнему теченію Днѣпра. Казачество Запорожской Сѣчи, „кошъ“, имѣло демократическое устройство: управленіе и судъ находятся въ рукахъ кошевого атамана, есаула, судьи и писаря, которые выбираются казачьей радой. Кошъ дѣлится на отряды, „курени“, во главѣ которыхъ стояли выборные куренные атаманы. Казаки совершали рядъ набѣговъ на Крымъ и на Турцію. Польша, по требованію Турціи, предпринимала противъ казаковъ рядъ мѣръ правительственнаго и военнаго характера.

3) Мѣщанство. По мѣрѣ развитія денежнаго хозяйства положеніе мѣщанства становится хуже: количество податей и повинностей увеличивается.

Къ началу XVI в. нужда аристократіи въ деньгахъ и кредитѣ увеличилась на столько, что правительство вынуждено было вернуть назадъ евреевъ. Они получили обратно свое недвижимое имущество и право взыскать свои старые долги.

Въ политическомъ отношеніи произошли слѣдующія важныя измѣненія. Благодаря Люблинской уніи 1569 г. Литовско-Русское государство окончательно соединилось съ Польшей подъ властью польскаго короля. Король избирается общимъ польско-литовско-русскимъ сеймомъ. Избранный король особой грамотой подтверждаетъ права и привилегіи Польши и Литвы и даетъ присягу въ ихъ соблюденіи. Литовско-русскій сеймъ сливается съ польскимъ въ одинъ сеймъ. Литовско-русская и польская аристократія объединяются въ одно цѣлое правящее польско-литовско-русское сословіе. Въ сеймѣ участвовали представители католической духовной аристократіи.

Съ политическимъ объединеніемъ польско-литовско-русской аристократіи въ Юго-западной Руси перевѣсъ пріобрѣтаетъ польская культура съ польскимъ языкомъ и католической религіей. Этотъ перевѣсъ выразился въ церковной Брестской уніи православной церкви съ католической. Унія должна была послужить переходной ступенью къ окатоличенію и ополяченію всего русскаго населенія. Русская аристократія сначала протестовала противъ уніи и начала съ нею борьбу. Но эта борьба, слабая сама по себѣ, не была въ интересахъ русской аристократіи: въ слѣдующемъ поколѣніи она совершенно подчинилась польской культурѣ, стала католической по религіи и польской по языку. Иначе отнеслись къ перевѣсу польской культуры мѣщанство и крестьянство: для нихъ ея перевѣсъ означалъ усиленіе надъ ними власти аристократіи, и они подняли противъ нея борьбу. Знаменемъ ихъ было православіе.

280. Общественно-политическая и религіозная борьба въ Юго-западной Руси. Общественно-политическая и религіозная борьба въ Юго-западной Руси распадается на слѣдующіе моменты: 1) распространеніе протестантства, 2) католическая реакція, 3) борьба православія съ католичествомъ, 4) Брестская церковная унія и 5) выступленіе казаковъ.

1) Распространеніе протестантства. Въ первую половину XVI в. литовско-русскіе знатные аристократы ѣздили за полученіемъ образованія въ Германію и Швейцарію. Здѣсь они знакомились

съ протестантскими ученіями и заносили ихъ на родину. Ведя борьбу за свободу отъ великокняжеской власти, они съ особеннымъ сочувствіемъ относились къ кальвинизму, который носилъ характеръ боевого демократическаго ученія. Большинство знатнѣйшихъ литовско-русскихъ аристократовъ стало кальвинистами. Они были проникнуты образовательными стремленіями и потому завели цѣлый рядъ школъ, въ которыхъ преподавались св. Писаніе, катехизисъ, грамматика, литература, ариѳметика, исторія, древніе языки, польскій языкъ. Въ этихъ школахъ получали образованіе не только дѣти аристократовъ, но и дѣти изъ среднихъ и даже низшихъ классовъ населенія. Протестантство стало проникать и въ эти классы населенія, но здѣсь оно стало распространяться въ болѣе радикальныхъ формахъ: среди нихъ наибольшій успѣхъ имѣли „социніане" („унитаріи", „антитринитаріи"), отвергавшіе догматъ о св. Троицѣ, божественность Іисуса Христа, искупительное значеніе Его смерти, таинства, обряды и признававшіе обязательность св. Писанія лишь настолько, насколько это допускается разумомъ.

2) Католическая реакція. Распространеніе протестантства встревожило католическое духовенство и польское правительство. Правительство стало принимать противъ него мѣры. Прежде всего рѣшено было протестантскимъ школамъ противопоставить школы католическія. Въ 1523 г. была учреждена должность „схоластика", попечителя Виленской католической школы, которая съ этого времени начинаетъ пріобрѣтать большое значеніе. Затѣмъ польское правительство пригласило на помощь іезуитовъ. Іезуиты открыли рядъ среднихъ школъ—коллегій: въ 1570 г.—въ Вильнѣ, въ 1608 г.—во Львовѣ и т. д. Главнымъ предметомъ преподаванія въ іезуитскихъ коллегіяхъ были латинскій языкъ и латинская литература, очищенная отъ всего того, что въ ней не было согласно съ католическимъ ученіемъ. Коллегіи состояли изъ пяти классовъ. Въ первыхъ двухъ классахъ (infima и grammatica) начиналось усвоеніе латинскаго языка по знаменитому учебнику іезуита Альвара; въ третьемъ классѣ (syntaxis) заканчивалось изученіе грамматики латинскаго языка; въ четвертомъ классѣ (poësis) читались труднѣйшіе латинскіе прозаики и поэты; въ пятомъ классѣ (rhetorica) проходилась теорія краснорѣчія, и ученики занимались стилистическими упражненіями. Въ нѣкоторыхъ коллегіяхъ къ основанымъ пяти классамъ прибавлялись еще

два: философскій, въ которомъ преподавалась философія, преимущественно по Аристотелю, и богословскій, въ которомъ преподавалось богословіе по Ѳомѣ Аквинату. Изъ открытыхъ іезуитами коллегій особенное значеніе пріобрѣла Виленская. Въ 1579 г. Виленская коллегія была преобразована въ высшее учебное заведеніе—въ академію, при которой продолжала оставаться и коллегія: въ концѣ XVI в. и въ первой половинѣ XVII в. въ ней было около 10 профессоровъ и до 600—800 студентовъ. По своей программѣ Виленская академія представляла изъ себя типъ высшаго учебнаго заведенія, сложившагося въ Западной Европѣ въ среднихъ вѣкахъ и напоминающаго Константинопольскую академію. Въ ней преподавались древніе языки, философія, богословіе, каноническое право и еврейскій языкъ. Задача іезуитскихъ школъ заключалась въ томъ, чтобы выработать изъ учащихся убѣжденныхъ католиковъ, борцовъ за католическую религію. Поэтому онѣ развивали въ учащихся діалектическія способности, умѣніе въ спорѣ защитить тотъ или другой догматъ и поставить противника въ такое положеніе, при которомъ онъ не въ состояніи былъ бы возразить; онѣ развивали въ нихъ способность къ ораторскому искусству, чтобы создать краснорѣчивыхъ проповѣдниковъ; онѣ, наконецъ, церковными службами, торжественными церемоніями и процессіями, исповѣдью и постомъ возбуждали и развивали въ учащихся религіозное воодушевленіе.

Іезуитскія школы имѣли громадный успѣхъ, чему въ значительной степени помогло измѣненіе настроенія въ аристократіи. Протестантство могло держаться въ аристократіи лишь до тѣхъ поръ, пока она сама переживала боевое политическое настроеніе; когда же она добилась свободы, ея настроеніе потеряло боевой характеръ и стало склоняться къ консерватизму. Католическая религія была религіей аристократической и по своему характеру вполнѣ соотвѣтствовала аристократическому общественно-политическому строю. Этимъ объясняется то, что протестантизмъ мало-по-малу ослабѣваетъ среди аристократіи и уступаетъ свое вліяніе католичеству.

3) Борьба православія съ католичествомъ. Стало поддаваться католичеству и православіе. Въ средѣ православной части русской аристократіи и въ мѣщанствѣ возникаетъ движеніе, направленное къ тому, чтобы дать отпоръ католичеству и поднять значеніе православія. Изъ среды аристократіи выдѣля-

ются своею дѣятельностью князья Острожскіе, и особенно Константинъ Константиновичъ Острожскій. Послѣдній основываетъ во второй половинѣ 70-хъ годовъ XVI в. среднее учебное заведеніе, въ которомъ преподавателями были греческіе учителя; въ 1602 г. онъ основываетъ другую школу. Въ 1576 г. князь Острожскій открылъ въ г. Острогѣ типографію, въ которой работалъ бѣжавшій изъ Москвы Иванъ Ѳедоровъ (§ 219). Въ этой типографіи были напечатаны Библія, въ основу которой легъ текстъ Геннадіевой Библіи (§ 224), и цѣлый рядъ богослужебныхъ и богословскихъ книгъ. Ревностными защитниками православія оказались также московскіе эмигранты Андрей Курбскій (§§ 251—255), который переводилъ сочиненія отцовъ церкви или содѣйствовалъ ихъ переводамъ, и старецъ Артемій (§§ 245—246), писавшій посланія, въ которыхъ разъяснялъ вопросы православнаго ученія.

Особенно важную роль въ борьбѣ за православіе сыграли братства, въ составъ которыхъ входили по преимуществу мѣщане. Братства возникли, вѣроятно, въ скоромъ времени послѣ принятія христіанства на Руси. Они представляли изъ себя общества прихожанъ данной церкви, цѣль которыхъ состояла въ томъ, чтобы организовывать пиры въ храмовые праздники. Члены братства вносили для этого извѣстную сумму, часть которой поступала въ пользу церкви. Братства оказывали нерѣдко матеріальную помощь бѣднымъ. Въ Юго-западной Руси братства пріобрѣли особенное значеніе съ тѣхъ поръ, какъ православная церковь въ ней лишилась правительственной поддержки благодаря тому, что литовскій князь первоначально былъ язычникомъ, а потомъ сталъ католикомъ: къ братствамъ переходитъ право и обязанность покровительства церкви. Во второй половинѣ XVI в. главное значеніе пріобрѣтаетъ львовское братство. Въ 1585 г. оно заводитъ типографію, а въ 1586 г. открываетъ школу съ славянскимъ языкомъ и греческимъ. Примѣру львовскаго братства слѣдуетъ множество другихъ: виленское, кіевское, слуцкое, могилевское и т. д. Въ то же время братства принимаютъ дѣятельныя мѣры къ поднятію и улучшенію церковной жизни. Это приводитъ ихъ къ столкновенію съ епископами, которое имѣло чрезвычайно важныя послѣдствія.

4) Брестская церковная унія 1596 г. Въ 1588 году церковныя права львовскаго братства были значительно расширены

константинопольскимъ патріархомъ. Пользуясь своими правами, братство стало вмѣшиваться въ дѣла по епархіи и задѣло интересы львовскаго епископа Гедеона Балобана. Это вызвало въ Балобанѣ большое недовольство патріархомъ. Около этого же времени патріархъ поставилъ въ митрополиты Юго-западной Руси Михаила Рагозу, кандидата, выставленнаго не духовенствомъ, а мірянами, что вызвало во всѣхъ епископахъ недовольство патріархомъ. Положеніе дѣлъ осложнилось еще однимъ обстоятельствомъ. Патріархъ, не довѣряя Рагозѣ, далъ слуцкому епископу Кириллу Терлецкому титулъ патріаршаго экзарха и поручилъ ему надзоръ и судъ надъ южно-русскими епископами. Кириллъ Терлецкій добивался у патріарха не экзархата, а митрополичьей каѳедры, вслѣдствіе чего онъ и сталъ питать на патріарха неудовольствіе. Въ 1591 г. Кириллъ Терлецкій, Гедеонъ Балобанъ и нѣкоторые другіе епископы обратились къ королю съ просьбой установить церковную унію православія съ католичествомъ. Эту просьбу поддержали епископъ Ипатій Потій, одинъ изъ главнѣйшихъ поборниковъ уніи, и митрополитъ Рагоза. Въ 1595 г. Терлецкій и нѣкоторые другіе епископы отправились въ Римъ и тамъ признали Filioque, индульгенціи, чистилище и главенство папы. За уніатами было сохранено право соблюдать православные обряды и совершать богослуженіе на славянскомъ языкѣ. Въ 1596 г. въ Брестѣ собрался церковный соборъ съ участіемъ представителей русско-литовской аристократіи. Соборъ раздѣлился на двѣ группы— уніатскую и православную, съ Константиномъ Острожскимъ во главѣ. Ни одна не уступила другой: православная партія съ делегатами отъ патріарха объявила уніатскихъ епископовъ низложенными и передала ихъ проклятію; уніаты, со своей стороны, предали проклятію оставшихся вѣрными православію. Правительство стало на сторонѣ уніатовъ. Православные священники стали подвергаться арестамъ и высылкамъ; братства подверглись преслѣдованію. На мѣсто перешедшихъ въ унію епископовъ новые православные епископы не назначались. Возбужденіе съ обѣихъ сторонъ стало проявляться въ уличныхъ столкновеніяхъ, иногда съ кровавыми развязками. Но побѣда склонялась на сторону уніатовъ. Православная часть русской аристократіи переходитъ постепенно въ католичество: сыновья такихъ поборниковъ православія, какъ Константинъ Острожскій и Андрей Курбскій, стали ревностными католиками. Мѣ-

щанство само по себѣ было безсильно въ борьбѣ за православіе. Въ началѣ XVI в. православіе, казалось, переживало послѣдніе годы своего существованія въ Юго-западной Руси.

5) Выступленіе казачества. Въ этотъ критическій для православія моментъ на помощь мѣщанству явилась военная сила казаковъ. Въ 1620 г. на окраинѣ Юго-западной Руси, въ Кіевѣ, подъ охраной казаковъ возстановляется православная іерархія. Правительство вынуждено было терпѣть ее. Съ этого времени центромъ просвѣтительнаго движенія въ Юго-западной Руси становится Кіевъ. Борьба за православіе продолжается при помощи школъ, литературы и вооруженной силы казаковъ.

Въ 1632 г. сеймъ разрѣшилъ православнымъ имѣть особаго митрополита и четырехъ епископовъ и утвердилъ права церковныхъ братствъ, школъ и типографій. Въ кіевскіе митрополиты былъ выбранъ Петръ Могила.

Въ срединѣ XVII в. казаки при содѣйствіи малорусскаго крестьянства поднимаютъ подъ предводительствомъ Богдана Хмельницкаго огромное возстаніе. Польша вынуждена была двинуть противъ нихъ свои лучшія силы. Въ борьбу Польши съ казачествомъ вмѣшалась Москва, которая объявила Польшѣ войну. Въ 1667 г. по Андрусовскому миру съ Польшей къ Москвѣ переходитъ лѣвобережная (къ востоку отъ Днѣпра) часть Юго-западной Руси съ городомъ Кіевомъ.

281. Кіево-Могилянская коллегія. Школы, основанныя братствами, представляли изъ себя среднія учебныя заведенія, программа которыхъ была близка къ іезуитскимъ коллегіямъ. Въ нихъ преподавались грамматика, піитика, реторика, логика и діалектика, изученіе которыхъ сопровождалось прохожденіемъ св. Писанія, сочиненій отцовъ церкви, отрывковъ изъ произведеній философскихъ, историческихъ и поэтическихъ; изъ языковъ преподавались славянскій и греческій; рѣже къ нимъ присоединялся латинскій языкъ.

Первымъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ была Кіево-Могилянская коллегія, основанная въ 1631 г. Петромъ Могилой († 1646).

Петръ Могила былъ сынъ румынскаго воеводы. Онъ получилъ образованіе въ парижскомъ университетѣ. Въ молодости Могила служилъ въ польскихъ войскахъ. Въ 1625 г. Могила, 30-ти лѣтъ отъ роду, постригся въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ. Обративъ на себя вниманіе строгимъ образомъ

жизни, образованностью, богатствомъ и обширными связями, Могила выбранъ былъ въ архимандриты монастыря, а потомъ и въ митрополиты.

Понимая, что братскія школы слишкомъ слабы для веденія борьбы за православіе, Петръ Могила рѣшилъ на свои средства основать въ Кіевѣ высшее учебное заведеніе. Прежде всего необходимо было подготовить для будущаго учебнаго заведенія педагогическій персоналъ. Для этого Могила отправилъ въ западно-европейскія учебныя заведенія нѣсколько молодыхъ людей. Узнавъ о намѣреніи Могилы, кіевское Богоявленское братство, которое имѣло среднюю „школу эллино-славянскаго и латино-польскаго письма", упросило его взять подъ свое покровительство эту школу. Петръ согласился и въ 1631 г. преобразовалъ ее въ коллегію, получившую потомъ названіе Кіево-Могилянской *) Въ 1701 г. эта коллегія получила названіе Кіевской Академіи.

Кіево-Могилянская коллегія по своей программѣ была копіей съ католическихъ академій. Въ ней проходилось два курса наукъ: низшій (congregatio minor) и высшій (congregatio major).

Курсъ низшихъ наукъ былъ распредѣленъ на шесть классовъ: два подготовительныхъ („фара" и „инфима"), въ которыхъ воспитанники обучались чтенію и письму на славянскомъ, греческомъ и латинскихъ языкахъ и грамматическому разбору; четыре среднихъ—классъ грамматики, гдѣ проходилась грамматика всѣхъ трехъ языковъ; классъ синтаксимы, гдѣ упражнялись въ переводахъ съ славянскаго на греческій и латинскій и наоборотъ; классъ піитики (поэтики), гдѣ ученики упражнялись въ составленіи стиховъ и проходили теорію поэзіи, и классъ реторики, въ которомъ упражняли воспитанниковъ въ составленіи рѣчей и писемъ и развивали въ нихъ гибкость мышленія, умѣніе ловко справляться со всевозможными вопросами.

Курсъ высшихъ наукъ распадался на два класса: 1) классъ философіи, въ которомъ проходили по Аристотелю діалектику, излагавшую правила искуснаго мышленія и особенно правила

*) Петръ Могила преобразовалъ Богоявленскую школу въ академію, принявъ за образецъ католическую академію въ Краковѣ; но правительство не разрѣшило ему назвать преобразованную школу академіей.

доказательства, силлогизма (умозаключенія), логику, излагавшую правила примѣненія діалектики къ частнымъ случаямъ, физику, излагавшую систему мірового строя, и метафизику, излагавшую внутреннія скрытыя основы мірового строя; 2) классъ богословія, самый важный классъ, курсъ котораго проходился въ четыре года; въ этомъ классѣ проходилось богословіе, т.-е. основы религіи по средневѣковой системѣ Ѳомы Аквината, излагавшей основныя понятія христіанскаго ученія по правиламъ діалектики и логики Аристотеля, а также гомилетика, излагающая правила составленія проповѣдей.

Въ отличіе отъ братскихъ школъ, въ которыхъ главное значеніе придавалось греческому языку, въ Кіево-Могилянской коллегіи первенствующее значеніе получилъ языкъ латинскій: на латинскомъ языкѣ преподавались всѣ науки, за исключеніемъ славянской грамматики и катехизиса. Учащіеся обязаны были даже говорить между собою на латинскомъ языкѣ, и администрація коллегіи принимала энергичныя мѣры для осуществленія этого требованія. Выдвигая впередъ латинскій языкъ, Петръ Могила руководился тѣмъ значеніемъ, которое имѣлъ латинскій языкъ въ Польскомъ государствѣ: это былъ языкъ польской церкви и польскихъ школъ, польской дипломатіи, польскихъ государственныхъ актовъ и даже польской литературы. Заставляя воспитанниковъ коллегіи тщательно усваивать латинскій языкъ, онъ вырабатывалъ изъ нихъ борцовъ, равныхъ католикамъ, потому что давалъ имъ въ руки то самое оружіе, которымъ владѣли противники. Русскіе мѣщане, на первыхъ порахъ, не поняли, какое значеніе имѣло усиленное преподаваніе латинскаго языка. Они вообразили, что въ коллегіи собираются облатынить ихъ дѣтей, и подняли волненіе. Съ трудомъ удалось руководителю коллегіи успокоить взволнованный народъ. Пришлось писать въ защиту латинскаго языка сочиненіе, въ которомъ проводилась мысль, что знаніе латинскаго языка необходимо для практическихъ цѣлей: когда бѣдный русинъ попадаетъ въ трибуналъ, или на сеймъ, или въ уѣздный городской судъ, ему безъ латыни приходится плохо: онъ не понимаетъ ни судьи, ни стряпчаго и смотритъ то на одного, то на другого, безсмысленно вытаращивъ глаза.

Цѣль коллегіи состояла въ томъ, чтобы подготовить опытныхъ и искусныхъ борцовъ за православіе. Поэтому преподаваніе въ коллегіи, какъ и въ іезуитскихъ школахъ, носило

формальный характеръ: оно стремилось научить воспитанника хорошо владѣть языкомъ, устно и письменно, придать его умственнымъ способностямъ гибкость, сдѣлать изъ него діалектика, человѣка умѣющаго ловко пользоваться разсужденіями противника для защиты догматовъ православной вѣры. Для достиженія этой цѣли воспитанниковъ постоянно упражняли въ составленіи сочиненій на заданныя темы; устраивали между воспитанниками диспуты, частные и публичные, на богословскія темы, причемъ одинъ воспитанникъ защищалъ богословскую тему съ католической точки зрѣнія, а другой долженъ былъ разбить его съ точки зрѣнія православной; упражняли ихъ въ составленіи проповѣдей, причемъ сами преподаватели для примѣра въ воскресные и праздничные дни произносили по очереди свои проповѣди.

Благодаря серьезности и продолжительности курса Кіево-Могилянской коллегіи, изъ нея вышелъ рядъ выдающихся дѣятелей на литературно-научномъ поприщѣ.

Воспитанники Кіево-Могилянской коллегіи происходили большею частью изъ низшихъ или среднихъ классовъ и были круглыми бѣдняками. Они содержались въ бурсѣ, особомъ пансіонѣ при коллегіи.

282. Схоластика и ея значеніе въ исторіи русскаго просвѣщенія. Основы курса низшихъ и высшихъ наукъ, вошедшихъ въ программу Кіево-Могилянской коллегіи, были положены еще въ Византіи. Съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями этотъ курсъ сталъ въ средніе вѣка господствующимъ въ западно-европейскихъ школахъ. Онъ извѣстенъ подъ именемъ „схоластики“ (отъ латинскаго слова schola, что значитъ „школа“). Въ среднихъ вѣкахъ схоластика имѣла громадное вліяніе на міровоззрѣніе образованнаго общества. Она исходила изъ признанія двухъ авторитетовъ: авторитета св. Писанія и авторитета сочиненій Аристотеля. Основнымъ авторитетомъ своимъ, не подлежащимъ никакой критикѣ, схоластика признавала св. Писаніе: въ св. Писаніи черезъ сверхъестественное откровеніе даны всѣ истины, доступныя человѣку; нѣтъ истинъ, которыя могли бы быть получены изъ другихъ источниковъ. Аристотель былъ вторымъ авторитетомъ схоластики: у него она особенно цѣнила сочиненія по діалектикѣ и логикѣ, изъ которыхъ она почерпала правила мышленія и разсужденія; она пользовалась этими правилами для построенія

богословія; истины, данныя черезъ откровеніе, она обосновывала и доказывала соображеніями разума; она дѣлала ихъ такимъ образомъ не только пріемлемыми при посредствѣ вѣры, но и убѣдительными для разума.

Съ открытіемъ Кіево-Могилянской коллегіи къ намъ переходитъ средневѣковое схоластическое направленіе, которое сыграло важную роль въ исторіи русскаго просвѣщенія.

Во-первыхъ, схоластическое направленіе принесло съ собою серьезный и разнообразно составленный курсъ словесныхъ и философскихъ наукъ, сложившійся въ Западной Европѣ. Благодаря этому курсу у насъ впервые возникаетъ среднее и высшее образованіе.

Во-вторыхъ, до появленія у насъ схоластики высшая ступень умственнаго развитія достигалась только при помощи самообразованія, благодаря самостоятельному чтенію наиболѣе распространеннаго въ данное время круга книгъ. Эту ступень развитія могли достигать, даже при счастливыхъ условіяхъ, лишь немногіе даровитые люди. Съ появленіемъ схоластики высшая ступень умственнаго развитія достигается черезъ школу, посредствомъ систематическаго изученія съ ранняго возраста, по учебникамъ, опредѣленной группы наукъ. Высшее развитіе становится доступнымъ всякому желающему учиться и не лишенному способностей юношѣ.

Въ-третьихъ, схоластика своимъ курсомъ наукъ воспитывала въ опредѣленныхъ строгихъ рамкахъ молодую русскую мысль и дисциплинировала ее.

Въ-четвертыхъ, требуя доказательства всякаго положенія, схоластика развивала въ русскомъ человѣкѣ критическую мысль и создавала потребность примѣнять ее всюду.

Литература Юго-западной Руси.

283. Литература Юго-западной Руси. Литература Юго-западной Руси распадается на два отдѣла: на 1) прозаическую и 2) поэтическую.

Прозаическая литература.

284. Прозаическая литература Юго-западной Руси. Исторія прозаической литературы Юго-западной Руси находится

въ тѣсной связи съ ея просвѣщеніемъ и распадается на три періода: 1) подготовительный, 2) греко-славянскій и 3) латино-славянскій.

285. Подготовительный періодъ. Подготовительный періодъ въ исторіи юго-западной прозы начинается въ концѣ XV в. и продолжается до 80-хъ гг. XVI в.

Къ концу XV в. Юго-западная Русь была крайне бѣдна и источниками и средствами просвѣщенія.

Юго-западная литература состояла по преимуществу изъ книгъ богослужебныхъ, изъ немногихъ разрозненныхъ библейскихъ книгъ и изъ нѣкоторыхъ апокрифовъ. Но и въ этихъ книгахъ ощущался недостатокъ. Библіотекъ, даже при монастыряхъ, почти не было. Общество Юго-западной Руси сознало этотъ недостатокъ, и выдающіеся представители его старались устранить его.

Первымъ дѣятелемъ въ этой области былъ нѣкій Швайполтъ Фѣоль, „мѣщанинъ краковскій, изъ нѣмець, нѣмецкаго рода". Въ 1490—1491 гг. Фѣоль напечаталъ въ Краковѣ первыя славянскія книги: 1) „Осмогласникъ", 2) „Часословецъ", 3) „Псалтирь съ возслѣдованіемъ", 4) „Тріодь постную" и 5) „Тріодь цвѣтную".

Но особенно выдающимся дѣятелемъ былъ „въ лѣкарскыхъ наукахъ докторъ" Францискъ Скорина.

Біографическія свѣдѣнія о Францискѣ Скоринѣ скудны. Скорина родился въ Полоцкѣ около 1490 г., а умеръ, вѣроятно, въ началѣ 40-хъ гг. XVI в. По своему происхожденію онъ принадлежалъ къ богатой купеческой фамиліи. Свое окончательное образованіе Скорина получилъ за границей. Въ Богеміи, именно въ Прагѣ, Скорина началъ свою типографско-издательскую дѣятельность (1517), а около 1525 г. онъ перенесъ свою дѣятельность въ Вильну.

Первой книгой, которую напечаталъ Скорина въ 1517 г. была Псалтирь, ставшая прототипомъ огромнаго количества изданій „Учебной Псалтири". Въ началѣ своего изданія Скорина помѣстилъ предисловіе, въ которомъ говоритъ объ особенныхъ достоинствахъ Псалтири сравнительно съ другими книгами Ветхаго Завѣта.

Каждая изъ священныхъ книгъ,—разъясняетъ издатель,—учитъ одному чему либо: „Книги закона", напр., учатъ достигать вѣчной жизни, „Притчи" учатъ добрымъ обычаямъ,

и т. д. „Псалтырь же сама едина вси тые речи в собѣ замыкаеть, и всѣхъ тыхъ учить и все проповѣдуеть. Суть бо в ней псалмы, яко бы сокровище всихъ драгыхъ скарбовъ, всяки и немощи духовныи и тѣлесныи уздравляють, душу и смыслы освѣщають, гнѣвъ и ярость усмиряють, миръ и покой чинять, смутокъ и печаль отгоняють, чювствіе в молитвахъ дають, людей в пріязнь зводять, ласку и милость укрѣпляють, бѣсы изгоняють, ангелы на мощь призывають. Псаломъ есть щитъ противъ бѣсовскымъ нощнымъ мечтаніемъ и страхомъ, покой деннымъ суетамъ и работамъ, защититель младыхъ и радость, старымъ потѣха и пѣсни, женамъ набожьная молитва и покраса, дѣтемъ младымъ початокъ всякое доброе наукы, дорослымъ помноженіе въ науцѣ, мужемъ мощное утверьженіе... И что есть, чего въ псалмахъ не найдешь? Нѣсть ли тамъ величества Божия и хвалы его? Тамъ есть справедливость, тамъ есть чистота душевная и тѣлесная, тамъ есть наука всякое правды, тамъ мудрость и разумъ досконалный, тамъ есть милость и друголюбство безъ льсти... И видечи таковые пожиткы въ такъ малой книзѣ, я, Францишекъ Скорининъ сынъ съ Полоцька, въ лѣкарскыхъ наукахъ докторъ, повелѣлъ есми Псалтырю тиснути рускыми словами, а словенскымъ языкомъ... къ пожитку посполитого доброго, наиболѣи съ тое причины, иже мя милостивый Богъ съ того языка на свѣтъ пустилъ“... Въ концѣ предисловія Скорина указываетъ на особенности своего изданія, состоявшія въ томъ, что онъ напечаталъ параллельныя къ псалмамъ мѣста изъ другихъ книгъ св. Писанія, на поляхъ давалъ объясненія непонятныхъ церковнославянскихъ словъ, а самые псалмы раздѣлилъ на стихи. „Положилъ есми нѣкоторые на сторонцахъ в сеи Псалтыри главы з разныхъ книгъ, а то для того, абы знакомито было, иже вси иные светые писма (страницы священныхъ книгъ) згожаются (сходятся) съ Псалтырею, и одно на другое светчить. А то чтучи въ тыхъ книгахъ, ихже суть главы на боцѣхъ (на поляхъ) подписаны, знайдете. Также положилъ есми на боцѣхъ нѣкоторыи слова для людей простыхъ, не рушаючи самое Псалтыри ни в чем же, яко суть: онагри и геродеево жилище, и хлябіе, и иные слова, которыи суть въ Псалтыри неразумныи простымъ людемъ, — найдуть е на боцѣхъ русскимъ языкомъ, что которое слово знаменуеть. Тоже раздѣлилъ есми вси псалмы на стихи по тому, яко ся въ иныхъ языцѣхъ дѣлить“...

Изслѣдованіе Псалтири Скорины привело къ убѣжденію, что текстъ перевода ближе всего подходитъ къ тексту Псалтири въ Геннадіевой Библіи 1499 г.

За Псалтирью послѣдовало изданіе другихъ библейскихъ книгъ: „Книги Іова“, „Притчей Соломона“, „Книги Іисуса сына Сирахова“, „Книги Пѣснь Пѣсней“, „Екклесіаста царя Соломона“, „Книги Премудрости Божіей“, „Книги Іисуса Навина“, „Четырехъ книгъ Царствъ“, „Книги Бытія“, „Исхода“, „Левита“, „Числъ“, „Второзаконія“, „Книги Судей Израилевыхъ“, „Книги Руѳъ“, „Книги Іудиѳъ“, „Книги Есѳирь“, „Плача пр. Іереміи“, „Книги пр. Даніила“. Каждая изъ этихъ книгъ начинается предисловіемъ. Наиболѣе обширное и любопытное предисловіе находится въ „Книгѣ Бытія“: въ немъ издатель характеризуетъ значеніе Библіи для нравственной и умственной жизни людей.

„Библіа греческимъ языкомъ,—пишетъ издатель,—по-руски сказуется книги... Можете тымъ именемъ называти вся книги Ветхаго и Новаго закону для достойности его, понеже Библія зуполная все то въ собѣ замыкаеть... Добре Григорей Великій учитель вселенскій о сей книзѣ пишетъ, глаголя: Святое писмо всѣ иныя науки превышаеть, понеже, еда бываетъ чтено, подъ простыми словы замыкаеть тайну. И тако младенцемъ и людемъ простымъ есть наука, учителямъ же и людемъ мудрымъ—подивленіе. Яко рѣка дивная мелка, по ней же агнецъ брести можеть, а глубока слонъ убо пливати мусить. Въ сей книзѣ всее прироженое мудрости зачало и конець. Богъ вседержитель познаванъ бываеть. Въ сей книзѣ вси законы и права, ими же люде на земли справоватися имають, пописаны суть. Въ сей книзѣ вси лѣкарства душевные и тѣлесные зуполне (сполна) знайдете. Ту навченіе (наученіе) философіи добронравное, яко любити Бога для самого себе и ближнего для Бога имамы. Ту ѣправа всякого собранія людского и всякого града, еже вѣрою соединеніемъ ласки и згодою посполитое доброе помножено бываеть. Ту наученіе седми наукъ вызволеныхъ *) достаточное. Хощеши ли умѣти грамматику, или, по-рускы говорячи, грамоту, еже добре чести и мовити учить,—знайдеши въ зуполной Библіи Псалтыру: чти ее. Так ли ти ся любить раз-

*) Подъ семью свободными науками разумѣлись: 1) грамматика, 2) логика, 3) реторика, 4) географія, 5) ариѳметика, 6) астрономія и 7) музыка.

умѣти лонку, она же учить з доводом розознати правду отъ кривды,—чти книгу светого Іова, или посланія св. ап. Павла. Аще ли же помыслиши умѣти риторику, еже есть красномовность, чти книги Соломоновы, а то суть три науки словесные. Восхощеш ли пакъ учитися музыки, то есть пѣвници, премножество стиховъ и пѣсней светыхъ по всей книзѣ сей знайдеши. Любо ли ти есть умѣти аритметику, еже во кратцѣ, а не омылне считати учить, четвертыи книги Моисеевы часто чти. Такъ ли же имаши пред очима науку геометрію, еже поруски сказуется землемѣреніе, чти книги Іисуса Навина. Естъ ли астрономіи или звѣздочети, найдешь на початку книги сее о сотвореніи солнеца и мѣсеца и звѣздъ. Найдешъ во Іисусѣ Наувинѣ, яко стояло солнеце на единомъ мѣстѣ за цѣлый день. Знайдешъ во книгахъ Царствъ, иже солнеце воспять поступило неколико ступневъ. Знайдешъ во св. Евангеліи о новосотворенной звѣздѣ часу нароженія нашего Спасителя Іисуса Христа. Болѣе во истинну чудиться превеликой Божіей моци мусимъ, нежели учитися. А то суть седмъ наукъ вызволеныхъ".

Переходя къ отдѣльнымъ библейскимъ книгамъ, издатель говоритъ, что въ книгахъ Судей и Маккавеевъ читатель узнаетъ „о военныхъ" и „богатырскихъ дѣлѣхъ", въ „Книгѣ Іисуса Сирахова" и въ „Притчахъ Соломоновыхъ" онъ найдетъ „науку и мудрость добрыхъ нравовъ", въ „Книгѣ Юдиѳь"—высвобожденіе отчизны", и т. д.

Переводъ библейскихъ книгъ Скорина сдѣлалъ по Чешской Библіи 1506 г., но при этомъ онъ пользовался также текстами церковно-славянскихъ переводовъ отдѣльныхъ библейскихъ книгъ.

Съ половины XVI в., типографіи, открываемыя въ имѣніяхъ частныхъ лицъ, при братствахъ и монастыряхъ, начинаютъ выпускать книгу за книгой.

Въ то же время появляются новые дѣятели, которые занимаются переводами важнѣйшихъ книгъ церковной литературы. Однимъ изъ такихъ дѣятелей былъ князь Андрей Курбскій (§§ 251—255), которому принадлежатъ переводы цѣлаго ряда сочиненій отцовъ церкви, а именно: 1) „Новый Маргаритъ", сборникъ сочиненій Іоанна Златоуста, 2) „Небеса" Іоанна Дамаскина, 3) „Богословіе" Дамаскина, 4) „Діалектика" Дамаскина, 5) „Діалогъ" патр. Геннадія, и др.

Въ основанныхъ на средства кн. К. К. Острожскаго типо-

графіяхъ былъ напечатанъ рядъ книгъ богослужебныхъ, полемическихъ и нравоучительныхъ. Но особенно важную услугу просвѣщенію Юго-западной Руси оказала острожская типографія изданіемъ Библіи на славянскомъ языкѣ въ 1580 и въ 1581 гг.: „Библіа сирѣчь Книгы Ветхаго и Новаго Завѣта по языку словенску". Въ основу этой Библіи легъ текстъ Геннадіевой Библіи, присланной въ спискѣ изъ Москвы. Но этотъ текстъ былъ предварительно подвергнутъ тщательному пересмотру и исправленію на основаніи сличенія другихъ славянскихъ списковъ одной и той же книги съ греческимъ переводомъ: были возстановлены пропуски, были устранены постороннія вставки, было приведено въ порядокъ раздѣленіе на главы, было исправлено чтеніе собственныхъ именъ, и т. д. Замѣченныя латинскія уклоненія Геннадіевой Библіи были, благодаря сличенію съ греческимъ текстомъ, устранены. Въ предисловіи къ Библіи, сдѣланномъ отъ лица кн. К. К. Острожскаго, говорится о трудностяхъ, которыя пришлось испытать при изданіи: „...Ни дѣла зачати, ниже дѣлателей, еже творити, на сіе изобрѣтохомъ, ибо и книгъ, глаголемыхъ Вивліа, въ зводъ сего дѣла начальствомъ (въ началѣ) не имѣхомъ... Сего ради посланьми и писаньми своими много странъ далекихъ вселенныя проходя, яко римскія предѣлы, тако и кандійскія островы, паче же много монастырей грецкихъ, сербьскихъ и болгарскихъ даже и до самого апостоломъ намѣстника и всея Церкве Восточныа строенію чиноначальника, пречестнаго Іеремія архіеп. Константина града, новаго Рима..., доидохъ, требуя съ тщаніемъ и моленіемъ прилежнымъ тако людій наказаныхъ въ писаніахъ святыхъ, елинскихъ и словенскихъ, якоже и зводовъ добрѣ и порока всякаго кромѣ свидѣтельствованныхъ. И сицевымъ всесилный Богъ... сподобитимися благоизволи — книгъ бо и книгочій настоящему дѣлу пресвятому по достоанію изобрѣтохъ... Нынѣ же... съвръшеніе спадобихся видѣти..." За предисловіемъ отъ лица кн. Острожскаго слѣдуетъ предисловіе Герасима Даниловича Смотрицкаго, въ которомъ говорится о важности и пользѣ чтенія св. Писанія.

Благодаря дѣятельности такихъ лицъ, какъ Фѣоль, Скорина, князья Острожскіе, князь Андрей Курбскій и др., къ 80-мъ гг. XVI в. Юго западная Русь располагала уже достаточнымъ запасомъ книгъ для самообразованія.

Параллельно умноженію источниковъ просвѣщенія шло разъ-

ясненіе основныхъ пунктовъ православія и защита его противъ католиковъ, протестантовъ и еретиковъ. Выдающуюся роль въ этомъ отношеніи играли такія лица, какъ старецъ Артемій (§ 246), князь Курбскій и иноки нѣкоторыхъ монастырей. Къ концу періода особое значеніе пріобрѣтаетъ Супрасльскій монастырь (въ Гродненской г.), иноки котораго выступали съ полемическими трудами противъ католиковъ и отчасти протестантовъ.

Юго-западная Русь бѣдна была и средствами просвѣщенія. Правильно организованныхъ школъ еще не было: желающіе учились грамотѣ, какъ и въ сѣверной Руси, у „мастеровъ“ и „отцовъ“, на дому. Этотъ недостатокъ былъ сознанъ представителями русскаго общества. „Были на Руси великіе ревнители,—пишетъ въ первые годы XVII в. авторъ „Перестроги“— (§ 286), яжъ много зъ великимъ коштомъ церквей и монастырей намуровали и маетностями опатрили (надѣлили), золотомъ, серебромъ, перлами и дорогими каменями церкви пріоздобили (пріукрасили), книгъ языкомъ словенскимъ великое множество нанесли,—лечъ (но) того, что было наипотребнѣйшее, школъ посполитыхъ (народныхъ), не фундовали“... Особенно рѣзко опредѣлилось значеніе школы, когда литовско-русская аристократія, пройдя черезъ іезуитскія школы, перешла въ католичество и ополячилась. „То вельми зашкодило паньству русскому,—пишетъ тотъ же авторъ,—же не могли школъ и наукъ посполитыхъ разширяти и оныхъ не фундовано: бо коли бъ были науки мѣли, не пришли бъ до таковой погибели. Читаючи кроники польскія, знайдешь о томъ достаточнѣ, якъ поляци русскія паньства пообсѣдали, попріятелѣвшися зъ ними и цурки (дочерей) своя за русиновъ давши, чрезъ нихъ свои обычаи оздобные и науку укоренили,—Русь, посполитовавшись (сдружившись) съ ними, позавидѣла ихъ обычаямъ, ихъ мовѣ и наукамъ, и не маючи своихъ наукъ, въ науки римскія дѣти давати почали, которые зъ науками и вѣрѣ ихъ навыкли. Такъ по малу малу науками своими все паньство руськое до вѣрѣ римской привели, потомкове княжатъ русскихъ зъ вѣры православной на римскую выкрестились и назвиска и имена себѣ поотмѣняли, якобы николи не зналися быти потомками благочестивыхъ прародителей своихъ“...

Когда въ русскомъ обществѣ Юго-западной Руси сознаніе необходимости школъ назрѣло, его представители немедленно

стали открывать ихъ. Такъ къ концу подготовительнаго періода создалось въ Юго-западной Руси могущественнѣйшее средство просвѣщенія—школа.

286. Греко-славянскій періодъ. Греко-славянскій періодъ начинается съ 80-хъ гг. XVI в. и продолжается до 40-хъ гг. XVII в. Періодъ этотъ называется такъ потому, что, *во-первыхъ*, въ юго-западныхъ школахъ въ это время преобладающее значеніе имѣлъ греческій языкъ, а *во-вторыхъ*, и само юго-западное просвѣщеніе, въ основахъ своихъ, носило въ это время греческій характеръ.

Въ подготовительномъ періодѣ много было сдѣлано для подъема южно-русскаго просвѣщенія: было переведено и издано много книгъ, были открыты элементарныя и среднія школы. Но все это, сравнительно съ источниками и средствами просвѣщенія, которыми располагали противники, было еще слабо. Самый языкъ церковно-славянскій казался бѣднымъ сравнительно съ польскимъ и особенно съ латинскимъ языкомъ.

Польскій іезуитъ Петръ Скарга въ своемъ сочиненіи „O jedności kościoła Bożego“ („О единствѣ церкви Божіей“, 1577) такъ высказывался о церковно-славянскомъ языкѣ: „Еще не было на свѣтѣ академіи, гдѣ бы философія, богословіе, логика и другія свободныя науки преподавались по-славянски. Съ такимъ языкомъ нельзя сдѣлаться ученымъ. Да и что это за языкъ, когда теперь никто не понимаетъ писаннаго на немъ? На этомъ языкѣ нѣтъ ни грамматики, ни реторики, да и быть не можетъ. Сами священники православные не понимаютъ теперь этого языка и спрашиваютъ объясненій по-польски. Благодаря славянскому языку, у православныхъ нѣтъ другихъ школъ, кромѣ самыхъ элементарныхъ, для обученія чтенію. Этимъ и ограничивается вся ихъ наука. Отсюда—общее невѣжество и заблужденія. Да и естественно: со славянскимъ языкомъ выходитъ, что слѣпецъ слѣпца водитъ“...

Такія указанія и нападки противниковъ, въ связи съ приближеніемъ церковной уніи, дѣйствовали на юго-западное русское общество возбуждающимъ образомъ. Явилась потребность собрать всѣ свои умственныя и нравственныя силы, сосредоточить ихъ, выковать сильное оружіе и обратить его на противниковъ. Такое собираніе и сосредоточеніе силъ начинаетъ происходить къ концу XVI в. въ Кіево-Печерской Лаврѣ. Архимандриты Лавры, особенно Елисей Плетенецкій (1599—

1624), образуютъ около себя кружки ученыхъ иноковъ, созданныхъ новой школой, и поручаютъ имъ завѣдываніе изданіями Лавры. Къ числу этихъ иноковъ относятся слѣдующія лица, оказавшія южно-русскому просвѣщенію громадныя услуги: Лаврентій Зизаній Тустановскій, Памва Берында, Захарія Копыстенскій и др.

Благодаря школѣ, новые дѣятели оказались лучше вооруженными для защиты православія, нежели тѣ лица, образованіе которыхъ основывалось на одномъ только чтеніи книгъ. Но и въ греко-славянскомъ періодѣ, наряду съ дѣятелями, получившими школьное образованіе, продолжаютъ выступать и самоучки.

Дѣятельность представителей обоихъ типовъ образованія выразилась въ обширной литературѣ, которая распадается на слѣдующіе отдѣлы: 1) учебники, 2) полемика, 3) проповѣдь и 4) богословіе.

1) **Учебники.** Первые учебники и учебныя пособія зародились въ братскихъ школахъ. По уставу этихъ школъ учителя обязаны были составлять для учениковъ по нѣкоторымъ предметамъ записки. Вѣроятно, подобные записки и послужили основой для первыхъ учебниковъ. Наряду съ школьными учебниками появляется рядъ пособій, изъ которыхъ нѣкоторыя выходятъ за предѣлы узкихъ школьныхъ требованій и имѣютъ общеобразовательное значеніе.

Къ учебной литературѣ, созданной въ эпоху греко-славянскаго просвѣщенія, относятся слѣдующія произведенія:

а) „*Кграмматика словеньска языка*“, которая была напечатана въ Вильнѣ въ 1586 г. Въ „Послѣсловіи“ къ учебнику сообщаются слѣдующія свѣдѣнія объ этомъ изданіи: „Бога благаго благодатью, а за прозбою жителей столицы Великаго Князства Литовскаго града Вильни, сія кграматыка словеньска языка з газофилакіи (сокровищницы) славнаго града Острога, властное отчизны ясьне вельможнаго... пана Константина Константиновича..., з щедроблиное его милости ласки выдана для наученія и вырозумѣнья божественнаго писанія“... Эта грамматика, повидимому, представляетъ воспроизведеніе статьи, которая приписывалась Іоанну Дамаскину, подъ заглавіемъ „О осми частѣхъ слова“, и такимъ образомъ является грамматикой не славянскаго языка, а греческаго, съ формами котораго отъ времени до времени авторъ сопоставляетъ формы

славяно-русскаго языка. Поля грамматики изобилуютъ заголовками на латинскомъ языкѣ. Это служитъ доказательствомъ, что въ Виленской братской школѣ преподавался латинскій языкъ.

б) „Ἀδελφότης. *Граматика доброглаголиваго еллино-словенскаго языка совершеннаго искуства осми частей слова*“, напечатанная во Львовѣ въ 1591 г. Это — краткая грамматика греческаго языка на греческомъ и славянскомъ языкахъ, составленная, подъ руководствомъ Арсенія, преподавателя греческаго языка, „отъ различныхъ грамматикъ спудейми, иже въ Лвовской школѣ“. Въ „Извѣщеніи“, которымъ открывается грамматика, сообщается слѣдующее: „...Изобразихомъ вамъ, о любоучащійся христоименителей роде россій, со всякимъ опаствомъ еллино-словенскимъ языкомъ зложенную грамматику, юже издаемъ въ общую вамъ пользу“. Грамматика опредѣляется такъ: „Грамматика есть художество, учащее насъ умная писати и яко къ кому мѣрительно или числительно вещественна, съ разсужденіемъ повѣдающа“; грамматика есть „художество зрителное и дѣятельное, еже благоглаголати и благописати учащее насъ“; грамматика есть „искусство при творцѣхъ и исписателѣхъ яко на мнозѣ глаголаемыхъ писмо, еже являетъ твореніе и исписаніе“... Составители дѣлятъ грамматику на четыре части: „орѳографію, просодію, етимологію и синтаксисъ, сирѣчь—правописаніе, припѣваніе, православіе и съчиненіе“... О пользѣ изученія грамматики составители говорятъ слѣдующее: „Сія бо есть первая ключъ, отверзаяй умъ разумѣти писанія, отъ нея же, по степенехъ всю лѣствицу, по чину ученій, трудолюбивіи достизаютъ діялектики, риторики, мусики, ариѳметики, геометріи и астрономіи; и сими же седми, якоже нѣкимъ съсудомъ разсужденія, почерпаемъ источникъ философіи, разумѣвающе же и врачевства; ко благоискуству превосходимъ всесовершеннаго богословія“...

в) „*Грамматика словенска съвершеннаго искуства осми частій слова и иныхъ нуждныхъ новосъставленна L. Z.*“ (т.-е. Лаврентіемъ Зизаніемъ Тустановскимъ), напечатанная въ Вильнѣ въ 1596 г. Эта грамматика составлена въ разговорной формѣ, съ примѣсью словъ и выраженій мѣстнаго, южно-русскаго языка. Грамматику авторъ опредѣляетъ, какъ „извѣстное вѣжество, еже благоглаголати“ и писати; „грамматика есть певное вѣдане, же бысмы добре мовили и писали“. Грамматика Л. Зизанія дѣлится на тѣ же

части, что и предыдущая. Въ ней, между прочимъ, излагаются правила для составленія стиховъ по образцу греческаго метрическаго стихосложенія.

Къ Грамматикѣ Л. Зизанія приложены: 1) „Выкладъ (толкованіе) молитвы Господней и 2) „Лексисъ", краткій словарь славянскаго языка.

г) „Лексисъ, сирѣчъ реченія, вкратцѣ събранны и из словенскаго языка на простый рускій діялектъ истолкованы L. Z". Это — опытъ лексическаго и отчасти энциклопедическаго словаря, въ которомъ объяснены въ алфавитномъ порядкѣ болѣе 1000 словъ — церковно-славянскихъ, иностранныхъ, иногда отвлеченныхъ. Нѣтъ въ „Лексисѣ" объясненій собственныхъ именъ. Свои объясненія Л. Зизаній даетъ словами малорусскими или польско-русскими.

Примѣры: *Акриды*, вершки деревяные, путя и тыжъ коники.—*Благочестіе*, богобойность, побожность, набоженство.—*Воинъ*, жолнеръ.—*Время*, часъ.—*Гусли*, арфа, лютни, скрыпица.—*Демонъ*, бѣсъ, чортъ.—*Изящство*, выборность.—*Искусство*,—умѣетность, свѣдомость. — *Кощунство*, жартъ. — *Неясыть*, по-грецку пелеканъ, птахъ есть въ Египтѣ, подобный бусюлови. — *Папа*, тато, отецъ, попъ. — *Храбрый*, мужный, дужій.—*Художество*, ремесло.

д) „Грамматики славянскія правилное синтагма, потщаніемъ многогрѣшнаго мниха Мелетія Смотрискаго, въ коіновіи братства церковнаго Виленскаго", напечатанная въ Евю (недалеко отъ Вильны) въ 1619 г. Въ предисловіи подъ заглавіемъ „Учителемъ школьнымъ" Мелетій Смотрицкій († 1633) излагаетъ планъ обученія учениковъ: „Дѣткамъ учитися починаючимъ букварь, — пишетъ авторъ,— звыкле рекши Алфавитарь, з той же грамматики вычерпленный, абы склоненіями грамматичными и лѣтъ дѣтинныхъ з мовою заразъ навыкали, до наученя подаваный нехай будетъ. По Часословѣ и зась Псалтыри (которыи опусканы быти не маютъ) выучению ся овая грамматика з выкладами, то есть з показованемъ и уживанемъ ей пожитковъ наступитъ"... Грамматика Смотрицкаго была лучшей среди другихъ учебниковъ и пользовалась большой популярностью до появленія грамматики Ломоносова (1755). Въ ней впервые сдѣлана попытка выдѣлить изъ практиковавшагося того славяно-русскаго литературнаго языка языкъ церковно-славянскій и изложить его формы въ

отличіе отъ формъ живого русскаго языка. Мелетій Смотрицкій, при тогдашнемъ состояніи знаній, не имѣлъ возможности произвести это выдѣленіе научно; но и то, что онъ сдѣлалъ, имѣло огромное значеніе для его времени: онъ привелъ въ порядокъ грамматическій матеріалъ церковно-славянскаго языка, находившійся въ хаотическомъ состояніи, положилъ конецъ нестротѣ правописанія, устранилъ произволъ въ удареніяхъ.

е) „*Грамматика албо сложеніе писмена, хотящимъся учити словеньскаго языка младолѣтнымъ отрочатомъ*“, неизвѣстнаго автора (нѣкоторые изслѣдователи считаютъ авторомъ Мелетія Смотрицкаго), напечатанная въ Вильнѣ въ 1621 г. Это—родъ букваря, по которому учили дѣтей грамотѣ и элементарнымъ правиламъ грамматики. На заглавной страницѣ „Грамматики“ находится картина, на которой изображены классъ и учитель, порющій ученика розгами. Обученіе азбукѣ по „Грамматикѣ“ ведется такъ: азъ, буки, вѣди, онъ, будеши ты, будетъ той, будива мы два, будимо со мною; и т. д. Въ концѣ азбуки приводятся примѣры для объясненія страдательнаго залога. Просодія объясняется на примѣрахъ: бу́ди и буди́, ва́рите и вари́те, и т. д. Орѳографія указана въ алфавитномъ спискѣ словъ. Въ „Грамматикѣ“ помѣщены также наставленія дѣтямъ о благочестіи, кротости и „повиненіи“. Родителямъ и учителямъ даются такія совѣты: „Къ вамъ, отцы и учители, тако глаголимъ: не отымай отъ дѣтища твоего казни, безуміе бо есть привязано въ сердцы отрочате. Жезломъ же наказанія изжениши его; дѣтищу, иже даютъ волю его, напослѣдокъ посрамитъ матерь свою; аще ли накажеши его желомъ, не умретъ отъ того. Ты бо жезломъ біеши его, душу же его отъ ада избавиши; аще ты въ юности накажеши его, а онъ упокоитъ тебе на старость твою“. За этими наставленіями слѣдуютъ притчи Соломона, изреченіе изъ „Премудрости“ Іисуса сына Сирахова, поученія Товія сыну и, наконецъ, „Сказаніе, како состави св. Кириллъ философъ азбуку по языку словеньску и книги преведе отъ греческихъ на словенскій языкъ“. „Букварь“ Бурцева, изданный въ Москвѣ въ 1634 г., представляетъ почти буквальную перепечатку этой „Грамматики“.

ж) „*Лексиконъ славено-россскій и именъ тлъкованіе*“ *Памвы Берынды*, напечатанный въ Кіево-Печерской Лаврѣ въ 1627 г. Это — замѣчательнѣйшее произведеніе Юго-западной Руси въ греко-славянскомъ періодѣ.

Памва Берында († 1632), инокъ и „архитипографъ“ Кіево-Печерской Лавры, былъ родомъ изъ Румыніи. Онъ постригся въ Іерусалимѣ. Позднѣе Берында очутился въ Юго-западной Руси, гдѣ работалъ сначала во Львовѣ, въ братской типографіи, и издалъ книжку „На Рождество Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа ершѣ (верши, вирши, стихи) для утѣхи православнымъ христіаномъ“ (1616). Изъ Львова Берында перешелъ въ Кіевъ, въ Кіевско-Печерскую Лавру, гдѣ принималъ дѣятельное участіе въ изданіи книгъ въ качествѣ управляющаго типографіей, переводчика или редактора. Такъ, были изданы слѣдующія книги: „Анѳологіонъ, праздничная минея“ (1619), „Бесѣды Іоанна Златоуста на 14 посланій ап. Павла“ (1623), „Бесѣды Іоанна Златоуста на Дѣянія“ (1624), „Толкованіе на Апокалипсисъ“ Андрея Кесарійскаго (1625), „Отъ Отечника Скитскаго повѣсть удивительна о діаволѣ, како пріиде къ великому Антонію в образѣ человѣчестѣ, хотя каятися“ (1626), „Тріодіонъ, тріодь постная“ (1627), „Поученія аввы Дороѳея“ (1628).

Читая церковно-славянскія книги и работая надъ ихъ изданіями въ теченіе многихъ лѣтъ, Памва Берында наталкивался на цѣлый рядъ словъ, которыя, по его соображеніямъ, должны были оставаться непонятными для обыкновеннаго читателя. Берында, вѣроятно, былъ знакомъ съ отзывомъ Петра Скарги о славянскомъ языкѣ, вѣроятно, сознавалъ, что въ этомъ отзывѣ есть доля справедливости, и съ цѣлью сдѣлать чтеніе церковно-славянскихъ книгъ болѣе доступнымъ, началъ собирать матеріалы для словаря. Тридцать лѣтъ Берында трудился надъ этимъ дѣломъ, и результатомъ его трудовъ былъ обширный „Лексиконъ славено-россій“.

Въ предисловіи къ своему „Лексикону“ авторъ самъ излагаетъ обстоятельства, которыми сопровождался его трудъ, и объясняетъ свою цѣль.

„Пребывая иногда,—пишетъ Берында,—въ дому пресвѣтломъ, любомудрый читателю, благочестивого пана Ѳеодора Балабана, мужа мудрости книгъ божествъныхъ и знающихъ сіа зѣлна (великаго) рачителя, видѣхъ, яко въ своей виѳліоѳицѣ имяше во множествѣ книгъ и Вивліа святаа пятми языки—еврейски, халдѣйски, еллински, латински и сирски, Новый Завѣтъ з толкованми именъ вивлійныхъ, въ Антверпіи типомъ изданная, и събесѣдованми, мене же и прочіихъ славенская Вивліа ис-

правленная издати въжделевъ, святѣйшаго Мелетіа, патріарху александр., писмены съ дары моляше, да послетъ ему Вивлію еллински 70 толк., типомъ или перомъ начертанную, токмо подписомъ руки своей, яко чиста есть отъ блудовъ и измѣнъ иновѣрцовъ, свидѣтельствованную. Между же сими понуди и мене, аще и проста, но туюжде ревность имуща, реченія и имена славенская избирати, аки не у сущу тогда лексикону, развѣ любомудра киръ Лаврентіа Зизаніи, тогда дидаскала, нинѣ же пресвитера, его же и здѣ привнесеніе и исправленіе явственно буди: оттуду убо начало вземъ азъ, егда смрьть моего благодѣтеля тѣмъ и мною запятъ (воспрепятствовала), отъ различныхъ книгъ и трудовъ, паче же отъ толкованіа преп. Максима Святогорца, Мануила Ритора и инѣхъ. Еще же по мнозѣхъ лѣтѣхъ, призванъ къ исправленію Бесѣдъ посланій Апостольскихъ въ типографію, и въ ней дволѣтіе нощеденствуя прилежавъ, произволники (однозначащія слова), на краехъ тамо оставленные, здѣ съ числомъ до листа и нетолкованны нѣкіе вписовавъ, равнѣ творя и отъ Бесѣдъ Дѣяній Апостольскихъ,—сей Лексиконъ събрахъ и съвокупихъ. Видя же отъ могущихъ трудъ сей презираемъ, не инамо но въ поощреніе искуснѣйшимъ и в ползу спудеемъ, благодати Христовой и молитвамъ любви же благодателей ми и презѣлныхъ (превеликихъ) вручився, зане много разорителей и хулниковъ къ сему обрѣтая, помощниковъ же и зидателей, якоже нѣгдѣ речеся, велми мало, къ сему отъ благородныхъ ми въспріатіа худости моея дому не мало истрошивъ (издержавъ), — се типомъ, отъ многихъ кратко събравъ, издаю, яко множайшая оставихъ, утѣшаяся онѣмъ св. Хрисостома: нѣсть, рекша, нѣсть исчерпати когда ума писаній — источникъ бо нѣкій есть, не имѣяй конца“...

Въ „Посвященіи“ „Лексикона“ Берында говоритъ: „Назвиска (названіе) речій и имена власныи (собственныя) людей, горъ, нагорковъ, лѣсовъ, рѣкъ и розныхъ урочищъ, розмаитыхъ (различныхъ) діалектовъ — сирскаго, халдейскаго, еврейскаго, греческаго, латинскаго и власнаго нашего словенскаго вкупу, хоть то не такою, якая бы належала, широкостью згромадивши (собравъ) и тую працу (трудъ) мою, смѣле реку тридцатолѣтнюю хотю, Лексиконъ, по-словенски Реченникъ, а по-латыни Дикціонаръ, назвавши, працею усердною и коштомъ моимъ, ото типомъ на свѣтъ выпущаю“...

Въ основу своего „Лексикона“ Берында положилъ, какъ онъ самъ указываетъ, „Лексисъ“ Л. Зизанія; кромѣ того, онъ почерпалъ матеріалы изъ „Рѣчи жидовскаго языка“ и изъ „Тълкованія неудобь познаваемыхъ въ писаныхъ речемъ“ (§ 241) и изъ другихъ пособій. Заимствуя матеріалы изъ этихъ пособій, Берында обнаруживаетъ извѣстную самостоятельность: заимствуемое онъ, за рѣдкими исключеніями, редактируетъ по своему и дополняетъ новыми обстоятельными толкованіями.

Указанныя пособія не были для Берынды главнымъ источникомъ: большую часть матеріаловъ для своего „Лексикона“ авторъ извлекъ самостоятельно изъ церковныхъ книгъ, печатныхъ и рукописныхъ, на которыя дѣлаются въ „Лексиконѣ“ ссылки. Эти книги слѣдующія: 1) книги св. Писанія—Бытія, Исходъ, Левитъ, Числъ, Іисуса сына Сирахова, Іереміи, 2) сочиненія отцовъ церкви — Кирилла Іерусалимскаго, Василія Великаго, Григорія Богослова, Ефрема Сирина, Іоанна Златоуста, Іоанна Кассіана Римлянина, Кирилла Александрійскаго, Іоанна Лѣствичника, Андрея Критскаго, Каллиста еп. римск., Дороѳея, Ѳеофилакта, Іоанна Дамаскина, 3) сочиненія Іоанна Экзарха Болгарскаго. Никона Черногорца, 4) такія произведенія, какъ „Прологъ“, „Номоканонъ“, „Скитскій патерикъ“, „Патерикъ солов. чуд“., „Маргаритъ“, „Четьи-Минеи“ Макарія и др. Наконецъ, авторъ дѣлаетъ ссылки на Ѳукидида, Аристотеля, книгу Арменопуло и др. соч.

По своему содержанію „Лексиконъ“ Берынды представляетъ переходъ отъ словарей, въ которыхъ преобладаютъ лексическія толкованія, къ словарямъ энциклопедическимъ. Въ немъ толкуется филологическій смыслъ церковно-славянскихъ словъ, нарицательныхъ, отвлеченныхъ и собственныхъ, даются толкованія богословскія, философскія, грамматическія, свѣдѣнія изъ реторики, піитики, естествознанія, миѳологіи и т. д. Къ концу „Лексикона“ приложенъ алфавитный списокъ иностранныхъ словъ съ указаніемъ ихъ значенія. Давая свои объясненія, Берында ссылается нерѣдко на языки еврейскій, греческій, латинскій, а также на сочиненія, въ которыхъ встрѣчаются данныя слова или имена или понятія.

Отличаясь обиліемъ словъ и толкованій, „Лексиконъ“ въ то же время замѣчателенъ тѣмъ, что представляетъ опытъ болѣе научнаго и критическаго отношенія къ предмету, нежели „Азбуковникъ“ (§ 241).

Толкованія свои Берында даетъ при помощи малорусскихъ и польско-русскихъ словъ.

Примѣры:

„*Авель*, чрезъ алефъ: плачъ, скорбь, жалость, плачъ великій, жаловане, мѣсто, которое 12 миль отъ Гадаровъ, на восходѣ солнца лежитъ (далѣе идутъ цитаты изъ Библіи)... Есть и село въ седмомъ Филяделфіи каменю, гдѣ Іефай съ аммонитами валчилъ Авея (опять цитаты). *Авель* черезъ ге на початку: суета, прожность, албо, дыхане; або сирски пара, або каджене, дымъ, або марность (перепутіе), або нѣкчемность. Сынъ Адамль (цитата). *Евель* или *авела*: плачъ. Имя мѣсту (цитата), которое и *Авель*, зри выше, тылко ге есть придано до порушеня“.

Въ „Азбуковникѣ“ объ этомъ же словѣ говорится только слѣдующее: *Авель*—пара“.

Въ „Лексисѣ“ Л. Зизанія этого слова совсѣмъ нѣтъ.

„*Аллигорія*, иновѣщаніе, или иносказаніе (цитаты); фигура, гды иное розумом, иное словы сказуется“ (цитата).

Ни въ „Азбуковникѣ“, ни въ „Лексисѣ“ этого слова нѣтъ.

„*Ариѳметика*, числителнаа, художество, яжъ съчисляти число, наука личбы, хитрость мѣры, фортел рахованя. Пятая наука вызволенаа“.

Въ „Азбуковникѣ“ этого слова нѣтъ; а подъ словомъ „маѳематійскія книги“ составитель „Азбуковника“ причисляетъ „ариѳметикію“ къ отреченнымъ книгамъ (§ 241).

Въ „Лексикѣ“ этого слова нѣтъ.

„*Аспида*, ужъ малый, ѣдовитый змѣй (ссылка на Псалт.), або зміа“ (ссылка на кн. Левитъ).

Въ „Азбуковникѣ“ указывается два значенія этого слова, причемъ второе значеніе, приведенное у Берынды, сопровождается обстоятельнымъ разсказомъ въ духѣ „Физіолога“ (§ 241).

Въ „Лексисѣ“ этого слова нѣтъ.

„*Благочестіе*, богобойность, побожность, доброе о Богу розумѣніе и доброе Его хвалене, набоженство, релѣа“ (ссылка на гл. и ст. Ев. Марка).

Въ „Азбуковникѣ“ этого слова нѣтъ.

Въ „Лексисѣ“ дано такое опредѣленіе: „*Благочестіе*, богобойность, побожность, набоженство“.

„*Изящество*, знаменитость, превышанье, выборность, крѣпость“ (ссылка).

Въ „Азбуковникѣ“ нѣтъ этого слова.

Въ „Лексисѣ“: „*Изящество*, выборность“.

„*Искуство*, мудрость, умѣетность, досвѣдченье, свѣдомость“.

Въ „Азбуковникѣ“ нѣтъ этого слова.

Въ „Лексисѣ“: „*Искуство*, умѣетность, свѣдомость“.

„*Онокентавръ*“, китаврусъ, звѣрь, от головы, якъ чловѣкъ, а отъ ногъ—оселъ“ (ссылка на Григ. Богосл., Вас. Вел., кн. Исаіи).

Въ „Азбуковникѣ“: „*Онокентавръ*, звѣрь китоврасъ, ижъ отъ головы, яко человѣкъ, а отъ ногъ, аки оселъ“.

Въ „Лексисѣ“: „*Онокентавръ*, звѣрь нѣякій отъ головы, якъ человѣкъ, а отъ ногъ, яко оселъ; по-словенску — китоврасъ“.

„*Стихіа*—початки, элемента, якъ земля, вода, воздухъ, огень, с которыхъ то иншее створенье сътворено ест. А называются тежъ стихіами и лѣтеры азбучныи, ижъ з нихъ всѣ книги суть написаны. Стихіа небесныя—съставы въздушныя, небесныи живіолы“.

Въ „Азбуковникѣ“: „*Стихія*, вещь, небо и земля, солнце и луна, вода и воздухъ“.

Въ „Лексисѣ“ нѣтъ этого слова.

„*Храбрый*, моцный, дужій, военный, мужный, валечный, богатыръ, сталый, гойный, хоробрый“.

Въ „Азбуковникѣ“ нѣтъ этого слова.

Въ „Лексисѣ“: „*Храбрый*, мужный, дужій.

„*Художество*, умное, хитрость, ремесло, умѣетность, наука книгъ.

Въ „Азбуковникѣ“: „*Художество*, хитрость ремесла. Худогъ—мудръ“.

Въ „Лексисѣ“: „*Художество*, ремесло“.

„Лексиконъ“ Памвы Берынды имѣлъ огромное значеніе не только для учащихся, какъ учебное пособіе, но и вообще для юго-западнаго русскаго читателя, какъ справочное общеобразовательное пособіе.

2) Полемика. По своему содержанію полемическія сочиненія греко-славянскаго періода носятъ характеръ богословскій, отчасти церковно-историческій и обрядовый. Полемика велась со стороны католиковъ и православныхъ ожесточенно и безпощадно. Въ началѣ полемика православныхъ отличалась безпомощностью и слабостью пріемовъ; авторы полемическихъ

сочиненій безсознательно уклоняются то въ протестантство, то въ католичество. По мѣрѣ распространенія образованія и ознакомленія съ капитальными сочиненіями богословскаго, историческаго и каноническаго содержанія, богословская мысль русскихъ полемистовъ быстро крѣпнетъ и развивается. Русское общество выдвигаетъ изъ своей среды цѣлый рядъ полемистовъ, изъ которыхъ нѣкоторые своими огромными знаніями и искусствомъ полемизировать не уступаютъ своимъ противникамъ.

Начало полемики положено было католиками. Въ 1577 г. польскій іезуитъ Петръ Скарга выпустилъ книгу „O jedności Kościoła Bożego“ („О единствѣ Церкви Божьей подъ единымъ пастыремъ и о греческомъ отступленіи отъ этого единства, съ предостереженіемъ и увѣщаніемъ русскому народу“). Въ дополненіе къ этой книгѣ Скарга издалъ въ 1582 г. другую— „О заблужденіяхъ русскихъ и причинахъ, по которымъ Греція отдѣлилась отъ римской церкви“. Въ 1590 г. обѣ книги были соединены въ одну и выпущены новымъ изданіемъ.

Въ своей книгѣ Скарга доказываетъ, что русская православная церковь допустила рядъ догматическихъ и каноническихъ отступленій отъ первоначальной церкви и что преданія послѣдней во всей своей чистотѣ сохранились въ римской церкви. Отсюда Скарга выводитъ необходимость для православной русской церкви соединиться съ римской. Православная русская церковь находится въ жалкомъ, разстроенномъ состояніи. Греки не въ силахъ оказать ей какую либо поддержку, потому что они сами находятся въ неволѣ, страдаютъ тѣми же нестроеніями и погружены въ невѣжество. Греческіе патріархи о русской церкви не заботились и, чтобы легче было обирать русскихъ, съ умысломъ не знакомили ихъ съ науками. Единственнымъ выходомъ для русской православной церкви является возвращеніе къ уніи, заключенной на Флорентійскомъ соборѣ, соединеніе съ римской церковью подъ главенствомъ папы съ сохраненіемъ православныхъ обрядовъ. Въ римской церкви сіяютъ истинная наука и просвѣщеніе. Соединившись съ католиками, русскіе обратили бы свои силы противъ еретиковъ-протестантовъ, привели бы ихъ къ церковному единенію и этимъ содѣйствовали бы уничтоженію ересей въ польско-литовскомъ государствѣ.

Книга Скарги послужила образцомъ для цѣлаго ряда дру-

гихъ полемическихъ сочиненій въ этомъ родѣ изъ среды католиковъ.

Представители православія выступили противъ этихъ книгъ съ слѣдующими произведеніями:

а) „Посланіе до латинъ изъ ихъ же книгъ“. Это посланіе, направленное противъ книги Скарги, вышло изъ стѣнъ Супрасльскаго монастыря въ 1581 г.

Въ исторіи юго-западной полемики „Посланіе до латинъ“ представляетъ новое явленіе: въ отличіе отъ предшествующихъ русскихъ полемистовъ, сужденія которыхъ основывались на легендарныхъ слухахъ и толкахъ о католической церкви, авторъ „Посланія“ обнаруживаетъ уже серьезное знакомство съ ея строемъ и исторіей. Въ этомъ отношеніи „Посланіе“ является предшественникомъ знаменитаго въ исторіи юго-западной полемики „Апокрисиса“.

б) „На богомерзкую, на поганую латину, которыи папежи, хто что въ нихъ вымислили въ ихъ поганой вѣрѣ, сказаніе о томъ“. Это произведеніе вышло тоже изъ стѣнъ Супрасльскаго монастыря и, вѣроятно, принадлежитъ автору „Посланія до латинъ“. Несмотря на безграмотность заглавія, принадлежащаго, быть можетъ, позднѣйшему переписчику, содержаніе „Сказанія“ отличается толковостью. Оно направлено противъ Скарги, который, между прочимъ, въ своемъ сочиненіи доказывалъ „еретичество“ нѣкоторыхъ константинопольскихъ патріарховъ и вообще православнаго духовенства. Авторъ „Сказанія“ доказываетъ еретичество 25 римскихъ папъ.

в) „Ключъ царства небеснаго“ Герасима Смотрицкаго, вышедшій въ 1587 г.

Герасимъ Даниловичъ Смотрицкій († ок. 1594), отецъ знаменитаго Мелетія Смотрицкаго, былъ образованнѣйшимъ человѣкомъ своего времени въ Юго-западной Руси. Своею ученостью Г. Смотрицкій обратилъ на себя вниманіе еще тогда, когда онъ былъ городскимъ каменецкимъ писаремъ, и былъ приглашенъ кн. К. К. Острожскимъ въ Острогъ для участія въ изданіи Библіи. Для этой Библіи Г. Смотрицкій написалъ предисловіе и „вѣрши“ (§ 285).

„Ключъ царства небеснаго“ Г. Смотрицкаго направленъ былъ противъ сочиненія Бенедикта Гербеста, ректора Ярославской іезуитской коллегіи. Защищая православіе, Г. Смотрицкій пользуется, между прочимъ, „Посланіемъ до латинъ“.

г) *„Книжица“ острожскаго клирика Василія*, вышедшая около 1588 г. Эта „Книжица“ состоитъ изъ шести отдѣловъ: 1) „О единой истинной православной вѣрѣ и о святой соборной апостольской церкви, откуда начало приняла и како повсюду распростреся“, 2) объ исхожденіи св. Духа, 3) о первенствѣ римскомъ, 4) объ опрѣснокахъ, 5) о перемѣнѣ въ празднованіи Пасхи, или о календарѣ и 6) о храмахъ и почитаніи иконъ.

д) *„Казанье св. Кирилла, патріархи Іерусалимского, о антихристѣ и знакохъ его, з расширеніемъ науки противъ ересей розныхъ“, Стефана Зизанія Тустановскаго*, изд. въ Вильнѣ въ 1596 г. Это „Казанье“ представляетъ переработку 15-го „оглашенія“ Кирилла Іерусалимскаго, дополненную собственными разсужденіями автора. Авторъ видитъ въ римскихъ догматахъ признаки пришествія Антихриста; Антихристъ, по его мнѣнію, уже пришелъ: это—римскій папа. „Казанье“ вызвало волненіе въ правительственныхъ кругахъ: королевской грамотой Стефанъ Зизаній былъ осужденъ на вѣчное изгнаніе изъ Юго-западной Руси.

По поводу Брестскаго собора 1596 г. вышло два сочиненія: одно изъ среды православной, другое изъ среды католической.

Неизвѣстный авторъ, православный, издалъ въ 1597 г. въ Краковѣ сочиненіе подъ заглавіемъ *„Эктезисъ*, или краткое изложеніе дѣлъ, происходившихъ на помѣстномъ соборѣ въ Брестѣ-Литовскомъ“. Петръ Скарга издалъ въ томъ же году сочиненіе подъ заглавіемъ *„Описанье и оборона събору руского и Берестейскаго“*. Въ обоихъ сочиненіяхъ излагается исторія Брестскаго собора, описывается ходъ засѣданій собора, передается исторія сношеній православныхъ съ католиками и уніатами, излагаются разсужденія, бывшія на соборѣ, и передаются рѣшенія собора. При этомъ, конечно, точки зрѣнія у авторовъ различныя, и соотвѣтственно этому различны ихъ сочувствія и несочувствія. И то и другое сочиненіе не имѣли полемическаго характера. Но они, особенно сочиненіе Скарги, послужили сильнымъ толчкомъ къ возобновленію полемики.

е) *„Апокрисисъ“ Христофора Филалета.* „Описанье и оборона“ Скарги вызвала противъ себя замѣчательное въ исторіи юго-западной полемики сочиненіе подъ заглавіемъ: „Апокрисисъ, албо отповѣдь на книжкы о соборѣ Берестейскомъ, име-

немъ людій старожитной релѣи греческой, чрезъ Христофора Филалета вѣрихлѣ дана", Вильна, 1597 г.

Христофоръ Филалетъ—псевдонимъ, принятый авторомъ съ цѣлью избѣгнуть репрессій, которыя, какъ онъ предугадывалъ, должны были обрушиться на него. Подлинное имя автора до сихъ поръ еще не установлено. Вѣроятнѣе всего, что это—Христофоръ Бронскій, лицо, близкое къ кн. К. К. Острожскому.

„Апокрисисъ" дѣлится на четыре части:

Въ *первой части* авторъ указываетъ на тенденціозность „Описанья и обороны Берестейскаго собора". Въ доказательство своего указанія авторъ приводитъ посланіе группы православныхъ, въ которомъ заключается протестъ противъ уніатовъ, и даетъ свои комментаріи къ этому посланію.

Во *второй части* авторъ описываетъ и подвергаетъ оцѣнкѣ дѣйствія поборниковъ православія на соборѣ.

Въ *третьей части* авторъ говоритъ о церковномъ „единовластительствѣ" римскихъ папъ.

Въ *четвертой части* авторъ разсматриваетъ нападки Скарги на константинопольскихъ патріарховъ и похвалы, которыя онъ расточалъ уніи.

Въ концѣ „Апокрисиса" авторъ указываетъ населенію Польши и Литвы на опасность, которая грозитъ отъ уніи шляхетскимъ вольностямъ и государству.

Авторъ „Апокрисиса" обнаруживаетъ обширныя и основательныя знанія и полемическое искусство: онъ отлично знакомъ съ книгами св. Писанія, съ сочиненіями отцовъ церкви и даже съ трудами многихъ свѣтскихъ авторовъ древняго и новаго времени; онъ умѣло выдѣляетъ основныя мысли Скарги, группируетъ ихъ по предметамъ, противопоставляетъ имъ соотвѣтствующіе пункты православнаго ученія, а затѣмъ опровергаетъ доводы, которыми Скарга подтверждаетъ свои мысли.

„Апокрисисъ" произвелъ сильное впечатлѣніе, съ которымъ католики и уніаты не могли не считаться

Въ 1599—1600 гг. они выпустили противъ „Апокрисиса" возраженіе подъ заглавіемъ „*Антиррисисъ*", или „Отписъ". Авторъ „Антиррисиса" не можетъ скрыть своего раздраженія: онъ обвиняетъ Христофора Филалета въ протестанствѣ и въ цѣломъ рядѣ ересей; вся книга Филалета, по словамъ автора,—сплошная ложь: „самъ дьяволъ,—негодуетъ авторъ,—выползши

изъ ада, не могъ бы измыслить злѣйшей неправды, чѣмъ Филалетъ".

Книгу Филалета католики и уніаты тщательно разыскивали и подвергали истребленію.

ж) „Перестрога". Въ скоромъ времени послѣ 1606 г. изъ среды православныхъ вышло новое историко-полемическое сочиненіе подъ заглавіемъ *„Перестрога"* („Предостереженіе"), авторъ котораго до сихъ поръ еще не установленъ: раньше предполагали, что это—нѣкій львовскій священникъ, присутствовавшій на Брестскомъ соборѣ, а теперь склонны думать, что это—человѣкъ свѣтскій, Юрій Рогатинецъ, видный представитель Львовскаго братства, принимавшій дѣятельное участіе въ современныхъ церковныхъ дѣлахъ и извѣстный также, какъ писатель.

Предметомъ „Перестроги" является вопросъ о происхожденіи уніи.

„Перестрога"—весьма важный въ историческомъ отношеніи трудъ: въ немъ можно найти рядъ указаній на обстоятельства, предшествовавшія и сопровождавшія унію, и рядъ замѣчаній, характерныхъ для личности его автора. Авторъ, напр., нападаетъ на современное ему высшее духовенство въ Юго-западной Руси за его небрежное отношеніе къ церковнымъ дѣламъ и къ паствѣ, отмѣчаетъ отсутствіе у православныхъ достаточнаго количества школъ и низкую степень образованія, хотя въ то же время онъ вооружается противъ „мудрости свѣтской", противъ „Аристотелевой науки", „поганской науки" и вообще „внѣшнихъ наукъ". Любопытно указаніе автора на производившіяся католиками систематическія изъятія изъ обращенія церковно-славянскихъ книгъ: „Въ самомъ Краковѣ корунномъ,—пишетъ авторъ,—и въ костелахъ римскихъ книгъ словенскихъ великими склепами знайдешь замкненыхъ, которыхъ въ свѣтъ не выпустятъ; также есть и во Львовѣ у мниховъ-доминиковъ склепъ великій книгъ нашихъ словенскихъ учительныхъ до купы вознесенныхъ"...

з) „Ѳриносъ" и другія полемическія сочиненія Мелетія Смотрицкаго. Мелетій Смотрицкій, авторъ знаменитой „Грамматики", былъ въ то же время даровитѣйшимъ полемистомъ.

М. Смотрицкій (1577—1633), сынъ Герасима Смотрицкаго, получилъ образованіе въ Виленской іезуитской коллегіи. Въ началѣ XVII в. Смотрицкій попалъ за границу и здѣсь,

въ Германіи, слушалъ лекціи въ нѣкоторыхъ университетахъ. По возвращеніи на родину Смотрицкій постригся въ иноки и сдѣлался учителемъ школы въ Евю (близъ Вильны). Около этого времени началась литературная дѣятельность Смотрицкаго, выразившаяся прежде всего въ полемическихъ трудахъ противъ враговъ православія. Изъ этихъ трудовъ наиболѣе замѣчательны слѣдующіе:

α) *„Θриносъ*, т.-е. Плачъ единой вселенской восточной церкви“ Θеофила Орѳолога, напечатанный на польскомъ языкѣ въ Вильнѣ, въ 1610 г. Въ этомъ произведеніи яркими красками изображается бѣдственное положеніе православной церкви въ Литвѣ и вѣроотступничество ея дѣтей. Издавая свой трудъ, М. Смотрицкій принялъ рядъ предосторожностей: скрылъ свое авторство за псевдонимомъ Θеофила Орѳолога и даже выдалъ выпущенный трудъ за переводъ съ греческаго и славянскаго языка на польскій.

„Θриносъ“ Смотрицкаго вызвалъ два возраженія, одно— Скарги, подъ заглавіемъ „Предостереженіе Руси греческой вѣры противъ Плача Θеофила Орѳолога“ (1610), а другое— уніата Ильи Мороховскаго, подъ заглавіемъ „Утѣшеніе, или утоленіе плача Восточной церкви Θеофила Орѳолога“ (Вильна, 1612). И Скарга, и Мороховскій съ ожесточеніемъ обрушились на Θеофила Орѳолога, называя его ученикомъ Лютера и Кальвина. Кромѣ того, были приняты противъ книги и мѣры государственнаго порядка: король издалъ приказъ конфисковать все изданіе и сжечь, отобрать у Виленскаго братства, напечатавшаго книгу, типографію, печатниковъ, автора и корректора арестовать и посадить въ тюрьму. Полиція нашла въ типографіи только нѣсколько экземпляровъ. Автора разыскать не удалось, а пострадать пришлось „корректору“ Леонтію Карповичу, который былъ арестованъ и посаженъ въ тюрьму.

Смѣлая защита православія обратила вниманіе русскаго общества на М. Смотрицкаго, и онъ былъ сдѣланъ епископомъ Полоцкимъ и Могилевскимъ. Въ этомъ санѣ Смотрицкій продолжалъ свою литературную дѣятельность.

β) *„Оправданіе невинности“*. Въ 1620 г. было воздвигнуто іезуитами и уніатскимъ епископомъ Рутскимъ гоненіе на православныхъ епископовъ, поставленныхъ патріархомъ. Это послужило поводомъ къ новому труду М. Смотрицкаго, который вышелъ въ 1620 г. подъ заглавіемъ: „Верификація,

или оправданіе невинности и опроверженіе мнѣній, унижающихъ русскій народъ". Въ этомъ сочиненіи авторъ защищаетъ исконную свободу православія въ Юго-западной Руси.

„Оправданіе" вызвало возраженіе со стороны Рутскаго, подъ заглавіемъ „Двойная вина".

Противъ „Двойной вины" Смотрицкій выпустилъ въ 1621 г. „Оборону оправданію".

Рутскій выпустилъ противъ „Обороны оправданія" „Критику обороны", на которую Смотрицкій отвѣтилъ двумя сочиненіями, выпущенными въ 1622 г.: „Прибавленіе къ Оборонѣ оправданія" и „Обличеніе ѣдкихъ сочиненій".

Въ 1623 г. произошло событіе, произведшее переворотъ въ жизни и судьбѣ Смотрицкаго: въ Витебскѣ былъ убитъ православными уніатскій епископъ Іосафатъ Кунцевичъ. По повелѣнію короля убійцы Кунцевича были подвергнуты смертной казни. Былъ заподозрѣнъ въ подстрекательствѣ къ убійству и М. Смотрицкій. Смотрицкій испугался, покинулъ родину и отправился въ путешествіе на Востокъ, гдѣ пробылъ три года. Отсюда онъ поѣхалъ въ Римъ, гдѣ сдѣлался уніатомъ. Получивъ отъ папы номинальный титулъ архіепископа Іеропольскаго, Смотрицкій вернулся на родину (1627) и поселился въ Дерманскомъ монастырѣ, на Волыни. Съ этого момента начинается новый періодъ литературно-полемической дѣятельности М. Смотрицкаго.

γ) *„Апологія путешествія"*. Въ 1628 г. Смотрицкій выпустилъ во Львовѣ на польскомъ языкѣ сочиненіе подъ заглавіемъ „Апологія путешествія на Востокъ". Въ этомъ сочиненіи авторъ выступаетъ поборникомъ уніи и осуждаетъ свои прежніе труды, выпущенные въ защиту православія. По поводу этого сочиненія Смотрицкій былъ приглашенъ православными въ Кіевъ на соборъ епископовъ. Смотрицкій явился и выразилъ раскаяніе. Принявъ раскаяніе Смотрицкаго, соборъ предалъ его книгу проклятію и актъ проклятія опубликовалъ подъ заглавіемъ *„Аполлія (Уничтоженіе) Апологіи"* (1628). Но Смотрицкій выразилъ раскаяніе только внѣшнимъ образомъ. Вернувшись съ собора, онъ составилъ возраженіе на „Аполлію" и выпустилъ его подъ заглавіемъ „Протестація противъ Кіевскаго собора 1628 года" (1628). Послѣ этого возгорѣлась полемика между православными и Смотрицкимъ.

Въ 1628 г. слуцкій протоіерей Андрей Мужиловскій выпустилъ *„Antidotum (Противоядіе) противъ Апологіи"*.

Въ отвѣтъ на это сочиненіе Смотрицкій выпустилъ въ томъ же году новую книгу подъ заглавіемъ „*Экзетесисъ, или Расправа между Апологіею и Антидотумомъ*“, въ которомъ онъ нападаетъ не только на Мужиловскаго, но и на всю православную церковь, называетъ константинопольскаго патріарха Кирилла Лукариса кальвинистомъ, а православныхъ епископовъ Юго-западной Руси—еретиками, наемниками, невѣждами и т. д. и призываетъ православныхъ принять для собственнаго блага унію.

Кромѣ „Расправы“ Смотрицкій написалъ еще нѣсколько возраженій своимъ противникамъ, подъ заглавіемъ „Письма къ отцу Борецкому и другимъ“ (1628), „Паренесисъ (увѣщаніе) къ Виленской братіи“ (1629) и др. Въ „Паренесисѣ“ Смотрицкій ставитъ на видъ Виленскому братству ничтожность просвѣтительныхъ результатовъ виленской братской школы. Эта школа,—говоритъ Смотрицкій,—несмотря на крупные расходы, представляетъ изъ себя „узкую щель“, сквозь которую едва протискиваются ученики; отъ этой школы въ теченіе столькихъ лѣтъ, какъ отъ камня—ни воды, ни огня. На этомъ основаніи Смотрицкій призываетъ къ единенію съ Римской церковью, которая и школы подыметъ и дастъ хорошихъ проповѣдниковъ.

и) „Палинодія“ Захаріи Копыстенскаго. Захарія Копыстенскій († ок. 1627) былъ родомъ изъ перемышльскихъ дворянъ. Образованіе онъ получилъ, повидимому, во львовской братской школѣ, а затѣмъ расширилъ его самостоятельнымъ чтеніемъ. Важную роль сыграло въ исторіи его образованія путешествіе, предпринятое съ научною цѣлью въ Валахію (область Румыніи) и, вѣроятно, въ другія сосѣднія страны. Возвратившись на родину, Копыстенскій сдѣлался членомъ Кіевскаго братства. Литературно-научная дѣятельность Копыстенскаго начинается съ 1617 г.: въ этомъ году вышелъ въ Кіевѣ „Часословъ“, одно изъ предисловій котораго принадлежитъ перу „архидіакона“ Захаріи Копыстенскаго. За этимъ трудомъ послѣдовали новые: „Книга о вѣрѣ“ (1619), направленная по-преимуществу противъ протестантовъ, „Бесѣды І. Златоуста на Дѣянія св. апостолъ“ (1624) и др. Незадолго до смерти Копыстенскій былъ избранъ въ архимандриты Кіево-Печерской Лавры.

Главнымъ трудомъ Копыстенскаго является „Палинодія,

или книга обороны каѳолической святой Восточной церкви" (1621—1622). Этотъ огромный трудъ былъ направленъ противъ „Обороны уніи", изданной въ 1617 г. уніатскимъ архимандритомъ Львомъ Кревзою. Въ своемъ трудѣ Копыстенскій обнаруживаетъ такую обширную и разностороннюю эрудицію, которая не имѣетъ ничего равнаго у предшествующихъ писателей. Въ научности метода „Палинодія" не уступаетъ ни „Апокрисису" Филалета, ни сочиненіямъ Смотрицкаго. Вопросъ объ уніи разсмотрѣнъ въ „Палинодіи" съ такой исчерпывающей полнотой, что послѣ Копыстенскаго русская богословская мысль обращается уже къ разработкѣ теоретической стороны въ системѣ православнаго богословія.

Окончивъ „Палинодію", Копыстенскій отдалъ ее для ознакомленія „мудрымъ и во святомъ писаніи бѣглымъ" лицамъ, которыя прочли ее, указали, что подлежитъ исправленію, и одобрили. По неизвѣстной причинѣ „Палинодія" осталась ненапечатанной.

i) „Λίθος" *(Литосъ)*. Въ 1642 г. Кассіанъ Соковичъ, перешедшій изъ православія въ уніатство, издалъ на польскомъ языкѣ книгу подъ заглавіемъ „Ἐπανόρθωσις, или Перспектива (изображеніе) заблужденій, ересей и суевѣрій греко-русской дезунитской церкви, находящихся какъ въ догматахъ вѣры, такъ въ совершеніи таинствъ и въ другихъ обрядахъ и церемоніяхъ". Эта книга состоитъ изъ предисловія и восьми главныхъ отдѣловъ. Въ предисловіи Соковичъ заявляетъ, что цѣль его книги заключается въ томъ, чтобы возбудить въ католикахъ жалость къ русскому народу, желаніе отвлечь русскихъ отъ ихъ заблужденій и привести къ полному единенію со святымъ римскимъ Костеломъ. Въ самой книгѣ авторъ разсматриваетъ семь таинствъ и указываетъ заблужденія и суевѣрія въ православномъ ученіи о таинствахъ, въ ихъ чинопослѣдованіяхъ и во внѣшнемъ порядкѣ ихъ совершенія. Въ послѣднемъ отдѣлѣ своего сочиненія Соковичъ разбираетъ православный церковный уставъ. Все православное ученіе, начиная съ догматовъ и кончая обрядами, Соковичъ подвергаетъ язвительной критикѣ и насмѣшкѣ.

Въ отвѣтъ на книгу Соковича въ 1644 г. былъ напечатанъ кіево-печерской типографіей на польскомъ языкѣ огромный трудъ подъ заглавіемъ „Λίθος, или Камень, брошенный съ пращи истины св. Православной церкви смиреннымъ отцемъ

Евсевіемъ Пименомъ на сокрушеніе лживо-темной Перспективы Кассіана Соковича". Какъ и „Перспектива" Соковича, „Лиѳосъ" состоитъ изъ предисловія и восьми отдѣловъ. Въ предисловіи отецъ Евсевій Пименъ опровергаетъ предисловіе „Перспективы", а въ самой книгѣ разбираетъ по отдѣламъ сужденія Соковича. Пименъ указываетъ, что Соковичъ смѣшиваетъ собственно церковныя постановленія и правила съ мѣстными временными злоупотребленіями. Авторъ „Лиѳоса" готовъ признать, что въ юго-западную русскую церковь дѣйствительно вкрались недостатки, искаженія, злоупотребленія и т. д.; но всѣ они—чисто внѣшняго характера и объясняются тѣмъ бѣдственнымъ положеніемъ, въ которомъ православная церковь находится въ Литвѣ: „заблужденія" и „ереси" православной церкви являются результатомъ уніи.

Отецъ Евсевій Пименъ—псевдонимъ Петра Могилы. „Лиѳосъ" былъ, по всей вѣроятности, коллективнымъ трудомъ, общая редакція котораго принадлежала Петру Могилѣ.

3) Проповѣдь. Въ подготовительномъ періодѣ проповѣди въ Юго-западной Руси почти не было. Если въ этомъ періодѣ и появлялись отъ времени до времени проповѣдники, то проповѣди ихъ представляли по большей части воспроизведеніе проповѣдей, находящихся въ „Златоустахъ", „Измарагдахъ" и тому подобныхъ сборникахъ.

Съ наступленіемъ новаго періода, греко-славянскаго, начинается развитіе юго-западной русской проповѣди. Подъ вліяніемъ успѣха проповѣднической дѣятельности представителей католицизма при русскихъ православныхъ церквахъ учреждается особая должность проповѣдника („казнодѣя"), спеціальностью котораго является составленіе и произнесеніе проповѣдей. Эта должность считалась очень важной. Большинство наиболѣе выдающихся представителей южно-русскаго просвѣщенія прошли черезъ эту должность.

Благодаря учрежденію должности проповѣдника, въ греко-славянскомъ періодѣ является цѣлый рядъ выдающихся проповѣдниковъ, произведенія которыхъ, впрочемъ, большею частью или не дошли до насъ, или дошли въ незначительномъ количествѣ. Къ числу этихъ проповѣдниковъ относятся слѣдующія лица, изъ которыхъ многія прославились также, какъ составители учебниковъ или авторы полемико-богословскихъ произведеній: 1) Стефанъ Зизаній Тустановскій, учитель львовской

братской школы, 2) Лаврентій Зизаній Тустановскій, „св. православной вѣры исповѣдникъ и проповѣдникъ, мужъ благоговѣйный, дидаскалъ и витія, художнаго же еллино-греческаго языка умѣніе и искусство стяжавшій“, братъ предыдущаго проповѣдника, 3) Леонтій Карповичъ († 1620), пострадавшій за напечатаніе „Ѳриноса“, возведенный послѣ освобожденія изъ тюрьмы въ санъ архимандрита Виленскаго Свято-Духова монастыря, а передъ смертью достигшій сана Полоцкаго епископа, 4) Тарасій Левоничъ Земка († 1632), ученый инокъ Кіево-Печерской Лавры, „проповѣдникъ слова Божія и корректоръ въ типографіи монастыря Печерскаго, Кіевскаго“, 5) Мелетій Смотрицкій, 6) Захарія Копыстенскій, 7) Кириллъ Транквилліонъ Ставровецкій, 8) Петръ Могила († 1649), и др.

Изъ перечисленныхъ проповѣдниковъ типичнымъ представителемъ греко-славянскаго періода является Кириллъ Транквилліонъ Ставровецкій († 1646).

Кириллъ Транквилліонъ около 1589 г. былъ учителемъ Львовской братской школы. Около 1592 г. онъ покинулъ ее и удалился въ Вильну, но черезъ нѣсколько лѣтъ снова вернулся въ нее. На старости лѣтъ Кириллъ Транквилліонъ перешелъ въ уніатство и получилъ отъ короля игуменство въ Черниговѣ, гдѣ состоялъ въ этой должности до конца жизни.

Въ 1619 г. Кириллъ Транквилліонъ издалъ „Евангеліе Учительное, албо казаня на недѣля презъ рокъ и на праздники господскіе и нарочитымъ святымъ угодникомъ Божіимъ“. Какъ показываетъ заглавіе, „Евангеліе Учительное“ представляетъ изъ себя сборникъ проповѣдей на воскресные и праздничные дни, расположенныхъ по порядку церковныхъ службъ. Въ сборникѣ имѣется 109 проповѣдей. Въ своихъ проповѣдяхъ Кириллъ толкуетъ догматы православной вѣры или отдѣльныя мѣста св. Писанія. По своему содержанію и построенію проповѣди Кирилла Транквилліона представляютъ подражаніе, часто очень близкое, византійско-славянскимъ проповѣдямъ. Языкъ проповѣдей Кирилла—славяно-русскій, съ примѣсью малорусскихъ словъ, выраженій и оборотовъ рѣчи.

Дополненіемъ къ „Евангелію Учительному“ является другая книга Кирилла Транквилліона, „Перло Многоцѣнное“, напечатанная въ 1646 г., когда авторъ былъ уже уніатомъ. Она состоитъ изъ поученій и виршъ духовнаго и правоучительнаго содержанія въ честь св. Троицы, Божіей Матери,

ангеловъ, святыхъ, апостоловъ, на дни праздничныя Рождества Христова, на Вознесенье, изъ стиховъ на страсти Христовы, изъ плача Богородицы, изъ ряда нравоучительныхъ стиховъ подъ заглавіемъ „лѣкарствъ“, и т. д.

Въ одно время съ проповѣдью греко-славянскаго образца зарождается новый типъ русской проповѣди, являющейся подражаніемъ проповѣдямъ латино-польскаго, схоластическаго образца.

Кириллъ Транквилліонъ такъ говоритъ о новомъ типѣ русской проповѣди въ своемъ „Евангеліи Учительномъ“: „...Око мое видѣло въ родѣ моемъ много таковыхъ человѣковъ обоихъ станувъ, свѣцкого такъ и духовныхъ, которыи удалися за чужими науками и разными постилями (поученіями), противныхъ церкви Божей..., и яко муха на сладости меда, такъ и они на прелестныхъ и спасенію шкодливыхъ (пагубныхъ) утопали...“

Еще рѣзче говоритъ о тяготѣніи русскихъ проповѣдниковъ къ латино-польскимъ образцамъ Мелетій Смотрицкій въ своемъ „Экзетеспсѣ“. Обрушившись на Мужиловскаго, Смотрицкій пишетъ слѣдующее: „Ты говоришь о своихъ: развѣ нѣтъ у насъ мужей мудрыхъ и способныхъ? Знаю хорошо и безъ твоей, антидотистъ, похвальбы, что у васъ мудрыхъ людей и ученыхъ даже съ излишкомъ: только при ихъ заботливости, знаніяхъ и мудрости народъ вашъ такъ тученъ отъ хлѣба слова Божія, что едва въ силахъ пошевелиться для спасенія души своей. О, несчастный мудрый наставникъ! Гдѣ же слѣды вашей мудрости? Чѣмъ хвалишься, кѣмъ превозносишься? То-то мудрыя твои проповѣдники народили тебѣ еретическихъ заблужденій! Если бы не латинскіе сборники проповѣдей, то не спѣшилъ бы ты на каѳедру, ораторъ, и не имѣлъ бы, чѣмъ разубѣдить всѣхъ, софистъ... Цѣлуй Бессія, который научаетъ тебя проповѣдывать съ каѳедры: мнѣ хорошо извѣстно, что безъ него скрипѣли бы твои колеса, какъ у возницы безъ мази... А ты—все-таки мудрецъ, да и твои всѣ: одинъ на каѳедру съ Оссоріемъ, другой съ Фабриціемъ, третій со Скаргою, а иные съ другими проповѣдниками римской церкви, безъ которыхъ вы ни шагу... Въ цѣлой Русской, такой обширной, землѣ вы не имѣете и трехъ ученыхъ, а между тѣмъ хвалитесь, что ихъ тысячи...“

„Сладость меда“ въ латино-польскихъ проповѣдяхъ состояла въ томъ, что авторы ихъ, съ цѣлью разъяснить или развить

свою мысль, или подтвердить свое правоученіе, или возбудить вниманіе слушателей, или даже развлечь ихъ, разсыпали въ своихъ проповѣдяхъ множество свѣдѣній изъ средневѣковыхъ наукъ—исторіи (сводившейся чаще всего къ анекдоту, апокрифу или легендѣ), естествознанія (въ духѣ „Бестіаріевъ", родственныхъ „Физіологамъ"), изъ астрономіи (которая тогда еще была астрологіей). Эти свѣдѣнія, съ нынѣшней точки зрѣнія, часто ошибочныя и фантастическія, въ то время составляли основу средневѣковыхъ наукъ и, такъ или иначе, выводили слушателей изъ круга обычныхъ, обыденныхъ представленій и понятій и возбуждали въ нихъ новые, научные, интересы.

Русская проповѣдь латино-польскаго образца своего высшаго развитія достигла въ слѣдующемъ, латино-славянскомъ періодѣ.

4) Богословіе. Къ богословскимъ произведеніямъ греко-славянскаго періода относятся слѣдующія:

а) „Зерцало Богословія" Кирилла Транквилліона Ставровецкаго. Эта книга вышла въ свѣтъ въ 1618 г. Она представляетъ изъ себя первый русскій опытъ изложенія системы православныхъ догматовъ и дѣлится на три части: въ *первой* части идетъ рѣчь о Богѣ, во *второй* — о мірѣ въ его четырехъ видахъ (невидимомъ, т.-е. ангельскомъ, видимомъ, т.-е. о небѣ и землѣ, человѣческомъ и „злосливомъ", т.-е. о мірѣ зла, гдѣ царствуетъ діаволъ), въ *третьей*—о будущей жизни, раѣ и адѣ.

б) „Катехизисъ" Лаврентія Зизанія. Лаврентій Зизаній, составивъ свой „Катехизисъ", отправился съ рукописью его въ Москву (1626) и, представивъ ее патріарху Филарету, авторъ „билъ челомъ, государю, святѣйшему патріарху, чтобы ее исправити". Патріархъ отдалъ рукопись на просмотръ игумену московскаго Богоявленскаго монастыря Ильѣ и книжному справщику Григорію. Послѣдніе сдѣлали въ рукописи поправки, и послѣ этого рукопись, одобренная патріархомъ, была напечатана (1627). Несмотря на это „Катехизисъ" не былъ выпущенъ въ свѣтъ.

в) „Православное исповѣданіе вѣры". Этотъ монументальный трудъ былъ составленъ по иниціативѣ и подъ руководствомъ Петра Могилы. Оконченный въ 1640 г., онъ былъ представленъ въ этомъ же году для просмотра на соборъ, составившійся въ Кіевѣ Соборъ одобрилъ „Исповѣданіе", и Петръ Могила послалъ его въ переводѣ на греческій и латинскій

языкъ въ Константинополь. Въ это время происходилъ соборъ въ Яссахъ, и патріархъ отправилъ рукопись съ „Исповѣданіемъ“ на Ясскій соборъ. Одобренное и этимъ соборомъ, „Исповѣданіе“ было отправлено для подписи восточнымъ патріархамъ. Послѣдніе признали книгу истинной и согласной съ догматами православной Восточной церкви и въ 1643 г. утвердили ее своими подписями.

Однако, „Православное исповѣданіе вѣры“ было напечатано только черезъ 20 лѣтъ въ Амстердамѣ на греческомъ языкѣ. Въ 1685 г. съ этого изданія былъ сдѣланъ въ Москвѣ переводъ на славянскій языкъ, а въ 1696 г. переводъ былъ напечатанъ.

г) „Собраніе короткой науки о артикулахъ вѣры православно-каѳолической христіанской“. Предыдущее сочиненіе требовало продолжительной процедуры разсмотрѣнія прежде, чѣмъ оно могло явиться въ свѣтъ во всеоружіи обязательнаго для всѣхъ православныхъ авторитета. Въ виду этого Петръ Могила напечаталъ въ 1645 г. сокращеніе его подъ указаннымъ выше заглавіемъ. Въ 1649 г. „Собраніе короткой науки“ было, съ нѣкоторыми измѣненіями, напечатано въ Москвѣ. Это сочиненіе извѣстно также подъ названіемъ „Малаго Катехизиса“ Петра Могилы.

Такова въ главныхъ фактахъ и основныхъ чертахъ обширная и разнообразная прозаическая литература греко-славянскаго періода. Въ ея созданіи принимали участіе лица двухъ типовъ образованія, школьнаго, нѣкоторые представители котораго обнаружили огромную эрудицію и замѣчательное развитіе (Христофоръ Филалетъ, Мелетій Смотрицкій, Захарія Копыстенскій, Петръ Могила), и внѣшкольнаго, представители котораго далеко уступаютъ первымъ и въ знаніяхъ и въ пониманіи обсуждаемыхъ ими вопросовъ (острожскій клирикъ Василій, авторъ „Перестроги“). Типичнѣйшимъ и талантливѣйшимъ представителемъ внѣшкольнаго образованія является въ этомъ періодѣ Іоаннъ Вишенскій, дѣятельность котораго особенно хорошо рисуетъ отношеніе въ Юго-западной Руси между старыми и новыми началами въ концѣ XVI и въ началѣ XVII в.

Іоаннъ Вишенскій родился около половины XVI в., вѣроятно, въ городкѣ Вишнѣ въ Галиціи, около Львова. Школьнаго образованія Іоаннъ Вишенскій не получилъ. Онъ самъ объ этомъ заявляетъ, причемъ о школьномъ образованіи пишетъ въ на-

смѣшливыхъ выраженіяхъ: „А о собѣ азъ самъ свидѣтельство даю, яко граматично дробязку не изучих, риторично игрушки не вѣдах, философского высоко мечтательнаго не слышахъ“. Одаренный выдающимися способностями, Іоаннъ Вишенскій усвоилъ современную ему образованность такъ, какъ это дѣлалось вообще до греко-славянскаго періода, т.-е. путемъ усерднаго чтенія опредѣленнаго круга книгъ. Въ молодости Вишенскій, повидимому, былъ членомъ Львовскаго братства, но затѣмъ онъ вышелъ изъ его состава и постригся въ иноки. Нѣкоторое время Вишенскій пребывалъ въ Уневскомъ монастырѣ, а незадолго до Брестскаго собора удалился на Аѳонъ, который манилъ къ себѣ многихъ южно-русскихъ иноковъ-дѣятелей своею святостью и безопасностью. „Вѣси,—пишетъ Вишенскій съ Аѳона своему другу Іову Княгиницкому,—яко Святая гора раю подобна, аеровоздушнымъ чистотнымъ и утѣшительнымъ эфиромъ въ отлученію мира содержима дыхающе: сія и нынѣ никакоже оскудѣ благодать, яже отъ воздуха“. Отсюда, съ Аѳона, Вишенскій посылалъ свои суровыя и краснорѣчивыя посланія, отсюда онъ наносилъ католикамъ и уніатамъ тяжелые удары, не опасаясь подвергнуться гоненіямъ или покушеніямъ на свою жизнь. Противники говорили Вишенскому: „Волно ти мовячи тамъ заочное и въ далекомъ Кутѣ хочже и правдою о нас так безпечне ширмовати; але коли бы еси тутъ былъ, и тобѣ бы есмо тотъ языкъ, яко и Никифору (присутствовавшему на Брестскомъ соборѣ протосинкелу Константинопольскаго патріарха), затворили и прописнути не дали“. На это Вишенскій такъ отвѣчалъ: „Не для далекости от вас будучи я правду смѣле мовлю и правдою вас постигаю, але за правду и умрѣти изволяю, аще Богъ даруетъ. Да знаете и помолѣтеся Богу, да вас сподобит и зраковиднѣ от мене реченное слышати: азъ бо желаю, но еще волѣ Божей на сіе нѣсть. А о себѣ наскаковати безстуднѣ пéски, якоже вы на поповство, безъ волѣ Божей не хощу: научилъ бо ся благоговѣти къ благоговѣнному и отъ онаго повелѣнія ожидати, аще и братская любов православных христіанъ спредѣловъ естественныхъ мя вытягаетъ“. Въ 1605 г. Вишенскій пріѣхалъ съ Аѳона на родину, а въ 1607 г. вернулся обратно. Скончался Вишенскій, вѣроятно, въ 20-хъ гг. XVII в.

Вишенскій написалъ между 1588 — 1614 гг. свыше 15 сочиненій, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательны слѣдующія:

а) „Сочиненіе о заблужденіяхъ римской вѣры“. Въ своемъ сочиненіи Вишенскій сначала опредѣляетъ, что такое прелесть и змѣиная мудрость, а затѣмъ разсматриваетъ вопросы объ исхожденіи св. Духа отъ Сына, о церкви старшей и начальнѣйшей, о начальствѣ римскихъ папъ, о „послѣди быти хотящихъ плодѣхъ латинскихъ“, т.-е. о перемѣнѣ праздниковъ, крестнаго знаменія и т. д., и о чистилищѣ. Въ разрѣшеніи этихъ вопросовъ Вишенскій пользуется „Книжицей“ острожскаго клирика Василія, на котораго самъ ссылается: „Хотѣхомъ,— пишетъ Вишенскій,— о таинственной вечерѣ, календарѣ и прочіихъ премѣненіяхъ ихъ латинскихъ обличительно писати; но занеже видѣхомъ, яко о всемъ томъ довольно Василій отъ божественнаго писаніи написа, его ради оставихомъ о семъ писати: сіе Василіево писаніе испытахомъ извѣстно и увидѣхомъ, яко не отъ своея фантазіи новоизобрѣтеннаго помысла, но отъ божественнаго писанія писа, яже писа“.

Въ этомъ „Сочиненіи“ Вишенскаго интересно изображеніе практическихъ мѣръ, которыя послѣдовательно проводили католики для водворенія въ Юго-западной Руси уніи: „Сице нынѣ латина,— говоритъ Вишенскій,— христіанамъ православнымъ творитъ, отновляюще прежде бывшее идолопоклонство и гоненіе, глаголюще: поклонися папѣ, пріими его календарь новоутворенный, на насъ истины ничтоже не глаголи... Аще же не хощете, то имѣте ихъ и мучите досадами и бѣдами. Вы, войтове, бурмистрове, ландвойтове, власть мірская, градская и повсюду, — не дадѣте Руси ни едино пространство въ жизни ихъ, въ судехъ по Руси не поборайте, паче же и крывдите, въ сусѣдствѣ любви не показывайте, ниже съ ними ся общѣте, паче же ихъ ненавидите; въ купляхъ, торгахъ, ремеслахъ русинъ съ папежникомъ волности единой да не иматъ; въ цехахъ ремесницкихъ русину быти не достоитъ, доколѣ ся не попапежитъ; на власти войтовства и бурмистровства и прочихъ строительствъ отъ русскаго народа да ся не поставляютъ, доколѣ ся у папежа не увѣруютъ. Аще же симъ Руси не досадите и папѣ идолопоклонитися не хощутъ, — набоженство ихъ разорѣте, на праздники стараго календаря звонити не дадѣте, новый же святити и праздновати съ силою понудѣте; аще же и еще не послушаютъ, — сакраментъ Христовъ обезчѣстете, на землю пролейте и ногами попрѣте и потопчѣте, церкви запечатайте и отъ всѣхъ странъ бѣдно творѣте и до-

саждайте, до поне сими бѣдами и досадами повинуются и поклонятся папѣ и костеловѣ римскому; аще же и сими досадами имъ не одолѣете,—въ темницахъ затворяйте и безъ вины вины на нихъ налагайте, бійте, безчестите и убійте во имя наисвятѣйшаго папы!"

б) „Посланіе ко всѣмъ православнымъ жителямъ Юго-западной Руси". Въ этомъ посланіи авторъ перечисляетъ церковно-общественныя нестроенія въ Юго-западной Руси, обличаетъ духовныхъ владыкъ и пановъ въ вѣроотступничествѣ, корыстолюбіи и роскоши и приглашаетъ православныхъ жителей пробивать себѣ путь въ небесное царство терпѣніемъ и благочестіемъ, не возлагая надеждъ на епископовъ.

„Да прокляти будутъ, — пишетъ Вишенскій, — владыки, архимандрити и игумени, которіе монастырѣ позапустѣвали и фолварки себѣ зъ мѣстъ святыхъ починяли и сами только съ слуговинами и пріятельми ся въ нихъ тѣлесне и скотски переховываютъ, на мѣстахъ святыхъ лежачи, гроши сбираютъ, съ тыхъ доходовъ, на богомольцы Христовы, наданыхъ, дѣвкамъ своимъ вѣно готуютъ, сыны одѣваютъ, жоны украшаютъ, слугы умножаютъ, барвы (ливреи) справуютъ, пріятелѣ обогачуютъ, карити зиждутъ, возники сытые и единообразные спрягаютъ, роскошь свою погански исполняютъ. А въ монастырѣ рѣкъ и потоковъ, въ молитвѣ къ небесному кругу текущихъ, иноческаго чина по закону церковному видѣти нѣсть, и мѣсто бдѣнія, пѣсни и молитвы и торжества духовнаго—пси выютъ, гласятъ и ликуютъ!.."

„Владыки безбожные, вмѣсто правила и книжнаго чтенія и поученія въ законѣ Господни, день и ночь надъ статутами и лжею увесь вѣкъ свой упражняютъ и погубляютъ и, вмѣсто богословія и вниманія настоящаго житія, — прелести, хитрости человѣческія, лжи щекарства и прокурацій діавольскаго празднословія и угожденія ся учатъ."

в) „Посланіе ко князю Острожскому и ко всѣмъ православнымъ христіанамъ въ Малой Россіи". Въ этомъ посланіи авторъ выступаетъ противъ римско-католической гордости, совѣтуетъ очистить церковь отъ „прелестей и забобоновъ еретическихъ". Интересны въ посланіи мѣста, гдѣ авторъ вооружается противъ школьнаго образованія, защищаетъ славянскій языкъ и нападаетъ на противниковъ непривлекательнаго по внѣшности русскаго монаха.

„Чи не лѣпше тобѣ,—пишетъ Вишенскій,—изучити Часословецъ, Псалтыръ, Охтоихъ, Апостолъ и Евангеліе съ иншими церкви свойственными, и быти простымъ богоугодникомъ и жизнь вѣчную получити, нежели постигнути Аристотеля и Платона и философомъ мудрымъ ся въ жизни сей звати и въ геену отъити? Разсуди! Милъ ся видитъ—лѣпше есть ани аза знати, только бы до Христа ся дотиснути, которій блаженную простоту любитъ и въ ней обитель собѣ чинитъ и тамъ ся упокоеваетъ“.

„Евангеліе и Апостола въ церкви на литургіи не выворочайте..., книги церковныя всѣ и уставы словенскимъ языкомъ друкуйте. Сказую бо вамъ тайну великую, яко діаволъ толикую зависть имаетъ на словенскій языкъ, же ледво живъ отъ гнѣва, радъ бы его до тщеты погубилъ и всю борбу свою на тое двигнулъ, да его обмерзитъ и въ огиду и ненависть приведетъ. И што нѣкоторіе наши на словенскій языкъ хулять и не любять, да знаешь запевно, яко того майстра дѣйствомъ и рычаніемъ, духа его поднявши, творять. А то для того діаволъ на словенскій языкъ борбу тую маетъ, занеже есть плодоноснѣйшій отъ всѣхъ языковъ и Богу любимійшій; понеже безъ поганскихъ хитростей и руководство, се же есть—кграматикъ, риторикъ, діалектикъ и прочіихъ ихъ коварствъ тщеславныхъ дьявола въ мѣстныхъ простымъ, прилѣжнымъ читаніемъ безъ всякаго ухищренія къ Богу приводитъ, простоту и смиреніе будетъ и Духа Святаго подъемлетъ...“

Защищая русское монашество, Вишенскій переходитъ въ наступленіе на противника и говоритъ: „Подвигъ и борба есть жизнь тая (монашеская), которой ты не знаешь, бо еще еси на войну не выбрався, еще еси доматуръ, еще еси кровоѣдъ, мясоѣдъ, волоѣдъ, скотоѣдъ, звѣроѣдъ, свиноѣдъ, куроѣдъ, гускоѣдъ, птахоѣдъ, сытоѣдъ, сластноѣдъ, маслоѣдъ, пирогоѣдъ; еще еси периноспалъ, мягкоспалъ, подушкоспалъ; еще еси тѣлу угодникъ, еще еси тѣлолюбитель, еще еси кровопрагнитель; еще еси перцолюбецъ, шафранолюбецъ, имберолюбецъ, кгвоздиколюбецъ, кминолюбецъ, цукролюбецъ и другихъ брѣдень горько и сладколюбецъ; еще еси конфектолюбецъ, еще еси чревобѣсникъ, еще еси гортановстекъ, еще еси гортанограталь, еще еси гортаномудрецъ; еще еси дѣтина, еще еси младепецъ, еще еси млекопій. Якъ же ты хочешь бѣду воен-

ника, бьючогося и борючогося, у цицки матерной у дома сидячи, розознати, розсудити?..“

г) „Посланіе къ митрополиту и епископамъ Юго-западной Руси, принявшимъ унію“. Въ этомъ посланіи авторъ обличаетъ епископовъ Юго-западной Руси, принявшихъ унію, въ корыстолюбіи, роскоши, жестокости, гордости, превышеніи власти и оправдываетъ установленный патріархомъ Іереміей нравственный контроль юго-западной церкви надъ ея епископами. Обличая епископовъ, Вишенскій съ особенною силой изображаетъ эксплоатацію ими простого народа.

„Не ваши ли милости,—восклицаетъ Вишенскій,—алчныхъ оголоднѣете и жадными чините бѣдныхъ подданныхъ, той же образъ Божій, што и вы, носячихъ, на сироты церковные и прекормленіе ихъ отъ благочестивыхъ христіанъ наданыхъ лупите и зъ гумна стоги и обороги волочите, сами и зъ своими слуговинами ся прекормлюете оныхъ трудъ и потъ кровавый, лежачи и сѣдючи, смѣючися и граючи, пожираете, горѣлки препущаные курите, пиво троякое превыборное варите и въ пропасть несытнаго чрева вливаете, сами и съ гостьми своими пресыщаете, а сироты церковные алчутъ и жаждутъ, а подданные бѣдные въ своей неволи рочнего обходу удовлѣти не могутъ, зъ дѣтьми ся стискаютъ, оброку собѣ уймутъ, боячися, да имъ хлѣба до пришлого урожаю дотягнетъ!..“

„Не ваши милости ли сами обнажаете изъ оборы конѣ, волы, овцы, у бѣдныхъ подданныхъ волочите дани пѣняжные, дани пота и труда отъ нихъ вытягаете, отъ нихъ живо лупите, обнажаете, мучите, томите, до комягъ и шкутъ (рѣчныхъ суденъ) безвременно зимою и лѣтомъ въ непогодное время гоните..., а бѣдные подданные и день и ночь на васъ трудятъ и мучатъ; которыхъ кровь, силы и праци и подвиги выссавши и нагыхъ въ оборѣ и коморѣ учинивши, вырванцовъ вашихъ, вамъ предстоящихъ, фалюндышами, утрѣфинами и каразіями одѣваете, да красноглядствомъ тыхъ слуговинъ око пакормите; а тые бѣдници подданные и простой сермяжки доброй, чимъ бы наготу покрыти могли, не маютъ...“

д) „Зачапка мудрого латынника съ глупымъ русиномъ въ диспутацію“, написанная подъ псевдонимомъ аѳонскаго инока Христофора. Въ этомъ произведеніи Вишенскій опровергаетъ два мнѣнія Скарги: 1) „греки словенскому языку науки своей не повѣдали“ и 2) „счастливый есть костелъ латинскій, ижъ

всюды, по всѣхъ сторонахъ своего послушества науки и школы фундовалъ". Опровергая эти мнѣнія, Вишенскій высказывается противъ школьной науки.

Мы, „глупая Русь, вашего костела разума и хитрости не хочемъ и на ваше жродло поганскихъ наукъ, которое славу свѣта сего гонитъ, не лакомимося и единитися отъ благочестивые вѣры въ прелестную хотя бы по своей волѣ и хотѣли, але отъ зазренія совѣсти и отъ возбраненія святого апостола Павла, учителя нашего, не можемъ: лѣпше во очію вашу за глупыхъ, нерозумныхъ, простыхъ и ничтоже хитровати въ вѣце семъ не разумѣючихъ, укореныхъ, неразумныхъ и безчещеныхъ отъ васъ быти изволяемо,—только спасенія живота вѣчнаго да наслѣдуемъ, и правду евангельскую и науку апостольскую съ вѣрою прародителей нашихъ до исхода смертного цѣло заховати и съдержати мы сами и потомки наши, вѣдуйте, обѣцуемъ".

„Будьте себѣ мудрыи, латинниче, за своею вѣрою и мудростію, кромѣ насъ, мы жь съ своею вѣрою и апостольскимъ глупствомъ, кромѣ васъ!"...

287. Латино-славянскій періодъ. Латино-славянскій періодъ въ исторіи юго-западнаго просвѣщенія связанъ съ дѣятельностью лицъ, получившихъ образованіе въ Кіево-Могилянской коллегіи. Онъ начинается въ 40-хъ гг. XVII в. и продолжается до конца его. Свое названіе этотъ періодъ получилъ потому, что преобладающимъ языкомъ школы, вмѣсто греческаго, становится латинскій и въ основу юго-западнаго просвѣщенія ложится средневѣковая схоластика.

Главными писателями этого періода были слѣдующія лица: 1) Лазарь Барановичъ, 2) Іоанникій Галятовскій, 3) Антоній Радивиловскій и 4) Иннокентій Гизель.

288. Лазарь Барановичъ. Лазарь Барановичъ (1620—1693), преподаватель и префектъ Кіево-Могилянской коллегіи, впослѣдствіи архіепископъ Черниговскій, извѣстенъ прежде всего своимъ полемическимъ сочиненіемъ „*Новая мѣра старой вѣры*". Это сочиненіе направлено было противъ книги католика Боймы, въ которой излагается ученіе о главенствѣ папы и о Filioque.

Но главнымъ образомъ Лазарь Барановичъ извѣстенъ, какъ выдающійся проповѣдникъ латино-славянскаго періода.

Темы для своихъ проповѣдей Барановичъ заимствовалъ изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, „отъ книгъ псаломскихъ и апостоль-

скихъ". Съ современной жизнью проповѣди Барановича находились въ слабой связи, и потому онѣ интересны не столько своимъ содержаніемъ, сколько формой. Развивая свою тему, ораторъ часто прибѣгаетъ къ символическому параллелизму и къ искусственному толкованію именъ; его слогъ отличается витіеватостью и замысловатостью, обиліемъ метафоръ, сравненій, антитезъ.

Слова и поученія Лазаря Барановича были изданы въ двухъ сборникахъ. Одинъ изъ нихъ, подъ заглавіемъ „Мечъ духовный", былъ изданъ въ 1666 г., а другой, подъ заглавіемъ „Трубы словесъ проповѣдныхъ",—въ 1674 г.

1) „Мечъ духовный". Въ предисловіи авторъ, сообщивъ, о своей тяжкой болѣзни, говоритъ, что выпускаемыя имъ проповѣди проповѣдуются скорѣе со смертнаго одра, нежели съ амвона. По этому поводу авторъ пускается далѣе въ замысловатыя сопоставленія. „Во время болѣзни смертной,—пишетъ авторъ,—вмѣсто амвона для меня былъ уготованъ уже одръ смертный; но Христосъ, воскресившій тезоименитаго мнѣ Лазаря,... еще не отверзъ мнѣ гроба, но отверзъ мнѣ уста, да уста моя возвѣстятъ хвалу его... Тотъ, кто воскресилъ сына единороднаго у матери-вдовы, уже износимаго ко гробу, приступль, коснуся одра и рече: Юноша, тебѣ глаголю—возстани! И сѣде мертвый и начатъ глаголати... Тотъ же Жизнодавецъ коснулся своею благодатіею и моего одра смертной болѣзни и сказалъ: Тебѣ глаголю—возстани! Азъ же возстахъ и началъ глаголати духомъ устъ Его, мечомъ духовнымъ".

Заглавіе своего сборника объясняетъ самъ авторъ.

„Въ сіи, полныя брани времена,—толкуетъ авторъ,—ничто такъ не полезно, какъ мечъ, читатель возлюбленный!.. Самъ Христосъ возвѣстилъ потребность его, сказавъ своимъ ученикамъ: Иже не имать, да продастъ ризу свою и купитъ мечъ! (Лук. XXII, 36). Самъ Христосъ, имѣя въ устахъ своихъ мечъ, управляетъ церковью, какъ кораблемъ. Ученики Господни устрояютъ его плаваніе духовными мечами. Стоящій на мачтѣ архангелъ Михаилъ даетъ ему помощь крилъ своихъ, глаголя: кто яко Богъ? Плыветъ и противный корабль—совѣтъ нечестивыхъ еретиковъ: языкъ ихъ—также острый мечъ, исходящій изъ устъ отца лжи древняго змія. Но не бойтесь сего меча зміина: мечомъ устъ своихъ Христосъ убиваетъ начальника ереси, имѣющаго въ устахъ мечъ зміинъ".

Времена брани, о которыхъ говоритъ Барановичъ, это— времена двоякаго рода брани: войнъ казаковъ и Москвы съ Польшей и духовной брани съ еретиками. Въ „Похвальномъ словѣ Богородицѣ“, написанномъ на тему „отъ всѣхъ насъ бѣдъ свободи“, среди различныхъ бѣдъ міра упоминаются бѣды въ рѣкахъ, не водныхъ, а кровавыхъ, текущихъ въ эти, полныя брани, времена, бѣды отъ магометанъ, которые оскверняютъ церковь, запечатлѣвая свое безумное господство знаменіемъ луны, бѣды отъ лжебратій, которые носятъ имя христіанъ, но не исповѣдуютъ полной истины о Христѣ и держатся отца лжи, древняго змія.

Мечъ, необходимый въ эпоху браней, не таковъ, какъ у апостола Петра, который отсѣкъ ухо Малху: это—мечъ духовный, т. е. глаголъ Божій, паче требующій уха и паче же усѣченное исцѣляющій. Этотъ мечъ духовный, глаголъ Божій, исходящій изъ устъ Христовыхъ, не убиваетъ, но живитъ: не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ. Воюющая церковь даннымъ ей глаголомъ Божіимъ сильнѣе, нежели хлѣбомъ, укрѣпляется на враговъ своихъ. „Потому,—заявляетъ авторъ,—я и подаю сей мечъ духовный, глаголъ Божій, исходящій изъ устъ Божіихъ, на помощь церкви воюющей“.

Въ началѣ своего „Слова о разслабленномъ“ Барановичъ обращается къ слушателямъ съ слѣдующими словами: „Въ нынѣшней проповѣди сотворимъ воспоминаніе о томъ, какъ при купели овчей возставилъ разслабленнаго отъ раслабы агнецъ Іисусъ. Іисусе, исцѣляющій всякій недугъ и всякую язву въ разслабленномъ, исцѣли и мою разслабу въ глаголаніи, а слушателей въ слышаніи!“ Далѣе ораторъ представляетъ іерусалимскую овчую купель образомъ крестной купели, исполненной искупительной крови агнца Христа. Пять притворовъ овчей купели соотвѣтствуютъ пяти ранамъ Христа и грѣшникамъ, больнымъ пятью чувствами. „При сихъ то пяти притворахъ— пяти ранахъ агнца Христа,—говоритъ ораторъ,—возстаютъ здравыми грѣшники, больные всѣми пятью чувствами: тѣ, которые очи имѣютъ и не видятъ нагаго, уши имѣютъ и не слышатъ просящаго, ноздри имѣютъ и не обоняютъ благоуханія Христова, смрада посѣщаемыхъ больныхъ и мертвыхъ, уста имѣютъ и не произносятъ словъ молитвы, сладчайшихъ меда, руки и ноги имѣютъ и не осяжутъ воздѣяніемъ рукъ до неба

и шествіемъ ногъ до церкви, руками не біютъ себя въ перси, не вводятъ страннаго въ домъ свой, ногами не приходятъ въ темницы къ заключеннымъ и не бѣгаютъ отъ грѣховныхъ искушеній". Сообщивъ слушателямъ, что ангелъ, исцѣлявшій при купели, былъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ учителей, Рафаилъ, ораторъ объясняетъ, что это имя означаетъ „врачевство" Божіе.

Въ „Словѣ въ недѣлю самаряныни" проводится параллель между Евой и самарянкой: „Въ тотъ же часъ шестой, въ который первая жена пришла въ рай сорвать плодъ съ дерева и согрѣшила вкушеніемъ, въ тотъ же полуденный часъ шестой приходитъ сія жена самаряныня почерпнуть изъ источника воду, чтобы очистить грѣхъ вкушенія первой жены. Первая жена, пришедшая сорвать плодъ древа въ полдень, прельщена была бѣсомъ полуденнымъ; но сія жена, приходящая въ тотъ же часъ почерпнуть воды изъ источника, угаситъ силу огненную, обрѣтши при семъ источникѣ Іаковлемъ источника Іисуса, могущаго весь адъ угасити..."

Въ „Словѣ въ недѣлю 8-ую по Пятидесятницѣ" Барановичъ, изложивъ чудо объ умноженіи хлѣбовъ, приравниваетъ пять хлѣбовъ къ пяти язвамъ Христа, а двухъ рыбъ—къ двумъ его естествамъ, божескому и человѣческому; въ отношеніи къ людямъ онъ приравниваетъ пять хлѣбовъ къ пяти чувствамъ, а двухъ рыбъ—къ двумъ силамъ человѣческой души, къ разуму и волѣ.

Въ „Словѣ о двухъ слѣпцахъ" авторъ разсматриваетъ двухъ слѣпцовъ, какъ символы тѣла и души, разума и воли и т. д. Тѣло и духъ подобны слѣпцамъ, потому что послѣ грѣхопаденія тѣло потеряло способность зрѣть райскія красоты, а духъ потерялъ способность зрѣть Божьи очи. Разумъ и воля—слѣпцы потому, что разумъ, обладающій свойствомъ постигать свѣтъ истины, и воля, обладающая способностью созерцать красоту блага, были въ раю ослѣплены прельщеніемъ діавола, начальника нечистоты и тьмы.

2) „Трубы словесъ проповѣдныхъ". По основной мысли этотъ сборникъ проповѣдей находится въ связи съ предыдущимъ. „Чтобы сыны восточной воюющей церкви,—говоритъ авторъ въ предисловіи,—усерднѣе служили ей мечомъ духовнымъ, издалъ я трубный звукъ на праздники. Ибо, какъ въ битвахъ воинскій жаръ возбуждается трубами, такъ и для возбужденія жара при духовной брани мы трубимъ трубою въ нарочитые праздники".

Въ „Трубахъ словесъ проповѣдныхъ“ слова и поученія имѣютъ, въ общемъ, тѣ же характерныя черты, что и въ предъидущемъ сборникѣ.

Въ „Словѣ на Воздвиженье“ ораторъ, по поводу словъ канона „О, треблаженное древо, на немъ же распятся Христосъ царь и Господь“, сопоставляетъ упоминаемое здѣсь древо съ „порфиріанскимъ древомъ“ *). „Философы,—говоритъ ораторъ,—имѣютъ въ своемъ саду одно изобильное древо, называемое арборъ порфиріана. Въ саду христіанъ есть древо обильнѣйшее—крестъ Христовъ. Въ порфиріанскомъ древѣ находятся разныя степени: субстанція (существо), корпусъ (тѣло), вивенсъ (живущее), гомо (человѣкъ), индивидуумъ (недѣлимое); тѣ же самыя степени—въ древѣ крестномъ“. Ораторъ перечисляетъ эти степени. Такъ, напр., понятіе „человѣкъ“, какъ подчиненное понятію „живого существа“, ораторъ видитъ въ словахъ Пилата о Христѣ: „Се человѣкъ!“ Низшее понятіе („индивидуумъ“) онъ видитъ въ надписи на крестномъ древѣ: „Іисусъ Назареянинъ, Царь Іудейскій“.

Въ „Словѣ на Богоявленіе“ Барановичъ уподобляетъ грѣхи разнымъ звѣрямъ: гордость—льву, лихоимство—киту, гнѣвъ—волку, объяденіе—медвѣдю, зависть—псу, лѣность—ослу, нарушеніе супружеской вѣрности—свиньѣ.

Въ „Словѣ на св. равноапостольнаго князя Владимира“ ораторъ, остановившись на имени Василій (по-гречески—царь), которое Владимиръ получилъ при крещеніи, пускается въ такую игру словъ: „Подобало ему въ крещеніи принять имя царское, ибо онъ крещеніемъ пріуготовился къ царству небесному. Онъ былъ сынъ Свѣтослава, который не далъ ему ни славы, ни свѣта. Свѣтомъ разума просвѣтилъ его Сынъ Божій, какъ свѣтъ, пришедшій въ міръ: да будетъ Владимиръ не именемъ, но дѣломъ—сынъ Свѣтослава“.

Еще въ болѣе замысловатую игру словъ пускается Барановичъ въ „Словѣ на св. Николая Чудотворца“: „Упроси о

*) „Порфиріанское древо“ (arbor Porphyriana) получило свое названіе отъ имени александрійскаго неоплатоника Порфирія, жившаго въ III—IV вв. по Р. Х. Порфирій написалъ сочиненіе „Введеніе въ категоріи Аристотеля“, въ которомъ онъ при помощи особаго генеалогическаго древа наглядно изображаетъ восхожденіе категорій отъ низшихъ къ высшимъ. Эта книга Порфирія въ латинскомъ переводѣ пользовалась большимъ авторитетомъ въ средневѣковыхъ школахъ.

мирѣ, Міръ Ликійскій чудотворче! Сотвори наибольшее чудо, да въ мірѣ миръ будетъ! Самое имя твое проситъ мира, ибо въ мірѣ весьма неполезно безъ мира".

Сходясь въ общихъ чертахъ съ „Мечомъ духовнымъ", сборникъ „Трубы словесъ проповѣдныхъ" имѣетъ нѣкоторыя внѣшнія и внутреннія особенности, вытекающія изъ цѣли, указанной Барановичемъ въ предисловіи. Эти особенности состоятъ въ томъ, что поученія оратора короче, а догматическія толкованія сопровождаются лирическими изліяніями. Нерѣдко проповѣдь смѣняется молитвой, проза—стихами. Иногда ораторъ вспоминаетъ самого себя: послѣ „Слова на праведнаго Лазаря" помѣщена въ сборникѣ молитва къ Богу отъ Лазаря, автора книги; вознося Богу благодарность за дары, ниспосланныя ему свыше, авторъ проситъ Бога укрѣпить его здоровье—единственный даръ, которымъ онъ былъ скуденъ.

Языкъ проповѣдей Барановича близокъ къ литературному церковно-славянскому языку.

289. Іоанникій Галятовскій. Іоанникій Галятовскій († 1688), ученикъ Лазаря Барановича и ректоръ Кіево-Могилянской коллегіи, былъ самымъ замѣчательнымъ дѣятелемъ латино-славянскаго періода: онъ произносилъ проповѣди, составилъ теорію проповѣди, велъ полемику съ католиками, евреями, магометанами и издалъ сборникъ подъ заглавіемъ „Небо новое".

1) Проповѣдь и теорія проповѣди. Іоанникій Галятовскій былъ типичнѣйшимъ проповѣдникомъ и теоретикомъ проповѣди латино-славянскаго періода: въ его проповѣдяхъ объединились характерныя черты южно-русской проповѣди, развивавшейся подъ вліяніемъ латино-польскихъ образцовъ. Образцы своей проповѣди Галятовскій далъ въ сборникѣ *„Ключъ разумѣнія"* (1559), а теорію проповѣди изложилъ въ приложеніи къ нему, подъ заглавіемъ *„Наука, албо способъ сложенія казаній"*. Названіе „Ключъ разумѣнія" Галятовскій далъ своему сборнику потому, что собранныя въ немъ проповѣди, по его словамъ, открываютъ двери къ небу, а приложеніе къ нему открываетъ двери къ составленію проповѣдей.

„Ключъ разумѣнія" состоитъ изъ двухъ частей: въ первой части собраны проповѣди на праздники господскіе и богородичные, а во второй—проповѣди на праздники святыхъ. По содержанію своему проповѣди Галятовскаго представляютъ изложеніе догматовъ вѣры и правилъ христіанской нравственности.

„Наука, албо способъ сложенія казаній“, излагая правила составленія проповѣдей, объясняетъ строеніе проповѣдей самого Галятовскаго.

„Казаніе“ должно состоять изъ слѣдующихъ основныхъ частей: 1) экзордіума (приступа), 2) пропозиціи (предложенія, темы), 3) нарраціи (изложенія) и 4) конклюзіи (заключенія). Эти части должны находиться въ тѣсной связи другъ съ другомъ и соотвѣтствовать избранной темѣ. Главное вниманіе составитель проповѣди долженъ обратить на выборъ темы. Какъ изъ ручейка образуется большая рѣка и вода этой рѣки заключаетъ въ себѣ и воду ручейка, такъ изъ малой темы возникаетъ обширное „казаніе“, части котораго должны быть въ связи другъ съ другомъ: то, что находится въ темѣ, должно находиться и въ экзордіумѣ, и въ нарраціи, и въ конклюзіи. Матеріалъ для „казанія“ долженъ быть почерпаемъ изъ св. Писанія, отцовъ церкви, изъ исторіи и хроникъ, изъ книгъ о звѣряхъ, птицахъ, гадахъ, рыбахъ, деревьяхъ, камняхъ (т. е. изъ „Физіолога“, кн. 1-ая, § 116), изъ современныхъ проповѣдниковъ. Темы и матеріалы для него можно почерпать также отъ именъ празднуемыхъ въ данный день святыхъ. Такъ, имя Николай означаетъ „витязя“, „защитника“, Владимиръ значитъ „владѣть міромъ“, Василій значитъ „царь“; на этомъ основаніи можно выбирать темы о свойствахъ, обозначаемыхъ этими именами. При „изобрѣтеніи“ мыслей и расположеніи ихъ слѣдуетъ руководиться „циркумстанціями“ (общими мѣстами): „кто, що чинилъ, на якомъ мѣсту, зъ кимъ, для чего, якимъ способомъ, которого часу“? Наконецъ, составитель проповѣди долженъ употребить всѣ старанія, чтобы проповѣдь его заинтересовала слушателей. Для этого слѣдуетъ сдѣлать замысловатый приступъ или хитрое заключеніе. Въ примѣръ этого Галятовскій указываетъ на собственныя проповѣди. Такъ, въ приступѣ къ проповѣди на Покровъ Пресвятой Богородицы онъ обѣщалъ слушателямъ показать необыкновенное диво, какъ Богородица свѣсила огонь, измѣрила вѣтеръ и воротила назадъ истекшій день, и въ нарраціи привелъ свое обѣщаніе въ исполненіе. Заключая свою проповѣдь, ораторъ можетъ пригласить слушателей на слѣдующую проповѣдь, назначая для нихъ мудрыя и дивныя темы. Такъ, если ораторъ говорилъ проповѣдь на Цвѣтную недѣлю, то, приглашая слушателей на Страстную недѣлю, онъ долженъ увѣщевать ихъ быть

благочестивыми, ходить въ церковь и молиться Богу, потому что на слѣдующей недѣлѣ наступитъ страшный судъ. Когда же слушатели соберутся, ораторъ долженъ подтвердить, что страшный судъ насталъ, потому что Пилатъ Понтійскій и евреи судятъ и приготовляютъ на смерть Христа.

Изложенныя правила Галятовскій послѣдовательно примѣнялъ въ собственныхъ проповѣдяхъ.

Методъ объясненія мѣстъ изъ св. Писанія—символическій.

Въ „Словѣ на Срѣтеніе Господне“ Галятовскій называетъ Христа камнемъ многоцѣннымъ и краеугольнымъ, положеннымъ въ основаніе церкви. Это даетъ ему поводъ для обширной символической параллели между Христомъ и его свойствами со всевозможными драгоцѣннымъ камнями: карбункуломъ, хризолитомъ, агатомъ, аметистомъ, топазомъ, магнитомъ и т. д. Магнитъ,—объясняетъ Галятовскій,—притягиваетъ желѣзо; у раненаго извлекаютъ пулю или остріе стрѣлы, приложивъ къ ранѣ магнитъ: такъ и Христосъ притягиваетъ къ себѣ грѣшниковъ, которые въ книгѣ пророка Іереміи названы желѣзомъ. Въ „Словѣ на Успеніе Богородицы“ Галятовскій, исходя изъ текста: „Предста Царица одесную Тебе, въ ризы позлащенны одѣяна“, перечисляетъ нитки, изъ которыхъ Богородица соткала свою ризу: льняную, шерстяную, шелковую и золотую, и проводитъ символическую параллель между ними и добродѣтелями Богородицы. Льняная нитка означаетъ терпѣніе и умерщвленіе плоти: когда выдѣлываютъ ленъ, его мочатъ, сушатъ, трутъ и бьютъ; шелковая нитка означаетъ смиреніе и покорность: шелкъ отличается мягкостью и т. д.

2) Полемическія сочиненія. Къ полемическимъ сочиненіямъ Галятовскаго относятся слѣдующія:

а) „Бесѣда Бѣлоцерковская“. Въ „Бесѣдѣ Бѣлоцерковской“ (1676) авторъ излагаетъ свой споръ съ іезуитомъ Пекарскимъ, происходившій въ мѣстечкѣ Бѣлая Церковь. Галятовскій опровергаетъ въ своемъ сочиненіи мнѣніе католиковъ, что Петръ былъ выше другихъ апостоловъ.

б) „Старая восточная церковь новой западной показываетъ исхожденіе св. Духа отъ Единаго Отца“. Это сочиненіе направлено было противъ сочиненій Николая Циховича и іезуита Боймы, излагавшихъ католическое ученіе объ исхожденія Св. Духа и о власти папы.

в) „Души людей умершихъ“. Въ этомъ сочиненіи Галя-

товскій опровергаетъ ученіе католиковъ о чистилищѣ и обстоятельно изображаетъ состояніе душъ за гробомъ, на небѣ и въ аду.

Души праведниковъ, — объясняетъ Галятовскій, — размѣщаются на небесахъ, въ девяти отдѣленіяхъ, по числу девяти ангельскихъ чиновъ. Въ низшемъ отдѣленіи, въ хорѣ ангеловъ, наблюдающихъ за человѣческими душами во время ихъ земной жизни, помѣщаются души крещеныхъ дѣтей, убогихъ, сиротъ, вдовъ и людей, соблюдавшихъ супружескую вѣрность. Во второмъ отдѣленіи, въ хорѣ архангеловъ, размѣщаются души священниковъ и церковныхъ учителей. Въ третьемъ отдѣленіи, въ хорѣ ангеловъ, называемомъ княжествами и обязанномъ наблюдать за государствами, націями и провинціями, размѣщаются цари, князья и воеводы (если они чинили правосудіе и не творили людямъ обидъ). Въ четвертомъ отдѣленіи, въ хорѣ ангеловъ, воюющихъ со злыми духами, размѣщаются рыцари, сопротивлявшіеся злымъ духамъ и побѣждавшіе грѣхъ. Въ пятомъ отдѣленіи размѣщаются чудотворцы, въ шестомъ—дѣвственники, пустынники и иноки, въ седьмомъ—справедливые судьи; въ восьмомъ, въ хорѣ херувимовъ,—апостолы, епископы, митрополиты и т. д., въ девятомъ, въ хорѣ серафимовъ,—мученики.

Души грѣшниковъ отправляются въ адъ, „пекло“, которое состоитъ изъ двухъ отдѣленій: первое отдѣленіе называется „одхлань пепельная“ (бездна), второе—огненная геена.

Въ первомъ отдѣленіи пекла находятся язычники, египтяне, моавитяне и т. д. До пришествія Христа здѣсь же находились и ветхозавѣтные праведники, ожидавшіе появленія Христа. Явившись на землю, Христосъ извелъ ихъ отсюда и вознесъ на небеса.

Во второмъ отдѣленіи пекла будутъ подвергаться разнообразнымъ мукамъ всевозможные грѣшники: развратные и гнѣвливые будутъ горѣть въ огнѣ неугасимомъ; богачи, жестокіе къ нищимъ, будутъ подвергаться лютой стужѣ; похитителей чужой собственности и добраго имени у ближнихъ будетъ грызть червь совѣсти; изнѣженные щеголи будутъ терпѣть невыносимый смрадъ; невоздержные и не соблюдавшіе постъ будутъ мучимы голодомъ. Отъ множества грѣшниковъ въ аду будетъ такъ тѣсно, какъ рыбамъ въ бочкѣ.

Далѣе Галятовскій описываетъ мытарства, которыя суждено проходить душѣ по отдѣленіи ея отъ тѣла.

г) „Мессія правдивый“. Въ сочиненіи „Мессія правдивый“ (1669) Галятовскій полемизируетъ противъ іудейства. Поводомъ къ этой полемикѣ послужило слѣдующее обстоятельство, о которомъ разсказываетъ самъ авторъ.

Въ 1666 г. въ Малороссіи, Литвѣ, Польшѣ и въ пограничныхъ странахъ „жидовское невѣріе высоко подняло свои рога“: на востокѣ, въ Смирнѣ, появился лже-мессія—Сабефа-Себе, который обѣщалъ собрать разсѣянныхъ евреевъ въ одинъ сильный народъ и вернуть имъ Палестину. Лжепророкъ Наѳанъ-Леви помазалъ Сабефу-Себе въ Іерусалимѣ на царство. Это событіе различно подѣйствовало на евреевъ и христіанъ. Евреи стали смѣяться надъ христіанами и грозить имъ: „Мы будемъ вашими господами; ваши короли, князья, гетманы, воеводы, сенаторы и всѣ вообще сильные христіане будутъ у жидовъ пастухами, жнецами, работниками, будутъ рубить дрова и топить печи и все дѣлать, что прикажутъ жиды, должны будутъ принять жидовскую вѣру и поклониться мессіи Сабефѣ и его пророку Наѳану-Леви“. На многихъ христіанъ это событіе въ связи съ возбужденіемъ еврейства произвело угнетающее впечатлѣніе; нѣкоторые изъ нихъ даже стали сомнѣваться въ томъ, что Іисусъ Христосъ былъ настоящимъ Мессіей. Чтобы успокоить христіанъ, Галятовскій выступилъ съ сочиненіемъ, которое онъ, по обычаю западно-европейскихъ духовныхъ писателей, посвятилъ Мессіи правдивому. Къ своему сочиненію авторъ тщательно подготовился: онъ разъѣзжалъ по разнымъ мѣстамъ Юго-западной Руси, собиралъ матеріалы и вступалъ въ споры съ еврейскими учеными раввинами. Книга написана въ формѣ бесѣды христіанина съ евреемъ.

Въ своей книгѣ Галятовскій на основаніи св. Писанія доказываетъ, что истинный Мессія—Іисусъ Христосъ, опровергаетъ возраженія евреевъ противъ христіанскаго ученія, защищаетъ догматы и обряды христіанскіе, обличаетъ еврейскія заблужденія и суевѣрія и подвергаетъ критикѣ „Талмудъ“. Галятовскій не только разбираетъ еврейское ученіе, но и изобличаетъ жизнь евреевъ: онъ указываетъ на то, что евреи берутъ слишкомъ большіе проценты, проявляютъ ненависть къ христіанамъ, составляютъ фальшивые документы, продаютъ мѣдь и желѣзо за золото, принимаютъ отъ воровъ краденыя

вещи, дѣлаютъ фальшивыя монеты, крадутъ и убиваютъ христіанскихъ дѣтей, чтобы вытачивать изъ нихъ кровь.

Исторія съ лже-мессіей Сабефой-Себе закончилась такъ: онъ былъ схваченъ турецкимъ правительствомъ и посаженъ въ тюрьму; чтобы избѣжать казни, онъ принялъ магометанство.

д) „Лебедь съ перьемъ“. Въ этомъ сочиненіи Галятовскій выступаетъ противъ магометанъ. Подъ Лебедемъ авторъ разумѣетъ христіанство и Христа. Въ посвященіи своего труда гетману Ивану Самойловичу Галятовскій пишетъ, что Лебедь своимъ голосомъ и перомъ возбуждаетъ христіанъ на ратоборство противъ мусульманъ. На вопросъ о причинахъ, почему магометанство сильно распространилось и долго держится, авторъ говоритъ: „Какъ нѣкогда Богъ держалъ ассиріанъ вмѣсто жезла надъ Израилемъ, такъ теперь держитъ ересь магометанскую жезломъ надъ христіанами, чтобы христіане, терпя отъ невѣрныхъ озлобленіе, прибѣгали въ страхѣ къ своему творцу съ покаяніемъ, ибо, живя въ прохладѣ, просторѣ и властопитаніи, люди забываютъ о Богѣ“... Галятовскій увѣренъ, что магометанство не долго продержится и приводитъ слѣдующее предсказаніе: „Есть у муриновъ пророчество, до сихъ поръ сохраняемое, что полунощный самодержавецъ мечомъ своимъ покоритъ и подчинитъ своей державѣ святый градъ Іерусалимъ и все Турецкое царство. Этотъ полунощный самодержецъ есть царь и великій князь московскій. Онъ истребитъ бусурманскую скверную ересь и до конца погубитъ ее. Ты самъ, проклятый Магометъ, вдохновленный Богомъ или демономъ, ты самъ пророчествовалъ, что твое скверное и противное ученіе будетъ пребывать тысячу лѣтъ; но вотъ уже тысяча лѣтъ минула, даже съ навершеніемъ: въ маломъ времени погибнетъ твой богопротивный законъ и скверная ересь“.

е) „Алкоранъ Магометовъ отъ Когелета Христова разрушенный“. Это сочиненіе (1687), написанное въ формѣ разговора между Алкораномъ и Когелетомъ (проповѣдникомъ христіанскимъ), дѣлится на 12 частей. Въ немъ авторъ излагаетъ исторію Магомета и опровергаетъ его ученіе. Послѣ этого авторъ снова повторяетъ пророчество о покореніи полунощнымъ самодержцемъ Турецкаго царства.

ж) „Алфавитъ еретиковъ“, сочиненіе, написанное для предостереженія православныхъ отъ еретиковъ.

3) **„Небо новое“**. „Небо новое, зъ новыми звѣздами сотворенное“ (1665) представляетъ изъ себя сборникъ легендъ о чудесахъ Богородицы. Матеріалы для своего сборника Галятовскій почерпалъ изъ русскихъ источниковъ, восточныхъ и западно-европейскихъ.

Въ началѣ сборника излагаются предсказанія языческихъ пророчицъ Сивиллъ о Дѣвѣ Маріи. За этими предсказаніями слѣдуетъ изложеніе чудесъ, сопровождавшихъ зачатіе и рожденіе Богородицы, пребываніе Ея въ Соломоновомъ храмѣ, рожденіе Христа, бѣгство въ Египетъ и т д. Далѣе излагаются чудеса отъ имени Богородицы, ризы, пояса, перстня, чудеса на войнѣ, надъ грѣшниками, надъ молящимися, чудеса отъ иконъ Богородицы—Иверской, Печерской и др.

Примѣры:

Въ Татарской землѣ, въ Крыму, есть скала, подъ которой нѣкогда обиталъ „смокъ“ (драконъ), пожиравшій людей и „быдло“ (скотъ). Всѣ люди разбѣжались, и мѣстность опустѣла. Греки и влохи, жившіе по близости, стали молиться Богородицѣ, чтобы Она избавила ихъ отъ этого смока. Однажды ночью они увидѣли на упомянутой скалѣ горящую свѣчу. Придя къ скалѣ, они увидѣли на ней образъ Богородицы, передъ которымъ горѣла свѣча, а подъ образомъ мертваго смока. Греки и влохи разрубили смока на части и сожгли, а Богородицѣ отслужили благодарственный молебенъ за избавленіе ихъ отъ этой „бестіи“. Съ этихъ поръ найденный образъ Богородицы сдѣлался мѣстной святыней, привлекавшій множество богомольцевъ. Узналъ объ этомъ татарскій царь Ачикерей, который тамъ „пановалъ“, и сталъ молиться передъ образомъ Богородицы, чтобы Она помогла ему въ войнѣ, которую онъ задумалъ, обѣщая, въ случаѣ удачнаго исхода, принести Ей „певную офѣру“ (хорошее пожертвованіе). Война окончилась для царя благополучно, и онъ, во исполненіе обѣта, купилъ воску, надѣлалъ свѣчей и цѣлый годъ жегъ ихъ передъ образомъ. То же чинили и его потомки.

Во Фландріи одинъ маляръ, писавшій на церковной стѣнѣ икону, старался изобразить Богородицу какъ можно прекраснѣе, а діавола какъ можно отвратительнѣе. Однажны явился маляру во снѣ злой духъ, который съ великимъ гнѣвомъ сталъ требовать, чтобы онъ такъ его не изображалъ. Маляръ не послушалъ и продолжалъ еще усерднѣе свою работу. Во время ра-

боты вдругъ разразился въ церкви великій вихрь, свалившій лѣстницу, на которой работалъ маляръ. Маляръ обратился къ Богородицѣ съ мольбой о помощи. Тогда образъ Богородицы протянулъ руку, схватилъ маляра и спасъ его отъ раны и смерти.

Языкъ сочиненій Галятовскаго носитъ отпечатокъ сильнаго вліянія малорусскаго языка.

290. Антоній Радивиловскій. Антоній Радивиловскій († 1688), игуменъ Кіево-Николаевскаго монастыря, былъ выдающимся проповѣдникомъ второй половины XVII в. Онъ издалъ два сборника своихъ проповѣдей: „*Огородокъ* (т. е. садъ) *Маріи Богородицы*“ (1676) и „*Вѣнецъ Христовъ*“ (1688).

Первый сборникъ посвященъ Богородицѣ „Сей начатокъ труда,—пишетъ Радивиловскій,—смиренно приноситъ Тебѣ въ жертву прахъ, пепелъ, недостойный рабъ и насадитель огородка. Иные приписываютъ свои труды царямъ, князьямъ и сильнымъ міра сего, а я приписую Тебѣ, Царица неба и земли. Ты одна была утѣхою моею на землѣ; одною утѣхою моею было проповѣдывать и восхвалять Тебя. Молю, да за этотъ насажденный Тебѣ огородокъ Ты введешь меня, на второмъ пришествіи Сына Твоего, въ небесный огородокъ вмѣстѣ со святыми“. Заглавіе своего сборника авторъ такъ объясняетъ: „Какъ Навуходоносоръ устроилъ въ Вавилонѣ висячій садъ на высокихъ каменныхъ столпахъ, такъ и Ты, о Маріе, стоишь на дарахъ Духа Святаго, будто на столпахъ.

Второй сборникъ состоитъ „изъ проповѣдей недѣльныхъ, аки изъ цвѣтовъ рожаныхъ сплетенный“, и славою словесъ вѣнчаетъ Христа, царя славы. „Какъ роза разгоняетъ и вычищаетъ въ человѣкѣ злые гуморы (влаги), такъ евангельскія словеса разгоняютъ грѣхи и чинятъ душу чистою“. Сборникъ посвященъ вѣнцу доброты, Господу Создателю: „Сіи проповѣди за вѣнецъ тріумфальный Тебѣ, какъ побѣдителю и тріумфатору, приписую, ибо всѣ недѣли (воскресенья) въ году выражаютъ Твою побѣду надъ діаволомъ, смертью и грѣхомъ“.

По своему содержанію проповѣди Радивиловскаго дѣлятся на четыре группы: 1) проповѣди на догматическія темы, 2) проповѣди на нравственныя темы, 3) проповѣди, построенныя на основаніи какого-нибудь хитро составленнаго вопроса и 4) проповѣди, построенныя на сравненіяхъ.

Основнымъ ораторскимъ пріемомъ у Радивиловскаго является, какъ и у Барановича и Галятовскаго, символическій параллелизмъ.

Въ „Словѣ на недѣлю 5-ую по Пятидесятницѣ“ Радивиловскій, исходя изъ текста: „аще бы вѣдала еси, кто есть глаголяй съ тобою—даждь ми пити,—ты бы просила у него, и далъ бы ти воду живу“, проводитъ параллель между благодатью и водой, указывая сходство и различіе между ними. Какъ живая вода разливается по всѣмъ полямъ, такъ и благодать Св. Духа изливается на всѣхъ людей. Какъ вода смягчаетъ и дѣлаетъ плодоносной сухую землю, такъ и благодать смягчаетъ человѣческую душу и дѣлаетъ ее плодоносной для добродѣтелей. Какъ вода очищаетъ тѣло отъ грязи и охлаждаетъ его жаръ, такъ и благодать омываетъ душу отъ грѣховной грязи и охлаждаетъ плотскія страсти. Какъ вода, единая по природѣ, придаетъ предметамъ разныя свойства, напр., лиліи—бѣлый цвѣтъ, розѣ—красный, фіалкѣ—лазуревый и т. д., такъ и благодать сообщаетъ одному чистоту, подобную лиліи, другому — краску стыда, подобную цвѣту розы, и т. д. Но между водою и благодатью есть и различіе. Вода не обладаетъ такою силою, чтобы измѣнить природу дерева; благодать совершенно измѣняетъ грѣшниковъ, дѣлая ихъ праведными. Вода не можетъ утолить жажду такъ, чтобы больше ея не чувствовать; пьющій отъ благодати никогда не ощущаетъ жажды.

Въ „Словѣ въ недѣлю 2-ую по Пятидесятницѣ“, исходя изъ текста „ходяй Іисусъ при мори Галилейстѣмъ“, Радивиловскій говоритъ, что море Тиверіадское это—сей прелестный свѣтъ, и проводитъ параллель между міромъ и моремъ, между рыбами и людьми. „Въ мірѣ, въ семъ великомъ и пространномъ морѣ, люди погружены и дѣйствуютъ, какъ рыбы въ морѣ. Какъ въ морѣ Тиверіадскомъ были разныя ловленія рыбы, такъ и на семъ свѣтѣ одни люди ловятъ богатство, другіе—почести, одни—роскошь, другіе—ласку и пріязнь своихъ господъ. При этомъ употребляются разные способы ловленія, или сѣти: сѣть лукавства, сѣть похлебства, подарковъ, лицемѣрія. Какъ въ морѣ рыбы играютъ и бѣгаютъ повсюду, какъ будто дѣлаютъ что нибудь нужное и полезное, но никогда ничего не находятъ, такъ и люди бѣгаютъ повсюду, гоняются за почестями, богатствомъ и роскошью прелестнаго свѣта, и

потомъ у него въ забвеніе приходятъ. Какъ въ морѣ большія рыбы пожираютъ меньшихъ, такъ тоже бываетъ и на свѣтѣ, гдѣ богатые и сильные притѣсняютъ убогихъ и низшихъ подчиненныхъ лихвами, тяжкими поборами, судомъ. Какъ рыбы бываютъ сильны и рѣзвы только до тѣхъ поръ, пока находятся въ водѣ, а когда вытащатъ ихъ на землю, теряютъ свою силу и умираютъ, такъ и люди бываютъ смѣлы, высокодумны, неукротимы, пока не постигнетъ ихъ смертельная болѣзнь: увлеченные ею, какъ рыбы изъ воды, они выходятъ изъ сего роскошнаго свѣта, дрожатъ и боятся, говоря съ псалмопѣвцемъ: Боязнь и трепетъ пріиде на мя, и покры мя тьма".

Матеріалы для своихъ проповѣдей Радивиловскій почерпалъ изъ „Римскихъ Дѣяній", „Великаго Зерцала" (§ 297), исторіи, басенъ, миѳологіи, апокрифовъ и т. д.

Въ „Словѣ на недѣлю 7-ую по Пятидесятницѣ" Радивиловскій излагаетъ анекдотъ объ евреѣ, который далъ христіанину въ долгъ 500 дукатовъ съ условіемъ вырѣзать изъ его тѣла двѣ унціи мяса, если онъ не вернетъ долга. Въ этомъ же словѣ ораторъ излагаетъ анекдотъ о царѣ Камбизѣ: Камбизъ велѣлъ содрать кожу съ одного несправедливаго судьи и мздоимца, обить этой кожей кресло и посадить на него сына судьи, чтобы сынъ и другіе, напуганные этимъ наказаніемъ, воздержались отъ неправосудія и мздоимства.

Въ началѣ „Слова на Вознесеніе" (2-го) Радивиловскій говоритъ слѣдующее: „Поэты говорятъ, что Персей, сынъ Юпитера, убившій страшнаго ужа-Медузу, взглядъ которой превращалъ людей въ камни, за этотъ подвигъ былъ перенесенъ съ земли на небо. Это—не правда, а фабула поэтовъ; но правда то, что Спаситель умертвилъ на крестѣ онаго ядовитаго змія, діавола проклятаго, который родъ человѣческій превращалъ въ камни, такъ что онъ, по слову псамопѣвца, не хотѣлъ признавать Бога: Рече безуменъ въ сердцѣ своемъ—нѣсть Богъ!"

Въ „Словѣ на Воскресенье Христово" (1-мъ) ораторъ разсказываетъ басню о львѣ, лисицѣ и ослѣ, дѣлившихъ добычу. Оселъ, хотѣвшій взять часть равную со львомъ, былъ растерзанъ,—а лисица, уступившая льву все, получила больше, чѣмъ ей полагалось. Такъ, — учитъ проповѣдникъ, — гордыхъ ожидаетъ наказаніе, а смиренныхъ награда.

Проповѣди Радивиловскаго мало связаны съ современною

ему жизнью. Однако, нѣкоторыя стороны этой жизни отразились въ нихъ. Такъ, Радивиловскій отмѣчаетъ рознь между казацкой старшиной, превращавшейся въ малорусскую аристократію, и простымъ народомъ. Далѣе, Радивиловскій, несмотря на то, что, въ общемъ, онъ проникнутъ шляхетскимъ духомъ, отмѣчаетъ контрастъ между жизнью богатыхъ и бѣдныхъ, распущенность и порочность первыхъ, трудолюбіе вторыхъ, отсутствіе правосудія и т. д.

291. Иннокентій Гизель. Иннокентій Гизель († 1683), родомъ изъ Пруссіи, выѣхалъ въ Кіевъ въ юные годы, принялъ православіе, постригся въ монахи и поступилъ въ ученики Кіево-Могилянской коллегіи. Обративъ на себя вниманіе Петра Могилы, Гизель былъ отправленъ за-границу для дальнѣйшаго образованія и по возвращеніи въ Кіевъ былъ назначенъ учителемъ, потомъ профессоромъ и, наконецъ, ректоромъ коллегіи. Въ 1656 г. Гизель получилъ санъ кіево-печерскаго архимандрита.

Гизель извѣстенъ, какъ авторъ богословско-нравственнаго сочиненія подъ заглавіемъ *„Миръ съ Богомъ человѣку“* (1669). Въ этомъ сочиненіи авторъ излагаетъ свои размышленія о волѣ, совѣсти, благодати, заслугѣ и т. д. и учитъ покаянію во грѣхахъ и исправленію жизни.

Особенно прославился Гизель своимъ учебникомъ русской исторіи, извѣстнымъ подъ заглавіемъ „Синопсисъ (Обозрѣніе), или краткое описаніе о началѣ славянскаго народа и о первыхъ кіевскихъ князьяхъ до государя царя Ѳедора Алексіевича“ (1674).

Въ составъ „Синопсиса“ вошла въ переработанномъ видѣ „Хроника“ начальныхъ событій русской исторіи до 1292 г., составленная игуменомъ Кіево-Михайловскаго монастыря Ѳеодосіемъ Сафоновичемъ. Для своей „Хроники“ Сафоновичъ почерпалъ матеріалы изъ „Кіевской“ и „Галицко-Волынской лѣтописи“ (кн. 1-ая, § 318) и изъ исторіи польскаго историка Стрыйковскаго.

Гизель сократилъ „Хронику“ Сафоновича и въ то же время продолжилъ до времени Ѳеодора Алексѣевича, дополнивъ ее свѣдѣніями изъ другихъ русскихъ лѣтописей, а также изъ трудовъ польскихъ историковъ.

Въ „Синопсисѣ“ подробно излагаются событія изъ всемірной и русской исторіи, преимущественно малорусской

Исторія Окско-Волжской и особенно Московской Руси излагается менѣе подробно, съ крупными пробѣлами: такъ, въ ней почти ничего не говорится о княженіи Ивана III, о царствованіи Ивана IV, о покореніи Новгорода и т. д. Свѣдѣнія, сообщаемыя въ „Синопсисѣ", нерѣдко отличаются анекдотичностью и фантастичностью. Такъ, авторъ сообщаетъ, что славяне за услуги, оказанныя Филиппу Македонскому и его сыну Александру, получили въ 310 г. до Р. Х. грамоты на вольность, что Римъ былъ взятъ славяно-россійскимъ княземъ Одоацеромъ, и т. д., что Владиміръ Св. получилъ изъ Византіи цѣпь, поясъ и шапку. Имя славянъ авторъ производитъ отъ слова „слава"; имя россы объясняетъ тѣмъ, что русскіе „разсѣялись" по обширнымъ землямъ, которыя они заняли; первые русскіе князья, Кій, Щекъ и Хоривъ, ведутъ свое происхожденіе отъ Мѳоха, сына Іафета, откуда произошло и названіе Москвы. И т. д.

„Синопсисъ" сдѣлался популярнѣйшимъ учебникомъ исторіи, выдержавшимъ множество изданій до средины XIX в.

Поэтическая литература.

292. Поэтическая литература Юго-западной Руси. Поэтическая литература Юго-западной Руси распадается на слѣдующіе отдѣлы: 1) школьная драма, 2) вирши, псальмы и и канты, 3) переводная беллетристика и 4) думы.

293. Школьная драма. Школьными драмами называются драматическія произведенія, которыя, обыкновенно, составлялись учителями юго-западныхъ школъ, а исполнялись ихъ учениками. Этотъ видъ поэтическихъ произведеній былъ заимствованъ изъ іезуитскихъ школъ.

На западѣ школьныя драматическія произведенія развились подъ вліяніемъ мистерій.

Мистеріями называются драмы, содержаніе которыхъ заимствовано изъ библейской исторіи. Своимъ происхожденіемъ онѣ обязаны были богослужебнымъ обрядамъ Западной церкви. Представители Западной церкви, съ цѣлью придать особенную наглядность догматамъ христіанскаго ученія и запечатлѣть важнѣйшія событія библейской исторіи въ душѣ вѣрующихъ, стали представлять ихъ драматически. Такъ, устраивались про-

цессіи въ память входа въ Іерусалимъ Іисуса Христа, причемъ одинъ изъ священниковъ, изображавшій Христа, сидѣлъ на осленкѣ. Въ праздникъ Рождества Христова посреди церкви ставились ясли, а вокругъ нихъ статуи, или куклы, представлявшія Богородицу и пастуховъ. Въ день Пасхи богослуженіе сопровождалось такими обрядами: изъ гробницы, устроенной подъ алтаремъ, вынимали въ сопровожденіи пѣнія и рѣчей крестъ, который былъ положенъ тамъ въ пятницу на Страстной недѣлѣ; священникъ, одѣтый на подобіе ангела въ бѣлую одежду, возвѣщалъ о воскресеніи Христа двумъ молодымъ священникамъ, одѣтымъ наподобіе женщинъ въ плащи и изображавшимъ Богородицу и Марію Іаковлеву.

Мистеріи возникли изъ рождественскихъ и пасхальныхъ католическихъ представленій. Содержаніемъ ихъ служила тайна искупленія человѣческаго рода, выразившаяся въ рожденіи, смерти и воскресеніи Христа. Этимъ объясняется названіе церковныхъ драмъ мистеріями, отъ греческаго слова μυστήριον, что значитъ тайна.

Мистеріи сначала изображали рождество, страданія, смерть и воскресеніе Христа, а потомъ онѣ стали изображать и другія событія изъ новозавѣтной и ветхозавѣтной исторіи.

Мистеріи сначала представлялись въ церквахъ, потомъ въ церковныхъ оградахъ и на кладбищахъ и, наконецъ, на городскихъ площадяхъ. Съ перенесеніемъ мистерій сюда въ нихъ началъ вторгаться элементъ свѣтскій, не только серьезный, но и комическій. Въ іезуитскихъ школахъ мистерія превратилась въ школьную драму.

Съ Запада школьныя драмы проникли въ Польшу вмѣстѣ съ іезуитскими школами, а оттуда въ Юго-западную Русь. Преподаватели южно-русскихъ школъ, въ томъ числѣ и Кіево-Могилянской коллегіи, обязаны были ежегодно приготовлять одну драму, которая представлялась воспитанниками во время лѣтнихъ каникулъ. Изъ этихъ драмъ наиболѣе распространенными были слѣдующія: 1) „Алексѣй, человѣкъ Божій“, 2) „Іосифъ, сынъ Израилевъ“ и 3) „Жалостная комедія объ Адамѣ и Евѣ“.

Драма, „Алексѣй, человѣкъ Божій“ представляла передѣлку соотвѣтствующей польской драмы, которая была составлена по житію св. Алексѣя (§ 206). Въ началѣ драмы представлены ангелы Рафаилъ и Гавріилъ, которые совѣтуютъ

Алексѣю храпить чистоту до смерти, если онъ хочетъ попасть на небо. Дальше сюжетъ излагается въ драматической формѣ согласно съ житіемъ.

Въ драмѣ „Іосифъ, сынъ Израилевъ“ воспроизводится исторія Іосифа, начиная съ его сна и кончая эпизодомъ съ женой Пентефрія.

Самая интересная драма—„Жалостная комедія объ Адамѣ и Евѣ“. Она распадается на четыре дѣйствія. Въ первомъ дѣйствіи изображается блаженство Адама и Евы въ раю, во второмъ — грѣхопаденіе ихъ, въ третьемъ — судъ надъ ними, на которомъ присутствуютъ небесныя силы, Змій, Богъ Отецъ, Богъ Сынъ, Правда, Истина, Милосердіе и Миръ; въ четвертомъ дѣйствіи Сынъ Божій говоритъ, что родъ человѣческій можетъ избавиться отъ смерти, на которую онъ обреченъ грѣхопаденіемъ, если за него „Единый“ потерпитъ и своею смертью воздастъ за него долгъ первыхъ людей.

Хотя по своему содержанію школьныя драмы носятъ строго церковный характеръ и преслѣдуютъ поучительныя цѣли, однако въ нихъ вторгались и нѣкоторые элементы окружающей жизни. Послѣдніе нашли себѣ мѣсто въ такъ называемыхъ „интермедіяхъ“, которыя разыгрывались между дѣйствіями драмъ. Въ интермедіяхъ юмористически изображаются сцены изъ народной жизни, причемъ на сцену выводятся содержатели шинковъ, мужики, цыганы и т. д.

294. Вирши, псальмы и канты. Виршами (отъ латинскаго слова versus, что значитъ стихъ) назывались литературныя стихотворенія, которыя сочинялись учениками и учителями южно-русскихъ школъ. Эти стихотворенія представляли переложенія молитвъ и церковныхъ пѣсенъ или образцы юго-западныхъ духовныхъ стиховъ. Къ нимъ можно отнести отчасти „псальмы“ и „канты“, которые распѣвались воспитанниками на Рождество и Пасху въ присутствіи училищнаго начальства, въ домахъ богатыхъ и знатныхъ лицъ и, наконецъ, на улицѣ предъ народомъ.

Образцомъ юго-западныхъ духовныхъ стиховъ можетъ послужить, такъ называемая, „Евангелистая пѣснь“, содержаніе которой состоитъ изъ вопросовъ и отвѣтовъ, преслѣдующихъ мнемоническую цѣль—укрѣпить въ памяти учащихся нѣкоторыя богословско-христіанскія свѣдѣнія:

Вы, люди оные,
Рабы поученые,
Надъ школами выбраны!
Повѣдайте, что есть Единъ?
„Единъ Сынъ у Маріи,
Царствуетъ и ликуетъ
Господь Богъ надъ нами“.
Повѣдайте, что есть Два?
„Два завѣта Исеевы“.
Повѣдайте, что есть Три?
„Три патріарха на землѣ“.
Повѣдайте, что есть Четыре?
„Четыре листка Евангельски“.
Повѣдайте, что есть Пять?
„Пять ранъ безъ вины Господь терпѣлъ“.
Повѣдайте, что есть Шесть?
„Шесть крылъ херувимскіихъ“.
Повѣдайте, что есть Семь?
„Семь чиновъ ангельскихъ“.
Повѣдайте, что есть Восемь?
„Восемь круговъ солнечныхъ“.
Повѣдайте, что есть Девять?
„Девять въ году радостей“.
Повѣдайте, что есть Десять?
„Десять Божьихъ заповѣдей“.
Повѣдайте, что есть Единъ на десять?
„Единъ на десять Апостоловъ“.
Повѣдайте, что есть Два на десять?
„Два на десять въ году мѣсяцевъ.
Единъ на десять Апостоловъ“...

И т. д.—повторяются отвѣты на всѣ предыдущіе вопросы.

Вопросы и отвѣты въ „Евангелистой пѣснѣ“ представляютъ, по всей вѣроятности, воспроизведеніе одного латинскаго духовнаго стихотворенія съ подобными же вопросами и отвѣтами. Варіанты этого стихотворенія встрѣчаются на нѣмецкомъ, французскомъ, португальскомъ, итальянскомъ, чешскомъ, польскомъ и др. языкахъ.

На Рождество ученики пѣли такое стихотвореніе:

Взыде звѣзда отъ Іакова,
И возста человѣкъ отъ Израиля.
Днесь Богъ человѣку явися,
Отъ Дѣвы чистой воплотися.
Зракъ младенца имяше,
Въ вертепѣ обиташе,

Въ яслѣ воскланяшеся,
Пеленами повивашеся.
Ангельскій соборъ блистаетъ,
Славу Ему воспѣваетъ.
Три царя пріидоша,
Дары ему принесоша.
Пастыри на чудо взираютъ,
Повсюду о немъ свиряютъ.
И мы Ему хвалу возсылаемъ,
На вѣкъ васъ поздравляемъ.
Будите здоровы, счастливы
На многая лѣта!

На Пасху пѣлись такія стихи:

Се нынѣ—радость,
Духовная сладость.
Веселятся небеса,
И радуется земля
Вкупѣ съ человѣки,
Съ безплотными лики.
Взыграй днесь, Адаме,
И радуйся, Ева,
Со пророки ликовствуйте,
Со святыми пиршествуйте!
Восходите въ радость,
Пріимите сладость!
Днесь Христосъ отъ гроба,
Яко отъ чертога,
Воскресаетъ въ радость вѣрнымъ,
Въ посрамленіе невѣрнымъ,
Намъ же, праздполюбцамъ,
Даетъ животъ вѣчный...

Постепенно склонность къ стихотворству распространяется за предѣлы школы: всякаго рода торжества въ свѣтской и церковной жизни, посѣщенія выдающихся свѣтскихъ и духовныхъ лицъ становятся предметомъ стихотворства; авторы, издавая свои книги, помѣщаютъ въ нихъ стихотворные прологи, посвященія, эпилоги; появляются стихи на гербы. Вырабатываются виды стихотвореній: похвальныя, элегическія, торжественныя. Увлеченіе стихотворствомъ доходитъ до того, что стихами пишутъ буквари, учебники грамматики, ариѳметики и даже мѣсяцесловы.

Размѣръ стиха употреблялся двоякій: метрическій, заимствованный изъ греческой литературы, и силлабическій, заим-

ствованный изъ польской литературы. Метрическій размѣръ основывается на правильномъ чередованіи краткихъ и долгихъ слоговъ; русскій языкъ не различаетъ краткихъ и долгихъ слоговъ, и потому примѣненіе къ русскому стихотворству метрическаго размѣра представляло большія трудности. Легче былъ болѣе употребительный силлабическій размѣръ, который основывается на правильномъ чередованіи въ каждомъ стихѣ одного и того же количества слоговъ. Силлабическіе стихи оканчиваются риѳмами.

295. Переводная беллетристика. Въ Юго-западной Руси былъ переведенъ цѣлый рядъ западно-европейскихъ романовъ и повѣстей. Они раздѣляются на слѣдующія группы: 1) авантюрные романы и повѣсти, 2) нравоучительныя повѣсти, 3) фацеціи и 4) апофоегматы.

296. Авантюрные романы и повѣсти. Авантюрными романами и повѣстями называются такіе, въ которыхъ изображаются приключенія и подвиги лицъ, принадлежащихъ къ высшему слою аристократіи. Эти произведенія были переведены большею частью въ Польшѣ для польской аристократіи, которая видѣла въ нихъ отраженіе жизни, подобной той, которую она сама себѣ создавала. Изъ Польши эти произведенія перешли въ Юго-западную Русь въ переводѣ на русскій языкъ. Первоначально они читались среди русской аристократіи; отсюда они перешли къ южно-русскому мѣщанству, которое интересовалось въ нихъ главнымъ образомъ сюжетомъ и обиліемъ приключеній.

Къ авантюрнымъ романамъ и повѣстямъ относятся слѣдующіе: 1) романъ о Бовѣ, 2) о Брунцвигѣ, 3) о Василіи Златовласомъ, 4) о римскомъ кесарѣ Оттонѣ, 5) о семи мудрецахъ, 6) о Петрѣ Златыхъ Ключахъ, о Мелюзинѣ, о Тристанѣ и о Ланжелотѣ.

1) Романъ о Бовѣ. Романъ о Бовѣ — французскаго происхожденія. Онъ былъ занесенъ изъ Франціи въ Италію, гдѣ подъ заглавіемъ Buovo d'Antona сдѣлался чрезвычайно популярнымъ. Отсюда онъ попалъ въ Сербію, а изъ Сербіи въ Юго-западную Русь. Сюжетъ его заключается въ слѣдующемъ.

Въ городѣ Антонѣ правитъ старый герцогъ Гвидонъ. У него — молодая жена Блондоя, которой скучно жить съ старымъ мужемъ. Блондоя поручаетъ своему вѣрному слугѣ Рицарду отправиться къ Додону Майнцскому, котораго она лю-

бить больше отца-матери, и тайно сказать ему, чтобы онъ явился за ней съ 15.000 войска и устроилъ засаду въ лѣсу; она же пошлетъ своего мужа въ этотъ лѣсъ на охоту. Додонъ убилъ Гвидона, вступилъ въ городъ Антонъ и женился на Блондоѣ.

У Блондои былъ сынъ, Бова. Когда Гвидонъ погибъ, Бова былъ схваченъ и посаженъ въ тюрьму. Ему удалось спастись бѣгствомъ. Сѣвъ на корабль, Бова пріѣхалъ въ Арменію, гдѣ поступаетъ на службу къ царю Арминьону конюхомъ. Своею красотою и внѣшностью Бова поражаетъ дочь Арминьона Друзіану, которая влюбляется въ него. Арминьонъ устраиваетъ турниръ, на который собрались короли и знатнѣйшіе рыцари. Среди нихъ былъ король Маркабрунъ, который хотѣлъ жениться на Друзіанѣ. Во время турнира Бова, возвращавшійся съ сѣнокоса вмѣстѣ съ конюхами, шестомъ сбиваетъ съ коня Маркабруна и обнаруживаетъ необыкновенную храбрость и силу. Друзіана объясняется Бовѣ въ любви.

Въ Арменію вторгается Султанъ Садонскій со своимъ сыномъ, богатыремъ Лукаферомъ. Онъ наноситъ пораженіе Арминьону и беретъ въ плѣнъ его и Маркабруна.

Бова открываетъ Друзіанѣ свое происхожденіе. Друзіана посвящаетъ его въ рыцари, даетъ ему коня Ронделя и мечъ Кваренцу. Бова вступаетъ въ бой съ Лукаферомъ и побѣждаетъ его. Султанъ Садонскій обращается въ бѣгство.

У Арминьона есть братъ, Уголинъ, который возненавидѣлъ Бову. Уголинъ уговорилъ одного изъ своихъ приближенныхъ, находившихся въ возрастѣ Арминьона, разыграть роль Арминьона и отправить Бову къ Султану съ письмомъ, въ которомъ было написано, что податель письма—убійца Лукафера. Бова, не подозрѣвая содержанія письма, отправляется въ Садонію. Его схватываютъ, заключаютъ въ тюрьму. Бовѣ удалось убѣжать изъ тюрьмы. На кораблѣ Бова пріѣзжаетъ въ городъ, гдѣ царствуетъ Маркабрунъ, и узнаетъ, что Друзіана насильно была выдана замужъ за Маркабруна. Онъ похищаетъ Друзіану и убѣгаетъ съ нею. Маркабрунъ посылаетъ въ погоню за бѣглецами чудовище Пуликане, которое до пояса представляло человѣка, отъ пояса — собаку. Пуликане догналъ бѣглецовъ и вступилъ въ страшный бой съ Бовой. Друзіана вмѣшивается въ битву и примиряетъ борцовъ. Пуликане сдѣлался другомъ Бовы.

Послѣ многихъ приключеній, во время которыхъ погибъ Пуликане, Бовѣ удалось добраться до убійцы своего отца, Додона. Додонъ терпитъ пораженіе и погибаетъ. Свою мать Бова замуровалъ между двухъ стѣнъ.

Романъ о Бовѣ сдѣлался у насъ чрезвычайно популярнымъ: изъ аристократической среды онъ перешелъ чрезъ мѣщанство въ простонародную среду и здѣсь превратился въ знаменитую сказку о Бовѣ-королевичѣ. Имена дѣйствующихъ лицъ и сюжетъ подверглись нѣкоторымъ измѣненіямъ. Такъ, Блондоя превратилась въ Милитрису, Друзіана — въ Дружневу, Пуликане—въ Полкана, Лукаферъ – въ Лукопера и т. д.

2) „О Брунцвигѣ, королевичѣ Чешскія земли“. Повѣсть о Брунцвигѣ, королевичѣ чешскомъ, представляетъ чешскую переработку нѣмецкой поэмы о Рейнфридѣ Брауншвейгскомъ.

Брунцвигъ, сынъ чешскаго герцога Штильфрида, рѣшилъ сравняться въ доблести и подвигахъ со своимъ отцомъ. Отецъ его помогъ неаполитанскому королю побѣдить англійскаго короля и за это получилъ разрѣшеніе замѣнить на своемъ гербѣ изображеніе котла изображеніемъ чернаго орла. Брунцвигу захотѣлось замѣнить чернаго орла — львомъ. Онъ разстался со своей супругой Неоменіей, дочерью неаполитанскаго короля, и въ сопровожденіи 30-ти рыцарей пустился въ путь по морю. Буря прибила корабль къ магнитной горѣ. Корабль погибъ. Брунцвигъ со спутниками спаслись на берегъ ближайшаго пустыннаго острова. Запасы ихъ истощились, и они стали поѣдать другъ друга. Остались въ живыхъ только Брунцвигъ и старый рыцарь Баладъ. Наконецъ, Брунцвигу удалось выбраться съ острова. Баладъ предложилъ ему влѣзть въ лошадиную шкуру, намазанную кровью, и зашилъ шкуру. На островъ прилетѣлъ за добычей грифъ, схватилъ добычу и унесъ ее въ свое гнѣздо. Птенцы грифа набросились на шкуру и стали рвать ее. Брунцвигъ выскочилъ изъ шкуры, пошелъ бродить по окрестнымъ горамъ и наткнулся на бой льва съ девятиголовымъ огнедышащимъ змѣемъ. Брунцвигъ помогъ льву одолѣть змѣя, и съ этихъ поръ левъ сдѣлался его неразлучнымъ спутникомъ.

Брунцвигъ попадаетъ въ царства чудовищныхъ людей: одноногихъ, одноглазыхъ, двухголовыхъ, рогатыхъ, съ собачьими головами и т. д. У царя страны, Олибрія, и спереди и сзади— глаза; на рукахъ и ногахъ — по 18 пальцевъ. Олибрій обѣ-

щаетъ помочь Брунцвигу вернуться на родину, если онъ освободитъ его дочь Африку, которую унесъ драконъ-василискъ. Брунцвигъ принимаетъ приглашеніе. Левъ растерзалъ дракона-василиска, и Брунцвигъ возвратился съ освобожденной Африкой. Африка влюбляется въ Брунцвига. Отецъ Африки заставляетъ Брунцвига жениться на ней. Брунцвигъ постоянно думаетъ о возвращеніи на родину. Однажды въ погребѣ Брунцвигъ нашелъ волшебный мечъ, который могъ по одному слову самъ рубить головы людей. При помощи этого меча Брунцвигъ избавился отъ Африки и отца ея и перебилъ всѣхъ чудовищъ.

Послѣ многихъ приключеній Брунцвигъ со львомъ возвращается на родину. Переодѣтый странникомъ, Брунцвигъ входитъ въ столицу и узнаетъ, что въ этотъ день его жена, по приказанію неаполитанскаго короля, выходитъ замужъ за ассирійскаго принца. Брунцвигъ вошелъ въ замокъ и увидѣлъ, что жена его сидитъ рядомъ съ женихомъ за столомъ. Когда Брунцвигу подали кубокъ, изъ котораго пили молодые, онъ опустилъ въ него свое обручальное кольцо, вышелъ изъ замка и на его воротахъ написалъ, кто онъ такой былъ. Ассирійскій принцъ пустился за нимъ въ погоню, но онъ и его спутники были убиты волшебнымъ мечомъ.

Брунцвигъ соединяется со своей женой и замѣняетъ на гербѣ чернаго орла львомъ. Долго послѣ этого царствовалъ еще Брунцвигъ. Когда Брунцвигъ умеръ, левъ не пережилъ его.

3) „О Василіи королевичѣ Златовласомъ Чешскія земли“. Эта повѣсть—чешскаго происхожденія.

У чешскаго короля Мечислава былъ сынъ Василій, весьма добродѣтельный и прекрасный: „власы у него, аки злато сіяютъ“. Пришло Василію время жениться. Отъ гостя Василія королевичъ узналъ, что есть прекрасная невѣста, французская королевна Полиместра, и рѣшилъ сдѣлать ей предложеніе. Отецъ совѣтовалъ сыну отказаться отъ своего намѣренія, потому что французское королевство велико и славно, и честно, и богато, а чешское королевство — убого, и сватовство чешскаго королевича будетъ отвергнуто. Королевичъ не послушался отца и отправилъ во Францію пословъ къ королю.

Французскій король, услышавъ просьбу Василія выдать за него дочь, пришелъ въ гнѣвъ, а королевна разбила чашу, которую онъ прислалъ ей въ подарокъ, и сказала: „Не тертъ

де не калачъ, не мятъ не ремень, не тотъ сапогъ не въ ту ногу обутъ, садится лычко къ ремешку лицомъ; понять (взять) де хочетъ смердовъ сынъ кралевскую дщерь!“

Получивъ оскорбительный отказъ, Василій рѣшился отомстить и королю, и королевнѣ. Гость Василій снарядилъ корабль, нагрузилъ его драгоцѣнными вещами, взялъ подъ видомъ матросовъ 30 „сенаторскихъ и рыцарскихъ отроковъ“, въ томъ числѣ королевича Василія, и отплылъ во Францію.

Пріѣхавъ сюда, гость Василій отправился къ королю съ подарками. Въ его отсутствіи королевичъ сталъ играть на своихъ гусляхъ: всѣ въ городѣ и въ королевскомъ дворцѣ стали плясать. Король заинтересовался музыкантомъ и сталъ просить гостя Василія продать его ему. Гость согласился, но за такую цѣну: „Поставь его на золотомъ коврѣ и осыпь его всего съ головы даже до ногъ червонцами златыми — то ему цѣна“. Король уплатилъ и пріобрѣлъ музыканта.

Для музыканта выстроили близъ королевскаго дворца домъ. Музыкантъ великолѣпно украсилъ его, а опочивальню устроилъ изъ зеркальныхъ стеколъ.

Послѣ первой встрѣчи съ музыкантомъ королевна сказала, что въ ея королевствѣ нѣтъ другого такого умнаго и прекраснаго молодца, и стала догадываться, что онъ — не изъ простого рода. Королевна стала часто приглашать музыканта во дворецъ играть на гусляхъ. Она допытывалась у него объ его родѣ и для этого старалась напоить его допьяна. Музыкантъ притворился пьянымъ и попросилъ королевну, чтобы она послала его гусли къ нему въ домъ съ какой-либо изъ дворцовыхъ дѣвицъ, такъ какъ самъ боится уронить ихъ и разбить. Музыкантъ показалъ дѣвицѣ свой домъ и подарилъ ей дорогой перстень. Королевна взяла у дѣвицы перстень за двадцать червонцевъ. Въ слѣдующій разъ произошло то же самое, и другая дѣвица получила золотую цѣпь. Тогда королевна рѣшила, переодѣвшись въ платье дворцовой дѣвицы, сама отправиться въ домъ музыканта. Музыкантъ показалъ ей домъ, угостилъ ее, а затѣмъ завелъ въ опочивальню, схватилъ „плеть-нагайку“ и сталъ бить ее по бѣлому тѣлу, приговаривая: „не тертъ не калачъ, не мятъ не ремень“ и т. д. Догадалась королевна, что музыкантъ — королевичъ Василій Златовласый.

Наказавъ королевну, Василій сѣлъ на корабль и уѣхалъ на родину. Отсюда онъ написалъ французскому королю о

происшедшемъ. Французскій король немедленно послалъ къ королевичу посольство съ просьбой жениться на его дочери. Королевичъ согласился. Былъ заключенъ бракъ. Во Франціи была великая радость. Послѣ смерти своей французскій король завѣщалъ свое королевство Василію.

4) **„Повѣсть о преславномъ римскомъ кесарѣ Оттонѣ“.** Жену кесаря Оттона, подъ именемъ котораго изображается Октавіанъ, оклеветали въ невѣрности. Кесарь прогналъ ее отъ себя вмѣстѣ съ двумя дѣтьми. Мать пошла съ дѣтьми, куда глаза глядятъ. Въ лѣсу, когда она уснула, обезьяна похитила одного ея сына, Флоренса, а львица — другого, Октавіана, получившаго потомъ прозвище Ліона. Флоренсъ былъ спасенъ однимъ воиномъ. Выросши, Флоренсъ совершилъ нѣсколько подвиговъ, когда на Францію напалъ египетскій султанъ, и былъ посвященъ въ рыцари. Октавіанъ Ліонъ также былъ спасенъ: огромный грифъ схватилъ львицу, которая уносила его, и перенесъ ее съ ребенкомъ на далекій островъ. Здѣсь, на островѣ, нашла его мать, проѣзжавшая мимо этой земли. Когда Октавіанъ Ліонъ выросъ, произошло важное событіе: Оттонъ потерпѣлъ пораженіе отъ египетскаго султана и попалъ вмѣстѣ съ Флоренсомъ въ плѣнъ; Октавіанъ Ліонъ разбилъ султана, взялъ его въ плѣнъ и освободилъ Оттона и Флоренса. Оттонъ узнаетъ во Флоренсѣ и въ Октавіанѣ своихъ дѣтей и примиряется со своей женой. Флоренсъ женится на дочери египетскаго султана, принявшей христіанство, и дѣлается англійскимъ королемъ. Октавіанъ женится на дочери испанскаго короля и наслѣдуетъ его королевство.

5) **„Повѣсть о семи мудрецахъ“.** Эта повѣсть представляетъ переработку индійской повѣсти о мудрецѣ Синдбадѣ (въ греческомъ переводѣ — „Синтипа“).

Король Еліозоръ отдалъ своего сына Діоклитьяна на воспитаніе семи мудрецамъ, которые должны были научить королевича всякой премудрости. Мудрецы воспитываютъ королевича вдали отъ отца. Король овдовѣлъ и женился второй разъ. У него появились дѣти отъ второй жены. Чтобы царство досталось ея дѣтямъ, мачеха задумала погубить пасынка и попросила короля пригласить сына, уже окончившаго свое образованіе, ко двору. Мудрецы по звѣздамъ узнали, что королевичъ по пріѣздѣ къ отцу лишится способности говорить на семь дней и что королевичу будетъ угрожать великая опасность.

Предвидѣніе мудрецовъ оправдалось: королевичъ онѣмѣлъ. Между тѣмъ мачеха влюбилась въ королевича и предложила ему обмануть короля. Королевичъ отказался; мачеха оклеветала его передъ королемъ. Король велѣлъ повести королевича на казнь. Одинъ изъ мудрецовъ проситъ палачей пріостановить казнь, идетъ къ королю и разсказываетъ ему притчу, въ которой изображается вредъ поспѣшности и довѣрія къ женщинамъ. Вѣрная собака и соколъ, — разсказалъ мудрецъ, — спасли отъ змѣи сына своего господина, рыцаря. Мачеха увидѣла на собакѣ кровь и, подумавъ, что она загрызла ребенка, сообщила объ этомъ рыцарю. Рыцарь убилъ собаку. Увидѣвъ около колыбели ребенка мертвую змѣю, рыцарь догадался о своей ошибкѣ. Услышавъ эту притчу, король отложилъ казнь сына. Мачеха разсказываетъ королю свою притчу, послѣ которой онъ снова распоряжается казнить сына. Является къ королю второй мудрецъ, притча котораго заставляетъ короля опять отложить казнь. Такъ продолжалось въ теченіе семи дней, по прошествіи которыхъ у королевича снова явился даръ рѣчи. Королевичъ разсказалъ о происшедшемъ, и мачеха подвергается наказанію.

6) Петръ Золотые ключи, Мелюзина, Тристанъ, Ланжелотъ. Первая изъ этихъ повѣстей, носящая заглавіе „Исторія о храбромъ князѣ Петрѣ Златыхъ Ключахъ и о прекрасной королевнѣ Магиленѣ неаполитанской“, изображаетъ разлуку двухъ любящихъ другъ друга существъ, ихъ страданія, приключенія и счастливое соединеніе.

Въ „Мелюзинѣ“ изображается дочь волшебницы, которая за непочтеніе къ отцу подверглась такому наказанію: каждую субботу она превращалась въ получеловѣка, полузмѣю. Отъ этого наказанія она могла освободиться подъ условіемъ, если найдетъ себѣ мужа, который будетъ знать объ ея превращеніяхъ и примирится съ ними. Такой мужъ нашелся: это былъ графъ Раймундъ изъ Пуату, который согласился не видѣть Мелюзины по субботамъ, когда она должна была совершать свои омовенія. Долго Раймундъ жилъ счастливо съ женой. У Раймунда было нѣсколько сыновей. Благодаря волшебству Мелюзины у Раймунда явились неприступные, крѣпкіе замки и богатство. Однажды Раймундъ нарушилъ свое обѣщаніе. Мелюзина, замѣтивъ появленіе мужа, съ крикомъ печали исчезла. Удачи Раймунда прекратились. Съ тѣхъ поръ, когда

потомкамъ Раймунда угрожала какая-либо опасность, Мелюзина за три дня являлась на башнѣ ихъ замка.

Въ „Тристанѣ“ и „Ланжелотѣ“ изображаются любящіе герои и героини.

297. Нравоучительныя повѣсти. Къ нравоучительнымъ повѣстямъ относятся произведенія, вошедшія въ составъ двухъ сборниковъ: 1) „Римскія Дѣянія“ („Gesta Romanorum“), 2) „Великое Зерцало“ („Speculum magnum“) и 3) „Бесѣда отца съ сыномъ о женской злобѣ“.

1) „Римскія Дѣянія“. Сборникъ „Римскія дѣянія“ получилъ такое названіе потому, что первоначально въ немъ преобладали анекдотическіе разсказы изъ римской исторіи. Позднѣе содержаніе сборника пополнилось множествомъ романовъ и повѣстей, заимствованныхъ изъ разныхъ источниковъ. Каждый разсказъ сопровождается символическимъ толкованіемъ съ христіанской точки зрѣнія. Образчиками разсказовъ изъ „Римскихъ дѣяній“ могутъ послужить: а) „Повѣсть объ Аполлоніи Тирскомъ“ и б) „Житіе св. Евстафія Плакиды“.

а) „Повѣсть объ Аполлоніи Тирскомъ“. Въ Антіохіи царствуетъ Антіохъ. Когда умерла его жена, онъ влюбился въ свою дочь и сталъ жить съ нею, какъ съ женою.

Къ дочери его сваталось много жениховъ. Антіохъ обѣщалъ отдать свою дочь тому, кто отгадаетъ предложенную загадку; если же женихъ не отгадаетъ, онъ лишится головы. Много юношей погибло. Является къ Антіоху просить руку его дочери Аполлоній Тирскій. Аполлоній отгадываетъ загадку, смыслъ которой былъ тотъ, что Антіохъ любитъ свою дочь. Это привело Антіоха въ ярость, и Аполлоній вынужденъ былъ спасаться бѣгствомъ и скитаться по свѣту.

Однажды корабль, на которомъ онъ ѣхалъ, быть разбитъ бурей. Аполлоній спасся. Дочь царя Архистрата, пораженная ловкостью Аполлонія во время турнира и искусствомъ въ играхъ, въ танцахъ и въ музыкѣ, влюбляется въ него и выходитъ за него замужъ.

Аполлоній получаетъ извѣстіе, что Антіохъ и его дочь убиты молніей, и царство переходитъ къ нему. Онъ отправляется съ женою на кораблѣ въ Антіохію. По дорогѣ жена Аполлонія рождаетъ дочь, названную Тарсіей, и погружается въ каталепсію. Ее считаютъ мертвой, кладутъ въ ящикъ, крѣпко закупориваютъ его и бросаютъ въ море. Аполлоній безутѣшенъ.

Пріѣхавъ въ Тарсъ, Аполлоній передаетъ свою дочь на воспитаніе Странгвилліону и его женѣ Діонисіи, а самъ отправляется странствовать дальше.

Діонисія возненавидѣла Тарсію за ея красоту. Она велѣла рабу своему убить ее. Рабъ взялъ Тарсію, повелъ ее къ берегу моря и готовился исполнить приказаніе, какъ вдругъ появились пираты и похитили Тарсію. Пираты привезли Тарсію въ Митилену и продали ее. Здѣсь она обратила на себя вниманіе одного изъ именитыхъ людей города, Аѳиногора, который принялъ въ ней участіе.

Аполлоній возвращается въ Тарсъ. Діонисія сообщаетъ ему, что его дочь скоропостижно скончалась. Это новое горе заставило Аполлонія пуститься опять въ странствованіе. Онъ сѣлъ на корабль и направился къ Тиру. Буря занесла корабль въ Митилену. Аполлоній встрѣчается съ дочерью.

Въ вѣщемъ снѣ Аполлоній узнаетъ, что жена его жива и находится въ Эфесѣ. Ящикъ, въ которомъ она была закупорена, былъ прибитъ къ берегу. Ее уже готовились предать сожженію, когда одинъ ученикъ врача замѣтилъ въ ней признаки жизни и оживилъ ее.

Аполлоній ѣдетъ съ Тарсіей и Аѳиногоромъ, который женился на Тарсіи, въ Эфесъ, а оттуда со всѣмъ семействомъ отправляется въ Антіохію, гдѣ вступаетъ во власть.

б) „Житіе св. великомученика Евстафія Плакиды“. Плакида былъ знатнымъ вельможей при императорѣ Траянѣ. Онъ и его жена были язычниками, но отличались добродѣтельностью. Однажды Плакида на охотѣ гнался за прекраснымъ оленемъ, который взбѣжалъ на высокую гору. Плакида раздумывалъ, какъ бы поймать его. Вдругъ Плакида увидѣлъ, что между рогами оленя, какъ солнце, заблисталъ крестъ. Олень заговорилъ по-человѣчески: „О, Плакида! Почто мя гониши?“ Плакида ужаснулся. Вмѣстѣ съ семьей Плакида принялъ крещеніе и получилъ имя Евстафія.

На охотѣ Плакида вторично встрѣтилъ оленя, который предупредилъ его, что дьяволъ будетъ его испытывать. Скоро на Плакиду обрушился рядъ бѣдствій: умерли его рабы, погибъ скотъ, воры ограбили его имущество. Плакида съ семьей покинулъ домъ и пошелъ странствовать. Онъ сѣлъ на корабль. Нечѣмъ было Плакидѣ заплатить за проѣздъ, и у него взяли жену. Одного его сына унесъ волкъ, другого—левъ. Плакида

сдѣлался пастухомъ. Черезъ 15 лѣтъ Плакиду нашли посланные отъ царя и привели его къ нему. Плакида сдѣлался военачальникомъ. Среди подчиненныхъ ему воиновъ оказались его дѣти, которыя были отбиты людьми у волка и льва. Нашлась и жена Плакиды.

Новый царь Андреонъ, преслѣдовавшій христіанъ, велѣлъ бросить Плакиду съ семьей льву на съѣденіе. Левъ не тронулъ ихъ. Тогда они были брошены въ раскаленнаго мѣднаго быка. Такъ окончилъ жизнь Плакида съ семьей.

2) **„Великое Зерцало“**. „Великое Зерцало“ представляетъ громадный сборникъ повѣстей, легендъ и анекдотовъ, число которыхъ доходитъ до 900. Онъ былъ составленъ изъ другихъ сборниковъ въ началѣ XVI в. ученымъ іезуитомъ Іоанномъ Майеромъ. Повѣсти и разсказы этого сборника носятъ характеръ аскетически-нравоучительный съ отпечаткомъ католицизма. Въ нихъ осуждаются пьянство, игры, танцы, чародѣйство и поощряются аскетизмъ, терпѣніе, чистота, гостепріимство, почтеніе къ родителямъ и т. д. Въ нѣкоторыхъ повѣстяхъ осуждаются кальвинизмъ и лютеранство. Нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ анекдоты. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Одинъ молодой человѣкъ влюбился въ свою госпожу. Убѣдившись, что она къ нему равнодушна, юноша захворалъ. Выздоровѣвъ, онъ сѣлъ на коня и поѣхалъ молиться. По дорогѣ ему попалась прекрасная женщина, озаренная свѣтомъ: это была Дѣва Марія. Она остановила юношу и стала убѣждать его отказаться отъ грѣшной земной любви и обѣщала стать его невѣстой. Дѣва Марія позволила юношѣ поцѣловать ее. Юноша исцѣлился отъ грѣшной любви.

Ученики во время игры задумали совершить дурной поступокъ. Одинъ изъ учениковъ воспротивился этому. Но за то, что этотъ ученикъ находился въ сообществѣ со своими дурными товарищами, онъ былъ чудеснымъ образомъ наказанъ: на улицѣ ангелъ ударилъ его по щекѣ; щека вспухла, и ученикъ долго не могъ выйти изъ дому. Этотъ разсказъ заканчивается такимъ правоученіемъ: „О, блаженный ударъ, посланный съ неба, въ наученіе впредь идущимъ поколѣніямъ. Итакъ, знай, что Богу и ангеламъ мерзко есть сообщаться со злыми“.

Одинъ ребенокъ, мать котораго была католичка, а отецъ — кальвинистъ, крещенный по обряду кальвинистовъ, умеръ, а когда его крестили по католическому обряду, воскресъ.

Дочь Генриха, князя Брабантскаго, жена брата нѣмецкаго короля, вдругъ родила 364 ребенка.

3) **„Бесѣда отца съ сыномъ о женской злобѣ“.** Отецъ бесѣдуетъ съ сыномъ „о женской злобѣ“, на основаніи „писанія богомудрыхъ отецъ и премудраго Соломона, и Іисуса Сирахова, и отъ многихъ философовъ и искусныхъ“.

Отецъ совѣтуетъ своему сыну совершенно избѣгать женщинъ. Онъ разсказываетъ исторію Адама и Евы, напоминаетъ, что „многія крови проліяшася и царства разоришася и царіе отъ живота гонзули“ (лишились жизни) и восклицаетъ: „Горе граду тому, въ немъ же владѣтельствуетъ жена! Горе дому тому, имъ же владѣетъ жена! Зло и мужу тому, иже слушаетъ жены!“

Отецъ характеризуетъ женщину словами Златоуста: „Украшаютъ бо тѣлеса своя, а не душу, уды (члены) своя связали шелкомъ, лбы свои поттягнули жемчугомъ, ушеса своя завѣсили драгими рясами, да не слышатъ гласа Божія, ни святыхъ книгъ почитанія, ни отцовъ своихъ духовныхъ ученія“. Женскій разумъ,—говоритъ отецъ,—„яко храмина непокровенна и яко вѣтрило наверху горъ, скорообразно вертящеся... Лучше купити коня или вола, или ризу, нежели злу жену поняти“. Злая жена—„домашняя буря, многимъ потопъ, сердцу копіе, смертоносная бесѣда, грѣхомъ учительница, хоругвь адова“.

Отецъ рисуетъ сыну типы разныхъ женщинъ — льстивой, пронырливой, сварливой, злоязычной, „обавницу“ (волшебницу) и еретицу и т. д. „Обавница“ съ дѣтства „начнетъ у проклятыхъ бабъ обавничества навыкать и еретичества искать, и вопрошати будетъ многихъ, како бъ ей замужъ выйти и какъ бы ей мужа обавити, и взыщетъ обавниковъ и обавницъ и волшебствъ сатанинскихъ, и надъ ѣствою будетъ шепты ухищряти, и подъ нозѣ подсыпати, и въ возглавіе и въ постелю вшивати, и въ порты рѣзаючи, и надъ челомъ втыкаючи и всякія прилучившіяся къ тому промышляти, и кореніемъ и травами примѣшати, и всѣмъ надъ мужемъ чаруетъ, сердце его высосетъ, тѣло изсушитъ, красоты въ лицѣ не оставитъ, и во очесехъ свѣтлость погубитъ, и всякому въ попошеніе вложитъ“.

Сынъ убѣждается доводами отца и говоритъ, что они укрѣпили его противъ женской „прелести“ (коварства). Отецъ пре-

достерегаетъ его противъ излишней самоувѣренности: не слѣдуетъ надѣяться на „мужество свое и на храбрость, еже жити со звѣремъ симъ“, и ссылается на примѣры Соломона, Сампсона и Александра.

298. Фацеціи. Фацеціями называются сборники съ шуточными повѣстями, разсказами и анекдотами, которые складывались по преимуществу въ средѣ западно-европейской буржуазіи. Въ нихъ изображаются смѣшныя приключенія, характерныя черты и недостатки разныхъ сословій, недогадливость крестьянъ, легковѣріе и непостоянство женщинъ. Шутка часто выходила за предѣлы того, что съ нынѣшней точки зрѣнія считается приличнымъ, особенно, когда рѣчь шла о женщинѣ.

Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Кесарь Каролусъ наткнулся по дорогѣ на лежавшаго мертвецки пьянымъ Гануса. Кесарь велѣлъ притащить его во дворецъ, одѣть въ царскія одежды и окружить придворными слугами. Протрезвившись, Ганусъ сначала изумился, потомъ, вообразивъ себя царемъ, началъ давать распоряженія. По приказанію кесаря, Ганусу стали носить отъ стола дорогія яства. Ганусу они не понравились: онъ предпочелъ бы „трескати кислую съ сельдями капусту или рѣдьку съ солью“. Ганусъ опять напился до безчувствія. По приказанію кесаря, Гануса переодѣли въ старый костюмъ и вытащили на улицу. Проснувшись и вспомнивъ о происшедшемъ, Ганусъ пришелъ къ убѣжденію, что все это онъ видѣлъ во снѣ.

Житель одной веси, умирая, завѣщалъ своей женѣ продать послѣ его смерти вола и то, что она выручитъ за него, раздать во имя Божіе за его душу. Видя, что мужъ скоро умретъ, жена, „зѣло плакася о немъ“ и обѣщала исполнить его волю: „и не точію сіе сотворю,—говорила она,—но еще отъ своихъ утварей продамъ и дамъ о душѣ твоей“. Похоронивъ мужа, вдова пошла съ воломъ въ городъ, чтобы продать его. „Взя же съ собою и кота домоваго продати“. Мясникъ спросилъ у вдовы, сколько она хочетъ за вола. Вдова попросила грошъ. Мясникъ изумился и спросилъ ее, продаетъ ли она, или глумится. Вдова отвѣтила, что она въ самомъ дѣлѣ за грошъ продаетъ вола, но съ однимъ условіемъ, если онъ купитъ вмѣстѣ съ воломъ и кота, а за кота она возьметъ четыре золотыхъ. Мясникъ размыслилъ, что, хотя котъ и дорогъ, но ради вола стоитъ

купить его. „И такъ, даде за вола грошъ, а за кота четыре златыхъ“. Вернувшись въ свою весь, жена, „еже взя за кота, на иждивеніе положи, а грошъ, еже взя за вола, по завѣщанію мужа, отдаде во имя Божіе за душу его“.

Крестьянинъ возвращался домой по покосу и замѣтилъ, что лугъ отлично „покошенъ“. Жена возразила на это, что лугъ „подстриженъ“. Завязался горячій споръ. Крестьянинъ былъ выведенъ изъ себя. Онъ схватилъ жену и бросилъ ее въ воду. Жена стала тонуть; но и погружаясь въ воду, она упрямо продолжала настаивать на своемъ: она выставила надъ поверхностью воды руку, раздвинувъ наподобіе ножницъ два пальца и показывая ими, что лугъ „подстриженъ“, а не „покошенъ“.

Одна упрямая жена утонула въ рѣкѣ. Мужъ отправился искать ея тѣло вверхъ по теченію. Всѣ удивились глупости мужа. Но мужъ сталъ объяснять имъ, что его жена — упрямѣйшее созданіе: она и мертвая поступитъ не такъ, какъ другіе покойники, и не поплыветъ внизъ по теченію.

299. Апофѳегматы. Апофѳегматами называются сборники изреченій, состоящія изъ четырехъ книгъ: въ первой приводятся изреченія знаменитыхъ философовъ, во второй—„словеса царей, королей, князей, воеводъ, синклитикъ и иныхъ старѣйшинъ“, въ третьей—изреченія лакедемонянъ и въ четвертой—„гадательства честныхъ женъ и благородныхъ дѣвъ непростыхъ“.

Примѣры:

По дорогѣ шелъ нѣкій дуракъ и ударилъ Сократа ногой. Когда друзья Сократа выразили удивленіе тому, что онъ стерпѣлъ такую обиду и не позвалъ дурака къ судьѣ, Сократъ спросилъ ихъ: „Если бы меня ударилъ оселъ, неужели и его я долженъ привлечь къ суду?“ Мудрецъ хотѣлъ сказать, что безумный мало чѣмъ отличается отъ скота: какъ безсловесному скоту, когда онъ напираетъ, такъ и скудоумному человѣку не слѣдуетъ оказывать сопротивленіе.

Когда Александру принесли ящикъ, драгоцѣннѣе котораго ничего не нашлось въ сокровищницѣ Дарія, и спросили его, на что онъ велитъ употребить его, царь отвѣтилъ, что, по его мнѣнію, приличнѣе всего было бы хранить въ немъ Гомеровы книги, желая этимъ сказать, что ученіе и писанія мудрыхъ людей должны быть въ великой почести.

300. Думы. Думами называются малорусскія старины, которыя до послѣдняго времени пѣлись въ Малороссіи профессіональными пѣвцами (кобзарями, бандуристами) подъ аккомпаниментъ кобзы или бандуры. Въ нихъ отразились по преимуществу эпизоды изъ борьбы Юго-западной Руси съ татарами, турками и поляками. Въ думахъ, отразившихъ борьбу съ поляками, изображаются подвиги Наливайки, Лободы, Чурая, Полтора-Кожуха и особенно Богдана Хмельницкаго. Изъ думъ наиболѣе замѣчательны слѣдующія: 1) Бѣгство трехъ братьевъ изъ Азова, 2) Маруся Богуславка, 3) Байда, 4) Алексій Поповичъ.

1) Бѣгство трехъ братьевъ изъ Азова. Не великіе туманы вставали изъ города Азова — три родныхъ брата казака убѣгали изъ тяжкой турецкой неволи, двое старшихъ на коняхъ, а младшій — пѣшкомъ. У младшаго брата — ноги въ крови, не можетъ онъ поспѣвать за старшими. Младшій проситъ старшихъ подождать его, взять съ собою и довести до христіанскихъ городовъ. Старшіе изъ страха, что турки догонятъ ихъ, отказываются. Младшій проситъ старшихъ, по крайней мѣрѣ, бросать на пути вѣтки, чтобы онъ могъ идти по ихъ слѣдамъ. Братья согласились и поѣхали впередъ.

Идетъ младшій казакъ вслѣдъ за братьями и находитъ по дорогѣ вѣтки, затѣмъ куски красной подкладки. Найдя подкладку, младшій братъ залился „дрібними“ слезами. Не къ добру, — думалось ему, — эта подкладка: быть можетъ, турки настигли его братьевъ и перерубили ихъ. Онъ молитъ Бога помочь ему найти тѣла братьевъ и похоронить.

Мучитъ младшаго брата жажда, голодъ, донимаетъ его степной вѣтеръ. Дошелъ онъ до кургана Саворъ и легъ отдохнуть. Тотчасъ же слетѣлись сизые орлы и стали смотрѣть въ глаза казаку. Замѣтилъ это казакъ и проситъ орловъ слетаться къ нему и выклевывать его глаза тогда, когда онъ не будетъ видѣть Божьяго свѣта. Сказавъ это, казакъ отдалъ Богу душу. Слетѣлись орлы и выклевали глаза у казака; сбѣгались волки, растерзали его тѣло и стали глодать его кости и жалобнымъ воемъ справлять его похороны; сизая зозуленька (кукушка) сѣла въ головахъ и стала жалобно куковать.

Старшіе братья приближались уже къ христіанскимъ городамъ. Въѣхавъ на поля самарскія, они остановились отдох-

путь на берегу рѣки. Вдругъ набѣжали безбожные бусурмане и порубили братьевъ. Долго бусурмане глумились надъ ихъ тѣлами.

2) Маруся Богуславка. На берегу Чернаго моря стояла каменная темница. Въ ней находилось 700 плѣнныхъ казаковъ, которые сидѣли тамъ уже тридцать лѣтъ. Приходитъ къ нимъ обусурманившаяся поповна Маруся Богуславка и сообщаетъ имъ, что теперь на Руси—страстная суббота, а завтра—Пасха. Упали казаки на сырую землю и стали проклинать Марусю за то, что она своимъ сообщеніемъ растравила ихъ тоску по родинѣ. Маруся стала утѣшать казаковъ. Она имъ сказала, что завтра султанъ отправится въ мечеть и отдастъ ей ключи: она откроетъ двери темницы и выпуститъ ихъ на волю. На другой день Маруся пришла въ темницу, выпустила казаковъ и просила ихъ, когда они будутъ въ городѣ Богуславѣ, пожелать отъ нея всего хорошаго ея родителямъ и передать имъ ея просьбу не выкупать ея изъ плѣна: „Бо вже я потурчилась, побусурманилась, для роскоші турецкоі, для лакомства несчастнаго“.

3) Байда. Въ думѣ о Байдѣ изображается конецъ гетмана Дмитрія Вишневецкаго (полов. XVI в.), жизнь котораго была богата приключеніями. Вишневецкій приглашенъ былъ занять господарскій престолъ въ Молдавіи. Въ борьбѣ мѣстныхъ партій Вишневецкій потерпѣлъ пораженіе и былъ выданъ туркамъ, которые казнили его въ Константинополѣ. Разсказываютъ, что турки сбросили его со стѣны внизъ; онъ повисъ на выступавшемъ изъ стѣны желѣзномъ крюкѣ; три дня онъ висѣлъ, пока, наконецъ, турки, выведенные изъ себя его издѣвательствами надъ Магометомъ, не убили его. Думы о Байдѣ подвергли разсказы о Вишневецкомъ переработкѣ.

Байда гуляетъ въ Царьградѣ. Султанъ посылаетъ къ нему посла и предлагаетъ ему перейти въ магометанство, обѣщая выдать за него свою дочь и сдѣлать его паномъ. Байда отказывается, потому что вѣра султана—проклятая, а дочь его—поганая. Султанъ приказалъ повѣсить Байду за ребро на крюкѣ. Нѣсколько дней висѣлъ Байда и порицалъ магометанскую вѣру. Онъ упросилъ товарища подать ему лукъ и убиваетъ султана, его жену и дочь.

4) Алексій Поповичъ. Казаковъ застигла на Черномъ морѣ страшная буря и стала трепать ихъ суда. Старшина велѣлъ

всѣмъ казакамъ каяться въ грѣхахъ, чтобы узнать, за чьи вины приходится имъ всѣмъ расплачиваться. Казаки молчали. Только одинъ Алексій Поповичъ призналь себя большимъ грѣшникомъ и проситъ бросить его въ море за всѣхъ: отъѣзжая въ войско, онъ не прощался съ отцомъ-матерью, не почиталъ старшаго брата и старшей сестры; выѣзжая изъ города, онъ раздавилъ 300 дѣтей; проходя мимо церквей, не снималъ шапки, не клалъ на себя креста, не вспоминалъ отцовой-матерней молитвы. Когда Алексій Поповичъ окончилъ свою исповѣдь, буря утихла. Алексій Поповичъ дѣлаетъ выводъ: который человѣкъ уважаетъ „отцовьскую-матчину" молитву, того эта молитва со дна моря вытаскиваетъ.

301. Общій взглядъ на литературу четвертаго періода. Четвертый періодъ имѣлъ громадное значеніе въ исторіи русской культуры.

Во-первыхъ, четвертый періодъ впервые выдвинулъ на литературно-научное поприще русскій средній классъ мѣщанства.

Во-вторыхъ, этотъ періодъ создалъ среднюю и высшую школу, въ которой русскіе могли получать систематическое развитіе и образованіе.

Въ-третьихъ, школа, возникшая въ четвертомъ періодѣ, имѣла боевой характеръ: она подготовляла изъ людей средняго класса (и другихъ классовъ) тонкихъ діалектиковъ, опытныхъ полемистовъ, ловкихъ диспутантовъ, краснорѣчивыхъ проповѣдниковъ, наконецъ, хорошо образованныхъ теоретиковъ.

Въ-четвертыхъ, четвертый періодъ далъ обширную литературу — учебную, богословскую, полемическую, ораторскую.

Въ-пятыхъ, этотъ періодъ далъ первую русскую драму (школьную), первый литературный стихъ (вирши) и первыя малорусскія думы.

Въ-шестыхъ, онъ далъ обширную переводную беллетристику, въ которой по преимуществу отражается западно-европейская жизнь эпохи рыцарства и начальный періодъ въ жизни западно-европейской буржуазіи.

Библіографія. *Проф. Мих. Грушевскій*. Очерки изъ исторіи украинскаго народа. Изд. 2. Спб. 1906. — *Н. Рожковъ*. Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія. Ч. II. В. 2. М. 1906. — *В. Ключевскій*. Курсъ русской исторіи. Ч. III Спб. 1908. — *Н. Костомаровъ*. Южная Русь въ концѣ XVI вѣка. «Монографіи», т. III.—*А. Архангельскій*.

Борьба съ католичествомъ и умственное пробужденіе Южной Руси къ концу XVI в. Кіевъ. 1886.—*Флеровъ*. О православныхъ церковныхъ братствахъ, противодѣйствовавшихъ уніи. Спб. 1857. — *К. Харламповичъ*. Западно-русскія православныя школы XVI и начала XVII вѣка. Казань. 1898. — *С. Голубевъ*. Исторія Кіевской Духовной Академіи. В. I. Періодъ домогилянскій. Кіевъ. 1886. — *М. Булгаковъ*. Исторія Кіевской Академіи. Кіевъ. 1843.—*С. Голубевъ*. Древнія и новыя сказанія о началѣ Кіевской Академіи. Кіевъ. 1885. — *Н. Петровъ*. О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ Кіевской Академіи отъ начала ея до преобразованія въ 1819 г. «Тр. Кіев. Дух. Ак.» 1866, №№ 7, 11, 12, 1867, № 1, 1868, № 3.—*С. Голубевъ*. Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники. Т. I. Кіевъ. 1883. Т. II. Кіевъ. 1898. Рецензія *Н. И. Петрова* въ «Ж. М. Н. Пр.» 1884, № 1.—*Н. Костомаровъ*. Петръ Могила передъ судомъ изслѣдователей нашего времени. «Истор. Моногр.», т. XIV.—*П. Пекарскій*. Представители Кіевской учености въ XVII в. «От. Зап.» 1862, №№ 2—3. Содержаніе. I. Вступленіе: Состояніе просвѣщенія въ Польшѣ въ концѣ XVI и началѣ XVII ст. Вліяніе іезуитовъ на польскія училища. Характеръ, направленіе и цѣль преподаванія наукъ у іезуитовъ. Вліяніе польскихъ училищъ на Юго-западную Русь. II. Появленіе въ Кіевѣ Петра Могилы. Заведеніе училища.

I. Прозаическая литература. *П. Владимировъ*. Обзоръ южно-русскихъ и западно-русскихъ памятниковъ письменности отъ XI до XVII ст. Кіевъ. 1890.—*А. Архангельскій*. Очерки изъ исторіи западно-русской литературы XVI–XVII вѣка. М. 1888. — *А. С. Архангельскій*. Образованіе и литература въ Московскомъ государствѣ кон. XV—XVII вв. В. II—III. Казань. 1901.—*П. Владимировъ*. Докторъ Францискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ.—*Арсеній Сѣлецкій*. Острожская типографія и ея изданія. Почаевъ. 1885. Замѣтка *Н. Петрова* на эту книгу въ «Ж. М. Н. Пр.» 1886, № 4.—*Григоровичъ*. Статьи, касающіяся древне-славянскаго языка. Казань. 1862.—*Ник. Засадкевичъ*. Мелетій Смотрицкій, какъ филологъ. Одесса. 1883.—*П. Житецкій*. Очеркъ литературной исторіи мало русскаго нарѣчія въ XVI и XVII вв. Ч. I. Кіевъ. 1889.—*Памва Берында*. Лексиконъ славено-россійскій, именъ толкованіе, во II т. «Сказаній» Сахарова.—*А. Поповъ*. Обличительныя списанія противъ жидовъ и латинянъ. «Чтен. въ Общ. Ист. и Др. Росс.», 1879, кн. I.—*Н. И. Петровъ*. Западно-русскія полемическія сочиненія въ XVI в. «Труды Кіев. Дух. Ак.» 1894, №№ 2 — 4. — Памятники полемической литературы въ Западной Руси. Кн. I—III. «Рус. Ист. Библ.». Тт. IV, Спб. 1878, VII, Спб. 1882, XIX, Спб. 1903. Здѣсь помѣщены, между прочимъ: «О единствѣ церкви Божіей» и «Берестейскій соборъ и оборона его» Скарги, «Апокрисисъ» Филалета, «Палинодія» Копыстенскаго. — «Перестрога», въ «Акт. Зап. Россіи», т. IV. — *Н. Скабалановичъ*. Объ Апокрисисѣ Христофора Филалета. Спб. 1873.—*К. С. Еленевскій*. М. Смотрицкій. «Прав. Обозр.» 1861, №№ 6—8.—*В. З. Завитневичъ*. Палинодія Захаріи Копыстенскаго и ея мѣсто въ исторіи западно-русской полемики XVI и XVII вв. Варшава. 1883.—*Н. Ѳ. Сумцовъ*. Іоаннъ Вышенскій. Кіевъ. 1885.—*Миронъ* (Ив. Франко). Объ Іоаннѣ Вишенскомъ. «Кіев. Ст.» 1889, № 4. — *Ин. Житецкій*. Литературная дѣятельность Іоанна Вишенскаго. Кіевъ. 1890.—*Н. Сумцовъ*. Лазарь Барано-

вичъ. «Къ исторіи южно-русской литературы XVII в.». В. I. Харьковъ. 1885.—*Н. Сумцовъ*. Іоанникій Голятовскій. «Къ ист. южно-рус. лит. XVII в.». В. II. Кіевъ. 1884.—*Н. Костомаровъ*. Рус. истор. въ жизнеоп. В. V (о Лазарѣ Барановичѣ и Іоанникіи Галятовскомъ). — *М. Марковскій*. Антоній Радивиловскій, южно-русскій проповѣдникъ XVII в. Кіевъ. 1894. Рецензія *И. Житецкаю* въ «Ж. М. Н. Пр.» 1896, № 2. — *Ф. Терновскій*. Южно-русское проповѣдничество въ XVI и XVII ст. Кіевъ. 1869. — *А. Т—скій*. Характеристика южно-русской схоластической проповѣди въ связи съ проповѣдью западно-европейскою и польскою. Кіевъ. 1875. — *Н. Ѳ. Сумцовъ*. Иннокентій Гизель. «Къ ист. южно-рус. лит. XVII в.». В. III. Кіевъ. 1884.—*П. Милюковъ*. Главныя теченія русской исторической мысли. Т. I. 2 изд. М. 1898 (о «Синопсисѣ»).

II. Поэтическая литература. *Алексѣй Веселовскій*. Старинный театръ въ Европѣ. М. 1870.—*А. И. Пономаревъ*. Средневѣковыя мистеріи, ихъ церковное и историческое значеніе. «Христ. Чт.» 1880, №№ 5—6.—*А. И. Пономаревъ*. Рождественскіе обряды-мистеріи въ средніе вѣка. «Стран.» 1881, № 12.—*П. Пекарскій*. Мистеріи и старинный театръ въ Россіи. «Совр.» 1857, №№ 1—2.—*В. Сахаровъ*. Очерки церковныхъ дѣйствъ и мистерій въ древней Руси. «Чт. въ Общ. Люб. Дух. Просв.» 1880—1883.—*Н. С. Тихонравовъ*. Начало русскаго театра. «Соч.», т. II. М. 1898. — *Н. С. Тихонравовъ*. Первое пятидесятилѣтіе русскаго театра. «Соч.», т. II.—*Н. С. Тихонравовъ*. Русскія драматическія произведенія 1672—1725 гг., т. I—II. Спб. 1874. Здѣсь помѣщены, между прочимъ: «Алексѣй Божій человѣкъ», «Жалостная комедія объ Адамѣ и Евѣ», «Объ Іосифѣ» и др. — *П. Морозовъ*. Исторія русскаго театра до половины XVIII ст. Т. I. Спб. 1889. Здѣсь, между прочимъ: «Церковныя дѣйства въ Византіи и у насъ», «Школьная драма въ Западной Европѣ и Польшѣ. Народно-духовныя дѣйства и вертепъ», «Школьная драма въ Кіевской Академіи». — *П. Морозовъ*. Очерки изъ исторіи русской драмы XVII—XVIII ст. Спб. 1888. — *В. И. Рѣзановъ*. Изъ исторіи русской драмы. Школьныя дѣйства XVII—XVIII вв. и театръ іезуитовъ. Нѣжинъ. 1910.—*В. И. Рѣзановъ*. Памятники русской драматической литературы. Школьныя дѣйства XVII—XVIII вв. Приложеніе къ изслѣдованію «Изъ исторіи русской драмы». Нѣжинъ, 1907.—*В. Н. Перетцъ*. Къ исторіи польскаго и русскаго народнаго театра. «Изв. II Отд. Ак. Н.» 1905, т. X, кн. 1—2, 1907, т. XII, кн. 4, 1909, т. XIV, кн. 1.—*В. Н. Перетцъ*. Изъ начальнаго періода жизни русскаго театра. «Изв. II Отд. Акад. Н.», 1907, т. XII, кн. 3.—*Н. Петровъ*. Кіевская искусственная литература XVII—XVIII в., преимущественно драматическая. «Тр. Кіев. Дух. Ак.» 1909 — 1910 гг.—*В. Н. Перетцъ*. Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы. Т. I. Спб. 1900.—*А. Н. Пыпинъ*. Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ. Спб. 1857.—*Александръ Веселовскій*. Изъ исторіи романа и повѣсти. Т. I—II. Спб. 1886—1888. — *А. Веселовскій*. Замѣтки по литературѣ и народной словесности. Спб. 1883 (о Василіи королевичѣ Златовласомъ). — *С. Л. Пташицкій*. Средневѣковыя западно-европейскія повѣсти въ русской и славянскихъ литературахъ. I—II. Спб. 1897.—*П. В. Владимировъ*. Великое Зерцало. Изъ исторіи русской переводной литературы XVII вѣка. М. 1884.—*П. В. Владимировъ*. Къ изслѣдованію о Великомъ Зерцалѣ. «Учен. Зап. Казан. Ун. по ист.-

фил. фак.». Казань. 1884.—*Н. Максимовичъ.* Малороссійскія пѣсни. М. 1827. Третье изд. этой книги—подъ заглавіемъ «Сборникъ украинскихъ народныхъ пѣсенъ». Кіевъ. 1859.—*А. Метлинскій.* Народныя южно-русскія пѣсни. Кіевъ. 1854.—*Вл. Антоновичъ* и *М. Драгомановъ.* Историческія пѣсни малорусскаго народа, съ объясненіями. Т. I—II. Кіевъ. 1874—1875.—*В. П. Горленко.* Кобзари и лирники. «Кіев. Ст.» 1884, №№ 1, 12. — *В. Боржковскій.* Лирники. «Кіев. Ст.» 1889, № 9. — *Ѳ. И. Буслаевъ.* Объ эпическихъ выраженіяхъ украинской поэзіи. «Истор. Оч.», т. I. Спб. 1861.—*П. Кулишъ.* Записки о Южной Руси. Т. I. Спб. 1856 (Изслѣдованія, повѣрья, легенды. Думы и пѣсни).—*Н. И. Костомаровъ.* Историческое значеніе южно-русскаго пѣсеннаго творчества. «Бес.» 1872, №№ 4—6, 8, 10—12.—*Н. И. Костомаровъ.* Исторія казачества въ памятникахъ южнорусскаго народнаго творчества. «Р. М.» 1880, №№ 1—2, 5—8, 1883, № 7.—Историческая поэзія и новыя ея матеріалы. «В. Е.» 1874, № 12 (по поводу «Историческихъ пѣсенъ» Антоновича и Драгоманова). — *В. Каллашъ.* Палій и Мазепа въ народной поэзіи. «Этнограф. Обозр.» 1889, кн. II.

Періодъ пятый.

Эпоха южно-русскаго вліянія на Москву.

302. Эпоха южно-русскаго вліянія на Москву. Эпоха южно-русскаго вліянія на Москву охватываетъ вторую половину XVII в.

303. Москва во второй половинѣ XVII в. Во второй половинѣ XVII в. Москва развивается на тѣхъ экономическихъ и общественно-политическихъ основахъ, которыя были созданы къ половинѣ XVII в.

Зародившееся денежное хозяйство продолжаетъ развиваться. Особенно важную роль въ его развитіи сыграли войны съ Польшей (1654 — 1656 и 1658 — 1667) и съ Швеціей (1656—1661). Онѣ наглядно подчеркнули слабость организаціи московскихъ военныхъ силъ и превосходство западно-европейскихъ войскъ. Это усилило въ московскомъ правительствѣ стремленіе къ усвоенію западно-европейской техники военнаго дѣла и техникъ цѣлаго ряда производствъ, связанныхъ съ военнымъ дѣломъ (§ 219). Московское правительство продолжаетъ выписывать съ Запада военныхъ инструкторовъ для обученія нашихъ войскъ западно-европейскому строю, инженеровъ, техниковъ, мастеровъ. Иностранные капиталисты устраиваютъ заводы — желѣзодѣлательные, оружейные, стеклянные и т. д., на которыхъ русскіе рабочіе обучаются производствамъ. Развивается русская обрабатывающая промышленность, а съ нею и добывающая. Потеря финскаго побережья

даетъ себя сильно чувствовать, и правительство дѣлаетъ неудачную попытку арендовать у Лиѳоніи гавань на берегу Балтійскаго моря.

Общественный строй развивается въ прежнемъ сословномъ духѣ: наверху—аристократія, выдѣлившая изъ себя бюрократію, внизу—крестьяне и холопы, посрединѣ—посадскіе.

304. Стремленія сословій и классовъ, ихъ настроенія и міровоззрѣнія. Сословія и классы населенія Московской Руси во второй половинѣ XVII в. имѣли, въ зависимости отъ экономическаго и общественно-политическаго положенія, опредѣленныя стремленія и соотвѣтствующее имъ настроеніе и міровоззрѣніе.

Бюрократія, состоявшая по преимуществу изъ бояръ, дворянъ и дьяковъ, по условіямъ своей дѣятельности находилась въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ Западной Европой и въ постоянномъ общеніи съ иностранцами. Вслѣдствіе этого, представители бюрократіи на опытѣ испытывали превосходство Запада и его культуры. Они вольно и невольно подчинялись ея вліянію, заимствовали западно-европейскіе обычаи, языки, просвѣщеніе и стремились пересадить элементы западно-европейской культуры на русскую почву. По міровоззрѣнію своему представители бюрократіи, въ общемъ, оставались на почвѣ національной, которая была выработана русской мыслью въ XVI в. (§§ 222—265); у боярской части бюрократіи это міровоззрѣніе въ большей или меньшей степени сплеталось съ нѣкоторыми элементами міровоззрѣнія заволжскихъ старцевъ (§ 246). При столкновеніи съ хорошо обоснованными западно-европейскими міровоззрѣніями, католическимъ и протестантскимъ, господствующее міровоззрѣніе обнаруживало слабость и неустойчивость.

Наиболѣе выдающимися представителями бюрократической среды съ ея западничествомъ были Артамонъ Матвѣевъ, Ординъ-Нащокинъ, Ртищевъ, князь В. В. Голицынъ и др.

Дворянство, отстраненное съ половины XVII в. бюрократіей, стремится вернуть свое прежнее политическое значеніе. Вынужденное нести тяжелую службу подъ начальствомъ инструкторовъ-иноземцевъ, оно враждебно относится къ иноземцамъ, къ бюрократіи, покровительствовавшей имъ, и къ западно-европейской культурѣ. Міровоззрѣніе дворянства—національное, выработанное его представителями—іосифлянами;

въ немъ оно находитъ утѣшеніе, имъ оно пользуется, какъ орудіемъ борьбы противъ западно-европейскихъ міровоззрѣній, иноземцевъ и бюрократовъ-западниковъ.

Посадскіе, также отстраненные бюрократіей отъ политической власти, находятся въ очень тяжеломъ состояніи: *во-первыхъ*, многочисленныя войны, дорого стоившія, громадныя государственныя траты на содержаніе войска и наемныхъ иностранцевъ ложились тяжкимъ бременемъ въ значительной степени на посадскихъ; *во-вторыхъ*, богатство иностранныхъ капиталистовъ, промышленниковъ и торговцевъ, ихъ культурное развитіе и предпріимчивость, ихъ привилегированное положеніе отнимали всякую возможность у посадскихъ конкурировать съ ними. Это порождало въ средѣ посадскихъ враждебное отношеніе къ иноземцамъ и къ бюрократамъ-западникамъ. Свое недовольство посадскіе выразили въ цѣломъ рядѣ мятежей въ Новгородѣ, Псковѣ, Москвѣ. По міровоззрѣнію своему посадскіе примыкали къ дворянству: въ іосифлянствѣ они находили идейную опору противъ иноземцевъ. Но посадскіе вносили въ іосифлянское міровоззрѣніе новый элементъ — духъ протеста противъ власти боярско-дворянской аристократіи.

Крестьянство и холопы находились въ самомъ незавидномъ экономическомъ и общественно-политическомъ состояніи: ихъ мечта состояла въ томъ, чтобы вернуться къ древней свободѣ и равенству состояній. Съ помощью казаковъ они производятъ огромное возстаніе противъ аристократіи подъ предводительствомъ Стеньки Разина (1668—1671), но терпятъ пораженіе. Крестьяне, холопы и казаки, хотя и считаются христіанами, въ общемъ, еще проникнуты язычествомъ; но часть ихъ уже охвачена іосифлянскимъ міровоззрѣніемъ съ элементомъ протестующаго духа, внесеннымъ въ него посадскими.

305. Расколъ. Распространеніе западно-европейской культуры, грозившее религіозному элементу національнаго міровоззрѣнія, заставило руководителей церкви подыскивать мѣры къ его укрѣпленію. Ища исхода изъ создававшагося затрудненія, руководители русской церкви нашли себя вынужденными обратиться за помощью къ греческой церкви.

Несмотря на паденіе Византійскаго царства, традиціи высокаго византійскаго просвѣщенія сохранились въ греческой церкви, и ея представители уже издревле были хорошо во-

оружены противъ всякаго рода ересей и противъ католицизма. Правда, со времени Флорентійской уніи и особенно паденія Константинополя въ русскомъ обществѣ постепенно устанавливается взглядъ на грековъ, какъ на отступниковъ отъ православія, причемъ съ особенной силой этотъ взглядъ поддерживается и обосновывается іосифлянами. Однако этотъ взглядъ раздѣлялся далеко не всѣми представителями русскаго общества. Дѣдъ іосифлянъ, Пафнутій Боровскій, стоялъ въ русскихъ церковныхъ дѣлахъ за старинный порядокъ и полагалъ, что русская церковь должна находиться въ зависимости отъ греческой церкви. На этомъ основаніи онъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими русскими іерархами, не склоненъ былъ считать законнымъ главою русской церкви Іону, поставленнаго въ московскіе митрополиты безъ сношенія съ константинопольскимъ патріархомъ *). Помимо отдѣльныхъ лицъ существовала цѣлая партія мыслителей, которая рѣшительно не раздѣляла іосифлянскаго взгляда на грековъ и греческую церковь: это были заволжскіе старцы и большая часть боярства, сочувственно относившагося къ нимъ (Нилъ Сорскій, Вассіанъ Патрикѣевъ, Максимъ Грекъ, кн. Курбскій и др.). Вслѣдствіе пораженія, понесеннаго партіей заволжскихъ старцевъ, ея взглядъ на грековъ и греческую церковь не могъ получить преобладанія въ русскомъ обществѣ. Тѣмъ не менѣе, въ той части общества, которая окончательно еще не объіосифлянилась, заволжскій взглядъ на грековъ и греческую церковь продолжалъ еще существовать, принявъ форму стремленія къ единенію русской церкви съ восточной. Само правительство, добившись независимости русской церкви отъ константинопольской, на практикѣ, продолжало признавать верховный авторитетъ восточныхъ патріарховъ или, по крайней мѣрѣ, пользовалось имъ. Такъ, правительство поддерживало непрерывныя связи съ Востокомъ, оказывало патріархамъ и монастырямъ щедрую матеріальную поддержку. Иванъ Грозный добивался, чтобы восточные патріархи признали его царскій титулъ; по просьбѣ русскаго правительства константинопольскій патріархъ поставилъ перваго московскаго патріарха, а прочіе восточные патріархи признали его.

---

*) Митр. Іонѣ удалось измѣнить взглядъ Пафнутія только послѣ того, какъ онъ пустилъ въ ходъ свой жезлъ (§ 244).

Неудачи, испытанныя Москвой въ Ливонскую войну и въ эпоху Смуты, нанесли теоріи третьяго Рима чувствительные удары. Іосифлянское міровоззрѣніе, въ цѣломъ, перестало удовлетворять общество и особенно правящіе круги, наиболѣе чувствительно воспринимавшіе международныя отношенія: явилась потребность въ выработкѣ новаго міровоззрѣнія, или, по крайней мѣрѣ, въ новой комбинаціи старыхъ міровоззрѣній. Съ восшествіемъ на престолъ Михаила Ѳеодоровича создались благопріятныя условія для этого. Романовы, какъ представители московскаго боярства, придерживались взглядовъ заволжской партіи въ вопросѣ объ отношеніи русской церкви къ восточной. Вступивъ на престолъ, Романовы стали поддерживать этотъ взглядъ силою своего царскаго авторитета. Нѣкоторыя обстоятельства оказали особое содѣйствіе укрѣпленію и развитію даннаго взгляда въ придворномъ кругу.

Іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ поставилъ въ патріархи Филарета Никитича, отца Михаила Ѳеодоровича. Этотъ фактъ имѣлъ рѣшающее значеніе въ исторіи выработки новаго міровоззрѣнія. Филаретъ Никитичъ, долгое время бывшій въ плѣну у поляковъ, относился съ крайнимъ нерасположеніемъ къ латинству и къ уніи. Тѣмъ большее расположеніе проявлялъ Филаретъ въ отношеніи къ греческимъ іерархамъ: онъ находился въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ ними; при дворѣ его постоянно толпились греческіе іерархи, которымъ онъ покровительствовалъ и съ которыми нерѣдко совѣтовался, какъ съ образованными и свѣдущими лицами; эти греческіе іерархи участвовали въ церковныхъ службахъ на ряду съ русскими іерархами и даже присутствовали у Филарета на пріемахъ иностранцевъ. Съ особеннымъ почтеніемъ Филаретъ относился къ іерусалимскому патріарху Ѳеофану, просьбы котораго о матеріальной помощи Гробу Господню или отдѣльнымъ лицамъ, рекомендованнымъ имъ, онъ охотно исполнялъ.

Такимъ образомъ, при дворѣ Филарета были положены первыя основы для развитія особаго уваженія къ грекамъ и представителямъ греческой церкви. Въ атмосферѣ этого грекофильства воспитываются сынъ Филарета Михаилъ и особенно его внукъ Алексѣй: послѣдній уже былъ убѣжденнымъ грекофиломъ.

Грекофильство Алексѣя Михайловича вступило въ оригинальное сочетаніе съ нѣкоторыми элементами прежняго націо-

нальнаго міровоззрѣнія. Московскій царь былъ единственнымъ на землѣ православнымъ царемъ. На этомъ основаніи Алексѣй Михайловичъ смотрѣлъ на себя, какъ на единственнаго въ мірѣ представителя и охранителя всего православія, наслѣдника великихъ византійскихъ царей, продолжателя ихъ дѣла. Въ одной грамотѣ на Аѳонъ (1666) Алексѣй проситъ прислать въ Москву „изъ святогорскихъ монастырей грековъ, добрыхъ и ученыхъ людей, которые бы знали эллинское и словенское ученіе, трехъ человѣкъ иноковъ... Да въ святогорскихъ же монастырехъ сыскати бъ Судебникъ да Чиновникъ всему царскому чину прежнихъ благочестивыхъ греческихъ царей печатной; а сыскавъ тѣхъ ученыхъ людей и книги, прислать къ намъ, великому государю, не замотчавъ“ (немедля). Изъ грамоты этой можно видѣть, что Алексѣй желалъ достать „Судебникъ“ и „Чиновникъ“ византійскихъ царей, конечно, съ тою цѣлью, чтобы преобразовать придворный московскій этикетъ по византійскому образцу.

Греческіе іерархи поддерживали взглядъ Алексѣя на себя, какъ на преемника византійскихъ царей, и даже внушали ему мысль о завоеваніи Турціи и освобожденіи христіанъ отъ турецкаго владычества. Іерусалимскій патріархъ Паисій, привѣтствуя Алексѣя на аудіенціи въ 1649 г., говорилъ, между прочимъ: „Пресвятая Троица, Отецъ, Сынъ и Св. Духъ, едино царство и господство, благословитъ державное ваше царствіе, да умножитъ васъ превыше всѣхъ царей и покажетъ васъ побѣдителемъ и одолѣтелемъ на сопротивныхъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ, якоже и древнихъ и новыхъ царей: царя Давида, царя Езекія и великаго царя Константина; да утвердитъ васъ и умножитъ лѣта въ глубинѣ старости, благополучно сподобитъ васъ воспріяти вамъ превысочайшій престолъ великаго царя Константина, прадѣда вашего, да освободитъ народы благочестивыхъ и православныхъ христіанъ отъ нечестивыхъ рукъ, отъ лютыхъ звѣрей, что поѣдаютъ немилостиво, якоже Онъ освободилъ сыновъ израилевыхъ отъ фараонскихъ рукъ жезломъ—знаменіемъ честнаго животворящаго креста“. Бывшій константинопольскій патріархъ Аѳанасій Бателаръ въ своей челобитной царю Алексѣю (1653), между прочимъ, писалъ: греки имѣютъ въ русскомъ царѣ „столпъ твердый и утвержденіе вѣрѣ и помощника въ бѣдахъ и прибѣжище намъ и освобожденіе... А брату, государь, моему и сослужителю,

великому господину, святѣйшему Никону, патріарху московскому и всея Руси освящати соборную апостольскую церковь Софѣю Премудрость Божію".

Мало по малу грекофильство становится достояніемъ значительной части придворнаго круга. При дворѣ образуется кружокъ ревнителей православія, въ средѣ котораго дѣятельно обсуждались вопросы объ упорядоченіи церковной жизни, объ устраненія и исправленіи ошибокъ, вкравшихся въ обряды и въ богослужебныя книги, и т. д. Признавая высшій церковный авторитетъ за вселенской греческой церковью, представители кружка были убѣждены, что именно въ ней церковный чинъ и обряды сохранились въ своей первобытной чистотѣ и что московскія отличія въ церковномъ чинѣ и обрядахъ появились на русской почвѣ. Убѣжденные въ этомъ, представители кружка пришли къ заключенію, что вернуться къ первобытной чистотѣ можно при условіи, если установить полное единеніе между русской церковью и греческою и реформировать первую по образцу второй.

Во главѣ этого кружка грекофиловъ стоялъ благовѣщенскій протопопъ Стефанъ Вонифатьевъ, духовникъ царя Алексѣя Михайловича; членами его были самъ царь, бояринъ Ѳедоръ Ртищевъ, его сестра Анна, бояринъ Морозовъ, архимандритъ Новоспасскаго монастыря Никонъ, впослѣдствіи патріархъ. Среди членовъ кружка особенно выдавался Никонъ.

Сынъ простыхъ родителей (по показанію Аввакума, сынъ „черемисина" и „русалки", вѣроятно, русачки), Никонъ отличался твердымъ, непреклоннымъ характеромъ. Міровоззрѣніе Никона, до его поступленія въ кружокъ, не отличалось отъ общепринятаго тогда московскаго національнаго міровоззрѣнія. Сдѣлавшись членомъ кружка, Никонъ измѣнилъ нѣкоторые пункты своего міровоззрѣнія и сдѣлался грекофиломъ.

Къ кружку были привлечены и нѣкоторые даровитые посадскіе и сельскіе священники, которые по существу своему были далеки отъ грекофильской тенденціи, сложившейся въ кружкѣ, но которые могли оказаться полезными въ борьбѣ съ церковными нестроеніями. Это были знаменитые впослѣдствіи основатели раскола: Иванъ Нероновъ изъ Нижняго Новгорода, Аввакумъ изъ Юрьевца-Поволгскаго, Даніилъ изъ Костромы, Лазарь изъ Романова-Борисоглѣбска, Логгинъ изъ Мурома. Они держались того міровоззрѣнія, которое выработалось въ

средѣ посадскихъ (§ 304). Они твердо усвоили его и въ своей дѣятельности неуклонно проводили его въ жизнь. Живя еще въ провинціи, они энергично вели борьбу съ нарушеніями церковныхъ предписаній, при чемъ не задумывались обличать своимъ словомъ и представителей власти. За это имъ пришлось претерпѣть не мало невзгодъ. Проповѣди Аввакума, Неронова и другихъ отличались краснорѣчіемъ и были проникнуты живымъ религіознымъ чувствомъ.

Признавая верховный авторитетъ греческихъ іерарховъ въ церковныхъ дѣлахъ, члены кружка Вонифатьева, особенно Ѳедоръ Ртищевъ, относились съ большимъ расположеніемъ къ борцамъ за православіе въ Юго-западной Руси и цѣнили ея просвѣщеніе. Это тѣмъ болѣе было необходимо для кружка, что Москва не имѣла своихъ образовательныхъ средствъ и людей для осуществленія идеи единенія съ греческой церковью, между тѣмъ какъ Юго-западная Русь уже располагала большимъ количествомъ школъ, учебниковъ, богословско-полемическихъ и другихъ книгъ и выдвинула противъ католиковъ и протестантовъ рядъ выдающихся талантливыхъ борцовъ. Явилась потребность обратиться за книгами и людьми туда, въ Юго-западную Русь, откуда и раньше проникали въ Москву книги, объясняющія основныя начала православнаго ученія.

1) **Начало южно-русскаго вліянія.** На первыхъ порахъ книги, которыя привозились оттуда въ Москву, своимъ содержаніемъ и методомъ изложенія возбуждали въ московской церковной средѣ, проникнутой іосифлянствомъ, недоумѣнія и опасенія. Примѣромъ можетъ послужить отношеніе этой среды къ „Катехизису“ Лаврентія Зизанія и къ „Зерцалу богословія“ Кирилла Транквилліона (§ 286).

Патріархъ Филаретъ предложилъ игумену Ильѣ и справщику Григорію по исправленіи „Катехизиса“ поговорить съ авторомъ, по поводу сдѣланныхъ исправленій, „любовнымъ обычаемъ и смиреніемъ права“. Произошли три собесѣдованія, протоколъ которыхъ, подъ именемъ „прѣнія“, дошелъ до нашего времени. Во время „прѣнія“ выяснились основные пункты разногласія между представителемъ южно-русскаго просвѣщенія и представителями московскаго просвѣщенія. Въ книгѣ Лаврентія есть вопросъ о томъ, въ одномъ ли и томъ же мѣстѣ въ аду пребываютъ души крещеныхъ и некрещеныхъ, или нѣтъ. На этотъ вопросъ Лаврентій даетъ такой отвѣтъ:

„Православныхъ христіянъ души, которіи съ покаяніемъ умершіи, въ первомъ адѣ суть, а подъ ними, въ другомъ мѣстѣ, некрещеныхъ души“ *). Этотъ отвѣтъ не понравился представителямъ московскаго просвѣщенія, и они перемѣнили его, „для того, что православныхъ христіаномъ то и надежда вся, что послѣднимъ покаяніемъ отъ ада и всѣхъ вѣчныхъ мукъ свободу получаютъ“. „И написали отъ святыхъ и божественныхъ писаній, како намъ государь святѣйшій киръ Филаретъ патріархъ московскій и всея Русіи велѣлъ, что православныхъ христіянъ покаявшихся души во адъ не бываютъ сведены“. А Лаврентію заявили, что онъ „неправо проповѣдуетъ“. Лаврентій не сдался и поставилъ своимъ оппонентамъ вопросъ въ болѣе рѣзкой формѣ: „Вы что речете о отшедшихъ душахъ, иже во всякомъ небреженіи препроводиша житіе свое?“ **). Оппоненты твердо отвѣтили Лаврентію: „Мы глаголемъ о отшедшихъ душахъ съ чистымъ покаяніемъ; отшедшіи отъ насъ души не сходятъ во адъ, а во адѣ сошедшимъ душамъ безъ покаянія нѣсть исповѣданія, по пророческому реченію: во адѣ же что исповѣсть ти ся Господи?“ Не понравилось представителямъ московскаго просвѣщенія и то, что Лаврентій говоритъ въ своемъ „Катехизисѣ“ о кругахъ небесныхъ, о зодіакѣ, о солнечномъ затменіи, о громѣ и молніи, о „тресновеніи и шибеніи“, о перунѣ, кометахъ и другихъ звѣздахъ. Развѣ это правда,—говорили они Лаврентію,—что облака, надувшись, сходятся, ударяются, и оттого бываетъ громъ и огонь, какъ отъ камня и желѣза? Нельзя также называть звѣзды „животными звѣрями“. Всѣ эти статьи и мнѣнія,—говорили представители московскаго просвѣщенія,—заимствованы изъ астрологіи, а астрологія взята отъ эллинскихъ волхвовъ и отъ идолослужителей. Лаврентію поставили въ упрекъ также заимствованія изъ сочиненій Августина. Когда Лаврентій указалъ своимъ оппонентамъ, что эти заимствованія находятся также въ правилахъ Никифора, патріарха царьградскаго и въ правилахъ Мелетія, архіепископа царьградскаго, они отвѣтили, что въ „греческихъ“ переводахъ Никифоровыхъ правилъ этихъ заимствованій нѣтъ, а если бы они были тамъ, то были бы и

*) О двухъ мѣстахъ въ аду см. у Галятовскаго „Души людей умершихъ“, § 289.

**) Ср. мнѣніе по этому же вопросу старца Артемія и приговоръ собора (§ 246).

въ правилахъ иныхъ святыхъ отцовъ; Мелетій же писалъ, не прославляя ученія Августина, но обличая латинскую ересь. Не понравились въ Москвѣ также пріемы нагляднаго толкованія отвлеченныхъ предметовъ. Лаврентій сказалъ въ „Катехизисѣ“, что душа и плоть, какъ орелъ со свиньей, связаны. Оппоненты возразили Лаврентію, что такихъ бесѣдъ о человѣкѣ въ „греческихъ“ книгахъ не ведется и что это—простые прилоги, взятые изъ книги Езопа, „франкскаго мудреца“, баснослагателя.

Такимъ образомъ, выдающееся произведеніе южно-русской образованности, въ которомъ впервые систематически были изложены основныя начала православной вѣры, вызвало въ Москвѣ рядъ сомнѣній и возраженій. Вѣроятно, подъ вліяніемъ этихъ сомнѣній „Катехизисъ“, даже въ исправленномъ видѣ и уже напечатанный, не былъ выпущенъ въ свѣтъ.

Иная судьба постигла „Зерцало Богословія“ Кирилла Транквилліона (§ 286). Эта книга, привезенная въ Москву въ 1627 г., возбудила въ руководителяхъ церкви столь сильныя опасенія, что вышло распоряженіе—всѣ книги Транквилліона „на пожарахъ сжечь, чтобъ та ересь и смута въ мірѣ не была“.

Въ 1644 г. въ Москвѣ былъ напечатанъ сборникъ статей, подъ заглавіемъ „Кириллова книга“, составленный протопопомъ Черниговскаго московскаго собора Михаиломъ Роговымъ изъ полемическихъ статей южно-русскихъ писателей: Стефана Зизанія, острожскаго клирика Василія, Захаріи Копыстенскаго (§ 286). Въ послѣсловіи къ книгѣ сообщено, что царь Михаилъ Ѳеодоровичъ велѣлъ „отъ св. писаній учинити на еретики и на раскольники нашея православныя христіанскія вѣры, на римляны и латыни, на лютори же и кальвини... и пустити ю во всю свою Русскую землю всякому православному христіанину, хотящему ея прочитати и божественные догматы вѣдѣти, и та еретическая уста заграждати“. Въ этой книгѣ проводились двѣ мысли. Одна мысль состояла въ томъ, что въ восьмомъ вѣкѣ отъ сотворенія міра произойдетъ кончина міра, что антихристъ уже пришелъ на землю и что это—не кто иной, какъ папа. Другая мысль состояла въ томъ, что восточные патріархи являются наиболѣе авторитетными выразителями православія: „Четыре вселенскія патріархи, — говорится въ книгѣ,—даже и до днесь, каждаго лѣта соборнѣ, такоже и по

единому, писаньми своими право и неизмѣнно вѣру данную имъ отъ святыхъ апостолъ и ихъ учениковъ и седьми вселенскихъ соборовъ и помѣстныхъ соборовъ, ни въ чемъ не разрушающе, ни прикладая, ни отлагая, проповѣдали и проповѣдуютъ, держали и держатъ, и славятъ пресвятую Троицу, Отца, Сына и Св. Духа".

Въ 1648 г. „тщательствомъ благаго духовника царя" (т.-е. Стефана Вонифатьева) былъ изданъ въ Москвѣ другой южно-русскій сборникъ статей, подъ заглавіемъ „Книга о вѣрѣ", составленный игуменомъ Кіевскаго Михайловскаго монастыря Нафанаиломъ. Статьи сборника—полемическія и направлены противъ латинянъ и уніатовъ. Въ немъ подробнѣе, чѣмъ въ „Кирилловой книгѣ", предсказывалось о концѣ міра. Всѣ православные христіане,—говорится въ этой книгѣ,—должны помнить, что черезъ тысячу лѣтъ послѣ Р. Х. „Римъ отпаде со всѣми западными странами отъ восточныя церкве", что въ 1595 г. „жителіе въ Малой Русіи къ римскому костелу приступили и на всей воли римскаго папы заручную грамоту дали ему"; надо остерегаться, — говоритъ дальше книга,—„егда исполнится 1666 лѣтъ, да не чтобы отъ прежде бывшихъ винъ зло нѣкако не пострадати и намъ, но покаяніемъ Бога умилостивити и милость его къ намъ себѣ привлещи". Но особенно любопытными для правящихъ церковныхъ сферъ страницами въ „Книгѣ о вѣрѣ" были тѣ, въ которыхъ проводился особый взглядъ на греческую церковь, взглядъ, рѣзко расходившійся съ московскимъ національнымъ взглядомъ. Здѣсь проводилась мысль о томъ. что константинопольскій патріархъ—верховный руководитель русской церкви. „Руссійскому народу,—говорится въ „Книгѣ о вѣрѣ",—патріарха вселенскаго, архіепископа константинопольскаго, слушати и ему подлежати и повиноватися въ справахъ и въ науцѣ духовной есть польза и пріобрѣтеніе веліе, спасительное и вѣчное". Іерусалимская церковь,—говорится далѣе,—есть мать всѣхъ православныхъ церквей, „понеже отъ Іерусалима Евангеліе, апостолы и проповѣдь, крещеніе и вѣра изыде, оттуда и христіанство насадися и возрасте". Іерусалимская церковь пользуется особою Божьею милостью, что доказывается св. Писаніемъ и ежегоднымъ чудеснымъ появленіемъ божественнаго свѣта у Гроба Господня въ великую субботу. Ссылаясь на слова св. Кирилла Александрійскаго, книга

утверждаетъ, что не признающіе іерусалимской церкви „врази Божія бываютъ, а бѣсомъ—друзи“. Книга опровергаетъ, наконецъ, мнѣніе о томъ, что греческое православіе испортилось вслѣдствіе принятія уніи и что чистота греческой вѣры помутилась подъ турецкимъ владычествомъ. Во Флоренціи,—говоритъ книга,—былъ не соборъ, а съѣздъ; унія не была заключена, и греки сохранили свою вѣру. Чистота греческой вѣры не могла помутиться подъ турецкимъ владычествомъ: церковь отъ начала своего существованія претерпѣваетъ гоненія, но ее не одолѣютъ ни врата адовы, ни турецкая неволя; какъ люди Божіи не отпали отъ вѣры въ египетской работѣ, какъ первые христіане за триста лѣтъ гоненій не погубили вѣры, такъ и греки сохранили православную вѣру: турки берутъ съ грековъ грошовую дань, а въ дѣла вѣры не вмѣшиваются.

Святая восточная церковь греческая, не совращаясь съ пути ни направо ни налѣво, идетъ къ горнему Іерусалиму; она „ни въ чесомъ установленіи Спасителя своего и блаженныхъ его учениковъ и святыхъ отецъ преданія и седьми вселенскихъ соборовъ, Духомъ Святымъ собранныхъ, уставовъ не нарушаетъ, ни отмѣняетъ и въ малѣйшей части не отступаетъ, не прибавляя, ни отнимая что, но яко солнце одинакою лучею правды всегда, аще и въ неволи пребывая, свѣтится правою вѣрою“.

„Книга о вѣрѣ“ въ первые два мѣсяца съ небольшимъ разошлась въ количествѣ 800 экземпляровъ—доказательство того, что высказанныя въ ней идеи обратили на себя вниманіе въ русскомъ обществѣ.

Въ 1648 г. издана была въ Москвѣ, вѣроятно, не безъ содѣйствія Стефана Вонифатьева, славянская грамматика Мелетія Смотрицкаго (§ 286), въ предисловіи къ которой говорится о необходимости изученія грамматики для исправленія книгъ, о томъ, что прежніе справщики книгъ, „неискусные въ разумѣ и хитрости грамматикійстѣй“, вмѣсто того, чтобы исправить книги, „наибольше испортили“ ихъ.

Въ 1649 г. былъ перепечатанъ въ Москвѣ сокращенный катехизисъ Петра Могилы (§ 286) „ради ученія и вѣдѣнія всѣмъ православнымъ христіанамъ, также дѣтемъ учащимся“.

Благодаря всѣмъ этимъ изданіямъ и особенно „Книгѣ о

вѣрѣ", въ правящихъ церковныхъ сферахъ Москвы къ греческимъ іерархамъ и ихъ замѣчаніямъ стали относиться съ особымъ вниманіемъ.

Въ 1649 г. пріѣхалъ въ Москву съ большой свитой іерусалимскій патріархъ Паисій. Присмотрѣвшись къ русскому чину, Паисій замѣтилъ много отличій отъ греческой церкви, которыя онъ призналъ неправильными. Онъ сообщилъ объ этомъ царю и патріарху Іосифу (1642—1652). Греки, у которыхъ къ половинѣ XVII в. окончательно установилось единство чина и обрядовъ, и до Паисія обращали вниманіе на отличіе нѣкоторыхъ русскихъ обрядовъ отъ греческихъ, подчеркивая неправильность первыхъ; *) но тогда греческимъ іерархамъ отвѣчали съ точки зрѣнія іосифлянскаго міровоззрѣнія. Теперь настроеніе правительства измѣнилось. Чтобы укрѣпить православіе и вооружить его противъ западно-европейскихъ религій, правительство рѣшило, *во-первыхъ*, отправить на Востокъ надежнаго человѣка, который тщательно ознакомился бы съ греческимъ церковнымъ чиномъ, и, *во-вторыхъ*, исправить богослужебныя книги и обряды.

2) Провѣрка греческаго церковнаго чина. Для провѣрки греческаго церковнаго чина былъ отправленъ правительствомъ на Востокъ инокъ Арсеній Сухановъ († 1668), который поѣхалъ съ іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ.

Арсеній Сухановъ происходилъ изъ мелкихъ дворянъ. Это былъ хорошо начитанный человѣкъ, знавшій греческій языкъ. По міровоззрѣнію своему Арсеній былъ іосифлянинъ.

Первое путешествіе свое Арсеній совершилъ въ 1649 г., причемъ онъ долгое время жилъ въ Молдавіи (румынская область), дальше которой онъ не ѣздилъ. Здѣсь, въ Молдавіи, Арсеній услышалъ о страшномъ происшествіи на Аѳонѣ. Тамъ, въ братствѣ Зографскаго монастыря, былъ старецъ Дамаскинъ, сербъ, съ длинной бородой, „яко жъ у Макарія великаго", которую старецъ клалъ въ мѣшечекъ и привязывалъ съ мѣшечкомъ къ поясу. У старца были книги московскаго изданія. Старецъ крестился по-московски, двумя перстами, и училъ другихъ такъ же креститься. Аѳонскіе монахи-греки, провѣдавъ

*) Къ числу такихъ отличій относилось крестное знаменіе. Первоначально въ Греціи въ ходу было единоперстіе, впослѣдствіи двуперстіе и, наконецъ, троеперстіе. Когда Русь принимала крещеніе, у грековъ преобладало двуперстіе.

объ этомъ, призвали старца Дамаскина на судъ. Узнавъ о томъ, что двоеперстіе заимствовано старцемъ изъ московскихъ книгъ, монахи-греки пришли въ ярость, назвали московскія книги еретическими и сожгли ихъ; а старца подвергли всякому „смиренію и безчестію“ и заставили дать клятву, что онъ больше не будетъ такъ креститься. Арсеній Сухановъ сообщилъ объ этомъ происшествіи въ Москву и далъ свои объясненія: греки издревле ненавидятъ славянъ за то, что у нихъ есть свои книги, архіепископы и митрополиты; они не хотѣли, чтобы славяне имѣли божественное писаніе на своемъ языкѣ; они не позволили св. Кириллу сдѣлать переводъ, и св. Кириллъ получилъ на это разрѣшеніе отъ благочестиваго папы Адріана; „а грекамъ де хочется, чтобы все они у славянъ владычествовали, и тоя ради гордости греки и царство свое потеряли“.

Находясь въ Яссахъ и Терговищѣ, Арсеній постоянно сталкивался съ греками и вступалъ съ ними въ споры по религіознымъ вопросамъ. Свои споры Арсеній изложилъ въ книгѣ подъ заглавіемъ „Пренія съ греками о вѣрѣ“. Въ этомъ сочиненіи авторъ послѣдовательно проводитъ іосифлянскую точку зрѣнія. Греки, нападая на двуперстіе, говорили Арсенію, что троеперстіе было у нихъ, у грековъ, искони. Арсеній возражалъ имъ, что и у русскихъ двуперстіе было искони, и ссылался на авторитетъ „божественнаго писанія“. Греки говорили Арсенію, что русскіе приняли крещеніе отъ нихъ. Арсеній опровергалъ это. Русскіе,—говорилъ онъ,—приняли вѣру не отъ грековъ, а отъ апостола Андрея, если же и отъ грековъ, то отъ тѣхъ, которые твердо сохраняли православіе, а не отъ нынѣшнихъ, которые не соблюдаютъ правилъ св. апостоловъ. Греки говорили Арсенію, что они приняли крещеніе отъ самого Христа, апостола Іакова, брата Господня и т. д. Арсеній отвѣчалъ грекамъ, что это—неправда: греки живутъ въ Греціи и Македоніи, а Христосъ и апостолъ Іаковъ пребывали въ Іерусалимѣ, гдѣ грековъ совсѣмъ не было, а были тамъ въ то время „жиды и арапы“; крещеніе греки приняли по Вознесеніи Христа отъ апостола Андрея. Греки—вовсе не первый источникъ истинной вѣры: ни одно Евангеліе не написано грекомъ; Маркъ написалъ Евангеліе къ римлянамъ, и такимъ образомъ римляне приняли благовѣстіе прежде грековъ; только черезъ тридцать два года Евангелія

были переведены на греческій языкъ, да на греческомъ языкѣ было написано Евангеліе Іоанна. Если греки и были когда-нибудь источникомъ, то этотъ источникъ давно пересохъ, и многіе греки пьютъ уже изъ бусурманскаго источника. Въ Царьградѣ былъ „одинъ подъ солнцемъ“ благочестивый царь, который учинилъ четырехъ патріарховъ и папу первымъ. Теперь православіе находится въ Москвѣ: „единъ царь благочестивый“ учинилъ патріарха, вмѣсто папы, и четырехъ митрополитовъ, вмѣсто патріарховъ. У грековъ нѣтъ царя—у русскихъ есть царь, который правитъ Закономъ Божіимъ; у русскихъ теперь много монастырей, иноковъ, мощей, у грековъ—„только слѣдъ остался“: все, что у грековъ было добраго, перешло въ Москву, а царство греческое Богъ предалъ за гордость бусурманамъ.

Свое сочиненіе Арсеній представилъ московскому правительству. Точка зрѣнія Арсенія не понравилась, и ему велѣно было, чтобы онъ, „будучи въ греческихъ странахъ, помня часъ смертный, писалъ правду, безъ прикладу“, безъ преувеличеній и собственныхъ разсужденій. Арсеній былъ отправленъ на Востокъ во второй разъ (1651). На этотъ разъ Арсеній посѣтилъ Константинополь, Египетъ, Іерусалимъ и вернулся обратно въ 1653 г. Свое путешествіе Арсеній изложилъ въ сочиненіи подъ заглавіемъ „Проскинитарій“.

Въ этомъ трудѣ своемъ Арсеній тщательно и безъ всякой полемики описываетъ церковный чинъ у грековъ и обрядовыя отличія. Такъ, онъ сообщаетъ, что александрійскій патріархъ велитъ троить аллилуію, „во образъ трехъ троицъ“. Въ Іерусалимѣ Арсеній долженъ былъ, по порученію правительства, провѣрить чудо съ явленіемъ святого огня у Гроба Господня. Арсеній исполнилъ это порученіе и описалъ чудо. Когда наступило время явленія святого огня, турчинъ отпечаталъ двери Гроба Господня и сталъ у дверей. Патріархъ Пансій велѣлъ эпитропу и дюжимъ старцамъ стать у дверей и никого не впускать, взялъ два пука свѣчъ, вошелъ въ пещеру Гроба Господня, и за нимъ были затворены двери. Патріархъ промѣшкалъ въ пещерѣ съ полчетверти часа и вышелъ оттуда, держа въ рукахъ горящія свѣчи.

Воздерживаясь отъ полемическихъ разсужденій по поводу отличій греческаго церковнаго чина отъ русскаго, Арсеній обстоятельно отмѣчаетъ отрицательныя черты греческаго цер-

ковнаго быта. Относительно іерусалимскаго патріарха Паисія, который указывалъ въ Москвѣ на обрядовыя отличія и съ которымъ Арсеній путешествовалъ по Востоку, Арсенію разсказывали въ Константинополѣ, что онъ былъ опаснымъ интриганомъ: Паисій съ государями волошскимъ и мутьянскимъ подкупили турокъ, чтобы они убили константинопольскаго патріарха Парѳенія; Парѳеній былъ схваченъ турками и посаженъ на судно; его зарѣзали и трупъ выбросили въ море. Когда Арсеній пріѣхалъ въ Константинополь, знакомые греки предостерегали его противъ іерусалимскихъ старцевъ, такъ какъ они—люди „лихіе". Въ Іерусалимѣ Арсеній былъ свидѣтелемъ того, какъ „безчинно" совершалось причащеніе. Виѳлеемскій митрополитъ, чтобы водворить среди причащающихся порядокъ, закрылъ царскія врата. Народъ „зашумѣлъ крикомъ великимъ съ угрозами". Бабы стали врываться въ алтарь черезъ всѣ двери: митрополитъ, прижавшись къ жертвеннику, давалъ причастіе всѣмъ, не справляясь, исповѣдывался ли причащающійся, или нѣтъ, вѣрный ли онъ, или невѣрный.

3) Исправленіе богослужебныхъ книгъ и обрядовъ. Начало исправленію богослужебныхъ книгъ положено было давно, еще митр. Кипріаномъ (§ 150). Основная причина, вызывавшая потребность въ исправленіи русскихъ богослужебныхъ книгъ, заключалась въ слѣдующемъ.

До XI в. на греческомъ Востокѣ, въ различныхъ областяхъ, господствовали различные богослужебные уставы. Соотвѣтственно этому и богослужебныя книги въ различныхъ мѣстностяхъ отличались и содержаніемъ, и его распредѣленіемъ. Въ Константинополѣ наиболѣе распространеннымъ уставомъ былъ студійскій: по этому уставу совершалось богослуженіе въ монастырскихъ и мірскихъ церквахъ. На Руси также царило разнообразіе уставовъ и богослужебныхъ книгъ, въ зависимости отъ того, какой уставъ и какія соотвѣтствующія ему книги были привезены изъ Греціи или южно-славянскихъ странъ. Наиболѣе распространеннымъ уставомъ былъ студійскій, который во второй половинѣ XI в. былъ введенъ Ѳеодосіемъ въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ, а отсюда распространился по другимъ русскимъ церквамъ.

Съ XI в. студійскій уставъ начинаетъ вытѣсняться на греческомъ Востокѣ уставомъ іерусалимскимъ. Въ XII в. іеруса-

лимскій уставъ становится господствующимъ на Аѳонѣ. Къ началу XIV в. іерусалимскій уставъ окончательно вытѣснилъ студійскій уставъ съ греческаго Востока, а въ XIV в. онъ, въ переводахъ на славянскій языкъ, становится достояніемъ южныхъ славянъ.

Между іерусалимскимъ уставомъ богослуженія и другими уставами были существенныя различія, и потому замѣна одного устава другимъ требовала замѣны однѣхъ богослужебныхъ книгъ другими. Такая замѣна при тогдашней техникѣ книжнаго производства была дѣломъ не легкимъ и могла происходить лишь постепенно.

Происшедшая на греческомъ Востокѣ и въ южно-славянскихъ земляхъ перемѣна должна была, рано или поздно, отразиться и у насъ. Съ конца XIV в. изъ южно-славянскихъ странъ стали привозить на Русь списки новыхъ богослужебныхъ книгъ, содержаніе которыхъ не соотвѣствовало господствовавшимъ здѣсь уставамъ и расходилось съ принятыми у насъ богослужебными книгами. Это вызвало рядъ вопросовъ и недоумѣній и попытокъ согласовать однѣ книги съ другими.

Такимъ образомъ, основная причина, порождавшая необходимость исправленія богослужебныхъ книгъ, заключалась въ замѣнѣ одного церковнаго устава другимъ, богослужебныхъ книгъ съ однимъ содержаніемъ и однимъ строемъ богослужебными книгами иного содержанія и иного строя. Эта замѣна на греческомъ Востокѣ происходила медленно и стихійно, помимо сознательнаго участія церковной центральной власти. Что касается до молодыхъ народовъ, къ которымъ принадлежали южные славяне и русскіе, то у нихъ, съ значительнымъ опозданіемъ, возникалъ процессъ медленнаго, а у русскихъ особенно продолжительнаго и мучительнаго, приспособленія старыхъ уставовъ и старыхъ богослужебныхъ книгъ къ уставу іерусалимскому и къ порожденнымъ этимъ уставомъ богослужебнымъ книгамъ *).

*) Попадавшіе на Русь инородцы, въ родѣ митр. Кипріана, Максима Грека и др., удивлялись „порчѣ“ и „неисправности“ русскихъ богослужебныхъ книгъ, не подозрѣвая, что эти книги были точнымъ воспроизведеніемъ тѣхъ греческихъ книгъ, которыя были въ ходу въ Константинополѣ до XI в.: до такой степени древняя богослужебная традиція, созданная въ такомъ замѣчательномъ религіозномъ центрѣ, какъ Студійскій монастырь, была забыта на ея собственной родинѣ, ея собственными сынами!

Первый опытъ „исправленія“ русскихъ богослужебныхъ книгъ принадлежитъ митр. Кипріану. Но и онъ не рѣшился произвести колоссальную работу замѣны одного устава новымъ, однѣхъ богослужебныхъ книгъ новыми, и ограничился частичными „исправленіями“ того, что съ точки зрѣнія іерусалимскаго устава считалось наиболѣе важнымъ.

Энергичнѣе взялся за дѣло „исправленія“ Максимъ Грекъ. Но его „исправленія“, помимо особенностей, которыми сопровождались, обречены были на неудачу уже потому, что сами по себѣ возбуждали недоумѣнія въ средѣ, богослужебныя традиціи которой были иного рода.

Изъ позднѣйшихъ попытокъ „исправленія“ особенно интересна та, которая была сдѣлана въ началѣ XVII в. въ царствованіе Михаила Θеодоровича.

Троицкому игумену Діонисію, троицкимъ старцамъ Арсенію Глухому и Антонію Крылову и священнику Ивану Насѣдкѣ поручено было исправить „Требникъ“. Старцы знали по-гречески и для исправленія книги собрали 25 рукописей, въ числѣ которыхъ было пять греческихъ. Черезъ полтора года „Требникъ“ былъ исправленъ и представленъ Іонѣ, митрополиту крутицкому, управлявшему русскою церковью до пріѣзда изъ плѣна Филарета, отца Михаила. Іона нашелъ исправленія неправильными и еретическими и предалъ справщиковъ суду собора изъ московскаго духовенства (1618). Со-

---

Въ дѣйствительности, „порча“ и „неисправность“ русскихъ богослужебныхъ книгъ началась съ момента приспособленія старыхъ книгъ къ новымъ, когда создался рядъ промежуточныхъ книгъ, представлявшихъ болѣе или менѣе рѣшительный переходъ отъ студійскихъ книгъ къ іерусалимскимъ.

Что касается обычно указываемой причины „порчи“ и „неисправности“ русскихъ богослужебныхъ книгъ, а именно „невѣжества“ переписчиковъ, то уже изъ предыдущаго видно, что она—не причемъ, если даже согласиться съ тѣмъ, что „невѣжество“ не является преувеличеніемъ. Помимо этого, не легко понять, какимъ образомъ, даже и при большомъ невѣжествѣ своемъ, переписчикъ, работа котораго скорѣе походила на срисовываніе текста, переписчикъ, который относился къ своему дѣлу съ религіознымъ благоговѣніемъ, могъ дѣлать нелѣпые пропуски, нелѣпыя измѣненія и дополненія. И если допустить это, то неясно, почему въ такомъ случаѣ переписчики свѣтскихъ произведеній (напр., беллетристическихъ) переписывали настолько вѣрно, что и теперь при сличеніи съ греческими оригиналами славянскихъ переводовъ, даже въ позднѣйшихъ рукописяхъ, особыхъ искаженій нельзя установить.

боръ примкнулъ къ мнѣнію митрополита. Особенно соборъ возмущался тѣмъ, что справщики выбросили изъ водоосвятительной молитвы въ предложеніи „освяти воду сію Духомъ Твоимъ святымъ“ слова „и огнемъ“, которыхъ не оказалось въ греческомъ текстѣ. На соборѣ говорили, что справщики „имя св. Троицы маряютъ и Духа Святого не исповѣдуютъ, яко огнь есть“. Діонисій былъ отлученъ отъ церкви и заключенъ въ Новосвятскій монастырь. Здѣсь его били, морили голодомъ, держали въ дыму, заставляли дѣлать по тысячѣ поклоновъ въ день. По праздникамъ Діонисія водили въ цѣпяхъ и въ рубищѣ къ митрополиту на смиреніе; когда митрополитъ садился съ властями за столъ, Діонисія выводили на дворъ, и здѣсь толпа подвергала его ругательствамъ и побоямъ.

Въ 1619 г. пріѣхалъ іерусалимскій патріархъ Θеофанъ. Въ томъ же году пріѣхалъ Филаретъ и былъ посвященъ Θеофаномъ въ патріархи. Филаретъ, по совѣту Θеофана, пересмотрѣлъ дѣло о Діонисіи. На новомъ соборѣ Діонисій въ теченіе восьми часовъ защищалъ свое исправленіе и опровергалъ противниковъ. Справщики были оправданы. Филаретъ, однако, не рѣшился исключить на практикѣ выраженіе „и огнемъ“ до тѣхъ поръ, пока отъ греческихъ патріарховъ не было получено грамоты, въ которой выражалось удивленіе по поводу этого „прилога“ (прибавки).

При патріархѣ Іосифѣ опять дѣлались попытки исправить книги. Справщиками были Иванъ Насѣдка, протопопъ Михаилъ Роговъ и другія лица. Исправленіе ими книгъ совершалось безъ сличенія древнѣйшихъ славянскихъ и греческихъ рукописей исправляемыхъ книгъ. Въ этихъ исправленныхъ книгахъ были изложены ученія о двуперстіи и сугубой аллилуіи.

Въ 1649 г. въ правительственныхъ сферахъ возникла мысль объ изданіи исправной Библіи, текстъ которой былъ бы установленъ на основаніи сличенія славянскихъ и греческихъ рукописей. Для осуществленія этой задачи правительство обратилось къ кіевскому митрополиту съ просьбой прислать двухъ старцевъ, хорошо знающихъ греческій и латинскій языкъ. Митрополитъ послалъ въ Москву двухъ учителей Кіево-братскаго училища, Арсенія Сатановскаго и Епифанія Славинецкаго. Изъ нихъ особенно большія услуги московскому просвѣщенію оказалъ хорошо образованный Епифаній Славинецкій (§ 311).

Наконецъ, исправленіе книгъ и обрядовъ поручено было правительствомъ патріарху Никону (1652—1666). Въ 1653 г. Никонъ выпустилъ изъ печати новую „Слѣдованную Псалтирь“, безъ статьи о двѣнадцати земныхъ поклонахъ при чтеніи великопостной молитвы св. Ефрема Сирина и безъ статьи о двуперстномъ крестномъ знаменіи. Въ то же время Никонъ разослалъ по церквамъ „память“, содержаніе которой Аввакумомъ передается такъ: „по преданію св. апостолъ и св. отецъ не подобаетъ въ церкви метанія творити на колѣну, но въ поясъ бы вамъ творити поклоны, еще и тремя бы персты есте крестились“. Затѣмъ Никонъ завелъ новый обычай—произносить въ церквахъ проповѣди собственнаго сочиненія. Въ томъ же году онъ отправилъ на Аѳонъ Арсенія Суханова собирать древнегреческія рукописи богослужебныхъ книгъ. На церковномъ соборѣ 1653—1654 гг. подъ предсѣдательствомъ царя и въ присутствіи членовъ боярской думы постановлено было исправить богослужебныя книги по древнимъ славянскимъ и греческимъ книгамъ. Исправленіе книгъ было поручено Епифанію Славинецкому и Арсенію Греку, который получилъ образованіе въ западно-европейскихъ школахъ и пріѣхалъ въ Москву въ 1649 г. вмѣстѣ съ Паисіемъ, патріархомъ іерусалимскимъ. Свою работу исправленія Епифаній Славинецкій и Арсеній Грекъ совершали такъ: они брали текстъ греческихъ богослужебныхъ книгъ, изданныхъ въ Венеціи православными греками, переводили его на славянскій языкъ и полученный переводъ исправляли на основаніи сличенія его съ древними греческими и славянскими рукописями. Въ 1655 г. былъ изданъ въ исправленномъ видѣ „Служебникъ“: въ немъ изъ восьмого члена Символа вѣры было выпущено имѣвшееся въ прежнихъ служебникахъ слово „истиннаго“. Слѣдующія изданія „Служебника“ подверглись новымъ исправленіямъ. Въ 1656 г. была издана „Скрижаль“, книга, объясняющая обряды православной церкви и, среди нихъ, троеперстіе. Послѣднюю книгу Никонъ выпустилъ только послѣ того, какъ она была разсмотрѣна на соборѣ и одобрена нѣкоторыми изъ находившихся въ Москвѣ восточныхъ іерарховъ. Выпустивъ „Скрижаль“, Никонъ въ недѣлю православія, когда церковь изрекаетъ проклятіе на своихъ противниковъ, устроилъ торжественное провозглашеніе троеперстія. Въ присутствіи царя, множества архіереевъ и народа антіохійскій патріархъ Макарій сложилъ три перста

и сказалъ: „Сими треми первыми великими персты всякому православному христіанину подобаетъ изображати на лицѣ своемъ крестное изображеніе; а иже кто по Ѳеодоритову писанію (§ 227) и ложному преданію творить, той проклятъ есть“. За патріархомъ Макаріемъ повторили это же проклятіе сербскій патріархъ Гавріилъ и никейскій митрополитъ Григорій. Было велѣно отбирать отовсюду старыя книги и замѣнять ихъ новыми.

Эти нововведенія вызвали сильное возбужденіе въ тѣхъ слояхъ, которые держались іосифлянства: введеніе новыхъ обрядовъ, противорѣчащихъ постановленіямъ „Стоглава“, исправленіе книгъ греками и южно-русскими учеными, вѣра которыхъ была подъ большими сомнѣніями, насильственныя мѣры, при помощи которыхъ проводились нововведенія,—все это породило въ среднихъ классахъ населенія взрывъ неудовольствія. Во главѣ недовольныхъ стояли Иванъ Нероновъ, Лазарь, Никита Пустосвятъ и Аввакумъ, которые отказались признать новыя книги. Въ 1656 г. былъ созванъ соборъ, и на этомъ соборѣ Нероновъ съ товарищами были преданы проклятію. Въ 1666—1667 гг. на новомъ церковномъ соборѣ снова были преданы проклятію двуперстіе и другіе обряды, утвержденные „Стоглавомъ“, а о самомъ „Стоглавѣ“ было заявлено, что „отцы этого собора мудрствовали невѣжествомъ своимъ безразсудно“. Приверженцы іосифлянства получили названіе „раскольниковъ“, „старовѣровъ“ и „старообрядцевъ“. Правительство принялось за преслѣдованіе раскольниковъ: ихъ ссылали, заточали, били. Самымъ непреклоннымъ изъ раскольниковъ былъ протопопъ Аввакумъ, который былъ сосланъ сначала въ Тобольскъ, потомъ въ Даурію, Мезень и, наконецъ, въ Пустозерскъ, гдѣ его держали въ подземельѣ. Въ 1681 г. онъ и его товарищи были сожжены.

Еще до этого расколъ нашелъ себѣ энергичнаго борца въ лицѣ Соловецкаго монастыря, который отказался принять исправленныя книги и бросилъ ихъ въ море. Московское правительство отправило на Соловецкій монастырь войска, которыя осадили его и въ 1676 г. взяли.

Руководители раскола, избѣгшіе казни, бросились въ простонародную среду, куда занесли іосифлянство и его литературу. Такимъ образомъ, подобно тому, какъ подъ вліяніемъ гоненій на скомороховъ, простонародію досталось аристокра-

тическое устное творчество, такъ благодаря гоненіямъ на расколоучителей простонародію достались іосифлянское міровоззрѣніе и іосифлянская литература. Здѣсь эта литература вызываетъ сильное умственное броженіе. Соотвѣтственно интересамъ различныхъ слоевъ простонародія, городского и сельскаго, она порождаетъ нѣсколько идейныхъ теченій, начиная съ консервативныхъ и близкихъ къ іосифлянству и кончая утонченными радикальными ученіями, напоминающими по своимъ основамъ стригольничество, жидовство и ересь Косого.

306. Школьное дѣло въ Москвѣ. До XVII в. въ Московской Руси были только низшія школы, школы грамоты; но и эти школы не были постоянными, строго организованными учрежденіями.

Съ половины XVII в. правительствомъ и частными лицами дѣлается рядъ попытокъ завести высшую школу, которая могла бы подготовлять борцовъ за православіе. Эти школы были двоякаго типа—греческія и латинскія—и большею частью существовали только временно.

Бояринъ Ртищевъ, съ разрѣшенія царя и по благословенію патріарха, устроилъ близъ Москвы монастырь и въ 1649 г. выписалъ для него изъ Юго западной Руси около 30 „иноковъ, изящныхъ въ ученіи грамматики словенской и греческой, даже до риторики и философіи, хотящихъ тому ученію внимати“. Южно-русскіе иноки дѣятельно принялись за переводы иностранныхъ книгъ на русскій языкъ и за обученіе желающихъ схоластическимъ наукамъ. Первымъ ученикомъ иноковъ былъ самъ Ртищевъ. Нашлись охотники поучиться въ школѣ Ртищева. Одни изъ нихъ, пройдя курсъ этой школы, пожелали отправиться въ Кіевъ и тамъ докончить свое обученіе латыни. Другіе испугались южно-русскихъ наукъ. Пошли слухи о томъ, что въ школѣ у Ртищева обучаютъ еретичеству.

Около этого же времени при Чудовомъ монастырѣ открылъ школу Епифаній Славинецкій (§ 311). Въ его школѣ преподавались реторика, философія и греческій языкъ. Епифаній былъ поборникомъ греческаго просвѣщенія, и его школа является у насъ первымъ типомъ греческой высшей школы.

Изъ этой школы вышелъ ученикъ Славинецкаго, инокъ Евѳимій.

Появленіе раскола породило потребность въ постоянной высшей школѣ, которая подготовляла бы борцовъ съ раско-

ломъ. Въ 1660 г. въ Москвѣ находился газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ. По поводу раскола онъ высказывалъ ту мысль, что причина его заключается въ отсутствіи просвѣщенія: „Искалъ я,—говорилъ онъ,—корня сего духовнаго недуга, поразившаго нынѣ христоименитое царство русское, и старался открыть, откуда бы могло произойти такое наводненіе ересей на общую нашу пагубу, и наконецъ придумалъ и нашелъ, что все зло произошло отъ двухъ причинъ: оттого, что нѣтъ народныхъ училищъ и библіотекъ. Если бы меня спросили, какіе столпы церкви и государства, я отвѣчалъ бы: во-первыхъ, училища, во-вторыхъ, училища и, въ-третьихъ, училища“. Паисій обратился къ царю Алексѣю съ увѣщаніемъ открыть училища греческаго, латинскаго и славянскаго языковъ, обѣщая, что изъ нихъ выйдутъ борцы за православіе. Восточные патріархи также совѣтовали открыть училища.

Въ 1666 г. Симеонъ Полоцкій (§ 312) получилъ разрѣшеніе открыть въ Заиконоспасскомъ монастырѣ школу. Эта школа была латинскаго типа. Правительство дало Симеону въ ученики четырехъ молодыхъ подъячихъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ Симеонъ преподавалъ имъ курсъ наукъ, принятый въ Кіево-Могилянской коллегіи. Основной языкъ школы былъ латинскій. Изъ учениковъ Симеона самымъ знаменитымъ сталъ Сильвестръ Медвѣдевъ (§ 313). По окончаніи курса школа закрылась.

Симеонъ Полоцкій хлопоталъ о томъ, чтобы въ Москвѣ открыта была постоянная высшая школа наподобіе Кіево-Могилянской коллегіи и даже составилъ ея проектъ. Но противъ школы съ латинскимъ языкомъ возстали поборники греческой школы и противники всякой школы. Подъ вліяніемъ этихъ партій проектъ Симеона Полоцкаго подвергся коренному измѣненію. Рѣшено было открыть высшую школу, но постановлено было, что ея преподавателями не могутъ быть южно-русскіе ученые. Сильвестръ Медвѣдевъ, ученикъ Симеона Полоцкаго, добился того, что сдѣлано было нѣкоторое ограниченіе и для грековъ: греки могли стать преподавателями школы только послѣ тщательнаго испытанія ихъ вѣры.

Въ 1687 году была открыта первая правительственная высшая школа подъ названіемъ Эллино-греческаго училища. Ея преподавателями стали рекомендованные константинопольскимъ патріархомъ греки Іоанникій и Софроній Лихуды, ко-

торые получили высшее образованіе въ Венеціи и Падуѣ. Лихуды преподавали на греческомъ и латинскомъ языкѣ грамматику, реторику, логику, физику. Для учениковъ они составили учебники по этимъ предметамъ. Въ 1694 г. константинопольскій патріархъ Досиѳей потребовалъ удаленія Лихудовъ за то, что они преподавали латинскій языкъ. Послѣ Лихудовъ преподаваніе въ Эллино-греческомъ училищѣ велось на греческомъ языкѣ. Въ 1696 г. во главѣ училища сталъ ученикъ Лихудовъ Палладій Роговскій, довершившій свое образованіе за границей. Палладій, не знавшій греческаго языка, возобновилъ въ училищѣ преподаваніе на латинскомъ языкѣ. Въ 1701 г. во главѣ училища сталъ ученикъ Кіево-Могилянской коллегіи Стефанъ Яворскій. Училище было преобразовано по образцу Кіево-Могилянской коллегіи и стало называться Славяно-латинской академіей. Преподаватели для академіи были приглашены изъ Кіева.

307. Театръ. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича у насъ появляется первый театръ.

Заинтересованный разсказами русскихъ пословъ, видѣвшихъ за границей театральныя представленія, а также приближенныхъ бояръ, поддерживавшихъ сношенія съ Нѣмецкой слободой, гдѣ тоже иногда давались спектакли, Алексѣй Михайловичъ самъ пожелалъ ознакомиться съ ними. Черезъ боярина Артамона Матвѣева царь сталъ искать въ Нѣмецкой слободѣ человѣка, который умѣлъ бы „всякія комедіи строить". Такой человѣкъ нашелся: это былъ пасторъ лютеранской церкви въ Москвѣ Іоганнъ Готфридъ Грегори. Царь поручилъ ему „учинити комедію, а на комедіи дѣйствовать изъ Библіи книгу Есѳирь". Для спектакля была построена въ селѣ Преображенскомъ, гдѣ царь жилъ лѣтомъ, особая „хоромина". Въ 1672 г. указанная „комедія", подъ заглавіемъ „Артаксерксово дѣйствіе", была „учинена" въ присутствіи царя. Спектакль понравился царю. За этой „комедіей" послѣдовали другія, которыя давались не только въ Преображенскомъ, но и въ кремлевскихъ палатахъ: объ Алексіи Божіемъ человѣкѣ, о Товіи Младшемъ, объ Адамѣ и Евѣ, объ Іосифѣ, о Баязетѣ и Тамерланѣ. Грегори открылъ особую театральную школу для подготовленія русскихъ актеровъ: въ ней училось „комедійному дѣлу" 26 мальчиковъ, набранныхъ изъ мѣщанъ.

Въ 1675 г. Грегори скончался, а въ слѣдующемъ году

скончался и царь Алексѣй Михайловичъ. Преемникъ Алексѣя Θеодоръ распорядился очистить палаты, занятыя на „комедію“; театральная школа Грегори была закрыта.

Московская литература второй половины XVII вѣка.

308. Московская литература второй половины XVII в. Московская литература второй половины XVII в. состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) литература, отразившая борьбу общественныхъ партій, 2) повѣсти, къ которымъ нѣкоторыми своими сторонами примыкаетъ „Синодикъ“, и 3) устное творчество.

Литература, отразившая борьбу общественныхъ партій.

309. Литература, отразившая борьбу общественныхъ партій. Во второй половинѣ XVII в. образуется нѣсколько партій, ведущихъ между собою борьбу: 1) западническая, 2) латинская, 3) греческая и 4) консервативно-идейная, которая въ свою очередь распадается на умѣренную, иногда сливающуюся съ греческой, и крайнюю, а именно раскольничью. Между этими партіями происходитъ борьба, которая нашла себѣ отраженіе въ литературѣ. Ея представителями были основатели раскола, Епифаній Славинецкій, Симеонъ Полоцкій. Сильвестръ Медвѣдевъ, Дмитрій Ростовскій, Григорій Котошихинъ, Юрій Крижаничъ, патріархъ Іоакимъ и Θеодоръ Грибоѣдовъ.

310. Литературная дѣятельность основателей раскола. Нѣкоторые изъ основателей раскола защищали старую вѣру литературными произведеніями, а именно: 1) протопопъ Аввакумъ, 2) попъ Никита Пустосвятъ, 3) попъ Лазарь и 4) дьяконъ Θеодоръ Ивановъ.

1) Протопопъ Аввакумъ. Протопопъ Аввакумъ († 1681) былъ плодовитѣйшимъ писателемъ: ему принадлежитъ болѣе сорока сочиненій.

Въ своихъ сочиненіяхъ, имѣющихъ по преимуществу формы „челобитныхъ“ и „посланій“ Аввакумъ порицаетъ церковныя реформы, произведенныя Никономъ, причемъ выражаетъ убѣ-

жденіе, что Никонъ—предтеча Антихриста, доказываетъ преимущество старой вѣры надъ новой и попутно разсматриваетъ рядъ вопросовъ о догматахъ и обрядахъ. Вопросы эти рѣшаются Аввакумомъ въ духѣ стараго іосифлянства. Въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ Аввакумъ занимается вопросами объ устройствѣ общины старовѣровъ, объ ея отношеніяхъ къ церковной и гражданской власти. Разсматривая эти вопросы, Аввакумъ приходитъ къ выводамъ, которымъ потомъ пришлось пріобрѣсти большое значеніе для раскольниковъ. Такъ, у него намѣчается теорія безпоповства, одобряется самосожженіе, какъ единственный способъ спастись отъ противниковъ.

Наиболѣе замѣчательнымъ произведеніемъ Аввакума является его автобіографія, извѣстная подъ заглавіемъ „Житіе протопопа Аввакума“.

„Житіе“ (ок. 1676) состоитъ изъ вступленія, собственно житія и изъ заключенія.

Во *вступленіи* авторъ сообщаетъ, что свой трудъ онъ предпринялъ по благословенію своего духовника, инока Епифанія, „да не забвенію будетъ предано дѣло Божіе“, и проситъ читателя не зазрить его „просторѣчію“, такъ какъ онъ любитъ „свой русскій природный языкъ и виршами философскими не обыкъ рѣчи красить“. Далѣе Аввакумъ касается двухъ отступничествъ никоніанцевъ: опущенія въ восьмомъ членѣ „истиннаго“ и замѣны сугубой аллилуіи трегубой. По поводу перваго отступленія Аввакумъ, ссылаясь на Діонисія Ареопагита, говоритъ: „Потеряли новолюбцы существо Божіе испаденіемъ отъ истиннаго Господа Святаго и животворящаго Духа. По Діонисію, коли ужъ истины испали, тутъ и сущаго отверглись. Богъ же отъ существа Своего испасти не можетъ, и еже не быти, нѣсть того въ немъ: присносущенъ истинный Богъ намъ. Лучше бы имъ въ Символѣ вѣры не глаголати Господа, виновнаго имени, а нежели истиннаго отсѣкати, въ немъ же существо Божіе содержится. Мы же, правовѣрніи, обоя имена исповѣдуемъ и въ Духа Святаго Господа истиннаго и животворящаго свѣта нашего вѣруемъ, со Отцемъ и Сыномъ поклоняемаго, за него же стражемъ и умираемъ помощію Его Владычнею“. Это отступничество, говоритъ Аввакумъ, было наказано свыше: „Плылъ Волгой-рѣкой архіепископъ Симеонъ Сибирской и въ полудне тьма бысть, предъ Петровымъ днемъ недѣли за двѣ. Часа съ три плачющи у

берега стояли. Солнце померче, отъ запада луна подтекала, являя Богъ гнѣвъ свой къ людямъ. Въ то время Никонъ отступникъ вѣру казилъ и законы церковныя, и сего ради Богъ изліялъ фіялъ гнѣва ярости своея на Русскую землю: зѣло моръ великъ былъ, нѣколи еще забыть, вси помнимъ *). Паки потомъ минувъ годовъ съ четырнатцеть, въ другой рядъ затмѣніе солнцу бысть въ Петровъ постъ въ пятокъ, въ часъ шестый тма бысть. Солнце померче, луна отъ запада подтекала, гнѣвъ Божій являя. Протопопа Аввакума, бѣднова горемыку, въ то время съ прочими въ соборной церкви власти остригли и на Угрѣше въ темницу, проклинавъ, бросили" **).

Отъ перваго отступничества Аввакумъ переходитъ ко второму. Сославшись на Діонисія Ареопагита и на житіе преп. Евфросина, Аввакумъ защищаетъ сугубую аллилуію и говоритъ: „Мерско Богу четверичное воспѣваніе сицевое: аллилуія, аллилуія, аллилуія, слава Тебѣ, Боже. Да будетъ проклятъ сице поюще съ Никономъ и съ костеломъ римскимъ!"

Далѣе идетъ самое *житіе*, въ которомъ авторъ разсказываетъ въ отдѣльныхъ эпизодахъ свою жизнь, богатую событіями и бѣдствіями.

Авторъ родился въ Нижегородскихъ предѣлахъ, за Кудмою-рѣкою, въ селѣ Григоровѣ. Отецъ его былъ священникъ Петръ, а мать—Марія. „Отецъ мой, — говоритъ Аввакумъ, — прилѣжаше питія хмельнова, мати же моя постница и молитвенница бысть, всегда учаще мя страху Божію". По смерти отца мать женила Аввакума на сироткѣ той же деревни Анастасіи. Двадцати лѣтъ Аввакумъ былъ рукоположенъ въ діаконы, а черезъ два года—въ попы. Въ это время Аввакумъ жилъ не въ своемъ родномъ селѣ, а въ иномъ мѣстѣ. Съ этого времени началась для Аввакума жизнь, полная борьбы и страданій.

У одной вдовы начальникъ отнялъ дочь. „И азъ молихъ его, да же сиротину возвратитъ къ матери. І онъ, презрѣвъ моленіе наше, воздвигъ на меня бурю и у церкви, пришедъ сонмомъ, до смерти меня задавили. И азъ лежалъ въ забытіи полчаса и болши, паки оживе Божіимъ мановеніемъ. Онъ же, устрашася, отступился мнѣ дѣвицы. Потомъ научилъ его

---

*) Это было въ 1653—1654 гг., когда началось гоненіе на Аввакума и онъ былъ сосланъ въ Тобольскъ.

**) Это было въ 1667 г.

діаволъ: пришедъ во церковь, билъ и волочилъ меня за ноги по землѣ въ ризахъ, а я молитву говорю въ то время".

Разсвирѣпѣлъ на Аввакума и другой начальникъ, прибѣжалъ къ нему въ домъ и сталъ его бить. Въ ярости начальникъ впился въ его руку зубами и, „яко песъ, огрызъ персты". Когда гортань его наполнилась кровью, онъ выпустилъ изъ зубовъ руку Аввакума и, бросивъ его, ушелъ. Аввакумъ, возблагодаривъ Бога, завертѣлъ руку платкомъ и ушелъ къ вечернѣ. А начальникъ уже подстерегалъ его и наскочилъ на него „со двема пистольми и запалилъ ис пистоли". Божіимъ мановеніемъ „на полкѣ порохъ пыхнулъ, а пистоль не стрѣлила". То же самое произошло со второй пистолью. Аввакумъ прилежно молился Богу, осѣнилъ начальника больной рукой и благословилъ его. Начальникъ отнялъ у Аввакума его дворъ, выбилъ его, ограбилъ и не далъ ему даже хлѣба. Въ это время у Аввакума родился сынъ. Аввакумъ взялъ клюку, а его жена некрещенаго младенца, отправились съ братьей и домочадцами, куда Богъ наставитъ и въ дорогу запѣли божественныя пѣсни. Они пѣли, со слезами взирая на небо, а жители того мѣста, мужи и жены, отрочата и множество народу съ рыданіемъ провожали ихъ далеко въ поле: едва удалось Аввакуму убѣдить ихъ вернуться обратно.

Аввакумъ явился въ Москву къ царскому духовнику и къ протопопу Ивану Неронову, которые представили его царю. Эти отцы снабдили Аввакума грамотой и отправили его на старое мѣсто. Аввакумъ возобновилъ свой разоренный домъ. Вдругъ діаволъ снова воздвигъ на него бурю. „Пріидоша въ село мое плясовые медвѣди з бубнами и з домрами, и я, грѣшникъ, по Христѣ ревнуя, изгналъ ихъ и хари и бубны изломалъ на полѣ, единъ у многихъ, и медвѣдей двухъ великихъ отнялъ: одново ушибъ, и паки ожилъ, а другово отпустилъ въ поле. И за сіе меня бояринъ Василій Петровичъ Шереметевъ, едучи въ Казань на воеводство, въ суднѣ браня много, и велѣлъ благословить сына своего брадобритца. Азъ же не благословилъ, видя любодѣйной образъ. И онъ велѣлъ меня въ Волгу кинуть, и, ругавъ много, столкнули съ судна".

Еще одинъ начальникъ, разсвирипѣвъ на Аввакума, явился къ его дому съ людьми и стрѣлялъ по дому изъ луковъ и пищалей. Аввакумъ заперся и сталъ молиться владыкѣ. Начальникъ побѣжалъ отъ двора, „гонимъ Святымъ Духомъ". Въ

ту же ночь прибѣжали отъ этого начальника къ Аввакуму просить его явиться поскорѣе: начальникъ — при кончинѣ, „кричитъ не удобно, бьетъ себя и охаетъ“, а самъ говоритъ, что Богъ наказываетъ его за Аввакума. Аввакумъ явился. Начальникъ вскочилъ съ перины, палъ передъ Аввакумомъ на колѣни и сталъ вопить о прощеніи. Аввакумъ простилъ его, исповѣдалъ и масломъ священнымъ помазалъ. „И бысть здравъ“.

Нѣкоторое время спустя Аввакума изгнали изъ этой мѣстности. Аввакумъ снова потащился въ Москву, и царь велѣлъ поставить его протопопомъ въ Юрьевцѣ-Поволгскомъ. Не долго пришлось пожить здѣсь Аввакуму: всего восемь недѣль. Діаволъ научилъ поповъ, мужиковъ и бабъ: они явились къ патріархову приказу, гдѣ Аввакумъ дѣлалъ духовныя дѣла, вытащили его на улицу, и толпа въ полторы тысячи стала бить его батогами и топтать ногами, а бабы были съ рычагами. Аввакумъ былъ оставленъ замертво. Прибѣжалъ воевода съ пушкарями, схватилъ Аввакума, умчалъ его въ домъ и поставилъ около дома пушкарей. А толпа, руководимая попами и бабами, которыхъ Аввакумъ обличалъ въ безнравственности, подступили къ дому и вопили, что его, такого то сына, убить слѣдуетъ, а тѣло бросить въ ровъ собакамъ. Опять пришлось покинуть и это мѣсто и отправиться въ Москву.

Въ Москвѣ произошли важныя событія: сдѣлался патріархомъ Никонъ, и начался періодъ реформъ. Аввакумъ со своими товарищами по убѣжденіямъ протестовалъ, и они были арестованы.

Аввакума отвели на патріаршій дворъ и ночью посадили „на чепь“. „Егда же росвѣтало, въ день недѣльный, посадили меня на телѣгу, ростеня руки, и везли отъ патріархова двора до Андроньева монастыря. И тутъ на чепи кинули въ темную палатку; ушла вся въ землю. И сидѣлъ три дни, ни елъ, ни пилъ, во тмѣ сѣдя, кланялся на чепи, не знаю—на востокъ, не знаю — на западъ. Никто ко мнѣ не приходилъ: токмо мыши и тараканы и сверчьки кричатъ, и блохъ довольно“. Черезъ три дня Аввакуму захотѣлось поѣсть. Послѣ вечерни „ста передъ мною, невѣмъ—человѣкъ, невѣмъ—ангелъ, и по се время не знаю. Токмо въ потемкахъ сотворя молитву и взявъ меня за плечо съ чепью, къ лавкѣ привелъ и посадилъ и ложку въ руки далъ и хлѣбца немношко и штецъ далъ

похлебать — зѣло прикусны, хороши, — и реклъ мнѣ: полно, довлѣетъ ти ко укрѣпленію! И не стало его“... Утромъ архимандритъ съ братіей вывели Аввакума и стали журить его за то, что не покорился патріарху. А Аввакумъ сталъ бранить патріарха отъ Писанія. Съ Аввакума сняли большую цѣпь и наложили малую, отдали его подъ начало чернецу и велѣли волочить въ церковь. „У церкви за волосы дерутъ и подбока толкаютъ и за чепь трогаютъ и въ глаза плюютъ. Богъ ихъ проститъ въ сій вѣкъ и въ будущій: не ихъ то дѣло, но діавольское“.

Изъ Москвы Аввакума съ семьей отправили въ Сибирь, въ Тобольскъ. „И колико дорогою было нужды, тово всего говорить много, развѣ малое потянуть“. Архіепископъ Симеонъ Сибирскій („тогда добръ былъ, а нынѣ учинился отступникъ“) устроилъ Аввакума къ мѣсту. Тутъ опять начались невзгоды. Во время отсутствія владыки дьякъ архіепископскаго двора Иванъ Струна началъ противъ Аввакума козни. Онъ задумалъ напрасно мучить Аввакумова дьяка Антонія. Антоній спасся отъ рукъ Ивана Струны и прибѣжалъ къ Аввакуму въ церковь. Иванъ Струна явился въ церковь и ухватилъ Антонія за бороду. Аввакумъ заперъ церковныя двери, накинулся съ Антоніемъ на Ивана Струну, повалилъ его на полъ и „за мятежъ церковный постегалъ ремнемъ нарочито-таки“. Принявъ покаяніе отъ Струны, Аввакумъ отпустилъ его. Родные Струны, попы и чернецы, возмутили противъ Аввакума весь городъ. Къ дому Аввакума явилась въ полночь толпа съ санями и стала ломиться къ нему, чтобы схватить его и утопить. „И Божіимъ страхомъ отгнани быша и вспять побѣгоша“. Цѣлый мѣсяцъ скрывался Аввакумъ, пока не вернулся архіепископъ. Разобравъ дѣло, архіепископъ, нашелъ виновнымъ Струну.

Вскорѣ явился указъ—отправить Аввакума на Лену. Когда Аввакумъ былъ привезенъ въ Енисейскъ, явился новый приказъ,—прикомандировать Аввакума къ экспедиціи Пашкова, отправлявшагося въ Даурію. Воевода Пашковъ былъ „суровый и безчеловѣчный человѣкъ“, который „бьетъ безпрестанно людей и мучитъ и жжетъ“. Дорогу совершали по рѣкамъ. Однажды у Шаманскаго порога встрѣтили людей, плывшихъ имъ на встрѣчу. Съ этими людьми были двѣ вдовы, одна лѣтъ 60, а другая еще старше, которыя ѣхали въ монастырь, постричься. Пашковъ остановилъ вдовъ и рѣшилъ выдать ихъ

замужъ. Аввакумъ заступился за вдовъ. Пашковъ разсердился на Аввакума, „выбилъ“ его изъ „дощеника“ и велѣлъ идти сухимъ путемъ, по горамъ. „Горе стало! Горы высокія, дебри непроходимыя: утесъ каменный, яко стѣна стоитъ, и поглядеть—заломя голову. Въ горахъ тѣхъ обрѣтаются змеи великіе; в нихъ же витаютъ гуси и утицы—періе красное; тамо же вороны черные, а галки сѣрыя, измѣнены при русскихъ птицахъ имѣютъ періе. Тамо же орлы и соколы и кречета и курята индійскія и бабы и лебеди и иные дикіи,—многое множество,—птицы разные. На тѣхъ же горахъ гуляютъ звѣри дикіе: козы и олени, и зубри, и лоси, и кабаны, волки и бараны дикіе: во очію нашу, а взять нельзя“. Невозможно было Аввакуму идти по горамъ, и онъ написалъ Пашкову „малое писанейце“. Прочитавъ посланіе, Пашковъ велѣлъ привести къ нему Аввакума. Приказаніе было исполнено. Пашковъ стоялъ, дрожа и подпершись шпагою. „Началъ мнѣ говорить: попъ ли ты, али распопъ? И я отвѣщалъ: азъ есмь Аввакумъ протопопъ; что тебѣ до меня? Онъ же, рыкнувъ, аки дивій звѣрь, и ударилъ меня по щокѣ и паки по другой и въ голову еще; и збилъ меня съ ногъ, ухватилъ у слуги своего чеканъ и трижды по спинѣ лежачева зашибъ и, разболокши, по той же спинѣ семьдесятъ два удара кнутомъ. Палачъ біетъ, а я говорю: Господи Исусе Христе, Сыне Божій, помогай мнѣ! Да тожъ говорю,—такъ ему горко, что не говорю: пощади! Ко всякому удару—Господи Исусе Христе, Сынъ Божій, помогай мнѣ! Да о срединѣ той вскричалъ я: полно бить того! Такъ онъ велѣлъ перестать, и я примолвилъ ему: за что ты меня бьешь? Вѣдаешь ли? И онъ паки велѣлъ бить по бокамъ. Спустили. Я задрожалъ, да и упалъ. И онъ велѣлъ въ казенной дощеникъ оттащить. Сковали руки и ноги и кинули на беть (поперечная скрѣпа балокъ, кладется съ борта на бортъ). Осень была: дождь на меня шелъ... Стало у меня въ тѣ поры кости те щемить, жилы те тянуть, и сердце зашлось, а и умирать сталъ. Воды мнѣ въ ротъ плеснули: такъ вздохнулъ, да покаялся передъ Владыкою, да и опять перестало болѣть“.

На обратномъ пути Пашкову съ людьми пришлось ѣхать по голому льду. Аввакуму, „подъ ребятъ и подъ рухлишко“, были даны двѣ клячи, а самъ Аввакумъ и его протопопица брели пѣшкомъ. „Страна варварская, — пишетъ Аввакумъ, —

иноземцы немирные; отстать отъ лошадей не смѣемъ, а за лошадми итти не поспѣемъ, голодные и томные люди. Въ иную пору протопопица бѣдная брела, брела, да и повалилась и встать не можетъ. А иной томной же тутъ же взвалился: оба карабкаются, а встать не смогутъ. Опослѣ на меня бѣдная пеняетъ говоря: долго ли муки сея, протопопъ, будетъ? И я говорю: Марковна, до самыя смерти. Она же, вздохня, отвѣщала: добро, Петровичъ, ино еще побредемъ".

Шесть лѣтъ жилъ Аввакумъ съ Пашковымъ. Оглядываясь на этотъ періодъ въ своей жизни, Аввакумъ не знаетъ, кто кого мучилъ: Пашковъ его, или онъ Пашкова, и говоритъ, что это Богъ разберетъ.

По прошествіи этого времени Аввакуму велѣно было вернуться въ Москву. Здѣсь его убѣждали принять никоніанскія новшества.

Вселенскіе патріархи укоряли его въ упрямствѣ и говорили ему: „Вся де наша Палестина и сербы, и албанасы, и волохи, и римляне, и ляхи, — все де тремя персты крестятся; одинъ де ты стоишь во своемъ упорствѣ и крестисся пятью персты. Такъ де не подобаетъ". Богъ отверзъ Аввакуму уста, и онъ сказалъ: „Вселенскіи учители! Римъ давно упалъ и лежитъ невсклонно, а ляхи съ нимъ же погибли, до конца враги быша христіаномъ. А у васъ православіе пестро стало отъ насилія турскаго Магмета, да и дивить на васъ нелзя: немощни есте стали! И впредь пріезжайте къ намъ учитца: у насъ Божіею благодатью—самодержство. До Никона отступника у нашихъ князей и царей все было православіе чисто и непорочно, и церковь была немятежна. Никонъ-волкъ со дьяволомъ предали тремя персты креститца; а первые наши пастыри, яко же сами пятію персты крестились, тако же пятію персты и благословляли по преданію святыхъ отецъ: Мелетія Антіохійского и Ѳеодорита Блаженнаго, Петра Дамаскина и Максима Грека. Еще же и московскій помѣстный бывый соборъ при царѣ Иванѣ такъ же слагати персты и креститися и благословляти повелѣваетъ, яко же и прежніи святіи отцы, Мелетій и прочіи, научиша. Тогда при царѣ Иванѣ на соборѣ быша и знаменосцы: Гурій, Смоленскій епископъ и Варсанофій Тверскій, иже и быша казанскіе чудотворцы, и Филиппъ, соловецкій игуменъ, иже и митрополитъ московской, и иные отъ святыхъ русскихъ". Выслушавъ эту

рѣчь Аввакума, патріархи задумались, „а наши,—продолжаетъ Аввакумъ,—что волчонки, вскоча, завыли и блевать стали на отцовъ своихъ, говоря: глупы де были и не смыслили наши святые; неучоные люди были и грамотѣ не умѣли, чему де имъ вѣрить?“ „О, Боже Святый, — восклицаетъ Аввакумъ, — како претерпѣ святыхъ своихъ толикая досажденія!“ Аввакумъ выбранилъ ихъ, сколько могъ, и сказалъ послѣднее слово: „Чистъ есмь азъ и прахъ, прилѣпшій отъ ногъ своихъ, отрясаю предъ вами, по писанному: лутче единъ творяй волю Божію, нежели тмы беззаконныхъ!“ Тогда присутствующіе закричали: „Возми, возми его: всѣхъ насъ обезчестилъ!“ И стали толкать и бить Аввакума: даже патріархи бросились на него грудью. Было ихъ человѣкъ сорокъ. Всѣ кричали, „что татаровя“. Дьякъ Иванъ Уаровъ схватилъ Аввакума и потащилъ. Аввакумъ закричалъ: „Постой, не бейте!“ Всѣ отскочили, а Аввакумъ черезъ толмача, архимандрита Дениса, велѣлъ передать патріархамъ слѣдующее: „Апостолъ Павелъ пишетъ: таковъ намъ подобаше архіереи — преподобенъ, незлобивъ, и прочая. А вы, убивше человѣка неповинна, какъ литоргисать станете?“ Слова Аввакума отрезвили его взволнованныхъ оппонентовъ, и они сѣли, а Аввакумъ отошелъ къ дверямъ, повалился на бокъ и сказалъ: „Посидите вы, а я полежу!“ Засмѣялись присутствующіе: „Дуракъ де протопопъ и патріарховъ не почитаетъ!“ Аввакумъ замѣтилъ: „Мы—уроди Христа ради! Вы—славни, мы же—безчестны! Вы—силни, мы же—немощни!“

Такъ и не удалось переубѣдить Аввакума, и для него опять возобновилась пора ссылокъ и тюремныхъ заключеній, закончившаяся отправленіемъ его въ Пустозерскъ.

Гоненія, которымъ подвергались приверженцы правой вѣры, заставляютъ Аввакума говорить слѣдующее: „Чудо! Какъ то въ познаніе не хотятъ пріити: огнемъ да кнутомъ, да висѣлицею хотятъ вѣру утвердить! Которые то апостоли научили такъ? Не знаю! Мой Христосъ не приказалъ нашимъ апостоламъ такъ учить, ежебы огнемъ, да кнутомъ, да висѣлицею въ вѣру приводить... Волею зоветъ Христосъ, а не приказалъ апостоламъ непокоряющихся огнемъ жжечь и на висѣлицахъ вѣшать. Татарскій богъ Махметъ написалъ въ своихъ книгахъ сице: непокоряющихся нашему преданію и закону повелѣваемъ ихъ главы мечемъ подклонити. А нашъ Христосъ ученикамъ своимъ никогда такъ не повелѣлъ“.

„Житіе протопопа Аввакума“ представляетъ изъ себя не простую автобіографію, а житіе, изображающее борца за истинную вѣру и мученика и имѣющее цѣлью сохранить память о „дѣлѣ Божіемъ“. Этимъ объясняется житійный стиль произведенія.

Въ „Житіи“ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе присущая вообще житіямъ неопредѣленность мѣста, времени и дѣйствующихъ лицъ: „переселихся въ ино мѣсто“, „во ино время“, „по малѣ времени“, „инъ начальникъ“—таковы выраженія, часто встрѣчающіяся въ „Житіи протопопа Аввакума“.

Другая черта, также свойственная житіямъ, — знаменія, чудеса, видѣнія и благочестивые подвиги,—имѣетъ мѣсто и въ произведеніи Аввакума: ими подкрѣпляется дѣло Божіе, за которое борется Аввакумъ.

Когда Никонъ сталъ искажать церковные законы, произошло солнечное затменіе, и луна потекла отъ запада. Четырнадцать лѣтъ спустя произошло то же самое, когда разстригли Аввакума и отправили въ темницу.

Когда начальникъ сталъ стрѣлять въ Аввакума изъ пищалей, „Божіей волею на полкѣ порохъ пыхнулъ, а пищаль не стрѣлила“. Другой начальникъ, напавшій на Аввакума, внезапно заболѣлъ, и ему пришлось обратиться за помощью къ Аввакуму, и Аввакумъ замѣчаетъ женѣ начальника, умолявшей о помощи мужу: „Болше у Христа-тово остра шелѣпуга та: скоро повинился мужъ твой!“ Логгинъ, когда его разстригали, разжегся ревностью божественнаго огня, сталъ порицать Никона и черезъ алтарный порогъ плевалъ ему въ глаза. Распоясавшись, Логгинъ сорвалъ съ себя рубашку и кинулъ въ алтарь Никону въ глаза. „Чюдно! Растопоряся рубашка покрыла дискосъ съ тѣломъ Христовымъ и престолъ“.

Находясь „въ Даурахъ“, Аввакумъ однажды „на рыбный промыслъ къ дѣтямъ по льду зимою по озеру бѣжалъ на безлукахъ: тамъ снѣгу не живетъ, морозы велики живутъ, и льды толсты намерзаютъ—близко человѣка толщины. Пить мнѣ захотѣлось и, гораздо отъ жажды томимъ, идти не могу. Среди озера стало. Воды добыть нельзя: озеро—верстъ 8. Сталъ, на небо взирая, говорить: Господи, источивый ис камени в пустыни людемъ воду, жаждущему Израилю, тогда и днесь еси; напой мене, ими же вѣси судьбами, Владыко Боже мой! Охъ, горе!

Не знаю, какъ молвить! Кто есмь азъ? Умерый песъ! Затрещалъ ледъ предо мною и разступися чрезъ все озеро сюду и сюду и паки снидеся: гора велика льду стала! И дондеже уряженіе бысть, азъ стахъ на обычномъ мѣстѣ и, на востокъ зря, поклонихся дважды или трижды, призывая имя Господне краткими глаголы изъ глубины сердца. Оставилъ мнѣ Богъ пролубку маленьку, и я, падше, насытился. И плачу, и радуюсь, благодаря Бога. Потомъ и пролубка сдвинулася, и я, возставъ, поклоняся Господеви и паки побѣжалъ по льду, куды мнѣ надобе къ дѣтямъ".

У священника Лазаря вырѣзали изъ горла языкъ. Кровь пошла да и перестала, а Лазарь, безъ языка, сталъ слова говорить. Ему отсѣкли руку по запястье, „и рука отсѣченная, лежа на земли, сложила сама по преданію персты и долго лежала пред народы, исповѣдала, бѣдная, и по смерти знаменіе Спасителево неизмѣнно. Мнѣ и самому сіе чудно: бездушная одушевленныхъ обличаетъ!"

Въ „Житіи" Аввакумъ выступаетъ смѣлымъ борцомъ съ сильными, защитникомъ угнетенныхъ и слабыхъ, подвергающимся преслѣдованіямъ, гоненіямъ и лютымъ наказаніямъ, которыя онъ переноситъ съ кротостью и смиреніемъ, энергичнымъ и стойкимъ защитникомъ правой вѣры. Иногда Аввакумъ измѣняетъ своей кротости и сурово расправляется съ нарушителями церковныхъ постановленій или благочинія: онъ ломаетъ домры и хари у скомороховъ, стегаетъ ремнемъ Струну.

2) Попъ Никита Пустосвятъ. Суздальскій соборный попъ Никита Добрынинъ, по прозванію, Пустосвятъ, написалъ обширную „Челобитную" (1665), въ которой разбирается „Скрижаль", изданная Никономъ. Объ этой книгѣ авторъ „Челобитной" говоритъ, что въ ней напечатаны „многіе еретическіе и богохульные слова". Разосланная по церквамъ и монастырямъ, книга эта произвела всюду расколъ и смятеніе: много христіанскихъ душъ, простой чади и малодушныхъ людей погибаетъ; впавъ въ отчаяніе, многіе перестали ходить въ церковь и перестали имѣть духовныхъ отцовъ. Никита напоминаетъ великому государю, что ветхій Римъ палъ отъ аполлинаріевой ереси, второй Римъ, „еже есть Константинополь", обладаемъ внуками агарянъ, бездомными турками, а его государство, россійское великое царство,—третій Римъ, въ кото-

ромъ собралось все христіанское благочестіе; съ него, государя, Христосъ Богъ нашъ „свой талантъ съ прикупомъ землетъ“. Никита совѣтуетъ царю принять противъ Никона суровыя мѣры и указываетъ ему, какъ въ подобныхъ случаяхъ поступали византійскіе цари.

3) **Попъ Лазарь.** Романо-Борисоглѣбскій попъ Лазарь, авторъ другой „Челобитной“, также выступаетъ противъ нововведеній Никона. Для нагляднаго рѣшенія вопроса о томъ, на чьей сторонѣ правда, Лазарь предлагаетъ никоніанцамъ и приверженцамъ старой вѣры выйти „на общую правду“, „на Божію судьбу“, именно „на огнь“.

4) **Діаконъ Ѳеодоръ Ивановъ.** Діаконъ Благовѣщенскаго собора Ѳеодоръ Ивановъ написалъ рядъ сочиненій: „Челобитная царю“, „Посланіе ко всѣмъ православнымъ о антихристѣ“ и др. Въ своихъ сочиненіяхъ авторъ отвергаетъ церковныя нововведенія и защищаетъ чистоту старой вѣры. Онъ выражаетъ недоумѣніе по поводу мнѣнія никоніанцевъ, что слово „истиннаго“ въ восьмомъ членѣ Символа вѣры является русской прибавкой, и пишетъ въ посланіи къ своему сыну: „Аще бы на Москвѣ приложили *истиннаго*, кто приложилъ именемъ, царь ли, или святитель кой, и в кое лѣто, и како тому прилагатаю церковь премолча о прилогѣ? И аще вси люди мертвы быша въ то время, тогда буди тако, яко спящимъ всѣмъ людямъ на Москвѣ и приложи нѣкто *истиннаго* и утече нѣгдѣ“. О новоисправленныхъ книгахъ діаконъ Ѳеодоръ пишетъ слѣдующее: „А нынѣшныя книги, что посылалъ покупать Никонъ патріархъ въ Грецію, съ коихъ нынѣ здѣ переводятъ, словутъ греческія, а тамъ печатаютъ тѣ книги подъ властью богоотступнаго папы римскаго въ трехъ градѣхъ: въ Римѣ, въ Парижѣ и въ Венеціи, греческимъ языкомъ, но не по древнему благочестію. Того ради и здѣ нынѣшныя съ старыми несогласны, государь, и велія смута“.

311. Епифаній Славинецкій. Епифаній Славинецкій († 1675), изъ Юго-западной Руси, получилъ образованіе въ Кіево-Братской школѣ (до ея преобразованія въ коллегію). Для пополненія своего образованія Славинецкій ѣздилъ (около 1630) за границу. По возвращеніи оттуда онъ принялъ монашество въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ. Около 1642 г. Славинецкій перешелъ въ Кіево-Братскій монастырь и сдѣлался преподавателемъ школы, находившейся при монастырѣ. Отсюда Сла-

винецкій вмѣстѣ съ другими кіевскими монахами былъ вызванъ (1649) въ Москву, гдѣ трудился для просвѣщенія и литературы въ теченіе болѣе четверти вѣка.

Славинецкій былъ очень образованный человѣкъ. Это былъ, по одной современной характеристикѣ, „не токмо грамматики и риторики, но и философіи и самыя ѳеологіи испытатель и искуснѣйшій разсудитель и опасный (осторожный) преголковникъ еллинскаго, словенскаго и польскаго діалектовъ“. Кромѣ обычнаго курса схоластической науки, Славинецкій хорошо зналъ языки славянскій, польскій, латинскій и греческій. Онъ былъ поборникомъ греческаго направленія въ просвѣщеніи и въ основу своего преподаванія въ Чудовской школѣ положилъ греческій языкъ.

Славинецкій, по порученію Никона, много трудился надъ исправленіемъ книгъ, свѣряя тексты славянскихъ рукописей съ греческими подлинниками: ему принадлежитъ исправленіе „Служебника“ 1655 г. (§ 305), новая редакція Библіи, выпущенной въ 1663 г. Онъ дѣлалъ переводы церковныхъ книгъ. Такъ, онъ перевелъ „Слова“ Григорія Богослова, „Бесѣды на Шестодневъ“ Василія Великаго, „Слова противъ аріанъ“ Аѳанасія Александрійскаго, „О православной вѣрѣ“ Іоанна Дамаскина, „Толкованіе на посланіе къ римлянамъ и на первое посланіе къ коринѳянамъ“ Ѳеофилакта Болгарскаго, сборникъ „Скрижаль“ (1655, § 305), въ приложеніяхъ къ которой защищаетъ нововведенія Никона. Славинецкій дѣлалъ переводы не только церковныхъ книгъ, но и свѣтскихъ, какъ, напр., книгъ по анатоміи и географіи Европы и Азіи, съ латинскаго языка. Въ своихъ переводахъ Славинецкій заботился не о литературности, а о буквальной близости къ греческому подлиннику, вслѣдствіе чего церковно-славянскій языкъ его переводовъ отличается тяжеловѣсностью. По просьбѣ Ртищева Славинецкій составилъ греко-славяно-латинскій лексиконъ, въ которомъ объяснено до 7.000 словъ, пособіе для переводчиковъ съ греческаго языка на славянскій. Наконецъ, Славинецкій составилъ изъ матеріаловъ, собранныхъ при чтеніи и изученіи греческихъ книгъ, филологическій лексиконъ, въ которомъ дается толкованіе отдѣльныхъ словъ и выраженій въ св. Писаніи.

Кромѣ этихъ трудовъ Славинецкому принадлежитъ свыше сорока проповѣдей и поученій, обязанныхъ своимъ появленіемъ тому, что при Никонѣ впервые разрѣшена была живая про-

повѣдь вмѣсто обычнаго чтенія проповѣдей св. отцовъ. Проповѣди и поученія Славинецкаго дѣлятся на два разряда: одни изъ нихъ были написаны, какъ образцы для проповѣдниковъ, а другія были имъ составлены на церковные праздники или на дни святыхъ.

Первая группа поученій интересна мыслями, которыя высказываетъ Славинецкій. Такъ, въ одномъ изъ этихъ поученій онъ совѣтуетъ священнику послѣ исповѣди дѣлать такое наставленіе исповѣдавшемуся: „Пецыся и промышляй всѣмъ сердцемъ и душею, елика твоя сила, увѣщевати царя и прочія могущія, еже устроити училища вездѣ ради малыхъ дѣтей; сего бо ради, паче всѣхъ добродѣтелей, многихъ грѣховъ получиши оставленіе". Въ поученіи, направленномъ противъ раскольниковъ, Славинецкій осуждаетъ раскольниковъ за то, что они, не зная грамматики, реторики, философіи и богословія, берутся толковать божественное писаніе, защищаетъ необходимость исправленія книгъ, говоря, что не вѣра въ догматахъ исправляется, а только нѣкоторыя реченія, которыя оказались измѣненными вслѣдствіе недоумѣнія или описки невѣжественныхъ писцовъ или потому, что не было типографскаго искусства. Вооружается Славинецкій противъ подачи милостыни безъ разбору и говоритъ, что подающіе здоровому человѣку— участники грѣха, совершаемаго просящимъ.

Чисто церковныя поученія Славинецкаго отличаются отвлеченностью, которая объясняется тѣмъ, что Славинецкій, какъ пришелецъ, не рѣшался затрагивать недостатки высшихъ московскихъ классовъ. Подобно своимъ учителямъ—южно-русскимъ проповѣдникамъ, — Славинецкій въ проповѣдяхъ часто приводитъ цитаты изъ свѣтскихъ древнегреческихъ писателей и облекаетъ избранную тему въ цѣлый рядъ аллегорическихъ образовъ.

312. Симеонъ Полоцкій. Симеонъ Петровскій-Ситніановичъ, получившій прозвище Полоцкаго (1629—1680), былъ родомъ изъ западной Руси. Свое образованіе Полоцкій получилъ въ Кіево-Могилянской коллегіи, гдѣ въ то время наставникомъ и префектомъ былъ Лазарь Барановичъ (§ 288). Онъ принялъ монашество въ Полоцкѣ и сдѣлался учителемъ мѣстнаго братскаго училища. Изъ Полоцка Симеонъ переѣхалъ въ Москву (1663), гдѣ своимъ выдающимся образованіемъ, всесторонними дарованіями и обходительнымъ характеромъ

обратилъ на себя вниманіе придворныхъ сферъ. Ему удалось открыть на время школу въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, которая имѣла латинское направленіе. По порученію правительства, Симеонъ написалъ сочиненіе противъ раскола. Въ 1667 г. Симеонъ былъ назначенъ учителемъ царевича Алексѣя, а послѣ его смерти — учителемъ другого сына Алексѣя, Ѳеодора; у него училась и дочь Алексѣя, Софья; ему же былъ порученъ надзоръ за обученіемъ Петра. Подъ руководствомъ Симеона Алексѣй хорошо усвоилъ латинскій языкъ, а Ѳеодоръ научился слагать стихи.

Симеонъ Полоцкій былъ чрезвычайно плодовитый и многосторонній писатель. Его сочиненія раздѣляются на слѣдующія группы: 1) богословскія, 2) полемическія, 3) ораторскія, 4) драматическія и 5) стихотворныя.

1) **Богословіе.** Изъ богословскихъ сочиненій Симеона наиболѣе выдающимся является „Вѣнецъ вѣры каѳолическія“.

„Вѣнецъ вѣры“ (1670) представляетъ первый въ Московской Руси опытъ систематическаго изложенія христіанскаго ученія, какъ въ Юго-западной Руси первымъ такимъ опытомъ было „Зерцало Богословія“ Кирилла Транквилліона.

Симеонъ Полоцкій въ основу своего изложенія положилъ апостольскій Символъ вѣры (вмѣсто Никейскаго, принятаго у насъ). Изложеніе состоитъ изъ вопросовъ и отвѣтовъ, распредѣленныхъ въ порядкѣ членовъ Символа вѣры.

Излагая христіанское ученіе, Симеонъ Полоцкій пользуется сочиненіями не только отцовъ и учителей церкви, но и западно-европейскихъ средневѣковыхъ и новыхъ богослововъ, какъ, напр., сочиненіями Ансельма Кентерберійского (1033—1109), „доктора евангелическаго и христіанскаго“ Жерсона (1363—1429), архіепископа Экскаго Женебрара (1537—1597), кардиналовъ Палеотти (1522—1597) и Баронія (1557—1607) и особенно іезуита Беллярмина (1542—1609). Кромѣ того, авторъ пользовался и апокрифами. Этимъ объясняется рядъ вопросовъ и отвѣтовъ въ „Вѣнцѣ вѣры“. Такъ, Симеонъ Полоцкій ставитъ вопросъ о томъ, сколько времени пробыли первые люди въ раю, и присоединяется къ тому мнѣнію, что они пробыли только три часа; они согрѣшили въ шестомъ часу дня, и въ этомъ же часу былъ распятъ Христосъ. Симеонъ ставитъ вопросъ о томъ, воскреснутъ ли люди съ волосами и ногтями: люди стригутъ волосы и ногти, и въ теченіе

жизни ихъ много накопляется. Страшный судъ произойдетъ въ Іосафатовой долинѣ близъ Іерусалима, подъ Елеонской горою; чтобы все человѣчество могло помѣститься въ этой долинѣ, люди будутъ разставлены въ воздухѣ ярусами другъ надъ другомъ.

По примѣру византійскихъ богослововъ (напр., Іоанна Дамаскина) и средневѣковыхъ, Симеонъ Полоцкій, излагая систему богословія, попутно даетъ рядъ свѣдѣній и разсужденій объ устройствѣ міра. Интересны свѣдѣнія и разсужденія автора „о небеси и землѣ“.

Видимый міръ,—объясняетъ авторъ,—состоитъ изъ естества небесъ и естества стихійнаго.

Небеса—троякія: одно небо—эмпирейское, самое высокое и неподвижное, престолъ всемогущаго Бога, пространствомъ равное 10.314 темамъ или 85.710 милямъ (пятиверстнымъ); второе небо—кристальное, одинъ изъ поясовъ котораго движется съ неизреченною скоростью и движетъ прочія небеса съ востока на западъ; третье небо—твердь, распадающаяся на два пояса: поясъ неподвижныхъ звѣздъ и поясъ планетъ. Планетное небо дѣлится на семь круговъ, или поясовъ, по числу планетъ (Кронъ, Дей, Аръ, Солнце, Афродита, Ермій, Луна). Небо вообще есть „тѣло чистое, естествомъ простѣйшее и тончайшее, по естеству—тлѣнно, благодатію Божіею не истлѣвающее“, по качеству—свѣтло, прозрачно и безцвѣтно; если оно кажется сапфировиднымъ, то это благодаря дѣйствію солнечныхъ лучей. Звѣзды движутся вмѣстѣ съ твердью. Веществомъ звѣзды чисты, образомъ круглы, по количеству многочисленны, по виду кажутся малы, производятъ вёдро и ненастье. Самыя низкія изъ звѣздъ—планеты, сирѣчь блудящія, такъ какъ онѣ ходятъ то по одному пути со звѣздами, то по противоположному. Самая маленькая изъ звѣздъ въ 80 разъ, а солнце въ 166 разъ болѣе земли, а луна въ 30 разъ менѣе ея. Всякій часъ солнце проходитъ 7.160 миль.

Земля ниже всѣхъ другихъ стихій и окружена ими, „черна, тяжка, кругла..., мати плодовъ, питателница звѣрей, зданій основаніе, мертвыхъ пріятелище, всего міра кентръ“. Внутри земля содержитъ адъ и терзается трусомъ отъ заключенныхъ въ ней духовъ. Центръ земли имѣетъ въ себѣ естественную силу, данную Вседѣтелемъ для того, чтобы она, по тяготѣ своей, пребывала недвижимою во вѣки.

2) Полемика. Къ полемическимъ сочиненіямъ Симеона Полоцкаго относится „Жезлъ правленія“ (1668), написанный противъ „Челобитныхъ“ Никиты Пустосвята и Лазаря (§ 310). Полное заглавіе книги Полоцкаго такое: „Жезлъ правленія на правителство мысленнаго стада православно-россійскія церкве,—утверженія во утверженіе колеблющихся во вѣрѣ,—наказанія въ наказаніе непокоривыхъ овецъ,—казненія на пораженіе жестоковыиныхъ и хищныхъ волковъ, на стадо Христово нападающихъ“. На заглавномъ листѣ помѣщено изображеніе архіерейскаго жезла, наглядно объясняющее, какой именно жезлъ имѣлъ въ виду авторъ.

„Жезлъ правленія“ состоитъ изъ предисловія и опроверженія.

Предисловіе написано Полоцкимъ отъ имени освященнаго собора. Въ немъ авторъ объясняетъ значеніе духовной власти, символомъ которой является жезлъ, и изображаетъ способы воздѣйствія этой власти на тѣхъ, которые уклоняются отъ единомыслія съ нею. Первый способъ—кроткое наученіе, милостивое и исполненное долготерпѣнія; оно различаетъ среди отпавшихъ—вождей и ведомыхъ: вождей оно осуждаетъ, „зане возлюбили тьму своего невѣжества паче свѣта истиннаго православнаго ученія“, а ведомыхъ старается вернуть на путь истинный. Второй способъ—обличеніе злобы. „Намъ—говорится въ предисловіи,—моллвшимъ васъ объ обращеніи къ церкви соборной, слѣдуетъ обличать злобу расколоначальниковъ мятежетворцевъ, лжеучителей, кои не отъ живого источника напояютъ жаждущія души, а отъ горькихъ водъ Мерры“... Спаситель сказалъ: „Не входяй дверьми во дворъ овчій, но инуду прелазай, той тать есть и разбойникъ“. Вожди раскола именно таковы: „Тати они и разбойники, ибо коими вратами вступили на амвонъ учительства, кто благословилъ ихъ на сіе? Сами похитили: дырою, любочестія и славолюбія діаволомъ ископанною, проникли для того во дворъ овчій; тати они, крадущіе у вѣрныхъ душъ таланты, дарованные Богомъ, разбойники, злымъ ученіемъ убивающіе души людей неповинныхъ“. Хотя вожди раскола—тати и разбойники, однако власть духовная, имѣющая характеръ отеческій, не можетъ не жалѣть своихъ чадъ, даже злобныхъ, и потому предисловіе снова обращается къ заблуждающимся со словомъ вразумленія, подтверждаетъ правовѣріе „Скрижали“, на которую такъ нападали расколь-

ники, и обращается къ православнымъ русскимъ людямъ съ такимъ увѣщаніемъ: „Если не желаете быть сокрушены жезломъ казни духовной, пріимите съ радостью и любовью сей мысленный жезлъ правленія, утвержденія, наказанія и казненія; шествуйте путемъ разумѣнія писаній божественныхъ, кои вамъ укажетъ жезлъ сей, и убѣгайте безумнаго ученія новыхъ не богословцевъ, а буесловцевъ, бѣгите далече отъ лестнаго ихъ толкованія, что жезломъ нашимъ явно творится". Расколъ,—толкуется въ предисловіи,—порожденъ злобою „ангелоестественнаго демона", который отъ самаго Адама „не переставалъ ковотворить—то самъ собою, то растлѣнными членами церкви Божіей: древле—Аріемъ, Несторіемъ, Савеліемъ, Македоніемъ и прочими богомерзкими еретиками, нынѣ же—новыми отступниками: Никитою, Аввакумомъ, Лазаремъ, Ѳеодоромъ, Ѳеоктистомъ, Спиридономъ, со суемудрыми пустынниками и прочими отторгшимися отъ единства церкви, составляющими свои богоненавидимыя пустословія и отверзающими уста для хуленія на Бога во святыхъ Его, на селеніе Его (иже есть церковь) и на живущихъ на небеси угодниковъ Божіихъ". Раскольники это—филистимляне, Никита—Голіаѳъ, а соборъ это—Давидъ. „На сіе позорище (ристалище) духовной брани,—говорится въ концѣ предисловія,—молимъ, да изыдетъ всякъ православный мысленными, благоразумными очами и узритъ—уповаемъ на Господа Саваоѳа—сего жезла побѣду надъ Голіаѳомъ и надъ всѣмъ его полкомъ"...

За предисловіемъ слѣдуетъ опроверженіе обличеній Никиты и Лазаря, построенное на схоластическихъ началахъ. Опроверженіе каждаго обличенія начинается съ какой-либо общей безсодержательной сентенціи, смыслъ которой примѣняется къ данному случаю; затѣмъ идутъ построенныя на логическихъ доводахъ возраженія, сопровождаемыя уподобленіями или противоположеніями и подтверждаемыя ссылками на церковные авторитеты; наконецъ, авторъ дѣлаетъ выводъ о неправильности разбираемаго обличенія и присоединяетъ къ нему убѣдительное обращеніе къ опровергаемому лицу, или увѣщательное къ его послѣдователямъ, или къ православнымъ россійскимъ людямъ, чтобы они не соблазнялись ложными толкованіями расколоучителей. Правильность своихъ опроверженій Симеонъ Полоцкій доказываетъ многочисленными ссылками на такихъ отцовъ и учителей церкви, какъ Діонисій Ареопагитъ, Аѳана-

сій Александрійскій, Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, Епифаній Кипрскій, Кириллъ Александрійскій, Григорій Синаитъ, Іоаннъ Дамаскинъ, Ѳеодоръ Студитъ и др. Въ то же время Симеонъ Полоцкій обнаруживаетъ знакомство и съ сѣверно-русской литературой, съ сочиненіями Максима Грека, Зиновія Отенскаго, съ житіемъ Евфросина Псковскаго, съ постановленіями Стоглаваго собора, хотя къ сѣверно-русской церковной литературѣ относится вообще съ предубѣжденіемъ. Выработанные этой литературой взгляды на нѣкоторые вопросы вѣры, особенно обрядовые, расходящіеся со взглядами греческой церкви XVII в., отличія въ церковныхъ книгахъ древнерусскихъ редакцій отъ греческой редакціи, установившейся къ XVII в., представлялись Симеону Полоцкому плодомъ невѣжества, порожденнаго отчужденіемъ отъ греческаго Востока. Онъ одобряетъ изданныя Никономъ богослужебныя книги, между прочимъ, и потому, что сдѣланныя въ нихъ исправленія обличаютъ невѣжество прежнихъ московскихъ издателей. Относясь пренебрежительно къ сѣверно-русской литературѣ, Симеонъ Полоцкій тѣмъ большее уваженіе проявляетъ къ произведеніямъ южно-русской литературы.

Къ авторамъ разбираемыхъ челобитныхъ Симеонъ Полоцкій относится съ презрѣніемъ. Онъ укоряетъ ихъ въ незнаніи греческаго языка, въ незнакомствѣ съ грамматикой, реторикой, діалектикой и богословіемъ и иронически совѣтуетъ имъ „поискать разума у искуснѣйшихъ“. Полемика его съ ними рѣзка. Вотъ какъ, напр., Симеонъ полемизируетъ съ Никитой: „Ты клевещеши, окаянне, свинія еси, попирающая бисеры; вепрь еси гнусный въ царскомъ вертоградѣ; лисъ еси, губляй виноградъ церковный... Что смрадный козлищъ въ садѣ и свинія въ вертѣ, то безумный Никита въ теченіи и разумѣніи божественнаго писанія: яко бо козлищъ благая и плодоносная древеса объядаетъ и губитъ, свинія же сквернымъ носомъ вертоградъ рветъ и нивочтожествуетъ, тако и скотоумный Никита сотвори въ садѣ благоплодовитомъ“. Всю свою жизнь Никита слѣпотствовалъ въ ночи невѣжества, а когда дерзнулъ, какъ сова, возвести свои мрачныя очи въ свѣтлые лучи святого богословія, то не только не исправилъ, а еще въ конецъ погубилъ свое зрѣніе. Таковъ же и Лазарь, который со своимъ богомерзкимъ полчищемъ стремится невѣсту жениха небеснаго, церковь, уязвить хульными клеветами, какъ стрѣлами, напоен-

ными аспидовымъ ядомъ. Это—безумный клеветникъ, невѣжда, злобникъ, орудіе отца лжи, начальникъ хитрословія. „Твое обличеніе,—говоритъ Симеонъ Полоцкій,—оплевати паче и обругати подобаетъ и уста лживыя жезломъ, аки псу лающему, заградити, неже отвѣтъ дати“.

Хотя „Жезлъ правленія“ былъ разсмотрѣнъ на соборѣ и одобренъ присутствовавшими на немъ іерархами, однако, такіе поборники греческаго направленія, какъ, напр., Епифаній Славинецкій и, позднѣе, его ученикъ Евѳимій (§ 313), отмѣтили въ книгѣ Симеона слѣды латинскихъ воззрѣній, напр., по вопросу о зачатіи Пресвятой Богородицы и о времени пресуществленія святыхъ даровъ.

3) Ораторскія произведенія. Симеонъ Полоцкій былъ авторомъ многочисленныхъ словъ и поученій. Въ нихъ онъ нерѣдко касается недостатковъ современной жизни въ Московской Руси и даетъ соотвѣтствующія наставленія. Послѣ смерти Симеона Полоцкаго, его слова и поученія были изданы въ двухъ сборникахъ: а) „Обѣдъ душевный“ и б) „Вечеря душевная“. Сборники эти названы такъ потому, что они толкуютъ „глаголъ Божій“, который есть пища для ума и души. Связь между обоими сборниками объясняется слѣдующимъ сравненіемъ: какъ странствующіе не только обѣдомъ учреждаютъ плоть свою, но и насыщаютъ ее вечерею, дабы не ослабнуть отъ ночнаго поприща, такъ и христіанамъ полезно предлагать не только духовный обѣдъ въ насыщеніе но и духовную вечерю въ укрѣпленіе. О томъ, какъ нужно пользоваться „Обѣдомъ душевнымъ“, авторъ говоритъ такъ: „Яждь обѣдъ, взимая руками ума твоего, прежуй зубами разсужденія и поглощай въ стомахъ (въ желудокъ) памяти твоея“.

а) „Обѣдъ душевный“. Слова и поученія, собранныя въ сборникѣ „Обѣдъ душевный“ (1681), были составлены Симеономъ Полоцкимъ на воскресные дни. Въ нихъ наиболѣе интересны его наставленія, касающіяся воспитанія дѣтей. По мнѣнію Полоцкаго, дѣти воспитываются подъ вліяніемъ примѣра и жизни родителей и окружающихъ ихъ людей. Поэтому родители и воспитатели должны отличаться чистотою жизни. Наставленія, даваемыя Полоцкимъ родителямъ о воспитаніи дѣтей, напоминаютъ во многихъ отношеніяхъ правила „Домостроя“ (§ 238). Дѣтей надо учить молитвѣ Господней, Символу вѣры, заповѣдямъ Божіимъ, заставлять ходить въ церковь,

исповѣдываться и причащаться, молиться дома утромъ и вечеромъ. Далѣе, родители должны учить дѣтей „рукодѣлію“ и вообще какому нибудь честному занятію, чтобы дѣти не пріучались къ праздности: праздность есть мать всѣхъ худыхъ дѣлъ. При воспитаніи дѣтей необходимо прибѣгать къ поученію „жезломъ“: „Снопа аще не млатиши, орѣха аще не разбіеши, не возьмеши хлѣба и ядра, не пріимеши сытости и сладости; чадъ же аще не біеши, не сподобишися радости“.

б) „Вечеря душевная“. Проповѣди сборника „Вечеря душевная“ (1683) написаны на господскіе и богородичные праздники и на дни святыхъ. Въ нихъ авторъ говоритъ о добродѣтеляхъ святыхъ, которымъ слѣдуетъ подражать, о значеніи праздниковъ и о томъ, какъ христіанину слѣдуетъ проводить ихъ. Онъ вооружается противъ того, что люди „едва не всякихъ сановъ“ привыкли провожать праздники въ пиршествахъ и пьянствѣ, нападаетъ на колдовство, гаданія, напр., по звону въ ушахъ, на вѣру въ примѣты, напр., на значеніе встрѣчъ съ волкомъ, зайцемъ, монахомъ или женщиной. Если идутъ рядомъ двое и между ними случится быть камню, или пробѣжитъ песъ, или пройдетъ ребенокъ, суевѣрные люди попираютъ камень, какъ растерзателя дружества, ударяютъ невиннаго ребенка въ ланиту и бьютъ пса. Иные, чихнувъ въ то время, какъ начали обуваться, снова ложатся въ постель, или, споткнувшись при выходѣ изъ дому, возвращаются назадъ. Если мыши изгрызли платье, суевѣрный человѣкъ больше страшится предсказываемаго этимъ будущаго зла, нежели жалѣетъ о настоящей потерѣ. Изъ богомерзкихъ обычаевъ, распространенныхъ въ городахъ, селахъ и весяхъ особенное вниманія Полоцкаго обращаютъ три. „Есть,—говоритъ Полоцкій,—обычай богомерзкій въ странахъ нашихъ россійскихъ во градѣхъ же, въ селѣхъ и въ весѣхъ, еже висѣлицы нѣкія поставляти именуемыя просто рѣли (качели), на нихъ же маліи и велиціи обыкоша колыхатися, съ великимъ бѣдствомъ здравія своего, многажды съ лишеніемъ живота, и всегда со грѣхомъ, ибо то древле идолослужители въ честь лжебогомъ своимъ творяху, а мы такоже содѣваемъ, аки боги ихъ знающе и чтуще“. Другой обычай—скаканіе и плясаніе съ неблагопристойнымъ пѣніемъ. Третій обычай—разведеніе костровъ наканунѣ Іоанна Предтечи и прыганіе черезъ нихъ.

Слова и поученія Симеона Полоцкаго написаны по пра-

виламъ южнорусской проповѣди (§ 289). Авторъ почерпаетъ свои матеріалы не только изъ церковной литературы, но и изъ древнегреческихъ писателей, а также изъ сборниковъ латинскихъ проповѣдей. Онъ любитъ также аллегорію. Несмотря на это поученія и слова Симеона Полоцкаго отличаются большею цѣльностью и простотой изложенія, нежели слова и поученія творцовъ южно-русской проповѣди латино-славянскаго періода.

4) Драматическія произведенія. Симеонъ Полоцкій составилъ двѣ драмы, написанныя стихами: а) „Комедію о блудномъ сынѣ“ и б) „Комедію о Навуходоносорѣ и трехъ отрокахъ въ пещи вавилонской“.

а) „Комедія о блудномъ сынѣ“. „Комедія о блудномъ сынѣ“ представляетъ изложеніе евангельской притчи въ драматической формѣ. Въ рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ отразились нѣкоторыя черты Московской Руси во второй половинѣ XVII в. Комедія состоитъ изъ пролога, шести частей и эпилога.

Въ *прологѣ* авторъ объясняетъ зрителямъ, что онъ изобразилъ притчу въ драматической формѣ, потому что ея содержаніе лучше запечатлѣвается въ дѣйствіи.

Въ *первой части* изображается, какъ отецъ, въ присутствіи многихъ слугъ, даетъ своимъ двумъ сыновьямъ наставленія и дѣлитъ между ними свое имущество. Старшій сынъ отказывается отъ своей доли и выражаетъ желаніе остаться при отцѣ навсегда. Онъ говоритъ:

Всякіе труды готовъ подъимати,
Отчія воли прилежно слушати.
Весь азъ твой рабъ есмь, радъ выну (всегда) служити,
Въ послушаніи животъ мой кончити.

Младшій сынъ беретъ свою долю и проситъ отца отпустить его на свободу, чтобы посѣтить чужія страны, получить тамъ образованіе и умножить славу и богатство дома.

Свѣщи подъ спудомъ не лѣпо стояти,
Съ солнцемъ азъ хощу тещи и сіяти.
Заключеніе видитъ ми ся быти,—
Въ отчиной странѣ юность погубити...
Богъ волю далъ есть: се птицы летаютъ,
Звѣріе въ лѣсахъ вольно пребываютъ.
И ты мнѣ, отче, изволь волю дати,
Разумну сущу, весь міръ посѣщати.

Отецъ говоритъ, что посѣщеніе чужихъ странъ приноситъ пользу; но сынъ его—молодъ и неопытенъ. Тѣмъ не менѣе отецъ отпускаетъ сына.

Во *второй части* изображается жизнь младшаго сына на свободѣ. Младшій сынъ въ восторгѣ, что освободился отъ родительскаго надзора. Онъ говоритъ:

„Бѣхъ у отца, яко рабъ плѣненный,
Въ предѣлѣхъ домовыхъ, якъ въ турмѣ замкненный.
Ничто бяше свободно по воли творити:
Ждахъ обѣда, вечери, хотяй ясти, пити;
Не свободно игратя, въ гости не пущано,
А на красвыя лица зрѣти запрещано.
Во всякомъ дѣлѣ—указъ, безъ того,—ничто же.
Ахъ, колико неволя, о мой святый Боже!
Отецъ, яко мучитель, сына си томляше,
Ничесо же творити по воли даяше.
Нынѣ, слава Богови, отъ узъ свободихся,
Егда въ чуждую страну едва отмолихся.
Яко птенецъ изъ клѣтки на свѣтъ испущенный,
Желаю погуляти, тѣмъ быти блаженной".

Онъ набираетъ много слугъ, даетъ каждому по сту рублей, играетъ съ ними и пьетъ, проигрываетъ множество денегъ и наконецъ, утомленный и хмельной, отправляется спать.

Въ *третьей части* изображается, какъ блудный сынъ продолжаетъ расточать свои деньги. Онъ является на сцену со слѣдами похмелья. Передъ нимъ поютъ сладкоигратели. Онъ велитъ дать имъ денегъ, но оказывается, что его казна опустѣла. Тогда онъ даетъ сладкоигрателямъ свою верхнюю одежду въ надеждѣ, что добрые друзья не откажутся дать ему денегъ взаймы. Слуги, видя, что ихъ господинъ разорился, требуютъ отъ него жалованья, отказываются дальше служить ему и расхищаютъ послѣдніе остатки его имущества. Одинъ изъ слугъ насмѣшливо говоритъ господину своему, что они творятъ ему еще милость, оставляя его безумнаго, въ живыхъ. Послѣ этого всѣ слуги уходятъ. Блудный сынъ въ отчаяніи заливается слезами.

Въ *четвертой части* изображается, какъ блудный сынъ, томимый голодомъ, продаетъ свою послѣднюю одежду, и надѣваетъ рубище и нанимается къ богатому господину, который поручаетъ ему пасти свиней. Отъ голода блудный сынъ прогоняетъ отъ корыта свиней и съѣдаетъ пищу, приготовленную

для нихъ. Слуги господина за это наказали его плетьми. Блудному сыну кажется, что дома было гораздо лучше, чѣмъ въ чужихъ странахъ.

Въ *пятой части* изображается возвращеніе блуднаго сына домой и радостный пріемъ, устроенный ему отцомъ.

Въ *шестой части* блудный сынъ благодаритъ Бога за благополучное окончаніе его бѣдствій и разсуждаетъ о своемъ исправленіи:

Азъ же отселѣ хощу пребывати
Въ послушаніи, себе подчиняти;
Познахъ бо нынѣ—юность дурность быти,
Аще кто хощетъ безъ науки жити.

Въ *эпилогѣ* „Комедіи“ авторъ выражаетъ мысль о необходимости разумнаго подчиненія дѣтей родителямъ и добраго наставленія дѣтей родителями.

Юнымъ се образъ старѣйшихъ слушати,
На младый разумъ свой не уповати;
Старимъ,—да юныхъ добрѣ наставляютъ,
Ничто на волю младыхъ не спущаютъ,
Найпаче образъ милости явися,
Въ немъ же Божья милость вобразися,
Да и вы Богу въ ней подражаете,
Покаявшимся удобь прощаете!

Въ „Комедіи о Блудномъ сынѣ“ Симеонъ Полоцкій изображаетъ печальныя послѣдствія непослушанія родителямъ и въ особенности стремленія получать образованіе („умомъ сбогатиться“) на Западѣ.

б) „Комедія о Навуходоносорѣ“. Въ этой комедіи изображается въ драматической формѣ библейскій разсказъ о Навуходоносорѣ и трехъ отрокахъ, не поклонившихся идолу, вверженныхъ въ огненную печь и оставшихся невредимыми.

Комедія открывается „предисловцемъ“, въ которомъ заключается привѣтственное обращеніе къ царю: въ немъ авторъ изображаетъ силу, душевную доброту и благочестіе царя Алексѣя Михайловича и противопоставляетъ ему Навуходоносора съ его невѣріемъ и гордостью.

Появляется на сцену Навуходоносоръ, окруженный боярами, слугами, воинами, садится на приготовленное для него мѣсто и обращается къ присутствующимъ съ рѣчью, въ которой хва-

лится своимъ могуществомъ и называетъ себя богомъ боговъ. Онъ велитъ воздвигнуть на полѣ Деирѣ изъ золота его образъ, которому должны поклониться всѣ народы, а близъ образа поставить печь, чтобы бросить въ нее всѣхъ, кто не пожелаетъ поклониться образу. Приказаніе исполняется. Подъ звуки музыкальныхъ инструментовъ народъ поклоняется образу. Только трое отроковъ стоятъ неподвижно. Ихъ немедленно хватаютъ и приводятъ къ Навуходоносору. Царь съ гнѣвомъ обращается къ нимъ и требуетъ, чтобы они исполнили приказаніе. Отроки отказываются и прославляютъ живого Бога небеснаго. Царь велитъ ввергнуть ихъ въ огненную пещь. Къ нимъ подходятъ воины, связываютъ имъ руки и говорятъ одинъ за другимъ: „Золъ родъ еврейскій; крѣпко ихъ вяжите, непокоривыхъ ни мало щадите“, „Кто врага царска хощетъ пощадити, самъ есть достоинъ смертно казнимъ быти“, „Азъ и двѣ кожѣ готовъ есмь издрати съ едного хребта, а самъ не страдати“, „Мнѣ евреина столь сладко убити, яко же меда сладка чашу пити“, и т. д. Послѣ этого воины ввергаютъ отроковъ въ печь. Является ангелъ, который ободряетъ отроковъ, и они поютъ пѣснь изъ третьей главы книги Даніила. Огонь изъ печи опаляетъ одного изъ воиновъ. Навуходоносоръ замѣчаетъ присутствіе въ печи четвертаго лица:

Что убо вижду? Въ пламени огненни
Четыре мужи ходятъ разрѣшенни!
Вси суть безъ вреда, четвертый блистаетъ,
Яко Сынъ Божій. О, чудо бываетъ!

Навуходоносоръ освобождаетъ отроковъ и говоритъ:

Увы мнѣ, увы! Азъ грѣшный прельстихся,
На рабы Бога живаго ярихся,
Они суть святи, азъ—грѣшенъ зѣло,
Невинныхъ и огнь сохранилъ есть цѣло.
Что убо имамъ азъ, бѣдный, творити?
О прощеніи хощю ихъ молити.

Онъ проситъ у отроковъ прощенія и изъявляетъ готовность служить ихъ Богу. Комедія заканчивается эпилогомъ, въ которомъ авторъ и актеры благодарятъ присутствующаго на представленіи царя за вниманіе и извиняются въ своемъ неискусствѣ.

„Комедія о Навуходоносорѣ“ рисуетъ хорошо воспитанныхъ юношей, твердо придерживающихся истинной вѣры.

5) Вирши. Симеонъ Полоцкій написалъ множество стиховъ, собраніе которыхъ образовало два сборника: а) „Вертоградъ многоцвѣтный“ и б) „Риѳмологіонъ“; кромѣ того, Полоцкій переложилъ въ стихи в) Псалтирь и г) Мѣсяцесловъ.

а) „Вертоградъ многоцвѣтный“. „Вертоградъ (садъ) многоцвѣтный“ (1678) представляетъ сборникъ стихотвореній на разныя темы и о разныхъ предметахъ, названія которыхъ распредѣлены въ алфавитномъ порядкѣ. Въ предисловіи къ „Вертограду“ самъ авторъ заявляетъ, что стихотворенія его сборника представляютъ подобія, образы (реторическія фигуры), присловія, толкованія, эпитафіи, повѣсти, молитвы, увѣщанія и обличенія. Цѣль автора, съ одной стороны,—разъясненіе религіозныхъ истинъ и нравственное наставленіе, а съ другой,—содѣйствіе распространенію „на нашемъ славенстемъ книжномъ языцѣ“ „риѳмотворнаго писанія“, которое „во инѣхъ языкахъ велію честь имать и ублаженіе и творцемъ его достойнаго не лишаетъ отъ Бога и отъ человѣкъ возмездія и славы“.

Матеріалы для своихъ стихотвореній Симеонъ Полоцкій почерпалъ изъ нѣсколькихъ источниковъ.

Первый источникъ—„вертограды чужеземные“, къ которымъ относятся житія святыхъ, Прологъ (кн. 1-ая, § 92), „Римскія Дѣянія“, „Великое зерцало“ (§ 297). Такъ, стихотвореніе „Клевета“ представляетъ изложеніе преданія о Женевьевѣ Брабантской, стихотвореніе „Месть“—изложеніе исторіи Розамунды, жены Лонгобардскаго короля, стихотвореніе „Сладость небесная“—разсказъ изъ „Великаго Зерцала“ о монахѣ „Феликсѣ, триста лѣтъ слушавшемъ пѣніе райской птицы“, стихотвореніе „Глава мѣдная глаголавшая“—преданіе объ Альбертѣ Великомъ и Ѳомѣ Аквинатѣ, стихотвореніе „Образъ“—разсказъ о покровительствѣ французскаго короля Франциска I просвѣщенію, стихотвореніе „Скаканіе“—разсказъ изъ „Великаго Зерцала“ о неблагочестивыхъ людяхъ, плясавшихъ въ ночь на Рождество Христово, и т. д. Примѣромъ такихъ стихотвореній можетъ послужить стихотвореніе „Образъ“.

Франтискъ именемъ первый краль францiйскiй бяше,
Сей яко писаніе и мудрость любяше,
Ея же родители его не любяху,
Но подобіемъ варваръ въ простотѣ живяху.
Абіе честныхъ дѣти писаній взискаша,
Кралевску любленію тако угождаша.

И бысть въ малѣ времени мудрость расширенна,
Образомъ краля во всей земли умноженна:
Обычай бо есть въ людехъ царя подражати,
Еже ему любезно, всѣмъ то возлюбляти.
Благо убо есть царству, егда благи нравы
Царствуяй воспріемлетъ, ради всѣхъ исправы.

Второй источникъ—средневѣковыя книги по естествознанію. Отсюда авторъ почерпалъ матеріалы для такихъ стихотвореній, какъ „Звѣзда", „Магнитъ", „Слонъ", „Соль" и др. Образчикомъ могутъ служить первыя два стихотворенія:

Звѣзда.

Звѣзды во человѣцѣхъ воли не вреждаютъ,
Токмо страстми плоти нѣчто преклоняютъ.
Тѣмъ же на звѣзды вины нѣсть лѣть (нельзя) возлагати,
Егда кто злое нѣкое обыче дѣяти.

Магнитъ.

Магнитомъ натренное желѣзо пріемлетъ
Силу магнита, иглы желѣзныя вземлетъ
Къ себѣ, едну по единой, доколѣ есть сила,
Юже Божая крѣпость въ той камень вложила.
Подобнѣ праведници въ мірѣ семь творяютъ:
Данную себѣ мудрость инымъ ю подаютъ,
Да тою умудршеся міра отвратятся,
Ко Богу же живому сердцемъ обратятся
И другъ друга да ведетъ во небесну страну
Служащихъ ради вѣрно Богомъ сготовану.

Третій источникъ—личныя наблюденія автора надъ живою дѣйствительностью. Эти наблюденія, сопровождаемыя большею частью соотвѣтственнымъ религіозно-нравственнымъ поученіемъ, вошли въ цѣлый рядъ интересныхъ по содержанію стихотвореній.

Симеонъ Полоцкій, уроженецъ Юго-западной Руси, гдѣ еврейство играло опредѣленную экономическую роль (§§ 278—279), относился къ еврейству недружелюбно, какъ видно изъ стихотворенія „Жидъ":

Яже полза въ садъ дробныхъ рыбъ щуку пущати,
Та между христіаны жида водворяти:

Щука малыя рыбы не сытно глощаетъ,
Жидъ люди убогія лихвами снѣдаетъ *).

Въ другихъ стихотвореніяхъ авторъ выражаетъ свой отрицательный взглядъ на женщинъ и на бракъ. Таково стихотвореніе „Женитва“.

Человѣку ученому,—говоритъ Полоцкій, „пріявшему мудрость отъ Бога“, не слѣдуетъ жениться,—

Ибо не будетъ мощно съ книгами сѣдѣти:
Удалитъ отъ нихъ жена, удалятъ и дѣти...

Женатый человѣкъ долженъ переносить множество женскихъ прихотей; каковы эти прихоти, всякій „оженивыйся совершенно знаетъ“. Жена любитъ наряжаться и окружать себя многочисленной прислугой; ея требованіямъ нѣтъ предѣла:

. . . утружденну мужу не даетъ обнощь спати,
Въ ложи обыче ему о нуждахъ стужати;
Ту жалостнѣ глаголетъ, мужа укоряетъ,
Аки о ней недобрѣ въ нуждахъ помышляетъ;
Инѣхъ мужей во образъ супруги приводитъ:
„Се она краснѣй мене одѣянна ходитъ,
„Ову же вси людіе зѣло почитаютъ,
„А мене, за тобою сущыя, не знаютъ“.
Къ симъ ревнивая жена обыче стужати:
„Что ты на ону жену любиши смотряти,
„И что со рабынею ты глаголалъ еси?
„Гдѣ былъ еси въ гостинѣ, то ми да повѣси!“
Изъ торжища грядуща гнѣвно вопрошаетъ:
„Что принеслъ еси?“ Аще ни, то лютѣ лаетъ.
Въ гости аще пустиши, то обыкнетъ пити;
Аще же не пустиши, то не хощетъ и жити:
„Увы ми,—возопіетъ,—коль есмь не блаженна
„За злымъ мужемъ, отъ добрыхъ другинь отлученна“...

Кто женится на безприданницѣ, тому жить трудно въ матеріальномъ отношеніи,—а кто женится на богатой, тотъ попадаетъ подъ власть своей жены. Богатая жена

Хощетъ бо, да на ону выну (всегда) свѣтло зриши,
Красоту лица ея и нравы хвалиши.
Аще на ину когда возрѣти случится,
То, аки презрѣнная, велми оскорбится.

---

*) Недружелюбное отношеніе Симеона Полоцкаго къ евреямъ еще рѣзче выразилось въ „Комедіи о Навуходоносорѣ“, гдѣ устами воиновъ говоритъ самъ авторъ.

Честнымъ именемъ выну хощетъ звана быти
И праздникъ именинный на всякъ годъ хранити,
Да о здравіи ея весело піеши
И наслѣдницу богатствъ ону содѣеши...
Хощетъ, да отца ея и рабыню чтиши,
А кормилицѣ ея и дары носиши;
Кого либо возлюбитъ, и ты да любиши:
По хотѣнію ея присно да ходиши.
Аще домъ ей вручиши—за носъ возметъ тебе,
Аще не вручиши—минтъ презрѣву себе.
И тако къ ненависти тебе обратится,
Весь домъ твой возмутити свары устремится...

Симеонъ Полоцкій касается въ своихъ стихотвореніяхъ, хотя сравнительно мало, и воспитанія. Въ нихъ онъ высказываетъ, какъ и въ проповѣдяхъ, домостроевскіе взгляды на пріемы воспитанія. Въ стихотвореніи „Розга“ онъ говоритъ:

Плевелы отъ пшеницы жезлъ твердъ отбиваетъ,—
Розга буйство изъ сердецъ дѣтскихъ прогоняетъ.

Есть у Полоцкаго рядъ стихотвореній, въ которыхъ онъ затрагиваетъ тѣ или другія житейскія или общественныя отношенія. Таковы, напр., стихотворенія „Начальникъ“, „Милость господская“, „Въ заимъ даяніе“.

Въ стихотвореніи „Начальникъ“ Симеонъ Полоцкій говоритъ объ обязанностяхъ власть имущихъ къ подчиненнымъ. „Начальному человѣку“ придется дать отвѣтъ о подначальныхъ, а потому начальникъ не долженъ отказывать имъ въ нравственной поддержкѣ, отговариваясь отсутствіемъ времени, трудностью или своею необразованностью. Каждый начальникъ имѣетъ власть учить, и гдѣ онъ ощущаетъ скудость своего слова, тамъ пусть показываетъ живой примѣръ:

Образъ же паче слова силенъ ползу дати:
Твори благо не могій словомъ поучати!

Отъ этихъ общихъ положеній авторъ переходитъ къ отдѣльнымъ, власть имущимъ, лицамъ:

Долженъ убо епископъ церковь управляти,
Якоже пастырь, стадо благовождствовати.
И человѣкъ убогій домъ да устрояетъ;
Родитель чадомъ своимъ благъ путь да являетъ;

Богатый, иже имать рабы многи зѣло,
Путемъ я (ихъ) божественнымъ да наставитъ цѣло.
Мужъ долженъ жену свою въ правости держати,
Да бы законъ Господенъ о нѣй соблюдати.
Судіи подобаетъ судимыхъ хранити,
Да бы взаемъ обиды онымъ не творити.
Царь, всеродный властитель, тогда соблюдаетъ,
Злоба да истребится, благодать да сіяетъ.
Во всѣхъ же милость чинѣхъ буде сохраненна,
И казнь, яже достоитъ, не буди забвенна.

Всякій начальникъ долженъ пользовать „божьихъ людей“ въ мѣру своихъ силъ и дарованій:

Аще много знаеши, возглаголи многа:
За то мзда не малая будетъ ти отъ Бога.
Мало знаеши,—и то тщися глаголати:
Богъ ти мзду достойную имать за то дати.
Аще едина въ тебѣ доброта сіяетъ,
И та да не есть праздна, ползу да рождаетъ;
Аще многи имаши, многи назидати
Тщися, да бы ти многу мзду отъ Бога взяти.
Иначе, яко скрывый талантъ, осудится,
Кто плода сотворити въ ближнихъ не потщится.

Въ стихотвореніи „Милость господская“ говорится о непостоянствѣ покровительства господъ:

У господъ милость трудно есть стяжати,
Труднѣе того выну ону знати,—
Ибо вскорѣ та ся измѣняетъ
И множицею въ гнѣвъ ся прилагаетъ.

Въ другомъ стихотвореніи, имѣющемъ то же заглавіе „Милость господская“, говорится о томъ, что въ отношеніи къ господамъ и ихъ милости нужно соблюдать большую осторожность:

Аще у мужъ велможныхъ есть благодать тебѣ,
Употребляти ея всеопасно (очень осторожно) требѣ.
Яко со огнемъ, съ ними есть полезно жити,
Ниже ся удаляти, ни велми близъ быти:
Огня удаляйся ознобленъ бываетъ,
А близъ зѣло сущыя самъ огнь опаляетъ.
Тако, иже о Господѣ себе удаляютъ,
Презрѣнии и безчестни у онѣхъ бываютъ.

Иже таки дерзаютъ ближитися зѣло,
Мало за дерзость свою до конца суть цѣло.
Средство (середину) убо въ житіи семъ хранити требѣ,
Иже хощетъ безбѣдства и дружбы ихъ себѣ.

Въ стихотвореніи „Въ заимъ даяніе“ Симеонъ Полоцкій проводитъ мысль, что ссужать деньгами друга значитъ погубить и дружбу и деньги:

Домадъ рече: кто другу сребро взаимъ даетъ,
Друга и сребро свое купно погубляетъ;
Се негли (можетъ быть) того ради яко гнѣвъ ся родитъ,
Егда сребра си взяти давый къ нему ходитъ;
Паче же множицею зла вражда бываетъ.
И во нашихъ временѣхъ сіе ся случаетъ.

Во многихъ стихотвореніяхъ Симеонъ Полоцкій осуждаетъ пьянство, но умѣренное употребленіе вина допускаетъ. Въ стихотвореніи подъ заглавіемъ „Пиръ“ авторъ указываетъ, какъ истинные христіане должны устраивать пиры:

Во-первыхъ, въ славу Бога пири да бываютъ,
Отъ Его хваленія да ся начинаютъ.
Паки—въ пищахъ, въ питіи мѣрность да хранится,
Да ни тѣло ни душа тѣми тяготится.
Третье—всякъ пировникъ да внимаетъ себѣ,
Что́ есть дѣяти или глаголати требѣ.
Четвертое—полезно сѣдѣти безлестно,
Мирно, кротко, смиренно, весма благочестно.
Пятое—перва мѣста нѣсть требѣ желати,
Но должни суть другъ друга взаимъ почитати.
Наконецъ,—благодарство Богу возсылати
Подобаетъ за Его на ны благодати.
Тако пиръ христіанскій благо совершится,
Людемъ же и Господу онѣмъ угодится.

Обличая недостатки, вообще свойственные русскимъ людямъ того времени, Симеонъ Полоцкій касался также и недостатковъ отдѣльныхъ классовъ населенія, какъ, напр., въ стихотвореніяхъ „Купецство“ и „Монахъ“.

Въ стихотвореніи „Купецство“ Полоцкій обличаетъ плутни торговцевъ:

Чинъ купецкій безъ грѣха едва можетъ быти:
На многи бо я злобы врагъ обыче лстити;
Изряднѣе лакомство въ купцѣхъ обитаетъ,
Еже въ многія грѣхи оны убѣждаетъ.

Авторъ перечисляетъ восемь способовъ купеческаго обмана: купецъ дешево покупаетъ—дорого продаетъ, пускаетъ въ ходъ ложныя клятвы, обвѣшиваетъ и обмѣриваетъ, повышаетъ при удобныхъ случаяхъ цѣны на товары, показываетъ хорошій товаръ, а продаетъ плохой, скрываетъ пороки товаровъ, продаетъ въ темныхъ мѣстахъ, чтобы скрыть пороки товаровъ. Перечисливъ купеческія плутни, Симеонъ Полоцкій восклицаетъ:

О, сынове тмы люты! Что сія творите?
Лстяще ближнія вашы, сами ся морите.
Въ тму кромешную за тму будете ввержени,
Отъ свѣта присносущна вѣчна отлучени.
Отложите дѣла тмы, во свѣтѣ ходите,
Да взидите на небо, небесно живите!

Въ стихотвореніи „Монахъ“ Симеонъ Полоцкій рѣзко и зло бичуетъ пороки монашества:

Монаху подобаетъ въ келіи сѣдѣти,
Во постѣ молитися, нищету терпѣти,
Искушенія враговъ силно побѣждати
И похоти плотскія труды умерщвляти,—
Аще хощетъ въ небеси мзду вѣчную взяти,
Неоскуднымъ богатствомъ преобиловати.

Пагубно монаху ходить по городу изъ дома въ домъ пить и ѣсть:

Не толико міряне чреву работаютъ,
Елико то монаси поятъ, насыщаютъ.
Постное избравшіи житіе водити
На то устремишася, да бы ясти, пити,—
То же не поелику есть во славу Бога,
Но излише, даже скорбь рождается многа:
Скорбь чреву, болѣзнь главѣ, а умъ изчезаетъ.
Тако постникъ не знаетъ, еже содѣваетъ.
Множицею есть зрѣти по стогнамъ лежащихъ,
Изблевавшихъ питіе и на свѣтъ не зрящихъ;
Мнози колесницами возими бываютъ,
Полма (наполовину) мертвіи суще, народъ соблазняютъ.
Мнози отъ вина буи сквернословятъ зѣло,
Лаютъ, клевещутъ, срамятъ и честныя смѣло;
А зато во утрій день безъ казни бываютъ,
Яко безъ обителей въ градѣ ся скитаютъ.

Другіе монахи заботятся о красотѣ своихъ ризъ, чтобы нравиться женщинамъ:

Узриши еще въ ризы красны облеченны,
Иже во убожество полное стрижени.
Ни женихъ иный тако себѣ украшаетъ,
Яко інокъ несмыслный, за что погибаетъ,
Ибо мысль его часто—да отъ женъ любится.
Подъ красными ризами, увы! духъ сквернится.
Таковіи ко женамъ дерзаютъ ходити,
Дружество пріимати, ясти же и пити;
Сродство же съ онѣми ложнѣ повѣдаютъ,
Или тетки, матери, сестры, нарицаютъ;
Подъ ними же имены хотятъ мужи быти,
Безъ брачнаго союза золъ бракъ сотворити.

Авторъ обращается къ порочнымъ инокамъ съ такимъ увѣщаніемъ:

Престаните, іноцы, сія зла творити,
Тщитеся древнимъ отцемъ святымъ точни быти,—
Да идѣже они суть въ вѣчной радости,
Будете имъ общници присныя сладости!

Въ стихотвореніи „Гласъ народа“ Симеонъ Полоцкій предостерегаетъ противъ взгляда на „гласъ народа“, какъ на „голосъ истины“, или „гласъ Божій:“

Что найпаче отъ правды далеко бываетъ,
Гласу народа мудрый мужъ то причитаетъ.
Яко что либо народъ обыче хвалити,
То конечно (на самомъ дѣлѣ) достойно есть хулимо быти,
И что мыслитъ—суетно, а что повѣдаетъ,
То никоея правды въ себѣ заключаетъ.
Еже гаждаетъ (порицаетъ) дѣло, то весма благое,
А еже ублажаетъ, бохма (совершенно) есть злое.
Вкратцѣ, что либо хвалитъ, то неправо въ чести.
Міръ сей непостоянный весь лежитъ въ прелести.
Не вѣруй убо гласу общему народа,
Ищи въ дѣлѣ правды человѣча рода:
Слово вѣтръ развѣваетъ, а кто тому вѣритъ
Безразсудно, срамоты мзду себѣ возмѣритъ.

Наконецъ, въ „Вертоградѣ“ есть стихотворенія, содержаніе которыхъ сводится къ остротѣ или шуткѣ, нерѣдко грубой, основанной на какомъ-нибудь парадоксальномъ схоластическомъ умозаключеніи и не лишенной нѣкоторой замысловатости. Примѣромъ могутъ послужить слѣдующія:

Воздержаніе.

Воздержаніе аще безмѣрно хранишн,
Множицею души ти вредъ велій твориши:
Плоти бо изнемогшей умъ не добръ бываетъ,—
Разсужденіе въ мѣру вся да устрояетъ!

Адамъ и Евва не воздержна быста—
Весь міръ единымъ яблокомъ вредиста.

Богатство.

Еллиномъ богатствъ богъ бѣ нареченный Плутонъ;
Азъ его именую: во истину плутъ онъ,—
Плутаетъ бо злиха и зѣло вилетаетъ
Въ сѣти діавольскія, яже уловляетъ...

Таково разнообразное содержаніе „Вертограда“.

б) Риѳмологіонъ. „Риѳмологіонъ“ (1678), т.-е. „стихословъ“, представляетъ сборникъ стихотвореній самаго разнообразнаго содержанія: на праздники, привѣтственныя по поводу какихъ-либо событій въ жизни царскаго семейства, похвальныя, элегическія и т. д. Такъ, въ немъ помѣщены: праздничныя привѣтствія царю и царицѣ отъ имени царевича Ѳеодора, „Орелъ россійскій, въ солнцѣ представленный,—похвала Алексѣю Михайловичу, утѣшительное посланіе царю Алексѣю послѣ кончины его супруги и поздравленіе со вступленіемъ во второй бракъ, драматическая элегія и двѣнадцать плачей о смерти царя Алексѣя, „Гусль доброгласная“,—по случаю восшествія на престолъ Ѳеодора Алексѣевича. Кромѣ того, въ составъ „Риѳмологіона“ входятъ изложенныя выше комедіи Полоцкаго о Блудномъ сынѣ и Навуходоносорѣ.

в) Псалтирь. Въ 1680 г. была напечатана стихотворная Псалтирь Симеона Полоцкаго. Въ предисловіи авторъ излагаетъ побужденія, заставившія его заняться переложеніемъ Псалтири въ стихи. Въ его время во всѣхъ частяхъ тогдашней Руси и особенно въ Москвѣ полюбили „сладкое и согласное пѣніе полскія Псалтири *), стихотворно преложенныя“, и стали пѣть польскіе псалмы, „мало или ничтоже знающе и точію

---

*) Эта стихотворная Псалтирь (1578) принадлежала выдающемуся польскому стихотворцу Яну Кохановскому.

отъ сладости пѣнія увеселяющеся духовнѣ". Симеонъ Полоцкій рѣшилъ переложить Псалтирь стихами на церковно-славянскій языкъ, чтобы дать возможность русскому человѣку не только вкушать сладость пѣнія, но и понимать смыслъ того, что поется. Стихотворныя Псалтири,—указываетъ Полоцкій,—существуютъ не только на польскомъ языкѣ, но и на греческомъ и латинскомъ, и въ еврейскомъ подлинникѣ Псалтирь существуетъ только въ стихахъ. Такимъ образомъ, переложеніе Псалтири на церковно-славянскій языкъ стихами не должно считаться чѣмъ то противоцерковнымъ. Кромѣ того, — замѣчаетъ авторъ, — свою Псалтирь онъ назначаетъ для чтенія и пѣнія на дому.

Примѣромъ переложенія можетъ служить псаломъ первый:

Блаженъ мужъ, иже во злыхъ совѣтъ не вхождаше,
Ниже на пути грѣшныхъ человѣчѣ стояше,
Ниже на сѣдалищѣхъ восхотѣ сѣдѣти
Тѣхъ, иже не желаютъ благо разумѣти,
Но въ законѣ Господни волю полагаетъ,
Тому днемъ и нощію себе поучаетъ.
Будетъ бо, яко древо при водахъ сажденно,
Еже дастъ во время си плодъ свой неизмѣнно;
Листъ его не отпадетъ, и все, еже дѣетъ,
По желанію сердца онаго успѣетъ.
Не тако нечестивый, ибо исчезаетъ,
Яко прахъ, егоже вѣтръ съ земли развѣваетъ.
Тѣмъ же нечестивіи не имутъ востати
На судѣ, ниже грѣшницы въ совѣтъ правыхъ стати,
Вѣсть бо Господь путь правыхъ тыя защищаетъ,
Путь паки нечестивыхъ въ конецъ погубляетъ.

Псалтирь Полоцкаго пріобрѣла большую популярность въ русскомъ обществѣ: ея псалмы были положены на музыку государевымъ дьякомъ Василіемъ Титовымъ и охотно пѣлись не только въ XVII в., но и въ первой половинѣ XVIII в.

г) „Мѣсяцесловъ". Симеонъ Полоцкій переложилъ на стихи и мѣсяцесловъ. Переложеніе состоитъ въ томъ, что авторъ въ стихахъ перечисляетъ святыхъ на каждый день въ порядкѣ каждаго мѣсяца.

Изъ предыдущаго видно, что Симеонъ Полоцкій былъ плодовитый стихотворецъ. Стихи этотъ писатель любилъ чрезвычайно и не переставалъ упражняться въ стихотворствѣ до конца своей жизни. По современному свидѣтельству, Полоцкій за

полтора дня до своей смерти написалъ слѣдующее стихотвореніе подъ заглавіемъ „Философіа“:

Яко врачевство болѣзнь исцѣляетъ,
Философіа нравъ золъ душы исправляетъ.
Пчела медъ сладкій из цвѣтъ собираетъ,
Ихъ красотою ся не подвизаетъ.
Тако философ тщится собирати,
Яже и могутъ добрѣ ползовати,
Красная в ничто себѣ вомѣняетъ,
Яко та малъ вѣтръ въ ничто измѣняетъ.
Яко сладко пѣнивы птицы подражаютъ,
Пѣніе человѣче а сами не знаютъ,
Тако философове ти обюродѣша,
Иже правду погубише, въ тмѣ лжи сѣдѣша.

Своею литературною дѣятельностью и воззрѣніями Симеонъ Полоцкій возбудилъ къ себѣ вражду не только со стороны представителей старины, но и со стороны поборниковъ греческаго направленія. Во главѣ враговъ Полоцкаго стоялъ самъ патріархъ Іоакимъ. При жизни Полоцкаго эта вражда не проявлялась открыто, потому что Полоцкій пользовался расположеніемъ Алексѣя Михайловича и его сына Ѳеодора. Послѣ смерти Симеона враги говорили про него, что онъ—латинникъ и даже іезуитъ и былъ посланъ папой для разрушенія православія.

Дѣятельность Полоцкаго имѣла большое значеніе въ исторіи русскаго просвѣщенія и русской литературы: Полоцкій внесъ въ сферу московскаго творчества новое содержаніе и новыя литературныя формы, выработанныя Юго-западной Русью, и сдѣлалъ ихъ прочнымъ достояніемъ Московской Руси.

313. Сильвестръ Медвѣдевъ. Сильвестръ Медвѣдевъ (1641—1691) былъ даровитѣйшимъ ученикомъ Симеона Полоцкаго (§ 312). Онъ состоялъ уже на государственной службѣ подъячимъ, когда былъ командированъ въ Заиконоспасскую школу на ученіе къ Симеону Полоцкому. Ему было въ то время 24 года. Въ три года Сильвестръ усвоилъ подъ руководствомъ Симеона Полоцкаго латинскій и польскій языкъ, реторику, піитику, исторію, богословіе, отчасти философію. Обладая крупными способностями и большою любознательностью, Сильвестръ проводилъ цѣлые дни въ бесѣдахъ со своимъ учителемъ, съ которымъ дружески сошелся, или занимался чтеніемъ книгъ, которыя онъ бралъ изъ богатой би-

бліотеки Симеона Полоцкаго. По окончаніи ученія правительство причислило Сильвестра къ посольству Ордина-Нащокина, который отправился въ Курляндію и Польшу. Здѣсь Сильвестръ пробылъ приблизительно полгода. По возвращеніи въ Москву Сильвестръ черезъ нѣсколько лѣтъ постригся въ монахи. Своими знаніями и развитіемъ Сильвестръ обратилъ на себя вниманіе при дворѣ. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ распорядился (1677) отвести Сильвестру въ Заиконоспасскомъ монастырѣ лучшую келью, рядомъ съ келіей Полоцкаго. Здѣсь Сильвестръ подъ руководствомъ Симеона Полоцкаго исполнялъ разнаго рода литературныя порученія и, между прочимъ, помогалъ своему учителю въ подготовленіи изданія его сочиненій. Въ скоромъ времени (1678) Сильвестръ Медвѣдевъ былъ назначенъ „справщикомъ“ (исправителемъ книгъ) при московской типографіи. Какъ справщикъ, Сильвестръ, хорошо знавшій греческій языкъ, обнаружилъ замѣчательное умѣніе и способность. Провѣривъ исправленныя при Никонѣ книги, Сильвестръ вынесъ убѣжденіе, что исправленіе было неудовлетворительное. Онъ установилъ, что „Служебникъ“ (§ 305) былъ исправленъ не по древнимъ церковно-славянскимъ рукописямъ, сличеннымъ съ древнегреческими, а по греческому „Эвхологію“, напечатанному въ 1602 г. въ Венеціи. Сильвестръ нашелъ ошибки и въ тѣхъ исправленіяхъ, которыя дѣлались инокомъ Евѳиміемъ и патріархомъ Іоакимомъ. Найдя прежнія исправленія неудовлетворительными, Сильвестръ со своими помощниками пересмотрѣлъ множество книгъ рукописныхъ и печатныхъ, сравнилъ ихъ съ текстомъ древнегреческихъ рукописей и внесъ въ новое изданіе Апостола точныя поправки. Исправленіе Апостола Сильвестромъ оказалось настолько удачнымъ, что вновь сдѣланный позднѣе, въ 1751 г., славянскій переводъ этой книги, употребляющійся до настоящаго времени, отличается отъ Сильвестрова только въ немногихъ мелочахъ.

Послѣ смерти Симеона Полоцкаго (1680) Сильвестръ занялъ при дворѣ мѣсто своего учителя и сталъ пользоваться большимъ вліяніемъ при Ѳеодорѣ и особенно при Софьѣ. При Заиконоспасскомъ монастырѣ Сильвестръ возобновилъ школу своего учителя и сталъ главою „латинской“ партіи. Онъ хлопоталъ о превращеніи своей школы въ академію, но тутъ наткнулся на противодѣйствіе консервативной партіи, объединившейся съ греческой. Во главѣ партіи стоялъ патріархъ

Іоакимъ; къ ней примыкали инокъ Евѳимій, а съ пріѣздомъ въ Москву братьевъ Лихудовъ,—и послѣдніе. Сильвестръ Медвѣдевъ возбудилъ къ себѣ въ консервативно-греческой партіи великую ненависть своимъ вліятельнымъ положеніемъ при дворѣ, своею образованностью, развитіемъ и умственной независимостью. Сильвестръ жестоко нападалъ на представителей этой партіи за то, что они, „яко младенцы и яко обезьяна, человѣку послѣдствующе“, во всемъ признаютъ верховный авторитетъ грековъ. Медвѣдевъ говорилъ: „Елико въ Россію грековъ духовнаго чина пріѣзжаютъ, то оныхъ наши духовніи едва не всѣхъ вопрашиваютъ: „Како они нынѣ вѣрятъ, и како у нихъ въ чинѣхъ церковныхъ творится, дабы и намъ съ вами быти во всемъ согласнымъ“. И еже они повѣдаютъ: „Нынѣ у насъ еще и еще творится“, то и наши духовніи, не справяся о ономъ съ писаніемъ древнихъ свв. отецъ и со уставами, абіе, яко младенцы, учителемъ уподобляющеся, весьма тщатся по словеси грековъ такожде творити. А оныхъ грековъ спросити не хощутъ, тако ли прежде у нихъ издревле быша, или не тако, и чесо ради нынѣ у нихъ такое бысть премѣненіе, дабы они о томъ писаніемъ отвѣтъ дали, и оное бы ихъ писаніе согласити здѣ съ писаніемъ древнихъ свв. отецъ и со уставы, и согласная бы и правая держати, а несогласная и ново отъ нихъ вводна отрѣзати... А нынѣ, увы, нашему такому неразумію вся вселенная смѣется не точію же та, но и сами тіи нововыѣзжіе греки смѣются и глаголютъ: „Русь глупая, ничто же свѣдущая!“ И не точію тако глаголютъ, но и свиніами насъ быти нарицаютъ, вѣщающе сице: мы, куды хощемъ, тамо духовныхъ силъ и обратимъ — видимъ бо ихъ ничто же самихъ знающихъ и намъ, яко безсловесны суще, во всемъ, въ немъ же конецъ, послѣдствуютъ“.

Обличенія Сильвестромъ ошибокъ у Евѳимія и патріарха Іоакима и нападки на авторитетъ грековъ усилили въ консервативно-греческой партіи ненависть къ нему. Эта партія готова была воспользоваться всякимъ случаемъ для того, чтобы расправиться съ главой латинской партіи. Скоро представился удобный случай.

Въ Москвѣ съ начала XVII в. шелъ споръ о томъ, въ какой моментъ на литургіи происходитъ пресуществленіе святыхъ даровъ. Въ греческой церкви до возникновенія спора въ Москвѣ вопросъ этотъ не подымался никѣмъ и своего рѣшенія

не имѣлъ. Въ западной церкви вопросъ о моментѣ пресуществленія имѣлъ опредѣленное рѣшеніе: пресуществленіе совершается, когда произносятся слова Спасителя: „Пріимите, ядите“... Это мнѣніе было усвоено южно-русскимъ духовенствомъ и занесено въ Москву. Его раздѣляли инокъ Евѳимій, который изложилъ его въ особой книгѣ, заключающей наставленія священникамъ, и патріархъ Іоакимъ, который благословилъ эту книгу. Его горячо придерживался и Сильвестръ Медвѣдевъ, издавшій по этому вопросу книгу подъ заглавіемъ „Манна“. Въ ней онъ полемизируетъ съ противниками этого мнѣнія, которые утверждали, что пресуществленіе совершается, когда священникъ произноситъ слова: „И сотвори убо хлѣбъ сей“... Въ 1685 г. пріѣхали братья Лихуды, которымъ подъ вліяніемъ греческой партіи отдана была школа, основанная Сильвестромъ Медвѣдевымъ. Лихуды приняли участіе въ спорѣ о пресуществленіи и стали на сторонѣ противнаго мнѣнія. Это мнѣніе они объявили истинно-православнымъ, а мнѣніе, которое господствовало въ Москвѣ до тѣхъ поръ и котораго придерживался Сильвестръ, они объявили еретическимъ. Свое мнѣніе Лихуды изложили въ полемическомъ сочиненіи подъ заглавіемъ „Акосъ, или врачеваніе, противополагаемое ядовитымъ угрызеніямъ змієвымъ“. Сильвестръ въ отвѣтъ Лихудамъ написалъ „Тетрадь на Іоанникія и Софронія Лихудовъ“. Лихуды выпустили противъ Сильвестра „Діалоги грека-учителя къ нѣкоему іисуиту“ (іезуиту). Патріархъ Іоакимъ и инокъ Евѳимій перешли на сторону Лихудовъ. Инокъ Евѳимій написалъ противъ Медвѣдева сочиненіе подъ заглавіемъ „Остенъ“, одобренное патріархомъ. Сильвестра Медвѣдева стали называть „ученикомъ іезуита“, т.-е. Симеона Полоцкаго, отпавшимъ отъ матери православной церкви, ересіархомъ и близкимъ родственникомъ діавола. Консервативно-греческая партія сдѣлала запросъ у восточныхъ патріарховъ по вопросу о пресуществленіи. Послѣдніе признали истинно православнымъ мнѣніе Лихудовъ. Въ это время положеніе Софьи, покровительницы Медвѣдева, сильно поколебалось. Въ 1689 г. Софья пала. Патріархъ Іоакимъ перешелъ на сторону Петра Великаго. По указанію патріарха былъ схваченъ Медвѣдевъ, какъ одно изъ ближайшихъ къ Софьѣ лицъ. Медвѣдевъ былъ обвиненъ въ томъ, что онъ участвовалъ въ заговорѣ Шакловитаго на жизнь Петра. Сильвестръ былъ подвергнутъ жестокимъ пыт-

камъ. Онъ отрицалъ свое участіе въ заговорѣ. Его заставляли отречься отъ своей ереси. Онъ не согласился. Враги Сильвестра составили текстъ отреченія Сильвестра отъ ереси, но не добились его подписи. Тогда они стали распространять слухъ, что Сильвестръ отрекся отъ своей ереси и собственноручно изложилъ свое отреченіе.

Въ 1691 г. Медвѣдевъ былъ казненъ *).

314. Св. Дмитрій Ростовскій. Св. Дмитрій Ростовскій (1651—1709), въ мірѣ Даніилъ Туптало, былъ южно-русскаго происхожденія. Онъ получилъ образованіе въ Кіево-братской школѣ, гдѣ въ то время ректоромъ и преподавателемъ былъ Іоанникій Галятовскій. Въ 1668 г. Дмитрій принялъ монашество. Съ этого времени начинается его непрерывная литературная, проповѣдническая и административная дѣятельность. Съ 1703 г. и до смерти Дмитрій былъ митрополитомъ Ростовскимъ. Дмитрія поразилъ низкій уровень образованія духовныхъ лицъ въ Ростовской митрополіи, и онъ основалъ въ Ростовѣ школу, гдѣ обучались по преимуществу дѣти священниковъ. Число учениковъ доходило до 200. Строй школы былъ южно-русскій: обучали греческому и латинскому языку, грамматикѣ и реторикѣ.

Дмитрій Ростовскій, глубоко образованный человѣкъ, отличался почти такою же разносторонностью въ литературномъ творчествѣ, какъ и Симеонъ Полоцкій: онъ писалъ богословскія и полемическія сочиненія, составлялъ проповѣди и драмы.

Къ полемическимъ сочиненіямъ Дмитрія относится его „Розыскъ о раскольнической брынской вѣрѣ". „Брынской" Дмитрій называетъ раскольничью вѣру по имени Брынскихъ лѣсовъ, въ Калужской губерніи, гдѣ было множество раскольничьихъ поселеній. „Розыскъ" состоитъ изъ трехъ частей. Въ *первой* части Дмитрій развиваетъ ту мысль, что у раскольниковъ нѣтъ истинной вѣры, такъ какъ ихъ вѣра сводится къ признанію старыхъ иконъ, старыхъ книгъ, осьмиконечнаго креста, двуперстія и пр. Вѣра раскольничья—не старая, какъ говорятъ раскольники, а новая, потому что она не сохраняетъ

*) Сильвестръ Медвѣдевъ извѣстенъ также, какъ „отецъ славяно-русской библіографіи": ему принадлежитъ первый на Руси библіографическій опытъ подъ заглавіемъ „Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ". Въ этомъ „Оглавленіи" Медвѣдевъ описалъ всѣ извѣстныя ему книги, которыя были написаны или напечатаны до его времени.

древнихъ догматовъ православной церкви, образовалась недавно и уже раздѣлилась на множество толковъ. Во *второй* части Дмитрій доказываетъ, что раскольничья вѣра — ложная, потому что она проповѣдуется самозванцами, не имѣющими права учить и невѣжественными. Въ *третьей* части Дмитрій разсматриваетъ жизнь раскольниковъ и доказываетъ, что добрыя дѣла ихъ не имѣютъ значенія, потому что они совершаются внѣ церкви, и перечисляетъ злыя дѣла ихъ, къ которымъ онъ относитъ, между прочимъ, самосжиганіе.

Проповѣди Дмитрія, особенно тѣ, которыя были составлены имъ на югѣ, носятъ характерныя черты южно-русской проповѣди вообще. Проповѣди, составленныя Дмитріемъ въ Ростовѣ, отличаются большей простотой. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ Дмитрій порицаетъ недостатки великорусской общественной жизни и нападаетъ на нѣкоторые обычаи, введенные Петромъ, и его распоряженія, а также на стѣсненія, которымъ при Петрѣ подвергалась церковь.

Дмитрій написалъ нѣсколько драмъ, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательна драма „Рождество Христово“.

Самымъ важнымъ трудомъ, которому Дмитрій посвятилъ большую часть своей жизни, было составленіе Четьихъ-Миней, которыя пріобрѣли у насъ большую популярность и широкое распространеніе. Онъ началъ ихъ составленіе еще на югѣ, когда былъ инокомъ Кіево-Печерской Лавры, и окончилъ на сѣверѣ, когда былъ митрополитомъ Ростовскимъ. Матеріалы для составленія своего труда онъ почерпалъ изъ Четьихъ-Миней митр. Макарія, которыя ему присылались на югъ и въ Ростовъ, и изъ греческихъ и латинскихъ собраній житій.

315. Григорій Котошихинъ. Григорій Котошихинъ (родился около 1630 г., умеръ въ 1667) былъ родомъ изъ московскихъ мелкихъ служилыхъ людей. Съ раннихъ лѣтъ онъ служилъ въ Посольскомъ приказѣ, сначала писцомъ, потомъ подъячимъ. Котошихинъ обладалъ большими способностями. Состоя на службѣ въ Посольскомъ приказѣ, соотвѣтствующемъ нынѣшнему министерству иностранныхъ дѣлъ, Котошихинъ пріобрѣлъ обширныя свѣдѣнія. Съ 1658 г. правительство командируетъ Котошихина въ посольства, отправляемыя для переговоровъ съ представителями Швеціи и Польши. Въ Дерптѣ съ Котошихинымъ произошла служебная непріятность: въ отпискѣ пословъ къ царю, Котошихинъ случайно про-

пустилъ въ выраженіи „великаго государя“ слово „государя“; за это послы получили отъ царя выговоръ, а Котошихинъ былъ наказанъ батогами. Когда Котошихинъ по заключеніи Кардисскаго мира (1661) съ Швеціей вернулся въ Москву, онъ узналъ о постигшемъ его здѣсь несчастіи: его отецъ, служившій казначеемъ въ монастырѣ, былъ обвиненъ въ растратѣ монастырскихъ денегъ; хотя обвиненіе не оправдалось, однако у Котошихина-сына конфисковали домъ и имущество, а жену его выгнали изъ дому. Несмотря на хлопоты, Котошихину не удалось вернуть обратно конфискованное имущество. Въ этомъ же году Котошихинъ, по порученію правительства, ѣздилъ въ Стокгольмъ съ письмомъ царя Алексѣя къ королю Карлу XI. Въ 1663 г. пріѣхалъ въ Москву для переговоровъ о денежныхъ дѣлахъ шведскій посолъ Эберсъ. Эберсъ вошелъ въ близкія сношенія съ Котошихинымъ, который тайно сообщалъ ему о полномочіяхъ русскихъ пословъ. За свои сообщенія Котошихинъ получалъ отъ Эберса плату. Въ 1664 г. Котошихинъ былъ прикомандированъ къ войску, находившемуся въ Польшѣ. Воевода, князь Юрій Долгорукій, сталъ „улещивать“ Котошихина, чтобы онъ написалъ ему докладъ съ донесеніемъ о томъ, что прежній воевода, князь Черкасскій, сгубилъ царское войско и далъ возможность польскому королю убѣжать въ Польшу. За это князь Долгорукій обѣщалъ выхлопотать Котошихину повышеніе и помочь привести къ благополучному концу его дѣло съ отцомъ. Предложеніе князя Долгорукаго поставило Котошихина въ затруднительное положеніе: съ одной стороны, ему не хотѣлось повредить князю Черкасскому, а съ другой стороны, онъ зналъ, что, если не исполнитъ предложенія князя Долгорукаго, то послѣдній ему страшно отомститъ. Тогда Котошихинъ, видя свою неудачу на царской службѣ, рѣшилъ убѣжать изъ отечества. Онъ пріѣхалъ въ Швецію и здѣсь былъ принятъ на службу. Въ 1666 г. Котошихинъ, поссорившись со своимъ квартирнымъ хозяиномъ, нанесъ ему кинжаломъ тяжкія раны, отъ которыхъ послѣдній умеръ. Котошихинъ былъ арестованъ и приговоренъ къ смертной казни. Передъ казнью Котошихинъ принялъ протестанство.

Находясь въ Швеціи, Котошихинъ написалъ сочиненіе подъ заглавіемъ „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михай-

ловича". Сочиненіе это состоитъ изъ 13 главъ и описываетъ состояніе Московской Руси во второй половинѣ XVII в.

Въ *первой* главѣ авторъ излагаетъ вкратцѣ исторію отъ Ивана Грознаго до Алексѣя Михайловича и затѣмъ обстоятельно описываетъ вѣнчаніе Алексѣя на царство, женитьбу его, обряды и пиры, которыми сопровождалась женитьба, жизнь царя и его семейства, обычаи и празднества при рожденіи и крещеніи царскихъ дѣтей, воспитаніе царевичей и царевенъ, затворническую жизнь царскихъ сестеръ и дочерей и ихъ необразованность, хожденіе въ церковь, путешествія по монастырямъ, обряды при погребеніи царя и членовъ его семьи.

Во *второй* главѣ Котошихинъ описываетъ служащій классъ, бюрократію, думу. О засѣданіяхъ думы Котошихинъ говоритъ, что царь сообщаетъ свои мысли членамъ думы и приказываетъ имъ, чтобы они придумали средства для ихъ исполненія; бояре и думные люди высказываютъ свои соображенія, „а иные бояре,—добавляетъ Котошихинъ,—брады своя уставя, ничего не отвѣщаютъ, потому что царь жалуетъ многихъ въ бояре не по разуму ихъ, но по великой породѣ, и многіе изъ нихъ грамотѣ не ученые и не студерованные" („штудированные")... Въ этой же главѣ описываются мѣстническіе счеты бояръ.

Главы *третья, четвертая и пятая* описываютъ дипломатическія дѣла Москвы и сношенія съ иностранными государствами. Котошихинъ отмѣчаетъ страхъ передъ западноевропейской культурой и описываетъ стѣсненія, которыми обставлены путешествія за границу. Русскіе „для науки и обычая въ иныя государства дѣтей своихъ не посылаютъ, страшась того: узнавъ тамошнихъ государствъ вѣры и обычаи, и вольность благую, начали бъ свою вѣру отмѣнить и приставать къ инымъ, и о возвращеніи къ домамъ своимъ и къ сродичамъ никакого бы попеченія не имѣли и не мыслили. И поѣздкѣ московскихъ людей, кромѣ тѣхъ, которые посылаются по указу царскому и для торговли съ проѣзжими (грамотами), ни для какихъ дѣлъ ѣхати никому не позволено. А хотя торговые люди ѣздятъ для торговли въ иныя государства, и по нихъ по знатныхъ нарочитыхъ людяхъ собираютъ поручныя записи, за крѣпкими поруками, что имъ съ товарами своими и съ животами въ иныхъ государствахъ не остатися, а возвратитися назадъ со всѣмъ". Если какой нибудь князь

и боярин самъ поѣдетъ за границу, или отправитъ туда сына, брата, безъ вѣдома государя и не бивъ ему челомъ, это было бы поставлено ему въ измѣну, и царь конфисковалъ бы его помѣстья и „животы“; его родственниковъ подвергли бы пыткамъ и допрашивали бы, не намѣревается ли уѣхавшій навести на Московское государство „воинскихъ“ иностранцевъ, чтобы овладѣть имъ.

Главы *шестая, седьмая и восьмая* удѣлены дворцовому, центральному и областному управленіямъ.

Въ главахъ *девятой, десятой и одиннадцатой* описываются сословія военное, торговое и крестьянское.

Въ *двѣнадцатой* главѣ говорится о торговлѣ.

Тринадцатая глава описываетъ бытъ московскаго боярства: обѣды и пиры, свадебные обычаи. Котошихинъ изображаетъ произволъ родительской власти, битье и насильственное постриженіе женъ мужьями, отравленіе мужьями женъ и женами мужей и т. д.

Сочиненіе Котошихина представляетъ черновикъ, который авторъ не успѣлъ окончательно обработать. Не смотря на это, сочиненіе Котошихина замѣчательно по богатству содержанія, умѣлому распредѣленію обширнаго матеріала въ систематическомъ порядкѣ и какъ отраженіе личности автора-москвича, сознающаго недостатки московскаго строя и превосходство западно-европейской культуры. Въ то же время сочиненіе Котошихина представляетъ первый у насъ образчикъ русскаго политико-экономическаго и соціологическаго труда.

316. Юрій Крижаничъ. Юрій Крижаничъ былъ родомъ хорватъ, католическій священникъ. Его родина находилась подъ властью турокъ. Крижаничъ родился около 1617 г. Онъ получилъ хорошее образованіе въ Загребѣ, Вѣнѣ и Болоньѣ и, наконецъ, поступилъ въ римскую коллегію св. Аѳанасія, которая имѣла цѣлью подготовлять миссіонеровъ для православнаго Востока вообще и для Москвы въ частности. Крижаничъ былъ глубоко образованный филологъ и патріотъ-славянинъ. Онъ скорбѣлъ о томъ, что южные и западные славяне, за исключеніемъ поляковъ, попали подъ власть иноземцевъ—турокъ и нѣмцевъ и мечталъ объ единеніи всѣхъ славянъ. Сначала идея единенія славянъ приняла у Крижанича религіозную форму: онъ думалъ о религіозной уніи между славянами-католиками и славянами-православными. Потомъ

Крижаничъ перешелъ къ мысли о политическомъ объединеніи славянства. Изъ двухъ самостоятельныхъ славянскихъ государствъ онъ остановился на московскомъ, какъ на такомъ, которое скорѣе всего способно осуществить эту идею. Крижаничъ со своимъ планомъ отправился въ 1659 г. въ Москву. Здѣсь онъ черезъ годъ былъ за что то арестованъ и сосланъ въ Тобольскъ, гдѣ прожилъ до 1676 г. Преемникъ Алексѣя Михайловича, Ѳеодоръ, освободилъ Крижанича, который въ 1677 г. уѣхалъ въ Западную Европу. Судьба его послѣ этого остается неизвѣстной.

Крижаничъ оставилъ рядъ сочиненій, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательнымъ являются его „Политичныя думы". Это—обширное сочиненіе экономическаго и политическаго содержанія. Оно состоитъ изъ трехъ частей: въ *первой* части авторъ разсуждаетъ объ экономическихъ средствахъ государства, во *второй*—о военныхъ силахъ государства, въ *третьей*—о духовныхъ и политическихъ силахъ государства.

Крижаничъ вѣритъ въ великое будущее Московской Руси и всего славянства. Но въ то же время онъ скорбитъ о недостаткахъ славянъ. У славянъ еще много дикости и невѣжества. Надо обучиться наукамъ и измѣнить строй жизни. Для этого нужно прежде всего избавиться отъ двухъ бѣдъ: отъ „чужебѣсія", пристрастія къ чужеземному, и отъ „чужевладства", отъ иноземнаго ига. Крижаничъ предостерегаетъ русскихъ противъ двухъ наиболѣе опасныхъ враговъ — противъ грековъ, которые осуждаютъ всякое знаніе и науку, чтобы духовно властвовать надъ русскими, и противъ нѣмцевъ, состоящихъ вождями въ русской арміи и этимъ властвующихъ надъ русскими. Предостерегая русскихъ противъ иноземцевъ и особенно противъ западныхъ европейцевъ, Крижаничъ въ то же время указываетъ на нихъ, какъ на примѣръ подражанія въ области просвѣщенія и въ экономической дѣятельности. Онъ излагаетъ программу реформъ, которыя могли бы исправить поразившіе его недостатки Московской Руси. Эта программа состоитъ изъ четырехъ пунктовъ.

Во-первыхъ, Крижаничъ настаиваетъ на необходимости насадить просвѣщеніе.

Во-вторыхъ, реформы возможны при самодержавіи. Въ рукахъ самодержца, по мнѣнію Крижанича, находится чудотворный жезлъ Моисеевъ: если купецъ не знаетъ ариѳметики,

нужно указомъ закрыть его лавку до тѣхъ поръ, пока онъ не выучится ей.

Въ-третьихъ, самодержавіе не должно проявляться въ жестокостяхъ управленія, въ обремененіи населенія поборами и взятками: необходима извѣстная степень политической свободы для населенія, нужны „слободины", политическія права и сословное самоуправленіе. Эти „слободины" будутъ щитомъ, которымъ подданные будутъ обороняться отъ произвола администраціи. Тамъ, гдѣ нѣтъ „слободинъ", никакія запрещенія и даже казни не удержатъ правителей отъ злоупотребленій.

Въ-четвертыхъ, необходимо техническое образованіе, и не только для мужчинъ, но и для женщинъ; а для этого нужно открыть по всѣмъ городамъ техническія школы, переводить съ нѣмецкаго языка на русскій книги по всѣмъ отраслямъ техники и, наконецъ, приглашать иноземныхъ мастеровъ и капиталистовъ.

Разбирая недостатки московскаго строя и предлагая свою программу реформъ, Крижаничъ мимоходомъ разбрасываетъ въ своемъ сочиненіи множество замѣчательныхъ наблюденій. Чрезвычайно интересна сравнительная характеристика западнаго европейца и славянина, по преимуществу русскаго. Западные европейцы,—говоритъ Крижаничъ,—красивы наружностью, дерзки и горды, потому что красота рождаетъ дерзость и гордость; славяне наружностью—средніе люди. Западные европейцы—рѣчисты, смѣлы на языкъ; славяне—не краснорѣчивы и изъясняться не умѣютъ. Западные европейцы исполнены всякихъ хитростей—славяне косны разумомъ и просты сердцемъ. Западные европейцы скупы, алчны, день и ночь думаютъ о томъ, какъ бы побольше денегъ собрать; славяне—не бережливы, не держатъ смѣты приходу и расходу, расточаютъ свое имущество зря. Западные европейцы—промышленны, не проспятъ прибыльнаго часа; славяне—лѣнивы и къ работѣ, и къ наукамъ. Западные европейцы—скрытны, притворны, злопамятны: обиды не забудутъ до смерти, поссорившись разъ, не помирятся, а помирившись, будутъ искать случая отомстить; славяне просто мыслятъ, говорятъ и поступаютъ: поссорятся и помирятся.

Книга Крижанича была извѣстна въ спискахъ царямъ Алексѣю и Ѳеодору, а также ближайшимъ къ Софьѣ лицамъ—

Сильвестру Медвѣдеву и князю В. В. Голицыну. Программа его реформъ въ главныхъ пунктахъ была осуществлена Петромъ В.

317. Патріархъ Іоакимъ. Патріархъ Іоакимъ (1674—1690), происходившій изъ боярскаго рода, извѣстенъ своею борьбою съ латинской партіей (§ 313). Онъ оставилъ послѣ себя „Завѣщаніе“, въ которомъ дается рядъ наставленій царямъ московскимъ. Больше всего Іоакимъ настаиваетъ на томъ, чтобы цари не входили въ общеніе съ иноземцами и иновѣрцами и не допускали ихъ въ Московское царство. Онъ возстаетъ противъ того, что иноземцы допущены въ русское войско, и утверждаетъ, что отъ нихъ мало пользы, потому что они — враги Бога и Богородицы: русскіе будутъ храбро биться съ врагами, потому что они готовы положить свою душу за вѣру и церковь Божію; начальники же иноземцы — еретики и не будутъ радѣть ни о вѣрѣ, ни о церкви. Патріархъ удивляется, какъ можетъ царское правительство позволять иноземцамъ строить свои храмы, и требуетъ не допускать этого.

318. Ѳеодоръ Грибоѣдовъ. Дьякъ Ѳеодоръ Грибоѣдовъ († 1673) составилъ „Исторію о царяхъ и великихъ князьяхъ земли русской“ (1668). Эта „исторія“ представляетъ краткое обозрѣніе событій русской исторіи до Алексѣя Михайловича *). Въ основу своего труда Грибоѣдовъ положилъ историческую схему, выработанную „Степенной книгой“ (§§ 166, 236): царскую генеалогію авторъ начинаетъ отъ Владимира Св., родъ котораго производится отъ Августа Кесаря. Матеріалы для своей „Исторіи“ Грибоѣдовъ почерпаетъ отсюда же, а также изъ Хронографа 2-ой редакціи **) и изъ нѣкоторыхъ оффиціальныхъ документовъ. Для исторіи Смутнаго времени авторъ пользовался „Сказаніемъ“ Авраамія Палицына.

Составляя свой трудъ, авторъ, повидимому, имѣлъ цѣлью дать учебникъ исторіи, по которому царскія дѣти могли ознакомиться съ главными фактами изъ прошлой дѣятельности ихъ предковъ.

---

*) Въ изданномъ спискѣ исторія продолжена, очевидно, послѣ смерти Грибоѣдова, до Ѳеодора Алексѣевича.

**) Подъ Хронографомъ 2-ой редакціи разумѣется тотъ, который былъ доведенъ до царствованія Михаила Ѳеодоровича и былъ составленъ въ 1617 г.

Повѣсти.

319. Повѣсти. Ко второй половинѣ XVII в. относится рядъ повѣстей. Нѣкоторыя изъ нихъ оригинальны, другія представляютъ переработку иностранныхъ повѣстей и сказаній, византійско-болгарскихъ или восточныхъ.

Эти повѣсти распадаются на слѣдующія группы и отдѣльныя повѣсти: 1) нравоучительныя, 2) бытовыя, 3) сатирическія, 4) шуточныя, 5) Повѣсть о Басаргѣ и его сынѣ Борзомыслѣ и 6) Повѣсть объ Ерусланѣ Лазаревичѣ.

1) Нравоучительныя повѣсти. Къ нравоучительнымъ повѣстямъ относятся слѣдующія: а) „Сказаніе о мерзкомъ зеліи, еже есть табацѣ“ и б) „Повѣсть о высокоумномъ Хмелѣ“.

а) „Сказаніе отъ книги, глаголемыя Пандокъ, о хранительнымъ быліи, мерзкомъ зеліи, еже есть табацѣ“. По воплощеніи и вольной смерти Спасителя, увлекшаго Сатану „удицею вочеловѣченья своего“ во адъ и связавшаго его, Сатана, „не терпя срама и студодѣянія своего“, посадилъ на землѣ плевелъ, чтобы прельстить избранниковъ Божіихъ. Этотъ плевелъ-табакъ выростаетъ надъ смраднымъ трупомъ блудницы. О насажденіи табака и объ его гибельномъ вліяніи было возвѣщено во снѣ нѣкоему эллинскому царю Анепсію. Царь умолчалъ о своемъ видѣніи. Черезъ 12 лѣтъ послѣ этого врачъ Тремпкуръ нашелъ въ полѣ табакъ, понюхалъ его, „обвеселился“ и сталъ забывать житейскія печали. Врачъ насадилъ сѣмена зелья въ своемъ огородѣ. Съ этого времени началось бѣдствіе народное. Люди стали нюхать зелье „и пьянствовати начаша; мнози же на огнь того былія полагающе и дымъ его цѣвницами вдыхаху во уста и обледяша (леденѣли), иные обмираютъ, овіи умираютъ, иніе, яко мертвыя лица, разслабленнымъ умомъ растлѣнны вертятся, безчинно ходяще, во умѣ пьяны сущи“... Царь призвалъ врача и велѣлъ ему сказать, откуда онъ добылъ траву. Царь понялъ, что табакъ это и есть то мерзкое зеліе, которое насадилъ діаволъ. Епископъ проклялъ зелье. Епископу явился ангелъ, который велѣлъ отлучать отъ церкви прибѣгающихъ къ зелью.

„Повѣсть о мерзкомъ зеліи“, имѣя цѣлью отвратить русскихъ людей отъ употребленія табака, внушаетъ богобоязнен-

нымъ читателямъ, что плевелъ-табакъ—адскаго происхожденія и насажденъ самимъ Сатаною.

б) „Повѣсть о высокоумномъ Хмелѣ“. Одинъ грѣшникъ такъ много пилъ, что лишился ума и впалъ въ ярость. Протрезвившись однажды, онъ поймалъ Хмеля, связалъ его и сталъ разспрашивать объ его родѣ. Высокоумный Хмель отвѣтилъ, что онъ—великаго и славнаго рода, и разсказалъ исторію своего происхожденія. Когда Ной тайно строилъ ковчегъ, діаволъ научилъ жену Ноя приготовить хмельной напитокъ изъ травы, которая вьется около дерева, и давать его Ною, чтобы вывѣдать у него, гдѣ онъ строитъ ковчегъ. Охмелѣвшій Ной разсказалъ все женѣ. Когда Ной на другой день отправился къ мѣсту, гдѣ строилъ ковчегъ, онъ увидѣлъ, что ковчегъ разрушенъ. Ной долженъ былъ начать постройку снова. Такова сила Хмеля. „Когда захочетъ человѣкъ причаститься и выпьетъ чашу малую, единую, и та ему будетъ во здравіе, а другая въ веселіе, а третья въ отраду; а четвертую выпьетъ, и та ему будетъ во пьянство“. Грѣшникъ узнаетъ отъ Хмеля, какъ избавиться отъ него, и отпускаетъ его къ его поспѣшнику, бѣсу.

„Повѣсть о высокоумномъ Хмелѣ“ представляетъ переработку „Повѣсти о происхожденіи виннаго питія“, содержаніе которой основано на апокрифахъ и легендахъ о древѣ, отъ котораго вкусилъ Адамъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ талмудистовъ, это было виноградное древо. На одной миніатюрѣ въ рукописи, содержащей „Христіанскую топографію“ Козьмы Индикоплова (кн. 1-ая, § 115), изображено древо познанія добра и зла, отъ котораго по обѣимъ сторонамъ спускаются виноградныя гроздья; стволъ древа обвитъ Змѣемъ, а около древа стоятъ Адамъ и Ева. Въ апокрифѣ „Видѣніе Варуха“ разсказывается, что, когда ангелы, по повелѣнію Божію, насаждали рай, Сатанаилъ посадилъ виноградную лозу: отъ нея то вкусилъ Адамъ и подвергся осужденію. Когда произошелъ потопъ, эта лоза была вынесена водою изъ рая и съ благословенія Божія была насаждена Поемъ. Добрыня Ядрѣйковичъ (кн. 1-ая, § 294) видѣлъ въ церкви св. Михаила въ Царьградѣ „крестъ въ лозѣ Ноевѣ учиненъ, юже по потопѣ насади“.

2) Бытовыя повѣсти. Къ бытовымъ повѣстямъ относятся слѣдующія: а) Повѣсть о Горѣ-Злосчастіи, б) Повѣсть о бѣсноватой женѣ Соломоніи, в) Повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ и г) „Гисторія о россійскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобѣевѣ“.

а) „Повѣсть о Горѣ-Злосчастіи, и какъ Горе-Злосчастіе довело молодца во иноческій чинъ“. „Повѣсть о Горѣ-Злосчастіи“ изображаетъ, какъ могучее злое существо Горе-Злосчастіе, соблазнивъ добраго молодца хмельнымъ питьемъ, стало увлекать его къ гибели, и какъ единственное спасеніе молодецъ нашелъ въ монастырѣ. Повѣсть изложена стихотворнымъ размѣромъ.

Повѣсть начинается вступленіемъ, въ которомъ разсказывается о грѣхопаденіи Адама и Евы, вкусившихъ „плода виноградпаго отъ дивнаго древа великаго“. Племя человѣческое стало злымъ: „Въ началѣ пошло непокорливо, ко отцеву ученію зазорчиво, къ своей матери непокорливо и къ совѣтному другу обманчиво“. Стали люди жить въ суетѣ и во враждѣ и отринули смиреніе. За это Богъ положилъ на людей великія напасти, попустилъ великія скорби, злую наготу и босоту, безконечную нищету. Этимъ Богъ смиряетъ людей и приводитъ на спасенный путь.

Жилъ на свѣтѣ молодецъ, котораго отецъ и мать любили: они наставляли его и давали ему совѣты—не ходить па пиры, въ кабаки, не прельщаться женщинами, не собирать неправаго богатства, знаться съ мудрыми и дружиться съ надежными друзьями. Молодецъ былъ въ то время еще малъ и глупъ. Стыдно ему покоряться отцу и поклоняться матери; захотѣлось жить по своей волѣ. У молодца было пятьдесятъ рублей: нашелъ онъ себѣ пятьдесятъ друзей, а одинъ—милый надежный другъ, названный братецъ. Надежный другъ зазвалъ молодца въ кабакъ, поднесъ ему чару зелена вина и кружку пьянаго пива. „Хошь и упьешься, братецъ, допьяна,—говорилъ молодцу надежный другъ,—ино гдѣ пилъ, тутъ спать ложися; надѣйся на меня, брата названнаго... Сберегу я, милъ другъ, тебя накрѣпко, сведу я тебя ко отцу твоему и матери“. Молодецъ упился безъ памяти. Проснувшись, молодецъ увидѣлъ, что съ него сняты дорогія порты, украдены деньги, подъ голову его положенъ кирпичъ, на него накинута „гунька кабацкая“ (рубище), въ ногахъ лежатъ лапти, а надежнаго друга и вблизи нѣтъ. Всталъ молодецъ, одѣлъ лапти и рубище и пошелъ въ чужую страну. Здѣсь онъ попалъ на пиръ. Разсказалъ молодецъ гостямъ о своемъ несчастіи и сталъ просить ихъ научить его, какъ ему жить въ чужой странѣ. Они стали учить его: „Не буди ты спѣсивъ на чужой сторонѣ: покорися другу и недругу, поклонися ты стару и молоду, а

чужихъ ты дѣлъ не объявливай; а что слышишь и видишь, не сказывай; не льсти ты межъ други и недруги; не имѣй ты упадки вилавыя (склонности къ вилянію), не вейся змiею лукавою; смиреніе ко всѣмъ имѣй, и ты съ кротостію держися истины съ правдою, то тебѣ будетъ честь и хвала великая. Первое, тебя люди отвѣдаютъ и учнутъ тя чтить и жаловать за твою правду великую, за твое смиреніе и вѣжество. И будутъ у тебя милые други, названные братья надежные". Послушался молодецъ совѣтовъ чужихъ людей, сталъ жить умѣючи и нажилъ „живота" больше своего отца. Задумалъ молодецъ жениться и устроилъ пиръ. На пиру онъ, „по дѣйству діаволю", похвастался тѣмъ, что нажилъ „живота" больше „стараго". „А всегда гнило слово похвальное: похвальба живетъ человѣку на нагубу". Услышало Горе-Злосчастіе хвастовство молодца и посовѣтовало молодцу не хвастать: были на свѣтѣ люди мудрѣе его, а оно, Горе-Злосчастіе, ихъ перемудрило; лишились они счастія и отъ Горя вселились въ гробъ и накрѣпко укрылись отъ него землею. Явилось молодцу Горе во снѣ и стало ему совѣтовать отказать невѣстѣ, такъ какъ она его отравитъ, или удавитъ, или убьетъ изъ-за злата и серебра; лучше пойти въ кабакъ и пропить свои животы: „За нагимъ то Горе не погонится, да никто къ нагому не привяжется". Послушался молодецъ и пропилъ всѣ свои животы. Отправился молодецъ въ чужую страну и дошелъ до рѣки, и пѣтъ у него денегъ, чтобы заплатить перевозчикамъ и переѣхать на другой берегъ. Молодецъ въ отчаяніи рѣшилъ броситься въ рѣку и утопиться. Выскочило изъ за камня Горе, босо и наго: нѣтъ на Горѣ ни ниточки; лычкомъ Горе подпоясано. Горе удержало молодца: „Да не буди въ горѣ кручиноватъ,—говорило оно молодцу,—а въ горѣ жить—не кручинну быть, а кручинну—въ горѣ погинути!" Научило Горе молодца, какъ переѣхать рѣку: молодецъ запѣлъ пѣсню, которая понравилась перевозчикамъ; перевозчики перевезли его, накормили и одѣли. Пошелъ молодецъ къ себѣ на родину, а Горе встрѣчаетъ молодца въ чистомъ полѣ. Молодецъ полетѣлъ яснымъ соколомъ, а Горе за нимъ—бѣлымъ кречетомъ. Молодецъ полетѣлъ сизымъ голубемъ, а Горе—сѣрымъ ястребомъ. Молодецъ пошелъ въ полѣ сѣрымъ волкомъ, а Горе за нимъ—съ борзыми выжлецами. Молодецъ сталъ въ полѣ ковыль-травою, а Горе пришло съ острой косой. Пошелъ мо-

лодецъ въ море рыбой, а Горе—за нимъ съ частыми неводами. Пошелъ молодецъ пѣшей дорогой, а Горе—съ нимъ подъ руку, поучаетъ молодца богато жить, убить и ограбить, чтобы молодца повѣсили или съ камнемъ въ воду посадили.

Вспомнилъ молодецъ о „спасенномъ пути“ и пошелъ постричься въ монастырь.

б) Повѣсть о бѣсноватой женѣ Соломоніи. Въ этой повѣсти (1661) изображаются страданія, которымъ подверглась замужняя женщина Соломонія, увлеченная, помимо своей воли, демонической силой плотской любви.

Соломонія, дочь попа Дмитрія изъ Устюжскихъ предѣловъ, была выдана замужъ за крестьянина Матѳея. Въ скоромъ времени послѣ вступленія въ бракъ Соломонію стали посѣщать бѣсы, появлявшіеся то въ видѣ мохнатыхъ существъ съ когтями, то въ видѣ прекрасныхъ юношей. Мужъ, видя, что жена гибнетъ, отвезъ ее къ отцу. Однако окаянные продолжали посѣщать Соломонію и здѣсь. Мало того: они осквернили ее, стали подбивать ее, чтобы она убила отца, стали уносить ее въ лѣсъ, въ поле, въ воду, стали требовать, чтобы она поселилась у нихъ, отреклась отъ христіанства и увѣровала въ сатану. Не добившись этого добротой и лаской, бѣсы подвергли Соломонію наказаніямъ и отдали нѣкоей дѣвкѣ Ярославкѣ. Эта дѣвка, узнавъ отъ Соломоніи ея исторію, посовѣтовала ей ничего не ѣсть и не пить у бѣсовъ, и на ихъ вопросы не отвѣчать: тогда бѣсы помучатъ ее и отпустятъ. Соломонія послѣдовала этому совѣту. Бѣсы, постращавъ Соломонію, унесли ее въ лѣсъ, откуда она едва выбралась домой. Дома, въ отсутствіи домашнихъ, Соломонія родила шестерыхъ „темнозрачныхъ“, „синихъ“ демоновъ, которыхъ „темнозрачная“ жена, помогавшая ей при родахъ, унесла подъ мостъ. Когда отецъ съ домашними своими вернулся домой, темнозрачные демоны стали изъ-подъ моста швырять въ нихъ камнями и землей, и всѣ, кромѣ Соломоніи, вынуждены были бѣжать изъ дому. Жена, прислуживавшая Соломоніи, принесла ей сосудъ съ кровью и велѣла пить. Соломонія отказалась. Жена стала говорить Соломоніи, чтобы она заколола своего отца; Соломонія проситъ дать ей для этого урочное время. Она дала свое обѣщаніе потому, что не могла выноситъ мученій, которыя причиняли ей дѣти-бѣсы, сосавшіе, какъ лютые змѣи, ея груди. Послѣ этого Соломонія еще нѣсколько разъ рожала бѣсовъ. Въ это время Соломонія не ѣла хлѣба, пита-

лась птичьей кровью, травой и кореньями, которые приносили ей тѣ „синцы“. По прошествіи нѣкотораго времени бѣсы снова увлекли Соломонію въ воду и стали угощать ее. Соломонія отказалась. Бѣсы стали грозить ей новыми муками и опять отдали ее дѣвкѣ Ярославкѣ. Послѣдняя научила Соломонію поступить такъ: попросить бѣсовъ отпустить ее къ отцу, сообщить отцу имена бѣсовъ, велѣть ему переписать ихъ и проклинать въ святомъ алтарѣ. Бѣсы выразили согласіе на просьбу Соломоніи, понесли ее на нѣкое болото и стали топить ее. Вдругъ нашла великая туча съ молніей и страшнымъ громомъ, и стала молнія палить бѣсовъ и побила ихъ великое множество, такъ что болото наполнилось ими, какъ смолою. Вернувшись домой, Соломонія разсказала о происшедшемъ. Отецъ записалъ имена бѣсовъ и сталъ проклинать ихъ въ алтарѣ. Послѣ этого Соломонія заболѣла и находилась уже при смерти. И вотъ во снѣ является ей преподобная Ѳеодора (кн. 1-ая, § 97), которая велѣла идти къ граду Устюгу и не довѣряться волхвамъ. Въ Устюгѣ Ѳеодора снова явилась и объяснила ей, почему она подвергается страданіямъ: „А се тебѣ вѣдомо буди,—говорила Ѳеодора,—чего дѣля ты тяжко страдала отъ демоновъ: потому что тебя попъ пьянъ крестилъ, и половины святого крещенія не исполнилъ“. Благодаря чудесной помощи Богородицы и устюжскихъ угодниковъ Прокопія и Іоанна, Соломонія исцѣлилась.

в) Повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ. Въ повѣсти о Саввѣ Грудцынѣ изображается купеческій сынъ, едва не погибшій подъ вліяніемъ демона любви.

Савва былъ сынъ купца Ѳомы, жившаго въ смутную эпоху, когда царствовалъ „богомерзкій отступникъ еретикъ Гришка Разстрига Отрепьевъ“. Чтобы пріучить своего сына къ торговымъ дѣламъ, Ѳома велѣлъ ему ѣхать съ порученіемъ къ Соли-Камской, а самъ поѣхалъ съ товарами въ Персію.

Савва, по дорогѣ къ Соли-Камской, остановился въ одномъ городѣ у стариннаго знакомаго его отца, Бажена. Онъ влюбился въ молодую жену Бажена, а она въ него. По прошествіи нѣкотораго времени, Савва былъ, „яко нѣкоею стрѣлою страха Божія уязвленъ“, и онъ прекратилъ свои отношенія къ женѣ Бажена. Послѣдняя разсердилась на Савву, опоила его волшебнымъ зельемъ и оклеветала передъ мужемъ. Савва вынужденъ былъ покинуть домъ Бажена. Подъ вліяніемъ вол-

шебнаго зелья въ сердцѣ Саввы „начатъ яко нѣкій огонь горѣти“. Онъ почувствовалъ, что не можетъ вырвать изъ своего сердца образъ жены Бажена. Ведя борьбу съ собой, Савва однажды упомянулъ діавола. Діаволъ немедленно явился, принявъ образъ брата Саввы. Савва разсказалъ брату о своихъ мукахъ. Діаволъ подъ видомъ брата обѣщалъ Саввѣ устроить его дѣло, если онъ дастъ ему на себя „рукописаніе“. Савва плохо зналъ грамоту и далъ рукописаніе, въ которомъ значилось отреченіе отъ Бога. У Саввы опять возобновились прежнія отношенія съ женой Бажена.

Савва сталъ вести разгульную жизнь. Діаволъ сталъ выдавать себя за царскаго сына и свелъ Савву въ царство Сатаны. Много приключеній испыталъ Савва. Увлекшись зрѣлищемъ ученія воиновъ, Савва со своимъ товарищемъ діаволомъ поступилъ въ военную службу, принявъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ подъ Смоленскомъ, и проявилъ чудеса храбрости. По возвращеніи въ Москву Савва заболѣлъ. Былъ приглашенъ къ нему священникъ. Когда священникъ приступилъ къ исповѣди, комната больного наполнилась бѣсами, а братъ Саввы принялъ звѣроподобный видъ и сталъ показывать Саввѣ его рукописаніе. Савва разсказалъ все священнику. Тогда діаволъ началъ немилосердно мучить Савву. Однажды явилась Саввѣ Богородица, которая велѣла ему пойти въ церковь 8-го іюля въ праздникъ явленія ея Казанскаго образа и обѣщала сотворить чудо, если онъ дастъ обѣтъ постричься въ монахи. Савву принесли въ церковь. Во время пѣнія херувимской произошло чудо: съ неба раздался великій гласъ, отпускавшій Саввѣ грѣхи, и передъ всѣмъ народомъ упало богоотметное рукописаніе, въ которомъ было „все заглажено, яко никогда же писано“. Савва вскочилъ съ одра здравымъ. Онъ постригся въ монахи.

г) „Исторія о россійскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобѣевѣ“. Въ этой „Исторіи“ изображается, какъ бѣдный дворянинъ ловко устроилъ свою жизненную карьеру. Дворянинъ Фролъ Скобѣевъ, жившій въ Новгородскомъ уѣздѣ, поддерживалъ свое существованіе ябедой и плутнями. Въ томъ же Новгородскомъ уѣздѣ находились вотчины стольника Нардина-Нащокина (знаменитаго государственнаго дѣятеля Ордина-Нащокина). У стольника была дочь, Аннушка. На святкахъ Аннушка послала свою мамку объѣздить дочерей мѣстныхъ дворянъ и

пригласить ихъ къ ней на вечеринку. Мамка исполнила приказаніе и, между прочимъ, пригласила сестру Фрола Скобѣева. Сестра обратилась къ брату за разрѣшеніемъ ѣхать на вечеринку. Фролъ рѣшилъ воспользоваться случаемъ, чтобы обогатиться. Онъ велѣлъ сестрѣ сказать мамкѣ, что она явится на вечеринку съ подругой, дочерью одного дворянина. Фролъ переодѣлся въ костюмъ дѣвицы и отправился къ Аннушкѣ на вечеринку съ сестрой. Фролъ подкупилъ мамку, которая свела его съ Аннушкой. Аннушка влюбилась въ Фрола. Фролъ похитилъ Аннушку и тайно обвѣнчался съ ней. Исчезновеніе Аннушки повергло родителей въ глубокую скорбь. По прошествіи нѣкотораго времени Фролъ принесъ Нардину-Нащокину повинную, сознался въ похищеніи его дочери и объявилъ о своей женитьбѣ на ней. Родители Аннушки были глубоко поражены тѣмъ, что ихъ зятемъ сталъ извѣстный плутъ и ябедникъ. Но дѣлать было нечего. Имъ пришлось примириться съ происшедшимъ событіемъ. Чтобы отвратить Фрола отъ плутней и ябедничества, Нардинъ-Нащокинъ выдѣлилъ ему нѣсколько имѣній изъ своихъ вотчинъ. По смерти Нардина-Нащокина Фролъ унаслѣдовалъ его вотчины, сталъ жить въ великой славѣ и богатствѣ, оставилъ наслѣдниковъ по себѣ и умеръ.

3) Сатирическія повѣсти. Къ сатирическимъ повѣстямъ относятся слѣдующія: а) Повѣсть о Шемякиномъ судѣ и б) Повѣсть о Ершѣ Ершовѣ сынѣ Щетинниковѣ.

а) Повѣсть о Шемякиномъ судѣ. Въ этой повѣсти сатирически изображается русское судопроизводство. Героемъ повѣсти является бѣднякъ, который невольно совершаетъ рядъ проступковъ и попадаетъ подъ судъ.

Жили-были въ нѣкіихъ мѣстахъ два брата, богатый и убогій. Пришелъ убогій къ богатому и попросилъ дать ему лошадь, чтобы привезти себѣ дровъ изъ лѣсу. Богатый далъ ему лошадь, но не далъ хомута. У убогаго не было хомута. Привязалъ убогій дровни къ хвосту лошади и поѣхалъ въ лѣсъ, нарубилъ дровъ и везетъ ихъ домой. Подъѣхавъ къ дому своему, убогій отворилъ ворота, но забылъ „выставить“ подворотню. Онъ ударилъ лошадь кнутомъ. Лошадь бросилась въ ворота, дровни ударились въ подворотню, и у лошади оторвался хвостъ. Богатый не принялъ своей лошади и отправился подать на убогаго жалобу въ судъ. Съ нимъ пошелъ и

убогій. Оба остановились по дорогѣ ночевать у священника. Священникъ пригласилъ богатаго къ ужину, а бѣдный лежалъ на полатяхъ. Захотѣлось бѣдному хоть заглянутъ на то, что кушаютъ, высунулся съ полатей, да свалился внизъ на люльку съ ребенкомъ и задавилъ его до смерти. Священникъ также пошелъ съ жалобой на убогаго. По дорогѣ убогій въ отчаяніи бросился съ моста внизъ на ледъ, чтобы убиться, но попалъ на старика, котораго сынъ везъ въ баню, и ушибъ его до смерти. Сынъ старика присоединился къ жалобщикамъ. Жалобщики съ убогимъ подходили уже къ дому судьи—Шемяки. Въ отчаяніи убогій подобралъ камень, лежавшій по дорогѣ, завернулъ его въ платокъ и сунулъ за пазуху, чтобы хватить имъ въ судью, когда его осудятъ. Судья началъ допросъ. Убогій, не имѣя, что сказать въ свою защиту, послѣ всякой жалобы вынималъ изъ-за пазухи свертокъ съ камнемъ и показывалъ судьѣ. Судья вообразилъ, что убогій сулитъ ему взятку. Въ надеждѣ на взятку, судья постановилъ соотвѣтствующій приговоръ: лошадь должна остаться у бѣднаго до тѣхъ поръ, пока у нея не отростетъ хвостъ; сынъ старика долженъ броситься съ моста на убогаго и ушибить его и т. д. Жалобщики отказались отъ обвиненія.

Судья, узнавъ, что въ сверткѣ убогаго былъ камень, предназначенный для него, возблагодарилъ Бога за спасеніе своей жизни.

Сюжетъ „Повѣсти о Шемякиномъ судѣ“ — не оригинальный: онъ заимствованъ изъ индійскихъ сказаній и пріуроченъ къ имени знаменитаго соперника Василія II—Дмитрія Шемяки.

б) „Повѣсть о Ершѣ, Ершовѣ сынѣ Щетинниковѣ“. Эта повѣсть сатирически изображаетъ сутяжничество и ябедничество.

Боярскій сынишка Лещъ съ товарищами бьютъ челомъ великому Осетру, Бѣлугѣ и Бѣлой рыбицѣ съ жалобой на этого человѣка и ябедника Ерша Щетинника. Въ прежніе годы Лещъ и его товарищи владѣли Ростовскимъ озеромъ. Тотъ Ершъ лишилъ его озера и расплодился по озерамъ и по рѣкамъ. Ершъ собою малъ, но щетина у него, „аки лютыя рогатины“; своими острыми щетинами онъ подкалываетъ бока и ребра Лещу съ товарищами и суется по рѣкамъ и озерамъ, какъ бѣшеная собака, потерявшая свой путь. Лещъ съ товарищами, не умѣя жить лукавствомъ, прибѣгаютъ подъ защиту

праведныхъ судей. На допросѣ Ершъ отвѣтилъ, что Ростовское озеро составляло вотчину его дѣдовъ, а теперь принадлежитъ ему; Лещъ жилъ у предковъ Ерша въ крестьянахъ на днѣ озера и на свѣтъ не выхаживалъ. Ершъ Божіей правдой и крестнымъ цѣлованіемъ утверждаетъ, что онъ — не мутникъ, не воръ, не тать, не разбойникъ, человѣкъ онъ добрый, живетъ своею силою, а не чужою, и его знаютъ въ Москвѣ и въ другихъ великихъ городахъ князья, бояре и всякихъ чиновъ люди. Послѣ показаній многочисленныхъ свидѣтелей со стороны Леща, Ершъ былъ обвиненъ. Судъ постановилъ выдать Ерша Лещу головой и казнить торговою казнью: бить кнутомъ и послѣ кнута повѣсить въ жаркіе дни противъ солнца за воровство и ябедничество. Ершъ закричалъ судьямъ: „Господа судьи! Судили вы не по правдѣ, судили по мздѣ: Леща съ товарищами оправдали, а меня обвинили". Ершъ плюнулъ судьямъ въ глаза и скочилъ въ хворостъ: только Ерша и видѣли.

4) Шуточныя повѣсти. Къ шуточнымъ повѣстямъ относится „Повѣсть о Ѳомѣ и Еремѣ".

Ѳома и Ерема — неумѣлые и упрямые шуты; за всякое дѣло, какъ бы оно пустячно ни было, они берутся неловко и неумѣло, и изъ дѣла ничего не выходитъ.

Жили два торговыхъ человѣка, Ерема да Ѳома. „Славные люди, славно живутъ, сладко пьютъ и ѣдятъ, носятъ хорошо! У Еремы — клѣть, а у Ѳомы — изба... Ерема — въ торгъ, а Ѳома—на базаръ, Ерема—за капусту, а Ѳома—за крупы; у капусты—не прикупъ, а у крупъ наложатъ, гдѣ они ни станутъ, вездѣ накладываютъ". Захотѣлось Еремѣ съ Ѳомою позавтракать. „Ерема сѣлъ на лавку, а Ѳома въ скамью, Ерема—за рѣдьку, а Ѳома — за чеснокъ, Ерема чеснокъ лупитъ, а Ѳома толчетъ. Только сидятъ, ничего не ѣдятъ. Коя бѣда есть, коли нѣтъ ничего? Вставши, они другъ другу—челомъ, другъ другу челомъ, а не вѣдаютъ о чемъ". Захотѣлось обоимъ братьямъ идти къ обѣднѣ. „Ерема крестится, а Ѳома кланяется, Ерема въ книгу глядитъ, а Ѳома поклоны установляетъ, Ерема не учитъ, Ѳома не умѣетъ". Пришелъ къ нимъ „лихой" понамарь и сталъ просить денегъ на молебенъ. „Ерема—въ мошну, а Ѳома—въ карманъ, у Еремы—ни пула *)

*) Мелкая мѣдная монета.

и у Ѳомы — ничего. Осердился на нихъ лихой понамарь: Ерему — въ шею, а Ѳому — въ толчки, Ерема—въ двери, а Ѳома — въ соснякъ". Задумалъ Ерема съ Ѳомой поохотиться за зайцами и лисицами. Ничего они не поймали да легли отдохнуть, Ерема — въ рожь, а Ѳома—въ ячмень: ихъ поколотили. Поѣхали они въ саняхъ и зацѣпили прохожихъ: ихъ опять вздули. Захотѣлось Еремѣ съ Ѳомой поѣсть утятинки. Взяли они по палочкѣ. Ерема — броскомъ, а Ѳома шибкомъ. Опять не вышло толку! Ерема сѣлъ въ лодку, а Ѳома — въ ботникъ, лодка ушла, а ботникъ — безъ дна, Ерема поплылъ, а Ѳома не остался. „Какъ будутъ они среди рѣки, встрѣтился имъ на рѣкѣ шатунъ: на Ерему навалился, а Ѳому выпрокинулъ, Ерема—въ водѣ, а Ѳома—на дно, оба упрямы, со дна не бывали".

5) Повѣсть о Басаргѣ и его сынѣ Добросмыслѣ. Кіевскій купецъ Дмитрій Басарга плылъ со своимъ семилѣтнимъ сыномъ Добросмысломъ (Добромысломъ) отъ славнаго Царьграда съ товарами. Вдругъ разразилась буря, которая носила корабль по морю 30 дней и 30 ночей и занесла къ великому городу, въ которомъ царствовалъ нечестивый Несмѣянъ Гордѣевичъ, вѣровавшій въ Аполлона. Приставъ къ пристани, Басарга взялъ дары, отправился къ царю и сталъ просить позволенія торговать въ его царствѣ всякимъ товаромъ. Царь обѣщалъ позволить ему это, если онъ отгадаетъ три загадки, а если не отгадаетъ, то долженъ принять его вѣру, а если не приметъ, то лишится головы. Закручинился Басарга. Добросмыслъ успокаиваетъ отца и берется разгадать загадки. Басарга съ сыномъ является къ царю. Добросмыслъ прежде всего проситъ дать ему попить. Подали ему золотую чашу. Добросмыслъ даетъ выпить изъ нея отцу, а чашу велитъ отцу спрятать „въ нѣдра", потому что царскій подарокъ вспять не возвращается. Добросмыслъ требуетъ испить второй и третій разъ, вторую чашу беретъ себѣ, а третью отдаетъ отцовскому рабу. Послѣ этого онъ приступаетъ къ отгадыванію загадокъ. Первая загадка: „Много ли тово, или мало отъ востоку до запада?" Добросмыслъ отвѣтилъ: „Тово, царю, нимало, ни много, день съ нощію, солнце пройдетъ весь кругъ небесный и отъ востоку до западу единымъ днемъ, а нощію единою солнце пройдетъ отъ сѣвера до юга". Вторая загадка: „Что днемъ десятая часть въ міру убываетъ, а нощію десятая часть въ

міръ прибываетъ?“ Добросмыслъ отвѣтилъ: „То, царю, днемъ десятая часть солнцемъ воды усыхаетъ изъ моря, изъ рѣкъ, изъ озеръ, а нощію десятая часть въ міръ прибываетъ, ино та часть воды исполняется, занеже солнцу зашедшу и не сіяющу“. Третью загадку Добросмыслъ обѣщаетъ разрѣшить, если царь дастъ ему свое царское одѣяніе и мечъ. Когда царь сдѣлалъ это, Добросмыслъ спросилъ собравшійся народъ: „въ котораго Бога хощете вѣровати?“ Всѣ возопили, что хотятъ вѣровать въ Св. Троицу. Тогда Добросмыслъ отсѣкъ голову нечестивому царю. Народъ выбралъ въ цари Добросмысла. Добросмыслъ освободилъ изъ заключенія патріарха и вѣнчался на царство. Онъ выпустилъ на волю купцовъ, заключенныхъ Несмѣяномъ въ тюрьмѣ, крестилъ царицу и дочь ея, женился на дочери и царствовалъ мудро и славно.

6) Повѣсть объ Ерусланѣ Лазаревичѣ. Въ царствѣ Картауса Картаусовича жилъ его дядюшка князь Лазарь. У Лазаря родился сынъ Ерусланъ. Еруслану минуло четыре года. Сталъ Ерусланъ ходить на царскій дворъ и шутить шутки недобрыя: кого хватитъ за руку — у того рука прочь, кого хватитъ за ногу — нога прочь, за голову — голова прочь. Царь велѣлъ Лазарю прогнать своего сына. Лазарь исполнилъ приказаніе. Ерусланъ досталъ себѣ богатырскаго коня и сталъ совершать много подвиговъ. Онъ побѣдилъ русскаго богатыря Ивана и побратался съ нимъ, побѣдилъ богатыря Ивашку, бѣлую Епанчу. Въ полѣ Ерусланъ наѣхалъ однажды на побитую рать. Среди побитыхъ лежалъ огромнаго роста богатырь: тѣло его — что „сильная гора“, а голова его—что „сильная бугра“. Изъ-подъ головы богатыря Ерусланъ досталъ мечъ, которымъ онъ совершилъ новые подвиги. Ерусланъ женится на красавицѣ Настасьѣ и, оставивъ ей для будущаго сына самоцвѣтный камень, уѣзжаетъ. Въ отсутствіи Еруслана у Настасьи рождается сынъ-богатырь, получившій имя Еруслана. Молодой Ерусланъ Ерусланович, выросши, отправляется искать отца, встрѣчается съ отцомъ въ полѣ и вступаетъ съ нимъ въ поединокъ. По перстню съ самоцвѣтнымъ камнемъ Ерусланъ узнаетъ въ своемъ противникѣ сына, обнимаетъ его и вмѣстѣ съ нимъ уѣзжаетъ къ женѣ.

Повѣсть объ Ерусланѣ Лазаревичѣ представляетъ переработку сюжета изъ „Шахъ-Наме“: царь Картаусъ это — Кейкаусъ, Ерусланъ—Рустемъ, Лазарь—Зальзеръ и т. д.

320. „Синодикъ“. „Синодикомъ“ („Сенадикомъ“, „Сенаникомъ“) называется чинъ православія, состоящій въ церковномъ провозглашеніи вѣчной памяти или анаѳемы въ первое воскресенье Великаго поста. На основѣ чина православія съ теченіемъ времени развились двѣ новыя части: 1) „помянникъ“, т.-е. перечень именъ умершихъ для поминовенія ихъ во время церковнаго богослуженія и 2) литературная часть. Изъ этихъ частей литературная достигла особенно большого развитія, такъ что она даже образовала особую книгу, „Синодикъ литературный“.

Въ составъ „Синодика литературнаго“ вошелъ литературный матеріалъ четырехъ родовъ: *во-первыхъ*, статьи историческаго содержанія, повѣствующія о необходимости поминовенія умершихъ, какъ, напр., разсказы о дѣятельности седьмого вселенскаго собора; *во-вторыхъ*, статьи, разъясняющія причину, по которой церковь установила вообще поминовеніе усопшихъ и, въ частности, поминовеніе ихъ на третій, девятый и сороковой день послѣ смерти; *въ-третьихъ*, повѣсти и разсказы, числомъ до 100, на тему о необходимости поминовенія умершихъ, почерпнутые или навѣянные „Прологомъ“ (кн. 1-ая, § 92), „Собесѣдованіями“ Григорія Двоеслова, „Великимъ Зерцаломъ“ (§ 297) „Скитскимъ Патерикомъ“ (кн. 1-ая, § 91), „Небомъ Новымъ“ Іоанникія Галятовскаго (§ 289) и т. д.; *въ-четвертыхъ*, цѣлый рядъ мелкихъ статей, выдержекъ и изреченій на ту же тему о необходимости поминовенія умершихъ, о суетности земной жизни, о необходимости своевременнаго покаянія. Таковъ составъ „Синодика литературнаго“ въ XVII в. Къ концу этого вѣка содержаніе его еще болѣе расширяется: въ него вводятся „Прѣніе живота и смерти“ (§ 198), „Вопросы Антіоха съ отвѣтами св. Аѳанасія Александрійскаго“, „Луцидаріусъ“ (§ 226), отрывки изъ „Хронографа“, „Стословецъ“ патріарха Геннадія (кн. 1-ая, § 107) и другія произведенія.

Устное творчество.

321. Устное творчество второй половины XVII в. Устное творчество второй половины XVII в. развивалось преимущественно въ среднихъ и низшихъ классахъ населенія. По

своимъ формамъ оно очень разнообразно. Къ нему относятся: 1) лирическія произведенія, 2) сказки, 3) пословицы, 4) старины, 5) духовные стихи о лицахъ и событіяхъ изъ русской исторіи и 6) раскольничьи стихи.

1) **Устная лирика.** Устная лирика второй половины XVII в. состоитъ изъ семейныхъ и бытовыхъ пѣсенъ.

а) Семейныя пѣсни. Въ семейныхъ пѣсняхъ XVII в. изображается по преимуществу тяжелое положеніе замужней женщины, вынужденной безропотно переносить гнетъ со стороны мужа, свекра и свекрови. Эти пѣсни были разсмотрѣны въ кн. 1-й § 40 и отчасти § 39.

б) Бытовыя пѣсни. Тяжкое положеніе, въ которомъ находились въ XVII в. средніе и низшіе классы населенія, порождало явленія двоякаго рода: одни представители этихъ классовъ уходили отъ горя въ кабакъ, другіе—въ разбой. Бытовыя пѣсни отразили оба эти явленія.

Изъ пѣсенъ перваго разряда наиболѣе замѣчательна пѣсня „Охъ, въ горѣ жить — некручинну быть". Въ пѣснѣ поется, что нагому ходить—не стыдиться, денегъ нѣтъ—передъ деньгами, а появилась гривна—предъ злыми дни. Не бывать плѣшивому кудрявымъ, не бывать гулякѣ богатымъ, не отростить суховерхаго дерева, не откормить сухопараго коня. Горе подпоясалось лыкомъ, ноги опутаны мочалами. Уходишь отъ горя въ темные лѣса, а горе еще раньше въ лѣсъ вошло; уходишь отъ горя на пиръ, а горе впереди сидитъ; пошелъ отъ горя въ царскій кабакъ, а горе уже встрѣчаетъ, пиво тащитъ. А когда остался нагъ, горе насмѣялось.

Пѣсня „Не шуми, мати, зеленая дубровушка" изображаетъ думы разбойника, котораго ожидаетъ казнь. Добрый молодецъ думу думаетъ о томъ, какъ ему придется завтра идти на допросъ къ царю. Станетъ царь разспрашивать его, съ кѣмъ онъ воровалъ и разбой держалъ, и молодецъ отвѣтитъ царю, что у него были четыре товарища: темная ночь, булатный ножъ, добрый конь и лукъ; разсыльщиками были каленыя стрѣлы. Православный царь похвалитъ молодца, крестьянскаго сына, за то, что онъ умѣлъ воровать и отвѣтъ держать, и пожалуетъ его „среди поля хоромами высокими, что двумя ли столбами съ перекладиною".

2) **Сказки.** Къ сказкамъ второй половины XVII в. относятся такія, въ которыхъ повѣствуется о долѣ и ея уловленіи, о

богатствѣ и бѣдности и о правдѣ и кривдѣ. Объ этихъ сказкахъ см. въ кн. 1-й § 50.

Къ сказкамъ XVII в., не изложеннымъ въ 1-й кн., относятся еще слѣдующія двѣ: а) „Марко Богатый и Василій Безсчастный“ и б) „Набитый дуракъ“.

а) „Марко Богатый и Василій Безсчастный“. Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, жилъ-былъ богатѣйшій купецъ Марко, по прозванію Богатый. Марко терпѣть не могъ нищихъ: какъ только они подходили къ окошку, онъ тотчасъ приказывалъ слугамъ гнать ихъ и травить собаками.

Однажды къ окошку Марка подошли два сѣденькихъ старика. Марко велѣлъ травить ихъ собаками. Услышала это дочь Марка Анастасія Прекрасная и стала просить отца не гнать нищихъ и пустить ихъ хоть въ скотную избу. Отецъ согласился. Когда въ домѣ всѣ заснули, Анастасія встала, пошла въ скотную, залѣзла на полати и стала глядѣть на нищихъ. Одинъ изъ нихъ сказалъ другому: „Въ такомъ то селѣ у такого то крестьянина родился сынъ: какъ ему велимъ нарещи имя и какимъ надѣлимъ счастьемъ?“ Другой отвѣтилъ ему: „Имя нарещи ему—Василій, прозваніе—Безсчастный, а наградимъ его богатствомъ Марка Богатаго, у котораго ночуемъ“.

На другой день, когда старики ушли, Анастасія разсказала отцу о подслушанномъ ею разговорѣ. Марко испугался и рѣшилъ провѣрить слова старцевъ. Онъ велѣлъ заложить карету и поѣхалъ въ названное село къ священнику, отъ котораго узналъ, что у самаго бѣднаго крестьянина родился сынъ, котораго онъ нарекъ Василіемъ и прозвалъ Безсчастнымъ, потому что къ бѣдняку никто въ кумовья не идетъ. Марко вызвался быть крестнымъ. Василія крестили. За тысячу рублей отецъ уступилъ Василія Марку. Закутавъ ребенка въ лисьи шубы (дѣло было зимою), Марко положилъ его въ карету и поѣхалъ обратно. Черезъ нѣсколько верстъ Марко остановилъ карету и велѣлъ своему приказчику взять ребенка за ноги и швырнуть его въ крутой оврагъ. Когда приказчикъ исполнилъ приказаніе, Марко воскликнулъ: „Вотъ тамъ и владѣй моимъ имѣніемъ!“

Черезъ три дня пріѣхали къ Марку купцы, привезшіе ему двѣнадцать тысячъ долгу. У нихъ былъ ребенокъ, котораго они нашли по дорогѣ въ оврагѣ. Разспросивъ купцовъ о ребенкѣ,

Марко удостовѣрился, что это—Василій Безсчастный, и сталъ просить купцовъ отдать его ему, причемъ обѣщалъ простить имъ долгъ. Купцы согласились. Марко отдалъ Василія на воспитаніе своей дочери, которая съ радостью стала ухаживать за нимъ. На третій день, когда Анастасія спала, Марко взялъ ребенка, посадилъ его въ боченокъ, засмолилъ и бросилъ съ пристани въ воду.

Боченокъ поплылъ и приплылъ къ одному монастырю. Вышедшій за водой монахъ услышалъ дѣтскій крикъ, поймалъ боченокъ, разбилъ его и найденнаго ребенка отвелъ къ игумену. Игуменъ назвалъ ребенка Василіемъ, прозвалъ Безсчастнымъ и оставилъ при монастырѣ. До шестнадцати лѣтъ Василій жилъ въ монастырѣ и выучился грамотѣ. Игуменъ полюбилъ его и сдѣлалъ ключаремъ.

Однажды Марку случилось отправиться въ иное государство, за полученіемъ долговъ. По пути онъ заѣхалъ въ монастырь. Здѣсь встрѣтили Марка, какъ богатаго человѣка. Игуменъ велѣлъ ключарю идти въ церковь. Марко сталъ разспрашивать про ключаря. Выслушавъ разсказъ игумена, Марко узналъ, что ключарь — Василій Безсчастный. Марко сказалъ игумену, что хотѣлось бы ему имѣть такого расторопнаго приказчика, какъ Василій, и предложилъ за него двадцать пять рублей. Игуменъ уступилъ ему Василія.

Взявъ Василія, Марко, послалъ его къ себѣ домой съ письмомъ къ женѣ. Василій немедленно отправился въ путь. По дорогѣ Василій встрѣтился со старикомъ, который спросилъ его, куда онъ идетъ. Василій отвѣтилъ и подалъ письмо Марка. Старикъ взялъ письмо, сломалъ печать, прочиталъ его и далъ прочесть Василію. Въ письмѣ было написано слѣдующее: „Жена, какъ получишь мое письмо, сейчасъ же отправься съ посланнымъ на мыльный заводъ, и какъ пойдешь возлѣ большого кипучаго котла, толкни его туда: да непремѣнно исполни! А не исполнишь, я на тебѣ взыщу строго: этотъ малый—мнѣ злодѣй!“ Прослезился Василій отъ горя, а старикъ велѣлъ ему не печалиться, дунулъ на письмо — письмо приняло прежній видъ—и велѣлъ Василію отнести его женѣ Марка.

Явившись къ женѣ Марка, Василій передалъ ей письмо. Въ письмѣ стояло слѣдующее: „Жена, какъ получишь мое письмо, на другой же день обвѣнчай Анастасію съ этимъ посланникомъ; да непремѣнно исполни, а не исполнишь, будешь

мнѣ отвѣчать!“ На другой день Анастасія была обвѣнчана съ Василіемъ, который ей очень понравился.

Вернулся изъ своего путешествія Марко. Узнавъ о происшедшемъ, онъ страшно разсердился на жену; но та показала ему его собственноручное письмо, и онъ ничего не могъ сказать.

Черезъ три мѣсяца Марко позвалъ Василія, далъ ему письмо и велѣлъ ему на слѣдующій же день отправиться съ письмомъ къ его другу царю-Змію, получить отъ него дань за 12 лѣтъ, за то, что построилъ домъ на его землѣ, да кстати узнать отъ него о судьбѣ его 12 кораблей, которые три года уже пропадаютъ. Вернувшись къ женѣ, Василій разсказалъ о приказаніи Марка. Горько заплакала Анастасія, да дѣлать было нечего.

На другой день Василій, помолясь Богу, взялъ въ котомочку сухариковъ и отправился въ путь. Долго ли, коротко ли шелъ Василій, только однажды слышитъ онъ голосъ. Оглянулся Василій—это дубъ спрашиваетъ его, куда онъ идетъ. Василій сказалъ. Дубъ сталъ просить Василія: „Какъ будешь во времени, обо мнѣ вспомяни, что стоитъ дубъ триста лѣтъ. Долго ли ему еще стоять?“ Обѣщавъ исполнить просьбу дуба, Василій идетъ дальше и приходитъ къ рѣкѣ, на которой перевозитъ перевозчикъ. Узнавъ, куда идетъ Василій, перевозчикъ проситъ его сказать царю-Змію, что онъ перевозитъ триста лѣтъ, и спросить его, долго ли ему еще перевозить. Приходитъ Василій къ морю; черезъ море лежитъ китъ-рыба, по которой идутъ и ѣдутъ. Китъ-рыба проситъ Василія напомнить царю, что лежитъ черезъ море китъ-рыба, конныя и пѣшіе пробили у нея тѣло до реберъ, и спросить, долго ли ей еще лежать.

Приходитъ Василій на зеленый лугъ и видитъ на лугу большой дворецъ. Онъ входитъ во дворецъ и видитъ—на постели сидитъ дѣвица-красавица и горько плачетъ. Увидѣвъ Василія, она спросила его, какъ онъ попалъ въ это проклятое мѣсто. Василій разсказалъ обо всемъ. Дѣвица взяла у Василія письмо, бросила въ печь и сказала ему, что Марко прислалъ его не за данью, а Змію на съѣденіе. Внезапно затряслись земля и дворецъ. Дѣвица спрятала Василія въ сундукъ подъ кроватью и велѣла ему слушать, о чемъ будетъ разговаривать съ ней Змій.

Когда Змій явился, дѣвица стала разсказывать ему сонъ.

который она видѣла. Она видѣла, что идетъ по дорогѣ, а дубъ проситъ ее узнать у царя, долго ли ему еще стоять. Змій сказалъ, что стоять дубу до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь не толкнетъ его ногою; тогда онъ вывернется съ корнемъ, упадетъ, а подъ нимъ окажется многое множество злата и серебра. Другой сонъ былъ про перевозчика. О немъ Змій сказалъ, что первый, кого онъ посадитъ на паромъ и толкнетъ съ паромомъ отъ берега, станетъ вѣчно перевозить, а онъ вернется домой. О китѣ-рыбѣ Змій сказалъ, что лежать ей до тѣхъ поръ, пока не вырыгнетъ 12 кораблей Марка Богатаго. Сказавъ это, Змій уснулъ. Дѣвица выпустила Василія и дала ему на дорогу нѣсколько наставленій.

Приходитъ Василій къ киту-рыбѣ. Китъ-рыба спросила Василія, говорилъ ли онъ объ ней царю-Змію. Василій сказалъ, что говорилъ, но скажетъ ей объ этомъ, когда перейдетъ черезъ нее. Перейдя на другой берегъ, Василій велѣлъ ей вырыгнуть корабли Марка. Китъ-рыба вырыгнула, и корабли поплыли на парусахъ. Перевозчику Василій сообщилъ, что нужно, послѣ того только, какъ былъ перевезенъ на другой берегъ. Пошелъ Василій къ дубу и толкнулъ его ногою на восходъ. Дубъ свалился, и подъ нимъ оказалось многое множество богатства. Оглянулся Василій—видитъ, плывутъ къ берегу 12 кораблей, что вырыгнула китъ-рыба. Кораблями управлялъ тотъ самый старикъ, который встрѣтился съ Василіемъ, когда онъ шелъ къ женѣ Марка. Старикъ сказалъ Василію: „Вотъ, Василій, чѣмъ тебя Господь благословилъ!“ Сошелъ съ корабля и пошелъ своей дорогой.

Матросы нагрузили корабли золотомъ и серебромъ, и Василій Безсчастный отправился въ обратный путь. Узнавъ о благополучномъ возвращеніи Василія съ богатствами, полученными отъ Змія, Марко разсердился и немедленно поѣхалъ къ Змію попенять ему. Пріѣхавъ къ перевозу, онъ сѣлъ на паромъ. Перевозчикъ толкнулъ паромъ, и Марко остался вѣчно перевозить.

А Василій завладѣлъ всѣмъ имѣніемъ Марка Богатаго, сталъ жить да поживать, да добра наживать, бѣднымъ помогать, нищихъ награждать, поить, кормить.

Сказка „Марко Богатый и Василій Безсчастный“ тѣсно примыкаетъ къ сказкамъ о долѣ, бѣдности и богатствѣ. Въ ней выражено убѣжденіе бѣдняка, что судьба стоитъ за него, что

богатый, жестоко относящійся къ бѣднымъ, рано или поздно, такъ или иначе, потеряетъ свои богатства, а онъ, бѣднякъ, разбогатѣетъ и будетъ счастливъ.

б) Набитый дуракъ. Иного рода знаменитая сказка „Набитый дуракъ“: въ ней изображается общечеловѣческій типъ дурака, не впопадъ примѣняющаго даваемыя ему наставленія.

Жилъ въ одной семьѣ набитый дуракъ. Не проходило дня, чтобы на него не жаловались люди: либо кого словомъ обидитъ, либо кого прибьетъ. Сжалилась надъ дуракомъ мать и стала смотрѣть за нимъ, какъ за малымъ ребенкомъ. Бывало дуракъ вздумаетъ пойти куда нибудь, а мать ему съ полчаса толкуетъ: „Ты такъ то, дитятко, дѣлай, и такъ то“.

Однажды дуракъ пошелъ мимо гуменъ, увидѣлъ, что мужики горохъ молотятъ, и закричалъ: „Молотить вамъ три дня и намолотить три зерна!“ Разсердились мужики и за такія слова прибили его цѣпами. Прибѣжалъ дуракъ домой и сталъ вопить, что его прибили. Матушка, узнавъ, за что его прибили, сказала ему: „Охъ, дитятко! Ты бы сказалъ имъ: Возить вамъ—не перевозить, носить—не переносить, таскать—не перетаскать!“ Обрадовался дуракъ и на другой день пошелъ по селу. На встрѣчу ему несутъ упокойника. Вспомнивъ наставленіе матери, дуракъ зашумѣлъ въ превеликій голосъ: „Носить вамъ—не переносить, таскать—не перетаскать!“ Опять отдули дурака. Вернувшись домой, дуракъ разсказалъ матери, за что его опять прибили. „Ты бы, дитятко, — стала учить мать,—сказалъ имъ: канунъ да ладанъ!“ Глубоко запали дураку въ умъ-разумъ эти слова. На другой день онъ опять пошелъ бродить по селу. Ѣдетъ ему на встрѣчу свадьба. Какъ только свадьба поровнялась съ нимъ, дуракъ откашлялся и закричалъ: „Канунъ да ладанъ!“ Пьяные мужики соскочили съ телѣги и жестоко прибили его. Пошелъ дуракъ домой и кричитъ, что его больно прибили. Узнавъ, за что, мать сказала: „Ты бы, дитятко, поигралъ да поплясалъ имъ“. Поблагодарилъ дуракъ матушку, взялъ съ собою дудку и опять пошелъ на село. Въ концѣ села у мужика загорѣлся овинъ. Дуракъ со всѣхъ ногъ побѣжалъ туда, забѣжалъ противъ овина, и ну плясать да играть въ свою дудочку. И тутъ дурака отколотили. Со слезами пришелъ дуракъ къ матери и разсказалъ о томъ, что произошло. „Ты бы, дитятко, взялъ воды, да заливалъ съ ними“. Черезъ три дня зажили у дурака бока, и

онъ опять пошелъ бродить по селу. Видитъ—мужикъ свинью палитъ. Дуракъ схватилъ у мимо шедшей бабы съ коромысла ведро и началъ заливать огонь. И тутъ дурака порядкомъ отколотили. Закаялась мать пускать своего сына по слободѣ. Съ тѣхъ поръ дуракъ и понынѣ, кромѣ своего двора, никуда не выходитъ.

3) Пословицы. Пословицы, сложившіяся къ концу XVII в., отражаютъ семейный бытъ, судопроизводство, отношенія богатства и бѣдности и нравственныя понятія. Эти пословицы приведены въ кн. 1-ой, § 52, п. 5, 6, 7, 8, 9.

4) Старины. Изъ старинъ второй половины XVII в. наиболѣе замѣчательны: а) Объ осадѣ Соловецкаго монастыря и б) О Стенькѣ Разинѣ.

а) Объ осадѣ Соловецкаго монастыря. Въ этой старинѣ отразились воспоминанія объ осадѣ Соловецкаго монастыря, отказавшагося принять новыя книги (§ 305).

Царь Алексѣй Михайловичъ послалъ къ Соловецкому монастырю своего любимаго боярина и приказываетъ подступить къ тому острову большому, къ тому монастырю честному Соловецкому: „Ты порушь вѣру старую, правую, постановь вѣру новую, неправую“. Понамарь монастыря, завидѣвъ приближеніе сильнаго войска, сказалъ объ этомъ честнымъ старцамъ: „Не то идутъ они ратитися, не то идутъ они молитися“. Старцы отвѣтили понамарю, что это вѣдь — войско православное, не можетъ оно идти ратиться на монастырь, а идетъ молиться. Пушкари были догадливы: брали они ядро каленое, забивали его въ пушечку мѣдную и стали палить въ честной монастырь.

б) О Стенькѣ Разинѣ. О Стенькѣ Разинѣ (§ 304) сложилось много старинъ. Въ нихъ онъ изображается заступникомъ народнымъ, богатыремъ, а его товарищи—удалыми добрыми молодцами.

Въ одной старинѣ изображается, какъ Стенька Разинъ съ товарищами захватилъ астраханскаго „губернатора“. Губернаторъ предлагаетъ имъ за себя золото, губернаторское платье и диковинки заморскія. Разбойники отвѣчаютъ, что ничего этого не надобно имъ: имъ дорога голова губернатора. Они срубили ему голову и бросили ее въ Волгу со словами: „Ты добрѣ ли, губернаторъ, къ намъ строгой былъ, ахъ, ты билъ ли насъ, губилъ, много въ ссылку посылалъ, ахъ, ты женъ нашихъ, дѣтей на воротахъ разстрѣлялъ!“

Въ другой пѣснѣ Разинъ прощается со своими товарищами и велитъ имъ похоронить его между тремя дорогами — московской, астраханской и кіевской; онъ проситъ въ головахъ его поставить животворящій крестъ, а въ ногахъ—саблю вострую, чтобы всякій проходящій кресту помолился и сабли испугался и узналъ, что здѣсь лежитъ воръ удалый добрый молодецъ, Стенька Разинъ.

5) Духовные стихи о лицахъ и событіяхъ изъ русской исторіи. Духовные стихи о лицахъ и событіяхъ изъ русской исторіи сложились въ XVII в. Къ нимъ относятся слѣдующіе стихи: а) О Борисѣ и Глѣбѣ, б) Объ Александрѣ Невскомъ, в) О Михаилѣ и Ѳедорѣ Черниговскихъ, г) О Петрѣ митрополитѣ и д) О Дмитровской субботѣ.

а) О Борисѣ и Глѣбѣ. Стихи о Борисѣ и Глѣбѣ представляютъ воспроизведеніе содержанія житій Бориса и Глѣба, главнымъ образомъ, того житія, которое приписывается Іакову Мниху (кн. 1-ая, § 275).

У князя Владимира было три сына: Святополкъ, Борисъ и Глѣбъ. Владимиръ надѣлилъ ихъ удѣльными городами и скончался. Возлюбленныя чада похоронили его и разъѣхались въ разныя стороны. Старшій братъ Святополкъ „въ умѣ своемъ въ разумѣ помѣшался“. Онъ пишетъ своимъ братьямъ Борису и Глѣбу „зло писаніе“, „посольный листъ“ съ приглашеніемъ къ себѣ на пиръ. Мать совѣтуетъ Борису и Глѣбу не ѣздить къ Святополку, потому что Святополкъ не на пиръ зоветъ ихъ къ себѣ, а хочетъ ихъ погубить и завладѣть ихъ удѣльными городами и вѣрными слугами. Борисъ и Глѣбъ не послушались и поѣхали. „Ненавистный-злой“ Святополкъ встрѣчаетъ Бориса и Глѣба не въ домѣ. а въ чистомъ полѣ, съ оружіемъ, съ копьемъ. Борисъ и Глѣбъ, видя свою напасть, упали въ ноги къ Святополку и стали просить пощады. Святополкъ не взираетъ ни на плаканье, ни на рыданіе, ни на жалобное причитаніе. Онъ пронзилъ копьемъ Бориса да зарѣзалъ ножикомъ Глѣба; онъ велѣлъ тѣла ихъ въ темные лѣсы волочить, по разнымъ колодамъ разложить. Садится Святополкъ на добраго коня, началъ разъѣзжать и похваляться, что теперь вся Русь—его. Господь похвалы не слушаетъ, посылаетъ съ небесъ двухъ ангеловъ и велитъ имъ подрѣзать подъ злодѣемъ землю. Провалился варваръ сквозь землю.

Тридцать лѣтъ лежали тѣла Бориса и Глѣба, и ничто не

тронуло ихъ: ни звѣрь, ни птица, ни мрачное помраченіе, ни солнечное попеченіе. И вотъ явилось явленіе: столбъ бѣлый отъ земли до неба. Къ этому столбу бѣлокаменному стали съѣзжаться власти да патріархи, весь народъ Божій православный, служить благочестные молебны двумъ братьямъ Борису да Глѣбу. Отъ святыхъ мощей ихъ было прощеніе, слѣпымъ—прозрѣніе, глухимъ—прослышаніе, всякимъ болѣзнямъ исцѣленіе.

Передавая содержаніе житій авторъ стиха о Борисѣ и Глѣбѣ сдѣлалъ рядъ отступленій: онъ знаетъ только трехъ сыновей Владимира; князья расходятся у него по удѣламъ послѣ смерти Владимира; выведено новое дѣйствующее лицо—мать Бориса и Глѣба, приведено письмо Святополка къ Борису и Глѣбу; авторъ игнорируетъ подробности убійства, приводитъ ликующую рѣчь Святополка и т. д.

б) Объ Александрѣ Невскомъ. Надѣлилъ Господь русскій народъ многимъ счастьемъ. Живя въ счастіи, русскій народъ забылся, сталъ Бога забывать, а себѣ гибель заготовлять. Послалъ Богъ на святую Русь нечестивыхъ людей, крымскихъ татаръ. Двинулось поганое племя отъ сѣвера на югъ, сожгло и разбило много городовъ и добралось до святого мѣста, до славнаго Великаго Новгорода. Въ этомъ городѣ жилъ христіанскій народъ. Сталъ онъ молить и просить Вышняго о помощи. Вышелъ на враговъ новгородскій князь Александръ Невскій и разбилъ нечестивыхъ татаръ. Вернувшись съ войны, Александръ пошелъ въ иноки и за святость сталъ угодникомъ Бога.

в) О Михаилѣ и Ѳедорѣ Черниговскихъ. Восплакались народы о гибели Россіи. Живутъ въ Россіи татары злые, разоряютъ нечестивые народы храмы Божьи, ругаются раскольники поганые святынѣ. Взмолились люди Отцу небесному, отъ чистыхъ сердецъ принесли ему любовь и вѣру. Господь милостивъ и благъ: предѣла нѣтъ его щедротамъ. Простилъ Господь грѣхи и послалъ Руси избавителей: явились два доблестныхъ мужа съ огненными мечами—Михайло и Ѳедоръ Черниговскіе, избавили они святую Русь, на краю гибели стоявшую, и сами приняли въ ордѣ нечистой мученическую смерть.

г) О Петрѣ митрополитѣ. Авторъ стиха приглашаетъ воспокаяться и святымъ мужамъ помолиться, чтобы они избавили нашего царя отъ ужасной войны и отъ моровой язвы.

Князь московскій Симеонъ Ивановичъ, видя, какъ погибаетъ народъ, рыдаетъ и говоритъ, что Богъ послалъ казни за его грѣхъ. Услышалъ Богъ своего угодника Петра митрополита Московскаго и избавилъ Москву отъ ужасной войны и отъ моровой язвы.

Предыдущіе три стиха—объ Александрѣ Невскомъ, о Михаилѣ и Ѳедорѣ Черниговскихъ, о Петрѣ митрополитѣ,—принадлежатъ, судя по размѣру стиха и манерѣ, одному и тому же автору, который или не совсѣмъ хорошо зналъ исторію, или съ умысломъ искажалъ ее. Такъ, онъ представляетъ Александра Невскаго, Михаила и Ѳедора Черниговскихъ побѣдителями татаръ, которыхъ въ стихѣ объ Александрѣ Невскомъ называетъ крымскими, и заставляетъ Александра принять иночество.

д) О Дмитровской субботѣ. Дмитріевской называется суббота передъ днемъ св. Дмитрія Солунскаго 26-го октября: она установлена для поминовенія воиновъ, павшихъ на Куликовомъ полѣ. Стихъ „О Дмитровской субботѣ“ объясняетъ происхожденіе этого празднованія.

Наканунѣ Дмитровской субботы князь Дмитрій съ княгиней Евдокіей, съ князьями и боярами слушали въ Успенскомъ соборѣ обѣдню, которую служилъ митр. Кипріанъ. Передъ „Достойной“ у князя открылись душевныя очи, и онъ увидѣлъ дивное видѣніе. „Не горятъ свѣчи передъ иконами, не сіяютъ камни на златыхъ окладахъ, не слышитъ онъ пѣнія святаго, а видитъ онъ чистое поле, то ли чисто поле Куликово“. Все поле устлано мертвыми тѣлами: христіане, какъ свѣчки теплятся, а татары, какъ смола черна. По полю ходитъ Пресвятая Богородица, а за ней—апостолы, архангелы и ангелы святые, со свѣчами отпѣваютъ мощи православныхъ; сама Богородица кадитъ на нихъ. Вопросила Богородица: „А гдѣ жъ да князь Дмитрей?“ Апостолъ Петръ отвѣчаетъ ей, что князь слушаетъ обѣдню Въ Успенскомъ соборѣ. Сказала Пресвятая Богородица: „Не въ своемъ Димитрей князь мѣстѣ: предводить ему лики мучениковъ, а его княгинѣ—въ моемъ стадѣ“. Тутъ видѣніе пропало. Свѣчи въ храмахъ загорѣлись, на окладахъ камни засіяли. Придя въ себя, князь слезно восплакалъ: „Ахъ, знать, близокъ часъ моей смерти! Скоро буду во гробѣ я лежати, а моей княгинѣ быть въ черницахъ“. Въ память дивнаго видѣнія уставилъ князь Дмитровскую субботу.

6) Раскольничьи стихи. Духовные стихи, выработанные къ XVI в., попали въ среду раскольниковъ, и здѣсь нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напр., стихъ „Объ Аллилуевой женѣ“ (§ 192), стихи о разставаніи души съ тѣломъ (§ 197), объ Іоасафѣ-царевичѣ (§ 205), подверглись переработкѣ съ раскольничьей точки зрѣнія.

Въ средѣ раскольниковъ были созданы и новые стихи. Въ нихъ говорится о пришествіи на землю антихриста, который изгоняетъ вѣрныхъ людей, въ свою вѣру принуждаетъ, своихъ поповъ поставляетъ, свои письма разсылаетъ. Стихи призываютъ вѣрныхъ не сдаваться антихристу, убѣгать въ горы, вертепы, складывать костры и сжигать на нихъ свои тѣлеса или зарываться песками и морить себя голодомъ. За это обѣщается царство небесное.

322. Общій взглядъ на литературу пятаго періода. Пятый періодъ исторіи русской литературы отразилъ борьбу партій, сложившихся подъ безпрерывно росшимъ вліяніемъ западно-европейской культуры. Эти партіи были слѣдующія: западническая, латинская, греческая и національно-русская. Изъ нихъ первыя три имѣли прогрессивный характеръ, а послѣдняя—консервативно-идейный.

Національно-русская партія возникла въ *дворянско-боярской* средѣ, отстраненной бюрократіей отъ участія въ управленіи государствомъ. Къ ней примыкали *посадскіе* и незначительная часть *крестьянства*. Эта партія защищала то міровоззрѣніе, которое создано было въ XVI в. дворянствомъ въ борьбѣ съ правившимъ боярствомъ, и вела борьбу съ прогрессивными партіями.

Прогрессивныя партіи возникли въ *боярско-дворянской* правительственной средѣ. Западническая партія добивалась реформъ въ западно-европейскомъ духѣ. Противъ нея выступила болѣе многочисленная греческая партія, которая при поддержкѣ національно-русской партіи исправила богослужебныя книги и нѣкоторые религіозные обряды по ново-греческимъ образцамъ. Среднее положеніе между прогрессивными партіями заняла латинская партія, которая находила себѣ поддержку въ южнорусской культурѣ. Она выдѣлила изъ своей среды рядъ талантливыхъ и всесторонне образованныхъ представителей, которые вели борьбу со всѣми партіями Къ концу XVII в. латинская партія одержала верхъ надъ другими и внесла въ Московскую

Русь умѣренный европеизмъ въ формѣ схоластическаго просвѣщенія: она создала въ Московской Руси серьезную среднюю и высшую школу, перенесла сюда изъ Юго-Западной Руси учебную литературу, внесла новыя литературныя формы, какъ, напр., драму и литературный стихъ; она, пользуясь средствами схоластическаго просвѣщенія, вела, съ одной стороны, борьбу за православіе противъ западныхъ вѣроисповѣданій, съ другой стороны,—противъ національно-русскаго міровоззрѣнія и съ третьей стороны, противъ крайностей греческаго вліянія.

Въ процессѣ борьбы національно-русская партія раздѣлилась на двѣ партіи—умѣренно-консервативную, въ которую по преимуществу входили представители дворянства и боярства, и крайнюю, въ которую входили посадскіе и небольшая часть крестьянства. Умѣренно-консервативная партія объединилась съ греческой и приняла реформы Никона. Крайная консервативная партія, представителями которой были посадскіе священники, внесли въ національно-русское міровоззрѣніе элементъ общественно-политическаго протеста. Она отвергла реформы Никона и, подвергшись преслѣдованію со стороны правительства, занесла національно-русское міровоззрѣніе и его литературу въ простонародную среду. Здѣсь это міровоззрѣніе подвергается измѣненіямъ, большею частью коренпымъ, въ духѣ стремленій низшихъ классовъ.

Борьба партій породила обширную и разнообразную литературу, печатную, письменную и устную, въ которой разсматриваются вопросы политико-экономическіе, общественные, богословскіе, въ которой отражаются состояніе сословій и классовъ населенія, ихъ стремленія, интересы и т. д.

Библіографія. *В. Ключевскій*. Курсъ русской исторіи. Ч. III. М. 1908.—*В. Ключевскій*. Боярская дума древней Руси. Изд. 4-ое. М. 1909.—*Н. П. Павловъ-Сильванскій*. Феодолизмъ въ древней Руси. Спб. 1907.—*В. Ключевскій*. Западное вліяніе въ Россіи XVII в. «Вопр. Филос. и Псих.» М. 1897, кн. 36, 38, 39.—*В. С. Иконниковъ*. Ближній бояринъ Аѳанасій Лаврентьевичъ Ордынъ-Нащокинъ, одинъ изъ предшественниковъ петровской реформы. «Рус. Ст.» 1883, №№ 10, 11.—«Преніе» литовскаго протопопа Лаврентія Зизанія съ игуменомъ и справщикомъ Григоріемъ по поводу исправленія составленнаго Лаврентіемъ Катехизиса, въ «Лѣтоп. рус. литер. и др.», т. II, кн. 4 и «Засѣданіе въ книжной палатѣ 18 февраля 1627 года по поводу исправленій Катехизиса Лаврентія Зизанія», изд. Общ. Люб. Др. П.» Спб. 1878, № XVII.—О развитіи грекофильства въ семьѣ Романовыхъ и о кружкѣ Вонифатьева см.: *Н. Каптеревъ*. Патріархъ

Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ обрядовъ. М. 1887, *А. К. Бороздинъ*. Протопопъ Аввакумъ. Очеркъ изъ исторіи умственной жизни русскаго общества въ XVII вѣкѣ. Изд. 2-ое. Спб. 1900.—*Проф. Н. Ѳ. Каптеревъ*. Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ. Т. I. Сергіевъ. Посадъ. 1909.—*А. Лиловъ*. О такъ называемой Кирилловой книгѣ. Библіографическое изложеніе въ отношеніи къ глаголемому старообрядству. Казань. 1858.—*Г. Дементьевъ*. Критическій разборъ такъ называемой книги «О вѣрѣ», сравнительно съ ученіемъ глаголемыхъ старообрядцевъ. Спб. 1883. *В. Эйнгорнъ*. Книги кіевской и львовской печати въ Москвѣ въ третью четверть XVII в. М. 1894.—*В. Эйнгорнъ*. О сношеніяхъ малороссійскаго духовенства съ московскимъ правительствомъ въ царствованіи Алексѣя Михайловича. «Чтен. Моск. Общ. Ист. и Др.» 1893—1894.—*Н. Каптеревъ*. Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку въ XVI и XVII ст. М. 1885.—*П. Николаевскій*. Изъ исторіи сношеній съ Востокомъ въ половинѣ XVII в. Спб. 1882.—*С. Бѣлокуровъ*. Арсеній Сухановъ. Ч. I—II. М. 1891—1894.—*А. Катанскій*. Очеркъ исторіи литургіи нашей православной церкви. В. I. Спб. 1868.—*И. Д. Мансветовъ* Митрополитъ Кипріанъ въ его литургической дѣятельности. М. 1882.—*А. Дмитріевскій*. Богослуженіе въ русской церкви въ XVI вѣкѣ. Ч. I. Историко-археологическое изслѣдованіе. Казань. 1884.—*К. Т. Никольскій*. О службахъ русской церкви, бывшихъ въ прежнихъ богослужебныхъ книгахъ. Спб. 1885.—*Іеромонахъ Филаретъ*. Опытъ сличенія церковныхъ чинопослѣдованій, по изложенію церковно-богослужебныхъ книгъ московской печати, изданныхъ первыми пятью россійскими патріархами. «Братское Слово», 1875.—*Іеромонахъ Филаретъ*. Чинъ литургіи св. Іоанна Златоуста, по изложенію старопечатныхъ и древле-писанныхъ служебниковъ. М. 1876.—*Н. Ѳ. Каптеревъ*. Арсеній Грекъ. «Чтен. въ Общ. Люб. Дух. Пр.» 1881, № 7.—*В. Колосовъ*. Старецъ Арсеній Грекъ. «Ж. М. Н. Пр.» 1881, № 9.—*Сильвестръ Невѣдевъ*. Извѣстіе истинное православнымъ и показаніе свѣтлое о новомъ правленіи въ московскомъ царствіи древнихъ книгъ. Подъ ред., съ пред. и прим. С. Бѣлокурова, въ «Чтен. Моск. Общ. Ист. и Др.», 1885, кн. IV.—*Н. И. Костомаровъ*. Церковно-историческая критика въ XVII в. «Историч. Моногр.», т. XII.—*Проф. Н. Ѳ. Каптеревъ* Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ. Т. I. Сергіевъ Посадъ. 1909.—*Макарій, еп. Тамбовскій* (впослѣдствіи митр. московскій). Исторія русскаго раскола, извѣстнаго подъ именемъ старообрядства. Изд. 2-ое. Спб. 1858.—*А. П. Щаповъ*. Русскій расколъ старообрядства, разсматриваемый въ связи съ внутреннимъ состояніемъ русской церкви и гражданственности въ XVII вѣкѣ и въ 1-ой половинѣ XVIII в. Опытъ историческаго изслѣдованія о причинахъ происхожденія и распространенія русскаго раскола. Казань. 1859. Разборы книги: *С. М. Соловьева* въ «Атенеѣ», 1859, № 8, *Бестужева-Рюмина*, въ «От. Зап.», 1859, №№ 5, 6, 11, *И. С Некрасова*, въ «Лѣт. р. лит. и древн.», т. II. кн. 4., въ «Современ.», 1859 № 9.—*В. Андреевъ*. Расколъ и его значеніе въ народной русской исторіи., Спб. 1870.—*П. Смирновъ*. Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII вѣкѣ. Спб. 1898.—*Н. Харламповичъ*. Къ вопросу о сущности русскаго раскола старообрядства. Казань. 1900.—*Н. Лавровскій*. О древне-русскихъ училищахъ. Харьковъ 1854.—*И. Забѣлинъ*. Характеръ начальнаго образо-

ванія въ до-петровское время. «Опытъ изученія русскихъ древностей и исторіи». Т. I.—*А. Соболевскій.* Образованность Московской Руси XV—XVII вв. Спб. 1892.—*Владимирскій-Будановъ.* Государство и народное образованіе въ Россіи съ XVII вѣка до учрежденія министерствъ. Спб. 1874.— *Мирковичъ.* О школахъ и просвѣщеніи въ патріаршій періодъ. «Ж. М. Н. Пр.» 1878, № 7.—*Н. Каптеревъ.* О греко-латинскихъ школахъ въ Москвѣ XVII ст., до открытія славяно-греко-россійской академіи. «Прил. къ Твор. св. Отецъ». 1889, т. IV.—*С. Смирновъ.* Исторія московской славяно-греко-россійской академіи. М. 1885.—*П. Милюковъ.* Очерки по исторіи русской культуры. Ч. II. Церковь и школа. Послѣднее изданіе. Спб.—О театрѣ см. въ библіографіи четвертаго періода.—*А. Архангельскій.* XVII в. въ исторіи русской литературы. Спб. 1884.—*Н. Субботинъ.* Матеріалы для исторіи раскола за первое время его существованія, изд. братствомъ св. Петра Митрополита Т. I—VIII (въ IV, V и VIII тт.: Историко-и догматико-полемическія сочиненія первыхъ расколоучителей).—*А. К. Бороздинъ.* Протопопъ Аввакумъ. Изд. 2-ое. Спб. 1900. Отзывы о первомъ изданіи, 1898 г., *А. Н. Пыпина,* въ «Вѣстн. Евр.», 1898, № 6, *П. С. Смирнова,* въ «Ж. М. Н. Пр.» 1899, № 1.—*В. А. Мякотинъ.* Протопопъ Аввакумъ, его жизнь и дѣятельность. Спб. 1893 и въ Сбор. статей: «Очерки изъ исторіи общества», Спб. 1902.—*В. Н. Перетцъ.* Слухи и толки о патріархѣ Никонѣ въ литературной обработкѣ писателей XVII—XVIII вв. «Изв. II Отд. Ак. Н.» 1900, т. V, кн. 1. (и во II т. «Историко-литер. изсл. и матер.» Спб. 1900).—*А. Горскій* и *К. Невоструевъ.* Опис. слав. рук. моск. Синод. библіотеки. Отд. II, ч. 3, № 247 (Объ Епифаніи Славинецкомъ).—*В. Пѣвницкій.* Епифаній Славинецкій, одинъ изъ главныхъ дѣятелей духовной литературы въ XVII вѣкѣ. «Тр. Кіев. Дух. Ак.» 1861, №№ 8—10.—*И. Ротаръ.* Епифаній Славинецкій, литературный дѣятель XVII вѣка. Кіевъ. 1901. Разборъ *С. Н. Браиловскаго,* въ «Изв. II отд. Ак. Н.» 1901, т. VI, кн. 2.—*С. Браиловскій.* Филологическіе труды Епифанія Славинецкаго. «Рус. Фил. Вѣстн.» 1890, т. XXIII.—*С. Браиловскій.* Замѣтка о греко-словено-латинскомъ словарѣ Епифанія Славинецкаго. «Рус. Фил. Вѣст.» 1890, т. XXIV.—*В. Пѣвницкій.* Симеонъ Полоцкій. «Прав. Обозр.» 1860. №№ 10—11—*Л. Н. Майковъ* Симеонъ Полоцкій. Очерки изъ исторіи русской литературы XVII—XVIII стол. Спб. 1889.—*В. Поповъ,* Симеонъ Полоцкій, какъ проповѣдникъ. М. 1886.—*Іероѳей Татарскій.* Семеонъ Полоцкій, его жизнь и дѣятельность. Опытъ изслѣдованія изъ исторіи просвѣщенія и внутренней церковной жизни во вторую половину XVII вѣка. М. 1886.—*А. И. Соболевскій.* Изъ исторіи русской литературы XVII вѣка) по вопросу о началѣ литературнаго стихотворства въ Московской Руси) «Библіографъ» 1891, №№ 3—4.—*Л. Майковъ.* О началѣ русскихъ виршъ. «Ж. М. Н. Пр.» 1891, № 6.—*В. Перетцъ.* Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы (начало искусственной поэзіи въ Россіи). Т. I, ч. 1. Спб. 1900.—Св. Димитрій Ростовскій. М. 1849 (предполагаютъ, что это—работа студентовъ моск. духовн. акад., редактированная А. В. Горскимъ).—*Сильвестръ Медвѣдевъ.* Извѣстіе истинное православнымъ и показаніе свѣтлое о новомъ правленіи въ московскомъ царствіи книгъ древнихъ. И чего ради оно начася, и како и съ коихъ книгъ правити на соборѣхъ постановиша, и съ оныхъ ли правиша. И чесо ради частое въ новоисправ-

ныхъ книгахъ сотворися премѣненіе, и тѣмъ народъ возмутися, и многообразныя разности въ вѣрѣ явишася, и мнози людіе погибоша и погибаютъ. И краткое изъявленіе о нововыѣзжихъ иноземцехъ и ихъ о неправомъ о пресуществленіи и лестномъ на смущеніе правовѣрныхъ писаніи. Написася въ царствующемъ градѣ Москвѣ Спасскаго монастыря, иже за иконнымъ рядомъ, строителемъ, а печатнаго двора справщикомъ монахомъ Сильвестромъ Медвѣдевымъ лѣта 7197-го мѣсяца септеврія. Изд. съ биограф. предисл. С. Бѣлокуровымъ, въ «Чтен М. Общ. Ист. и Др., 1885, кн. IV.—*И. Козловскій*. Сильвестръ Медвѣдевъ. Очеркъ изъ исторіи русскаго просвѣщенія и общественной жизни въ концѣ XVII вѣка. Кіевъ. 1894. Разборъ *В. Сиповскаго*, въ «Ж. М. Н. Пр.», 1895, № 7.—*А. Прозоровскій*. Сильвестръ Медвѣдевъ, его жизнь и дѣятельность. Опытъ церковно-историческаго изслѣдованія. М. 1897. Разборъ *С. Н. Браиловскаго*, въ «Ж. М. Н. Пр.», 1897, № 10—*А. Н. Пыпинъ*. Сильвестръ Медвѣдевъ по новымъ изслѣдованіямъ (о книгахъ Козловскаго и Прозоровскаго). «В. Е.», 1897, № 11.—*С. Бѣлокуровъ*. Сильвестръ Медвѣдевъ объ исправленіи богослужебныхъ книгъ при патріархахъ Никонѣ и Іосифѣ. «Хр. Чт.» 1885, № 6.—*А. Смѣловскій*. Бр. Лихуды и направленіе теоріи словесности въ ихъ школѣ. «Ж. М. Н. Пр.» 1845, т. XLV.—*І. Образцовъ*. Братья Лихуды. Эпизоды изъ исторіи русскаго просвѣщенія въ концѣ XVII ст. «Ж. М. Н. Пр.» 1867, № 9.—*С. Любимовъ*. Борьба между представителями великорусскаго и малорусскаго направленія въ Великороссіи въ концѣ XVII и началѣ XVIII в. «Ж. М. Н. Пр.» 1875, №№ 8, 9.—*И. Шляпкинъ*. Къ исторіи полемики между московскими и малорусскими учеными въ концѣ XVII вѣка. «Ж. М. Н. Пр.» 1885, № 10.—*А. Пыпинъ*. Послѣднія времена Московской Руси. Сильвестръ Медвѣдевъ и латинская часть. «В. Е.» 1894, № 11.—*В. Ундольскій*. Сильвестръ Медвѣдевъ, отецъ славяно-русской библіографіи. «Чт. Моск. Общ. Ист. и Др.» 1846, кн. 3.—*И. А. Шляпкинъ*. Св. Дмитрій Ростовскій и его время (1651—1709). Спб. 1891. Разборъ *А. Незеленова*, въ «Ж. М. Н. Пр.» 1891, № 5.—*М. С. Поповъ*. Святитель Димитрій Ростовскій и его труды. Спб. 1910.—*Н. Костомаровъ*. Епифаній Славинецкій, Симеонъ Полоцкій и ихъ преемники. «Рус. ист. въ жизнеоп.», в. V.—*А. И. Маркевичъ*. Григорій Карповичъ Котошихинъ и его сочиненіе о Московскомъ государствѣ въ половинѣ XVII вѣка. Одесса. 1895.—*Арс. Маркевичъ*. Юрій Крижаничъ и его литературная дѣятельность. Варшава. 1876. Отзывъ *А. Г. Брикнера*, въ «Древн. и Нов. Рос.» 1876, № 12.—*А. Г. Брикнеръ*. Юрій Крижаничъ. «Рус. Вѣстн.» 1887, №№ 6—7.—*Барсуковъ*. Всероссійскій патріархъ Іоакимъ Савеловъ. Спб. 1890.—*Свящ. П. Смирновъ*. Іоакимъ, патріархъ московскій. М. 1881.—*С. Ѳ. Платоновъ* и *В. В. Майковъ*. Ѳедора Грибоѣдова Исторія о царяхъ и великихъ князьяхъ земли Русской. «Пам. Др. Письм.» CXXI. Спб. 1896.—*А. Н. Пыпинъ*. Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ. Спб. 1857.—*В. Сиповскій*. Русскія повѣсти XVII—XVIII вв. Спб. 1905.—«Сказаніе о хранительномъ быліи еже есть табацѣ», «Повѣсть о Хмелѣ», Повѣсть о Соломоніи—въ «Памяти. ст. р. лит.», т. II.—*П. К. Симони*. Памятники стариннаго русскаго языка и словесности XV—XVIII столѣтій. В. VII, 1. Повѣсть о горѣ и злосчастіи. Спб. 1907.—*Ѳ. И. Буслаевъ*. Повѣсть о Горѣ-Злосчастіи.

«Истор. Оч.», т. I.—*В. Розовъ.* Повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ. «Кіев. Унив. Изв.» 1905, № 3.—*Е. В. Пѣтуховъ.* Очерки изъ литературной исторіи Синодика. Спб. 1895. Разборъ *А. Соболевскаго,* въ «Ж. М. Н. Пр.» 1895, № 7.

---

323. Общій взглядъ на исторію древней русской литературы. Исторія древней русской литературы распадается на пять періодовъ, тѣсно связанныхъ между собою. Каждый періодъ имѣетъ свои особенности. Русское идейно-литературное творчество, почти безъ перерыва, развивается и въ формахъ, и въ содержаніи, представляя отраженіе внутренняго развитія Руси первоначально подъ вліяніемъ Византіи, впослѣдствіи—подъ вліяніемъ западной Европы. Иниціатива въ идейно-литературномъ творчествѣ принадлежитъ аристократіи, сначала высшей, крупной, потомъ средней и мелкой. За аристократіей идутъ низшіе классы, сначала городскіе, потомъ сельскіе, представители которыхъ заимствуютъ у аристократіи вырабатываемыя ею міровоззрѣнія и литературныя формы и перерабатываютъ эти міровоззрѣнія на демократическихъ началахъ. Важное значеніе въ русскомъ идейно-литературномъ творчествѣ принадлежитъ иноземцамъ—грекамъ, славянамъ и западнымъ европейцамъ, вносившимъ въ русское общественное сознаніе элементы болѣе высокой культуры и болѣе развитой мысли.

Первый періодъ (отъ IX в. до половины XIII в.) находится въ связи съ культурой великаго воднаго пути; центромъ этой культуры былъ Кіевъ. Въ этомъ періодѣ аристократія при содѣйствіи городской демократіи положила начало національному міровоззрѣнію на византійско-болгарской основѣ и сдѣлала его при посредствѣ цѣлаго ряда выдающихся литературныхъ произведеній—словъ, поученій, сказаній, лѣтописей и т. д.—достояніемъ всѣхъ мѣстныхъ центровъ. Въ то же время профессіональный классъ пѣвцовъ-поэтовъ, выдѣлившійся изъ аристократіи, выработалъ особую лиро-эпическую форму устнаго творчества—старину, былину и создалъ обширный репертуаръ пѣсенъ, въ которыхъ отразились дѣянія аристократіи.

Второй періодъ (отъ половины XIII в. до XVI в.) находится въ связи съ двумя культурами—новгородско-псковской и окско-волжской. Въ этомъ періодѣ была создана обширная мѣстная литература, письменная и устная, основы которой были заложены уже въ предшествующемъ періодѣ. Въ ней

отразились стремленія и интересы мѣстныхъ центровъ. Городская псковско-новгородская демократія вырабатываетъ свое міровоззрѣніе, проникнутое глубокимъ отрицаніемъ міровоззрѣнія господствовавшихъ классовъ. Въ Москвѣ зарождается идея о московскомъ царствѣ. Церковь въ лицѣ окско-волжскаго монашества создаетъ два направленія: иноки боярскаго происхожденія вырабатываютъ начало внутренняго совершенствованія; иноки дворянскаго происхожденія противопоставляютъ этому началу начало внѣшняго аскетизма и благочестія. При дворѣ митрополитовъ издается рядъ общерусскихъ лѣтописныхъ сводовъ. Въ средѣ аристократіи, свѣтской и духовной, вырабатывается духовный стихъ, особый видъ устнаго лиро-эпическаго церковнаго творчества.

Третій періодъ (отъ XVI в. до половины XVII в.) находится въ связи съ развитіемъ московской культуры. Въ процессѣ борьбы дворянства съ низшими классами и боярствомъ, съ жидовствующими и съ заволжцами, вырабатывается національное московское міровоззрѣніе, берущее перевѣсъ надъ другими міровоззрѣніями. Борьба порождаетъ обширную литературу, касающуюся вопросовъ о религіозныхъ началахъ, объ еретикахъ, о монастырскомъ землевладѣніи, о московскомъ царствѣ, о самодержавіи. Продолжается въ высшихъ классахъ устное творчество.

Четвертый періодъ (XVI—XVII вв.) находится въ связи съ развитіемъ Юго-западной Руси. Подъ вліяніемъ Польши, Юго-западная Русь усваиваетъ средневѣковую схоластику для веденія борьбы за православіе и создаетъ среднюю и высшую школу. Средній и низшій классы, рѣже аристократія, выдвигаютъ изъ своей среды цѣлый рядъ писателей, создавшихъ обширную учебную, богословскую, ораторскую и полемическую литературу. Въ Юго-западной Руси кладется начало драмѣ и литературному стиху.

Пятый періодъ (вторая половина XVII в.) находится въ связи съ развитіемъ Московской Руси во второй половинѣ XVII в. Это—періодъ вліянія южно-русскаго просвѣщенія на Москву. Борьба партій, начиная съ западнической и кончая національно-русской, благопріятствуетъ распространенію въ Москвѣ южно-русскаго просвѣщенія и къ концу XVII в. даетъ ему перевѣсъ надъ другими вліяніями. Въ этомъ періодѣ создается обширная письменная и печатная литература, въ кото-

рой главное участіе принадлежитъ южно-русскимъ выходцамъ и ихъ ученикамъ. Въ то же время совершается процессъ перехода міровоззрѣній и идейно-литературныхъ произведеній изъ среды правящихъ классовъ—въ простонародную. Гоненіе, поднятое правительствомъ на профессіональныхъ пѣвцовъ-поэтовъ (скомороховъ), заставляетъ ихъ бѣжать въ окраинную простонародную среду, куда они заносятъ аристократическій свѣтскій эпосъ; здѣсь этотъ эпосъ постепенно пріобрѣтаетъ крестьянско-демократическую окраску. Сюда же, въ простонародную среду, постепенно заносится каликами и церковный аристократическій эпосъ—духовные стихи, гдѣ подвергается аналогичному воздѣйствію со стороны крестьянской среды. Другое гоненіе, поднятое правительствомъ на посадско-крестьянскую духовную интеллигенцію, усвоившую созданное дворянствомъ московкое національное міровоззрѣніе, заставляетъ ея представителей бѣжать въ ту же простонародную среду, куда она заноситъ свое міровоззрѣніе и соотвѣтствующую ему письменность („расколъ"), Параллельно съ этимъ въ посадско-крестьянской средѣ создаются устныя произведенія разнообразныхъ формъ, въ которыхъ по преимуществу разрабатываются вопросы о долѣ, о богатствѣ и бѣдности, о правдѣ и кривдѣ, и нѣкоторыя повѣсти, въ которыхъ отражаются формировавшееся самосознаніе этой среды.

Родословныя таблицы.

1. Московскіе Мономаховичи.

- Александръ Невскій 1252—1263
  - Даніилъ † 1303
    - Юрій † 1325
    - Иванъ Калита 1328—1340
      - Симеонъ Гордый 1340—1353
      - Іоаннъ II 1353—1359
        - Дмитрій Донской 1363—1389
          - Василій I 1389—1425
            - Василій II Темный 1425—1462
              - Іоаннъ III 1462—1505
                - Василій III 1505—1533
                - Іоаннъ IV Грозный 1533—1584
                - Ѳеодоръ 1584—1598
          - Юрій Галичскій † 1434
            - Василій Косой † 1448
            - Дмитрій Шемяка

2. Царствованія Смутной эпохи.

1) Борисъ Годуновъ 1598—1605
2) Лжедимитрій 1605—1606
3) Василій Ивановичъ Шуйскій 1606—1610

3. Династія Романовыхъ.

- Михаилъ Ѳедоровичъ 1613—1645
  - Алексѣй 1645—1676
    - Ѳеодоръ 1676—1682
    - Софья 1682—1689
    - Іоаннъ V † 1696
    - Петръ Великій 1682—1725

ОПЕЧАТКИ, НЕДОСМОТРЫ И ПРОПУСКИ.

Стран.	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
43	14 сн.	новгородской партіи	новгородскихъ партій
74	6 св.	свободныхъ	свободныхъ, полусвободныхъ
124	9 сн.	ихъ	его
218	9 сн.	аллилуіи	аллилуіи
249	17 сн.	дьякъ,	дьякъ-суздалецъ,
281	10 св.	Васко-де-Гаммой	Васко-де-Гамой
331	16 св.	Кузьма	Козьма
351	16 св.	труды	трудъ
384	12 св.	работы,	работы“,
386	8 сн.	монахъ	монахъ
389	8 св.	дѣланія	дѣланія“
397	6 сн.	муринъ“	„муринъ“
445	13 сн.	четвортая	четвертая
447	18 св.	пѣніе	чтеніе
450	4 сн.	образована	образованна
452	между 4—5 сн.	*прибавить:*	Это—*пятая* ступень въ развитіи духовнаго стиха.
458	4 св.	понедѣльникъ	сыропустную недѣлю, наканунѣ понедѣльника
466	3 св.	а въ—ней	а въ ней—
509	18—19 св.	Гоморы	Гоморры
535	16 сн.	1882	1881
„	1 сн.	Прыжавъ	Прыжовъ
552	13 сн.	(В. 1-ый, § 103)	(кн. 1-ая, § 123)
553	11 сн.	1442	1492
576	1 св.	прочіи	прочіе
581	11 св.	антината	антипата
586	2 св.	три года	пять лѣтъ
593	5 св.	вызоетъ	вызоветъ
630	16 сн.	оетечскія	отеческія
647	8 сн.	связана	связан
653	17 св.	вевредимымъ	невредимымъ
671	7 св.	съ яростью“	„съ яростью“
680	7 св.	Коломенскій и Кашинскій	Коломенскій и Каширскій
721	1 сн.	посмертные	посмертныя
736	18 св.	стала	стало
751	7 сн.	слуцкое	луцкое
753	6 сн.	1646	1649
830	2—3 сн.	Объ Іоаннѣ Вишенскомъ	Іоаннъ Вишенскій.
831	10 сн.	1910	1911
869	17 сн.	(1655,	(1656,
904	10 сн.	(леденѣли)	(заболѣвали)

ОПЕЧАТКИ, НЕДОСМОТРЫ И ПРОПУСКИ ВЪ 1-й КНИГѢ.

Стран.	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
154	3 сн.	К. Симони	П. К. Симони
209	18 сн.	моето	моего
238	14 св.	указаны	указанныхъ
275	4 св.	кодексъ	индексъ
536	5 сн.	пріѣзжать	пріѣзжаетъ
541	13 сн.	кафтанъ	сафьянъ
556	8 св.	*прибавить:*	*А. М. Лобода.* Быливы о сватовствѣ. Кіевъ. 1904.
672	21 св.	отдыха	страха
675	12 св.	на пасхальной заутрени	въ страстную субботу
682	4 сн.	время	времени
703	5 сн.	1185	1186
705	10 св.	1185	1186
„	14 св.	1185	1186
761	1 сн.	689	989
763	19 св.	*въ-третьихъ*	*въ-четвертыхъ*
„	5 сн.	*въ-четвертыхъ*	*въ-пятыхъ*
764	3 св.	*въ-пятыхъ*	*въ-шестыхъ*

BINDING SECT. MAR - 7 1969

PG
2950
K4
ch.1
kn.2

Keltuiâla, Vasilii Afans'evich
Kurs istorii russkoĭ literatury

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY